

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929204 9

100

100

100
Bicentennial

**БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ ЧТЕНІЯ.
LXXXVII.**

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ и МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τί αἰσχρὸν, τοῦς στίβους μὴ δοῦναι παρὶ
ἑμοῦ τὰ δίπλα μῆτε γυναικί μῆτε ποσειδῶσι. Ὁρῶ
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν των προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν ταῖς ἐπιπυρροίαις οὐχ ὁμοίαν κατασκευάσθαι τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ των ἀδικηθέντων.*

Ἦσρατ. apud Xenophont. π, 8, 2.

=

ТОМЪ ОСЕМЬДЕСЯТЬ-СЕДЬМОЙ.

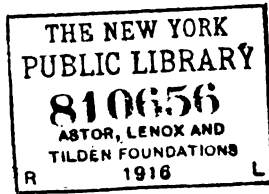
=

1947

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА КРАЙЯ.

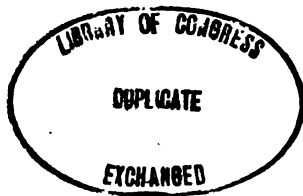
1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1 марта 1848.

Ценсоръ А. Никитенко.
Ценсоръ Н. Срезневскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОСЕМЬДЕСЯТЬ-СЕДЬМАГО ТОМА.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Изъ Ювенала. <i>А. Григорьева</i>	5
Негодование. <i>Н. Федотова</i>	7
Воспоминаніе Фаддея Булгарина. Часть четвертая.	9
Грустная повѣсть съ веселымъ концомъ. <i>Сергѣя Дурова</i>	59
Воспоминаніе Фаддея Булгарина. Часть четвертая.	87

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Донъ-Карлосъ, инфантъ испанскій. Драматическое стихотвореніе Шиллера. <i>М. Достоевскаго</i> . Актъ третій.	1

✓	Достоверное повествование о рождении, жизни и подвигах сіятельнаго господина, сеньора графа Донъ-Хуанъ-Родригесъ Теноріо-де Мараны, прославившагося во всей вселенной и въ другихъ мѣстахъ подъ именемъ Донъ-Жуана. Писалъ Фелисьенъ Мальвиль. Книга первая <i>В. Дерикера</i>	33
✓	Донъ-Карлосъ, инфантъ испанскій. Драматическое стихотвореніе Шиллера. <i>М. Достоевскаго</i> . Актъ четвертый.	81
✓	Кларисса, или исторія о юной барышнѣ, /содержащая въ себѣ разныя важнѣйшія дѣла частной жизни, съ особеннымъ указаніемъ на бѣдствія, могущія произойти отъ дурнаго образа дѣйствования родителей и дѣтей въ отношеніи къ браку. Сочиненіе автора «Памелы», въ семи томахъ. Лондонъ, 1748. Часть первая.	137

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Впечатлѣнія и воспоминавія покойника. Статья третья.	1
Семейная жизнь Римлянъ при Августѣ и Грековъ при Периклѣ. Статья вторая.	95
Основные понятія о музыкѣ какъ въ искусствѣ, необходимыя для всякаго желающаго судить объ ея произведеніяхъ. Статья третья.	69
Впечатлѣнія и воспоминавія покойника. Статья четвертая.	111
Семейная жизнь Римлянъ при Августѣ и Грековъ при Периклѣ. <i>П. Ольгина</i> . Статья третья.	127
Царицынъ и Дубовскій посадъ. <i>А. Терещенко</i>	149

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Устройство лѣсовъ частныхъ владѣльцевъ. Статья третья.	1
Металлы и металлическія издѣлія. Статья первая. <i>Г. Небольсина</i>	1
Тоже. — Статья вторая и послѣдняя.	43
Устройство лѣсовъ частныхъ владѣльцевъ. Статья четвертая и послѣдняя. <i>Н. Шелгунова</i>	67

V.

КРИТИКА.

Знаціе по предметамъ звѣздной астрономіи, Млечнаго Пути и отдаленности неподвижныхъ звѣздъ. Ф. Струве, директора Центральной Пулковской Обсерваторіи. Санктпетербургъ, 1847.	1
Свѣдѣнія о холерѣ въ Россіи, составленныя докторомъ Маркусомъ, председателемъ медицинскаго совѣта и издавныя отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Санктпетербургъ, 1847.	31

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОНИСЬ.

Мартъ, 1848. Новыя книги и брошюры.	1
— — Разныя извѣстія.	25
Апрѣль, 1848. Новыя книги и брошюры.	27
— — Разныя извѣстія.	35

VII.

С М Ъ С Ъ.

МАРТЪ.

Плоды астрономическихъ наблюденій сэръ Джона Гершеля на Мысъ Доброй-Надежды.	1
Метеорологическія изслѣдованія посредствомъ электрическихъ телеграфовъ.	7
Анатомія и физиологія комара.	9
Желѣзные трубообразные мосты.	
Паровыя машины съ вращательнымъ движеніемъ.	11
Англинцутскіе паровозы.	12
Счастливейшій вечеръ въ жизни великаго виртуоза.	13
Зимній садъ въ Парижѣ.	14
Новый аэростатъ и новая движущая сила. Изобрѣтеніе господина Тиббъ.	15
Біографія Абдель Кадера.	16
Мендельсонъ-Бартольди.	20

Виконтъ де-Бражлонъ. Романъ Александра Дюма. Часть третья.	38
Французскій театръ въ Парижѣ	85
Музыкальныя новости.	92
Новыя французскія книги	115
Нѣмецкія.	118
Моды.	126

А П Р Е Л Ъ .

Хлороформъ и новый составъ того же свойства.	129
Замѣчаніе о чумѣ.	130
Убыль металла на рельсахъ при ѣздѣ по желѣзнымъ дорогамъ.	131
Анататическая печать.	131
Стирка бѣлья и бѣленіе полотень холоднымъ путемъ. Способъ господина Сандмена.	132
Средство исправлять кислыя сливки.	133
Гнѣздостроеніе у рыбъ.	133
Архитектурная смышленость раковинныхъ животныхъ.	136
Психологическія и грамматическія наблюденія надъ умственнымъ развитіемъ глухо-нѣмыхъ слѣпыхъ.	139
✓ Любовная переписка одного знаменитаго писателя.	153
Французскій театръ въ Парижѣ.	191
Музыкальныя новости.	195
Новыя французскія книги.	214
Новыя музыкальныя сочиненія.	216
Моды.	220

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

—
I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ИЗЪ ЮВЕНАЛА.

—

Великолѣпный градъ, пускай тебя иной
Привѣтствуетъ съ надеждой и любовью,
Кому не обнаженъ скелетъ печальный твой,
Чье сердце ты еще не облилъ кровью,
И страшнымъ холодомъ не могъ обдать,
И не сковалъ уста тяжелой думой,
И ранней старости не положилъ печать
На блѣдный ликъ, суровый и угрюмой.

Пускай надъ Тибромъ онъ душею молодой
 Мечтаетъ о судьбѣ какъ Тибръ широкой,
 И въ ночь прозрачную, любуясь тобой,
 Дремотою смежить боится око,
 И длинный столбъ луны на зыби волнъ слѣдитъ,
 И очи шлетъ къ невѣдомымъ палатамъ,
 Еще дивясь тебѣ, закованный въ гранитъ
 Гигантъ, большой гнѣвнемъ и развратомъ.

Пускай по форумамъ и портикамъ твоимъ
 Бродя безъ цѣли, съ вѣчнымъ изумленьемъ,
 Еще на многихъ онъ, встрѣчающихся съ нимъ,
 Подъемлетъ взоръ съ нѣмымъ благоговѣньемъ
 И видѣть думаетъ избранныхъ боговъ,
 Свѣтилъ и главъ младаго поколѣнья,
 Пока лицомъ къ лицу не узритъ въ нихъ глупцовъ
 Или рабовъ корысти, униженья.

Пускай томительнымъ сѣдаемымъ огнемъ,
 Подъ ризою нѣмой, волшебной ночи
 Готовъ повѣрить онъ, съ притворствомъ не знакомъ,
 Въ зовущія увлажненные очи,
 Готовъ еще страдать о падшей красотѣ
 Искать въ ея объятыхъ наслажденья,
 Пока во всей его позорной наготѣ
 Не узритъ онъ недуга истощенья.

Но я.... я чуждъ тебѣ, великолѣпный градъ.
 Ни тихихъ слезъ, ни бѣшенаго смѣха,
 Не вырветъ у меня ни твой больной развратъ,
 Ни надъ святыней жалкая потѣха.
 Тебѣ уже ни чѣмъ не удивить меня, —
 Ни гордостью дешеваго безвѣрья,
 Ни коловратностью безмысленнаго дня,
 Ни бесполезной маской лицемѣрья.

Увы! столь многое прошло передо мной,
 До слезъ, до слезъ отраданія смѣшное,
 И не одинъ порывъ возвышенно святой,
 И не одно великое земное

Судьба передо мной не яхру фареса,
И не одинъ могиль избранныхъ вѣс,
И не одна душа за деньги продала,
Свою святыню—гордость человека;

И не одинъ изъ тѣхъ, когда-то молодыхъ силъ,
Искавшихъ жадно лучшаго когда-то,
Благоразумно брелъ жемчужку разумья
Или погибъ добычею разврата,
А многіе изъ нихъ на вѣки отреклись
Отъ всѣхъ надеждъ безумныхъ и опасныхъ,
Спокойно въ чьи-нибудь клеветы продались
И за людей сльвуть—себѣ прекрасныхъ!

Любуясь жъ юноша, на пышный, гордый градъ,
Стремись къ нему съ надеждой и любовью,
Пока еще тебя не истощилъ развратъ,
Иль гнѣвъ твое не облилъ сердце кровью,
Пока еще тебѣ въ божественныхъ лучахъ,
Сіяетъ все великое земное,
Пока еще тебѣ невѣдомъ низкій страхъ,
Иль истощенье, жадное покоя.

А. ГРИГОРЬЕВЪ.

=

НЕГОДОВАНИЕ.

—

Довольно! я тебя любилъ,
Любилъ безумно всей душою....
Довольно! я сказалъ: сгубилъ
Ужъ я всю жизнь свою тоскою....
Не стоишь ты любви моей,
Не стоишь пылкаго стремленья.
Но я желалъ передъ тобой
Излить послѣднія мученья,

Жедалъ хоть сердце облегчить
Проклятемъ первому свиданью,
Упреками тебѣ и бранью
Огонь печали угасить....
Я полагалъ съ тобой проститься,
И навсегда въ послѣдній разъ.
Пошелъ и вижу въ тотъ же часъ,
Что намъ нельзя... не помириться.

Н. БЕДОТОВЪ.

==

ВОСПОМИНАНІЯ

ОАДДЕЯ ВУЛГАРНА.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

=

Происхождение фамилии Радзивилловъ, одной изъ древнѣйшихъ литовскихъ туземныхъ фамилій, теряется въ баснословной исторіи Литвы. Первоначальное прозваніе этой фамилии было Лиздейко, и она была въ родствѣ съ первыми князьями литовскими. Радзивиллами стали Лиздейки называться уже по принятіи Литвою христіанской вѣры. Первыхъ Радзивилловъ находимъ въ актахъ 1401 года. Радзивиллъ было собственное имя одного Лиздейки, сына Войштунда. Княжеское достоинство фамилія Радзивилловъ получила отъ римскаго (то есть нѣмецкаго) императора Максимилиана, на аугсбургскомъ сеймѣ, который прислалъ дипломъ знаменитому Николаю Радзивиллу, съ особымъ посломъ, въ 1518 году. Отъ древнѣйшихъ временъ до половины осьмнадцатаго вѣка, несвижская линія непрерывно умножала огромныя свои богатства, то староствами, получаемыми за заслуги оте-

* Николай Радзивиллъ получилъ званіе князя Гоніондзкаго и Медельскаго. По просьбѣ польскаго короля Сигизмунда Августа I, женатаго на Варварѣ Радзивилловой, Императоръ Карлъ Пятый пожаловалъ княжеское достоинство биржанской линіи, въ 1549 году. Биржанская линія приняла потомъ прозваніе несвижской.

честву, то покупкою недвижимыхъ имѣній, то наслѣдствами послѣ владѣтельныхъ особъ и знатнѣйшихъ въ Польшѣ и Литвѣ фамилій. Несвижская линія обладала двумя огромнѣйшими маіоратами: несвижскимъ въ Литвѣ и олыкскимъ въ Волыніи, имѣла недвижимыя имѣнія во всей Польшѣ, и кромѣ того, въ половинѣ осьмнадцатаго вѣка получила въ наслѣдство княжество Слуцкое, со всѣми феодалными правами и привилегіями, которымъ владѣли долгое время, извѣстные въ русской исторіи, князья Олельковичи, изъ рода Ягелловъ. Янушъ Радзивиллъ, послѣ междоусобной войны съ Ходкевичами, женился на послѣдней въ родѣ изъ князей Олельковичей, княжнѣ Софѣѣ, въ царствованіе Сигизмунда-Третьяго. Сынъ Януша не имѣлъ наслѣдниковъ мужескаго пола. Единственная дочь его, Каролина, сперва вышла замужъ за принца Георга Брауншвейскаго, а послѣ за извѣстнаго въ исторіи осьмнадцатаго вѣка Карла Филиппа князя Нейбургскаго, пфальцграфа Рейнскаго, которому и досталось все имѣніе Януша Радзивилла, съ княжествомъ Слуцкимъ. Князь Іеронимъ Флоріанъ Радзивиллъ, котораго мать имѣла въ закладъ это княжество, за дачныя ею въ займы суммы княгинѣ Нейбургской, приобрѣлъ княжество въ потомственное владѣніе, и умеръ бездѣтный (въ 1760 году), а княжество, съ другими его вотчинами, перешло къ брату его, Михаилу, великому гетману литовскому, другу польскаго короля Августа-Третьяго и противнику Станислава Лемчинскаго.

Князя Михаилъ Радзивиллъ, великій гетманъ литовскій, былъ дважды женатъ. Отъ первой жены, Урсули Вишневецкой, имѣлъ сына Карла (прозваннаго panie kochanki) и двѣ дочери. Старшая дочь вышла за мужъ за Ржевусскаго и была матерью графа Адама Станиславовича Ржевусскаго, сенатора русскаго, о которомъ я говорилъ въ первой части. Вторую дочь, уже по смерти отца, похитилъ офицеръ на-дворнаго войска князя Радзивилла, Моравскій, и женился на ней. Отъ втораго брака князя Михаила Радзивилла съ Анною Мыщльскою, родился сынъ Іеронимъ и три дочери. Первая была замужемъ за Морикони, вторая за Чапскимъ,

* Князь Іеронимъ Радзивиллъ былъ чрезвычайно похожъ, какъ двѣ капли воды, на Императора Петра-Великаго. Князь Іеронимъ родился вскорѣ послѣ пребыванія Петра-Великаго въ Слуцкѣ, о чемъ я говорилъ въ первой части моихъ Воспоминаній. Польскіе писатели говорятъ, что, вѣроятно, мать князя Іеронима засмотрѣлась на Петра-Великаго, въ первый мѣсяцъ своей беременности.

третья сперва за Массальскимъ, потомъ за Грабовскимъ. Князь Иеронимъ женился на княжнѣ Туръ и Таксисъ (Tour et Taxis), и имѣлъ только одного сына, Доминика. Князь Карлъ (раніе kochanku) былъ женатъ два раза, но не имѣлъ дѣтей. Съ первою женою, изъ фамилии Ржевусскихъ, онъ развелся въ скоромъ времени послѣ брака; съ другою, изъ фамилии Любомирскихъ, хотѣлъ развестись, но она умерла: и такъ все наслѣдство несвижской линіи князей Радзивилловъ получилъ племянникъ князя Карла, сынъ князя Иеронима, князь Доминикъ Радзивиллъ, оставшійся по второму году отъ рожденія послѣ смерти своего отца *.

Вотъ генеалогія послѣднихъ князей Радзивилловъ, знаменитой несвижской линіи, которая, по родственнымъ связямъ съ домомъ князей Нейбургскихъ и князей Туръ и Таксисъ, была въ родствѣ или въ своячествѣ почти со всѣми владѣтельными домами въ Европѣ, и имѣла болѣе вліянія въ Литвѣ нежели польскіе короли. Три четверти литовскаго дворянства жили Радзивиллами!

Послѣдній феодалъ въ этой фамилии, князь Карлъ Радзивиллъ, прославился не только въ Польшѣ, но и въ цѣлой Европѣ своими необыкновенными приключеніями, щедростью, остроуміемъ, честностью, а притомъ странностями, страстью къ необылицамъ и не весьма нравственною жизнью. Впрочемъ, таковъ былъ вѣкъ! Развратъ въ осмнадцатомъ вѣкѣ былъ повсюду, какъ я сказалъ прежде, и богатые люди хвастали тѣмъ, чего должны были бы стыдиться.

Князь Карлъ Радзивиллъ вступилъ въ управленіе маіоратами и другими имѣніями по смерти отца своего, въ 1763 году. Около этого времени онъ имѣлъ съ вотчинъ своихъ болѣе десяти милліоновъ золотыхъ польскихъ годового дохода, и какъ я слышалъ, до трехъ-сотъ пятидесяти тысячъ душъ крѣпостныхъ крестьянъ, кромѣ множества подвластныхъ ему городовъ и мѣстечекъ, платившихъ ему подати. Онъ жилъ обыкновенно въ замкѣ своемъ, въ городѣ Несвижѣ, въ тогдашнемъ новогрудскомъ воеводствѣ (въ нынѣшней мипской губерніи). Соображаясь съ тогдашними цѣнами, не только на земныя произведенія, но и на колоніяльные товары и издѣлія иностранныхъ фабрикъ, и съ монетною системою, тогдашніе десять милліоновъ золотыхъ польскихъ можно смѣло

* Князь Иеронимъ Радзивиллъ умеръ въ 1787 году, не доживъ до тридцатилѣтняго возраста.

сравнить съ нынѣшними двадцатью милліонами рублей ассигнаціями. Замѣчу при этомъ, что многія изъ его имѣній не приносили вовсе доходу, потому что отданы были въ пожизненное владѣніе роднымъ или заслуженнымъ въ радзивилловской службѣ дворянямъ. Большая часть имѣній была въ арендѣ, за весьма дешевую цѣну, потому что отдача въ аренду означала княжескую милость. Нѣкоторые имѣнья находились въ закладѣ (zastawie), и доходами пользовались посессоры, то есть, люди, давшіе князю въ займы денежныя суммы или получившіе закладное право на извѣстную сумму, за службу свою или по милости князя. Такимъ образомъ, навѣрное, третья часть доходовъ оставалась въ чужихъ рукахъ. Князь Карлъ Радзивиллъ содержалъ сперва 6,000 человекъ надворнаго регулярнаго войска и 6,000 человекъ милиціи, въ родѣ нынѣшнихъ германскихъ ландверовъ; потомъ число всего войска уменьшилось до 8,000 человекъ. Исключая двухъ эскадроновъ уланъ, набираемыхъ изъ шляхты, пѣхота, егеря и милиція и четыре эскадрона казаковъ сформированы были изъ крѣпостныхъ людей. Артиллеристовъ всего было сто человекъ, изъ вольныхъ людей и даже иностранцевъ. На рѣкѣ Ушѣ, близъ Несвижа, былъ пороховой заводъ, а въ городѣ богатый арсеналь *. Исключая жалованья офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и вольнымъ людямъ, содержание войска не много стоило князю, потому что солдатъ кормили на квартирахъ и фуражъ доставляли изъ имѣній. Жалованье не могло быть велико, если сообразить, что еще въ мое время, весьма искусному эконому или управителю платили въ Литвѣ по сту золотыхъ польскихъ въ годъ. Теперь такой эконому не согласится служить и за пятьсотъ рублей ассигнаціями. Дворъ князя Радзивилла раздѣлялся на *высшій* и *низшій*. Высшій дворъ составляли повѣренные, старосты (то есть дворяне, управлявшіе городами), секретари для польской и иностранной корреспонденціи, маршалекъ, конюшій **, подконюшій, гардеробмейстеръ ***, библіотекаръ, бухгалтеры, ловчій, пажы и надворная свита или дворяне ****

* Пушекъ на замковомъ валу и въ арсеналѣ было болѣе пятидесяти.

** Лошадей на конюшнѣ князя было около 300.

*** По смерти князя Карла Радзивилла, продали съ публичнаго торга гардеробъ его, состоявшій изъ 300 паръ полной богатой одежды и 80 золотыхъ и серебряныхъ поясовъ.

**** При бывшемъ польскомъ королевскомъ дворѣ, дворянина (dworzanie) значилъ то же, что нынѣ камеръ-юнкеръ или, что при высокихъ сановникахъ чиновникъ для особыхъ порученій.

(dworzanie). Въ эти званія шли люди изъ весьма хорошихъ фамилій, для пріобрѣтенія покровительства князя и составленія состоянія, потому что князь награждалъ вѣрныхъ слугъ имѣньями, пенсіями или капиталами. Низшій дворъ составляли надворные гусары, гайдуки, стрѣльцы, скороходы, лакеи, повара, садовники и вся прислуга вообще. Къ низшему двору принадлежали также шестьдесятъ человекъ музыкантовъ, съ отдѣльными капельмейстерами, Нѣмцами и Италіянцами, труппы драматическихъ и оперныхъ актеровъ и пѣвицъ и труппа балетная ..

Въ Несвижѣ была высшая, такъ называемая, поіезуитская школа, въ родѣ нынѣшнихъ гимназій и основанная княземъ Карломъ Радзивилломъ артиллерійскій кадетскій корпусъ, для воспитанниковъ изъ дворянъ. Князь Карлъ Радзивиллъ содержалъ, на свой счетъ, 30 воспитанниковъ въ артиллерійскомъ корпусѣ, и всѣмъ вообще учителямъ и профессорамъ этого заведенія платилъ жалованье изъ своей кассы. Изъ этого корпуса вышло много хорошихъ офицеровъ, и два воспитанника, Соколовскій и Цыбульскій, дослужились въ русскомъ войскѣ до генеральскихъ чиновъ. Въ несвижской школѣ князь воспитывалъ также множество дворянъ на свой счетъ, и вообще много жертвовалъ въ пользу учебныхъ заведеній.

Въ Литвѣ, кромѣ магнатовъ и высшаго дворянства, никто не хотѣлъ знать и не зналъ короля, никто не помышлялъ о дѣлахъ государственныхъ. Солнце, вокругъ котораго вращалась вся литовская шляхта — это былъ князь Карлъ Радзивиллъ, а средоточіе всѣхъ надеждъ — Несвижъ. Каждый шляхтичъ, бѣдный и богатый, имѣлъ право пріѣхать, со всѣмъ своимъ семействомъ, къ обѣду, на вечеръ, на балъ или въ театръ къ князю Карлу Радзивиллу, и всѣ были принимаемы съ одинаковою вѣжливостью. Даже во время присут-

• Въ семнадцатомъ и даже въ началѣ восемнадцатаго вѣка, во всей Западной Европѣ, дворяне хорошихъ фамилій и даже достаточные начинали обыкновенно свое свѣтское поприще надворною службою у вельможъ, пользовавшихся сильнымъ вліяніемъ въ государствѣ. Служба эта не почиталась постыдною. Въ Польшѣ этотъ обычай оставался до тѣхъ поръ, пока были вельможи.

•• Когда послѣдній король польскій Станиславъ Августъ (Понятовскій) воевалъ Несвижъ, въ 1785 году, между прочими піесами даны были Моцартовъ *Донъ-Жуанъ* и славнѣйшій тогда въ Парижѣ балетъ *Орфей*. Этихъ піесъ нельзя было бы исполнить, если бъ въ труппахъ не было талантовъ. Извѣстно, что король и вся его свита были очень довольны представленіями.

ствія короля, въ Несвижѣ не было званыхъ гостей, на балы. Двери отперты были *всегда*, для каждаго дворянина, а князь Карлъ Радзивиллъ почиталъ каждаго равнымъ себѣ. Кромѣ служившихъ, въ замкѣ было множество женщинъ, даже дѣвицъ, весьма хорошихъ фамилій, которыя назывались резиденцами (то есть поживальницами), и находились или въ свитѣ сестеръ и родственницъ князя, или въ вѣдѣніи особыхъ гувернантокъ. Это были одалисски (или одалыки) князя Карла Радзивилла, составлявшія его сераль, только безъ названія. Ихъ выдавали замужъ, съ хорошимъ приданымъ, и замѣняли другими. При этомъ всегда была одна султанша или главная любовница, *maitresse en titre*. Каждый божій день, круглый годъ, былъ публичный столъ челоуѣкъ на шестьдесятъ, иногда на сто, а вечеромъ—или театральное представленіе или концертъ, а потомъ балъ. Если дамы не хотѣли танцовать, то заставляли плясать украинскихъ казачковъ и казачекъ, съ бандурами и пѣснями, или танцовщиковъ и танцовщицъ балетной труппы. Князь Карлъ Радзивиллъ весьма любилъ пушечную пальбу, стрѣльбу изъ ружей и фейерверки, и весьма часто тревожилъ, по ночамъ, свой несвижскій гарнизонъ, выводя его въ поле, для примѣрныхъ атакъ и сраженій, съ пальбою.

Князь Карлъ Радзивиллъ любилъ пирры, попойки и шумную жизнь. Только за десять лѣтъ до смерти, будучи уже слѣпымъ, отказался онъ отъ крѣпкихъ напитковъ. Можно себѣ представить, что за содомъ былъ въ несвижскомъ замкѣ, при безпрестанныхъ сѣздахъ дворянства, при множествѣ домашнихъ! Рассказываютъ чудеса о любовныхъ интригахъ, поединкахъ, количествѣ выпитаго вина и тому подобное.

Князь Карлъ Радзивиллъ былъ твердъ въ данномъ словѣ, честенъ и добродушенъ въ высшей степени, но при этомъ былъ чрезвычайно вспыльчивъ и насильственъ въ своемъ гнѣвѣ. Можно вообразить, какія случались иногда происшествія! Вспыльчивость и вино—это огонь и порохъ. Бѣда, кто попался ему въ минуту гнѣва! Но его скоро можно было успокоить. Въ молодости онъ позволялъ себѣ иногда шалости непростительныя, посѣщая, мезваный, съ шайкою окружающихъ его развратниковъ, дома, гдѣ была красавица жена или дочь. За одно такое приключеніе онъ былъ позванъ въ

* На одномъ фейерверкѣ онъ лишился глаза, а за десять лѣтъ до смерти ослѣпъ на другой глазъ.

судъ, въ 1764 году, и какъ князь Карлъ Радзивиллъ противился избранію въ короли Станислава Августа Понятовскаго и даже составлялъ противу него конфедерацію, въ Радомѣ, то преданная королю партія воспользовалась этимъ случаемъ и осудила его на лишеніе всѣхъ занимаемыхъ имъ званій, на полное изгнаніе изъ отечества и на секвестрацію всего имущества. Онъ бѣжалъ съ 200 всадниковъ своихъ въ Турцію, а послѣ того жилъ въ Дрезденѣ, на деньги, присылаемыя тайно преданными ему арендаторами. Не долго онъ оставался въ бездѣйствіи, и, пристравъ къ барской конфедераціи, которой былъ объявленъ главою, въ 1767 году, вошелъ съ торжествомъ въ Вильно, съ 2000 конной шляхты! Помирившись съ королемъ, князь Карлъ выхлопоталъ на Сеймѣ 1768 года уничтоженіе рѣшенія 1764 года, и получилъ обратно чинъ, старѣства и собственное имѣніе. Когда король присталъ къ другой конфедераціи, которой и Россія покровительствовала, князю Карлу Радзивиллу пожалованъ русскій генеральскій чинъ, и онъ съ русскими войсками вступилъ въ Варшаву. Но видя, что эта конфедерація стремится къ цѣли, противной его видамъ, князь Карлъ ушелъ тайно въ Литву, и сталъ собирать въ Несвижѣ своихъ единомышленниковъ. Русскіе напали на Несвижъ и разогнали его приверженцевъ. Послѣ этого происшествія онъ ушелъ съ сокровищами своими и значительными суммами въ Австрію. Тамъ нашелъ онъ одну искательницу приключеній, называвшуюся княжною Тарахановой, и былъ такъ легковѣренъ, что надѣялся посредствомъ ея лишити престола Императрицу Екатерину-Вторую! Кончилось тѣмъ, что князь Карлъ долженъ былъ покориться обстоятельствамъ—испросилъ прощеніе у Императрицы Екатерины-Второй, и возвратился въ Несвижъ, рѣшившись отказаться навсегда отъ всякаго участія въ политическихъ дѣлахъ. Онъ жилъ спокойно въ своихъ помѣстьяхъ, довольствуясь прованіемъ *Литовскаго Короля*, даннымъ ему по чрезвычайному его вліянію на умы шляхты литовской, которая его обожала**.

Хотя князю Карлу Радзивиллу старались дать блистательное воспитаніе, но онъ мало чему выучился, и недостатокъ

* Не, кажется, имѣлъ болѣе въ виду досадить Государынѣ прокламаціями.

** Путешествіе князя Карла Радзивилла въ Парижъ и въ Италію имѣло въ свое время много шуму. Онъ разбѣгалъ съ многочисленнымъ свитой. Въ Парижѣ свита его и лошади заняли цѣлую улицу, получавшую съ тѣхъ поръ названіе *quai Radzivil*.

познаній прикрывалъ своимъ остроуміемъ. Чтенія онъ не любилъ, и когда повѣренные и секретари подавали ему бумаги къ подписанію, онъ часто повторялъ: «чортъ бы взялъ того, кто меня научилъ писать!»—Страсть его была, какъ я уже упоминалъ, рассказывать о себѣ небылицы. Это была его поэзія. Напримѣръ, онъ говорилъ, что въ одномъ морскомъ путешествіи, поймалъ Сирену, влюбился въ нее и женился. Она родила ему пять бочекъ сельдей—и ушла въ море!—Рассказывалъ онъ, что купаясь въ Нѣманѣ, поймалъ руками огромнаго лосося, и не могши его удержатъ, съѣлъ на него верхомъ, проплылъ на немъ двадцать миль до мѣстечка Свѣржия, и возвратился въ Несвижъ пѣшкомъ, въ то самое время, когда по немъ служили паннихиду. Онъ увѣрялъ, что однажды на охотѣ, увидѣвъ двухъ дикихъ кабановъ, бѣгущихъ одинъ за другимъ, выстрѣлилъ въ нихъ. Одинъ кабанъ побѣжалъ, а другой осталася на мѣстѣ. Князь быстро подбѣжалъ къ нему и увидѣлъ, что кабанъ этотъ слѣпъ и держитъ въ зубахъ отстрѣленный хвостъ другаго кабана, своего вожатаго. Князь привязалъ снурокъ къ хвосту и привелъ, такимъ образомъ, домой живаго кабана! Чтобъ нравиться ему, окружающіе должны были представляться вѣрющими его вымысламъ. Рассказывали, что онъ былъ весьма суевѣренъ, боялся чертей и мертвецовъ, и что въ его спальнѣ должны были всегда бодрствовать, всю ночь, два лакея. Вотъ анекдотъ, которымъ доказывали, какъ онъ вѣрилъ мертвецамъ и какъ боялся ихъ*.

По одной сторонѣ каедральнаго католическаго костела, въ Несвижѣ, находится колокольня, а по другой часовня (kaplica), называемая Булгаряшовскою. Здѣсь лежитъ прахъ дѣда моего, Булгарина, вотчинника Грицевичъ, который, какъ я уже сказалъ, убилъ, въ пограничномъ спорѣ, помѣщика Узловскаго**. Раскаившись въ этомъ проступкѣ, до котораго довела его врожденная ему пылкость и вспыльчивость, дѣдъ мой выстроилъ эту часовню, и сдѣлалъ вкладъ въ церковь, съ тѣмъ, чтобъ его похоронили въ часовнѣ и

* Анекдотъ этотъ напечатанъ въ польскомъ журналѣ *Athenium*, издаваемомъ однимъ изъ первыхъ польскихъ литераторовъ, Крашевскимъ. См. 1845 годъ, отдѣленіе V, тетрадь VI, стр. 215-217.—Впрочемъ статья, изъ которой я заимствовалъ этотъ фамиліальный анекдотъ, хотя весьма любопытна по написану въ духѣ непримиреннаго кляну Карлу Радзивиллу, содержитъ въ себѣ много невѣрнаго на счетъ характера его, и во многомъ не согласна съ исторіей и преданіями.

** См. Воспоминанія, часть I, приложенія № 3.

чтобъ за душу его ежесодѣлано служили панихиду, на вѣчныя времена. Въ одно Свѣтлое Христово Воскресеніе, князь Карлъ Радзивиллъ, вѣдучи къ заутрени, услышалъ, что кучеръ кричитъ «орейтору: «не бери направо, а поѣзжай прямо, мимо Булгариновской часовни!» Возвратясь въ замокъ, съ многочисленною свитою дворянъ, и порядочно заливъ паху венгерскимъ виномъ, князь замѣтилъ, что въ числѣ гостей, прибѣжавшихъ издалека къ празднику, нѣтъ ли одного Булгарина. Князь разспрашивался. Сообщившій этотъ анекдотъ въ Атепеумъ не зналъ побудительной причины происшествія, и для поясненія дѣла, я долженъ присоветовать, что въ это время двоюродный братъ моего отца, Подкоморій Булгаринъ, вотчинникъ Щонова, въ ювугродекомъ воеводствѣ, перешелъ, съ политическою своею партіею, на сторону князя Сапѣги, канцлера княжества литовскаго, противившагося виданъ князя Радзивилла. Вотъ, что возбудило гнѣвъ князя, пришеви Булгарина. «А по какому праву господишь Булгаринъ погнѣтился во злѣ моего костела?» спросилъ князь Карлъ Радзивиллъ окружающихъ его. Ему рассказали происшествіе. «Я не хочу, чтобъ убійцы лежали во злѣ Радзивилловъ! Выбросить, немедленно, въ поле, Булгарина!» Каноникъ Госсъ, священникъ замка, объяснилъ князю, что духовные законы запрещаютъ вырывать тѣла изъ могилъ. «Такъ подвезть пунки и разбить ядрами часовню!» воскликнулъ князь. Ему отвѣчали, что при этомъ можно смеять весь городъ. «Если такъ, то я самъ поѣду и управлюсь съ этимъ Булгаринымъ!... Запречь лошадей!» Когда подали карету, князь попросилъ одного изъ своихъ любимцевъ (Леона Боровскаго) ѣхать съ нимъ, и отправился къ часовнѣ. Приѣхавъ на мѣсто, князь просилъ Боровскаго, чтобъ онъ вызвалъ Булгарина, отъ его имени, на поединокъ. Надлежало повиноваться. «Господишь Булгаринъ, его сѣятельство вызываетъ васъ на поединокъ!» закричалъ Боровскій, вошелъ въ часовню. «А что?» спросилъ князь изъ кареты. «Молчать!» отвѣчалъ Боровскій. «Слѣдовательно трусъ!» примолвилъ князь «Скажи ему это!» «Всего сѣятельство почитаетъ васъ трусомъ!» прокричалъ Боровскій. «А что?» спросилъ снова князь. «Молчать!» «Скажи ему: дуракъ!» Боровскій повторилъ слова князя, который снова спросилъ: «А что?» Боровскій, чтобъ кончить фарсъ, который вѣроятно ему наскучилъ, отвѣчалъ: «молчать, но кажется самъ идетъ, потому что въ склѣнѣ что-то шевелитъ»

слѣ «Когда такъ, поворачивай лошадей! Не хватъ, когда не отозвался на первый вызовъ—и я не хочу имѣть дѣла съ людьми, которыхъ по три раза надобно вызывать на дуэль.» Тѣмъ дѣлю и кончилось, и часовня Булгариновская стоитъ неперемимою до сего времени.

Впрочемъ, мнѣ кажется, что этотъ фарсъ князь Карлъ Радзивиллъ сыгралъ болѣе для того, чтобъ къ Булгаринымъ дошла вѣсть о его къ нимъ непріязни, а что онъ могъ струсить, когда Боровскій сказалъ, что въ скленѣ что-то шевелится, объ этомъ не спорю. Иезуитское воспитаніе распространило въ Польшѣ всѣ возможныя суевѣрія и тогда весьма многіе болѣе вѣрили въ мертвецовъ, чѣмъ въ живыхъ!...

При концѣ жизни, князь Карлъ Радзивиллъ уже не былъ такъ богатъ, какъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ. Огромныя его вѣщны въ Бѣлоруссіи, по присоединеніи этого края къ Россіи, были конфискованы, потому что онъ не хотѣлъ присягнуть на вѣрноподаданство, а между тѣмъ, долги его чрезвычайно возрасли. Но все же, по смерти своей, въ 1790 году, оставилъ онъ огромное имѣнье и два маіората: Несвижъ и Олыку.

Надъ пятилѣтнимъ княземъ Доминикомъ учреждена была опека, подъ предсѣдательствомъ двоюроднаго дяди его, князя Матвѣя Радзивилла. Опека сохранила всю движимость, ушлатила много долговъ и привела управленіе имѣньями въ нѣкоторый порядокъ. Князь Доминикъ, пришедъ въ возрастъ, хотя не былъ такъ богатъ, какъ его дядя, но все же былъ первымъ богачемъ въ Россіи. Когда я вріѣхалъ къ нему въ Несвижъ, онъ былъ на двѣнадцать второмъ году возраста, недавно еще вышелъ изъ опеки, и вступилъ въ управленіе огромнымъ своимъ имѣніемъ.

Несвижъ былъ тогда очень порядочный городъ. Въ немъ жило множество старыхъ слугъ Радзивилловской фамиліи, съ своими семействами, учителя школы, много семействъ, ввѣрившихъ свои капиталы Радзивилловской кассѣ, и кромѣ того, безпрерывно толпилось въ городѣ множество пріѣзжихъ номѣщиковъ. Купеческое сословіе, какъ водится въ Польшѣ, главнѣйше состояло изъ Евреевъ, между которыми были весьма богатые. Ремесленники всякаго рода, разумѣется болѣею частью захожіе Нѣмцы, также находили здѣсь работу и хорошую за нее плату. Были доктора и аптека, что также привлекало въ Несвижъ окрестныхъ жителей. Давки богаты были товарами. Контрабанда процвѣтала тогда въ западныхъ губерніяхъ, и въ жидовскихъ лавкахъ можно бы-

ле получить самыя дорогія произведенія иностранныхъ мануфактуръ. Городъ показался мнѣ многолюднымъ и оживленнымъ.

Я пріѣхалъ въ Несвижъ утромъ и остановился въ весьма порядочномъ трактирѣ. Хозяинъ былъ шляхтичъ, а управляла всѣмъ жена его, женщина проворная и ласковая, какъ почти всѣ Польки. Явился тотчасъ Жидъ-факторъ, съ предложеніемъ услугъ. За червонецъ, онъ досталъ мнѣ порядочную коляску, съ парюю лошадей, до вечера, и я въ полдень отправился въ замокъ.

Радзивилловскій замокъ былъ не красивъ снаружи и не имѣлъ ни какой архитектурной формы. Въ серединѣ каменный двухъ-этажный домъ съ некрасивымъ подъѣздомъ; по бокамъ примыкающіе къ нему флигели. Въ одномъ флигелѣ находилась домашняя церковь, въ другомъ было помѣщеніе для служащихъ. Конюшни и другія строенія были въ стороне. У подъѣзда стояли арапы и множество лакеевъ, въ лиреѣ. По прекрасной и широкой лѣстницѣ взошелъ я въ залу, гдѣ находилось нѣсколько *de режисъ* княжескихъ, и просилъ доложить обо мнѣ князю, что и было немедленно исполнено. «Князь очень радъ васъ видѣть», сказалъ вѣжливый дворецкій, и просилъ меня слѣдовать за нимъ. Князь находился въ своемъ кабинетѣ меблированномъ со вкусомъ, во послѣдней модѣ. Съ нимъ было нѣсколько изъ его пріятелей, почти безвыѣздно жившихъ въ Несвижѣ. Они стояли вокругъ стола и разсматривали какія-то вещи. Когда я вошелъ въ двери, князь тотчасъ оставилъ группу, пошелъ ко мнѣ на встрѣчу, взялъ меня за руку и сказалъ, что чрезвычайно радъ познакомиться съ однимъ изъ членовъ дружеской Радзивилламъ фамиліи.

Князь Доминикъ Радзивиллъ былъ прекрасный и стройный молодой человекъ, хорошаго роста. Онъ былъ бѣлокуръ, черты лица имѣлъ правильныя и пріятныя, и хотя былъ нѣсколько рябоватъ, но это ни сколько его не безобразило. Во взглядѣ его и въ улыбка выражалась чистая, благородная, кроткая душа. На немъ былъ свѣтлосиній фракъ и свѣтлоесноднее платье. Сапоги были съ отворотами, по тогдашней модѣ. На груди князя были знакъ малтійскаго ордена и звѣзда вюртембергскаго ордена Святаго Губерта, которую онъ получалъ, кажется, при рожденіи, какъ принадлежащій къ фамиліи, по матери своей княгинѣ Туръ и Такисъ. «Позвольте, что вы погостите у меня нѣкоторое время», сказалъ

князь. Я отвѣчалъ, что радъ бы, но что служба обязываетъ меня догнать полкъ. «По крайней мѣрѣ, останьтесь нѣсколь-ко дней», примолвилъ князь. Я изъявилъ согласіе наклоненіемъ головы. «Господа, пойдемте завтракать!» сказалъ князь, и просилъ насъ идти впередъ. Меня, какъ гостя, не знакомаго съ обычаями дома, онъ взялъ подъ руку.

Мы сошли съ крыльца. Князь, увидѣвъ мою коляску, сказалъ: «въ моемъ домѣ вы не имѣете нужды въ экипажѣ», и шепнулъ что-то на ухо служителю. Я думалъ, что мы идемъ завтракать въ какую нибудь бесѣдку, въ садъ и удивился, что мы идемъ въ конюшню!

У князя Доминика Радзивилла были двѣ сильныя и непреодолимыя страсти: онъ любилъ до безумія женщинъ и лошадей, и ничего не жалѣлъ на нихъ. Всѣхъ лошадей на его конюшняхъ было до трехъ сотъ, и они, вмѣстѣ, вѣрно стоили миліонъ рублей ассигнаціями. Парадная конюшня, гдѣ стояли отборныя верховыя лошади, убрана была мраморомъ, зеркалами, бронзою, шелковыми занавѣсами, чиста, какъ стеклышко, провѣтрена, даже надушена. Никогда не видалъ я такой роскошной конюшни. Конюхи были прекрасно одѣты, одни жокеями, другіе по-мамелюжски, третьи по-берейторски. Князь обошелъ, съ хлыстикомъ въ рукахъ, конюшню, называлъ по имени любимыхъ лошадей, иныхъ стегалъ, другихъ гладилъ, утѣшался ими — и наконецъ мы взошли на астраду, гдѣ поданъ былъ завтракъ. Пока мы завтракали, для насъ сбдлали лошадей, и мы, вышедъ изъ конюшни, сѣли на коней и поскакали въ галопъ за ворота.

Князь Доминикъ превосходно ѣздилъ верхомъ, сидѣлъ крѣпко и красиво. Прескакавъ версты десятокъ, мы возвратились, къ обѣду, въ замокъ.

Не помню хорошо, былъ ли тогда князь Доминикъ женатъ, на первой женѣ своей, изъ знаменитой фамиліи Мишехъ, съ которою онъ вскорѣ развелся. Кажется, однако жъ, что онъ уже былъ женатъ, но все же жены не было тогда въ Несвижѣ. Къ обѣду съѣхались гости, и между прочими пріѣхалъ, съ семействомъ, генералъ Моравскій, который былъ женатъ, какъ выше мною сказано, на вѣткѣ князя Доминика. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ дочь Моравскаго, Теофилю, кузину князя Доминика, бывшую потомъ его второю женою. Въ это время она была замужемъ за Старженскимъ. Тогда она была въ первой молодости, прекрасная, ловкая, веселая и весьма пріятная въ обхожденіи.

Приѣхало еще нѣсколько семействъ, изъ которыхъ помню Рейтановъ и Брехоцкихъ. Въ числѣ холостяковъ помню родственника князя Доминика Радзивилла, Оаддея Чацкаго, и двухъ братьевъ Антона и Матвѣя Водзьбуновъ. Оаддей Чацкій и Матвѣй Водзьбунъ почитались первыми остряками между тогдашнею литовскою благовоспитанною молодежью, хотя Чацкій былъ выше. Матвѣй Водзьбунъ былъ шутникъ, но все, что ни дѣлалъ забавнаго и что ни говорилъ смѣшнаго, дѣлалъ это съ величайшею флегмою, серьезно, что еще болѣе нравилось. Тогда была въ модѣ мистификація. Матвѣй Водзьбунъ хотѣлъ было попробовать на мнѣ своей остроты, но оскѣся! Съ этихъ поръ мы подружились.

Послѣ обѣда, я удивился, увидѣвъ между слугами княжескими моего слугу, молодого Пѣмца, который подъ Тильзитомъ навязался ко мнѣ въ службу. Оставивъ деньщика при лошадяхъ моихъ, въ эскадронѣ, я волею-неволею долженъ былъ взять его съ собою. Онъ сказалъ мнѣ, что служить охотникомъ въ прусской арміи, немилосердно хвасталъ своими подвигами, и притомъ любилъ фамильяриться, за что я прозвалъ его: *Merg Naseweise*. Онъ сказалъ мнѣ, что лакей княжескій приѣхалъ въ моей коляскѣ въ трактиръ, забралъ вещи и его вмѣстѣ съ ними, и что мнѣ отведена въ замкѣ квартира.

Нѣкоторыя семейства и между ими семейство Моравскаго остались въ замкѣ, на нѣсколько дней. Кузина князя Доминика, госпожа Старженская, прекрасно и смѣло ѣздила верхомъ, что весьма нравилось князю. День проходилъ въ прогулкахъ, вечеромъ танцевали, играли въ карты, въ азартныя игры, или забавлялись шутками. Каждый день приѣзжали новые гости. Князь Доминикъ былъ веселаго нрава, любилъ шутить и смѣяться, соблюдая, однако жъ, во всемъ приличіе и хорошій тонъ. Въ карты онъ не игралъ, но весьма часто платилъ проигрыши своихъ пріятелей. Танцевалъ онъ чрезвычайно ловко. На третій день пребыванія моего въ Несвижѣ былъ какой-то праздникъ и князь Доминикъ явился въ церковь въ камергерскомъ мундирѣ Императорскаго Россійскаго Двора.

Трое сутокъ прожилъ я въ замкѣ и никакъ не могъ найти случая переговорить съ княземъ о моемъ дѣлѣ. Онъ всегда былъ окруженъ пріятелями или находился съ дамами. Наконецъ, чрезъ камердинера, я попросилъ аудіенціи у князя.

Утромъ, въ 10 часовъ, на четвертый день, меня позвали въ его кабинетъ. «Мнѣ совѣстно утруждать князя маловажнымъ дѣломъ», сказалъ я: «но въ моемъ положеніи я долженъ на это рѣшиться. Вотъ письмо вашего покойнаго дяди», — я подалъ письмо князя Карла Радзивилла къ моему отцу, — «по которому отецъ мой не получилъ слѣдующихъ ему денегъ. Если бъ изъ кассы было уплачено, то опека сослалась бы на квитанцію: но она отвѣчала двусмысленно, избѣгая объясненій... и вотъ письмо главнаго повѣреннаго....» Князь даже не хотѣлъ читать писемъ и спросилъ: «Въ чемъ же дѣло?» «Отцу моему слѣдовало получить триста червонцевъ....» — «И онъ не получилъ?» возразилъ князь. «Нѣтъ!» — «Такъ я прикажу уплатить», сказалъ онъ, и написалъ на письмѣ покойнаго Карла Радзивилла: «выплатить, немедленно, слѣдуемое подателю», возвратилъ мнѣ бумаги, улыбаясь, и поцѣловалъ. Поблагодаривъ князя, я вышелъ и отправился къ кассиру. Онъ тотчасъ отсчиталъ мнѣ деньги. Пришло кстати!

Скажу нѣсколько словъ о князѣ Доминикѣ Радзивиллѣ. Это былъ если не *dernier des Romains*, то навѣрное *последній панъ польскій*, въ такомъ смыслѣ, какъ въ старину разумѣли пановъ или вельможъ. Если бъ онъ получилъ основательное, серьезное воспитаніе, то сохранилъ бы свое огромное состояніе, жилъ бы до сихъ поръ и оставилъ бы по себѣ неизгладимые слѣды. Онъ имѣлъ весьма много природнаго ума и ангельское сердце; былъ щедръ, благотворителенъ, кротокъ, человѣколюбивъ, честенъ, благороденъ — но всѣ его похвальные качества послужили ему во вредъ. Воспитаніе получилъ онъ поверхностное, модное. Его выучили болтать на нѣсколькихъ языкахъ, танцовать, ѣздить верхомъ, и съ дѣтства внушили, что богатства его неисчерпаемы, что онъ князь Радзивиллъ, панъ изъ пановъ, слѣдовательно, ни въ чемъ не долженъ себѣ отказывать, возжгли въ немъ страсти, чтобъ пользоваться его слабостью — и наконецъ обобрали и погубили! Повѣренныя его и всѣ пользовавшіеся его милостью составили себѣ огромное состояніе — а князь Доминикъ часто нуждался въ необходимомъ, и занималъ деньги, гдѣ могъ и на какихъ угодно условіяхъ. Я слышалъ отъ вѣрныхъ людей, что повѣренныя давали ему въ займы собственныя его деньги, подъ закладъ его имѣній, вдвое превышающихъ данную сумму, и знаю навѣрное, что тѣ же повѣренныя продавали имѣнья за безцѣнокъ, взявъ почти половину магарыча (рогѣ-

kawiszne). Теперь дѣти и внуки Радзивилловскихъ слугъ разыгрываютъ роль аристократовъ! Друзья и женщины стали князю Доминику почти половины всего его состоянія. Онъ прожилъ все, что могъ прожить: дарилъ, покупалъ ненужное, сыпалъ деньгами для того только, чтобъ не отказывать своимъ любимцамъ и любимицамъ. Но въ жизнь свою князь Доминикъ не оскорбилъ никого, даже слуги своего, ни словомъ, ни дѣломъ, никогда не отвернулся отъ сражающаго человѣчества, не присвоилъ чужой копѣйки. Всѣ знавшіе его, всѣ его слуги, всѣ имѣвшіе съ нимъ дѣла—обожали его. Ни одинъ человѣкъ въ Польшѣ не оставилъ послѣ себя такой благословенной памяти!

Разумѣется, что князь Доминикъ былъ воспитанъ въ польскомъ духѣ, и все, что его окружало, дышало польскимъ патриотизмомъ. Должно вспомнить, что тогда прошло не болѣе десяти лѣтъ послѣ послѣдняго раздѣла Польши, что прошлое было у всѣхъ въ свѣжей памяти, и что новый порядокъ вещей не могъ нравиться людямъ, которые въ прежней Польшѣ, только по положенію въ свѣтѣ своей фамиліи и связямъ, безъ всякихъ заслугъ получали важнѣйшія званія, титулы и ордена въ государствѣ, и даже богатія староства, когда, напротивъ, теперь надлежало выслуживать каждый чинъ и каждую награду. Это была главнѣйшая причина неудовольствія значительныхъ фамилій въ Польшѣ. Прокламація Наполеона взволновала умы, а учрежденіе княжества варшавскаго утвердило надежду. Благоразуміе велитъ въ каждомъ дѣлѣ оглядываться на время, на обстоятельства и на побудительныя причины. Поляки народъ пылкій и вообще легковѣрный, съ пламеннымъ воображеніемъ. Ему непремѣнно нужна какая нибудь умственная игрушка, для занятія. Патриотическія мечтанія составляли его поэзію—и Франція была въ то время Олимпомъ, а Наполеонъ божествомъ этой поэзіи. Наполеонъ хорошо понималъ свое положеніе, и весьма искусно имъ воспользовался. Онъ далъ Полякамъ блистательныя игрушки: славу и надежду—и они заплатили ему за это своею кровью и имуществомъ. Даже тѣ, которые не вѣрили обѣщанія Наполеона, охотно жертвовали ему всѣмъ за эти игрушки!—Таковъ вообще человѣкъ, одаренный живымъ воображеніемъ.

* Магарычъ (слово цыганское) и лтки употребляются въ Россіи, а польски порекавичне, то есть рукавичное, называютъ тотъ подарокъ, который купившій какую либо вещь или имѣнье обязанъ дать тому, кто былъ посредникомъ при покупкѣ.

Опъ тяжело постигаетъ существованность и легко увлещается тѣмъ, что льститъ его мечтамъ!

Я твердо рѣшился избѣгать политическихъ разговоровъ, однако жъ невольно попалъ однажды въ непріятное положеніе. За столомъ у князя Доминика Радзивилла заговорили о прошлой войнѣ. Энтузіасмъ, возбужденный Наполеономъ и Французскимъ войскомъ, доходилъ до высшей степени. Я самъ былъ всегда читателемъ Наполеона, но не могъ согласиться съ разказами на счетъ войны, когда обратились ко мнѣ съ распросами. «Видали ли вы, какъ цѣлые полки, даже дивизіи бросали оружіе и сдавались въ плѣнъ?» спросили меня. «Я не могъ видѣть того, чего вовсе не было», отвѣчалъ я. «Наполеонъ величайшій военный геній, Французы превосходящія воины, въ этомъ я совершенно согласенъ: но и Русскіе дерутся славно и никому не уступаютъ въ мужествѣ, чему я былъ теперь очевиднымъ свидѣтелемъ. Ни одинъ русскій солдатъ не сдался безъ отчаяннаго сопротивленія. Это вѣрно, какъ Богъ на небеса! Нѣтъ спора, что Наполеонъ одержалъ побѣду подъ Фридрианомъ—но три такія побѣды кончились бы тѣмъ, что при немъ едва ли бы осталось столько солдатъ, чтобъ эскортировать побѣдителя до Парижа!»—Эти слова мои произвели непріятное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ изъ гостей, и одинъ изъ нихъ съострилъ что-то, похожее на сомнѣніе въ раченствѣ храбрости русскаго воина съ Французомъ. Я былъ молодъ, отъ природы нехладнокровенъ — и честь мундира заставила меня воскликнуть: «Въ храбрости русскихъ воиновъ вы легко можете убѣдиться; одинъ изъ нихъ передъ вами—и готовъ на всякое испытаніе....»—Я хотѣлъ что-то прибавить, но увидѣвъ безпокойство князя, замолчалъ. Гости пошевелились на стульяхъ и нѣкоторые стали перешептываться. Князь Доминикъ весьма деликатно перемѣнилъ разговоръ, и далъ почувствовать, что ему непріятенъ этотъ споръ. Всѣ замолчали. Послѣ обѣда князь Доминикъ перешелъ въ другую комнату и переговорилъ съ самыми пламенными изъ приверженцевъ Французовъ. Послѣ того, старикъ Рейтанъ подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и повелъ туда же. «Гость въ домъ — Богъ въ домъ», говорили наши предки», сказалъ Рейтанъ. «Подъ одною кровлею живутъ

* Превосходная древняя польская поговорка, означающая врожденное славянскому племени гостепріимство.

только друзья и братья! Коснущу сіе!» Онъ обнялъ меня, потомъ молодого человѣка, который своею осиротѣю заставлялъ меня разгорячиться и такъ сказать, столкнуть насъ. Мы обнялись, поцѣловались, и все было забыто. Князь Доминикъ былъ чрезвычайно радъ, что дѣло такъ кончилось, и на другой день подарилъ мнѣ цару прекрасныя шпательныя, версальской фабрики.

Не смотря на такое направленіе умовъ въ Литвѣ, всѣ однакожь чрезвычайно любили Императора Александра. Это вѣрно, какъ дважды два четыре. Не понимая ни куда дѣль, ни порядка, ни государственнаго устройства Россіи, шляхта была убѣждена, что все, дѣлаемое не по ея желанію, дѣлается противъ воли Государя. И въ самомъ дѣлѣ, Императоръ Александръ дѣлалъ все, что только могъ, для успокоенія умовъ и изглаженія изъ памяти непріятныхъ воспоминаній прошлаго, въ польскихъ провинціяхъ. Онъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ, ангеломъ-хранителемъ края! Не будь Наполеона, не будь войнъ съ Франціею и непрерывныхъ политическихъ потрясеній въ Европѣ — въ Литвѣ все давно было бы забыто! Впрочемъ вся оппозиція въ Литвѣ ограничивалась болтовнею и частными эмиграціями молодежи въ герцогство варшавское, для вступленія въ военную службу. Общаго ничего не было.

Проживъ пять дней въ Месвижѣ, у князя Доминика Радзивилла, я простился съ нимъ и отправился въ полкъ. О другой встрѣчѣ съ княземъ Доминикомъ, уже въ несчастныхъ его обстоятельствахъ, будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ.

Изъ Месвижа поѣхалъ я въ Валки, по почтовому тракту, черезъ Новогрудкѣ, Минскѣ, Борисовѣ, Витебскѣ, Псковѣ, Верро (въ Личавидинѣ, въ дерптскомъ уѣздѣ). Не взирая на войну, рекрутскій наборъ и милицію, вездѣ видѣлъ я слѣды благосостоянія и довольства. Хотя тогда земляки во всей Россіи рациональнаго хозяйства, не спекулировали на акціяхъ, не имѣли понятія о компаніяхъ, но денегъ было довольно, потому что были хорошіе урожан и хлѣбъ былъ въ высокой цѣнѣ. Его требовалось и для арміи и для отпуска за границу. Континентальная система только что учреждалась, для лишенія Англій торговли на твердой землѣ, и земледѣліе въ Англій не было тогда на такой высокой степенѣ, какъ те-

* Знаменитая польская поговорка, — то есть будемъ друзьями, возлюбимъ другъ друга, — повторилась при томъ случаѣ.

верь. Англія нуждалась въ русскомъ хлѣбѣ, и для себя, и для своихъ колоній. Швеція также питалась русскимъ хлѣбомъ. По Нѣману, Двинѣ и по спадающимъ въ нихъ рѣкамъ, Литва высылала свои земныя произведенія въ Мемель и Ригу, а по Днѣпру въ Кременчугъ. Каналъ Огинскій соединялъ торговлю Балтійскаго Моря съ торговлею Моря Чернаго. По несчастію, вся внутренняя торговля была въ рукахъ Евреевъ, но туземцы чрезъ это вовсе не страдали, потому что они отъ природы несклонны къ торговымъ дѣламъ, требующимъ точности, постоянства, терпѣнья и уклончивости. Именно въ это время шляхта только начала вступать въ подряды, на поставку хлѣба и другихъ предметовъ для арміи, и хотя подрядчики обогащались, но много теряли въ общемъ мнѣніи. Торговля и торгашество все еще почитались въ Польшѣ синонимами и занятіями, неприличными шляхетскому достоинству. Истый шляхтичъ вѣрилъ, что онъ можетъ только продавать свои земныя произведенія *на мѣсть*, безъ униженія себя—и много, если допускалъ посылку въ Ригу или въ Мемель, съ своимъ повѣреннымъ! И торговля и земледѣліе были въ дѣтствѣ, но обстоятельства благоприятствовали—и ни въ деньгахъ, ни въ хлѣбѣ не было нужды, потому что иностранцы ждали жатвы съ мѣшками червонцевъ въ рукахъ. Первый ударъ этому благосостоянію нанесла, выдуманная Наполеономъ континентальная система, которая заставила всѣ Государства приступить къ мѣрамъ, обезпечивающимъ внутреннее продовольствіе. Повсюду принялись за земледѣліе, вездѣ стали заводить фабрики и мануфактуры, чтобъ не зависѣть отъ политическихъ обстоятельствъ—а Литва осталась въ тылѣ! Евреи долго еще держались контрабандою; наконецъ и этотъ несчастный источникъ богатства изсякъ. Но война всегда ведетъ за собою бѣду! На другой годъ послѣ войны, открылись въ остзейскихъ и западныхъ губерніяхъ болѣзни и падежъ скота, и три года сряду были неурожаи. Эти неожиданныя бѣдствія, подкрѣпляемая континентальною системою, привели пограничныя провинціи въ весьма плохое положеніе.

Полкъ уже прошелъ чрезъ Валки, и я нагналъ его на второй станціи отъ Дерпта, въ Тейлицѣ. Его Высочество Цесаревичъ пріѣхалъ къ полку, въ Валки, и проводилъ полкъ до Дерпта, откуда отправился, на почтовыхъ, въ Петербургъ. Полковникъ Чаликовъ съ полковымъ адъютантомъ Жоке также уѣхали, по служебнымъ дѣламъ, въ Петербургъ, и

старшимъ остался адъютантъ Его Высочества, подполковникъ Ш. Онъ взялъ меня къ себѣ, въ должность адъютанта.

Казалось, что онъ любилъ меня, но мы никакъ не могли съ нимъ ужиться. Онъ былъ истинно добрый человекъ, но перовнаго характера. То былъ онъ со мною слишкомъ фамильяренъ, то чрезвычайно капризенъ и взыскателемъ, и кажется, находилъ удовольствіе въ томъ, чтобъ безпокоить меня. Безъ всякой нужды онъ держалъ меня при себѣ по цѣлымъ днямъ, а иногда нарочно посылалъ поздно вечеромъ, за приказаніями или съ какимъ нибудь пустымъ вопросомъ къ генералъ-маіору Янковичу, командиру лейбъ-гвардіи коннаго полка и нашему главному начальнику въ отсутствіе Его Высочества — и я долженъ былъ скитаться ночью, изъ деревни въ деревню, отыскивая генерала. Я выходилъ изъ терпѣнья! Однажды, на дневкѣ, въ какой-то деревнѣ уже за Нарвой, Ш. осматривалъ трубачей, въ новыхъ мундирахъ, присланныхъ изъ Петербурга. Онъ махнулъ рукой, и шинель упала съ плечь его, въ грязь. Я подозвалъ улана, стоявшаго шагахъ въ двадцати, и велѣлъ поднять шинель. Ш. окинулъ меня взоромъ, съ головы до ногъ, и сказалъ, съ ироническою улыбкою: «не велика была бы услуга!...» Ему видно хотѣлось, чтобъ я подалъ ему шинель. «Я слуга Божій и Государевъ!» отвѣчалъ я хладнокровно, а пришелъ домой, осѣдлалъ лошадь и уѣхалъ въ эскадронъ, объявивъ черезъ писаря, что не возвращусь въ штабъ. Ш. не на шутку разсердился, арестовалъ меня и хотѣлъ пожаловаться Его Высочеству, но генералъ Янковичъ, благоволившій ко мнѣ, уладилъ дѣло. Я возвратился въ эскадронъ и остался въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ съ Ш. до самой его смерти. Онъ былъ не злопамятенъ, да, кажется, и не за что было сердиться....

Наконецъ мы вступили парадомъ въ Петербургъ. Это было уже осенью. День прошелъ, пока мы размѣстились. Эскадроны расположились въ казармахъ, называвшихся тогда домомъ Горновскаго, и въ конно-гвардейскомъ манежѣ. Я освободился отъ службы только въ семь часовъ вечера, и полетѣлъ къ сестрѣ моей, Антонинѣ.

Зять мой жилъ тогда въ Большой Мѣщанской, въ угловомъ домѣ, насупротивъ заемнаго банка. На улицѣ и на дворѣ стояло множество каретъ. Вхожу въ переднюю и едва могу пробиться чрезъ толпу чужихъ лакеевъ.... Перехожу въ залу и первое лице, которое мнѣ попалось на глаза — это былъ

русскій священникъ. Я испугался.... но вскорѣ успокоился, когда въ другой комнатѣ увидѣлъ купель! Понялъ я прямо на крестныхъ племянника моего Александра. Не помню, кто былъ крестнымъ отцемъ, но не забылъ, что крестною матерью была знаменитая иъбогда красавица, милая и любезная женщина, графиня Вѣра Николаевна Заводовская, урожденная графиня Апраксина, супруга тогдашняго министра просвѣщенія. Помнящіе общество того времени вѣрно не забыли вице-адмиральши Варвары Александровны Колоколовой, также урожденной графини Апраксиной, знаменитой тогда своею откровенностью, ходатайствомъ за всѣхъ несчастныхъ, добродушіемъ, страстью къ новостямъ, отличнымъ вкусомъ и тучностью. Послѣ крестныхъ Варвара Александровна овладѣла мною, усадила возлѣ себя и стала спрашивать о всѣхъ знакомыхъ. Когда я вспоминалъ объ убитыхъ, она крестилась, приговаривая: вѣчная память! Зашла рѣчь о Тильзитскомъ мирѣ, и разговоръ сдѣлался общимъ. Я только слушалъ и молчалъ. На крестныхъ было много лицъ важныхъ въ то время и пріобрѣтшихъ важность въ послѣдствіи. Здѣсь я впервые услышалъ отголосокъ общаго мнѣнія на счетъ Тильзитскаго мира, мнѣнія существовавшаго во всей силѣ, до уничтоженія трактата, войною 1812 года.

Тильзитскій миръ приводилъ въ отчаяніе русскихъ патриотовъ—по моему тогдашнему и теперешнему мнѣнію, вовсе напрасно. Могли ли мы продолжать войну, послѣ Фрилантскаго сраженія? Конечно, могли, если не наступательную, то оборонительную, и даже съ надеждою на успѣхъ. Но не лучше было переждать! Мы были въ войнѣ съ Турками, Персіянами и съ присоединившимся къ нимъ кавказскими горцами. Арміей нашей, на Дунаѣ, командовалъ генераль Михельсонъ, а въ Азіятской Турціи фельдмаршалъ графъ Гудовичъ, люди уже старые, изжившіе свой вѣкъ. Дѣла наши шли медленно, безъ большихъ потерь, но и безъ существенныхъ послѣдствій. Не страшна была эта война, но она требовала войска и денегъ. Шестьсотъ тысячъ милиціи вооружилось во всей Россіи: много ли можно было надѣяться на это неопытное, необученное войско! Регулярныя полки всѣ были въ арміи и лучшіе люди изъ гарнизоновъ уже были повыбраны. Кавалерія наша была вообще въ хорошемъ устройствѣ, но пѣхота и артиллерія требовали укомплектованія и даже образова-

ни. Онъ много пострадалъ. Конечно, Наполеонъ, въ тогдашнѣе своемъ положеніи; не могъ бы рѣшиться на вторженіе въ внутренность Россіи, какъ въ 1812 году, но это самое безсилье его было для Россіи опаснѣе безразсчетнаго похода въ Москву. Онъ могъ вторгнуться въ провинціи, возвращенныя отъ Польши, произвести замѣшательство, возволновать шляхту, выбрать насильно людей, годныхъ въ военную службу, воспользоваться всеми пособіями, представляемыми краемъ. Намъ пришлось бы ретироваться, чтобъ укрѣпиться съ силами, а между тѣмъ и Наполеонъ могъ бы получить помощь изъ Франціи. На Пруссію уже не было никакой надежды, на Австрію весьма мало. Англичане хотя обѣщали сдѣлать высадку въ Померанію, но не выслали ни одного человека. Швеція была слаба. Не лучше ли было отложить до времени зачатіе новой брани съ гигантомъ — и самимъ уелиться и дать другимъ укрѣпиться, между тѣмъ какъ гигантъ будетъ ослабѣвать различіемъ силъ своихъ по всѣмъ концамъ Европы! Такъ и сдѣлалъ Императоръ Александръ и поступилъ въ этомъ случаѣ съ величайшею мудростью и предвидѣніемъ.

Надлежало уступить что нибудь; иначе нельзя было кончить этой брани. Пруссія должна была принести жертву, которую Императоръ Александръ имѣлъ твердое намѣреніе вознаградить, при первомъ случаѣ. Пруссія лишилась половины своихъ областей и половины тогдашняго своего народонаселенія, а именно болѣе четырехъ съ половиною милліоновъ подданныхъ, заплативъ притомъ контрибуціями, поборами и поставками на французскую армію болѣе 600 милліоновъ рублей ассигнаціями. Императоръ Александръ ничего не лишился; онъ только призналъ братьевъ Наполеона королями, согласился пристать къ континентальной системѣ и объявить войну Англій, а самого Наполеона призналъ протекторомъ Рейнскаго Союза и Швейцарской Конфедераціи, разрѣшивъ ему дѣйствовать свободно на западѣ Европы, съ тѣмъ, чтобъ Наполеонъ не жѣлся въ дѣла Россіи, на сѣверѣ и на востокѣ. Хотя въ трактатѣ и сказано было, что русскія войска должны очистить Молдавію и Валахію, но секретная статья въ этомъ же трактатѣ и словесное обѣщаніе уничтожило статью явную. Чтобъ доказать Императору Александру, что Наполеонъ никогда не посягнетъ на провинціи, возвращенныя отъ Польши къ Россіи, онъ отдалъ Императору Але-

ксандру бѣлостокскую область *. Сила и могущество Наполеона въ существѣ не возрасли отъ Тильзитскаго трактата, а возрасли только ненависть къ нему Германіи и страхъ въ другихъ народахъ. Во всей Европѣ Тильзитскій миръ почитали только перемиріемъ, которое Англія будетъ стараться расторгнуть. Въ надеждѣ на Тильзитскій миръ и уничтоженіе Пруссіи, Наполеонъ вознамѣрился покорить ширейскій полуостровъ и сталъ рыть могилу, въ которую должно было слечь его могущество.

Послѣ Тильзитскаго мира Императору Александру предстояло исполненіе двухъ великихъ предначертаній Петра-Великаго и Екатерины-Второй, а именно: присоединеніе Финляндіи къ Россіи, для отдаленія границы отъ Петербурга съ полнымъ владычествомъ въ Финскомъ заливѣ—и утвержденіе границы съ Турціей, во устье Дуная, для обезвеченія южной Россіи и Крыма. При общемъ мирѣ, Россія не могла бы на это рѣшиться: но Наполеонъ, въ Тильзитѣ, согласился охотно на расширеніе предѣловъ Россіи, съ тѣмъ только, чтобъ Россія дозволила утвердиться его династіи на западѣ. Всѣмъ извѣстенъ конецъ дѣла. Финляндія присоединена, на вѣчныя времена, къ Россіи, а династія Наполеона не существуетъ.... Наполеонъ былъ поэтомъ въ политикѣ и оставилъ послѣ себя въ исторіи Илиаду; противники же его, дѣйствуя для государственныхъ польвъ, приобрѣли существенныя выгоды.

Но главное въ томъ, что наше народное самолюбіе было тронуто и что война съ Англіей не могла возбудить энтузіазма, не представляя ни какихъ польвъ и видовъ, и лишая насъ выгодъ торговли. Вотъ что породило общій ропотъ. Слава Наполеона, такъ сказать, колола намъ глаза и мы уже доказали, что не боимся ни страшныхъ силъ завоевателя, ни его искусныхъ маршаловъ, и можемъ даже съ меньшими силами не только противостать ему, но и бить его знаменитые легіоны. Неудачи наши, какъ всегда и вездѣ бываетъ, приписывали мы нашимъ генераламъ (что отчасти была и правда), и непремѣнно хотѣли еще разъ сразиться съ Наполеономъ, во что бы то ни стало. Таково было общее мнѣніе въ

* Замѣчательно, что французскіе политическіе писатели и до сего времени не могутъ растолковать: почему Наполеонъ отдалъ и почему Императоръ Александръ взялъ бѣлостокскую область. Дѣло ясное. Это была охрана или поручительство (garantie) въ неприкосновенности русскихъ владѣній.

Петербургѣ и въ цѣлой Россіи. Свидѣтельствуюсь современниками....

Французскимъ чрезвычайнымъ посломъ прибылъ въ Петербургъ бывшій адъютантъ Наполеона, любимецъ его и до вѣршенное лицо, генералъ Савари. Это былъ выборъ неудачный. Не потому ли Наполеонъ рѣшился отправить въ Петербургъ генерала Савари, что онъ извѣстенъ былъ уже Императору Александру, съ Аустерлица, посланный къ Государю съ мирными предложеніями передъ сраженіемъ и съ благороднымъ предложеніемъ перемирія послѣ битвы? Но Наполеону, желавшему искренно мира съ Императоромъ Александромъ, надлежало бы имѣть въ виду, что русскій Дворъ неохотно признавалъ все созданное Французскою революціею, и что при русскомъ Дворѣ наложенъ былъ трауръ по смерти герцога Ангенскаго. Слѣдовательно, генералъ Савари, какъ созданіе революціонное, игравшее важнѣйшую роль въ жалкой трагедіи, кончившейся смертью принца одной изъ древнѣйшихъ европейскихъ династій—Савари не могъ быть принятъ хорошо въ кругу русской аристократіи. Да и зачѣмъ было посылать генерала, припоминающаго Аустерлицъ и Фридрихъ? Наполеонъ поступилъ бы благоразумнѣе, если бѣ послалъ въ Петербургъ человѣка не военнаго, но изъ старинной Французской аристократіи, не принимавшаго никакого участія въ насильственныхъ и противозаконныхъ дѣлахъ, вынужденныхъ революціею, а у Наполеона было много способныхъ людей изъ этого разряда. Императоръ Александръ весьма ласково принялъ и хорошо обходился съ генераломъ Савари, но въ высшемъ обществѣ столицы его принимали чрезвычайно холодно, и нѣкоторыя знатныя особы обращались съ нимъ, какъ говорятъ Французы, *savalièrement*, то есть безъ околичностей. Въ нѣкоторые дома вовсе его не приглашали и довольствовались развѣною визитныхъ карточекъ.

Отчаянные люди изъ молодежи, воспламененные патриотизмомъ, поступали иногда весьма неблагоразумно, стараясь выказать чувства свои къ Наполеону, въ лицѣ его посланника. Всѣ служившіе въ гвардіи и въ полкахъ, стоявшихъ въ Петербургѣ, при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ и въ началѣ царствованія Императора Александра, помнятъ Вакселя, офицера конно-гвардейской артиллеріи, весельчака и большаго проказника. Въ то время носился слухъ, будто Ваксель нанялъ карету, четверней, у знаменитаго тогда ва-

вощика Шарова, нарочно съ тѣмъ, чтобъ столкнуться съ каретой генерала Савари. Рассказывали, что Ваксель въ ждалъ, когда Савари возвращался изъ Дворца, и, пустивъ лошадей во всю рысь, сѣвшился съ каретой французскаго посла, на Полицейскомъ мосту. Одну карету надлежало осадить. Посланникъ, высунувшись въ окно, кричалъ: faites reculer votre voiture! (велите податься въ тылъ вашей каретѣ). — «C'est votre tour de reculer! En avant!» (Ваша очередь подаваться въ тылъ, или отступать. Впередъ!) отвѣчала Ваксель — и генералъ Савари, чтобъ избѣгнуть несчастя, велѣлъ своей каретѣ осадить и самъ выльѣвъ изъ экипажа. За справедливость этого происшествія не ручаюсь, но довольно того, что тогда всѣ объ этомъ рассказывали и вѣрили разсказу. Генералъ Савари терпѣливо переносилъ холодность и даже непріязненный тонъ петербургскаго общества, вѣроятно въ слѣдствіе своей инструкціи, представляясь, будто ничего не замѣчаетъ, и надѣясь, какъ и Наполеонъ, что это нерасположеніе, весьма естественное послѣ тильзитскаго мира, пройдетъ со временемъ. Оба они жестоко ошибались въ своихъ расчетахъ.

Но если къ генералу Савари были холодны, то офицеровъ его свиты принимали вездѣ хорошо. Въ обхожденіи съ по-

* Если господинъ Ваксель живъ еще, то долженъ быть уже весьма не молодъ — и анекдоты, оставшіеся въ памяти его современниковъ, о его молодости, не могутъ оскорбить его, потому что въ нихъ нѣтъ ничего притивнаго чести. Рассказываютъ, что въ царствованіе Императора Павла Петровича, Ваксель побился объ закладъ, что на вахтпарадѣ дернетъ за косу одно весьма важное лице. Ему не хотѣли вѣрить и побились объ закладъ, для шутки. Въ первый вахтпарадъ, Ваксель вышелъ изъ охотерскаго строя, и подбѣжавъ быстро къ важному лицу, дернулъ его легонько за косу. Важное лице оглянулось. Ваксель, снявъ шляпу и поклонившись (какъ требовалъ тогда форма), сказалъ тихо: «коса лежала криво, и я дернулъ, поправитъ,* чтобъ молодые офицеры не завѣсили...» — «Спасибо, братецъ!» сказало важное лице — и Ваксель возвратился, въ торжествѣ, на свое мѣсто. — Рассказывали также, что Императоръ Павелъ Петровичъ, прогуливаясь верхомъ по городу, увидѣлъ большую толпу народа, скопившагося на Казанскомъ мосту и по набережной каналу. Люди съ любопытствомъ смотрѣли въ воду и чего-то ждали. — «Что это такое?» — спросилъ Государь у одного изъ зѣвакъ. — Говорятъ, Ваше Величество, что подъ мостъ зашелъ китъ-рыба. — отвѣчалъ легковѣрный зритель. — «Вѣрно здѣсь Ваксель!» сказалъ Государь громко. — «Здѣсь, Ваше Величество!» воскликнулъ онъ въ ташу. — «Этотъ твой китъ?» — «Мад, Ваше Величество!» — «Студай же лоной. — я не дурюсь,» — крикнулъ Государь, улыбаясь. — Господинъ Ваксель зналъ хорошо службу, служилъ отлично и превосходно задилъ верхомъ — за это спускали ему нѣчто пріказъ.

сломъ была политическая цѣль, а съ простыми офицерами обходились по личнымъ ихъ достоинствамъ. Да и можетъ ли какое бы ни было чувство или расчетъ воспрепятствовать горжеству, въ европейскомъ обществѣ, благовоспитаннаго Француза, съ извѣстнымъ положеніемъ въ свѣтѣ! Въ свиту генерала Савари выбраны были отличнѣйшіе офицеры изъ гвардіи и генеральнаго штаба, люди хорошихъ, старинныхъ фамилій, съ блистательнымъ воспитаніемъ, лучшаго тона, и притомъ молодцы и красавцы. Дамы взяли ихъ подъ свое покровительство, и какъ высшее общество и офицеры гвардіи не питали вовсе ненависти къ французскому народу, а сердились только на правителя Франціи — то французскіе офицеры встрѣчали повсюду ласковый приемъ и простодушное русское гостепримство, и даже подружились съ нѣкоторыми офицерами русской гвардіи. Въ центрѣ тогдашняго высшаго круга, въ домѣ Александра Львовича Нарышкина, они бывали почти ежедневно, а въ политической гостиной княгини Наталья Ивановны Куракиной, отличались между молодыми людьми другихъ посольствъ.

Весьма замѣчательно, что въ то время, когда во всей Польшѣ пылалъ энтузіазмъ къ Наполеону, и когда почти всѣ въѣрили его обѣщаніямъ, главою политической партіи въ Россіи, противной Наполеону и союзу съ нимъ былъ Полякъ, князь Адамъ Адамовичъ Чарторійскій, который въ союзѣ Императора Александра съ гордымъ завоевателемъ видѣлъ униженіе Россіи, и при всей своей преданности къ Государю, вышелъ въ отставку, во время трактаций о Тильзитскомъ мирѣ, славъ дѣла тайному совѣтнику Будбергу. Уже въ двадцатыхъ годахъ удалось мнѣ прочесть записку, поданную передъ Тильзитскимъ миромъ Императору Александру княземъ Чарторійскимъ. Въ этой запискѣ, составленной въ настоящемъ русскомъ духѣ, изображено было опасное положеніе Россіи, безъ союзниковъ, между-тѣмъ, какъ Англія и Швеція приготовлялись къ войнѣ, и когда война съ Турціей была не окончена, а съ Персіей начиналась. Князь Чарторійскій утверждалъ, что Наполеонъ стремится, всѣми мѣрами, ослабить, разстроить Россію, возбудить во всѣхъ европейскихъ державахъ недовѣрчивость къ ней, съ тою цѣлью, чтобъ успокоивъ Западъ, броситься со всѣми своими силами на Россію. — Далѣе, князь Чарторійскій говорилъ, въ своей запискѣ, что русскій народъ, готовый пролить по-

сладкую каплю крови для славы и чести престола и блага отечества, упадет духомъ, когда увидитъ Государя своего уступающимъ челоуѣку, изображенному передъ войною, въ манифестахъ, въ самомъ черномъ видѣ, даже отступникомъ отъ христіанской вѣры и тому подобное. — Видно, что князь Чарторійскій, при похвальной своей ревности, не зналъ всей необходимости мира и дальнѣйшихъ видовъ мудраго Государя. Природные Русскіе, такъ сказать, по инстинкту, догадывались, что Тильзискій миръ — только перемиріе, и что Императоръ Александръ, рано или поздно, разсѣчетъ этотъ гордіевъ узелъ. Главою политической партіи, благопріятствовавшей Франціи, былъ графъ Румящевъ. По наружности и графъ В. П. Кочубей принадлежалъ также къ этой партіи. Прочитавъ записку князя Чарторійскаго, графъ Кочубей улыбнулся и сказалъ: «Le prince ne veut pas comprendre, que nous reculons, pour mieux sauter» (то есть, князь не хочетъ выразумѣть, что мы подаемся въ тылъ, чтобъ вскочить далѣе). Впрочемъ, на самомъ дѣлѣ, въ Россіи не было ни англійской, ни французской партіи, а была одна русская партія — и если графъ Румящевъ, князь Куракинъ, графъ В. П. Кочубей, графъ Строгановъ, князь Долгорукій и другія приближенные къ Государю лица казались весьма довольными союзомъ съ Наполеономъ, то этого требовали обстоятельства. По совѣсти, нельзя было во всемъ оправдывать Англій. Она не исполнила обѣщаннаго въ 1806 году, не высадила войскъ въ Помераніи, и наконецъ нападеніемъ на Копенгагенъ, бомбардированіемъ его безъ объявленія войны и взятіемъ датскаго флота нарушила всѣ права народныя и права челоуѣчества, то есть сдѣлала сама именно то, въ чемъ упрекнула Наполеона. Благородная душа Императора Александра не могла никогда одобрить этого поступка Англій — и негодованіе его было искреннее и справедливое.

Графъ Петръ Александровичъ Толстой назначенъ былъ посломъ въ Парижъ. Свита его была также весьма блистательная, составленная изъ молодыхъ людей, отличныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, иѣжныхъ, благовоспитанныхъ, съ прекрасною манерою. Нынѣшній канцлеръ графъ Карлъ Василье-

* Записку князя Чарторійскаго давалъ мнѣ прочесть и пересказалъ слова графа Кочубея покойный другъ мой М. Я. Ф. Ф-въ, служившій прежде при графѣ Румящевѣ, а потомъ при графѣ Кочубей и пользовавшійся ихъ милостію и довѣренностію.

вичъ Несельроде былъ совѣтникомъ посольства. Кавалерами посольства были Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ (въ послѣдствіи графъ, генералъ отъ кавалеріи и шефъ корпуса жандармовъ), свѣтлѣйшій князь Лопухинъ (сынъ бывшаго предсѣдателя государственнаго совѣта), Левъ Александровичъ Нарышкинъ.... другихъ не вспомню. Русское посольство было принято Наполеономъ съ величайшими почестями и вниманіемъ, и все тогдашнее парижское общество подражало двору. Покойный Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ любилъ рассказывать объ этой блистательной жизни въ Парижѣ, гдѣ все стремилось къ тому только, чтобъ дать русскому посольству высокое понятіе о блескѣ новаго французскаго двора и о возобновеніи въ обществѣ старинныхъ формъ общежитія, прежней французскоіи любезности и гостеприимства. Дѣятельное политическое лице при посольствѣ былъ графъ К. В. Несельроде. Здѣсь было начало того блистательнаго и долговременнаго дипломатическаго поприща, на которомъ имя его сопряжено со всѣми великими событіями чудной эпохи.

Савари у Наполеона былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Сеидъ у Магомета, то есть близкій человѣкъ, преданный своему покровителю тѣломъ и душою, обожающій его и повинующійся ему, вовсе не разсуждая, а только буквально исполняя всѣ его приказанія. Савари былъ адъютантомъ при Наполеонѣ со времени вступленія его на блистательное военное поприще, и былъ употребляемъ всегда для самыхъ важныхъ порученій, гдѣ требовалась безусловная преданность, скромность и самоотверженіе. Савари былъ человѣкъ не гениальный, не дипломатъ, даже не учено-образованный, но онъ былъ человѣкъ умный и ловкій. Природа одарила его особаго рода умомъ, то есть умомъ полицейскимъ, котораго основаніе составляетъ чутье, въ родѣ пуделевскаго. Онъ былъ всегда употребляемъ Наполеономъ въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ надлежало открыть тайну или наблюдать за поступками непріязненныхъ ему людей. Савари завѣдывалъ тайною полиціею Наполеона, когда онъ былъ еще главнокомандующимъ италійскою арміею, и съ-тѣхъ-поръ всегда былъ его невидимымъ стражемъ и, такъ сказать, блюстительнымъ окомъ. Шпіонство превратилось у Савари въ страсть. Онъ непремѣнно хотѣлъ все знать и все предугадывать, и разумѣется, что руководствуясь людьми продажными и безнравственными, часто видѣлъ дѣла превратно, усматривалъ заго-

воры тамъ, гдѣ ихъ вовсе не было, и составлялъ мнѣніе о лицахъ и дѣлахъ совершенно противное истинѣ. Вскорѣ послѣ Савари пріѣхало въ Петербургъ множество шпионовъ, а еще болѣе шпиенокъ, то есть женщинъ. Для этого дѣла были выбраны женщины хитрыя, умныя, интригантки и недурныя собою.

Петербургъ и Москва наводнены были маркизами, графами, аббатами, гувернерами, любопытными путешественниками и путешественницами. Разумѣется, что въ паспортѣ каждому давали званіе, сообразное роли, которую онъ, или она, долженствовали разыгрывать въ Россіи. Одни обязаны были притворяться враждебными Наполеону и его правленію, по связямъ своимъ съ республиканцами или съ Бурбонами; другіе, напротивъ, превознося Наполеона, должны были противодействовать злымъ толкамъ, распространяемымъ англійскими журналами и брошюрами на счетъ Наполеона, и располагать къ нему общее мнѣніе. Всѣ должны были извѣщать Савари о всѣхъ толкахъ на счетъ политическихъ отношеній Франціи и о тайныхъ намѣреніяхъ русскаго правительства. На основаніи сплетней, переносимыхъ легиономъ шпионовъ, Савари писалъ свои донесенія Наполеону, въ которыхъ только то было справедливо, что Наполеонъ былъ ненавидимъ въ Россіи, что вся Россія желала пламенно войны съ нимъ, и что англійскія брошюры, наполненныя самыми нелѣпыми лжамы и клеветами противу Наполеона, его семейства и противу важнѣйшихъ лицъ французскаго правительства (въ томъ числѣ и Савари), не только расходились у насъ во множествѣ, но даже почитались справедливыми. Теперь уже нѣтъ ничего тайнаго въ Западной Европѣ—и архивы должны были открытыя свободному книгопечатанію! Напечатанные современные акты доказываютъ, что шпионство стоило въ то время Наполеону огромныхъ суммъ, и не принесло ни какой существенной пользы. За сплетни и переносы непріятныхъ толковъ о себѣ не стоило платить деньги! Расскажу, какъ я попалъ въ сѣти одной изъ наполеоновыхъ сиренъ.

Во Французскомъ Театрѣ особенное мое вниманіе обратила на себя женщина, съ прекраснымъ лицомъ южнаго типа. Она всегда бывала въ театрѣ съ другою пожилою женщиною, помѣщалась въ ложѣ втораго яруса, ближе къ сценѣ, и одѣвалась съ удивительнымъ вкусомъ и къ лицу, хотя не весьма богато. Пріѣзжала она въ театрѣ въ наемной каретѣ, паркою лошадей. У наемнаго ея лакея, Нѣмца, узналъ я, что дама—

Французская баронесса, прѣѣхала съ теткою въ Россію, послѣ заключенія мира съ Франціей, и живетъ, весьма скромно, въ Малой Морской, въ домѣ, принадлежащемъ нынѣ господину Лепеню. Я не сводилъ глазъ съ красавицы, въ театрѣ, стоялъ всегда у подъѣзда, когда она садилась въ каретѣ, и часто обогнавъ ея экипажъ, появлялся у подъѣзда ея квартиры, когда она выходила изъ кареты. Преслѣдованія эти продолжались съ мѣсяць. Напрасно я спрашивалъ о красавицѣ у знакомыхъ мнѣ Французовъ — ни одинъ изъ нихъ не могъ мнѣ ничего сказать, и я уже отчаявался въ успѣхѣ моихъ поисковъ, какъ счастливый случай (такъ я тогда думалъ!) доставилъ мнѣ знакомство съ нею.

Во время представленія балета: *Зефиръ и Флора*, который тогда привлекалъ весь Петербургъ, передъ закрытіемъ занавѣса побѣжалъ я въ корридоръ и помѣстился близъ дверей красавицы. Она вышла, оглянулась и, казалось, не замѣтила меня, но отошедъ нѣсколько шаговъ, уронила шаль. Разумѣется, что я поспѣшилъ поднять ее и подать красавицѣ. Она поблагодарила меня съ милою улыбкою и сказала, съ какою-то удивительною довѣренностью: «Вы такъ вѣжливы, что я осмѣливаюсь просить васъ, чтобъ вы проводили насъ чрезъ эту толпу, до подъѣзда: слуга мой сегодня заболѣлъ — и мы однѣ....» Я былъ въ восторгѣ, не помню, что сказалъ, вѣрно, какую-нибудь глупость, потому что былъ внѣ себя, и подалъ ей руку. Безмолвно пробрались мы чрезъ толпу, до подъѣзда. Тутъ она сказала мнѣ, что карета ея стоитъ за Поцѣлуевымъ мостомъ, и мы пошли чрезъ площадь, между множествомъ экипажей. Это было въ половинѣ декабря, 1807 года. Ночь была тихая, звѣздная — и красавица изъявила желаніе итти пѣшкомъ до дому, предложивъ тетушкѣ ѣхать въ каретѣ, сказавъ, что отъ жару въ театрѣ у нея закружилась голова, и она хочетъ подышать чистымъ воздухомъ. «Не правда ли, что вы проводите меня?» сказала она, улыбаясь. «Это будетъ счастливѣйшій день въ моей жизни», отвѣчалъ я, и мы пошли рука объ руку....

Мнѣ былъ тогда девятнадцатый годъ отъ роду! Блаженное время! Въ этомъ приключеніи я видѣлъ одно счастье, не подозревая ни какого дурнаго намѣренія со стороны красавицы. Да и что я могъ думать дурнаго? Тогда я вѣрилъ, что всѣ красавицы добры, какъ ангелы, въ чемъ и теперь не разувѣрился совершенно. Притомъ же, позволительное, на девятнадцатомъ году возраста самолюбіе, отгоняло отъ меня

всякое подозрѣніе. Дорогою мы говорили, разумѣется, о театрѣ, о балетмейстерѣ Дидло, о Дюпорѣ, о танцовщицахъ Е. И. Колосовой, Даниловой, о французской труппѣ — и наконецъ пришли къ дому Лепена. Я сталъ раскланиваться и уже готовилъ фразу, которою намѣревался просить позволенія навѣстить красавицу, но она предупредила меня, сказавъ: «войдите.... отдохнуть и выпить чашку чаю!» Я онѣмѣлъ отъ радости, и пошелъ за нею по лѣстницѣ.

Знакомка моя, по французскому паспорту, называлась баронессою Шарлотою Р., и показана была вдовою помѣщика. Ей было тогда около двадцати-четырехъ лѣтъ. Известно, что всѣ Француженки отъ природы превосходныя актрисы, если не на сценѣ, то въ частной жизни, и что всѣ онѣ, при самомъ поверхностномъ образованіи, съ величайшимъ искусствомъ подражаютъ тону и манерамъ знатныхъ дамъ. Тонъ, манеры и языкъ Шарлоты были прекрасные. Ничто не обнаруживало низкаго происхожденія, или привычекъ дурнаго общества. Не знаю, кто она была въ самомъ дѣлѣ, но должно полагать, что она принадлежала къ хорошей фамиліи и стала заблудшею овечкою во время сильныхъ потрясеній во Франціи, ниспровергнувшихъ существованіе многихъ почтенныхъ фамилій и доведшихъ однихъ до преступленій, а другихъ до разврата. Какъ бы то ни было, но Шарлота была восхитительное существо. Пробывъ у нея, въ первый разъ, съ часъ времени, я былъ совершенно очарованъ. Она позволила мнѣ навѣщать ее, когда мнѣ заблагоразсудится, не ранѣе, однако жъ, одинадцати часовъ утра и не позже девяти часовъ вечера, когда не бываетъ французскихъ спектаклей. Разумѣется, что я вполне воспользовался ея позволеніемъ — и сперва навѣщалъ ее по одному разу въ день, потомъ утромъ и вечеромъ, а наконецъ чрезъ мѣсяць или болѣе мы сдѣлались почти неразлучными.

Въ мои лѣта смѣшно было бы хвастать любовными интригами! Кто ихъ не имѣлъ въ жизни! Но, вспоминая прошлое, нельзя же, изъ ложной скромности, пропускать обстоятельства, имѣвшія сильное вліяніе на цѣлую жизнь. Русская поговорка гласитъ: «Слова изъ пѣсни не выкинешь!» Конечно, въ Петербургѣ, и особенно въ гвардіи, были тысячи людей, которые почли бы себя счастливыми, если бъ могли подружиться съ такою прелестною женщиною, какова была Шарлота, и она могла бы выбирать изъ тысячи—но такъ случилось, что выборъ палъ на меня. Кажется, что, въ началѣ па-

шей дружбы, она забыла политику, генерала Савари, Наполеона, свою инструкцію—и подружилась со мною, какъ дружатся молодые люди.... Наши нравы и характеры чрезвычайно гармонировали. Она была нраву веселаго, но любила иногда переноситься въ миръ фантазій, мечтать—и мы то хотогали, то плакали вмѣстѣ.... Я былъ всегда съ нею вѣжливъ, почтителенъ, услужливъ, старался не причинять ей ни малѣйшаго неудовольствія, предупреждалъ ея желанія, хотя она формально запретила мнѣ дѣлать какія-либо издержки, и даже гнѣвалась, когда я привозилъ лакомства, говоря, что она довольно богата и сама можетъ удовлетворять всѣмъ своимъ прихотямъ. Для женщины съ нѣжнымъ чувствомъ первое достоинство въ мужчинѣ—покорность ея волѣ и пламенная любовь, которая, однакожъ, никогда не выходитъ за предѣлы почтительности—и это именно Шарлота нашла во мнѣ.

Я ни предъ кѣмъ не хвасталъ моимъ счастьемъ, напротивъ, какъ скупецъ, старался скрывать мое сокровище; однако жъ, эта связь не могла скрыться отъ проницательныхъ взоровъ молодежи. Нѣкоторые товарищи мои видѣли меня съ Шарлотой въ театрѣ, потому что она велѣла мнѣ ходить къ ней въ ложу, видѣли меня съ нею въ маскарадахъ, въ концертахъ, на прогулкахъ—завидовали, поздравляли.... Хотя это мнѣ было крайне досадно, но перемѣнить хода этого дѣла было невозможно. Разъ только, слова одного изъ офицеровъ свиты генерала Савари (безсмѣннаго ординарца при Наполеонѣ, полковника Талуэ (Talhouet), отличнаго принятаго въ домъ Александра Львовича Нарышкина) произвели на меня впечатлѣніе. «Я васъ часто вижу съ баронессою Р.»—сказалъ онъ мнѣ. «Да, я такъ счастливъ, что пользуюсь ея снисходительнымъ вниманіемъ (bienveillance)», отвѣчалъ я. — «Совѣтую вамъ припомнить всю вашу мифологию—исторію Калипсы, Цирцеи, Сиренъ и тому подобное,» примолвилъ онъ, улыбаясь. Сперва я принялъ это за обыкновенную шутку; но когда Талуэ въ другой разъ встрѣтился со мною, сказалъ мнѣ серьезно: «Пораздумайте о томъ, что я уже сказалъ вамъ однажды». Я въ самомъ дѣлѣ призадумался, но наконецъ рѣшилъ, что, вѣрно, Талуэ предостерегаетъ меня на счетъ женитбы, зная о какой-нибудь прежней любовной интригѣ баронессы. Потомъ я подумалъ, что, быть-можетъ, Талуэ говоритъ съ досады (par dépit)—и пересталъ думать объ этомъ.

Шарлота рассказала мнѣ нѣкій романъ о своей жизни. По ея словамъ, она вышла замужъ, въ весьма молодыхъ лѣтахъ,

за богатаго старика, въ угодность родителямъ, Одинъ ненавистный ей человекъ, но сильный при дворѣ Наполеона, влюбился въ нее и сталъ ее преслѣдовать, а наконецъ подговорилъ какого-то удалца обидѣть ея мужа и вызвать на дуэль. Мужъ не согласился драться, и рѣшился уѣхать съ нею въ Америку, но она въ это время заболѣла, а потому мужъ уѣхалъ одинъ, чтобъ приготовить все къ ихъ водворенію въ Нью-Йоркъ—и умеръ въ Гаваннѣ, оставивъ ей завѣщаніемъ половину своего имѣнья. Выздоровѣвъ, она немедленно уѣхала въ Россію, чтобъ избавиться отъ преслѣдованій ненавистнаго ей человека.... Я всему вѣрилъ, да и не имѣлъ причины подозрѣвать ее во лжи. Что я былъ за важное лицо, чтобъ для меня нарочно выдумывали сказки!...

Но если сверхъ чаянія и ожиданія, дружба съ ловкою и прелестною Француженкою не стоила мнѣ денегъ, то все же она обошлась мнѣ чрезвычайно дорого. Я лишился благосклонности моихъ добрыхъ и списходительныхъ начальниковъ за частыя отлучки изъ эскадрона и упущенія по службѣ. Эскадронъ стоялъ сперва въ Стрѣльнѣ, потомъ въ Петергофѣ, и офицеры, желавшіе ѣхать въ Петербургъ, должны были проситься у Его Высочества и получать отъ Него билеты, за Его подписью, какъ я говорилъ уже объ этомъ. Я по нѣскольку разъ въ недѣлю ѣзжалъ въ Петербургъ, слѣдовательно не могъ такъ часто просить позволенія. Бывало, выѣду въ десять или въ одиннадцать часовъ, послѣ развода (назначавшагося обыкновенно въ девять часовъ)—и возвращаюсь на другой день, къ разводу. Иногда случалось опаздывать. Въ Петербургѣ меня видѣли въ маскарадахъ, въ театрѣ, на гульбищахъ — и наконецъ все это дошло до начальниковъ, которые, видя, что предостереженія и наставленія не дѣйствуютъ, стали поступать со мною круто, какъ я заслуживалъ. Нѣсколько разъ я намѣревался отказаться отъ этой связи — но я былъ въ когтяхъ демона-соблазнителя, усыпившаго во мнѣ разсудокъ и твердую волю. Одно слово, одинъ взглядъ волшебницы, записочка ея руки—заставляли меня забывать *все!*

Не взирая на скопленіе трудныхъ для Россіи политическихъ обстоятельствъ, въ Петербургѣ было тогда шумно и весело. Государю угодно было, чтобъ столица вселилась, можетъ быть и для показанія Европѣ, что въ Россіи нѣтъ того унынія, о которомъ разглашали въ Европѣ противники Наполеона. Балы въ знатныхъ домахъ, у иностранныхъ пословъ,

въ домахъ богатыхъ купцовъ чужеземнаго происхожденія, и у банкировъ бывали еще чаще, чѣмъ передъ войной. Почти вездѣ, особенно къ купцамъ и банкирамъ, чрезъ полковыхъ командировъ приглашаемы были гвардейскіе офицеры, даже незнакомые въ домѣ. На балы къ купцамъ и банкирамъ привыкли уже ѣздить знатные сановники, потому что самъ Императоръ удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ. Кто не помнитъ великолѣпныхъ праздниковъ тогдашняго откупщика Авраама Израелевича Перца и придворнаго банкира барона Раля, кончившихъ свою жизнь и поприще, на нашей памяти, въ положеніи весьма близкомъ къ бѣдности! Банкирскіе дома Молво, братьевъ Севериныхъ—теперь уже не существуютъ, а тогда это были колоссы нашей биржи. Континентальная система висѣла, какъ грозная туча надъ нашею торговлею, но громы слышны были только вдали и еще не разразились надъ нашей биржей. Отечественная война 1812 года, богатая славными послѣдствіями, но неспровергшая многія частныя достоянія, была видима только пронизательнымъ взорамъ, какъ огненная точка на горизонтѣ.... Денегъ и товаровъ было много въ запасѣ, и новый источникъ богатства—подряды на поставку различныхъ потребностей для армій—объщала неисчислимыя выгоды частнымъ людямъ. Винные откупа обогащали откупщиковъ и тѣхъ, которые должны были наблюдать за ходомъ откупныхъ дѣлъ. Деньги кругообращались въ государствѣ. Уже курсъ серебряныхъ рублей началъ измѣняться, но еще не дошелъ до той степени, до которой достигъ послѣ 1812 года, то есть ассигнаціи наши еще не дошли до четвертой части нарицательной стоимости.

Въ тогдашней бѣдной стрѣльненской слободѣ было тѣсно отъ множества офицеровъ. Его Высочество былъ инспекторомъ всей кавалеріи, и изъ всѣхъ кавалерійскихъ полковъ призваны были по одному штабъ-офицеру и по два оберъ-офицера, для узнанія порядка кавалерійской службы, какъ сказано было въ официальной бумагѣ. Разумѣется, что изъ полковъ высланы были лучшіе офицеры—и потому въ Стрѣльнѣ было самое пріятное и самое веселое офицерское общество, какое когда-либо бывало въ арміи. Кто былъ въ Стрѣльнѣ въ это время, никогда не забудетъ ея. Здѣсь завязалась между многими офицерами дружба, продолжавшаяся во всю жизнь. Адъютантами при Его Высочествѣ были: лейбъ-гвардіи коннаго полка полковникъ Олсуфьевъ и ротмистръ Федоръ Петровичъ Опочининъ (нынѣ дѣйствительный тайный совѣтникъ

и членъ государственнаго совѣта). Они были первые любимцы Его Высочества и довѣренныя его лица. Изъ другихъ адъютантовъ, ротмистръ Шпербергъ былъ всегда въ откомандировкѣ, за ремонтъ. Ротмистръ Гиншъ управлялъ инспекторскою канцеляріей, подполковникъ нашего полка А. С. Шульгинъ (переведенный изъ эскадрона московскихъ полицейскихъ драгуновъ) употребляемъ былъ болѣе для посылокъ, а полковникъ астраханскаго гренадерскаго полка графъ Мнинъ, потомокъ знаменитаго фельдмаршала, занимался обученіемъ улановъ и конно-гвардейцевъ пѣхотной службы, которую тогда плохо разумѣли въ кавалеріи. Изъ сумскаго гусарскаго полка, для узнанія порядка службы, присланъ былъ подполковникъ Алексѣй Николаевичъ Потаповъ (нынѣ генералъ отъ кавалеріи и членъ государственнаго совѣта), прославившійся подвигами необыкновеннаго мужества въ послѣднюю войну, и отличный служака, котораго Его Высочество особенно полюбилъ и взялъ къ себѣ въ адъютанты. Въ это же время назначенъ былъ адъютантомъ ротмистръ князь Кудашевъ.

Офицеры собирались, по прежнему, на почтовой станціи, потому что другаго трактира не было въ Стрѣльцѣ, а знакомые съ графомъ Станиславомъ Феликсовичемъ Потоцкимъ проводили у него время и лакомились его лукулловскими обѣдами, какихъ никто не давалъ въ Петербургѣ. Графъ былъ холостъ, проживалъ въ годъ до полумилліона рублѣй ассигнаціями, и былъ первый гастрономъ своего времени, остроумецъ, весельчакъ и чрезвычайно любезенъ въ обращеніи. Графъ былъ ко мнѣ весьма ласковъ, отчасти, можетъ быть, и по землячеству, отчасти по своему знакомству съ графомъ Валицкимъ, и пригласилъ меня къ себѣ, разъ навсегда. Охотно пользовался я его снисходительностью и часто занималъ мѣсто за его роскошнымъ столомъ. У графа Станислава Феликсовича Потоцкаго видѣлъ я все, что было лучшаго въ гвардіи и между флигель-адъютантами; въ его домѣ познакомился я съ графомъ Александромъ Христофоровичемъ Бенкендорфомъ, который былъ ко мнѣ необыкновенно милостивъ и даже болѣе нежели снисходителенъ, до самой своей кончины. За то и я любилъ его душевно, и чту память его, потому что зналъ коротко его благородную, рыцарскую душу! Со слезами истинной горести положилъ я цвѣтокъ на его

* Онъ все еще былъ поручикомъ конной-гвардіи и непомѣрно толстъ. Подъ конецъ жизни, онъ лишился своей необыкновенной тучности.

могилѣ! Не думалъ и не гадалъ я тогда, что мнѣ придется писать его біографію! Изъ всѣхъ тогдашнихъ собесѣдниковъ графа Станислава Феликсовича Потоцкаго немного осталось въ живыхъ да и изъ всѣхъ тогдашнихъ стрѣльненскихъ офицеровъ едва двадцатая часть смотритъ еще на солнце! Все слегло въ могилу, большею частью преждевременнуо!...

Однажды, за обѣденнымъ столомъ, графъ Потоцкій сталъ подшучивать надъ однимъ флигель-адъютантомъ, бывшимъ въ короткихъ связяхъ съ знаменитою французскою трагическою актрисою, мадмоазель Жоржъ, которая была тогда въ полномъ цвѣтѣ красоты и въ полной своей славѣ. Когда шутки риконьетами обратились на самого графа, онъ сказалъ: «Но все же я ужасно боюсь связей съ Француженками! Это застрѣльщицы Наполеона и я готовъ биться объ закладъ, что всѣ онѣ, или по крайней мѣрѣ, три четверти шпіонки.... Меня предостерегли люди, которые очень хорошо знаютъ это дѣло....» Слова эти, какъ говорится, я наматалъ себѣ на усь. Ослѣпленный моею страстью, я нѣсколько проврѣлъ!...

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ нашей дружбы, Шарлота хотѣла знать мое мнѣніе о Наполеонѣ, и я сказалъ откровенно, что думалъ, а именно, что почитаю его величайшимъ гениемъ нашего вѣка, какъ полководца и какъ правителя, сокрушившаго гидру революціи, которую я всегда ненавидѣлъ и ненавижу, возстановившаго Вѣру, порядокъ и безопасность, но желалъ бы, для блага и славы самого Наполеона, чтобъ онъ укротилъ свое честолюбіе и, довольствуясь Франціей и сиротою Италіей, оставилъ въ покоѣ другіе народы.... Послѣ этого объясненія, дней за десять до обѣда графа Потоцкаго, Шарлота стала расхваливать передо мною нашу конницу и спросила у меня, сколько у насъ всей кавалеріи. Я не могъ ей отвѣчать на память. «А я и забыла тебѣ сказать», примолвила она, «что у меня есть въ Парижѣ двоюродный братъ, который занимается составленіемъ общей европейской статистики, и просилъ меня сообщить ему нѣкоторыя статистическія извѣстія о Россіи.... Трудъ этотъ, если будетъ хорошъ, доставитъ ему счастье.... Возмись, любезный другъ, собрать свѣдѣнія. Вотъ, напримѣръ, о вашей конницѣ тебѣ весьма легко будетъ собрать извѣстія въ канцеляріи вашего Шефа.... Возьми эту бумажку и отвѣчай мнѣ на вопросы....» Я легкомысленно обѣщавъ и взявъ четвертушку бумаги, на которой было десятка съ два вопросовъ, и не читая положила въ карманъ.... Молодо—зелено! Но какъ вслѣ-

кїя справки въ этомъ родѣ были для меня трудная задача, то я и не торопился, ожидая удобнаго случая, то есть встрѣчи съ людьми, которые могли бы отвѣчать основательно на эти статистическіе вопросы. Однакожъ, я прочелъ ихъ, бѣгло, дома, но мнѣ и на умъ не пришло какое либо дурное намѣреніе со стороны Шарлоты.

Слышанное отъ графа Потоцкаго возбудило во мнѣ сомнѣнія.... Я сталъ внимательно перечитывать вопросы и при этомъ случаѣ вспомнилъ предостереженіе добраго Талуэ, на счетъ Калишсы, Цирцей и Сиренъ! Это означало явно гибель отъ безразсудной любви! И точно, вопросы, по внимательномъ разсмотрѣнїи, показались мнѣ весьма странными, даже подозрительными, и вовсе чуждыми статистикѣ. Напримѣръ, въ вопросѣ о кавалерїи надлежало объяснить комплектъ полка и означить, сколько рекрутъ поступило въ полкъ, послѣ войны. Спрашивалось также: какой комплектъ артиллерїи при стотысячной арміи?... Всего теперь не вспомню. Но что болѣе всего меня поразило—это вопросъ: какимъ образомъ получаютъ и распространяются въ Россїи англійскіе журналы и брошюры, и гдѣ именно центръ англійскихъ приверженцевъ?... Почему этотъ вопросъ касался статистики?... Дѣло показалось мнѣ яснымъ, но я все еще не хотѣлъ вѣрить дурному намѣренію, и полагалъ, что сама Шарлота могла быть обманута. Прежде всего я рѣшился посоветоваться съ зятемъ моимъ, А. М. И., человѣкомъ необыкновенно умнымъ, проницательнымъ и холоднымъ—и на другой день отправился въ Петербургъ.

«Что бы вы подумали, если бъ эти вопросы предложены были вамъ Французомъ?» спросилъ я у зятя, подавъ ему бумагу. Онъ прочелъ и сказалъ рѣшительно: «Вопросы эти предложены политическимъ шпиономъ недогадливому человеку, который можетъ за это заплатить честью и всею своею карьерою....»—«Недогадливый, это я: однако жъ, я ничѣмъ платить не намѣренъ, потому что отвѣчать не стану.»—«Но ты долженъ объявить....» примолвилъ онъ. «Вотъ тогда-то именно я лишился бы чести», возразилъ я: «потому что вопросы предложены мнѣ женщиною, которую я обожаю до сей минуты....»—«Дѣлай, какъ хочешь, но я предостерегаю тебя, что это дѣло весьма опасное», примолвилъ онъ: «надобно быть безумнымъ, чтобъ не видѣть въ этихъ вопросахъ политической цѣли....» Я простился съ зятемъ, и доухалъ къ Шарлотѣ.

Проникновеніе это до того меня растрожило, что она, по лицу моему, угадала, что со мною случилось что-нибудь весьма неприятное. «Что съ тобою?» спросила она, съ безпокойствомъ. «Сядишь и переговоримъ!» сказалъ я холодно. Мы сѣли другъ противъ друга; она на софѣ, а я на стулѣ, возлѣ столика. «Могъ ли я думать, что наша дружба должна кончиться моею погибелью?...» — «Не понимаю!» возразила она. — «Что означаютъ твои, такъ называемые *статистическіе вопросы*?... Шарлота.... я все знаю.... все открылось!...» Она поблѣднѣла, какъ полотно, и судорожныя движенія появились въ лицѣ ея. Неподвижными глазами смотрѣла она на меня. «Ты погубилъ меня!...» сказала она тихимъ, прерывающимся голосомъ, зарыдала и упала на софу, повторяя: «О, я несчастная! о, я безразсудная!...» Прибѣжала тетка ея, и мы вмѣстѣ стали помогать Шарлотѣ. «Я не погубилъ и не погублю тебя.... но, ради Бога, успокойся и выслушай меня!» Черезъ полчаса она успокоилась, но такъ измѣнилась въ лицѣ, какъ будто послѣ шести-мѣсячной тяжкой болѣзни. Видно, что она была неопытна въ своемъ ремеслѣ, и что занялась имъ вопреки своимъ чувствамъ. «Безъ объясненій!» сказалъ я: «уѣзжай отсюда и дѣло этимъ кончится. Но если ты останешься здѣсь еще недѣлю, я ни за что не ручаюсь.... Помни, что къ Россіи прилегаетъ.... Сибирь!» Она снова расплакалась, и даже хотѣла смягчить меня разными софизмами, особенно надеждами Поляковъ, благодарностью Наполеона и тому подобное. «Если бъ я не почиталъ Наполеона честнымъ человѣкомъ, то при всей его славѣ и гонимости, я презиралъ бы его, такъ какъ и онъ, безъ всякаго сомнѣнія, презираетъ каждаго измѣнника и шпіона.... Подъ русскими знаменами нѣтъ чужеземцевъ и каждый, кто надѣлъ Русскій мундиръ, тотъ уже Русскій и долженъ быть вѣренъ своему Государю и Россіи. Насильно здѣсь никого не удерживаютъ, но жить, служить въ Россіи и употреблять во вредъ ей чью бы ни было довѣренность, это верхъ подлости!... И я прошу тебя, въ послѣдній разъ, замолчать и повиноваться безусловно моему вредоуженію, потому что каждое твое слово есть для меня оскорбленіе!... Или обратно во Францію, или въ Сибирь.... выбирай!...» — «Бду во Францію», сказала она тихо, и, бросивъ на меня самый гнѣбный, то есть самый убійственный взглядъ, примолвила: «но неужели мы разстанемся врагами?» — «Дружбы между нами уже быть не можетъ, послѣ того, какъ ты захотѣла употре-

Быть ее на мою погибель и бечестье, а вражду принишу я въ жертву премьему.... Прощай и собирайся въ дорогу!....» Она хотѣла остановить меня, но я вырвался и стремглавъ побѣжалъ съ лѣстницы.... Долженъ ли я сознаться въ слабости! Я самъ заплакалъ, и сѣвъ въ сани велѣлъ везти себя, безъ всякой цѣли, на Петербургскую Сторону, а потомъ перѣѣхалъ на Крестовскій Островъ и остался тамъ до вечера, расхаживая одинъ по нустой дорогѣ. Мнѣ было жаль разстаться съ Шарлотой.... досадно, что это случилось.... но дѣлать было нечего! Ночью я возвратился въ Петергофъ и съ горя принялся за службу. Мой ротмистръ удивлялся, что я не выходилъ изъ конюшни и изъ манежа, первый являлся на разводъ, не пропускалъ даже унтеръ-офицерскаго ученья, ни одной проѣздки....

Черезъ десять дней послѣ этого происшествія, я получилъ позволеніе съѣздить на сутки въ Петербургъ. Шарлоты уже не было на ея квартирѣ. Я справился въ канцеляріи военнаго генералъ-губернатора, и узнать, что ей была выдана, по запискѣ французскаго посла, подорожная, чрезъ Москву, до Бродъ.... Она уѣхала въ Вѣну, сказали мнѣ въ магазинѣ госпожи Ксавіе, ея пріятельницы, гдѣ она забирала модные товары. Я сжегъ всѣ записки и тѣмъ это дѣло кончилось. Пусть это происшествіе послужитъ урокомъ не только молодымъ людямъ, но и старикамъ любителямъ короткихъ связей съ иностранками. Иногда безвѣстно можно навлечь на себя большое несчастье. Хорошо, что я такъ счастливо отдѣлался!

Припоминаю одно траги-комическое приключеніе, случившееся со мною въ то время, когда я былъ въ дружбѣ съ этою сиреною, которой я повиновался безусловно. Шарлота была въ большой дружбѣ съ нѣсколькими Француженками, содержательницами модныхъ магазиновъ, актрисами и нѣкоторыми женщинами щеголихами, ловкими, умными, которыхъ занятія были мнѣ неизвѣстны. Между ними особенно памятна мнѣ мадамъ Ксавіе, женщина необыкновенно высокаго роста, величественнаго вида, тогда уже на отлетѣ, но сохранившая слѣды необыкновенной красоты. Говорили, что во время французской революціи, когда безумцы уничтожали во Франціи христіанскую вѣру, мадамъ Ксавіе, имѣвшая тогда другое прозваніе, избрана была Робеспьеромъ и его сообщниками, составлявшими комитетъ общественной безопасности (Comité du salut public), для разыгрыванія роли богини Разума — и развѣзжала на торжественной колесни-

цѣ по Парижу. Я однажды спросилъ у мадамъ Ксавье, справедливо ли это — и она отвѣчала мнѣ шуткою: «*Le rouquin pas!* (а почему же нѣтъ!) Развѣ я не создана для роли богини!» — Госпожа Ксавье была женщина необыкновеннаго ума, умѣла свести весьма короткое знакомство со многими изъ русскихъ дамъ, и даже ѣздила къ нѣкоторымъ изъ нихъ въ домъ, когда онѣ принимали только самыя короткія и близкія лица. О связяхъ мадамъ Ксавье говорили, кажется, болѣе даже, чѣмъ было въ самомъ дѣлѣ; но справедливо, что въ ея квартирѣ бывали иногда свиданія, между лицами, которыя не могли сходиться явно. Другая пріятельница Шарлоты, также содержательница моднаго магазина, была госпожа ***. Не могу назвать ее, потому что дочь ея вышла за мужъ за русскаго дворянина, человека отличнаго. Другой короткой пріятельницы Шарлоты госпожи ****, я также не долженъ называть по имени. Дѣти и внуки ихъ люди порядочные и не должны отвѣчать за юность своихъ бабушекъ или маменекъ. Шарлотѣ вздумалось ѣхать, съ дочерью госпожи*** и госпожею****, въ маскарадъ, къ Фельету, и мнѣ надлежало быть ихъ кавалеромъ. За недѣлю впередъ говорили, что маскарадъ будетъ блистательный, и что тамъ будетъ весь дипломатическій корпусъ и вся наша знать. Мои дамы собирались мистифировать важныя лица, слѣдовательно надлежало и мнѣ маскироваться, чтобъ по мнѣ и ихъ не узнали. Долго разсуждали о костюмѣ и рѣшилесь, чтобъ я одѣлся дикимъ Американцемъ, а онѣ Креоками. У театральнаго костюмера господина Натье, я выбралъ для себя богатый костюмъ, трико, коричневаго цвѣта, поясъ и головной уборъ изъ строусовыхъ разноцвѣтныхъ перьевъ и плащъ изъ настоящей тигровой шкуры. При этомъ были, разумѣется, колчашъ съ стрѣлами, лукъ, булава и нѣсколько снурковъ коралловъ, на шеѣ. Въ день маскарада, къ вечеру мнѣ принесли мой костюмъ, и я, нарядившись въ него, захотѣлъ похвастать передъ товарищами и въ восемь часовъ вечера отправился въ конногвардейскія казармы, къ искреннему пріятелю моему, поручику Фацу (нашего лейбъ-эскадрона), домохвату, у котораго всегда почти по вечерамъ собирались офицеры. Поверхъ моего костюма я надѣлъ офицерскую шинель, въ одинъ рукавъ, и уланскую шапку. Пробывъ съ часъ у Фаца, съ офицерами, я вознамѣрился ѣхать къ моимъ дамамъ. Вышедъ на лѣстницу, услышалъ я звуки шпоръ въ низу. Я остановился на поворотѣ лѣстницы, возлѣ

фонаря — и вдруг Его Высочество Цесаревичъ взбѣжалъ на лѣстницу, и, увидѣвъ меня, остановился.... Надлежало взяться за козырекъ шапки.... я поднялъ руку — и мой американскій костюмъ блеснулъ во всей красѣ!.... Дѣлать было нечего — попался! Его Высочество велѣлъ мнѣ подождать себя на лѣстницѣ, а самъ пошелъ въ полковую канцелярію, чрезъ нѣсколько минутъ воротился и сказалъ мнѣ: «Ступай за мною!» Я повиновался. Его Высочество былъ съ адъютантомъ своимъ полковникомъ Олсуфьевымъ; они сѣли въ сани, а Его Высочество сказалъ мнѣ: «Становись на запятки!» Я исполнилъ Его приказаніе. «Пошелъ въ Мраморный Дворецъ!» — и сани понеслись. Вотъ-те и маскарадъ — на гауптвахтѣ!... подумалъ я.

Въ нижнемъ этажѣ Мраморнаго Дворца жилъ тогда сенаторъ графъ Иллинскій, котораго Его Высочество узналъ коротко и полюбилъ, когда графъ Иллинскій былъ безсмѣннымъ дежурнымъ камергеромъ въ Гатчинѣ, у Высокаго Его Родителя, бывшаго тогда Наслѣдникомъ Престола. Графиня Иллинская, Полька, премилая, умная дама, принимала у себя общество, которое нравилось Его Высочеству — и это развлекало Его, когда Онъ пріѣзжалъ изъ Стрѣльны въ Петербургъ. Графиня Иллинская была особенно дружна съ княжною Жанеттою Антоновною Четвертинскою (младшею сестрою Марьи Антоновны Нарышкиной, вышедшею послѣ замужъ за пожилаго польскаго дворянина Вышковскаго) — и съ нѣкоторыми гругими Польками. Въ домѣ графа Иллинскаго, правильнѣе графини, потому что самъ онъ мало занимался обществомъ — былъ совершенно польскій тонъ, непринужденность, веселость, шутки и откровенное гостепріимство. Душою этого общества была княжна Ж. А. Четвертинская.

Когда сани подѣхали къ крыльцу, я соскочилъ съ запятокъ и ждалъ пока Его Высочество прикажетъ мнѣ идти на гауптвахту — но чрезвычайно удивился, когда Онъ велѣлъ мнѣ слѣдовать за собою въ комнаты. Снявъ шинель въ передней, Его Высочество велѣлъ и мнѣ сдѣлать тоже и идти за нимъ.

Въ этотъ вечеръ было у графини Иллинской общество, которое собиралось ѣхать въ маскарадъ, къ Фельету, нѣсколькими кадрилями. Комнаты были, какъ водится, ярко освѣщены. Я держалъ въ одной рукѣ мою уланскую шапку, а въ другой — мой американскій головной уборъ. Его

Высочество велѣлъ мнѣ надѣть его, ввелъ меня, за руку, въ гостиную, представилъ дамамъ, сказавъ: «Voilà, mesdames, un échantillon du régiment que j'ai l'honneur de commander!» (то есть—вотъ образчикъ полка, которымъ я имѣю честь командовать!) — и примолвилъ, улыбаясь: «виноватъ — самъ я не успѣлъ еще обмундироваться!» Потомъ обратясь къ графинѣ Иллинской, прибавилъ: «c'est pourtant votre protégé!» (то есть, это однако жъ, покровительствуемый вами). Я поклонился дамамъ, и въ безмолвіи ожидалъ своей участи.

Графиня Иллинская была въ хорошихъ отношеніяхъ съ сестрою моею Антониною и съ графомъ Валицкимъ, знала меня, и даже безъ моей просьбы и безъ моего вѣдома, нѣсколько разъ просила Его Высочество быть снисходительнымъ къ моей молодости. Умныя Польки начали хохотать и хотѣли обратить дѣло въ шутку: но я нарушилъ законы дисциплины*, а Его Высочество не любилъ этого. Обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ: «Извольте, сударь, итти!» — «На которую прикажете!» спросилъ я. Эта догадка, что я долженъ непременно итти па гауптвахту, размѣшила Цесаревича, а мое сознаніе въ випѣ смягчило Его. «Можете выбирать!» сказалъ Онъ, отвернувшись отъ меня и смѣясь. Я вышелъ, намѣреваясь возвратиться въ Петергофъ, по выбѣжавшій за мною лакей сказалъ мнѣ, отъ имени графини Иллинской, чтобъ я подождалъ въ сѣняхъ. Между-тѣмъ дамы стали упрашивать Великаго Князя, чтобъ Онъ простилъ меня, и Его Высочество согласился. Меня снова призвали въ залу, и Его Высочество, сказавъ, что прощаетъ мнѣ *въ послѣдній разъ* поддбную шалость, приказалъ немедленно ѣхать въ эскадронъ.

Я заѣхалъ къ моимъ дамамъ, которыя съ нетерпѣніемъ ожидали меня, и рассказалъ имъ случившееся со мною. Тщетно уговаривали они меня переѣмнить костюмъ, ѣхать съ ними въ маскарадъ, и къ утру возвратиться въ Петергофъ; я не согласился, совѣстясь обманомъ заплатить Его Высочеству за великодушное прощеніе... поѣхалъ немедленно въ эскадронъ, и въ Петергофъ, на гауптвахтѣ, просилъ записать часъ и минуту, когда я прибылъ, а потомъ уже отпра-

* Офицерамъ позволено было костюмироваться въ маскарадѣ — но они должны были не снимать маски и прѣзжать въ маскарадъ уже замаскированными. Развѣзжать же по городу, въ костюмѣ — значило нарушеніе формы.

вылся на квартиру. Какъ я предвидѣлъ, такъ и случилось. Его Высочество велѣлъ справиться, въ какую пору я прѣѣхалъ въ Петергофъ, и когда ему представили книгу * съ гауптвахты, онъ остался доволенъ.

Говоря о маскарадахъ, составлявшихъ тогда одно изъ главныхъ увеселеній столицы, я долженъ разсказать о происшествіи, которое надѣлало, въ свое время, много шума, было разсказываемо и даже описываемо различнымъ образомъ, а именно — о *мертвецѣ*, въ маскарадѣ Фельета. Происшествіе это годилось бы въ романъ А. Дюма или Евгенія Сю.

Я уже говорилъ о домѣ Кушелева (на Дворцовой площади, гдѣ нынѣ зданіе главнаго штаба Его Императорскаго Величества), нашемъ палероялѣ, въ миниатюрѣ. Комнаты, въ которыхъ Фельетъ давалъ маскарады, расположены были вокругъ корридора. По сторонамъ, въ углубленіи, были небольшія комнаты, для отдохновенія, а для танцевъ двѣ большія залы. Выходовъ было четыре. Комнаты меблированы были хотя не такъ богато, какъ въ домѣ господина Энгельгардта, когда тамъ начались маскарады, но со вкусомъ — и что важнѣе, въ комнатахъ Фельета было много уютности (комфорта). Веселились тогда шумно. Обѣдали и ужинали гораздо раньше нынѣшняго, но когда веселились, то не смотрѣли на часы. Мы помнили хорошо, что время далъ намъ Богъ на радость, а часы — люди выдумали!

Въ одиннадцать часовъ вечера нѣсколько молодыхъ людей оканчивали ужинъ возмѣнѣями Бахусу. Предлагали различные тосты. «Я слышалъ, что ты хотѣлъ жениться, въ провинціи», сказалъ одинъ молодой человѣкъ своему товарищу: «не выпить ли за здоровье твоей невѣсты!» — «Древняя исторія!» возразилъ товарищъ. «На всѣхъ хорошенькихъ нельзя жениться. Это была игра фантазіи... занятіе отъ скуки: *passé-temps!* Въ деревнѣ я нашелъ премиленькую сосѣдку, вдовушку, и мы подружились, на время моего отпуска... Сосѣдки разболтали, что я женихъ... и я отъ страха бѣжалъ изъ деревни...» — «Но я слышалъ, что ты далъ слово, формальное обѣщаніе», возразилъ молодой человѣкъ. — «Любовныя клятвы записываются, какъ говорили поэты, стрѣлою Амура, на морскихъ волнахъ... подулъ вѣтеръ — и клятва исчезла!...» Въ это время женская маска (черное

* Въ Стрѣльнѣ и Петергофѣ на гауптвахтахъ были книги, въ которыхъ записывались всѣ необыкновенныя происшествія. Этотъ журналъ былъ весьма полезенъ во многихъ случаяхъ.

домино) приблизилась къ столу и ударила молодаго чело-
вѣка по плечу. Молодой челоуѣкъ, не кончивъ рѣчи, огля-
нулся — и черное домино, погрозивъ ему пальцемъ, прошло
мимо. — «Вотъ, кстати, предлагаю вамъ послѣдній тостъ:
за здоровье этой маски и за благія надежды!» сказалъ мо-
лодой челоуѣкъ. «Это должна быть прелестная женщина!»
продолжалъ онъ: «Она мистифируетъ меня цѣлый вечеръ
и я рѣшился, во что бы ни стало, узнать, кто она.» Выпивъ
послѣдній бокалъ, молодой челоуѣкъ, угощавшій своихъ
пріятелей, отдалъ одному изъ нихъ сторублевую ассигна-
цію, прося расчитаться, и вскочилъ изъ-за стола, извинив-
шись, что долженъ продолжать свой романъ съ чернымъ до-
мино. Замаскированная дама, казалось, ждала его въ углу
комнаты, и когда онъ подошелъ къ ней, подала ему руку...
Они пошли расхаживать по комнатамъ.

Маскарадная любовь и вино — родныя сестры. Согрѣтый
шампанскимъ, молодой челоуѣкъ сдѣлался во сто разъ смѣ-
лѣе, и сталъ прямо изъясняться въ любви, общая, разу-
мѣется, *все*... вѣрность, покорность и цѣлое Эльдорадо, съ
золотыми горами! Маска хохотала. «Я слышала, какъ ты
разсуждалъ о любви и вѣрности», сказала она: «и твой об-
разъ мыслей, на этотъ счетъ, не можетъ возбудить въ жен-
щинѣ довѣренности!...» — «Ты ничего не слышала», от-
вѣчалъ молодой челоуѣкъ: «мало ли что говорится въ пріятельской бесѣдѣ!» — «Но тебя упрекали, что ты далъ *слово*
жениться и не сдержалъ обѣщанія...» — «Какое это обѣ-
щаніе! Шутка и только!» — «Но развѣ можно шутить че-
стью и спокойствіемъ женщины?» — «Полно серіозничать и
морализировать: теперь не пора и не мѣсто!... Если бъ я на-
шелъ такую умную женщину, какъ ты, милая маска, и хотъ
сотую долю красоты, въ сравненіи съ умомъ, то сдержалъ
бы слово.» — «А развѣ та женщина, которой ты далъ *слово*,
была глупа и безобразна?» — «Нѣтъ! но слишкомъ чувстви-
тельна, а я не люблю плаксивыхъ...» — «А, ты не любишь
чувствительныхъ!...» — Въ этомъ духѣ продолжался разго-
воръ, пока наконецъ молодой челоуѣкъ рѣшился просить у
маски позволенія проводить ее до дому, предлагая ей свой
экипажъ. «Согласна, чтобъ ты проводилъ меня до дому, но
въ моемъ экипажѣ» и они вышли въ сѣни.

Молодой челоуѣкъ чрезвычайно удивился, увидѣвъ, что
и лакей, державшій салопъ дамы, былъ замаскированъ.
Этого онъ еще не встрѣчалъ въ своей жизни, и потому, ведя

даму, подъ руку, съ лѣстницы, изъявилъ ей свое удивленіе. «Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; зачѣмъ же и маскироваться, если по прислугѣ и экипажу можно узнать, кто подъ маской.... Мы здѣсь не одни, и я не хочу, чтобъ нѣкоторые люди меня узнали....» Карета, запряженная четверкой лихихъ коней, стояла на углу Большой Морской; они сѣли въ карету, и дама сказала лакею: «Поскорѣе домой!» Лошади понеслись во всю прыть.

Въ экипажѣ молодой человѣкъ и дама перемѣнили тонъ. Они уже говорили другъ другу *вы*. Молодой человѣкъ, почитая себя счастливымъ, нѣжничалъ; дама отвѣчала чрезвычайно остроумно, какъ бы ободряя молодого человѣка и утверждая его въ надеждахъ, но не подавала ни какого повода къ вольностямъ: напротивъ, удерживала его въ границахъ. Напрасно просилъ онъ, чтобъ она сняла маску. «Будетъ еще довольно времени!» говорила дама. Какъ она ни занимала молодого человѣка разговорами, но все же ему показалось, что они ѣдутъ очень долго, и онъ не могъ удержаться, чтобъ не сказать: «Вы очень далеко живете!» — «На дачѣ, за городомъ», отвѣчала дама. — «Зимою?» — «Всегда! Тамъ тихо и спокойно!» Это еще болѣе воспламенило воображеніе молодого человѣка. Онъ воображалъ себѣ счастье, которымъ онъ будетъ наслаждаться, въ уединеніи, съ прелестною и умною женщиною, и сгаралъ отъ нетерпѣнья пріѣхать скорѣе на мѣсто.

Наконецъ карета остановилась. Лакей отперъ дверцы, и молодой человѣкъ, вышедъ послѣ дамы, крайне изумился, когда увидѣлъ, что они... на Смоленскомъ кладбищѣ. «Не бойтесь!» сказала дама. «Здѣсь я сниму маску, и если я вамъ понравлюсь, то вы должны дать мнѣ слово на гробѣ въ вѣрности!.... Иначе я оставлю васъ здѣсь и уѣду!...» Молодой человѣкъ согласился. Они вошли въ ограду, и дама привела его къ свѣжей ямѣ, еще раскрытой, и сняла маску.... Молодой человѣкъ взглянулъ и обомлѣлъ отъ ужаса.... это была *мертвая голова!*.... Дама протянула руку къ молодому человѣку.... это былъ *скелетъ!*... До-сихъ-поръ дама говорила поддѣльнымъ голосомъ, а теперь она заговорила своимъ — и онъ узналъ голосъ женщины, имъ обманутой, которой онъ обѣщалъ жениться.... «Обманъ твой сведъ меня въ могилу!» сказала она важно, — «и я явилась изъ гроба, чтобъ въ послѣдній разъ упрекнуть тебя въ гнусномъ обманѣ и предать на вѣки проклятію!.... Лишить женщину доб-

раго имени есть преступленіе выше смертоубійства!... Ты обмануль меня, отравилъ мое спокойствіе, покрывъ стыдомъ единственное дитя мое....» Она не договорила, и уже молодой человѣкъ лежалъ безъ чувствъ у ногъ ея....

Когда онъ пришелъ въ себя, онъ лежалъ въ постелѣ, у себя дома. Сердце его сильно забилося, когда онъ увидѣлъ сидящую возлѣ его постели ту самую женщину, которой далъ слово жениться и которая явилась ему мертвецомъ на кладбищѣ. Онъ хотѣлъ говорить, но дама, приложивъ палець къ устамъ своимъ, дала знать, что это ему запрещено. Послали поспѣшно за докторомъ, который скоро явился и объявилъ, что кризисъ кончился, и что онъ ручается за жизнь больнаго. Девять сутокъ пролежалъ онъ въ безпамятствѣ, въ нервной горячкѣ, и обманутая имъ женщина не отходила ни на минуту отъ его постели. Наконецъ настало выздоровленіе и примиреніе, и первый выѣздъ молодаго человѣка былъ въ церковь, подъ вѣнецъ. Женившись, онъ немедленно уѣхалъ, съ молодою и прекрасною женою, въ деревню, чтобъ избавиться толковъ и распросовъ.

Такъ рассказывали этотъ случай, объясняя дѣло слѣдующимъ образомъ. Молодая вдова знала, что обманувшій ее любовникъ чрезвычайно суевѣренъ, и притомъ волокита. Начитавшись, вѣроятно, тогдашнихъ модныхъ романовъ господи Радклифъ, въ которыхъ мертвецы играли первыя роли, она вздумала романтически отмстить невѣрному. Приѣхавъ въ Петербургъ, она развѣдала о всѣхъ привычкахъ его и рѣшилась сыграть съ нимъ шутку, избравъ маскарада для ея начала. Она заказала маску, мертвую голову и родъ перчатокъ, въ видѣ кисти скелета, и надѣла передъ тѣмъ временемъ, какъ рѣшилась выѣхать изъ маскарада, прикрывъ мертвую голову обыкновенною маскою. Дама думала только напугать молодаго человѣка и высказать ему нравученіе, на могилѣ, но послѣдствія превзошли ея предположенія и молодой человѣкъ едва не лишился жизни. Она сама отвезла его домой, поселилась у него до выздоровленія, и потомъ созналась въ своей винѣ, и просила прощенія. Молодой человѣкъ, имѣвъ время раздумать о своемъ поступкѣ, рѣшился исправить его, и дѣло кончилось благополучно. Я слышалъ недавно, что оба они не раскаявались и дожили счастливо до старости.

Справедливо ли это прѣисшествіе или нѣтъ, не мое дѣло. Такъ рассказывали тогда. Вообще въ то время въ обще-

ствахъ не всѣ обязаны были играть въ карты, и тогда еще умѣли бесѣдовать и любили рассказы. Теперь юноши живутъ и ведутъ себя, какъ старики; студенты играютъ отлично въ карты, во всѣ игры; безбородые мальчики пьютъ шампанское, какъ воду, и почитаютъ, что дѣлаютъ одолженіе хозяйкѣ, когда передвигаютъ ноги, не въ тактъ, подъ музыку. Дѣти курятъ теперь сигары, какъ Негры на табачной фабрикѣ, въ Америкѣ! Тогда юноша и молодая дама не смѣли сѣсть за карточный столикъ; они или танцевали, или занимались разговорами, музыкою. Хорошіе рассказчики высоко цѣнились, и многіе этимъ качествомъ вышли въ люди, какъ теперь выходятъ пикетомъ и преферансомъ.

Вотъ другое совершенно сираведливое происшествіе, которое въ то же почти время надѣлало шуму въ столицѣ. Въ царствованіе Императрицы Екатерины-Второй нѣкто титулярный Совѣтникъ Назаровъ или Лазаровъ (не помню точно прозванія) имѣлъ собственный домъ на Екатерининскомъ Каналѣ, и отдавалъ въ наймы разныя квартиры, съ мебелью и безъ мебели. Наняли у него двѣ комнаты, на дворѣ, пріѣхавшіе изъ Малороссіи, панычъ, молодой человекъ лѣтъ осемнадцати, съ своимъ воспитателемъ, поповичемъ. Въ одно воскресенье пріѣзжіе пошли въ церковь и около полудня воротился одинъ панычъ. Хлѣбосольный хозяинъ запросилъ его къ себѣ, на завтракъ, и принудилъ выпить рюмку или двѣ водки. Молодой человекъ опьянѣлъ и пошелъ спать. Хозяинъ проводилъ его въ квартиру и оставался тамъ съ полчаса времени. Никто не видалъ, когда возвратился воспитатель паныча; но когданачало смеркаться, на дворѣ раздался вопль и крикъ: «Убили, зарѣзали!» Хозяинъ и многіе жильцы выбѣжали на дворъ и увидѣли воспитателя, въ отчаяннн рвущаго на себѣ волосы и съ горькимъ плачемъ вопіющаго: «Убили, зарѣзали мое дѣтище, моего питомца! Вошли въ квартиру и увидѣли среди комнаты обезглавленный трупъ несчастнаго молодого человека, въ лужѣ крови, и возлѣ трупа топоръ. Комодъ былъ разломанъ и вещи разбросаны по полу. Послали за полиціей, и началось слѣдствіе.

Гдѣ былъ молодой человекъ по возвращеніи изъ церкви? У хозяина дома, который *принудилъ* его выпить съ нимъ водки, хотя молодой человекъ отговаривался. Это показала служанка хозяина, и самъ хозяинъ сознался. Молодой человекъ пошелъ хмѣльной въ свою квартиру, и хозяинъ проводилъ его и оставался съ нимъ наединѣ. Какимъ образомъ воспита-

тель вошелъ въ квартиру, когда она была заперта? Онъ показаль другой ключъ, который нарочно былъ имъ заказанъ, чтобъ одному не ждаль другаго, если они возвратятся домой не вмѣстѣ. Хозяинъ зналь объ этомъ и посылаль своего дворника къ слесарю. Чей былъ топоръ? Дворника. Это показали жильцы, и самъ дворникъ сознался. Одинъ изъ жильцовъ показаль, что во время отсутствія воспитателя видѣль возлѣ дверей Малороссіянъ дворникова сына. Воспитатель объявилъ, подѣ присягою, что отецъ молодаго человѣка повѣрилъ ему 15,000 рублей, для уплаты одному малороссійскому помѣщику, за купленную у него землю, съ мельницею, но что этотъ помѣщикъ, служившій въ гвардіи, былъ тогда въ командировкѣ, а потому деньги лежали въ коммодѣ. Хозяинъ не отпирался, что воспитатель говорилъ ему объ этихъ деньгахъ, прося, чтобъ онъ приказаль присматривать за квартирою, во время ихъ отсутствія. Молодой человѣкъ отлучался часто и проживаль дни у своей тетки, на Васильевскомъ Острову, а воспитатель проводилъ время у своихъ знакомыхъ, старинныхъ совоспитанниковъ семинаріи. Послѣ слѣдствія посадили въ тюрьму хозяина квартиры, дворника и его сына, и началось уголовное дѣло.

Когда это дѣло производилось, уже не было формальной пытки или *застѣнка*, но еще существовали, такъ называемые, *допросы съ родительскимъ увѣщаніемъ*, употребляемые въ такихъ только случаяхъ, когда улики были явныя и заpiresательство приписываемо было ожесточенію преступника. Кормили сельдями и запирали въ истопленную баню, заставляя терпѣть мучительную жажду, и допрашивали подѣ розгами, вѣря, что розгами костей не изломить. Благодаря Бога, времена эти прошли! Сынъ дворника не вытерпѣль, однакожь, этихъ чловѣколюбивыхъ средствъ къ открытію истины, и умеръ послѣ нѣсколькихъ допросовъ. Самого дворника присудили къ обыкновенному наказанію и ссылкѣ, а хозяина дома—къ лишенію чиновъ и вѣчной ссылкѣ на каторжную работу. Домъ поступилъ во владѣніе къ дальнимъ родственникамъ, потому что хозяинъ былъ вдовецъ и не имѣль дѣтей.

Прошло слишкомъ двадцать лѣтъ. Воспитатель убитаго молодаго человѣка опредѣлился, между тѣмъ, въ службу, по гражданской части и уже имѣль чинъ коллежскаго совѣтника. Онъ служилъ въ Бѣлоруссіи или минской губерніи (не помню, гдѣ именно, но знаю, что въ губерніяхъ, возвращен-

ныхъ отъ Польши). Поѣхавъ однажды, въ отпускъ, въ кievскую губернію, онъ возвращался оттуда съ богатымъ купцомъ, въ дорогѣ зарѣзалъ его и похитилъ значительную сумму денегъ. По горячимъ слѣдамъ преступленіе было открыто, и онъ сознался, а при допросѣ показалъ, что у него на совѣсти тяготѣетъ другой грѣхъ, именно убійство его воспитанника и похищеніе 15,000 рублей, принадлежавшихъ отцу убитаго. Объ этомъ донесено было Государю Императору, который приказалъ немедленно освободить безвинныхъ и привезти ихъ въ Петербургъ. Отыскивать этихъ несчастныхъ поручено было тогдашнему иркутскому полиціимейстеру Картаневу. Цѣлый годъ бился онъ, пока отыскалъ слѣды ихъ. Дворникъ умеръ на каторгѣ, а хозяинъ дома, удрученный лѣтами, измученный тяжкою работою, сдѣлался почти бессмысленнымъ и даже позабылъ прежнее свое прозваніе. Его привезли въ Петербургъ и отдали на руки одному изъ первыхъ лейбъ-медиковъ, который успѣлъ возбудить въ немъ угасающую искру жизни. Домъ его перешелъ давно въ третьи руки и былъ уже сломанъ; наслѣдникъ умеръ: не съ ко-го было взыскивать. Государь Императоръ и вся Царская Фамилія облагодѣтельствовали старика, и сверхъ того, во многихъ домахъ открыта была подписка въ его пользу. Несчастный пришелъ наконецъ въ память, и когда его спросили, чего онъ желаетъ, въ вознагражденіе своихъ безвинныхъ страданій, старикъ отвѣчалъ, что былъ бы счастливъ, если бы получилъ..... чинъ! Его произвели въ слѣдующій чинъ.

Морали тутъ не нужно. Во всѣхъ государствахъ, гдѣ даже въ судьи избираются люди, изучившіе юриспруденцію—случаются подобныя ошибки. Здѣсь главное не въ учености судьи, не въ познаніи законовъ, не въ изученіи римскаго права, новъ изученіи человѣчества и познаніи человѣческаго сердца. Характеръ человѣка не можетъ быстро переломиться—и честный человѣкъ не сдѣлается мгновенно злодѣемъ. Въ гнѣвъ, въ ослѣпленіи страсти, и честный человѣкъ можетъ за-быться на минуту и совершить дѣло противозаконное, даже противунравственное; но честный человѣкъ никогда не покусится на жизнь ближняго... изъ корысти. Первое слѣдствіе—основаніе дѣла, и въ низшихъ инстанціяхъ, гдѣ производится первое изслѣдованіе, должны быть самые благонамѣренныя и просвѣщенные чиновники, каковы мирные судьи (*judge de paix*) во Франціи и шерифы въ Англии. Сколько бѣдствій отвращено было бы, еслибъ первое слѣдствіе произво-

дѣлось всегда людьми просвѣщенными, понимающими цѣну чести и добраго имени!

Вообще въ то время въ Петербургѣ было весьма много возвращенныхъ изъ Сибири. Нѣкоторые изъ нихъ пробыли по двадцати и по тридцати лѣтъ въ ссылкѣ, безъ суда и слѣдствія, бывъ сосланы, по большей части, временщиками, въ царствованіе Императрицы Екатерины-Второй, которая объ этомъ ничего не знала. У извѣстнаго откупщика Абрама Израелевича Перца я видѣлъ старика, прежняго поставщика провіанта на армію, который сосланъ былъ свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ, за ссору съ любимцемъ князя, откупщикомъ, а потомъ богатымъ помѣщикомъ могилевскимъ, Янчинымъ, и пробылъ въ Сибири осемнадцать лѣтъ. Старикъ разсказывалъ при мнѣ, какимъ образомъ онъ попалъ въ ссылку. Князь Потемкинъ, бывъ въ Могилевѣ, призвалъ къ себѣ старика, пріѣхавшаго для расчетовъ съ Янчинымъ, и сказалъ ему, что онъ долженъ кончить дѣло въ двадцать-четыре часа. «Кончу въ полчаса, если меня удовлетворятъ», отвѣчалъ старикъ.—«Я вѣрю больше Янчину, нежели тебѣ», сказалъ князь.—«Виновать повѣренный Янчина, а самъ Янчинъ не правъ лишь тѣмъ, что довѣрилъ плуту, и не только не хочетъ разсмотрѣть моихъ счетовъ, но и обошелся со мною грубо», возразилъ старикъ.—«Ты самъ плуть», сказалъ князь: «и я тебя проучу, какъ спорить со мной... отведите его въ тюрьму!» Ночью старика посадили въ кибитку и повезли-прямо въ Тобольскъ, а оттуда сослали въ Березовъ.... Отъ него не велѣно было принимать никакихъ бумагъ.... При восшествіи на престолъ Императора Александра, учреждена была коммисія и посланы чиновники въ Сибирь, для принятія прошеній отъ сыльныхъ и изслѣдованія старыхъ дѣлъ—и старика возвратили. Но онъ лишился всего своего состоянія, а родные не знали даже о его существованіи. Онъ появился между ними, какъ съ того свѣта!

Вольтеръ справедливо сказалъ:

«Quand Auguste buvait, la Pologne était ivre!»

Примѣръ царствующаго утверждаетъ нравы народа. Въ то время все въ Россіи принимало характеръ благости, милосердія, снисходительности и вѣжливости. Приближенные къ Государю особы перенимали Его нѣжныя формы обращенія, и старались угождать Его чувствованіямъ—и это благое направленіе распространялось на всѣ сословія. Наступилъ переломъ

въ нравахъ административныхъ и частныхъ, и мало по малу начала исчезать грубость, неприступность и самоуправство. Прежде начальникъ никогда не говорилъ подчиненному иначе, какъ ты, и даже проситель никогда не слышалъ въжливаго слова отъ сановника. У большей части сановниковъ въ приемной комнатѣ не было даже стульевъ, а у иныхъ просители должны были ждать съ сѣняхъ или на улицѣ. Въ присутственное мѣсто, даже въ канцелярію Сената страшно было войти! Сальныя свѣчи воткнуты были въ бутылки, чернила наливались въ помадные банки, песокъ насыпался въ черепки, въ плошки или въ бумажныя коробки; на полахъ лежала засохшая грязь, которую скребли иногда заступами; стѣны были вездѣ закоптѣлыя. Въ канцеляріяхъ торговались, какъ на толкучемъ рынкѣ. Растрепанные и оборванные чиновники наводили ужасъ на просителей! Они иногда, безъ церемоніи, шарили у нихъ въ карманахъ и отнимали деньги. Все это начало быстро измѣняться при Императорѣ Александрѣ, и благое просвѣщеніе пролило лучи свои туда, гдѣ былъ вѣчный мракъ. Все это только начало—но въ каждомъ дѣлѣ оно составляетъ главное. Никогда не начиная, никогда не кончишь! Сравнивая нынѣшнее съ тѣмъ, что я видѣлъ въ Россіи, въ моей юности—я едва вѣрю своей памяти! Мы прошли огромное разстояніе! Для примѣра я представляю, въ будущихъ томахъ моихъ Воспоминаній, нѣсколько картинъ и случаевъ прежняго быта, а теперь обращаюсь къ важнѣйшему. Манифестомъ 10 февраля 1808 года объявлено было Россіи о войнѣ съ Швеціей....

Е. ВУЛГАРИИЪ.

=

ГРУСТНАЯ ПОВѢСТЬ

СЪ ВЕСЕЛЫМЪ КОНЦОМЪ.

=

Des qu'il existe un secret entre deux coeurs qui s'aiment, dès que l'un d'eux a pu se résoudre à cacher à l'autre une seule idée, le charme est rompu, le bonheur est détruit. L'emportement, l'injustice, la distraction même se réparent; mais la dissimulation jette dans l'amour un élément étranger qui la dénature et flétrit à ses propres yeux.

Benjamin Constant (Adolphe.)

I.

Скажите пожалуйста, случилось ли вамъ встрѣчать на своемъ вѣку истинное супружеское счастье?

— Какъ же не случилось, помилуйте! говорятъ одинъ я, вѣроятно впрочемъ, самый несчастный супругъ въ мірѣ. Я собственно своимъ примѣромъ, собственно своею личностію могу это засвидѣтельствовать. Женатъ я болѣе десяти лѣтъ, а между мною и Марьей Ивановной, какъ говорится, не было косаго взгляду....

— О какомъ супружескомъ счастьи это вы говорите? спрашиваетъ другой: да развѣ существуетъ на свѣтѣ какое-нибудь счастье, а тѣмъ болѣе супружеское? Счастье, какъ говорить Гоголь, мечта, химера, и больше ничего!

— А! такъ вотъ каковы ваши мнѣнія о счастьи.

— Послушайте же, господя! чтобы хотя сколько-нибудь примирить ваши суды и пересуды; хотя сколько-нибудь увѣрить васъ въ семейномъ счастьи, въ которое я и самъ, грѣшный человѣкъ, не очень вѣрю, я на время попрошу васъ заглянуть въ квартиру Александра Ивановича и Александры Ивановны Малиновкиныхъ.

На дворѣ разсвѣло.... Чтобы не опоздать къ *должности*, Александръ Ивановичъ вскакиваетъ часовъ въ восемь.... Александра Ивановна вскакиваетъ съ постели цѣлымъ получасомъ ранѣе мужа, и это единственно для того, чтобы приготовить ему собственноручно чай и пить наслажденіе нѣсколько поговорить съ нимъ до *должности*.

— Ну, какъ ты себя чувствуешь сегодня, монъ-анжечка? спрашивала обыкновенно Александра Ивановича у Александра Ивановича: ты, кажется, вчера, ложась спать, жаловался на головную боль....

— Все какъ рукой сняло, *душя!* отвѣчалъ Александръ Ивановичъ, хватая жену за подбородокъ или пухленькую щечку.

— Ахъ, какъ я рада, монъ-анжечка!... А то, вѣришь ли, я цѣлую ночь глазъ съ глазомъ свести не могла. Только что забудусь, вотъ такъ таки и вижу во снѣ, что у тебя головка болитъ....

— Ахъ, ты *душя* моя этакая!... и при этомъ возгласъ, Александръ Ивановичъ снова бралъ жену за подбородокъ, или ласково трепалъ ее по объѣмъ щечкамъ.

Послѣ этой супружеской ласки, Александра Ивановна дѣлала обыкновенно слѣдующій вопросъ:

— Ты сегодня пойдешь въ *должность*, Сашура?

— Какъ же, Сашечка, какъ же!... Пойду: нечего дѣлать, нужно идти....

— Докажи, что ты меня любишь! Не ходи въ *должность* сегодня....

— Шалишь, плутовочка, право, шалишь! ну, скажи, зачѣмъ я останусь дома?... Недлятого-ли чтобы наскучить тебѣ?...

— Фи! какой ты злой, Сашура! отвѣчала Александра Ивановна, очень кокетливо поворачивая со стороны на сторону головкой, и потомъ, какъ бы желая загладить дѣвичій проступокъ, она очень наивно спрашивала:

— Ну, а въ которомъ часу ты вернешься домой?...

— Часу въ четвертомъ этакъ....

— Бога ты не боишься, монъ-анжечка! Ну, какъ же можно до

четырехъ часовъ оставаться въ должности!... Я умру, если ты не придешь раньше...

— Что же прикажешь дѣлать?... Нельзя выйти раньше начальства....

— Ахъ, право, говорила Александра Ивановна съ сердцемъ: какіе.... эти начальники!... я бы перещицала ихъ, если бы могла только!....

— И больно? смѣясь спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Такъ больно, такъ больно, что они бы у меня своихъ не узнали....

За этимъ бесѣда между супругами оканчивалась, и Александръ Ивановичъ, разцѣловавъ всѣ части лица супруга, бралъ шляпу и уходилъ.

Только что онъ въ дверь, Александра Ивановна тотчасъ же высовывалась изъ окошка, чтобы хоть глазомъ проводить его, а Александръ Ивановичъ въ свою очередь, проходя мимо, поворачивалъ голову и приложивъ ладонь ко рту, посылалъ женѣ прощальный поцѣлуй.

Дообѣденное время проходило кое-какъ для супруговъ: Александръ Ивановичъ, сидя за бумагами, то и дѣло что думалъ объ Александрѣ Ивановнѣ, а Александра Ивановна, присматривая за хозяйствомъ, то и дѣло что мечтала объ Александрѣ Ивановичѣ.

Время брало свое.... Нѣжные супруги сойдясь за обѣдомъ, были еще нѣжныѣ, чѣмъ утромъ: ихъ ласкамъ, нѣжностямъ и пріѣтствіямъ конца не было.

— Скушай вотъ это крылышко, говорила Александра Ивановна, кладя на тарелку мужа кусокъ пулярки.

— Благодарю, дуся! Скушай его лучше сама.... мнѣ довольно и ножки.

— Je vous prie....

— Сдѣлай одолженіе, дуся, сама скушай....

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Если ты меня любишь, то долженъ его скушать за мое здоровье....

Разговоръ въ этомъ родѣ продолжался до конца стола. Послѣ обѣда, поцѣловавшись, они разставались на нѣкоторое время. Александръ Ивановичъ отправлялся, какъ водится, соснуть, а Александра Ивановна и тутъ не упускала случая выказать нѣжное участіе къ мужу: проводивъ его къ постели, она подкладывала ему подъ голову подушки, оправляла ихъ, садилась возлѣ него, и спрашивала:

— Хорошо ли тебѣ этакъ, Сашура?

— Хорошо, очень хорошо! отвѣчалъ потягиваясь Александръ Ивановичъ.

— А въ которомъ часу тебя разбудить?

— Черезъ часика-полтора этакъ, дуся!

— Ахъ!...

— О чемъ ты это вздыхаешь? спрашивалъ Александръ Ивановичъ, и на этотъ разъ звалъ уже довольно откровенно.

— Ахъ, Сашура, можно ли такъ долго спать? вѣдь это не здорово....

— Усталъ какъ собака, дуся моя.... Впрочемъ, разбуди меня когда захочешь...

И при этомъ отвѣтѣ Александръ Ивановичъ совершенно уже погружался въ объятія Морфея. Во время сна мужа, непрѣобрутная еще похвальной привычки спать послѣ обѣда, ни на шагъ не отходила отъ постели мужа, и какъ какая-нибудь восточная одалыка, то и дѣло что отмахивала отъ него каждую пылинку, каждую неосторожную муху.... Какъ только наступалъ урочный часъ пробужденія, Александра Ивановна тотчасъ же, съ исправностью будильника, склонялась головою къ сонной головѣ мужа, и сильнымъ горячимъ поцѣлуемъ пробуждала его....

Вечеръ, или лучше сказать, послѣ-обѣденное время для молодыхъ супруговъ протекало едва ли еще не пріятнѣе утра. Кромѣ обыкновенныхъ ласкъ, кромѣ обыкновенныхъ нѣжностей, они не рѣдко услаждали досуги поэзіей и музыкой....

Александра Ивановна, бывало, сядетъ за фортепіано, возьметъ нѣсколько манерныхъ аккордовъ, поглядитъ на мужа, да и заводитъ:

— Ну, что же ты, Сашура?...

— Чтѣ, дуся?

— Ну какъ чтѣ?... Спой, монъ-анжечка.

И Александръ Ивановичъ, не дожидаясь дальнѣйшихъ увѣщаній, начиналъ затягивать навнѣжнѣйшимъ теноромъ «Велизарія», или «Мой другъ, хранитель-ангелъ мой», поглядывая изъ-коса, но вѣстѣ съ тѣмъ крайне нѣжно на Александру Ивановну.

Иногда музыка замѣнялась чтеніемъ какого-нибудь русскаго журнала, и если въ отдѣлѣ изящной словесности попадалась какая-нибудь сентиментальная повѣсть, въ которой, напримѣръ, любовники жалуются на свою участь, то наши супруги страстно поглядывали другъ на друга, и, кажется, чуть ли не воображали себя героями повѣсти....

Споровъ и тому подобныхъ неприятностей, которые, много-много сказать, довольно часто бывають въ семейномъ быту, между Александромъ Ивановичемъ и Александрой Ивановной и въ романи не было. Жизнь ихъ катилась едва ли не прозрачною ручейка, съ которымъ обыкновенно все новыя и древнія поэты сравниваютъ и сравнивали жизнь счастливыхъ смертныхъ.

Да не подумаетъ, мой читатель, чтобы описанныя мною супруги были примѣрнымъ исключеніемъ.... Боже сохрани и помилуй меня!... Для полноты и вѣрности разсказа, я долженъ прибавить, что Малиновкины, желая по склонности, не вѣчно праздновали медовой мѣсяцъ!...

II.

Дни бѣжали, а небо Малиновкиныхъ было также чисто и также прозрачно.... одинъ развѣ только соколиный взглядъ могъ бы замѣтить, что въ этомъ свѣтломъ небѣ, тамъ гдѣ-то на дальнемъ краю горизонта, зарождалась легкія какъ дымъ облачка. Вотъ видите, все шло, если вы хотите, по старому, слѣдовательно какъ нельзя лучше. Разговоры супруговъ были также ижны, ласки тѣ же, но, иногда, во все это примѣшивалось что-то такое, чего нельзя было прежде замѣтить.

— Не поѣдемъ ли мы сегодня въ театр? спрашивала Александра Ивановна у мужа, когда онъ брался за шляпу, чтобы идти въ должность. Сидишь, все сидишь дома, такъ какъ-то по-невогѣ соскучишься....

— Пожалуй, поѣдемъ, дуся.... Только, вотъ видишь ли, Самсучка, театръ дороговько обходится...

— Ахъ, мой Dieu! да неужели ты для меня денегъ жалѣешь?..

— Жалѣть я не жалѣю, дуся, а такъ сказалъ только къ слову....

— Такъ стало быть мы поѣдемъ?..

— Поѣдемъ, непременно поѣдемъ, дуся....

По уходѣ Александра Ивановича, Александра Ивановна уже не всегда подбѣгала къ окну, чтобы напугать его летучимъ поцѣлуемъ, а напротивъ очень часто подбѣжавъ къ какой-нибудь картонкѣ, вынимала изъ нея чепчикъ, надѣвала на голову и, охорашиваясь передъ зеркаломъ, мечтала заранѣе о вечернемъ спектаклѣ.

Когда, бывало, Александръ Ивановичъ проснется послѣ обѣда, Александра Ивановна не садится за фортепiano, а этакъ, обнявъ, даетъ знать мужу что знакомства и общественныя удовольствія, вещи вовсе не лишнія для семейнаго счастья.

— Мы, говорила она при этомъ, живемъ какъ совершенныя пустышники....

— Да, Сашечка, да! А неправда ли, что мы все-таки очень счастливы?...

— Ну ужъ!....

Александръ Ивановичъ, вѣроятно, не вслушивавшійся въ междометія супруги, продолжалъ:

— Когда мы вдвоемъ съ тобой, то всякое постороннее лицо было-бы для насъ лишнимъ. Неправда ли, дуся?

— Я этого не скажу....

— Какъ дуся?!

— Да, такъ, Сашура! Все одно да одно по-невогѣ прискутить.... и еще, чего добраго, сидя вѣчно дома, въ четырехъ стѣнахъ, пожалуй, совсѣмъ одичаешь....

При этомъ Александръ Ивановичъ обыкновенно крѣпко.

Теперь, я полагаю, мой любезный читатель, уже время поскорѣе ознакомить васъ съ этими прижѣрными супругами.

Александра Ивановна — нынѣ Малиновкина — была дочь одного изъ очень видныхъ и почтенныхъ чиновниковъ: изъ этого само собою разумѣется, что она, до замужства, занимала въ извѣстномъ кругу очень видное мѣсто. Незвѣстно, на какіе доходы (всѣ чиновники вообще жалуются на скудость своего содержания), но Александра Ивановна выѣзжала не иначе какъ въ каретѣ, бывала на балахъ дворянскаго собранія и не рѣдко тамъ обращала на себя вниманіе изяществомъ своего наряда, богатыхъ серегъ и другихъ украшеній.

Въ поклонникахъ у ней не было недочету...: гдѣ она, тамъ являлась цѣлая толпа волокитъ.

Сашенька была вполне довольна собой и своей участью. Она мечтала о томъ о семъ, и не шутя думала выйти замужъ за какого-нибудь фельдмаршала.... во время и сердце указали ей другую участь. Увидѣвъ Малиновкина, она убѣдилась, что для ея счастья, ей нуженъ не болѣе какъ губернский секретарь.... Малиновкинъ....

Бѣдный Малиновкинъ былъ тутъ какъ тутъ. Недурной собой, ловкій, онъ имѣлъ доступъ въ гостиную чиновника. Сначала, его принимали такъ, какъ обыкновенно принимаютъ людей, на которыхъ не имѣютъ особенныхъ видовъ. Потомъ, Александръ Ивановичъ умѣлъ какъ-то понравиться почтенному чиновнику за рѣдкую смѣлость прикупать къ червямъ довольно неудачно, а тамъ мало-по-малу Малиновкинъ добился наконецъ и до особен-

наго расположенія Александры Ивановны. Какъ именно это случилось, я не берусь рассказывать, потому что на мои глаза въ Александрѣ Ивановичѣ ровно ничего особеннаго не было: фонды его хранились въ департаментской кладовой, а доходы получались первого числа каждаго мѣсяца изъ рукъ казначей; лицомъ онъ не былъ дуренъ, да и не такъ чтобы очень казистъ, всего же хуже былъ его характеръ — мигкій, тихій и ласковый, годный развѣ для какой-нибудь Аркадіи, а ужъ ни какъ не для нашего сѣвера. Впрочемъ любовь дѣвушки, не вслушавшейся въ уроки опытной маменьки, едва не прихоть. Сердце ея — какъ растопленный сургучъ, на которомъ отпечатывается все: приложить къ нему гербовую печать — и оттиснется гербъ, приложить какую-нибудь тульскую аллегорію — и она выйдетъ отчетисто.

Какъ бы то ни было, не вѣроятно на основаніи всего выше-сказаннаго, въ одно прекрасное утро Александръ Ивановичъ Малювкинъ рѣшился сдѣлать предложеніе. Александра Ивановна не только была согласна, но объявила родителямъ, что, если ее не отдадутъ за него, то она вѣкъ свой просидитъ въ дѣвкахъ, да еще чего добраго, если не умретъ, то непременно пойдетъ въ монастырь.

— Оно такъ, говорилъ почтенный отецъ-чиновникъ: да вѣдь у него, Саша, въ карманѣ-то жденьеко....

— Кабы еще было жденьеко, такъ это и туда и сюда... перебила почтенная родительница: а то хоть карманы вонъ вывороты....

— Ну, матушка, ужъ это вы того.... очень разгорячились; кабы все доходнишковъ не было, такъ не сталъ бы онъ прикупать къ королю самъ четверть....

— Къ чему онъ тамъ не прикупай себя, а Малювкинъ все-таки Сашѣ не пара!... Я этого и слышать не могу.... Вы, наша, дѣлайте что хотите, а я рѣшительно не даю моего родительскаго благословенія....

Несмотря на то, что почтенная чиновница рѣшительно не хотѣла давать своего родительскаго благословенія дочери, дѣло однако же скоро приняло довольно хорошій оборотъ для влюбленныхъ; особенно когда почтенные родители Александры Ивановны удостовѣрились, что Малювкинъ до того влюбленъ въ ихъ дочь, что готовъ, какъ говорится, взять ее въ одной юбкѣ, безъ всякой другой придачи. Видя такое примѣрное безкорыстіе, почтенная чиновница согласилась на бракъ, а ея супругъ, любя-

своего будущаго зятя и желая хоть чѣмъ-нибудь вознаградить такое великодушіе, далъ ему, вмѣсто приданаго, *совѣтъ* внести въ свой формулярный списокъ, что онъ де, такой-то, взялъ за дочерью такого то пятнадцать тысячъ рублей серебромъ, и заключилъ тѣмъ: что добрый совѣтъ иногда стоитъ денегъ и можетъ пригодиться на будущее время.

Такимъ образомъ, къ общему удовольствію, вскорѣ воснослѣдовало бракосочетаніе Малиновкинскихъ.

ІІІ.

Было часа четыре по-полудни. Петербургскій день, какъ обыкновенно, былъ сѣрый и скверный. Александръ Ивановичъ, по уши закутанный въ шинель, шелъ по Невскому (вѣроятно изъ должности) рука-объ-руку съ какимъ-то чопорнымъ франтикомъ, завитымъ, какъ крымскій барашекъ. Долго они шли молча; но когда, наконецъ, подошли къ Думѣ, Малиновкинъ повернулъ къ нему голову, протянулъ руку и сказалъ: «Прощайте!...»

— Куда вы это, Александръ Ивановичъ?

— Домой. Мнѣ черезъ гостиный ближе пробраться въ Семеновскій....

— Это правда, въ Семеновскій полкъ такъ будетъ ближе пробраться.... А, скажите пожалуйста, вы не записаны членомъ танцевальнаго собранія?

— Нѣтъ....

— Жаль!.... А то бы мы сегодня отобѣдали вмѣстѣ, потомъ присѣли бы этакъ въ лото. Чудесная, право, игра!.... Ужъ не чета какому-нибудь преферансу, въ которой того и гляди что подсесть и погубить.... Знаете, ужъ если кому въ лото повезетъ, такъ только держись!.... На прошедшей недѣлѣ, Андрюша Поповъ прошелся три раза къ ряду; и какъ бы вы думали, на три какихъ-нибудь цѣлковыхъ взялъ сто осемьдесятъ цѣлкачей, а?!... C'est joli!....

Александръ Ивановичъ пристально посмотрѣлъ на франта.

— Въ эту игру повези кому, продолжалъ франтъ, милліоны выиграешь.... ей Богу, милліоны....

Александръ Ивановичъ вздохнулъ.

— Знаете что, пойдѣте-ка въ клубъ....

— Да вѣдь я....

— Это всё равно: я имѣю тамъ знакомыхъ, даже съ однимъ

директоромъ говорилъ нѣсколько разъ.... пойдите, я васъ введу... Вы только за входъ полтинникъ заплатите....

— Идемъ! сказалъ Александръ Ивановичъ. А сколько на трехрублевую можно выиграть?....

— Этого опредѣлить невозможно; но только очень, очень много....

— Идите, идите!...

И Александръ Ивановичъ рѣшительнымъ шагомъ пошелъ за экраномъ.

Иному, можетъ-быть, покажется странно, что Александръ Ивановичъ увлекся до такой степени, что забылъ о жемѣ, которая вѣроятно будетъ беспокоиться и ждать его къ обѣду. Иной, чего добраго, сочтетъ Александра Ивановича за какого-нибудь вѣтрогона и азартника, у котораго любви и вниманія къ жемѣ хватало только на одинъ какой-нибудь медовый мѣсяць.

Увы! причина этого поступка со стороны Малиновкина протекала совсѣмъ изъ другаго источника.... Но къ дѣлу....

Именины Александры Ивановны должны были наступить черезъ два дни. Добрый Александръ Ивановичъ считалъ святымъ долгомъ сдѣлать сюрпризъ жемѣ и устроить хорошевикий вечерокъ, а капиталу въ наличности у Александра Ивановича всегонавсе оказывалось только четыре цѣлковыхъ. Пробовалъ онъ было обратиться къ одному изъ петербургскихъ *благодѣтелей*, которыхъ, благодаря бѣдности чиновничьяго люда, довольно поразвелось нынче; да благодѣтель-то не давалъ иначе какъ съ хорошимъ ручнымъ залогомъ и сто на сто. Александръ Ивановичъ конечно и залогъ бы далъ и проценты-бы заплатилъ очень охотно, да бѣда въ томъ, что залоговъ-то свободныхъ на лицо не оказывалось, да и на уплату процентовъ не предвидѣлось ни какихъ особенныхъ суммъ. Можно-бы было заложить столовое серебро, да вѣдь нельзя же подать гостямъ деревянную утварь. Благодаря просвѣщенію, мы живемъ не въ пастушескомъ вѣкѣ и не въ китайскомъ какомъ-нибудь государствѣ, гдѣ было-бы только что вѣсть, а то вѣшь хоть руками.

Въ описываемой намъ утро, Александръ Ивановичъ пробовалъ обращаться къ нѣкоторымъ своимъ товарищамъ по службѣ, но они всѣ, несмотря на величайшую готовность быть полезными Малиновкину, единогласно объявили себя несостоятельными.

— У меня, говорилъ одинъ, есть деньги, да самому крайне нужны....

— У меня, Александръ Ивановичъ, говорилъ другой; всегда случаются лишніе, а теперь, какъ нарочно, гроша нѣтъ за душой....

— Какія у меня деньги, монъ-шеръ! говорилъ третій: *chez un homme du monde* есть кредитъ, а денегъ никогда не бываетъ: шампанскимъ, если хочешь, я запою тебя до смерти, а денегъ, монъ-шеръ, изъини.... мой кошелекъ въ карманѣ моихъ кредиторовъ....

Пытался Александръ Ивановичъ обращаться и къ казначею, да казначей-то былъ, съ позволенія сказать, такой чудакъ, что казенную деньги чуть-ли онъ не считалъ своей кровью.

— Радъ бы служить вамъ, Александръ Ивановичъ, да нельзя. Директоръ ни подъ какимъ видомъ не приказалъ выдавать впередъ.... говорить, если вы ослушаетесь меня, попомните мое слово, что вамъ будетъ худо!.... Вы вѣдь, Александръ Ивановичъ, знаете что между начальникомъ и нашимъ братомъ судъ коротокъ, — скажетъ, я, милостивый государь, съ вами не служу — ну и ступай по добру по здорову.... дѣлать нечего.... А не то, я бы очень радъ былъ услужить вамъ, вѣрите Богу, очень, очень радъ.

Былъ-ли бы дѣйствительно радъ казначей услужить Александру Ивановичу, или нѣтъ, отъ этихъ увѣреній Малиновкину ни мало не стало легче. Потерявъ послѣднюю, такъ сказать, казенную надежду, онъ вышелъ изъ департамента въ самый убійственный расположеніи духа.

— Ну, гдѣ взять, думалъ онъ, гдѣ?... а между-тѣмъ, хоть умри, да добудь! Нельзя на первый разъ не отпраздновать именинъ моей милой, моей несравненной Сашечки.... Къ тому же, вѣдь я очень хорошо помню, какъ у тестя справлялся этотъ день: первъ былъ на весь міръ.... Конечно, жизнь не дала подписки вѣчно намъ улыбаться.... да вѣдь какъ же опять требовать, чтобы она, моя голубушка, вдругъ все это поняла.... невозможно.... Нѣтъ, Александръ Ивановичъ, ужъ какъ ты ни разсуждай, а долженъ женѣ угодить: взялся за гузъ, такъ не говори, что не дюжь....

Я не стану говорить, въ какой мѣрѣ Александръ Ивановичъ былъ правъ или не правъ въ отношеніи къ себѣ, но скажу, что вообще мужчины, особенно еще влюбленные, чрезвычайно просты и, Богъ знаетъ, на какомъ основаніи считаютъ женщинъ какими-то особенными, чуть-чуть не воздушными, существами. Мужчина, говорятъ, созданъ для труда и заботы; женщина для покое и наслажденій; мужчина, какъ волъ, долженъ переносить всѣ

житейскія тягости, а женщина, не роняя себя до этой мелочной прозы жизни, должна только пользоваться тѣмъ, что мужъ на плечахъ вынесъ.... Нельзя не сознаться, что во всемъ этомъ логики весьма не много; но Александръ Ивановичъ не имѣлъ особенно критическаго ума и мало сочувствовалъ пророческимъ романамъ Жоржъ-Занда, потому что его женщина, чуть-туть не мужчина....

Убѣжденный въ томъ, что мужъ хоть провалился сквозь землю, а угоди и утѣши жену, Малиновкинъ невольно поддался соблазну и пошелъ попробовать счастья....

— Авось, думалъ онъ, судьба поможетъ мнѣ въ добромъ дѣлѣ; авось, выиграю и утѣшу душу мою....

IV.

Александръ Ивановичу, какъ говорится, вывезло: на единственную трехрублевую онъ прошелся раза два и выигралъ больше, чѣмъ ему было нужно....

Нельзя представить себѣ радости Александра Ивановича въ минуту выигрыша. Онъ, кажется, готовъ былъ кинуться на шею чопорнаго своего Бертрама и готовъ былъ разцѣловать его.... и если онъ не сдѣлалъ этого, то это потому, что въ обществѣ лордочныхъ людей принято однажды навсегда за правило не обнаруживать никогда ни чувствъ, ни увлеченій своихъ. Какъ ни крѣпился Малиновкинъ, но всё-таки при уходѣ онъ не могъ не пожать руки товарищу и не пригласить его къ себѣ въ домъ.

— Пожалуйста, когда-нибудь заверните ко мнѣ; вы меня этимъ крайне обяжете.

— Avec le plus grand plaisir! Я буду у васъ на дняхъ, отвѣчалъ франтъ, имѣвшій похвальную привычку никогда не отказываться отъ новыхъ знакомствъ и приглашеній.

— На дняхъ — это, знаете, слишкомъ неопредѣленно; а вотъ что: въ субботу у меня жена именинница, я кое-кого звалъ, такъ ужъ и вы, безъ церемоній, сдѣлайте честь....

— Съ моимъ удовольствіемъ. Суббота у меня день свободный, и я буду, Александръ Ивановичъ, непременно буду....

По выходѣ изъ клуба, Александръ Ивановичъ рѣшительно ногою подъ собой не слышалъ: летѣлъ какъ стрѣла и забылъ даже о существованіи извозчиковъ; только взойдя на дворъ и взбираясь по лѣстницѣ своей квартиры, онъ вспомнилъ, что было уже

воздно и что, слѣдовательно, безцѣнная дуся, прождавъ его попустому къ обѣду, должна теперъ быть въ страшномъ недоумѣнн и безпокойствѣ....

Александра Ивановна дѣйствительно была въ страшномъ переполохѣ. Она, бѣдняжка, не обѣдала, разсылала ко всѣмъ знакомымъ узнать, нѣтъ ли его гдѣ, и наконецъ уже передъ самымъ приходомъ Александра Ивановича, послала челоуѣка спросить у департаментскихъ сторожей: не знаютъ ли они, куда дѣвался господинъ Малиновкинъ?

Какъ только Александръ Ивановичъ вошелъ въ комнату, !Александра Ивановна вскочила съ своего мѣста и, заливаясь слезами, кинулась къ нему на шею.

— Сашура! дуся моя! чтѣ съ тобой?... Ради Бога, скажи хоть одно словечко....

Александра Ивановна продолжала рыдать и не отвѣчала ни слова.

— Я дѣйствительно виновата, дуся, что забылъ сказать тебѣ, что у меня сегодня дѣлъ будетъ по горло.... что я, можетъ быть (такъ оно и случилось), не приду обѣдать домой, а поѣмъ, знаешь, наскоро въ какой-нибудь рестораціи, да и опять въ должность.

— Такъ ты, монъ-анжечка, былъ въ департаментѣ? спросила наконецъ Александра Ивановна, продолжая однако же всхлипывать: а вѣдь ты нѣ повѣришь, какую я вынесла пытку! Не было такой черной мысли, которая бы не приходила мнѣ на умъ. Я думала: ужъ не сдѣлалось ли чего-нибудь съ нимъ? не занемогъ ли онъ? ужъ не напали ли на него разбойники?...

— Ахъ, какая ты смѣшная, дуся! смѣясь говорилъ Александръ Ивановичъ. Ну, какіе могутъ быть въ Петербургѣ разбойники!

— Ахъ, Боже мой! какой ты странный, Сашура! Да развѣ ты не слышалъ, что недавно на Сѣиной случилось произшествіе?

— Какой вздоръ!

— Какъ вздоръ! Развѣ ты не помнишь, что Устинья Федоровна рассказывала.

— Устинья Федоровна говорила это такъ; она шутила, а ты, дуся, повѣрила.... Но довольно объ этомъ; ты видишь, я живъ, здоровъ какъ нельзя болѣе. Въ другой разъ я буду осторожнѣе; а ты, дуся, прошу тебя, будь нѣсколько по-разумнѣе: люди пропадають по году, да находятся....

— Чтѣ ты, монъ-анжечка, Бога ты не боишься! Да я безъ тебя дня одного не проживу на свѣтѣ!

— Ну, хорошо, хорошо, дуся.... Я тебѣ даю слово, что этого богѣе не случится.... Сядь же за столъ, да скушай что-нибудь; утѣшь меня, дуся....

— А ты?

— Ну, и я сяду, пожалуй, для компаніи.

За позднимъ обѣдомъ разговоръ вертѣлся на томъ, какъ лучше устроить вечернику.

— Я напередъ знала, говорила Александра Ивановна: что ты въ день моихъ именинъ устроишь что-нибудь этакое....

— Какъ же, какъ же! И Александръ Ивановичъ невольно вздохнулъ, припомнивъ то странное положеніе, въ которомъ онъ находился цѣлое утро.

— О чемъ ты вздохнулъ, дуся?

— Такъ, дуся, усталъ....

— Знаешь ли, монъ-анжечка, ужъ если ты хочешь меня порадовать, такъ найми музыку.

— Хорошо.

— А мороженое у насъ будетъ, Сашура?

— Какъ же....

Александра Ивановна при этомъ поцѣловала мужа и, держа его обѣими руками за подбородокъ, пренанвно сказала:

— А подарокъ?...

— И подарокъ будетъ; ужъ это конечно, что будетъ....

И при этомъ Александръ Ивановичъ снова вздохнулъ и подумалъ: — Ну, что, еслибы мнѣ въ лото не вывезло?

Нужно ли говорить читателю, отчего Александръ Ивановичъ усталъ отъ жены истину и, проведя весь день въ собраніи, утѣрилъ ее, что былъ въ департаментѣ? Въ этой невинной лжи онъ едва ли самъ могъ отдать себѣ отчетъ. Ему казалось, что сказать правду женѣ значило обнаружить всю свою бѣдность, а это могло поразить ее, могло встревожить ее неопытную душу. Конечно, Александра Ивановна не могла считать себя какою-нибудь богачкой, но вѣроятно и то, что она далеко не понимала, какой цѣной бѣдный Малиновкинъ покупалъ для нея удовольствія.

Хорошо ли онъ сдѣлалъ, что скрылъ отъ ней правду? Это вопросъ. Я знаю только, что люби онъ ее меньше, онъ навѣрно бы не сталъ лгать и навѣрно бы не пошелъ въ собраніе рисковать послѣднею трехрублевою для какой-нибудь пирушки, а сказалъ бы просто-на-просто:

— Деньжонокъ у меня нѣтъ и взять ихъ не откуда, матушка; именины твои мы отпразднуемъ, когда средства позволятъ....

Затѣмъ дѣло бы кончилось очень просто: Александра Ивановна поплакала, поплакала бы, да и перестала, а Александръ Ивановичъ, уходя въ свою комнату, много что проворчалъ бы сквозь зубы: — Экая дура какая! нашла о чемъ плакать....

Лакей, который цѣлый день бѣгалъ по всѣмъ знакомымъ справляться объ Александрѣ Ивановичѣ, былъ чрезвычайно радъ, когда, возвратясь, узналъ, что баринъ дома и что ему, слѣдовательно, не предстоитъ поваго походу.

Время шло. Именины Александры Ивановны были отпразднованы какъ нельзя лучше, — съ музыкой, мороженымъ и подаркомъ. Любовь и согласіе не прерывались ни на одну минуту, потому что слѣдующіе дни были посвящены разнаго рода удовольствіямъ. Скоро однако же, къ сожалѣнію, кошелекъ Александра Ивановича снова оказался жиденькъ, и мысль какъ бы приобрести деньжонокъ снова запаала ему на душу.

Лиха бѣда разлакомиться, а тамъ пошла писать!...

На бѣду еще, франтъ, который увлекъ Александра Ивановича въ собраніе, не преминулъ быть у него на вечерѣ. Какъ истинный бонъ-жанръ, онъ то и дѣло что увидался около молодой хозяйки и, между прочими хорошими вешамп, сообщилъ ей, что грѣшно и отчасти даже стыдно не бывать въ итальянской оперѣ. Борси, Фрецполли и Сальви не сходили у него съ языка. Въ припадкѣ своего меломаническаго расположенія, онъ рѣшительно утверждалъ, что кто не слушаетъ ихъ, тотъ не живетъ долвою жизнью.

Само собою разумѣется, что Александра Ивановна была совсѣмъ не прочь пожить *полною жизнью*, и потому очень скоро стала напѣвать мужу, что ей бы очень хотѣлось съѣздить въ Большой Театръ, послушать и то и другое.

Александръ Ивановичъ обѣщалъ исполнить ея желаніе, а въ умѣ то и дѣло придумывалъ, какъ бы придобить насущный кусокъ хлѣба до начала новаго мѣсяца.

V.

— Чтò съ тобой, дуся?

— Ничего, сказала отрывисто Александра Ивановна, рыдая, какъ-будто пораженная внезапнымъ нервическимъ припадкомъ: ничего, ровно ничего.

— Но о чемъ же ты плачешь? Вѣдь извѣстно, что нѣтъ дѣйствія безъ причины.

— А-а-ахъ!

— Вотъ видишь ли, Сашечка, какъ ты глубоко вздохнула... Стало-быть, у тебя есть что-нибудь на сердцѣ...

— Ничего. Ахъ!...

— Ну, говори же со мной откровенно, дуся моя, сказала Александръ Ивановичъ, съ чувствомъ поцѣловавъ жену: кажется, мнѣ не стать увѣрять тебя, что для тебя я все готовъ сдѣлать.

— Мнѣ ничего не надо, сказала Александра Ивановна: я плачу такъ, сама не знаю, о чемъ... у меня что-то болитъ подъ ложечкой....

— Она беременна, подумалъ Александръ Ивановичъ, потому что онъ слышалъ когда-то, что у беременныхъ женщинъ являються разнаго рода капризы. Эта мысль, нельзя сказать, чтобы не обрадовала его, и онъ сдѣлалъ самую сладкую фizioномію.

— Если ты хочешь, продолжала Александра Ивановна: то, можетъ-быть, мнѣ чего-нибудь и хочется, да чего именно — я не знаю.

— Она точно беременна, опять подумалъ Александръ Ивановичъ.

— Я, кажется, отдала бы душу свою тому, кто....

— Ну, такъ постой же, дуся, прервалъ ее Малюковичъ: постой! не отгадаю ли я чего тебѣ хочется?

И онъ началъ перебирать по пальцамъ то, чего могло ей хотѣться.

— Конфектъ что ли?

— Фи! кто ѣстъ ватощакъ конфекты?

— Ну, ужъ не вздумала ли ты курнуть папирсочки?

— Ой, фи! Какъ тебѣ это не стыдно, Сашура: развѣ я мужчина!

— Нѣтъ, нѣтъ; это я только такъ...! А вотъ постой, не отгадаю ли я теперь: тебѣ, можетъ-быть, хочется прогуляться?...

— Да, да! сказала Александра Ивановна съ живостію: вотъ это какъ-будто бы похоже на то, чего мнѣ хочется... А впрочемъ, всё-таки оно не то, мовъ-анжечка..

— А! произнесъ Александръ Ивановичъ, по-видимому, наконецъ добравшійся до желанія жены, но въ то же самое время незвѣстно почему прикусилъ языкъ.

— Ну, сказала Александра Ивановна: что же ты замолчалъ? Отгадывай, отгадывай!

— Тебѣ въ оперу хочется?

— Вотъ именно! Да, ты отгадай, монъ-анжечка! Я теперь только вспомнила, что завтра «Семирамида».... Чудная, говорятъ, музыка! Миѣ страхъ какъ хочется послушать ее....

— Да, хорошая музыка.... медленно произнесъ Александръ Ивановичъ.

— Такъ ты миѣ возьмешь ложу, Сашура?

— Возьму.

— Коли возьмешь, такъ не бери слишкомъ высоко: изъ третьяго яруса, говорятъ, почти ничего не видно....

— Хорошо, хорошо! сказалъ Александръ Ивановичъ, и поцѣловавъ жену пошелъ въ должность точно въ такомъ же грустномъ расположеніи духа, какъ нѣсколько дней назадъ, наканунѣ именинъ Александры Ивановны. Правда, отчаяніе его на этотъ разъ было не такъ велико, потому что печальная существенность нѣсколько озарилась надеждой на выигрышь въ лото.

— Пойду, думалъ онъ, вечеромъ въ танцевальное собраніе.... Авось ли бы, *кривая* вывезетъ!... Впрочемъ, если и не вывезетъ, такъ бѣда еще не такъ велика. Тогда были именины, а это, просто, капризъ беременной женщины....

Возвратясь домой, Александръ Ивановичъ пообѣдалъ; но вздремнуть не хотѣлъ, какъ это онъ обыкновенно прежде дѣлывалъ. Александра Ивановна была этому рада.

— Наконецъ-то, ты, монъ-анжечка, сказала она, отстаешь отъ своей скверной привычки, спать послѣ обѣда.... Благодарю тебя, Сашура! Я вижу, что ты для меня совсѣмъ переродился....

Къ несчастію Малиновкина, это была слишкомъ очевидная правда!

Часовъ въ семь, Александръ Ивановичъ сталъ ходить по комнатѣ и потирать себѣ руки.

— Чтѣ съ тобой? спросила его Александра Ивановна.

— Да вотъ что, дуся: не хочется, а нужно идти....

— Куда же ты это безъ меня собираешься?..

— По дѣламъ службы, дуся!... Начальникъ отдѣленія просилъ меня къ нему завернуть....

— Охъ, эта служба, право!... А скажи миѣ, Сашура, скоро ли ты будешь министромъ?..

Александръ Ивановичъ улыбнулся, и не отвѣчалъ ни слова.

— Вѣдь ты служишь лѣтъ десять, а десять лѣтъ, вѣдь не мало времени.... Тунеевъ, сынъ начальника моего папеньки....

знаешь, этакой черномазенькой.... въ два года службы, чуть не директоръ....

— Я не того поля ягода.... вздохнувши сказалъ Александръ Ивановичъ.

— Какъ? вѣдь онъ также чиновникъ....

— Да! отвѣчалъ протяжно Александръ Ивановичъ: да у этого чиновника есть руки....

Александра Ивановна, было, что-то заговорила, да Малиновкинъ зналъ рѣчь, и хорошо сдѣлалъ....

И вотъ пошелъ мой Александръ Ивановичъ забивать копѣйку себѣ.... Что я говорю себѣ? Нѣтъ для себя онъ не сдвинулся бы съ мѣста. Онъ шагу бы не сдѣлалъ впередъ, легъ бы себѣ да вздремнулъ. Будь онъ одинъ, не связись съ женщиной, для которой или умри, или поѣзжай въ «Семирамиду» — и сказалъ бы онъ про завтрашній день, какъ говаривалъ Гетманъ Хмельницкій: будетъ, что будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ. Ужъ коли женился, такъ терпи и тащись теперь въ танцевальное общество, хотя тебѣ совсѣмъ не до танцевъ.

Въ собраніе вошелъ Александръ Ивановичъ молодецъ молодецкомъ, а вышелъ оттуда мокрой курицей. Онъ проставилъ единственныя двѣ зелененькія и не прошелся ни разу.... Лото на этотъ разъ не вывезло.... надежда на этотъ разъ оказалась прекраснымъ деревомъ безъ плода.

И вышелъ Малиновкинъ изъ собранія самъ не свой и побрелъ куда глаза глядятъ....

— Книусь! подумалъ онъ, и всѣ концы въ воду! чего долго мѣшкать, да и зачѣмъ жить на свѣтѣ, когда судьба во всемъ перечитъ....

Александръ Ивановичъ сдѣлалъ сильное движеніе.... въ карманѣ его что-то зазвенѣло....

— Ба! проговорилъ онъ: въ кошелькѣ еще есть что то.... на обѣдъ хватитъ.... а тамъ....

И Александръ Ивановичъ отошелъ отъ набережной и медленно побрелъ въ Семеновскій.

Маленькія неудачи и огорченія едва ли не самые черныя оуты жизни. Бѣда надъ головою человѣка собирается медленно и торжественно какъ гроза на небѣ. Человѣкъ, предвидя ее, невольно готовится, собирается съ силами, и идетъ на встрѣчу бѣдѣ въ надеждѣ еще потягаться.... а мелочь, а какая-нибудь дрянная домашняя незаметно и по мелочамъ изводитъ всего человѣка. Прииѣръ тому Александръ Ивановичъ: ну, съ какой стати

пришло ему въ голову кинуться въ Неву. Развѣ онъ не могъ прійти домой, преспокойно лечь спать и поутру сказать женѣ: «Ты не поведешь завтра въ «Семирамиду», потому что у меня денегъ нѣтъ.... Да потому, что за театры такіе!... Вѣдь ты видишь, что я служу, лѣзу изъ кожи вонъ для какого-нибудь куска пасущаго хлѣба, такъ и ты, сударыня, много о себѣ не мечтай.... Занимайся-ка хозяйствомъ, руководьлемъ, или чѣмъ-нибудь такимъ, что приноситъ и пользу и удовольствіе....»

Оно, казалось бы, и очень бы резонно, да па дѣлѣ не такъ. У любящаго сердца своя философія. Поутру Александръ Ивановичъ, идя въ должность, былъ еще довольно благоразуменъ, вечеромъ же когда проигралъ и возвращался домой, онъ думалъ совсѣмъ иначе:

— Прихоть, прихоти рознь! говорилъ онъ себѣ: «Семирамиды» въ голову Александръ Ивановичъ пришла не съ бухты-барахты.... Это, можетъ быть, у ней потребности души.... потребности того маленькаго существа, котораго она носитъ подъ сердцемъ.... Исполнить ея желаніе — мой долгъ, потому что я самъ виновникъ этого желанія. Люби кататься, люби и саночки возить, Александръ Ивановичъ!... И если ужъ пошло на то—умри, а утѣшь дусю свою.

VI.

Между-тѣмъ, какъ Александръ Ивановичъ, во что бы ни стало, положилъ себѣ угодить женѣ, судьба опредѣлила иначе. Какъ ни потѣлъ, какъ ни бился Александръ Ивановичъ, по денегъ на логу достать не могъ. Воротиться домой безъ обѣщаннаго билета, ему казалось просто невозможно. Если бы, думалъ онъ, была по крайней-мѣрѣ какая-нибудь надежда на будущее, то я бы могъ обѣщаніями хоть нѣсколько утѣшить ее.... а то и въ будущемъ-то не больше чѣмъ въ настоящемъ.... И сталъ думать да гадать мой бѣднякъ и снова пошелъ въ танцевальное собраніе, какъ въ единственное прибѣжище.

По уходѣ Малиновкина изъ дому, Александра Ивановна предалась полному обаянію надежды. Она заранѣе воображала себѣ какъ она будетъ сидѣть въ ложѣ Большаго Театра и съ какимъ наслажденіемъ будетъ упиваться звуками Россиніевской музыки.... Ей также вскользь приходила и та мысль, что ее увидятъ многіе изъ ея знакомыхъ, и что, можетъ-быть, франтикъ, завѣтый крымскимъ бараш-

комъ, забѣжитъ къ ней въ ложу и скажетъ ей что-нибудь пріятное.... Отъ мечтаній Александра Ивановна переходила къ дѣйствительности и тогда звала свою горничную и приказывала подать ей разнаго роду картонки, съ головными и другими уборами. За тѣмъ Александра Ивановна, примѣривъ то одно, то другое, подбѣгала къ зеркалу и пренаивно спрашивала свою наперсницу: къ лицу ли ей это?

— Ничего, сударыня, хорошо.

— Оно хорошо, да вечеромъ, при освѣщеніи, розовый цвѣтъ много теряетъ.... Мнѣ кажется, что лучше надѣть что-нибудь поярче....

— По-цвѣтистѣе, сударыня, будетъ конечно лучше.

— Я думаю, на голову надѣть малиновыя левты, какъ ты думаешь?... а-на шею что надѣть, какъ ты думаешь?

И за тѣмъ Александра Ивановна накидывала на плечи разнаго роду мантильи и шарфы, и опять обращалась съ вопросомъ:

— Не надѣть ли мнѣ, просто, что-нибудь черное?...

— Да, сударыня, черное хорошо....

— А бѣлое, впрочемъ, видѣй....

— Да, сударыня, бѣлое будетъ вѣсколько показистѣе....

— И бѣлое мнѣ къ лицу....

Цѣлое утро незамѣтно прошло у Александры Ивановны въ этихъ сборкахъ.... но когда пробило четыре часа, а Александра Ивановича еще не было дома, она начала беспокоиться и поглядывать на часы.

Пробило пять, а Малиновкина всё-еще не было. Александра Ивановна мысленно начала побранивать начальство, которое отнимаетъ у служащаго столько драгоценнаго времени.

Половина шестаго, а Малиновкина всё-таки не было.... Александра Ивановна вышла изъ терпѣнія.... Позвонила.... вошелъ человекъ....

— Ступай къ барину въ должность, сказала она съ досадою: и скажи, что я его давно ожидаю....

Человекъ помялся на одномъ мѣстѣ.

— Ну, что жъ ты нейдешь?

— Да ихъ, сударыня, въ должности теперь никакъ нѣтъ-съ....

— Почему ты знаешь, дуракъ!...

— Да, вотъ, сударыня, ономнись, какъ баринъ изволилъ позднешко вернуться домой, вы также, сударыня, посылали меня въ должность. Прихожу.... спрашиваю у сторожа, а сторожъ и говоритъ мнѣ: Экъ спохватился когда!... Да развѣ господа чинов-

ники и днюють и ночують въ должности?... Въ четыре часа всё уходитъ, окромя дежурныхъ...

— Что же ты мнѣ тогда этого не сказалъ?

— Да вы, сударыня, не извольте объ этомъ спрашивать...

Александра Ивановна ни слова не отвѣчала, но по выраженію ея лица, по отрывистымъ движеніямъ видно было, что слова Петрушки сильно поразили ее. Въ ея головѣ, какъ молнія промелькнуло подозрѣніе. Она дѣйствительно вспомнила, что Александръ Ивановичъ, вернувшись поздно-домой, увѣрилъ ее, что былъ въ должности, а теперь на повѣрку выходитъ, что обманулъ, и стало быть, былъ въ такомъ мѣстѣ, о которомъ и сказать нельзя. Человѣку вообще, а женщинѣ въ-особенности, при дурномъ расположеніи духа, благо если есть къ чему придраться, а тамъ уже воображеніе постритъ за себя!... Нельзя разсказать чего не приходило въ голову Александрѣ Ивановнѣ. При одномъ этомъ летучемъ подозрѣніи, ей показалось, что мужъ ея не человѣкъ, а извергъ, готовый на всякій обманъ, на всякій черный поступокъ.

Мало-по-малу Александра Ивановна пришла въ себя, и увидя переминающагося съ ноги на ногу Петрушку, опомнилась и сказала:

— Ну, что же ты стоишь? Ступай куда тебя посылаютъ....

Петрушка вышелъ, а Александра Ивановна ударилась въ слезы. Никогда въ жизни своей она не испытывала столькихъ мученій. Мало того, что она теряла надежду быть въ театрѣ, въ сердцѣ ея закралось невольное чувство подозрѣнія на человѣка, котораго до той минуты считала чуть-чуть не работъ своимъ.

Какъ ни плохо было Александрѣ Ивановнѣ, но она всё-таки оправилась. Извѣстно, что гдѣ лядъ, тамъ и противуядіе. Послѣ бури настаётъ тишина.... Мысль, что Александръ Ивановичъ не успѣлъ еще сдѣлаться совершеннымъ чудовищемъ, скоро навела ее на надежду....

Когда пробило шесть часовъ, Александра Ивановна приказала подать одѣться.

Горничная не могла выдержать, чтобы не спросить: а что же вы, сударыня, развѣ не будете кушать?...

— Это не твое дѣло, съ досадою возразила Александра Ивановна: у меня нѣтъ аппетита, я не буду сегодня обѣдать....

— Вы одѣнетесь, а вѣдь неизвѣстно, будетъ ли еще баринъ.

— Молчи, пожалуйста! и дѣлай что тебѣ приказываютъ.

Скоро Александра Ивановна разрядилась, какъ говорится,

въ нухъ и прахъ. Черное платье и малиновые ленты на головѣ шли къ ней какъ-нельзя болѣе, а блѣдность, которая покрывала щеки ея, вслѣдствіе волненія и безпокойства, придавала ей такую прелесть, что она, посмотрѣвшись въ зеркало, была очень и очень довольна собою. Увлечшись этимъ самоочарованіемъ, она какъ нивологическій Нарцисъ чуть-чуть не влюбилась въ себя. У ней стало какъ-то легко на душѣ.... Приходи въ эту минуту Малиновкинъ и принеси съ собою билетъ на ложу втораго яруса! Александра Ивановна вѣрно бы кинулась къ нему на шею, и Александръ Ивановичъ, въ свою очередь, расцѣловалъ бы свою «дусю» и оба были бы счастливы, какъ нельзя больше... Но Малиновкинъ не улучилъ минуты и не пришелъ.... а затѣмъ и разлука послѣдовала другая....

Повертась у зеркала, Александра Ивановна вспомнила наконецъ о театрѣ и, взглянувъ на часы, удивостовѣрилась, что роковая стрѣлка, обозначающая полетъ времени, уже перешла за половину осьмага. При этомъ у блѣдной Александры Ивановны какъ-будто оторвалось что-то отъ сердца.... Она вскрикнула и едва-едва удержалась на ногахъ, провзнеся — обманулъ!....

— Никакъ нѣтъ-съ! сказалъ вошедшій Петрушка: Александра Ивановичъ,—миѣ доложилъ сторожъ,—ушли изъ должности равнѣе другихъ чиновниковъ и неизвѣстно, гдѣ изволятъ теперь находиться....

Есть вещи, о которыхъ писать — всё-равно что воду толочь. Разказать, что было съ Александрою Ивановною нѣтъ ни какой возможности. Въ припадкѣ отчаянія, она схватила себя за голову. Случись въ рукахъ у ней ножъ, она, можетъ-быть, ранила бы себя такъ, что блѣдному Малиновкину пришлось бы доктору платить за визиты.... Къ счастью ножа у Александры Ивановны не было, и она ограничилась только воплями и рыданіями..

Часовъ въ шесть утра, Петрушка былъ разбуженъ громкимъ звонкомъ. Потянувшись на своемъ логовищѣ, онъ было думалъ отдѣлаться отъ докучаго посѣтителя, перевернувшись съ боку на бокъ.... но вспомнивъ, что барина не было дома и что это можетъ быть онъ, лѣгтяй всталъ, накинулъ на плечи шинелишку и отворилъ дверь.

Петрушка не ошибся въ расчетъ. Это былъ дѣйствительно господи́нъ Малиновкинъ. Но кто бы могъ узнать его въ эту минуту? Это былъ не тотъ скромный и смазливый Александръ Ивановичъ Малиновкинъ, на котораго было любо дорого посмотрѣть; нѣтъ! это былъ какой-то сорви голова.... Волосы стояли у

него дыбомъ, глаза налились кровью, всё черты лица дотога изкажены и изуродованы, что не было ни какой возможности признать ихъ чертами лица Александра Ивановича. Петрушка было отступилъ назадъ и готовъ былъ спросить, кого ему надобно, какъ знакомый голосъ барина нѣсколько образумилъ его.

— А что? спросилъ Малиновкинъ хриплымъ голосомъ, сбрасывая на полъ шинель. Барыня меня, чай, ждала, а?... Чай она посылала тебя и въ департаментъ и по разнымъ знаковымъ, а?....

— Какъ же, сударь, посылали всюду.... и дотога безпокоились, что «нарядившись» хотѣли, кажись, сами ѣхать отыскивать васъ...

— Вотъ оно что!.... протѣжно сказалъ Александръ Ивановичъ, какъ-бы желая собраться съ мыслями.

— Да-съ.... и кушать-то не изволили ничего кушать; больно опечалены были....

— Ну, и хорошо, и прекрасно, проговорилъ Александръ Ивановичъ, бессмысленно улыбаясь: коли сегодняшній обѣдъ не съеденъ, такъ на завтра хватить!.... Вѣдь вотъ здѣсь-то вотъ, продолжалъ Малиновкинъ, ударяя себя по карману: хотъ шаромъ покати, хотъ помеломъ мети — ничего ровно не выметешь.... а если бы и выметъ что, такъ долги плати или въ театръ снеси...

Петрушка надѣленный отъ природы довольно тугой головой, не понявъ хорошенько, о чемъ намекаетъ баринъ и пренаивно отвѣчалъ: да-съ!....

— Да ужъ, конечно, братецъ мой, «да».... А что, продолжалъ Малиновкинъ, нѣсколько помолчавъ: барыня спитъ или нѣтъ?....

— Спитъ-съ.

— Ну, и хорошо и очень хорошо.... пусть ее спитъ... Кто спитъ, тотъ не грѣшитъ.... а кто не грѣшитъ, того Господь Богъ помилуетъ....

Съ этими словами, взявъ свѣчу, Александръ Ивановичъ, пошатываясь, отправился въ спальню.

Въ дверяхъ онъ поневолѣ остановился. Неожиданная сцена неволью поразила и тронула его, несмотря на то, что онъ былъ въ крайне безпечно веселомъ расположеніи духа. На кровати, раскинувшись какъ ребенокъ, Александра Ивановна лежала въ томъ самомъ нарядѣ, въ которомъ собралась ѣхать въ оперу. Пунцовыя ленты, нѣсколько прижатые къ ея блѣдному лицу придавали чертамъ лица ея какую то особенную мягкость; на полу-раскрытомъ ротикѣ, казалось, еще не вовсе замерли упреки и сѣтованія, грудь сжатая корсетомъ волновалась сильнѣе обык-

коденнаго. Правая рука, съ измоченнымъ платкомъ, лежала у сердца, а лѣвая, спустясь съ ирвати, какъ-будто указывала на что-то....

Войдя въ спальню, Александръ Ивановичъ вдругъ отрезвился: протеръ глаза; но протеръ не на радость. Прошла хмѣль — и горькая дѣйствительность явилась передъ глазами Александра Ивановича во всей страшной наготѣ своей. Въ эту минуту онъ ничего не находилъ себѣ въ оправданіе. Въ душѣ его какъ въ душѣ Аббадоны — явились муки на муки.... За нѣсколько минутъ до прихода въ спальню, Александръ Ивановичъ почти со снѣжкомъ рассуждалъ о дѣйствительности, находилъ, что жена его прекрасна сдѣлала, что ничего не бѣла, потому что обѣдъ уцѣлѣла на другой день.... А теперь, когда онъ отрезвился, когда ошамановался, въ голову пришла совсѣмъ другая философія, и онъ самъ себѣ говорилъ:

— Можетъ ли быть человекъ подлѣе меня?... Взять молодую, изящную дѣвушку въ жены, обязаться быть вѣчнымъ ея покровителемъ — да и кинуть ее такъ.... на произволъ судьбы!... Охъ! пронзешь Александръ Ивановичъ, покачавъ головою и нѣжно взглянувъ на жену. Право, ты не такъ виноватъ, Александръ Ивановичъ, какъ думаешь!... Вѣдь ты же для нея сталъ заступничать....

У Александра Ивановича не достало силы долѣе остаться въ спальнѣ. Онъ вышелъ изъ залъ и скорыми шагами сталъ ходить взадъ и впередъ. Нельзя опредѣлить, что было на душѣ у него, мысли его, какъ какой-нибудь живой калейдоскопъ, перемѣняя свое положеніе, то и дѣло, что выводили новыя замѣчанія... то онъ винилъ судьбу свою, то обвинялъ свой характеръ, то порицалъ Александру Ивановну, которая требовала отъ него болѣе, чѣмъ онъ могъ сдѣлать....

Наконецъ прѣбывало девять часовъ и Александра Ивановна проснулась.

Въ будничной жизни человека, такъ много дразгъ и сору, что каждый изъ вынужденъ былъ бы крайне доволенъ, если бъ ихъ было меньше. Не будь этого, мы, конечно, могли бы вывести дѣйствующихъ лицъ въ наилучшемъ свѣтѣ. Но люди до-сей поры такъ гадки и гадки, что кромѣ гадкаго объ нихъ сказать нечего.... Я вѣрю въ прогрессъ.... придетъ пора и люди сдѣлаются лучше: будущимъ цесарямъ, поле будетъ открытѣе и лучше....

Теперь, увы! обращаясь къ героямъ моей повѣсти, я долженъ

сказать, что размышленія Александра Ивановича были не на радость, и пробужденіе Александры Ивановны породило между супругами очень крупныя споры....

Послѣ слезъ и воплей Александра Ивановна сказала:

— Я отъ тебя этого никогда не ожидала!

— Чего? спросилъ Александръ Ивановичъ, у котораго еще голова трещала.

— Чего?... а вы это у меня спрашиваете?... Mon Dieu!... Какъ я несчастлива!....

— Успокойтесь, сударыня, я вдвое несчастіе васъ! Да, прозналъ Александръ Ивановичъ съ отчаяніемъ: женившись, я надылъ себѣ петлю на шею. Не спросясь броду, я сунулся въ во-

— Боже! а вы это говорите!... вы, который на каждомъ шагу меня обманываете.... вы, который проводите цѣлыя ночи Богъ знаетъ гдѣ?... Ахъ, я умру!... непременно умру!...

— Не безпокойтесь, вы останетесь живы!!...

Но сказавъ это, Александръ Ивановичъ какъ помѣшанный схватилъ себѣ голову, кинулся къ женѣ и рыдающимъ голосомъ закричалъ:

— Сашечка! Дуся!.... прости меня!... Ты права, а я кругомъ виноватъ. Объ одномъ умоляю тебя—не спрашивай меня ни о чемъ! Прости — и только!.... Ради Бога, прости и вѣрь, я утѣшу тебя!.... на дылъ утѣшу тебя, ангелъ мой!....

Александра Ивановна поцѣловала мужа....

VII.

Чѣмъ и на какія средства думалъ Малиновкинъ утѣшить жену, а право не знаю, да и онъ самъ едва ли бы могъ объяснить это. Но видимо это былъ только одинъ порывъ уголивости, одно желаніе, хотя на время, помириться съ женою и больше ничего, потому что въ карманахъ у него было еще пустѣе обыкновеннаго, а въ виду имѣлось только одно жалованье, котораго следе доставало для домашняго обиходу. Если бы даже Александръ Ивановичъ обратился къ надеждѣ — этому лукавому предателю, то и отъ ней бы не выпыталъ ничего особенно пріятнаго. Средства Малиновкина были таковы, что куда не кинь вездѣ клинъ... а между-тѣмъ онъ обѣщалъ потѣшить жену.... и вѣрно будетъ биться какъ рыба объ ледъ, чтобы исполнить свое обѣщаніе.

И послѣ этого говорить, что любовь святое чувство?... Да въ чемъ же его святость, скажите? Не въ томъ ли, что человѣкъ на все закрываетъ глаза и постоянно думаетъ только, какъ бы угодить любимой женщинѣ, которая еще и не всегда этого стоитъ. Увы, много я зналъ на моемъ вѣку добрыхъ людей, любившихъ не менѣе Малиновкина, которые изъ-за святаго чувства любви сдѣлали въ исправительномъ заведеніи....

Наступилъ день, пришелъ вечеръ, а бѣдный Малиновкинъ не нашелъ средства сдержать своего общанія; прошло и еще нѣскольکو дней сряду, а положеніе его дѣлъ оставалось всё то же; и Александра Ивановна хотя по видимому сносила холоднѣе невнимательность мужа, однако въ замѣш между супругами поселилось какое-то чувство недовѣрчивости. Они какъ будто стали бояться другъ друга и явно избѣгали тѣхъ сладкихъ *têtes-à-têtes*, которые доставляли имъ столько радостей. Александръ Ивановичъ едва только успѣетъ вскочить съ постели, какъ тотчасъ же старается ускользнуть въ должность. Въ департаментѣ, бывало, какъ только пробьетъ половина четвертаго, ему уже не сидѣлось на мѣстѣ, а теперь ему и дѣла нѣтъ до времени, и точно какъ какой-нибудь экзекуторъ, онъ ни за что на свѣтѣ не выйдетъ прежде другихъ чиновниковъ. Прежде бывало, пидя домой, у него неизвѣстно откуда бралась рысь, а теперь онъ точно больной еле-еле передвигаетъ ногами, и иногда у самага крыльца, помявшись на одномъ мѣстѣ, поворачивалъ со двора оглобли, особливо когда у него случалась какая-нибудь случайно занятая копѣйка.

Дни летѣли, но отношенія между супругами становились едва ли не хуже. Александръ Ивановичъ иногда приходило такъ жутко, что она рѣшительно не знала, что дѣлать съ досады и негодованія. Наконецъ досада указала ей одно средство, которое дѣйствительно облегчаетъ женское сердце. Она стала жаловаться на мужа всѣмъ и каждому, начиная съ горничной и восходя до почтенной своей родительницы, которая не выслушавъ хорошенько дѣла говорила:

— Я напередъ знала, что это такъ будетъ.... а жаловаться тебѣ нечего; сама виновата: вольно выйти за голоштанника.... Не я ли тебѣ говорила: Эй, Саша, выжди себѣ партію по-резоннѣ; такъ нѣтъ, куда тебѣ! ты и слышать не хотѣла объ этомъ, да отпа своего, стараго дурня, подбила.... Теперь ужъ нечего дѣлать: пляши сама какъ знаешь....

Не находя особеннаго утѣшенія въ словахъ достопочтенной

своей родительницы, Александра Ивановна кинулась къ другому рода утѣшительницѣ.

Это была нѣкто Устинья Ѳедоровна.

Почтенная эта дама прослыла въ своемъ муравейникѣ чуть чуть не праведницей. Въ самомъ дѣлѣ поведеніе этой дамы было примѣрно во всѣхъ отношеніяхъ, хотя и внушало нѣкоторымъ маловѣрамъ разные пелѣшные толки. Говорили, что Устинья Ѳедоровна постится изъ скупости, а по церквамъ ходитъ отъ нечего дѣлать. Были еще и такія кумушки, которыя завидуя можеть быть ея святому житію во всеуслышаніе кричали: Знаемъ мы эту Устинью Ѳедоровну, каковъ она гусь!... Съ молоду пускалась во всѣ тяжкіе, и мужа-то своего въ гробъ свела, а теперь видишь ты какъ фарисейничаетъ.... Да нѣтъ, сударыня, обожди! Людей пожалуй на бобахъ проведешь, а Бога-то не очень....

Какъ бы то ни было, по образцовое поведеніе Устиньи Ѳедоровны не во всѣхъ возбуждало такое злословіе. Были у нея знакомые, которые въ полной мѣрѣ умѣли цѣнить ее по достоинству и дорожили ея знакомствомъ какъ нельзя болѣе. Къ числу отличныхъ друзей и почитателей Устиньи Ѳедоровны принадлежала родительница Александры Ивановны и отчасти она сама. Первая видѣла въ ней праведницу, а вторая была даже нѣкоторымъ образомъ ей обязана. Во время сватовства Малиновкина, Устинья Ѳедоровна какъ другъ дома, была также на семейномъ совѣщаніи, и вывѣдавъ сторовой, что Малиновкинъ безкорыстно ищетъ руки Александры Ивановны, первая сказала:

— Эхъ-э-хе, отцы мои!... Коли нашелся такой кладъ, что не требуетъ ничего кромѣ одной персоны, такъ и не задумывайтесь... отдавайте скорѣй съ ногами и руками. Въ нынѣшній вѣкъ не много такихъ безсребренниковъ!... Теперь каждый думаетъ только, какъ бы сорвать что, а жену взять въ приданое.

Это чисто практически-философское воззрѣніе Устиньи Ѳедоровны было такъ сказать конецъ-концомъ судьбы нашей героини.

Теперь въ критическую минуту, Александра Ивановна, естественнымъ образомъ, почла за лучшее снова обратиться къ Устиньѣ Ѳедоровнѣ и пожаловаться ей на своего неблагоприятнаго мужа.

Какъ только Александра Ивановна вошла въ дверь, Устинья Ѳедоровна тотчасъ же смѣшала разложенный на столѣ грампасіансъ, и кинулась къ ней на шею.

— Вотъ ужъ могу сказать, одолжила ты меня, Сашенька!... Здорова ли ты, моя милая?... Садись вотъ сюда, на диванчикъ!...

Палашка! сдѣлай скорѣе чай!... Здоровъ ли твой Александръ Ивановичъ?... Почему онъ съ тобой не прѣхалъ навѣстить отшельницу? Да что же ты, моя милая, не отвѣчаешь ни слова?... Ты, кажется, чѣмъ-то разстроена?... право, плачешь.... скажи, что съ тобой?...

Александра Ивановна кинулась на диванъ, зарыдала и на всѣ вопросы словоохотной Устиньи Ѳедоровны, по видимому не находила отвѣту.

— Говори, моя милая, съ участіемъ сказала Устинья Ѳедоровна: не бойся!... Вѣдь ты должна знать меня. Многого я не общаю, а за добрымъ совѣтомъ въ карманъ не полѣзу....

— Ахъ! произнесла Александра Ивановна, и снова зарыдала.

— Ну, что же такое, говори, моя милая, говори....

— Ахъ, Устинья Ѳедоровна, я самая несчастная въ мірѣ женщина!...

— Можетъ ли это быть?...

— Вотъ уже третья ночь къ-ряду, какъ Александръ Ивановичъ не почуветъ дома.... если это такъ продолжится, я не перенесу этого.... я умру, непременно умру....

— Что ты это, Богъ съ тобой, моя милая! Есть ли тутъ изъ чего приходиться въ отчаяніе!...

— Умру, продолжала Александра Ивановна рѣшительнымъ голосомъ: умру непременно.

— Ну, вотъ те на, что еще выдумала!... Если бы умирать нашей сестрѣ отъ негодяевъ мужей, такъ давно бы перевелись всѣ женщины.... Нѣтъ, милая, если онъ такой, такъ плюнь на него, да и дѣло съ концомъ.... Не ожидала я этого, впрочемъ, отъ Александра Ивановича, продолжала почтенная дама: хотя и доходили до меня кое-какіе слухи, а я всё-таки этого отъ него не ожидала....

— Боже! вскрикнула Александра Ивановна: такъ вы объ немъ уже что-нибудь слышали?...

— Слышать-то я объ немъ ничего не слыхала, а ужъ извѣстно каковы всѣ мужчины: у нихъ, милая, семь пятницъ на недѣлѣ....

— Нѣтъ, вы вѣрно что-нибудь слышали, да не хотите сказать мнѣ....

— Слышать, я собственно не слыхала.... таинственно произнесла Устинья Ѳедоровна, а такъ....

— Ради Бога! говорите, говорите....

— Слышала я когда-то прежде, давно.... что будто у Але-

Александра Ивановича есть, съ позволенія сказать, какая-то фаворитка.... Ну, да это, вѣроятно, вздоръ! Не даромъ говорится что люсская молва — морская волна....

— У него есть фаворитка! сказала про себя Александра Ивановна: теперь мнѣ все повятво!...

— Послушай меня, моя милая, сказала Устинья Федоровна твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ: если ты меня любишь, хочешь отъ меня добраго совѣта, то успокойся сначала, и разскажи мнѣ, на чемъ собственно основываются твои подозрѣнія... а то, что я слышала, о томъ послѣ....

Александра Ивановна собралась съ послѣдними силами, отерла глаза и начала повѣствованіе. Въ этой Іереміадѣ ничего не было новаго для моего читателя. Она подробно разсказала то, какъ Александръ Ивановичъ обѣщаль взять ей билетъ въ Семирамиду, и вмѣсто билета, самъ пропадалъ цѣлую ночь; жаловалась, что онъ лжеть на каждомъ шагу и, пропадая Богъ знаетъ гдѣ, увѣряеть ее что онъ, на службѣ....

Нужно замѣтить, что Устинья Федоровна отъ природы крайне любопытная, этого только и желала. Если она кинула нѣсколько невыгодныхъ фразъ на счетъ слуховъ о Малшиновкнѣ, то это было не что иное какъ уловка съ ея стороны, употребленная ею для скорѣйшаго узнанія дѣла, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ.

Выслушавъ Александру Ивановну, и такимъ образомъ удовлетворивъ своему любопытству, Устинья Федоровна привстала съ своего мѣста, оправилась, снова опустылась на диванъ и протяжно произнесла:

— Такъ!...

— Что же мнѣ дѣлать?... сказала Александра Ивановна, отчаяннымъ голосомъ.

— Что тебѣ дѣлать, моя милая?... Плюнуть на него, да вотъ и вся недолга....

— Какъ плюнуть?...

— Да такъ-таки просто-на-просто. Изъ твоихъ словъ, моя милая, я вижу что твой Александръ Ивановичъ, вылитый—мой покойный: негодяй.... не тѣмъ будь помянуть!...

Александра Ивановна вытаращила на нее глаза.

— Да, продолжала добродѣтельная дама: большая часть мужчинъ мѣднаго гроша не стоятъ. Пока они влюблены, такъ на стѣну лѣзть готовы, а какъ горячка пройдетъ, такъ жена и все для нихъ

трыштрава!... Для примѣру я расскажу тебѣ собственную свою исторію: отецъ мой былъ важный вельможа, имѣлъ рангъ статскаго совѣтника, и какъ умный человекъ, то и дѣло думалъ, какъ бы новыгоднѣе пристроить меня.... Недаромъ говорится, что у нашей сестры длиненъ волосъ да умъ коротокъ.... Вздурила ни дать ни взять какъ ты, моя милая. Влюбилась я, прости Господи, въ моего покойнаго, да и говорю родителямъ: или за него, или ни за кого на свѣтѣ....

Что мнѣ въ немъ тогда правилось; я и теперь ума-разуму не приложу.... Чинишка былъ у него маленькой, а состояніе, съ позволенія сказать, фракъ да штаны.... Какъ вышла я, моя милая, такъ и сама нерада!... Квартерншку нанялъ онъ скверную; коли нужно бывало куда съѣздить, такъ трясись, съ позволенія сказать, на ванькѣ; коли дойдетъ дѣло до какой обновки, такъ ужъ крихтитъ, крихтитъ.... да нехуже твоего Александра Ивановича; если бывало объщаетъ что, такъ того и гляди что потомъ отлыниваетъ и по цѣлымъ днямъ пропадаетъ. Стала я думать да передумывать.... посоветывалась съ добрыми людьми да и кинула его, моя милая... Онъ было приданаго мнѣ не отдать.... да нѣтъ! Нашелся и у меня покровитель, который за меня заступился, все съ него требовалъ, да еще и тюрьмой погрозилъ.... Что будешь дѣлать, моя милая!... Безъ этого самой приходилось лѣзть въ петлю. Когда, знаешь, я развѣхалась съ мужемъ, то ужъ чего-чего не говорили про меня злые языки.... что, видишь, и такая-то и сякая, — да тамъ что они не говорили себѣ, а я, благодаря Бога, жива и здорова: за праваго, моя милая, всегда Богъ стоитъ!...

Бѣдная Александра Ивановна, лучше ли тебѣ стало отъ совѣтовъ и исторіи Уетиньи Федоровны!...

VIII.

Прошло добрыхъ полгода съ описаннаго намъ времени, и мы, желая поскорѣе ознакомить читателя съ судьбою счастливыхъ супруговъ, покорнѣе просимъ его прочесть нѣсколько писемъ и отрывковъ, писанныхъ Александрой Ивановной къ одной изъ своихъ пріятельницъ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Неоцѣненный другъ мой, Marie!

Я заранѣе воображаю какъ ты удивишься, получа отъ ме-

ня это письмо. Но что будешь дѣлать, если я не найду другаго спасенія, какъ прибѣгнуть къ дружбѣ и подлѣиться съ тобой, mon ange, монмъ теперешнимъ торемъ и отчаяніемъ....! Вообрази себѣ, Marie, что я самое несчастное существо въ мірѣ: не проходитъ дня, чтобы я не рыдала какъ пятилѣтній ребенокъ; не проходитъ часу, чтобы я не вспоминала о прошедшемъ счастливейшемъ времени, когда мы, бывало, сойдясь съ тобой, мечтаемъ, мечтаемъ, Богъ знаетъ о чемъ....

Когда я выходила замужъ, ты, сѣге amie, завидовала моему счастью. (Ахъ, mon ange, какая ты была дурашка тогда!) Этотъ Alexandre, въ котораго я была такъ влюблена, и который тебѣ такъ нравился — самый дурной, самый отвратительный человекъ на свѣтѣ! Это, просто—извергъ, клянусь тебѣ, извергъ! Представь себѣ, mon ange, что этотъ человекъ не умѣлъ даже притвориться въ первое время; черезъ мѣсяць, послѣ нашей женитьбы, онъ снялъ съ себя маску и сталъ рѣшительно какимъ-то чудовищемъ.

Какихъ онъ не дѣлалъ мнѣ procédés — ужъ я тебѣ описать не умѣю!... Представь себѣ, mon ange, что въ это короткое время онъ обманулъ меня по-крайней-мѣрѣ разъ двадцать. Общается, напримѣръ, везти меня въ оперу, — я одѣнусь какъ дура, а онъ уйдетъ да и не приходитъ вовсе домой. Вѣришь ли ты, что я, по его милости, нѣсколько разъ не обѣдала: жду его съ-часу на часъ и думаю — вотъ онъ придетъ, а онъ, представь себѣ (мнѣ даже совѣстно объ этомъ писать), по два дня сряду не почуветъ дома!... каковъ?... Сначала, когда я, бывало, начну его спрашивать, гдѣ онъ пропадалъ — онъ все ссылался на службу.... и я, глупая, этому вѣрила!... Mon Dieu! mon Dieu! за что Ты наказалъ меня такъ!...

Послушай, Marie, если ты меня любишь и не хочешь погубить себя, то заклинаю тебя, не выходи никогда замужъ. Это такая глупость, какой болѣе быть не можетъ!...

Пожалѣй обо мнѣ!... Adieu!

Твоя А. М.

P. S. Я надѣюсь, mon ange, что все это останется между нами. Единственное мое утѣшеніе теперь — твоя дружба и милое участіе одного москѣ Медвѣдева, сослуживца моего тирана. Видя мое одиночество, онъ почти каждый день навѣщаетъ меня....

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Была бы я, мой ангелъ, что я брешу, что я одна не помню что говорю. Хорошо тебѣ такъ рассуждать со стороны, а если на мое мнѣнiе, такъ согласишься другое. Ты цыцашь, еще Marie, что главная причина моего несчастiя заключается въ моей дилетантственности и ревности къ мужу. Ты жестоко, мой ангелъ, ошибаешься! Жены, не столько требовательной и болѣе снисходительной, какъ я, не было, нѣтъ и не будетъ. Вспомни хорошенько, мой ангелъ, что дѣлала изъ своего мужа Annette Zoulikoff. Съ утра она, бывало, ему признается: и то и другое и третье, а онъ какъ какой-нибудь, право, какой бываетъ по всѣмъ магазинамъ, по всѣмъ театрамъ, чтобы только угодить и исполнить прихоть Аннеты. Съ мужчинами, а особливо съ мужчинами, вѣдѣе поступать не должно: въ этомъ я убѣдилась собственнымъ опытомъ. Чѣмъ снисходительнѣе жана, тѣмъ мужъ становится безценнѣе. Если я себя знаю, мой ангелъ, такъ это въ томъ, что была вовсе не требовательна. Ну, о чемъ въ самомъ дѣлѣ я проела его?... О какомъ-нибудь билетѣ въ театръ, о какой-нибудь мантлѣ, а еще о какой-нибудь драпѣ, а больше ровно ни о чемъ.... Цѣтъ, мой ангелъ, я, напротивъ, была черезъ-чуръ строга!

Что касается до ревности, то я, можетъ-быть, дѣйствительно въ началѣ нѣсколько его ревновала, а теперь, мой ангелъ, я почти сержусь на тебя, что ты подозреваешь во мнѣ это чувство къ Малиновкину. Ревновать можно того, кого любишь, а онъ не стоитъ любви. Да и говоря entre nous, я, право, не могу довольно теперь надвинуться себѣ: ну, что мнѣ могло понравиться въ мужѣ? Вѣдь если разобрать хладнокрѣвно, то въ Александрѣ ровно-таки ничего нѣтъ и не было....

О состоянiи я ужъ и не говорю, связей ни какихъ, наружность, si vous voulez, такъ себѣ; но ужъ ни какъ не больше, и на мой глаза теперь Медвѣдокъ, о которомъ я писала тебѣ въ прошломъ письмѣ, во-крайней-мѣрѣ во сто разъ лучше его. О воспитанiи Александра и говорить даже скучно: иногда, je vous jure, отъ него конюшней пахнетъ.... Даже въ самыхъ ласкахъ своихъ онъ, ma chère, какъ-то приторенъ и мелочокъ. Чтѣбы ты не подумала что я на него клеветчу, выслушай, съ чѣмъ было недавно онъ подѣлалъ ко мнѣ.

Послѣ всѣхъ ссоръ, послѣ всѣхъ домашнихъ неприятностей, послѣ того, какъ онъ не почевалъ нѣсколько разъ дома, вдругъ,

ни съ того ни съ другаго, на дняхъ приносить мнѣ билетъ въ оперу. Я не знаю какъ я удержалась и не швырнула ему этого билета въ лицо; однако жъ я всё-таки не поѣхала и сказала ему, что этотъ сюрпризъ не болѣе и не менѣе какъ послѣ ужина горчица. Въмѣсто того, чтобы понять справедливое мое негодованіе и замолчать, онъ, вообрази себѣ, чуть не со слезами на глазахъ (*comme c'est mauvais genre!*) сталъ упрекать меня: «Ты, говорить, не хочешь понять моего положенія; ты, говорить, отчасти даже неблагодарна.» Вообрази себѣ, *mon ange*, онъ — этотъ извергъ, вѣроятно, забывъ всё свои гнусности и думая, можетъ-быть, замаслить меня театромъ какъ ребенка конфеткой — осмѣлился сказать мнѣ такую вещь. Этого я уже не могла выдержать, и, наговоривъ ему тысячу колкостей, вышла и заперлась въ спальнѣ.

Къ счастью моему, онъ не долго оставался дома, и, по своему обыкновенію, пропалъ на цѣлую ночь. Я полагаю, *mon ange*, что этимъ онъ хотѣлъ отплатить мнѣ, но ошибся въ расчетѣ! Тотчасъ же послѣ уходу его пріѣхалъ москѣ Медвѣдевъ, и мы преприятно провели съ нимъ цѣлый вечеръ.... Ah, ma chère amie, voilà un jeune homme rempli d'esprit!...

Что если бы всё мужчины хоть сколько-нибудь были на него похожи!... Mais c'est impossible: il est unique en son genre....

Adieu, тысячу-тысячъ разъ цѣлую тебя.

A. M.

ОТРЫВОКЪ ПЕРВЫЙ.

...Повѣришь ли, Marie, я даже отчасти рада, что Александръ Ивановичъ сдѣлался для меня невидимкой. Его присутствіе, à vrai dire, было бы теперь для меня въ тягость; его мужицкія ласки — наказаніе.... Ужъ если человекъ не умѣлъ уберечь нашего чувства, то онъ хорошо дѣлаетъ, что по-крайней-мѣрѣ не надѣлаетъ намъ.... Vous ne saurez croire, *mon ange*, какъ мнѣ бываетъ противно, когда ему вздумается наградить меня своимъ tête-à-tête. Каждая его предупредительность, если она даже и отъ добраго сердца, для меня тоже, что ложка микстуры изъ рукъ заботливаго доктора.....

Москѣ Медвѣдевъ такой, право, милашка!... Не зная тебя лично, но однимъ моимъ рассказамъ, полюбилъ тебя какъ нельзя больше.... Jugez donc, *mon ange*, comme vous êtes heureux!...

ОТРЫВОКЪ ВТОРОЙ.

....Александръ Ивановичъ взбѣсился, та сѣге, буквально взбѣсился.... Сегодня онъ надѣлалъ мнѣ столько непріятностей, что если бъ я не считала его пьяницей, то непременно пожаловалась бы на него правительству....

Вообрази, Marie, изъ чего вышла вся исторія: съ самаго утра у меня такъ болѣли зубы, что я просто на-силу на ногахъ держалась. Ты помнишь, я и прежде часто страдала зубами.... Вотъ, та сѣге, я лежу на постелѣ вся сама не своя.... Александра Ивановича, по обыкновенію, дома не было.... вдругъ мнѣ говорятъ, что пріѣхалъ мосѣ Медвѣдевъ; я было велѣла отказать, но онъ, не дождавшись, вошелъ прямо ко мнѣ въ комнату и, извинившись, упросилъ меня не вставать съ постели. Ne voulant pas faire la grude, я, разумѣется, осталась... Намъ подали чай, мы говорили, болтали, смѣялись и, само собой разумѣется, не замѣчали какъ время летѣло.... Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ слышались чьи-то шаги.... я сконфузилась.... было вскочила.... въ дверяхъ показался Малиновкинъ и сказавъ: «Я вамъ не мѣшаю!» тотчасъ же вышелъ изъ комнаты и опять пропалъ на цѣлую ночь. Представь себѣ, какая неделкатность!...

ОТРЫВОКЪ ТРЕТІЙ.

....Сцена у насъ была ужасная. Я теперь совершенно убѣдилась, что въ этомъ человѣкѣ рѣшительно нѣтъ ни капли благородства: это просто мужикъ, да еще самый грубый и неотесанный мужикъ. Вообрази, топ ange, на дняхъ какъ-то мнѣ вздумалось съѣздить къ одной знакомой, куда также хотѣлъ пріѣхать и мосѣ Медвѣдевъ.... На бѣду, вздумалось Малиновкину просидѣть дома, и какъ только я надѣла шляпку, онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и спросилъ:

— Куда вы это собрались?

— Ахъ, Боже мой! сказала я съ досадою: неужели я обязана отдавать вамъ отчетъ въ каждомъ шагѣ?... Вѣдь я васъ ни о чемъ никогда не спрашиваю....

— Не отчетъ, Сашинька, не отчетъ! Но я бы хотѣлъ съ тобой объясниться.... Этакъ нельзя жить, какъ мы живемъ съ тобой....

— Къ несчастію я это и сама очень хорошо чувствую, безъ всякихъ объясненій.... А затѣмъ прощайте!

Только-что я это выговорила и хотѣла выйти изъ комнаты, Малиновкинъ схватилъ меня за руку и, зарыдавъ какъ пятилѣтнiй ребенокъ, (Ахъ, та сѣбе, что можетъ быть отвратительнѣе плачущаго мужичны!) прохныкалъ:

— Сашечка! я виноватъ....

— Миѣ теперь, воля ваша, некогда васъ слушать: я тороплюсь.... Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, если вы сознаетесь, что вы проделали меня виноваты, то лучше изсрачьтесь, нежели обдѣлаться....

— Ради Бога, выслушай меня, Сашечка! Я виноватъ, но, вѣрно, не столько, сколько ты думаешь. Одна безумная любовь въ тебѣ виновата. Я боялся напугать тебя нишетою и очертя голову кинулся въ бездну.

Миѣ стало противно, mon ange, это слушать: ну, можно ли такъ глупо оправдываться?

— Слушай, продолжалъ онъ, всё-таки держа меня за руку: во имя прежней любви, ты должна пожалѣть меня; я и безъ того уже слишкомъ наказанъ.

— Чѣмъ же вы это наказаны? спросила я довольно холодно, потому что не могла вдругъ хорошенько понять этого.

— Чѣмъ? и вы это у меня спрашиваете? Да развѣ вы не понимаете теперешнихъ нашихъ отношенiй? Да развѣ вы думаете, что я слѣпъ? Да развѣ вы считаете меня идиотомъ, неспособнымъ понять, что въ вашемъ сердцѣ я все потерялъ.

— Такъ что же?

— Вѣдь я не камснъ! Неужто, я не былъ довольно наказанъ въ тотъ вечеръ, когда у вашей кровати я видѣлъ этого мерзавца Медвѣдева?...

Jugez quel horreur!

Я всдыхнула.... я не знаю, какъ я удержалась, чтобъ не выйти изъ себя, и, оттолкнувъ его руку, сказала:

— Что вы этимъ хотите сказать, милостивый государь?

— Ничего, отвѣчалъ онъ, повѣся голову.

— Если говоря, вы ничего не хотите сказать, то гораздо было бы лучше, еслибъ вы совсѣмъ молчали.

Возбрани, mon ange, какая дерзость, какое безчеловѣчiе со стороны Малиновкина!... Онъ, этотъ отъявленный негодяй, вздумалъ миѣ дѣлать намеки и въ глаза миѣ бранить человѣка, который во сто тысячь разъ выше его....

C'est plus qu'il n'en faut!

Послѣ этого я рѣшилась на все, рѣшительно такъ на все....

ОТРЫВОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Мой домашній тиранъ болѣе недѣли какъ не говоритъ со мной ни полслова.... Je ne suis que trop heureuse.... Этакъ я, пожалуй, еще могу съ нимъ жить.... На дняхъ, ma chère amie, Медвѣдѣвъ устроилъ для меня пикникъ. Александръ, разумѣется, не ѣздилъ, а мнѣ чудо какъ было весело....

ОТРЫВОКЪ ПЯТЫЙ.

Добрѣйшая Устинья Осодорова совѣтовала мнѣ развѣжиться съ Малиновкинымъ и подать на него просьбу, но я, признаюсь тебѣ; полагаю, что это ни къ чему не поведетъ, а слѣдуетъ только отласку. Еслибы этотъ уродъ былъ богатъ, или въ чемъ-нибудь вѣшалъ мнѣ, такъ такъ.... а то нѣтъ; благодаря Богу, безъ вѣста пропадетъ по цѣлымъ недѣлямъ, и я совершенно спокойна....

IX.

Было часовъ одиннадцать вечера. Въ залѣ танцевальнаго общества, предназначенномъ для лото, было уже такъ накурено разнаго роду табачнымъ снадобьемъ, что у человѣка свѣжаго и непривычнаго къ такимъ сильнымъ наркотическимъ средствамъ легко могли бы лопнуть глаза. Воздухъ былъ густъ до невѣроятности; жара, въ полномъ смыслѣ слова, нестерпимая. Еслибы кому-нибудь вздумалось принскать сравненіе для этого увеселительнаго зала, то ему непременно нужно бы было порыться въ аду Божественной Комедіи. Между-тѣмъ, въ этомъ залѣ была туча народу, и лица этихъ господъ представляли самое живое, самое пестрое разнообразіе. Одинъ сидѣлъ какъ вкопанный за своей картой и только изрѣдка наморщивалъ лобъ и медленно поводилъ покраснѣвшими глазами; другой, болѣе живой по натурѣ, при каждомъ новомъ камбѣ вскакивалъ съ своего мѣста и быстрымъ взглядомъ окидывалъ карты своихъ сосѣдей. Въ этомъ обществѣ были и такіе, которые съ перваго взгляду казались людьми совершенно окаменѣвшими: опершись головой на руку, уставивъ глаза въ карту, они не дѣлали ни одного движе-

нія, не произносили ни одного звука; въ противоположность этимъ живымъ мертвецамъ были игроки-ходуны, которые, держа карту въ рукѣ, ходили взадъ и впередъ по комнатамъ и, болтая между собою о всякой всячинѣ, не упускали изъ виду провозглашаемыхъ камней. При словахъ: «баста! довольно! шабашъ!» она такъ же какъ и всѣ прочіе обращалась къ машинѣ и произносила: «Фу, ты чортъ! какое несчастіе!» или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Между этимъ разнообразнымъ людемъ, движимымъ, впрочемъ, одною цѣлю выигрыша, были счастливыцы, которые, погрузясь въ глубокой сонъ, безопасно покоились на диванахъ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, кто облокотясь, кто подбоченясь, кто спустя голову на колѣни. Да не подумаетъ читатель, что всѣхъ этихъ господъ убавяло счастье. Нѣтъ, вѣроятно, различныя чувства и обстоятельства привели ихъ къ этой катастрофѣ. Одинъ, вѣроятно, заснулъ потому, что накануне всю ночь на пролетъ игралъ и теперь ему просто-на-просто спать захотѣлось; другой одурѣлъ отъ табачнаго дыму, или какого-нибудь другаго снадобья; были, можетъ быть, и такіе, которымъ съ горя вздремнулось, потому что, проигравъ послѣднюю трехрублевою, имъ ничего лучше не оставалось дѣлать.

Изъ всѣхъ этихъ спящихъ господъ былъ одинъ, который своею позою и наружностью болѣе другихъ поражалъ и даже какъ-то невольно заставлялъ обратить на себя вниманіе.

Голова его закинута была на спинку дивана; одна рука служила ему изголовьемъ, другая заложена была въ карманъ, какъ-будто для того, чтобы обшарить его хорошенько, и, по-видимому, не найдя ничего, осталась тамъ съ горя. Лицо этого чело-вѣка было еще очень молодо; но какая-то болѣзненная желтизна и легкія морщины между бровями и у рта заставляли думать, что онъ страдаетъ какою-нибудь мучительною, хроническою болѣзнію. Щеки его глубоко ввалились, на губахъ не было той горькой усмѣшки, которая была видна у прочихъ. Нѣтъ, губы его, какъ на портретахъ губы Данта, были судорожно и крѣпко сжаты, какъ бы для того, чтобъ не произнести чего-нибудь непріятнаго посреди почтеннаго общества.... При взглядѣ на него, становилось непріятно.... Мысль, что атмосфера, въ которой дышетъ этотъ несчастный, если тотчасъ не задушитъ его, то въ послѣдствіи непременно отзовется ему, тяготила душу. Неужели этотъ несчастный не имѣетъ никого близкаго, который бы могъ разбудить его и сказать: «Уйди домой, пожалуйста! Вѣдь этотъ дымъ вреденъ твоему здоровью. На тебѣ лица нѣтъ!»

Черезъ нѣсколько времени, въ этомъ обществѣ нашлась, однако жъ, сострадательная душа въ видѣ кудряваго молодого человека.

— Чтò вы это спите, Александръ Ивановичъ? сказалъ онъ, ударивъ его по плечу: а между-тѣмъ дѣла не дѣлаете....

— А! это ты, Медвѣдевъ? проговорилъ проснувшійся Александръ Ивановичъ Малиновкинъ: и радъ бы, братецъ, въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

— Отчего?

— Оттого, что я уже все спустилъ.

— Это нехорошо, сказалъ Медвѣдевъ тономъ покровительства и вертясь на одной ножкѣ: а впрочемъ, знаешь ли чтò, Александръ Ивановичъ? Не хочешь ли ты чего-нибудь пропустить для подкрѣпленія силъ?

— Пожалуй, сказалъ Малиновкинъ, вставая съ своего мѣста и идя къ буфету за добрымъ своимъ товарищемъ.

У буфета Медвѣдевъ простеръ еще даѣе свое вниманіе и предложилъ Малиновкину признаться у него съ выигрышу на разживу:

— Авось-либо кривая вывезетъ....

— Оно, конечно, такъ, сказалъ Александръ Ивановичъ, котораго рюмка коньяку нѣсколько отрезвила: оно, конечно, такъ, да вѣдь мнѣ, право, совѣстно.... я вѣдь, братецъ, у тебя и безъ того въ долгу.... ты мнѣ и то уже одолжалъ....

— Чтò это, братецъ, за одолженія! Когда-нибудь сосчитаемся.

Александръ Ивановичъ посмотрѣлъ на него изъ-подлобья, нахмурилъ брови; какая-то странная усмѣшка показалась на его губахъ, которая, впрочемъ, походила болѣе на судорожное движеніе рта, нежели на усмѣшку. Онъ пробормоталъ что-то сквозь зубы и потомъ, взявъ деньги, потребовалъ еще рюмку коньяку.

Медвѣдевъ это бормотанье принялъ по своему и продолжалъ увѣрять его, что онъ *всегда очень радъ* одолжить товарища, и что онъ когда-нибудь съ нимъ сочтется.

— Ну, ужъ довольно, сказалъ Александръ Ивановичъ, отходя отъ буфета: какъ честный человекъ, я тебѣ отдамъ чтò занялъ, а считаться, право, лучше не будемъ....

— Какъ это?

— Да ужъ такъ; а то иначе ты непременно у меня въ долгу останешься....

— Чтò ты хочешь этимъ сказать?

— Ничего, такъ, вздоръ.... Если отсюда завернешь къ женѣ, то пожалуйста засвидѣтельствуй ей мое почтеніе....

— Ты, братъ, кажется, выпилъ лишнее! сказалъ Медвѣдевъ и повертѣлся пѣчезъ.

Александръ Ивановичъ игралъ очень счастливо,—и многие утверждаютъ, что съ этого вечера онъ сдѣлался вампиромъ по части лото: что ни сядетъ, то выиграстъ!

Неизвѣстно одно — расплатился ли онъ съ Медвѣдевымъ, и если расплатился, то какимъ образомъ....

СЕРГѢЙ ДУРОВЪ.

=

ВОСПОМИНАНІЯ

САДДЕЯ БУЛГАРИНА.

=

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Въ каждомъ званіи, въ каждомъ сословіи для человѣка есть счастливыя минуты, которыя приходятъ только *однажды* и никогда уже не возвращаются. Въ военномъ званіи, которому я посвятилъ себя отъ дѣтства, — три высочайшія блаженства: первый офицерскій чинъ, первый орденъ, заслуженный на полѣ сраженія, и.... первая взаимная любовь. Для человѣка, изжившаго уже свой вѣкъ, утомленнаго жизнью, разочарованнаго на счетъ людей и дѣлъ, высокіе чины, первоклассные ордена и женитьба хотя и составляютъ цѣль исканій, но доставляютъ разсчитанное умомъ удовольствіе, и не трогаютъ сердца. Юноша въ первомъ офицерскомъ чинѣ видитъ одну свободу, въ первомъ орденѣ свидѣтельство, что онъ достоинъ офицерскаго званія, въ первой взаимной любви рай! Какъ я былъ счастливъ, получивъ за Фридландское сраженіе Анненскую саблю! Не знаю, чему бы я теперь такъ обрадовался. Я получилъ рескриптъ съ дующаго содержанія, которое въ первый день затвердилъ наизусть:

Господишъ корнетъ Булгаринъ!

«Въ воздаяніе отличной храбрости, оказанной вами въ сраженіяхъ 1-го и 2-го Іюня (1807 года), гдѣ вы, бывъ во всѣхъ атакахъ, поступали съ кривтернымъ мужествомъ и рѣшительностью, жалую васъ орденомъ Св. Анны третьяго класса, косго знаки препровождая при сень, повелѣваю возложить на себя и носить по установленію, будучи устремъ, что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вѣщшему продолженію усердной службы вашей.

Пребываю вамъ благосклонный

АЛЕКСАНДРЪ».

Всѣ новые кавалеры собрались въ Мраморномъ Дворцѣ, и шефъ нашъ, Его Высочество Цесаревичъ, вручилъ каждому рескриптъ и орденъ, и каждого изъ насъ обнялъ и поцѣловалъ, сказавъ на прощанье: «Поздравляю, и желаю вамъ больше!»

Искренно радовался всѣмъ наградамъ Старжинскаго, получившаго въ поручичьемъ чинѣ Владиміра съ бантомъ. Это было тогда чрезвычайно рѣдкое, почти неслыханное событіе! Представленіе къ наградамъ орденами отличившихся было намъ неизвѣстно, и мы получили награду неожиданно, сюрпризомъ. Всѣ мы были въ восторгѣ, обнимались и целовались, и вышедъ изъ Мраморнаго Дворца, были въ такомъ расположеніи духа, что если бъ намъ приказано было штурмовать сейчасъ Петропавловскую Крѣпость, мы бросились бы на картечи, не разсуждая ни полсекунды. Тогда были другіе нравы и молодые люди не стыдились высказывать свой юмошескій пламень и быть благодарными. Теперь мода повелѣваетъ казаться со всѣми холоднымъ и ко всему равнодушнымъ. Теперь большею частію принимаютъ награду какъ должно; при полученіи, оглядываются на другихъ, разсчитывая, кто долженъ былъ получить болѣе, а кто менѣе, и почитаютъ неприличнымъ считать награду за милость и быть благодарными за вниманіе. Мы жили въ нашей молодости не въ англійскомъ духѣ, и въ простотѣ чувствъ нашихъ радовались хорошему, были благодарны за добро, и если иногда ворчали, то наше неудовольствіе было мимолетное и проходило какъ облако, пагнущее вѣтромъ на свѣтлое небо. Обратимся къ современнымъ событіямъ.

Это была эпоха преобразованія, нововведеній и усовершеній въ Россіи; но, чтобъ не сбиваться въ новѣствованіи, я прежде разскажу о финляндской кампаніи, а потомъ сообщу, что знаю изъ тогдашняго времени, богатаго событіями и послѣдствіями.

У насъ существуютъ двѣ Исторіи Финляндской Войны 1808 и 1809 годовъ, одна по-русски: *Описаніе Финляндской войны на сухомъ пути и на морѣ*, въ 1808 и 1809 годахъ, по высочайшему повелѣнію сочиненное генералъ-лейтенантомъ Михайловскимъ-Данилевскимъ, съ двадцатью планами и картами (Спб. 1841), другая по-французски: *Précis des évènements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande, dans la dernière guerre entre la Russie et la Suède*, par L.-G. J. P. de S*** (St. Pétersbourg, 1827). Сочиненіе это написано покойнымъ генералъ-лейтенантомъ графомъ Павломъ Петровичемъ Сухтеленемъ, напечатано въ числѣ 250 экземпляровъ и не было никогда въ продажѣ, но роздано авторомъ друзьямъ и знакомымъ въ Россіи и въ Швеціи. Оба сочиненія весьма важны. А. И. Михайловскій-Данилевскій написалъ Исторію по официальнымъ документамъ, забравъ притомъ всѣ необходимыя справки отъ участвовавшихъ въ войнѣ, и описалъ всѣ событія, въ общемъ составѣ, весьма вѣрно и притомъ занимательно. Графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ самъ дѣйствовалъ въ Финляндской Войнѣ и пользовался свѣдѣніями своего родителя, инженеръ-генерала Петра Корнилевича Сухтелена, принимавшаго самое дѣятельное участіе во всѣхъ успѣшныхъ распоряженіяхъ во время этой войны, по военной и дипломатической части. Кромѣ того, графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ, посѣщая родителя своего въ Стокгольмѣ (когда онъ былъ русскимъ посланникомъ въ Швеціи), почерпалъ дополнительные свѣдѣнія изъ шведскихъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ и изустныхъ разсказовъ шведскихъ высшихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ войнѣ. Сочиненіе графа П. П. Сухтелена особенно важно въ стратегическомъ отношеніи, потому что онъ самъ былъ отличный генералъ, и участвуя въ войнѣ, зналъ мѣстности края, а кромѣ того пользовался совѣтами знаменитаго своего родителя, бывшаго въ арміи первымъ лицомъ послѣ главнокомандующаго. Желаящіе знать общій ходъ войны, распоряженія начальниковъ, успѣхи войскъ и описаніе битвъ на морѣ и на сушѣ, найдутъ все, что имъ нужно, въ двухъ упомянутыхъ сочиненіяхъ. Сочиненіе А. И. Михайловскаго-Данилевскаго обширнѣе, полнѣе, и содержитъ въ себѣ множество весьма важныхъ и любопытныхъ извѣстій, которыя могли быть извѣстны графу П. П. Сухтелену, но въ то время еще не подлежали гласности. Около осемнадцати предъ симъ, написалъ я обширную статью, подъ загла-

віемъ: *Завоеваніе Финляндіи корпусомъ графа Николая Михайловича Каменскаго*. Это было первое сочиненіе на русскомъ языкѣ о незабвенныхъ подвигахъ Русскихъ въ Финляндіи. Къ этой статьѣ я присоединилъ тогда (см. Сочиненія Фаддея Булгарина, часть двѣнадцатая, Спб. въ тип. А. Смирдина. 1830) слѣдующее примѣчаніе: «Это краткое начертаніе войны составлено мною изъ *официальныхъ* бумагъ, которыя *понынь не были напечатаны* и изъ собственныхъ моихъ замѣчаній во время сей кампаніи, въ которой я имѣлъ счастье участвовать. При семъ я имѣлъ въ виду и сочиненіе Графа П. П. Сухтелена: *Précis des événements militaires des campagnes de 1808 et 1809 en Finlande etc. Подробностей*, описанныхъ у меня, *не находится въ этомъ сочиненіи*, но оно послужило мнѣ руководствомъ при общемъ взглядѣ на происшествія.» Это было напечатано при жизни графа П. П. Сухтелена и семнадцатью годами прежде выхода въ свѣтъ *Исторія А. И. Михайловскаго-Данилевскаго*, слѣдовательно ни въ подражаніи, ни въ похищеніяхъ нельзя обвинять меня. Официальными документами снабжалъ меня, въ то время, графъ А. А. Закревскій, бывшій во время финляндской кампаніи адъютантомъ при графѣ Каменскомъ. Ему посвящено мое описаніе подвиговъ корпуса графа Каменскаго. Вводя эту статью въ мои Воспоминанія, я оставилъ сущность событій, но измѣнилъ изложеніе, прибавивъ военные анекдоты и характеристику замѣчательныхъ лицъ, присовокупивъ частности, которыя были бы неумѣстны въ историческомъ разсказѣ.

Финляндская война, любопытная во всѣхъ отношеніяхъ, особенно занимательна подробностями, такъ сказать, частными случаями, потому что войско дѣйствовало небольшими отрядами, въ странѣ, единственной по своему мѣстоположенію, и въ этой войнѣ не одни генералы, но и фронтовыя офицеры имѣли случаи выказать, не только свое мужество но и военныя способности. Финляндская война была практическая школа для военныхъ людей и, такъ сказать, горнило, въ которомъ закалились и душа и тѣло русскаго воина долженствовавшаго бороться и съ ожесточенными людьми и съ яростными стихіями, и съ дикою мѣстностью. Только войну Французовъ въ Испаніи можно, въ нѣкоторомъ отношеніи, сравнивать съ финляндскою войною; въ испанско-народной войнѣ, однако, Французы хотя и имѣли противъ себя ожесточенный народъ и страдали сильно отъ зноя, и по крайней мѣрѣ находили вездѣ пристанища въ городахъ

и селахъ, и были вездѣ въ превосходномъ числѣ. Мы же претерпѣвали въ Финляндіи и африканскій зной, и стужу полюсовъ, страдали отъ голода, рѣдко (а солдаты почти никогда) отдыхали подъ крышей, дрались и съ храбрымъ войскомъ, и съ ожесточеннымъ народомъ, въ странѣ бѣдной, безплодной, малонаселенной, почти непроходимой и все преодолѣли терпѣніемъ и непреклоннымъ мужествомъ, отличающими русскаго солдата. Финляндская война—это блистательный эпизодъ въ Русской Исторіи, достойный имѣть своего Тацита и своего Гомера.

Не касаюсь вовсе политическихъ причинъ къ разрыву мира между Россіей и Швеціей, изложенныхъ А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ; въ его Описаніи Финляндской Войны. Явною причиною къ войнѣ было упорство шведскаго короля Густава Четвертаго къ соединенію съ Россією, Франціей и Данією противу Англичанъ, и къ закрытію для нихъ гаваней, въ слѣдствіе обязательства, принятаго Императоромъ Александромъ по тильзитскому трактату. Это офиціальная причина, объявленная въ манифестѣ. Но въ существѣ Россія должна была воспользоваться первымъ случаемъ къ приобрѣтенію всей Финляндіи, для довершенія зданія, воздвигнутаго Петромъ Великимъ. Безъ Финляндіи Россія была неполною, какъ будто недостроенною. Не только Балтійское Море съ Ботническимъ Заливомъ, но даже Финскій Заливъ, при которомъ находится первый портъ и первая столица имперіи, были не въ полной власти Россіи, и неприступный Свеаборгъ, могущій прикрывать цѣлый флотъ, стоялъ, какъ грозное привидѣніе, у вратъ Имперіи. Сухопутная наша граница была на разстояніи нѣсколькихъ усиленныхъ военныхъ переходовъ отъ столицы. Въ царствованіе Императрицы Екатерины Второй уже былъ примѣръ, какой опасности можетъ подвергнуться столица при такомъ близкомъ разстояніи отъ рубежа Имперіи. Шведскій Король Густавъ Третій, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Россіи, воевавшей съ Турцією, объявилъ внезапно войну, и двинулъ флотъ и сухопутное войско противу Петербурга, среди лѣта, въ 1788 году. Для защиты столицы было не болѣе 14,000 человекъ войска. Если бъ Густавъ Третій былъ такой же отличный полководецъ, какъ литераторъ и музыкантъ, и если бъ имѣлъ болѣе силы въ характерѣ, то не раздробилъ бы своего войска для овладѣнія въ одно время Выборгомъ, Кексгольмомъ, Нейшлотомъ и Вильманстрандомъ, умѣлъ бы усмирить бунтъ

въ финскомъ войскѣ, всею своею массою двинулся бы на Петербургъ усиленными переходами, и хотя бы не взялъ Петербурга, но надѣлалъ бы много хлопотъ, а при счастиі могъ бы даже овладѣть, на короткое время; столицей, изъ которой уже начали вывозить драгоцѣнности. Въ началѣ царствованія Императора Александра случилось событіе, пропущенное безъ вниманія современниками, но сильно поразившее въ то время Государя, и припомнившее ему опасность близости столицы отъ рубежа Имперіи и обязанность довершить начатое Петромъ Великимъ. Въ 1803 году (въ годъ празднованія столѣтія Петербурга) шведскій король Густавъ-Адольтъ Четвертый, недовольный миромъ Россіи съ Франціею, во время дипломатической переписки по этому предмету, въ минуту гнѣва, велѣлъ пограничный мостъ, соединяющій Малый Аборфорсъ съ островомъ Германсари, и выкрашенный наполовину русскимъ офиціальнымъ цвѣтомъ (бѣлою и черною красками съ красными полосками), а наполовину шведскимъ цвѣтомъ (сѣрою краскою), весь выкрасить шведскимъ цвѣтомъ. Русскій посланникъ въ Стокгольмѣ, баронъ Алопеусъ, подалъ шведскому правительству ноту, требуя немедленнаго возстановленія прежней границы. На эту ноту шведское правительство не только не отвѣчало удовлетворительно, но даже дало почувствовать, что Швеція имѣетъ право удержать не только эту черту, но что и за этою чертою права ея не потеряны. Императоръ Александръ повелѣлъ немедленно привести Кюменегородскую Крѣпость въ оборонительное состояніе, воздвигнуть укрѣпленія вдоль рѣки Кюмени, вооружить пашъ гребной флотъ, и сухопутнымъ войскамъ двинуться на шведскую границу. Это образумило шведскаго короля, и мостъ по-прежнему былъ выкрашенъ наполовину офиціальными красками обоихъ государствъ: — впечатлѣніе осталось, и Императоръ Александръ не могъ забыть опасности для столицы отъ этого близкаго сосѣдства.

Что съ этихъ поръ у насъ уже думали о Финляндіи, доказываетъ анекдотъ, рассказанный покойнымъ графомъ Павломъ Петровичемъ Сухтеленемъ Николаю Ивановичу Гречу, а имъ сообщенный мнѣ. Около этого же времени отецъ графа Павла Петровича, графъ Петръ Корнилевичъ Сухтеленъ, инженеръ-генералъ, пользовавшійся особенною милостію Императора Александра, почелъ себя оскорбленнымъ поступкомъ съ нимъ одного изъ самыхъ приближенныхъ лицъ

къ Государю, и пожаловался Его Величеству. Государь выслушалъ милостиво графа Сухтелена, но не желая выводить дѣла наружу, сказалъ ему ласково: «Брось это, Сухтеленъ!» — Но чѣмъ же это кончится, Государь! возразилъ графъ. — «Посердишься и забудешь,» отвѣчалъ Государь, шутя, и тѣмъ дѣло кончилось. Вскорѣ послѣ этого прекратился споръ съ Швеціей за граничную черту; но какъ войску дано было повелѣніе двинуться, то Государь и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ укомплектовать его, привести въ военное положеніе и вооружить флотъ, для предосторожности не отъ Швеціи, а отъ Франціи, которой тогдашній правитель, Наполеонъ Бонапарте, будучи еще пожизненнымъ консуломъ, сильно хозяйничалъ въ Западной Европѣ. Между сѣверными державами уже переговаривались о союзѣ, для удержанія въ предѣлахъ честолюбія счастливаго полководца, принявшаго бразды правленія во Франціи. Императоръ Александръ часто собиралъ въ своемъ кабинетѣ, для совѣщанія, людей, пользовавшихся Его довѣренностью, и въ одно изъ этихъ собраний, Государь, смотря на карту Европы и указывая на нашу старую границу съ Швеціей, обратился къ графу Петру Корниліевичу Сухтелену, и сказалъ: «Гдѣ бы ты думалъ выгоднѣе было для обоихъ государствъ назначить границу?» Графъ Сухтеленъ, не говоря ни слова, взялъ со стола карандашъ и провелъ черту отъ Торнео къ Сѣверному Океану. — «Что ты это! Это ужъ слишкомъ много!» сказалъ Государь, улыбаясь. — «Ваше Величество требовали *выгодной* границы для обоихъ государствъ, а другой *выгодной* и безопасной черты нѣтъ и быть не можетъ,» возразилъ графъ Сухтеленъ. — «Но вѣдь мой своякъ, шведскій король, разсердится,» сказалъ Государь, шутя. — «Посердится и забудетъ,» отвѣчалъ графъ Сухтеленъ, повторивъ при этомъ случаѣ отвѣтъ Государя, на жалобу его на одного изъ Его приближенныхъ. Государь погрозилъ пальцемъ графу Сухтелену, давъ этимъ почувствовать ему, что онъ понялъ примѣненіе, и этотъ разговоръ не имѣлъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Очевидно, однако, что еще передъ тильзитскимъ миромъ Императоръ Александръ уже помышлялъ объ утвержденіи русской границы на большемъ разстояніи отъ Петербурга.

Тильзитскій миръ представилъ случай къ довершенію начатаго Петромъ Великимъ, и Императоръ Александръ долженъ былъ воспользоваться этимъ единственнымъ случаемъ. Въ другое время европейскія державы, на основаніи такъ на-

ываемаго европейскаго равновѣсія, могли бы воспротивиться завоеванію Финляндіи, но тогда мечъ Наполеона, брошенный на вѣсы политики, перевѣсилъ всѣ права и расчеты, и только двѣ державы, Россія и Франція, имѣли голосъ на твердой землѣ Европы. Не воспользоваться единственнымъ случаемъ, представившимся въ теченіе цѣлаго столѣтія, для блага Россіи, было бы болѣе, нежели неблагоразумно. Въ политикѣ *raison d'Etat* выше всѣхъ правилъ, которыми должны руководствоваться люди въ частныхъ между собою сношеніяхъ. Петръ Великій, какъ отецъ, плакалъ надъ заблужденіемъ сына своего, Алексѣя Петровича, намѣревавшагося ниспровергнуть всѣ великія его начинанія; но какъ государь долженъ былъ поступить съ нимъ строго и предать суду, на основаніи *raison d'Etat*. Россія никогда не могла бы быть сильнымъ и неуязвимымъ Государствомъ, какимъ она теперь, если бъ не завоевала Крыма, не пазначила рѣку Дунай границею съ Турціей, не приобрѣла областей по Нѣманъ, и наконецъ, присоединеніемъ всей Финляндіи, не отдала бы границы съ Швеціею до Торнео и не овладѣла всѣмъ Финскимъ Заливомъ, восточнымъ берегомъ Ботническаго Залива и Аландскими Островами. Всѣ эти завоеванія были *необходимостью* для утвержденія Россіи въ натуральныхъ ея границахъ. Это настоящее Шекспировское *быть или не быть* (*to be or not to be*)! Во многихъ отношеніяхъ приобрѣтеніе Финляндіи даже важнѣе другихъ завоеваній.

Кто въ Тильзитѣ рѣшилъ участь Финляндіи? Ужели Наполеонъ первый сдѣлалъ предложеніе Императору Александру приобрѣсть необходимую для Россіи область? Наполеонъ не завидѣлъ короля Густава Адольфа Четвертаго, но едва ли онъ могъ сдѣлать предложеніе къ усиленію Россіи. Мнѣнія европейскихъ политиковъ на этотъ счетъ различны. Какъ бы то ни было, но въ Тильзитѣ рѣшено, что Финляндія должна принадлежать Россіи.

Началось, какъ водится, бумажною перестрѣлкой, дипломатическими нотами: но шведскій король ни какъ не хотѣлъ вѣрить, что Россія начнетъ войну, и не дѣлалъ ни какихъ приготовленій къ защитѣ Финляндіи. Съ нашей стороны не было также также большихъ усилій. Когда шведскій король нетолько не соглашался на союзъ съ Россіей и Даніей, но даже пересталъ отвѣчать на ноты русскаго двора, Императоръ Александръ повелѣлъ тремъ дивизіямъ: 5-й, генерала

Тучкова 1, 17-й, графа Каменскаго * и 21-й, князя Багратиона, выступить изъ эстляндской и витебской губерній къ границѣ финляндской. Всего въ трехъ дивизіяхъ было до 24,000 человекъ съ нестроевыми. Всей кавалеріи было: гродненскій гусарскій (нынѣ влѣстницкій) полкъ, финляндскій, лейбъ-казачій (состоявшій тогда изъ двухъ эскадроновъ) и казачій Лоцилна. Пѣхотные полки были совершенно разстроены, послѣ послѣдней прусской кампаніи (1806 и 1807 годовъ и кромѣ того лишлись множества людей отъ болѣзней (злокачественныхъ горячекъ), свирѣпствовавшихъ въ Литвѣ. Не успѣли обмундировать войско, ни снабдить амуницией и обозами. Войска двинулись съ зимнихъ квартиръ въ половинѣ декабря, шли поспѣшно, и въ послѣднихъ числахъ января уже были въ старой Финляндіи, въ окрестностяхъ Вильманстранда, Нейшлота и Фридрихсгама. Черезъ Петербургъ полки проходили ночью. Вслѣдъ за полками посылали изъ Петербурга аммуницію, обмундировку и обувь. Въ старой Финляндіи полки преобразовали изъ трехъ-баталіонныхъ въ двухъ-баталіонные, оставляя кадры третьяго баталіона для укомплектованія рекрутами. Все это дѣлалось такъ поспѣшно, что къ концу января войско было одѣто, обуто, хорошо вооружено, полки преобразованы и готовы вступить въ сраженіе. Правда, въ полкахъ было много рекрутъ, но основаніе полковъ было твердое и стояло изъ старыхъ Суворовскихъ солдатъ и храбрецовъ, приобрѣтшихъ опытность и привыкшихъ къ войнѣ, въ борьбѣ съ непобѣдимыми легіонами Наполеона, въ 1805, 1806 и 1807 годахъ. Важно было то, что всѣ офицеры, за исключеніемъ весьма малаго числа, были уже знакомы съ пороховымъ дымомъ, и знали, что значить война и битвы. Словомъ, войско было превосходное.

Надлежало назначить главнокомандующаго. Графъ Буксгевденъ почиталъ себя обиженнымъ, что главное начальство надъ арміей, послѣ удаленія фельдмаршала Каменскаго (въ 1806 году), утверждено было за Беннигсеномъ, младшимъ по производству въ чинѣ. Графъ Буксгевденъ былъ тогда военнымъ губернаторомъ остзейскихъ губерній и жилъ въ Ригѣ. Его потребовали въ Петербургъ и назначили корпуснымъ командиромъ надъ тремя дивизіями, распо-

* Графъ Каменскій былъ въ отпуску, за болѣзью, и дивизіей командовалъ князь Горчаковъ 1.

женными въ старой Финляндіи, съ полною властью главнокомандующаго, по особой инструкціи, потому что тогда власть главнокомандующаго еще не была опредѣлена положительнымъ закономъ. Дежурнымъ генераломъ назначенъ былъ Коновницынъ, генераль-квартирмейстеромъ Бергъ, а инженеръ-генераль графъ Петръ Корнилевичъ Сухтеленъ былъ опредѣленъ при главнокомандующемъ въ родѣ помощника или совѣтника, безъ опредѣленнаго званія.

Графъ Буксгевденъ съ отличіемъ участвовалъ въ послѣдней войнѣ Россіи съ Швеціею, при Императрицѣ Екатерицѣ, и хотя впервые былъ назначенъ главнокомандующимъ, но присутствіе въ войскѣ графа Сухтелена, извѣстнаго своими глубокими стратегическими познаніями, высокимъ умомъ и твердымъ, притомъ спокойнымъ характеромъ и необыкновеннымъ добродушіемъ, заставляло надѣяться, что недостающее главнокомандующему пополнится качествами его помощника. Впрочемъ, храбрость и распорядительность графа Буксгевдена, какъ корпуснаго начальника, не подлежали ни какому сомнѣнію. Это былъ одинъ изъ отличенныхъ Суворовымъ генераловъ, которому и по заслугамъ, и по старшинству, и по лѣтамъ надлежало наконецъ командовать отдѣльно.

Стоитъ взглянуть на карту Финляндіи, чтобъ удостовѣриться въ трудности воевать въ этой странѣ. Только берегъ Ботническаго Залива, отъ Аландскихъ острововъ до Улеборга, покрытъ небольшими равнинами и лугами, и имѣетъ хотя не многолюдные, но порядочные города. Если же провести прямую черту отъ Або до Улеборга, то вся Финляндія, на востокъ за этою чертою, состоитъ изъ безчисленнаго множества озеръ и скалъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно высокихъ какъ-будто взгроможденныхъ одна на другую и вездѣ почти непроходимыхъ. Небольшія долины, между скалами, завалены булыжникомъ и обломками гранитныхъ скалъ, и пересѣкаемы быстрыми ручьями, а иногда и рѣчками, соединяющими между собою озера. Нѣкоторыя долины заросли непроходимыми лѣсами. Во всей Финляндіи въ то время была только одна деревня, построенная такимъ образомъ, какъ строятся деревни въ Россіи и въ остальной Европѣ. Это деревня Лиминго, между Брагештатомъ и Улеборгомъ, состоящая изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ, троянныхъ въ линію, по берегу рѣки, впадающей въ

Ботническій Заливъ. Всѣ поселяне Финляндіи живутъ въ разбросанныхъ по долинамъ домахъ, въ мѣстахъ удобныхъ для земледѣлія и скотоводства. Мѣсто сборищъ народныхъ было обыкновенно при киркахъ, возлѣ которыхъ находится всегда нѣсколько строеній, дома пастора и кистера, шиннокъ и нѣсколько домовъ, въ которыхъ помѣщались ремесленники. Господскія и казенныя офицерскія мызы (бостели) стоятъ уединенно, въ лучшихъ мѣстахъ. Воздѣ дико и уныло. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ есть огромныя разстоянія, заросшія лѣсами и затопленныя болотами, непроходимыя лѣтомъ даже для туземцевъ. Вообще, въ лѣтнее время нѣтъ возможности многочисленному войску дѣйствовать внутри страны; но зимою, глубокіе снѣга покрываютъ всѣ неровности земли, и превращаютъ замерзшія рѣки и озера въ обширныя и гладкія долины. Тогда открываются новые пути для сообщеній по всей странѣ, и производится вся внутренняя торговля.

Шведскихъ и финскихъ войскъ было тогда въ Финляндіи до 15,000 человекъ и до 4,000 милиціи (*vargering*)*, и при всемъ войскѣ было только 800 конниковъ.—7,000 человекъ находились въ крѣпости Свеаборгѣ, до 700 человекъ въ Свартгольдѣ, слѣдовательно для защиты края оставалось только 11,300 человекъ. Шведскимъ войскомъ въ Финляндіи начальствовалъ генералъ Клеркеръ, который, не имѣя предписаній отъ своего правительства, не могъ дѣлать ни какихъ приготовленій къ войнѣ, и войско было расположено на зимнихъ квартирахъ, на огромномъ пространствѣ. Получивъ извѣстіе отъ шведскаго посла въ Петербургѣ, что Русскіе намѣриваются вступить въ Финляндію, генералъ Клеркеръ собралъ до 5,000 человекъ въ Тавастгузѣ, усилилъ пограничные посты и велѣлъ всѣмъ войскамъ собираться на назначенныхъ пунктахъ, запасаясь въ то же время провіантомъ и фуражемъ. Но ни въ Швеціи, ни въ Финляндіи все еще не хотѣли вѣрить, что Русскіе начнутъ войну въ это суровое время года, какъ вдругъ 8 февраля (1808 года), Русскіе вступили на тотъ самый мостъ, на Кюмени, за который возникъ споръ между двумя державами, за пять лѣтъ предъ тѣмъ. Первый изъ Русскихъ, заплатившій жизнію своею за приобрѣтеніе для Россіи Финляндіи, былъ финляндскаго драгун-

* Здѣсь мимоходомъ припоминаю изыскателямъ происхожденія Варяговъ, что это скандинавское прозваніе *вольныхъ воиновъ* и повнѣ существовъ въ Швеціи.

скаго полка капитанъ Родзянко, бросившійся на мостъ подъ непріятельскими выстрѣлами. Съ нимъ пало нѣсколько драгунъ и этимъ открылась война.

Еще не было манифеста о войнѣ, и главнокомандующій приглашалъ прокламаціями шведское и финское войско не сопротивляться, а жителей оставаться спокойными въ своихъ домахъ, утверждая, что Русскіе вошли въ Финляндію для ея защиты и спокойствія, обѣщая притомъ платить наличными деньгами за всѣ припасы для войска, соблюдать строгую дисциплину и уважать мѣстные законы, учрежденія и вѣру. Подъ рукою велѣно было разглашать, что русскія войска вступили въ Финляндію единственно для занятія береговъ, чтобъ воспрепятствовать высадкѣ Англичанъ. Но ни прокламаціи наши, ни слухи не склонили Шведовъ и Финновъ на нашу сторону, и Русское войско шло впередъ, выгоняя непріятельскіе отряды изъ занимаемыхъ ими постовъ. Главнокомандующій, съ главными силами, дивизіею графа Каменскаго и отрядами другихъ дивизій, пошелъ отъ Аборфорса прямо на Гельсингфорсъ, чтобъ, занявъ его, отрѣзать Свеаборгъ. Князь Багратіонъ, съ отрядомъ до 5,000 человекъ, пошелъ внутрь края, на Тавастгузъ, а Тучковъ съ 3,000 человекъ въ самую восточную часть Финляндіи, провинцію Саволаксъ, для занятія Куопіо и Индесальми. Между-тѣмъ, къ шведскому войску прибылъ изъ Стокгольма генералъ графъ Клингспоръ, и принялъ надъ нимъ главное начальство. Клингспоръ, сосредоточивая свои силы, быстро отступалъ къ сѣверу, приближаясь къ морю. Его сильно преслѣдовали изъ внутренности края, отъ Тавастгуза, князь Багратіонъ, а потомъ поморскому берегу генералъ Тучковъ 1, въ соединеніи съ генераломъ Раевскимъ, Князю Багратіону предписано было остановиться, чтобъ занять огромное пространство края отъ Або до Вазы, и внутрь края до Тавастгуза, а Тучковъ съ Раевскимъ шли за Клингспоромъ, котораго знаменитый Кульневъ, будучи тогда полковникомъ гродненскаго гусарскаго полка и командующимъ авангардомъ, преслѣдовалъ неутомимо, не давая покоя и отдыха. На всѣхъ пунктахъ были частыя стычки и арріергардныя дѣла, съ незначительною съ обѣихъ сторонъ потерею. Но если Шведы претерпѣвали нужду и трудности въ отступленіи, то Русскіе страдали вдесятеро болѣе отъ тяжкихъ переходовъ и недостатка продовольствія. Изъ Петербурга высылаемы были запасы въ большомъ количествѣ, но, по

недостатку подводъ, не могли поспѣвать въ пору. Стужа была сильная и снѣга глубокіе. Наши передовыя войска шли на лыжахъ. Пушки и зарядные ящики везли на полозьяхъ. Дни и ночи надлежало проводить на снѣгу, въ морозъ и метели; но Русскіе шли безъ ропота впередъ, изгоняя Шведовъ штыками изъ всѣхъ ихъ позицій, и такимъ образомъ, въ концѣ марта 1808 года, вся Финляндія, исключая Улеборгской области, была покорена и очищена отъ непріятельскихъ войскъ. Важнѣйшій пунктъ, Аландскіе Острова, заняты были, почти безъ сопротивленія, маіоромъ свиты Его Величества по квартирмейстерской части (нынѣ генеральный штабъ) Нейдгардтомъ, который съ партіею казаковъ прогналъ слабыя шведскія команды съ острововъ. Полковникъ Вунчъ занялъ острова, съ частью 25-го егерскаго полка. Свеаборгъ былъ осажденъ частью отряда графа Каменскаго. Самъ главнокомандующій находился, попеременно, то въ Гельсингфорсѣ, то въ Або. Въ Куопіо, по выходѣ оттуда Тучкова 1, для преслѣдованія Клингспора, находился генераль-маіоръ Булатовъ, съ слабымъ отрядомъ. Оставалось только взять Свеаборгъ и прогнать Клингспора за Торнео, чтобъ кончить полное завоеваніе Финляндіи, и въ этомъ графъ Буксгевденъ нисколько не сомнѣвался. Въ Петербургѣ и во всей Европѣ почитали Финляндію уже покоренною.

Должно замѣтить, что почти всѣ наши военныя неудачи происходили отъ нашей самонадѣянности. Будучи даже сильнѣе непріятели, мы всегда вступаемъ въ дѣло съ меньшимъ противу него числомъ войска, надѣясь на храбрость и стойкость русскаго солдата. Это совершенно противно правиламъ Наполеона, который громилъ непріятели большими массами и многочисленною артиллеріею. Военное его искусство состояло въ томъ, что имѣя даже менѣе войска, нежели непріятели, надлежало маневрировать такимъ образомъ, чтобъ сосредоточенными массами ударить неожиданно на слабую сторону непріятели, или выманить его изъ крѣпкой позиціи, или заставить перемѣнить фронтъ. Мы почти всегда дрались на чистоту, грудь противу груди! Однако, послѣ изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія, самая пылкая храбрость должна иногда уступить искусству. Какимъ образомъ, Графъ Буксгевденъ надѣялся опрокинуть, разбить и даже отрѣзать Клингспору ретирату отъ Улеборга, и принудить къ сдачѣ, когда у Клингспора было подъ ружьемъ до 13,000 человекъ, съ значительною артиллеріею, а у генерала Тучкова 1, выслан-

наго для его преслѣдованія, было всего (въ 21-й дивизіи и части 5-й, подъ начальствомъ Раевского) 4, 600 человекъ, и когда въ отрядѣ генерала Булатова, выступившаго изъ Куопіо внутренностью края, на Индесальми въ Улеборгъ, для отрѣзанія Клингспора, было всего 1,500 человекъ! Можно ли было навѣрное полагать, что наши 6,000 человекъ, утружденные тяжкими переходами и всякаго рода лишеніями, побьютъ и опрокинутъ 13,000 храбрыхъ солдатъ, защищающихъ послѣдніе предѣлы отечества! Но вѣрно дѣйствовать, и Булатовъ выступилъ изъ Куопіо, оставивъ тамъ слабый отрядъ, и преслѣдуя саволакскую бригаду генерала Кронштедта, отступавшую передъ нимъ, прибылъ 12 апрѣля въ Револаксъ, нѣсколько впереди Брагештадта, только въ осемнадцати верстахъ отъ Сикаюки, гдѣ находился авангардъ Кульнева. Корпусъ Тучкова стоялъ въ Пикаюки, а Клингспоръ, со всѣми своими сосредоточенными силами, у Лиминго и Луміюки. Это мѣсто составляетъ крайнюю точку передъ Улеборгомъ, и было послѣднимъ оплотомъ Шведовъ въ Финляндіи.

Здѣсь дѣла приняли совершенно другой оборотъ и разрушили всѣ надежды графа Буксгевдена.

Въ концѣ марта, Тучковъ 1 съ Раевскимъ начали наступательныя движенія отъ Гамле-Карлеби противу Клингспора, который отступалъ медленно прежняго, ожидая прихода саволакской бригады Кронштедта и присоединенія различныхъ командъ, слѣдовавшихъ къ нему съ тыла и боковыми путями. Кульневъ, разбивъ шведскій арріергардъ у Пикаюки, сильнымъ натискомъ сбилъ съ поля Клингспора у Брагештадта, принудивъ его отступить до Сикаюки, гдѣ онъ остановился на позиціи, получивъ подкрѣпленія и поджидая саволакской бригады Кронштедта. Полковникъ Адлеркрейцъ, занявшій мѣсто начальника главнаго штаба при Клингспорѣ, послѣ взятія въ плѣнъ, подъ Пикаюки, полковника Левенгельма, употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобъ пробудить въ семидесяти-двухъ-лѣтнемъ генералѣ Клингспорѣ уснувшую энергію и заставить его дать отпоръ Русскимъ, которыхъ смѣлость даже оскорбляла храбрыхъ Шведовъ, принужденныхъ непрерывно отступать, съ первой встрѣчи съ непріателемъ. Клингспоръ, имѣя королевское предписаніе избѣгать генеральнаго сраженія, не рѣшался послѣдовать совѣ-

* Два баталіона перискаго, одинъ баталіонъ мюглевскаго мушкетерскихъ полковъ, два взвода гродненскихъ гусаръ, 50 казаковъ и 3 орудія.

ту Адлеркрейца, и собралъ на совѣтъ всѣхъ своихъ генераловъ и полковниковъ. Но пока они совѣщались, нетерпѣливый Кульневъ завязалъ сраженіе. У Кульнева въ авангардѣ было всего три баталіона пѣхоты, два эскадрона гродненскихъ гусаръ, триста донскихъ казаковъ и шесть орудій; но вѣря, что Шведы нигдѣ не будутъ держаться, и что стоитъ только напасть на нихъ быстро, чтобъ принудить къ ускоренію ихъ отступленія въ Швецію, Кульневъ, ободренный прежними успѣхами, повелъ атаку прямо на центръ шведской позиціи, находившейся на высотѣ, между лѣсами, къ которымъ шведское войско примыкало флангами. Удивляясь, что Шведы послѣ перваго натиска не отступаютъ, Кульневъ раздѣлилъ свой авангардъ на три части, и съ одною частью остался въ центрѣ, а двумъ другимъ велѣлъ обходить шведскую позицію съ фланговъ. Шведскіе неопытные генералы, изжившіе вѣкъ свой старцы, уже подали голосъ къ отступленію; одинъ лишь пылкій Адлеркрейцъ настаивалъ, что должно сражаться, и ручался за успѣхъ. Увидѣвъ ошибку Кульнева, онъ немедленно воспользовался ею, выдвинулъ сильную артиллерію противу нашего центра, засыпалъ нашъ слабый отрядъ ядрами и картечами, и потомъ съ свѣжимъ войскомъ бросился въ штыки, въ промежутки нашего разорваннаго фронта. Тутъ началась свалка. Наши солдаты мужественно сопротивлялись, но были подавлены многолюдствомъ непріятеля, и принуждены отступить. Два отдѣленія авангарда, направленные въ обходъ, на фланги, едва спаслись, и Адлеркрейцъ могъ бы легко отрѣзать ихъ и вовсе истребить, если бъ Клингспоръ рѣшился ввести все свое войско въ дѣло. У насъ выбыло изъ фронта до 350 человекъ убитыми, ранеными и въ плѣнъ взятыми, что было весьма много, относительно малочисленности отряда. Главная же выгода Шведовъ состояла въ томъ, что этимъ сраженіемъ разрушилось очарованіе на счетъ нашей непобѣдимости.

Клингспоръ не остановился однако жъ въ Сикаіоки, и на другое утро отступилъ въ Лиминго, гдѣ собраны были его запасы продовольствія. Нашъ авангардъ занялъ Сикаіоки, и Тучковъ остановился, пославъ Булатову предписаніе итти не въ Улеборгъ, но свернуть съ дороги и приблизиться къ главному отряду, чрезъ Револаксъ. Тогда Клингспоръ, слѣдуя совѣтамъ Адлеркрейца, вознамѣрился разбить отдѣльно наши слабые отряды, и выслалъ противу Булатова двѣ бригады, подъ начальствомъ генерала Кронштедта и Адлеркрейца.

Должно при этомъ замѣтить, что хотя Револаксъ, гдѣ стоялъ отрядъ Булатова, находится только въ осемнадцати верстахъ отъ Сикайоки, но на этомъ разстояніи не было ни какихъ постовъ, и въ одномъ отрядѣ не знали, что дѣлалось въ другомъ. 15 апрѣля, съ утра, Шведы напали неожиданно на Булатова. Пока онъ удерживалъ натискъ Шведовъ, одинъ баталіонъ пермскаго полка, сражавшійся противу Адлекрейца на луміокской дорогѣ, былъ опрокинутъ и отступилъ къ Сикайоки, бросивъ бывшее при немъ орудіе, и не предувѣдомивъ Булатова о своемъ отступленіи. Оставшись съ горстью храбрецовъ, Булатовъ рѣшился драться до послѣдней капли крови, и явилъ чудеса храбрости. Раненый два раза, онъ отвѣчалъ гордо на предложеніе къ сдачѣ, что честь русскаго солдата повелѣваетъ умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Отступленіе батальона пермскаго полка облегчило непріятелю путь въ тылъ нашего отряда, и Булатовъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Онъ рѣшился пробиться штыками, но раненный въ третій разъ, пулею въ грудь навьлетъ, онъ упалъ безъ чувствъ, и взятъ былъ въ плѣнъ, съ остаткомъ неустрашимыхъ своихъ воиновъ, сражавшихся до истощенія послѣднихъ силъ. Шведы бросились опретью на малую толпу Русскихъ, и въ рукопашномъ бою одолѣли ихъ числомъ, или какъ говорится, разобрали нашихъ по рукамъ. Подъ Револаксомъ мы потеряли три орудія, девять зарядныхъ ящиковъ и до 500 человѣкъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ. Отрядъ Булатова совершенно истребленъ. Шведы приняли храбраго Булатова и плѣнныхъ его сподвижниковъ съ уваженіемъ и почестью, отдавая полную справедливость ихъ геройскому мужеству.

Къ Булатову шелъ изъ Куопіо, по той же индесальмской дорогѣ, полковникъ Обуховъ, съ тремя ротами мѣгилевскаго пѣхотнаго полка и тремя орудіями, прикрывая огромный паркъ, обозы и транспортъ съ съѣстными припасами. Клингспоръ, послѣ пораженія Булатова, отрядилъ немедленно под-

* Этотъ баталіонъ, который осуждали современники и осуждаютъ историки, и который въ свое время былъ наказанъ лишеніемъ различныхъ преимуществъ военнаго званія, въ сущестѣ провинился не трусостью, а неосмотрительностью и торопливостью командира. Булатовъ слишкомъ растянулъ свой слабый отрядъ, и когда Шведы, втрое сильнѣе, вапали на пермскій баталіонъ, стоявшій отдѣльно; была такая сильная вѣтель, что нельзя было видѣть на три шага передъ собою Баталіонъ отступилъ наудачу, и Шведы отрѣзали ему путь къ Булатову. Такъ рассказывали нѣкоторые этого баталіона, бывшаго потомъ въ одномъ отрядѣ съ нашимъ эскадрономъ.

ковника Сандельса, съ 3,000 человекъ и шестью орудіями на Куопіоскую дорогу. Тучковъ послалъ къ Обухову разъѣзды и курьера, съ приказаніемъ возвратиться поспѣшно въ Куопіо; но разъѣзды, встрѣтивъ непріятеля, воротились, а курьера схватили финскіе крестьяне и представили къ Сандельсу. Обуховъ, не зная ничего о прошедшемъ, шелъ впередъ, и только въ Пулхю, въ пяти переходахъ отъ Револакса, узналъ, что противу него идутъ Шведы. Спасти было нельзя, и Обуховъ рѣшился сражаться до послѣдняго. Сандельсъ присоединилъ къ своему отряду нѣсколько сотъ вооруженныхъ крестьянъ, обошелъ и окружилъ малочисленный русскій отрядъ, половину перебилъ, а другую половину взялъ въ плѣнъ, съ тяжело раненымъ полковникомъ Обуховымъ. Одно орудіе брошено Русскими въ воду, а съ двумя орудіями моголевскаго полка штабсъ-капитанъ Сербинъ успѣлъ уйти во время замѣшательства, и примкнулъ къ Тучкову.

Послѣ этихъ событій Тучковъ находился въ весьма опасномъ положеніи. Имѣя всего не болѣе 5,000 человекъ подъ ружьемъ, онъ могъ быть обойденнымъ Клингспоромъ, которому, послѣ револакской побѣды, открылся зимній путь на Виганди, въ тылъ нашей операціонной береговой линіи. Тучковъ началъ отступать, и 21 апрѣля прибылъ въ Гамле-Карлеби, прошедъ въ тылъ, безъ боя, болѣе ста-пятидесяти верстъ. Здѣсь Тучковъ остановился, но и блингспоръ не могъ воспользоваться своимъ преимуществомъ, потому что въ это время наступилъ переломъ въ природѣ, во время котораго въ Финляндіи все должно уступить ея силѣ. Началась оттепель, предвѣстница весны, въ этомъ году весьма ранней. Снѣга стали быстро таять, и съ горъ хлынула вода, въ видѣ водопадовъ, долины превратились въ озера, ручьи въ огромныя и быстрыя рѣчки, ниспровергая мосты и плотины. Финляндія представляла первобытнѣйшій хаосъ. Всѣ движенія войскъ должны были прекратиться, къ счастью отряда Тучкова—но нравственное чувство вспыхнуло въ финскомъ народѣ. Во время двухмѣсячнаго отступленія шведскихъ войскъ, народъ въ Финляндіи упалъ духомъ, и многіе финскіе офицеры и солдаты уже намѣревались оставить шведское войско и возвратиться въ свои семейства. Сельскіе жители не смѣли сопротивляться, почитая Русскихъ непобѣдимыми. Послѣ неудачи Кульнева подъ Сикайоки, истребленія отрядовъ Булатова и Обухова и ретирады Тучкова, Финляндія какъ будто

воспрянула отъ волшебнаго сна. Клигспоръ разсѣвалъ прокламаціи короля, приглашавшія Финновъ къ возстанію и истребленію непріятеля всѣми возможными средствами. Бунтъ вспыхнулъ во всей Финляндіи и распространился внутри страны до Таммефорса и на востокъ во всей саволакской области и Карелии, почти до русской границы. Всѣ финскіе поселяне отличные стрѣлки, и въ каждомъ домѣ были ружья и рогадины. Составились сильныя пѣшія и конныя толпы, которыя, подъ предводительствомъ настововъ, ландмановъ (почти то же, что капитанъ-исправникъ) и финскихъ офицеровъ и солдатъ (распущенныхъ по домамъ послѣ сдачи Свартгольма) нападали на слабыя русскіе отряды, на госпитали, и умерщвляли немилосердно больныхъ и здоровыхъ. Разъяренная чера свирѣпствовала! Множество транспортовъ, съ съѣстными припасами и амуницией, и магазины были разграблены. Возмущеніе было въ полной силѣ, и народная война кипѣла со всѣми своими ужасами.

Полковникъ Сандельсъ, отправленный Клигспоромъ въ Куопіо, шедъ съ торжествомъ тѣмъ самымъ путемъ, на которомъ, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, слѣдовали Булатовъ и Обуховъ, съ цѣлію отрѣзать шведско войское отъ Улеборга и принудить его къ сдачѣ. Сандельса встрѣчали вездѣ съ энтузіасмомъ, и вооруженныя толпы охотниковъ присоединялись къ нему на каждомъ переходѣ. 30 апрѣля, слабый русскій отрядъ, послѣ краткой перестрѣлки, оставивъ свой госпиталь, съ 250 больными, во власть Шведамъ, выступилъ изъ Куопіо. Сандельсъ двинулъ часть своего отряда впередъ, и Русскіе должны были уступить, не только Варкгаузъ, но даже Сантъ-Михель, почти пограничное мѣсто. Шведы рѣшительно торжествовали въ сѣверной и во всей восточной Финляндіи.

На морскомъ берегу, гдѣ находился самъ главнокомандующій съ главными силами, важнѣйшее событіе было покореніе крѣпости Свеаборга, которую многіе писатели называютъ Сѣвернымъ Гибралтаромъ (хотя безъ всякихъ основательныхъ причинъ) и крѣпости Свартгольма. Обѣ крѣпости, послѣ довольно продолжительной осады, сдались на капитуляцію. До появленія въ свѣтъ сочиненія А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, писатели спорили между собою о причинахъ, побудившихъ Шведовъ сдать эти два важнѣйшіе пункта, особенно Свеаборгъ, передъ самую оттепелью, когда должно было ждать скорой помощи изъ Швеции. Даже графъ Павелъ Пе-

тронуть Сухтеленъ, въ Описаніи Финляндской Войны, оправдываетъ Шведовъ. Но А. И. Михайловскій-Данилевскій приподнял завѣсу, скрывавшую тайну, Свартгольмъ сдался шестаго Марта, а Свеаборгъ 21 апрѣля. А. И. Михайловскій-Данилевскій, на стр. 58, говоритъ: «Изъ переписки графа Буксгевдена можно вывести догадки, что къ покоренію Свартгольма были употреблены такія же средства, какія и противу Свеаборга, но вѣрныхъ доказательствъ на то въ дѣлахъ не находится.» На представленіе графа Буксгевдена къ награждѣ генераловъ и офицеровъ за взятіе Свеаборга, военный министръ графъ Аракчеевъ отвѣчалъ (отъ 29 іюля): «Государь полагать изволить, что, при взятіи крѣпости, войска не столько участвовали, а успѣхъ приписываетъ единственно благоразумной предусмотрительности вашей.» Дѣло хотя и не ясное, но довольно понятное. Душею переговоровъ съ комендантомъ Свеаборга, генераломъ Кровштедтомъ, былъ инженеръ-генералъ П. К. Сухтеленъ, и онъ склонилъ шведскаго генерала къ сдачѣ, убѣдивъ въ бесполезности обороны крѣпости, которой рано или поздно надлежало пасть отъ русскаго оружія. Главнокомандующій получилъ за Свеаборгъ Георгія втораго класса, чѣмъ онъ былъ недоволенъ, надѣясь получить Георгія перваго класса. Генералу Сухтелену дано Владиміра перваго класса **.

Мнѣ кажется, что теперь, по прошествіи сорока лѣтъ, не для чего спорить, какимъ образомъ взятъ былъ Свеаборгъ, почитавшійся неприступнымъ. Довольно, что онъ взятъ и остался навсегда Русскимъ. Въ то время вообще говорили не только Шведы и Финны, но и наши офицеры, что Свеаборгъ взорвала «золотая бомба». Если бъ это было и справедливо, то не только не уменьшаетъ заслуги покорителей, а напротивъ увеличиваетъ заслугу, потому что сдача крѣпости на капитуляцію устранила кровопролитіе. Былъ ли одинъ народъ въ

* Описаніе Финляндкой Войны въ 1808 и 1809 годахъ, соч. генералъ-лейтенанта Михайловскаго Данилевскаго, стр. 109.

** Военная добыча въ Свеаборгѣ была огромная. Кромя 7,503 человекъ плѣнныхъ, взято 58 мѣдныхъ пушекъ, 1,975 чугунныхъ, зарядовъ въ картузахъ 9,535, бочекъ пороха 3,000, ядеръ, бомбъ и граватъ 340,000, ружей, карабиновъ и пушкетовъ 8,650, и множество блага оружія, аммуниціи и запасовъ продовольствія; военныхъ судовъ, большаго частію принадлежавшихъ къ гребному флоту, 110. Съ этими средствами Русскіе оборонялись бы до послѣдняго человѣка, по крайней мѣрѣ годъ! Осаждавшихъ было не болѣе осажденныхъ.

миръ, который бы предпочелъ взятіе крѣпости штурмомъ мирной ея сдать? Въ войнѣ позволены всѣ средства къ пріобрѣтенію выгодъ, и всѣ главнокомандующіе пользовались всѣмъ, чѣмъ могли, чтобъ достигнуть своей цѣли безъ кровопролитія. Лазутчиковъ на войнѣ вѣшаютъ, а между тѣмъ употребляютъ, не стыдятся обращенія съ предателями, для блага войска и успѣховъ войны. Миѣ кажется, что въ сдачѣ Свеаборга весьма важную роль играли нелюбовь всѣхъ высшихъ шведскихъ чиновниковъ къ королю, почти общее отвращеніе отъ войны и весьма вредная для государства система содержанія войска, по которой оно, вмѣсто жалованья, надѣляемо было казенными землями. Отъ генерала до простаго солдата, каждый имѣлъ свой участокъ по чину, и былъ сельскимъ хозяиномъ. Въ увѣренности, что Швеція не можетъ противостоятъ Россіи и защитить отечество, финскіе генералы; офицеры и солдаты неохотно сражались, когда русскія прокламаціи обѣщали оставить за ними ихъ участки, то есть мызы и хутора (бостели и торпы), гдѣ находились ихъ семейства. Временный энтузіазмъ въ Финляндіи былъ только метеоръ въ этомъ общемъ направленіи умовъ.

Въ доказательство нашего мнѣнія, что Императоръ Александръ давно помышлялъ о покореніи Финляндіи, и что это завоеваніе почиталъ довершеніемъ великаго подвига безсмертнаго Петра, служитъ торжество, бывшее въ Петербургѣ, по случаю покоренія Свеаборга, который называли тогда ключемъ Финляндіи. Всѣ знатныя особы и иностранные послы приглашены были въ Исакіевскій Соборъ, возлѣ котораго стояло подъ ружьемъ все войско, бывшее въ Петербургѣ. Въ одиннадцатъ часовъ утра Государь Императоръ выѣхалъ верхомъ изъ Зимняго Дворца, а вся Императорская Фамилія прибыла въ каретахъ, и послѣ молебствія въ Исакіевскомъ Соборѣ, Государь поѣхалъ къ войску, а Императорская Фамилія помѣстилась на эстрадѣ, устроенной вокругъ мунумента Петра Великаго, мимо котораго войско проходило церемоніальнымъ маршемъ, отдавая почеть творцу новой Россіи, подвинувшему предѣлы ея до Балтійскаго Моря и помышлявшему о водвореніи ихъ на Ботническомъ Заливѣ. Скромный Александръ не хотѣлъ присвоить себѣ помысла своего великаго прапрадѣда, довольствуясь исполненіемъ.

Но когда въ Петербургѣ праздновали взятіе Свеаборга, и почитали всю Финляндію покоренною—дѣла наши были въ самомъ дурномъ положеніи. Исключая береговой части отъ

Гамле-Карлсбюмъ внизъ до русской границы, почти вся Финляндія находилась въ власти Шведовъ. На Аландскихъ Островахъ составилась заговоръ изъ изгнанію Русскихъ. Двадцати-четвертаго апрѣля прибыли военныя суда съ отрядомъ войска изъ Швеціи, и пристади къ одному изъ близкихъ къ шведскимъ берегамъ острововъ. Въ одно время поднялись всѣ жители острововъ, кромѣ Кумлинга, гдѣ стоялъ полковникъ Вунчъ съ главнымъ отрядомъ, и бросились на Русскихъ. На островахъ было по нѣсколько десятковъ русскихъ солдатъ, на выхъ не болѣе двадцати. Нельзя было долго обороняться, и защищавшихся перебили, а спасавшихся въ лѣсахъ переловили. Двадцать-шестаго апрѣля шведскія суда прибыли къ Кумлингу, и начальникъ шведскаго отряда требовалъ, чтобъ Вунчъ сдался въ плѣнь, съ отрядомъ. Вунчъ соглашался оставить острова безъ боя, но объявлялъ, что если Шведы не рѣшатся отпустить его съ оружіемъ, то онъ будетъ драться до послѣдней капли крови. Вунчъ пробовалъ переѣхать на твердую землю, на бывшихъ въ его распоряженіи лодкахъ, но попытка не удалась, потому что солдаты наши не умѣли управлять шарусами, и онъ принужденъ былъ остаться. У него было всего на Кумлингѣ не болѣе 600 человекъ, противу которыхъ 3,000 Шведовъ и вооруженныхъ поселенъ вышли въ трехъ мѣстахъ на берегъ, съ девятью орудіями, и 28 апрѣля атаковали нашъ слабый отрядъ. Нѣсколько часовъ наши дрались храбро, но картечныя выстрѣлы разстроили русскіе ряды, и наши егеря побѣжали въ безпорядкѣ въ деревню, преслѣдуемые Шведами и вооруженными крестьянами. Тутъ еще продолжался нѣсколько времени бой; наконецъ у нашихъ не стало патроновъ. Половина была перебита и переранена, и всѣхъ оставшихся въ живыхъ забрали Шведы въ плѣнь, вмѣстѣ съ полковникомъ Вунчемъ. Аландскіе Острова, имѣвшіе тогда до 12,000 народонаселенія, легко покоранные нами, перешли въ руки Шведовъ.

Одиннадцатаго апрѣля, контръ-адмиралъ Бодиско, съ отрядомъ въ 1,800 человекъ, занялъ островъ Готландъ, имѣющій въ длину 180 верстъ, 24 гавани или пристани и 33,000 жителей. Три недѣли Русскіе пробыли спокойно на островѣ, какъ вдругъ явился шведскій флотъ въ пять линійныхъ кораблей, съ 5,000 шведскаго войска и двадцатью полевыми орудіями. Всѣ жители острова, способные носить оружіе, возстали и рѣшились драться съ Русскими. Не было ни какой

надежды къ защитѣ острова и отраженію Шведовъ, и собранный контръ-адмираломъ Бодиско военный совѣтъ согласился на предлагаемую шведскимъ адмираломъ капитуляцію. Русский отрядъ, отдавъ Шведамъ оружіе, возвратился въ Россію, удержавъ свои знамена, и давъ обѣщаніе не служить годъ противу Шведовъ и ихъ союзниковъ.

Генерала Тучкова-1, за отступленіе отъ Пикайоки и слабое дѣйствіе противу графа Клингспора, полковника Вунча, не защитившаго Аландскихъ Острововъ, и контръ-адмирала Бодиско за уступку, безъ боя, Готланда, отдали первыхъ двухъ подъ военное слѣдствіе, а послѣдняго подъ военный судъ. Первые двое были оправданы, а Бодиско разжалованъ въ матросы, но вскорѣ помилованъ Государемъ Императоромъ, разсмотрѣвшимъ дѣло—и Бодиско, съ чиномъ, были возвращены ордена.

Кто былъ виноватъ во всѣхъ нашихъ неудачахъ? Въ первыхъ числахъ апрѣля, по показанію А. И. Михайловскаго-Данилевскаго (писавшаго исторію войны по офиціальнымъ документамъ) всѣхъ войскъ въ Финляндіи было 23,000 человекъ. Изъ этого числа 9,054 человекъ, подъ начальствомъ графа Камешскаго, стояли передъ Свеаборгомъ, занимая уступленные намъ острова, въ крѣпостцахъ Гангоудъ и Свартгольмъ, а 5,845 человекъ, подъ начальствомъ князя Багратіона, расположены были на пространствѣ 500 верстъ, отъ Або до Вазы и Тавастгуза. Около 800 человекъ было на Аландскихъ Островахъ съ Вунчемъ, слѣдовательно, исключая больныхъ, 15,000 человекъ были въ бездѣйствіи, и генералъ Тучковъ 1, съ отрядомъ въ 6,000 человекъ (считая въ томъ числѣ отрядъ Булатова), долженъ былъ вытѣснить изъ Финляндіи Клингспора съ 12,000 регулярнаго войска и занять Улеаборгъ. Таково было предписаніе, данное главнокомандующимъ генералу Тучкову, и за неисполненіе предписанія онъ былъ лишенъ командованія отрядомъ, и отданъ подъ военное слѣдствіе.

Графъ Буксгевденъ, какъ я уже сказалъ, былъ Суворовскій генералъ, то есть помнилъ времена героическія. У Суворова не знали отговорокъ. Приказано — сдѣлай, или умри — умри, съ оружіемъ въ рукахъ!

Въ Австріи, гофкригератъ отдалъ бы подъ военный судъ Тучкова, еслибъ онъ дерзнулъ рѣшиться съ 6,000 человекъ удалиться на огромное разстояніе отъ главной арміи, безъ всякихъ запасовъ, по непроходимымъ дорогамъ, съ намѣро-

ніемъ разбить непріятельскій корпусъ въ 13,000 человекъ. Графъ Буксгевденъ вѣрилъ, что для русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго. Такъ и всѣ тогда вѣрили — и тѣмъ оправдывался генералъ Булатовъ, изъ плѣна, увѣряя, что если бы перскій батальонъ не оставилъ его, и самъ онъ не былъ тяжело раненъ, то онъ бы непременно разбилъ Шведовъ, подъ Револаксомъ, хотя они были втрое сильнѣе его.

Не знаю почему, но графъ Буксгевденъ былъ убѣжденъ, что графъ Клингспоръ не станетъ сопротивляться и отступить до Торнео, если только генералъ Тучковъ сильно будетъ напирать, и потому почиталъ Тучкова виновнымъ, что онъ допустилъ Шведовъ разбить отдѣльно Кульнева подъ Сикайоки, Булатова подъ Револаксомъ и Обухова подъ Пукило. Изъ переписки графа Буксгевдена, находящейся у меня, видно, что онъ до конца жизни оставался въ томъ убѣжденіи, что Тучковъ, съ своими соединенными 6,000, могъ и долженъ былъ вытѣснить Клингспора до Торнео. Но, по несчастью, надежда Буксгевдена не сбылась, и намъ надлежало снова покорять, а теперъ уже и усмирять возмутившуюся Финляндію.

Графъ Буксгевденъ, поторопившись поздравить Государя Императора съ покореніемъ Финляндіи, долженъ былъ сознаться, что ошибся въ своемъ разчетѣ, и просилъ скорой и сильной помощи. Военный губернаторъ старой Финляндіи, генералъ Обрѣзковъ, послалъ поспѣшно два гарнизонные батальона, которыхъ повезли, по приказанію графа Буксгевдена, на почтовыхъ, къ защитѣ Нейшлота и Сентъ-Михеля, угрожаемымъ Сандельсомъ. Генералъ Барклай-де-Толли выступилъ немедленно изъ старой Финляндіи, чрезъ Нейшлотъ, съ частью своей 6-й дивизіи, то есть полками: ниневскимъ, азовскимъ, ревельскимъ мушкетерскими и 3-мъ егерскимъ (котораго Барклай-де-Толли былъ прежде шефомъ); а изъ Петербурга высланы къ нему два батальона лейбъ-гренадерскаго полка, одинъ батальонъ лейбъ-гвардіи егерскаго, рота гвардейской пѣшей артиллеріи, одинъ батальонъ уланскаго Его Высочества Цесаревича полка и 300 донскихъ казаковъ. Послѣ примкнули къ Барклаю отдѣленные изъ свеаборгскаго отряда: бѣлогородскій мушкетерскій полкъ и три эскадрона финляндскаго драгунскаго полка. Весь отрядъ Барклая-де-Толли состоялъ изъ 7,500 рядовыхъ. Кромѣ того въ Финляндію выслано: 3,000 старыхъ солдатъ, изъ числа возвратившихся изъ французскаго плѣна, которыхъ На-

полеонъ одѣлъ на-ново, по-русской формѣ, вооружилъ и послалъ въ Россію; 2,000 отличнѣйшихъ рекрутъ и два полка донскихъ казаковъ. Такимъ образомъ въ Финляндію послана помощь въ 11,000 человекъ, и усиленная русская армія, въ маѣ, состояла изъ 34,000 фронтовыхъ.

Все случившееся до сихъ поръ въ Финляндіи представилъ я въ общемъ взглядѣ, какъ я слышалъ и какъ изобразили дѣла историки этой войны. Теперь стану рассказывать, что самъ видѣлъ и что узналъ въ то время на мѣстѣ, отъ товарищей. Въ рассказѣ моемъ буду соображаться съ общимъ ходомъ дѣлъ, и сообщу мои собственныя приключенія и впечатлѣнія и мое нынѣшнее и тогдашнее мнѣніе о дѣлахъ и людяхъ.

II.

Мы не думали и не гадали о походѣ въ Финляндію. Эскадронъ нашъ стоялъ въ Петергофѣ, а я пріѣхалъ въ Петербургъ погостить. Захожу къ пріятелю моему поручику Фашу (лейбъ-эскадрона) и первое его слово было: «Прощай, братъ!» — «Развѣ ты уѣзжаешь куда-нибудь?» спросилъ я — «Читай!» сказалъ онъ, подавая полковой приказъ.

«Второму батальону полка моего имени выступить чрезъ трое сутокъ, подъ начальствомъ полковника графа Гудовича, въ Финляндію, для поступленія въ дѣйствующую армію. «Подписалъ: *Константинъ Цесаревичъ.*»

Сюрпризъ! Захвативъ въ долъ деньжонокъ у фамильнаго друга нашего Вакара (помѣщика и потомъ губернскаго прокурора витебской губерніи), я закупилъ нужнѣйшее для похода, простился съ сестрою и отправился въ эскадронъ. На третій день мы вступили въ Петербургъ, въ походной формѣ, переночевали, помѣстивъ лошадей въ конногвардейскомъ манежѣ, и съ утра стали переправляться черезъ Неву, на мостовыхъ плашкоутахъ. Ледъ еще шелъ по Невѣ и мосты были сняты.

Второй батальонъ состоялъ изъ пяти эскадроновъ. Я имѣлъ честь служить въ шестомъ эскадронѣ, полковаго командира генераль-маіора Чаликова, обыкновенно называвшемся командирскимъ. Нашъ добрый, храбрый и хлѣбосольный ротмистръ Василій Харитоновичъ Щегловъ вышелъ въ отставку, послѣ Фридландской кампаніи, и эскадрономъ командовалъ ротмистръ Кирцели. Седьмымъ эскадрономъ командо-

вадъ ротмистръ Радудовичъ, осьмымъ майоръ Мореръ, десятымъ князь Манвеловъ, десятымъ эскадронномъ, полковника графа Гудовича, командовалъ ротмистръ Климовскій.

Ротмистръ Кирцели родился въ Россіи, но отецъ его былъ Италианецъ, кажется камеръ-музыкантъ, едва ли не при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Нашъ ротмистръ вступилъ въ службу въ весьма молодыхъ лѣтахъ, и переведенъ въ нашъ полкъ, при его формированіи, изъ тверскаго драгунскаго полка, вмѣстѣ съ генераломъ Егоромъ Ивановичемъ Миллеромъ-Закомельскимъ. Кирцели былъ уже человекъ не молодой, лѣтъ за сорокъ, и находился въ походахъ съ Суворовымъ, въ Польшѣ и въ Италіи. Нрава онъ былъ тихаго, вѣжлива и чрезвычайно деликатенъ, но несообщителенъ и при этомъ экономенъ. Въ походѣ онъ жилъ отдѣльно, своимъ хозяйствомъ, и видѣлся съ офицерами только по службѣ. Въ эскадронѣ нашемъ были офицеры: поручикъ Кеттерманъ, корнетъ: графъ Гудовичъ (Михайла Васильевичъ), я и Драголевскій. Поручикъ Кеттерманъ служилъ прежде въ фельдъ-егерскомъ корпусѣ и находился при Особѣ Его Высочества. Женившись на богатой невѣстѣ, воспитанницѣ Собакина-Яковлева, Кеттерманъ упросилъ Его Высочество опредѣлить его въ нашъ полкъ, предъ выступленіемъ полка въ прусскую кампанію 1807 года. Человекъ онъ былъ храбрый и благородный, но мы съ нимъ какъ-то не сошлись. Онъ убитъ въ отечественную войну, подъ Бородинымъ. Драголевскій, о которомъ я уже упоминалъ, былъ тогда лѣтъ пятидесяти, но сохранилъ всю свѣжесть и весь пламень юности. Онъ служилъ товарищемъ (рядовымъ изъ дворянъ) въ польскомъ войскѣ, подъ начальствомъ Костюшки, и послѣ паденія Польши проживалъ въ Лембергѣ. Когда Его Высочество проѣзжалъ чрезъ этотъ городъ, Драголевскій явился къ нему, и просилъ принять его въ русскую военную службу. Драголевскій былъ высокаго роста, отличный ѣдокъ, и Его Высочество взялъ его съ собою и опредѣлилъ унтеръ-офицеромъ въ конную гвардію, потому что Драголевскій не могъ представить документовъ о дворянствѣ. Драголевскій скоро обрусѣлъ, служилъ хорошо, и послѣ аустерлицкой кампаніи Его Высочество представилъ его къ производству въ офицеры, въ нашъ полкъ, передъ кампаніей 1807 года. Обмундировалъ и содержалъ на свой счетъ. Драголевскій давно уже умеръ, не оставивъ ни потомства, ни родни, и о немъ можно сказать, не занимаясь, что хотя онъ былъ до-

брый человекъ и исправный фронтальной офицеръ, но вовсе необразованный, почти дикій. Онъ сохранилъ все старинныя привычки мелкой польской шляхты и все обычаи унтер-офицерской жизни. Драголевскій былъ намъ не товарищъ. Во время похода, до Выборга, куда мы шли по-эскадронно, я квартировалъ всегда съ добрымъ, скромнымъ, тихимъ, образованнымъ и храбрымъ графомъ М. В. Гудовичемъ. Онъ имѣлъ при себѣ повара, и мы жили, по возможности, роскошно и притомъ дружно и весело. Все мои задушевные пріатели служили въ другихъ эскадронахъ, и если бъ не было графа Гудовича въ нашемъ эскадронѣ, мнѣ было бы тяжело.

Командующій нашимъ баталіономъ графъ Андрей Ивановичъ Гудовичъ, сынъ фельдмаршала, былъ тогда молодъ. Онъ рано записанъ былъ въ службу, и рано произведенъ въ офицеры Императоромъ Павломъ Петровичемъ, покровительствовавшимъ всему роду Гудовичей, за безпредѣльную вѣрность и преданность одного Гудовича, дяди нашего полковника, къ Высокому его Родителю Императору Петру третьему. Графъ Гудовичъ поступилъ въ нашъ полкъ изъ конной гвардіи. Онъ соединялъ въ себѣ все достоинства любезнаго свѣтскаго человека со всеми похвальными качествами воина и просвѣщеннаго патріота. Графъ получилъ высокое образованіе, любилъ литературу и все изящное; съ офицерами обходился онъ чрезвычайно вѣжливо, вѣжно, и только съ приближенными къ нему фамиліарно, и вмѣстѣ съ любовью внушалъ къ себѣ уваженіе. Его Высочество, который, при необыкновенномъ добродушіи, былъ чрезвычайно горячъ и вспыльчивъ, какъ всемъ извѣстно, обходился съ графомъ Гудовичемъ весьма благосклонно. Однимъ словомъ, графъ Гудовичъ былъ образцовый полковникъ не въ одной Россіи, но и во всей Европѣ. Я пользовался особенною его благосклонностью, самъ не знаю за что, и онъ былъ всегдашнимъ моимъ защитникомъ. Добрый и благородный человекъ! Послѣ моей службы, я только однажды видѣлъ его, когда онъ, въ званіи московскаго губернскаго предводителя дворянства, пріѣзжалъ въ Петербургъ. Двадцать лѣтъ я собирался навѣстить его въ Москвѣ, и не собрался!

Маіоръ Александръ Ивановичъ Лореръ, человекъ добрейшей души, умный, благородный, храбрый и притомъ самаго веселаго нрава, былъ любимъ въ полку всеми, отъ нашего шефа до послѣдняго солдата. Онъ также былъ ко мнѣ чрезвычайно благосклоненъ, отъ первой встрѣчи до конца своей

жизни. Думаешь ли я тогда, что мнѣ придется писать біографію моего добраго Александра Ивановича! * Эти строки пишу я на принадлежавшемъ ему письменномъ столѣ, и изъ его чернилицы **. Александръ Ивановичъ Лореръ просилъ графа Гудовича прикомандировать меня къ его эскадрону, на время кампаніи, но графъ не рѣшился на это, безъ вѣдома Его Высочества, и я, оставшись въ командирскомъ эскадронѣ, обязанъ отказу графа тѣмъ, что попалъ въ корпусъ графа Каменскаго, завоевавшаго Финляндію.

Ротмистръ Радуловичъ, родомъ изъ Сербовъ, старый воинъ, былъ въ походахъ съ Суворовымъ противу Турокъ, въ Польшѣ и въ Италіи. Радуловичъ былъ человекъ чрезвычайно добрый, простодушный, храбрый, отличный служака, и жилъ съ своими офицерами по-старинному, какъ нашъ Василій Харитоновичъ Щегловъ. У Радуловича всегда накрытъ былъ столъ для всѣхъ его офицеровъ, и каждый гость принимался былъ, какъ товарищъ. Мы называли старика Радуловича *баткой*, а онъ насъ звалъ *дѣтками*, и журилъ иногда порядкомъ. Князя Манвелова я мало зналъ, потому что наши эскадроны никогда не стояли вмѣстѣ. Знаю только, что онъ былъ храбрый и исправный эскадронный командиръ, и что офицеры его эскадрона любили его. Ротмистръ Климовскій былъ отличный служака, храбрый офицеръ и хорошій товарищъ,

Я уже говорилъ, что тогда въ кавалеріи дуэли или, какъ тогда говорили, *рубка на сабляхъ*, были въ обычаѣ или въ модѣ. Рубились за бездѣлицу, потомъ мирились, и не помнили ссоры. Каждый молодой офицеръ, вступивъ въ кругъ товарищей, долженъ былъ доказать свое удаельство, и подрагаться на сабляхъ съ своимъ офицеромъ или чужеполчаниномъ. Два первые рубака были въ нашемъ баталіонѣ. Это были поручикъ Лопатинскій и корнетъ Чесновскій, добрые ребята, храбрые, умные, веселые и добродушные молодые люди. Обохъ нѣтъ уже въ живыхъ! Мнѣ суждено было описать смерть Лопатинскаго, убитаго въ Финляндіи. Чесновскій перешелъ въ волынской уланскій полкъ, и умеръ отъ ранъ, въ турецкую кампанію. Лопатинскій и Чесновскій со-

* Она помѣщена въ полномъ собраніи новъхъ сочиненій.

** Супруга Александра Ивановича Лорера, урожденная Корсакова (Марія Ивановна), родная сестра графини Коповицкой, одна изъ добродѣтельныхъ женщинъ, какія только могутъ быть, послѣ смерти своего мужа сохранила надъ его столомъ и чернилицу.

перничали между собою, и нѣсколько разъ рубились, съ порешительнѣйшимъ счастьемъ. Оба были ранены, и Чесновскій даже довольно тяжело. Они имѣли родъ партій въ полку, но я, по какому-то особенному счастью, былъ друженъ съ обоими, и они до такой степени любили меня, что когда однажды *единственный* мой непріятель въ полку вывалялъ меня на пистолетъ, Лопатинскій и Чесновскій объявили, что послѣ дуэли со мною, противникъ мой долженъ будетъ стрѣляться съ каждымъ изъ нихъ, по-очередно, и тѣмъ заставили насъ помириться: Я тогда не умѣлъ стрѣлять изъ пистолета, и послѣ этого случая Чесновскій сталъ обучать меня стрѣльбѣ, выучивъ прежде рубиться на сабляхъ. Потому ли, что я былъ очень молодъ (мнѣ былъ девятнадцатый годъ), или по моему безпечному характеру, веселому нраву, и по тому ли, что я былъ не вовсе глупъ, писалъ стишки про нашу полковую жизнь и былъ вѣрнымъ товарищемъ — я имѣлъ въ полку много пріятелей. Особенно дружно жилъ я съ корнетомъ Францкевичемъ, лучшимъ уланомъ, въ полномъ смыслѣ слова, который теперь въ отставкѣ и помѣщикъ; съ корнетомъ Пенхержевскимъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ и кievскій комендантъ), первымъ красавцемъ полка; поручикомъ Фашемъ, моимъ искреннимъ другомъ, который зналъ меня еще въ дѣтствѣ; съ Яковлевымъ, батальоннымъ адъютантомъ; съ корнетами Головинымъ, Воейковымъ, богатыми и образованными молодыми людьми; съ добрымъ и храбрымъ Вульфомъ, который и теперь живъ и рассказываетъ по Петербургу на деревяшкѣ; съ Жеребцовымъ, умершимъ въ слѣдствіе раны, полученной подъ Фридрихландомъ; съ братьями Раевскими, съ поручикомъ Бесѣдинымъ, отличнымъ товарищемъ и добрѣйшимъ малымъ; съ поручикомъ Ильинымъ, съ которымъ мы любили, какъ братья, однакожь однажды и порубились; въ ладахъ былъ я со всеми, исключая *одного*. Странное дѣло, но я вѣрю въ симпатію и антипатію! Этому человѣку я не сдѣлалъ ни какого зла, и онъ мнѣ тоже, но при первомъ взглядѣ мы другъ другу не понравились. Да и за что мнѣ было тогда имѣть враговъ! Тогда я не былъ ни журналистомъ, ни критикомъ, не писалъ статей о нравахъ, не зналъ, какъ блюстители чести *благопріобрѣтаютъ* богатство, никому не стоялъ на дорогѣ, не задѣвалъ ни чьего самолюбія, не возбуждалъ ни въ комъ зависти! Пріятели, напротивъ, заставляли меня писать сатирическіе стишки на себя и на другихъ, и никто не только не гибвался, а всѣ хо-

хотали и были довольны. Это было счастливое для меня время, и такъ бы протекла вся жизнь моя, если бь судьба, за грѣхи мои, не бросила меня на литературное поприще. Если бь мнѣ пришлось выбирать для дѣтей моихъ крайности, въ самомъ несчастномъ положеніи, я желалъ бы, чтобъ они были лучше всю жизнь простыми солдатами или земледѣльцами, чѣмъ самыми счастливыми писателями, особенно журналистами! Кто хочетъ узнать вкусъ *желези съ уксусомъ* — милости просимъ къ намъ, подъ знамена Аполлона! Для того только я и пишу мое *Воспоминанія*, чтобъ утѣшиться прошлаго военною жизнью. И такъ, обратился къ ней.

Отъ Выборга пошли мы цѣлымъ баталіономъ, и по сторону Сентъ-Михеля, уже въ предѣлахъ новой Финляндіи, сошлись съ пѣхотой, высланной вмѣстѣ съ нами изъ Петербурга, то есть съ баталіономъ лейбъ-егерскимъ, которымъ командовалъ полковникъ Потемкинъ (умершій въ чинѣ генерала отъ инфантеріи и въ званіи генералъ-адъютанта), двумя баталіонами лейбъ-гренадерскаго полка (тогда еще не гвардейскаго) и одной ротой пѣшей гвардейской артиллеріи. Начальство надъ этимъ отрядомъ принялъ генералъ-маіоръ и командиръ лейбъ-гренадерскаго полка Лобановъ. Перешедъ старую границу (въ концѣ мая), мы останавливались уже на бивакахъ, держали разъѣзды и пикеты, и принявъ вправо отъ Сентъ-Михеля, соединились, по близости Юкестъ-Кирки, съ корпусомъ Барклая-де-Толли, вступившаго въ одно время съ нами въ новую Финляндію, съ двухъ пунктовъ: Нейпюта и Вильманстранда. Эскадронъ маіора Лорера съ пятьюдесятью донскими казаками, подъ начальствомъ сотника Нестерова, пошелъ впередъ по Куопіоской дорогѣ, передъ авангардомъ, для открытія непріятеля. Корпусъ слѣдовалъ за авангардомъ, отрядами.

Никогда не забуду сотника Нестерова, потому что въ юности моей не видалъ такихъ длинныхъ усовъ, какъ у него, и такой свѣсной физиономіи. Усы у Нестерова достигали до волоса, а брови висѣли до макушки лица. Изъ этой волосистой заросли торчалъ огромный ястребинный носъ, сіяли налѣвккіе глаза, какъ звѣзды въ туманѣ, и блвстѣли бѣлме, какъ слѣзь, зубы. Нестеровъ искусень былъ во всѣхъ наѣздничьихъ продѣлкахъ, поднималъ, на всемъ лошадиномъ скаку, малую монету съ земли, подвѣртывался подъ брюхо лошади и въ то же время стрѣлялъ изъ винтовки, вскакивалъ съ одного размаха на лошадь, и тому подобное. Это

былъ старинный Донецъ, какіе стали уже выводиться въ донскомъ войскѣ. Эскадронъ Лорера шелъ по-взводно, по три съ права, а казаки Нестерова шли версты за двѣ впереди, въ разсыпную, и по приказанію своего сотника, обыскивали каждое жилище и забирали все съѣстное. Нашъ эскадронъ шелъ въ авангардѣ, верстахъ въ двухъ за эскадрономъ Лорера, и Нестеровъ снабжалъ офицеровъ обоихъ эскадроновъ съѣстнымъ. Онъ особенно подружился съ нашимъ Драголевскимъ, по сходству вкусовъ и характеровъ — и фляжка Драголевскаго всегда наполнялась къ вечеру приношеніемъ Нестерова. Передъ нами все было пусто, и дома были покинуты жителями; но казаки, по инстинкту, отыскивали въ лѣсахъ и долинахъ, между холмами, обитаемыя жилища. Когда у насъ не было съѣстнаго, майоръ Лореръ обращался къ Нестерову; тотъ кричалъ своимъ казакамъ: «Ребята, впередъ, пошевели!» и часа чрезъ два, казаки возвращались съ боченками водки, съ лепешками (кнакебре), съ баранами, а иногда пригоняли коровъ. Нестерова называли мы провіантмейстеромъ авангарда.

Отъ Юкоса начали раздаваться непріятельскіе выстрѣлы. Мѣткіе саволакскіе стрѣлки высланы были впередъ начальникомъ шведскаго отряда, полковникомъ Сандельсомъ, чтобъ обезпокоивать насъ на походѣ. Эти стрѣлки, зная мѣстность, пользовались ею, и отступая передъ нами на большой дорогѣ, высылали малыя партіи застрѣльщиковъ по сторонамъ, гдѣ только можно было вредить намъ, укрывшись за камнями или въ лѣсу. Нельзя было своротить въ сторону на сто шаговъ съ большой дороги, чтобъ не подвергнуться выстрѣламъ, и это затрудняло насъ въ разѣздахъ, и препятствовало распознавать мѣстоположеніе.

Саволакскіе стрѣлки, самые опасные наши непріатели въ этой неприступной странѣ, были крестьяне лѣсистой и болотистой области Саволакса, прилегающей къ огромному озеру Калавеси*. Они были одѣты въ сѣрыя брюки и куртки толстаго сукна, и имѣли круглыя шляпы. Амуниція ихъ была изъ простой черной сапожной кожи. Въ мирное время эти стрѣлки жили по домамъ своимъ, занимались хлѣбопашествомъ, рыболовствомъ и звѣриными промыслами, и со-

* Знаю, что пишу неправильно, но долженъ слѣдовать за нашими историками. *Vesi* по-Фински значить большая масса воды, то же, что *лрес*, озеро, слѣдовательно *вездѣ*, гдѣ прозваніе соединено съ *веси* и *лрес*, надобно пропускать ихъ и писать *озере*, присовокупляя его прозваніе.

брались ежегодно на нѣсколько недѣль, на ученье. Они дорожили ружейнымъ зарядомъ, и рѣдко пускали пулю на удачу. Изъ саволакскихъ поселянъ былъ одинъ батальонъ регулярныхъ егерей, а прочіе составляли милицію, то же, что нынѣ ландверы въ Пруссіи. Всѣ они дрались храбро, и были чрезвычайно ожесточены противу Русскихъ.

Полковникъ Сандельсъ, съ 2000 регулярнаго войска и почти такимъ же числомъ вооруженныхъ крестьянъ, укрѣпилъ позицію подъ Іоронсъ-Киркой. Въ десяти верстахъ передъ этимъ селеніемъ (если можно назвать селеніемъ нѣсколько домовъ возлѣ кирки) сходятся двѣ большія дороги въ Куопіо, главный городъ Саволакса, изъ Нейшлота и изъ Борго. Между озеромъ Калавеси и другимъ небольшимъ озеромъ, верстахъ въ трехъ отъ перваго, по перешейку, отъ одного берега къ другому, Сандельсъ провелъ шанцы и подѣлалъ застѣки. Позиція была неприступная, и Сандельсъ думалъ, что она намъ дорого будетъ стоить.

Сообщу, кстати, анекдотъ о Нестеровѣ, характеризующій тогдашнихъ казаковъ. Приближаясь къ шведской позиціи, маіоръ Лореръ запретилъ казакамъ разсыпаться на далекое разстояніе, и велѣлъ имъ придерживаться большой дороги. Спускаясь съ пригорка, маіоръ Лореръ замѣтилъ, что толпа казаковъ слѣзла съ лошадей и чѣмъ-то занималась въ сторонѣ, шагахъ въ двадцати отъ дороги. Онъ думалъ, что вѣрно казаки потрошатъ барановъ, и поскакалъ къ нимъ, чтобъ погнать Донцевъ впередъ. И что же увидѣлъ Лореръ? Человѣкъ десять саволакскихъ егерей, которыхъ нагнали и забрали казаки, лежали раздѣтые въ ямѣ, а казаки, стоя въ кружокъ, кололи ихъ пиками.... Нестеровъ сидѣлъ на лошади, смотрѣлъ спокойно на эту ужасную сцену, и снявъ шапку, приговаривалъ: «Слава-те Господи! Погубили враговъ Бѣлаго Царя! Туда и всѣмъ имъ дорога!..» Добрый Лореръ вышелъ изъ себя.... Досталось порядкомъ усатому Нестерову — но несчастные погибли.... Съ этихъ поръ маіоръ Лореръ отдалъ казановъ и съ Нестеровымъ подъ начальство нашему офицеру. Не оправдывая поступка Нестерова, должно замѣтить, что взбунтованные крестьяне такъ же звѣрски умерщвляли нашихъ солдатъ, захвативъ ихъ врасплохъ. Нестеровъ думалъ, что должно платить тою же монетою — и не могъ постигнуть челоуѣколюбія Лорера. — «Баловство!» говорилъ Нестеровъ, покручивая свои богатырскіе усы.

Втораго Іюня мы пришли къ Іоронсъ-Киркѣ, и встрѣчены

были пушечными выстрѣлами изъ орудій большаго калибра. Въ нашемъ корпусѣ находилось нѣсколько офицеровъ, уже бывшихъ въ этой странѣ, до взятія Куопіо Сандельсомъ, и они сказали Барклаю-де-Толли, что можно обойти малое озеро, на правомъ флангѣ шведской позиціи. Барклай-де-Толли послалъ отрядъ въ обходъ, съ того мѣста, гдѣ соединяются дороги Нейшлотская и Боргоская, и когда по его разсчету обходъ долженъ былъ поравняться съ шведскою позиціею, приказалъ атаковать шанцы съ фронта. Наша пѣхота, съ крикомъ ура, бросилась на шанцы и засѣки — и Шведы не устояли. Они собрались на возвышеніи, за киркой, удерживая нашъ натискъ пушечными выстрѣлами; но увидѣвъ нашъ обходный отрядъ за озеромъ, начали отступать. Мы бросились на цѣпь неприятельскихъ стрѣлковъ, прикрывавшихъ ретираду, перерѣзали цѣпь, и взяли десятка два въ плѣнъ. Сильно преслѣдовали мы Шведовъ, пока лѣсная позиція не обезпечила ихъ отступленія.

На каждомъ шагу намъ представлялись новыя препятствія, а Шведамъ новыя средства къ защитѣ своей и къ нашему вреду. Превосходство нашей числительной силы было намъ даже въ тягость, въ странѣ, гдѣ нельзя было иначе дѣйствовать, какъ малыми отрядами или сжато, узкимъ фронтомъ. Дорога шла между лѣсами, болотами и оврагами, и была пересѣкаема множествомъ ручьевъ. Сандельсъ, въ своемъ отступленіи, жегъ мосты, перекапывалъ дороги, заваливалъ ихъ засѣками, и, какъ стаей хищныхъ птицъ, окружилъ нашъ корпусъ вооруженными крестьянами и партіями саволакскихъ стрѣлковъ, знавшими всѣ тропинки. Между Юровсь-Киркой и Куопіо находится селеніе, въ родѣ польскихъ мѣстечекъ, Варкгаузъ, съ киркой и двумя или тремя десятками домовъ, съ лавками, въ которыхъ торговали всѣми товарами, необходимыми для помѣщиковъ и крестьянъ. Положеніе Варкгауза на берегу рѣки и обширнаго озера Калавеси, по близости русской границы (Нейшлота), въ странѣ безгородной, дѣлало его важнымъ торговымъ пунктомъ для областей Савоакса и Карелии. Тутъ были наши магазины продовольствія, до взятія Куопіо Сандельсомъ, который, по отступленіи Русскихъ, укрѣпилъ Варкгаузъ батареями, вооружилъ ихъ орудіями большаго калибра, и дополнилъ магазины съѣтнымъ припасами. Варкгаузъ казался небольшою крѣпостцею. Здѣсь Сандельсъ вознамѣрился дать намъ отпоръ. Брать приступомъ это укрѣпленное мѣсто было бы

безразсудно, не испытать другихъ средствъ, и потому Барклай-де-Толли, поставивъ войско параллельно противу Варкгауза, и устроивъ предъ фронтомъ батареи, выслалъ сильный отрядъ въ обходъ, на правый флангъ Сандельса, угрожая отрѣзать его отъ Куопіо, и тѣмъ принудилъ его отступить. Загрохотавъ нѣсколько пушекъ большаго калибра, Сандельсъ истребилъ хлѣбъ въ магазинахъ, взявъ съ собою и уложивъ на лодки все, что можно было взять, разобралъ деревянные казармы, и двинулся къ Куопіо. Съ арріергардомъ его завязалось жаркое дѣло, и Шведы сильно сопротивлялись, пока всѣ ихъ обозы не вытянулись на большую дорогу. Мы шли по пятамъ Сандельса, не давая ему ни покоя, ни отдыха, и на половинѣ дороги отъ Варкгауза до Куопіо снова настигли его арріергардъ, разбили въ пухъ, и часть отрѣзали. Побѣда эта принесла намъ горькіе плоды. Отрѣзанные отъ главнаго отряда Шведы бросидись въ лѣса, и ушли отъ нашего преслѣдованія, а послѣ, какъ мы увидимъ, надѣлали намъ много зла.

Куопіо, столица Саволакса и Карелии (въ 460 верстахъ отъ Петербурга) единственное мѣсто во всей сѣверной и восточной Финляндіи, которое можно назвать городомъ. Онъ состоялъ въ то время изъ огромной площади, на которой была каменная кирка, съ кладбищемъ, и нѣсколькихъ примыкающихъ къ площади широкихъ улицъ, застроенныхъ порядочными деревянными домами, выкрашенными, по тамошнему обычаю, красною водяною краскою. Всѣхъ жителей въ Куопіо было до двухъ-тысячъ душъ. Городъ лежитъ на мысѣ, далеко входящемъ въ озеро Калавеси. Сандельсъ укрѣпилъ перешеекъ шанцами и батареями, рѣшившись защищать Куопіо.

Но пока мы побѣдителями подступали къ Куопіо, Сандельсъ нанесъ намъ вредъ, стоившій пораженія. За нашимъ корпусомъ слѣдовалъ огромный подвижный магазинъ съ мукою, овсомъ, солью и хлѣбнымъ виномъ. Тутъ была жизнь наша, потому что въ странѣ, особенно на походѣ, невозможно было прокормиться. При магазинѣ находилась понтонная рота майора Дитрихса. Сандельсъ выслалъ нѣсколько офицеровъ въ тылъ нашего корпуса, для предводительства вооруженными поселянами и для собранія солдатъ, отрѣзанныхъ отъ арріергарда, приказавъ имъ тревожить насъ безпрерывно и наносить зло, по возможности. Эти толпы напали въ распахъ, подъ начальствомъ шведскихъ офицеровъ,

на нашъ подвижной магазинъ и на понтонную роту, перебили почти всѣхъ нашихъ солдатъ, сожгли понтоны и все, чего не могли взять съ собою, увели лучшихъ лошадей, а 400 остальнымъ подрѣзали жилы у переднихъ ногъ, подъ когѣнами. Это отзывалось уже Испаніей!

Шведы мужественно защищали входъ въ Куопіо. Около пяти часовъ сряду кипѣлъ жаркій бой на всей линіи. Наконецъ наши вытѣснили Шведовъ штыками изъ шанцевъ, и вошли въ городъ. Но Сандельсъ, защищая перешеекъ, успѣлъ поревезть на противоположный берегъ озера Калавеси всю свою артиллерію, багажи, и посадить на лодки большую часть войска. Аррьергардъ его сѣлъ на лодки въ нашихъ глазахъ — и мы отрѣзали и взяли въ плѣнъ только послѣднихъ застрѣльщиковъ. Это было 7 іюня.

Отъ 2 до 7 іюня включительно, то есть отъ первой встрѣчи съ Шведами подъ Юронсъ-Киркой до вступленія въ Куопіо, пять сутокъ сряду, корпусъ Барклая-де-Толли былъ въ непрерывномъ сраженіи, преодолевая величайшія трудности на пути, починавая или устроивая безпрестанно мосты, паромы и дороги, вытѣсняя непріятеля изъ укрѣпленій и за сѣкъ, и подвергая беззащитно смерти отъ пуль партизановъ, окружавшихъ нашъ корпусъ днемъ и ночью.

Истребленіе нашего подвижнаго магазина и понтонной роты Дитрихса, и многочисленность шаекъ возмутившихся крестьянъ, бродившихъ вокругъ насъ, заставили Барклая-де-Толли привести въ безопасность наше сообщеніе съ старою русскою границей. Нѣсколько батальоновъ пѣхоты и три эскадрона нашего полка заняли посты отъ Куопіо до Нейшлота и Сентъ-Михеля. Нашъ командирскій эскадронъ и эскадронъ князя Манвелова остались въ городѣ, и расположились повзводно и по-полувзводно въ нѣсколькихъ домахъ.

Почти всѣ жители оставили городъ, и дома были пусты. Въ городѣ не было ни какого мѣстнаго управленія. Дивизионному дежурному штабъ-офицеру майору Воейкову поручено было управленіе города. Майоръ Герике занималъ должность плацъ-майора и полиціймейстера. Офицерамъ нашего полка и начальникамъ полковъ позволено было занять квартиры въ городѣ, гдѣ кому было угодно. Войско, исключая прикрытія главной квартиры, стало на бивакахъ, за городомъ.

По какому-то особенному счастью, я и пріятель мой корнетъ Франкевичъ заняли домъ въ уединенной улицѣ, кото-

раго хозяйка, почтенная старушка, не рѣшилась оставить своего пепелища. Она имѣла лавку внутри города, въ которой торговала, по шведскому обычаю, *есльмъ*, отъ кофе и сахара до дегтя и веревокъ. Два ея сына ушли изъ города, вмѣстѣ съ другими жителями, ожесточенными противъ Русскихъ, и увезли на другую сторону озера товары. Старушка осталась охранять домъ. Онъ былъ весьма хорошо меблированъ, разумѣется относительно бѣдности края, и былъ полонъ всякаго рода запасами. По праву завоевателей, мы взяли всѣ ключи отъ хозяйки, осмотрѣли всѣ уголки дома, отъ погреба до чердака, списали все съѣстное и всѣ напитки, ведѣли снести въ одно мѣсто все относящееся къ продовольствію, и оставили ключи отъ этихъ сокровищъ у себя, а отъ всего имущества отдали ключи хозяйкѣ, разумѣется, не прикоснувшись ни къ чему. По городу объявлено было оставшимся жителямъ, что они должны снабжать постояльцевъ съѣстными припасами, слѣдовательно, мы не нарушили военной дисциплины.

При хозяйкѣ оставались работникъ, кухарка и служанка. Кухарка должна была варить кушанье для насъ, для своей хозяйки и для всей нашей прислуги, и чего она не успѣвала стряпать, то изготавлялъ ординарецъ Францкевича, бывший передъ службой поваромъ. Выдавалъ съѣстные припасы Францкевичъ, принявшій на себя управление хозяйствомъ. Не доставало въ домѣ мяса, потому что мы не хотѣли убивать коровъ хозяйки, но какъ въ лагерѣ войско должно было само промышлять съѣстные припасы и мы высылали уланъ на фуражировку, то и въ мясѣ у насъ не было недостатка. Мы жили роскошно, имѣли по нѣскольку блюдъ за обѣдомъ и за ужиномъ, весьма хорошее вино, кофе и даже варенье для десерта.

Только шесть домовъ во всемъ городѣ имѣли подобные запасы, и, по особенному случаю, самый богатый домъ достался двумъ корнетамъ! Была попытка отнять у насъ квартиру, но Барклай-де-Толли, по представленію Воейкова, не допустилъ до того. — «Военное счастье, сказалъ онъ, улыбувшись: пусть пользуются!»

Но не одни мы пользовались. Всѣ наши товарищи, пріятеля и хорошие знакомые, наравнѣ съ нами, наслаждались нашимъ изобиліемъ. Я уже сказывалъ, что нашъ полкъ жилъ въ пріязни съ гвардейскими егерями, а я особенно былъ въ дружбѣ съ батальоннымъ адъютантомъ, княземъ Голицы-

нымъ, съ поручикомъ княземъ Черкасскимъ и съ прапорщикомъ Репнинскимъ (умершимъ въ генеральскомъ чинѣ), Они почти жили у насъ въ Куопіо. Кромѣ ихъ, посѣщали насъ почти всѣ офицеры ихъ батальона. Памятите всѣхъ для меня поэтъ Батюшковъ и другъ его поручикъ Петинъ. Всѣ эти молодые офицеры были люди образованные, и насъ связывала, главнѣйше, любовь къ литературѣ. Въ ревельскомъ, въ низовскомъ и въ 3-мъ егерскомъ полкахъ было также множество прекрасныхъ, образованныхъ офицеровъ и много было благовоспитанныхъ Лифляндцевъ. Я особенно друженъ былъ съ капитанами Колиномъ и Фрейманомъ (ревельскаго полка) и молодыми офицерами Штакельбергомъ и Вильбоа (3-го егерскаго полка). Ежедневно человѣкъ пятнадцать садилась у насъ за столъ, а на вечеръ собиралось къ намъ иногда человѣкъ до тридцати. Подавали чай, пуншъ, гювейнъ, сабойонъ, и потомъ ужинъ, играли въ карты, иногда призывали пѣсенниковъ и музыкантовъ. И старики посѣщали насъ. Полковникъ Иванъ Васильевичъ Сабанѣвъ, подполковникъ Луковъ, генераль-маіоръ Лобановъ, комендантъ города Воейковъ и другіе начальники полковъ и батальоновъ проводили у насъ вечера, за вистомъ. У насъ былъ родъ трактира, съ тою разницею, что все было *даровое*, и мы сами, хозяева этого *дароваго трактира*, сдѣлали родъ выѣски, написавъ на оконныхъ стеклахъ, по-французски: *diner et souper, punch, sabailon, vins et liqueurs pour les bons amis*. Это была шалость, впрочемъ извинительная по тогдашнему времени. Я и Франкевичъ сдѣлались извѣстными этимъ *даровымъ трактиромъ*, въ цѣломъ нашемъ корпусѣ.

Взглянемъ тецерь на общій ходъ дѣлъ.

III.

Отрядъ генерала Тучкова 1, отданнаго подъ слѣдствіе, поступилъ подъ начальство генерала Раевского. Въ то самое время, какъ Барклай-де-Толли двинулся наъ Нейшлота къ Куопіо, Раевскій стоялъ близъ морскаго берега, возлѣ Гамле-Карлеби, въ самомъ опасномъ положеніи. Противу него, подъ Брагештадтомъ, стоялъ графъ Клингспоръ, съ 13,000 регулярнаго войска и толпами вооруженныхъ крестьянъ, а по всему берегу Шведы угрожали высадкою, и Раевскій съ своимъ слабымъ отрядомъ легко могъ быть отрѣзанъ и поставленъ между двухъ огней. Для обезпеченія Раевского въ тылѣ, поставленъ былъ, въ городѣ Вазъ, генераль-маіоръ

Демидовъ съ двумя пѣхотными полками (петровскимъ и Бѣлозерскимъ) и однимъ эскадрономъ драгунъ (финляндскаго полка), а свѣкій мушкетерскій полкъ отряженъ былъ Раевскимъ въ Нью-Карлеби, для поддержанія еобщеній съ Демидовымъ. Графъ Орловъ-Денисовъ съ слабымъ отрядомъ (изъ одной роты пѣхоты, эскадрона драгунъ и эскадрона лейбъ-казаковъ) наблюдалъ огромное пространство между Вазою и Христиненштадтомъ. Прочее войско стояло по морскому берегу отъ Або до Свеаборга. Главная квартира была въ Або. Отсюда распорядился графъ Буксгевденъ.

Эта диспозиція, или разстановка войска, по мѣстности края и положенію непріятеля, была бы весьма хороша, еслибъ передовой пашъ отрядъ, то есть корпусъ Раевского, былъ по крайней мѣрѣ равносильнъ шведскому войску, стоявшему противу него. Но послѣ неудачи Кульцева и Булатова, у Раевского, со всѣми пришедшими къ нему подкрѣпленіями, было не болѣе 6,800 человекъ, а съ этимъ числомъ онъ не могъ у держивать десанты и противиться графу Клингспору. Планъ графа Буксгевдена состоялъ въ томъ, чтобъ Раевскій, отступая, завлекъ графа Клингспора внутрь края, и въ то время Барклай-де-Толли, оставя 3000 человекъ въ Куопіо, противу Сандельса, долженствовалъ ударить въ лѣвый флангъ Клингспора, и зайдя ему въ тылъ, отрѣзать его отъ Свеаборга. Но если бъ Барклаю-де-Толли удалось исполнить предписаніе графа Буксгевдена, то есть поспѣшить изъ Куопіо для совокупнаго дѣйствія съ Раевскимъ, то все же у обоихъ русскихъ генераловъ было бы не болѣе 11,300 человекъ, противу 13,000 регулярнаго шведскаго войска, и до 6,000 вооруженныхъ крестьянъ, въ странѣ взволнованной и враждебной Русскимъ. Въ Петербургѣ не одобрили плана графа Буксгевдена, весьма справедливо опровергая тѣмъ, что Раевскій и Барклай-де-Толли могутъ быть разбиты отдѣльно, и Куопіо взять Сандельсомъ, при столь слабой защитѣ. Но графъ Буксгевденъ, какъ я сказалъ, былъ непреклоннаго характера, и не смотря на всѣ представленія, рѣшился дѣйствовать раздробленными силами.

По счастью для насъ, графъ Клингспоръ былъ человекъ нерѣшительный, и не надѣясь на сильную помощь изъ Швеціи, не отваживался на смѣлыя предпріятія. Послѣ Револакского дѣла онъ могъ бы разгромить корпусъ Тучкова, но отговаривался отнезлѣю, а потомъ усталостью войскъ, и шесть недѣль не беспокоилъ Раевского. Только въ концѣ мая, удо-

стовѣрясь, что къ Раевскому не приходитъ помощь, графъ Клингспоръ двинулся впередъ. Раевскій, не имѣя продовольствія, долженъ былъ отступать къ Вазѣ, и 5 іюня остановился въ Лиль-Киркѣ, въ осьмнадцати верстахъ отъ сего города. Между тѣмъ единственная надежда Раевского на доставленіе своему отряду продовольствія исчезла. Графъ Клингспоръ шелъ берегомъ, а полковникъ Фіандтъ, съ отрядомъ партизановъ, дѣйствовалъ на правомъ флангѣ Раевского, зашелъ въ тылъ, захватилъ русскій магазинъ, и взбунтовалъ всѣхъ жителей въ тылъ нашего отряда. Всѣ сообщенія Раевского были прерваны, и онъ не имѣлъ ни хлѣба, ни подводъ для перевозки больныхъ и тяжестей. Наши малые отряды и посты были захватываемы и безпощадно умерщвляемы. Но какъ графъ Клингспоръ шелъ медленно, ожидая высадки шведскихъ войскъ, то графъ Буксгевденъ думалъ, что онъ пошелъ на Куопіо, и приказалъ Раевскому начать наступательныя дѣйствія. Еще Раевскій не успѣлъ одуматься, какъ Шведы уже сдѣлали двѣ высадки у Або и Вазы, а графъ Клингспоръ атаковалъ авангардъ Раевского. Не стану описывать подробностей, которыхъ самъ я не былъ свидѣтелемъ. * Послѣ жестокой борьбы, десанты были отбиты, но Раевскій принужденъ былъ отступать, предъ непріателемъ, болѣе нежели въ двое его сильнѣе, и притомъ окруженный со всѣхъ сторонъ шведскими партизанами. Для открытія сообщенія между Барклаемъ-де-Толли, посланъ былъ внутрь края полковникъ Властовъ, съ 24-мъ егерскимъ полкомъ, которому удалось разбить (21 іюня) партизана Фіандта, подъ Лиудулаксомъ. Раевскій двинулся впередъ, вытѣснилъ непріателя изъ Лаппо-Кирки, и остановился. Здѣсь атаковалъ его графъ Клингспоръ, и 2 іюня произошло памятное сраженіе, въ которомъ Русскіе, оказавъ

* Высадка подъ Або произошла 8 іюня, пятью днями ранѣе Вазовской высадки. Шведскій генералъ Фегезакъ, съ 4000 Шведовъ, вышелъ на берегъ, и устремился прямо на городъ, надѣясь на помощь жителей. По счастью, главнокомандующій отиѣнилъ долженствовавшую быть въ этотъ день ярмарку. Сплы были равныя, но геройское мужество нашихъ солдатъ, ободренныхъ привѣромъ генераловъ и офицеровъ, склонило побѣду на нашу сторону. Болѣе всѣхъ отличился невскій мушкетерскій полкъ, ударивъ въ штыки на непріателя. Шефъ полка, генералъ майоръ Чоголковъ, былъ впереди; генералы Багговутъ и Тучковъ I (бывшій подъ слѣдствіемъ) сами шли въ стрѣлковой цѣпи. Офицеры вездѣ были первые, и соревнованіе было такъ велико, что даже равные солдаты, послѣ пересадки, добровольно возвращались въ битву. Войско было чудное, и потому-то оно внушало такую самонадѣянность главнокомандующему.

чужа храбростъ, должны были уступить числу. Во время наступленія Раевскаго, шведскіе партизаны, съ возставшими крестьянами, бросились въ тылъ его отряда, жгли мосты, раскапывали дороги, уводили лодки отъ берега, и отрѣзали его отъ всѣхъ сообщеній, отъ всякой помощи. Войско было безъ хлѣба, изнурялось отъ голода, питаясь почти исключительно грибами. Даже боевыхъ снарядовъ оставалось не много. Положеніе было отчаянное, и Раевскій, достигнувъ до Кирки Алаво, собралъ на военный совѣтъ всѣхъ своихъ генераловъ и полковниковъ, изложилъ состояніе дѣлъ, и требовалъ рѣшительнаго мнѣнія. Положено было отступить къ Тавастузу, и 12 іюля отрядъ Раевскаго выступилъ въ походъ.

Во время отступленія Раевскаго къ Лаппо случились два происшествія, надѣлавшія тогда много шуму. Двадцатаго іюня, Шведскій десантъ въ 2,000 человекъ, подъ начальствомъ полковника Бергштраля, вышелъ на берегъ для овладѣнія Вазою. Шведы схватили первый русскій пикетъ, и полковникъ Бергштраль, пославъ малый отрядъ прямо на Вазу, самъ съ главными силами обратился внутрь края, по дорогѣ къ Диль-Крикѣ. Генералъ-маіоръ Демидовъ, не имѣя положительныхъ извѣстій о движеніи Шведовъ, пошелъ со всею своею силою противу малаго шведскаго отряда, къ Сведбю, оставя только двѣ роты для охраненія города, и пока Шведы отступали на этомъ пунктѣ, Бергштраль обратился на проселочную дорогу, и вступилъ въ городъ. Узнавъ объ этомъ, Демидовъ воротился и повелъ атаку на городъ, въ которомъ Шведы успѣли уже утвердиться. Жители соединились съ Шведами. Число Русскихъ и Шведовъ было почти равное, но Шведы имѣли то преимущество, что защищались въ закрытыхъ мѣстахъ, и имѣли на своей сторонѣ жителей, которые стрѣляли въ Русскихъ изъ оконъ, и бросали все, чѣмъ можно было повредить человѣку. Штыками Русскіе очищали дома и улицы, и послѣ жестокаго боя, продолжавшагося пять часовъ сряду, Шведы начали отступать. Тогда Бергштраль, собравъ резервъ, бросился въ штыки, но былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ, и это рѣшило участь того дня. Шведы обратились въ бѣгство, къ судамъ своимъ, и отплыли. Наши взяли въ плѣнъ 17 офицеровъ, 250 солдатъ и одно орудіе.

Наши солдаты были ожесточены противу жителей, сражавшихся вмѣстѣ съ шведскими солдатами, и во время общей суматохи, врываясь въ дома, для изгнанія непріятеля,

разграбили богатѣйшіе дома и лавки. Многие изъ сопротивлявшихся жителей были убиты, и нельзя было сказать, что при этомъ не произошло какихъ нибудь покушеній противу женскаго цѣломудрія. Когда жители края принимаютъ участіе въ войнѣ, то всегда должны ожидать жестокой мести. Таковы послѣдствія каждой народной войны! Шведскія и англійскія газеты возопили противу варварства Русскихъ, утверждая, что Демидовъ приказалъ грабить, убивать и насилловать, и что Русскіе умерщвляли женщинъ и дѣтей. Вазу сравнивали съ Прагою. Все это было несправедливо. Демидовъ вовсе не приказывалъ грабить, но какъ солдаты дрались толпами, отдѣльно, во многихъ мѣстахъ безъ офицеровъ, и должны были брать приступомъ дома, то и невозможно было наблюдать за порядкомъ. Женщинъ и дѣтей вовсе не убивали, а убивали взрослыхъ мужчинъ, противившихся и вооруженныхъ. Все это подтверждено однимъ изъ правдолюбивѣйшихъ людей, какіе когда либо были въ Россіи, покойнымъ княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ, посланнымъ тогда для произведенія слѣдствія. Оправдывать этого несчастнаго событія не возможно и не должно, а можно только сожалѣть о немъ, извиняя нашихъ солдатъ ожесточеніемъ въ битвѣ. Кто видалъ какъ берутъ города съ бою, когда жители сопротивляются вооруженною рукою, тотъ легко пойметъ невозможность удержать въ порядкѣ разъяренныхъ солдатъ, сражающихся въ рассыпную.

Впрочемъ, поступки жителей нѣкоторымъ образомъ извиняли мечь Русскихъ. Десантное шведское войско привезло съ собою многія тысячи прокламацій къ финскому народу, отъ имени короля, возбуждавшего всѣхъ жителей къ возстанію и истребленію Русскихъ всѣми возможными средствами, какъ разбойниковъ или дикихъ звѣрей. Пасторы проповѣдовали въ церквахъ и въ полѣ, что даже частное убійство непріятели дозволено для защиты отечества, и подкрѣпляли свои рѣчи примѣрами изъ Ветхаго Завѣта. Бунтъ усилился, и береговые жители, коренные Шведы, возстали сильными толпами, и отчаянно нападали на наши малочисленные отряды. Первою жертвою неистовства разъяренной черни были наши храбрые лейбъ-казаки, изъ отряда графа Орлова-Денисова. Семьдесятъ человекъ лейбъ-казаковъ захватили поселяне въ распахъ, на морскомъ берегу, и мучительно умертвили. Я самъ видѣлъ яму, въ которой, подъ грудю

удовольствіе найденыя кости нашихъ несчастныхъ казаковъ. Говорить, что послѣдніе бросали въ огонь раненыхъ, вмѣстѣ съ мертвыми. Нѣкоторые нѣкото, даже атакованные, защищались до крайности, но были взяты превышающею силой бунтовщицкой, и изрублены топорами въ мелкіе куски. Находили обезглавленные трупы нашихъ солдатъ, зарытые стоймя по грудь въ землю. Изуродованныя тѣла немѣннически умерщвленныхъ нашихъ солдатъ висѣли на деревьяхъ у большой дороги. Народная война была въ полномъ разгарѣ. Усмирить бунтовщиковъ было невозможно. Графъ Орловъ-Денисовъ, наблюдавшій внутренность края, не имѣлъ на то достаточныхъ силъ, и самъ былъ въ крайней опасности. Онъ хотѣлъ выйти на береговую дорогу, но взбунтованные крестьяне отрѣзали ему путь къ Вазѣ, и заставили его отступить. Онъ остановился между Христиенштадтомъ и Біернеборгомъ. Самый большой вредъ наносили намъ солдаты свеаборгскаго гарнизона, распущенные по домамъ, и обязавшіеся, въ силу капитуляціи, не поднимать оружія противу Русскихъ. Эти солдаты предводительствовали толпами крестьянъ, и даже принуждали многихъ силою оставлять дома и сражаться съ Русскими. Графъ Орловъ-Денисовъ, получивъ подкрѣпленіе, сталъ дѣйствовать противу партизановъ, и объявлялъ, что каждый изъ этихъ солдатъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ повѣшенъ, какъ немѣнникъ, и каждый крестьянинъ, уличенный въ бунтъ, разстрѣлянъ. Исполненіе этой угрозы вскорѣ послѣдовало послѣ объявленія. Захваченныхъ въ плѣвъ солдатъ бывшаго свеаборгскаго гарнизона вѣшали на деревьяхъ, на большой дорогѣ и при киркахъ, съ надписью: «за измѣну;» но изъ крестьянъ разстрѣливали только самыхъ ожесточенныхъ и начальниковъ шайкъ. Прочимъ брали голову и отсылали въ Свеаборгъ, въ крѣпостную работу.

Самый опасный врагъ, нанесшій намъ болѣе прочихъ вреда, былъ партизанъ Ротъ (Root), родомъ Финляндецъ, унтеръ-офицеръ біернеборгскаго полка. Онъ началъ свои дѣйствія въ тылѣ корпуса Раевского, только съ сорока солдатами, самыми отчаянными изъ всей арміи графа Клингенора и знавшими притомъ всѣ мѣстности, а потомъ вошелъ въ сношенія со всѣми взбунтованными шайками, сдѣлался ихъ предводителемъ, и распорѣжалъ ихъ движеніями. Забирая всѣ транспорты съ съѣстными и боевыми припасами, высылалъ ихъ къ Раевскому, а онъ довелъ его корпусъ до отчаяннаго положе-

женія, замедляя его отступленіе истребленіемъ мостовъ, переправъ и порчею дорогъ. Роотъ первый вызвалъ солдатъ бывшаго свенборгскаго гарнизона на поле битвы, убѣдивъ ихъ въ ничтожности даннаго ими обѣщанія не сражаться съ Русскими. Роотъ былъ вездѣ и вездѣ, переѣзжая безпрестанно съ мѣста на мѣсто, по озерамъ, и проходя тропинками чрезъ лѣса и болота. Онъ едва не взялъ города Таммефорса, въ тылѣ нашей арміи, гдѣ былъ складъ нашихъ запасовъ и парки, и только необыкновенное мужество маіора Юденева, охранявшаго городъ съ двумя ротами петровскаго мушкетерскаго полка, спасло корпусъ Раевского отъ величайшаго бѣдствія, которое должно было бы его постигнуть, по истребленіи запасныхъ магазиновъ и парковъ.

Курьеры, посылаемые отъ Раевского къ главнокомандующему съ донесеніями, что онъ не только не можетъ дѣйствовать наступательно, но принужденъ ретироваться, были перехватываемы шведскими партизанами, а графъ Буксгевденъ, съ полною увѣренностью на успѣхъ, ожидалъ въ Або извѣстій о началѣ совокупнаго дѣйствія Барклая-де-Толли и Раевского противу графа Клингспора. Въ исполненіе повелѣній главнокомандующаго, Барклая-де-Толли выступилъ изъ Куоно, на третій день послѣ его занятія, оставивъ въ городѣ шефа низовскаго мушкетерскаго полка, генераль-маіора Рахманова, съ его полкомъ, ревельскимъ мушкетерскимъ, баталіономъ гвардейскихъ егерей, одною ротою гвардейской пѣшей артиллеріи, однимъ эскадрономъ уланъ (именно нашимъ, то есть командирскимъ) и двадцатью донскими казаками. Самъ Барклая-де-Толли пошелъ для совокупнаго дѣйствія съ Раевскимъ, съ полками: лейбъ-гренадерскимъ, азовскимъ мушкетерскимъ, 3-мъ егерскимъ, полуротою артиллеріи, четырьмя эскадронами нашего полка и пятьюдесятью казаками.

Спрашиваю: могъ-ли Рахмановъ съ неполными тремя тысячами человѣкъ, исполнить порученіе Барклая-де-Толли, основанное на предписаніи графа Буксгевдена? Ему приказано было: охранять сообщенія съ Россією, удерживать Куоно до послѣдней крайности, устрашать непріятеля предпріятіями къ переправѣ черезъ озеро, а если удастся, набрать лодокъ у жителей, нападать на заозерную позицію Сандельса, у Тайволы, и по прибытіи канонирскихъ лодокъ изъ озера займы въ озеро Калавеси, рѣшительно переправиться черезъ озеро, разбить Сандельса, овладѣть Тайволой, и наконецъ

открыть сообщеніе съ такъ называемымъ Сердобольскимъ отрядомъ, то есть съ генералъ-маіоромъ Алексѣевымъ, шефомъ митавскаго драгунскаго полка, выступившимъ изъ Сердоболя въ Карелію только съ четырьмя эскадронами драгунъ и 150 казаками, для усмиренія этого обширнаго, дѣснаго и болотистаго края! Дѣла невозможныя!

Кажется, будто графъ Буксгевденъ почиталъ нашихъ солдатъ безсмертными или, по крайней мѣрѣ, неуязвимыми и одаренными тройною силою противу непріятеля, поручая генераламъ такія дѣла къ исполненію! Забылъ онъ также, что самый мужественный человекъ требуетъ пищи. Разъѣзжая по берегу, между Гельсингфорсомъ и Або, или живя въ одномъ изъ этихъ городовъ, графъ Буксгевденъ не видѣлъ настоящей нужды войска, не имѣлъ надлежащаго понятія о положеніи дѣлъ, и до послѣдней минуты своего командованія былъ твердо убѣжденъ, что Шведы не намѣрены держаться въ Финляндіи, и станутъ отступать при нашемъ сильномъ натискѣ. Донесенія нашихъ отрядныхъ начальниковъ о возстаніи жителей и о вредѣ, наносимомъ ими, почиталъ графъ Буксгевденъ преувеличенными, приписывая ихъ успѣхи нашей неосторожности, не обращая ни какого вниманія на мѣстность, благоприятную для партизанскихъ дѣйствій, хотя въ донесеніяхъ Государю сравнивалъ финляндскую войну съ вандейскою.

Генералъ-маіоръ Рахмановъ, человекъ пожилой, старый служивый, храбрый и опытный воинъ, хотя и не стратегъ, чувствовалъ, что данная ему инструкция не можетъ быть исполнена; но онъ рѣшился защищать Куопіо до послѣдней капли крови, и не скрывался въ этомъ. Собралъ штабъ-офицеровъ и начальниковъ ротъ, онъ сказалъ имъ, безъ обвиняковъ: «Господа, внушите своимъ солдатамъ, что у насъ нѣтъ другой ретирады, какъ въ сырую землю. Отступать некуда ни на шагъ. Если Шведы нападутъ на насъ, мы должны драться до послѣдняго человека, и кто гдѣ будетъ поставленъ — тутъ и умирай!» — Рахмановъ говорилъ людямъ, которые понимали его, и офицеры передавали слова генерала воинамъ, которыхъ эти слова радовали, вмѣсто того, чтобъ привести въ уныніе. Никогда я не видалъ такихъ отличныхъ полковъ, каковы были визовскій и ревельскій пѣхотные, третій егерскій (полкъ Барклая-де-Толли) и лейбъ-егерскій батальонъ. Не только у Наполеона, но даже у Цесаря не было лучшихъ войскъ! Офицеры были молодцы и люди образо-

ванные; солдаты шли въ сраженіе, какъ на чиръ, дружно, весело, съ вѣснями и шутками.

На изгибѣ мыса, на которомъ стоитъ Куоію, была мыза, прозванная нами, по цвѣту господскаго дома, *желтою мызою*. Тутъ поставленъ былъ съ ротою низовскаго полка капитанъ Зеленка, человекъ необыкновенной храбрости, одаренный высшимъ военнымъ инстинктомъ. Онъ зналъ важность своего поста, потому что Шведы, владѣвъ *желтою мызою*, зашли бы намъ въ тылъ, и потому рѣшился защищать свой постъ до послѣдней капли крови. Однажды, когда я пріѣхалъ къ нему съ разѣздомъ, онъ сказалъ мнѣ, шутя: «Я хотя и не Леонидъ, но стою въ Оермопилахъ, и меня *вынесутъ* отсюда, но не *выгонятъ!*» Съ такими офицерами можно отваживаться на смѣлыя предпріятія въ войнѣ. Но наша отвага переливалась уже чрезъ край!

На третій день по выходѣ Барклая-де-Толли, полковникъ Сандельсъ, собравъ множество рыбацкихъ лодокъ, посадилъ на нихъ своихъ солдатъ, и атаковалъ Куоію съ двухъ сторонъ, съ сѣверной и отъ *желтой мызы* (10 іюня). Капитанъ Зеленка мужественно встрѣтилъ непріятеля, и пославъ одного казака къ Рахманову просить помощи, бросился впередъ на Шведовъ, шедшихъ кустарниками, оставивъ одинъ взводъ для защиты мызы. Шведовъ было втрое болѣе, но они приведены были въ замѣшательство движеніями Зеленки, и полагаали, что шпіоны ложно ихъ извѣстили о числѣ Русскихъ, занимавшихъ *желтую мызу*. Зеленка, между-тѣмъ, велѣлъ оставшимся солдатамъ лазить по крышѣ дома, чтобъ Шведы видѣли издали, что у него есть резервъ. Шведы завязали перестрѣлку въ кустарникахъ и не напирала сильно на Зеленку. Между тѣмъ полковникъ Потемкинъ съ лейбъ-егерскимъ батальономъ вышелъ на встрѣчу Сандельса, на сѣверную оконечность мыса, и ударилъ въ штыки. Храбрые лейбъ-егери бѣгомъ устремились на Шведовъ, и выстрѣливъ залпомъ, съ крикомъ ура! бросились, какъ отчаянные въ ихъ ряды. Шведы не устояли и побѣжали къ своимъ лодкамъ. Лейбъ-егери остановились только для того, чтобъ зарядить дужья, и погнались за Шведами, которые, сѣвъ успѣшно ея лодки, отчалили отъ берега. Два нашихъ взвода шли за нгерами, а два посланы были на помощь Зеленкѣ; но мы не могли атаковать Шведовъ, потому что мѣстность не позволяла, и были только свидѣтелями, подъ градомъ пуль, чуднаго мужества нашихъ товарищей. Отъ *желтой мызы* Шве-

ды также отступили, послѣ неудачи на сѣверной оконечности мыса. Зеленка преслѣдовалъ ихъ до берега.

Сандельсъ скрылся съ своею флотиліею между задомашнѣйсятаго берега, и 13 іюня вышелъ на берегъ, близъ Варкгауза, и попалъ на отрядъ азовскаго пѣхотнаго полка, сопровождавшаго транспортъ. Азовцы защищались храбро, но должны были уступить числу, и Сандельсу удалось отбить до семидесяти-пяти подводъ съ мукою. Потеря для насъ была тѣмъ важнѣе, что открывала ненадежность нашихъ сообщеній съ Нейшлотомъ, откуда мы ожидали продовольствія, не имѣя возможности охранять путь. Лодокъ у насъ вовсе не было.

Набравъ еще болѣе лодокъ, во время своей экспедиціи на Варкгаузъ, Сандельсъ почти со всѣми своими силами и съ толпами вооруженныхъ крестьянъ атаковалъ Куопіо, 15 іюня. День былъ туманный, и на озерѣ нельзя было видѣть ничего въ десяти шагахъ. Сандельсъ присталъ къ скалистому берегу, поросшему кустарникомъ, въ ложномъ заливѣ мыса. Наши посты тогда только увидѣли непріятеля, когда они уже были у самаго берега. Нѣкоторые наши пикеты были отрѣзаны и бросились въ лѣсъ, другіе завязали перестрѣлку. Нѣсколько казаковъ прискакали въ городъ, съ извѣстіемъ, что на насъ идетъ, по казацкому выраженію: «*видимая и невидимая сила.*»

Оставивъ въ городѣ только карауль и пикеты на берегу озера, Рахмацовъ вышелъ за городъ со свѣмъ своимъ отрядомъ, противу этой *видимой и невидимой силы*. Число непріятеля было намъ неизвѣстно, но мы знали, что къ Сандельсу сходятся толпами лучшіе стрѣлки изъ сѣвернаго Саволакса и Карелии, и какъ носились слухи, болѣе двухъ тысячъ этихъ охотниковъ уже было подъ знаменами Сандельса. Я былъ посланъ со взводомъ, для прикрытія свитскаго офицера, долженствовавшаго разсмотрѣть, какое направленіе беретъ непріятель. Подѣхавъ къ скалистому берегу, верстахъ въ трехъ отъ города, свитскій офицеръ и я взобрались на скалу, и увидѣли множество лодокъ, причалившихъ на большое разстояніе къ берегу, и Шведовъ, шедшихъ въ нѣсколькихъ колоннахъ, по направленію съ сѣверозападу, чтобъ выйти на дорогу, ведущую къ Куопіо. Толпы стрѣлковъ шли впереди колоннъ, въ разсыпную. Неровное мѣстоположеніе, овраги, холмы и кустарники то скрывали, то открывали передъ нами непріятеля, и мы въ туманѣ не могли опредѣлить

числа его, не заключали, что Шведовъ и крестьянъ было не меньше трехъ тысячъ человекъ. Туманъ между тѣмъ поднимался, и шведскіе стрѣлки, увидѣвъ насъ, бросились впередъ, чтобъ отрѣзать насъ отъ Куопію. Мы поскакали въ тылъ, и встрѣтили нашъ отрядъ уже въ верстѣ отъ Шведовъ. Рахмановъ выслалъ стрѣлковъ и сталъ фронтомъ передъ перешейкомъ, соединяющимъ съ твердою землею мысъ, на которомъ построены городъ. Началось дѣло, продолжавшееся съ величайшею упорностью съ обѣихъ сторонъ, въ теченіе болѣе пяти часовъ. Намъ шло о существованіе. Если бъ Шведы вогнали насъ въ городъ, то намъ надлежало бы или слатся, или выйти изъ города по тѣламъ непріятеля, пробиваясь штыками, потому что у насъ вовсе не было провіанта. Избѣгая блокады въ городѣ, въ случаѣ неудачи, намъ должно было бы броситься въ лѣса, внутрь Финляндіи, и идти впередъ на удачу, для соединенія съ Барклаемъ-де-Толли или Раевскимъ, не имѣя ни какихъ извѣстій о ихъ направленіи. Рахмановъ приказалъ объявить солдатамъ о нашемъ положеніи и о надеждѣ своей на ихъ мужество. «*Не выдадимъ!*» закричали лейбъ-егери, смѣло идя впередъ. Соревнованіе сдѣлалось общимъ. Едва ли когда либо дрались съ болѣе широкимъ мужествомъ и ожесточеніемъ! Капитанъ Зеленка, получивъ подкрѣпленіе, защищалъ желтую мызу съ величайшимъ упорствомъ, противу тройнаго числа непріятеля, и когда Рахмановъ увѣрился, что этотъ важный постъ крѣпко держится, то, не опасаясь уже обхода, велѣлъ низовскому полку и лейбъ-егерямъ ударить въ штыки, оставшись самъ въ резервъ, съ частью ревальскаго полка. Наши отчаянно бросились на Шведовъ, которые однако жъ устояли при первомъ натискѣ. Тутъ началась рѣзня, почти рукопашный бой, и Шведы наконецъ уступили нашимъ. Мѣстоположеніе позволило выдвинуть впередъ наши пушки, и картечи довершили пораженіе. Шведы обратились къ своимъ лодкамъ, отстрѣливаясь и преслѣдуемые нашими на поль-ружейный выстрѣлъ. Нашимъ удалось, по камнямъ и оврагамъ, перетащить двѣ пушки на берегъ. Эти пушки сильно вредили Шведамъ въ то время, когда они садились въ лодки. Мы провожали ихъ и на озерѣ ядрами, и нѣсколько лодокъ разбило и потопило, при громогласномъ ура! на берегу.

Въ этомъ дѣлѣ отличились въ нашемъ отрядѣ всѣ, отъ перваго до послѣдняго человека, но честь побѣды принадлежитъ низовскому полку и лейбъ-егерямъ, сломившимъ швед-

скую линію штыками и принудившимъ Шведовъ къ отступленію пылкостью своего наступленія и стойкостью. Только тяжело раненные оставались на мѣстѣ, тамъ гдѣ упали, а кто могъ идти, шелъ впередъ раненый и окровавленный. Когда Шведы уже отвалили, тогда только стали искать тяжело раненныхъ на полѣ битвы и выносить на большую дорогу.

Побѣда была полная, но кромѣ того, что мы охранили Куоію, она не принесла намъ ни какой существенной пользы, и Рахмановъ былъ не въ состояніи исполнить другихъ порученій Барклая-де-Толли. Нельзя было и думать о нападеніи на шведскую позицію, у Тайволы, не имѣя ни одной лодки; сообщенія наши съ Россіей были прерваны, и мы ничего не знали о сердобольскомъ отрядѣ. Сандельсъ оставилъ вооруженныя толпы крестьянъ въ дѣсахъ, вокругъ Куоію, подъ начальствомъ шведскихъ офицеровъ, приказавъ имъ истреблять нашихъ фуражировъ и наши отдаленные посты, и непрерывно тревожить насъ въ Куоію. Эти партизаны отлично исполняли свое дѣло. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ заставлялъ насъ высылать на далекое разстояніе фуражировъ, чтобъ забирать скотъ у крестьянъ, отыскивая ихъ жилища въ дѣсахъ, и каждая фуражировка стоила намъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными. Отдѣльные посты были непрерывно атакуемы, и половина отряда капитана Зеленки день и ночь была подъ ружьемъ. Почти каждую ночь въ Куоію была тревога, и весь отрядъ долженъ былъ браться за оружіе. Крестьяне подѣзжали на лодкахъ къ берегу; въ самомъ городѣ стрѣляли въ часовыхъ, и угрожали ложною высадкою. Не зная ни числа, ни намѣренія непріятеля, намъ надлежало всегда соблюдать величайшую осторожность. Голодь и непрерывная тревога ищуряли до крайности войско. Госпиталь былъ полонъ.

Уданы и казаки содержали разъѣзды, и я почти чрезъ день проводилъ ночь за городомъ, на конѣ. Но и всѣ офицеры нашего отряда проводили безсонныя ночи, не раздѣваясь, и отдыхая только днемъ. Въ моей квартирѣ, по-прежнему, было общее собраніе офицерства. Нужды не зналъ я въ Куоію, и непрерывная дѣятельность была мнѣ не въ тягость. Мы проводили время весело, въ офицерскомъ кругу, хладнокровно разсуждали о нашей будущей участи, не предвидя ничего кромѣ смерти въ бою, если насъ оставятъ надолго въ этомъ положеніи.

Въ этой непрерывной тревогѣ и сраженіяхъ прошло шесть

дней; и на седьмой день, Барклай-де-Толли, получивъ отъ Рахманова вѣрное изображеніе нашего положенія, возвратился въ Куопіо (17 іюня). Трудно описать радость, какую мы ощутили, увидѣвъ помощь!

Барклай-де-Толли подвергнулся упреку, что, не исполнивъ предписанія главнокомандующаго, приказавшаго ему дѣйствовать по флангъ графу Клингспору, когда Раевскій будетъ дѣйствовать съ фронта, онъ разстроилъ весь планъ къ изгнанію Шведовъ изъ Финляндіи лѣтомъ, 1808 года, и давъ Клингспору время и средства потѣснить Раевского, довелъ его до крайности, и продлилъ войну. Правда, что Барклай-де-Толли не исполнилъ приказанія главнокомандующаго, потому что не могъ исполнить и дѣйствовать по плану, начертанному въ кабинетѣ главнокомандующаго, безъ малѣйшаго соображенія обстоятельствъ, безъ всякаго вниманія на положеніе сѣверовосточной Финляндіи, то есть Саволакса и Карелии. Легко было главнокомандующему, разложивъ карту Финляндіи, играть въ стратегію, какъ въ шахматы; но Финляндія была не спокойная и безмолвная шахматная доска, и возмущенный народъ — не пѣшки!

Барклай-де-Толли, выступивъ изъ Куопіо, для дѣйствованія по плану главнокомандующаго, пошелъ по большой дорогѣ, соединяющей Куопіо съ Гамле-Карлеби (то есть съ морскимъ берегомъ). 10 іюня Барклай-де-Толли прибылъ къ киркѣ Рауталамби, лежащей въ семидесяти пяти верстахъ отъ Куопіо, между озерами Конивеси и Кивисальми. Здѣсь дорога идетъ чрезъ проливы озеръ. Приселеніи Тохолаксь, на широкомъ проливѣ, находился перевозъ, а на двухъ меньшихъ проливахъ, образующихъ островъ при селеніи Кивисальми, были два моста. Полковникъ Сандельсь, который для того только и высланъ былъ въ Куопіо, чтобъ сдѣлать намъ диверсію, то есть раздѣлить наши силы и воспрепятствовать совокупно дѣйствовать противу графа Клингенора, употребилъ всѣ зависящія отъ него средства для удержанія Барклая-де-Толли на походѣ. Онъ далъ приказаніе своимъ партизанамъ (образовавшимся изъ отрѣзаннаго нами шведскаго арріергарда, во время преслѣдованія Сандельса до Куопіо) употребить переправу и мосты на озерахъ Конивеси и Кивисальми, перекапывать дорогу, зажигать лѣса по обѣимъ сторонамъ узкой дороги и перехватывать или умерщвлять нашихъ фуражировъ. Барклай-де-Толли, прибывъ въ Рауталамби, долженъ былъ остановиться. Хотя большая часть лодокъ на

озерахъ была угнана къ сѣверу, но Барклай успѣлъ переправить свой авангардъ въ челнокахъ чрезъ озера, и велѣлъ ему ждать всего отряда въ селеніи Койвиста, въ 79 верстахъ отъ первой переправы при Тохолакскѣ, занявшись между тѣмъ устройствомъ переправы чрезъ озера, для всего отряда.

Въ это время Барклай-де-Толли получилъ самое отчаянное донесеніе отъ Рахманова, изъ Куопіо. Рахмановъ извѣщалъ, что отрядъ его находится въ крайности, безъ продовольствія, и что онъ не можетъ удержать сообщеній съ Нейшлотомъ, на разстояніи 180 верстъ, потому что Сандельсъ сильнѣе его и безпрестанно угрожаетъ Куопіо, и что нельзя ослаблять отряда высылкою партій, для провожанія подвижныхъ магазиновъ, которые подвергаются опасности быть взятыми Шведами, какъ то уже и случилось при Варкгаузѣ. Рахмановъ изъявлялъ даже опасеніе, на счетъ Куопіо, донося, что у него скоро не достанетъ патроновъ, и что отрядъ его можетъ погибнуть въ развалинахъ города, мужественно защищаясь, но едва-ли въ состояніи будетъ долго держаться и отбивать непріятеля. Барклай-де-Толли разсудилъ, что если Сандельсу, котораго онъ почиталъ сильнѣе Рахманова, удастся выгнать нашихъ изъ Куопіо, то весь правый флангъ арміи будетъ открытъ, граница наша не защищена, и возстаніе въ самой воинственной части Финляндіи приметъ новую силу, и въ слѣдствіе этихъ соображеній рѣшился взять на свою отвѣтственность неисполненіе предписанія главнокомандующаго. Выславъ авангардъ свой, состоявшій изъ части азовскаго мушкетерскаго, двадцать четвертаго егерскаго полковъ и сотни казаковъ, подъ начальствомъ полковника Властова, на помощь Раевскому, Барклай-де-Толли возвратился съ остальною частью своего отряда въ Куопіо, учредивъ посты между этимъ городомъ и Варкгаузомъ, для удержанія партизановъ отъ нападений на наши подвижные магазины. Лейбъ-гренадерскій полкъ и три эскадрона нашего полка остались на этихъ постахъ, которыми командовалъ генералъ Лобановъ.

Барклай-де-Толли вступилъ въ Куопіо ночью, уже по пробити вечерней зари, съ 17 на 18 іюня. Войско расположилось на бивакахъ за городомъ, и развело огни. Свѣтлая сѣверная ночь омрачена была сильнымъ туманомъ. Прибытіе штаба и множества офицеровъ въ городъ произвело нѣкото-

рую суматоху. Кто искалъ для себя квартиры, кто отыскивалъ знакомыхъ, товарищей; на улицахъ стояли повозки и лошади; для больныхъ искали помѣщенія, и тому подобное. У меня на квартирѣ собраніе офицеровъ было болѣе обыкновеннаго. Къ ужину подали цѣлаго жаренаго барана, котораго я накануне купилъ за два червонца у казана. Мы веселились, шутили, между-тѣмъ какъ уланы вносили въ сосѣднюю залу солому, гдѣ я располагалъ уложить моихъ гостей на отдыхъ.... Вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ, и стекла въ окнахъ задрожали.... другой выстрѣлъ, третій, четвертый.... потомъ ружейные выстрѣлы.... Мы отворили окна—выстрѣлы раздавались на озерѣ и за городомъ, а въ городѣ были тревогу.... Всѣ гости мои побѣжали опрোметью къ своимъ полкамъ и командамъ; я велѣлъ поскорѣе сѣдлатъ лошадь, и поскакалъ на наше сборное мѣсто, къ киркѣ. Эскадронъ уже строился. Это былъ полковникъ Сапельсъ, который, пользуясь туманомъ, прибылъ изъ Тайволы, чтобъ пожелать намъ доброй ночи и спокойнаго *вѣчнаго* сна! Уставъ досками нѣсколько лодокъ, соединенныхъ бревнами, онъ такимъ образомъ устроилъ двѣ пловучія батареи, и посадивъ весь свой отрядъ на лодки, атаковалъ Куоію съ трехъ сторонъ, съ *желтой мызы*, съ южной стороны перешейка и у самаго сѣвернаго предмѣстія, передъ которымъ находится лѣсъ. Весь нашъ отрядъ выступилъ изъ лагеря, и Барклай-де-Толли, не зная, гдѣ непріятель и въ какомъ числѣ, высылалъ баталіоны на тѣ мѣста, гдѣ завязывалась перестрѣлка съ нашими передовыми постами, и гдѣ предполагали найти непріятеля. Изъ пушекъ, поставленныхъ на берегу, стрѣляли на-удачу. На большой площади поставленъ былъ резервъ, въ сомкнутой колоніи, съ двумя пушками. Ружейные выстрѣлы гремѣли вокругъ города. Вездѣ была страшная суматоха, вездѣ раздавались крики и выстрѣлы, и ничего нельзя было видѣть, кромѣ ружейнаго огня....

Наконецъ, съ утреннею зарею разсѣялся туманъ, и Барклай-де-Толли, проекакавъ по всей линіи, тотчасъ распорядился. Къ *желтой мызѣ* послана было немедленно помощь. Нашего полка эскадронъ князя Манвелова поспѣшилъ туда на рыскахъ, взявъ на каждую лошадь по одному егерю третьяго егерскаго полка. Противу главной силы Шведовъ, лонившихся въ городъ съ правой стороны Куоію, выступилъ самъ Барклай-де-Толли, съ частями *низовскаго* и третьяго

егерскаго полковъ и двумя пушками. Полкъ ревелскій мушкетерскій, лейбъ-егерскій батальонъ и пашъ эскадронъ составляли загородный резервъ.

Битва кипѣла съ величайшимъ ожесточеніемъ на всѣхъ пунктахъ. Передъ нами, въ лѣсу, была сильная ружейная перестрѣлка. Низовскій мушкетерскій и третій егерскій полки, при всей храбрости, не могли противостоятъ Шведамъ въ стрѣлковомъ страженіи и въ разсыпную, въ лѣсу. Саволакскіе стрѣлки и даже вооруженные крестьяне, охотники по ремеслу, имѣли передъ нашими храбрыми солдатами преимущество въ этомъ родѣ войны, потому что лучше стрѣляли и, привыкнувъ съ дѣтства блуждать по лѣсамъ и болотамъ за дичью, были искуснѣе нашихъ солдатъ во всѣхъ движеніяхъ. При томъ же, туземцы знали хорошо мѣстность, и пользовались ею. Шведы имѣли нѣсколько маленькихъ пушекъ, или фальконетовъ (безъ лафета), которыя они носили за стрѣлковою цѣпью, и положивъ ихъ на камни, стрѣляли въ нашихъ картечью, когда наши собирались въ кучу. Постепенно выстрѣлы раздавались ближе, и наконецъ наши стрѣлки начали выходить изъ большаго лѣса на то пространство, гдѣ стоялъ резервъ.

Это пространство, между городомъ и лѣсомъ, версты три въ длину, покрыто было въ разныхъ мѣстахъ кустарникомъ, и усыяно огромными камнями. Выходящимъ изъ лѣсу нашимъ стрѣлкамъ приказано было строиться впереди обонихъ фланговъ резерва, такъ, чтобъ передъ центромъ, гдѣ стояли наши двѣ пушки, было чистое мѣсто. Вскорѣ выбѣжали и саволакскіе стрѣлки изъ лѣса, а за нами вышли Шведы въ колоннѣ. Они были встрѣчены ядрами. Это ихъ не устрашило, и они съ крикомъ *ура!* бросились въ штыки на наши пушки и на резервъ. Пушечные выстрѣлы не удержали ихъ. Лейбъ-егери, предводимые своимъ храбрымъ полковникомъ Потемкинымъ, пошли имъ навстрѣчу шагомъ, вовсе не стрѣлая. За ними шелъ ревелскій мушкетерскій полкъ, а низовскій и третій егерскій полки между тѣмъ строились на флангахъ, подъ непріятельскими выстрѣлами. Наши пушки свезли за фронтъ, подъ прикрытіемъ нашего эскадрона. Лейбъ-егери приближались къ шведской колоннѣ са-

* Должно замѣтить, что Шведы также кричатъ *ура*, и не въ воздушные гусиные. Это древній германскій крикъ Сивилламова.

женей на тридцать, остановились, по командѣ своего полковника, выстрѣлили залпомъ, и бросились бѣгомъ впередъ, съ примкнутыми штыками, какъ на ученѣ, съ громкимъ ура. Тутъ началась рѣзня, въ полномъ смыслѣ слова! Ревельскій полкъ поддерживалъ атаку лейбъ-егерей; низовскій и третій егерскій полки удерживали напоръ Шведовъ на флангахъ. Шведы не устояли противъ лейбъ-егерей, и побѣжали. Наши пушки снова загремѣли, провожая бѣжавшихъ рикошетными выстрѣлами. Шведы скрылись въ лѣсу, преслѣдуемые нашими. Въ это самое время Барклай-де-Толли двинулъ третій егерскій полкъ по берегу, на самомъ правомъ флангѣ, къ шведскимъ лодкамъ. Резервъ, бывший въ городѣ съ двумя пушками, также быстро бросился на берегъ, и Шведы, опасаясь за свои лодки, побѣжали къ нимъ. Изъ пловучихъ батарей стрѣляли они въ насъ ядрами, а потомъ картечью; но наши шли впередъ, бросаясь въ штыки каждый разъ, когда Шведы останавливались. Лейбъ-егери были впереди.

На всей Шведской линіи ударили отбой. Шведы, въ безпорядкѣ, бросались въ лодки, отчаливали отъ берега, и прятались отъ нашихъ пушечныхъ выстрѣловъ за островками, которыми усѣяно озеро передъ Куопіо. Въ десять часовъ утра не было уже ни одного Шведа на берегу, и мы съ торжествомъ возвратились въ городъ. Нашъ эскадронъ хотя не ходилъ въ атаку, потому что мѣстность не позволяла, но подвергался опасности наравнѣ съ прочими полками. Мы были на такое близкое разстояніе отъ Шведовъ, что различади черты лица ихъ офицеровъ, бывшихъ всегда впереди.

Сандельсъ, напавъ на Куопіо со всѣми своими силами, не зналъ, что Барклай-де-Толли возвратился въ городъ въ ту же ночь. Трудно сказать, чѣмъ бы кончилось это нападеніе, если бъ оно произведено было прежде прибытія въ Куопіо Барклая-де-Толли. Хотя бы Рахманову и удалось удержать городъ, то все же намъ было бы плохо.

Лейбъ-егерскій батальонъ въ *третій разъ* былъ главнымъ виновникомъ побѣды и удержанія Куопіо и ему отдана была полная честь, въ приказѣ по корпусу.

Послѣ этого Сандельсъ уже не возобновлялъ нападеній на Куопіо, достигнувъ своей цѣли, а именно, воспрепятствовавъ Барклаю-де-Толли дѣйствовать да флангѣ графа Клингспора, и такимъ образомъ далъ средство главному шведскому кор-

пуку отгѣснить операционный корпусъ генерала Раевского до нашей послѣдней точки опоры.

Я уже говорилъ, что не только въ Россіи, но и въ цѣлой Европѣ тильзитскій миръ почитали только *перемиріемъ*. Императоръ Александръ старался приблизить къ себѣ иностранцевъ, пользовавшихся военною репутациею, имѣвшихъ связи въ своемъ отечествѣ съ значительнѣйшими фамиліями, противными порядку вещей, вводимому Наполеономъ въ покоренныхъ имъ странахъ. Въ числѣ этихъ иностранцевъ былъ маркизъ Паулучи, принадлежащій къ одной изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ моденскихъ фамилій. Онъ былъ принятъ въ этомъ году изъ австрійской службы въ русскую полковникомъ, и пользовался особенною милостію и довѣренностью Государя. Получая безпрерывныя донесенія отъ графа Буксгевдена о невозможности покорить Финляндію съ такими малыми силами и о бѣдственномъ состояніи войска, претерпѣвавшаго голодъ и всякаго рода нужду, Государь Императоръ выслалъ полковника маркиза Паулучи въ Финляндію, для повѣрки всѣхъ донесеній главнокомандующаго, для изслѣдованія причинъ нашихъ неудачъ, для осмотра состоящаго войска и для изысканія способовъ къ продовольствію войскъ мѣстными средствами. Маркизъ Паулучи крайне удивился положенію войска. Всего русскаго войска въ Финляндіи (до половины іюня) было 26,000 человекъ, разбросанныхъ малыми отрядами * на разстояніи 570-ти верстъ, между Або и Куопіо. И эти 26,000 человекъ должны были содержать въ повинновеніи болѣе милліона жителей, безпрерывно возбуждаемыхъ къ возстанію, на пространствѣ 3,000 квадратныхъ верстъ, въ странѣ, пересѣкаемой озерами болотами, лѣсами и скалами, омываемой съ одной стороны моремъ, соединяющимъ Финляндію съ Швеціей, имѣя противу себя шведскій корпусъ графа Клингспора въ 13,000 регулярныхъ войскъ и до 6000 вооруженныхъ крестьянъ, толпы партизановъ во всѣхъ мѣстахъ, и ожидая безпрерывно шведскихъ десантовъ, на всемъ берегу. Это была еще половина бѣды: заѣйшіи нашъ врагъ былъ голодъ. Изъ Петер-

* Въ Карелии было 2000, въ Свеаборгѣ 3,500, у Або 4000, на флотилии 2000, въ портѣ Финляндіи, у Расьякагъ, 6000, въ Куопіо, у Гарккал-де-Толли (потомъ у Тучкова), 6000, на берегу морякомъ, между Або и Христиансгагтогъ, 1000, и для прикрытія транспортновъ, хлѣбопекновъ и содержанія отдѣльныхъ постовъ, 1500 человекъ.

Бурга безпрерывно высылали хлѣбъ, а къ войску его доставляли весьма рѣдко. Въ подводахъ былъ совершенный недостатокъ, а кромѣ того партизаны, какъ я уже говорилъ, безпрестанно отбивали транспорты, по слабости ихъ прикрытія. Хуже партизановъ были наши провіантскіе чиновники, какъ свидѣлствуютъ и нашъ знаменитый военный историкъ, А. И. Михайловскій-Давыдовскій, приводя примѣръ (см. Описание Финляндской Войны 1808 и 1809 годовъ, глава X, стр. 203), что въ куляхъ, присылаемыхъ изъ Петербурга, вмѣсто муки, находили мусоръ! Это совершенная правда. Наказаніе, которому Императоръ Александръ подвергнулъ весь провіантскій штатъ за злоупотребленія въ кампаніи 1806 и 1807 годовъ, лишивъ его военного мундира, вовсе не подѣйствовало къ исправленію провіантскихъ чиновниковъ. Было еще и хуже, чѣмъ кули съ мусоромъ! Провіантскіе чиновники рады были, когда Шведы отбивали подвижные магазины, потому что тогда они избѣгали всѣхъ повѣрокъ, расчетовъ и отчетовъ. Только на морскомъ берегу солдаты получали иногда хлѣбъ. Кавалерійскія лошади вовсе отвыкли отъ овса, и даже травы не всегда можно было достать вдоволь. Былъ также крайній недостатокъ въ обуви и въ боевыхъ зарядахъ. Словомъ, наша армія была въ самомъ дурномъ положеніи, во всѣхъ отношеніяхъ, и всѣ недостатки зашѣняла храбрость. Наши голодные солдаты, питааясь почти исключительно грибами, и изрѣдка лакомясь мясомъ отнятаго у укрестьянъ скота, дрались вездѣ прекрасно, и были бодры и веселы.

Осматривая войско, маркизъ Паулчи пріѣхалъ въ Куопіо нѣсколько дней спустя послѣ послѣдняго сраженія, когда къ намъ пришли семь канонирскихъ лодокъ^{*}, подъ начальствомъ флота лейтенанта Павла Андреевича Колзакова (нынѣ генераль-адъютанта и адмирала). У насъ изстари была флотилія, состоявшая изъ канонирскихъ лодокъ, на озерѣ Саймѣ, для охраненія границы, которая проходила по озерамъ, принадлежавшимъ Россіи и Швеціи. Вся восточная Финляндія покрыта озерами, которыя то соединяются между собою малыми проливами, то отдѣляются узкими перешейками. Флотилія эта стояла обыкновенно въ Вильманstrandъ и Нейшлотъ. Съ величайшимъ трудомъ перевели

* Въ послѣдствіи ихъ было пятнадцать, а можетъ быть и болѣе.

эту флотилію на озеро Калавеси, то переноса на рукахъ, то перевоза на лошадяхъ разснащенныя и обезоруженныя лодки, по перешейкамъ. Сандельсъ выслалъ противу Колзакова множество вооруженныхъ лодокъ, чтобъ воспрепятствовать нашей флотиліи вступить въ озеро Калавеси изъ тѣснаго пролива подъ Варкгаузомъ, но Колзаковъ разбѣжалъ полки, и съ торжествомъ вошелъ въ озеро.

Барклай-де-Толли рѣшился атаковать Сандельса въ позиціи его, Тайвола, за озеромъ, и для этого маркизь Паулучи посовѣтовалъ сдѣлать плоты, которые бы могли поднимать, по крайней мѣрѣ, половину роты пѣхоты съ одною пушкою. Два плота начали строить близъ моей квартиры, и работами завѣдывалъ самъ маркизь Паулучи. Онъ иногда заходилъ ко мнѣ отдыхать, въ знойные дни, и тутъ я впервые узналъ этого необыкновеннаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, умнаго, остроумнаго, благороднаго, оказавшаго Россіи незабвенныя услуги. О немъ я поговорю въ своемъ мѣстѣ.

Два первые плота не удалсь. Идея была превосходная, но исполненіе не соответствовало ей. Нельзя требовать, чтобъ каждый зналъ ремесло, а дѣло мастера бьется. Первый плотъ, съ полуротою егерей, сталъ опускаться кдну, по счастью, только въ тридцати шагахъ отъ берега. Люди только выкупались, и никто не погибъ, а плоты остались безъ употребленія. Маркизь Паулучи возвратился въ Петербургъ, и по его представленію, въ Куопіо прибылъ, на почтовыхъ, корабельный мастеръ, для постройки перевозныхъ судовъ. По пока строили суда, Барклай-де-Толли заболѣлъ и уѣхалъ въ Россію, а начальство надъ корпусомъ принялъ генералъ Тучковъ 1, оправданный по слѣдствію.

Послѣ послѣдней побѣды, одержанной нами надъ Шведами, атаковавшими Куопіо (въ ночи съ 17 на 18 іюня), товарищи, отдохнувъ отъ трудовъ, собрались на вечеръ въ нашъ *даровой трактиръ*. Нѣсколькихъ изъ нихъ мы не досчитались въ нашемъ дружескомъ кружкѣ. Съ чувствомъ помянувъ погибшихъ и пожелавъ скорого выздоровленія раненымъ, всѣ мы единодушно провозгласили здравіе нашего главнаго начальника, который возбудилъ въ насъ удивленіе въ этомъ сраженіи. Распоряжаясь съ величайшимъ хладнокровіемъ, онъ разбѣжалъ спокойно подъ пулями и ядрами неприятельскими, какъ на прогулкѣ; ободрялъ солдатъ ласковыми словами, разговаривалъ съ начальниками и своимъ спокойствіемъ

емъ внушалъ всѣмъ надежду на скорую побѣду. Экспромптомъ, я написалъ тутъ же, за столомъ, стихи, которые хотя и не имѣютъ ни какого литературнаго достоинства, но тогда всѣмъ понравились, потому что были *кстати* и выражали наше единодушное чувство:

Скорѣ финскіе каменя съ нѣсть сойдуть,
 Чѣмъ Шведы Куопіо теперь у насъ возьмутъ.
 Пусть идуть противъ насъ, хотя бы съ кораблями;
 Побѣда вѣрная — Барклай-де-Толли съ нами!
 И съ удивленіемъ тогда увидать свѣтъ,
 Что *невозможно* для насъ съ Барклаемъ мамъ!

Стишки эти на другой день дошли до Барклай-де-Толли, и онъ пригласилъ меня къ обѣду, принялъ ласково, и поблагодарилъ за *довѣренность* къ нему (его собственныя слова). Послѣ этого я нѣсколько разъ являлся къ нему послѣ развода, и онъ всегда удостоивалъ меня ласковымъ словомъ, и однажды даже сказалъ: «Подождемъ, авось найдемъ случай отличиться. Война не кончена; еще будетъ много дѣла!» — Когда мы узнали, что Барклай-де-Толли оставляетъ насъ, офицеры и солдаты весьма грустили. Я едва не заплакалъ! Хотя онъ отъѣзжалъ въ Россію по болѣзни, но, кажется, что неудовольствіе графа Буксгевдена за неисполненіе Барклаемъ-де-Толли его предписанія было главною причиною его удаленія. Барклай-де-Толли чувствовалъ, что ему трудно будетъ служить подъ начальствомъ разгнѣваннаго главнокомандующаго, который, кромѣ того, не весьма любилъ его, за его дружбу съ Беннигсеномъ.

Барклаю-де-Толли поставленъ въ столицѣ памятникъ, какъ Румянцову, Суворову и Кутузову; но это награда царская, а въ народѣ русскомъ еще не появлялся для него историкъ. Къ Барклаю-де-Толли до сихъ поръ всѣ какъ-то холодны, хотя и признаютъ великія его заслуги отечеству. Холодность эта происходитъ, можетъ быть, оттого, что онъ чужеземецъ. Я уже сказалъ однажды въ Сѣверной Пчелѣ, что Барклай долженъ имѣть своего Тацита.

Барклай-де-Толли (Barclay of Tolly) происходилъ отъ древней и знаменитой дворянской шотландской фамиліи, которой члены прославились въ своемъ отечествѣ на поприщѣ наукъ и въ войнахъ. Одинъ изъ Барклаевъ оставилъ Шотландію во время религіозныхъ преслѣдованій, въ семнадцатомъ столѣтіи, и поселился въ Ригѣ. Отъ него возникъ въ

Ригѣ родъ Баркляя-де-Толли. Въ Лифляндіи и Эстляндіи, встарину, *города* (Städte) соперничествовали съ *земствомъ* (Land), то есть съ осѣдлымъ дворянствомъ, и между *городами* и *земствомъ* часто доходило до открытой войны. Каждый городъ въ Лифляндіи до сихъ поръ имѣетъ свои отдѣльныя права и привиллегіи, во многомъ не согласныя съ потребностями дворянства, пользующагося также отдѣльными правами и привиллегіями. Во время этого соперничества между городами и земствомъ образовалось въ нѣкоторыхъ городахъ, особенно въ Ригѣ, Ревелѣ и Перновѣ, особое высшее сословіе гражданъ, которые называли себя *патриціями* и занимали важнѣйшія городскія должности. Это была городская аристократія, память которой осталась до сихъ поръ. Фамилія Баркляя-де-Толли принадлежала къ этой гражданской аристократіи, (*bürgerliche Aristocratie*). Современни присоединенія Лифляндіи и Эстляндіи къ Россіи, когда иностранцевъ вообще чужеплеменниковъ охотно принимали въ русскую службу и особенно отличали, преимущественно при могущественномъ Биронѣ, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, многіе изъ остзейскихъ гражданъ вступили въ военную и гражданскую службу, и нѣкоторые изъ нихъ дослужились до высокихъ чиновъ. Остзейскихъ гражданъ принимали прежде на правахъ дворянъ, по рекомендаціи генераловъ, записывавшихъ ихъ въ службу, и даже до половины царствованія Императора Александра, остзейскіе граждане, разумѣется вышшаго сословія, вступали въ службу юнкерами, по свидѣтельству ландъ-маршала и нѣсколькихъ дворянъ, безъ всякихъ справокъ. Изъ отставныхъ русскихъ офицеровъ и чиновниковъ образовалось въ остзейскихъ губерніяхъ русское дворянство (*russischer Adel*), которое, однако жъ, не пользуется ни какими мѣстными правами и привиллегіями остзейскаго дворянства, если фамилія не принята въ члены его и не записана въ родословную дворянскую книгу, или *Matrikel*.

Фамилія Баркляя-де-Толли раздѣлялась на двѣ отрасли. Одна занималась торговлею, а другая посвятила себя государственной службѣ. Отецъ Михаила Богдановича Баркляя-де-Толли (въ послѣдствіи князя и фельдмаршала) былъ отставной русской службы поручикъ. Онъ скончался въ 1775 году, оставивъ трехъ сыновей, вступившихъ въ военную службу. Два брата не дожили до возвышенія третьяго. Старшій

скончался въ чинѣ генераль-маіора, младшій въ чинѣ маіора артиллеріи. Средняго, Михаила, родившагося въ 1761 году, взялъ на воспитаніе дядя, братъ его матери, бригадиръ фонъ Вермеленъ, и записалъ, по тогдашнему обычаю, въ службу, въ дѣтскомъ возрастѣ, въ 1769 году, вахмистромъ въ новотроицкій кирасирскій полкъ. Въ 1778 году онъ произведенъ въ корнеты, въ псковскомъ карабинерномъ полку, въ который былъ переведенъ изъ новотроицкаго кирасирскаго, и чрезъ восемь лѣтъ, то есть въ 1786, въ поручики, съ переводомъ въ финляндскій егерскій корпусъ, имѣя уже двадцать пять лѣтъ отъ рожденія. Получивъ первый офицерскій чинъ, Барклай продолжалъ заниматься науками, подъ руководствомъ своего дяди, изучалъ исторію, военныхъ писателей, артиллерію и инженерное дѣло. Лучшимъ доказательствомъ того, что Барклай-де-Толли былъ на счету ученыхъ офицеровъ, служить назначеніе его адъютантомъ, съ чиномъ капитана, къ вступившему тогда въ русскую службу генераль-поручикомъ, прицу Ангальтъ-Бернбургскому, родственнику Императрицы Екатерины-Второй. Съ нимъ онъ отправился въ блистательную екатеринославскую армію, состоявшую подъ начальствомъ знаменитаго князя Потемкина, и при первомъ случаѣ отличившись, получилъ за штурмъ Очакова (6 декабря 1788) Владиміра четвертой степени и чинъ секундъ-маіора. Пробывъ два года въ турецкой арміи, Барклай, съ своимъ генераломъ, перешелъ (въ 1790 году) въ финляндскую армію, въ которой ему поручено было важное при тогдашнемъ устройствѣ войска званіе дежурнаго маіора. Здѣсь онъ также отличился при первомъ представившемся случаѣ. Въ сраженіи подъ Пардакоски (8 Апрѣля), онъ ввелъ въ дѣло резервъ въ самую критическую минуту, и возстановилъ битву. За отличіе въ этомъ дѣлѣ онъ произведенъ въ премьеръ-маіоры. Во время дѣйствія русскихъ войскъ противу польскихъ конфедератовъ (1794 года), Барклай-де-Толли снова отличился, и получилъ Георгія четвертаго класса и чинъ подполковника, съ назначеніемъ командиромъ перваго батальона эстляндскаго егерскаго корпуса. Послѣ переименованія этого баталіона, сперва въ двадцать-четвертый, а потомъ въ третій егерскій полкъ, Барклай-де-Толли назначенъ шефомъ полка (въ 1799), и командовалъ имъ до своего производства въ генераль-лейтенанты (1807 года). Императоръ Павелъ-Первый произвелъ Барклая-де-Толли, безъ очереди,

въ полковника (въ 1798) и въ генераль-маіоры (1799 года), и въ этомъ числѣ онъ началъ кампанію 1806 года.

Беннигсенъ зналъ Барклая-де-Толли еще съ Очаковскаго штурма, и высоко цѣнилъ его достоинства. Въ чудную борьбу съ первымъ полководцемъ нашего времени, съ Наполеономъ, Беннигсенъ поручилъ Барклаю самый трудный и самый почетный постъ начальника авангарда, при движеніи впередъ къ Пултуску, и начальника арріергарда, при отступленіи къ Прейсишъ-Эйлау. Барклай-де-Толли выполнилъ свое дѣло блистательно, содѣйствовавъ славѣ нашего оружія въ сраженіи подъ Пултускомъ, и выдерживая, съ удивительнымъ мужествомъ, напоръ цѣлой французской арміи, при отступленіи нашихъ къ Прейсишъ-Эйлау. Будучи почти разгромленъ превосходными силами непріятеля, подъ Янковомъ и Ландсбергомъ (23 и 24 января 1807 года), онъ удивилъ и своихъ и непріятелей своею стойкостью и непоколебимымъ упорствомъ. Жертвуя собою и своимъ корпусомъ, Барклай-де-Толли далъ время нашей арміи собраться за Прейсишъ-Эйлау, и въ знаменитомъ сраженіи подъ этимъ городомъ онъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ нашему успѣху, защищая городъ съ величайшимъ упорствомъ. Здѣсь онъ былъ раненъ пулею въ правую руку, съ раздробленіемъ кости (26 января), и былъ принужденъ оставить армію. За Пултускъ онъ былъ награжденъ Георгіемъ третьяго класса, за Прейсишъ-Эйлау Владиміромъ второй степени и прусскимъ орденомъ Краснаго Орла, а за всю кампанію произведенъ въ генераль-лейтенанты и назначенъ начальникомъ шестой пѣхотной дивизіи (9 апрѣля 1807 года).

Въ прусской войнѣ Барклай-де-Толли пріобрѣлъ славу не только храбраго, но и искуснаго генерала. Наполеонъ, въ Тильзитѣ, хотѣлъ знать, кто командовалъ русскимъ арріергардомъ при отступленіи къ Прейсишъ-Эйлау, и сказалъ, что это долженъ быть отличный генералъ. И точно, вѣтъ награды Барклай-де-Толли заслужилъ отличіемъ. Суворовскій авангардный генералъ, князь Багратионъ, послѣ Пултуска и Прейсишъ-Эйлау, питалъ высокое уваженіе къ Барклаю-де-Толли, и относился о немъ съ величайшею похвалою. Съ этою славою вступилъ Барклай-де-Толли въ Финляндію, и поддержалъ ее при наступленіи на Куопію и при защитѣ этого города.

Барклай-де-Толли былъ высокаго роста, держался всегда

прямо, и во всѣхъ его приѣмахъ обнаруживалась важность и необыкновенное хладнокровіе. Онъ не терпѣлъ торопливости и многорѣчія ни въ себѣ, ни въ другихъ, говоритъ медленно, мало, и требовалъ, чтобъ ему отвѣчали на его вопросы кратко и ясно. Хотя въ это время (1808 года), ему было только сорокъ-семь лѣтъ отъ рожденія, но, по лицу, онъ казался гораздо старѣе. Онъ былъ блѣденъ, и продолговатое лицо его было покрыто морщинами. Верхняя часть его головы была безъ волосъ, и онъ зачесывалъ ихъ съ висковъ на маковку. Онъ носилъ правую руку на перевязи изъ черной тафты, и его надлежало подсаживать на лошадь, и поддерживать когда онъ слѣзалъ съ лошади, потому что онъ не владелъ рукою. Съ подчиненными онъ былъ чрезвычайно ласковъ, вѣжливъ и кротокъ, и когда даже бывалъ недоволенъ солдатами, не употреблялъ бранныхъ словъ. Въ наказаніяхъ и наградахъ онъ соблюдалъ величайшую справедливость, былъ челоуѣколюбивъ, и радѣлъ о солдатахъ, требуя отъ начальниковъ, чтобъ все, что солдату слѣдуетъ, отпускаемо было съ точностью. Съ равными себѣ онъ былъ вѣжливъ и обходителенъ, но ни съ кѣмъ не фамиліарился и не дружился. Барклай-де-Толли велъ жизнь строгую, умѣренную, никогда не предавался ни какому излишеству, не любилъ большихъ обществъ, гнушался волокитствомъ, карточною игрою, но на разгульную жизнь молодежи смотрѣлъ сквозь пальцы, не допуская, однако жъ, явнаго разврата. Отъ старшихъ требовалъ онъ примѣрнаго поведенія, и не повѣрялъ ни какой команды гулякамъ. Бережливость Барклая-де-Толли была въ самыхъ тѣсныхъ границахъ, и многіе упрекали его въ скупости. Мнѣ кажется, что только одинъ упрекъ Барклаю-де-Толли былъ справедливъ, и именно— въ излишнемъ пристрастіи къ землякамъ своимъ, Остзейцамъ. Въ слѣдствіе привязанности къ своей супругѣ (изъ дворянской фамиліи фонъ-Смиттевъ), онъ всегда окружалъ себя Остзейцами, и предоставлялъ имъ случаи къ отличію. И то должно сказать, что они оправдывали выборъ, отличаясь всегда, жертвуя охотно жизнью, для славы русскаго оружія. Исключенія такъ ничтожны, что о нихъ не стоитъ упоминать. Мы, молодые офицеры, прозвали Барклая-де-Толли квакеромъ.

Барклай-де-Толли созданъ былъ для командованія войскомъ. Фигура его, голосъ, приемы, все внушало къ нему уваженіе и довѣренность. Въ сраженіи онъ былъ такъ же

спокоешь, какъ въ своей комнатѣ или на прогулкѣ. Разъѣзжая на лошади шагомъ, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, онъ не обращалъ ни какого вниманія на непріятельскіе выстрѣлы, и кажется вполне вѣрилъ русской солдатской поговоркѣ: пулявиноватаго найдетъ. Третій егерскій полкъ обожалъ своего стараго шефа, и кто только былъ подъ его начальствомъ, тотъ непременно долженъ былъ полюбить своего храбраго и справедливаго начальвика. Онъ, однакожъ, никогда не могъ быть народнымъ или популярнымъ начальникомъ, потому что не имѣлъ тѣхъ славянскихъ качествъ, которыя восхищаютъ русскаго солдата и даже офицера, именно веселости, шутливости, живости, и не любилъ нашихъ родныхъ *авось и какъ нибудь*. Русская пѣсня не имѣла для Барклай-де-Толли ни какой прелести. Быстрые порывы храбрости онъ старался умѣрять, зная, что они могутъ повести къ гибели, и приучалъ солдатъ къ стойкости и хладнокровному мужеству. За нарушеніе военной дисциплины, за обиды жителей и за ослушаніе онъ былъ неумолимъ. У насъ иногда бываетъ полезно пѣкоторое фанфаронство или хвастовство, внушая солдату самонадѣянность и закрывая передъ нимъ опасность; а Барклай-де-Толли не могъ терпѣть ни какого фанфаронства и хвастовства. Онъ велъ войско въ сраженіе не какъ на пиръ, но какъ на молитву, и требовалъ отъ воиновъ важности и обдуманности въ дѣлѣ чести, славы и пользы отечества. Барклай-де-Толли достоинъ былъ предводить легіонами Цесаря, и Плутархъ или Тацитъ, изображеніемъ его характера, украсили бы краснорѣчивыя страницы своего повѣствованія.

Я не служилъ подъ начальствомъ генерала Тучкова 1, въ Куоціо. Прибывъ на смѣну Барклай-де-Толли, онъ привезъ съ собою приказаніе главнокомандующаго, выслать немедленно отрядъ на подкрѣпленіе корпуса генерала графа Николая Михайловича Каменскаго, который въ то же время смѣнилъ генерала Раевского. Генералъ Тучковъ отрядилъ третій егерскій полкъ, одинъ батальонъ низовскаго мушкетерскаго и два эскадрона нашего полка (нашъ, командирскій, и эскадронъ князя Манвелова), поручивъ начальство надъ отрядомъ командиру третьяго егерскаго полка, подполковнику Ивану Васильевичу Сабанѣеву, и мы во второй половинѣ іюня выступили изъ Куоціо, по той же дорогѣ, по которой шелъ прежде Барклай-де-Толли, для подкрѣпленія Раевска-

го, а именно чрезъ Раутадамби и Койвисто, въ Саріарви, для поступленія въ авангардъ графа Каменскаго, которымъ въ это время командовалъ полковникъ Властовъ. Намъ надлежало пройти около двухъ-сотъ верстъ внутренностью взбутованнаго края, по мѣстамъ, намъ вовсе неизвѣстнымъ, не зная даже гдѣ находится армія графа Клингспора и его отдѣльные отряды и партизаны. Когда мы вышли за городъ, Иванъ Васильевичъ Сабанѣевъ перекрестился и сказалъ: «съ нами Богъ.»

IV.

Взглянемъ бѣгло на тогдашнюю Финляндію.

Древнее отечество финскаго племени, одного изъ многочисленнѣйшихъ въ мірѣ—Азія, отъ горъ Уральскихъ и восточнаго берега Каспійскаго Моря до моря Охотскаго и Камчатки, между Ледовитымъ моремъ и полосой горъ, перерѣзывающихъ Среднюю Азію. Племя финское есть отрасль племени монгольскаго, какъ доказано даже сходствомъ череповъ *. Древніе Югры, или Угры, и Гунны были, безъ сомнѣнія, финскія племена. До шестаго вѣка по Рождествѣ Христовѣ Финны занимали все пространство средней полосы Россіи, то есть всѣ страны, обитаемыя нынѣ Великороссіанами, и это доказывается финскимъ наименованіемъ рѣкъ и урочищ *. Оттѣсненныя славянскими племенами изъ средней полосы Россіи, финскія племена подвинулись на сѣверъ, и разсѣялись ордами на всемъ пространствѣ. Исключая малаго числа шведскихъ Лопарей, теперь всѣ финскія племена входятъ въ составъ народонаселенія Россійской Имперіи, подъ различными племенными прозваніями, данными имъ чужеплеменниками. Ижора (или Ижерцы, въ петербургской губерніи), Эстонцы (или Чудь, въ губерніяхъ эстляндской и части лифляндской), Финны и Карелы (въ Финляндіи), Лапландцы, Чуваши, Черемисы, Мордва, Зыряне, Вогуличи, Вотяки, Остяки, всѣ одного происхожденія, и вездѣ сами себя называютъ *туземцами*. Весьма замѣчательно, что финское племя только въ одной Венгріи, или Угріи, образовало государство, но и

* См. Россія въ Истор., Статист., Географ. и Литерат. отношеніяхъ.

* См. тамъ же.

то въ соединеніи съ другими племенами, подъ руководствомъ Германцевъ и при помощи Славянъ. Аттила, влача за собою емсь всѣхъ сѣверныхъ народовъ, разрушалъ, а не созидаль государства, и вездѣ стоялъ лагеремъ. Причина этому въ характерѣ финскаго племени. Финны угрюмы, не общительны, любятъ уединеніе, живутъ отдѣльно, семействами, и никогда не строятъ ни городовъ, ни большихъ селъ. Лѣсъ и вода имѣютъ для Финна необыкновенную прелесть, и онъ тогда только счастливъ и доволенъ, когда можетъ жить въ лѣсу, на берегу большого озера. Въ глубокой древности они подчинялись родовымъ старшинамъ, но не имѣли никогда владыкъ. Шведы, покоривъ окончательно Финляндію (въ началѣ четырнадцатаго вѣка) *, построили въ Финляндіи города. Древнѣйшій городъ въ Финляндіи—Выборгъ, основанный, однако жъ, Датчанами, въ 1229 году, Кексгольмъ въ 1295 году, а послѣ нихъ Борго, въ 1346 году, и Або, котораго время основанія относится также къ XIV вѣку. Церковь въ Торнео построена въ 1350 году, но селеніе получило право города только въ 1621 году. Улеаборгъ построенъ въ 1605 году, Каая въ 1660, Брагештадтъ въ 1649, Гамле-Карлеби въ 1620, Нью-Карлеби въ 1614, Якобштадтъ въ 1653, Ваза въ 1611, Христинестадтъ въ 1649, Таммерфорсъ въ 1779, Біернеборгъ въ 1558, Ньюштадтъ въ 1617, Ловиза въ 1745. Гельсингфорсъ, основанный въ 1550 году, сдѣлался значительнымъ городомъ со времени покоренія Финляндіи Русскими, а прежде былъ малымъ мѣстечкомъ. Свеаборгъ основанъ въ 1749 году, Тавастгузъ въ 1650, Нюшлотъ въ 1475, Куопіо въ 1776, Вильманstrandъ въ 1656 году. Какъ большая часть городовъ построена въ семнадцатомъ вѣкѣ, то должно полагать, что съ этихъ поръ началась прочная гражданственность въ Финляндіи. Въ новой Финляндіи было, въ 1808 году, около 1,000,000 жителей, и въ городахъ обитало не болѣе 60,000 душъ обоего пола, почти исключительно Шведовъ и часть Финновъ, усвоившихъ шведскіе языкъ, нравы и обычаи. Только городъ Або имѣлъ около 11,000 и Улеаборгъ до 4,500 жителей. Прочіе города были тогда, какъ и теперь, весьма слабы народонаселеніемъ, и

* Покореніе началось съ 1157 года, при шведскомъ королѣ Эрикѣ двенадцатомъ или Святонѣ, въ цѣли утвержденія христіанской вѣры въ Финляндіи.

множество селъ и деревень въ Россіи многолюднѣе финляндскихъ городовъ.

Лучшія мѣста въ Финляндіи по морскому берегу, то есть Ньюландскую губернію, провинцію Остерботенъ (Восточную Ботнію) и Аландскіе Острова, заняли покорители края, Шведы, и по мѣрѣ утверженія въ Швеціи просвѣщенія и гражданственности, распространяли ихъ между туземцами, по возможности. Но просвѣщеніе слабо проникало въ массы туземцевъ, по отвращенію ихъ отъ общежительности, по врожденной ненависти ко всѣмъ иноплеменникамъ, и по недостатку сообщенія между разсѣянными на огромномъ пространствѣ жителями. Только религія глубоко вкоренилась въ сердцахъ Финновъ, и одни пасторы сильно дѣйствовали на умы, говоря съ туземцами ихъ языкомъ. Это одна нравственная власть, которую Финны признавали по внутреннему убѣжденію.

Абоскій университетъ въ теченіе двухъ-сотъ пятидесятилѣтняго своего существованія, пролилъ много свѣту въ Финляндіи, но болѣе на Шведовъ. Науки преподавались въ университетѣ на шведскомъ языкѣ, и хотя въ школахъ обучали финскому языку и при университетѣ былъ также лекторъ этого языка, но финскій языкъ не былъ никогда ни официальнымъ, ни общежительнымъ. Изучали его люди, посвящавшіе себя духовному званію и провинціальной гражданской службѣ. Помѣщики и купцы знали его изъ употребленія. Въ теченіе врмени образовалась финская литература, духовная и свѣтская, изъ сочиненій и переводовъ людей, обучавшихся въ университетѣ. Для Финновъ издавалась официальная газета на финскомъ языкѣ, и всѣ распоряженія правительства всегда издаваемы были на двухъ языкахъ, шведскомъ и финскомъ; но все просвѣщеніе, вся гражданственность, вся торговля и промышленность края сосредоточены были на морскомъ берегу и въ маломъ числѣ городовъ, между шведскими переселенцами и гражданами финскаго происхожденія, принявшими шведскіе нравы и обычаи. Тѣ изъ образованныхъ людей, которые теперь съ гордостью или удальствомъ называютъ себя Финнами, то есть Финляндцами, тогда бы обидѣлись, если бъ ихъ назвали Финнами. Каждый, имѣвшій притязаніе на образованность или на значеніе, называлъ себя Шведомъ. Внутри края, тамъ гдѣ господствуетъ финскій языкъ, просвѣщеніе и образованность утвержде-

ны были только въ дворянствѣ, духовенствѣ, чиновникахъ военныхъ и гражданскихъ. Поселяне вообще были грубы, суровы и въ сѣверной и въ сѣверовосточной части Финляндіи (Калянской области, Саволакскъ и Карелии), невѣжественны почти до дикости, суевѣрны и мстительны до крайности. На Руси издревле ведется повѣрье, что всѣ Финны колдуны, и Пушкинъ въ поэмѣ: Русланъ и Людмила вывелъ на сцену Финна. Это характеризуетъ Финновъ.

Швеція извлекала изъ этой страны великую пользу, все, что можно было извлечь, и ничѣмъ не помогала Финляндіи, которая претерпѣвала всегда опустошенія въ войнахъ съ Россіей, со времени новгородскаго владычества на сѣверѣ до Петра-Великаго, и истощалась въ дальнихъ войнахъ Шведовъ, не приобретаая никогда ни какихъ выгодъ. Редукціонная система * при Карлѣ-Одиннадцатомъ (во второй половинѣ семнадцатаго вѣка), породила въ дворянствѣ и всѣхъ властителяхъ земли ненависть и недовѣрчивость къ правительству, обнаруживавшуюся неоднократно, при каждомъ случаѣ. Шведское правительство не заводило и не ободряло никакой фабричной и мануфактурной промышленности въ Финляндіи, предоставляя Шведамъ снабжать эту страну всѣми ея потребностями. Мореплаваніе также было въ рукахъ Шведовъ. Подата, по бѣдности края, были велики. Финляндія доставляла Швеціи строевой и корабельный лѣсъ, топливо для Стокгольма, рожь, овесъ, деготь, смолу, коровье масло и рогатый скотъ, и, что всего важнѣе, отличнѣйшихъ матросовъ и храбрыхъ солдатъ. Земледѣліе было тогда на всемъ сѣверѣ въ

* Я говорилъ неоднократно въ Сѣверной Пчелѣ и въ отдѣльныхъ номерахъ сочиненій о редукціонной комиссіи. Карлъ-Десятый выдумалъ, а Карлъ-Одиннадцатый началъ приводить въ исполненіе мѣру, принятую для обогащенія обѣдѣвшей казны, отнятіемъ недвижимыхъ имѣній у владельцев, которые не могли доказать формальными актами правъ своихъ на независимое отъ казны владѣніе помѣстьями. Купчія крѣпости не принимались въ уваженіе. Даже жалованныя властителями страны имѣнія были отнимася, если не было ясныхъ доказательствъ на вѣчное право. Въ Финляндіи и Эстляндіи это произвело страшное замѣшательство, потому что многія имѣнія были приобретены правотъ замосаніи первыми рыцарями, и перешли въ сотны руки. Это было главною причиною возстанія Паткула противу Швеціи. Въ Финляндіи многія имѣнія были даны шведскимъ чиновникамъ въ древности, для водворенія между дикими Финнами христіанства и шведскаго порядка. И послѣ нѣсколькихъ вѣновъ стали разсматривать права собственности!

плохомъ состояніи, но все же Финляндія была житницею прибрежной Швеціи.

Богатыхъ людей было весьма мало въ Финляндіи, и тѣ, по большей части, жили въ Стокгольмѣ, по крайней мѣрѣ часть года, издерживая свои доходы внѣ страны. Ни въ одной странѣ не живутъ такъ скромно и умѣренно, какъ жили даже достаточные люди въ Финляндіи, во время покоренія Русскими сей страны. Почти всѣ дома въ городахъ и помѣстьяхъ были деревянные, самой простой постройки. Домъ обыкновенно красился темно-красною водяною краскою (извлекаемою изъ желѣзной руды), а ставни, ушаки, двери, углы дома и крыша черною краскою. Это единообразіе и мрачное сочетаніе красокъ возбуждало въ насъ какое-то непріятное чувство. Мебель краснаго дерева, съ бронзой (какъ тогда было въ модѣ во всей Европѣ), я видѣлъ только *два раза*. Паркетовъ вовсе не знали тогда въ Финляндіи. Мебель была простая, прочная, такъ сказать, вѣковая, — или березовая, или дубовая, или крашеная сосновая. Картинъ, статуй я вовсе не видалъ, хотя былъ въ богатыхъ домахъ. Свѣжіи хлѣбъ былъ рѣдкостью, и его можно было достать только въ городѣ, а пиво почиталось роскошью. Богатые и бѣдные ѣли сушенныя лепешки (кнакебре), какъ въ Швеціи, и пили напитокъ, называемый *швадрикомъ*, нѣчто въ родѣ квасу или слабого пива. Молоко, сушеная и соленая рыба, соленое и сушеное мясо составляли обыкновенную пищу бѣднаго и богатаго. Разница была въ качествѣ припасовъ и приготовленіи. Достаточные и роскошные люди на пиррахъ пили крѣпкія испанскія и португальскія вина, но вообще въ гостяхъ, даже за обѣдомъ, подчивали пуншемъ, теплымъ и холоднымъ. Жиденькій кофе пили всѣ, даже поселяне, на морскомъ берегу. Водки было много, потому что всѣ крестьяне имѣли право гнать вино, и почти каждый изъ нихъ пользовался своимъ правомъ, перегоняя въ вино часть своей ржи. На морскомъ берегу, особенно въ Остерботніи, много было зажиточныхъ поселянъ, которые жили въ двухъ-этажныхъ деревянныхъ, чистыхъ домахъ. У многихъ были клавикорды и библіотека. Тѣ крестьяне, которые были избраны на сеймъ, въ Стокгольмѣ, всю жизнь носили медали, и были всѣми уважаемы. Почти всегда избирали крестьянъ на сеймы изъ шведскихъ переселенцевъ, потому что внутри края весьма немногіе знали шведскій

языкъ. Это льстило самолюбію народа, но въ существѣ не приносило ни какой пользы, и жалобы Финляндцевъ на сеймъ замирали, какъ эхо!

Изъ исторіи Швеціи видно, что шведское дворянство, вообще бѣдное, рѣдко противостояло искушенію, когда иностраннымъ державамъ надобны были голоса на сеймѣ. Всѣмъ памятна борьба *partii шляхъ* и *partii шапокъ*, при Густавѣ Третьемъ. Бунтъ въ Финскомъ войскѣ, возбужденный офицерами изъ финляндскихъ дворянъ, когда Густавъ Третій хотѣлъ вторгнуться въ предѣлы Россіи (какъ я говорилъ выше) доказываетъ, что и въ Финляндіи господствовалъ тотъ же духъ, что и въ Швеціи. Вообще финляндское дворянство не было до такой степени расположено къ шведскому правительству, чтобъ жертвовать для него жизнью и состояніемъ, и многіе финскіе офицеры составили уже заговоръ въ арміи графа Клингспора, во время его отступленія до Сикайоки, для возвращенія въ свои семейства. Только пасторы сильно были привязаны къ Швеціи, и они одни удерживали народъ отъ покорности Русскимъ, и возбуждали его къ защитѣ края и къ истребленію непріятеля. Правда, дворянство и горожане вообще не доброжелательствовали тогда Русскимъ, вошедшимъ въ страну съ оружіемъ въ рукахъ, в нежелали присоединенія края къ Россіи; но, исключая Вазы, горожане не вмѣшивались въ войну, а неслужащіе дворяне были еще смиреннѣе. Каждый трепеталъ за свою собственность, и былъ радъ, когда его не беспокоили, и когда онъ могъ продать что либо на наличныя русскія деньги.

Вѣковыя войны, происходившія съ Русскими, и прежній варварскій способъ веденія войны укоренили въ Финляндцахъ предразсудки на счетъ Русскихъ. Насъ почитали дикарями, почти людоедами, кровожадными и хищными, и никакъ не хотѣли вѣрить нашему европейскому образованію, почитая всѣхъ благовоспитанныхъ офицеровъ иностранцами или иноплеменными подданными Россіи. О русскомъ правительствѣ также не имѣли ни какого понятія, представляя себѣ все въ самомъ дурномъ и преувеличенномъ видѣ. Но, при всѣхъ враждебныхъ къ намъ чувствахъ и при общемъ желаніи остаться подъ шведскимъ правительствомъ, въ высшемъ, то есть образованномъ сословіи не было той народной гордости и того патріотизма, а въ простомъ народѣ того фанатизма, которыми одушевился въ томъ же году на-

родъ испанскій противу Наполеона; не было энергій, свойственной южнымъ народамъ. Энтузіасмъ въ Финляндіи вспыхнулъ, и по мѣрѣ побѣдъ нашихъ сталъ затихать, и погасъ. Въ Испаніи, напротивъ, побѣды Французовъ усиливали ненависть къ нимъ, и возбуждали народъ къ возстанію и сопротивленію

Нравственность Финляндцевъ вообще была безукоризненная. Примѣрные христіане, вѣрные блюстители законовъ, твердые въ словѣ, честные во всѣхъ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ, Финны могли служить примѣромъ для гражданскихъ обществъ. И за эти похвальные качества обязаны они своему духовенству, самому просвѣщенному въ Европѣ. Говоря то, что мнѣ кажется истиною, я долженъ также высказать, что женскій полъ, особенно въ среднемъ сословіи, не разделялъ съ мужчинами ненависти къ намъ, и что вообще любовь разрѣшала тогда въ Финляндіи многое, запрещаемое строгою нравственностью. Но и то должно сказать, что въ уединенной, холодной Финляндіи такъ мало развлеченій, такъ мало забавъ, такъ все единообразно и скучно, что красавицъ съ живымъ характеромъ трудно устоять противу искушеній любви. Эта слабость, однако жъ, выкупается тысячею похвальныхъ качествъ. Слѣдующій анекдотъ покажетъ самое странное смѣшеніе противоположностей.

Когда мы съ Барклаемъ-де-Толли заняли Куопіо, полковникъ Сандельсъ оставилъ при тюрьмѣ караулъ, съ запиской, что онъ передаетъ охраненіе преступниковъ и обвиненныхъ въ преступленіи Русскимъ, и увѣренъ, что начальникъ русскаго отряда отошлетъ къ нему его солдатъ. Барклай-де-Толли, разувѣясь, отослалъ къ Сандельсу шведскій караулъ, и поставилъ свой. Наряжонъ былъ въ караулъ одинъ изъ моихъ пріятелей, офицеръ ревельскаго мушкетерскаго полка. На другое утро, проходя мимо тюрьмы, я увидѣлъ его передъ воротами, и онъ разказомъ своимъ возбудилъ во мнѣ любопытство и желаніе осмотрѣть тюрьму. Мы вошли во внутренность тюрьмы, раздѣленной на двѣ половины, женскую и мужскую. Уличенные и уже осужденные преступники содержались отдѣльно, въ малыхъ каморкахъ, а въ залахъ были только обвиненные въ преступленіяхъ и подсудимые. Стѣны въ залахъ были расписаны изображеніями страшнаго суда, сценами адскихъ мученій. Черти, представленныя въ видѣ рогатыхъ и крылатыхъ негровъ, жарили на

вертелехъ и на сковородахъ и варили въ котлѣхъ несчастныхъ преступниковъ и преступницъ; дикіе звѣри и гады грызли ихъ... Живопись была хуже самаго предмета! Въ концѣ каждой залы была каедрa, съ которой пасторъ проповѣдовалъ, два раза въ недѣлю. Потолокъ изображалъ небо, для раскаявшихся и сознавшихся въ преступленіи. Осматривая все устройство тюрьмы; я замѣтилъ, между обыкновенными въ преступленіи, дѣвушку лѣтъ двадцати, необыкновенной красоты. Между караульными солдатами былъ Финляндецъ, изъ Выборгской губерніи, и я чрезъ него узналъ, что молодая дѣвушка обвинена въ дѣтоубійствѣ, но не сознается, и утверждаетъ, что на нее донесъ, изъ шпенія, одинъ развратный сидѣлецъ, за то, что она не хотѣла быть его любовницею. Красота убѣдительнѣе всякаго краснорѣчія: я повѣрилъ дѣвушкѣ на слово, и уговорилъ пріятеля выпустить ее на волю. Это было легко въ военное время, особенно на первыхъ порахъ, когда не успѣли ни сосчитать, содержащихся въ тюрьмѣ, ни передать ихъ въ какое нибудь вѣдомство. Пріятель, такой же молодой вѣтренникъ, какимъ былъ тогда я, согласился, мы выпустили дѣвушку, и дали ей нѣсколько рублей на дорогу. Въ нашемъ офицерскомъ кругу мы посмѣялись этому, и позабыли чрезъ нѣсколько дней.

Когда въ Куопіо учрежденъ былъ нѣкоторый порядокъ, стали наряжать офицеровъ для дежурства по тюрьмѣ и по госпиталю. Пришла очередь и мнѣ; вообразите мое удивленіе, когда, посѣтивъ тюрьму, уже по должности, я увидѣлъ выпущенную по моей просьбѣ дѣвушку! Съ мною былъ переводчикъ, и я сталъ спрашивать дѣвушку.

— Кто тебя посадилъ снова въ тюрьму?

— Я сама возвратилась.

— Зачѣмъ?

— Когда вы выпустили меня, я пошла къ матери, въ трехъ миляхъ отсюда, но ни одна душа не хотѣла говорить со мною, и даже подружки отворачивались отъ меня. Въ воскресенье, крестьяне не пустили меня въ церковь. Мать моя повела меня къ пастору, чтобъ посоветоваться, что мнѣ дѣлать, и пасторъ сказалъ, что только судъ можетъ выпустить меня на волю, и что я прогнѣваю Бога и буду на всю жизнь несчастна, если избѣгну суда недозволенными средствами. «Если ты беввиша, сказалъ пасторъ, Богъ откроетъ твою

«Безвинность законнымъ судьямъ, а если ты виновата, то земное наказаніе, при твоёмъ раскаяніи, очиститъ твою душу.» Я безвинна, и потому, въ надеждѣ на помощь Божью, возвратилась въ тюрьму...

Это простодушіе тронуло меня до глубины души. Немедленно пошелъ я къ генералу Рахманову, рассказалъ ему откровенно все случившееся, и просилъ войти въ положеніе дѣвушки, наказать меня за то, что я уговорилъ пріятеля выпустить ее изъ тюрьмы. Добрый Рахмановъ также приведенъ былъ въ умиленіе поступкомъ дѣвушки. Финскаго суда не было въ Куопіо, но онъ пригласилъ въ Куопіо того самаго пастора, который внушилъ страхъ Божій дѣвушкѣ, и подъ его предсѣдательствомъ составилъ комиссію, изъ нѣсколькихъ гражданъ, оставшихся въ городѣ. По слѣдствію оказалось, что дѣвушка точно родила преждевременно, мертвого младенца, и отъ стыда скрываетъ это. Помогавшая ей при родахъ женщина подтвердила присягою, что младенецъ родился мертвымъ, и дѣвушку оправдали. Добрый пасторъ взялся уговорить своихъ прихожанъ, чтобъ они простили кающуюся проступокъ и не чуждались ея общества, и увезъ ее съ собою. Душевно и искренно обнялъ я добраго пастора, и поблагодарилъ другихъ членовъ комиссіи. Наши офицеры сложили до двухъ сотъ рублей на приданое прекрасной грѣшницѣ.

Вотъ еще характеристическія черты тогдашнихъ Финляндцевъ. Разнесся слухъ, что полковникъ Фіандтъ, командовавшій отдѣльнымъ отрядомъ на лѣвомъ флангѣ графа Клингспора, раненъ въ сраженіи, и скрывается по близости Куопіо, (гдѣ онъ имѣлъ помѣстье) у своихъ родственниковъ. Генералъ Рахмановъ выслалъ меня, со взводомъ, къ одному изъ этихъ родственниковъ, на котораго падало подозрѣніе, что онъ укрываетъ полковника Фіандта, приказавъ мнѣ взять его, или, по крайней мѣрѣ, удостовѣриться въ справедливости этихъ слуховъ. Мыза этого родственника, тогдашняго нашего врага, находится верстахъ въ двадцати отъ Куопіо, среди лѣсовъ. Исполненіе предоставлено было моему юношескому благоразумію. Добрый генералъ Рахмановъ былъ расположенъ ко мнѣ, и хотѣлъ предоставить мнѣ случай къ отличію. Въ руководители данъ былъ мнѣ гнусный шпионъ, неизвѣстно какого происхожденія. Онъ называлъ себя отставнымъ шведскимъ офицеромъ. Одни говорили, что

онъ Датчанинъ, другіе увѣряли, что онъ Жидъ, перекрестъ; изъ Гамле-Карлеби. Я отправился съ разсвѣтомъ, по проселочной дальней дорогѣ, чрезъ лѣса, чтобъ обойти мызу, принимая всевозможныя предосторожности, но болѣе всего остерегаюсь моего путеводителя, котораго отвратительная физиономія и ремесло возбуждали во мнѣ ужасъ, недоувѣрчивость и омерзѣніе. Лѣса Финляндіи на всегда остались въ моей памяти; они производили на меня тогда сильное впечатлѣніе. Это самый живой образъ дикости. Вѣковыя деревья, удивительной вышины и объема, сжатые въ иныхъ мѣстахъ въ одну массу, а кое-гдѣ рѣдкія, позволяющія взору проникать на далекое разстояніе, закрываютъ небо. Огромные камни и высокія скалы, покрытые мохомъ или поросшіе кустарникомъ, выгладываютъ, какъ привидѣнія, изъ чащи лѣса. Тутъ глубокіе овраги и лощины, далѣ красивыя лужайки, орошаемыя ручьями ключевой воды. При безвѣтріи, тишина лѣсовъ изрѣдка прерывается крикомъ или перелетомъ птицъ, или шелестомъ, производимымъ крупнымъ звѣремъ, а при повѣвахъ вѣтра слышится шумъ, какъ отъ взволновавшаго моря; во время бури страшный вой вихря и трескъ ломающихся сучьевъ и деревьевъ наводитъ какой-то страхъ на душу. *Es ist schauerlich*, какъ говорятъ Нѣмцы. Углубившись въ эти дремучіе лѣса, чувствуешь, что находишься въ нѣдрахъ первобытной природы, на сѣверѣ, куда одна крайность могла загнать человѣка. И вдругъ, среди этой сѣверной дикости и необитаемости, повѣетъ на васъ ароматомъ Индіи, запахомъ ананасовъ! Что это? Это *мамура*, самая вкусная и самая душистая въ мірѣ ягода. Большія пространства въ лѣсахъ покрыты этою ягодою и различными грибами, вкусными и ароматными. Это были наши магазины продовольствія во время этой голодной войны. Неизвѣстно, по какой причинѣ Шведы и Финны не употребляютъ въ пищу грибовъ, хотя шведскій знаменитый химикъ Берцелиусъ первый доказалъ, что грибы не только не вредны, но даже заключаютъ въ себѣ питательную силу (*chylus*), что прежде было отвергаемо. Дичи всякаго рода, крупной и мелкой, бездна въ этихъ неизмѣримыхъ лѣсахъ, но и хищныхъ звѣрей множество, и человѣкъ, живя въ этихъ дебряхъ, непременно долженъ одичать и огрубѣть, въ вѣчной борьбѣ съ суровымъ климатомъ, съ нуждою и съ дикими звѣрями. Всегдашній видъ мрачныхъ лѣсовъ и голыхъ камней стѣсняетъ воображеніе и сжи-

масть чувство. Голоса финскихъ пѣсень почти то же, что печальный крикъ nocturnalъ птицъ или грозный вой вихря, между деревьями. Народная поэзія финская выражаетъ грусть и уныніе.

Около двадцати верстъ шли мы лѣсомъ, но тропинкѣ, и отдыхали однажды при ручьѣ. Косы были у насъ всегда съ собою. Для лошадей мы накопили сочной травы, а уланы мои набрали грибовъ, и сварили ихъ съ крупою, которая была у насъ въ саквахъ. Разумѣется, что на отдыхѣ я соблюдалъ осторожность, разставилъ часовыхъ съ заряженными штуцерами, и приказалъ разmundштучивать лошадей пореже.

Находившійся при мнѣ лазутчикъ говорилъ хорошо по-нѣмецки, по-шведски, и могъ порядочно объясняться по-фински: у меня былъ, сверхъ того, проводникъ Финнъ, который долго жилъ въ Россіи, и говорилъ порядочно по-Русски. Его я принялъ въ переводчики. Онъ казался человѣкомъ добрымъ и простодушнымъ, однако жъ, обоимъ имъ я не слишкомъ довѣрялъ.

Наконецъ мы выѣхали на дорогу, пересѣкающую лѣсъ поперегъ, и повернули по ней на лѣво, отъ сѣвера къ югу. Проѣхавъ еще версты двѣ лѣсомъ, мы увидѣли передъ собою поляну, родъ оазиса въ этомъ лѣсу, въ объемѣ около шести квадратныхъ верстъ, и въ концѣ поляны, подъ лѣсомъ, деревушку, въ пять домовъ. Это уже называется въ Финляндіи большимъ селеніемъ! Въ пяти домахъ можетъ быть иногда до осмидесяти душъ обоюго пола, потому что въ каждомъ домѣ живетъ цѣлая фамилія, иногда отъ дѣда до правнука, съ работниками и работницами. Оставивъ взводъ подъ лѣсомъ, я поскакалъ къ деревушкѣ только съ лазутчикомъ, переводчикомъ и двумя уланами. Старость, или какихъ бы-то ни было старшинъ, нѣтъ въ разсѣянныхъ финскихъ селеніяхъ. Каждый хозяинъ въ домѣ самъ себѣ старшина. Въ Пруссіи мы обыкновенно обращались съ требованіемъ къ старшинѣ въ деревнѣ, къ шульцу, а здѣсь надлежало собирать всѣхъ хозяевъ. При нашемъ появленіи сдѣлалась суматоха въ селеніи, но мы не замѣтили ни какихъ непріязненныхъ покушеній. Нѣсколько мужчинъ вышли на дорогу, на встрѣчу мнѣ. Зная, что распросы мои о шайкахъ партизановъ будутъ напрасны, и что поселяне не только не скажутъ правды, но даже могутъ навести меня на непріятель-

ля, я запретилъ мнѣ толмачамъ всякіе распрѣсы, и потребовалъ только съѣстныхъ припасовъ и фуража, на величійя деньги. Мнѣ было отпущено двѣсти рублей ассигнаціями, мелкою серебряною монетою, именно для того, чтобъ не раздражать жителей фуражировкой, а напротивъ, привлечь деньгами на мою сторону. Поселяне, кажется, сперва усомнились въ истинѣ моего обѣщанія, но я велѣлъ унтеръ-офицеру развязать кожаный мѣшокъ съ деньгами. Звонъ серебряной монеты смягчилъ угрюмыхъ Финновъ. Намъ выпесли хлѣбнаго вина, кислого молока, лепешекъ (кнакебре), масла, и собрали около двухъ четвертей ячменя. Я велѣлъ моимъ уланамъ приблизиться и спѣшиться на ружейный выстрѣлъ отъ деревни. Тутъ они пообѣдали, накормили лошадей, по-очередно, а потомъ разсыпали ячмень по саквамъ. Все это происходило съ величайшими предосторожностями. Между деревней и уланами стояли часовые, съ заряженными штуцерами, и у всѣхъ улановъ были заряженные пистолеты за кушакомъ, на шуркахъ, то есть на витишкетахъ, а крестьянамъ запрещено было приближаться къ часовымъ и переходить за линію. Я вошелъ въ домъ, вооружась какъ въ сраженіи. Искренній мой пріятель, поручикъ Лопатинскій, смѣялся, когда я рассказывалъ ему о моей предосторожности, а потомъ занятыи жизнью за свою неосторожность! Я отвѣчалъ за жизнь двадцати-пяти человекъ. Крестьянамъ было объявлено, что при первомъ непріязненномъ поступкѣ съ ихъ стороны, я сожгу до тла деревню, и перебую безошадно всѣхъ, кто намъ ни попадется. Старики стали увѣрять насъ, что мы не должны ничего опасаться. Въ избѣ поданъ былъ мнѣ обѣдъ, соленая рыба, ячница и кислое молоко. Я сѣлъ за столъ, а вокругъ избы усѣлись, на скамьяхъ, безъ всякой церемоніи, поселяне. Безпрестанно приходили новые, и какъ не было для всѣхъ скамей, то остальные стояли у стѣны, и всѣ они пристально смотрѣли на меня и на лазутчика, который обѣдалъ за однимъ столомъ со мною. Между мною и однимъ изъ поселянъ начался политическій разговоръ.

— Вы вѣрно возвращаетесь домой, въ Россію, господинъ офицеръ? спросилъ меня сѣдой старикъ, которому всѣ поселяне оказывали большое уваженіе.

— Нѣтъ, я ѣду для соединенія съ нашими, въ Рауталамби, отвѣчалъ я.

— Однако жъ вы, госнода Русскіе, не долго у насъ будете гостить, какъ слышно?

— Пустой слухъ! Вамъ было объявлено, что вся Финляндія присоединена къ Россіи, а что сказалъ Русскій Государь — то свято!

— А развѣ вы не знаете, что русское войско идетъ назадъ, отъ Гамле-Карлеби, а шведское идетъ впередъ? сказалъ старикъ, устремивъ на меня глаза и лукаво улыбаясь.

— Очень хорошо знаю*, но знаю и то, что изъ Россіи идетъ сильное войско, которое пойдетъ снова впередъ, а шведское войско пойдетъ назадъ, въ Швецію, и тамъ навсегда останется.

— Но вѣдь гдѣ проходитъ шведское войско, тамъ вездѣ жители вооружаются, и самъ король пришелъ, съ кораблями, къ намъ на помощь. Развѣ вы избьете всѣхъ жителей, чтобъ приобрѣсть нашу землю; иначе нельзя покорить ее. Такъ сказалъ король.

— Избывать жителей мы не станемъ, потому что они сами скоро образумятся и убѣдятся, что лучше принадлежать богатому и сильному Русскому Государю, чѣмъ шведскому королю, и что гораздо выгоднѣе быть братьями Русскихъ, нежели Шведовъ.

— Но вѣдь мы одной вѣры со Шведами, сказалъ важно старикъ.

— Какая нужда! У насъ въ Россіи всякой вѣрѣ равное покровительство, и у насъ есть цѣлая провинція вашей вѣры... Я самъ вашей вѣры, Лютеранинъ, (въ этомъ случаѣ я позволилъ себѣ солгать), хотя я не Шведъ и не Финляндецъ.

— Какъ! Вы нашей вѣры, вы Лютеранинъ, воскликнулъ старикъ, и сражается противу Лютеранъ!

— Вѣдь мы сражаемся не за вѣру, а за то, чтобъ, присоединивъ васъ къ намъ, составить ваше счастье, избавить отъ тажкихъ налоговъ, отъ войны, которой вы будете всегда подвергаться, живя въ нашемъ сосѣдствѣ; чтобъ помогать вамъ хлѣбомъ, котораго въ Россіи бездна, деньгами, которыхъ у Русскаго Государя множество; чтобъ открыть вамъ торговлю съ Россіей. А до вѣры никто не смѣетъ прикоснуться! Напротивъ, во всѣхъ городахъ Русскихъ есть пре-

* О ретиратѣ генерала Раевского мы не знали, однакожъ, ничего вѣрнѣе, но жители знали и преувеличивали событія,

красныя лютеранскія церкви, а въ Петербургѣ, гдѣ живетъ Русскій Государь, есть даже и финская церковь. Вашъ землякъ (то есть переводчикъ) подтвердитъ это. У насъ многіе графы, князья и генералы Лютеране, и даже тотъ генералъ, съ которымъ мы пришли въ Куопіо — Лютеранинъ....

— А вотъ я вамъ покажу печатное объявленіе, что Русскіе хотять уничтожить нашу вѣру....

Старикъ подалъ мнѣ печатную прокламацію на финскомъ языкѣ.

— Кто это написалъ, тотъ согрѣшилъ передъ Богомъ, потому что солгалъ. Развѣ до-сихъ-поръ Русскіе предпринимали что либо противу вашей и моей вѣры, развѣ не уважали святыни, развѣ препятствовали богослуженію? Васъ обманываютъ, друзья мои!

— Но если вы пришли къ намъ съ добрымъ намѣреніемъ, зачѣмъ же добрые и честные люди не хотять вѣрить и помогать вамъ? Вотъ, напримѣръ, этотъ господинъ, который пріѣхалъ съ вами (старикъ указалъ на лазутчика), извѣстенъ мнѣ!» (Лазутчикъ повернулся на стулѣ, и хотѣлъ что-то говорить, но я велѣлъ ему молчать, а старику продолжать.) Этотъ господинъ былъ прикащикомъ въ Гамле-Карлеби, у купца Перльберга * и за что-то некрасивое посаженъ въ тюрьму, изъ которой онъ выкарабкался, не знаю какъ, когда пришли Русскіе....

Лазутчикъ вскочилъ съ мѣста, и съ громкою бранью бросился къ старику, но я взялъ негодя за воротъ, и вытолкнулъ за двери, приказавъ улану, который сторожилъ подъ окномъ, чтобъ содержать его подъ карауломъ. Крестьяне, казалось, были довольны моимъ поступкомъ, и нѣкоторые изъ нихъ вышли изъ избы, шепча что-то между собою.

— Мы не знали, что онъ дурной человекъ, сказалъ я.

— Надобно знать съ кѣмъ связываешься, возразилъ старикъ, важно. Я хорошо знаю его, и знаю, что онъ содержался въ тюрьмѣ за воровство, что онъ не Финляндецъ и не Шведъ, а Богъ его знаетъ, кто таковъ; знаю и то, потому что бываю въ Куопіо, что онъ шпионъ, получаетъ отъ Русскихъ даромъ деньги, лжетъ и клеветаетъ на кого попало, и ничего вѣрнаго не знаетъ, потому что ему никто не скажетъ

* Перльбергъ содержалъ тогда трактиръ и лавку въ Гамле-Карлеби, и когда мы тамъ были, онъ подтвердилъ мнѣ показанія старика.

правды и каждый его остерегается. Вот такіе люди вредят Русскимъ; а вамъ, господи́нь офицеръ, мы готовы вѣрить, особенно, если правда, что вы Лютерани́нь.... Вы еще такъ молоды, что если обманываете насъ, говоря, что Русскій Государь желаетъ намъ добра и не станетъ принуждать насъ переимѣнить вѣру, то кладете страшный грѣхъ не только на душу вашу, но и на душу вашихъ родителей, которые отвѣчаютъ передъ Богомъ за пороки, которыхъ они не истребили въ дѣтяхъ! Солгать то же, что украсть, и обманывать бѣдный народъ ложью, хуже воровства и разбоя...

Старикъ говорилъ торжественно и съ такимъ чувствомъ, что тронулъ меня. Я всталъ съ мѣста, поднялъ руку, сложилъ три пальца, и присягнулъ, что Русскій Государь не намѣренъ вовсе трогать ихъ вѣры, и желаетъ имъ блага, мира, тишины и довольства, а потомъ обнялъ старика, и поцѣловалъ его съдуу голову.

Всѣ съ шумомъ встали съ мѣстъ, и говоря что-то, чего я не понималъ, стали обнимать меня. Многіе утирали слезы. Изъ всего понялъ я только, что меня называли добрымъ барини́емъ (гювагерра), и зывали къ Богу (Юмала). Переводчикъ не имѣлъ времени переводить.

Эта сцена кончилась еще дружественнѣе, когда я, спросивъ, что сто́итъ все забранное мною, заплатилъ за все безъ торга, далъ цѣлую горсть мелкой серебряной монеты старику, для раздачи убогимъ и колѣкамъ, отъ имени Русскаго Государя. Старику, на память нашей дружбы, я подарилъ курительную трубку, купивъ ее тутъ же, у моего унтеръ-офицера.

Послѣ этого показались и женщины, и насъ провожали до лѣса цѣлою гурьбою. Я просилъ старика зайти ко мнѣ въ гости, когда онъ будетъ въ Куопіо, сказавъ, что мы вмѣстѣ пойдемъ въ лютеранскую церковь.

Послѣ всего, что я узналъ о лазутчикѣ, я не позволилъ ему ѣхать со мною рядомъ. Онъ ѣхалъ въ замкѣ, то есть за взводомъ.

Ночь была свѣтлая, но въ лѣсу было темно, и хотя въ этихъ мѣстахъ я не предполагалъ засады, все же соблюдалъ возможную осторожность. Отъ деревни до мызы было около десяти верстъ, и я вознамѣрился отдохнуть нѣсколько часовъ въ лѣсу, чтобъ прибыть на мызу на разсвѣтъ. Въ деревнѣ я нарочно разспрашивалъ о другой дорогѣ, на Рауталаш-

би, куда пошелъ Барклай-де-Толли, чтобъ разсѣять въ крестьянахъ всякое подозрѣніе.

Сонце взошло прекрасно, утро было восхитительное; мыза, выкрашенная свѣтлою краскою, красовалась въ верстѣхъ передо мною, и я невольно вздохнулъ, подумавъ, что їду не на радость въ этотъ домъ, что можетъ быть разстрою семейное счастье, будущія надежды!... Война и дисциплина! Этимъ двумъ словамъ должно уступать всякое чувство и всякое разсужденіе!...

Мы вѣхали на рысяхъ во дворъ. Ворота были отперты: пастухъ выгонялъ стадо въ поле. Въ одну минуту домъ былъ окруженъ. Спѣшившіеся уланы стали со стороны сада. Что никто не вышелъ изъ дома, въ томъ я былъ увѣренъ, потому что ставни и двери тогда только растворились, когда часовые уже были разставлены.

Я вошелъ въ домъ. Въ залѣ встрѣтилъ меня довольно пожилой человѣкъ, почтеннаго вида, въ утреннемъ сертукѣ. «Чему я обязанъ вашимъ раннимъ посѣщеніемъ?» сказалъ онъ мнѣ, по-французски.

Я крайне обрадовался, что не буду имѣть нужды въ переводчикѣ. «Прошу извинить меня, что беспокою васъ, но это дѣлаю не я, а служба...» отвѣчалъ я.

— Помилуйте! Я самъ служилъ въ военной службѣ, и знаю хорошо ея обязанности. Но могу ли знать, что вамъ угодно?

— Генералъ нашъ извѣстился, что полковникъ Фіандтъ находится въ здѣшнихъ мѣстахъ, и приказалъ мнѣ представить его...

— Вашего генерала обманули этимъ извѣстіемъ, сказалъ помѣщикъ. Знаете ли вы въ лице полковника Фіандта?

— Я не знаю, но вотъ этотъ господинъ знаетъ, сказалъ я, указывая на лаутчика, который стоялъ позади меня.

— И такъ онъ удостовѣрится, что здѣсь нѣтъ полковника Фіандта. Подъ этою крышею я, жена моя, двѣ взрослыя дочери, два сына, одинъ взрослый и одинъ малолѣтній, и учитель его. Можете повѣрить.... Только позвольте предупредить дамъ: онѣ не одѣты....

— Прощу покорнѣйше!

Помѣщикъ вышелъ, а лаутчикъ сказалъ мнѣ, чтобъ я пошелъ въ комнаты нѣсколько уланъ, потому что если полковникъ Фіандтъ здѣсь, то станетъ защищаться. «Тогда явятся

и уланы, отвѣчалъ я сухо: сквозь землю не провалится, а вокругъ дома часовые.

Черезъ четверть часа все семейство вошло въ комнату. Я вѣжливо всѣмъ поклонился, и пошелъ за хозяиномъ, который повелъ меня по всѣмъ комнатамъ.

Скажу въ нѣсколькихъ словахъ, что мы осмотрѣли весь домъ, всѣ людскія избы, всѣ хозяйскія строенія, садъ, и шарилы по чердакамъ и погребамъ, въ гумнѣ, даже въ конюшнѣ и на скотномъ дворѣ, рылись въ сѣнѣ и соломѣ, и не нашли ни какихъ признаковъ, чтобъ кто либо укрывался. Все было на своемъ мѣстѣ, въ обыкновенномъ порядкѣ.

Когда я возвратился въ комнаты, на столѣ былъ кофе, и меня пригласили сѣсть, вмѣстѣ съ семействомъ. Я приказалъ уланамъ собраться, вывести лошадей за ворота, стать на большой дорогѣ, и прежнимъ порядкомъ кормить лошадей, то есть размундштучивая черезъ лошадь. Людямъ я не велѣлъ отлучаться отъ лошадей. Повторяю это въ наставленіе молодымъ офицерамъ, которымъ случится быть въ отдаленныхъ откомандировкахъ, въ непріятельской землѣ, и вообще въ военное время. Осторожность!—Лазутчикъ хотѣлъ остаться въ комнатѣ, я приказалъ ему выйти.

«Удивляюсь, кто могъ выдумать, что полковникъ Фіандтъ здѣсь, что онъ раненъ!» сказалъ помѣщикъ. «Правда, онъ мой родственникъ и болѣе еще, онъ мой искренній другъ, но если бъ онъ и пріѣхалъ ко мнѣ раненный, то я проводилъ бы его немедленно къ Сандельсу, и не подвергнулъ бы опасности быть захваченнымъ. Вы военный человекъ, следовательно понимаете всю важность *честнаго слова!* Увѣряю васъ *честнымъ словомъ* моимъ, что полковникъ Фіандтъ вовсе не раненъ и находится въ арміи графа Клигспора, что онъ не былъ здѣсь и не будетъ, пока война чѣмъ нибудь не кончится. Вы можете смѣло увѣрить въ этомъ вашего генерала, и, вѣроятно, официальные извѣстія съ театра войны скоро подтвердятъ справедливость словъ моихъ.

— Я исполнилъ по совѣсти мое порученіе; искалъ, гдѣ мнѣ было приказано, не нашелъ, и дѣло кончено. Остальное предоставляю моему генералу, сказалъ я.

Началась между нами политическая бесѣда. Это единственное утѣшеніе жителей въ странахъ, покоряемыхъ сильнымъ непріателемъ. Не будучи въ состояніи сопротивляться оружіемъ, жители воюють логикой, когда находятъ между не-

пріятельскими офицерами людей снисходительныхъ. Я испыталъ это, въ послѣдствіи, въ Германіи и Испаніи. «Если бъ я находился теперь въ военной службѣ, сказалъ помѣщикъ, то я бы дрался съ вами до послѣдней капли крови; но, признаюсь откровенно, что принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые не одобряютъ упорства и вообще поведенія нашего короля и этой войнѣ. Швеція бѣдна и безсильна, и она должна быть или нейтральною въ европейскихъ войнахъ, или придерживаться искренно сильнаго союзника. Нашему королю надлежало бы не увлечься пѣнтической ненавистью къ императору Французовъ, и придерживаться Франціи, а если онъ не хотѣлъ держать стороны Франціи, то должно было слѣдовать политикѣ Россіи и держаться ея искренно. Вопросъ въ томъ: что можетъ сдѣлать одна Швеція, и какую надежду можно полагать на Англію? Англичане обѣщали сдѣлать высадку въ Финляндіи, и не исполнили обѣщанія; намѣревались помогать намъ въ Норвегіи, и не помогли; прислали нѣсколько тысячъ ружей для вооруженія нашихъ поселенъ, и ружья оказались негодными. Вотъ каковы наши союзники! Какъ можно бороться Швеціи съ Россіей, и воевать въ то же время съ Даніей? Съ одной Даніей мы бы справились, но Россія непременно подавить насъ своею силою, и если Императоръ Александръ рѣшился твердо отнять Финляндію у нашего короля, то непременно отпиметь; въ этомъ я убѣжденъ. Но признаюсь также, что мнѣ бы не хотѣлось быть свидѣтелемъ присоединенія моего отечества къ Россіи, хотя бы это было для насъ и выгодноѣе. Языкъ, вѣра, старые законы, обычай»...

Тутъ я прервалъ его: Но развѣ Императоръ Александръ не обѣщаль Финляндіи сохраненіе всего этого? сказалъ я; а что онъ сказалъ — то вѣрно! Ничто не измѣнится въ нравственномъ состояніи Финляндіи, а что измѣнится, то къ лучшему и по вашему же желанію. Вся разница въ томъ, что вамъ не надобно будетъ ѣздить, по дѣламъ вашимъ за море.

«Будущее извѣстно одному Богу, сказалъ помѣщикъ, а съ настоящимъ каждому больно разстаться, если оно было не слишкомъ тягостно. Предки наши были Шведы, и мы бы хотѣли остаться тѣмъ же, чѣмъ были они.... Впрочемъ, да будетъ воля Божія! Въ доказательство, что я не предвижу счастливаго для насъ конца этой войны, вотъ сынъ мой, которому я не позволилъ вступить въ военную службу»...

Молодой, прекрасный собою человекъ покраснѣлъ, и сказалъ: «Я и теперь сожалею объ этомъ!» Я дружески пожалъ руку молодому человеку, примолвивъ: «Вы дѣлаете честь себѣ вашими чувствами, а русскому офицеру вашу откровенность.» Я замѣтилъ, что моя выходка понравилась всему семейству и даже молодому патриоту.

Я просилъ помѣщика накормить уланъ и дать фуража лошадамъ, за наличныя деньги. «Это уже сдѣлано, отвѣчалъ онъ, а о расчетѣ поговоримъ послѣ.»

Я пробылъ въ этомъ домѣ до одиннадцати часовъ утра, унелъ часа два, и послѣ завтрака отправился въ путь, взявъ проводника. Помѣщикъ взялъ деньги за фуражъ, но за състное не согласился взять плату, и даже снабдилъ меня на дорогу запасомъ. Въ Куопіо мы прибыли къ разсвѣту, сдѣлавъ двадцать-пять верстъ въ полторы сутки. Лошади устали, но не похудѣли, потому что отъ вступленія нашего въ Финляндію, они никогда не пировали такъ, какъ въ эту откомандировку. Когда я разсказалъ генералу Рахманову включеніе съ лазутчикомъ, генералъ расхохотался и сказалъ: «Чортъ его побери, а впрочемъ, откуда же взять лучшихъ?»

Вотъ каковъ былъ духъ въ Финляндіи, въ самомъ разгарѣ народной войны. Образованные и богатые люди, хотя и досадовали на вторженіе Русскихъ въ Финляндію, и хотя не любили Русскихъ, но еще болѣе негодовали на свое правительство и явно роптали противу короля. Изъ помѣщиковъ весьма немногіе вмѣшивались въ войну, а поселянъ возбуждали къ возстанію различными вымыслами, а болѣе увѣреніемъ, что Русскіе введутъ въ Финляндіи свою вѣру, какъ ввели ее въ Кареліи. Гдѣ было знать финскимъ поселянамъ, что православная вѣра введена въ части Кареліи еще Новгородцами, въ четырнадцатомъ вѣкѣ, и что они крестили язычниковъ! То, что явидѣлъ въ эту мою откомандировку, было характеристикой цѣлой Финляндіи, разумѣется съ нѣкоторыми исключеніями. Были и фанатики политическіе и религіозныя, которые противились всѣми силами покоренію Финляндіи, и послѣ покоренія ея ушли въ Швецію, и остались въ ней навсегда. Между ними есть одинъ достойный мужъ, съ которымъ я тогда подружился, и возобновилъ дружбу во время поѣздки моей въ Стокгольмъ, въ 1838 году. Это ученый Арвидсонъ, хранитель королевской бібліотеки въ Стокгольмѣ. Въ Исторіи А. И. Михайловскаго-Данилевскаго и въ со-

чипеніи графа П. П. Сухтелена не сказано ни слова о походѣ Сабанѣва. Упомянуто только, что онъ высланъ былъ изъ Куопіо на подкрѣпленіе корпуса графа Каменскаго, съ четырьмя батальонами и двумя эскадронами. Историкамъ, представляющимъ общій ходъ войны, некогда заниматься подробностями въ движеніяхъ малыхъ отрядовъ, но эти подробности были для насъ тяжелы, и остались намъ памятны. Если бѣ графъ Каменскій, не дождавшись Сабанѣва, принужденъ былъ отступить къ Таммерфорсу, то мы, прибывъ въ Саріярви, могли бы быть отрѣзаны отъ Куопіо отрядомъ полковника Фіянкта и уничтожены арміей графа Клингспора, какъ былъ истребленъ отрядъ Булатова. Безъ сомнѣнія, графъ Клингспоръ былъ извѣщенъ жителями о нашемъ походѣ и нашей малочисленности. Сабанѣвъ не скрывалъ отъ офицеровъ опасности нашего положенія, совѣтуя намъ внушать солдатамъ, что наше спасеніе зависитъ отъ нашего мужества, и что если мы наткнемся на непріятеля, то должны сражаться до послѣдней капли крови.

Мы шли большими переходами и усиленными маршами, но въ Рауталамби должно было днеть, потому что люди и лошади наши крайне устали. Рауталамби, о которомъ часто упоминается въ исторіяхъ этой войны, вовсе не мѣстечко, а кирка, то есть церковь, возлѣ которой жилище пастора (пасторагъ) и нѣсколько домовъ. Тутъ содержалъ военный постъ эскадронъ маіора Лорера, съ двумя ротами пѣхоты, охраняя переправу чрезъ три рукава, на озерахъ Конивеси и Кивисальми. Рауталамби одинъ изъ богатѣйшихъ пасторатовъ въ восточной Финляндіи. Домъ пастора былъ обширный, пасторъ былъ человѣкъ просвѣщенный и добродушный, и семейство его любезное. Дочери пастора были красавицы. Къ пастору ѣздили въ гости сосѣдніе помѣщики и земскіе чиновники, съ семействами, и наши офицеры проводили время весьма пріятно; всѣ они были влюблены, для препровожденія времени. Александръ Ивановичъ Лореръ имѣлъ порядочный запасъ съѣстныхъ припасовъ и вина. Онъ задалъ намъ славный пиръ, и мы всю ночь протанцовали, вмѣсто того, чтобъ отдохнуть послѣ похода. Шведки и Финляндки прелестныя созданія! Въ нихъ соединены германское простодушіе и сердечная вѣжливость съ какимъ-то особеннымъ пинтическимъ чувствомъ, которое чаруетъ душу. Даже въ ихъ веселости есть отбѣнокъ меланхоліи, привлекающей

сердце. Откровенность ихъ, слѣдствіе простоты нравовъ, увлекательна. Рѣдкій изъ русскихъ офицеровъ, бывшихъ въ кампаніи 1808 и 1809 годовъ, не былъ влюбленъ, или, по крайней мѣрѣ, не готовъ былъ влюбиться. Пересчитайте, сколько Русскихъ, со времени покоренія Финляндіи, женились на Финляндкахъ! Финляндки (говорю о дворянствѣ и гражданскомъ сословіи) всѣ вообще хорошо образованы, религіозны и хорошія хозяйки. Управление хозяйствомъ входитъ въ составъ женскаго воспитанія. Финляндская дѣвица изъ образованнаго сословія — это ягодка мамура, краса Сѣвера! Здѣсь я долженъ однако замѣтить, что красота есть принадлежность готскаго (германскаго) племени, и что всѣ красавицы въ Финляндіи изъ фамиліи шведскихъ или смѣшанныхъ съ шведскимъ племенемъ. Финское племя некрасиво. Исключенія не идутъ въ расчетъ.

Арвидсонъ, о которомъ я говорилъ, былъ юноша моихъ лѣтъ. Не знаю, въ какой степеніи родства онъ былъ съ Рауталамбскимъ пасторомъ, но онъ жилъ въ Рауталамби. На денькѣ мы подружились съ нимъ, какъ дружатся молодые люди, сходные характеромъ. Онъ сталъ превозносить Шведовъ; я не только не спорилъ, но даже подтверждалъ его похвалы, и онъ полюбилъ меня. Въ юности дружатся въ минуту, а на старости охладѣваютъ даже и къ старымъ друзьямъ. Это, по несчастью, я испыталъ на себѣ! Послѣ обѣда мы пошли прогуливаться въ поле. Арвидсонъ завелъ со мною политическій разговоръ. Я охотно уступилъ ему въ логикѣ, но предоставилъ себѣ защиту истолкованіемъ русской пословицы, что: сила солову ломить. Мы оба болтали тогда кое-какъ по нѣмецки. Наконецъ, въ изліяніи юношескихъ чувствъ, мы рѣшили *гадать*, кто останется побѣдителемъ, Шведы или Русскіе. Онъ представлялъ собою Швецію, а я Россію; онъ сталъ на холмъ, а я атаковалъ холмъ. Я взобрался на холмъ, поборолъ Арвидсона — и разрѣшилъ загадку. Мы обнялись братски, но слезы блестя въ глазахъ благороднаго Арвидсона. «Неужели это предзнаменованіе сбудется!» сказалъ онъ печально. Въ стокгольмской королевской библіотекѣ мы вспомнили о Рауталамби!... Скажу разъ на всегда, что я уважаю всякое *искреннее* чувство, въ другѣ и врагѣ. Совѣсть отвѣчаетъ только передъ Богомъ, и убѣжденіе уступаетъ только силѣ разума.

Жаръ былъ несносный, и отъ Рауталамби (переправившись чрезъ рукавъ Конивеси) мы шли ночью и отдыхали

днемъ. Прошедъ верстѣ до ста тридцати отъ Куопіо, мы пошли мѣстами, гдѣ еще не были Русскіе. Тутъ мы находили на мызахъ, у пасторовъ и даже у крестьянъ, съѣстные припасы, а иногда и фуражъ, которые забирали подъ росписки. Между тѣмъ поселяне возстали, и нѣсколько разъ завязывали съ нами порядочную перестрѣлку. Важно было то, что при каждомъ первомъ выстрѣлѣ мы не знали съ кѣмъ будемъ имѣть дѣло, ожидая встрѣчи съ арміею графа Клингспора, и что безпрерывная бдительность внушала солдатъ. Чѣмъ далѣе мы шли впередъ, тѣмъ болѣе встрѣчали ненависти къ намъ и надежды на скорое очищеніе Финляндіи Русскими. Въ Куопіо мы не знали хорошо всего случившагося съ генераломъ Раевскимъ, но на пути, на мызахъ и въ пасторатахъ, намъ изображали въ преувеличенномъ видѣ побѣды Шведовъ, погибель цѣлыхъ корпусовъ нашихъ, и говорили, что ждутъ самого короля, который съ сильнымъ флотомъ и арміею пахнетъ на Аландскихъ Островахъ. Радовались, вовсе не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ. Намъ предсказывали вѣрную погибель, и нѣкоторые добрые люди, особенно женщины, даже сожалѣли о насъ! Разумѣется, мы вполонину вѣрили этимъ разсказамъ, хотя и знали, что положеніе наше не завидное.

Представляю примѣръ, до какой степени жители не скрывали своей ненависти къ намъ. Два взвода нашего эскадрона шли въ авангардѣ, съ двумя ротами третьяго егерскаго полка. И. В. Сабанѣевъ находился съ нами. Около десяти часовъ утра, мы подошли къ порядочной мызѣ. Сабанѣевъ приказалъ остановиться, и съ нѣсколькими офицерами пошелъ на мызу, позавтракать. Хозяинъ принялъ насъ вѣжливо, хотя важно и холодно, и все семейство его вышло къ намъ. Сабанѣевъ сказалъ, черезъ переводчика, что мимо мызы будетъ проходить отрядъ, и что, для избѣжанія безпорядковъ, онъ дастъ помѣщику залогу, офицера съ шестью рядовыми, съ условіемъ, чтобъ помѣщикъ далъ честное слово, что отвѣчаетъ за ихъ безопасность, и когда пройдетъ нашъ арріергардъ, отошлетъ залогу, на подводахъ, къ отряду. Это предложеніе расположило помѣщика и его семейство въ нашу пользу, и онъ сдѣлался привѣтливѣе. Послѣ завтрака, помѣщикъ сказалъ, безъ обиняковъ, что мы идемъ на явную смерть, потому что русскій отрядъ, дѣйствовавшій противу графа Клингспора, теперь вѣрно уже не существуетъ, если не успѣлъ уйти къ русской границѣ. Помѣщикъ пресерьозно совѣтовалъ

Сабанѣву возвратиться поскорѣе въ Куопіо. Сабанѣвъ возражалъ шуткою, сказавъ, что мы, Русскіе, такъ полюбили Финляндію, что намѣрены остаться въ ней и пожить весело, а за смертью пойдѣмъ въ другія страны, можетъ быть во Францію. Потомъ, обратясь къ дочери хозяина, дѣвочкѣ лѣтъ десяти, удивительной красавицѣ, Сабанѣвъ представилъ ей Штакельберга, прапорщика третьяго егерскаго полка, юношу лѣтъ семнадцати, также красавчика, и сказалъ, не угодно ли ей русскаго жениха. Вообразите наше удивленіе: дѣвочка поблѣднѣла, какъ полотно, задрожала всѣмъ тѣломъ, и сжавъ зубы и грозя кулакомъ, сказала по шведски: «Смерть Русскому!» Отецъ улыбнулся, а мать поцѣловала дѣвочку, и увела въ другую комнату. Разумѣется, что дѣвочка выражала чувства родителей, и повторяла, что слышала, но мы за это не гнѣвались. Сабанѣвъ сказалъ намъ, по-русски: «Все перемелется, мука будетъ!»

Онъ угадалъ. Я помнилъ прозваніе мызы и фамилію помѣщика, и во время пребыванія моего въ Гельсингфорсъ (въ 1838 году), рассказалъ этотъ анекдотъ моему покойному пріятелю, дерптскому уроженцу статскому совѣтнику Витту (принявшему фамилію Вейсенбергъ, съ поступленіемъ въ финляндске дворянство). Признаюсь, я удивился, когда онъ сказалъ мнѣ, что прежняя непріятельница наша, дѣвочка, въ послѣдствіи вышла замужъ за Русскаго, и теперь русская барыня, говоритъ хорошо по-русски и весьма предана Россіи! *Ainsi va le monde!*

Въ изданіи, подъ заглавіемъ: *Императоръ Александръ I и Его сподвижники*, напечатана біографія Ивана Васильевича Сабанѣва, дослужившагося до чина генерала отъ инфантеріи, и блистательно участвовавшего въ турецкой и отечественной войнахъ. Въ этой біографіи Сабанѣвъ изображенъ человѣкомъ угрюмымъ, недобѣрчивымъ, почти нелюдимомъ. Можетъ быть онъ сдѣлался такимъ въ старости и въ высокихъ чинахъ. *Nonnes mutant mores!* Въ Финляндіи, въ чинѣ подполковника третьяго егерскаго полка, Иванъ Васильевичъ былъ человѣкъ прелюбезный, снисходительный и предобрый. Онъ любилъ даже шутки, и не гнѣвался за нихъ. Его удивительная храбрость, хладнокровіе и распорядительность въ битвахъ уже тогда снискали ему уваженіе и довѣренность опытныхъ генераловъ, каковы были Барклай-де-Толли и графъ Каменскій. Иванъ Васильевичъ Сабанѣвъ былъ небольшого роста, довольно плотенъ, и до такой степе-

ни бѣзорукъ, что ничего не видѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ, но не хотѣлъ носить очковъ. Мы, молодежь, иногда водшучивали надъ нашимъ добрымъ командиромъ. На походѣ запрещено было стрѣлять. Вдругъ одинъ изъ насъ, бывало, закричитъ: «Иванъ Васильевичъ, утки, утки! Позвольте выстрѣлить!» Хотя на самомъ дѣлѣ не видно было ни одной утки, но Иванъ Васильевичъ, чтобъ не показаться слѣпымъ, подниметъ голову, и скажетъ: «да, утокъ много, но стрѣлять нельзя—будетъ тревога въ авангардѣ!» Однажды Иванъ Васильевичъ едва не заплатилъ жизнью за то, что скрывалъ свою слѣпоту и не хотѣлъ носить очковъ. При переправѣ черезъ рѣку (мостъ сожженъ былъ бунтовщиками) онъ не хотѣлъ, чтобъ егери поддерживали его, когда онъ садился въ лодку, прыгнулъ съ высокаго берега, но не въ лодку, а въ воду, и пошелъ прямо ко дну. Рѣка при берегѣ была весьма глубока, но какъ егери чрезвычайно любили своего начальника, то человекъ десять бросились за нимъ въ воду, и вытащили его уже въ полубезчувствіи. Иванъ Васильевичъ увѣрялъ, что онъ поскользнулся, хотя всѣ видѣли, что онъ прыгнулъ на два шага отъ лодки, на пукъ плававшего камыша*, который онъ принялъ за лодку. На самомъ разсвѣтѣ Сабанѣвъ однажды остановилъ отрядъ, подѣ лѣсомъ, и приказалъ отдыхать и варить кашу. «Здѣсь будетъ прохлада,» сказалъ Сабанѣвъ: «и люди могутъ выкупаться въ озерѣ,» примолвилъ онъ, указывая на поле, засѣянное грѣчихою, надъ которою лежалъ легкій туманъ. Когда ему сказали, что здѣсь нѣтъ не только озера, но и капли воды, онъ велѣлъ отряду подняться и идти далѣе. Весь этотъ день добрый Иванъ Васильевичъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, ѣхалъ одинъ, и ни съ кѣмъ не разговаривалъ.

На одномъ ночлегѣ прискакалъ къ Сабанѣву уланскій унтеръ-офицеръ, изъ арріергарда, съ извѣстіемъ, что онъ, бывъ въ разѣздѣ, видѣлъ съ холма огни и войско на бивакахъ, но въ темнотѣ, по болоту не могъ подѣхать близко и узнать, своили этоили непріятель. Сабанѣвъ командировалъ немедленно нашъ эскадронъ, для рекогносцировки. Мы были на одинъ переходъ отъ Саріарви, гдѣ надѣялись найти отрядъ полковника Властова, слѣдовательно появленіе вой-

* Къ челнокамъ мы подвязывали по бокамъ пуки хвороста или камыша, чтобъ челнокъ не перевернулся. Лошадей мы перегоняли обыкновенно вплавь. Когда недоставало лодокъ, мы дѣлали плоты, связывая бревна лозою.

ска въ нашемъ тылѣ было для насъ мѣшкотнымъ. Въ концѣ іюля ночи уже становятся темными, около полуночи, часа на два, а въ эту ночь небо было покрыто черными облаками. Мы шли впередъ, ни зги не видя. Проводники наши, унтеръ-офицеръ и бывшіе съ нимъ уланы, поѣхали съ нами, но не могли вспомнить, въ которомъ мѣстѣ они поворачивали вправо, съ большой дороги. Мы поворотили наудачу, прошли лѣсомъ верстъ пять, и вышедъ на поляну, увидѣли вдали зарево. Тотчасъ одинъ взводъ понесся впередъ, на рысяхъ. Подъ кустарникомъ насъ встрѣтилъ радостный окликъ: «Кто идетъ?» — «Русскіе!» — «Стои на мѣстѣ, или убью!» Наши! Русскіе! Слава Богу! Это былъ отрядъ полковника Эриксона, на походѣ къ селенію Кеуру. Мы остановились и извѣстили Сабанѣва, а утромъ оба отряда соединились. Немедленно посланъ былъ офицеръ къ графу Каменскому, съ извѣщеніемъ о нашемъ приходѣ, и отряду нашему приказано было отдѣлиться отъ полковника Эриксона, и идти на нашъ крайній лѣвый флангъ, къ киркѣ Руовеси. И вотъ мы, наконецъ, въ корпусѣ графа Каменскаго!

Соединившись съ корпусомъ графа Каменскаго, мы узнали отъ товарищей много такого, о чемъ къ намъ доходили въ Куопіо невѣрные слухи и неполныя извѣстія. Офицеры прибывшихъ на усиленіе корпуса графа Каменскаго войскъ рассказали намъ, что графъ Каменскій едва не былъ захваченъ въ плѣнъ партизаномъ Роотомъ, на пути изъ Гельсингфорса къ своему назначенію, и спасся проселочными дорогами и тропинками, блуждая по лѣсамъ и пустышѣ, и что самъ главнокомандующій, со всѣмъ своимъ штабомъ, едва избѣгнулъ плѣна. Желая видѣть морское сраженіе, бывшее въ заливѣ, при островѣ Сандо (19 іюля), графъ Буксгевденъ отправился на берегъ острова Кимито, съ генералами П. К. Сухтеленемъ и Коновницынымъ. Послѣ одержанной нашею флотиліею побѣды, графъ Буксгевденъ обозрѣлъ сухопутную позицію, гдѣ Шведы дѣлали высадку, и возвратился на мызу Вестаншеръ, гдѣ для него приготовленъ былъ обѣдъ. Думали, что сраженіе кончено, видя отступленіе шведской флотиліи. Отрядъ, бывшій на островѣ Кимито, отдыхалъ; на бивакахъ варили кашу, артиллерійскія лошади были на пастбищѣ. Главнокомандующій преспокойно садился за столъ, какъ вдругъ раздался на дворѣ крикъ: «Шведы, Шведы!» Всѣ бросились къ окнамъ, и увидѣли что двѣ шведскія колонны идутъ прямо къ мызѣ.... Сдѣлалась тревога. Кара-

уль, бывшій при квартирѣ главнокомандующаго, бросился впередъ, съ конвоемъ, на встрѣчу непріятели, а между тѣмъ было дано знать въ пашъ лагерь, въ которомъ находились четыре роты пѣхоты.

При самомъ началѣ морскаго сраженія, шведскіи адмиралъ Гельмптиерна высадилъ на берегъ острова Кимито 1,100 человекъ пѣхоты и шесть орудій, подъ начальствомъ полковника Палёна, съ тѣмъ, чтобъ онъ ударилъ въ тылъ нашихъ баттарей. По берегу стояли казацки ведеты, но ихъ сняли, чтобъ сформировать почетный конвой для главнокомандующаго, и это помогло Палёну высадить войско, не бывъ замѣченнымъ нашими. Когда жители донесли Палёну, что шведская флотилія ретировалась, и это русскіи главнокомандующіи съ генералами отправился на мызу, располагаясь тамъ пообѣдать и отдохнуть, полковникъ Палёнъ воспамѣрился захватить ихъ. Жители провели его тропинками къ самой мызѣ. Ударъ онъ быстро и пустіи бѣгомъ своихъ солдатъ, главнокомандующіи и бывшіе съ нимъ генералы были бы непременно взяты, или погибли бы, защищаясь. Но Шведы, храбрые и неустрашимые отъ природы, отвыкли отъ войны, и образованные ихъ офицеры руководствовались всегда теоріей. Полковникъ Палёнъ, вмѣсто того, чтобъ бѣжать бѣгомъ на мызу, выстроилъ свое войско во фронтъ, и выслалъ застрѣльщиковъ, которыхъ удерживалъ перестрѣлкою караулъ главнокомандующаго, пока приближались, во весь духъ, на мызу, наши четыре роты изъ лагерь, и привезли съ собою два единорога большаго калибра. Началось сраженіе, и пушечная пальба извѣстила роту егерей, высланныхъ прежде того на малые острова для рекогносцировки, объ опасности ихъ товарищей на Кимито. Эта рота успѣшила на выстрѣлы, и случайно пристала къ берегу, въ тылъ отряда полковника Палёна. Если бъ онъ имѣлъ болѣе твердости и рѣшительности, или по крайней мѣрѣ болѣе опытности въ военномъ дѣлѣ, то, будучи вдвое сильнѣе Русскихъ, опрокинулъ бы и передовой отрядъ, и роту, зашедшую ему въ тылъ; но, придерживаясь старинной стратегіи, Палёнъ, какъ въ шахматной игрѣ, видя свое войско между двухъ огней, началъ отступать къ пристани, и когда наши наперли сильно на Шведовъ, они успѣшно бросились въ лодки. Три лодки сѣли на мель, въ торопяхъ; остальныя успѣшно отплыли, и Шведы не успѣли даже увезти своихъ шести пушекъ, которыя были взяты нашими. Двѣсти чело-

вѣкъ Шведовъ, бывшихъ на трехъ лодкахъ, не будучи въ состояніи снять ихъ съ мели, и подвергаясь жестокимъ пушечнымъ выстрѣламъ съ берега, сдались военноплѣнными. Будь на мѣстѣ Палсна кто нибудь изъ нашихъ молодцевъ, напримѣръ, Сабанѣвъ, Кульневъ, Властовъ или Эриксонъ, дѣло кончилось бы иначе! Главнокомандующій и его прикрытіе были бы непременно въ плѣну или въ могилѣ.

Не выдавъ самъ дѣйствій нашего паруснаго и гребнаго флотовъ, не стану повторять того, что весьма подробно и прекрасно описано его превосходительствомъ А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ. Обращаюсь къ тому, чему я самъ былъ свидѣтелемъ.

О. ВУЛГАРИИЪ.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ДОНЪ-КАРЛОСЪ,

ИНФАНТЪ ИСПАНСКИЙ.

=

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

ШИЛЛЕРА.

=

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Спальня короля.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

На ночномъ столикѣ двѣ зажженные свѣчи. На послѣднемъ планѣ комнаты нѣсколько пажей спятъ. Король, полураздѣтый, стоитъ передъ столомъ, облокотившись рукою на кресло и погруженный въ глубокое размышленіе.

Предъ нимъ лежатъ медальоны и бумаги.

КОРОЛЬ.

Она всегда мечтательна была —

Въ томъ нѣтъ сомнѣнья. Я не могъ любя

Внушить ей никогда, и все же... все же,

Т. LXXXVII. — Отд. II

1

Кто замѣчалъ, что въ ней она нуждалась?
И такъ доказано, она коварна.

Онъ дѣлаетъ движеніе и приходитъ въ себя. Встаетъ съ удивленіемъ.

Гдѣ былъ я? Видно, здѣсь одинъ король.
Не спать? Какъ! свѣчи догорѣли? Странно,
Не день ли ужъ? Мой сонъ пропалъ. Возьми
И запиши его въ приходъ, природа.
Нѣтъ королю счастливаго досуга
Наверстывать недоспавныя ночи:
Теперь я бодръ, и день насталъ ужъ вѣрно.

Гасить свѣчи и отдергиваетъ оконную занавѣсь. Ходя взагъ
и впередъ, замѣчаетъ спящихъ мальчиковъ и молча оставаясь
передъ ними; потомъ звонитъ въ колокольчикъ.

Пожалуй, и въ приемной все заснуло.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

КОРОЛЬ. ГРАФЪ ЛЕРМА.

ЛЕРМА, замѣтивъ короля, останавливается въ удивленіи.
Ваше величество, вы не здоровы?

КОРОЛЬ.

Во адгелъ огонь. Вы не слышали ль
Тамъ шуму, графъ?

ЛЕРМА.

Нѣтъ, государь.

КОРОЛЬ.

Нѣтъ? Какъ?

Такъ стало-быть мнѣ это только енилось?
Само собой то не могло случиться.
Въ немъ почиваетъ королева?

ЛЕРМА.

Да,

Ваше величество.

КОРОЛЬ.

Сонъ испугалъ

Меня. Впередъ удвоить часовыхъ тамъ,
Вы слышите? При наступленіи ночи....
Но тайно только, тайно. Не хочу я....
Что вы такъ на меня глядите?

ЛЕРНА.

Очи,

Отъ бдѣнья воспаленныя, я вижу.
Осмылюсь вашему ведичеству напомнить
О драгоценной жизни, о народахъ
Напомнить, что слѣды бессонной ночи
У васъ въ чертахъ прочли бы съ безпокойствомъ....
Лишь часъ одинъ предутренняго сна....

КОРОЛЬ, съ блуждающими взорами.

Сонъ я найду въ Эскуріалѣ. Здѣсь во снѣ
Король корону только лишь теряетъ,
Мужъ сердце женно.... Нѣтъ, нѣтъ! не правда,
То клевета! Вѣдь женщина объ этомъ
Шепнула мнѣ? вѣдь женщина шепнула?
Ложь имя женщины. Я не повѣрю
Позору своему, пока мужчина
Его не подтвердитъ мнѣ.

Память, которые между-тѣмъ разгулялись.

Позовите

Герцога Альбу! *(Пажы уходятъ)*. Подойдите ближе,
Графъ Лерна! это правда?

Останавливается и пристально смотритъ на графа.

О, на пульсъ

Единый только времени — всезнанья!...
Клянись мнѣ, то правда? я обмануть?
Обмануть? это правда?

ЛЕРНА.

Мой великій,

Мой дорогой король....

КОРОЛЬ.

Король! король!

И только лишь король!... Вотъ весь отвѣтъ ихъ,
Одно пустое звуковъ отраженье!
Я бью въ утесы эти, я хочу
Воды, воды для ранъ своихъ — они
Мнѣ подають kloкочущее злато.

ЛЕРНА.

Что правда, государь?

КОРОЛЬ.

Такъ, ничего.

Ступайте! я одинъ останусь.

Графъ хочетъ удалиться; онъ зореть его швалъ.

Вы

Женаты? да? отецъ семейства?

ЛЕРМА..

Да,

Ваше величество.

КОРОЛЬ.

Женаты и рѣшились

Ночь провести у своего монарха?

Вашъ волосъ сѣдъ, а вы и не стыдитесь

Женѣ своей такъ простодушно вѣрить?

Домой ступайте! Вы ее найдете

Въ кровосмѣнительныхъ объятыхъ сына.

О! вѣрте вашему монарху, графъ!

Ступайте.... Вы измучены? вамъ странно?

Вы на меня значительно глядите?...

Что я, я самъ-то посѣдѣлъ? Несчастный,

Опомнись! Королевы не пятнаютъ

Постели брачной. Горе вамъ, когда

Вы усумнились....

ЛЕРМА, съ жаромъ.

Кто, кто это смѣеть?

Во всѣхъ огромныхъ вашихъ государствахъ,

Кто дерзкій ядовитымъ подозрѣньемъ

Дохнетъ на ангельскую добродѣтель?

Кто лучшую изъ королевъ такъ низко....

КОРОЛЬ.

А, лучшую? такъ и у васъ она

Попала въ лучшія? Она, какъ вижу,

Вокругъ меня друзей найти умѣла.

Ей это стоило не мало — больше,

Чѣмъ можетъ дать она, какъ мнѣ

Извѣстно. Вы свободны. Позовите

Мнѣ только герцога....

ЛЕРМА.

Онъ ужъ въ пріемной....

Хочетъ идти.

КОРОЛЬ, СЪ СЛЯГЧЕННЫМЪ ТОНОМЪ.

Гразъ! ваше замѣчанье справедливо:
Бессонница меня волнуетъ... Позабудьте,
Что я въ бреду вамъ говорилъ. Смотрите жь,
Забудьте это! Я вашъ благосклонный
Король.

Подаетъ ему руку къ поцѣваю. Лерма уходитъ, отворивъ двери герцогу Альбѣ.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

КОРОЛЬ и ГЕРЦОГЪ АЛЬБА.

АЛЬБА, ПОДХОДИТЬ КЪ КОРОЛЮ СЪ СОМНТЕЛЬНЫМЪ ВИДОМЪ.

Я удивленъ, такой приказъ...
Въ такое странно выбранное время?...
И этотъ видъ....

КОРОЛЬ садится, беретъ медальонъ и смотритъ нѣкоторое время молча на герцога.

Такъ это точно правда?

Такъ у меня слугъ вѣрныхъ больше нѣтъ?

АЛЬБА, КАКЪ ВКОПАВШІЙ ОСТАВАЛАНВАСКОМЪ.

Какъ?

КОРОЛЬ.

Я смертельно оскорбленъ: объ этомъ
Всѣ знаютъ и никто не скажетъ мнѣ!

АЛЬБА, СЪ ВИДОМЪ ИЗУМЛЕНІЯ.

Какъ? оскорбленье моему монарху,
И я объ немъ не знаю?

КОРОЛЬ, ПОКАЗЫВАЯ ЕМУ ПИСЬМА.

Этотъ почеркъ

Вы знаете?

АЛЬБА.

Да, это почеркъ принца.

КОРОЛЬ, ПРИСТАЛЬНО ПОСМОТРѢВЪ НА ГЕРЦОГА.

Такъ всё-еще вамъ это не понятно?

Вы мнѣ грозилъ честолюбьемъ принца?

Но честолюбья ль только, честолюбья ль

Я долженъ былъ страшиться?

АЛЪБА.

Честолюбье

Ищетъ смыслъ обширный, смыслъ великій,
 Въ которомъ много, много кой-чего
 Выискаться можетъ.

КОРОЛЬ.

И у васъ

Нѣтъ ничего особеннаго, герцога,
 Открыть мнѣ?

АЛЪБА, послѣ нѣкотораго молчанія, таинственно.

Государь, мои заботамъ

Вы предоставили свои владѣнья.
 Мнѣ я и долженъ посвящать свое
 Все знанье, всѣ идеи и заботы.
 Что про себя я мыслю, вижу, знаю,
 То мнѣ принадлежитъ. То даръ священный,
 Что рабъ въ цѣвяхъ, какъ и вассалъ твоя
 Отъ всѣхъ владыкъ земныхъ имѣютъ право.
 Не все, что для *меня* понятно, ясно,
 Не все то также ясно моему
 Монарху. Если жъ онъ желаетъ знать
 Всю правду, то просить его я долженъ,
 Не спрашивать меня какъ государь.

КОРОЛЬ, подаетъ ему письмо.

Читайте.

АЛЪБА читаетъ и потомъ съ испугомъ оборачивается къ королю.

Кто? какой безумный далъ
 Всѣ эти страшные листки вамъ въ руки?

КОРОЛЬ.

Вы знаете о комъ здѣсь говорится?...
 Какъ мнѣ известно, имени здѣсь нѣтъ.

АЛЪБА, озадаченный отступаетъ.

испѣшилъ.

КОРОЛЬ.

Вы знаете?

АЛЪБА, послѣ нѣкотораго молчанія.

К чему

Скрывать?... мой государь повелѣваетъ...
 Отречься мнѣ нельзя.... не отпираюсь....
 Я знаю ту особу.

КОРОЛЬ, встаетъ въ ужасномъ величьи.

О! пыткамъ новымъ научи меня
Ужасный ищенья богъ!... Такъ ясна всѣмъ,
Извѣстна, такъ гласна ихъ связь, что прямо,
Не разбирая, съ одного лишь взгляду,
Ее угадываетъ всякій.... это
Ужъ слишкомъ! этого не зналъ я! нѣтъ!
И я послѣдній узнаю объ этомъ!
Послѣдній въ цѣломъ государствѣ....

АЛЪБА, бросается передъ королемъ на колѣна.

Да,

Я признаю себя виновнымъ, государь.
Стыжусь трусливой мудрости, велѣвшей
Молчать мнѣ тамъ, гдѣ имя, честь монарха,
Гдѣ справедливость, истина такъ громко
Мнѣ говорить повелѣвали.... Такъ какъ
Всѣ онѣмѣли — такъ какъ красота,
Какъ волшебствомъ, сомкнула всѣхъ уста:
То я одинъ осмѣлюсь, хоть и знаю,
Что оправданья вкрадывалъ сына,
Что обольстительныя ласки, слезы
Супруги....

КОРОЛЬ, скоро, вспыльчиво.

Встаньте! Я ужъ далъ вамъ слово....

Вы безопасны — говорите смѣло!

АЛЪБА, встывая.

Ваше величество не позабыли
Того, что разъ въ саду аранжуэцкомъ
Случилось съ королевой? Вы пашли
Ее одну, безъ свиты — всю въ волнении,
Въ уединенномъ мѣстѣ....

КОРОЛЬ.

Га! что я

Услышу? Далѣе!

АЛЪБА

Маркиза Мондекаръ

Была удалена изъ королевства,
Лишь потому, что изъ любви къ ея
Величеству собой ее покрыла.

Теперь мы знаемъ, что маркиза только
Исполнила что ей велѣли. Принцъ
Былъ тамъ.

КОРОЛЬ, въ страшномъ бѣшенствѣ.

Былъ тамъ? Но какъ же...

АЛЪБА.

Слѣдъ мужской,
Что по песку шелъ влѣво отъ аллен,
До грота, гдѣ еще платокъ нашли,
Потерянный инфантомъ, тутъ же насъ
Подозрѣвать заставилъ. Въ гротѣ принца
Садовникъ встрѣтилъ, и почти минута
Въ минуту, было то, какъ ваше
Величество вошла въ аллею.

КОРОЛЬ, выходя изъ мрачнаго размышленія.

И она

Такъ плакала тогда! предъ всѣмъ дворомъ
Она меня заставила краснѣть!
Краснѣть передъ самимъ собой.... Богъ видитъ!
Какъ осужденный я тогда стоялъ
Предъ добродѣтелью ея высокою....

Долгое, глубокое молчаніе. Онъ садится и закрываетъ лицо.

Да, герцогъ, вы сказали правду. Это
Къ чему-нибудь ужасному меня
Сведетъ.... Оставьте одного меня.

АЛЪБА.

Но это, государь, еще не вѣрно...

КОРОЛЬ, хватая бумагу.

И это тожь? и это? все невѣрно?
И доказательствъ страшное созвучье?
О, это дня свѣтлѣе.... Я давно
Предчувствовала все это.... Преступленье
Ужъ началось, когда изъ вашихъ рукъ
Елизавету принялъ я въ Мадридѣ....
Еще я вижу мертвый взглядъ испуга,
Съ какимъ она, блѣднѣя и блѣднѣя
На сѣдницахъ моихъ остановилась.
Тогда же началась ихъ связь!

АЛЬБА.

Для принца

Невѣста въ юной матери погибла.
 Они было въ желаньяхъ ужъ сошлись,
 Въ созвучьяхъ чувства поняли другъ друга,
 Какъ вдругъ все это новыя условия
 Ихъ запретили. Страхъ былъ побѣжденъ ужъ,
 Страхъ, стерегущій первое признание,
 И бойче и смѣлѣе обольщенье
 Заговорило въ образахъ знакомыхъ
 Прошедшаго. Соединены братской
 Гармоніей и мнѣнія и лѣтъ,
 Озлоблены одной судьбой, они
 Волненьямъ страсти предались тѣмъ жарче.
 Политика разстроила ихъ склонность,
 Такъ и не диво если королева
 Не признаетъ въ ней этихъ правъ насилья,
 Не въ силахъ, подавивъ желанье, планы
 Двухъ кабинетовъ разобрать подробности?
 Она любви искала и нашла —
 Одну корону....

КОРОЛЬ, обиженный съ горечью.

Очень, очень мудро
 Вы разсудили, герцогъ.... Удивляюсь
 Я краснорѣчью вашему, по чести.
 Благодарю васъ.

Вставая холодно и гордо.

Ваша правда, герцогъ:
 Жестоко проступилась королева,
 Что эти письма скрыла отъ меня;
 Что умолчала мнѣ о появленьи
 Домъ Карлоса въ саду. Она жестоко
 Изъ доброты сердечной проступилась.
 Я допросить ее съумѣю.

дергаетъ за колокольчикъ.

Кто

Еще въ приемной? Въ васъ же, герцогъ Альба,
 Я не нуждаюсь больше. Удалитесь!

АЛЬБА.

Ужъ не навлекъ ли я своимъ усердьемъ
 Въ другой разъ гнѣва своего монарха?

КОРОЛЬ, ВОШЕДШЕМУ ДАЖУ.

Позвать Доминго.

Нажъ уходитъ.

Я прощаю вамъ,
Что двѣ минуты битыхъ вы меня
Страшитесь преступленья заставляя,
Что противъ васъ однихъ учинено.

Альба уходитъ.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КОРОЛЬ, ХОДИТЬ ВЗАДЪ И ВПЕРЕДЪ ВЪ ГЛУБОКОМЪ РАЗДУВЬИ.

ДОМИНГО, ВХОДИТЬ НЕШОГО СПУСТЯ ПОСЛѢ ГЕРЦОГА, ПРИБЛИЖАЕТСЯ КЪ КОРОЛЮ И ОСМАТРИВАЕТЪ ЕГО НѢСКОЛЬКО МИНУТЪ СЪ ТОРЖЕСТВЕННЫМЪ МОЛЧАНЫЕМЪ.

ДОМИНГО.

Какъ я пріятно удивленъ, что ваше
Величество спокойны такъ, и бодры.

КОРОЛЬ.

Удивлены?

ДОМИНГО.

Благодаренье небу,
Что страхъ мой былъ напрасенъ. Тѣмъ скорѣе
Теперь могу надѣяться....

КОРОЛЬ.

Вашъ страхъ?

Чего жъ страшиться было?

ДОМИНГО.

Государь,

Не смѣю уклоняться, я узналъ
Сейчасъ о тайнѣ.

КОРОЛЬ, МРАЧНО.

Раздѣ изъяснилъ я

Желанье съ вами ею подѣлиться?

Кто жъ это такъ меня предупредилъ?

Ужъ это слишкомъ дерзко!

ДОМИНГО.

Государь!

Тотъ поводъ, мѣсто, гдѣ объ ней узналъ я,

И самый образъ, какъ объ ней узналъ я,
 Меня отъ этого хоть оправдаютъ.
 На исповѣди мнѣ сознался въ томъ,
 Сознался, какъ въ грѣхѣ, гнетущемъ совѣсть
 И въ небѣ ищушемъ прощенья. Поздно
 Принцесса сожалѣть о поступкѣ,
 Могушемъ въ бездну горестныхъ послѣдствій
 Вовлечь ея величество.

КОРОЛЬ.

Скажите!

Какая добрая душа! Доминго,
 Вы угадали для чего за вами
 Я посылалъ. Изъ темныхъ лабиринтовъ,
 Куда меня слѣпая ревность свергла,
 Должны меня вы вывести. Отъ васъ
 Я правды ожидаю. Откровенно
 Скажите все мнѣ. Что начать? что дѣлать?
 Отъ сана вашего я правды жду.

ДОМИНГО.

О, государь, хоть святость сана мнѣ
 Пощады въ сладкій долгъ и не вмѣняетъ,
 Я всё-таки васъ стану умолять,
 Ради самихъ себя васъ умолять,
 Остановиться на открытій — дальше
 Не проникать въ предѣлы этой тайны,
 Которая, какъ ни взгляни, не можетъ
 Счастливо развязаться. Что пока
 Извѣстно, то еще простить возможно.
 Король велитъ — и королева въ жизнь
 Не проступалась. Воля государя
 Даруетъ добродѣтель, какъ и счастье.
 Одно спокойствіе лишь ваше въ силахъ
 Разрушить мощно слухи, что злословье
 Себѣ безстыдно позволяетъ.

КОРОЛ.

Слухи?

На счетъ меня? Въ моемъ народѣ?

ДОМИНГО.

Ложь!

Пустая ложь! Я закляну ее.
 Но есть конечно случаи, гдѣ вѣра
 Народа хоть и вздорная, пустая,
 Становится значительной, какъ правда.

КОРОЛЬ.

И эта вѣра! именно вотъ здѣсь.

ДОМИНГО.

Конечно, ния доброе всегда
 Есть рѣдкое, священное добро,
 Чѣмъ королева съ каждою мѣщанкой
 Соперничать должна.

КОРОЛЬ.

Тутъ, надѣюсь,

Мнѣ нечего бояться?

Онъ устремляетъ сомнительный взглядъ на Доминго. Послѣ нѣкотораго
 молчанія.

Капелланъ,

У васъ таится что-то на умѣ.
 Не медлите, скажите. Ужъ давно
 Читаю я въ лицѣ зловѣщемъ вашемъ.
 Скажите все скорѣе! Будь, что будетъ!
 Не мучайте меня на этой пыткой.
 Что говорятъ въ народѣ?

ДОМИНГО.

Государь,

Еще разъ, можетъ ошибиться онъ,
 И ошибается навѣрно. Слухи эти
 Васъ не должны тревожить, государь.
 Но только.... что осмѣлятся могли
 Ихъ подтверждать въ народѣ.

КОРОЛЬ.

Что? Я долженъ

Такъ долго васъ просить о каплѣ яду?

ДОМИНГО.

Въ народѣ вспоминаютъ, государь,
 То время, какъ вы при смерти лежали,
 Большой, разслабленный и хилый.... тридцать
 Недѣль спустя читаютъ въ манифестѣ
 О разрѣшеніи отъ бремени....

Король встаетъ и звонитъ. Герцога Альба вводятъ.

ДОМИНГО, озабоченный.

Сиря!

КОРОЛЬ, идя навстрѣчу къ Альбѣ.

О, герцогъ! вы мужчина. Защитите
 Меня отъ этого монаха!

ДОМИНГО. Онь и герцогъ ивляются взглядав. Послѣ паузы.

Еслибъ

Могли предвидѣть мы, что эта вѣсть
 На вѣстника падеть...

КОРОЛЬ.

Бастардъ, сказали вы?

Отъ смерти, вы сказали, я едва
 Воскресъ, какъ стала матерью она?
 Какъ? Но, вѣдь, если я не ошибаюсь,
 Тогда во всѣхъ церквахъ вы сами, сами
 Святого Доминика восхваляли
 За это чудо надо мной? Что чудомъ
 Звалось тогда, теперь уже не чудо?
 Такъ вы тогда, нль нынче мнѣ солгали?
 Чему теперь хотите, чтобъ я вѣрилъ?
 О, я насквозь васъ вижу. Будь готовъ
 Вашъ заговоръ тогда ужъ.... о тогда
 Святому не было бъ молебновъ.

АЛЬБА.

Заговоръ!

КОРОЛЬ.

Какъ-будто вы съ гармоніей такою
 Могли сойтись въ одномъ и томъ же мѣнны
 И не стаянуться напередъ? Меня
 Хотите вы увѣрить въ томъ? Меня?
 По-вашему, я, вѣрно, не замѣтилъ,
 Какъ жадно бросились вы на добычу?
 Какъ сладострастно вы подстерегали
 Мои мученья, гнѣвъ мой? Не замѣтилъ
 Какъ полонъ рвенья, герцогъ выжидаетъ
 Лишь случая, чтобъ броситься на милость,
 Чтò сыну я готовилъ? Какъ лукаво
 Почтенный этотъ мужъ ничтожный гнѣвъ свой
 Рукою мощной гнѣва моего

Впередъ подвинуть хочеть? Я вашъ лукъ,
 Вообразили вы, что по желанью
 Натягивать умѣеть всякій?
 Еще во мнѣ есть воля — и когда
 Я сомнѣваться долженъ, то начну
 Я съ васъ по-крайней-мѣрѣ.

АЛЬБА.

Этой рѣчи

Не ожидала наша вѣрность.

КОРОЛЬ.

Вѣрность!

Она предупреждаетъ преступленье,
 Лишь мечь одна доносить о свершенномъ.
 Скажите, что жъ я выигралъ отъ вашей
 Услужливости? Справедливъ доносъ вашъ:
 Мнѣ остается только скорбь развода,
 Триумфъ печальный нести. Нѣтъ, вы только
 Боятесь, жметесь; только подозрѣнья,
 Одни лишь только шаткія догадки
 Вы мнѣ внушаете.... предъ адской бездной
 Вы ставите меня и прочь бѣжите.

ДОМИНГО.

Возможны ль доказательства другія,
 Гдѣ самый глазъ не можетъ убѣдиться?

КОРОЛЬ, послѣ долгаго молчанія, важно и торжественно обращается
 къ Доминго.

Я созову всѣхъ грандовъ королевства
 И буду самъ судьей. Выходите
 Тогда впередъ — коль столько силы вы —
 И назовите вы ее блудницей!
 Она умреть — клянусь вамъ въ томъ! она
 И принцъ умреть! Но не забудьте также,
 Что если оправдаются они —
 Умрете вы! Хотите ли почтить
 Такою жертвой правду словъ своихъ?
 Рѣшайтесь. Не хотите? Опѣшлы?
 Вы не хотите?... Такъ вы лгали мнѣ?

АЛЬБА, молча стоявшій вдали, холодно и спокойно.

Я

Кочу.

король, въ удивленіи обращивается и смотритъ пристально на герцога.

Довольно смѣло! Но я вѣдомнѣлъ,
 Что вы въ кровавыхъ битвахъ жизнь свою
 За мѣньше гораздо рисковали:
 Вы съ легкомыслемъ игрока за славы
 Ничтожность ея слѣпо рисковали, —
 И что вамъ жизнь?... Нѣтъ, крови королевской
 Я не отдамъ безумному въ добычу,
 Кто потерялъ надежду, кто лишь хочетъ
 Ничтожность бытія отдать со славой, —
 Я этой жертвы не прииму. Ступайте,
 Ступайте всѣ вы въ залъ аудіенцій,
 И тамъ дальнѣйшихъ ждите приказаній.

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

КОРОЛЬ, ОДИНЪ.

Теперь дай человѣка мнѣ, Создатель....
 Ты много далъ мнѣ; только человѣка
 Ты дай теперь мнѣ! Ты, о! ты одинъ:
 Ты сокровенное все видишь окомъ.
 Молю тебя о другѣ: я не такъ
 Какъ ты всевѣдущъ. Слуги, мнѣ тобой
 Посланные, самъ вѣдаешь, какіе
 Они мнѣ слуги. Что мнѣ заслужили,
 Того и стѣнли. Ихъ жалкіе пороки,
 Уздой смиренныя, мнѣ полезны цѣлямъ,
 Какъ міру грозы страшныя твои.
 Нужна мнѣ правда.... мирный токъ ея
 Средь шебня заблужденій отрывать
 Не намъ, царямъ, досталось. О, пошли
 Мнѣ мужа рѣдкаго съ открытымъ сердцемъ,
 Съ прямымъ умомъ и неподкупнымъ глазомъ,
 Чтобъ мнѣ помочь съискать ее. Я жребью
 Мѣшаю всѣ: възъ многихъ, многихъ тысячъ,
 Что къ сѣрѣ солнечной престола жмутся,
 Лишь одного найти мнѣ помоги!

Отворяетъ шкатулку и беретъ изъ нея записную книжку. Въ-
 сѣлъ долгого переиспытыванія.

Имена —

Лишь имена стоятъ здѣсь; ни одной
Замѣтки о заслугахъ, по которымъ
Они сюда попали; а чѣмъ такъ
Забывчиво, какъ благодарность? Здѣсь же
Зато на оборотъ каждый изъ проступковъ
Отмѣченъ аккуратно. Это дурно.
Иль память мести въ помощи подобной
Нуждается?

Читаетъ дальше.

Графъ Эгмонтъ? Онъ зачѣмъ
Сюда попалъ? Побѣда подъ Кентенемъ
Давно забыта. Въ мертвые его!
Вычеркиваетъ его имя и пишетъ на оборотъ. Читаетъ про себя далѣе.
Маркизъ де-Поза?... Поза?... Поза?
Едва могу о немъ я вспомнить! Поза?
И два раза подчеркнуть: стало-быть
Его для высшихъ цѣлей прочилъ я.
Возможно ли? онъ отъ меня до-сихъ-поръ
Все уклонялся? взоровъ убѣгалъ
Онъ своего монарха-должника.
Ей-Богу, въ цѣломъ кругѣ царствъ моихъ
Вотъ человекъ единственный, который
Не ищетъ милостей у трона! Еслибъ
Онъ былъ жаднымъ честолюбцемъ одержимъ,
Онъ бы давно явился предо мною.
Не попытаться ль съ этимъ чудакомъ?
Кто безъ меня умѣетъ обходиться,
Тотъ съ правдой на устахъ придетъ ко мнѣ.

Уходить.

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

Аудіенцъ-зала.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ въ разговорѣ съ ПРИНЦЕМЪ ПАРМСКИМЪ. ГЕРЦОГИ
АЛЬБА, ФЕРІА и МЕДИНА-СИДОША. ГРАФЪ ЛЕРМА и еще нѣсколько
другихъ испанскихъ грандовъ съ бумагами въ рукахъ. Всѣ въ ожиданіи
короля.

МЕДИНА-СИДОША, явно избѣгаемый всѣми придворными, обращается къ
герцогу Альбѣ, который одиноко въ раздумь ходитъ взадъ и впередъ.

Вы говорили съ государемъ, герцогъ;
Какъ вы нашли? онъ въ духѣ?

АЛЬБА.

Не въ пріятномъ

Для васъ и вашей вѣсти.

МЕДИНА-СИДОНІА.

Средь огня

Англійскихъ батарей мнѣ было легче,

Чѣмъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ.

Карлосъ, съ вѣнымъ участіемъ сдѣдившій за нимъ, подходитъ къ нему и пожимаетъ ему руку.

Благодарю

Васъ за слезу участія, принцъ. Вотъ сами

Вы видите, какъ все бѣжитъ меня.

Теперь моя погибель неизбежна.

КАРЛОСЪ.

Надѣйтесь, другъ, на милость короля

И на свою невинность.

МЕДИНА-СИДОНІА.

Я лишился

Его, досель невиданнаго, флота.

Что значить голова моя въ сравненіи

Со множествомъ погибшихъ галліоновъ?

Но, Принцъ — пять сыновей, какъ вы, надежныхъ, —

Вотъ что щемитъ мнѣ сердце.

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

КОРОЛЬ входитъ совсѣмъ одѣтый. ПРЕЖНИЕ.

Всѣ снимаютъ шляпы и даютъ ему дорогу, образуя около него полукругъ.

Молчаніе.

КОРОЛЬ, бѣгло осматривая весь кругъ.

Накройтесь!

Донъ-Карлосъ и принцъ Пармскій первые подходятъ и цѣлуютъ руку у короля. Онъ съ нѣкоторою ласковою начинаетъ говорить съ послѣднимъ, не обращая ни какого вниманія на сына.

Ваша мать, племянникъ,

Желаетъ знать, довольны ли вы вами.

ПАРМСКИЙ.

Пускай она объ этомъ, государь,
Васъ спросить послѣ перваго сраженья.

КОРОЛЬ.

Терпѣнье; и до васъ чередъ дойдетъ,
Когда столпы подломятся всѣ эти.

Герцогу Ферин.

Вы съ чѣмъ?

ФЕРИА, преклоняя колѣно.

Великій-Комтуръ калатравскій

Скончался нынче утромъ. Крестъ его
Препровожденъ назадъ.

король, беретъ орденъ и осматриваетъ весь кругъ.

Кто всѣхъ достойнѣй

Носить его?

Киваетъ Альбъ, который становится передъ нимъ на колѣна. Король надѣ-
ваетъ на него крестъ.

Вы, герцогъ Альба, первый

Нашъ полководецъ: будьте-жъ имъ, не *больше*,
И мы всегда къ вамъ будемъ благосклонны.

Замѣчаетъ герцога Медина-Сидонію.

А! мой адмиралъ!

МЕДИНА-СИДОНІА, шатаясь, подходитъ къ нему, и съ по-
нижшей головою становится на колѣна.

Вотъ, государь,

Все что я спасъ отъ вашихъ кораблей,
Отъ вашей многочисленной армады.

король, послѣ долгаго молчанія.

Богъ надо мной. Я васъ противъ людей,
Послалъ не противъ бурь и скалъ подводныхъ.
Добро пожаловать въ Мадридъ.

Протягиваетъ ему руку къ поцѣлюю.

И спасибо,

Что вы въ себѣ достойнаго слугу
Мнѣ сберегли! Да, мои гранды, герцогъ
Слуга достойный мнѣ, и я хочу
Чтобъ всѣми онъ былъ признанъ за такого.
Дылаетъ ему знакъ встать и покрѣтается, потомъ оборачивается къ другимъ.
Что тамъ еще?

Донъ-Карлосу и привцу Пармскому.

Благодарю васъ, принцы.

Они отступаютъ. Остальные гранды приближаются и передаютъ королю съ колѣнопреклоненіемъ бумагу. Онъ бѣгло ихъ просматриваетъ и отдаетъ
АЛЬБЪ.

Все это въ кабинетъ. Ну, все теперь.

Никто не отвѣчаетъ.

Что значить, что въ средѣ моей грандесцы
Не видно никогда маркиза Позы?
Я знаю хорошо, что этотъ Поза
Мнѣ съ честію служилъ. Онъ умеръ, вѣрно?
Зачѣмъ же нѣтъ его здѣсь.

ДЕРМА.

Кавалеръ

Недавно возвратился лишь изъ странствій,
Предпринятыхъ по всей Европѣ. Онъ
Теперь въ Мадридѣ и, какъ слышно, ждетъ
Лишь случая, чтобъ броситься къ стопамъ
Монарха своего.

АЛЬБА.

Гмъ! Маркизь Поза?

Да, точно! Это тотъ Мальгисецъ смѣлый,
Ваше величество, о комъ молва
Еще рассказывала странный подвигъ.
Когда, по приглашенью своего магистра,
Всѣ рыцари на островъ собирались,
Султаномъ Солиманомъ осажденный,
Исчезъ внезапно изъ алькальской школы
Ребенокъ лѣтъ осьмнадцати. Незванный
Явился онъ предъ ла Валетой. «Мнѣ
Купили крестъ,» сказалъ онъ: «но теперь
Его я заслужить хочу.» Онъ былъ
Изъ сорока тѣхъ рыцарей однимъ,
Что противъ Піали, Улукіали
И Мустафы и Гасема крѣпость
Сентъ-Эльмо въ продолженьи трехъ
Ужасныхъ штурмовъ защищали въ полдень.
Когда-жъ она была взята врагомъ,
И рыцари вокругъ него всѣ пали,
Онъ въ море вплавъ бросается и быстро

Назадъ одинъ приходитъ въ ла-Валету.
 Спусти два мѣсяца врагъ оставляетъ островъ,
 И рыцарь возвращается въ Алькалу
 Оканчивать свое образованье.

ФЕРІА.

И тотъ же самый маркизъ Поза послѣ
 Открылъ тотъ знаменитый заговоръ,
 Чуть Каталоньи всей не возмутившій,
 И только твердостью одной своею
 Престолу спасъ одну изъ самыхъ важныхъ
 Провинцій.

КОРОЛЬ

Удивляюсь!... Человѣкъ,
 Все это сдѣлавшій, и не имѣеть
 Ни одного завистника межъ вами?
 Клянуся! или въ немъ необычайный
 Характеръ, или вовсе ни какого.
 Ужъ чуда ради я его увижу.

Герцогу Альбѣ.

Какъ кончится обѣднѣ, приведите
 Его въ мой кабинетъ.

Герцогъ уходитъ. Король къ герцогу Феріа.

А вы ужъ, герцогъ,
 Побудьте за меня въ совѣтъ тайномъ.

Уходитъ.

ФЕРІА.

Монархъ сегодня милостивъ.

МЕДИНА-СИДОНІА.

Скажите:

Онъ богъ! — Онъ для меня былъ сущимъ богомъ.

ФЕРІА.

Да вы и стоите такого счастья!
 Повѣрьте, адмиралъ, я принимаю
 Живѣйшее участіе.

ОДИНЪ ИЗЪ ГРАНДОВЪ.

Я тоже.

ВТОРЫЙ.

И я, повѣрьте, тоже.

ТРЕТІЙ.

Сердце билось
Во мнѣ. Такой достойный генералъ!

первый.

Король былъ къ вамъ, любезный адмиралъ,
Не милостивъ, но только справедливъ.

ЛЕГЛА, НИМОХОДОМЪ къ Медвѣй-Сидоніи.

Какъ вы богаты вдругъ отъ пары словъ!

Всѣ расходится.

ВЫХОДЪ ОСЬМОЙ.

Кабинетъ короля.

МАРКИЗЪ ПОЗА и ГЕРЦОГЪ АЛЬБА.

МАРКИЗЪ, ВХОДЯ.

Меня желаетъ видѣть онъ? Меня?....
Не можетъ быть. Вы въ имени ошиблись....
Чего жъ онъ хочетъ отъ меня?

АЛЬБА.

Онъ хочетъ,

Маркизъ, узнать васъ покороче.

МАРКИЗЪ.

А!

Изъ любопытства.... О! въ такомъ случаѣ
Мнѣ жаль потерянной минуты... Жизнь
Такъ коротка.

АЛЬБА.

Передаю васъ вашей
Звѣздѣ счастливой. Государь теперь
У васъ въ рукахъ. Воспользуйтесь, смотрите,
Искусите подобною минутой,
И обвиняйте самого себя,
Лишь одного себя, когда ее
Упустите.

Уходить.

ВЫХОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

МАРКИЗЪ, одинъ.

Прекрасно, герцогъ. Точно
 Должно уметь справляться съ рѣдкимъ мигомъ,
Единожды дающимся намъ въ руки.
 И въ самомъ дѣлѣ, этотъ царедворецъ
 Даетъ прекрасный мнѣ совѣтъ.... хоть правда,
 Въ совѣтѣ различномъ смыслѣ, но прекрасный.

Прошедшия нѣсколько разъ взадъ и впередъ.

Но какъ попалъ сюда я?.... Своенравье ль
 Капризнаго случая только кажется
 Мнѣ образъ мой вотъ въ *этихъ* зеркалахъ?
 Изъ милліона именно меня,
 Меня оно избрало и Филиппу
 Мое шепнуло имя? Только случай?
 Быть-можетъ болѣе.... и что же случай
 Какъ не простой, шероховатый камень,
 Рукѣ ваятеля воззванный къ жизни?
 Намъ небо посылаетъ случай — къ цѣли
 Онъ долженъ быть обдѣланъ человѣкомъ.
 Чего бъ ни ждалъ король здѣсь отъ меня,
 Что мнѣ за дѣло, если мнѣ извѣстно,
 Чего я самъ хочу отъ короля....
 И хоть бы искру правды удалося
 Мнѣ бросить въ душу короля.... пожаромъ
 Она вѣдь можетъ вспыхнуть въ длани Бога!
 Такъ стало быть что мнѣ казалось страннымъ,
 Быть-можетъ, цѣль имѣеть и большую.
 Имѣеть или нѣтъ — мнѣ всё-равно;
 Я въ этомъ духѣ стану поступать.

Прохаживается нѣсколько разъ по комнатѣ и останавливается наконецъ
 передъ одной картиной. Король показывается въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ
 отдастъ нѣкоторыя приказанія. Потомъ входитъ, останавливается въ дверяхъ
 и рассматриваетъ нѣкоторое время маркиза, не будучи имъ замѣченъ.

ВЫХОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

КОРОЛЬ и МАРКИЗЪ ПОЗА.

МАРКИЗЪ, увидѣвъ короля, сейчасъ же идетъ ему на встрѣчу, преклоняетъ предъ нимъ колѣно, встаетъ и стоитъ передъ нимъ безъ всякаго заи́мательства.

КОРОЛЬ, съ удивленіемъ смотритъ на него.

Такъ вы со мной ужъ говорили?

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ.

КОРОЛЬ.

Вы съ честью мнѣ служили. Для чего же Вы благодарности моей бѣжите? Людей довольно въ памяти моей Тѣснитса. Богъ одинъ всевѣдущъ. Вамъ бы Должно самимъ искать очей монаршихъ. Зачѣмъ вы такъ не поступили?

МАРКИЗЪ.

Сиръ,

Два дня лишь-только, какъ я возвратился Въ Испанію.

КОРОЛЬ.

Я не намѣренъ быть

Въ долгу у добрыхъ слугъ моихъ.... Просите Себѣ награды!

МАРКИЗЪ.

Сиръ, я наслаждаюсь

Законами.

КОРОЛЬ.

Тожъ скажетъ и убійца.

МАРКИЗЪ.

Тѣмъ больше добрый гражданинъ! Сиръ, я Доволенъ.

КОРОЛЬ, про себя.

Много смѣлости, сознанья;

Но этого я ожидаю.... Испанецъ Быть долженъ гордымъ. Мнѣ пріятно, если И черезъ край вино идетъ... Вы вышли Въ отставку?

МАРКИЗЪ.

Чтобъ лучшему дать мѣсто,
Я, государь, посторонился.

КОРОЛЬ.

Жаль!

Когда такія головы гуляютъ,
Какъ много терпитъ государство!... Вы
Бонтесь миновать, быть можетъ, сферы,
Достойной вашего ума?

МАРКИЗЪ.

О, нѣтъ!

Увѣренъ я, что опытный знатокъ
Въ сердцахъ людей, измѣрившій ихъ глубинъ,
При первомъ взглядѣ быстро прочтаетъ,
На что гожусь, или не гожусь ему я.
Съ благоговѣніемъ цѣню я милость,
Которую такимъ высокимъ мнѣніемъ,
Вашъ, государь, угодно оказать мнѣ;
Но я....

Останавливается.

КОРОЛЬ.

Вы не рѣшаетесь, маркизъ?

МАРКИЗЪ.

Я.... я сознаться долженъ, государь,
Въ минуту эту я не приготовленъ.
Съ-тѣхъ-поръ, какъ навсегда съ короной я
Дѣла окончилъ, я себя считалъ
И отъ нужды свободнымъ ей давать
Отчетъ въ своихъ поступкахъ.

КОРОЛЬ.

Такъ онъ слабъ,

Отчетъ вашъ? Вы бонтесь риску,
Быть-можетъ?

МАРКИЗЪ.

Если времени мнѣ станетъ

Его развить.... готовъ рискнуть хоть жизнью,
Но истинѣ боюсь я измѣнить,
Когда мнѣ въ немъ откажете. Мнѣ выборъ
Дать межъ опалой вашей и презрѣніемъ....
По моему, я лучше соглашусь,

Увасъ въ глазахъ преступникомъ прослыть,
Чѣмъ дуракомъ, ничтожнымъ.

КОРОЛЬ, съ видомъ ожиданія.

Ну?

МАРКИЗЪ.

Я не могу Филиппа быть слугою.

Король смотритъ на него съ удивленіемъ.

Я не хочу обманывать купца, Сиръ.
Когда вы мнѣ даете постъ или мѣсто,
То отъ меня хотите, вы лишь дѣла,
Ужъ напередъ обдуманнаго вами.
Хотите только рукъ моихъ средь битвы,
Да головы моей одной въ совѣтѣ.
Не подвиги мои, но одобренье,
У трона или снисканное должно
Тогда быть цѣлью подвиговъ моихъ.
Но для меня, Сиръ, для меня имѣетъ
Здѣсь добродѣтель собственную цѣну.

КОРОЛЬ.

Въ васъ этотъ жаръ похваленъ. Вы хотите
Добро здѣсь дѣлать. Какъ бы вы его
Здѣсь стали дѣлать, патриоту
И мудрецу до этого нѣтъ дѣла.
Даю самими вамъ постъ любой на выборъ
Въ любомъ изъ королевствъ моихъ, гдѣ-бъ вы
Могли прекрасное стремленье это
На дѣла выказать.

МАРКИЗЪ.

Не нахожу

Ни одного я.

КОРОЛЬ.

Какъ такъ?

МАРКИЗЪ.

То, что ваше

Величество моей рукой свершите —
То счастье-ль, полно? То ли это счастье,
Какого чистая моя любовь
Желала-бъ людямъ?...

КОРОЛЬ, немного скоро.

Вы протестантъ.

МАРКИЗЪ, послѣ нѣкотораго размышленія.

Сирь, ваша вѣра

Есть также и моя.

Послѣ нѣкотораго молчанія.

Я ложно понялъ.

Вотъ этого я только и боялся.

Кто жъ вамъ поручится, что для меня,
Еще здѣсь свято то, чего я больше
Ужъ не страшусь теперь. Я вамъ опасенъ,
Затѣмъ, что долго мыслить о себѣ.
Я не опасенъ, государь. Мои
Желанья глѣбютъ здѣсь, и умираютъ.

Прикладывая руку къ сердцу.

Смѣшная эта страсть нововведеній, —
Которая цѣпей не разбивая,
Ихъ тяжесть только умножаетъ, — *миль*
Не распаляетъ крови. Вѣкъ щедушный
Не възрѣлъ для моихъ прекрасныхъ идеаловъ;
Я гражданинъ временъ грядущихъ. Развѣ
Картина можетъ нарушать покой вашъ?...
Дохнете вы, и нѣтъ ея.

КОРОЛЬ.

Я первый

Узналъ васъ съ этой стороны?

МАРКИЗЪ.

Вотъ съ этой —

Да!

КОРОЛЬ встаетъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и, остановясь передъ маркизомъ, про себя.

Новъ по-крайней-мѣрѣ этотъ тонъ!
Лестъ истощается, а подражанье
Для умной головы несносно..... Средство
Противное быть можетъ.... Почему же?
Внезапность насъ смущаетъ. Если такъ,
То я вамъ предложу другое мѣсто,
Гдѣ сильный духъ....

МАРКИЗЪ.

Я слышу, Сирь, какое

Ничтожное, пустое вы поняте
Имѣете о людяхъ; даже въ вольной рѣчи

Вы видите льстеца, уловку только,
И, какъ мнѣ кажется, я знаю, кто
Къ тому васъ принуждаетъ. Люди, люди
Принудили къ тому васъ: добровольно
Они себя лишили благородства,
Всѣхъ лучшихъ качествъ сердца, добровольно
На этой низкой степенн себя
Поставили....

..... Такъ приняли вы свѣтъ,
Такъ онъ и вашему отцу былъ отданъ.
Ну какъ, въ такомъ печальномъ искаженн,
Ну какъ вамъ было уважать людей?

КОРОЛЬ.

Тутъ, можетъ-быть есть нѣсколько и правды.

МАРКИЗЪ.

Но вотъ что жаль! Изъ Божіихъ созданій
Въ свои созданья обративъ людей,
И этимъ вновь отлитымъ креатурамъ
Себя давъ богомъ — вы не досмотрѣли
Бездѣлки лишь: что сами человѣкомъ
Остались, человѣкомъ Божьихъ рукъ.
Вы просите сочувствій, а предъ богомъ
Лишь можно жертвовать — молиться — трепетать!
Обиѣвъ ужасный! Человѣка сами
Вы сдѣлали лишь клавишью своею —
Кому жъ созвучьемъ съ вами подѣлаться?

КОРОЛЬ.

(Клянусь, онъ проникаетъ въ душу мнѣ!)

МАРКИЗЪ.

Позвольте мнѣ уйти, Сиръ. Я увлекся
Предметомъ. Духъ мой переполненъ — прелесть
Слишкомъ сильна стоять передъ единымъ
И говорить съ нимъ смѣло глазъ на глазъ.
Графъ Лерма входитъ и говоритъ тихо съ королемъ. Тотъ даетъ ему
знакъ удалиться и остается на своемъ мѣстѣ въ прежнемъ положеніи.

КОРОЛЬ, послѣ долгаго молчанія.

Я вамъ позволяю

Договорить все до конца.... Иначе, —
 Я понимаю это, — чѣмъ въ другихъ умахъ,
 У васъ въ умѣ рисуется весь міръ....
 Подъ мѣрку общую я не хочу
 Васъ ставить. Я былъ первый, передъ кѣмъ
 Такъ откровенно сердце вы изнали.
 Я вѣрю этому, затѣмъ что знаю.
 И потому зато, что эти мнѣнья,
 Хотя они и пламенны и рѣзки,
 До-сихъ-поръ вы скрывали.... ради этой
 Предусмотрительности скромной, я
 Хочу забыть, что я, я самъ узналъ ихъ,
 И какъ узналъ ихъ! Встаньте. Я хочу
 Неопытнаго юношу, какъ старецъ,
 Не какъ король судить. Того хочу я,
 Затѣмъ что я хочу. Вотъ такъ-то ядъ
 Въ благоустроенныхъ натурахъ можетъ
 Принять видъ лучшаго чего-то. Но
 Бѣгите инквизиціи!... Миѣ будетъ
 Жаль....

МАРКИЗЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? точно будетъ?...

КОРОЛЬ,

Я

Еще не зналъ такого человѣка.
 Нѣтъ, нѣтъ, маркизъ! вы слишкомъ уже строги!
 Я не хочу Нерономъ быть здѣсь! Нѣтъ,
 Я не хочу.... для васъ я не хочу.
 Не всякое блаженство у меня
 Черствѣетъ. Вы, вы сами на глазахъ
 Моихъ должны остаться человѣкомъ.

МАРКИЗЪ, скоро.

Но братья, Сиръ, мой?... О! не о миѣ
 Шла рѣчь, не о себѣ я хлопотаю.
 Но ваши подданные, Сиръ?

КОРОЛЬ.

И если вамъ такъ хорошо извѣстно,

Какъ обо мнѣ судить потомство будетъ,
То пусть оно на васъ самихъ увидить,
Какъ обойтись умѣлъ я съ человѣкомъ,
Когда нашелъ его.

МАРКИЗЪ

О! самый справедливый
Изъ всѣхъ монарховъ, да не станетъ разомъ
Несправедливѣйшимъ изъ нихъ.... У васъ
Во Фландріи есть милліоны лучшихъ
Меня.

КОРОЛЬ, съ смягченною важностію.

Ни слова болѣе!... Я знаю,
Вы переѣните свой образъ мыслей,
Когда, какъ я, узнаете людей....
Но мнѣ бы не хотѣлось видѣть васъ
Въ послѣдній разъ. Какъ мнѣ начать, скажите,
Чтобъ привязать къ себѣ васъ?

МАРКИЗЪ.

Сирь, оставьте

Меня какъ есть. Чѣмъ былъ бы я для васъ,
Когда бъ меня вы подкупили?

КОРОЛЬ.

Нѣтъ!

Не потерплю я гордости такой.
Вы у меня на службѣ съ этихъ поръ....
Безъ возраженій! Я хочу того.

Помолчавъ.

Но что жъ? чего жъ хотѣлъ я? Правды
Вѣдь кажется хотѣлъ я? И нашелъ
Не много больше даже.... Вы, маркизъ,
Меня изобразили на престолѣ,
Но не въ кругу домашнемъ....

Замѣтивъ, что маркизъ перѣшительно на него смотритъ.

Понимаю.

Но если я изъ всѣхъ отцовъ на свѣтѣ
Несчастивѣйшій, то развѣ мнѣ нельзя ужъ
Быть счастливымъ супругомъ?

МАРКИЗЪ.

Если

Надежды полный сынъ и обладанье
Прелестною супругою дають
Здѣсь челоуѣку право на блаженство,
То вы счастливѣйшій отецъ на свѣтѣ,
Счастливѣйшій суцругъ.

КОРОЛЬ, мрачно.

Нѣтъ, нѣтъ!

И что несчастливъ я, я никогда
Того не чувствовалъ такъ живо, сильно
Какъ вотъ теперъ....

Съ нѣкоторою горестью смотря на маркиза.

МАРКИЗЪ.

Принцъ мыслить благородно

И здраво. Никогда я Принца
Не зналъ другимъ.

КОРОЛЬ.

А я узналъ.... Чтѣ онъ

Похитилъ у меня, того ничто,
Того короны всѣ не замѣнять....
Такою рѣдкую жену!

МАРКИЗЪ.

Кто это

Осмѣлится?...

КОРОЛЬ.

Кто? Свѣтъ! людскіе толки!

Я самъ!... Вотъ здѣсь улики, чтѣ ее
Невозвратно, страшно осуждаютъ;
Другія есть еще, къ которымъ я
Боюсь и приступиться.... Но, маркизъ,
Миѣ тяжело, тяжело объ одномъ подумать.
Кто обвинилъ ее?... Когда она,
Она сама могла такъ низко пасть,
Такъ какъ же тутъ скорѣи не усумниться,
Что Эболи безсовѣстно клевететь?
Развѣ монахъ ея не ненавидитъ?

И Альба къ принцу местию не дышетъ?
Моя жена дороже мнѣ ихъ всѣхъ.

МАРКИЗЪ.

Сиръ,

И въ сердцѣ женщины зарыто нѣчто,
Что выше всѣхъ и толковъ и злорѣчій:
То добродѣтель женская.

КОРОЛЬ.

Маркизъ,

Я то же думаю. Какъ ни шипи
Они, а такъ ужасно, низко пасть
Не такъ легко! Не такъ легко, маркизъ,
Какъ тамъ они меня ни увѣрай,
Святые узы чести разорвать.
Маркизъ, вы глубоко людей постигли.
Давно недоставалъ мнѣ человекъ
Такой, какъ вы. Вы добры, вы пріятны
И знаете людей, и потому
Я васъ избралъ....

МАРКИЗЪ, озадаченный, испуганный.

Меня, Сиръ?

КОРОЛЬ.

Вы стояли

Передъ своимъ монархомъ и себѣ
Не спросили ровно ничего.
Мнѣ это ново.... Прямые, справедливы
Вы будете. Страсть вашихъ смѣлыхъ взоровъ
Не помрачить.... Войдите въ связи съ принцемъ,
Узнайте сердце, мысли королевы.
Я дамъ вамъ полномочье съ нею быть
Наединѣ. Теперь меня оставьте.

Дергаетъ за колокольчикъ.

МАРКИЗЪ.

Если

Отъ васъ уйду я хоть съ одной надеждой
Исполненной, то этотъ день мнѣ будетъ
Прекраснѣйшимъ днемъ въ жизни.

король, протягивает ему руку къ поцѣлую.

Вѣрьте,

Онъ непотерянный и для меня.

Маркизь встаетъ и удаляется. Графъ Лерма входитъ.

Маркиза Позу допускать ко мнѣ

Впередъ безъ всякаго доклада.

М. ДОСТОЕВСКИЙ.

ДОСТОВѢРНОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ

0

РОЖДЕНІЯ, ЖИЗНИ И ПОДВИГАКЪ СЯТЪЛНАГО ГОСПОДИНА, СЕНЬОРА
ГРАФА ДОНЪ-ХУАНЪ-РОДРИГЕСЪ-ТЕНОРІО-ДЕ-МАРАНЫ, ПРОСЛАВИВ-
ШАГОСЯ ВО ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ И ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ

ДОНЪ-ЖУАНА.

=

ИСАЯЪ ФІЛИПЪЕВЪ МАЛЬОНЪ.

=

КНИГА ПЕРВАЯ.

=

Шестнадцатый вѣкъ начался благополучно для католическаго запада. До того времени великіе столѣтніе церковные юбилеи съ полнымъ отпущеніемъ грѣховъ праздновались только въ Римѣ. Чтобы сподобиться этого блага, богомольцы принуждены были сами странствовать и нести въ столицу міра обѣты и приношенія хранивъ. Тяжко и горько было далеко жившимъ и бѣднымъ. Пана Александръ-Шестой явился болѣе милостивымъ нежели его предшественники. Ему неважно было деньги для его сына, Валенсиѣца, который воевалъ въ Романіи, и онъ сталъ продавать полныя индульгенціи по всей Европѣ. Тогда всякому стало возможно, не трогаясь съ мѣста, по сходной цѣнѣ купить потребное количество спокойствія совѣсти, а въ сундуки святѣйшаго

отца папы появились золотыя и серебряныя рѣки и ручьи, и весь католическій міръ зажилъ въ довольствѣ и счастіи.

Такъ и Испанія ликовала въ началѣ 1500 года.

Общую радость увеличило еще другое важное событіе. Двадцать четвертаго февраля, въ Гандѣ, что во Фландріи, родился младенецъ, которому предназначено было царствовать въ государствѣ по обширнѣ Карломанова. То былъ сынъ Филиппа-Австрійскаго, по прозванію Прекраснаго, и Іоанны-Кастильской, что звали Рѣзвою; внукъ, по отцѣ, германскаго императора Максимилиана Перваго и дочери Карла-Смѣлаго, Маріи-Бургонской, а по матери — испанскихъ государей Фердинанда-Пятого и Изабеллы-Первой. Въ крещеніи его нарекли Карломъ и слѣдовало ему потомъ прозываться Карломъ-Пятымъ.

Веселье было превеликое; пушки палили, колокола трезвонили, поэты рвемани славили, народъ радился во праздничному и бѣгалъ и шумѣлъ по улицамъ.

Только одна провинція не вторила общему восторженному хору. То было царство гренадское, за семь лѣтъ назадъ завоеванное у Мавровъ. Въ капитуляціи было сказано, что жители сохранять свое имущество и свободу вѣроисповѣданія. Но сколько прежде Мавры были снисходительны къ побѣжденнымъ Испанцамъ, столько же Испанцы, ставъ въ свою очередь побѣдителями, оказались жестокими: чтобы кончить борьбу, они обѣщали все на свѣтѣ, а когда кончилась, не сдержали ничего.

Не отъ Фердинанда можно было ожидать оставленія привычки къ тѣмъ политическимъ хитростямъ, которыя около того времени прославили было испанскую добросовѣстность *пуническою*. Честолюбивый, скупой, жестокій, завистливый, — завистливый къ своимъ генераламъ, къ жемѣ, которая была ему товарищемъ, и даже къ дѣтямъ, — превращая вѣру въ орудіе, Фердинандъ все и всѣхъ приносилъ въ жертву своему эгоизму. Столько же пріятельскій по своимъ дарованіямъ, сколько страшный по характеру, Фердинандъ былъ испанскій Иванъ-Грозный, или Людовикъ-Однадцатый. Но Иванъ-Грозный несравненно благороднѣе поступилъ съ мусульманами царства казанскаго чѣмъ Фердинандъ съ царствомъ гренадскимъ, населеннымъ также послѣдователями Великаго Пророка: онъ не нарушалъ даннаго имъ слова.

Кастилія, въ 1468 году, не хотѣла признать за своимъ престолѣмъ наследницею Іоанну, рожденную отъ брака Гамриха-Четвертаго съ Іоанной-Португальской, а присягнула осмнадцатилѣтней сестрѣ короля, инфантѣ Изабеллѣ, которая на другой

годъ вышла за семнадцати-лѣтняго инфанта Фердинанда. Супруги привесли другъ другу приданого, одна — королевство Кастилію, Леонъ, Галицію, Астурію, Бискаію, Манчу, Эстремадуру, Мурсію и всю Андалузію, включая Гренады, которая еще принадлежала Маврамъ; другой — королевство аррагонское, которое заключало въ себѣ собственно Аррагонію, Каталонію, Валенсію и Балеарскіе Острова, не считая Сардиніи и Сициліи, и не считая вскорѣ потомъ осуществленныхъ надеждъ на Наварру, Руссьионъ и Неаполь. Такимъ образомъ, черезъ осемь вѣковъ, возстановилось единство Испаніи, раздробленной вмѣстѣ съ владѣтельствомъ Готовъ на равнинахъ Хереса.

Въ 1503, Изабелла умерла. Фердинандъ лишился всѣхъ правъ на престолъ кастильскій, однакожъ тѣмъ не менѣе рѣшился отбить ихъ у дочери и внука. Честолюбивое соперничество разстроило это странное предпріятіе. Не будучи въ состояніи отнять что-нибудь у своихъ наследниковъ, онъ хотѣлъ по-крайней-мѣрѣ лишить ихъ полъ-царства; посватался и женился на племянницѣ французскаго короля Людовика-Двѣнадцатаго, Эрминіи де Фоа. Онъ надѣялся имѣть другихъ дѣтей, которые бы наследовали ему въ собственныхъ его родовыхъ владѣніяхъ, и такимъ образомъ своей личной досадѣ жертвовалъ всею славой и величіемъ Испаніи. У него дѣйствительно родился сынъ, который однакожъ умеръ въ колыбели. Вскорѣ потомъ онъ и самъ умеръ.

Хитростей своихъ онъ не скрывалъ, когда цѣль достигалась; напротивъ, хвалился ими. Однажды ему сказали, что Людовикъ-Двѣнадцатый жаловался на два обмана съ его стороны.

— Неправда! вскричалъ Фердинандъ: я надулъ его разъ двадцать по-крайней-мѣрѣ.

Столько же умная, столько же отважная и твердая Изабелла походила на Фердинанда только съ хорошей стороны. Во всемъ прочемъ она не только отличалась, но составляла противоположность мужу. Сердце у нея стояло ея ума. Она была вмѣстѣ и великимъ человѣкомъ и чудесною женщиной, вѣжливой, сострадательной, правдивой, вѣрной, великодушной, восторженной. Никогда не бывало головы, болѣе достойной вѣнца. Осемнадцати лѣтъ она отказалась отъ братиннаго престола, который ей предлагали заговорщики. Она удивлялась Гонсальду и поняла Колумба. Она сочувствовала всѣмъ великимъ страданіямъ и защищала всѣ правы дѣла. Она творила столько добра, сколько могла, и никогда не дѣлала зла по своей волѣ, а допускала его только по принуж-

девию, по дурнымъ совѣтамъ и подъ роковыми вліяніемъ обстоятельствъ. Только встревоживая ея умъ потребностями политики, а совѣсть ужасами вѣрованій, супругъ и духовники могли заставить ее учредить инквизицію, угнетать Нидѣрцевъ и Мавровъ и изгнать Евреевъ. Король условился съ папою насчетъ гонимыхъ, которымъ подверглись еретики въ Испаніи. Вынужденное согласіе Изабеллы отняло у побѣжденныхъ послѣднее покровительство и лишило договоры послѣдней надежности. Мавры увидѣли себя беззащитно предаными фанатизму Торкемады и жадности Фердинанда. Они жаловались, но жалобъ ихъ никто не слушалъ. Въ Альлухаррасъ и въ Гренадѣ обнаружались безпокойства и король рѣшился лично отправиться туда, въ надеждѣ, что страхъ его присутствія подавитъ мятежъ.

Въ ту пору Мадридъ не только еще не былъ столицею, но едва становился городомъ. Дворъ не имѣлъ опредѣленной резиденціи и пребывалъ то въ Барселонѣ, то въ Сарагоссѣ, то въ Вальядолидѣ, то въ Севильѣ, — попеременно во всѣхъ важнѣйшихъ провинціальныхъ городахъ.

Дворъ переселился въ Гренаду и провелъ тамъ цѣлый годъ. Всѣ знатные вельможи, сановники и знаменитости Испаніи явились туда, — Гусманы, Манрикесы, Хироны, Мендосы, Толедо, Сильва, Серда, Кастро; потомъ донъ-Хуанъ Чакопъ, графъ Карвагенскій; донъ-Діего Порто-Карреро, алькалъ де-лосъ-Донселесъ; Мануэль де-Леонъ, графъ де-Байлепъ; Педро Эрнандесъ-и-Агиларъ-де-Кордова, — братъ Великаго Капитана, — четыре рыцаря, о которыхъ предавіе, недостоверно впрочемъ, говоритъ, будто они посреди непріятельскаго города побѣдоносно защитили невинность мавританской царяцы противъ клеветы четверыхъ Сегри; потомъ самъ Великій Капитанъ Гонсальвъ Эрнандесъ-и-Агиларъ-де-Кордова, герцогъ де-Терра-Нова, маркизъ де-Битонто; потомъ кардиналъ Франсиско-Хименесъ де-Сиснеросъ, архіепископъ толедскій, Ришельё своего вѣка, и наконецъ Христофоръ Колумбъ, который явился въ кандалахъ передъ тѣмъ, когдѣ обогатилъ цѣлымъ новымъ свѣтомъ.

Гренада построена на трехъ холмахъ. Самый высокій изъ нихъ увѣнчанъ Альямброй, которая сама по себѣ уже можетъ назваться городомъ. Вершина главной башни этихъ палатъ оканчивается открытымъ на всѣ четыре стороны павильономъ съ куполомъ, лежащимъ на двѣнадцати бѣлыхъ мраморныхъ колоннахъ. Павильонъ некогда служилъ султаншамъ будоаремъ, а у испанскихъ королевъ обращенъ въ моленную.

Оттуда взоръ обнимаетъ обширную и великолѣпную папораму: во-первыхъ—самая Альябра со своими дворцами, садами, фонтанами, колонадами и кружевными стѣнами; далѣе, на востокъ, Генеральнѣ, огромный букетъ цвѣтовъ въ мраморной корзинкѣ; за югъ—Чудо-Башня, тѣмные и одиночіе призраки умершаго царства; на сѣверѣ — Альбайсинъ, укрѣпленный дворецъ, давнишній соперникъ Альябры; повыше — Гренада, полуоткрытая какъ поспѣлый плодъ,—пестрыя груды домовъ, разложенныхъ ступенями по откосамъ холмовъ, и торчащіе шпицы минаретовъ; внизу и вдале на западъ — плодоносная долина Вега, усаженная городами и селами, изрытая оврагами, пспещренная полями и рощами; золотосный Дарро и серебрястый Хеналь, которые пзинаясь между холмами встрѣчаются и вмѣстѣ спѣшать съискать Гуадалькибиръ. Предѣлами горизонту служатъ съ одной стороны Сиерра-де-Эльвира, спящая на обугленныхъ утесахъ, съ другой Сиерра-Невада, которая укуталась въ бѣлый бурнусъ и, отвернувшись отъ земли, смотритъ на небо.

Ясное весеннее утро освѣщало сцену. Ни одно облачко, ни одна дымка не помрачала блестящей прозрачности лазури. Солнце переломляло свои косвенные лучи на всѣхъ выпуклостяхъ пейзажа, разбивало широкія волны свѣту на всѣхъ плоскостяхъ и бросая пятна тѣни въ углубленія, роскошными противоположностями удвоивало таинственный ужасъ бездонныхъ пропастей. Вся природа пила его жаркія, плодотворныя струи. неподвижныя деревья молча прислушивались къ движенью своихъ соковъ. Изъ овраговъ разнообразныя сочныя травы тянулись непропиаемыми плетнями. Виноградъ почти видимо протягивалъ свои свѣжіе побѣги по жердямъ. Розовыя лавры, апельсины, митры и граваты въ цвѣту такъ пошли вѣтерокъ благоуханіемъ, что онъ шатаясь сбивался съ пути, и между тѣмъ какъ на высяхъ горъ молча таялъ снѣгъ, у подошвъ звучно рокотали каскады и потоки.

По берегамъ рѣкъ спокойно бродили стада; по дорогамъ двигались повозки; поселяне, солдаты, купцы, путешественники, Мавры и Христіане всѣхъ сословій въ пестрой смѣси суетились въ обширномъ людскомъ муравейникѣ и по окрестностямъ.

Надъ долиной, надъ городами, надъ горами, надъ солнцемъ носился невидимый вѣнецъ, тоскующая душа этой чудесной земли, слава побѣжденной Аравіи.

На балконѣ высокаго павильона стояла Изабелла, въ раздумьи

склопясь на першла. Гонсальвъ де-Кордова молча смотрѣлъ на неѣ, прислонясь къ колоннѣ.

Королева была еще хороша. Не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, она сохранила еще всю стройность стана и ослѣпительную бѣлизну кожи. Каштановые волосы чуть-чуть начинали серебриться, а въ большихъ голубыхъ глазахъ свѣтились не старѣющіе умъ и доброта. Только горе и утомленіе, увы! отиѣтили на благородномъ челѣ неизгладимый слѣдъ.

Гонсальвъ де-Кордова, знаменитый полководецъ, прозванный Великимъ Капитаномъ въ Испаніи, гдѣ слово «капитанъ» значитъ въ то же время и военный голова и правитель, былъ одинъ изъ тѣхъ избранныхъ людей, которымъ природа не отказываетъ ни въ какомъ благѣ. Время, казалось, уважало въ немъ одного изъ самыхъ совершенныхъ мужчинъ въ Европѣ и продолжало его молодость далеко за обыкновенные предѣлы. Годы не согнули его стана, не помяли лица, не потушили огня во взорѣ. Созданный для властвованья и успѣховъ, предназначенный къ побѣдамъ, баловень счастья, Гонсальвъ соединялъ въ себѣ красоту солдата, важность начальника, пріятность придворнаго, тонкость дипломата и умъ философа, и все это онъ умѣлъ выказать даже въ своей одеждѣ. Къ законной гордости его въ этомъ случаѣ, конечно, примѣшивалось нѣсколько тщеславія. Девизъ его былъ: *Ingenium superat vires*, — духъ выше тѣла, — слѣдовательно, глядя на то, что онъ самъ показывалъ, надобно было предполагать еще гораздо больше.

Королева долго предавалась своимъ думамъ.

— И Боабдиль могъ сдаться! сказала она вдругъ, быстро поднявъ голову.

Гонсальвъ улыбнулся.

— Я, на его мѣстѣ, скорѣе схоронилась бы подъ развалинами послѣдней башни, чѣмъ отступиться отъ Гренады, продолжала Изабелла: а я — женщина!

— Вы, свѣтлѣйшая государыня, доказали, что не нужно быть мужчиной, чтобъ явиться великимъ монархомъ, отвѣчалъ Гонсальвъ.

Королева, не обративъ вниманія на лесть, продолжала:

— Между-тѣмъ, у него были хорошіе солдаты, храбрые офицеры и предводитель — герой Сиди-Муса!

— Да, возразилъ Гонсальвъ, нѣсколько нахмурился: но противъ него была судьба....

— И Великій Капитанъ! подхватила королева съ очаровательною улыбкой, обратясь къ нему.

Лицо гордаго полководца просияло.

— Вы одержали много побѣдъ, донъ-Гонсальвъ, продолжала королева: много еще предстоитъ вамъ громкихъ дѣлъ, но Гренада навсегда останется самымъ славнымъ вашимъ памятникомъ.... Ахъ, Гонсальвъ, продолжала она потомъ съ грустью: судьба!... судьба!... Безпрерывно, безпрестанно она поражаетъ меня въ сердце. Жуанъ, единственный мой сынъ, наследникъ престола, и старшая дочь Исавель, королева португальская, оба умерли въ цвѣтъ лѣтъ. Последняя дочь моя, Юанна, правда, родила мнѣ внука, но слабый ея разумокъ колеблется и наконецъ померкнетъ подъ бременемъ ревности. Мужъ не любитъ ея, отецъ тоже не любитъ.... Онъ никого не любитъ! Ахъ, угрызения совѣсти убиваютъ меня.... Я скоро умру.... умру несчастною!

Прекрасная голова склонилась на грудь, взволнованную судорожными вздохами; крупныя слезы побѣжали по блѣдымъ щекамъ.

Прославленная побѣдами царица плакала посреди покореннаго народа!

Гонсальвъ не посмѣлъ нарушить этой величественной скорби, и на вершинѣ башни водворилась мертвая тишина.

Вдругъ въ центрѣ Гренады поднялся большой шумъ. Прозрачность и звучность воздуха, не смотря на отдаленіе, позволили уловить нѣсколько подробностей.

На Бибарамблѣ,—большой площади, гдѣ при Маврахъ производились военныя игры и бой быковъ,—показался бѣлый всадникъ на ворономъ конѣ. Около него народъ бушевалъ какъ морскія волны около боковъ корабля, и въ разныхъ мѣстахъ изъ толпы вырывались крики, которые порой сливались въ страшный хоръ. Между тѣмъ всадникъ, посреди всего этого шума и волненія, спокойно и ровно подвигался впередъ.

Изабелла и Гонсальвъ въ недоумѣніи переглянулись, ничего не могли понять и опять обратились къ городу.

Сцена продолжалась безъ перемѣны. Проѣхавъ всю площадь, всадникъ продолжалъ путь по тѣсной и изрытой улицѣ Сакативо. Толпа слѣдовала за нимъ съ тѣми же криками, и скоро онъ скрылся изъ виду.

— Вотъ странность! сказала королева: я хочу знать, что это значитъ.

Она пошла спускаться по узкой, витой лестницѣ въ свои покои; Гонсальвъ послѣдовалъ.

Потомъ, по длинному корридору, они вошли въ залу посланниковъ.

Эта зала занимаетъ все пространство Комарской Башни. Величина ея во всѣ концы одинакова: она образуетъ кубъ въ шестьдесятъ футовъ. Въ трехъ стѣнахъ по три окна съ полукруглыми, съ мраморными пилястрами внутри и съ такими же мраморными колоннами въ простѣнкахъ снаружи. Надъ этими большими окнами, въ пятидесяти футахъ отъ полу, еще окошечки, черезъ которые свѣтъ падаетъ на свѣтъ. На четвертой сторонѣ широкій входъ подъ пятью арками, украшенными арабесками по краснымъ, зеленымъ и синимъ полямъ. Направо и налѣво — по нищу. По низу всѣ четыре стѣны окаймлены на четыре фута вышины мозаикой, пестряющей цвѣтами, звѣздами, розетками и всевозможными фантастическими украшениями. Остальные пространства покрыты лѣпною работою и надписями по краснымъ и синимъ полямъ. Плафонъ состоитъ изъ кедровыхъ брусевъ, искусно сложенныхъ, такъ, что выходитъ множество звѣздъ и ромбовъ.

Нѣсколько группъ придворныхъ вполголоса вели разговоръ въ разныхъ углахъ залы, но большая часть собралась у тѣхъ оконъ, что выходятъ на внутреннй дворъ Дарро.

Нѣкоторые замолчали, нѣкоторые посторонились, когда вошла королева. Изабелла и Гонсальвъ подошли къ среднему окну, гдѣ стоялъ король, который разговаривалъ со вторымъ генералъ-инквизиторомъ, саморскимъ епископомъ Фрай-Диего Деса, и вторымъ коннетаблемъ Кастиліи, донъ-Бернардино де-Веласкомъ, графомъ Аро, герцогомъ де Фриасомъ.

Король — человекъ средняго росту, статный, ловкій и сильный. Высокій лобъ сливается съ лысиной. Проницательные, живые глаза сверкаютъ подъ густыми сѣдыми бровями. Цвѣтъ лица немножко красноватый и загорѣлый.

— Что тамъ случилось, донъ-Эрнандо? спросила Изабелла подходя.

— Не знаю, государыня, отвѣчалъ Фердинандъ; нужно послать узнать.

— Если вашимъ свѣтлѣйшимъ милостямъ угодно, сказалъ Гонсальвъ: я пошлю моего корнета: онъ у меня тутъ, близко.

— Хорошо, герцогъ.

Герцогъ вышелъ за дверь и тотчасъ же воротился.

Черезъ минуту потомъ изъ оконъ увидѣли, какъ посланный

во всю конскую прыть поскакалъ внизъ по крутому косовору отъ Воротъ Судилища къ гренадскимъ воротамъ. Въ зрители затрепетали, такъ стремительно онъ мчался.

— Ахъ, Боже мой! вскричала королева: несчастный убьется.

— Не беспокойтесь, свѣтлѣйшая государыня, возразилъ Гонсальвъ: онъ молодець, сорви-голова: онъ не свернетъ себѣ шеи.

И въ самомъ дѣлѣ, посланецъ благополучно проскакалъ въ городскія ворота и исчезъ въ Гомелесовой улицѣ.

Черезъ нѣсколько времени онъ снова появился въ воротахъ и прискакалъ также скоро. Лошадь его вся была въ мылѣ. Король приказалъ позвать его и хотѣлъ самъ разспросить.

Корнетъ вошелъ. Это былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати трехъ, небольшого росту, но крѣпкаго сложенія. Бѣлый цвѣтъ лица былъ чуть-чуть прикрашенъ загаромъ. Рыжеватые волосы и усы, голубые глаза и рѣзко очерченный носъ составляли довольно открытую физиономію, къ которой очень шла бойкая поступь молодого человѣка. Грудь была украшена краснымъ крестомъ ордена Калатравы.

Корнетъ подошелъ къ Гонсальву и, поклонясь, сказалъ:

— Честь имѣю явиться, капитанъ.

— Ихъ свѣтлѣйшимъ милостямъ самымъ угодно выслушать докладъ, отвѣчалъ Гонсальвъ.

Молодой человекъ обратился къ королю и королевѣ съ такимъ же поклономъ и сказалъ:

— Слушаю, ваши свѣтлѣйшія милости.

— Чтò значить эта тревога на площади? спросилъ король.

— Это проѣхалъ донъ-Хуанъ-Гомелесъ, свѣтлѣйшій государь. Завидѣвши его, народъ собрался, обступилъ и сталъ кричать.

— Чтò же народъ кричалъ?

— Одни кричали: «Измѣнникъ донъ-Хуанъ! отступникъ! предатель!»

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Фердинандъ съ улыбкой.

— Точно такъ, свѣтлѣйшій государь. А другіе опять кричали: «Ура, Сиди-Муса! да здравствуютъ Гомелесы! хвала защитнику Гренады!»

— Чтò жъ потомъ?

— Потомъ несогласныя партіи по временамъ вскидывались одна на другую, перебранивались между собой.

— Чтò жъ донъ Хуанъ на это?

— Ничего; ѣдетъ себѣ спокойно и равнодушно. Если бъ ло-

шадь не перебирала ногами, можно было бы подумать, что это конная статуя.

— Былъ кто-нибудь при немъ?

— Только одинъ пажъ.

— Верховой?

— Нѣтъ, пѣшій.

— Куда онъ ѣдетъ?

— По направленію къ Альямбрѣ.

— И все тутъ?

— Все свѣтлѣйшій государь.

— Хорошо.

Фердинандъ сдѣлалъ знакъ, и все присутствовавшіе отошли къ створѣ; король и королева остались одни въ амбразурѣ окна.

— Что вы объ этомъ думаете, донья-Исавель?

— Я думаю, что довь-Хуану очень непріятно слышать отъ земляковъ такіа поношенія.

— Это бы еще ничего. Но вы знаете, каковъ этотъ человекъ. Онъ происходитъ отъ перваго арабскаго завоевателя Испаніи, отъ того Сиди-Мусы, котораго имя прежде носилъ. Въ жилахъ его течеть царская кровь. При Боабдилѣ онъ былъ начальникомъ сьльнаго племени Гомелесовъ и верховнымъ воеводой мавританскимъ. Онъ давно славится и имѣлъ много вліянія, недаромъ впрочемъ, потому что онъ мудръ въ совѣтѣ и страшенъ въ дѣлѣ. Во время осады Гренады отъ схватывался съ Гарсіей Паредесомъ, который поднимаетъ лошадь и съ одного маху разрубаетъ чело-вѣка на двое. А по уму Гомелесъ едва-ли уступаетъ нашему Великому Капитану. Онъ одинъ поддерживалъ эту войну впродолженіи цѣлаго года, оживлялъ бодрость, успокоивалъ умы, выдерживалъ приступы и лично предводилъ вылазками. Онъ сжегъ нашъ лагерь и принудилъ насъ построить Сапта-Фе. Онъ же и взялъ бы у насъ этотъ городъ, еслибъ его поддержали. Онъ чуть не захватилъ всехъ насъ, чуть не убилъ меня. Если бъ онъ царствовалъ на мѣстѣ Боабдила, онъ отстоялъ бы Гренаду, или похоронился бы подъ ея развалинами. Онъ, можетъ-быть, къ нашему несчастію не погибъ въ сраженіяхъ. Жаль по-крайней-мѣрѣ, что онъ не послѣдовалъ примѣру Боабдила, не продалъ своихъ имѣній и не покинулъ Испаніи. Намъ было бы спокойнѣе. Онъ, правда, присягнулъ намъ и окрестился, однакожъ никогда не является ни ко двору ни въ церковь: я не могу довѣрять ему. Я знаю, что онъ не принималъ ни какого участія въ послѣднихъ безпокойствахъ, и упрекнуть его ни въ чемъ нельзя. Но такого ро-

ду люди нустяками не занимаются: онъ, можетъ быть, ждетъ болѣе удобнаго случая и теперь засадеть себѣ въ своемъ крѣпкомъ заицѣ Бибъ-аль-Джебелъ какъ орелъ на сторожѣ добычи. Онъ гордъ, богатъ, отваженъ и великодушенъ; у него есть все, что увлекаетъ и порабощаетъ толпу. Вы видите, какъ его принимаютъ послѣ осьми-лѣтней отлучки.... Кажется, со времени сдачи Гренады онъ еще не бывалъ здѣсь. Половина народонаселенія все еще видитъ въ немъ своего идола; другая половина поноситъ его. Но и самая мѣра озлобленія доказываетъ мѣру сожалѣнія: подъ этой ненавистью кроется привязанность: все оскорбленія наносятся только донъ-Хуану, христiанину. Можно вообразить какой восторгъ онъ возбудитъ, если когда-нибудь вздумаетъ опять воротиться въ мусульманство, опять сдѣлаться Сиди-Мусой.... Земля задрожитъ и все наше зданіе можетъ разсыпаться. Это опасный человѣкъ. Я думаю, что всего лучше было бы какъ-нибудь избавиться отъ него, или изгнать, или предать инквизиціи. Нужно подумать. А покуда, когда ужъ онъ у насъ подъ руками, можно воспользоваться этою тревогой и арестовать его. Чтѣ вы на это скажете?

— Государь, отвѣчала Изабелла, выслушавъ супруга съ большимъ вниманіемъ: я, какъ всегда, вижу вашу проицагелность и вашу осторожность, однакожъ средство ваше, по-крайней-мѣрѣ съ перваго взгляду, мнѣ кажется и несправедливымъ и неполитическимъ. Несправедливо было бы наказывать человѣка за зло, котораго онъ еще не сдѣлалъ и, можетъ быть, вовсе не думаетъ сдѣлать. Вы сами сознаетесь, что донъ-Хуанъ Гомелесъ не по-давалъ ни накого поводу къ неудовольствію. Онъ живетъ одинъ, вдали отъ Гренады: доказательство, что онъ не вмѣшивається ни въ какіе заговоры и не замышляетъ ни какихъ переворотовъ. Я сожалѣю, что его не видать въ церквахъ: хорошій примѣръ, поданный такимъ человѣкомъ, сильно подѣйствовалъ бы на этихъ несчастныхъ еретиковъ. Это былъ бы свѣтильникъ, который далеко разлнлъ бы свѣтъ истинной вѣры. Но нельзя же отъ ново-обращеннаго требовать такого усердія, какъ отъ стараго христiанина. Довольно и того, что онъ согласился принять святое крещеніе. Я уповаю на милосердіе Божіе: Господь со-временемъ просвѣтитъ его. И кто же знаетъ? можетъ-быть, Сиди-Муса втайнѣ молится. Есть люди, которые скрываютъ свои добрыя дѣла точно такъ же какъ другіе скрываютъ порочныя поступки. Требовать отъ него можно только одного, — чтобы онъ не обращался къ окаянному служенію магометанству, а этого, кажется, у него

и предполагать нельзя: напротивъ, олъ часто посѣщаетъ канцелярша замка Мараны, человека небожнаго и мудраго въ дѣлахъ дѣры, человека, который обратилъ его. Недавно еще донъ-Хуанъ жонился на грешной Мавританкѣ. Все его поведеніе доказываетъ чистоту образа мыслей. Преслѣдовать его было бы несправедливо, даже неосторожно: зачѣмъ дразнить спокойнаго льва? Показавъ Гомелесу недоувѣрчивость, можно внушить ему мысль о возмущеніи; напасть, значить заставить защищаться, а мы уже знаемъ, какъ онъ защищается. Притомъ, такое нападеніе можетъ только повредить намъ; отъ искры вспыхнетъ пожаръ и мы, даже въ случаѣ побѣды, только опозоримся.

Король молчалъ.

— Мнѣ жаль, что я не успѣла убѣдить васъ, государь, продолжала Изабелла: жаль также, что здѣсь нѣтъ кардинала Мездосы или фрай Хименеса: они могли бы дать намъ совѣтъ. Впрочемъ, герцогъ Терра-Нова здѣсь. Онъ также хорошій совѣтникъ. Спросимъ его. Я очень люблю, чтобы мнѣ доказали правду, когда я ошибаюсь.

Король не отвѣчалъ. Изабелла подала Гонсальву знакъ, чтобы подошелъ, и сообщила ему, въ чемъ дѣло.

— Если вашимъ свѣтлымъ милостямъ угодно выслушать мое мнѣніе, сказалъ Гонсальвъ, я совѣтовалъ бы все дѣло предоставить времени. Всего лучше — молчать и наблюдать. Сила — на сторонѣ вашихъ свѣтлыхъ милостей, стало-быть, вамъ не трудно ждать. Мнѣ кажется, вы слишкомъ много чести оказали бы Мавру, если бъ стали бояться его, когда не боятесь короля Франціи. Донъ-Хуанъ Гомелесъ не страшнѣй Сиди-Мусы. Мы взяли Гренаду, когда она была въ его рукахъ; теперь она въ нашихъ и мы съумѣемъ удержать ее. Если же противъ всякаго ожиданія, ему удастся отнять, ну! тогда мы еще разъ возьмемъ. Вашимъ свѣтлѣйшимъ милостямъ стовѣтъ только приказать, и будетъ.

— О! вамъ, герцогъ, вамъ война всегда по вкусу, я знаю! вскричалъ король.

— Это очень естественно, прибавила королева съ улыбкой: побѣда любить Великаго Капитана, и Великій Капитанъ былъ бы неблагодарный, если бъ не любилъ побѣды.

— Хорошо, сказалъ король со вздохомъ: я вижу, что мнѣ не пересилить: королева и великій капитанъ въ союзѣ противъ меня. Я уступаю.... на этотъ разъ. Но по-крайней-мѣрѣ я воспользуюсь совѣтомъ Великаго-Капитана: буду молчать и наблюдать: я поручу моего христіанна вниманію великаго инквизитора.

Она пошла, отвела къ сторонѣ графъ-Диего-Досу и стала говорить съ нимъ въ-полголоса.

— Благодарю васъ, донь-Гонсальвъ, что вы помогли мнѣ, скажите порочнее.

— Моя жизнь принадлежитъ вашей свѣтлѣйшей милости, отъичъ Великій-Капитанъ.

— Да, мнѣ известна ваша преданность нашимъ престоломъ, королева Изабелла съ милостью: вы доказали ее и этимъ добрымъ советомъ, который дали королю... А гдѣ вы въ корнетъ, вы въ конецъ? спросила она потопи, вдругъ переѣхавъ разговоръ.

— Въ прихожей, государыня. Вамъ угодно приказать что будетъ?

— Нѣтъ; но мнѣ пріятно было бы поговорить съ нимъ. Его свѣтлѣйшія мнѣ нравятся. Прикажите позвать его.

Молодой человекъ тотчасъ явился.

— Что прикажете, капитанъ? спросила его.

Королева улыбнулась.

— Ея свѣтлѣйшей милости угодно было признать васъ, донь-Хорхе, сказала Гонсальвъ.

Донъ-Хорхе почтительно поклонился.

— Вы, кажется, любите нашего воюемаго? спросила Изабелла.

— Да, свѣтлѣйшая государыня, а желала бы имѣть десять жизней, чтобы отдать ихъ за него....

Взглядъ Гонсальва заставилъ его прибавить:

— И за вашу свѣтлѣйшую милость.

Изабелла опять улыбнулась.

— Это оттого что нашъ воюема — первый между воюемами, сѣмю продолжалъ молодой человекъ: но это вашей свѣтлѣйшей милости известно такъ же хорошо, какъ и мнѣ: онъ довольно одержалъ побѣдъ, довольно завоевалъ провинцій.

Гонсальвъ хотѣлъ заставить своего восторженнаго поклонника замолчать, но королева не дала:

— Оставьте, герцогъ, оставьте, сказали она: пусть говорятъ. Я люблю откровенность въ молодыхъ людяхъ... Продолжайте, продолжайте, прибавила она; обращаясь къ корнету: говорите о Великомъ Капитанѣ.

— Великій Капитанъ такъ добръ до меня, свѣтлая государыня, продолжалъ донь-Хорхе съ жаромъ, такъ добръ, что отецъ не можетъ быть добрее!... Онъ далъ мнѣ знамя своей роты... У насъ въ ротѣ триста человекъ и подъ самимъ Капитаномъ — только поручикъ донь-Диего де-Киньонесъ, а подъ поручикомъ —

я, следовательно я теперь третій послѣ господина Великаго Капитана донъ-Гонсальва де-Кордовы, герцога де-Терра-Новы, маркиза де-Битонто! Какъ же мнѣ не любить его!

— Да, конечно, онъ доставилъ вамъ большой почетъ, сказала королева: но всего лучше то, что вы такъ признательны ему.

— Донъ-Хорхе вовсе не обязанъ быть столько признательнымъ, свѣтлая государыня, возразилъ Гонсальвъ: я только отдалъ ему справедливость. Этотъ молодой человѣкъ (и онъ отечески ударилъ его по плечу), этотъ молодой человѣкъ просто герой. У вашей свѣтлѣйшей милости не найдется ни болѣе вѣрнаго подданнаго, ни болѣе храбраго солдата.

— О! я сама видѣла, какъ онъ храбръ, сказала Изабелла: чтобы такъ промчатся внизъ по кособогу Альямбры, нужно быть отважнымъ до безумія. Но такая отважность не можетъ не нравиться. Я люблю храбрость.

— О, да! храбрость хорошая вещь! сказалъ Хорхе: но, что до меня касается, я не считаю мою храбрость большою заслугой: она у меня въ крови.

— Вы дворянинъ? спросила королева.

— Изъ собственной роты господина Великаго Капитана, съ гордостью отвѣчалъ Хорхе: у насъ всѣ — дворяне.

— Какъ васъ зовутъ?

— Донъ-Хорхе Теноріо.

— Вы сынъ донъ-Рун-Діаса Теноріо?

— Точно такъ, свѣтлѣйшая государыня.

— Вы, донъ-Хорхе, лишились благороднаго отца, мы — достойнаго слуги, Испанія — славнаго воина, Церковь — благочестиваго и строгаго христіянина. Донъ-Рун-Діасъ былъ перломъ рыцарей своего времени. Онъ при осадѣ Гренады творилъ чудеса храбрости. Тамъ же и старшій братъ вашъ, графъ де-Марана, началъ свое военное поприще, и началъ счастливо. Онъ тогда былъ еще очень молодъ. Скажите, зачѣмъ его не видать при дворѣ? Ему нельзя сослаться на отдаленіе: его замокъ отстоитъ отъ Гренады не больше какъ на шесть миль.

— Графиня беременна, свѣтлѣйшая государыня, и притомъ больна. Братъ боится отойти отъ нея; нѣсколько разъ уже онъ имѣлъ поводъ опасаться за жизнь и за разумокъ ея.

— Неужели? вы огорчаете меня, донъ-Хорхе. Я очень люблю графиню. Бѣдная моя Клара! Она была такъ добра, такъ нѣжна, такъ мила, такая истинная женщина! Я такъ давно уже не ви-

дала Клары, съ самаго замужства ея. Между-тѣмъ, она, казалось, была привязана ко мнѣ.

— О! она никогда не переставала любить васъ, свѣтлѣйшая государыня. Въ замкѣ Мараны очень часто вспоминаютъ о вашей свѣтлѣйшей милости. Графиня говоритъ о васъ, какъ....

— Ну? продолжайте.... Какъ?...

— Какъ я говорю о нашемъ Великомъ Капитанѣ, отвѣчалъ донъ-Хорхе съ улыбкой.

Гонсальвъ, смотрѣвшій въ окно, не принималъ участія въ разговорѣ, но въ эту минуту оборотился къ королевѣ и сказалъ:

— Представьте себѣ, свѣтлѣйшая государыня, Сиди-Муса ѣдетъ прямо сюда. Какое событіе! Сиди-Муса является ко двору!

— Такъ пойдите, примите донъ-Хуана Гомелеса. Я не хочу, чтобы онъ жаловался на недостатокъ гостепріимства. Не забудемъ, что онъ нѣкогда какъ хозяинъ повелѣвалъ въ этомъ дворцѣ, и постараемся смягчить ему горечь сожалѣнія. Вамъ же всего приличнѣе отдать ему честь: вы побѣдитель, онъ побѣжденный.

Гонсальвъ поклонился. Донъ-Хорхе приготовился послѣдовать за своимъ начальникомъ.

— Еще одно слово, сказала королева, останавливая его: вы ничего не просите, донъ-Хорхе? Случай быстро уходитъ у царей: не должно пропускать его. Говорите откровенно, чего вы желаете?

— Я желаю удостоиться чести поцѣловать руку моей свѣтлѣйшей государыни, смѣло отвѣчалъ молодой человекъ.

Королева съ довольнымъ видомъ подала ему руку. Донъ Хорхе опустился на одно колено и почтительно поцѣловалъ руку, потомъ всталъ, поклонился и съ торжествующимъ видомъ прошелъ между рядами придворныхъ, которые смотрѣли на него съ завистью.

— Столько же безкорыстенъ, сколько храбръ, сказала королева Гонсальву: это хорошо. Я очень довольна. Но этого мало: я хочу, чтобы и онъ тоже былъ доволенъ.

— Послѣ чести, которой вы его удостоили....

— Будто ему ничего больше и не нужно? перебила королева смѣясь: вы, донъ Гонсальвъ, называетесь его покровителемъ. Скажите мнѣ правду, богатъ онъ?

— Увы! государыня, онъ младшій сынъ. Старшій его братъ, по порядку, получилъ все отцовское имѣніе, а ему досталась только шпага и.... надежда.

— Я видѣла у него орденъ Калатравы.

— Да, онъ кавалеръ.

— Скажите ему, что я поговорю объ немъ съ королемъ и что онъ получитъ первое вакантное командорство.

— Благодарю васъ, свѣтлѣйшая государыня, за моего крестца.

— Ступайте теперь, приготовьте Гомелесу встрѣчу, достойную его и васъ.

Между придворными уже разошелся слухъ, что донъ-Хуанъ Гомелесъ явится. Всѣ ждали съ любопытствомъ, особенно молодые люди горѣли отъ нетерпѣнія вблизи увидѣть знаменитаго воина. Тѣ, которые знавали его прежде, спрашивали себя, по какому новоду онъ вдругъ покинулъ уединеніе, и также желали посмотреть, какимъ образомъ Сиди-Муса предстанетъ передъ новыми своимъ государей, и какъ его примутъ. Глубокая тишина царствовала въ залѣ, когда дверь открылась.

Донъ-Хуанъ Гомелесъ вошелъ въ сопровожденіи герцога Кордовы. Это былъ человекъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и типъ арабскихъ красавцевъ, — рослый, широкоплечій, стройный, тонкій въ поясъ и гибкій. Весь онъ составлялъ олицетворенную силу и ловкости. Голову держалъ высоко, какъ человекъ привыкшій повелѣвать; загорѣлое лицо, густые черные волосы, длинная борода, острый носъ, выдавшіеся скулы и большіе, черные, огненные глаза, — все это составляло выразительную эстетическую. Онъ былъ одѣтъ по-испански, въ бѣлое съ золотомъ; у боку висѣла длинная и тяжелая мавританская сабля въ золотыхъ чашечныхъ ножнахъ. Онъ твердою, спокойною поступью подошелъ къ трону, гдѣ только-что сѣлъ король и королева.

Званіе грандовъ — происхожденіе Карла-Пятаго. До него, никто кромѣ принцевъ крови не смѣлъ садиться въ присутствіи короля; садился только по приглашенію, которое даже первые сановники почитали великою милостью. Въ эту минуту изъ нижнихъ проходовъ сидѣть тутъ находились только великій инквизиторъ и констабль Кастильи.

Они оба встали, когда увидѣли, что королева встаетъ при приближеніи донъ-Хуана Гомелеса. Только король остался на своемъ мѣстѣ. Донъ-Хуанъ подошелъ къ трону, низко поклонился королю, потомъ ступилъ еще шагъ къ королеви и опустился на одно колѣно.

— Встаньте, сказала Изабелла съ живостью: встаньте и садитесь. Господинъ камергеръ, подайте стулъ донъ-Хуану Гомелесу. И вы садитесь, герцогъ Сеса.

Такой приемъ вовсе не нравился Фердинанду. Но надежало

угодить Изабеллѣ, которой принадлежала большая часть королевства и которая раздѣляла съ нимъ царскую власть.

Сынъ Донъ Хуанъ Гомелесъ заговорилъ :

— Привожу мою почтительную благодарность вашимъ свѣтлымъ милостямъ за радушный приемъ, оказанный низжайшему изъ подданныхъ вашихъ. Я умѣю вполне оцѣнить милостивое позволеніе сидѣть въ присутствіи высокихъ особъ, передъ которыми мнѣ слѣдовало бы пасть ницъ; искренно благодарю также за великую честь, которой я удостоился на порогѣ этого дворца: мѣня встрѣтилъ и, ввелъ мой побѣдитель, въ которомъ я съ гордостью вижу побѣдителя Европы.

— Здѣсь уже нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, донъ-Хуанъ, возразила Изабелла съ живостью: я надѣюсь, что всѣ здѣсь только добрые и честные Испанцы, которые всѣ окружаютъ престолъ своихъ государей съ одинаковымъ чувствомъ преданности и вѣрности.

Гомелесъ молча поклонился.

— Съ моей стороны, сказалъ Гонсальвъ;—если ваши свѣтлѣйшія милости позволяютъ, — я скажу, что почитаю самымъ славнымъ днемъ моей жизни тотъ, когда мнѣ удалось содѣйствовать имени государямъ къ приобрѣтенію такого слуги, каковъ сенсьоръ донъ-Хуанъ Гомелесъ.

Гомелесъ опять отвѣчалъ только поклономъ.

— Донъ-Хуанъ Гомелесъ, кажется, выразился точнѣе васъ, герцогъ, замѣтилъ Фердинандъ съ нѣкоторою ироніей: онъ назвался подданнымъ, а не слугой.

— Если повиноваться — значитъ служить, свѣтлый государь, холодно сказалъ Гомелесъ, то я служу, потому что я повинуюсь.

— И хорошо дѣлаете, сказалъ король.

— Я всегда дѣлаю то, что долженъ дѣлать, государь.

Положеніе становилось щекотливымъ. Изабелла, сколько по добротѣ, столько же и по благоразумію, посидѣвши дать разговоръ другой оборотъ.

— Мы благодаримъ васъ, донъ-Хуанъ, что вы по собственному побужденію пришли привѣтствовать насъ на провѣздѣ, сказала она.

— Это я также считаю обязанностью, свѣтлая государыня, обязанностью, которую исполняю съ наслажденіемъ.

— Намъ только жаль, что мы не чаще видимъ васъ при дворѣ.

— Что жъ бы я сталъ дѣлать при дворѣ, свѣтлей государыня?

— А что вы дѣлаете въ вашей Аль-Аль-Джобиланской мандатин? спросилъ король.

— Стараюсь забыть.

— Вы, вѣроятно, слышали, что около васъ, въ Альбухаррабѣ, неспокойно?

— Къ сожалѣнію, слышалъ, государь.

— Вамъ известна причина?

— Я полагаю знать ее. Нѣкоторая часть вродовассаловъ жалуются на способъ объясненія договора.

— Что же вы думаете, они справедливо жалуются?

— Мое дѣло судить только моихъ вассаловъ, государь, а мои вассалы не принимали ни какого участія въ смутахъ.

— Однако жъ это вопросъ важный и мнѣ вѣроятно было бы слышать ваше мнѣніе.

— Вотъ оно, въ двухъ словахъ, свѣтлей государь: я осуждаю тѣхъ, которые заблуждаются, и сожалѣю о тѣхъ, которые страдаютъ.

Гомелось должно выторговывался изъ затруднительнаго положенія, ни сколько не переступая границъ почтенія и не подвергая униженію свое достоинство. Но король настаиваетъ.

— Однако жъ, сказалъ онъ, еслибъ вамъ пришлось принять участіе въ этомъ дѣлѣ?

— Я надѣюсь, что никогда не буду принужденъ къ такой жестокой крайности. Я христіанинъ, государь, и споръ о вѣрѣ до меня не касается. Я Испанецъ и подчиняюсь законамъ Испаніи. Если, отъ чего Боже сохрани, междоусобная война возгорится и въ Гренадѣ, я смѣю надѣяться, что ваши свѣтлѣйшія милости избавятъ меня отъ стыда и отчаянія, — отъ необходимости облажить мечъ противъ людей, которые нѣкогда были моими братьями и товарищами и которые всегда остаются моими соотечественниками.

— Если же, однако жъ, намъ нужна будетъ ваша служба и если мы прикажемъ вамъ идти противъ бунтовщиковъ?

— Я клялся повиноваться вамъ, государь, и не ослушаюсь. У меня останется только одно средство — искать смерти въ первой схваткѣ.

Эти благородныя слова возбуждали въ собраніи трепетъ удивленія. Тронутая Изабелла благосклонно взглянула на Гомелеса и, когда онъ всталъ, сказала:

— Больше требовать отъ васъ невозможно, донъ Хуанъ, и мы такъ много доверъ не потребуемъ. Вашего нравственнаго сдѣлствія намъ достаточно. Хорошій примѣръ съ вашей стороны сдѣлствуетъ на эту провинцію лучше всякаго оружія, а мы желаемъ одерживать надъ нашими подданными только самыя твердыя побѣды. Продолжайте жить добрымъ Испанцемъ и добрымъ христіаниномъ, и вы приобрѣтете новыя права на признательность вашихъ государей, у которыхъ уже пользуетесь полнымъ уваженіемъ.

— Сердце мое проникнуто вашими милостями, свѣтлѣйшая государыня. Я постараюсь доказать вамъ мою глубокую признательность, трудясь всѣми силами надъ дѣломъ примиренія, какъ указываетъ мнѣ ваша мудрость. Трудъ этотъ будетъ мнѣ пріятенъ. Мои обязанности соглашаются съ самыми пламенными помыслами желаніями и мысль моя уже опережала ваши повелѣнія.

— Вы имѣете сообщить намъ какой-нибудь планъ? спросила королева.

— Нѣтъ, я желаю только попросить милости.

— За будущія ваши услуги? спросилъ король съ извѣстною улыбкой.

— Нѣтъ, ваша свѣтлая милость, за настоящую мою покорность.

Фердинандъ далъ наконецъ желанный поводъ упрекнуть Гомелеса и хотѣлъ было жестоко ухватиться за этотъ отвѣтъ, но Изабелла предупредила.

— Покорность — долгъ всѣхъ нашихъ подданныхъ, сеньоръ Гомелесъ, сказала она грозно и повелительно, священныи долгъ, а не заслуга. Она не имѣетъ права на награды. Но я помню, что прежде обращенія въ вѣрнаго подданнаго вы были великодушнымъ непріателемъ. Когда, во время осады Гренады, вы подошли нашъ лагерь, — я говорю объ этомъ въ похвалу вамъ: вы служили тогда царю Боабдилю, а я люблю, когда люди усердно служатъ своимъ государямъ, — посреди тревоги, вы пошли подъ лезвиемъ своей сабли королеву Испаніи и пощадилъ ее, потому что это была женщина. Королева Испаніи помнитъ это, король также, и обоимъ пріятно доказать вамъ свою признательность. Говорите, чего вы желаете?

Общій крикъ — да здравствуетъ королева! да здравствуютъ государи! — былъ отвѣтомъ на эту великодушную рѣчь. Такъ Изабелла привлекала всѣ сердца, которыя ея супругъ и соправитель такъ часто отвращалъ.

— Дѣло идетъ о тяжбѣ, сказалъ Гомелесъ, когда придворные утикли: я подожду, когда вашимъ свѣтлѣйшимъ милостямъ угодно будетъ пожаловать мнѣ минуточку аудіенціи.

— Вы сейчасъ можете получить аудіенцію, отвѣчала Изабелла.

И по знаку ея всѣ вышли. Гомелесъ остался одинъ передъ королемъ и королевой.

— Мы слушаемъ васъ, донъ-Хуанъ, сказала королева.

— Ваши свѣтлѣйшія милости позволяютъ мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ объяснить обстоятельства дѣла, началъ Гомелесъ: мое бибъ-аль-джебельское владѣніе граничитъ съ владѣніемъ маранскимъ, а между обоими лежитъ небольшое помѣстье д'Альбарранъ, которое у насъ, сосѣдей, съ давнихъ поръ составляетъ предметъ спору. Въ то время когда ваши свѣтлыя милости изволили осадить Гренаду, царь Абу-Абдалла-аль-Сакиръ, то есть Боабдиль, владѣлецъ Мараны, и я, наследовавъ Бибъ-аль-Джебелъ по смерти отца, мы старались разрѣшить это дѣло. Война заставила насъ опять оставить его. Когда Гренаду взяли, свергнутый царь собрался покинуть Испанію и продалъ свои помѣстья вашимъ свѣтлѣйшимъ милостямъ за восемьдесятъ тысячъ червонцевъ. Помѣстье Марана со всѣми землями и угодьями перешло въ ваши свѣтлыя королевскія руки. Если бы оно такъ и осталось, я почтительно предоставилъ бы это дѣло вашему правосудію и ждалъ бы рѣшенія. Но впоследствии владѣніе переименовано въ графство и, въ награду за службу донъ-Руи Диаса Теноріо, пожаловано на феодалномъ правѣ его сыну, донъ Руи Понсу Теноріо, который теперь владѣетъ. Донъ-Руи Понсъ возобновилъ притязанія своихъ предшественниковъ, а я, имѣя дѣло уже не съ государами, съ равнымъ себѣ, поддерживаю то, что считаю своимъ правомъ. Пять лѣтъ тому назадъ, дѣло пошло въ Совѣтъ Кастиліи и до сихъ поръ не рѣшено. Между тѣмъ на помѣстье наложено запрещеніе. Не знаю, чѣмъ совѣтъ рѣшитъ, но я долженъ сказать вашимъ свѣтлѣйшимъ милостямъ, что вассалы д'Альбарранскіе, — все Мавры и магометане, — неохотно перейдутъ подъ власть господина, котораго отецъ со славою сражался противъ ихъ соотчичей и противъ ихъ вѣры. Они сочтутъ себя жертвами побѣды, рабами, отданными въ награду побѣдителю. Это, конечно, будетъ заблужденіе, но заблужденіе простибельное, а слѣдствія его, въ случаѣ безпокойствъ, могутъ сдѣлаться очень важными.

— Изъ этого вы заключаете, что мы хорошо сдѣлаемъ, если

королевскою властью рѣшимъ вопросъ въ вашу пользу.... Мы тѣмъ взаимно окажемъ другъ другу услугу, — мы, отдавая помѣстье, а вы принявъ его, неправда ли?

— Благородите выслушать меня до конца, свѣтлѣй государь, спокойно отвѣчалъ Гомелесъ: я не изъ корысти прошу милости. Дѣло идетъ о мировой, которая будетъ выгодѣ моему противнику тѣмъ мнѣ, и общественному спокойствію выгодѣй тѣмъ намъ обонь.

— Такъ объяснитесь, сказалъ король.

— Продолжайте, донъ-Хуанъ сказала королева.

— Слухи носятя, что графъ Марана скоро вторично сдѣлается отцомъ. Онъ, по обычаю, учредилъ маіоратство для своего сына, которому теперь четыре года и котораго зовуть по дѣду Рунъ Диасомъ. Ребенку, который теперь родится, достанется очень мало, если что достанется. Я предлагаю рѣшить въ его пользу нашъ споръ съ графомъ Мараной и записать помѣстье д'Албарранъ на его имя. Помѣстье даетъ полторы тысячи червонцевъ доходу. Этого будетъ ему достаточно для поддержанія своего званія, если родится мальчикъ, или составитъ хорошее приданое, если родится дѣвочка. Я съ моей стороны, за отреченіе, желаю только имѣть честь быть воспріимникомъ этого ребенка и управлять имѣніемъ до его совершеннолѣтія. Такая сдѣлка, мнѣ кажется, имѣла бы хорошія послѣдствія. Во первыхъ, она дала бы вассаламъ д'Албаррана время привыкнуть къ перемѣнѣ владѣльца и устранила бы всякій поводъ къ неудовольствію; во вторыхъ, она пеннуемо имѣла бы выгодное вліяніе на духъ нашей провинціи: доброе согласіе и духовное родство между двумя такими различными фамиліями, каковы наши, послужило бы хорошимъ примѣромъ и содѣйствовало бы вообще къ сближенію старыхъ и новыхъ подданныхъ вашихъ свѣтлѣйшихъ милостей. Впрочемъ, какъ мои государи рѣшатъ, такъ и будетъ. Я жду повелѣній.

— Тутъ, кажется, нечего долго думать, отвѣчала Изабелла: предложеніе слишкомъ выгодно и не можетъ быть не принято. Какъ вы полагаете, государь?

— Я не нахожу ни какого препятствія, государыня, отвѣчалъ король, но я не знаю расположенія графа Мараны и не могу предвидѣть его отвѣта.

— Онъ не хорошо поступитъ, если отвергнетъ такое выгодное предложеніе. Но графъ этого не сдѣлаетъ: онъ человекъ разсудительный и сверхъ того пряמודушный и благородный. Я увѣрена, что онъ отдастъ справедливость безкорыстію донъ-Хуана

Гомедезъ и отплатить ему дружбой. Впрочемъ, въ случаѣ нужды, я беру въ посредники и полагаю, что могу поручиться вамъ за усякъ, донъ-Хуанъ. Я самъ устрою это дѣло. Ступайте съ миромъ и сохраняйте увѣренность въ нашей королевской милости.

Гомедезъ поблагодарилъ низкими поклономъ и вышелъ.

— Этого человѣкъ истинно великъ, сказала Изабелла въ шопотъ лоса: онъ во всемъ доказываетъ свое величіе.

— О! его поступокъ, можетъ-быть, не совсѣмъ такъ бескорыстенъ, какъ кажется! замѣтилъ Фердинандъ.

— Отчего такъ? съ живостью возревила королева.

— Оттого что онъ, кажется, былъ влюбленъ въ графиню, до ея замужства.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, я давно слышала объ этомъ.

— Можетъ-быть, онъ и до сихъ поръ любитъ ее.

— Можетъ-быть, сказала Изабелла задумчиво.

— А графиня? продолжалъ король съ усмѣшкой.

— О! Клара добродѣтельная женщина! перебила Изабелла.

Таковы были супруги и совѣтники: одинъ во всемъ видѣлъ зло, другая — добро.

Королева призвала корнета Хорхе и дала ему приказанія. Черезъ нѣсколько минутъ молодой человѣкъ во весь опоръ поскакалъ къ замку Марана.

Между пикомъ Мулей-Хасень и Рогомъ Велетскимъ, двумя высочайшими точками цѣпи Сьерра-Невады, — что значитъ «снѣжный хребетъ», — на востокъ и на западъ открывается глубокая долина въ нѣсколько миль протяженія, орошаемая Диларомъ, однимъ изъ притоковъ Хенпла. Находясь у предѣловъ Европы и Африки, она соединяетъ въ себѣ рѣзкія противоположности отличительныхъ характеровъ обѣихъ странъ свѣта. По известному топографическому закону, по которому вездѣ видъ мѣстности первенствуетъ передъ положеніемъ и подвергаетъ ее влиянію противоположнаго климату, сѣверный склонъ здѣсь носитъ на себѣ отпечатокъ юга.

Гора, изломанная тою же причиною, которая выдвинула ее, спускается въ долину неправильными рядами гигантскихъ ступеней. Основанія, почти параллельныя по горизонтальному плану, но неровныя по высотѣ, состоятъ изъ огромныхъ глыбъ, въ прихотливомъ безпорядкѣ всеженныхъ, ввязанныхъ и нагроможденныхъ одна на другую какъ будто могучими руками зодчихъ циклоповъ. Нѣкоторыя глыбы выдвигаются далеко впередъ отъ об-

этого основанія и кажутся брошенными на перекоръ законамъ тяжести и тяжести, — висать, постоянно угрожая паденіемъ на дикие утесы. Эти ярусы зубчатыхъ стѣнъ раздѣляются разсѣлинами и оврагами, которые то завадываются обрушенными камнями, то пробиваются глубже прежняго.

Дѣтъ столько же суровъ какъ и ливн. Подземный огонь оставилъ на нагихъ каменныхъ массахъ слѣды своихъ ошустошительныхъ взрывовъ, хотя время уже нѣсколько сгладило ихъ. Мѣсто кажется проклятымъ, такъ оно страшно. Сама природа тутъ остановила свое дѣло возобновленія и уважаетъ мертвое величіе дикой пустыни.

Всюду сушь, тѣніе и безплодіе. Солнце, которому гора смотритъ прямо въ глаза, и вѣтеръ Сахары, который у нея останавливается, заострили и иззубрили углы утесовъ, взушили воды и опалили всю почву, такъ, что она едва-едва пытается нѣсколько тощихъ, сухихъ вересковыхъ кустиковъ, нѣсколько искривленныхъ индійскихъ смоковницъ и мелкихъ однокныхъ пальмъ, которыя не превышаютъ засѣвшихъ въ трещинахъ колючихъ алоевъ.

Ни какого движенія, ни какой жизни: ни чей голосъ не нарушаетъ мрачнаго сна дикихъ ущелій. Перелетные ансты высоко проносятся мимо надъ выжженными утесами; даже коршунъ не садится на нихъ. Только ползущіе гады съ замороженною кровью глѣзятся въ глубинахъ, змѣи съ ящерицами на полной свободѣ воюютъ между собой за право господства.

Вдругъ видъ перемѣняется.

У подошвы горы течетъ Диларъ, — гдѣ по-уже, гдѣ по-глубже, — вездѣ быстрый, по ложу съ одной стороны круто срывающему, съ другой пологому и низменному, и смягчаетъ, освѣжаетъ воздухъ, увлекая и его своимъ теченіемъ въ долину. Подъ защитою хребта, какъ подъ окопомъ отъ палющихъ лучей и смертоносныхъ дуновеній, полуденный склонъ развертываетъ всѣ богатства и плодovitость умѣреннаго пояса. Почва плавно повышается холмами, то спускается, стелется ровными лугами, то опять подымается и безъ насплій, безъ обрывовъ достигаетъ вершинъ, окаймляющихъ горизонтъ. Вѣтры, на лету разорванные гребнемъ хребта, падаютъ въ долину уже безъ опредѣленной цѣли и безопасно, кротко блуждаютъ между холмами; в самое солнце тутъ уже не жжетъ, не сушитъ, а только грѣетъ и оживляетъ. Тутъ вся природа какъ будто старается вознаградить упущенія, обнаруженные на противоположной сторонѣ, и за спиной мертвого скелета расточительною рукою сыплетъ всѣ свои сокровища

жизни и плодородія, — она поступаетъ какъ и судьба, которая даетъ одному все, другому ничего. Тутъ все есть, и стройныя величественныя пальмы, и золотыя нивы, и сочные луга испещренные цвѣтами, и дубъ, и лианы, и душистый лимонъ, и дивный виноградъ. Многочисленные ключи струятся, извиваются, соединяются въ ручьи и бѣгутъ по всѣмъ направленіямъ въ Диларъ.

Тутъ и движеніе, и шумъ, — щебетанье птицъ, людской говоръ, смѣхъ и крикъ, звонъ бубенчиковъ, блеянье скотины, лай собакъ, скрипъ колесъ, стукъ мельницъ и рокотъ шлюзовъ, — работа, жизнь.

На обонхъ концахъ долины стояло по замку, которые какъ бы охраняли ее, а по серединѣ находилась деревня д'Альбаррантъ, въ которой не было ни укрѣпленія, ни башни, ни какого признаку присутствія господина. До запрещенія, наложеннаго Боабдлемъ и возобновленнаго католическимъ правительствомъ, это имѣніе, по распоряженію благочестивыхъ эмировъ, принадлежало большой гренадской мечети. Между деревней и рѣчкой находилось мавританское кладбище, на которомъ посреди зелени кипарисовъ и плакучихъ пль бѣлѣлись увѣчаные полумѣсяцами надгробные камни.

На юго-востокѣ, гдѣ сходятся двѣ отрасли горнаго хребта, на крутомъ утесѣ торчалъ какъ орлиное гнѣздо замокъ Бибъ-аль-Джебель, — что значитъ «ворота горы». Это въ самомъ дѣлѣ — входъ въ Альнухаррасъ. Замокъ этотъ, прислоненный къ неприступнымъ утесамъ, справа и слева господствовалъ надъ мрачными пропастями. Съ площади, находившейся передъ фасадомъ, въ долину вела узкая тропинка, извивающаяся между утесами подлѣ стремительнаго потока Дилара, который съ шумомъ низвергается въ бездну. Шумъ этотъ слышенъ издалика, а брызги kloкочущей пѣны стоятъ надъ берегами синеватымъ туманомъ и наполняютъ воздухъ холодною сыростью, такъ, что непривычный прохожій невольно содрогнется вмѣстѣ и отъ ознобу и отъ ужасу.

Зданіе совершенно согласовалось съ фюзіономіей мѣста и носило на себѣ отпечатокъ характера владѣльца, — строгаго, важнаго и гордаго. Во всемъ тутъ видна была бдительность, все дышало войной, и блестящія цѣпи подъемнаго моста, и высокія стѣны съ бойницами, и жерла пушекъ въ амбразурахъ, и вооруженные часовые на платформахъ, и гордо и вольно развѣвающійся флагъ на башнѣ. Въ этой грозной твердынѣ небольшой отрядъ подъ хо-

рошею командой могъ остановить цѣлую армию, а у домъ-Жуана Гомелеса подъ руками была половина его племени, лучшіе греннадскіе солдаты, которые еще помнили Сиди-Мусу.

Противоположный замокъ, хотя не столько грозный, однако жъ тоже отличался воинственнымъ видомъ. Онъ стоялъ на вершинѣ высокаго холма и господствовалъ надъ своею окрестностью. Массивныя зубчатыя стѣны его соответствовали всѣмъ условіямъ мусульманскаго укрѣпленія.

Вся восточная жизнь, — хозяйство и нравы, — непроницаемо закладены кирпичами. Только внутри дома развертываются всѣ радости и движется вся дѣятельность семьянина. Тутъ играетъ дѣтя, тутъ отдыхаетъ женщина, тутъ же работаютъ рабы и стерегутъ евнухи; тутъ только хозяинъ сбрасываетъ свой санъ владыки и, не переставая впрочемъ повелѣвать, благовольтъ любить, бесѣдовать, улыбаться, быть мужемъ, отцомъ, человѣкомъ. Тутъ и зодчество и всѣ искусства раскрываютъ свои сокровища для украшенія жизни.

Замокъ былъ довольно великъ, такъ, что въ случаѣ войны, могъ вмѣстѣ всѣхъ подвластныхъ господину поселянъ даже съ ихъ стадами и со всѣмъ имуществомъ. Онъ раздѣлялся на двѣ половины; въ западной были расположены службы, конюшни, скотные дворы и обширная площадь для лагеря; въ восточной, обращенной на Мекку, находились собственно господскіе покои, бани, галлерей, колоннады и фонтаны. Оружейныя палаты и караульни находились въ разныхъ мѣстахъ, по всему протяженію обводной стѣны.

Это былъ замокъ Марана.

Тутъ, въ жилищѣ, построенномъ Маврами для Мавровъ, завоеванномъ и населенномъ христіянами; на почвѣ, которую трепещущіе рабы обрабатывали для гордыхъ побѣдителей; на берегу потока то лѣнливаго, то бурнаго, посреди мѣстности съ одной стороны веселой и цвѣтущей, съ другой — мрачной и таинственной, гдѣ залитой свѣтомъ, а гдѣ одѣтой во мракъ и ужасъ; подъ солнцемъ то неумолимымъ, то благодатнымъ, которое гдѣ обжигаетъ утесы, а гдѣ оплодотворяетъ землю; тутъ, посреди самыхъ рѣзкихъ противоположностей климатовъ, племенъ, нравовъ и вѣрованій, суждено было родиться домъ-Жуану.

Отъ мѣста, гдѣ живешь, отчасти зависить и образъ жизни. Душа вещей сообщается и душѣ человѣка.

Въ то время, съ котораго начинается это правдивое повѣствованіе, владѣльцемъ замка Мараны былъ христіанинъ, знатнѣй-

дній сеньоръ донъ-Родригесъ Поисъ Телорю, пятнадцатый владѣлецъ Кавсона, въ Астуріи; одиннадцатый владѣлецъ Пераля-и-Кобоса, въ Старой Кастиліи; десятой владѣлецъ Фуэте-Пальме-ры, въ Андалузіи, и первый графъ Марана.

Донъ-Родригесъ, котораго сокращенно называли донъ-Руи, былъ человекъ во всѣхъ отношеніяхъ примѣчательный. Кромѣ различныхъ помѣстьевъ, приобретенныхъ мечемъ его предковъ, онъ имѣлъ дворецъ въ Севильѣ, гдѣ проводилъ часть года, сколько по своей волѣ, столько же и по обязанности: онъ управлялъ доходами и задачами военно-духовнаго ордена Санъ-Яго, котораго былъ командоромъ. Собственнаго дохода у него насчитывали около осемнадцати тысячъ червонцевъ.

Знатность графа Мараны соответствовала его огромному состоянию. По отцу онъ происходилъ изъ славнаго роду Маврике-сокъ-де-Лара и стоялъ на ряду съ знатнѣйшими аристократами въ Испаніи. Донъ-Руи и характеромъ своимъ достойно поддерживалъ свое званіе и славу предковъ: дѣломъ онъ доказывалъ не только свою храбрость на войнѣ, но и болѣе трудныя добродѣтели мирнаго гражданина, — какъ добрый христіанинъ, какъ вѣрный подданный, какъ беззукоризненный семьянинъ, какъ честный человекъ, и какъ щедрый и великодушный баринъ.

Образъ жизни онъ велъ соответствовавшей состоянію. На службѣ у него находились двое компаньоновъ изъ дворянъ.... Тогда былъ такой обычай, что бѣдные и мелкіе дворяне служили у знатныхъ и богатыхъ.... Въ каждомъ замкѣ—алькайдъ и приличное число вооруженнаго гарнизону; во дворецѣ—маіордомусъ, или управитель, метръ-д'отель и три пажы; у графини—двое конюшихъ, двѣ дуэнья и четыре камеръ-юнгферы; наконецъ—полный комплектъ необходимыхъ лакеевъ, офиціантовъ, ѣздовыхъ, конюховъ, поваровъ и поваренковъ. Капеллана мы не упомянули въ числѣ слугъ, потому что онъ считался почти членомъ семейства.

Къ каждому обѣду и ужину въ замкѣ Марана накрывали три стола: одинъ собственно для господъ; другой для слугъ перваго разряда, для дворянъ, алькайда, метръ-д'отеля, конюшихъ, пажей, дуэньей и дѣвицъ; третій для остальныхъ слугъ.

Былъ полдень. Колоколъ прозвонилъ господамъ къ обѣду и они пришли каждый изъ своихъ покоевъ въ столовую. Это была большая комната отдѣленная совершенно по-мавритански: только одно распятіе — на задней стѣнѣ доказывало, что владѣлецъ замка не мусульманинъ. Воздухъ и свѣтъ въ эту комнату проникали черезъ три большія двери съ арками, выходившія на от-

Братъ Галлеро и въ собранной конферентии дворъ, предъ которымъ стоялъ столъ.

Пребывая въ саду гуляя съ душой, которая пришла въ себя, шедшего доль Рун-Даса. Когда душа ушла, шедшая произнесъ молитву и всё сѣлъ за столъ.

Грабъ былъ молодой человекъ лѣтъ двенадцати-одинъ, срадного роста, длинн и черной кожей. Одѣтъ онъ былъ бѣлаго, довольно просто.

Интересно замѣтить, что всё Испанцы должны были смуглые, загорѣлые, черноволосые и чернеглазые: еще и донынѣ, несмотря на десяти и двадцати-лѣтнее вліяніе вліяніе и вѣнцѣйскія расы, многія семейства, даже цѣлыя провинціи сохранили блондурный типъ, который теперь составляетъ уже только часть инуса, но прежде почитался высшимъ свѣдѣтельствомъ несовершеннаго права на почетъ. До семнадцатаго вѣка, продолженіи борьбы съ Маврами и въ послѣдовавшее затѣмъ время золотыя волосы, голубые глаза и бѣлая кожа почитались красотами и поэзія славилъ ихъ. Кельты, отбившіе Испанію у Иберовъ, Вандаловъ и Гетовъ, которые завезли ее у Римлянъ, — всё наблюдатели, утверждавшіеся на этомъ полуостровѣ до Арабовъ, приехали отъ Севера. Потому этихъ отъарыхъ пришельцевъ, Астуриецъ, начали войну съ послѣдователемъ Магомета и черезъ восемьсотъ лѣтъ наконецъ одержали совершенную побѣду. Завоювавъ землю, они установили на ней свою народность и утвердили потвинную вѣру. Это ихъ слава. Оттого всякій признакъ отъвержнаго происхожденія служилъ въ то же время и доказательствомъ знатности рода, чистоты крови, *limpieza de sangre*, — которую Испанцы такъ гордятся.

У граба волосы были свѣтло-каштановые, глаза сѣрые, кожа бѣлая и нѣжная какъ у женщины; черты лица, совершенно правильныя; можетъ-быть даже слишкомъ правильныя во всехъ подробностяхъ, однако жъ въ цѣломъ не представляли ничего выразительнаго, ничего примѣчательнаго. Это была «физиономія благородная, но ничуть не поразительная и спокойная до холода».

Бѣлая и блѣдная какъ свѣтъ, изящная, поэтическая, мечтательная и кроткая графиня могла служить идеаломъ женой красоты. Влажный и нѣжный взглядъ какъ-то медленно падалъ изъ большихъ голубыхъ глазъ. Блѣлокурые волосы развѣивались легкими прозрачными кудрями, какъ вѣнецъ солнечнаго сіянія. Сраженіе шведовъ: сраженіе съ сраженіемъ лицо и предавало ему

выраженіе боленн и слабости. Непыравная прелесть дѣлшеій и все въ ней возбуждало участіе и удивленіе. Притомъ воздушныя складки бѣлой мантии, въ которую она умуывалась какъ въ облако, придавали ей видъ пришелицы изъ какаго-то другаго, не-земнаго міра.

Ребенокъ, но чертамъ, напоминалъ отца, а по выраженію — мать. Между-тѣмъ его нельзя было назвать красавцемъ, по-крайней-мѣрѣ не въ томъ смыслѣ какъ дѣтей называютъ красавцами. Это былъ мальчикъ хворый, слабый, боязливый. Постоянная подвижность бѣгъ цѣли и неровная, лихорадочная живость обнаруживали поврежденный и худо уравновѣшенный организмъ.

Съ графомъ и графинею за столомъ сидѣли двое католическихъ монаховъ; одинъ — высокаго росту, худой, истощенный, весь желтый, — и глаза, и волосы, и кожа, — въ доминиканской бѣлой рясъ съ чернымъ сукошнымъ капуциномъ, — второй братъ графа, фрай Евсеію Теноріо. Онъ такъ изнурилъ себя постомъ и умерщвленіемъ плоти, что начальникъ, пріоръ севильскаго монастыря, отправилъ его на мѣсяць къ роднымъ, для поправленія здоровья. Это былъ отшельникъ въ самомъ странномъ смыслѣ слова, неумолно строгій къ другимъ какъ и къ самому себѣ, — сердце, убитое для всякаго чувствованія; умъ, заглушенный для всякой мысли: у него сохранился только одинъ инстинктъ, фанатизмъ.

Другой, въ черной одеждѣ, не только отличался, но мясомъ и костями составлялъ совершенную противоположность Евсеію: это былъ человекъ пожилой, но здоровый, полный, съ лукавымъ взглядомъ и добродушнымъ выраженіемъ на цвѣтущемъ лицѣ; онъ ѣлъ и пилъ со вкусомъ, не ненавидѣлъ жизни и, въ ожиданіи вѣчнаго блаженства, проводилъ время сколько могъ по веселѣ. Прозывался онъ лиценціатомъ Хосе Бенитесомъ, а у графа служилъ капелланомъ.

Обѣдъ оканчивался, когда на галлерей послышались шаги со звономъ шпоръ и въ то же время громкій голосъ:

— Хорошо, хорошо! Я самъ о себѣ доложу.

— А! вскричалъ ребенокъ, приподнимаясь на стулѣ: это дядюшка-солдатъ!

— Сиди смирно, Діасъ! строго сказалъ графъ: молчи.

Ребенокъ присмирѣлъ.

— Здравствуйте, братецъ, сказалъ донъ-Хорхе, входя: здравствуйте, сестрица.

Онъ поцѣловалъ у графини руку съ почтительною вѣжливостью,

которую довольно странно было видѣть при обыкновенномъ его вольномъ и порывистомъ обращеніи, потому звучно поцѣловать ребенка и сказалъ:

— Здравствуй, малютка!... Ну, что ты, бѣдливка? Кажется, ты сегодня смотришь не такъ кисло, какъ въ послѣдній разъ. Со-временемъ и при помощи добраго вина, я надѣюсь, изъ тебя можно будетъ сдѣлать человѣка.... Здравствуйте, паторъ Хорхе, продолжалъ онъ обращаясь къ капеллану: Богъ благословляетъ своего достойнаго слугу, неправда ли? Вы смотрите весьма ун-таннымъ праведникомъ. Здравствуйте, братецъ Евсеіо. Вы все здоровы, слава Богу? Ну, и я тоже; только мнѣ жарко и въ горлѣ пересохло; наглотался столько пыли, что не мѣшаетъ прополоскать. Эй! Павло, подай-ка мнѣ стаканъ вина.

И Хорхе усѣлся между братьями, передъ приборомъ, который ему поставили. Пажъ принесъ глиняную, узкогорлую фляжку съ виномъ.

— Какая это влага, любезный? спросилъ Хорхе: я люблю знать, что дѣлаю, и въ особенности — что пью.

— Это — валь-де-пешель, сеньоръ.

— А! не дурное вино. Земля каменная, вино искристое. Не лучше дай рива-давін, если есть. Я рива-давію предпочитаю: доминиканское вино, а доминиканцы знаютъ толкъ въ винныхъ дѣлахъ.... Я не про васъ говорю, братъ Евсеіо: я знаю, что вы ничего не пьете кромѣ воды, и дивлюсь вамъ.... Колюмій, любезный другъ, отрѣжь мнѣ кусочекъ жаркаго, такой, чтобы глазу и языку нравился.... Вино хорошо; право, хорошо.

И щелкнувъ языкомъ въ знакъ удовольствія, донъ Хорхе принялся за работу съ такимъ проворствомъ и ловкостью, что успѣвалъ въ одно время и жевать совершенно удовлетворительно и отвѣчать на всѣ вопросы о придворныхъ новостяхъ. Графиня освѣдомилась о здоровьи королевы.

— Отъ королевы у меня къ вамъ есть добрыя вѣсти, донна-Клара, отвѣчалъ Хорхе: очень добрыя вѣсти.

— Добрыя для меня, братецъ?

— Не то чтобы прямо для васъ, однакожъ для кое-кого, кто скоро будетъ вамъ дороже васъ самихъ.

Графиня потушила взоръ и не отвѣчала.

— Но теперь еще можно сказать, продолжалъ Хорхе: вотъ, останемся, одни, семьей, тогда. Немножко потерпите: еще кусочекъ наштета и станаачикъ вина и тогда я къ вашимъ услугамъ.

Обѣдъ кончился. Капелланъ прочиталъ молитву, всѣ перешли

въ замѣчаніи доцента Д. Край, но продолженіи доц. Хорхе, дворянскія службѣ, а думая дѣла ребенка; остаются только три брата, графиня и капелланъ. Двери заперты. Тогда доц. Хорхе дообидѣвъ домоу королевы и съ торжественностию явилось прибавить

— Ну, что? Вероятно же вы я обидѣть добрую вѣсть? Дѣло ясно: быть любви, въ жизни Марана прибавляется отецъ герцогини: вѣроятно же въ будущемъ моему племяннику обезпечено по долгу плачевнѣе-вѣстичу королевы. Я говорю племяннику, потому что будетъ племянникъ, за это я ручаюсь. И молодчикъ бредетъ счастливаго своего дѣла, но дѣла эти не обидитъ, напротивъ. Ну, что же вы скажете на мою вѣсть, доцн. Край?

— Искренне благодарю васъ, братецъ, за ваше доброе желаніе и привязанность, отвѣчала графиня, но объ этомъ предложеніи не могу дѣла судить. Какъ моему супругу будетъ угодно, такъ и будетъ.

— Что съ вами, доцн. Край? съ живостью спросилъ графъ: вы блѣднѣете!

— Я утомилась, отвѣчала она шепотомъ дрожавшимъ голосомъ: я пойду лучше въ мою комнату и спать, такъ пройдетъ.

Всѣ заботливо окружили ее и она прибавила:

— Благодарю васъ всѣхъ: это, право, ничего; пройдетъ. Мнѣ ничего не нужно, будьте спокойны.

Ее оставили и она вышла довольно твердою поступью. Капелланъ беззастѣнливо взоромъ провожалъ ее до дверей, но когда она взглянула на патера, лицо у него снова прояснилось.

— Я очень одобряю осторожность графини, сказалъ Евсеvio, когда дверь затворилась она очень хорошо съѣла, что предостережена расхолаживаніе своего дѣла главѣ епископа.

— Шутя, шутя, нечего разсматривать! воскликнулъ Хорхе: тутъ стѣбитъ только принять и сказать болѣе спасибо.

— А вы думаю совершенно прогнѣвое, сухо возразилъ Евсеvio.

— Вы полагаете, что скажутъ отказываясь?

— Непремѣнно.

— Отказываясь отъ такого выгоднаго предложенія? Вы шутите!

— Я никогда не шучу, возразилъ Евсеvio.

Морже стожалъ: клочья. Болѣе спокойнѣе: правда спросилъ объ отказаніи такого живца.

— Неужели это требуетъ объясненій? возразилъ Евсеvio: Ман-

какъ быть восприимникомъ при святыхъ крещеніи Вашего дѣла?

— Отчего же нѣтъ? спросилъ графъ.

— Оттого что Богъ отращаетъ отъ тѣхъ, кого ему подносить нечистыя руки.

Нечистыя руки? вскричалъ Хорхе: домъ-Гомелесъ — одинъ изъ лучшихъ воиновъ въ Испаніи: самъ Великій Капитанъ такъ говоритъ.

— Я говорю не о военныхъ достоинствахъ, а о вѣрѣ.

— Но, позвольте фрай-Есевіо, крѣпко замѣтилъ капитанъ: домъ-Хуанъ Гомелесъ — христіанинъ.

— Перекресті! презрительно возразилъ доминиканецъ.

— Спаситель сказалъ, что послѣдніе будутъ первыми, прохаживать патеръ Бенитесъ.

— Да, когда они усердіемъ вознаграждать потерянное время. Но этотъ перекрестъ — плохой христіанинъ.

— Одинъ Богъ видитъ сердце и вѣдаетъ мысли человека...

— А охранителя вѣры судить по дѣламъ. Гомелесъ никогда не является на церковныя торжества.

— Начинайте съ суда о вашихъ собственныхъ дѣлахъ и оставьте ближняго въ покоѣ! запальчиво вскричалъ Хорхе: я не люблю фанатизма и лицемерія. Вы, братецъ, стали истиннымъ испанскимъ доминиканцемъ!

— Богъ рече, которая горько оправдываетъ все нѣтъ! отвѣтъ, братъ мой, возразилъ Есевіо.

— Это что значитъ?

— Это значитъ, что ваши рѣчи такъ же нечисты какъ ваши дѣла. Вы погубите свою душу, домъ-Хорхе: вы ни во что не вѣруете. Ваше пребываніе въ Італіи погубило васъ. Вы заразились тамъ чумою ереси. Да! вы еретики и... если бы вы были не братъ нѣтъ... Это слабость, за которую я отвѣчу предъ Богомъ... и давно уже донесъ бы на васъ инквизиціи.

— Нѣтъ, вы не донесли бы, вскричалъ солдатъ, побатровый отъ нѣтъ: вы не донесли бы, потому что, не будь вы нѣтъ родной братъ, я давно отдалъ бы васъ такъ, что ужъ никогда не воротили бы языка.

— Хорхе! вы не хорошо поступаете, сказалъ графъ, который съ видными огорченіемъ смотрѣлъ на этотъ споръ.

— Я не хорошо поступаю?

— Да, какъ старшій въ семействѣ и нѣтъ право сказать вамъ это. Вы двойнѣ виноваты передъ братомъ Есевіо: во-первыхъ,

онъ старше васъ; во-вторыхъ, онъ духовное лицо. Что касается до васъ, Фрай-Евсевіо, не мое дѣло судить о вашихъ религіозныхъ мнѣніяхъ, но кажется, вы обошлись съ вашимъ меньшимъ братомъ не достаточно снисходительно и кротко. Я васъ обоихъ прошу забыть споръ и помириться, какъ слѣдуетъ, по-братски. Хорхе, вамъ начинать.

— Ахъ, Боже мой, я готовъ! отвѣчалъ молодой человекъ, у котораго гнѣвъ уже прошелъ: я не злопамятенъ. Давайте руку, братъ Евсевіо.

— Какъ братъ и какъ христіанинъ, отвѣчалъ доминиканецъ не давая требуемой руки, я долженъ простить и прощаю.

Хорхе молча опустилъ руку и только взглянулъ на канцеляна. Тотъ возвелъ глаза къ небу.

Гдѣ фанатизмъ, тамъ и упрямство. Фрай-Евсевіо обратился къ старшему брату и спросилъ:

— Что же вы ничего не говорите о предложеніи, донь-Руй? Что должно заключить изъ вашего молчанія?

— Что я люблю выслушать совѣтъ прежде чѣмъ начну дѣйствовать, и обдумываю то, на что рѣшаюсь.

— Ну, что же? вы слышали совѣты и успѣли надуматься?

— Да, братецъ, и рѣшился.

— Можно знать, на что?

— Мнѣнія объ этомъ предметѣ противорѣчащи, и потому, не желая увеличивать ни чьего раздраженія, я прошу, позвольте мнѣ молчать до времени.

— Однако жъ, когда-нибудь вамъ прійдется же объявить, — сегодня или завтра, не все ли вамъ равно? Мнѣ же, для спокойствія моей совѣсти, нужно сейчасъ знать, въ чемъ дѣло. Убѣдительно прошу васъ, донь Руй, не оставьте меня въ неизвѣстности.

— Если вы непременно хотите, братецъ, извольте. Я скажу вамъ, что съ мірской стороны я вижу мой долгъ очень ясно: польза моего семейства, будущность посылаемаго мнѣ Богомъ младенца, признательность, какой заслуживаетъ великодушный поступокъ Гомелеса, и покорность волѣ государыни, все обязываетъ меня принять это почетное и выгодное предложеніе. Что же касается до духа, я ссылаюсь на моего духовника. Достойный патеръ Бевнтесъ, судя по вашимъ словамъ, вы, кажется, не осудите моего намѣренія?

— Напротивъ, я совершенно одобряю его, ваше сіятельство.

— Такъ и конечно; я принимаю.

— Вы принимаете? вскричалъ Евсевіо съ негодованіемъ.

Графъ утвердительно кивнулъ.

— Такъ прощайте, сказалъ доминиканецъ и пошелъ къ дверямъ.

— Какъ, прощайте? возразилъ графъ, останавливая его.

— Пустите меня; я уйду.

— Братецъ! братецъ! я надѣюсь, вы не причините мнѣ такого огорченія!

— Если хотите, чтобы я остался, откажитесь отъ вашего нечестиваго намѣренія.

— Братецъ, возразилъ графъ съ твердостью: я желаю видѣть васъ въ моемъ домѣ, и мнѣ будетъ больно, если вы оставите васъ; но ничто въ свѣтѣ не заставитъ меня упустить то, что я считаю своимъ долгомъ.

— Такъ прощайте. Господь сказалъ: не буди сообщникомъ нечестивыхъ. А вы не только становитесь сообщникомъ, вы торгъ заключаете. Осемь лѣтъ тому назадъ, государи позволили жидамъ откупиться отъ изгнанія за тридцать тысячъ червонцевъ. Тогда блаженной памяти Торкемада подошелъ къ нимъ и, указавъ на распятіе, сказалъ: «Иуда предалъ Сына Божія за тридцать сребренниковъ, и вы хотите сдѣлать то же за тридцать тысячъ червонцевъ.» Государи образумились и изгнали жидовъ. Вы же... васъ ни что не трогаетъ. Ну, продайте этому нечистому душу вашего ребенка за помѣстье; но я не хочу быть свидѣтелемъ и участникомъ этого торгу. Я не намѣренъ жить подъ одною кровлей съ фарисеями. Этому дому судъ уже сотворенъ, помните это. Кара небесная постигнетъ и поразитъ васъ въ вашемъ нечистомъ богатствѣ; она поразитъ и вашихъ сообщниковъ и вашего ребенка! Да! эта душа, которую вы дадите нечистымъ рукамъ держать надъ купелью, наполнится нечистотою до краевъ и прольетъ на васъ стыдъ, разореніе и проклятіе! Я уйду изъ этого подкрашеннаго гроба и на порогѣ отряхну пылъ съ обуви моей.

Онъ вышелъ. Въ комнатѣ наступила мучительная тишина. Графъ съ трудомъ подавлялъ свое волненіе.

— Да что жъ такое! сказалъ черезъ минуту Хорхе: что объ этомъ думать! Евсевіо — сумасшедшій. Развѣ мы въ этомъ виноваты?

— Не говорите этого, Хорхе, прошу васъ, возразилъ графъ: я самъ думаю, что нашъ братъ ошибается, но онъ повинуется сво-

ей совѣсти. Мы не имѣемъ права осуждать его. Будемъ сожалѣть, что онъ покидаетъ насъ.

Опять наступило молчаніе; потомъ графъ продолжалъ:

— Я думаю, не нужно просить васъ, чтобы вы молчали, друзья мои. Графиню должно очень беречь. Подробности этой неприятной сцены убьютъ ее, если она узнаетъ. И такъ, ни слова объ этомъ. Когда вы отдохнете, Хорхе, отнесите государынѣ-королевѣ мое увѣреніе въ совершенной преданности и признательности. Самъ я сегодня же поѣду благодарить донъ-Хуана Гомелеса.

По мѣрѣ приближенія срока разрѣшенія, тревога и страданія графини усиливались. Это была болѣзнь болѣе душевная, чѣмъ тѣлесная, таинственная по своей причинѣ, странная по явленіямъ. Бѣдная женщина совершенно утратила спокойствіе. Часто приближенные видѣли, какъ она плакала безъ повода и вздрагивала отъ непонятнаго ужасу. Иногда грудь ея сильно волновалась и выпученные глаза устремлялись какъ будто на привидѣніе, никому кромѣ ея невидимое. Большую часть дня она проводила запершись въ своей молельнѣ. Тамъ она молилась и рыдала. По ночамъ ее тревожили страшные сны, и не разъ бѣдная глухо стонала и съ крикомъ вскакивала. Ни что не могло успокоить ее, ни нѣжныя ласки мужа, ни отеческія ободренія канцеллана.

Встревоженный графъ призвалъ лучшаго севильскаго врача, крещенаго Еврея Алонсо Левита, который много путешествовалъ по Европѣ и учился во всѣхъ знаменитыхъ университетсахъ. Алонсо Левитъ съ рѣдкою ученостью соединялъ въ себѣ возвышенный умъ и непоколебимое хладнокровіе.

Онъ разспросилъ больную, внимательно рассмотрѣлъ признаки и всѣхъ успокоилъ. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней потомъ графиня родила прекраснаго мальчика. Но она, къ великому своему огорченію, не могла сама кормить его. Врачъ объявилъ, что это было бы губительно и для матери и для ребенка. Мѣсто кормилицы, по его распоряженію, заступила коза.

Графиня, по суевѣрному обычаю того времени, просила доктора Левита по звѣздамъ предсказать судьбу младенца въ минуту его рожденія.

— Я не астрологъ, графиня, отвѣчалъ докторъ съ легкою насмѣшливою улыбкой, которая почти постоянно мелькала у него въ углахъ рта: но у меня есть другъ и товарищъ, который читаетъ въ небѣ какъ въ книгѣ. Я, извольте, опредѣлю положенію

созвѣздій въ минуту рожденія, и когда прїѣдете въ Севилью, вы можете посовѣтоваться съ мастеромъ Сципиономъ Макерой. Онъ по моей запискѣ отвѣтитъ такъ же вѣрно, какъ будто самъ присутствовалъ.

Графиня согласилась.

Черезъ нѣсколько дней потомъ, ребенка торжественно окрестили въ гренадскомъ соборѣ, въ присутствіи короля и королевы и всего двора. Крестною матерью была донья-Франциска Пачеко, маркиза де-Мондекаръ, графиня де-Тендилля, а крестнымъ отцомъ — донъ-Хуанъ Гомелесъ, который и далъ малыжкѣ свое имя.

Вставъ съ одра болѣзни, графиня тотчасъ отправилась по общанію къ Гваделупской Богородицѣ, въ Эстремадуру. Ее сопровождали донъ Хорхе и многочисленная прислуга. Графъ съ дѣтьми остался дома.

Проѣздомъ черезъ Гренаду графиня представлялась королевѣ, которая приняла ее съ материнскимъ радушіемъ. Оттуда, черезъ три дня, прибыли въ Севилью, гдѣ располагали отдохнуть.

Графиня сообщила донъ-Хорхе свое намѣреніе касательно астролога.

— Я нахожу очень естественнымъ, что вы желаете посовѣтоваться съ звѣздочетомъ насчетъ будущности вашего сына, отвѣчалъ Хорхе: но я отвѣчаю брату за вашу честь и безопасность, донья-Клара. Эти колдуны — мошенники. Дайте имъ только случай, они не только на кошелекъ, и на жизнь посягнуть. Вы отправитесь къ жиду-астрологу, если вамъ такъ угодно; я не намѣренъ противиться вашимъ желаніямъ ни въ чемъ, но только и я пойду съ вами.

— Еслибы вы не предложили, я сама попросила бы васъ объ этомъ, братецъ, отвѣчала графиня: очень благодарю васъ. Теперь у меня есть еще просьба до васъ. Сохраните это въ тайнѣ. Если астрологъ скажетъ мнѣ что-нибудь непріятное...

— Этого я ему не посовѣтую: уши обрублю. Чтобы такой-нибудь осмѣлился сказать вамъ непріятность!...

— Я надѣюсь, что онъ предскажетъ мнѣ только счастливое, перебила графиня съ улыбкой: но если въ будущемъ для моего сына донъ-Хуана скрывается какое-нибудь несчастіе, или хотя бы только гроза, то я ни за что въ свѣтъ не хочу опечалить этимъ моего мужа. Вотъ зачѣмъ я прошу, чтобы вы молчали.

— Хорошо, хорошо, будьте спокойны, донья-Клара; я не женщина, — съумѣю сохранить тайну.

Графиня слишкомъ хорошо привыкла къ солдатскимъ манерамъ своего брата, чтобы сердиться на неумышленную грубость. Она смотрѣла только на доброе намѣреніе и скромно поблагодарила.

Послѣ вечера, донъ-Хорхе и донья-Клара, въ сопровожденіи доктора Алонсо, отправились къ астрологу, который жилъ въ заштѣлой улицѣ, на краю города. Докторъ предупредилъ своего друга о прибыльномъ посѣщеніи, и рѣшетчатое окно въ дверяхъ отворилось по первому стуку. Старуха въ родѣ колдуньи, достойная привратница астролога, выставила за желѣзною рѣшеткой дымящуюся лампу и освѣщенную ею морщинистую рожу съ вопрециательной гримасой.

— Отворяй! отворяй скорѣй, Варвара, сказалъ Алонсо: мастеръ Сципионъ ожидаетъ насъ.

Старуха молча повиновалась, посѣтителѣ вошли, — докторъ впередъ, чтобы указать дорогу. Пройдя длинный корридоръ, они нашли дверь, которую Левитъ безъ церемоніи отперъ, и очутились въ лабораторіи астролога и алхимика.

Это была большая комната со сводомъ, слабо освѣщенная лампой, которая висѣла на желѣзномъ крючкѣ. Мебели тутъ было не много, зато много снарядовъ, инструментовъ, стеклянокъ, книгъ, глобусовъ, компасовъ, циркулей, линейекъ, вѣсковъ, обломковъ разныхъ металловъ и камней, сушеныхъ растений, чучель, скелетовъ и всякой рухляди по угламъ, на полу, въ шкафахъ, на столахъ и стульяхъ, и на гвоздяхъ и на крючьяхъ. Въ одномъ изъ темныхъ угловъ, въ всячемъ кольцѣ сидѣлъ «внѣшнѣ» съ сверкающими зловѣщими желтыми глазами.

Графиня вздрогнула, когда ступила на порогъ, Хорхе вздержуль плечи и сдѣлалъ гримасу, докторъ улыбнулся.

Въ самомъ дальнемъ углу, у заведеннаго всякою всячиной стола, на который другая маленькая лампа бросала довольно яркій свѣтъ, сидѣлъ астрологъ. Онъ поддерживалъ голову обѣими облокоченными руками и читалъ книгу съ такимъ вниманіемъ, что не примѣчалъ вошедшихъ.

Хорхе подошелъ и, ударивъ его по плечу, сказалъ:

— Любезнѣйшій! вотъ дама, которая пришла посоветоваться съ вами... и дама, сибѣ доложить, такая знатная, что вамъ прилично будетъ встать, хотя бы вы и въ самомъ дѣлѣ звѣзды съ неба хватали.

Мастеръ Сципионъ съ удивленіемъ взглянулъ на бойкаго гостя, всталъ, важно поклонился графинѣ и ждалъ.

Мастеръ Сципионъ былъ и по наружности человѣкъ примѣ-
тельный, способный произвестъ впечатлѣніе. Онъ былъ очень
высокаго росту, хотя и немножко сутуловатъ; имѣлъ высокій,
обширный лобъ и длинное выразительное лицо съ острымъ но-
сомъ. Большіе открытые глаза свѣтились совершенно восточнымъ
огнемъ.

Черезъ минуту онъ вспомнилъ обязанности вѣжливаго хозяи-
на и поспѣшилъ подать графинѣ кресло. Левитъ усѣлся на кон-
чикъ скамьи, ничего не задѣвая, а Хорхе взялъ стулъ, сваливъ
предварительно все, что на немъ было.

— Что вамъ угодно знать, сударыня? спросилъ астрологъ,
снова занявъ свое мѣсто.

— Судьбу моего меньшаго сына.

— Съ какою же частью науки вамъ угодно справиться? съ хи-
романтіей, геомантіей, некромантіей, онейромантіей....

— Сдѣлайте одолженіе, говорите по-христіански, перебилъ
Хорхе: басурманскаго языка графиня не понимаетъ.

Докторъ разсмѣялся. Хорхе посмотрѣлъ на него такъ, что за-
ставилъ по неволѣ остепениться. Астрологъ продолжалъ:

— Я спрашиваю, сударыня, къ чему вамъ угодно прибѣгнуть,
къ знакамъ на рукѣ, или къ цифрамъ, или къ мертвымъ....

— О! вѣтъ, ради Бога, не къ мертвымъ! вскричала графиня
съ ужасомъ.

— Или къ снамъ, продолжалъ мастеръ Сципионъ, или къ звѣз-
дамъ?

— Да, да, къ звѣздамъ и къ снамъ.

— Вотъ это такъ, сказалъ Хорхе: гаданье по рукамъ и по
картамъ годится только для мелкаго народу, который платитъ за
благополучныя предсказанія по мараведису съ брата. Сны, прав-
ду сказать, тоже не очень миѣ нравятся, потому что ихъ всѣ
старыя бабы толкуютъ, однако жъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и
они достойны вниманія, потому что объ нихъ упоминается во
многихъ исторіяхъ. Но всего приличнѣе я нахожу гаданье по
звѣздамъ, которое слѣдуетъ совершенно предоставить знатнымъ
людямъ. Гадайте, мастеръ астрологъ. Только смотрите, извольте
предсказать намъ только хорошія вещи, иначе вамъ придется
раздѣливаться со мной.... вы понимаете? А чтобы вы не забы-
лись, знайте, что я — корнетъ въ ротѣ Великаго Капитана и
что кулакъ у меня не дѣвичій. По этому и распорядитесь.

Докторъ намоталъ себѣ на усъ данное его другу предостере-
женіе и сдержалъ новый позывъ къ смѣху.

— Превосходительный господи́нь, отвѣчалъ мастеръ Сципионъ съ важностью: человекъ не властенъ на небѣ. Я только истолкователь небесныхъ приговоровъ и не могу подвергаться отвѣтственности за нихъ.

— Правда, справедливо, сказала графиня: прошу васъ, дошъ Хорхе, предоставьте ученому астрологу полную свободу говорить, что онъ знаетъ: иначе я не могу спрашивать его. Какъ же онъ станетъ говорить правду, когда ему предпшуть такіа условія?

— Не станете говорить объ этомъ, возразилъ молодой человекъ: что сказано, то сказано. Имѣющій уши да слышитъ. Принимайтесь за ваше дѣло, мастеръ.

— Расскажите мнѣ ваши сны, сіятельная и милостивая государыня, сказалъ Сципионъ: я вамъ объясню ихъ.

— Всѣ рассказать?

— Смотря по обстоятельствамъ. Одного можетъ быть достаточно, если онъ снился нѣсколько разъ или хоть однажды поразилъ своею странностью.

— Мнѣ часто снилось, будто, во время моего сна, змѣя заползала ко мнѣ на грудь, чтобы отогрѣться, и будто я, проснувшись отъ холоднаго прикосновенія ея шевелящихся колець, съ ужасомъ просыпалась и хотѣла далеко отбросить змѣю. Но она была такъ красива, она смотрѣла на меня такъ вѣжно и печально, что у меня не ставало силъ оттолкнуть ее. Тогда змѣя заводила какую-то странную томную пѣсню и я, разтроганная, снова засыпала.

— А потомъ?

— Въ первый разъ сонъ этимъ и кончился. Потомъ онъ опять снился мнѣ и продолжался подъ разными формами, но въ сущности все было то же самое. Однажды мнѣ видѣлось, что всѣ цвѣты въ моемъ саду волнуются и всѣ обрызганы кровью, а змѣя быстро скользитъ между ними. Я подошла ближе; цвѣты зашептали и я поняла, что они говорятъ: «Заступитесь! заступитесь! змѣя убиваетъ насъ!» Но змѣя уже лежала, обвившись около моей ноги, и говорила: «Не вѣрь имъ! Это они изранили меня своими шипами. Это моя кровь. Спаси меня!» Змѣя, казалось, столько же страдала, сколько цвѣты. Я заплакала. Змѣя выпила мои слезы и мы оба заснули. Въ другой разъ я видѣла двухъ бѣлыхъ горлицъ. Онѣ кружились около меня и отчаянно кричали. Змѣя, играя, обвивалась около моей шеи и ласкала мои волосы. Я

спросила горлицъ и они отвѣчали: «Твоя змѣя убила вашихъ птенцовъ! Отомсти!»—«Они ошибаются, прошептала змѣя мнѣ на ухо: это орелъ растерзалъ ихъ птенцовъ, а я убила орла.» И, склонясь на мое плечо, она указала мнѣ большую хвощую птицу, которая валилась по землѣ и крутилась въ предсмертныхъ корчахъ. Потомъ змѣя высоко подняла голову и страшно зашипѣла. Горлицы улетѣли, прокричавъ мнѣ: «Горе тебѣ! горе тебѣ!» Потомъ, наконецъ, мнѣ видѣлся еще сонъ: я какъ будто проснулась, ощутивъ уязвленіе въ сердце.—Неблагодарная! вскричала я: убійца своей благодѣтельницы!—И я оторвала змѣю отъ груди. Упавъ на землю, она осталась безъ движенія, однако жъ съ глубоко трогательною нѣжностью сказала: «Пожалѣй обо мнѣ! Если я и убила тебя, такъ только оттого что люблю тебя. Я жила тобою и не могла умереть одна.» Тутъ она обратилась въ цвѣтокъ. Вслѣдъ за тѣмъ я сама обратилась въ голубя и схватила цвѣтокъ, но цвѣтокъ обратился въ орла и понесъ меня къ Солнцу. Тамъ мы оба сгорѣли. Послѣ этого мнѣ уже ничего не снилось.

— Ваши сны очень ясны, сказалъ мастеръ Циціонъ: змѣя — вашъ сынъ.

Донъ-Хорхе что-то проворчалъ сквозь зубы.

— Позвольте мнѣ объяснить, спокойно продолжалъ астрологъ.

— Ради Бога, братецъ, не мѣшайте! вскричала графиня.

— Я говорю, продолжалъ Циціонъ, что змѣя изображаетъ вашего сына. Цвѣты—эмблема удовольствій, голуби—любовь, орелъ мужество, Солнце—слава. Сногаданіе основано на законѣ противоположностей, потому что сны всегда предвѣщаютъ противоположное тому, что изображаютъ. Такъ вашъ сонъ значитъ, что вы родите сына, котораго нѣжность составитъ ваше счастье, и доблести — вашу заслугу.

— О! какіе прекрасные слова, мастеръ! вскричала восхищенная графиня: будьте увѣрены въ моей признательности.

— Объясненіе удовлетворительно, сказалъ Хорхе, и я вижу, что вы человекъ искусный, мастеръ Циціонъ.

Докторъ чуть примѣтно улыбнулся.

— Теперь, мастеръ, продолжала графиня, я попрошу васъ посмотреть по звѣздамъ. Увидимъ, подтвердятъ ли они предсказанное вами.

— Для этого мнѣ нужно знать положеніе созвѣздій въ минуту рожденія вашего сына, отвѣчалъ астрологъ.

— Вотъ оно, сказалъ докторъ, доставъ изъ кармана бумагу: и, по приказанію графини, опредѣлилъ положеніе созвѣздія, и опредѣлилъ совершенно точно.

Астрологъ сталъ внимательно разсматривать бумагу и борзоталъ какія-то кабалистическія слова:

— Оріонъ на склонѣ къ востоку.... лѣвая рука поднята Вверху Сириусъ.... гмъ!... сердце.... Юпитеръ въ соединеніи съ Тельцомъ ... Альдебаранъ. цыганская звѣзда.... хорошо!... Вечеры мѣтъ.... о! о!

— Ну, что? спросилъ нетерпѣливый корнетъ роты Великаго Капитана.

Погодите. Чтобы хорошо составить гороскопъ, нужно начертить магическій квадратъ. Погодите.

— Магическій квадратъ? повторилъ удивленный Хорхе.

И, желая видѣть въ подробностяхъ такую любопытную вещь, онъ подошелъ къ астрологу, который принялся за дѣло. Сципіонъ начертилъ два квадрата, одинъ въ другомъ, и раздѣлилъ промежутокъ на двѣнадцать равныхъ треугольниковъ.

— Что значать эти отдѣленія и цифры, которыя вы ставите? спросилъ молодой человекъ.

— Это двѣнадцать чертоговъ Солнца, отвѣчалъ Сципіонъ.

— Двѣнадцать чертоговъ! повторилъ Хорхе: хорошо. Что же Солнце дѣлаетъ съ ними?

— Оно бываетъ въ нихъ попеременно.

— Хорошо. А есть что-нибудь въ этихъ чертогахъ?

— Есть.... разные фасы и случайности человѣческой жизни.

— Какіе же, покажите мнѣ, пожалуйста.

— Извольте. Вотъ, смотрите по нумерамъ.... Вотъ чертогъ жизни, богатства....

— А! ну, тутъ моей звѣздѣ слѣдовало бы побывать. Продолжайте.

— Чертогъ наслѣдства, родовыхъ имѣній, завѣщаній и тому подобнаго....

— Но, мнѣ кажется, это всё-равно: стоило только чертогъ богатства сдѣлать по просторнѣй и все туда помѣстить. Дѣло было бы короче.

— Извините, не все-равно; есть значительныя разницы. Попробуйте собразить и вы сами убѣдитесь. Я продолжаю: чертогъ скорби и болѣзни....

— Скверный чертогъ.

— Чертогъ брака....

— Этотъ еще туда-сюда.

— Чертогъ ужасу и смерти.... путешествій.... чиновъ и отличій.... друзей.... заточенія и насильственной смерти.

Хорхе хотѣлъ спуститься въ дальнѣйшіе комментаріи, но астрологъ знакомъ заставлялъ его молчать, а самъ занялся соображеніями, открылъ книгу, исчерченную астрологическими фигурами, перекинулъ нѣсколько листовъ, сравнилъ съ ними записку доктора Левита, справился съ магическимъ квадратомъ и, послѣ долгого глубокаго размышленія, сказалъ:

— Сіятельная и милостивая государыня, вотъ гороскопъ вашего сына. Соединеніе планеты Юпитера съ созвѣздіемъ Тельца предвѣщаетъ много исполненныхъ желаній, много путешествій и великое богатство. Вашъ сынъ будетъ изященъ въ одеждѣ и почете въ обществѣ. Присутствіе Спиріуса на вершинѣ неба показываетъ, что сердце будетъ играть важную роль въ его жизни. Созвѣздіе Ориона, имѣющее вліяніе на лѣвую руку, начало склоняться: это значитъ, что сердце вашего сына часто будетъ подвергаться опасностямъ.... разумѣется, только собственно сердечнымъ, нравственнымъ. Солнце не бывало еще въ двѣнадцатомъ чертогѣ, значитъ, вашъ сынъ умретъ своею, не насильственной смертью. Онъ даже будетъ очень долго жить, потому что солнце посѣщало чертогъ жизни два раза, въ началѣ и въ концѣ. Я уже сказалъ, что онъ будетъ богатъ: онъ разбогатѣетъ отъ множества дарственныхъ записей, завѣщаній и наслѣдствъ.

— А будетъ ли онъ счастливъ? спросила графиня.

— Да, если богатство, здоровье, могущество и знаменитость могутъ составить для него счастье.

— Женится онъ?

— Два раза.

— Ну, это не худо, замѣтилъ Хорхе: мастеръ Сципіонъ, я доволюсь вами.

Но тутъ, къ несчастію, графиня задала астрологу еще одну вопросъ, который и испортилъ все дѣло.

— Значительное у него будетъ потомство? спросила она.

— Этого я не могу опредѣлить съ точностью, отвѣчалъ мастеръ Сципіонъ: Венера, покровительствующая плодородію, скрылась за горизонтъ. Все что я могу сказать вамъ, основываясь на обратномъ движеніи астрологическихъ чиселъ, начиная отъ послѣдняго чертога, это то, что конецъ вашей фамиліи будетъ противоположенъ началу. Откуда ведется вашъ родъ?

— Отъ родоначальника Ларовъ, у котораго домъ Теноріо составляетъ побочную линію,—отъ Мюдарры, прозваннаго Бастардомъ.

— Мюдарра былъ Мавръ, сынъ христіанина. Вашъ родъ кончится христіаниномъ, сыномъ Мавра.

Графиня провизительно вскрикнула и упала безъ чувствъ.

— Ахъ, мошенникъ! дерскій лгуиъ! негодай! закричалъ взбѣшенный Хорхе.

Предоставивъ доктору заботу о графинѣ, онъ вооружился линейкой, первоначально предназначенной для математическихъ работъ, и принялся немилосердно колотить несчастнаго астролога.

— Помогите!... что я вамъ сдѣлалъ? кричалъ Сцивионъ, отмахиваясь: умилосердитесь!... помогите!... рѣжьте!... караулъ!

— Я тебя предостерегалъ, разбойникъ! отвѣчалъ Хорхе, продолжая экзекуцію: ты не послушался, такъ вотъ тебѣ! Впередъ не будешь предсказывать дерзостей.

— Алонсо! заступись!... Я ничего не сказалъ дерзкаго... Помогите!... Варвара!... караулъ!

Левитъ предпочелъ медицинскую часть военной, совершенно занялся больною и не обращалъ вниманія на своего несчастнаго пріятеля. Варвара, прибѣжавшая на крикъ своего господина, вмѣсто того чтобы помочь, принялась подражать ему и кричала не меньше его. Испуганный Филиппъ туда же присталъ: онъ, жалобно мяуча, въ испугѣ метался изъ угла въ уголь, задѣвалъ за скелеты, опрокидывалъ стеклянки, чуть не погасилъ лампы и всюду, куда попадалъ, поднималъ тучи пыли.

Раздраженный шумомъ, пылью, страшною игрой взволнованнаго свѣту и тѣней, которая, казалось, наполняла комнату толпою фантастическихъ враговъ, Хорхе колотилъ все сильнѣй и сильнѣй.

Къ счастью, докторъ успѣлъ привести графиню въ чувство и та вступилась. Она упросила астролога простить ея братцу эту маленькую вспыльчивость, какъ она называла, и дополнила слугу ласковыхъ словъ довольно полновѣснымъ кошелькомъ.

На обратномъ пути отъ астролога графиня и Хорхе ничего не говорили. Графиня была сильно взволнована и во всю ночь не могла уснуть. Хорхе, оставшись наконецъ одинъ, за долгое молчаніе вознаграждалъ себя потокомъ брани, потомъ вскричалъ:

— Чортъ меня возьми, если я тутъ чтонибудь понимаю! Братъ Евсевію съ одной стороны, этотъ мошенникъ астрологъ съ дру-

гой... оба точно сговорились предсказать гибель нашему семейству. Неужели это оправдается?... Вадорь! Наши доминиканцы — фанатики, а астрологи — враль!

Успокоенный этимъ философскимъ умозаключеніемъ корнетъ крѣпко заснулъ.

Когда посѣтителн уходили, докторъ Левить исполнялъ за своего побитаго друга обязанности вѣжливаго хозяина и проводилъ ихъ до крыльца. Возвратясь въ комнату, онъ увидѣлъ, что мастеръ Сципионъ большими шагами расхаживаетъ по комнатѣ и прокликаетъ христіанъ.

Хотя жида давно уже были официально изгнаны, однакожъ многіе изъ нихъ еще удерживались въ Испаніи силою своей хитрости, ловкости, работѣиства и денегъ. Неутомимые работники, порвостатейные мастера въ коммерціи, ученые медики, великіе гадатели, искусные дѣльцы, великіе изобрѣтатели средствъ, ловкіе на все на свѣтѣ, упрямые по уму, гибкіе по характеру, умѣющіе пользоваться обстоятельствами и страстями людей, они дѣлались столько необходимыми, что ихъ поневолѣ терпѣли. Но послѣдняя война противъ магометанъ оживила испанскую ненависть ко всѣмъ невѣрнымъ вообще, придала преслѣдованію новую силу и довела усердіе гонителей до ярости. Вышло повелѣніе строже всѣхъ прочихъ, и мѣры стали принимать самыя жестокія.

Жидамъ оставалось или отрѣчься отъ вѣры предковъ, или отправляться въ изгнаніе, не считая разоренія. Позволеніе продавать имущество было только мнимое: сроку на это давали одинъ мѣсяць и притомъ не позволялось вывозить за границу ни монеты, ни драгоценныхъ металловъ и камней, ни даже богатыхъ тканей. Не считая разбойниковъ по ремеслу, которые по большимъ дорогамъ, на правахъ вольности, грабили беззащитныхъ и безоружныхъ; не считая мелкихъ воровъ, которыхъ создавали обстоятельства и привлекала двойная выгода, — причинить вредъ врагамъ Божіимъ и добро себѣ, совершить благочестивое дѣло и поживиться добычей, — несчитая всего этого, королевскіе солдаты, разставленные на границахъ, обыскивали, обшаривали одежду, потрошили чемоданы, выворачивали всѣ карманы, конфисковали все, къ чему только возможно было придраться именемъ короля и ради своей наживы, и выпускали изгнанниковъ на волю совершенно обобранныхъ.

Множество несчастныхъ, — слабые, старики, дѣти и женщ-

ны, умирали въ дорогѣ съ голоду. Перемѣнившіе поселились частію во Франціи, частію въ Италіи, подъ самою стѣною папства, болѣе страшнаго для нихъ издали чѣмъ въблизи; частію въ Португаліи, гдѣ за періодическія вѣтребленія пользовались довольно продолжительными промежутками спокойствія и свободы; частію же на берегахъ Африки. Переселеніе гибельно, сколько для жертвъ, столько же и для гонителей. Обображенные, обнаженные изгнанники увезли съ собою немислимыя сокровища: они лишили Испанію лучшей части ея промышленности и науки.

Остались только успѣвшіе притвориться христіянами, но и тѣ жили подъ страхомъ и трепетомъ, подъ надзоромъ инквизиціи, подвергались прижамкамъ, униженію, презрѣнію за вѣроотступничество отъ самихъ виновниковъ вѣроотступничества. Зато и они, въ свою очередь и въ единственное утѣшеніе себя, отъ всего сердца ненавидѣли христіанъ.

Къ этому числу принадлежалъ и Сципіонъ Макера.

Алонсо Левитъ и отъ униженія и отъ укоровъ собѣсти ограждалъ себя совершеннымъ равнодушіемъ ко всему. Онъ много видѣлъ людей и какъ они представлялись ему большею частію съ дурной стороны, то онъ презиралъ ихъ всѣхъ. Онъ посѣщалъ всѣ знаменитѣйшіе университеты, — въ Саламанкѣ, въ Павіи, въ Оксфордѣ и въ Парижѣ. Изученіе древнихъ философовъ повело его сперва къ сомнѣнію, потомъ къ скептицизму; наконецъ естественныя науки, давъ пытливому уму, положительную пищу заставили смотрѣть на всѣ умозрѣнія, какъ на суетную ложь. Онъ жилъ только наукою и для науки. Онъ даже не женился, чтобъ не имѣть ни какой заботы. Вѣра предковъ очень немного или вовсе не занимала его. Во вѣщшемъ онъ сообразовался съ обстоятельствами. Пока родные и сосѣди могли требовать, чтобы онъ былъ жидомъ, онъ оставался жидомъ; когда же привелось сдѣлаться христіяниномъ, онъ сдѣлался христіяниномъ въ Испаніи, какъ сдѣлался бы мусульманиномъ въ Алжирѣ и поклонникомъ Шивы въ Бенаресѣ. Кромѣ науки онъ не зналъ ни какихъ страстей; скромностью своей всѣмъ внушалъ довѣріе и вообще былъ челоуѣкъ степенный, хотя, для развлеченія, и любилъ иногда посмѣяться надъ ближнимъ, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы не подвергать своей шкуры опасности, потому что, какъ медикъ, онъ лучше всякаго другаго умѣлъ оцѣнить вредъ отъ книжала и непріятности палочныхъ ударовъ.

Такъ и тутъ, когда горячій донъ-Хорхе Теворіо удался, док-

торъ Левитъ, избавленный отъ всякаго принужденія, далъ полную волю своей шутиливости и вдоволь насмѣялся надъ своимъ пріятелемъ, котораго ему нечего было опасаться.

— И какъ это ты, говорилъ онъ, ты, астрологъ, прорицатель, читающій въ будущемъ, не предвидѣлъ, какое дѣйствіе произведетъ твое предсказаніе?

— Да я ничего не сказалъ этой женщинѣ такого, что могло бы оскорбить ее! Напротивъ, я, кажется, устроилъ мой городъ такимъ образомъ, чтобы совершенно удовлетворить материнское сердце. Отчего она упала въ обморокъ? За что этотъ разбойникъ приблизилъ меня? Я, право, не понимаю.

— Хочешь, я объясню? У новорожденнаго донъ-Хуана Теноріо крестный отецъ — донъ-Хуанъ Гомельсъ бывший Сиди-Муса, крещеный Мавръ, крещеный такъ же какъ мы, любезный камратъ. Крестный сынъ — тоже сынъ, только духовный. Вотъ твое предсказаніе и прилагивается какъ нельзя лучше. Понимаешь теперь?

— Ну, такъ и есть! просто, бѣда мнѣ съ этими предсказаніями!

— Въ самомъ дѣлѣ, астрологъ, угадывающій вѣрно — истинная рѣдкость.

— Такая же рѣдкость, какъ медикъ, вылѣчивающій своихъ больныхъ.

— Правда, но я передъ тобой всё таки въ выгоду: я моихъ пациентовъ убиваю, а твои колотятъ тебя.

— Да ужъ отомщу же и я этому живодеру!

— Когда?

— Ужъ когда вибудь отомщу.

— Тогда, когда найдешь способъ дѣлать золото?

— Да! вскричалъ разгорячившійся астрологъ: золото — великій рычагъ, великая причина и великое слѣдствіе, цѣль и средство во всѣхъ вещахъ; золото — могущество; золото — тайный идолъ этихъ изувѣровъ Испанцевъ; это ихъ Маммонъ, ихъ Ваалъ, ихъ Телець. Они почитаютъ, обожаютъ только его, поклоняются только ему. Золота они ищутъ всюду, во всѣхъ концахъ свѣта, проходя опасности и преступленія, шагая черезъ кровь и грязь, роая въ утробѣ земли и человѣка. Вся жизнь ихъ — гоньба за золотомъ. Миръ — огромный базаръ. Душа человѣка заключается въ его кошелькѣ. Держать въ рукахъ сурикъ кошелька, значитъ держать въ рукахъ судьбу и волю человѣчества. О! проклятые Исаавцы! Они ненавидятъ насъ за богатства, которыми мы вла-

дѣмъ, и презирають за тѣ, которыхъ у насъ нѣтъ. Но они затрепещуть передъ нами въ тотъ день, когда мы разбогатѣемъ столько, что въ состояніи будемъ купить ихъ дерзость и силу.

— Да, это пріятный будетъ день, замѣтилъ положительный философъ съ усмѣшкой: но увидимъ ли мы разсвѣтъ этого дня, камрады?

— Кто жъ сомнѣвается въ этомъ?

— Невѣрующихъ такъ много!

— Невѣрующіе будутъ пристыжены. ALKAEST — не пустое слово. Стоитъ только съ точностью истолковать его смыслъ. Я тружусь надъ этимъ, и достигаю цѣли. Я терпѣливо день и ночь, въ продолженіи двадцати лѣтъ, изучалъ каждую букву великой книги и теперь уже читаю свободно. Истина все болѣе и болѣе разоблачается передо мною и скоро сброситъ послѣдній свой покровъ. Я отыщу затерянное преданіе о священной паукъ; я принужу Солнце и Землю выдать мнѣ тайну ихъ непостижимыхъ сочетаній. Пока есть свѣтъ и металлы, въ матеріи не будетъ недостатку. Я произведу золото, какъ его производилъ Николай Фламель, Раймонъ Луллъ и другіе великіе мастера. Я надѣлаю его груды, горы! И огромный результатъ будетъ для меня только средствомъ, орудіемъ моей всемогущей воли. Чтѣ мнѣ золото само по себѣ? чтѣ оно значитъ?

— Ого! произнесъ Левить съ насмѣшливой гримасой.

— Я хочу измѣнить лицо Земли, продолжалъ алхимикъ: я хочу выкупить всѣхъ монаховъ братій, всѣхъ Евреевъ. Изъ этихъ блуждающихъ обломковъ я составлю народъ, который водворю въ Священной Долинѣ. Да, я воскрешу Израиль на Иосафатѣ. Я буду платить магометанамъ и христіанамъ, зато чтобъ они взаимно истребляли себя около насъ и тѣмъ упрочился бы нашъ вѣчный миръ. Я снова построю Иерусалимъ и на вершинѣ священнаго холма снова и великолѣпнѣе прежняго воздвигну несокрушимый храмъ Саломона, основателя великаго дѣла алхиміи.

— Ты въ самомъ дѣлѣ, камрады, кажется, больше вѣришь въ алхимію нежели въ астрологію.

— Какая разница! мечта и истина! Одна промышленеть хищники, другая производитъ изъ безконечнаго. Астрологія — приманка безумцевъ, алхимія — трудъ мудрецовъ.

— И безумцы, какъ слѣдуетъ, платятъ за уроки мудрецовъ; астрологія должна кормить алхимію, неправда ли?

Астрологъ не отвѣчалъ.

— А когда же, продолжалъ насильщикъ, когда же совершится твое чудо изъ чудесъ?

— Когда? спросилъ съ самымъ простодушнымъ выраженіемъ мастеръ Сципiонъ: ты спрашиваешь, когда? Быть-можетъ, завтра.

— Быть-можетъ, послѣзавтра, подхватилъ докторъ: быть-можетъ, черезъ десять лѣтъ, а всего вѣроятіе—никогда. Однако жъ, пока еще не досталъ золота изъ своихъ ретортъ, ты, любезный другъ, не худо сдѣлаешь, если уберешь въ карманъ то, что дала тебѣ графиня. Это поможетъ тебѣ дожидаться собственнаго. Во всякомъ случаѣ я полагаю, ты доволенъ посѣтителями, которыхъ я тебѣ привелъ. Побой проходить, деньги остаются. Вся мудрость состоитъ въ умѣньѣ уберечь ихъ, потому что они достаются чуть ли не труднѣе чѣмъ изъ реторты. Спокойной ночи.

Друзья разстались. Странная дружба! подумаетъ иной. Чтожь дѣлать? то была дружба ученыхъ.

Алхимику нуженъ былъ повѣренный для его опытовъ, цѣнитель его трудовъ. Люди, посвящающіе себя исполненію обширнаго замысла, въ особенности мыслители и изобрѣтатели, чувствуютъ neodолжимую потребность сообщать свои надежды, освѣжать мозгъ, оживлять работу мысли соприкосновеніемъ съ другими понимающими умами. Имъ необходимо мѣняться идеями и словами. Одобреніе ихъ ободряетъ, споръ подстрекаетъ, даже притворщiе имъ дороже безмолвія: въ пустотѣ уединенія восторженность мало-по-малу угасаетъ.

Медикъ искалъ совѣтъ другаго. Алхимія, какъ извѣстно, породила химию. Изъ заблужденій часто возникаетъ истина. Эмпиризмъ своими попытками проложилъ дорогу наукѣ. Искатели философскаго камня открыли множество великихъ тайнъ, которыхъ и не предполагали. И мастеръ Сципiонъ, упорно преслѣдуя одну фантастическую цѣль, достигалъ неожиданныхъ и великихъ слѣдствій: вмѣсто золота, которое, увы! не давалось ему, онъ на днѣ своихъ тиглей находилъ неизвѣстныхъ дотолѣ сочетаній матерiи и новые законы. Видъ этихъ явленій и рассказы объ нихъ чрезвычайно подстрекали любопытство Левита, постоянно жаждавшаго превращенія массы своихъ познаній.

Кромѣ удовольствiя, кромѣ выгоды, которыя онъ находилъ въ сшевенiяхъ съ своимъ собратомъ по наукѣ, легковѣрнымъ обманщикомъ, шарлатаномъ съ одной стороны, мономаномъ съ другой,— съ гадателемъ, который надувалъ другихъ, для того чтобы поддержать свое собственное заблужденіе,—этотъ человекъ занималъ

его вдвойнѣ, какъ необыкновенное животное и какъ странная болѣзнь, какъ всякій предметъ изученія, какъ задача, требовавшая разрѣшенія.

Таковы были эти два человѣка, изъ которыхъ одинъ присутствовалъ при рожденіи донъ-Хуана, а другой наугадъ, но почти вѣрно, предсказалъ его судьбу. Таковыми они оставались еще и тогда, когда тотъ самый донъ-Хуанъ, возмужавъ, въ свою очередь пришелъ совѣщаться съ ними и спрашивать о цѣли ихъ стремленій, о результатѣ ихъ изысканій.

Человѣкъ болѣе или менѣе измѣняется, но никогда не перерождается совершенно.

В. ДЕРИКЕРЪ.

=

ДОНЪ-КАРЛОСЪ,

ИНФАНТЪ ИСПАНСКІЙ.

=

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ

ШИЛЛЕРА.

=

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Зала у королевы.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

КОРОЛЕВА. ГЕРЦОГИНЯ ОЛИВАРЕЦЪ. ПРИНЦЕССА ЭБОЛИ. ГРАФИНЯ
ФУЭНТЕСЪ и другія дамы.

КОРОЛЕВА, къ гофмейстерницѣ, вставая.

Такъ ключъ пропалъ? Необходимо будетъ
Мнѣ разломать шкатулку, и сейчасъ....

Замѣчалъ принцессу Эболи, которая къ ней подходитъ и цѣлуетъ руку.

Привѣтствую васъ, милая принцесса!

Я рада, что вы стали поправляться....

Блѣдны еще вы, правда....

Фуэнтесъ, немного лукаво.

Злая лихорадка

Такъ сильно дѣйствуетъ на наши нервы!
Не правда ли, принцесса?

КОРОЛЕВА.

Очень, очень

Я навѣстить васъ, милая, желала,
Но, сами знаете, не смѣла.

ОЛИВАРЕЦЪ.

Въ посѣщеньяхъ

Принцесса не терпѣла недостатку,
Ваше величество.

КОРОЛЕВА.

Охотно вѣрю....

Что съ вами? Вы дрожите.

ЭБОЛИ.

Ничего,

Пройдетъ, ваше величество. Прошу васъ,
Позвольте мнѣ уйти.

КОРОЛЕВА.

Принцесса, вы

Отъ насъ скрываетесь; большѣе вы
Чѣмъ увѣрять хотите? И стоять
Совсѣмъ не можете. Графиня, помогите
Ей сѣсть на этотъ табуретъ.

ЭБОЛИ.

Мнѣ будетъ

На воздухѣ полегче.

Удаляется.

КОРОЛЕВА.

Потрудитесь

За ней пойти, графиня. О, какой
Припадокъ!

Входитъ пажъ и тихо говорить съ герцогиней, которая потомъ обращаетъ
ся къ королевѣ.

ОЛИВАРЕЦЪ.

Маркизь Поза, ваше

Величество. Онъ присланъ къ вамъ парочно
Его величествомъ.

КОРОЛЕВА.

Я жду его.

Пажъ уходитъ и отворяетъ маркизу двери.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

МАРКИЗЪ ПОЗА и прежніи.

Маркизъ преклоняетъ колѣно предъ королевою; она даетъ ему знакъ встать.

КОРОЛЕВА.

Какой приказъ отъ государя вы
Ко мнѣ приносите? Могу ль его
При всѣхъ я....

МАРКИЗЪ.

Я ниѣю порученье
Лишь къ вашему величеству одиѣмъ.
По знаку королевы дамы удаляются.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

КОРОЛЕВА. МАРКИЗЪ ПОЗА.

КОРОЛЕВА, съ удивленіемъ.

Какъ? вѣрять ли глазамъ своимъ, маркизъ?
Вы присланы ко мнѣ отъ короля?

МАРКИЗЪ.

Чтожъ вашему величеству тутъ странно?

КОРОЛЕВА.

Конечно, странно! Вѣрно, сбился свѣтъ
Съ пути. Вы и король — я признаюсь....

МАРКИЗЪ.

Такими ль чудесами наше время
Чревато, государыня!

КОРОЛЕВА.

Скажите жъ,

Какими, напримѣръ?

МАРКИЗЪ.

Положимъ,

Я наконецъ себя далъ обратитъ:
Наскучило мнѣ при дворѣ Филиппа
Играть роль чудака! Что жъ изъ того?
Кто хочетъ быть полезнымъ людямъ, долженъ
Сперва стараться сдѣлаться имъ равнымъ.
К чему хвастливая одежда секты?
Положимъ, — кто жъ свободенъ отъ тщеславья?—
Положимъ, я для своего ученья
Ищу приверженцевъ.

КОРОЛЕВА.

О, нѣтъ, маркизъ!

И даже въ шутку не хочу я вѣрять,

Чтобъ вы такимъ незрѣлымъ помышленьямъ
Могли предаться. Вы вѣдь не мечтатель,
Вы не предпримете чего-нибудь,
Чтого бы не надѣялись окончить.

МАРКИЗЪ.

Какъ знать?

КОРОЛЕВА.

Скорѣй повѣрю я, маркизъ,—
Что, впрочемъ, въ васъ меня бы удивило,—
Что вы.... что вы....

МАРКИЗЪ.

Двуличенъ? Можетъ-быть.

КОРОЛЕВА.

Не прямы ужъ по-крайней-мѣрѣ. Только
Король, ужъ вѣроятно, не за тѣмъ
Васъ избралъ въ вѣстники своихъ вельнѣй,
Чтобъ имъ я отказала.

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ.

КОРОЛЕВА.

Но развѣ

Благое дѣло можетъ благородить
Дурныя средства? Можетъ,— вы простите
Мнѣ эти всѣ сомнѣнья, — ваша гордость
Согласоваться съ должностью подобной?
Не думаю.

МАРКИЗЪ.

Я также, если бѣ дѣло
О томъ шло, какъ-бы обмануть монарха,
Я не хочу того. Хочу, напротивъ,
Служить ему и ревностнѣй и больше,
Чѣмъ самъ онъ поручилъ мнѣ.

КОРОЛЕВА.

Въ этомъ слова

Я узнаю васъ. Но довольно! Что
Онъ дѣлаетъ?

МАРКИЗЪ.

Король? Какъ кажется,
Я очень скоро буду отомщенъ
За эту строгость вашихъ замѣчаній.
Я не спѣшу рассказывать, а вы
Гораздо меньше поспѣшите слышать.

Но все же слышать надобно. Король
Ваше величество покорно проситъ
Посланника французскаго двора
Не принимать сегодня. Вотъ что мнѣ
Поручено сказать вамъ. Я окончилъ.

КОРОЛЕВА.

И это все, что вы отъ короля
Мнѣ сообщить имѣли?

МАРКИЗЪ.

Все почти,

Что поводомъ мнѣ служить быть у васъ.

КОРОЛЕВА.

Я откажусь, маркизъ, отъ любовиства
Знать то, что, можетъ-быть, мнѣ тайной должно....

МАРКИЗЪ.

Да, должно, королева. Правда, еслибъ
Вы не были вы сами, я не медля,
Кой-о-какихъ вещахъ вамъ рассказалъ бы,
Кой-отъ-кого бы васъ предостерегъ....
Но съ вами этого не нужно. Пусть
Опасности восходить и заходить
Надъ вами, вамъ объ нихъ не должно знать.
Все это мелко, низко, недостойно
Того, чтобъ отгонять сонъ золотой
Отъ ангельскихъ очей. И не за этимъ
Пришелъ я къ вамъ. Принцъ Карлосъ...

КОРОЛЕВА.

Принцъ!... Въ какомъ

Онъ состоянъ?

МАРКИЗЪ.

Въ состоянъ мудреца,
Которому вмѣняютъ въ преступленъе
Служенъе истинъ, и въ состоянъи
Всегда готоваго хоть цѣлой жизнью
Пожертвовать любви. Я мало словъ
Принесъ съ собой — но здѣсь весь Карлосъ самъ.

Передастъ королевѣ письмо.

КОРОЛЕВА, прочитавъ.

Онъ пишетъ, что ему свиданье нужно.

МАРКИЗЪ.

Я тоже думаю.

КОРОЛЕВА.

Но будетъ-ли

Отъ счастлива, оттого когда увидитъ,
Что я сама несчастна?

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ — но это

Ему рѣшительность и смѣлость возвратитъ.

КОРОЛЕВА.

Какъ это?

МАРКИЗЪ.

Герцогъ Альба ужъ назначенъ

Во Фландрію.

КОРОЛЕВА.

Назначенъ — слышала.

МАРКИЗЪ.

Король ужъ ни за-что не перемѣнитъ.
Мы знаемъ короля. Но ясно также,
Что оставаться здѣсь не долженъ Карлосъ....
Не долженъ ни за-что, теперь подавно....
Притомъ и Фландрію нельзя-жъ погибнуть.

КОРОЛЕВА.

Не знаете ль вы средствъ помочь бѣдѣ?

МАРКИЗЪ.

Быть-можетъ. Только это средство страшно,
Какъ и сама опасность; смѣло, дерзко
Какъ и отчаянье. Другаго я
Не знаю.

КОРОЛЕВА.

Назовите мнѣ его.

МАРКИЗЪ.

Вамъ, вамъ одной-лишь только я дерзаю
Открыть его. Отъ васъ лишь только Карлосъ
Его безъ отвращенія можетъ слышать....
Принцъ долженъ тайно въ Фландрію бѣжать....

КОРОЛЕВА.

Вы нынче

Съ нимъ видѣлись, и это ваше мнѣнье?

МАРКИЗЪ.

Да, оттого, что видѣлся съ нимъ нынче.

КОРОЛЕВА, послѣ нѣкотораго молчанія.

Вамъ планъ, я признаюсь, меня пугаетъ
И нравится мнѣ вмѣстѣ. Но я вижу,

Что правы вы. Снѣла идея ваша
И потому то, думаю, она
И нравится мнѣ такъ. Хочу ее
Я вывѣстать сперва. А знаетъ принцъ
О ней?

МАРКИЗЪ.

Хотѣлось мнѣ, чтобъ онъ услышалъ
Ее изъ вашихъ устъ впервые.

КОРОЛЕВА.

Правда!

Идея велика. Когда бы только
Не юность принца....

МАРКИЗЪ.

Ничего! Тамъ онъ
Найдетъ Оранскаго и Эгмонта,
Все Карла-Пятаго вождей искусныхъ,
Въ совѣтѣ столь-же мудрыхъ, какъ и страшныхъ
На полѣ битвы.

КОРОЛЕВА, съ живостью.

Да, идея велика,
Прекрасна! Принцъ такъ долженъ поступить.
Я живо это чувствую. Та роль,
Что здѣсь въ Мадридѣ онъ играть обязанъ,
Мнѣ за него мучительна. Ему
Я Францію заранѣ объщаю,
Савойю также. Съ вами совершенно
Согласна я, маркизъ; Донъ Карлосъ долженъ,
Онъ долженъ дѣйствовать. Но вѣдь на это
Понадобятся деньги.

МАРКИЗЪ.

И они

Готовы.

КОРОЛЕВА.

Это ужъ моя забота.

МАРКИЗЪ.

Такъ я могу надѣяться на ваше
Свиданье?

КОРОЛЕВА.

Я подумаю.

МАРКИЗЪ.

Донъ Карлосъ,

Ваше величество, отвѣта просить.

А я его увѣрилъ, что съ пустыми
Руками я къ нему не возвращусь.

Подавая королевѣ свою записную книжку.
Двухъ строкъ пока довольно.....

КОРОЛЕВА, окончивъ писать.

Съ вами я

Увижусь?

МАРКИЗЪ.

Всякій разъ, какъ только вы

Прикажете.

КОРОЛЕВА.

Какъ только прикажу я?

И всякій разъ, какъ только прикажу?...
Маркизъ! Какъ понимать должна я это?

МАРКИЗЪ.

Какъ только можете безпечнѣй. Намъ

Дана эта свобода.... и довольно....

Для государыни моей....

КОРОЛЕВА, прерывая его.

Такъ положитесь

На все участие скромное мое....

МАРКИЗЪ, съ жаромъ.

О, я увѣренъ былъ, меня поймутъ здѣсь....

ГЕРЦОГИНЯ ОЛДВАРЕЦЪ, показывается въ дверяхъ.

КОРОЛЕВА, холодно къ маркизу.

Что государь мой мнѣ повелѣваетъ,

То я вмѣню себѣ въ законъ. Ступайте

Въ покорности моей его увѣрить.

Дастъ ему знакъ Маркизъ ухлнуть.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Галерей.

ГЕРЦОГЪ ЛЕРМА = ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

КАРЛОСЪ.

Намъ здѣсь не помѣшаютъ. Что угодно
Вамъ мнѣ открыть?

ЛЕРМА.

Ваше высочество

Здѣсь при дворѣ имѣли друга.

КАРЛОСЪ, озадаченный.

Друга?

Что этимъ вы сказать хотите, графъ?

ЛЕРМА.

Такъ я у васъ просить прощенья долженъ,
Что болѣе узналъ, чѣмъ было нужно.
Однако жъ, чтобы успокоить ваше
Высочество, скажу, что я изъ вѣрныхъ
Рукъ знаю это, словомъ отъ себя.

КАРЛОСЪ.

О комъ же говоримъ мы?

ЛЕРМА.

О маркизъ Поза....

КАРЛОСЪ.

Ну?

ЛЕРМА.

Если вы, ваше высочество,
Ему открыли больше, нежли каждый
Знать можетъ, какъ я сильно опасаюсь....

КАРЛОСЪ.

Что? Какъ вы опасаетесь?

ЛЕРМА,

Онъ былъ

У короля.

КАРЛОСЪ.

О!

ЛЕРМА.

Два часа, мой принцъ,
И въ очень тайномъ разговорѣ.

КАРЛОСЪ.

Право?

ЛЕРМА.

Рѣчь шла не о бездѣлицѣ у нихъ.

КАРЛОСЪ.

Я думаю.

ЛЕРМА

И ваше имя, принцъ,
Я часто слышалъ.

КАРЛОСЪ.

Я вадѣюсь, въ этомъ
Нѣтъ ничего дурнаго.

ЛЕРМА.

Также утронъ

Сегодня въ спальнѣ королевы было
Загадочно говорено о ней.

КАРЛОСЪ, испуганный отступая.

Графъ Лерма!

ЛЕРМА.

Не успѣлъ уйти маркизъ,
Какъ мнѣ король изволилъ приказать
Его впускать впредь безъ доклада.

КАРЛОСЪ.

Это

Ужъ вправду много.

ЛЕРМА.

Безпримѣрно, принцъ,
Съ-тѣхъ-поръ какъ я служу монарху.

КАРЛОСЪ.

Много!

Ужасно много!.... Но скажите, какъ же
Говорено о королевѣ было?

ЛЕРМА, отступая.

Нѣтъ, принцъ,

Нѣтъ! это противъ долга моего.

КАРЛОСЪ.

Какъ странно! объ одномъ мнѣ говорите,
А о другомъ скрываете!

ЛЕРМА.

Одно

Я долженъ вамъ, другое королю.

КАРЛОСЪ.

Вы правы.

ЛЕРМА.

Правда, я всегда маркиза
Зналъ честнымъ человѣкомъ.

КАРЛОСЪ.

Стало-быть,

Его вы знали очень хорошо, графъ.

ЛЕРМА.

Но добродѣтель всякая чиста
До часу испытанья.

КАРЛОСЪ.

Правда, правда.

ЛЕРНА.

А милость короля, по моему,
Чего-нибудь да стоитъ.

КАРЛОСЪ.

О, конечно!

ЛЕРНА.

И иногда полезнѣе бываетъ
Заранѣе пойти открыть все то,
О чемъ умалчивать уже опасно.

КАРЛОСЪ.

Конечно! Но вы говорите сами,
Что знали Позу честнымъ человекомъ?

ЛЕРНА.

Когда онъ и теперь все также честенъ,
Его не сдѣлаютъ мои сомнѣнья худшимъ,
Для васъ же, принцъ, здѣсь выигрывать двойной.

Хочетъ идти.

КАРЛОСЪ, рѣстроганный, идетъ за нимъ и жметъ ему руку.

Тройной, достойный человекъ! Я вижу
Себя богаче другомъ, и не стоитъ
Мнѣ это прежняго.

Лерна уходитъ.

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

МАРКИЗЪ ПОЗА идетъ по галереѣ. ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

МАРКИЗЪ.

Донъ-Карлосъ

КАРЛОСЪ.

Кто тутъ?

Ахъ, это ты! Какъ кстати! Я спѣшу
Въ нашъ монастырь. Смотри же, приходи
Туда скорѣе.

МАРКИЗЪ.

Только двѣ минуты....

Постой.

КАРЛОСЪ.

А если насъ съ тобой застанутъ.

МАРКИЗЪ.

Не бойся. Я тебя не задержу.
Отъ королевы....

КАРЛОСЪ.

Ты у короля былъ

Я слышалъ?

МАРКИЗЪ.

Да. Онъ призывалъ меня.

КАРЛОСЪ въ ожиданіи.

Ну?

МАРКИЗЪ.

Все обдѣлано. Ее увидишь.

КАРЛОСЪ.

Но что жъ король? Чего хотѣлъ король?

МАРКИЗЪ.

Король? Да ничего почти.... Одно
Лишь любопытство знать, кто я.... Другей
Непрощеныхъ прислужливости и только.
Кто знаетъ ихъ? Онъ предлагалъ мѣста мнѣ.

КАРЛОСЪ.

Но ты отъ нихъ конечно отказался?

МАРКИЗЪ.

Ужъ разумѣется.

КАРЛОСЪ

А какъ разстались вы?

МАРКИЗЪ.

Порядочно.

КАРЛОСЪ.

А обо мнѣ ни слова?

МАРКИЗЪ.

Какъ о тебѣ? Ну, да. Такъ вообще.

Выпинаетъ бумажникъ и подаетъ его принцу

Вотъ здѣсь покуда нѣсколько лишь строчекъ

Отъ королевы. Завтра я узнаю

Гдѣ и когда.

КАРЛОСЪ читаетъ разсѣянно, прячетъ записную книжку и хочетъ идти.

Такъ у пріора мы

Съ тобой увидимся.

МАРКИЗЪ.

Да погоди же!

Куда спѣшишь? Никто нейдетъ вѣдь.

КАРЛОСЪ, съ принужденною улыбкой.

Право, мы

Перемѣнились ролями съ тобою.

Ты нынче удивительно какъ смѣлъ.

МАРКИЗЪ.

Зачѣмъ же нынче?

КАРЛОСЪ.

Что же королева

Мнѣ пишетъ?

МАРКИЗЪ.

Такъ еще ты не прочтешь?

КАРЛОСЪ.

Я? Да, и въ самомъ дѣлѣ.

МАРКИЗЪ.

Что съ тобою?

Что у тебя на сердцѣ?

КАРЛОСЪ, читаетъ въ другой разъ; съ восхищеніемъ и жаромъ.

Ангель Неба!

Да, я хочу быть.... я хочу тебя
Достойнымъ быть.... Великія сердца
Растутъ въ любви взаимной. Будь, что будетъ!
Когда ужъ ты велишь, я повинуюсь.

Она мнѣ пишетъ, чтобы я готовъ былъ
На важную рѣшимость. Что же этимъ
Она сказать мнѣ хочетъ? Ты не знаешь?

МАРКИЗЪ.

Хотябъ и зналъ, ты Карлосъ, въ состоянн ли
Сегодня выслушать меня?

КАРЛОСЪ.

Тебя

Я оскорбилъ? Я такъ разсѣянъ нынче.
Прости меня!

МАРКИЗЪ.

Разсѣянъ? Отчего же?

КАРЛОСЪ.

Такъ, оттого.... да я и самъ не знаю.
Такъ стало-быть, бумажинки этотъ—мой?

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ, несомнѣнъ! Я даже твой хочу
Къ себѣ взять.

КАРЛОСЪ.

Это длячего?

МАРКИЗЪ.

И всеъ

Другія мелочи, что въ третью руку
Помастъ не могутъ, не должны.... Замѣтки,

И письма разные.... короче, твой
Портфель....

КАРЛОСЪ

К чему же?

МАРКИЗЪ.

Такъ, на всякій случай.

Кто поручиться можетъ за внезапность?
А у меня не стануть ихъ нехватъ.
Отдай мнѣ ихъ!

КАРЛОСЪ, въ сильномъ безпокойствѣ.

Но, странно! отчего же

Такая вдругъ....

МАРКИЗЪ.

Но будь покоенъ, Карлосъ.

Я этимъ ни на что не намекаю.
Клянуся, ничего! Лишь осторожность
Передъ опасностью. Нѣтъ, право я,
Повѣрь мнѣ, не хотѣлъ пугать тебя.

КАРЛОСЪ, отдавая ему записную книжку.

Смотри же, береги.

МАРКИЗЪ.

Ужъ будь спокоенъ.

КАРЛОСЪ, значительно смотритъ на него

Родригъ! Я много далъ тебѣ.

МАРКИЗЪ.

Но все

Не столько, сколько получилъ ужъ я
Отъ дружбы нашей.... Такъ о прочемъ тамъ.
Теперь прощай, прощай!

Хочетъ идти.

КАРЛОСЪ, въ сомнѣнн борется съ самимъ собою, наконецъ зоветъ его
назадъ.

Дай письма мнѣ

Еще разъ перечестъ. Одно письмо,
Которое тогда еще, какъ я
Былъ боленъ при смерти, она въ Алкалу
Писала мнѣ. Оно хранится тутъ же.
Его всегда носилъ я на груди.
Мнѣ тяжело разстаться будетъ съ нимъ.
Оставь его мнѣ.... только лишь его....
Все прочее возьми, пожалуй.

Вынимаетъ письмо и отдаетъ назадъ записную книжку.

МАРКИЗЪ
Карлосъ.

Мнѣ это жалко; именно вотъ это
Письмо и нужно было мнѣ

КАРЛОСЪ.
Прощай!

Онъ идетъ медленно и тихо, останавливается на нѣсколько минутъ у дверей, потомъ вдругъ возвращается и отдаетъ маркизу письмо.

Возьми.

Рука его дрожитъ. Слезы выступаютъ на глазахъ; онъ падаетъ на грудь маркиза и прислоняетъ къ ней лицо свое.

Нѣтъ! этого отецъ не можетъ сдѣлать!

Не правда ль, мой Родригъ! Онъ этого не можетъ?

Быстро уходитъ.

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

МАРКИЗЪ, въ удивленіи, смотритъ за нимъ въ слѣдъ.

Возможно-ли? Я, стало-быть, еще
Не зналъ его? Неужли въ сердцѣ Карла
Такой изгибъ могъ скрыться отъ меня?
Не довѣряетъ другу онъ? О, нѣтъ,
Нѣтъ, нѣтъ! о! какъ я золъ!... Что сдѣлалъ онъ,
Что я, изъ слабыхъ слабый, обвиняю
Его? Чѣмъ я клеймлю его, тѣмъ буду
Я самъ.... Ему лишь страннымъ показалось....
Вотъ это такъ, вотъ этому я вѣрю.
Онъ скрытностью такую никогда
Предъ другомъ не грѣшилъ! Но онъ страдаетъ!
Я не могу помочь тебѣ, мой Карлосъ;
Твое я сердце долженъ долше мучить.
Король вѣдь также вѣрился сосуду,
Куда свою священнѣйшую тайну
Самъ вынулъ; за довѣренность такую
Я долженъ благодарностью ему.
К чему бы послужили споры, толки,
Когда мое молчанье не приноситъ
Тебѣ страданій? можетъ-быть еще
Отъ нихъ предохраняетъ? Для чего
Услувшему показывать на тучу,
Надъ нимъ всякую грозю страшной?

Довольно, если мнѣ удастся тихо
Ее мимо тебя провести, и ты,
Воставъ отъ сна, увидишь надъ собою
Лазурное безоблачное небо.

Уходитъ.

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

Кабинетъ короля.

КОРОЛЬ сидитъ въ креслахъ; возлѣ него инфантъ КЛАРА ЕВГЕНІЯ.

КОРОЛЬ, посавъ спокойнаго молчанія.

Нѣтъ! Это все же дочь моя. Какъ можетъ
Природа лгать съ такою правдой? Эти
Лазурные глаза—мой глаза!
Въ ея чертахъ я нахожу себя!
Да, ты дитя моей любви. Я жму
Тебя къ груди своей — ты кровь моя!

Вдругъ останавливается, переживши мыслью.

Кровь?

Чего-жъ могу я худшаго страшиться?
Мои черты — ея черты вѣдь также!
Схватываетъ медальонъ и смотритъ то на портретъ, то въ зеркало, стоя-
щее напротивъ; наконецъ бросаетъ медальонъ на полъ, быстро встаетъ и от-
талкиваетъ отъ себя инфанту.

Прочь, прочь! Я въ этой пропасти теряюсь.

ВЫХОДЪ ОСЬМОЙ.

ГРАФЪ ЛЕРМА и КОРОЛЬ.

ЛЕРМА.

Ея величество изволила
Пожаловать въ приемную сейчасъ.

КОРОЛЬ.

Теперь?

ЛЕРМА

И приказали позволенья
Просить у вашего....

КОРОЛЬ.

Теперь? теперь?

Въ такое время?... Нѣтъ! теперь

Нельзя мнѣ съ нею говорить.... нельзя!...

Ея величество ужъ самъ здѣсь....

Уходить.

ВЫХОДЪ ДЕВЯТОЙ.

КОРОЛЬ. КОРОЛЕВА входитъ. ИНФАНТА бѣжитъ навстрѣчу къ короле-
вѣ и жмется къ ней. Королева падаетъ на колѣни предъ королею, кото-
рый молча и въ смущеніи смотритъ на нее.

КОРОЛЕВА.

Супругъ и государь... принуждена я....

Должна у трона вашего искать

Себя я правосудья.

КОРОЛЬ.

Правосудья?...

КОРОЛЕВА.

Со мной здѣсь недостойно поступили.

Замкъ взломали у шкатулки....

КОРОЛЬ

Что?

КОРОЛЕВА.

И вещи дорогія для меня

Пропали....

КОРОЛЬ.

Вещи дорогія?.... Вамъ?

КОРОЛЕВА.

По своему значенію, что чрезъ дерзость

Непосвященныхъ въ наши тайны можетъ....

КОРОЛЬ.

Значеніе.... дерзость.... но.... Да встаньте-жъ! встаньте!

КОРОЛЕВА.

Не прежде, мой супругъ, какъ обѣщанье

Вы мнѣ дадите королевской властью

Мнѣ или похитителя представить,

Или смѣнить прислугу, средь которой

Скрывается....

КОРОЛЬ.

Но встаньте-жъ!... Королева

Въ подобномъ положеніи.... встаньте, встаньте!

КОРОЛЕВА, встаетъ.

Что онъ изъ знатныхъ долженъ быть, я знаю —
Затѣмъ что жемчугу и брилліантовъ
Въ шкатулкѣ больше, чѣмъ на миллионъ
Лежало, онъ же взялъ лишь только письма....

КОРОЛЬ.

Я бы хотѣлъ....

КОРОЛЕВА.

Охотно, мой супругъ.

То были письма вѣстѣ съ медальономъ
Иианта.

КОРОЛЬ.

Чья?

КОРОЛЕВА:

Иианта, мой супругъ,
Донъ-Карлоса

КОРОЛЬ.

И къ вамъ?

КОРОЛЕВА.

Ко мнѣ.

КОРОЛЬ.

Иианта?

И это мнѣ вы говорите? мнѣ?

КОРОЛЕВА.

А почему-жъ не вамъ, супругъ мой?

КОРОЛЬ.

Съ этимъ

Лицомъ!

КОРОЛЕВА.

Что это съ вами? Полагаю,
Вы помните еще объ этихъ письмахъ,
Которыя съ согласья двухъ дворовъ,
Донъ-Карлосъ въ Сенъ-Жерменъ писалъ мнѣ.
Включенъ ли въ это позволеніе медальонъ
Иль своевольно скорая надежда
Ему такую смѣлость придала....
Объ этомъ я судить теперь не смѣю.
То опрометчивость была, быть-можетъ,
Но не проступокъ: потому что, вѣрно,
Тогда ему на умъ и не впадало,
Что это къ матери своей....

Замѣчая волненіе короля.

Что это?

Что съ вани?

Ифеанта, которая, поднявъ между тѣмъ медальонъ съ цолу, играла нтъ,
подноситъ наконецъ къ королеви.

Посмотри мамъ, картинка!

КОРОЛЕВА.

Что это? мой....

Узнаеть медальонъ и останавливается блѣдная, [окастѣлая. Оба смотрятъ
другъ на друга неподвижными глазами. Послѣ долгаго молчанья.

По правдѣ, государь,

Вы средство точно царское нашли
Испытывать своей супруги сердце.
Но я желала бь только васъ спросить....

КОРОЛЬ.

Здѣсь спрашивать прилично только мнѣ.

КОРОЛЕВА.

По крайней мѣрѣ пусть невинность, сирѣ,
Избавится отъ лишнихъ подозрѣній.
Такъ если это воровство случилось
По вашему приказу....

КОРОЛЬ.

Чтожь тогда?

КОРОЛЕВА.

Тогда

Мнѣ некого винить, я сожалѣть
Мнѣ больше некого какъ только васъ,
Которому супруги не досталось
Такой, чтобъ эти средства впрокъ пошло.

КОРОЛЬ.

Я эти рѣчи знаю. Къ сожалѣнью,
Онъ меня ужъ больше не обмануть,
Какъ обманули разъ въ Аранжуэцѣ.
О! добродѣтельную королеву,
Которая съ достоинствомъ такимъ
Себя тамъ защищала, я теперь
Узналъ короче!

КОРОЛЕВА.

Это что?

КОРОЛЬ.

И такъ

Сударыня, скорѣе, безъ уловокъ!
Скажите: правда ль, правда ли еще,

Что вы ни съ кѣмъ тогда не говорили?
Ни съ кѣмъ? Скажите, точно ль это правда?

КОРОЛЕВА.

Съ несантонъ тамъ я говорила, да.

КОРОЛЬ.

Да?... Ну, такъ дѣло ясно! очевидно!
Тамъ дерзко, тамъ безщадно поступить
Съ моею честью!

КОРОЛЕВА.

Съ честью, государь?

Когда за честь свою вы такъ бонтесь,
Мнѣ кажется, здѣсь большая была
Въ опасности, чѣмъ та, какую мнѣ
Кастилія въ приданое дала.

КОРОЛЬ.

Затѣмъ же вы тогда мнѣ не признались?

КОРОЛЕВА.

Затѣмъ, что не привыкла, государь,
Чтобъ мнѣ, въ присутствіи всего двора,
Такой судейскій дѣлали допросъ.
Отъ правды я не отклонюсь, когда
Ее попросятъ съ должнымъ уваженьемъ
И добротой у меня. А развѣ такъ
Ваше величество въ Аранжуэцѣ
Со мною говорили? Развѣ дворъ
Быть можетъ судіею, предъ которымъ
Должны въ своихъ поступкахъ совретенныхъ
Давать отчетъ и королевы? Прииду
Я точно тамъ назначила свиданье.
Онъ умолялъ меня. Я поступила такъ,
Затѣмъ что я того хотѣла, сирѣ,
Затѣмъ, что я обычай не хочу
Своимъ судьею ставить въ тѣхъ дѣлахъ,
Какія я прстойными признала....
Отъ васъ же потому я это скрыла,
Что не имѣла никакой охоты
Съ вашимъ величествомъ объ этомъ правѣ
Предъ всею челядью дворцовой спорить.

КОРОЛЬ.

Вы говорите слишкомъ смѣло, слишкомъ....

КОРОЛЕВА.

И также потому, прибавлю я,
Что принцъ едва ли въ сердцѣ своего
Отца находитъ милость, снисхожденье,
Какихъ онъ стѣнитъ, сирѣ....

КОРОЛЬ.

Какихъ онъ стѣнитъ?

КОРОЛЕВА.

И для чего скрывать мнѣ это, сирѣ?
Я уважаю принца и люблю
Какъ близкаго роднаго своего,
Который прежде былъ почтѣнъ достойнымъ
Носить другое имя.... Я до-сихъ-поръ
Все не могу еще понять, что мнѣ
Онъ именно затѣмъ быть долженъ чуждымъ,
Что вѣкогда онъ былъ мнѣ очень дорогъ.
Когда политика умѣетъ связи
Завязывать, какъ вздумаетъ, то ей
Едва ли не труднѣе ихъ разторгнуть.
Не стану я по долгу ненавидѣть,
И, — если я принуждена сознаться, —
Я не хочу такого долгу знать!

КОРОЛЬ.

Елизавета! Вы меня видали
Въ минуты слабости. Воспоминанье
Объ нихъ даетъ вамъ эту смѣлость. Вы
Надѣетесь на всемогущество, что часто
Испытывать надъ твердостью моей
Вамъ, можетъ быть, случалось.... Но страшитесь
Тѣмъ болѣе. Что къ слабостямъ меня
Склоняло, то и къ бѣшенству сведеть.

КОРОЛЕВА.

Но что жъ я сдѣлала?

КОРОЛЬ, беретъ ее за руку.

Что сдѣлала?

Послушайте; когда виновны вы....

Когда полна проступковъ вашихъ мѣра....

Когда обмануть я....

Опускаетъ ее руку.

Я въ состоянн

Въ себѣ и эту слабость подавить.

И подвину... Тогда и мнѣ и вамъ
Бѣда, Елизавета!

КОРОЛЕВА.

Но что жъ я сдѣлала?

КОРОЛЬ.

Тогда польется кровь!

КОРОЛЕВА.

Ужъ до того

Дошло, о, Боже!

КОРОЛЬ.

Я тогда себя

Не знаю.... Я тогда не чту ни нравовъ,
Ни голоса природы, ни народныхъ
Священныхъ договоровъ....

КОРОЛЕВА.

Какъ мнѣ жаль васъ,

Ваше величество!...

КОРОЛЬ, внѣ себя.

Жаль! Состраданье

Преступницы!

Инфанта со страхомъ жмется къ матери. Король гнѣвно отталкиваетъ дитя
отъ королевы.

КОРОЛЕВА, съ кротостью и достоинствомъ, но дрожащимъ голосомъ.

Дитя мое я огражу отъ притѣсненій.

Пойдите со мною, дочь моя!

Беретъ ее на руки.

Когда

Король тебя не хочетъ больше знать,

За Пренеями мы для себя

Зашитниковъ понцемъ.

Хочетъ идти.

КОРОЛЬ.

Королева?

КОРОЛЕВА.

Итъ, не могу я больше.... Это слишкомъ....

Она хочетъ дойти до дверей, но падаетъ съ дитятей на порогъ.

КОРОЛЬ, подбѣгая къ ней въ безпокойствѣ.

О, Боже мой! что это?

ИНФАНТА, въ испугѣ съ крикомъ.

Мамёнька

Въ кровь!

Убѣгаетъ.

КОРОЛЬ, испуганный хлопочетъ около королевы

Какой ужасный случай! Кровь!

За что меня наказывать такъ строго?

О, встаньте! успокойтесь!... Встаньте!... Или

Весь дворъ нашъ будетъ любоваться сценой!

Она поднимается, поддерживаемая королемою.

ВЫХОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ПРЕЖНИЕ. АЛЬБА и ДОМИНГО вхолятъ въ испугѣ. За ними, дамы.

КОРОЛЬ.

Скорѣ проводите королеву.

Ей дурно.

Королева уходитъ, въ сопровожденіи дамъ. Альба и Доминго подходятъ ближе.

АЛЬБА.

Ея величество въ слезахъ, въ крови

Ея лицо...

КОРОЛЬ.

И это дьяволовъ,

Меня подбившихъ, изумляетъ?

АЛЬБА и ДОМИНГО.

Мы?

КОРОЛЬ.

Которые наѣтами своими

Меня до бѣшенства лишь довели,

Но убѣдить не въ силахъ были.

АЛЬБА.

Мы

Вамъ говорили то, что сами знали...

КОРОЛЬ.

Пусть адъ спасибо скажетъ вамъ за это.

Къ несчастію, послушался я васъ.

Иль это голосъ совѣсти виновной?

МАРКИЗЪ ПОЗА, за сценою.

Монарха можно видѣть?

ВЫХОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

МАРКИЗЪ ПОЗА. ПРЕЖНИЕ.

КОРОЛЬ, услышавъ голосъ маркиза дѣлаетъ радостное движеніе и на нѣсколько шаговъ идетъ къ нему на встрѣчу.

Ахъ, вотъ онъ!

Добро пожаловать, маркизъ. Васъ, герцога,
Теперь не нужно мнѣ. Оставьте насъ!

Альба и Доминго взглядывають другъ на друга съ нѣмыми удивленіемъ и уходятъ.

ВЫХОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

КОРОЛЬ и МАРКИЗЪ ПОЗА.

МАРКИЗЪ.

Сирь! старику, который въ двадцати
Сраженьяхъ смерти шелъ на встрѣчу, горько
Быть такъ удалену!

КОРОЛЬ.

Такъ думать вамъ

Прилично, мнѣ такъ дѣйствовать. Чѣмъ были
Вы для меня въ короткія минуты,
Тѣмъ въ цѣлый вѣкъ свой онъ мнѣ не бывалъ.
Я не хочу изъ подъ-тишка любить.
Печать моихъ благоволеній свѣтло
Да озаритъ у васъ чело. Хочу,
Чтобъ всѣ завидовали человѣку,
Кого себѣ я другомъ выбралъ.

МАРКИЗЪ.

Даже

Тогда, какъ оболочка темноты
Одна его лишь дѣлаетъ достойнымъ
Такого имени?

КОРОЛЬ.

Съ чѣмъ вы пришли

Ко мнѣ?

МАРКИЗЪ.

Какъ проходилъ я по приемной,
Услышалъ я о страшныхъ, страшныхъ слухахъ,

Какимъ повѣрить трудно. Сильный споръ...
Кровь.... королева....

КОРОЛЬ

Вы пришли оттуда?

МАРКИЗЪ.

Ужасно-бъ было, еслибъ эти слухи
Не ложны были, еслибъ что случилось,
Черезъ васъ случилось, государь.... Открытыя,
Которыя я сдѣлалъ, измѣняютъ
Все положенье дѣла.

КОРОЛЬ.

Ну?

МАРКИЗЪ.

Я случай

Нашелъ у принца взять его портфель
Съ бумагами, которыя, надѣюсь,
Прольютъ немного свѣту

Подаетъ королю булавочникъ Корресо.

КОРОЛЬ, съ жадностію пересматриваетъ его.

Какая? письмо

Отъ моего отца.... О немъ я, право,
И не слышалъ еще?

Читаетъ его, кладетъ къ сторонѣ и принимается за другія бумаги.

Планъ крѣпости....

Идемъ и тирады изъ Тациты....

А это что? Знакомъ мнѣ что-то почеркъ!

Отъ дамы это.

Внимательно читаетъ, то громко, то про себя.

«Этотъ ключъ отворить....

«Покоевъ въ павильонѣ королевы»....

Га! что это?.... «Тамъ громко и свободно

«Любовь.... признанья.... чистая награда....»

Чертовское предательство! Теперь я знаю,

Это она. Это ея рука!

МАРКИЗЪ.

Рука ея величества? возможно-ли....

КОРОЛЬ.

Принцессы Эболи....

МАРКИЗЪ.

Такъ это правда,

Въ чемъ мнѣ пажъ Генаредъ признался.... Онъ

Письмо и ключъ самъ принцу приноситъ....

КОРОЛЬ.

Схватывая маркиза за руку, въ сильномъ волненіи.

Маркизь, я окруженъ ужасными людьми!

Та женщина.... я признаюся вамъ....

Та женщина шкатулку королевы

Виломала.... Первые намеки также

Отъ ней, маркизь, вѣдь были.... Кто ихъ знаетъ,

Въ какой ужасной стачкѣ съ ней монахъ?...

Я черезъ плутни низкія обмануть.

МАРКИЗЪ.

Тогда и то ужъ счастье, что....

КОРОЛЬ.

Маркизь!

Маркизь! Я начинаю ужъ бояться,

Не слишкомъ ли я много королевъ....

МАРКИЗЪ.

Когда съ дочъ Карлосомъ у королевы

И точно были тайныя сношеня,

То ужъ, навѣрное, совѣтъ, совѣтъ

Другаго роду, нежели какъ о томъ

Вамъ донесли. И мнѣ извѣстно даже,

Что принцевъ замысль ѣхать въ Нидерланды

У королевы родился.

КОРОЛЬ.

Я самъ

Такъ полагаю.

МАРКИЗЪ.

Она честолюбива....

Сказать ли больше.... Ей досадно, больно,

Что обманулась такъ она въ надеждахъ;

Что отъ всѣхъ дѣлъ она отстранена.

Инфанта воспримчивая юность

Ея уму представилась.... а сердце....

Я сомнѣваюсь, чтобъ она могла

Любить.

КОРОЛЬ.

Ихъ замысловъ премудрыхъ

Я не боюсь.

МАРКИЗЪ.

Любима ли она?..

Опасенъ, точно ли, нести? Объ этомъ

Подумать стоить. Тутъ, я полагаю,
Неутомимый нуженъ приемеръ....

КОРОЛЬ.

Вы

Мнѣ отвѣчаете за приица.

МАРКИЗЪ, послѣ нѣкотораго размышленія.

Если,

Ваше величество, меня способнымъ
Къ тому считаете, то долженъ я
Просить васъ безгранично и совсѣмъ
Мнѣ это дѣло въ руки передать.

КОРОЛЬ.

Согласенъ я.

МАРКИЗЪ.

По-крайней-мѣрѣ мнѣ

Ни чрезъ какихъ помощниковъ въ дѣлахъ,
Какія бъ я ни началъ, не мѣшать....

КОРОЛЬ.

Ни чрезъ какихъ. Я понимаю васъ.
Вы были добрымъ геніемъ моимъ.
Какъ благодарить мнѣ васъ за вашу намекъ!

Лермъ, который при этихъ словахъ входитъ.

Что королева?

ЛЕРМА.

Всѣ-еще слаба

Послѣ припадка.

Душемысленно взглядываетъ на маркиза и уходитъ.

МАРКИЗЪ помолчавъ, королю.

Я бы думалъ, что

Еще одна нужна предосторожность.
Предостеречь донъ-Карлоса здѣсь могутъ.
Друзей довольно у него.... быть-можетъ
Съ бунтовщиками гентскими сношенья.
Страхъ въ состояннхъ привести его
Къ отчаяннымъ поступкамъ.... Потому
Я бы совѣтовалъ теперь же мѣры
Принять, чтобы при случаѣ сейчасъ же
Употребить внезапное рѣшенье.

КОРОЛЬ.

Вы правы. Но....

МАРКИЗЪ.

Секретную бумагу

Къ немедленному задержанью принца,
 Когда бъ ваше величество мнѣ дали,
 Чтобъ, въ мигъ опасности, сейчасъ же ею
 Воспользоваться, и....

Король по-видимому не рѣшается.

Пусть это будетъ

Покуда государственною тайной....

КОРОЛЬ, подходитъ къ письменному столу и подписываетъ бумагу.

Здѣсь рѣчь идетъ о цѣломъ королевствѣ....

Опасность требуетъ чрезвычайныхъ средствъ....

Вотъ вамъ, маркизъ.... Вамъ мнѣ не нужно

Наказывать пощады....

МАРКИЗЪ, беретъ бумагу.

Это только

Про самый крайній случай, государь.

КОРОЛЬ, кладетъ руку ему на плечо.

Ступайте, дорогой маркизъ, ступайте....

Покой моей уязвленной душѣ

И сонъ ночамъ моимъ вы возвратите.

Расходятся въ разные стороны.

ВЫХОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

Галерея.

КАРЛОСЪ входитъ въ сильномъ волненіи, ГРАФЪ ЛЕРМА ему навстрѣчу.

КАРЛОСЪ.

Я васъ ищу, графъ.

ЛЕРМА.

А я васъ, принцъ.

КАРЛОСЪ.

Правда ль?

Скажите, ради Бога, правда ль?

ЛЕРМА.

Что?

КАРЛОСЪ.

Что на нее книжалъ онъ поднять? что

Ее въ крови всю вынесли оттуда?

Ради святыхъ всѣхъ, отвѣчайте мнѣ!

Что думать мнѣ? что правда?

ЛЕРМА.

Ничего!

Она лишь въ обморокъ упала только
И опарапалась. Вотъ вамъ и все тутъ.

КАРЛОСЪ.

И нѣтъ опасности? нѣтъ ни какой?
Честное слово ваше, графъ?

ЛЕРМА.

Если

Не для нея — тѣмъ болѣе для васъ.

КАРЛОСЪ.

Такъ королева точно безопасна?
Ну, слава Богу! До меня дошли
Ужаснѣйшіе слухи, что король.
Въ ожесточеніи на мать и дочь,
И тайна будто бы открыта.

ЛЕРМА.

Это

Последнее, быть можетъ, справедливо....

КАРЛОСЪ.

Какъ! справедливо?

ЛЕРМА.

Принцъ, я нынче васъ

Предостерегъ.... Вы презрѣли намекъ мой.

Такъ ужъ воспользуйтесь вторымъ.

КАРЛОСЪ.

Графъ Лерма!

ЛЕРМА.

Когда не ошибаюсь, принцъ, я какъ-то видѣлъ
У васъ бумажникъ голубаго цвѣту,
Обшитый золотомъ....

КАРЛОСЪ, сѣвшашшсь.

Такой бумажникъ

Есть точно у меня. Ну, что же?

ЛЕРМА.

На покрывкѣ,

Въ обдѣлкѣ жемчужовой, слызѣтъ....

КАРЛОСЪ.

Такъ точно.

ЛЕРМА.

Въ кабинетѣ королевскомъ,

Такой я точно видѣлъ у монарха

Въ рукахъ, и маркизъ Поза тутъ же былъ....

КАРЛОСЪ, послѣ короткаго молчанія, вспыхнуло.

Неправда это.

ЛЕРМА.

Такъ я стало-быть

Обманщикъ.

КАРЛОСЪ, долго на него смотритъ.

Вы обманщикъ, да!

ЛЕРМА.

Ахъ! я

Прощаю вамъ.

КАРЛОСЪ, ходитъ въ ужасномъ волненіи по галереѣ, наконецъ останавливается передъ Лермой.

Что сдѣлалъ онъ тебѣ?

Что наша дружба сдѣлала тебѣ,

Что ты съ такимъ ожесточеньемъ адскимъ

Стремился разлучить насъ?

ЛЕРМА.

Принцъ, я уважаю

То огорченье, что несправедливымъ

Васъ дѣлаетъ.

КАРЛОСЪ.

О, Боже!... Боже!... Боже,

Спаси меня отъ подозрѣнья!

ЛЕРМА.

Также

Запомнилъ я и слово короля:

«Какъ благодарить мнѣ васъ, сказалъ онъ, за....»

КАРЛОСЪ.

О! полно, полно!

ЛЕРМА.

Герцогъ Альба палъ....

У принца Рюи Гомеца печать

Отобрана и отдана маркизу....

КАРЛОСЪ, погруженный въ глубокое размышленіе.

И мнѣ онъ умолчалъ объ этомъ! Мнѣ

Онъ умолчалъ объ этомъ?

ЛЕРМА.

Цѣлый дворъ

Глядитъ ужъ на него какъ на министра,

Какъ на всемогущаго любимца....

КАРЛОСЪ.

Онъ

Меня любилъ. Онъ очень, очень много

Меня любилъ. Я былъ ему дороже
 Звѣзды собственнаго ока.
 О, я увѣренъ въ этомъ! Доказали
 Мнѣ это тысячи уже примѣровъ.
 Но миллионы, но отчизна развѣ
 Ему не драгоцѣннѣй одного?
 Для одного его душа была
 Ужъ слишкомъ велика, а счастье Карла
 Ужъ слишкомъ мало для его любви.
 Онъ мною добродѣтели своей
 Пожертвовалъ. Могу ль я на него
 За то сердиться?... Да, то очевидно!
 Теперь то очевидно. Я его
 Лишился, да!

Отходить въ сторону и закрываетъ лицо.
 ЛЕРМА, послѣ нѣкотораго молчанія.

Любезный принцъ, что я
 Могу для васъ тутъ сдѣлать?
 КАРЛОСЪ, не глядя на него.
 Къ королю

Пойти и заодно предать меня.
 Мнѣ нечего дарить.

ЛЕРМА.

Неужли вы
 Хотите ждать послѣдствій?
 КАРЛОСЪ, облакачивается на балюстрадъ и смотритъ исподвѣжно впередъ.
 Я его
 Лишился. О, теперь я совершенно
 Остатокъ!

ЛЕРМА, приближается къ нему съ участіемъ.

Но подумайте о вашемъ
 Спасеннѣи, принцъ, о вашемъ....

КАРЛОСЪ.

О моемъ
 Спасеннѣи? Добрый человекъ!

ЛЕРМА.

А больше
 Ни за кого вамъ нечего страшиться?
 КАРЛОСЪ, содрогаясь.

О, Боже, Боже мой! о чемъ вы мнѣ
 Напоминали, графъ!... Королева! Ахъ!
 Письмо, которое ему я отдалъ!

Котораго ему я не хотѣлъ
Еще отдать и все же отдааю!

Въ сильномъ волненіи, ломая руки, ходить взадъ и впередъ.

Чѣмъ же

Она-то это заслужила? Огнь бы
Ее хоть пощадить бы долженъ. Лерма,
Вѣдь долженъ бы?

Быстро, решительно.

Я долженъ къ ней.... я долженъ

Ее предостеречь, я долженъ приготовить

Ее.... О, Лерма, добрый Лерма! Га!

Кого пошлю я къ ней? Я никого

Ужъ больше не имѣю! Слава Богу!

Есть другъ еще — и здѣсь ужъ нечего

Мнѣ больше портить.

Быстро уходить.

ЛЕРМА, идти за нимъ.

Принци! куда, куда вы?

Уходить.

ВЫХОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

КОРОЛЕВА, ГЕРЦОГЪ АЛЬБА и ДОМИНГО.

АЛЬБА.

Если позволите, ваше величество....

КОРОЛЕВА.

Что вамъ угодно?

ДОМИНГО.

Безпокойство

О вашего величества высокой

Особѣ намъ не позволяетъ дольше

Хранить молчаніе о важномъ дѣлѣ,

Вамъ угрожающемъ бѣдою.

АЛЬБА.

Мы

Спѣшимъ предостеречь васъ объ интригѣ,

Что противъ васъ умышленно ведется....

ДОМИНГО.

И нашу ревность, вѣрность и услуги

Къ стопамъ мы вашего величества

Спѣшимъ повергнуть.

КОРОЛЕВА, съ удивленіемъ смотритъ на нѣхъ.

Вы, отецъ святой,

И вы, мой благородный герцогъ Альба,
Вы точно удвляете меня.

Такую преданность въ отцѣ Доминго
И въ герцогѣ Толедскомъ я найду
Совсѣмъ не думала. Я очень знаю,
Какъ мнѣ цѣнить ее.... Вы говорите
Мнѣ объ интригѣ, будто мнѣ грозящей:
Могу ль узнать я, кто....

АЛЬБА.

Мы просимъ васъ

Остерегаться кавалера Позы,
Который служить нашему монарху.
По тайнымъ порученьямъ.

КОРОЛЕВА.

Мнѣ пріятно,

Что счастливо такъ избралъ мой супругъ.
Насчетъ маркиза мнѣ дошла молва,
Что рѣдкій онъ, великій человекъ.
И милость высочайшая не можетъ,
По мнѣ, достаться справедливѣй....

ДОМИНГО.

О!

Мы это лучше знаемъ.

АЛЬБА.

Ужъ давно

Извѣстно всѣмъ, на что способенъ онъ.

КОРОЛЕВА.

На что же? Я горю отъ нетерпѣнья....

ДОМИНГО.

Давно ль ваше величество въ шкатулкѣ
Своей перебирали?

КОРОЛЕВА.

Какъ?

ДОМИНГО.

И въ ней

Вы не замѣтили ль какой пропажи?

КОРОЛЕВА.

Какъ такъ? Зачѣмъ? Что у меня пропало,
То знаетъ цѣлый дворъ.... Но маркизъ Поза?
Какъ тутъ могъ замѣшаться маркизъ Поза?

АЛЬБА.

Очень легко: затѣмъ, что и у принца
 Прочли также важныя бумаги;
 Ихъ нынче утромъ видѣли въ рукахъ
 У короля, въ то время, какъ маркизь
 Былъ въ кабинетѣ у монарха.

КОРОЛЕВА, послѣ нѣкотораго размышленія.

Странно,

Ей Богу, странно! Я здѣсь нахожу
 Врага, о комъ мнѣ даже и не снилось,
 И видѣть двухъ друзей, которыхъ дружбой
 Не конию, обладала ли когда я....

Устремивъ проницательный взоръ на обонхъ.

Притомъ же, право, я должна признаться,
 Я ужъ боялась-было, что за службу,
 Которую мнѣ кто-то сослужилъ
 У короля, мнѣ должно будетъ вамъ
 Простить.

АЛЬБА.

Намъ?

КОРОЛЕВА.

Да, вамъ.

ДОМИНГО.

Герцогъ Альба! намъ!

КОРОЛЕВА, все-еще пристально смотря на нихъ.

Какъ мнѣ пріятно потому такъ скоро
 Забѣтить опрометчивость свою....
 И безъ того рѣшилась я просить
 Его величество представить мнѣ
 Сегодня же доносчиковъ моихъ.
 Тѣмъ лучше! Стало быть могу я смѣло
 На васъ сослаться, герцогъ.

АЛЬБА.

На меня?

И вы серьезно говорите?

КОРОЛЕВА.

Очень.

ДОМИНГО.

Чтобъ разомъ уничтожить всѣ услуги,
 Что мы вамъ оба втайнѣ....

КОРОЛЕВА.

Втайнѣ?

Гордо и серьёзно.

Хотѣла бѣ знать я, герцога Альба, что
Супруга вашего монарха съ вами,
Иль съ вами, патеръ, можетъ говорить,
Чего бѣ не долженъ знать ея супругъ....
Невинна я, иль нѣтъ?

ДОМИНГО.

Что за вопросъ!

АЛЬБА.

Но ежели король несправедливо
Поступить? если онъ по-крайней мѣрѣ
Теперь поступить такъ?

КОРОЛЕВА.

Тогда я буду ждать,

Пока онъ станетъ справедливымъ.... Благо
Тому, кто въ томъ свой выигрышъ находить.
Она кланяется низъ и удаляется; тѣ уходятъ въ противоположную сторону.

ВЫХОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

Комната принцессы Эболи.

ПРИНЦЕССА ЭБОЛИ. Тотчасъ послѣ того ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

ЭБОЛИ.

Такъ справедлива странная та новость,
Что цѣлый дворъ приводитъ въ удивленье?

КАРЛОСЪ, входитъ.

Принцесса, не пугайтѣсь, ради Бога!
Я, какъ ребенокъ, буду тихъ.

ЭБОЛИ.

Принцъ.... эта

Внезапность.

КАРЛОСЪ.

Сѣрдитесь еще вы? да?

ЭБОЛИ.

Принцъ!

КАРЛОСЪ, навязываетъ.

Сѣрдитесь вы? сѣрдитесь еще?

Прошу, снажите мнѣ.

ЭБОЛИ.

Что это значитъ?

Вы, кажется, забыли, принцъ.... Чего.
Вамъ отъ меня угодно?

КАРЛОСЪ, съ жаромъ схватывая ея руку.

Ангель кроткій,

Ты можешь вѣчно ненавидѣть? Развѣ
У огорченной страсти нѣтъ прощенья?

ЭБОЛИ, вырываясь отъ него.

Ахъ, принцъ, о чемъ напомнили вы мнѣ!

КАРЛОСЪ.

О добротѣ твоей и о своей
Неблагодарности.... Ахъ! знаю, знаю!
Я сильно оскорбилъ тебя, я сердце
Твое святое растерзалъ, я слезы
Изъ кроткихъ глазъ твоихъ жестоко вызывалъ....
Ахъ! и теперь къ тебѣ не съ тѣмъ пришелъ я,
Чтобы раскаяться, чтобы просить....

ЭБОЛИ.

Оставьте, принцъ, меня.... Оставьте!

КАРЛОСЪ

Я

Пришелъ къ тебѣ, затѣмъ что ты кротка,
Что на душу прекрасную твою
Я уповаю. Видишь ли, здѣсь нѣтъ,
Кромѣ одной тебя, нѣтъ больше друга.
На всемъ огромномъ свѣтѣ у меня.
Ты прежде такъ меня любилъ.... ты
Не будешь вѣчно ненавидѣть, нѣтъ,
Не будешь вѣчно ты непримиримой!

ЭБОЛИ отвращивается.

О, тише! ради Бога, принцъ!

КАРЛОСЪ.

О, дай

Тебѣ напомнить о златыхъ мнутахъ....
Дай о любви твоей тебѣ напомнить,
Ахъ! о любви, противъ которой я
Такъ недостойно проступился. Дай мнѣ
Теперь напомнить, чѣмъ я былъ тебѣ,
Что дали мнѣ сны сердца твоего.
Еще одинъ разъ.... только лишь одинъ разъ
Въ душѣ своей возстанови мой образъ,

Темнѣе: какъ онъ тогда къ тебѣ являлся,
И этой тѣни хоть пожертвуй тѣмъ,
Чѣмъ для меня помертвовать не можешь.

ЭБОЛИ.

О, Карлосъ! какъ жестоко ды со мною
Играете!

КАРЛОСЪ.

Будь выше, чѣмъ твой полкъ.

Забудь обиды! Сдѣлай то, чего
Здѣсь женщины не дѣлали еще.

Чего онѣ не сдѣлаютъ во вѣки.

Я отъ тебя неслыханнаго жду....

Позволь мнѣ.... на колѣняхъ умоляю....

Позволь мнѣ только пару словъ...., не больше....

Промолвить съ королевой!

Бросается предъ нею на колѣни.

ВЫХОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ПРЕЖНИЕ. МАРКИЗЪ ПОЗА влѣзаетъ въ дверь, за нимъ два офицера
королевской гвардіи.

Маркизъ, запыхавшись, вѣзъ себя, становится между Карлосомъ и Эболи.
Что сказалъ онъ?

Не вѣрьте вы ему!

КАРЛОСЪ, всё-еще на колѣняхъ возвышая голосъ.

Ради всего

Святаго....

МАРКИЗЪ, вспыхливо перебивая его.

Онъ помѣшанъ. Не внимайте

Безумному!

КАРЛОСЪ, громче.

Здѣсь жизнь въ борьбѣ со смертью!

Сведите къ ней меня, я умоляю....

МАРКИЗЪ, си ой отталкиваетъ принцессу отъ него.

Я васъ убью, когда его вы слушать

Не перестанете.

Къ одному изъ офицеровъ.

Графъ Кордуа!

По волю короля!

Показываетъ ему будаги.

Принцъ арестованъ.

Карлосъ стоитъ, будто громомъ пораженный. Принцесса вскрикиваетъ и хочетъ бѣжать; офицеры въ изумленіи. Долгая и глубокая пауза. Маркизъ сильно дрожитъ и только съ трудомъ удерживаетъ присутствие духа.

Къ принцу.

Позвольте вашу шпагу.... Вы, принцесса,
Останетесь покуда здѣсь! а вы,

къ офицеру.

Смотрите, чтобъ никто не говорилъ

Съ его высочествомъ.... никто....

Ни даже сами вы; вы головой

Своей ручаетесь за это!

Онъ говорить еще тихо офицеру; потомъ обращается къ другому.

Я же

Спѣшу повергнуться къ стопамъ монарха,

И дать отчетъ ему....

Къ Карлосу.

И также вамъ...

Я къ вамъ явлюсь, принцъ.... черезъ часъ.

Карлосъ позволяетъ увести себя, не подавъ ни какого знаку памяти. Только, проходя мимо, онъ бросаетъ томный, умирающій взглядъ на маркиза, который закрываетъ лицо. Принцесса пытается еще разъ удалиться; маркизъ приводитъ ее за руку назадъ.

ВЫХОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ПРИНЦЕССА ЭБОЛИ, МАРКИЗЪ ПОЗА.

ЭБОЛИ.

О, ради всѣхъ святыхъ, позвольте мнѣ...

МАРКИЗЪ, приводитъ ее къ самой авансценѣ; съ важностію.

Несчастная, что онъ сказалъ тебѣ?

ЭБОЛИ.

О, ничего.... пустите.... ничего....

МАРКИЗЪ, пасивно удерживая ее.

Что ты узнала? Ты ужъ не спасешься.

Ты никому того не перескажешь.

ЭБОЛИ, испуганная, смотреть ему въ глаза.

О Боже! Что сказать хотите вы?

Вы вѣрно не хотите умертвить

Меня?

МАРКИЗЪ, вынимаетъ кинжалъ.

Да, нѣчто въ этомъ родѣ я

Намѣренъ точно сдѣлать. Будь готова!

ЭБОЛИ.

Меня? меня? О, всемогущій промыслъ!
Но что жъ я сдѣлала?

МАРКИЗЪ, взглянувъ на небо и представивъ кинжалъ къ груди Эболи.

Еще есть время.

Еще ея уста не взмокли ядомъ.
Я разобью сосудъ и будетъ все
Опять по-прежнему.... Судьба Испаньи
Или жизнь женщины!

Обуреваемый сомнѣніемъ, онъ остается въ этомъ положеніи.

Эболи, припадая, смотритъ прямо, въ глаза маркизу.

Что жъ медлите?

Я не прошу пощады.... нѣтъ! Я смерти
Заслуживаю и хочу.

МАРКИЗЪ медленно опускаетъ руку. Послѣ короткаго размышленія.

Нѣтъ! это

Ужъ варварствомъ и низостію было бѣ....

Нѣтъ! слава Богу! есть еще другое средство!

Роняетъ кинжалъ и скоро уходитъ. Принцесса опрометью убѣгаетъ въ
другія двери.

Комната королевы.

ВЫХОДЪ ОСЕМНАДЦАТЫЙ.

КАРОЛЕВА, и ГРАФИНЯ ФУЭНТЕСЪ.

КОРОЛЕВА

Но что за суматоха во дворцѣ?
Меня приводить въ ужасъ всякій шумъ
Сегодня. О, ступайте, поглядите,
Графиня, что все это значить?

Графиня удаляется, въ комнату вбѣгаетъ принцесса Эболи.

ВЫХОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

КОРОЛЕВА, ПРИНЦЕССА ЭБОЛИ,

ЭБОЛИ.

На помощь, королева! Онъ подъ стражей.

КОРОЛЕВА.

Кто?

ЭБОЛИ.

Маркизъ Поза, по приказу короля,
Арестовалъ его.

КОРОЛЕВА.

Кого жъ? кого?

ЭБОЛИ.

Дочь Карлоса.

КОРОЛЕВА.

Въ умѣ ли ты?

ЭБОЛИ.

Сейчасъ

Его увести.

КОРОЛЕВА.

Кто же взялъ его

Надъ стражу?

ЭБОЛИ.

Маркизь Поза.

КОРОЛЕВА.

Слава Богу

Еще, что арестованъ онъ маркизомъ!

ЭБОЛИ.

Это

Вы такъ спокойно, смѣло говорите,

Такъ холодно?... О, Боже! вы

Не догадались?... вы не знаете....

КОРОЛЕВА.

За что

Онъ арестованъ?... За проступокъ вѣрно
Какой-нибудь, который въ пылкомъ нравѣ
Иванта очень натураленъ.

ЭБОЛИ.

Нѣтъ, нѣтъ!

Я знаю лучше.... нѣтъ.... О, королева!

Ужасный, дьявольскій поступокъ!... Нѣтъ

Ему спасенья больше! Онъ умреть!

КОРОЛЕВА.

Умреть?

ЭБОЛИ.

И я его убійца!

КОРОЛЕВА.

Онъ

Умреть! Безумная, въ умѣ ли ты?

ЭБОЛИ.

И почему умреть онъ?... почему?...

О, если бъ я могла предвидѣть это!

КОРОЛЕВА, милостиво беретъ ее за руку.

Вы видѣ себя, принцесса! Соберитесь
 Вы съ силами и расскажите мнѣ
 Все это по порядку, не въ такихъ
 Ужасныхъ, страшныхъ образахъ, что въ трепетъ
 Меня приводить. Что же вамъ известно?
 Что тамъ случилось съ принцемъ?

ЭБОЛН.

О! не съ этой

Небесной добротою, королева!
 Не съ этой кротостию! Какъ адскій пламень,
 Онъ бичуютъ душу мнѣ и совѣсть.
 Я недостойна оскверненнымъ взоромъ
 Глядѣть на вашу славу. Раздавите
 Несчастную, что съ трепетомъ, стыдомъ,
 Раскаиваемъ лежить у вашихъ ногъ!

КОРОЛЕВА.

Несчастная! что значать эти рѣчи?

ЭБОЛН.

Небесный ангелъ! кроткая святая!
 Не знаете вы дьявола, кому
 Вы такъ любовно кротко улыбались....
 Узнайте же его... Вѣдь это я
 Васъ обокрада!

КОРОЛЕВА.

Вы?

ЭБОЛН.

И эти письма

Передала монарху....

КОРОЛЕВА.

Вы?

ЭБОЛН.

Я, я

Осмѣлилась васъ обвинять....

КОРОЛЕВА.

Вы? вы

Могли....

ЭБОЛН.

Любовь.... мечь.... биченство.... безумье....

Я ненавидѣла васъ, я любила

Нисанта....

КОРОЛЕВА.

Потому что вы любиле?...

ЭБОЛИ.

Ах! потому, что я ему призналась,
И не нашла взаимности.

КОРОЛЕВА, послѣ нѣкотораго молчанія.

О, все

Теперь понятно мнѣ!... Но.... встаньте! Вы
Его любили — я прощаю васъ.
Да будетъ все забыто.... Встаньте!

Подаетъ ей руку.

ЭБОЛИ.

Нѣтъ, нѣтъ!

Еще одно ужасное признание.
Не прежде, королева....

КОРОЛЕВА, внимательно.

Что еще

Услышать мнѣ придется? Говорите....

ЭБОЛИ.

Король.... Обольщена.... Вы отвернулись....
О! я читаю казнь во взорахъ вашихъ....
То преступленье, въ чемъ васъ обвиняла,
Его сама я совершила.

Она лицомъ плакующимъ припадаетъ къ полу. Королева уходитъ. Длинная пауза. Нѣсколько минутъ спустя, герцогиня Оливарецъ выходитъ изъ кабинета, куда удалась королева и видитъ принцессу въ томъ же положеніи. Услышавъ шумъ, принцесса немедленно подвигается и, не видя королевы, какъ сумасшедшая вскакиваетъ.

ВЫХОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ПРИНЦЕССА ЭБОЛИ. ГЕРЦОГИНЯ ОЛИВАРЕЦЪ.

ЭБОЛИ.

Боже!

Она меня оставила! Теперь
Все кончено.

ОЛИВАРЕЦЪ,

Принцесса Эболи....

ЭБОЛИ.

Знаю для чего вы, герцогиня,
пришли. Васъ королева шлетъ ко мнѣ,
Чтобъ возвѣстить мнѣ приговоръ.... Скорѣе!

ОЛИВАРЕЦЪ.

Мнѣ велѣно отъ королевы крестъ вашъ
И ключъ отъ васъ принять....

эболи, сжимаетъ съ шею золотой орденскій крестъ и отдастъ.

Но разъ еще

Позволено мнѣ, вѣрно, руку лучшей
Изъ королевъ поцѣловать?

ОЛИВАРЕЦЪ.

Принцесса,

Въ монастырѣ Святой Маріи вы
Узнаете свой приговоръ.

эболи, сквозь слезы.

Какъ! я

Ужъ не увижу больше королевы?

оливарецъ, обнимаетъ ее отворачиваясь,

Живите счастливо!

Она скоро уходитъ. Принцесса слѣдуетъ за ней до дверей кабинета, которыя сейчасъ же затворяются за герцогиней. Нѣсколько минутъ въ молчаніи и неподвижно остается она передъ ними на колѣняхъ, потомъ быстро встаетъ и поспѣшно уходитъ, закрывъ лицо руками.

ВЫХОДЪ ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ.

КОРОЛЕВА. МАРКИЗЪ ПОЗА.

КОРОЛЕВА.

Ахъ! наконецъ, маркизъ! Какъ хорошо,
Что вы приходите.

маркизъ, блѣдный, съ встревоженнымъ видомъ, дрожащимъ голосомъ, и
впродолженіи всей этой сцены въ торжественномъ, глубокомъ волненіи.

Однѣ ли вы,

Ваше величество? Никто не можетъ
Насъ изъ сосѣдней комнаты подслушать?

КОРОЛЕВА.

Никто... Зачѣмъ же? Что вы скажете?

Пристальнѣе всматриваясь въ него и бояливо отступая.

Но какъ перемѣнились вы! Что съ вами?

Маркизъ, вы въ страхъ приводите меня....

Лицо у васъ искажено, какъ-будто
У мертвеца....

МАРКИЗЪ.

Вы знаете ужъ, вѣрно....

КОРОЛЕВА.

Что Карлосъ арестованъ нынче вами....

Такъ это точно правда? Не хотѣла
Я никому повѣрить кромѣ васъ.

МАРКИЗЪ.

Да, это правда.

КОРОЛЕВА.

Вамнѣ?

МАРКИЗЪ.

Мной.

КОРОЛЕВА, нѣсколько времени соинтересно на него смотреть.

Всѣ ваши

Поступки я привыкла уважать,
Хотя и не пойму ихъ.... Въ этотъ разъ
Простите робкой женщиной... боюсь я,
Играете вы въ трудную игру.

МАРКИЗЪ.

Я проигралъ ее.

КОРОЛЕВА.

Избави Боже!

МАРКИЗЪ.

О, успокойтесь, королева. Я
Объ немъ ужъ позаботился заранѣе.
Я для себя ее лишь проигралъ.

КОРОЛЕВА.

Что слышу я! о, Боже!

МАРКИЗЪ.

Кто жъ велѣлъ мнѣ

Все положить на карту? такъ надѣжно,
Такъ дерзновенно съ промысломъ играть?
Кто изъ людей осмѣлится здѣсь править
Кормиломъ труднымъ случая, не бывши
Всеувѣдущимъ? О, это справедливо!...
Но рѣчь должна идти не обо мнѣ
Теперь! минуты дороги, какъ жизнь!
И кто поручится, что изъ скупой
Десницы Судин на долю мнѣ
Не выпали послѣднія ужъ капли?

КОРОЛЕВА.

Десницы Судин?... Что это-съ вами?

Я не могу понять словъ вашихъ, но

Они меня приводятъ въ ужасъ....

МАРКИЗЪ.

Она

Спасенья! Какой цѣнѣю, всё равно!
 Но только на сегодня. У него
 Лишь нѣсколько мгновений остается.
 Пусть сбережетъ онъ ихъ. Онъ въ эту ночь
 Мадридъ оставить долженъ.

КОРОЛЕВА.

Въ эту ночь?

МАРКИЗЪ.

Распоряженья сдѣланы. Въ томъ самомъ
 Монастырѣ, который ужъ давно
 Святимъ убѣжищемъ былъ нашей дружбы,
 Его ждетъ почта. Вотъ здѣсь въ векселяхъ,
 Все, что мнѣ счастье даровало въ жизни.
 А недоставетъ, приложите сами:
 Хотя и много на сердцѣ моемъ,
 Ахъ, много есть для Карла моего,
 Чтѣ узнать онъ долженъ бы, однако
 Легко случиться можетъ, что мнѣ будетъ
 Сказать то лично Карлу недосугъ....
 Съ нимъ вы увидите повечеру,
 И потому я къ вамъ ужъ обращаюсь....

КОРОЛЕВА.

Ради покоя моего, маркизъ.
 Скажите мнѣ яснѣе.... не въ такихъ
 Загадкахъ страшныхъ говорите мнѣ....
 Что же случилось?

МАРКИЗЪ.

Остается мнѣ

Еще вамъ сдѣлать важное признанье:
 Его я въ ваши руки завѣщаю.
 Судьба дала мнѣ счастье, чтѣ немногихъ
 Въ удѣлъ на этомъ свѣтѣ достается:
 Я сына царскаго любилъ.... Душою,
 Ему лишь посвященною, я миръ
 Весь обнималъ!... Въ душѣ прекрасной Карла
 Создалъ рай для многихъ миллионѣвъ.
 О, сны мои велики были, чудвы,
 Но Богу преждевременно угодно
 Меня въ свою обитель отозвать.
 Меня у Карла скоро ужъ не будетъ,
 Другъ для него въ возлюбленной умереть.

Здѣсь.... здѣсь.... на этомъ алтарѣ священномъ,
 На сердцѣ королевы я
 Свое слагаю завѣщанье, здѣсь
 Пусть онъ найдетъ его, когда меня не станетъ....
 Онъ отворачивается, слезы задушаютъ его голосъ.

КОРОЛЕВА.

Но это, право, рѣчи передъ смертью.
 Я все надѣюсь, что волненье крови....
 Или точно смыслъ сокрытъ въ нихъ?
 маркизъ, собравшись съ духомъ, продолжаетъ болѣе твердымъ голосомъ:

Принцу вы

Скажите, чтобъ онъ клятвы не забылъ,
 Которую во дни мечтаній юныхъ
 Мы надъ остією другъ другу дали.
 Свою сдержалъ я, вѣрнымъ до конца
 Ему я былъ.... Теперь и онъ пусть сдержитъ.
 Скажите вы ему, чтобъ упованье
 Питалъ онъ къ грезамъ юности своей,
 Когда быть хочетъ мужемъ.... чтобы онъ
 Не открывалъ мертвящему червю,
 Уму давно прославленному, сердца,
 Прекраснаго цвѣтка боговъ.... чтобъ онъ
 Себя съ пути сбивать не позволялъ,
 Когда жемудрость праха поносить
 Здѣсь чадо Неба, вдохновенье, станеть.
 Я ужъ предсказывалъ ему....

КОРОЛЕВА.

Маркизъ,

Что это значить?...

МАРКИЗЪ.

И скажите также

Ему, чтобъ человеческое счастье
 Онъ свято на сердцѣ своемъ носилъ,
 Что я предъ смертью требовалъ того....
 Да, требовалъ! и требовать былъ вправѣ.
 Мнѣ стоило хотѣть и новымъ утромъ
 Я отвѣтилъ бы эти государства.
 Король открылъ мнѣ сердце. Онъ назвалъ
 Меня своимъ любимымъ сыномъ.... Мнѣ
 Свою печать онъ поручилъ и Альбы
 Не существуютъ ужъ.

Онъ останавливается и молча нѣсколько минутъ смотритъ на королеву.

Вы плачете....

О, эти слезы мнѣ давно знакомы,
Прекрасная душа! Ихъ только радость
Изъ этихъ глазъ обильно выжимаетъ.
Но ужъ довольно. Карлосъ или я!
Ужасенъ, скоръ былъ выборъ. Долженъ былъ
Одинъ изъ насъ погибнуть, и погибнуть
Досталось мнѣ....ужъ лучше мнѣ.... Знать больше
Зачѣмъ вамъ, королева?

КОРОЛЕВА.

О теперь,

Теперь я начинаю наконецъ
Васъ понимать.... Несчастнѣй! что вы это
Надѣлали?

МАРКИЗЪ.

Два краткіе часа

Я отдалъ, чтобъ спасти день лѣтній, свѣтлый.
Судьба Европы зрѣеть въ сердцѣ Карла.
Ему Испанію я поручаю.
До тѣхъ же норъ пусть кровь течетъ рѣкою
Изъ подъ руки Филиппа! Но бѣда
Ему и мнѣ, когда ошибся я,
Когда избралъ я худшее!... Нѣтъ, нѣтъ!
Я знаю Карла.... никогда того
Не будетъ.... и моею порукой вы,
Вы, королева!

Послѣ нѣкотораго молчанія.

Я видѣлъ, какъ она рождалась, эта
Любовь, я видѣлъ какъ несчастной страстью
Болю постепенно сердце Карла....
Ее тогда жъ я могъ бы побороть.
Я этого не сдѣлалъ. Эту страсть
Въ которой я несчастій не предвидѣлъ,
Я самъ питалъ. Свѣтъ иначе разсудитъ.
Я не раскаюсь. Сердце обаявать
Мнѣ ни въ чемъ не въ правѣ. Жизнь я видѣлъ,
Тамъ, гдѣ другіе смерть предполагали.
Я въ безнадежномъ пламени узрѣлъ
Заранѣ лучъ надежды благодатной.
Я до прекраснаго довести его хотѣлъ

До вышней, чистой красоты возвысить.
 Но смертность въ образахъ мнѣ отказала,
 Языкъ въ словахъ. Тогда я указалъ
 Ему на *это*.... жизнь моя была
 Посвящена ему, на изъясненье
 Его любви.

КОРОЛЕВА.

Маркизь, вы дотого
 Своєю дружбой занимались, что
 Меня за этой дружбой позабыли.
 Неужли вы и вправду полагали,
 Что ужъ во мнѣ нѣтъ женственности вовсе,
 И вы меня, давъ въ ангелы ему,
 Ужъ думали, что дали и оружье
 Ко всѣмъ прекраснымъ доблестямъ? Вамъ, вѣрно,
 Того и въ голову не приходило,
 Какъ трудно отвѣчать за наше сердце,
 Когда мы страсть такими вышами
 Облагороживать начнемъ?

МАРКИЗЪ.

За всё.

Сердца, но только не за ваше сердце.
 Я имъ клянусь.... нль точно вы стыдитесь
 Изъ всѣхъ желаній высшаго: быть здѣсь
 Создательницей доблестей геройскихъ?
 Чтѣ нужды королю Филиппу, если
 Его «Преображенье», въ Ескурьялѣ,
 Воспламенить художника на подвигъ,
 О вѣчности задуматься заставить?
 Принадлежить ли сладкая гармонья,
 Что въ инструментѣ чудно заперта,
 Его купцу, глухому для его
 Небесныхъ звуковъ? Онъ купилъ лишь право
 Его разбить, но вовсе не искусство
 Въ его струнахъ гармонью пробуждать
 И таять сердцемъ въ сладкихъ, чудныхъ пѣсняхъ.
 И мудреца здѣсь истина дана,
 И красота чувствительному сердцу.
 Онъ принадлежать другъ другу обѣ.
 И этой вѣры я не дамъ разрушить
 Трусливымъ предрасудкамъ. Обѣшайте

Мнѣ вѣчно, вѣчно Карлоса любить,
 Ни страхомъ свѣта, ни геройствомъ ложнымъ
 Не соблазняясь къ отреченью.... вѣчно,
 Неодолимо Карлоса любить!
 Вы общаете-ль мнѣ это?

КОРОЛЕВА.

Сердце....

Я общаю вамъ, лишь только сердце
 Я сдѣлаю судьей любви своей.

МАРКИЗЪ.

Теперь спокойно я умру.... Моя
 Работа кончена.

Низко кланяется королеви и хочетъ идти.

КОРОЛЕВА. Молча провожаетъ его глазами.

Какъ! вы идете

Маркизъ, мнѣ не сказавъ, когда.... какъ скоро
 Увидимся мы съ вами?

МАРКИЗЪ, возвращается.

Да, конечно!

Еще увидимся мы съ вами.

КОРОЛЕВА.

Я поняла васъ, Поза.... поняла,
 Васъ очень хорошо.... Зачѣмъ же это
 Вы сдѣлали?

МАРКИЗЪ.

Онъ или я.

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ, нѣтъ!

Вы сами бросились на это дѣло,
 Которое возвышеннымъ зовете.
 О, ужъ не отпирайтесь. Я васъ знаю;
 Давно, давно вы жаждали того.
 Хоть тысячи сердець терзаться стануть,
 Что вамъ за дѣло, если ваша гордость
 Одна насытится? О, лишь теперь,
 Теперь я поняла васъ! Удивленья
 Вы одного хотѣли.

МАРКИЗЪ, смущенный, про себя.

Нѣтъ! къ этому

Я не былъ приготовленъ.... нѣтъ....

Г. LXXXVII. — Отд. II.

КОРОЛЕВА послѣ некотораго молчанія.

Маркизъ!

Ужъ нѣтъ спасенья развѣ?

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ.

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ? точно нѣтъ?

Подумайте. Нѣтъ точно ни какого?

И чрезъ меня нѣтъ даже ни какого?

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ даже и чрезъ васъ.

КОРОЛЕВА.

Вы вполонину

Меня лишь знаете.... Во мнѣ есть смѣлость.

МАРКИЗЪ.

Я знаю.

КОРОЛЕВА.

И все нѣтъ спасенья?

МАРКИЗЪ.

Нѣтъ.

КОРОЛЕВА, оставляетъ его, закрывая лицо руками.

Ступайте-жъ! Я не дорожу теперь

Ужъ ни однимъ мужчиной.

МАРКИЗЪ, въ сильнѣйшемъ волненіи бросается къ ногамъ ея.

Королева!....

О, Боже! жизнь такъ хороша!

Встаетъ и быстро уходитъ. Королева удаляется въ кабинетъ.

ВЫХОДЪ ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ.

Приемная короля.

ГЕРЦОГЪ АЛЬБА и ДОМИНГО молча и отдѣльно ходять взадъ и впередъ.

ГРАФЪ ЛЕРМА выходитъ изъ кабинета короля, потомъ ДОНЪ-РАЙМОНДЪ

ТАКСИСЪ, оберъ-почтмейстеръ

ЛЕРМА.

Маркизъ еще здѣсь не былъ?

АЛЬБА.

Нѣтъ еще.

Лерма хочетъ идти опять въ кабинетъ:

ТАКСИСЪ, входитъ.

Графъ Лерма, доложите обо мнѣ.

ЛЕРМА.

Король не принимаетъ.

ТАКСЕНСЪ.

Попросите,

Мнѣ нужно говорить съ нимъ.... Королю
То очень важно. Поспѣшите. Дѣло
Не терпитъ отлагательства.

Лерна уходитъ въ кабинетъ.

АЛЬБА, подходитъ къ оберъ-почтмейстеру.

Любезный

Таксенсъ, привыкните къ терпѣнью. Вамъ
Не говорить съ монархомъ....

ТАКСЕНСЪ.

Отчего же?

АЛЬБА.

Вамъ для того бы нужно позволенья
Сперва спросить у кавалера Позы,
Который сына и отца содержитъ
Подъ стражей.

ТАКСЕНСЪ.

Поза? Какъ?.... Такъ точно!... Это

Тотъ самый, отъ кого письмо я принялъ....

АЛЬБА.

Письмо?

ТАКСЕНСЪ.

Которое я въ Брюссель долженъ

Отправить.....

АЛЬБА, съ напряженнымъ вниманiемъ.

Въ Брюссель?

ТАКСЕНСЪ.

И которое

Я приношу теперь монарху....

ЛЕРНА.

Въ Брюссель!

Вы слышите, Доминго? Въ Брюссель!

ДОМИНГО, подходитъ.

Это

Весьма ужъ подозрительно.

ТАКСЕНСЪ.

И какъ

Покорно и съ какими смущеньемъ было
Оно мнѣ отдано!

ДОМИНГО.

Съ смущеньемъ? Вотъ что!

АЛЬБА.

Къ кому жъ написанъ адресъ?

ТАКСИСЪ.

Къ принцу

Оранскому.

АЛЬБА.

Къ Вильгельму.... Капелланъ,
Здѣсь кроется измѣна!

ДОМИНГО.

Не иначе....

Да, правда, нужно доложить тотчасъ же.
Что за заслуга вамъ, достойный человекъ,
Быть строгимъ такъ по королевской службѣ!

ТАКСИСЪ.

Святой отецъ, я только долгъ исполнилъ.

АЛЬБА.

Вы поступили хорошо.

ЛЕРМА, выводитъ изъ кабинета къ оберъ-почтмейстеру.

Король васъ хочетъ видѣть.

Таксисъ уходитъ въ кабинетъ.

Маркиза всё-еще здѣсь нѣтъ?

ДОМИНГО.

Его

Повсюду ищутъ.

АЛЬБА.

Странно! очень странно!

Принцъ государственный преступникъ, а король
Еще и самъ не знаетъ, почему?

ДОМИНГО

Ему онъ не далъ даже и отчету.

АЛЬБА.

Но какъ же принялъ то король?

ЛЕРМА.

Король

Еще ни слова не промолвилъ.

Шумъ въ кабинетъ.

АЛЬБА.

Чу!

Что это тамъ такое? Тихе! Тсъ!

ТАКСИСЪ, изъ кабинета.

Графъ Лерма!

Оба уходятъ туда.

АЛЬБА, къ Доминго.
 Что здѣсь происходитъ?
 Доминго.

Всѣ

Въ какомъ-то ужасѣ. Что если это
 Письмо?.... Да, герцогъ, это не къ добру.

АЛЬБА.

Зовутъ онъ Лерну! Но ему извѣстно,
 Что вы и я въ приемной....

ДОМИНГО.

Наше время

Прошло.

АЛЬБА.

Иль я не тотъ ужъ, предъ которыми
 Бывало настѣжъ двери растворялись?
 Какъ все перемѣнилось вокругъ меня....
 Какъ чуждо стало....

доминго тихо подирадывается къ дверямъ кабинета и подслушиваетъ.

Чу!

АЛЬБА, послѣ нѣкотораго молчанія.

Все стихло вдругъ.

Дыханье слышно.

ДОМИНГО.

Занавѣсъ двойной

Звукъ всякій задумаетъ.

АЛЬБА.

Прочь! Идутъ.

ДОМИНГО, отходитъ отъ дверей.

Мнѣ на сердцѣ такъ страшно, такъ ужасно,
 Какъ-будто этотъ мигъ рѣшитъ нашъ жребій.

ВЫХОДЪ ДВАДЦАТЬ-ВЪСЕТИМЪ

ПРИНЦЪ ПАРМСКІЙ, ГЕРЦОГИ ФЕРІА и МЕДИНА-СИДОНІА входятъ съ
 нѣкоторыми другими гражданами. ПРЕЖНІЕ,

ПАРМСКІЙ,

Что, можетъ владѣть королею?

АЛЬБА.

Нѣтъ.

ПАРМСКІЙ.

Нѣтъ?

Кто у него?

ФЕРІА.

Ужъ вѣрно маркиза, Поза?

АЛЬБА.

Его ежeminутно ожидаютъ.

ПАРМСКІЙ.

А мы сейчасъ изъ Сарагоссы только
Пріѣхали. Весь въ ужасѣ Мадридъ....
Такъ это правда?

ДОМИНГО.

Къ сожалѣнію!

ФЕРІА.

Правда?

Мальтійцемъ онъ посаженъ подъ арестъ?

АЛЬБА.

Такъ точно.

ПАРМСКІЙ.

Но за чтѣ же? Чтѣ случилось?

АЛЬБА.

За чтѣ? Того еще никто не знаетъ,
Кромѣ монарха и маркиза Позы.

ПАРМСКІЙ.

И безъ вѣшательства кортесовъ?

ФЕРІА.

Горе

Участнику въ подобномъ преступленіи
Противъ законовъ!

АЛЬБА.

Горе! говорю

И я.

НЕДВНА СИДОНІА.

И я.

ПРОЧІЕ ГРАНДЫ.

Мы всѣ.

АЛЬБА.

Кто въ кабинетъ

Пойдетъ за мною?... Тамъ къ стопамъ монарха
Я брошусь.

ЛЕРНА, выбѣгаетъ изъ кабинета.

Герцогъ Альба!

ДОМИНГО.

Наконецъ-то!

Благодаренье Богу!

Альба уходитъ.

ЛЕРНА, запыхавшись, въ сильномъ волненіи.

Если кавалеръ

Прійдетъ сюда.... король не принимаетъ,
Онъ позоветъ его....

донниго, къ Лернѣ, между-тѣмъ какъ всѣ собрались около него въ любо-
пытныхъ ожиданіи.

Графъ, что случилось?

Вы блѣды какъ мертвецъ.

ЛЕРНА, въ вѣнцѣхъ итти дальше.

О, это страшно!

ПАРМСКІЙ И ФЕРІА.

Но что же? что?

МЕДИНА-СНАОНІА.

Что дѣлаетъ король?

донниго, вѣсть.

Что страшно? что?

ЛЕРНА.

Король заплакалъ.

донниго.

Заплакалъ?

всѣ, вѣсть, съ удивленіемъ.

Какъ? (король заплакалъ?)

Слышенъ колокольчикъ въ кабинетѣ. Графъ Лерна уходитъ туда.

донниго, за нимъ, хочетъ удержать его.

Графъ, подождите, извините.... Ну,
Ушелъ!

ВЫХОДЪ ДВАДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРИНЦЕССА ЭБОЛИ. ПРЕЖНИЕ.

ЭБОЛИ, запыхавшись, вѣт себя.

Гдѣ государь? гдѣ? Я должна сейчасъ же
съ нимъ говорить.

Къ Феріа.

Вы, герцогъ, проведете

меня къ его величеству.

ФЕРІА.

Король,

Принцесса, занятъ важными дѣлами.

Никто теперь къ нему войти не смѣетъ.

ЭБОЛИ.

А! такъ ужъ онъ подписываетъ, вѣрно,

ужасный приговоръ? О, онъ обмануть.

Я докажу ему, что онъ обмануть.

ДОМИНГО, издали дѣлаетъ ей знаки.

Принцесса Эболи!

Эболи, идите къ нему.

И вы здѣсь, канцелярь?

Прекрасно. Мнѣ васъ нужно. Вы должны
Все подтвердить.

Хватаетъ его за руку и хочетъ увлечь въ кабинетъ.

ДОМИНГО.

Я? я?... Принцесса,

Въ умѣ ли вы?

ФЕРИ.

Постойте! королю

Теперь васъ слушать некогда.

Эболи.

Онъ долженъ

Меня сейчасъ же выслушать. Онъ долженъ

Всю правду выслушать.... всю правду!

ДОМИНГО.

Что вы?

Вы всѣмъ рискуете. Остановитесь.

Эболи.

Ты трепещи предъ гнѣвомъ свдого

Кушира. Мнѣ ужъ нечѣмъ рисковать.

Только-что она хочетъ войти въ кабинетъ, оттуда выходитъ

АЛЬБА.

Глаза его горятъ, торжество въ походкѣ. Онъ бѣжитъ къ Доминго и обвиняетъ его.

Во всѣхъ церквахъ велите пѣть Те Деумъ.

Побѣда наша!

ДОМИНГО.

Наша?

АЛЬБА, къ Доминго и прочимъ гражданамъ.

А теперь

къ монарху! Послѣ расскажу подробности.

М. ДОСТОЕВСКІЙ.

=

КЛАРИССА,

ИЛИ

ИСТОРИЯ О ЮНОЙ БАРЫШНЕЪ, СОДЕРЖАЩАЯ ВЪ СЕБѢ РАЗНЫЕ ВАЖНѢЙ-
ШІЯ ДѢЛА ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, СЪ ОСОБЕННЫМЪ УКАЗАНІЕМЪ НА БѢДСТВІЯ,
МОГУЩІЯ ПРОИЗОЙТИ ОТЪ ДУРНАГО ОБРАЗА ДѢЙСТВОВАНІЯ РОДИТЕЛЕЙ И
ДѢТЕЙ ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ БРАКУ.

=

СОЧИНЕНІЕ АВТОРА «ПАМЕЛЫ»,

въ семи томахъ.

Лондонъ, 1748.

==

Ровно сто лѣтъ тому, какъ подъ этимъ почтеннымъ заглавіемъ
явилось въ свѣтъ замечательное твореніе, которому суждено было
возродиться въ исходѣ 1846 года, къ удивленію Европы, съ
мгновеннымъ заглавнымъ листомъ: «Clarisse Harlowe, par M.
Julia Janin, 2 vol.»

Предоставимъ самому господину Жанону растолковать намъ
причину и процессъ этого перерожденія.

Мысль предпринять этотъ трудъ пришла мнѣ еще къ то вре-
мя, когда я сидѣлъ на школьной скамейкѣ и былъ преподаватель
невысокихъ восторговъ и счастливыхъ страстей двадцати-лѣтне-
го возраста. Въ то время мой профессоръ, Вильменъ, привлекалъ
къ своей кафедрѣ все новое поколѣніе. Онъ часто говорилъ о
прекрасныхъ забытыхъ мастерскихъ произведеніяхъ и, научая по-
нимать, заставлялъ насъ любить ихъ. Однажды, торжествуя пре-
двѣтнѣемъ и самъ увлекался восхищеніемъ, онъ съ свойствен-
ною собѣ промывательностью принялся разбирать Вичардсову

«Клариссу.» Я никогда не забуду этой лекціи; никогда не забуду, съ какимъ восторгомъ знаменитый профессоръ говорилъ намъ объ этой дивной книгѣ! съ какимъ удивительнымъ искусствомъ онъ сокращалъ, сближалъ и группировалъ все содержаніе въ этомъ ясномъ, быстромъ, добросовѣтвомъ и краснорѣчивомъ разборѣ, наполненномъ множествомъ глубокомысленныхъ открытій ума, который все обнимаетъ широко и, слѣдовательно, имѣетъ право все сокращать. Никогда Вильменъ не бывалъ вдохновеннѣе, краснорѣчивѣе, пламеннѣй; никогда мы не видали у него остроумія болѣе очаровательнаго, учености болѣе глубокой и пронизательной! То были счастливые и поэтическіе уроки, съ которыхъ восхищенные ученики возвращались и болѣе знающими и вмѣстѣ болѣе правдивыми. Прямо съ лекціи мы пошли на набережную, къ букинистамъ, въ пылу искать четырнадцать томовъ «Клариссы Гарло», во французскомъ переводѣ.

«Первымъ моимъ дѣломъ было прочесть оба существующіе перевода Ричардсонова романа отъ доски до доски, хотя переводы эти исполнены довольно небрежно. Какъ мы тогда были въ самомъ пылу поэтического возраста, то и находили, что высокія красоты «Клариссы» жестоко загромождены безконечными длиннотами, и со всею жаромъ юношескаго убѣжденія повторяли слова профессора, который могучею и ловкою рукою обрывая сорныя поросли вокругъ Ричардсонова мастерскаго произведенія, говорилъ: «Когда уже дѣлаютъ сокращенія самыхъ важныхъ историческихъ сочиненій, то, конечно, полезно было бы сократить и эти длинныя романы до размѣровъ болѣе приличныхъ настоящему времени... Изобрѣтенія воображенія не имѣютъ права на такое продолжительное вниманіе.»

«Подобныя указанія заключаютъ въ себѣ столько увлекательнаго, что становятся наконецъ недолимымъ соблазномъ. Въ то время жилъ и занимался съ нами трудолюбивый молодой человекъ, Альфредъ Жоанно, котораго потерю такъ рано оплакали искусства. Онъ уже таялъ отъ болѣзни, которая его похитила, и искалъ продолжительныхъ бесѣдъ, теплаго солнца и отдыха; подробныя описанія и безконечныя романы нравились ему и въ особеннѣйшій степени онъ полюбилъ «Клариссу». Онъ весь этотъ романъ зналъ наизусть и наизусть читалъ отрывки, поясняя ихъ спокойнымъ свѣтомъ собственной мечтательности. Отъ этого всепроникающаго, серьезнаго и полнаго удивленія къ вѣрному воспроизведенію воображаемыхъ героевъ, для такого художника какъ Жоанно, — одинъ шагъ. Онъ дѣйствительно принялся ловкою и

страстною рукою воспроизводитъ прекрасный, многосторонній образъ Клариссы, которая вздымала вокругъ себя столько противоположныхъ страстей.

«Съ какою удивительнымъ искусствомъ молодой художникъ перевелъ Ричардсонову драму; сколько любви онъ умѣлъ разлить на героиню, съ которою породнился душой; какъ художественно онъ умѣлъ схватить различныя фнзіономіи всѣхъ дѣйствующихъ лицъ! Страстное удивленіе молодого живописца къ «Клариссѣ Гарло» скоро обратилось въ живѣйшую страсть всего нашего пріятельскаго кружка. Мы иначе не клялись какъ Клариссой! Поэтъ писалъ стихи къ Клариссѣ! музыкантъ пѣлъ гимны въ честь Клариссѣ!

«Около девяноста лѣтъ тому, какъ Кларисса возбуждала точно такое же удивленіе, точно такое же восхищеніе во всей Франціи. Первый французскій переводъ этого чудеснаго произведенія явился черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ перваго изданія оригинала. «Кларисса» блестяла, въ 1760 году, посреди знаменитой литературы, которая наполняла шумомъ Францію и всю Европу; успѣхъ невѣроятный! Имя англійскаго романиста съ восторгомъ прославлялось даже тогдашними философами. Дидро, котораго слово пережило писанное его краснорѣчіе, съ высоты своего треножника въ Кофейнѣ Проконія провозгласилъ, что превосходное это твореніе приноситъ честь человѣческому уму. Выродженіи цѣлаго году Ричардсонъ бралъ верхъ надъ Вольтеромъ, такъ, что Вольтеръ, который сперва восхищался и хвалилъ, под конецъ взбѣялся и принялся писать свирѣпыя критики на книгу, которая затмѣвала величайшія знаменитости. Изъ-за нея забывали объ «Энциклопедіи»; Кребийонъ, сынъ, блѣднѣлъ; Дорá плакалъ съ отчаянія и даже мадамъ Дюбаррѣ трепетала за свою власть. Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ людей прошедшаго вѣка, ученый книгопродавецъ Панкукъ, предложилъ Жавъ Жаку Руссѣ овладѣть моднымъ романомъ и сократить его, чтобы сдѣлать еще болѣе знаменитымъ.

«Англія не менѣе всей Европы въ одинъ голосъ признаетъ, что «Кларисса» обременена безконечными длиннотами. Англичане, въ этомъ отношеніи, даже суровы до несправедливости. Лордъ Честерфильдъ, въ своихъ письмахъ, говоритъ: «Авторъ «Клариссы» — книгопродавецъ, не понимающій ни искусства, ни слогу, но онъ хорошо знаетъ человѣческое сердце. Изъ его семи томовъ въ осьмушку слѣдовало бы сдѣлать два.» Другіе англійскіе критики были еще строже. Вообще Ричардсона упрекали въ плохомъ

знают того, что называют светомъ. Байронъ однакоже скажетъ: «Жалуются, что въ романахъ вообще не умѣютъ описывать света: да въ немъ почти ничего нѣтъ стоящаго описанія!» Но какъ бы ни была досада читателей на недостатки въ описаніяхъ света и на безконечныя длинноты, едва ли найдутся такіе предубѣжденные, которые бы не согласились, что нашъ почтенный авторъ, при своемъ плодотворномъ и искусномъ воображеніи, не представляетъ намъ самыхъ рѣдкихъ признаковъ гения, — спокойствія въ дѣйствительной жизни, здраваго смысла въ изобрѣтеніи и удивительнаго искусства до глубины души оскѣпять самыя сложные характеры. Поэтому его безопасно можно предавать упрекамъ, которые старались помрачить его славу: сколько бы ни правы были строгіе цѣнители, старикъ Ричардсонъ никогда не упадетъ. Старый цуртацинъ, правда, слишкомъ часто засыпаетъ Гомеровскимъ сномъ; онъ длиненъ, однообразенъ, запутанъ, многоглаголовъ; онъ видѣлъ свѣтъ своего времени, но видѣлъ въ телескопъ и въ луду, а не простыми глазами, какъ бы слѣдовало; онъ пишетъ безъ искусства и иногда не довольно показываетъ своего ума, но вы впадете въ страшную несправедливость, если на этихъ основаніяхъ вздумаете рѣшительно опровергнуть единодушное восхищеніе цѣлаго вѣка, цѣлой Европы, восхищеніе которое поставило «Клариссу» на ряду величайшихъ твореній поэзіи, когда-либо приносившихъ честь литературы. Восхитительная цѣлность, мечтательность; спокойная и кроткая ясность, доходящая иногда до веселости; прелесть и вкусъ въ самыхъ незысканныхъ сдѣлкахъ народа; вѣчная простота, успокаивающая душу отъ всѣхъ тревоженій, какими окружена Кларисса; рѣдкая, безподобная, идеальная грація; божественное чувство, которое возвышаетъ чистую и простую душу и составляетъ для нея вознагражденіе на землѣ въ ожиданіи награды на небѣ, — вотъ жизнь, вотъ сила, вотъ торжество Ричардсона.

«Я изучилъ это мастерское произведеніе съ намѣреніемъ почтительною рукою очистить, исправить его, снять вѣковую плесень, спасти великолѣпный памятникъ отъ разрушенія и показать обновленный во всей его красотѣ. Если бы стояло только предположить робкимъ черномъ по длиннымъ страницамъ этой прекрасной забытой книги; если бы все мое притязаніе состояло только въ томъ, чтобъ привести новый доскъ на этотъ бредъ страстей, на эти страданія, мой трудъ былъ бы ничтоженъ, и я вѣдуюсь почтеніемъ къ гению!... и вовсе не предпринялъ бы это»

го ремесленного труда, и оставилъ бы произведеніе Ричардсона, какъ оно нѣсколько случайно вышло изъ головы автора, — пусть бы лежало, пока другой Виргилій въ свою пользу собралъ бы блестящія перлы изъ груды мусору этого дивнаго Эниа. Я замышлялъ больше; моя мечта прекрасна; моею цѣли не легко было достигнуть: я хотѣлъ воплѣять отъискать Клариссу посреди хламу и торжественно вызвать ее на свѣтъ, къ новой жизни, къ жизни такой полной, совершенной, обильной мыслями и чувствомъ, чтобы всѣ сказали: *вотъ это жизнь!* Я хотѣлъ въ первобытномъ величїи возстановить эту драму домашней жизни, такъ, чтобы ее въ каждомъ домѣ приняли какъ давно оплаканное дитя, которое стучится у роднаго порогу, закутанное въ обрывокъ своего савана и украшенное вѣнкомъ изъ розъ, разцвѣтшихъ въ могилѣ... Такова была моя мечта! И развѣ я не видалъ, какъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, Альфредъ Жоанно, ударомъ своего могучаго карандаша, показывалъ намъ возрожденную Клариссу! «сіяющую и важную какъ ангелъ въ слезахъ надъ падшимъ человѣкомъ!»

«Надлежало смѣло проникнуть въ драму, которую я хотѣлъ воскресить поцѣлуемъ любви, какъ Ромео свою Жульетту; надлежало все разбить и изъ груды матеріаловъ выбрать лучшія части для новаго зданія, и при этомъ я говорилъ себѣ: «Помни, несчастный, что ты самъ себѣ произносишь приговоръ, если и равнодушные прохожіе съ перваго взгляду не узнаютъ обновленнаго памятника! Помни, что возстановленіе должно быть такъ полно, чтобы никто не вздумалъ спросить о работникѣ, который употребилъ свой дѣи на этотъ трудъ.»

«По окончанїи внимательнаго и осторожнаго выбора обломковъ смѣло опрокинутаго зданія, я прежде всего спросилъ себя: «Какую же форму дать новой «Клариссѣ»? Форму рассказа или форму писемъ? И съ той и съ другой стороны невыгоды одинаковы. Англійскій романистъ, конечно, не безъ причины избралъ письма. Эта форма совершенно сообразна съ привычками методическаго, холоднаго, изворотливаго и тонкаго ума, который любитъ выводить изъ всякой мысли все, что въ ней есть, и даже больше! Въ этой формѣ писатель всего больше можетъ показать своего слогу, своего остроумія и парадоксовъ, но она же, по необходимости, наполняетъ романъ неизбѣжными повтореніями. Другое неудобство этой формы состоитъ въ томъ, что вы должны предположить въ вашихъ герояхъ гораздо болѣе откровенности нежели бываетъ свойственно роду человѣческому. Нужно, чтобы они рассказывали о себѣ все, чтобы они хвалились, чтобы они

измѣняли своимъ тайнамъ на всякомъ шагу. Если даже сдѣлать изъ Ловласа изящнаго Диогена, щеголющаго самыми милыми пороками большаго свѣта, то всё таки останется непонятнымъ, какъ человѣкъ въ письмахъ рассказываетъ о себѣ такія вещи, что попадись хоть одинъ листокъ въ руки какого-нибудь блюстителя общественнаго благонравія, автора за незаконныя посягательства передали бы суду! Но форма писемъ неизбежно того требуетъ и это уничтожаетъ всякую вѣроятность.

«Въ формѣ разсказа, если вы и избѣгнете смѣшнаго въ герояхъ глупыхъ до такой степени, что сами признаются въ своихъ подлостяхъ, то впадаете въ другое неправдоподобіе, являетесь слишкомъ хорошо знающими все, что происходитъ въ душѣ каждаго дѣйствующаго лица, его мысли самыя мимолетныя, чувствованія самыя тайныя, такія, которыя только самъ онъ имѣетъ возможность и право рассказывать, потому что никто другой не можетъ ни видѣть ни угадать ихъ.

«Послѣ продолжительнаго превія съ самимъ собою, я наконецъ нашелъ форму, которая, кажется, будетъ удовлетворительною. Книга эта будетъ на половину письмомъ, на половину разсказомъ. Пока драма еще не сильно завязалась, мы дадимъ дѣйствующимъ лицамъ писать, какъ и что имъ вздумается; Кларисса и ея подруга, Ловласъ и Бельфоръ и другіе всё въ письмахъ своихъ явятся передъ нами всего полнѣй, всего откровеннѣй; характеры достаточно обнаружатся и прежде нежели увидимъ въ дѣйствіи не худо будетъ выслушать ихъ. А тамъ, гдѣ они дѣйствуютъ, я солью по пятнадцати и по двадцати писемъ въ одинъ разсказъ. Изъ такихъ обломковъ не трудно сложить повѣствованіе, оживленное прелестью единства; отъ уничтоженія излишествъ интересъ несомнѣнно выиграетъ и страшный герой явится во всемъ своемъ запальчивомъ гнѣвѣ, со всею быстротою соображеній, со всемъ хитрымъ искусствомъ въ игрѣ съ жертвой, которая между-тѣмъ, въ своемъ спокойномъ и ясномъ величіи, пойдетъ къ пропасти не столько извѣстнымъ, болѣе пріимымъ, болѣе драматическимъ путемъ, потому что въ такомъ анализѣ мастерскаго произведенія, когда онъ исполненъ съ добросовѣстною отчетливостью, многія обстоятельства отъ упущенія мелочей приобрѣтаютъ болѣе выпуклости и производятъ впечатлѣнія гораздо сильнѣй.»

КЛАРИССА.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

Миссъ Анна Гоу къ миссъ Клариссъ Гарло.

10 января 17...

Любезная Кларисса, что происходитъ въ вашемъ домѣ, что за буря, что за волненіе? И какимъ образомъ твое уважаемое имя могло замѣшаться въ такую исторію? Мнѣ, другу твоему, известны только слухи, которые носятя насчетъ дуэля твоего брата съ мистеръ Ловласомъ. Хотя противникъ мистеръ Джемза не слишкомъ любимъ въ свѣтѣ, однако всѣ говорятъ, что братъ твой кругомъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ. Правда ли, что мистеръ Джемзъ Гарло, явившись на мѣсто сраженія, тотчасъ какъ бѣшеный бросился на своего противника? «Берегитесь, мистеръ,» сказалъ будто бы Ловласъ, и ранилъ твоего брата, не нападая на него, а только защищаясь. Увѣряютъ, будто мистеръ Гарло и дяди твои приняли за оскорбленіе визитъ побѣдителя, когда, послѣ дуэли, онъ пріѣхалъ освѣдомиться о здоровьи твоего брата. Однимъ словомъ, знаешь ли ты, милая, достойная моя Кларисса, кто таковъ этотъ храбрый и блестящій джентльменъ? Мнѣ кажется, что онъ можетъ быть опасенъ твоему семейству. Ты знаешь, люблю ли я тебя; въ вѣжности моей къ тебѣ есть что-то похожее на уваженіе. Ты, въ моихъ глазахъ, по справедливости достойнѣйшая дѣвушка въ Англіи, и мнѣ страшно, есть ли кому охранить, защитить тебя? Мать твоя добрая, милая женщина, но у нея нѣтъ воли; она дрожитъ передъ сыномъ, бонится дочери. Эти злыя души доведутъ васъ до бѣды. Именемъ нашей дружбы, умоляю тебя, милая Кларисса, отвѣчай мнѣ.

Миссъ Кларисса Гарло къ миссъ Гоу.

Завокъ Гарло, 13 января.

Я уже собиралась писать къ тебѣ, милый другъ; сердце мое нуждается въ твоей разумной дружбѣ, передъ которою оно можетъ нѣсколько взнять свое горе. До сегодня и пока живъ мой дѣдушка, ни что не могло сравниться съ тихимъ и свѣтлымъ

счастіемъ моего дѣтства; я была самымъ счастливымъ существомъ, не знала ни малѣйшей горечи жизни, а теперь не знаю, за что меня осыпають упреками, обидами. Наслѣдство, оставленное мнѣ дѣдушкой, и ласковое обхожденіе дядей до крайности возбудили ненависть ко мнѣ брата и сестры. Я разскажу тебѣ, какимъ неожиданнымъ случаемъ выказалась скрытая эта зависть.

Шесть недѣль тому назадъ, братъ мой былъ въ Шотландіи, въ прекрасномъ своемъ помѣстьѣ, оставленномъ ему его крестною матерью; я жила на фермѣ, въ прелестномъ домикѣ, который принадлежалъ дѣдушкѣ, а теперь принадлежитъ мнѣ и находится подъ управленіемъ у моего отца. Я сидѣла одна; вдругъ вбѣгаетъ ко мнѣ съ необыкновенно радостнымъ и веселымъ лицомъ сестра моя Арабелла. Никогда она не бывала такъ откровенна, такъ краснорѣчива, какъ въ эту минуту.

— Милая Кларочка, сказала она, порадуйся моему счастію! Дядюшка Антони, по просьбѣ лорда М^{***}, представилъ намъ лордова племянника, мистра Ловласа! Еслибъ ты видѣла его, добрая Кларисса, какъ онъ милъ, любезенъ, хорошъ! настоящий джентльменъ.... наслѣдникъ титуловъ и состоянія своего дяди, исключая того, у него есть двѣ тѣтки, леди Сара Садлиръ и леди Бетти Лоренсъ, которыя дѣлають его единственнымъ своимъ наслѣдникомъ. И при всемъ этомъ, еслибъ ты знала, какъ онъ уменъ, любезенъ, образованъ! Но я боюсь, Кларисса, довольно ли я хороша для человѣка, который соединяетъ въ себѣ столько достоинствъ?

Говоря такимъ образомъ, сестра глядѣла въ зеркало, улыбалась и дѣлала себѣ самыя любезныя мины. Я знаю, душа моя, что не хорошо дѣлаю, говоря такимъ образомъ о старшей сестрѣ, но я должна тебѣ все это сказать для того, чтобъ доказать, что миссъ Арабеллѣ вовсе не идетъ кричать теперь, что Ловласъ самый дурной человѣкъ, и что она никогда не имѣла къ нему ни малѣйшаго расположенія.

Впродолженіи двухъ недѣль онъ ѣздилъ къ намъ каждый день и сестра моя была очень ласкова, а между-тѣмъ нашъ блестящій джентльменъ не приступалъ къ объясненію. Сначала, немного удивленная, миссъ Арабелла защищала и извиняла его какъ могла. Молчаніе его она приписывала робости, почтенію и такъ да-лѣе; говорила, что она сама, можетъ-быть, виновата, потому что обходится съ нимъ довольно холодно, но что воспользуется первымъ случаемъ и дастъ ему замѣтить свою склонность. Сказано и сдѣлано. Но, повѣршишь ли, несмотря на всѣ старанія и любез-

миссъ Арабеллы, прекрасный джентльменъ уверно оставался въ предѣлахъ своей врожденной робости. Тогда миссъ Арабелла стала на него дуться, избѣгать невольнаго надыхателя съ такимъ же увертвомъ, съ какимъ прежде искала встрѣчи. Видя сестру мою въ такомъ негодованіи, онъ, вѣроятно, воображалъ, что настала самая удобная минута для сватовства и сталъ просить руки ея. Право, не знаю, какимъ образомъ сдѣлалъ онъ предложеніе; знаю только, что сестра рѣшительно отказала, и... страшная вещь! человекъ этотъ, какъ говорить, привыкшій читать въ женскомъ сердцѣ, имѣлъ жестокость не понять отказа и досады дѣвушки. Онъ какъ-будто обрадовался этому отказу, однако казался грустнымъ, разстроеннымъ. «Богъ послалъ мнѣ тяжкое испытаніе,» говорилъ онъ, испуская глубокіе вздохи. Онъ не ожидалъ такой жестокости отъ миссъ Арабеллы, такого несчастія! Потомъ, поцѣловавъ съ жаромъ руку Арабеллы, онъ пошелъ проститься съ матушкой и высказалъ ей свое горе въ самыхъ покорныхъ, въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ. Сначала мы думали, что это пустая, ничтожная ссора, какъ дождь и гроза; но когда мы узнали, что онъ былъ потомъ у мистра Антони и говорилъ, какъ жалѣеть, что сестра моя рѣшительно своимъ отказомъ расторгла союзъ ихъ, тогда мы поняли наконецъ, что намъ нечего больше ожидать съ этой стороны. Послѣ этого разрыву, миссъ Арабелла стала говорить ужасы про мистра Ловлаза,—да, про него самого, этого милаго, несравненнаго джентльмена, будущаго пѣра и лорда, который вдругъ у нея сдѣлался глушцомъ, невѣжей, человекомъ нестерпимымъ, у котораго самый ненавистный характеръ, — однимъ словомъ, недостойнымъ не только вниманія, но даже взгляду порядочной женщины. «Нѣтъ, говоритъ Арабелла, ни за какія сокровища въ мірѣ я не согласилась бы выйти за такого человека!» Такъ говорить она теперь, забывъ совершенно, что мѣсяць тому назадъ восхищалась этимъ самымъ Ловласомъ и кричала съ восторгомъ: «Какъ онъ милъ, какъ онъ хорошъ, любезная Кларисса! Могу ли я ему нравиться и довольно ли я хороша для него?»

Нѣсколько времени спустя послѣ того какъ былъ у дядюшки Антони, Ловлазъ пріѣхалъ къ своимъ родителямъ, чтобъ засвидѣтельствовать свое глубочайшее почтеніе: онъ говорилъ что не хотѣлъ бы отказаться отъ дружескихъ сношеній съ семействомъ, къ которому питаетъ глубокое уваженіе и безграничную преданность. Онъ и безъ того довольно несчастливъ, что не состоялся бракъ,

отъ котораго ожидалъ столько блаженства. Къ несчастію, я была тутъ. Глаза его нѣсколько разъ останавливались на мнѣ; затѣ, когда онъ уѣхалъ, въ комнату вбѣжала Арабелла и вскричала, что она съ радостью уступаетъ мнѣ Ловласа, а тѣтушка моя, мистриссъ Гервей, благосклонно прибавила:

«Ну что жъ, это была бы премиленькая парочка.» Матушка пожалѣла, что у мистра Ловласа не совѣтъ-то хорошая репутація, а дядюшка Гарло отвѣчалъ на это, что племянница его Клэрисса такъ хороша и такъ мила, что можетъ обратить демона въ ангела; дядюшка Антони соглашался съ этимъ мнѣніемъ. Въ продолженіи всего разговору, въ которомъ, разумѣется, не было ничего серьезнаго, одинъ батюшка молчалъ.

Между тѣмъ какъ только что стали говорить о возможности этого брака, я встала и ушла къ себѣ; тетушка Гервей говорила мнѣ впоследствии, что когда стали спрашивать мнѣнія батюшки на этотъ счетъ, то онъ отвѣчалъ, что самъ не знаетъ, что думать и говорить о Ловласѣ, потому что получалъ письмо отъ сына, который пишетъ ужасы о мистрѣ Ловласѣ. Впрочемъ, батюшка зналъ очень хорошо, что если братъ и преувеличиваетъ недостатки молодаго человѣка, всё-таки уже извѣстно, что мотовство племянника лорда М^{***} не имѣетъ ян какихъ границъ. Батюшка требовалъ, чтобъ до возвращенія брата Джемза, никто даже шутя не говорилъ объ этомъ бракѣ. Что же касается до воевшенія мистра Ловласа, то онъ долженъ быть принятъ въ нашомъ домѣ, если не съ пріязнью и откровенною дружбой, то по крайней мѣрѣ съ вѣжливостью и уваженіемъ, должными званію и имени его дяди.

Ловласъ, когда увидѣлъ, что его принимаютъ скорѣе холодно чѣмъ учтиво, показалъ въ этомъ случаѣ такую находчивость, такое хладнокровіе и умѣнье жить въ свѣтѣ, что я удивилась. Онъ находился въ затруднительномъ и неловкомъ положеніи человѣка, съ которымъ обходятся вѣжливо только изъ одного должнаго приличія, но не смотря на то онъ умѣлъ вести себя съ такимъ тактомъ, что самолюбіе его нисколько не страдало. Напротивъ, чѣмъ холоднѣе обходились съ нимъ, тѣмъ болѣе онъ наблюдалъ за собою и былъ вѣжливъ съ другими. Но немногу всё забыли, что онъ вошелъ въ домъ нашъ съ намѣреніемъ жениться на миссъ Арабеллѣ, и всё незаметно увлеклись занимательнымъ и серьезнымъ разговоромъ этого умнаго и образованнаго человѣка, потому что, если онъ только захочетъ, никто въ мірѣ не можетъ быть краснорѣчивѣе его. Онъ много путешествовалъ, много чи-

такъ и потому умъ его свѣтелъ, мысли развиты и онъ смотритъ на вещи живо и вѣрно. Всѣ слушаютъ его, всѣ съ нимъ совѣтуются какъ съ умнымъ человѣкомъ, заслуживающимъ полнаго уваженія.

Дядю моего Антонн сдѣлали опекуномъ одного знатнаго и богатаго молодого человѣка, котораго хотѣли послать въ чужіе края, чтобъ онъ кончалъ тамъ курсъ наукъ. Дядюшка, восхищенный разказами Ловласа, просилъ его дать письменно нѣкоторыя совѣты на счетъ самыхъ полезныхъ курсовъ, какіе можно слушать за границей, въ странахъ, которыя онъ объѣздитъ. Джемелъменъ согласился быть наставникомъ и путеводителемъ нитонца дядюшки, только съ условіемъ, чтобъ я взяла на себя трудъ спрашивать его письменно на счетъ объясненій, которыя желалъ знать дядюшка и которыми мы сами могли воспользоваться во время длинныхъ зимнихъ вечеровъ. Предложеніе это было принято съ радостью и поспѣшностью; я тоже не противилась, потому что отказываться отъ этой ученой переписки значило давать слишкомъ много вѣсу корреспонденту, а это было бы неблагоуразумно. Вотъ какимъ образомъ началась между мной и Ловласомъ переписка насчетъ молодого человѣка, котораго мы оба никогда не видали. Надо тебѣ сказать однако, что въ письмахъ, которыя онъ мнѣ писалъ на имя дядюшки, наполненныхъ описаніями и свѣденіями образованнаго и умнаго путешественника, онъ вкладывалъ почти всегда маленькую записочку, гдѣ утѣрялъ меня въ глубокомъ своемъ уваженіи и грустилъ, что я такъ холодно отвѣчаю на его нѣжную привязанность. Объясненія эти тревожили меня, а какъ письма на счетъ политическаго и нравственнаго состоянія современной Европы были такъ интересны и исполнены такой живой и новой прелестью, то мнѣ невозможно было, не сказавъ причины, прекратить эту ученую переписку, которая такъ нравилась, такъ увлекала отца моего и дядей. Между-тѣмъ тайныя приложенія являлись всё чаще и чаще. Однажды вечеромъ онъ осмѣлился просить отвѣту на письмо, которое написалъ мнѣ наканунѣ. Я отвѣчала, что если онъ хочетъ остаться въ дружескихъ сношеніяхъ съ нашимъ семействомъ, то долженъ прекратить свою тайную переписку. Тутъ глаза его вдругъ вспыхнули мрачнымъ огнемъ и кака-то необузданная дерзость выразилась во всѣхъ чертахъ. Я оставалась спокойною, потому что вспомнила, и очень кстати, одно изъ правилъ мастера Ловласа: «Одно изъ лучшихъ средствъ узнать, лю-

«Быть ли насъ любимая женщина, это — заставить ее разоб-
-даться».

Въ это самое время братъ мой возвратился изъ Шотландіи. Какъ только онъ услышалъ объ ученыхъ письмахъ и частыхъ посещеніяхъ Ловласа, то объявилъ, что рѣшительно не хочетъ имѣть ни какихъ сношеній съ человѣкомъ, котораго ненавидитъ.

Онъ говорилъ, что не можетъ понять, какъ дядямъ его могла вѣрнѣе въ голову мысль ободрять настрѣнія Ловласа и подавать надежды на бракъ, который не можетъ и не долженъ состояться. Потомъ, обратясь къ батюшкѣ съ видомъ покровителя, награждающаго вѣрнаго своего слугу, онъ благодарилъ его, что тотъ не допустилъ насъ до такого безумія. Наконецъ, посмотрѣвъ на меня, онъ прибавилъ что никогда и ни за-что въ мірѣ не согласится признать Ловласа мужемъ которой бы то ни было сестры своей. Разумѣется, Арабелла присоединилась къ брату противъ отсутствующаго. «Что это за человѣкъ? говорила она: какую жизнь велъ онъ до сегодня? и наконецъ что можно сказать о «человѣкѣ, который весь въ долгу какъ въ шелку; котораго имѣніе «заложено и перезаложено?» Нельзя выравнать, съ какою ненавистью Арабелла и Джемсъ отзывались о Ловласѣ, и если я незначай, или по врожденной любви къ справедливости, говорила что нибудь въ оправданіе обвиненнаго, сестра и братъ приходили въ изступленіе.

Я защищаю, слѣдовательно люблю его! Я говорила тебѣ, отчего происходитъ ярость сестры моей; что же касается до брата, то отвращеніе его къ Ловласу начинается съ самой школы, гдѣ трусъ начинаетъ ненавидѣть храбраго: вражда эта начинается съ класныхъ скамеекъ и растетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Кажется, что съ самаго дѣтства Ловласъ красотой, храбростью, умомъ, прележаніемъ и смѣлостью превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей. Гордый своею блестящею будущностью, которая, какъ свѣтлая звѣзда, восходила на горизонтъ его жизни, онъ былъ высокоимѣренъ до дерзости, твердъ до упрямства. Онъ обладаетъ врожденнымъ даромъ оскорблять учтиво, и пользуется имъ съ необыкновенною смѣлостью. Вѣроятно, еще въ училищѣ онъ укололъ самолюбіе моего бѣднаго брата, который не можетъ простить Ловласу его превосходства надъ собою. Казалось, что сначала Ловласъ ни сколько не заботился о ненависти Джемса и Арабеллы; посѣщалъ нашъ домъ также часто какъ и прежде и оставался все въ томъ же положеніи. Дерзости двухъ союзниковъ онъ принималъ съ хладнокровнымъ пренебреженіемъ.

онъ. Провѣривъ это вывелъ наконецъ мистра Джемза и миссъ Арабеллу изъ терѣвнѣя, а какъ батюшка продолжалъ обходиться съ нимъ вѣжливо, то братъ и сестра обратились ко мнѣ съ требованіемъ, чтобъ я отказала ему отъ даму. По какому праву они залагаютъ на меня такое затруднительное порученіе? кто сказалъ Арабеллѣ, что Ловласъ ѣздилъ не для нея, а для меня? Развѣ я не довольно скромна, и не сто ли разъ я повторала всѣмъ, кому угодно было слушать, какъ пугала меня дурная репутація мистра Ловласа? Услышавъ это, братъ и сестра совершенно вышли изъ себя и отвѣчали, что я хитрю и дѣйствую за одно съ *мочью любезнымъ!* Когда Ловласъ увидѣлъ, что враги его не утихаютъ, а становятся все грубѣе и злѣе, то сталъ жаловаться не имъ, а мнѣ, и хотѣлъ, чтобъ я виѣнила ему въ заслугу терѣвнѣя и твердость воли.

«Братъ вашъ такъ оскорбляетъ меня, что мнѣ слѣдуетъ проучить его, но я терплю его дерзости только изъ одного уваженія къ вамъ». Мнѣ было неприятно, что онъ сдѣлалъ меня своею повѣренною. Я отвѣчала, что не стану ссориться съ братомъ и что если они не могутъ встрѣчаться въ одномъ домѣ, то онъ очень просто долженъ уступить мѣсто моему брату. Этотъ отвѣтъ привелъ Ловласа въ отчаяніе. Чтобъ не выйти изъ границъ уваженія, онъ, по видимому, дѣлалъ надъ собою всѣ возможные усилія и наконецъ, задыхавшись, сказалъ: «Нѣтъ, миссъ Гарло, ничто въ мірѣ не заставитъ меня забыть уваженіе, которое вы невольны внушаете.... Вамъ, вѣроятно, сказали, что я золь и всныльчивъ, а я напротивъ хочу доказать вамъ, до какой степени можетъ владѣть собою человекъ, который дорожитъ уваженіемъ и участіемъ справедливой и благородной особы.» Не смотря на все это, еслибъ ты знала, милая Анна, что объ немъ говорятъ! Если вѣрить слухамъ о его жизни, характерѣ и нравственности, онъ творитъ ужасныя вещи. Мистръ Джемзъ ловко умѣлъ выщипать одного стариннаго слугу Ловласова семейства и тотъ нарисовалъ слѣдующій портретъ: «Издали видно, что мистръ Ловласъ настоящій джентльменъ знаменитаго и высокаго происхожденія, съ малолѣтства воспитанный для великихъ подвиговъ. Онъ всегда отличался храбростію, красотою, умомъ, красворѣчіемъ; медленъ на обѣщанія и скоръ на исполненіе; вѣренъ слову; преданный другъ, но жестокій, непримиримый врагъ. Онъ знаетъ, что благоразуміе и порядокъ первыя правила во всѣхъ дѣлахъ, и рѣдко кто бы нашелся поправить такъ скоро и хорошо состояніе, которое онъ самъ разстроилъ путешествіями и разгул-

ной жизнью. Онъ страстно любитъ роскошь, но никогда не позволяетъ себѣ тратить лишняго. Черезъ это слова всѣ стали вѣрить ему, и кредитъ у него огромный, потому что каждый знаетъ его честность и надѣется на его тошереннее богатство и будущее наследство.»

Что касается до нравственности, то добрый человѣкъ, который говорилъ все это безъ злобы, отзывается о своемъ молодомъ баринѣ вовсе не такъ выгодно. Страсти у Ловласа бурны, неукротимы, ужасны. Возможное не имѣетъ для него ни какой прелести, и если онъ чего захочетъ, то ужъ непремѣнно поставитъ на своемъ. Скадальни и любовными похождениями онъ въ короткое время нажилъ страшную знаменитость.

У него не одна, а много любезныхъ, потому что онъ не въ состояніи любить, а если и полюбитъ, то только изъ прихоти или тщеславія. Если дѣвушка имѣетъ несчастье ему понравиться, она погибла. Онъ обладаетъ всѣми силами, инстинктомъ, сиблюотью и самонадѣянностью, какія нужны его бурнымъ страстямъ. Вотъ каковъ Ловласъ! но тутъ онъ останавливается: онъ презираетъ вино и карты, какъ страсти недостойныя человѣка. Дружба Ловласа не уступаетъ его любви; онъ окружилъ себя всѣми лондонскими повѣсами, предавшимися разврату съ самаго дѣтства. Достоинный атаманъ этой шайки знатной и богатой молодежи, вскороченной скорѣе по темпераменту чѣмъ по привычкѣ, ужасалъ весь Лондонъ своими безнаказанными похождениями. Каждый годъ члены этого «братства счастливицевъ» съѣзжались въ одномъ изъ помѣстьевъ Ловласа и предавались всѣмъ возможнымъ порокамъ. Тутъ же они иногда считаются и объясняются между собою, поражаютъ другъ друга самыми горькими истинами безъ всякой пощады и, разумѣется, всякій защищается, какъ умѣетъ, однакожъ никто сору изъ дому не выноситъ. Самому Ловласу, несмотря на его ѣдкое остроуміе, достается своя доля изъ этихъ истинъ и онъ отбивается на право и на лѣво какъ вихрь. Эти оргіи остроумія у нихъ называются «порою мошенниковъ»; и, расхриставшись, они уже не знаютъ ни какихъ границъ, ничего священнаго. Между тѣмъ эти господа вездѣ приняты какъ нельзя лучше и самыя блестящія собранія считаютъ себя неполными, когда ихъ нѣтъ. Вотъ портретъ! какъ онъ тебѣ нравится? Кажется что не очень хорошъ, а между тѣмъ братья и сестра остались имъ недовольны, какъ будто бы ихъ врага осыпали похвалами. Наконецъ Джемсъ, собравшись съ духомъ, самъ осмѣлился отказать Ловласу отъ дому. Ловласъ, который любитъ предавать

своимъ угрозамъ воинственный видъ, положилъ руку на шпагу и глядя съ презрѣнiемъ на Джемза, отвѣчалъ, что въ домѣ достопочтеннаго мистра Гарло не мѣсто для такихъ объясненiй; но что если мистру Джемзу угодно назначить другое, то онъ, Ловласъ, готовъ отвѣчать на всѣ вопросы. Въ то же самое время, и хотя братъ мой загораживалъ дорогу, Ловласъ почти насильно вошелъ въ мою комнату.

Можешь представить себѣ, другъ мой, какъ это встревожило насъ всѣхъ. Но развѣ можно было сладить съ такимъ необузданнымъ человѣкомъ? Напрасно батюшка, не смѣя еще рѣшительно отказать отъ дому, намѣкала ему, что мы отказываемся отъ чести видѣть его у себя; напрасно я употребила всѣ усилiя заставить его понять, что семейство наше не хочетъ имѣть съ нимъ ни какихъ сношенiй, даже не выходила, когда онъ прiѣзжалъ,—несмотря на все это онъ по прежнему продолжалъ ѣздить. Въ это время ко мнѣ стали свататься мистръ Саймъ и мистръ Муленсъ. Братъ надѣялся, что я выйду или за того или за другаго, но когда увидѣлъ, что я обхожусь съ ними какъ съ мистромъ Вирли, который тоже дѣлалъ мнѣ предложенiе, то рѣшительно злился на меня. Онъ съ негодованiемъ кричалъ, что негодий соблазнилъ меня, и встрѣтившись съ Ловласомъ у брата мистра Саймъ, дотога оскорбилъ его, что враги тотчасъ вышли на дуэль. Съ перваго удара братъ былъ обезоруженъ и раненъ въ лѣвую руку. Его привезли домой замертво. Съ нимъ сдѣлалась горячка и всѣ въ домѣ стали обвинять меня, что я убила бѣднаго моего брата.

Три дня сряду послѣ этого несчастнаго происшествiя, Ловласъ правильно каждый день присылалъ узнавать о здоровьѣ мистра Джемза, но наши люди не смѣли отвѣчать его людямъ: имъ было запрещено говорить съ ними. Но какъ покажется тебѣ смѣлость этого человѣка, когда я скажу тебѣ, что на четвертый день онъ самъ прiѣхалъ навѣстить больнаго? Дяди мои припали его какъ самаго послѣдняго негодая, а брата на силу могли удержать, чтобъ онъ не бросился на него со шпагою. Въ домѣ поднялась такая буря, такая вутерьма, что съ испугу я чуть не упала въ обморокъ. Они всѣ возстали на одного человѣка, но онъ глядѣлъ на нихъ съ презрѣнiемъ и отвѣчалъ твердымъ и спокойнымъ голосомъ, что не уйдетъ прежде чѣмъ не получитъ удовлетворенiя отъ дядей. Матушка удерживала мистра Гарло, умоляла его, плакала, а сестра глядѣла съ яростью на Ловласа и осыпала то его, то меня упреками и оскорбленiями. Наконецъ,

въ уваженія и жалости только ко мнѣ одной, онъ удался, не покаялся отплатить за честь свою.

Надо сказать, что всѣ наши люди, безъ исключенія, обожаютъ его за щедрость и веселый нравъ. Для каждаго найдется у него или привѣтливое слово или гиней. Этого одного было достаточно, чтобъ въ семейныхъ нашихъ расприхъ, собственные наши люди перешли на сторону чужаго господина. Право, не знаю, что сказать тебѣ въ собственное свое оправданіе. Оскорбленія брата были такъ жестоки, а онъ былъ такъ увѣренъ во всѣхъ своихъ словахъ, что мнѣ стало жаль его и я приняла отъ него письмо, даже имѣла слабость отвѣчать. Въ немногихъ строкахъ его было столько покорности, столько уваженія, преданности! Съ этого рокового дня, родные мои, которымъ, вѣроятно, было совѣстно, что забылись до такой степени, запретили мнѣ видѣться съ Ловласомъ. Матушка, испуганная послѣдствіями, которыя могли произойти отъ такихъ ссоръ, захворала и до-сихъ поръ еще лежитъ. Семейство наше до-сихъ-поръ такое тихое и счастливое находится теперь въ безпрестанномъ волненіи; сплетнямъ и ссорамъ нѣтъ конца. Джемсъ и Арабелла, которые прежде не говорили другъ съ другомъ, соединились теперь одною ненавистью и управляютъ моими родителями какъ хотятъ. Если бъ ты знала какъ Джемсъ забывается передъ матерью; какъ онъ грубо отвѣчаетъ ей, когда она дѣлаетъ ему какое-нибудь замѣчаніе! Ты хорошо сдѣлала, другъ мой Анна, что не согласилась выйти за него за-мужъ. Братъ мой, съ-тѣхъ-поръ какъ зашла его царина, преслѣдуетъ меня ежеминутно, и какъ инквизиторъ старается выпытать изъ меня все, что только можетъ. Онъ увѣрилъ всѣхъ родныхъ, что я нахожусь въ сношеніяхъ съ «ненавистнымъ» ему человѣкомъ и что меня какъ-можно скорѣе и во что бы то ни стало надо выдать за-мужъ за перваго, кто посватается. Праведный Боже! отгадай, кого онъ осмѣлился представить мнѣ? Сомза, да, богача Сомза! Къ-счастію, батюшка и дяди отвергли его съ должнымъ презрѣніемъ. Не обидно ли, что мнѣ, смѣютъ предлагать ничтожнаго, вышедшаго изъ грязи человѣка? А если я не хочу выходить за-мужъ, то братъ предлагаетъ батюшкѣ взять меня въ свое помѣстье... и для чего? Чтобъ быть его покорною рабою! Вотъ въ какомъ я теперь жалкомъ положеніи, милый другъ Анна! Впервые я начинаю бормотаться въ самой себѣ и въ другихъ. Я хожу оцупью и живу въ какомъ-то мрачномъ одиночествѣ... я, которую прежде такъ хвалили, любили!... Чтобъ избавиться наконецъ отъ всѣхъ этихъ

вероятностей, я хочу приехать къ тебѣ въ нѣсколько дней. Твоя матушка была всегда добра и благосклонна къ твоему другу, Клариссѣ.... но захочетъ ли она принять меня теперь? Самое трудное уже сдѣлано, мнѣ позволили провести съ тобою двѣ недѣли и позволеніе это мнѣ дано въ торжественномъ собраніи всего семейства.

Всѣ они сидѣли въ большой залѣ: батюшка, оба дяди, тетуски, братъ, сестра и, наконецъ, матушка.

— Кларисса, сказала матушка, ты хотѣла ѣхать къ миссъ Гоу; мы позволяемъ; поѣзжай, если хочешь.

— Я не согласенъ съ вами! сказалъ братъ мой.

— Джемсъ! вскричалъ строгимъ тономъ батюшка.

Тогда этотъ съ умиленіемъ посмотрѣлъ на свою руку, подвѣзанную платкомъ, и сказалъ:

— Я не хочу, чтобъ эта дѣвочка, которая всѣхъ насъ дурачить, видѣлась съ такимъ негодяемъ.

Вотъ какъ онъ со мною обходится! и поэтому ты можешь понять, сколько мнѣ нужно кротости и терпѣнія, чтобъ хладнокровно переносить столько обидъ въ присутствіи любимыхъ и уважаемыхъ мною особъ.

Миссъ Кларисса къ миссъ Гоу.

Замокъ Гарло, 20 января.

Вотъ я опять въ замкѣ Гарло, добрая Анна. Ты знаешь, съ какимъ грустнымъ предчувствіемъ я разставалась съ тобою! Предчувствіе это сбылось. Мать твоя была такъ ко мнѣ добра, обходилась какъ съ собственною дочерью; я была такъ счастлива въ вашемъ домѣ, какъ-вдругъ мнѣ велѣли вернуться домой! А знаешь ли, зачѣмъ? чтобъ я не успѣла «уговориться» съ Левласомъ, по-крайней мѣрѣ мнѣ такъ говорятъ. После трехъ недѣль отсутствія я возвращаюсь съ радостною мыслию увидѣть и обнять родныхъ моихъ. Но ты сама увидишь, какой готовился мнѣ приемъ? Братъ ожидалъ меня на порогѣ. Когда я вошла, онъ подавъ мнѣ руку съ глубокимъ поклономъ, и сказалъ: «Сдѣлайте мнѣ честь.... миссъ». Сначала я думала, что онъ шутить, но вскорѣ увидѣла, что излишняя эта вѣжливость была не что иное какъ насмѣшка! Всѣ-равно, что мнѣ за дѣло? думала я; я увижусь съ батюшкой, обниму матушку... и не переставала болтать. — «А какъ здоровье дялюшекъ?» спросила я. Въ это время мы вошли въ большую залу.

Они собрались не для того чтобъ принять меня, какъ бывало прежде, съ отвѣратыми объятіями, а для того чтобъ осыпать упреками. Батюшка, двое дядей, сестра и даже мать моя, сидѣли въ кружокъ какъ строгіе судьи, отъ которыхъ вѣяло холодомъ... Я бросилась въ ногамъ матери. Она, казалось, не смѣла обнять меня. Я подошла къ батюшкѣ; онъ насиду благословилъ меня; а сестра, на мое привѣтствіе отвѣчала холоднымъ, торжественнымъ поклономъ. Каковъ пріемъ! Слезы брызнули изъ глазъ моихъ; я чуть не задохлась отъ рыданій. Тогда братъ или, скорѣй, обвинитель мой всталъ и началъ упрекать меня, что я осмѣлилась принимать у миссъ Гоу ненавистнаго человѣка, съ которымъ онъ запретилъ мнѣ видѣться. Я отвѣчала, что Ловласъ въ самомъ дѣлѣ былъ пять или шесть разъ у мистриссъ Гоу, которая не могла не принять его, а я сама не удалялась для того, чтобъ Ловласъ не подумалъ, что я принимаю его визиты на свой счетъ. Пока я говорила, лицо батюшки просіяло, а на губахъ матушки показалась ея чудная улыбка; дяди тоже соглашались съ моимъ мнѣніемъ, но такое снисхожденіе не понравилось Джемзу и Арабеллѣ. Братъ говорилъ, что онъ меня отвергаетъ, не хочетъ признавать за сестру, если я буду поощрять преслѣдованія такого дерзкаго волокиты.... «Человѣка, который хотѣлъ убить твоего брата!» вскричала съ негодованіемъ сестра, и лицо ея вспыхнуло отъ гнѣву, который она съ трудомъ удерживала. О! какъ она была дурна въ это время! — Довольно! сказалъ отецъ мой твердымъ тономъ, который не терпитъ возраженій; потомъ обратился ко мнѣ: — «Довольно долго мы терпѣли, предоставляя тебѣ полную свободу въ выборѣ мужа, теперь мы всѣ надѣемся, что ты не будешь противиться нашему выбору». — И надѣюсь, многое дитя мое, что ты не будешь прекословить, прибавила мать моя. — «Я тоже надѣюсь, сказалъ дядя Юлій». — И я тоже, подхватилъ Антони довольно грубымъ голосомъ: но, можетъ-быть, миссъ Кларисса воображаетъ, что она не зависитъ болѣе отъ нашей воли, потому что дѣдушка сдѣлалъ ее своею наследницею.... вѣдь мы можемъ уничтожить эту духовную!..

Видя, что они всѣ одного мнѣнія, я стала отгадывать, кто таковъ этотъ удивительный человѣкъ, котораго предлагали мнѣ въ женихи..... О! другъ мой, это никто иной какъ Сомзъ, отвратительный Сомзъ! Когда я вѣхала къ вамъ, то онъ почти не вѣдѣлъ въ нашъ домъ, а теперь онъ первый другъ Антони и Юлія и глубокий почитатель миссъ Арабеллы, которая его иначе не зоветъ, какъ «почтенный» мистеръ Сомзъ! Говорятъ, что онъ дѣ-

люте мнѣ самымъ выгоднымъ предложеніемъ и что онъ богатъ какъ Крезъ; но если бѣ ты знала, милая Анна, что это за человѣкъ! у него нѣтъ ни ума, ни красоты, ни молодости, ни какихъ достоинствъ, ни малѣйшей добродѣтели, ни вѣсу въ свѣтѣ, однимъ словомъ, ничего, что бы заставило уважать его по-крайней-мѣрѣ; мистръ Сомъзъ ничто иное какъ повѣжда, который ничего не знаетъ, ничему не учился; музыкантъ или скорѣе старуха ключница, которая закипчаетъ и дѣлаетъ сплетни. Человѣкъ этотъ съ утра до вечера болтаетъ и, что ни слово, то глупость. Меня навязываютъ ему и стараются оставлять съ нимъ наединѣ, чѣмъ онъ и пользуется какъ любезникъ, заранѣе увѣренный въ побѣдѣ; если же онъ замѣчаетъ мою холодность, пренебреженіе, то отправляется куртизанить брату, сестрѣ, батюшкѣ, дядямъ, однимъ словомъ, всѣмъ безъ исключенія. Наконецъ въ присутствіи всего семейства батюшка сдѣлалъ мнѣ формальное предложеніе и требовалъ моего рѣшенія; я отвѣчала,—потому что надо было отвѣчать,—что никогда не соглашусь быть женою такого бродяги. Не могу описать тебѣ всей ярости, угрозъ и оскорбленій, которыя посылались на меня со всѣхъ сторонъ. Меня называли безумной, своевольной, непокорною дочерью! Наказаніе тотчасъ же послѣдовало за преступленіемъ и я нахожусь теперь подъ строгимъ арестомъ родныхъ, которые запрещаютъ мнѣ писать кому бы то ни было. «Да, тебѣ не позволять писать, даже возлюбленной твоей миссъ Гоу», сказалъ братъ. — И прежде двухъ недѣль тебя не будутъ пускать къ миссъ Аннѣ, которую тоже не станутъ принимать! прибавила сестра моя. — «Не понимаю, милая Белла, какъ ты могла взять на себя дѣлать мнѣ столько непріятностей? — Я для тебя больше не «милая» и не «Белла». Теперь мы знаемъ тебя вдоль и поперекъ и ты не можешь насъ больше обманывать». Когда подали чай, я сошла внизъ съ спокойнымъ лицомъ. Всѣ они, сидя за столомъ, молчали и смотрѣли на меня сурово; добрая мать моя глядѣла на меня съ участіемъ, но не смѣла приласкать. Батюшка, полежа одну руку на другую, сидѣлъ важно въ креслахъ, и чтобъ не видать меня глядѣлъ въ другую сторону; сестра, сидя на кончикѣ стула, глядѣла на меня съ торжествующимъ видомъ, а братъ бросалъ на меня величественный и презрительный взоръ. Я взяла стулъ.

— Прикажете дѣлать чай? спросила я матушку.

— Нѣтъ! отвѣчала она сухо.

— Я самъ налью воду, сказалъ Джемъ высылая человѣка.

Черезъ минуту всѣ исчезли. Я осталась одна съ батюшкой,

онъ возмочилъ съ бѣшенствомъ, а томо вела и хотѣла обнять его, но строгое выраженіе лица его удержало порывъ моего сердца.

— Развѣ я оскорбляла васъ чѣмъ-нибудь? спросила я мистра Гарло.

— Я хочу чтобы мнѣ повиновались, отвѣчалъ онъ, и вовсе не намѣренъ поощрять твои бредни. Потому не молчать немного прибавилъ, что братъ совершенно правъ когда вступаетъ за честь семейства; что я должна послушаться, и такъ далѣе. Я бросилась въ ноги его, просила прощанія и прощенья, но онъ оттолкнулъ меня, повторяя, что будетъ умѣть заставить меня слушаться. Вотъ въ какомъ я ужасномъ положеніи, милая, добрая Анна: меня держать какъ невольницу и хотѣть лишить единственной радости, единственного утѣшенія писать тебѣ, тебѣ, моему другу, моей оперѣ. Ты вѣрно не допустишь такой жестокости, и исполнишь просьбу растерзаннаго сердца? Вотъ въ чемъ она заключается: ты знаешь аллею, которая идетъ мимо дровянаго двора къ птичному! Я прохожу по ней по крайней-мѣрѣ два или три раза въ день, чтобы навѣщать этихъ прелестныхъ птичекъ, которыя своими прекрасными, разнообразными перьями и милымъ щебетаньемъ такъ нравились моему доброму дѣдушкѣ. На дровяномъ дворѣ, между полѣнками, въ первомъ ряду, подлѣ рѣшетки можно легко спрятать письмо; твой вѣрный Робертъ (только безъ ларен), проходя по тропинкѣ ведущей къ двумъ мѣтрѣмъ сосѣднимъ фермамъ, можетъ взять письмо мое, а на то мѣсто положить твой отвѣтъ. Такимъ образомъ дружба наша избавится отъ шпіонства мистра Джемза. Письма, совѣтуй мнѣ, люби меня, я нуждаюсь болѣе чѣмъ когда-нибудь въ любви твоей. Въ утѣшительныхъ твоихъ письмахъ говори все что задумается, только не совѣтуй выходить за Сомза. Чтò же касается до Ловаса, то я объ немъ ничего не знаю, потому что не видала его еще съ-тѣхъ-поръ какъ возвратилась домой. Въ порывѣ веселости, ты увѣрила меня иногда, что я люблю его бессознательно; нѣтъ, я не люблю, а только жалѣю, что подвергли такого храбраго, честнаго и хорошо воспитаннаго человѣка столькимъ униженіямъ и оскорбленіямъ.

Я пишу тоже къ мистриссъ Гоу и благодарю за ея ласковый и радушій пріемъ. Если, неравно, шпіоны мистра Джемза узнаютъ Роберта и будутъ требовать письма, то онъ можетъ показать то, которое я пишу къ твоей матушкѣ. Кто бы могъ думать, что я принуждена буду лгать, хитрить, притворяться, скры-

мнѣ, что вижу тебя, тебя! самой доброй и благородной дѣвуш-
ки! Но что это значитъ? зачѣмъ онъ хотѣтъ выдать меня за-
мужъ прежде брата, прежде Арабеллы, которые старше меня
столямики годани? Прощай, я люблю тебя по прежнему, какъ-
будто бѣ я была еще все та же счастливая, уважаемая и обожа-
емая дѣвушка.

Миссъ Говъ къ миссъ Клариссѣ.

Какіе странные люди! Я до-сихъ-порѣ не могу прійти въ се-
бя, понять, чего они отъ тебя требуютъ. Правда ли? возможно
ли, чтобъ миссъ Кларисса Гарло вышла за мистра Роджера Со-
мза? И ты еще спрашиваешь отчего братъ твой не женится прежде
тебя? оттого что онъ гордъ, дерзокъ, скупъ, жаденъ, и что ни
одна порядочная женщина не захочетъ выйти за человѣка, у ко-
торого такая скверная репутація. Отчего сестра твоя не выхо-
дитъ замужъ? оттого что подлѣ нея стоитъ меньшая сестра, ко-
торую зовутъ миссъ Клариссой Гарло. Милое, благородное дитя!
ты не можешь понять, для чего родня твоя настаиваетъ и хо-
четъ отдать тебя недостойному человѣку; но развѣ ты не ви-
дишь, что демонъ алчности оквернитъ все, до чего только дотро-
гивается? Люди эти смотрятъ на бракъ какъ на сдѣлку, отъ ко-
торой ожидаютъ такихъ то и такихъ-то выгодъ. Что же касает-
ся до отвратительнаго Сомза, то мнѣ кажется, что онъ ско-
рѣе созданъ для миссъ Арабеллы чѣмъ для милой моей Клароч-
ки. А между-тѣмъ ты находишься въ рукахъ преглупѣйшихъ лю-
дей всей Англіи. Насъ разлучаютъ, не позволяютъ переписыва-
ться, и тебя держатъ въ заключеніи! да на что же это похоже?!
Впрочемъ, они совершенно правы, что боятся моей дружбы и
совѣтовъ; если бы на меня возстало двадцать такихъ братьевъ
Джемсовъ и сорокъ сестеръ Арабеллъ, то и тогда бы я не по-
зволила обходиться со мною такъ, какъ они обходятся съ тобою.
Зато я иначе создана нежели ты, милая Кларисса; надо умѣть за-
щитаться, нето влохо прійдется жить на свѣтѣ. Посмотрѣда
бы я на дерзкаго, который осмѣлился бы давать приказанія свое-
правной миссъ Гову?! Погляди-ка, какъ обходится со мною же-
нхъ мой, Гикменъ: какъ ухаживаетъ за мною, вздыхаетъ! а
между-тѣмъ никто не можетъ сказать, чтобъ я предпочитала его
другимъ; *право*.... какъ выражается милая моя Кларисса, говоря
объ одномъ молодомъ человѣкѣ. Бѣдное дитя! ты прятешься за
свое *право*, какъ юная душа, которая всего боится, и ты права,

потому что я увѣрена, что тебѣ опасаешь какая-нибудь неслѣдственная опасность. Еслибъ вашего джентльмена оставили въ покоѣ съ одними его достоинствами, но я не думаю, чтобъ онъ былъ очень для тебя опасенъ; я боюсь только твоего простосердечія, великодушія, а, главное, несправедливости твоихъ родственниковъ, которые, какъ я предвижу, непременно погубятъ тебя. Будь увѣрена, что неловкіе твои защитники очень глупо поступили, что бросились съ такимъ невѣжливимъ орудіемъ на такого вѣжливаго джентльмена; своими несправедливыми преслѣдованіями они дали ему гораздо больше выгоды чѣмъ онъ могъ надѣяться. Клянусь честью! еслибъ у тебя была своя воля, то никогда бы ты не подумала быть внимательной къ мистеру Ловласу. Впрочемъ, онъ очень хорошо знаетъ, какую выгоду можетъ извлечь изъ дерзости мистра Джемса; прежде ему казалось невозможнымъ выпросить у тебя позволенія писать тебѣ тайно, и обѣщанія, что ты будешь отвѣчать на эти письма, а теперь надежды его сбылись. Тайная переписка съ тобою, съ миссъ Клариссой Гарло, такому человѣку какъ онъ! какое торжество для любовника! какое униженіе для семейства! А между-тѣмъ, я охотно соглашаюсь, что переписка эта предохраняла тебя до-сихъ-поръ отъ многихъ бѣдъ. Неосторожный другъ, ты хотѣла сохранить въ одно и тоже время милосердіе и скромность; сначала тебѣ было жаль прекраснаго молодого человѣка, котораго несправедливо обижали; потомъ тебѣ хотѣлось спасти брата отъ заслуженнаго гнѣву; ты принимала письма Ловласа, потому что его оскорбляли, а онъ переносилъ все это съ такимъ терпѣніемъ, я наконецъ отвѣчала на его письма, чтобъ онъ отказался отъ своего мщенія. Вотъ вся твоя исторія въ короткихъ словахъ; она очень проста и очень извинительна, а между-тѣмъ я всё-таки повторяю, берегись, берегись, неопытная душа моя, чтобъ переписка эта и таинственность не превратились въ настоящую любовь. Я знаю, что ты тверда, но любовь глубоко забрасываетъ свои корни въ такія души какъ твоя. А я, напротивъ, поминишь ли какъ я была расположена любить не Гикмена, а другаго молодого человѣка; какъ благодаря твоимъ совѣтамъ, тотчасъ же отказалась отъ этой склонности. Правда, что герой романа, отъ котораго голова моя вертѣлась во всѣ стороны, ни сколько не походилъ... на кого бы?... на прекраснаго джентльмена, очаровательнаго, умнаго и краснорѣчиваго Ловласа. Но тише! остановимся, я не хочу заставлять тебя краснѣть, а между-тѣмъ, право, снажи мнѣ, читая послѣднія эти строки, не забилось ли твое

сердце сильнѣе обыкновеннаго. О! успокойся, любезная Кларисса, ты вѣроятно чувствуешь одну только жалость; это—великодушнѣе, но не любовь.

Миссъ Кларисса къ миссъ Гоу.

Нѣтъ, милая Анна, право, я напрасно спрашивала мое бѣдное сердце, оно молчало, и при чтеніи послѣднихъ строкъ твоего писма не забилось сильнѣе обыкновеннаго. Въ этомъ случаѣ, живое и прелестное твое воображеніе опередило мое сердце. Что жъ за преступленіе, еслибъ я сказала, наприимѣръ, что Ловласъ мнѣ больше нравится чѣмъ Сомъ? Что же касается до любви къ прекрасному, умному и очаровательному джентльмену, то я скажу тебѣ прямо, что шутки эти не достигаютъ своей цѣли; кому жъ, по какой причинѣ буду я любить человѣка, который пользуется не слишкомъ-то хорошею репутаціею,—человѣка гордаго, тщеславнаго, который при малѣйшемъ торжествѣ дѣлается дерзкимъ? Въ его почтеніи, даже самомъ глубочайшемъ, не замѣтила ли ты какой-то самонадѣянности? Взоръ его выражаетъ, что малѣйшее его вниманіе стодитъ гораздо больше любви честной женщины? Объ его учтивости можно сказать тоже самое, что о фамилярности съ чужими слугами; правда, что фамилярность эта бываетъ всегда хорошаго тону, но онъ ласковъ съ ними съ условіемъ, чтобъ она являлась ему до земли! Видѣла ли ты какъ онъ обходится съ собственными людьми? Бѣдные эти люди считаютъ счастливымъ тотъ день, когда онъ не въ гнѣвѣ.

Нѣтъ, нѣтъ, онъ не можетъ быть мужемъ миссъ Клариссы Гарло; нмѣ это не можетъ заставить меня покраснѣть. Люди такого роду не стоить привязанности умной женщины: возьми ихъ в выжиме, чтѣ останется? Одна гордость, самонадѣянность, дерзость. Одно меня огорчаетъ, милая Анна, что ты, мой лучший другъ, можешь думать, будто мнѣ можетъ понравиться человѣкъ такой нравственности и такого характера какъ мистръ Ловласъ. Даже шутя ты не должна говорить мнѣ этого.

Миссъ Гоу къ миссъ Клариссѣ.

Четвергъ, 2 марта.

И въ самомъ дѣлѣ ты хорошо дѣлаешь, моя Кларочка, что не чувствуешь къ нему того, что называется любовью. Какъ онъ ни будь хорошъ, ласковъ, уменъ, хорошо воспитанъ, онъ не сто-

ить мисс Клариссы. Ты отгадала его какъ нельзя лучше; даже уваженіе, которымъ онъ тебя окружаетъ. Да вотъ, не далѣе какъ вчера, мадамъ Фортюне, любимица леди Лоренсъ, и которая его очень хорошо знаетъ, рассказывала объ немъ *такія вещи*.... надѣюсь, что уваженіе твое къ мистру Ловласу не возстанетъ противъ этого разсказа. Будучи еще ребенкомъ, онъ былъ умель и воля какъ обезьяна, и всѣ должны были повиноваться его малѣйшему движенію. Въ семнадцать лѣтъ онъ показывалъ такую силу воли, которую ничто въ мірѣ не могло обуздать. Онъ спитъ пять или шесть часовъ въ сутки, остальное время принадлежитъ трудамъ или страстямъ его. Между прочимъ онъ любитъ писать, и пишетъ скоро и хорошо, красивымъ и четкимъ почеркомъ; когда онъ хочетъ чему выучиться, то ужъ знаетъ. Онъ самъ себя сравниваетъ съ Юліемъ Кесаремъ, этимъ неутомимымъ *диктаторомъ*, который диктовалъ ночью свои великіе дневные подвиги. Юліемъ Кесаремъ! бездѣланца! и онъ дѣлаетъ это сравненіе съ такимъ дерзкимъ чистосердечіемъ, или скорѣе, съ такимъ веселымъ тщеславіемъ, что поневоля надо его сносить. Но что можетъ онъ писать съ такою предосторожностью и таинственностью, и для кого весь этотъ краснорѣчивый слогъ? Странно! Вотъ мы съ тобою, напримѣръ, это совсѣмъ другое дѣло; мы тоже любимъ писать, но мы заняты невинными мыслями и живемъ омыренно внутреннею чѣмъ внѣшнею жизнью. Но Ловласъ ведетъ совершенно противоположную жизнь: охота, лошади, путешествія, собранія, публичные праздники, однимъ словомъ — всѣ радости тщеславія, ума и роскоши наполняютъ жизнь его, и, чтобы онъ чувствовалъ потребность писать такъ много и такъ долго, надо чтобы онъ былъ злой человѣкъ. Онъ умѣренъ, бережетъ время и деньги; если онъ задолжалъ, то заплатилъ и заплатилъ какъ слѣдуетъ, умѣривъ свои расходы. Какъ же быть? даромъ нельзя понасть въ люди. По моему мнѣнію, онъ виноватъ въ томъ, что пренебрегаетъ общимъ мнѣніемъ. Хорошая репутація — награда даже для самаго честнаго человѣка. Кто предпочитаетъ извѣстность хорошей славы, тотъ говоритъ свѣту, что желаетъ казаться хуже чѣмъ онъ есть въ самомъ дѣлѣ, или признается въ своихъ проступкахъ и соглашается, что свѣтъ говоритъ правду. Однимъ словомъ, главная черта его характера — тщеславіе; онъ занятъ собою и никогда, ни за что на свѣтѣ не согласится, что онъ былъ не правъ; часто даже бывало, что тамъ, гдѣ бы ему слѣдовало стыдиться, онъ дѣлаетъ дерзости.

Старая пословица говорить, что говорить про *волка*, значить

звать его; именно въ то время, когда я про него говорила, волкъ вошелъ. Первое его слово было о миссъ Гарло; онъ знаетъ всё твои страданія и выходитъ изъ себя при одномъ имени Сомза; негодяй этотъ прибавляетъ, что нѣтъ человѣка, который бы съ его именемъ, состояніемъ и родственными связями, переносилъ больше оскорбленій отъ женщины, изъ-за которой уже такъ много страдалъ. Онъ жалуется на твоихъ родныхъ, которые окружили его шпіонами. «Имъ бы слѣдовало быть со мною поосторожнѣе, сказалъ онъ съ горькою улыбкою: вѣдь я могу имъ отплатить тою же монетою.» Онъ кончилъ разговоръ, увѣряя меня въ уваженіи, покорности и нѣжности къ миссъ Клариссѣ Гарло; и я повѣрила его краснорѣчивымъ увѣреніямъ, потому что нельзя не вѣрять, когда дѣло идетъ о такой особѣ какъ ты.

Миссъ Кларисса къ миссъ Гю.

Я скажу тебѣ, наконецъ, по какой причинѣ родные мои такъ горячо вступились за Сомза. Братъ дѣйствуетъ во всемъ этомъ не изъ одной только несправедливости къ Ловласу, но тоже изъ жадности. Изъ разговоровъ дядей ему показалось, что, можетъ-быть, и они послѣдуютъ примѣру дѣдушки, который оставилъ мнѣ все свое состояніе. И въ самомъ дѣлѣ, когда Ловласъ пріѣхалъ за меня свататься, то дядюшка Антонн нашелъ Ловласа очень выгодною партіею, и что, несмотря на бурную молодость, племянникъ лорда М^{***} человѣкъ умный и разсудительный. «Такимъ человѣкомъ, говорилъ дядюшка, нельзя пренебрегать; кто изъ насъ не былъ молодъ; не надо быть слишкомъ строгимъ къ первымъ порывамъ юности. Правда, что до сихъ-поръ Ловласъ былъ извѣстенъ скорѣе своими пороками чѣмъ званіемъ; но настанетъ же, наконецъ, для него часъ перерожденія, какъ насталъ для другихъ; онъ пользуется большимъ доходомъ съ своего имѣнія, хотя очень щедръ къ своимъ фермерамъ, и любитъ, чтобъ всё окружающіе его жили въ довольствѣ. Развѣ молодость не пройдетъ? Ктому же, молодой человѣкъ долженъ получить нѣсколько огромныхъ наслѣдствъ, которыя не уйдутъ отъ него; лордъ М^{***} дѣлаетъ его англійскимъ перомъ и оставляетъ чѣмъ подержать это важное достоинство; наконецъ, обѣ тетки любятъ его какъ роднаго сына. «Какой еще партіи ожидать намъ для племянницы? прибавилъ дядюшка: съ моей стороны я охотно отдамъ мое состояніе Клариссѣ, чтобъ она не была обязана мужу, сказалъ дядюшка Антонн.» «И если понадобится,

то я прибавлю и свое», похватилъ дядя Юлій. Добрые, достойные родственники! они всегда желали прославить свою фамилію, какъ будто бы наша, особенно со стороны матушки, не была довольна знаменита! Можешь судить, любезная Анна, о безпокойствѣ брата, когда онъ узналъ о намѣреніи дядей. Какъ только Джемсъ вышелъ изъ Кембриджа, то вообразилъ, что онъ создастъ нарочно для того, чтобъ владѣть тремя или четырьмя родовыми помѣстьями, владѣніи дѣдушки, состояніе отца, двухъ дядей, все должно было принадлежать ему по праву, не считая еще состояніи матери и огромнаго наслѣдства, доставшагося ему послѣ крестной матери. Онъ воображалъ уже себя центромъ всей этой роскоши, и въ минуты хорошаго расположенія духа говорилъ, что дѣдушка и дяди — его естественные управляющіе; что онъ никогда не найдетъ дешевле и вѣрнѣе этихъ, и потому не пожелалъ имъ жалованья; онъ говорилъ тоже, что въ порядочномъ семействѣ, въ сынѣ заключается все, а дочери не что иное какъ его свита; что я и сестра должны довольствоваться двѣнадцатью или пятнадцатью тысячами фунтовъ стерлинговъ, и что съ такимъ приданымъ мы можемъ пойти женховъ. Смерть дѣдушки застала его въ самомъ пароксизмѣ золотыхъ сновъ его; почтенный старикъ дѣлалъ меня наслѣдницею всего своего состоянія, которое дѣлало меня независимою даже отъ отца, если бъ я только захотѣла. Вотъ что говоритъ духовная покойника: «Я непремѣнно требую и приказываю тремъ моимъ сыновьямъ, Джону, Юлію и Автои, и внукамъ Джемзу и Арабеллѣ, если они чтуть память мою и хотятъ моего благословенія, не оспаривать и не протестовать противъ моей духовной и распоряженій, которыя я сдѣлалъ въ пользу моей милой и возлюбленной внуки, миссъ Клариссы, которую люблю какъ мое собственное и настоящее дитя.» Увы! духовная эта была громовымъ ударомъ для брата моего Джемза; сестра Арабелла, съ своей стороны, съ трудомъ скрывала досаду; даже самъ батюшка, хотя я ему тотчасъ же отдала въ совершенное его распоряженіе все мое состояніе, почувствовалъ въ глубинѣ души тайную досаду, что я какъ-будто выходила изъ подъ его родительской власти. Посуди, теперь, какая буря загрохотала надъ моею головою, когда дяди мои, неосторожные, разумѣется изъ любви ко мнѣ и тоже изъ тщеславія влѣтъ племянницу свою женою англійскаго пера, заговорили, что въ свою очередь, по примѣру дѣдушки, хотятъ сдѣлать меня своею наслѣдницею! На этотъ разъ, ярость брата равнялась съ его алчностью; онъ

идать во мнѣ только соперницу, предназначенную ограбить его. Ты знаешь его ужасный характеръ и вліяніе, которое въ качествѣ единственнаго сына онъ имѣетъ на батюшку; тебѣ извѣстна тоже ненависть и зависть Арабеллы; ты знаешь тоже, что всѣ дрожать когда Джемсъ нахмуритъ брови. Это объясняетъ тебѣ, отчего искательства Ловласа произвели между нами такое волненіе, и оттого, когда онъ сватался за сестру, его принимали такъ вѣжливо, а когда обратился ко мнѣ, то надѣлали грубостей. Братъ и сестра, во что бы то ни стало, хотѣли удалить опаснаго этого наследника отъ перства, за которое дяди мои хотѣли отдать все свое состояніе. Въ это время Джемсъ и Арабелла вывели на сцену мистра Сомза, который и въ самомъ дѣлѣ довольно богатъ и довольно ничтоженъ, чтобъ впредь ни кому не могла притти мысль выставить въ своей духовной постыдную фамилію мистръ Сомзъ. Они рассчитываютъ тоже на мою ловкость и думаютъ, что разъ вышедши за Сомза я съумѣю прибратъ къ рукамъ его имѣніе, что я могу въ свою пользу обобрать его родственниковъ, которыми, по видимому, добрый этотъ мистръ Сомзъ ни сколько не дорожитъ; вотъ ихъ надежды и намѣренія. Въ самомъ дѣлѣ, чего они отъ меня требуютъ? немножко свидѣженія съ моей стороны; чтобъ я вышла за неуча; избавила брата отъ болзни, въ которой онъ теперь находится, чтобъ дяди не сдѣлали меня своею наследницею; избавила отъ скорби сестру, которая не хочетъ, чтобъ я сдѣлалась вмѣсто ея англійской першей, вотъ и все; болѣе они ничего не требуютъ. Зато весь домъ не перестаетъ твердить о мистрѣ Сомзѣ: онъ у всѣхъ на языкѣ; мистръ Сомзъ тамъ, мистръ Сомзъ здѣсь; при имени мистра Сомза всѣ люди кланяются въ поясъ; какъ я буду счастлива съ мистромъ Сомзомъ! говорятъ одни, какъ богата! восклицаютъ другіе. Но богатство это онъ приобрѣлъ обманомъ, а удвоилъ скупостью! Если я соглашусь за него выйти, то въ ту же минуту дѣлаюсь возлюбленною сестрою мистера Джемса, и сокровищемъ миссъ Арабеллы; сколько добрыхъ желаній! вѣжності! общаній! Но если, къ несчастію, я не въ состояніи буду побѣдить моего отвращенія и презрѣнія къ этому низкому человѣку, тогда горе мнѣ! Они могутъ уничтожить духовную дѣдушки, призвать проклятіе батюшки на мою преступную голову; добрая мать моя не осмѣлится взять мою сторону, тетушка Гервей будетъ скрывать свои слезы; оба дяди, добрые, тщеславные и упрямые, какъ вообще старыя холостяки, которые не знаютъ, что значить любить ребенка, будутъ неумолимы, особенно когда станутъ сравнивать

уверенство племянницы съ спокойною покорностью ея матери. О! стыдъ! о срамъ! всё они возстали противъ бѣдной, беззащитной дѣвушки! Но что я говорю? развѣ непокорная я? Нѣтъ, не непокорная, а несчастная! Ахъ, еслибъ я была римско-католическаго исповѣданія, то монастырь избавилъ бы меня отъ Сомза, и батюшка былъ бы радъ; или еслибъ племянникъ лорда М^{***} женился на сестрѣ моей, то у меня была бы сестра, которая теперь для меня погибла; у меня былъ бы братъ, котораго я могла бы уважать, глядя съ хорошей стороны на него постуши. Надѣюсь, милый другъ, что зная всё мои страданія и {одиночество, въ которомъ я теперь нахожусь, ты простишь мнѣ невольный рыдотъ сердца и свободу, съ которою я говорю о людяхъ, которыхъ мнѣ слѣдовало бы уважать.

P. S. Маѣ кажется, что теперь, въ ту самую минуту какъ я пишу тебѣ, что-то необыкновенное волнуетъ ихъ души; они письменно общались другъ другу, волею или неволею выдать меня за Сомза. Они говорятъ съ жаромъ, шепчутся, произносятъ имя Ловласа съ тысячею ругательствами и вмѣстѣ съ тѣмъ съ ужасомъ. Что станется со мною? Да утѣшить и поддержать меня Господь Богъ.

Миссъ Гю къ миссъ Клариссъ.

2 марта.

Я получила письмо твое. Чѣмъ больше Сомзъ пугаетъ тебя, тѣмъ больше я жалѣю, что между столькими женихами не нашлось ни одного, который былъ бы тебя достоинъ. Люди честные, которые могли сдѣлать счастье миссъ Клариссы Гарло, не смѣли свататься, боясь отказа, а сватались тѣ, которые ни въ чемъ не сомнѣваются, какъ Саймзы, Байронсы, Муленсы и даже самъ Вирли, хотя онъ не хуже другихъ, и наконецъ этотъ презрѣнный Сомзъ. О! дитя мое, милая Кларисса, какое ужасное супружество готовить тебѣ несносные твои родственники! Я давно знала все, что ты говоришь о Джемзѣ; но чего ты не знала, такъ это страсти сестры твоей Арабеллы къ Ловласу. Она любить его, и сама сказала горничной своей Бетти Бернсъ. Съ перваго взгляду, любезный джентльменъ поразилъ ее красотой и пренебрежительнымъ своимъ уваженіемъ. И потому, миссъ Арабелла теперь не сестра твоя, а непримиримая соперница, отвергнутая женщина, которая будетъ мстать и тебѣ и Ловласу; вотъ почему она такъ опасна, и я ужасно боюсь, чтобъ она наконецъ

не восторжествовала надъ твоимъ справедливымъ упорствомъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ алчностью и тщеславіемъ, ты не будешь въ состояніи ни сопротивляться; что будетъ тогда съ тобою? Но позволь тебѣ сказать, что ты сама виновата: зачѣмъ не поступила ты по духовной дѣдушки? Онъ сдѣлалъ тебя независимую отъ родныхъ: зачѣмъ не осталась ты въ своихъ помѣстьяхъ? Ты была бы теперь полною хозяйкой. Мнѣ становится такъ грустно, такъ скучно, милая Кларицца, когда я вспоминаю, что есльбъ у тебя было немного побольше твердой воли, то ты могла бы избѣжать всѣхъ этихъ непріятностей и горя.

Миссъ Кларицца къ миссъ Гю.

Суббота, 4 марта.

Другъ мой, больше чѣмъ когда-нибудь я требую твоей жалости и участія; то, что я вамърена тебѣ рассказать, будетъ очень долго, долго для тебя и для самой меня. Это всё-еще продолженіе той же столь грустно начатой исторіи, развязки которой ты не угадала, потому что такой конецъ невозможенъ. Выйти за Сомза, сдѣлаться пензбѣжно мистриссъ Сомзъ!... Такое пророчество не можетъ сбыться, будь въ этомъ увѣрена; я чувствую это вотъ тутъ, потому что я тверда и великодушна. Чтò бы они ни дѣлали, но я никогда не соглашусь на визость жертвовать собою честолюбію брата и обирать родныхъ этого господина для обогащенія моихъ богатыхъ родственниковъ. Я слишкомъ хорошо знаю, чего мнѣ будетъ стоить эта отчаянная борьба, но жребій наконецъ брошенъ; нѣтъ, я не буду, не могу быть мистриссъ Сомзъ. Позволь мнѣ однако разсказать тебѣ эти ежедневныя жестокія боренья, которыя грызутъ мое истерзанное сердце. Последнее письмо было наполнено безпокойствомъ, страхомъ и волненіемъ; я не въ состояніи была переносить долѣе такого мученія и хотѣла переговорить съ матушкой; я сошла къ завтраку, надѣясь застать ее одну и просить вступиться за меня. Отвратительный Сомзъ сидѣлъ подлѣ нея; сестра глядѣла на меня съ торжествующимъ видомъ. Есльбъ чудовищное это созданіе (я говорю о Сомзѣ) сидѣло на своихъ мѣстѣ... но нѣтъ, ему не сидѣлось! Когда я вошла, онъ всталъ и пересѣлъ подлѣ того стула, ва который я хотѣла сѣсть; тогда я отодвинулась, надулась, но неуклюжій этотъ баринъ все сажался подлѣ меня и такъ близко, что мнѣ мои флжмы. Выведенная изъ терпѣнія и нисколько не заботясь о торжествѣ брата и сестры, я хотѣла пересѣсть на

другое мѣсто. Но батюшка уже возыкнулъ отъ гнѣву. «Миссъ Кларисса!» закричалъ онъ сердито. Я поклоуилась батюшкѣ, преданула стулъ къ Сомзу и сѣла въ водонесціи, но смѣя поддѣть гордыни.

— Сдѣлай одолженіе, милая, возлюбленная дочь моя, сказала мнѣ матушка: пей чай.

Тогда, изъ благодарности къ матушкѣ, я сказала нѣскольکو словъ Сомзу.

— Вотъ какъ надо учить гордыхъ! сказала сестра. Она сѣла это тихо и съ презрѣніемъ; я сдѣлала видъ, какъ-будто не слышу. Передъ концомъ завтрака, подъ предлогомъ какихъ-то приказаній, родители мои вышли; тетушка и сестра вскорѣ послѣдовали за ними; братъ, послѣ нѣсколькихъ злобныхъ и насмѣшливыхъ взглядовъ, псчезъ въ свою очередь, такъ, что я осталась глазъ-на-глазъ съ Сомзомъ. Еслибъ ты видѣла безпокойство и замѣшательство жалкаго этого человѣчка! Напрасно онъ старался пробормотать нѣскольکو словъ. Я встала, онъ тоже всталъ; огромныя его ноги дрожали, какъ-будто гнулись подъ тяжеловѣснымъ туловищемъ. «Сударыня.... миссъ.... Кларисса....» вотъ все, что онъ могъ сказать. Я уступила ему мѣсто и вышла, не имѣя даже духу посмотрѣть на этого бѣдняка.

Только-что я пришла къ себѣ, меня позвали въ кабинетъ къ мамашкѣ. Это была не просьба, но приказаніе: оттого я была все взволнована; но мать моя, протягивая руки, вскричала: «Милая дочь! отчего ты такъ грустна, взволнована? Поцѣлуй меня, дитя мое.» Говоря это, она улыбалась, но улыбка ея была такая грустная, такая принужденная! Тогда, дрожа всѣмъ тѣломъ, я бросилась къ ней на шею, сжимая ее въ крѣпкихъ объятіяхъ. «О, добрая, милая мамаша!» повторяла я, рыдая и обливая ее слезами. Матушка тоже заплакала.

— Послушай, дочь моя, сказала она, не пользуйся властью, которую ты взяла надъ моимъ сердцемъ. Кчему эти рыданія? Дай мнѣ посмотрѣть на милое твое личико, столь пріятное глазамъ моимъ.... Ну, не плачь же; я вижу, что ты догадываешься, зачѣмъ я позвала тебя, такъ выслушай же меня: будь кратка и послушна!

Слушая ея тихій, доходящій до сердца голосъ, я зарыдала сильнѣй. Она сѣла, привлекла меня къ себѣ, прижала разгорѣвшееся лицо мое къ своему сердцу и сказала:

— Умоляю тебя, сжапись надо мною, дочь моя, и выслушай меня терпѣливо. Отецъ твой добръ, но онъ хочетъ, чтобы ему

поднивовайдя; ты больше другихъ понимаешь мои страданія, такъ посуди сама, что я должна чувствовать, глядя на васъ обоихъ, на него, столь сильнаго, твердаго, котораго возмущаютъ противъ тебя, и на тебя, столь скорбную и несчастную. О! бѣдная моя Кларисса, не отвергай мольбы матери!

Сложивъ руки, я упала на колѣни, умоляя ее о помилованіи; она ушла въ другую комнату, чтобъ утереть слезы. Черезъ минуту она вернулась и нашла меня рыдающею на томъ самомъ стулѣ, на которомъ я сидѣла за минуту назадъ.

— Кларисса, сказала она, дѣло сдѣлано, намъ нельзя долѣе колебаться. Тебѣ слѣдуетъ преклонять не колѣни, но сердце, которое должно смириться передъ судьбой; отъ этой минуты зависить вся будущность нашего семейства, а я, дочь моя, приказываю тебѣ, если только ты дорожишь спокойствіемъ и благословеніемъ матери ...

Кажется, она произнесла имя Сомза, но горе мое было такъ жестоко, что я упала въ обморокъ. Нѣжность матери и непремѣнное приказаніе выйти за этого уroda истощили всѣ мои силы. Меня внесли наверхъ и уложили въ постель. Только-что я пришла въ себя, какъ вошла матушка и сказала:

— Какъ я люблю быть съ тобою въ этой комнатѣ, милая Кларисса! Но умоляю тебя, успокойся и не предавайся такъ своему горю. Ты знаешь, что мистръ Сомзъ...

Я хотѣла перебить ее.

— Выслушай меня, дочь моя; дай мнѣ высказать мысль свою; ты можешь послѣ говорить. Правда, что мистра Сомза нельзя назвать совершенствомъ, но вѣдь онъ не безчестный, не порочный человѣкъ. Сейчасъ, за завтракомъ, ты говорила съ нимъ довольно неучтиво.

Я снова хотѣла перебить матушку.

— Ну, будь откровенна, отвѣчай на мой вопросъ, потому что я имѣю право требовать отъ тебя чистосердечія; не можетъ быть, Кларисса, чтобъ такая честная дѣвушка, какъ ты, могла влюбиться въ человѣка, который чуть не убилъ твоего брата, угрожалъ старикамъ-дядямъ, и который до сей минуты не перестаетъ дѣлать намъ дерзости и показывать явное свое пренебреженіе. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно; а между-тѣмъ, заклинаю тебя честью, скажи мнѣ правду, дочь моя!

Я молчала; увы! я не смѣла больше говорить, что не чувствую къ нему ни уваженія, ни склонности.

— Какъ! ты колеблешься, не смѣешь отвѣчать! сказала мать мол,

такъ все конечно теперь между нами, я больше тебя не другъ; не мать.. Она встала и хотѣла уйти. «О! добрая моя мамаша, жальтесь надо мною, не гнѣвайтесь за мое молчаніе! вѣдь я знаю чему подвергаюсь; но что за дѣло? я лучше соглашусь погибнуть чѣмъ огорчить васъ. О! матушка, клянусь вамъ что если сердце мое уже занято, то я сама еще не знаю кѣмъ именно: но увѣ! меня объ этомъ и не думаютъ спрашивать, а хотѣть принудить къ невозможному браку. Матушка! помогите, вступитесь за вашу Клариссу, она не хочетъ выходить замужъ.

— Но выслушай меня, Кларисса, продолжала мать моя, если сердце твое и въ самомъ дѣлѣ свободно....

— Вотъ отчего я не могла отвѣчать на ваши вопросы, но умоляю васъ, жальтесь надо мною, не требуйте отъ меня чистосердечія!

— Еще разъ повторяю, выслушай меня, дочь моя, ты видишь, что я взяла на себя грустную обязанность.... Правда, что женщинъ, котораго тебя предлагаютъ, не обладаетъ тѣми совершенствами, о которыхъ ты мечтала....

— Чтожъ мнѣ дѣлать, что отвѣчать, какъ защищаться, если мнѣ запрещаютъ даже думать? Но я дѣлаю васъ моимъ судьей.... посмотрите на этого человѣка поближе, прямо!

— Если мистръ Сомзъ не нравится миссъ Гарло, сказала мать моя, это значитъ что она сравниваетъ съ его кѣмъ-нибудь другимъ.

— О пѣтъ, пѣтъ, увѣрю васъ, но я гляжу на него прямыми глазами. Съ кѣмъ могу я сравнивать, и къ чему эти сравненія? Развѣ гадкая эта наружность не отражаетъ души его? Клянусь! что тотъ, о комъ вы говорите, всегда будетъ постороннимъ для меня человѣкомъ. Изъ челоуѣколюбія, изъ христіянскаго милосердія, изъ жѣлости къ своему ребенку, умоляю васъ, избавьте меня отъ такого мужа!

— Это значитъ что ты хочешь дѣлать съ нами условія, продолжала матушка: ты, кажется, рѣшилась спорить и противиться всему семейству? Ну, припудь себя немощко, ободрись! вспомни объ ожидающихъ тебя благословеніяхъ, и будь покорна родителямъ... Сказавъ это, она вышла, потомъ опять вернулась, а какъ я все еще плакала, то взявъ меня за руку, она сказала: Можетъ быть не ты, а я виновата, что принимаю твои слезы за отказъ; я угадываю твою мысль и вижу что не такъ взялась; за дѣло; я говорила съ тобою, какъ-будто ожидала отказа, потому что ты очень хорошо знаешь, что я не взяла на себя труда

упрашивать тебя по собственной волѣ. Нѣтъ, дочь моя, я не приказываю, а прошу и умоляю тебя, если только ты говоришь правду что сердце твое свободно. Ну, говори, выслушай меня, будь разсудительна, милое дитя! Ты говоришь объ отвращеніи, да куда же дѣвалась твердость души твоей?»

Въ эту минуту вошелъ батюшка; взглядъ его былъ ужасный; не смотря на сильный припадокъ подагры, онъ прошелся раза два три по комнатѣ: «Сударыня, пора обѣдать, сказалъ онъ матушкѣ; «вы пришли поговорить съ миссъ Клариссой; на это требовалось не болѣе двухъ минутъ, и потому прошу поспѣшить сойти внизъ съ дочерью, если она еще достойна этого названія.» Еслибъ ты видѣла, какой бросилъ онъ на меня ужасный взглядъ! Я обмерла... Матушка обнявъ меня сказала: «Идешь ты?»

При этихъ словахъ внутренняя дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу.

— Но если я сойду, вскричала я, то это докажетъ мое согласіе!

«О, непочтительная дочь!» сказала матушка и сошла въ низъ. Я осталась одна, въ слезахъ.... Послѣ обѣда она опять пришла и сказала, что батюшка спрашивалъ, *охотно-ли* я повипуюсь его приказаніямъ, потому что мысль, что я могу ослушаться не приходила ему въ голову. «Я отвѣчала, продолжала матушка, что именно въ ту минуту, когда онъ вошелъ къ тебѣ, ты говорила мнѣ, какъ будешь счастлива, если тебѣ позволятъ никогда не выходить замужъ. На силу то! сказалъ батюшка: если я увижу ея покорность, то соглашусь выслушать причины, по которымъ она отказываетъ жениху. Но избави Боже! если я замѣчу, что дочь моя, безъ моего согласія, располагаетъ своимъ сердцемъ!» Матушка прибавила, что поручилась за мое послушаніе; отдавала справедливость моимъ стараніямъ въ управленіи домою, но замѣтила, что меня пора пристроить. «Для чего же милая мамаша, сказала я, хотите вы, чтобъ я вышла прежде сестры, которая гораздо меня старше? для чего не позволите мнѣ оставаться въ дѣвухахъ? зачѣмъ отдавать меня за человѣка, къ которому въ глубинѣ души я чувствую только одно презрѣніе?» Потомъ, не смотря на строгій видъ матушки, я вскричала: «Нѣтъ, я не понимаю, и никогда не пойму, для чего меня держать какъ невольницу, для чего запирають, какъ будто бъ я хотѣла убѣжать съ человѣкомъ, котораго почти не знаю?»

«О! дочь моя, отвѣчала матушка, бери примѣръ съ меня, учись у меня терпѣнію.» Слова эти тронули меня до слезъ. Потомъ, утпяя глаза, матушка сказала: «Иди; мистръ Гарло ждетъ

«тебя. Но ты не можешь идти въ такомъ видѣ; тебѣ надо успокоиться; ты можешь даже пить чай въ своей комнатѣ, но обещай, что за ужиномъ, не выставишь меня дгундеей.»—О, простите милая мамаша, но вы вѣрно не скажете батюшкѣ, что я соглашаюсь выходить за Сомза.»—Миссъ Гарло, вскричала она, я вижу «что вы опять начинаете бунтовать, и ни сколько не цѣвните «трудной обязанности, которую я приняла на себя! Но, неблаго- «разумное, несчастное дитя! что скажетъ отецъ? что подумаютъ «дядя? да и ты сама, можешь-ли еще колебаться, когда видишь «что отецъ, мать и все семейство, рѣшили этотъ бракъ?» Потомъ поглядѣвъ на меня пристально, прибавила шопотомъ: «Ужъ не «продолжаешь-ли ты переписываться съ Ловласомъ, дочь моя?»

Я отвѣчала, что въ самомъ дѣлѣ принимаю письма Ловласа и отвѣчала на нихъ, но единственно для того только, чтобъ избѣжать угрозъ его и спасти брата и дядей. Впрочемъ, если меня оставятъ только въ покоѣ и не будутъ больше говорить о Сомзѣ, то я готова мало того что прекратить переписку, но даже отдать всѣ письма Ловласа, и копию моихъ собственныхъ отвѣтовъ. Въ то же время я встала, стирнула ящикъ, вынула оттуда письма и подала матушкѣ, которая вышла, чтобъ прочесть ихъ. Ты тоже читала эти письма, дорогая моя Анна, и знаешь, чѣмъ они всегда наполнены: желаніемъ видѣть меня, уваженіемъ, упреками и жалобами на родственниковъ; негодованіемъ, когда вспоминаеть, что со дня на день я могу сдѣлаться женою человѣка, котораго ни одна порядочная женщина не приметъ къ себѣ въ лакеи, и наконецъ напоминаетъ, съ какимъ терпѣніемъ переноситъ столько оскорбленій. Вотъ что онъ пишетъ, а отвѣты мои тебѣ извѣстны: я останусь всегда невольницею своихъ обязанностей, — никогда, ни за что въ мірѣ, не захочу отдѣлять моей пользы отъ пользы моего семейства, и наконецъ, если и прошу его не подвергать жизни брата опасности, то прошу не милости, но напоминаю только обязанности честнаго человѣка.

Чтеніе этой переписки имѣло хорошее вліяніе на матушку: она нашла, что письма мои дышатъ простотою и достоинствомъ. «Да, продолжала она, я такъ довольна тобою, дитя мое, что перешла бы на твою сторону, елибъ ты могла уговорить отца думать по твоему и по моему. Но что жъ намъ дѣлать съ Сомзомъ?» прибавила она какъ-будто испугавшись, что слишкомъ далеко зашла, и чѣмъ замѣнимъ спокойную и блестящую будущность, которую онъ намъ предлагаетъ?» Услыхавъ ненавидное

это имя, я чуть сюда не зарыдала, но матушка, зажавъ мнѣ ротъ рукою, сказала: «Ни слова больше, Кларочка; я вижу, что ты чувствуешь необходимое отращиваніе, и потому попытаюсь еще поговорить съ дядюшкой Гарло, я стану умолять его, чтобы онъ вступился за тебя, и даже, — если только осмѣлюсь, — поговорю съ отцомъ твоимъ; такъ успокойся же!» Она ушла, посылая мнѣ подблуду рукою. Добрая моя мамаша! еслибъ ты знала какъ мнѣ трудно, какъ тяжело, что я не могу исполнить твоей просьбы!

Суббота 4 марта.

Я не спала цѣлую ночь и теперь еще не думаю ложиться. Страхъ, надежда, безпокойство, не давали мнѣ заснуть ни на минуту. Въ восемь часовъ я сошла къ матушкѣ; она разбирала кружева и бѣлье. «Я тотчасъ къ вашимъ услугамъ, сказала она мнѣ спустя четверть часа, впродолженіи котораго сердце мое такъ и билось; потомъ спросила холодно, что заказала я къ обѣду. Я подала ей вчерашній и сегодняшний счетъ; она сдѣлала нѣкоторые перемѣны, потомъ сказала сухо: «Мистръ Гарло не будетъ дома обѣдать (она не сказала *твоему отцу*; у меня нѣтъ больше отца!) по садитесь, миссъ Гарло.» Я отвернулась; крупныя слезы текли по щекамъ моимъ. Въ зеркалѣ я встрѣтила матушкины прекрасныя глаза, которые смотрѣли на меня съ такою кротостью, что совѣтъ не согласовались съ холодностью словъ ея. «Скажи, сдѣлай милость, [къ чему эта грусть? слезы?... Впрочемъ, вы можете идти наверхъ, миссъ Гарло.»

Я низко поклонилась.

— «Я не требую такого почтенія, сказала она, а прошу только любви, послушанія сердца....»

— «Ахъ! матушка! сердце мое, все принадлежитъ вамъ, оно скорѣе ваше чѣмъ мое.» Я бросилась къ ногамъ ея рыдая и говоря: «Да, напрасно станете вы запрещать мнѣ показывать вамъ почтеніе; я не стану слушаться матери, когда она высылаетъ меня, не простивъ. О! добрая, обожаемая мамаша! я не пушу васъ, хочу остаться у ногъ вашихъ, и не встану до тѣхъ поръ пока вы не бросите мнѣ милостыни, не скажете нѣсколько ласковыхъ словъ.» Я обвиняла ея колѣна; глаза мои, наполненныя слезами, были устремлены на ея милое, кроткое лицо; взоръ мой утоналъ въ ея взорѣ!

Она дѣлала напрасныя усилія вырваться отъ меня.

«Милое дитя! вскричала она наконецъ: какъ ты увѣрена въ сердцѣ твоей матери! Да, я люблю тебя, цѣлую, обвиняю, про-

« щаю, благословляю! Ахъ! еслибъ ты была ко мнѣ снисходи-
« тельна!» Вся взволнованная, я встала. Анна съ трудомъ могла
довести меня до комнаты. О Боже! вотъ чѣмъ 'должны были кон-
читься мои вчерашнія надежды!

Тотъ же день, 12 часовъ.

Черезъ два часа матушка опять пришла ко мнѣ, и стала го-
ворить такимъ твердымъ голосомъ, который не допускаетъ возра-
женій: «Выслушай меня, сказала она, я вижу въ глазахъ твоихъ,
« что мнѣ, матери твоей, нечего ждать отъ тебя покорности.
« Но я говорю съ тобою въ послѣдній разъ: это приказаніе отца
« твоего. Еще разъ повторяю, дочь моя, что сопротивленіе твое
« бесполезно. Мистръ Гарло хочетъ чтобъ ему повиновались, онъ
« воротится домой очень поздно, чтобъ дать тебѣ время обду-
« мать хорошенько то, что ты должна отвѣчать ему; такъ усту-
« пи изъ дѣтскаго почтенія или скорѣе по необходимости, не
« рассчитывай ни на меня, ни на дядей: мы не можемъ спасти
« тебя. Не рассчитывай даже на состояніе, которое оставилъ тебѣ
« дѣдушка; духовную его могутъ уничтожить, и уничтожатъ, если
« ты не покорись.» Я стояла въ ошѣмѣніи, въ отчаяніи, или ско-
рѣе въ недоумѣніи, какимъ образомъ отвѣчать, не гнѣвая матери:
« Упрямая! сказала она: ну, если ужъ у тебя столько храбрости и
« смѣлости, то знай, что свадебный контрактъ уже готовъ, что
« черезъ вѣсколько дней его принесутъ подписать тебѣ, сюда,
« въ твою комнату; это приказаніе твоего отца.» У меня не на-
шлось словъ для отвѣту; не нашлось даже слезъ, чтобъ выпла-
кать горе. Тогда она бросилась на бѣдный, живой свой портретъ
и стала обвинять, просить, умолять, заклинать, чтобъ я согласи-
лась, не шла на перекоръ всему семейству. «Не пользуйся, не
« употребляй во зло моей вѣжности, сказала она, не заставляй
« всѣхъ обвинять меня въ слѣпомъ къ тебѣ предпочтеніи; тутъ дѣло
« идетъ о твоёмъ счастьи, о моемъ спокойствіи. Еще разъ по-
« вторяю, что твой отецъ не хочетъ ничего слышать, — ни даже
« моихъ словъ, словъ матери твоей, — и если ты еще долѣе будешь
« упорствовать, то мнѣ запретять съ тобою видѣться, называть
« тебя своею дочерью! Подумай, наконецъ, что отецъ болѣе, старъ,
« и потому надѣется, что ты сдѣлаешь для него то, что сдѣлала
« для дѣдушки.» Признаться-ли тебѣ? милая Анна, слова эти по-
трасли меня до глубины души. Я почти уже соглашалась, но
вдругъ вспомнила о братѣ, о сестрѣ, объ ужасномъ обхо-
женіи, несправедливости, обидномъ подозрѣніи, и наконецъ о

гадкомъ Сомзѣ, которому показывала столько ненависти, презрѣнія, и который, не смотря на все это, не перестаетъ меня преслѣдовать. Мнѣ представилось торжество брата надо мною, сестрой его; торжество Арабеллы надъ Ловласомъ. Тогда твердость заговорила во мнѣ: «Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! О! будь-те моею спасительницей, не губите дочь вашу, спасите ее отъ стыда, отъ униженія, отъ неминуемаго несчастія! Умоляю васъ всѣмъ, что только дорого вашему сердцу, спасите дѣтя ваше!»

Не могу описать тебѣ всего горя, которое выражалось въ эту минуту на блѣдномъ лицѣ матери; я ухватилась обѣими руками за ея платье....

Цѣлый часъ я оставалась одна. Одна мысль, что я огорчила мать мою, дотога меня мучила, что я сошла въ ея гостиную; тамъ сидѣла сестра моя. Увидавъ раскрасѣвшееся лицо и безпокойный взоръ матушки, я поняла, что она умоляетъ о помилованіи несчастной своей дочери. Она приняла меня однако строго и холодно: «Что тамъ такое? ужъ не приходишь-ли ты наконецъ съ повинною головою?»—«Я пришла просить у васъ прощенія, если неравно у меня сорвалось съ языка какое-нибудь непочтительное слово, и въ тоже время просить не осуждать меня слишкомъ строго, если батюшка, по возвращеніи, будетъ обо мнѣ спрашивать.» Говоря это, я походила на преступника, ожидающаго своего приговору; сестра подымала руки и глаза къ небу, испуская тяжелые вздохи. Въ эту минуту горничная доложила о прїездѣ мистра Сомза! Я успѣшила уйти.... «Останьтесь, миссъ Гарло! сказала матушка: я не хочу чтобъ вы приходили сюда единственно ддя того, чтобъ меня дразнить; останьтесь, я посмотрю, что надо будетъ мнѣ сказать батюшкѣ, когда онъ вернется.» Между-тѣмъ Сомзъ входилъ медленными шагами; съ каждымъ шагомъ онъ останавливался и потиралъ руки, что доказывало смущенную душу. Послѣ низкаго поклона матушкѣ, онъ поклонился еще ниже сестрѣ и наконецъ мнѣ, послѣдней; глядя на развязныя его ухватки, можно было подумать, что я уже замужемъ за этимъ бродягою. Онъ сѣлъ подлѣ меня, безъ церемоній, съ дерзкою фамильярностью необразованныхъ дураковъ. «У! какая свѣрная погода! какъ вы думаете, миссъ Кларисса?» сказалъ онъ и въ тоже время хотѣлъ взять мою руку. Разумѣется, что я отдернула ее съ презрѣніемъ.

Матушка хмурила брови, а сестра кусала губы до крови и тарашла круглые свои глаза, а я, какъ будто Сомза вовсе тутъ не было, обратилась съ молябою къ матери. «Да, матушка, будь-

« те добры и снисходительны; когда будете говорить обо мнѣ съ батюшкой; скажите, что бракъ этотъ невозможенъ, что я не могу преодолѣть своего отвращенія. Матушка, исключи васъ у меня никого пѣтъ на свѣтѣ, ни отца, ни брата, ни сестры, такъ вступитесь за дочь вашу, которая будетъ благословлять васъ, если вы спасете ее отъ такого ужаснаго несчастія. Еслибъ батюшка не долженъ былъ скоро вернуться, то, разумѣется, я выбрала бы другую минуту, чтобъ просить васъ о заступленіи; но по-крайней-мѣрѣ министръ Союзъ, который тутъ самъ на лицо, узнаетъ, что если я и въ самомъ дѣлѣ предметъ его искательства, то искательства эти безцѣльны.»

Можешь представить, что за фигуру представлялъ собою достопочтенный этотъ господинъ. Онъ совершенно растерялся; всегда онъ находится въ обыкновенномъ состояніи, то и тогда даже изъясняется также смѣрно, какъ смѣрно лицо его; несудя же какъ онъ былъ, когда увидѣлъ такую ненависть и презрѣніе; онъ помертвѣлъ; дрожалъ, боялся, бормоталъ.... низкая душа! которую все на свѣтѣ приводитъ въ ужасъ! Онъ вставалъ, садился, грызъ набалдашникъ палики.... чудовищную голову, почти такую же безобразную какъ его собственная. Я ушла, чтобъ не утомить матушку этою ужасною, безпрерывною борьбою, въ которой проходитъ жизнь моя и гибнетъ молодость.

Батюшка и братъ возвратились довольно рано: Семейство собралось на общій совѣтъ, но вѣрной моей Аннѣ невозможно было узнать чѣмъ онъ кончился. Между-тѣмъ все молчитъ, можно подуматъ что въ домѣ живутъ только одни мертвецы. Сейчасъ же мнѣ прислали, чтобъ я отдала все свои наѣчи.

Воскресенье утрою, 5 марта.

Письмо Ловласа, подписанное дядею его, лордомъ М^{***}, было найдено Анною сегодня ночью, на дровяномъ дворѣ, и принесено мнѣ. Вотъ его содержаніе въ короткихъ словахъ: «Министръ Союзъ вездѣ хвастаетъ, что онъ предпочтенный женихъ намчествѣннейшей дѣвушки во всей Англіи. Братъ рассказываетъ, кому угодно слушать, что я выхожу за Союзъ. Сестра съ своею озорны употребляетъ все средства, чтобъ позорить Ловласа и показывать его съ смѣшной стороны; между-тѣмъ, онъ, Ловласъ не можетъ понять, почему семейство наше предпочитаетъ ему безчестнѣйшаго человѣка. Ему стыдно сравнивать себя съ такою чарью; человѣкъ этотъ богатъ, но самого низкаго пре-

«исхожденія, и наоборотъ, если племянникъ лорда М^{***} не такъ богатъ какъ Сомъ, то, по рожденію своему, принадлежитъ къ самымъ древнимъ фамиліямъ королевства. Что же касается до его нравственности, то Ловласъ беретъ въ свидѣтели самого лорда М^{***}; съ-тѣхъ-поръ какъ онъ пишетъ руги писецъ Клариссы, можно ли что-нибудь сказать объ его неукоризненномъ поведеніи? Онъ проситъ, умоляетъ позволить вѣрнѣе ему съ дядею къ своимъ родителямъ, такъ онъ увѣреетъ, что они будутъ довольны предложеніями, которыя онъ намѣренъ имъ одѣлать. Наконецъ, вѣрнѣ ли? онъ проситъ свиданья въ саду Батюшки, въ присутствіи свидѣтелей, которыхъ мнѣ самой угодно будетъ назначить.» Да! онъ это пишетъ. Неужели я дошла до того и въ такое короткое время? Судя по письму, право, можно подумать, что я позволила ему надѣяться? Даже кажется (потому что онъ все знаетъ, что дѣлается въ нашемъ домѣ), онъ предлагаетъ мнѣ пристанище въ домѣ лорда М^{***}; теперь только понимаю я всю опасность этой тайной переписки, которую, если судить по наружности, можно принять за любовную связь.

Но съ другой стороны, если, не избавившись еще отъ Сомы, я разорву всѣ сношенія съ Ловласомъ, тогда буду въ зависимости отъ этого бродяги и его союзниковъ? Семейство наше собирается ѣхать въ церковь, только безъ меня. Я послала просить позволенія матушки ѣхать съ нею. Она велѣла сказать, что это зависитъ отъ брата. Я послала письменное, нижайшее почтеніе къ брату; онъ отвѣчалъ словесно: «Мы увидимъ это завтра.» Завтра! знать завтра, должна ли я молиться Богу сегодня? Я попала наконецъ въ когти къ брату, какъ пойманная въ силки птица, которая тѣмъ больше бьется, тѣмъ больше затягивается въ силкахъ.

Понедѣльникъ, утро, 5 марта.

Новое горе. Они отказали моей бѣдной, вѣрной Аннѣ, которая принимала во мнѣ такое живое участіе, и замѣтили ее смѣлою и дерзкою. Ветти Бернсъ, повѣренною сестрою моею. На силу еще позволили видѣться съ Анной въ послѣдствіи Ветти и Чарей, горничной матушки, которая хотѣла оправдываться, но я успокоила ее. «Анна; не тебя наказываютъ, а меня; жаль съ тобою разстаться, но что жъ ты задыхалась отъ рыданій: «Нѣтъ,

«такой доброй, свиходительной госпожи; никогда и никому въ мирѣ я не буду такъ преданна, какъ была преданна миссъ Гарло!» Чтобъ утѣшить ее, я подарила ей нѣсколько кусковъ кружевъ и десять гиней, что возбудило зависть Бетти. Анна, плача и рыдая, рассказала мнѣ, что Арабелла перерыла ея ящики, даже обшарила всѣ карманы. Потомъ Анна отдала отчетъ въ фазанкахъ, павлинкахъ и другихъ птицахъ, вѣренныхъ ея попеченіямъ. «Нечего дѣлать! добрая Анна, я сама буду объ нихъ заботиться, стану навѣщать два или три раза въ день.» Бѣдная дѣвушка! мы разстались въ горькихъ слезахъ.

Повѣдѣльникъ, половина двѣнадцатаго.

Братъ торжествуетъ. Вотъ письмо, которое я получила отъ него утромъ: «Отецъ и мать не хотятъ тебя видѣть, и запрещаютъ показываться имъ на глаза; когда они въ саду, тебѣ не позволено быть тамъ, или гулять безъ сопровожденія Бетти Берисъ. Тебѣ запрещено также писать низкому этому Ловласу. Мы знаемъ теперь навѣрно, что ты не переставала вести съ нимъ переписку. Формальное запрещеніе писать къ миссъ Гоу, она слишкомъ для насъ независима, и слишкомъ ловка и способна помогать любовнымъ твоимъ продѣлкамъ. Исключая собственной комнаты, гдѣ ты должна жить затворницей, всѣ остальные для тебя заперты; когда захочешь гулять, то потрудишься ходить по задней лѣстницѣ, скверное, безпутное сообщаніе!» На что я отвѣчала въ короткихъ словахъ: «что мистеръ Джемсъ Гарло долженъ радоваться, что я нахожусь теперь въ его волѣ, и что не могу больше защищаться, потому что погребена за живо. Только я прошу его не прибавлять новыхъ оскорбленій къ прошлымъ мученіямъ.

Ну что ты на это скажешь, милый другъ? Мнѣ не на кого больше надѣяться, развѣ только на Мордена, моего двоюроднаго брата, который теперь во Флоренціи; но когда еще онъ прійдетъ? Какъ они важничаютъ, что отослали Анну, но пока я могу еще ходить въ садъ и на птичій дворъ, это ни къ чему не служитъ. Я писала матушкѣ и жаловалась, что меня преслѣдуютъ за ту самую переписку съ Ловласомъ, которую матушка сама нашла совершенно певинною. Мы съ вами двѣ преступницы, ангелъ мамаша, писала я.—«Зато, отвѣчала она, меня преслѣдуютъ почти также какъ и тебя, милая Кларочка». Письмо это было такъ вѣрно, такъ вѣрно, что она прибавила... «жги письмо мое!» Я писала тоже отцу, увѣряя, что несмотря

на всю его строгость, я питаю къ нему то же дѣтское уваженіе и ту же вѣжливость; но еслибъ ты знала, какой получила я отвѣтъ: оны называютъ меня - нецокорною дочерью! неблагодарною тварью!...

Нечего дѣлать, надо смирился.

Четвертъ. 9 марта.

Я получила опять письмо отъ Ловласа; онъ знаетъ какъ со мною ужасно обходятся, и оцѣнываетъ даже подробности, которыхъ я сама не знала. Какъ это онъ узнаётъ? Вѣроятно какими-нибудь недобрыми средствами. Послѣ обыкновенныхъ вѣжностей прибавляетъ, что грубости брата должны когда-нибудь кончиться; что дядя его, лордъ М^{***}, и объ тѣтки, люди добрые и снисходительные, вышли наконецъ изъ терпѣнія и находятъ, что возлюбленный ихъ племянникъ ужъ черезъ-чуръ терпѣливъ. Наконецъ, онъ постарается быть еще терпѣливѣе, если это только можно, но онъ не въ состояніи перевести долге такихъ обидъ. Ловласъ говоритъ тоже о своихъ родственникахъ, о дружбѣ, которую я имъ внушаю, и объ уваженіи и довѣрѣи, котораго они исполнѣ заслуживаютъ. Нельзя ли какъ-нибудь сдѣлать, милый другъ Ненесъ, чтобъ дамы эти объявили хорѣшее свое обо мнѣ и вѣннѣ, при конь-нибудь изъ знакомыхъ или друзей моихъ, родныхъ? Не думай, чтобъ я хотѣла выйти за Ловласа, но тѣмъ болѣе я вижу холодности со стороны моего семейства, тѣмъ болѣе мнѣ необходимо уваженіе постороннихъ людей. Какъ на письмо это требовалось отвѣта, то я послала его матушкѣ, которая сказала, что на него слѣдуетъ отвѣчать не медля. Я отвѣчала Ловласу, что я крайне огорчена и удивлена, вочему онъ такъ хорошо знаетъ все что происходитъ у насъ въ домѣ; что родные огорчаютъ меня, это правда, но что не онъ тому причиной; что еслибъ я даже не знала племянника лорда М^{***}, то и тогда бы не вышла за Соиза. Ктому жъ, онъ Ловласъ, не имѣетъ ни какого права такъ смѣло безпокоиться о судьбѣ моей; если я сказала что-нибудь лишнее, такъ это изъ благодарности къ его терпѣнію и снисхожденію къ брату. Наконецъ, еслибъ я могла теперь располагать своею рукою, то не знаю еще отдала ли бы ее мистру Ловласу. Вотъ содержаніе моего письма. Но когда я писала, то чувствовала, что мнѣ не совѣшь ловко; что-то тревожило меня; не могу сказать, чтобъ сердце мое билось, какъ ты предполагаешь, въ обращеніи со мною Ловласа есть какая-то фамильяр-

ность, которая мнѣ вовсе не нравится, даже оскорбляетъ меня, сама не знаю почему. Письма, которыя онъ осмѣливается писать мнѣ, до того смущаютъ меня, что я почла бы себя несчастною, еслибъ ты прочла ихъ, не имѣя въ тоже время подъ глазами моихъ отвѣтовъ. Впрочемъ я объявила ему рѣшительно, что письмо это будетъ послѣднее, и что онъ можетъ отвѣчать мнѣ тоже въ послѣдній разъ, потому что мы должны прекратить переписку во-крайней-мѣрѣ на нѣкоторое время, въ ожиданіи лучшихъ обстоятельствъ. Я не хочу отнимать у него всей надежды, потому что боюсь привести въ отчаяніе это необузданное существо, которое считаю самымъ хитрымъ, самымъ опаснымъ и самымъ развратнымъ человѣкомъ.

Миссъ Гоу къ миссъ Клариссъ.

Суббота, утро, 11 Марта.

Нѣтъ, нѣтъ, милая Кларочка, когда я думаю о тебѣ, то не могу вспомнить безъ ужаса объ окружающихъ тебя людяхъ. Чѣмъ больше стараюсь я отыскать причину столькихъ несчастій, тѣмъ труднѣе нахожу ее: я думаю, что все это происходитъ отъ твоего непослушанія волѣ дѣдушки. Послѣднія слова умирающихъ такъ священны; въ предсмертный часъ у нихъ бываютъ торжественныя предчувствія, которымъ должно повиноваться. Не понимаю какъ можешь ты переносить такія притѣсненія. Теперь ты сама видишь, что еслибъ ты сохранила независимость, хоть для того только чтобъ исполнить доброе дѣло, котораго достойный старикъ не успѣлъ кончить при жизни, то родные не стали бы тебя такъ притѣснять. Смѣли бы они предлагать тебѣ Сомза и предавать тебя въ руки почтеннаго твоего брата? О! недостойный человѣкъ! Какъ бы мнѣ хотѣлось, хоть на одинъ мѣсяцъ, быть его сестрою? Я показала бы ему, что онъ не имѣетъ ни какого права распорядиться мною! Какъ вздернула бы я голову! и, не спрашивая ни чьего позволенія, поселилась бы себѣ въ домъ и помѣстьяхъ дѣдушки; завела бы лошадей, экипажъ, постаралась бы приобрести сильныхъ и многочисленныхъ друзей и знакомыхъ, и еслибъ увидала, что братъ и сестра обходятся со мною какъ слѣдуетъ, то стала бы платить тѣмъ же, нето, разклаивалась бы честной компаніи и сказала: забавляйтесь безъ меня, какъ умѣете, и не поминайте меня ляхомъ.

Признаюсь однако, что Джемсъ и Арабелла, какъ люди опытные, умѣли постичь другъ друга: эта дурняжка и этотъ скряга

не могут простить твоей красотѣ и великодушію; зато имъ хочется унижить тебя, чтобъ ты была въ-ровень съ ними, и для этого не пашли ничего лучше какъ сдѣлать изъ миссъ Гарло мистриссъ Сомзъ! Наконецъ, я увидѣла знаменитаго мистра Сомза: онъ внушаетъ не одно только отвращеніе, но и жалость. Вобрази, я встрѣтила его въ одномъ обществѣ съ Ловласомъ, — Ловласомъ, столь остроумнымъ, любезнымъ, исполненнымъ такихъ блестящихъ идей, которыя онъ безъ счету бросаетъ во все стороны. Увлеченный примѣромъ сосѣда и желая въ свою очередь выказать свое веселое остроуміе, Сомзъ наговорилъ кучу глупостей, которымъ онъ одинъ только и смѣялся, потому что въ нихъ не было даже ничего смѣшнаго. Онъ, кажется, вовсе не подозреваетъ, что званіе честнаго человѣка есть самое высшее достоинство. Все въ немъ низко, глупо, бессмысленно: взглядъ, голосъ, улыбка, потому что смѣхъ его походитъ на мычанье дикихъ звѣрей. Каковъ человѣкъ!... И злодѣи эти хотятъ, чтобъ онъ былъ мужемъ благородной дѣвушки, которая присоединяетъ ко всемъ талантамъ и дарованіямъ все добродѣтели и все достоинства! Я не говорю уже о душѣ этого бродяги: она вѣрное изображеніе его лица. Онъ подлъ и низокъ, какъ-будто самъ выдумалъ подлость и низость, и такъ искусно ползаетъ, что собака, видя его превосходство надъ собою, можетъ прійти отъ зависти въ отчаяніе; со всемъ этимъ золь, мстительнъ и терпѣть не можетъ свое семейство, въ которомъ не нашелъ ничего такого сквернаго, какъ онъ самъ. Глупость его преобладаетъ однако надъ скупостью, потому что къ претензіи на умъ онъ присоединяетъ тщеславіе дурака, а глупость его превосходитъ все, что только можно себя представить. Онъ такъ скупъ и такъ неловокъ, что еслибъ ему пришлось дать кому стаканъ воды, то голова бы его растянулась въ дребезги; никогда онъ не расстаётся съ ключами, вѣчно носитъ ихъ при себѣ, какъ театральный тюремщикъ, и если ему прійдется, на примѣръ, угостить знакомаго (я не говорю друга, потому что только въ вашемъ семействѣ онъ могъ найти друзей), то путается въ ключахъ, колеблется, мѣшается; въ глазахъ у него тогда двоится; перебравъ и перепробовавъ все ключи, онъ находитъ наконецъ тотъ, который ему нуженъ; но когда этотъ хозяинъ возвращается изъ погреба, то гостю уже не хочется пить! И вотъ за кого тебя хотятъ выдать!

Я такъ записалась, что не слыхала, какъ матушка подошла

сзади, прочтала это мѣсто и пашла, что я слишкомъ строга къ почтенному министру Сомзу.

— Правда, что онъ не хорошъ и не можетъ нравиться разборчивой дѣвушкѣ, но кчему служить намъ красота въ мужѣ?

Послѣ этого матушка стала читать мораль и расхваливать солидныхъ и предприимчивыхъ людей, у которыхъ есть нѣкоторые вѣсь въ свѣтѣ, вмѣнѣнце на солнцѣ, и которые впродолженіи всей жизни ни на волосъ не задолжали.... На это я отвѣчала съ жаромъ, что Ловласъ тоже заплатилъ всѣ свои долги.

— Правда, говорила матушка съ благоразумною жалостью, что съ миссъ Гарло поступаютъ не хорошо, но для чего жъ ей такъ упрямиться? Я увѣрена, что въ душѣ она не стала бы колебаться между Ловласомъ, человѣкомъ, который дрался съ ея братомъ, и этимъ достойнымъ министромъ Сомзомъ!

Для доброй моей матушки, отъ вспылчиваго характеру Ловласа до тихаго и смирнаго характеру Гикмена только одинъ шагъ.

— Вотъ ужъ Гикменъ такъ честный человѣкъ, нечего сказать, прибавила матушка: состояніе у него хорошее, долговъ нѣтъ, и прѣ всемъ этомъ добрый и благовоспитанный человѣкъ. Но я нахожу, милая Ненси, что ты къ нему не довольно внимательна....

Но мнѣ кажется, что по нѣкоторымъ словамъ этого разговору тебѣ легко было слѣдовать за теченіемъ нашей бесѣды съ матушкой, и ты сама догадаешься, какъ отъ Гикмена мы перешли къ Ловласу, а отъ Ловласа къ тебѣ самой, доброе дѣтя мое. Матушка жалѣетъ тебя въ душѣ, хотя безпрестанно повторяетъ, что надо слушаться, что *послушаніе лучше всякой жертвы* — это ея ковѣкъ; а я отвѣчаю, что нѣтъ и не можетъ быть послушанія, даже жертвы, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о Сомзѣ, особенно когда человѣкъ одаренъ, какъ ты, милая Кларисса, всеми достоинствами, всеми совершенствами природы.

Миссъ Кларисса къ миссъ Гоу.

Воскресенье, 12 марта.

Еслибъ я не была такъ несчастлива, другъ мой, какъ бы я тебя побранила! Я нахожу, что въ мысляхъ твоихъ слишкомъ много жестокости, въ слогѣ слишкомъ много ѣдкости: онъ дышетъ проиѣй. Прости меня, Ненси; мнѣ бы слѣдовало благодарить тебя, что такъ охотно дѣлишь мое горе и разговяешь скуку мою, а я еще вздумала бранить тебя. Трудно представить себѣ, что дѣлаютъ, что позволяютъ себѣ мистеръ Джемъ и миссъ

Арабелла: они посылаютъ мнѣ престранныя и предезркія посланія, и чтобъ еще больше оскорбить меня, дѣлаютъ посредницею Бетти Бернсъ, своего шпиона. Они всё-еще хлопочутъ о Ловласѣ и думаютъ, что любовь къ нему не допускаетъ меня принять предложенія ихъ Сомза, и потому они обходятся со мною безъ всякой церемоніи, какъ будто бы я была влюблена въ батюшкинова камердинера. Я напередъ знаю, что ты на это отвѣдишь: чтобъ я разорвала цѣди, избавилась отъ яга, возвратилась въ свое помѣстье и исполнила послѣднюю волю дѣдушки. Но что бы ни было, я рѣшилась не жаловаться на батюшку, не называть съ нимъ процесса. Что же касается до непрерывныхъ оскорбленій мистра Джемза Гарло, то я хочу знать на опытъ, — хотя опытъ этотъ очень грустень, — до чего можетъ дойти жестокость брата; справедливость моего дѣла поддерживаетъ и одушевляетъ меня. Дай Богъ, чтобъ мнѣ пришлось одной защищаться!

Но нѣтъ, Ловласъ вообразилъ, что онъ долженъ, даже противъ моей воли, вступиться за меня. Представь, онъ былъ сегодня вечеромъ въ церкви. Чорей, горничная матушки, рассказывала мнѣ, съ какимъ гордымъ и презрительнымъ видомъ онъ обращался вѣсколько разъ къ нашему фамильному мѣсту; къ счастью, брата тутъ не было; батюшка и дядя выходили изъ себя; все собраніе только и дѣлало что смотрѣло на мистра Ловласа.

Надменный этотъ человекъ гордъ и высокобренъ до невѣротія. Онъ хвастаетъ этимъ порокомъ какъ добродѣтелю. Ну, чѣмъ ему гордиться? молодостью, красотою, знатнымъ происхожденіемъ? только то? Не понимаю, какъ родные мои не видятъ, что такой человекъ не можетъ мнѣ нравиться. Въ моихъ глазахъ всѣ возможныя дарованія и таланты не стоятъ добродѣтели. Они не такъ взялись: надо было оставить меня на свободѣ съ Ловласомъ; разобравъ его хорошенько, я бы съ нимъ поступила такъ же какъ съ Сомзомъ, только, разумѣется, не показывала бы такого презрѣнія, потому что его не за что презирать.

Чорей рассказывала также, что онъ старался встрѣтиться глазами съ матушкой, съ которою былъ необыкновенно вѣжливъ и почтителенъ, и если бъ братъ только позволилъ, то мнѣ кажется, что матушка перешла бы на сторону Ловласа, потому что была очень расположена находить въ немъ вѣкоторыя достоинства. Матушка отвѣтила учтиво на глубокой поклонъ Ловласа, за что батюшка и дядя ужасно на нее разсердились. Если они такъ

изволновались, увидавъ Ловласа въ церкви, что жъ будетъ съ нимъ, праведный Боже! когда онъ пріѣдетъ къ нимъ въ домъ?

Ловласъ къ Бельфору.

Поседѣльникъ, 13 марта.

Здравія и благоденствія!

Напрасно ты, Бельфоръ, напрасно достойные друзья наши становятся, чтобы я воротился въ городъ; я останусь здѣсь, пока не узнаю рѣшительно, чѣмъ у меня кончится дѣло съ гордою красавицей. Ограниченными выгодами положенія, какое я досихъ поръ завоевалъ, похвалиться не могу, потому что всѣмъ обязанъ только страху красотки: она трепещетъ за безопасность людей, оскорбившихъ меня. Вообрази! брату ея пришла коварная мысль противопоставить мнѣ, Ловласу, какого-то, Богъ знаетъ гдѣ отрытаго уroda, человѣка совершенно ничтожнаго, но очень богатаго, который своими блестящими предположеніями воображаетъ раздавить всякаго соперника. Этотъ буйволъ сразу овладѣлъ всѣми душонокками достопочтеннаго семейства Гарло. Когда я говорю «душонками», нужно разумѣть, что во всей семьѣ, кромѣ Клариссы, ни у кого нѣтъ души, а очаровательная, несравненная Кларисса теперь содержится въ этомъ домѣ какъ въ темницѣ и подвергается величайшимъ жестокостямъ отъ безмозглаго деспота отца, которымъ управляетъ безчувственный эгоистъ Джемъ Гарло... Но я не хочу марать моей бумаги очерками такихъ характеровъ. Какое несчастіе, однако жъ, быть влюбленнымъ въ дочь такого отца, въ сестру такого брата и, наконецъ, въ племянницу такихъ дядей! А самое адское во всемъ этомъ то, что несмотря на мое презрѣніе къ подобной обстановкѣ, я чувствую, какъ любовь моя возрастаетъ именно.... Но какъ выразиться? Сказать — именно *отъ презрѣнія*? Нѣтъ, нужно сказать — отъ тщеславія или, еще вѣрнѣе, отъ досады.... или нѣтъ, нѣтъ! вотъ настоящее слово, хотя оно, можетъ быть, и насмѣшить тебя; моя страсть растетъ отъ добродѣтели этого обожаемаго созданія. Право, кажется, что на этотъ разъ именно добродѣтель нагородила мнѣ всѣхъ этихъ препятствій, и вотъ до чего я доведенъ, зато что не догадался во время полицемѣрить, не позаботился укрыться подъ доброю славою. Правда, я никогда не думалъ, что могу пуждаться въ почтенной наружности, когда мнѣ всегда стоило только показаться, чтобы увлечь самыхъ строп-

тивныхъ. «Привелъ, увидѣлъ, побѣдилъ», говаривалъ мой двойникъ, Юлій Кесарь.

Такъ, выходитъ, если я хочу имѣть успѣхъ у миссъ Гарло, мнѣ нужно нѣз какихъ-нибудь лохмотьевъ патриархальныхъ временъ выкромить себѣ кафтанъ порядочнаго степеннаго челоуѣка.... развѣ только найду еще болѣе удобнымъ не шутя и однажды на всегда обратиться въ почтеннаго и достойнаго представителя благоуравной старины. И будто это трудно, Бельфоръ? Будто я не способенъ на все, и въ-особенности на невозможное? и, наконецъ, развѣ я не господинъ своего сердца? Между-тѣмъ, съ той минуты, когда увидѣлъ прелестное личико этого ангела, я уже не владѣлъ собой.... мало этого, я еще за глаза влюбился, такъ приготовили и увлекли меня похвальныя рѣчи, которыя я слышалъ объ ней, потому что быть челоуѣкомъ безнравственнымъ еще не значить быть неспособнымъ восхищаться самою чистою, самою прозрачною певинностью.

Мое несчастіе и неловкость дядюшки, который ввелъ меня въ домъ, натолкнули меня сначала на старшую сестру, миссъ Арабеллу. Эта уже безъ всякаго сомнѣнія ангелъ. Съ нею мнѣ не трудно было поджечь порохъ. Я еще не видывалъ смертной, которую легче было бы воспламенить: изумительно горючее вещество! Я съ трудомъ высвободилъ свои плыи. Во всякомъ другомъ случаѣ я покинулъ бы мантию и бѣжалъ бы какъ Юсіфъ, но я не хотѣлъ навсегда загородить себѣ входъ въ домъ, гдѣ хранится другое рѣдкое сокровище.

Ты короче всякаго другаго знаешь своего друга Ловласа; ты знаешь, что только однажды въ жизни, въ первой молодости, я зналъ истинную любовь. Этимъ я, впрочемъ, горжусь какъ рѣдкостью. Но за то какъ обошлась со мною первая царица моего сердца! какъ она потѣшилась надъ моимъ простоушіемъ! Тогда я поклялся отмстить коварной на всѣхъ существахъ ея пола, какія только попадутся мнѣ подъ руки. Я хорошо исполнилъ эту клятву; я не одинъ памятникъ поставилъ на могилѣ моей первой любви, ты знаешь, и что же! когда я теперь, при одномъ имени Клариссы, сравниваю первыя движенія моего невзвипаго или, лучше сказать, глупаго сердца съ нынѣшнимъ его состояніемъ, тогда только начинаю понимать, отчего былъ такъ нелѣпо влюбленъ въ первую женщину, которая позволила мнѣ задыхаясь и краснѣя (и теперь еще краснѣю!) прошептать: «Я люблю васъ!» Нѣтъ, то была вовсе не любовь, а просто по-лость, удивленіе, такъ вѣчто, только-что пробудившееся и еще

не отойдешь ни какого названія. Я подвигъ, что мнѣ простила эту единственную минуточку въжливости: это орлеанскія жеманничала свои крылья; это были мои утѣшительныя чѣ выскокъ слогъ; голова у меня была напиготована мадригаломъ, сонетомъ, эпитамъ, и мнѣ необходима была какою-нибудь Хлоя, къ началу которой я могъ бы высыпать всѣ эти цвѣты. Надо было однакъ признаться, что въ построеньи перваго жертвенника первой Богини — много обаятельнаго. Гордился ревностью, которую возбуждаешь, а я какъ ни молодъ, какъ ни неопытенъ былъ, однакъ моя красавица уже страшилась лишиться меня; она просто убивала меня въжливими взглядами и не одно опахало было изюмано въ честь мнѣ, такъ, что когда истощилась повизна, я зналъ въ пропасть не менѣе очаровательную, въ самолюбіе. Отъ самолюбія произошла та сильная досада, которую я принялъ за мѣтку любви. Если я плакалъ о томъ, что кокетка покинула меня, такъ это оттого что я говорилъ себѣ: я молодъ и не дурусь собой, я остроуменъ, я въ модѣ; никто лучше меня не владѣетъ шпагой и перомъ, никто не поетъ выразительнѣй, не танцуетъ легче и изящнѣй. Говоря теперь объ этихъ качествахъ я только повторяю то, что всѣ признають у меня,—кто вслухъ, кто про себя. Притомъ, согласись, Бельфоръ, что всякій съ перваго взгляду долженъ причислить меня къ лучшему обществу. Кто сумѣетъ держаться горделивѣе и важнѣе меня? кто сумѣетъ одѣться изящнѣе? Всѣ эти достоинства безъ ума пропадали бы даромъ, но у меня есть и умъ, слава Богу, и отважность,— два великія достоинства, которыя были бы бесполезны безъ терпѣнія, а терпѣніе у меня тоже найдется, какъ скоро понадобится. У меня есть все, что нужно имѣть совершенному джентльмену: изъ чего слѣдуетъ, что, когда красавица, которой я оказалъ честь моимъ предпочтениемъ, измѣнила мнѣ, я долженъ былъ почести себя злополучнѣйшимъ изъ смертныхъ. Глупый я! хотѣлъ утопиться въ первомъ разливѣ новорожденнаго самолюбія! Но, слава Богу, я вознаградилъ потерянное время.

Изъ чего слѣдуетъ, что то, что я теперь чувствую, уже не простое самолюбіе, а настоящая любовь. Единственная мысль моей жизни въ эту минуту — мысль Кларисса Гарло. Гарло мнѣ ненавистное, но Кларисса — очаровательное; восхитительный звукъ его трогаетъ мое сердце. Такъ говорить какой-то поэтъ, и я за нимъ. Изъ чего опять слѣдуетъ, что я чувствую истинную любовь. Еще доказательство: я, который не поклонялся ни кому кромѣ своей собственной особы, я трепещу при одной

эконом давившей женщины. Я тремому, а между темъ, если еще
 хочешь Клариссой, то зови ее и Гарло, то есть именемъ всѣхъ
 Гарло, которыхъ и презираю и ненавижу; именемъ Джозефа Гар-
 ло, котораго я уже держалъ на концѣ моей шпаги и не убилъ
 только потому, что не убиваю гадовъ. Но молчи, иначе шапашоты;
 прочь дѣйствуетъ одна гордость: этого довольно будетъ для ша-
 шавилъ всѣхъ этихъ уродовъ. Пусть шестеръ Джозефъ пуститъ по
 лопамъ египетскъ шпиона; я изъ этого шпиона сделаю себѣ слугу
 и у меня въ рукахъ будутъ всѣ нитки отъ этихъ марionетекъ.

Я отсюда вижу, какъ ты слушаешь меня и поглядываешь
 своими маленькими острыми глазами, точно обезьяна на зеленый
 орехъ. Но, неужели ты такъ проста, Бельфордъ, что не видишь
 моего плана? Я сто разъ говорилъ тебѣ, что въ любви самое труд-
 ное—начало: нужно только на хорошемъ мѣстѣ выстроить бата-
 рею и вѣрно прицѣливаться. Мой планъ готовъ. Я хочу возмутить
 противъ моей обожаемой всѣхъ этихъ дураковъ и предателей,
 такъ, чтобы бѣдняжкѣ, безпрестанно преслѣдуемой со всѣхъ сто-
 ронъ, оставалось только или бѣжать изъ родительскаго дому или
 выйти замужъ за гадяго Сонза. Я разищу мою засаду такимъ
 образомъ, что эта скромная, строгая, добродѣтельная красавица
 будетъ моею; да, Бельфордъ, она будетъ моею, моею безусловно,
 безраздѣльно, неограниченно; я овладѣю ею подъ самымъ по-
 сомъ у всего этого народа. Ужъ потѣшусь же я! Вообрази толь-
 ко, какъ пріятно будетъ видѣть, когда всѣ эти господа и самый
 дерзкій братецъ будутъ ползать у ногъ моихъ, умоляя о вспомо-
 жаніи, прощениіи, состраданіи, и почтутъ себя счастливыми, если
 имъ удастся получать изъ рукъ моихъ послѣдній лоскутъ своей
 чести. Эта мысль горитъ у меня въ сердцѣ. Одно только безпо-
 коитъ меня: я долженъ признаться, что до сихъ поръ очень не
 много имѣю вліянія на умъ этой красавицы, спокойной, блѣдой и
 холодной какъ первый снѣгъ. Ахъ, Бельфордъ! я очень хорошо
 знаю, что играю страшную партію, но зато торжествующему иг-
 року никогда не предстояла болѣе великолѣпная ставка. Со мною
 это еще въ первый случается. Чтобы достойнымъ образомъ пред-
 ставить тебѣ ее такъ, какъ я вижу, читай въ моемъ воображеніи,
 читай въ моемъ сердцѣ. Этотъ ангелъ.... У меня недостаетъ
 словъ, что я говорю, словъ!... ни красокъ, ни солнца, ни души,
 ни ума у меня нѣтъ, чтобы описать ее. Я могу только видѣть
 ее, удивляться ей какъ звѣздѣ Венера посреди другихъ звѣздъ.
 Представь себѣ.... но съ чего начать?... Представь себѣ всѣ до-
 бродѣтели въ соединеніи со всеми прелестями, всѣ дивныя свой-

ства характера, красавицу великолѣпнѣй моего дня, чудесную душу въ чудесномъ тѣлѣ. Довольно ли этого? Нѣтъ, не довольно! Чтобы представить ее себѣ, нужно видѣть, какъ я видѣлъ, какъ вижу ее постоянно передъ собою. Ей нужно только показаться, чтобы понравиться. Взоръ ея строгъ и вмѣстѣ нѣженъ; когда она говоритъ, звучный голосъ ея проникаетъ до сердца; замолчать, ты продолжаешь слушать или, лучше сказать, не слушаешь, а смотришь, какъ говорить, и то что она скажетъ, выигрываетъ отъ того, на что ты любишься. Она добра, откровенна и болѣе мила чѣмъ поразительна. Чтобы подать приблизительное понятіе о ея красотѣ, нужно собрать всѣ красоты, всѣ прелести, какія только возможны въ саксонскомъ и норманскомъ племенахъ, и сверхъ того она, сама того не зная, въ совершенствѣ обладаетъ рѣдкимъ и часто напрасно искомымъ искусствомъ одѣваться, такъ, что женщины самыя увѣренныя въ себѣ откровенно признаются въ невозможности состязаться съ нею. Все ли? Нѣтъ еще. Мнѣ бы хотѣлось объяснить тебѣ ея величественную походку, ея горделивый видъ.... и я люблю ее, кажется, именно за эту гордость. Что касается до выраженія, я не знаю ничего очаровательнѣе ея степенной важности, которая иногда чуть примѣтно переходитъ въ пренебреженіе. Можно сказать, что она понимаетъ свое законное право повелѣвать всеми мужчинами. Наконецъ, если хочешь знать, сколько ей лѣтъ... шестнадцать. А ростомъ.... раскрой Шекспира.... ростомъ она «въ уровень моему сердцу». Такова дѣвушка, которую я предпринялъ завоевать для моей страсти и для моей жажды мщенія!

Ты знаешь, Бельфоръ, что я довольно ловокъ и изобрѣтателенъ и я твердо рѣшился не покидать дѣла, не кончивъ его, между тѣмъ я чувствую, что мнѣ предстоятъ великія трудности. Она обладаетъ мужествомъ невинности и сильна своимъ здравымъ смысломъ, передъ которымъ не могутъ устоять ни какія тонкости краснорѣчія; все искусство ея состоитъ въ томъ, что она не употребляетъ искусства; она взглянетъ, скажетъ свою простую правду — и торжествуетъ. Вотъ гдѣ самое великое пренятствіе!

Зато я и не рѣшусь положиться въ этомъ предпріятіи на собственные свои средства: это было бы слишкомъ безразсудно; я напрасно только потратилъ бы и умъ, и силѣсть, и терпѣніе, и хитрости, и обольщенія; я только осрамился бы въ ея глазахъ и обезчестилъ бы себя въ собственныхъ. Нѣтъ, я не одинъ; у меня есть вѣрные, надежные союзники, которые моему вохити-

тельному и ненюбъднмому противнику гораздо опаснѣе меня самого. Не подумай, пожалуйста, что я обратился къ нечистой силѣ. Нѣтъ, бѣдняга старшій чортъ — идіотъ противъ насъ съ тобой. Мои союзники почище чорта: это — достойное семейство Гарло, — отецъ, мать, сестра, братъ, дяди, тетки, слуги! Вотъ мои помощники! вотъ моя стая говчихъ! Они непременно заставятъ и выдадутъ мнѣ мою добычу, и когда я буду держать ее, трепещущую, въ гордыхъ моихъ рукахъ, кто тогда отниметъ ее у Ловласа? Вотъ и вся моя уловка. Не я вырылъ пропасть, въ которую упадетъ эта красавица. Она упадетъ за повиновение тому, что называютъ голосомъ крови; она упадетъ черезъ лучшія и благороднѣйшія свои чувствованія. Она погибнетъ за надежду на справедливость отца, который чувствителенъ какъ сундукъ; за надежду на вѣжность своихъ дядей Юлія и Антонн; зато что считаетъ себя сестрою мистера Джемза и миссъ Арабеллы. Я не говорю о ея матери: это женщина почтенная; ее ни въ чемъ нельзя упрекнуть, кромѣ того что она вышла за мужа за Гарло. Всѣхъ этихъ людей добрая дѣвушка любитъ и уважаетъ, и будетъ любить до конца, она предпочтетъ ихъ мнѣ, хотя и убѣждена, что они несправедливы ко мнѣ.

Одно только раздражаетъ меня, одного только я не простилъ бы в самой Клариссѣ: это — если она, изъ почтенія къ родителямъ, отъ утомленія и чтобы разомъ кончить тревогу, выйдетъ за Сомза. Но нѣтъ, этому не бывать. Она слишкомъ благородна, умъ ея слишкомъ свѣтелъ и сердце слишкомъ правдиво. Она не захочетъ подвергнуться такой опасности, и тогда, съ отчаянія, преслѣдуемая всѣми, оглушенная, трепещущая, бросится ко мнѣ... Я долженъ признаться тебѣ, что до своей воли она не отдастся мнѣ, это я знаю. Такъ вотъ каковы обстоятельства, Бельфоръ. Ты понимаешь теперь, что мнѣ невозможно покинуть партіи и ѣхать къ вамъ. Я даже не знаю, не могу предвидѣть, когда и какъ кончится эта комедія. Теперь я день и ночь брожу около достопочтенныхъ Гарло какъ тать, какъ лазутчикъ, подстерегая каждое движеніе ихъ милостей; живу въ негодномъ трактирѣ; скрываюсь подъ одеждой ремесленника и почитаю себя счастливецемъ, когда, прошлявшись пять-шесть ночей по пустымъ тропинкамъ, подзавнвъ черезъ колючія изгороди, найду въ шели старой развалины нѣсколько знаковъ ея руки, — знаковъ холодныхъ и небрежныхъ! И то еще, соглашаясь бросить мнѣ пять-шесть строкъ, какъ милостыню, она воображаетъ, что спасаетъ жизнь брату. Посуди же, какое тутъ передо мной поле для упражненія

въ ловкости и нитрѣ, и какое восхитеніе преодолѣть дѣйствительности и благородныя разсудки, одолевая чуждую отчину! Какое торжество надъ всѣми жидкими въ одномъ тѣлѣ черкестей! Вотъ все мое стремленіе въ настоящую минуту, а причину объявилъ Шекспиръ: «Ахъ милая подлота, если правда, что я бываю люблю ее!»

А вы между тѣмъ, заклятые мои друзья, ты, Бельфордъ, и другіе,—Бельтонъ, Мобрай и Турналь,—будьте готовы явиться по первому моему приказу. Вы въ скоромъ времени понадобится мнѣ, потому что, для начала, мнѣ нужно будетъ прибавиться отъ моего любезнаго брата, нистръ Джамза. Вся армія Гарло теперь на ногахъ. Будьте же готовы. Въ свое время получите инструкціи... Впрочемъ, я дуракъ, что такъ много беззабочусь: съ такими товарищами, каковы мои, и чорта нечего бояться. Такіе молодцы какъ Бельфордъ, мужъ безъ страху; Мобрай, искусный генералъ; Бельтонъ, порохъ, и Турналь, побѣдитель побѣдителей, да сверхъ того я, вашъ атаманъ... о! да съ такимъ народомъ можно походить самое миссъ Арабеллу!

Ура мистръ! и къ чорту любовь! я ненавижу любовь съ-тѣхъ-поръ какъ она овладѣла мной. И такъ да будетъ надъ тобой благословеніе Божіе, вѣрный мой Бельфордъ! Даю тебѣ поцѣловать мои ногти.

Миссъ Кларисса къ миссъ Гбу.

Среда, 15 марта.

Я больше чѣмъ когда-нибудь нахожусь въ заточеніи и уединеніи, которыя становятся почти сносными только тогда, когда я читаю твои утѣшенія или сообщаю тебѣ мои страданія. Написавъ умоляющее письмо къ отцу и матери, я рѣшилась написать также къ дядямъ. Второй отецъ мой! писала я къ дядѣ Гарло: подумайте, что дѣло идетъ о счастьи всей моей жизни... «Милый дядюшка, говорила я дядѣ Антони, возможно ли, чтобы нистръ Сомзъ былъ вашимъ другомъ, и неужели вы думаете, что, отказываясь отъ его руки, я непременно должна быть замѣнята мѣмъ-нибудь другимъ? Притомъ, дядюшка, если бы я действительно была расположена къ джентельмену, котораго знаю уже болѣе году, котораго сами вы ввели въ нашъ домъ, который по происхожденію и достоинству въ тысячу разъ выше всего, что можно сказать о нистрѣ Сомзѣ, то развѣ это было бы преступленіе? Я только сострадаю достойна, дядюшка»

«ты! Войдите въ мое положеніе, скажитесь надо мной, не поки-
дайте меня безъ защиты на гнѣвъ отца; не выдайте меня на-
сильно за челоуѣка, самія предложенія котораго такъ неспра-
ведливы, что я уже должна красѣть за нихъ.» Такъ я гово-
рила и умоляла, и знаешь ли, какъ жестоко мнѣ отвѣчали?—
«Мы «аланга, построенная въ боевой порядокъ, отвѣчала дядя
«Гарло: не меня одного нужно убѣдить, миссъ Кларисса, а всѣхъ
«вашихъ родныхъ.» Дядя Автоин поступилъ еще суровѣе.—
«Намъ всѣмъ извѣстны ваши уловки, любезная племянница, и
«какъ вы извращаете смыслъ словъ, до того что челоуѣкъ благо-
«разумный у васъ становится сирягой, а негодный развратникъ
«изящнымъ джентельменомъ. Чтѣ касается до жестокостей, ко-
«торымъ вы подвергаетесь, миссъ ульница, пеняйте на себя:
«отъ васъ однихъ зависить тотчасъ же прекратить ихъ, — сто-
«итъ только покориться.» Но, нужно ли, милая Ненси, разсказы-
вать всѣ несправедливости родственниковъ, къ которымъ я, ты
знаешь, была такъ искренно и почтительно привязана? Я могу и
буду говорить тебѣ только о моемъ горѣ. Я писала даже къ
мистру Сомзу!... къ самому мистру Сомзу!

«Возвратите мнѣ миръ души, который вы отняли, писала я
«возвратите мнѣ любовь моихъ родныхъ, которой вы лишили
«меня. Будьте великодушны, не настаивайте, не дѣлайте дурной
«женщины изъ дѣвушки, которая видить славу свою въ буду-
«щемъ исполненіи обязанностей нѣжной и доброй жены. По несп-
«занимъ, какимъ я подвергаюсь изъ-за васъ; по отчаянному со-
«противленію вы можете судить съ какимъ твердымъ убѣждені-
«емъ я отказываю вамъ. Откажитесь же и вы, умоляю васъ, и
«положитесь на мою вѣчную признательность.»

На это отчаянное письмо оиъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отка-
зомъ. Однако жъ я должна признаться, что въ письмѣ его болѣе
уточности и даже болѣе правописанія чѣмъ бы можно было ожи-
дать отъ такого писателя. «Вы просите невозможнаго, пишетъ
«оиъ: я ни за чтѣ въ свѣтѣ не откажусь отъ такого неоцѣнен-
«наго сокровища.» Словомъ, мистръ Сомъзъ убѣжденъ, что мои
родные никогда не согласятся на некательство Ловласа, и по-
тому оиъ, Сомъзъ, рѣшается ждать, чтѣ скажетъ время, и возла-
гаетъ упованіе на правоту своего дѣла.

Пославіе этого достойнаго господина, натурально, явилось въ
сопровожденіи письма отъ моего брата, съ обыкновенными нѣж-
ностями. Я — «падшій ангелъ», никогда не буду принадлежать
«негодному волокутѣ», чтѣ бы я ни дѣлала, чтѣ бы я ни говорила;

я напрасно беспокоюсь на этот счет, и наконецъ истръ Джемъ запрещаетъ мнѣ писать; онъ жагаетъ видѣть мои письма. Впрочемъ, милая Ненси, я посылаю тебѣ всѣ эти письма. Прочитай ихъ, если доставить терпѣнія, и увидишь, нужно ли мнѣ сердце, способное перевести все на свѣтъ. При первомъ случаѣ, возврати мнѣ, пожалуйста, письмо дядюшки Антони.

Ловлясь къ Бельфору.

Пятница, 17 Марта.

Возлюбленные и вѣрные мои, всѣ изъявленія любви и желаній, которыя вы мнѣ присылаете, я благосклонно принимаю и рассчитываю на вашу преданность. Въ свое время я объявлю вамъ мои намѣренія. На первый случай ты, Бельфоръ, виѣшь явиться ко мнѣ какъ можно скорѣй. Мнѣ нужно твое усердіе, — не для личной моей безопасности, — семейство Гарло лаетъ издали, — но для того чтобы я могъ отдохнуть отъ горестей любви надъ нѣсколькими веселыми выходками или хотъ надъ чтеніемъ нашихъ любимыхъ поэтовъ. Между-тѣмъ ты можешь назначить нашихъ друзей свиданіе черезъ мѣсяцъ, у лорда М^{...}, въ его старомъ замкѣ, хотя бы только для того, чтобы успокоить добраго дядюшку и увѣрить, что ему еще не скоро прійдется исправлять новыя глупости его любезнаго племянника. Я желаю, чтобы ты явился въ самомъ древнемъ своемъ мундирѣ. Слуга твой долженъ стоять съ тобою на полудружеской ногѣ: ты выдашь его за своего родственника, которому щещь мѣстечка, только въ арміи, а не въ гражданской службѣ, гдѣ ты, въ качествѣ маіора, не долженъ имѣть большаго вліянія. Я живу въ настоящемъ кабакѣ.... Хозяинъ, изъ учтивости, называетъ его гостиницей. У него есть даже выѣска, — необыкновенная роскошь, — олень, до смерти взраженный непогодами. Деревня достойна гостиницы. Ты найдешь ее въ пяти миляхъ отъ замка Гарло, возникшаго изъ навозу не съ незапамятныхъ временъ. Если ты не знаешь дороги въ Гарло, спроси у перваго нищаго, всякій укажетъ, гдѣ живетъ мой ангелъ, моя любовь, благодѣтельница всѣхъ несчастныхъ.

Мои хозяева добрые люди, хотя и бѣдны. Они подозрѣваютъ, что я переодѣтый джентльменъ и поятъ меня отличнымъ барселонскимъ. Грязный, ветхій домишко молодится и украшается свѣженькою дѣвухой.... На прошедшей недѣлѣ семнадцать лѣтъ минуло. Я называю ее *Розовымъ Бутончикомъ*. У нея есть бабка,

столько приятная, сколько может быть честная старушка, торчащая въ углу у очага. Она съ такимъ страхомъ и такъ жалобно умоляла меня пощадить ея внучку, что.... право.... клянусь честью, я пощажу ее. Какъ же и не пощадить тамъ, гдѣ признають мое могущество? Не одна голубка снаслась бы, если бъ во время попросила пощады. Чтò касается до меня, я желаю только *смирять гордыхъ*. Таковъ мой девизъ.

Дѣвочка однакожъ очень мила!... бѣленькая, свѣженькая, лицо нѣжное и вѣстѣ очень аперитивное. Простота, скромность, невинность совершенно дѣтскія; и съ примѣсю деревенской стыдливости. Я уступаю, отдаю ее тебѣ; она будетъ твоею долею добычи, другъ Бельфоръ, между тѣмъ какъ я, въ погоду и непогоду, день и ночь буду бродить около замка какъ вздыхатель или какъ воръ.

Ты въ безопасности отъ невѣстья, можешь читать въ этомъ молодомъ сердцѣ всѣ честныя чувствованія, которыхъ не показываютъ намъ наши свѣтскія дамы, краснѣющія при одной мысли объ нихъ. Счастливецъ! Но, впрочемъ, кѣму же подвергать тебя такимъ неопытаніямъ? кѣму я предамъ уважаемаго друга? Нѣтъ, нѣтъ, Бельфоръ, не думай объ этой любви. Ты вступаешь въ союзъ со мною, слѣдовательно долженъ брать примѣръ съ меня, быть скромнымъ, смирнымъ, честнымъ человекомъ, и если ты въ силахъ будешь выдержать это, я заслужу похвалу и ты тоже. Мы оба прослывимъ образцами чистоты и нравственности. Вспомни древнюю истину, Бельфоръ: кто станетъ ѣсть зеленый виноградъ, набьетъ оскомину, *qui comedit uvam aserbam obstupescunt dentes ejus*. Конецъ концовъ, хотя бы тебѣ пришлось скрежетать зубами, я запрещаю тебѣ предпринимать что бы то ни было противъ моего невиннаго Розоваго Бутончика. Въ послѣдніе десять лѣтъ это единственный цвѣтокъ свободно распустившійся въ моей окружности. Пусть же этотъ цвѣтокъ, рѣдкости ради, сохранится. Будь мудръ и благонравенъ хоть однажды въ жизни, Бельфоръ. У этой малютки все имущество состоитъ въ добродѣтели; не обирай же у нея единственнаго ея сокровища. Она безоружна, простодушна какъ въ первый день рожденія и тѣмъ болѣе имѣетъ права на пощаду, что уже носить въ сердцѣ честную любовь, которую я разгадалъ прежде ея самой..... Извольте скрыть дымы!.... Однажды я видѣлъ, какъ она нѣжнымъ взоромъ провожала молодого плотника, красиваго и здороваго молодца лѣтъ двадцати-двухъ, сына богатой вдовы, которая живетъ въ бѣломъ домѣ, милордъ, по

ту сторону улицы! Такъ сказалъ Розовый Бутюнчикъ. Когда мистръ Джонъ показывается на углу улицы и отвѣшиваетъ поклонъ, красавица отвѣчаетъ съ весьма пріятнымъ замѣшательствомъ; когда онъ смотритъ на нее, она потупляетъ взоръ; когда онъ удаляется, она слѣдитъ глазами, пока мистръ Джонъ еще разъ не сниметъ шляпы, а когда онъ совсѣмъ скроется вдаль, у Розоваго Бутюнчика вырывается глубокій вздохъ! Послѣ этого мнѣ нечуждо было одѣваться повѣрчивымъ любя: мнѣ все открыли; мнѣ ему Джонъ Бакстонъ; онъ столько же влюбленъ, сколько везовокъ; смущенное его признаніе выслушано какъ слѣдуетъ, и мы за счастье почли бы выйти замужъ за мистра Джона Бакстона; но, увы! почтенная родительница Джона, мистриссъ Бакстонъ, держитъ въ запасѣ про его женитьбу не меньше ста гинеи.... и хотя мистриссъ Бакстонъ не разъ говорила, что сынъ ея не найдетъ дѣвушки болѣе хорошею и дочери болѣе почтенныхъ родителей, однако жъ тѣмъ не менѣе вѣрно, что она не желаетъ этого брака. Если бы ты зналъ, какъ дѣвушка мила, когда говоритъ это! Это просто пѣніе птички, невинное простодушіе невідѣнія! Она вздыхаетъ, она улыбается мнѣ; она укрываетъ свою головку на моей груди; она столько же любопытна, сколько неопытна.... Ты разбойникъ, Бельфоръ! Я ужъ слышу, какъ ты кричишь: «Не можетъ быть!» Что жъ дѣлать, любезный другъ! Совестьность — несчастіе всѣмъ высоко-развитыхъ душъ; хочешь — вѣрь, не хочешь — не вѣрь, а я почелъ бы безчестьемъ, если бъ употребилъ во зло эту дѣтскую довѣрчивость. Говори, что хочешь, говори, сынъ мой; кричи о несправедливости, о нарушеніи нашихъ статутовъ.... я согласенъ съ тобой, но всё-таки Розовый Бутюнчикъ останется для меня неприкосновеннымъ.

Я не хуже тебя знаю, что мое старое сердце источено злымъ червемъ; интрига — моя жизнь; тщеславіе — моя преобладающая страсть; я искусилъ васъ всѣхъ на адскія изобрѣтенія; я довольно богатъ, чтобы не нуждаться въ храбрости, и въ то же время довольно отваженъ, чтобы не нуждаться въ богатствѣ; словомъ, я совершеннѣйшій повѣса, а между тѣмъ, чортъ меня возьми! если, при мысли о моей обожаемой, на^входятъ на меня иногда минуты, когда бы я отдалъ все на свѣтъ, и всѣхъ васъ на продажу за то, чтобы имѣть честное, любящее сердце Джона Бакстона, сердце, достойное невинной любви Розоваго Бутюнчика!

Повторяю тебѣ, не будь мясникомъ моего агненина; напротивъ, будь съ этою дѣвочкой скромнѣе и почтительнѣе. Мнѣ въ эту на-

пути совершенно необходимы нравственность, добропорядочное поведение и все признаки человека степеннаго. Это хитрость, которой я еще не употреблялъ, но для великихъ обстоятельствъ потребны и средства великія. Ты можешь себя представить, какъ теперь обо мнѣ сплетничаютъ въ замкѣ Гарло и иныхъ мѣстахъ. «Онъ скрывается, слѣдовательно замышляетъ новое злодѣйство! Онъ живетъ въ лачугѣ, обитаемой свѣженькою рожницей, слѣдовательно намѣревается обольстить простодушную дѣвочку!» Зато каковъ же будетъ сценическій эффектъ, когда Ловласъ по справкамъ окажется певнинымъ, когда старуха бабка и отецъ торжественно засвидѣтельствуютъ чистоту своей дочери и безкорыстіе моихъ благодѣяній, потому что, передъ отъѣздомъ.... Вотъ онъ гдѣ, эффектъ-то!... я хочу выдать эту дѣвочку замужъ за ея любезнаго, и выдать честнымъ образомъ, безъ всякаго ущерба то есть. У Джона Бакстона сто гинеи родоваго; я дамъ Розовому Бутончику также сто гинеи приданаго. Это будетъ родъ искупленія моихъ прошедшихъ и будущихъ грѣховъ: я даже надѣюсь приобрести этимъ нѣкоторое право на лишній грѣхъ. Такъ это дѣло конченное. Теперь слушай же объ осадѣ крѣпости. Ты откуда видѣлъ еще только самыя передовыя укрѣпленія.

Мой достойный лазутчикъ, — человекъ, который долженъ быть преданъ мнѣ, потому что я плачу ему дороже нежели весь онъ стоитъ, — творитъ чудеса въ этомъ домѣ: для него тамъ нѣтъ ничего закрытаго. Ты понимаешь, что я прилично снабдилъ его инструкціями. Я научилъ его, какъ слѣдуетъ все видѣть, ни на что не глядя; все слышать, ничего не слушая, и какъ наблюдать за дамою моей мечты. Последнее — штука очень простая: стоило только наблюдать такъ пристально, чтобы другіе совсѣмъ перестали заботиться о наблюденіи. Мой молодецъ съ полу-слова понимаетъ. Онъ достоинъ своего назначенія. Онъ началъ съ того что объявилъ мистръ Джемзу Гарло, будто миссъ Кларисса покушалась подкупить его для своихъ вдовъ.... его, такого вѣрнаго слугу!... для того чтобы онъ тайно передавалъ ей письма къ миссъ Гоу. За это открытіе мой проныра удостоился великихъ похвалъ отъ всего семейства и даже великолѣпнаго подарка: мистръ Джемзъ пожаловалъ ему цѣлый шиллингъ! Всемъ слугамъ наказано было удвоить бдительность, и тѣмъ строже надзоръ; тѣмъ менѣе Кларисса думаетъ довѣряться всему окружающему ее холоцству, а мнѣ того только и нужно, потому что я не желаю, чтобы ея дѣятельная переписка съ миссъ Гоу прекра-

тилась хоть на одинъ день. Понимаешь ли ты мою радость, Бельфоръ? Понимаешь ли ты, что мое мщеніе уже начинается? И дяди, и братъ, и сестра ласкають моего лазутчика; черезъ него я бомбардирую всѣ ихъ тайны, и онъ же служить мнѣ проводникомъ, посредствомъ которой я привожу въ движеніе всѣ эти куклы, какъ мнѣ вздумается. Я уже успѣлъ больше чѣмъ ты можешь вообразить: я даже могу, когда мнѣ угодно, видѣть самое гордую миссъ Клариссу, не смотря на строгій присмотръ,—или тогда, когда она идетъ въ свой птичникъ черезъ дровяной дворъ, гдѣ въ условленномъ мѣстѣ кладетъ свои письма къ пріятельницамъ, или въ небольшомъ фруктовомъ саду, въ который ни откуда нѣтъ оконъ и куда никто взъ людей не смѣетъ заглянуть съ тѣхъ-поръ какъ какому-то молодцу вздумалось тамъ повѣситься. Я запасся двумя ключами отъ этого удивительнаго мѣстечка, — одинъ для меня, другой для моего друга Лемана. Какая удивительная шельма этотъ Юсефъ Леманъ! Вообрази! онъ меня, меня самого хотѣлъ увѣрить, что помогаетъ мнѣ единственно изъ преданности своимъ господамъ, изъ убѣжденія, что моя женитьба на миссъ Клариссѣ принесетъ честь семейству Гарло! Онъ до такой степени мошенникъ, что даже передъ сообщниками старается казаться честнымъ.

Такъ ты видишь, судьба predetermined; я увѣренъ, что найдю вознагражденіе за всѣ мои труды. Добываютъ же огня изъ камня! Миссъ Кларисса, жемчужина Англии, будетъ моею; я накажу ея родевку, а тамъ, что будетъ, то будетъ!... хотя бы мнѣ пришлось провести остатокъ дней въ изгнаніи: я не избѣгаю пути, ведущаго къ опасностямъ. Вѣрно по крайней-мѣрѣ то, что я ничего не предоставляю случаю: расчетъ даже на необыкновенное искусство случая, когда хочешь покорить такую гордую добродѣтель, былъ бы расчетъ плохой. Я напередъ знаю все, что намѣренъ дѣлать и что долженъ говорить. Она приходитъ; я бросаюсь къ ея ногамъ, но такъ почтительно, съ такимъ волненіемъ.... Меня самого пугаетъ передъ нею моя дерзость, и стою безмолвный, неподвижный и пожираю ее глазами; едва-едва осмѣливаюсь дрожащими губами прикоснуться къ ея прекраснымъ ручкамъ; мои вздохи такъ же нѣжны и такъ же скромны, какъ вздохи Розоваго Бутоптчика!... Я подсмотрѣлъ, какъ невинность вздыхаетъ. Нѣтъ, я ничего не жду отъ случая, я не хочу пользоваться ни какими выгодами мѣста, удивленія, изумленія или страху. Я напередъ рѣшилъ, что буду почтителемъ какъ червь, ползающій передъ звѣздой. Я позволю себѣ развѣ только

робкую жалобу, во ни угрозы ни даже надежды не обнаружу. Прежде всего нужно приобрести довѣріе, совершенное довѣріе.

Миссъ Кларисса къ миссъ Гву.

Суббота, вечеронъ, 18 марта.

Мнѣ казалась, я умру отъ ужасу; я до-сихъ-поръ еще трещещу. Я была на дровяномъ дворѣ, моя Ненси, въ надеждѣ найти письмо отъ тебя; и возвращалася, какъ вдругъ вижу, изъ-за по-лѣнницы выходитъ человекъ закутанный въ большой плащъ.... и кто же это? Ловлазъ! Я хотѣла кричать, не стало голоса, и я въ смятеніи приеловилась къ столбу, подъ навѣсомъ. Что дѣлать? что будетъ со мной? Тогда я вспомнила всѣ дерзости, какія мнѣ рассказывали объ этомъ человекѣ, и въ те же время боялась, что его увидить, и тогда я провала! Наконецъ негодование взяло верхъ; я приказала ему тотчасъ же удалиться и сама хотѣла бѣжать, но онъ упалъ на колѣни и сложилъ руки!... Онъ просилъ, умолялъ выслушать; говорилъ, что если и заслушалъ мой гнѣвъ, такъ къ этому принудили его единственно обиды, понесенныя отъ моихъ родныхъ. Впрочемъ, онъ очень хорошо знаетъ, что недостойнъ меня, но не какому праву ему противопоставляютъ пресрѣпанго Сомза? Онъ пришелъ безъ всякой цѣли и безъ всякой надежды, только длятого чтобы умолить меня всеми силами воспротивиться искательству Сомза и сказать мнѣ, что я пропала, если покажу хоть немножко поменьше негодованія и отвращенія. Впрочемъ, моя добрая слава дорога ему точно такъ же какъ и мнѣ самой. Онъ готовъ дать мнѣ всякое ручательство, какого я пожелаю; напримѣръ, онъ почитетъ себя счастливѣйшимъ изъ людей, если я соглашусь принять письмо отъ его тети Дорренъ.

«Извините, прибавилъ онъ, если я принимаю слишкомъ много участія въ вашихъ дѣлѣ; но я лучше васъ, миссъ Кларисса, знаю настроенія вашего брата, ревность и ненависть вашей сестры, жестокой деспотизмъ отца, упрямство дядей и ничтожность вліянія матери на всѣ эти умы, не хотящіе понять ея.»

Въ то же время онъ негодовалъ на насилія, которымъ я подвергаюсь; пересказывалъ ужасныя рѣчи моего брата и сестры; наконецъ, онъ пришелъ высказать мнѣ, почему полюбилъ меня.... потому что онъ, даже среди разгульной жизни, всегда любилъ добродѣтель, но только я одна заставила его понять возможность

«брака.» Такъ онъ говорилъ, милая Ненси, и хотя отъ его рѣчей сердце мое не трепетало такъ живо, какъ ты полагаешь, однакожъ я должна признаться, что нашла въ этомъ молодомъ чело­вѣкѣ чистосердечіе, которое тронуло меня. Ты знаешь, намъ всегда говорили, что сердце у него лучше головы. Почему же и нѣтъ? Благородная кровь не измѣняетъ своему происхожденію. Все его семейство ведетъ себя безъукоризненно, о теткахъ его говорить не вначе какъ съ восторгомъ. Но я боюсь, чтобы мои сужденія опять не встревожили тебя за мое сердце и чтобы ты справедливость, которую я отдаю Ловласу, не приняла за рас­положеніе.

Онъ снова сталъ просить, чтобы я приняла дружбу его тетки Лоренсъ. Она ждетъ только позволенія написать ко мнѣ и жа­детъ знать, будутъ ли мнѣ пріятны ея письма. При этомъ Ло­власъ съ удивительнымъ тактомъ замѣтилъ, что знатные иногда нѣсколько до излишества заботятся о формахъ и приличіи, точно также какъ строгая добродѣтель. Это оттого, прибавилъ онъ, что добродѣтель и знатность — одного происхожденія. Я от­вѣчала, что во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ почла бы за большую честь пользоваться дружбой и покровительствомъ леди Лоренсъ, не потому чтобы меня привлекали знатность и титулъ этой благородной дамы, но потому что мнѣ извѣстна ея слава достойной женщины. Въ то же время я замѣтила Ловласу, что если бы мои родные, безъ позволенія которыхъ [я никогда не выйду замужъ, приняли его предложеніе, то тѣ самыя причины, которыя привлекаютъ меня къ его теткамъ, можетъ-быть послу­жили бы прешествіями ихъ племяннику. Однимъ словомъ, я рѣши­тельно объявила ему, что пора прекратить переписку, въ кото­рую онъ вовлекъ меня угрозами моихъ роднымъ и которой я не намѣрена болѣе продолжать.

Смеркалось уже, однакожъ я могла видѣть искреннюю горестъ Ловласа. «Сохрани Богъ, сказалъ онъ, чтобы я помыслилъ выну­дять что-нибудь у страха, или стѣснять свободу! миссъ Кларне­сы!» Но можно ли спокойно снести столько жестокихъ оскорбленій? Предложеніе дружбы его тетки развѣ можетъ повредить мнѣ? Избавившись отъ Сомза, я развѣ не останусь вольною рас­полагать моею рукой? «Прежде всего, вскричалъ онъ съ запаль­чивостью: я не хочу, чтобъ мистръ Джемсъ Гарло и Сомзъ восторжествовали надъ вами посредствомъ насилія.» Послѣ этого я, въ испугъ, хотѣла уйти и изъяснить свое неудовольствіе на та­кое заносчивое вмѣшательство въ наши семейныя дѣла, но онъ

вторично ухватъ къ своимъ ногамъ и вскричалъ: «Ради Бога, не уходите отъ меня такимъ образомъ, не оставляйте меня въ отчаяніи.... хотя я и не отрѣкаюсь отъ моихъ словъ.... напротивъ, я еще разъ клянусь, что не уступаю вашему брату, не уступаю васъ никому на свѣтѣ! Если меня доведутъ до крайности, я способенъ на все!»

Прошу послѣ этого усмирить такое нетерпѣливое созданіе и отказать ему во всемъ! Онъ и до-сихъ-поръ еще стоялъ бы передо мной на козляхъ, если бы я не согласилась принимать отъ него писемъ. Чтò касается до покровительства его родныхъ, которое онъ мнѣ предлагаетъ, я сказала, что лучше соглашусь уступить брату имѣніе, которое мнѣ оставилъ дѣдушка. «И прекрасно! вскричалъ онъ, схвативъ меня за руку и съ жаромъ цѣлуя ее: откажитесь отъ вашего имѣнія, милая Кларицца, и будьте моею!» Неправда ли, милая Анна, что это мысль великодушная? Но мужчины.... можно ли довѣрять даже тѣмъ крикамъ ихъ, которые, по-видимому, вырываются прямо изъ сердца?... Между-тѣмъ совсѣмъ стемнѣло; страхъ мой воротился и я стала обдумывать, какъ бы заставить Ловласа уйти, но онъ самъ удался такъ же скромно какъ пришелъ, такъ, что я осталась совершенно довольна его поведеніемъ.

Понедѣльникъ, 20 марта.

Я получила твое вчерашнее письмо, милая Анна. Позволь замѣтить, ты меня смущаешь, когда требуешь, чтобы я объяснила тебѣ больше нежели сама я понимаю и могу сказать. Чтò я въ-самомъ-дѣлѣ думаю о добрыхъ и дурныхъ качествахъ Ловласа? Мнѣ кажется, ты поступаешь со мною не великодушно, когда принуждаешь объяснять малѣйшіе знаки уваженія къ человѣку, къ которому я желаю быть только справедливою, ни какъ не больше. Между-тѣмъ ты требуешь, ты повторяешь свои догадки и даже не хочешь принимать въ соображеніе печальныхъ обстоятельствъ, въ которыя я оставлена; ты не хочешь понять, что если бы, вмѣсто Сомза, мнѣ предложилъ честнаго, здравомыслящаго и порядочнаго человѣка, хотя бы безъ всякихъ особенныхъ отличій, но только не низкаго душой и не глупаго, то о Ловласѣ у меня вникогда бы и рѣчи не было. Его характеръ пугаетъ меня. Но, увы! въ положеніи, въ которомъ я нахожусь,—подвергнутая несправедливостямъ и насиліямъ, — я признаюсь, мнѣ невозможно быть совершенно слѣвною къ тому, чтò въ этомъ страшномъ человѣкѣ есть хорошаго. Когда его звели въ нашу

домъ, я слышала множество похвалъ ему: говорили, что онъ не любитъ ни картъ, ни охоты, ни вѣда; что онъ великодушнѣе, что онъ съ уваженіемъ говоритъ о вещахъ священныѣхъ. Ты сама знаешь, что онъ въ обществѣ человѣкъ очень пріятный. Что касается до скромности, я должна признаться, онъ былъ со мною всегда очень скромнѣе; происхожденія же онъ, конечно, столько почтеннаго и знатнаго, сколько лишь возможно желать. Ты помнишь, что мы обѣ согласились съ нимъ, когда онъ однажды сказалъ: «У людей знатныхъ честь — природная принадлежность — и всегда приходится впору, какъ хорошая перчатка, между тѣмъ какъ вчерашніе выскочки, выросшіе подобно грибамъ, становятся запосычивыми единственно оттого, что ихъ ослѣпляет собственное неожиданное величіе.» Ты помнишь, какъ хорошъ онъ былъ, когда говорилъ это? Онъ, несомнѣнно, знаетъ, какъ дворянинъ обязанъ поддерживать свое имя. Прибавь къ этому его богатство, настоящее и будущее. Партія самая отличная для любой невѣсты. Что же касается до счастья будущей жены Ловласа, партизаны мистра Сомза кричатъ, что оно невозможно! Но отчего же? Оттого что у Ловласа деспотическій характеръ! Но развѣ есть непреклонная воля, которая можетъ устоять противъ ласки женщины? Нужно только нравиться мужу — и будешь счастлива. Будешь нравиться, будешь любима и воли суровой не встрѣтишь; слѣдовательно, повиноваться будетъ легко. Нравиться и повиноваться мужу — вотъ мои правила, мой законъ. И гдѣ же найдется мужъ столько слѣпой, чтобы не признать преданности жены, которая умѣетъ нравиться? Говорятъ, Ловласъ человѣкъ храбрый, а храбрость развѣ совмѣстна съ вѣдостью? Развѣ онъ можетъ не признавать должнымъ беречь и уважать женщину, которая носитъ его имя? Оттого-то всѣ женщины любятъ въ мужчинахъ храбрость, неразлучную съ великодушіемъ и справедливостію. Но положимъ даже, что у Ловласа нѣтъ такого благородства, можетъ ли онъ сдѣлать меня несчастнѣе, можетъ ли онъ сдѣлать мое положеніе болѣе несноснымъ чѣмъ оно теперь? Обратитъ ли онъ мою комнату въ темницу? Лишить ли онъ меня утѣшительной дружбы? Будутъ ли въ моемъ домѣ обращаться со мною какъ съ преступницей или помѣшанной? Сдѣлаетъ ли онъ изъ моей горничной державу и жестокою ласку? Нѣтъ, это невозможно!... Ахъ, Анна, ты жестока! Зачѣмъ ты подвергаешь меня такимъ искушеніямъ?

Наконецъ, сказать ли тебѣ, другъ мой? при видѣ этого повѣ-
 ства мнѣ приходила иногда самолюбивая мысль, что я могу не-

править его. Что, если бы я одержала такую побѣду? Это была бы прекрасная побѣда. Чѣмъ болѣе въ немъ находилъ преступнаго, тѣмъ пламеннѣй мнѣ хотѣлось спасти его.... Боже мой! сколько несчастій можно бы предупредить, поставивъ эту бурливую душу на хорошую дорогу!

На моей сторонѣ было еще счастье этого благороднаго семейства, которое отдавало въ мои руки всю свою будущность, и наконецъ сто тысячъ причинъ, которыя женщина можетъ найти въ своей преданности, причинъ столько могущественныхъ, что все мое хладнокровіе не помѣшало мнѣ почувствовать жестокую боль въ сердцѣ, когда я поняла, что все это несбыточная мечта, что этотъ несчастный несправимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ я могла хоть одну минуту думать объ этомъ бракѣ при такихъ препятствіяхъ!... при рѣшительномъ сопротивленіи моихъ родныхъ; при ихъ ненависти, поддерживаемой кознями моего брата; при войнѣ моей со всѣми родными; при взаимной ненависти Ловласа ко всѣмъ окружающимъ меня и, наконецъ, при его нравственности, до такой степени сомнительной, что благовоспитанной дѣвушкѣ и подумать стыдно о союзѣ съ нимъ! И сверхъ-того онъ совершенно подчиненъ своимъ страстямъ, не способенъ ни къ какой покорности, ни къ какому порядку; раздражителевъ до крайности и притомъ такъ хитеръ! Съ такимъ мужемъ, конечно, еще можно бы отважить свое земное счастье.... что мнѣ до него! Но можно ли лишиться надеждъ христіянки на будущую жизнь. Я теперь и сама не понимаю, какъ могла быть столько тщеславною, вообразить, что съумѣю укротить строптиваго гордеца, который впочему и никому не покоряется! Нужно предвидѣть также, что могутъ родиться и дѣти. Не придется ли матери трепетать ужасныхъ правдъ, которымъ дѣти могутъ научиться отъ такого отца? и не преступна ли будетъ она, подвергнувъ ихъ такому испытанію? Нѣтъ, нѣтъ! чѣмъ болѣе думаю, тѣмъ болѣе вижу, что это невозможно. Дай Богъ, чтобы я не запуталась въ любовь ялп, если хочешь, въ сѣти этого человѣка. Правду тебѣ сказать, у меня къ нему есть невольная, какъ будто инстинктивная недовѣрчивость. Мнѣ въ особенности не нравится, что онъ открыто признается въ своихъ грѣхахъ и порокахъ, и почти гордится ими. Его умъ, такъ часто казавшійся намъ наивнымъ и быстрымъ, способенъ на самыя опасныя хитрости. Таковымъ онъ показался и тебѣ, — сегодня простодушнымъ какъ дитя, на другой день исполненнымъ таинственности и мраку. Онъ никогда

двухъ часовъ сряду не бываетъ одиниъ и тѣмъ же человѣкомъ; такъ быстро онъ переходитъ отъ похвалы къ насмѣлкѣ, отъ веселости къ печали. Чаше всего приходится заключать, что у этого вѣтреника вѣтъ сердца. Заблужденія головы можно простить, но пороки сердца.... горе несчастной, которая не шута можетъ помышлять о человѣкѣ, у котораго дурное сердце! Однакожь, мнѣ кажется, милая Анна, ты все-еще спрашиваешь, отчего я такъ много занимаюсь этимъ человѣкомъ. Оттого, — я признаюсь тебѣ не краснѣя, — оттого что, какъ ни строго наблюдаю за своимъ сердцемъ, я чувствую къ нему гораздо больше склонности чѣмъ заслуживаетъ его характеръ. Онъ былъ поводомъ ко всѣмъ преслѣдованіямъ, которымъ я подверглась, а между тѣмъ самъ со мною обращается такъ почтительно, такъ покорно, что я именно черезъ эти преслѣдованія, кажется, чувствую къ нему то, что ты называешь «условнымъ расположеніемъ». Что же до любви, то ужъ ты сама скажи мнѣ, любовь ли это. Если ты назовешь это любовью, я возражу, что всегда предполагала въ любви гораздо болѣе очарованія, увлеченія и преданности.

Теперь я кончу, какъ начала: ты, обыкновенно столько нѣжный и осторожный другъ, ты жестоко поступила со мной, когда такъ рѣшительно предложила щекотливый вопросъ, на который мнѣ еще труднѣе было бы отвѣчать въ короткой дружеской бесѣдѣ глазъ на глазъ, гдѣ ты такъ свободно разливаешь прелесть своего тонкаго ума и добраго сердца. Подумай, милая Анна, ты до того простерла свое инквизиторство, что захотѣла знать, что я думаю о влияніи, какое могутъ имѣть на женское сердце молодость и красота мужчины! Хорошо же, я и на этотъ вопросъ отвѣчу совершенно откровенно. Красота, конечно, довольно краснорѣчивая рекомендація. Съ перваго взгляду можно почувствовать не только расположеніе, но даже уваженіе къ человѣку выгодной наружности, и когда, по счастью, это первое движеніе не обманетъ насъ, когда мы найдемъ, что оно было основательно, то уже невольно бываемъ признательны тому, кто доказалъ намъ собою вѣрность нашего взгляду. Однако жъ красота, о которой я говорю, не имѣетъ ничего общаго съ пошлою красотой тѣхъ, которые обыкновенно слывутъ въ свѣтѣ красавцами или красавицами: та красота не стоитъ разбору; женщинамъ она придаетъ несносное тщеславіе, а мужчинамъ дѣлаетъ смѣшными. Та красота взмѣнчива, мимолетна какъ свѣтъ одного дня. Самая ничтожная мелочь помрачаетъ ее; одна порция-

на разстроиваетъ, одинъ сѣдой волосъ приводитъ ее въ отчаяніе; наступить старость, и на бывшую красоту смотрѣть неприятно. Нѣтъ! красота, о которой я говорю, независима отъ такихъ бездѣлицъ: она происходитъ отъ души, отъ ума, отъ сердца; она—слава старика и аттестатъ молодаго человѣка. Вотъ красота, о которой мечтаетъ всякая порядочная женщина. Суди же сама, подходитъ ли Ловласъ къ этому идеалу. Но оставимъ это, милая Анна; мнѣ и то уже кажется, что кто-то изъ насъ зашелъ слишкомъ далеко.

Вторникъ, 21 марта.

Говорить ли тебѣ о новыхъ нападеніяхъ, которыми я опять подверглась? Дядя и отецъ, на дняхъ, подсылали ко мнѣ добрую мистриссъ Нортонъ, чтобы она по мѣрѣ своего умѣнья расписала мнѣ удивительныя выгоды союза съ мистромъ Сомзомъ. Добрая мистриссъ Нортонъ! Она употребила все свое усердіе, всѣ свои ласки; она говорила отъ имени матери моей, и, видя, что я упорствую, не рѣшалась уйти. «Что они скажутъ? вскричала она: что они скажутъ?» И она трепетала при одной мысли о передачѣ моего отиѣту.

Сегодня утромъ я получила письмо отъ матери. Форма строгая, но содержаніе въ сущности совершенно материнское. Она извѣщаетъ меня, что отецъ дозволилъ только эту послѣднюю попытку, и затѣмъ мнѣ уже не остается ни какой надежды. И въ то же время.... бѣдная матушка! какъ она должна страдать!... она говоритъ мнѣ о приготовленіяхъ къ свадьбѣ. Мистръ Сомзъ уже запасся грузомъ нарядовъ для невесты, купилъ кружевъ и матерій,—самыхъ дорогихъ матерій; мой женихъ самъ взялся заказать новую оправу для брильянтовъ, которые оставила мнѣ бабушка, и сверхъ-того я получу деньгами, сколько мнѣ нужно для прихотей! Мало этого, матушка говоритъ, что свадьбѣ быть черезъ двѣ недѣли. Появленіе Ловласа въ церкви взволновало весь домъ. Письмо оканчивается самыми живыми пѣжностями, но во всякомъ случаѣ я должна сдѣлаться женою Сомза. О! какъ охотно я согласилась бы на этотъ бракъ, чтобы одну минуту поцѣловать руки матери,—если бы была увѣрена, что умру на дорогѣ къ алтарю!

Вторникъ, вечеръ.

Я получила письмо отъ отца. «Строптивая недостойная дочь, приготовься повиноваться, вѣнчать онъ. Тебѣ извѣстно наше об-

«твое желаніе. Твое бракосочетаніе совершится въ домашней церкви твоего дяди. Будь готова. Понимай, что я ничего больше не хочу слышать, ни просьбу, ни жалобу, ни слезъ. Мы только женѣ Сомза можемъ простить твою непокорность....» Изъ состраданія, прочитай сама это письмо; я не могу переписать: это мой смертный приговоръ. Между тѣмъ, знаешь ли, кто сейчасъ прѣхалъ и громко просить позволенія засвидѣтельствовать свое почтеніе мнѣ Клариссѣ? Кто жъ иной кромѣ моего принца Милонзора, который всюду хвалится, что усмирилъ и покорилъ дѣвочку! Бетти Барнзъ говоритъ, что мой побѣдитель уже рассказываетъ какъ весело ему будетъ смотрѣть, какими средствами я буду стараться заставить его позабыть мои несправедливости и жестокости къ нему. Я отвѣчала достойной посланницѣ, что если мистръ Сомзъ такъ дорожитъ случаемъ изъяснить мнѣ свое почтеніе, то пусть его лучше напередъ возвратитъ мнѣ вѣжливость моихъ родителей: тогда я приму его. Бетти видимо смутилась и со страхомъ пошла пересказывать мой отвѣтъ. Представь себѣ неожиданный громъ! Они всѣ сидѣли у отца въ кабинетѣ. Какая поднялась тревога, если бъ ты слышала.... шумъ на весь домъ! «Вышвырнуть ее за дверь! кричалъ отецъ: пусть она отправится къ своему Ловласу!» Бѣдная мать хотѣла оказать нѣсколько робкихъ словъ въ мою защиту, но отецъ такъ закричалъ, что отбилъ охоту. Потомъ онъ хотѣлъ пойти ко мнѣ, но Сомзъ удержалъ.... Далъ бы Богъ, чтобъ онъ пришелъ? далъ бы Богъ, чтобъ онъ убилъ меня на мѣстѣ! Только одна мысль могла бы омрачить мою смерть.... мысль о горѣ и угрызеньяхъ совѣсти моего отца.

Въ настоящую минуту я уже не вольный человекъ: я выдана головой брату и сестрѣ; я совершенно принадлежу имъ; отецъ далъ имъ полную власть надо мной, до-тѣхъ-поръ пока я не назовусь мистриссъ Сомзъ.... Кто-то идетъ!... Страшно! Это моя сестра....

Ее послали какъ фурію, которой я отнынѣ предана. Я не могу, не умѣю передать сцены, въ которой сейчасъ сыграла мою роль; не могу пересказать жестокостей и грубостей, которые видѣла за мое расположеніе къ мистру Ловласу, за способъ ежедневнаго употребленія времени, зато что не желаю принять посѣщеніе мистръ Сомза, я за прочее. Я отвѣчала какъ могла: напримеръ, что она можетъ сама взять себѣ мистръ Сомза, если находитъ, что онъ такъ хорошъ. Насчетъ Ловласа, я, съ опасностью быть побитой миссъ Арабеллой, отвѣчала, что она не всегда на-

слова его столько достойны презрѣнія и зло не я впрочемъ ей; ей не удалось выйти замужъ за него. Миссъ Арабелла задыхалась; однажды она даже занесла руку, однако удержалась. «Полно! пошли мнѣ терпѣнія!» вскричала она. — «Нашизна, сестрица, если я оскорбила васъ,» сказала я. Но моя сестрица еще хуже расходилась. Она объявила, что пришла отъ моего дѣда родного, что ей известно мое искусство ставить и уничтожать препятствія, но что она на этотъ разъ и сама съумѣетъ распорядиться. Между прочимъ она снова попрекнула меня предвѣщеніемъ, которое всегда оказывалъ мнѣ «старый дѣдъ», и шипѣнїемъ, которое онъ мнѣ оставилъ. Я отвѣчала, что братъ всегда будетъ богаче меня, а ей, моей сестрицѣ, достанется мнѣніе отца, стало-быть, зависть тутъ вовсе неумѣстна. Тутъ она стала укорять меня въ тщеславіи, въ томъ что я бросаю мои деньги разной сволочи, единственно для того чтобы по воскресеньямъ, при выходѣ изъ церкви, нищїе окружали меня и прославляли бы мою благотворительность. «Бѣдная Арабелла!» отвѣчала я на это съ такимъ презрѣнїемъ, что она вышла изъ себя и опять занесла руку, но опять удержалась. «Полно, сказала она, пора кончить. Мы такъ долго разсуждаемъ, что могутъ подумать, я принесу добрую вѣсть отъ миссъ Клариссы. Притомъ, пора обѣдать.»

У меня невольно навернулись слезы. «Гдѣ то время, подумала я, когда Кларисса сидѣла за столомъ между родными, которыхъ такъ любила!» Арабелла злобно усмѣхнулась. Не знаю, угадала ли она мою мысль. Едва ли. Ея сердце нечувствительно къ такимъ мелочамъ. Ее, вѣроятно, только обрадовали мои слезы.

— Въ послѣдній разъ спрашиваю васъ, миссъ, сказала она, что прикажете отвѣчать?

— Скажите, что я готова повиноваться моимъ родителямъ во всемъ, кромѣ брака съ мистръ Сомзомъ.

— Но не-крайней-мѣрѣ вамъ угодно принять посѣщеніе мистръ Сомза и обѣдять съ нимъ какъ съ другомъ вашего отца?

— Нѣтъ, я вовсе не намѣрена встрѣчаться съ мистръ Сомзомъ. Я не хочу подавать мистръ Ловлау новыхъ поводовъ къ придиранью.

— Мистръ Ловлау! вскричала она: какия же у васъ обязательства къ мистръ Ловлау? По какому праву онъ запрещаетъ вамъ даже видѣться съ друзьями нашего дому?

— Вы можете прибавить, продолжала я, не обращая вниманія на вопросъ: вы можете прибавить, что, если меня избавить отъ мистръ Сомза, я законнымъ порядкомъ уступаю доставшееся

миѣ отъ дѣда илѣнне отцу, или брату, или кому угодно. Мало этого, я обещаю отпавиться съ мистромъ Джемсомъ въ Шотландію и служить ему хозяйкой, ключницей, лишь бы онъ обязался обращаться со мной столько же снисходительно, сколько обращается съ наемною служанкой; или, если угодно, я поѣду къ моему кузену Мордену, въ Италію.

— Не угодно ли вамъ лучше дать миѣ ваше предложеніе письменно? сказала она.

Видѣто отвѣту, я сѣла и написала мои просьбы и предложенія. Покуда я писала это полное отреченіе отъ свободы и состоянія... повѣришь ли?... моя сестра сдѣла за клавишникомъ, небрежно играла и напѣвала какую-то арію.

— Какая вы мастерица писать, моя милая! сказала она, когда я кончила: какъ ловко вы владѣете перомъ. Тотчасъ видно, что привычны.

— Прошу васъ, Белла, прочитайте мое письмо, и если оно покажется вамъ приличнымъ, помогите миѣ; сдѣлайте, чтобы мои предложенія были приняты, и я буду любить васъ, какъ никогда еще не бывала любима сестра.

Я говорила это, сложивъ руки и со слезами на глазахъ. Арабелла принужденно захохотала.

— Что вы, миссъ Кларисса! вскричала она: вы, кажется, не въ шутку приняли мое выраженіе «милая»? Вы хотите, чтобы я снесла отцу эти странныя предложенія и полагаете, что этимъ избавитесь отъ мистръ Сомза? Однако жъ, чтобы доказать вамъ мое доброе желаніе, я, пожалуй, снесу ваше забавное письмо, прибавила она и ушла, отнявъ у меня послѣднюю надежду.

Вторникъ, ночь.

Еще разъ ожиданіе обмануло меня. Я полагала, что мое предложеніе очень удобно принять, но совѣщаніе моихъ родныхъ очень долго продолжалось. Все сѣхались. Я прислушивалась къ малѣйшему шороху; слышала стукъ каретъ, — какъ пріѣхалъ дядя Гарло и дядя Антони; слышала ихъ шаги по корридорю. Мое воображеніе было такъ возбуждено, что миѣ казалось, я вижу каждую сцену этой семейной драмы. Я видѣла засѣданіе моихъ судей. Я видѣла, какъ братъ спрашиваетъ у Арабеллы, какой она дала отвѣтъ, и какъ она читаетъ мое письмо. Судьи мои задумываются, но братъ кричитъ, что честь не позволяетъ ему согласиться на такое предложеніе; что если я не выйду за Сомза, онъ, Джемсъ, сейчасъ же уѣдетъ въ Шотландію и никогда большѣ

но не хочет видѣть своихъ родныхъ. Его успокоиваютъ, упрямиваютъ, отецъ приказываетъ ему замолчать.... Мое предложеніе обсуживаютъ.... О, счастье! оно принято. Совѣщаніе продолжается. Чтобы вознаградить Сонза, ему предлагаютъ руку Арабеллы, съ обѣщаніемъ, что она получитъ мое имѣніе, если умру въ дѣвухахъ, или что она получитъ его тотчасъ же, если я своимъ поведеніемъ заслужу лишенія наслѣдства. Дѣло кончено; умы успокоиваются; тотчасъ меня призовутъ выслушать рѣшеніе судей. Я вижу, слышу ихъ. Какъ суровы ихъ взгляды! какъ жестки ихъ слова!... Видишь ли, понимаешь ли, милая Анна, какую тревогу я перенесла въ этотъ часъ? Мнѣ казалось, что я слышу всѣ рѣчи, вижу всѣ движенія, между-тѣмъ какъ я здѣсь отираю мои слезы. Я уже стала оправлять себѣ лицо, старалась принять веселое выраженіе. Я, точно бѣдная птичка въ клеткѣ, искала, гдѣ бы мнѣ разбить мою темницу.

Въ десять часовъ пришла Арабелла. Она торжествовала; она каждымъ жестомъ старалась упизнить, оскорбить меня. «Нужно покориться, миссъ Кларисса, сказала она: отецъ не намѣренъ договариваться съ вами; онъ требуетъ безусловнаго повиновенія.» Я стояла оглушенная, нѣмая, съ померкшимъ взоромъ. Она продолжала: «Вы находите страннымъ, миссъ, что вамъ не позволяютъ бѣжать къ вашему Ловласу? Неужели вы думали, что я, въ угожденія вамъ, пойду лгать своимъ родителямъ?»

— Я думала, Белла, что у меня еще есть сестра и братъ. Я ошиблась, такъ и полно объ этомъ.

— А почему же, возражала она, плачевно поддѣлывалась подъ мой голосъ: почему же не прибавить: я думала, что у меня еще есть отецъ, мать, двое дядей и тетка? Тогда, по-крайней-мѣрѣ, вы высказали бы всю вашу мысль, миссъ Кларисса, — особенно, если бы прибавили, что предпочитаете негодяя Ловласа всѣмъ вашимъ роднымъ виѣстѣ.... Чтѣ вы взволнили такъ плачевно склонять голову? закричала она строго, видя, что я не отвѣчаю: мнѣ это не нравится. Слышите, миссъ?...

Но къ чему пересказывать всѣ грубости. Она хотѣла заставить меня признаться, что Ловласъ негодяй; хотѣла держать со мною закладъ, что я должна буду покориться; хотѣла вести меня къ матери. При этомъ виенц у меня снова полились слезы. Арабелла схватила меня за руку и дерзко, насмѣшливо стала утирать мнѣ лицо.

— Пойдемте, упрямая миссъ плакса! сказала она: пойдемте.

Теперь не время плакать. Ступайте лучше, упадите къ ногамъ матери и откажитесь отъ вашей непослушательной склонности.

— Да, да! возразила я, потерявъ терпѣніе: я упаду къ ногамъ отца и матери, чтобы отъ нихъ выслушать мой приговоръ и избавиться отъ вашихъ дерзостей. Я не намѣрена спосить обиды отъ васъ: вы мнѣ не больше какъ сестра, и брату моему я не служанка. Я уже довольно страдала и не хочу долѣе быть посылъщикомъ вашихъ лакеевъ. Я понимаю теперь, чего вамъ хочется: вамъ хочется всѣми этими оскорбленіями довести меня до какого-нибудь безразсуднаго поступка, но я знаю, я разгадала васъ. Вы лжете и отцу и мнѣ; вы очень хорошо знаете, что имя наше не будетъ обезчещено, — по крайней мѣрѣ безчестье прійдетъ не отъ меня, миссъ Белла! Что касается до человѣка, котораго вы хотите заставить меня назвать негодяемъ, этотъ человѣкъ лучше васъ, и не я виновата, что вы не вышли замужъ за него.

Ахъ, милая Анна, если бы ты видѣла лицо Арабеллы въ эту минуту! Къ счастью, Бетти пришла сказать, что батюшка и матушка зовутъ миссъ Гарло внизъ. Оставшись одна, я почувствовала, что слабое мужество мое уже истощилось. У меня уже не стѣно силъ пойти упасть къ ногамъ родителей. Я осталась въ одиоцеишнѣ отъ горя и страданія.

Среда, утро.

Все новые приступы, новыя насилія. Тетушка Гервей съ Арабеллой пришла въ мою комнату и тоже повторила мнѣ чудесные доводы, какими меня каждую минуту убѣждаютъ въ пользу этого несправедливаго брака. Я устояла и передъ тѣткой, хотя это было гораздо труднѣе чѣмъ передъ грубостями сестры, потому что добрая тетушка умолила очень трогательно. Она чуть не упала къ ногамъ матери, прося, не выйти замужъ за Сомза, а только безъ мѣшвы выслушать его предложеніе. Я отвѣчала почтительно и со слезами, но рѣшительно, что не могу.

«Полноте, тетушка; охота вамъ слушать такія глупости!» сказала вдругъ Арабелла съ досадою, и въ то же время съ насмѣшливостью стала раскладывать передо мною свадебные наряды, заговорила о брилліантахъ, о подаркахъ отъ Сомза, объ алтомъ бархатномъ платьѣ, которое такъ хорошо будетъ идти къ моему «удивительно свѣжему цвѣту кожи», о черномъ бархатномъ платьѣ, которое съ моими «чудесными глазами произведетъ эффектъ ипрѣльскаго солнца посреди зимнихъ тучъ». Она насмѣхалась,

я вздыхала. «Полноте, миссъ Гарло; какъ вамъ не стыдно! сказала наконецъ тетюшка, перебивая ее. «Мнѣ очень жаль, Белла, что мистръ Ловласъ отъ вашихъ чудесныхъ глазъ, такъ скоро удался, сказала я: всѣ эти богатые наряды теперь были бы ваши и вы не горевали бы, я надѣюсь». Она ушла взбѣшенная и вѣдалась, что никогда больше не прійдетъ къ «такой глупой дѣвчонкѣ». Такъ они называютъ меня. Когда мы остались одни, я спросила у тетки извиненія въ запальчивости и умоляла изпросить за меня прощенія у сестры. Тетюшка была тронута и очень кѣжно ласкала меня, цѣловала, прижимала къ сердцу, и потомъ, возвысивъ голосъ, чтобы слышеть былъ Арабеллѣ, которая сидѣла въ корридорѣ, она прибавила: «Вамъ дадутъ еще одинъ мѣсяцъ сроку, и тогда уже вы должны повиноваться». Съ этимъ словомъ она ушла. Прощай, милая Анна, пужно заключить это письмо; я не могу больше писать: у меня передъ глазами сивозъ слезы мелькаютъ всѣ цвѣта радуги.

Misses Gou to Misses Clarissa.

Среда, 22 марта.

Такъ ты не хочешь слѣдовать моимъ совѣтамъ, не хочешь освободиться отъ своихъ тирановъ! Одинъ Богъ знаетъ, что еще тебя ожидаетъ! Вотъ что заботитъ, мучаетъ меня, добрая Кларицца; я право не знаю, что бы придумать, чтобъ вырвать тебя изъ этихъ оковъ. Я намѣрена сдѣлать тебѣ предложеніе, только боюсь, ты опять скажешь, что я надъ всѣмъ смѣюсь; я хочу посватать за тебя, жениха моего Гикмена: разумѣется, онъ не такъ милъ, не такъ хорошъ какъ Ловласъ, но зато въ сто разъ лучше Сомза. Знаю, что если онъ женится на миссъ Гарло, то подвергается опасности быть убиту Ловласомъ; но если бы ты знала, какой онъ добрый, смиренный человѣкъ, правда, что немного толстъ для своихъ лѣтъ, но впрочемъ довольно пріятной наружности.

Ему рѣшительно нечего дѣлать, и потому онъ все ходитъ и бродитъ, все начинаеть и ничего не кончаетъ; у него на все есть правила, даже какъ подносить букетъ. Разумѣется, онъ не такъ изященъ какъ твой блестящій джентльменъ; у него нѣтъ того воинственнаго и дерзкаго виду, который такъ пріяталъ твоему обожателю; но, ты сама говоришь, к чему красота въ мужчинѣ? И потому совѣтую тебѣ, принять изъ моихъ бѣлакъ ручекъ, добраго этого Гикмена. Женихъ мой получилъ пре-

красное воспитаніе, умѣть дѣлать комплименты, расшаривать ея, тихъ и смиренъ какъ учевый соколъ, который прилетаетъ по зову и садится на руку охотника; онъ добръ, великодушень и если бъ я только захотѣла, онъ отдалъ бы мнѣ все свое состояніе. Ктому же, онъ обладаетъ и не отрицательными добродѣтелями: держитъ чудесныхъ собакъ, но предпочитаетъ друзей собакамъ, которыя насчетъ дружбы и уваженія стоятъ въ глазахъ его ниже друзей; у него отличныя лошади, но онъ держитъ ихъ длительно, чтобъ ѣздить, а не блистать ими на эпосскихъ и вьюмеркетскихъ скачкахъ. Онъ живетъ, какъ слѣдуетъ жить скромному и благородному молодому человѣку. Попробуй, понщи! ты не найдешь ничего дурнаго въ его жизни; однимъ словомъ, онъ обладаетъ всѣми добродѣтелями, которыя такъ нравятся матерямъ семействъ въ ихъ зятяхъ; ктому жъ онъ такъ ко мнѣ добръ, что право нѣтъ ни какого удовольствія мучать такого мягкосердаго человѣка. Онъ всегда и во всемъ со мною соглашается: когда я грустна, онъ плачетъ навзрыдъ; я весела, и онъ цомпраетъ со смѣху; если я ворчу, онъ проситъ прощенья, самъ не зная за что. Я воображаю себѣ Гикмена ребенкомъ: длинный, худой какъ спаржа, съ бѣлокурыми приязанными волосами, весь въ снѣдкахъ, въ волдыряхъ отъ любезностей своихъ товарищей, весь въ слезахъ идетъ жаловаться мамѣ, что его щипали и дразнили цѣлый день. Чтѣ же касается до Сомза, то и въ дѣтствѣ, я думаю, онъ былъ пресквернымъ, прелюбопытнымъ, прежаднымъ и прелгуномъ, потому что ложъ такъ и впилась въ лицо его; мнѣ кажется, что онъ всегда искалъ чего-нибудь поѣсть, а въ случаѣ нужды, воровалъ даже у товарищей гостиницы, пироги, и плевалъ на тартинки чтобъ онъ никому не доставался. Чтѣ же касается до Ломласа, то это совсѣмъ другое дѣло; я увѣрена, что онъ былъ ужасный шалунъ, негодяй, ужасъ фруктовыхъ садовъ и огородовъ. Кажется я смотрю на него: съ завитыми локонами, огненными, живыми глазами, легокъ какъ пчелка, поспѣшенъ какъ птичка, лукавъ какъ обезьяна, съ остроумною, коварною улыбкою; капризент! золь, хитерь, потому что нельзя имѣть хоть сколько-нибудь ума и не быть хитрымъ; я воображаю его на лошади, когда необузданный этотъ шалунъ, летитъ во весь опоръ, махая направо и налево, и за одинъ ударъ платя вдесятеро; не отдавалъ никому справедливости и не трсбуя ея ни откого! Каковъ портретъ, ну, чтѣ, похожъ?

Знаю, ты опять скажешь, что я съ ума схожу, однако мнѣ

вовсе не хочется смѣяться, и если бѣ не надо было развлекать тебя, то я бы рассказала, какъ бабушка кухни моей Джени Саймерсъ думаетъ, что она при смерти больна; какъ кухи́на моя Джени пришла къ матушкѣ и повела къ мнѣ больной, и какъ наконецъ, пріѣхалъ къ намъ одинъ джентельменъ, котораго я предполагала въ Лондонѣ. Онъ пріѣхалъ въ попыхахъ и сказалъ, что ему необходимо со мною видѣться, говорить; чтобъ освѣдомиться объ моемъ «прекрасномъ другѣ», которому предстоятъ ужасныя опасности и за котораго онъ приходитъ въ отчаяніе. Онъ проситъ, умоляетъ тебя, если бѣ даже долженъ былъ отказаться отъ счастья тебя видѣть, взять назадъ свое мнѣніе, или по-крайней-мѣрѣ принять помощь леди Лоренсъ и покровительство дяди его, лорда М^{***}. Разъ въ безопасности, ты можешь ждать тогда возвращенія твоего брата и покровителя, Мордена. Въ то же время, предупреждая твое желаніе знать, какое мнѣють о тебѣ мнѣніе родственницы Ловласа и самъ лордъ М^{***}, Ловласъ показывалъ мнѣ письмо дяди, исполненное самыми уважительными и пріязненными на твой счетъ выраженіями. Достойный старикъ отъ души желаетъ этого брака, и желаніе его основано единственно на однихъ достоинствахъ миссъ Клариссы Гарло. Разумѣется, пріятнѣе бы было, сказалъ онъ, если бѣ свадьба эта устроилась съ общаго согласія; но если это невозможно, то мы все готовы ее принять въ свое семейство какъ собственную дочь, если бѣ даже жадность родственниковъ отняла отъ миссъ Гарло все ея состояніе.

Читая письмо это, Ловласъ, казалось, ждалъ отвѣта. Я повторила ему слова твои, сказала, какъ тебѣ не нравится дурной его тонъ, несправедливость, вспышки, и, наконецъ, что онъ очень ошибается, если думаетъ, что миссъ Клариссъ Гарло можно поправиться тѣми мелкими средствами, которыя могутъ увлечь только какую-нибудь пансіонерку. Онъ согласился, что былъ не правъ даже смѣшонъ. «Но развѣ можно сохранить присутствіе духа, сказалъ онъ, когда вспомнишь, что ее надо оспаривать у какого-нибудь Сомза?» Онъ увѣряетъ, что во всемъ этомъ былъ увлеченъ живѣйшимъ участіемъ, и заботливостью о твоёмъ счастьи; однимъ словомъ онъ объяснился какъ умѣлъ, и наконецъ уѣхалъ, увѣряя меня въ преданности и уваженіи къ твоей особѣ. Но онъ можетъ говорить все, что ему угодно, а я все-таки скажу что онъ вспыльчивый, смѣлый и опасный человекъ, и я отъ души желаю, чтобъ ты отдѣлалась отъ него какъ можно

смерть, также как и отъ Сомза. Гикмень ѣздилъ недавно въ Лондонъ, тамъ встрѣтился онъ съ двумя старинными друзьями Ловласа; одного зовутъ Бельтономъ, другаго Мобреемъ; они нѣютъ вѣсь въ свѣтъ, а между тѣмъ ужасныя негодяи; они говорятъ о Ловласѣ какъ о человѣкѣ рѣдкихъ достоинствъ, о нравственности же, ни слова; только намекнули, что еще недавно онъ былъ прелюбезнымъ, преселымъ товарищемъ, но съ нѣкотораго времени остепенлся и ведетъ примѣрную жизнь, потому что влюбленъ въ одну изъ первыхъ красавицъ Англіи. «Да чортъ побори эту красавицу! сказалъ Мобрей: зачѣмъ она отнимаетъ столько времени у нашего друга. — Советую молодой этой особѣ быть по осторожнѣе и почаще наблюдать за собою! подхватилъ Бельтонъ: она можетъ дорого заплатить за суровое свое обращеніе съ такимъ человѣкомъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, я не очень надѣюсь на это обращеніе къ добродѣтели, потому что оно слишкомъ быстро совершилось.»

Такимъ образомъ то хвала, то осуждая, они перебрали всего Ловласа. Хвалили его храбрость, умъ, щедрость, но что касается до остальнаго, то заставили покраснѣть нашего невиннаго Гикмена; изъ чего слѣдуетъ, что у Ловласа яростная, непокорная, предпринимчивая душа, однимъ словомъ, проклятый... кутила, какъ называютъ его товарищи, прелестный и вмѣстѣ съ тѣмъ независтный характеръ, который, исключая моей милыя Кларочки, никто не можетъ переждать. Но стоитъ ли онъ этого труда?

Миссъ Кларисса къ миссъ Аннѣ.

Среда, вечеръ, 22 марта.

Прочти приговоръ, который я сейчасъ получила.

За неуваженіе къ сестрѣ, за неблагодарность къ Сомзу рѣшили и подписали отослать меня къ дядюшкѣ Антоннѣ, но причиннахъ, которыхъ не хотятъ, чтобъ я знала, меня предупредить объ отъѣздѣ только тогда, когда все будетъ готово. Они надѣются, что въ домѣ дядюшки мнѣ невозможно будетъ переписываться ни съ миссъ Гоу, ни съ другою особою, которую не хотятъ называть.

Мистръ Сомзъ будетъ приходить ко мнѣ каждый день и любезничать на свободѣ; если мнѣ угодно, то батюшка и сестра станутъ навѣщать меня. Разумѣется, что Бетти Баризъ ѣдетъ со мною, именно потому что я чувствую къ ней отращеніе. Наконецъ, если черезъ двѣ недѣли я все еще буду упорствовать,

и отказывать Сомзу, то родные хотятъ посоветоваться между собою, не лучше ли будетъ предоставить меня навсегда добродѣтельному, скромному, честному сэру Ловласу; почтеннѣйшій братецъ кончаетъ свое посланіе цитатой изъ какого-то латинскаго поэта, и если вѣрить брату и переводу Драйдена, то поэтъ этотъ говоритъ «что любовь на всѣ созданья дѣйствуетъ одинаково.»

Вотъ чѣмъ кончаются, милая Ненси, всѣ ихъ долги совѣщанія! Заключить меня въ замкъ дяди, окруженномъ рвами, безъ друга, безъ совѣту, безъ единственнаго утѣшенія писать и получать твои письма... Что буду я дѣлать, если и въ самомъ дѣлѣ они рѣшатся на послѣднее средство? Ужасная неизвѣстность! она дастъ возможность представлять себѣ всевозможныя бредни и показываетъ, что онѣ могутъ сбыться! Я написала брату обыкновенный мой отвѣтъ, что я устала страдать, что дерзости его утомляютъ меня, даже когда онъ вытаскиваетъ ихъ изъ Виргилія; что никто не давалъ ему права обходиться со мною такъ какъ онъ теперь со мною обходится, и наконецъ что, не имѣя надобности въ его приказаньяхъ, я не переѣду въ другую тюрьму, въ которую онъ хочетъ заключить меня.

Можешь представить себѣ, какую бурю поднялъ такой отвѣтъ. Батюшка уже всталъ, чтобъ выгнать меня изъ дому, но матушка и тетюшка, хотя съ трудомъ, однако удержали его. Долго они толковали, послѣ чего я снова получила отъ брата письмо, на адресѣ котораго было написано матушкиной рукою: «Кларисса Гарло прочитаетъ письмо брата своего Джемза съ приличною утѣренностью ея полу и должнымъ уваженіемъ къ ея родителямъ и тотчасъ же на него отвѣтитъ.» Я повиновалась, прочла письмо, въ которомъ братъ повторяетъ, но не въ такихъ грубыхъ выраженіяхъ, что я должна ѣхать къ дядѣ Автови, быть учтливой къ Сомзу и не медлить отвѣтомъ.

Тогда я написала письмо батюшкѣ, только на имя мистра Джемза Гарло.

«Простите, уважаемые родители, говорила я, что отвлекаю васъ на минуту отъ совѣщанія и пишу, несмотря на ваше запрещеніе, письмо это, исполненное слезъ и горя!» Письмо это было писано со всѣмъ уваженіемъ, которое я питаю къ родителямъ. Я умоляла ихъ, именемъ супружескихъ обязанностей, не принуждать меня выходить за братава любимица. Я повторяла, что отвращеніе мое къ нему непреодолимо и что заточеніе мое ни кчему не послужитъ.

Замокъ дядюшки пугаетъ меня. Это мрачное, уединенное жи-

лице, окруженное глубокими рвами, эта сырая капелла и наконецъ жестокость брата приводили меня въ ужась! «О! матушка! вступитесь за меня, освободите меня отъ ига брата и сестры. « Я не требую, чтобъ вы возвратили мнѣ такъ скоро вашу нѣж-
 « ность, но прошу и умоляю, позволить мнѣ работать и слу-
 « жить вамъ, какъ горничной; тогда вы сами увидите, что от-
 « вращеніе мое не притворно, что во всемъ этомъ нѣтъ ни ма-
 « лѣйшаго упрямства, ни малѣйшаго своенравія. И ты, братъ,
 « сжался надъ моими страданіями и слезами, прости съ велико-
 « душіемъ благороднаго сердца этотъ, можетъ быть, слишкомъ
 « смѣлый отвѣтъ: умоляю тебя небомъ, дай немного отдохнуть,
 « успокоиться, бѣдной сестрѣ твоей Клариссѣ.»

Письмо мое было гораздо трогательнѣе этихъ строкъ, но лишь только братъ окинулъ его злобыми глазами, какъ немедленно разорвалъ въ мелкіе кусочки, послѣ чего сѣлъ и написалъ то, что называется опроверженіемъ.

Когда я только воспоминаю объ этомъ опроверженіи, то вся кровь выступаетъ на лицо.... «Если меня держать въ неволѣ,
 « то потому только что разъ освободившись, я соединюсь съ
 « подлецомъ, который развратилъ меня; что меня хотятъ дер-
 « жать въ заперти, потому что въ замкѣ дядюшки капелла уже
 « готова для моего бракосочетанія.» Братъ называетъ меня въ
 « насмѣшку: богомольной, набожною Клариссой, дѣвственной, не-
 « винной Клариссой! Ахъ! ему бы слѣдовало назвать меня не-
 « счастливой Клариссой. Еслибъ здѣсь былъ мой благородный
 « Морденъ, онъ защитилъ бы меня по-крайней мѣрѣ! Но нѣтъ! я
 « одна, совершенно одна на этомъ свѣтѣ! я, которая привыкла къ
 « такой нѣжности, такому уваженію! я, которая съ такою благо-
 « склонностью къ человѣчеству, видѣла въ каждомъ бѣднакѣ сіюю-
 « щій образъ моего Создателя! Зачѣмъ ты не замужешь, Ненси,
 « ты, вѣрно, протянула бы мнѣ руку помощи, и, можетъ-быть,
 « мистръ Гикменъ не отказалъ бы въ покровительствѣ несчастной,
 « которую ты называешь своимъ другомъ.»

Но, увы! что говорю я? и знаю ли сама, чего могу желать? Въ какомъ мірѣ живемъ мы, добрая Ненси? Знаешь ли, что сказа-
 « ла сейчасъ, сію минуту Бетти, мой сторожъ? Что завтра, мо-
 « жетъ-быть, мы отправляемся къ дядюшкѣ и что ее очень уди-
 « вляетъ, какимъ образомъ я, такая любительница природы и ро-
 « мантизма, такъ неохотно запираюсь въ башню древянаго замка
 « дядюшки.»

Въ дѣвушкѣ этой, съ-тѣхъ-поръ какъ она возведена въ до-

стоиство сообщинка, развернулся большой талант, талант дерзости. Кажется, фортуна, помѣстивъ Бетти въ услуженіе къ сестрѣ моей, была къ ней не такъ благосклонна какъ природа; ей бы слѣдовало быть не горничной, а сестрою миссъ Арабеллы, потому что онѣ созданы быть сестрами, а я, можетъ быть, создана для того чтобъ быть ихъ служанкою! какъ звать?

Пятница, 10 часовъ.

Идя въ итличникъ, мимо забора, который отдѣляетъ дворъ отъ сада, я услышала голоса брата, сестры и Сомза: они хохотали во все горло. Миѣ показалось, что братъ показывалъ ему свою переписку со мною.

— Кажется, ты нанесъ ей послѣдній ударъ, говорила сестра; она не отвѣчаетъ на письмо твое.

— Кажется, что такъ, отвѣчалъ братъ съ самонадвѣяностію и хвастовствомъ напоминающимъ школьника.

— Право, вы сочинили удивительный пассажъ, мистеръ Гарло, сказалъ Сомзъ, но я боюсь что послѣ этого она еще больше на меня разсердится.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ братъ, вы сами увидите что мы оставемся побѣдителями, только сами не отставайте, любезный зять; мы слишкомъ далеко зашли чтобъ останавливаться. Я долженъ сказать, однако, что если полковникъ Морденъ вернется изъ Италіи, то мы можемъ потерять выгодное наше положеніе.

Сомзъ отвѣчалъ, что онъ совершенно находится въ распоряженіи брата: вѣроятно, мистръ Джемсъ сказалъ какую-нибудь остроту, то есть плоскость, потому что Сомзъ громко захохоталъ.

Во миѣ закипѣло негодованіе; я послѣшла домой; я жаждала опровергнуть опроверженіе брата; и доказать, что онъ не нанесъ еще послѣдняго удара, что я его рѣшительно не боюсь. И въ самомъ дѣлѣ, я отвѣчала на его логику съ такою твердостью и спокойствіемъ, что даже сама удивилась.

« Нѣтъ, милостивый государь, я не позволю вамъ запереть себя въ этомъ мрачномъ замкѣ; батюшка можетъ меня отъ себя выгнать, но развѣ у меня нѣтъ своего дома, куда я могу удалиться съ позволенія самаго батюшки? Я согласна не называть дѣдушкино помѣстье своимъ помѣстьемъ, и согласна тоже быть тамъ не у себя, но у батюшки. Если же миѣ откажутъ въ этомъ убѣжищѣ, то я прошу позволенія искать себѣ другаго, у друга миссъ Гоу, у тетушки Гервей или у дяди

— Юлиэ, не только не у Антони. Неприятный этотъ эманс,
 «нездъ историчъ вы такъ забавляетесь, невольдо пугаетъ меня;
 «я боюсь такде мрачной вашей капеллы, а между-тѣмъ уѣхаетъ
 «бы туда съ радостью, еслибъ только напередъ знала, что избав-
 «люсь отъ присутствія мистера Сонза. Вы хвастаете латин-
 «скими языкомъ, логикою и краснорѣчьемъ: разунѣется, что я
 «всему этому не училась, но вы мужчина и втрое старше меня,
 «сестры вашей; на вашей сторонѣ всѣ выгоды опыта и учено-
 «сти; и не смотря на это, еслибъ мнѣ пришлось, передъ судья-
 «ми, которыхъ вы сами можете выбрать, и не ожидая приѣзда
 «Мордона, защищаться противъ васъ, милостивый государь, од-
 «нимъ оружіемъ чести и здраваго смысла, то я сама, безъ по-
 «старонней помощи, готова отвѣчать вамъ, и великій логикъ и
 «ораторъ не осмѣлится принять моего вызова!»

Написавъ это, я послала брату. Черезъ минуту приходитъ се-
 «стра, въ попыхахъ, съ раскраснѣвшимися щеками, вытаращен-
 «ными глазами. «Злобъ созданье, вскричала она, сильно ударивъ
 «меня по шеѣ, такъ вотъ ты куда стремишься?»

— Ты бьешь меня, Белла?

— Развѣ это значитъ бить? отвѣчала она ударивъ меня не-
 «много по легче. Коварная! она находитъ что батюшкѣ пора уме-
 «реть!»

Я хотѣла отвѣчать съ негодованіемъ, но она зажала мнѣ ротъ
 «платкомъ:

«Ни слова больше, низкая шпіонка! Мы читали письмо твое,
 «и очень хорошо его поняли; но твоя прекрасная система незави-
 «симости не доведетъ тебя туда, куда ты думаешь. Итъ, теперь
 «ужъ поздно звать на помощь твоего хвастуна. Отъѣздъ твой
 «уже рѣшенъ, и я не хочу больше слушать тебя, внимать моль-
 «бамъ твоимъ, глядѣть на слезы; мы здѣсь повелители, и мы хо-
 «тимъ, чтобъ ты ѣхала завтра! слышишь? Завтра! Благодари еще,
 «что изъ доброты души я пришла объявить тебѣ объ отъѣздѣ, и
 «не пустала брата, который самъ хотѣлъ принести тебѣ эту ра-
 «достную вѣсть: онъ принимаетъ твой ораторскій вызовъ, но
 «только въ древнемъ, феодальномъ замкѣ, на порогѣ капеллы,
 «и на краю рва.» Она говорила съ такимъ жаромъ какъ будто
 «унижалась собственнымъ гнѣвомъ.»

— Довольно! остановитесь, миссъ Гарло, сказала я, не хочу боль-
 «ше слушать вашихъ дерзостей. Вы можете говорить этимъ тономъ
 «съ вашими служанками, но не со мною. Хотя, слава Богу, и ни
 «сколько не похожа на васъ, всё-таки, прощу не забывать досто-

цество сестры моей! И потому будьте уверены, что ни сегодня, ни завтра, ни послѣ завтра, я не уѣду, не получивъ приказанія отъ самаго батюшки или самой матушки. Если ты еще скажешь слово, то я сейчасъ иду, требовать у нея правосудія противъ твоихъ недостойныхъ насильствій.

— Пойдемъ, пойдемъ, душа моя! сказала она насмѣшливо и взяла за руку, какъ-будто хотѣла вести: поди, покажись твоимъ родителямъ, къ которымъ питаешь такое глубокое почтеніе.

Я не двигалась; негодованіе приковало меня къ мѣсту.

— Какъ! вскричала она: ты ужъ струсила?

— Мнѣ не надо вашей руки, миссъ Гарло, я и одна дойду, отвѣчала я, и хотѣла выйти, какъ вдругъ она бросилась къ дверямъ и захлопнула ихъ.

— Скажите, какая смѣлая! вскричала она: дай мнѣ по-крайней-мѣрѣ время предупредить батюшку и матушку о твоёмъ намереніи; братъ тамъ, подумай!

Я отступила; она снова стала поддразнивать меня.

— Извольте идти, сударыня, прибавила она, давая мнѣ дорогу: извольте, васъ никто не держитъ.

Не сказавъ ни слова, не повернувъ даже головы, я ушла къ себѣ въ уборную, захлопнула за собою дверь и заперла ее на ключъ. Какъ миссъ Гарло продолжала оскорблять меня, то я спустила занавѣсъ, потому что дверь въ уборной моей стеклянная. Сестра убѣжала, продолжая ворчать. Я задыхалась отъ слезъ.

Пятница, вечеръ, 24 марта.

Я получила письмо отъ сестры, исполненное ненависти и зависти, и съ трудомъ могу переписать нѣсколько строчекъ. «Я, по ея словамъ, такъ глупа и такъ умна, такъ молода и въ то же время такъ стара, упряма и послушна, вспыльчива и кротка! Видно по всему, какой духъ одушевляетъ меня; но семейство мое рѣшило кончить за одинъ разъ съ такимъ злымъ созданіемъ; матушка выгоняетъ меня изъ дому, дядя Юлія только тогда хочетъ видѣть, когда я буду за Сомзомъ; одинъ дядя Антони соглашается еще принять меня. Что же касается до моего вызову, то батюшка приравниваетъ его въ присутствіи сестры, дядей, даже самого почетнаго пастора Люина.» Грустное письмо! Я не отвѣчала сестрѣ, но являла лучше — написала матушкѣ: «Матушка! можете ли быть, чтобъ вы позволили сестрѣ Арабеллѣ писать мнѣ въ такихъ выраженіяхъ? Матушка отвѣчала нѣсколькими строчками.... Я не читала, пропустила тѣ мѣста, гдѣ видна не-

справедливость, жестокость, но увидала и прильнула губами къ бумагѣ, на которой остались слѣды материнскихъ слезъ. Милая Ненси, что намъ теперь дѣлать? какъ быть? Я жду твоего совѣту. Если Сомъзъ не перестанетъ преслѣдовать меня, то не убѣжать ли мнѣ въ Лондонъ и скрываться тамъ до возвращенія Мордена? О! какой ужасный трепеть, какое волненіе! Чтобы только забыться на минуту, я думаю о тебѣ, пишу, даже сочинила элегію, — воззваніе къ мудрости: «Мудрость любить тишину и « свѣжестъ ночи; Минерва владычествуетъ надъ всѣми искусствами, украшаетъ удивленіе; она вдыхаетъ краснорѣчіе въ трибуна, вдохновеніе въ поэта.» Божественная мудрость! по мѣрѣ того, какъ я бесѣдую съ тобою, она вливается въ душу мою успокоительнымъ бальзамомъ; совѣтую тебѣ тоже взывать къ ней почаще, милая Анна: это вовсе не будетъ лишнимъ, потому что я нахожу тебя очень несправедливою къ жениху твоему, Гикмену, и надо ли прибавить, слишкомъ снисходительною. Я не такъ легковѣрна какъ ты; я не могу простить его угрозы, и тебѣ также не прощаю неумѣстныхъ похвалъ; ты дла того расхваливаешь Ловласа, чтобы уничтожить брата. Увы! пока я бесѣдую съ тобою, ночь проходитъ и день настаетъ, послѣдній, ужасный день! Борьба снова начнется еще страшнѣе, еще яростнѣе!... О! помоги мнѣ, свѣтлый ангелъ, тихая, дѣтская любовь! О, Боже! кто подастъ мнѣ совѣтъ?...

Миссъ Гву къ миссъ Клариссъ.

Суббота, 25 марта.

Что могу я совѣтовать, другъ мой? Положеніе твое такъ опасно, ты такъ несчастна, что, право, не знаю какъ дѣйствовать! Ты окружена злыми и завистливыми людьми, а отъ такихъ людей нечего ожидать пощады. Мистръ Джемъзъ и миссъ Арабелла стремятся къ одной цѣли — погубить тебя. Сомъзъ не имѣетъ ни какого понятія о достоинствахъ ума твоего, о совершенствахъ души твоей; онъ несколько не заботится о любви твоей, до этого ему нѣтъ никакого дѣла; онъ хочетъ только, чтобы ты боялась его. Недавно онъ изъяснился довольно откровенно на этотъ счетъ и говорилъ другу нашему, кавалеру Гарри Дувентону: «Вообще бываетъ, что дикія, застѣчивыя дѣвочки дѣлаются впоследствии страстными женщинами.... Если женщина хороша, то слезы не портятъ ея, — напротивъ, она бываетъ тогда

еще вриятѣе.» Ктому же, мнѣніе твое ему очень нравится, а потому онъ вѣрить твоей добродѣтели. Онъ тоже знаетъ, что ты соглашаешься выйти за него изъ одного страха, иначе и быть не можетъ.... и, не смотря на то, не перестаетъ тебя преслѣдовать. Подлецъ! Я увѣрена, что ты сказала только мимоходомъ такъ, что хочешь бѣжать въ Лондонъ, а между-тѣмъ я не могу выразить, какъ это пугаетъ, тревожитъ меня. Прежде чѣмъ рѣшиться на такое дѣло, подумай хорошенько; если ты убѣжишь изъ родительскаго дому, то дашь право роднымъ преслѣдовать тебя; всѣ честные люди возстанутъ тогда противъ тебя, и тогда ты принуждена будешь принять покровительство Ловласа. Бѣдняжка! да внушить тебѣ Господь, что дѣлать и какъ поступать! Еслибъ я, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, принуждена была выйти за Сомза, то увѣрю тебя, другъ мой, я бы на все рѣшилась съ радостью. Вотъ отчего я прошу и умоляю тебя не ѣхать въ дялюшкинъ замокъ. Мнѣ съ ужасомъ представляется Сомзъ, пасторъ, капелла, твой братъ, сестра.... и ты одна посреди этихъ чудовищъ, которыя не внемлютъ ни просьбамъ, ни мольбамъ, ни рыданіямъ.... и наконецъ милую мою Клариссу вѣчаютъ!... О, какой ужасъ! И ты должна еще будешь скрывать слезы! Тебя, Клариссу, отдать такому людоѣду, когда вся Англія должна гордиться, красоваться такою чудною, добродѣтельною дѣвушкой! Нѣтъ, такой союзъ нельзя называть бракомъ; это святотатство!

Позволь однако сообщить тебѣ мнѣніе матушки. У нея нѣтъ, какъ у меня съ тобой, того убѣжденія, что дѣвушка имѣетъ право сама избирать мужа, и потому она толкуетъ объ этомъ такъ хладнокровно, что приводитъ меня въ отчаяніе. Слушая матушку, можно подумать, что дѣло идетъ о стаканѣ воды. «Что за чудо, что дѣвушка выходитъ за жениха, который нравится ей родителямъ? Да развѣ родители обязаны покоряться страстямъ, которыя вспыхиваютъ и потухаютъ какъ пламя?» Потомъ она начинаетъ разсуждать, и разсужденіямъ этимъ нѣтъ конца. Матушка говоритъ также, что если дѣвушка не покоряется родительской власти, то сердцемъ ея обладаетъ преступная любовь, и что въ такомъ случаѣ ей нельзя помочь; что ей нечего и жалѣть, потому что непокорность доказываетъ упрямство! Вотъ какъ разсуждаетъ сорокалѣтняя жевщина, мать семейства! Если же я возражаю, говорю, что родители должны быть не тиранами, а опекунами дѣтей, путеводителями, а не мучителями ихъ сердца, то она называетъ меня вѣтренною, необузданною дѣвоч-

кой, которая сама не знает, что говорить. «Ну, будетъ; что объ этомъ толковать,» говоритъ матушка, и черезъ минуту опять возвращается къ тому же предмету и разсуждаетъ до-тѣхъ поръ, пока не встанетъ пора ложиться спать. «Ахъ, Ненси! Ненси! говоритъ она: ты вылитый портретъ твоего отца!» На другой день споръ опять начинается. Мы говоримъ о Сомзѣ, о Ловласѣ, особенно о Ловласѣ; для матушки это неизскаемый источникъ разсуждений. Если вѣрить ей, Ловласъ самый опасный, самый развратный человекъ, созданный нарочно, чтобъ правды-ся... Онъ все смѣетъ, все дерзаетъ. Въ молодости Ловласъ былъ влюбленъ въ женщину, которая, осмѣявъ легковѣрнаго юношу, избѣжала ему; онъ былъ тогда слишкомъ молодъ, чтобъ любить ее истинно, и потому поклялся мстить всему нашему полу. «Для чего ведетъ онъ такую таинственную жизнь, для чего скрывается? говоритъ матушка: честнымъ людямъ не для чего скрываться; правда, что онъ одинъ изъ красивѣйшихъ и умнѣйшихъ людей Англіи, но къ чему, повторяю, красота и умъ въ мужъ?» Разумѣется, что отъ Ловласа матушка перешла искусно къ Гикмену: «Вотъ твой женихъ, такъ ужъ совѣтъ другое дѣло: онъ не Нарциссъ, не влюбляется въ самого себя и любить мою Ненси! Правда, что онъ скорѣе скромнѣе чѣмъ смѣлъ, но всё-таки во сто разъ лучше Ловласа.» Потомъ, снова возвращаясь къ своему вугалу: «Неужели миссъ Гарло и въ-самомъ-дѣлѣ влюблена въ него? какъ ты думаешь, Ненси?» Что отвѣчать на такой вопросъ? И потому я не отвѣчала, а сказала только: «Мнѣ кажется, что Ловласа можно было бы любить, еслибъ не его безвѣрность.... и еслибъ родители Клариссы....» — Родители Клариссы совершенно правы, вскричала матушка, перебивая меня съ нетерпѣніемъ: да, родители правы; скажи отъ меня миссъ Гарло, которую я люблю и уважаю, чтобъ она берегла свое сердце и отказалась отъ привязанности, которая можетъ погубить ее; чтобъ она вспомнила, что ей надо удовлетворить двѣнадцать человекъ, въ томъ числѣ отца и мать!» Ты видишь, милая Кларисса, что я ничего отъ тебя не скрываю, поступаю съ тобою честно и передаю всё толки, всё впечатлѣнія, хорошія и дурныя, которыя слышу, то съ той, то съ другой стороны, надѣясь извлечь изъ нихъ какую-нибудь пользу; положеніе твое такъ затруднительно, а я такъ боюсь обманывать тебя или себя.

Миссъ Гарло къ миссъ Гоу.

Роскресенье, 26 марта.

Поблагодари твою мамашу, милая Ненси, скажи, что я выслушала ея совѣты съ почтениемъ, съ благодарностью: я такъ до-рожу ея любовью, такъ счастлива ея расположеніемъ, а между-тѣмъ такъ боюсь Сомза! Я чувствую къ нему непреодолимое от-вращеніе; пока я не увижу въ женихѣ моемъ честности, сердца и вѣжливости, мнѣ невозможно принять его имени. Я не до-вольно великодушна, не довольно возвышенна, милая Ненси, что-бы не презирать челоуѣка (если даже онъ и мужъ мой), который не такъ гордъ или не такъ образованъ, какъ жена его. Лучше перенести временное преслѣдованіе, чѣмъ согласиться изъ тру-сости на эту мелкую, вседневную борьбу, на глубокое презрѣніе честной женщины къ челоуѣку, имя котораго она носить. Пред-ставь себѣ, какая дерзость: сегодня утромъ Сомзъ пріѣхалъ къ намъ; онъ встрѣтился въ цѣрквѣ съ братомъ, который привезъ его въ замокъ. Только-что онъ пріѣхалъ, какъ Бетти подала мнѣ письмо незнакомаго почерка; я распечатываю — это письмо Сом-за. Въ дерзкомъ этомъ посланіи онъ называетъ меня *своею ми-ленькою барышнею*; такое письмо могъ написать только однакъ невѣжда, дуракъ. Нѣтъ строчки, нѣтъ слова, которое было бы правильно написано; тутъ все терпитъ, все страдаетъ: языкъ, слогъ, орфографія, чувства, приличія. Онъ проситъ *честе* гово-рить со мною, *клинетца* сорвать маску *счеливека*, который мнѣ *красища*, котораго я *абажаяю*; наконецъ онъ *гаритъ* отъ *нитир-меня* и ждетъ *внесу честе моихъ* приказаній. Я хотѣла, чтобъ Бетти передала на словахъ этому «челавеку» мой отвѣтъ, но она не согласилась и не хотѣла уйти, пока я не дамъ ей письменна-го отвѣту. Я отвѣчала, что «миссъ Клариссъ не для чего назна-чать свиданья мистру Сомзу; что онъ можетъ писать все, что «ему угодно о Ловласъ, до котораго мнѣ нѣтъ ни какого дѣла, «точно такъ же какъ и до самого мистра Сомза, и наконецъ, что «миссъ Гарло нисколько не заботится, что могутъ сказать объ «одномъ и что можетъ сказать другой.» Потомъ я насаказала ему много маленькихъ горькихъ истинъ рѣшительнымъ, вспыльчи-вымъ и твердымъ тономъ. Кажется, что отвѣтъ мой, какъ и обыкновенно, произвелъ страшную бурю. Въ первомъ порывѣ гнѣву, батюшка самъ хотѣлъ писать ко мнѣ, но наконецъ удоволь-ствовался написать черезъ тетужку Гервей, что «матушка *сид*

«*же минуту* приказывает мнѣ выйти изъ дому и ѣхать къ дядюшкѣ Антони. Ты не знаешь еще злобнаго человѣка, котораго защищаешь съ такимъ жаромъ,» прибавляетъ тетушка, говоря о Ловластѣ. Мнѣ было запрещено отвѣчать, но, несмотря на запрещеніе, я написала матушкѣ и батюшкѣ два письма, которыя получила обратно; письма эти были разорваны, нераспечатанныя. «Она должна слушаться,» сказала матушка, да, сама матушка! Въ отчаяніи я собрала эти разбросанные клочки, запечатала и отослала дядюшкѣ Юлію. «Дядюшка, писала я, вступитесь за меня; вы видите, какъ со мною ужасно, безчеловѣчно обходятся. Умоляю васъ, скажите, зачѣмъ меня насильственно везутъ въ дядюшкинъ замокъ, а не къ вамъ, не къ тетушкѣ? Если для того, чтобъ выдать за Сомза, то я согласна лучше умереть. Богъ, который видитъ мое сердце, знаетъ, что я говорю не изъ ненависти, но съ отчаянія, и если я разъ выйду изъ родительскаго дому, то чувствую, что никогда уже не возвращусь!» На это твердое и умоляющее письмо дядюшка отвѣчалъ нѣсколькими страницами, исполненными пѣжностей, которыя успокоили меня, и совѣтовъ, которыхъ я не могу слушаться. Еслибъ ты знала, Ненси, съ какимъ жаромъ дядя Юлій защищаетъ Сомза! Однимъ словомъ, *надо*, чтобъ я волею или неволею, вышла за него; что это *необходимо*, и если я соглашусь повиноваться, то дядя Гарло самъ, не мѣшка ни минуты, пріѣдетъ, возьметъ меня за руку и поведетъ въ объятія отца. Тогда я еще разъ повторила и повторила со слезами, потому что до конца хочу остаться преданной и почтительной дочерью, что я согласна на примиреніе, на прошеніе всѣхъ обидъ, готова на все, только чтобъ не быть женою Сомза. Пускай выѣдетъ меня онъ жевится на Арабеллѣ, и я отдаю сестрѣ состояніе, оставленное мнѣ дѣдушкой; я же буду довольствоваться маленькою пенсією, которую угодно будетъ батюшкѣ назначить мнѣ: исполните мою просьбу, милый дядюшка, и я обещаю что буду вѣжливо обходиться съ Сомзомъ, какъ-скоро онъ сдѣлается моимъ зятемъ.» Бетти передала письмо мое дядюшкѣ, потому что не могла глядѣть равнодушно на деньги, которыя я предлагала ей за это порученіе. Тотчасъ же послали за тетушкой Гервей и дядей Антони; совѣтъ снова собрался. Дай Богъ, чтобъ они приняли мое предложеніе! Какое счастье, какая радость! я навсегда тогда избавлюсь отъ этихъ мученій и за такое маленькое пожертвованіе! Что такое богатство, въ сравненіи съ вѣжностью и ласками, которыми я наслаждалась съ самаго моего дѣтства? На-

конецъ, я могу воспользоваться случаемъ и прекратить всё сношенія съ Ловласомъ. Недавно онъ написалъ мнѣ прегордое, пресамонадѣянное письмо, въ которомъ не видать оскорбленнаго любовника, а замѣтно только уколотое самолюбіе покровителя, услуги котораго отвергаютъ. Ухаживанье его утомляетъ, пугаетъ, обижаетъ, бѣситъ меня; меня оскорбляетъ, что онъ какъ шпіонъ или воръ бродитъ по ночамъ около нашего дому, въ ожиданіи отвѣту на его письма. Я не хочу долѣе переносить его жалобъ и угрозъ. Недавно еще я писала ему, что тайная эта переписка съ человѣкомъ, за котораго родители мои никогда меня не выдадутъ, не можетъ долѣе продолжаться, и, несмотря на мое формальное запрещеніе, несносный этотъ человѣкъ всё еще преслѣдуетъ меня своими письмами, и даже сегодня я получила отъ него престоное посланіе, которое, однако, не распечатаю, пока не узнаю, на что рѣшилось мое семейство. Ахъ! если бъ они успѣли освободить меня отъ ненавистнаго мнѣ человѣка, то я безъ сожалѣнія навсегда отказалась бы отъ того, котораго, можетъ быть, и могла бы любить. Ну, положимъ что ты права, что я и въ самомъ дѣлѣ имѣю къ нему склонность, всё-таки, можно ли сравнивать эту потерю и это горе съ радостью, съ ласками всѣхъ, кого люблю, или съ отчаяніемъ честной дѣвушки, которая предвидитъ опасность быть дурною женой? Нѣтъ, нѣтъ, милая Ненси, вѣрь, что я ничего для этого не пожалѣю. Какъ время долго идетъ! Что-то странное, необыкновенное происходитъ въ нашемъ домѣ! Они собрались на совѣщаніе и говорятъ такъ громко и съ такимъ жаромъ, что крики и восклицанія ихъ доходятъ до меня. При малѣйшемъ стукѣ, при малѣйшемъ шорохѣ на лѣстницѣ сердце мое такъ и бьется, какъ-будто хочетъ вырваться изъ груди.... Чѣмъ они рѣшатъ, какой принесутъ мнѣ приговоръ? Все молчитъ! Ты увидишь, что миссъ Арабелла будетъ заставлять просить и умолять себя, принять добичу сестры своей! Пока они разсуждаютъ, не прочтатъ ли мнѣ письмо Ловласа? Ничто не можетъ теперь развлечь меня, я такъ грустна, такъ взволнована!... Конечно, нѣтъ надежды!... Бетти вернулась одна: она предвидитъ, что предложеніе мое будетъ отвержено. Они говорятъ, что я ставлю сѣти невинности миссъ Арабеллы и довѣрю мистра Джемса и, наконецъ, что я самое опасное и злобное созданіе! Какъ они смѣялись надъ наивностью дяди Гарло, котораго, услыхавъ мои предложенія, разинулъ ротъ отъ удивленія! А какъ добрякъ этотъ пришелъ въ негодованіе, что его хотѣли обмануть и что онъ повѣрилъ моему

безкорыстію, то вскричалъ съ жаромъ: «Въ самомъ дѣлѣ, она, кажется, хочетъ разыгрывать роль великодушія и отказывается съ такимъ величіемъ отъ своего состоянія, для того, чтобъ привлечь всѣхъ на свою сторону. Да, на это нельзя согласиться, это было бы неприлично!... Кому жъ, что скажетъ свѣтъ, когда узнаетъ, что всѣ наши строгости кончились отдачею ея имѣнья министру Сомзу и миссъ Арабеллѣ? Что скажутъ ея «папашки»? Краснорѣчивымъ восклицаніемъ миссъ Гоу конца не будетъ? и можно ли давать такой поводъ къ насмѣшкамъ Ловласу? Прибавьте еще, что законъ и общество не допускаютъ дарственной, которую она можетъ назадъ потребовать. Чѣмъ ручается она миссъ Беллѣ и министру Сомзу, что не потребуетъ назадъ своего имѣнья? и какъ можемъ мы знать, что, будучи разъ на свободѣ, она не побѣжитъ броситься въ объятія Ловласа? и тогда, подлець этотъ, не уничтожить ли дарственной миссъ Клариссы? Но насъ нельзя такъ надувать, мы осторожны и предусмотрительны и не потерпимъ, чтобъ такая дѣвочка ломалась надъ нами, когда мы всѣ требуемъ ея повинновенія! Въмѣсто того, чтобъ сидѣть смиренно какъ преступницѣ, ожидающей приговора судей своихъ, она еще вздумала давать намъ приказанія какъ повелительница, предписывающая законы своимъ невольникамъ! Неужели мы и въ самомъ дѣлѣ уступимъ такой дѣвочкѣ!» Они признались однако, что съ перваго взгляду предложеніе мое показалось имъ обольстительнымъ, но что они скоро догадались въ чемъ дѣло, и *хитрой* миссъ Клариссѣ не удалось обмануть ихъ!» Вотъ что рассказала мнѣ Бетти со всѣми минами, ужимками, выраженіемъ въ голосѣ и со всею злобою судей моихъ, что они дѣлали и объ чемъ толковали; она говорила съ такою непритворною злобою, что мнѣ показалось, будто я сама присутствую при этой семейной драмѣ! Вотъ въ какомъ я положеніи! теперь мнѣ остается только объявить мнѣ приговоръ. Никто не хотѣлъ взять на себя писать этой *дерзновенной*. «О! избавьте меня отъ такой обузы! дѣвушка эта утомляла меня!» говорилъ одинъ. «И меня тоже, говорилъ другой: я не хочу больше подвергаться ея риторическимъ замѣчаніямъ.» Вотъ какъ со мною обходятся, а между-тѣмъ я чувствую въ лѣвой рукѣ шорохъ письма Ловласа.... Нѣтъ! я не стану его читать, я боюсь его совѣтовъ, я и безъ того такъ утомлена, такъ огорчена, что одинъ только Богъ знаетъ!...

Повѣдѣльничъ, пять часовъ.

Вотъ ихъ отвѣтъ. Прочитай его до конца, если у тебя хватитъ столько духу:

« Миссъ *Хитровка*, вамъ нечего отвѣчать на ваше блестящее предложеніе. Дядюшка Гарло стыдится, что дался вамъ въ обманъ. Советую тебѣ тоже, — потому что ты, кажется, въ падѣ въдохновеній, — сыграть какую-нибудь штучку съ дядюшкой Антоши. Однимъ словомъ: несмотря на твое кокетливое остроуміе будь готова къ отвѣду, завтра ты отправляешься въ замокъ достойнаго дядюшки. Вотъ и все, милое дитя.

« *Джемзъ Гарло.* »

Можешь судить о моемъ горѣ, другъ мой, Ненси. Какъ дядюшка Юлій ночевалъ у насъ, то я написала ему письмо, исполненное отчаянія и негодованія. « Вѣрно я и въ самомъ дѣлѣ самая презрѣнная тварь, писала я, что всѣ со мною такъ ужасно обходятся. О! дядюшка! милый дядюшка, я обращаюсь къ вамъ и спрашиваю, правду ли говорить братъ, будто вы стыдитесь, что показали мнѣ немного нѣжности и участія? Если это правда, то я самая несчастная дѣвушка, потому что тогда мнѣ ужъ не на кого надѣяться. Умоляю васъ, дайте мнѣ отвѣтъ, но отвѣтъ вашей руки, чтобъ я видѣла ваше сердце, ваши ко мнѣ чувствованія; пока братъ будетъ писать мнѣ въ этомъ тонѣ, я не хочу, чтобъ онъ отвѣчалъ мнѣ на письма, которыя я адресую батюшкѣ, матушкѣ и вамъ, добрый дядюшка! Сжальтесь надо мною! Говорятъ, будто я умѣю всѣхъ разстронвать: но до слухъ-поръ, я не замѣчаю еще своего могущества. Въ этомъ домѣ есть люди, которые такъ хитры и такъ ловки, что заставляютъ краснѣть тѣхъ, кто улыбнется или протянетъ только руку дѣвущкѣ, которую прежде всѣ здѣсь любили и уважали, какъ-будто жалость и участие ко мнѣ — преступленіе. О! будьте тверды, дядюшка, не краснѣйте, не стыдитесь доброты вашего сердца! Не отсылайте съ презрѣніемъ умоляющаго моего письма, не рвите его и прочитайте съ терпѣніемъ до конца; только (одинъ отецъ имѣетъ, можетъ-быть, право такъ ужасно обращаться съ дочерью, но всякой другой, видя передъ собою умоляющую женщину, выслушаетъ, сжалится надъ нею. Еще разъ умоляю васъ, дайте мнѣ отвѣтъ на предложеніе, которое я вамъ уже сдѣлала! кажется, это стоитъ отвѣта! Я говорю чистосердечно, что согласна на всѣ законныя предосторожности и на все, чего будутъ отъ меня требовать, только чтобъ не выходить за Сомза. Я готова на всѣ пожертвованія, только чтобъ меня простилъ, и снова полюбилъ тѣ, которые такъ милы моему сердцу! Что я могу

«сказать еще? что могу еще сдѣлать? и что я такое, какъ не са- мое несчастнѣйшее существо въ мірѣ!»

Написавъ письмо, я отдала его Бетти, но она не хотѣла, колебалась отдать дядюшкѣ. Ну, къ чему? говорила она: его снова изомнуть, разорвать и бросить! а можетъ быть и мнѣ самой за это достанется! Какъ жаль, прибавила она, что такія знатныя барышни возстаютъ противъ долга, противъ своихъ родителей. Наконецъ она взяла письмо и сдѣлала видъ какъ будто понесла его, но я боюсь, чтобъ она нарочно не встрѣтилась съ братомъ или сестрою!

Я одна, совершенно одна! безъ друзей, безъ совѣтовъ, безъ участія, всѣми оставлена, покинута! Конечно!... несмотря на твердое намѣреніе не читать письма Ловласа я распечатала его; слушай, Ненси, слушай что онъ говорятъ; я рассказываю тебѣ вкратцѣ, только одно безцвѣтное содержаніе, не украшенное красотою слога.

Ловласъ жалуется какъ обыкновенно, «на мое къ нему презрѣніе и легковѣріе съ какими я выслушиваю злые, относящіяся къ нему толки. Правда, что онъ вспыльчивъ и раздражителенъ, по зато въ это время онъ перенесъ много горя, много несчастій, много испытаній. Что станетъ съ нимъ и со мною, если я покорюсь преслѣдованіямъ родственниковъ? Онъ раскаивается въ прошедшихъ своихъ проступкахъ и надѣется просить прощенье, загладить ихъ въ будущемъ. Ахъ! еслибъ онъ могъ видѣть меня четверть часа и увѣрить въ своей безграничной преданности, въ глубокомъ уваженіи! Ему необходимо переговорить со мною, и предупредить, что онъ досталъ ключъ отъ садовой калитки. Калитка выходитъ въ рощу. Если я отодвину задвижку, то Ловласъ будетъ тамъ, въ которомъ часу мнѣ угодно. Онъ проситъ убѣдительно этой милости, но приходитъ въ отчаяніе, потому что боится, не оскорбилъ ли онъ меня этимъ предложеніемъ!»

Онъ не перестаетъ говорить о Сомзѣ, совѣтуетъ ни подъ какимъ видомъ не ѣхать къ дядѣ Антони, и предлагаетъ покровительство своего семейства или убѣжище въ самомъ Лондонѣ. Что до мѣста? не все ли равно? только бѣ быть въ безопасности. Онъ пишетъ, что родные завладѣли даже самимъ Морденомъ, котораго клевета вхъ отыскала на краю Италіи. Онъ пишетъ тоже, что «если я только захочу, онъ приготовитъ контрактъ, въ которомъ я могу написать какія только желаю условія и что онъ съ любовью и уваженіемъ выполнитъ всѣ

« эти условія. Но во всякомъ случаѣ, онъ умоляетъ, чтобъ я вышла сегодня или завтра и успокоила его насчетъ Сомза. Онъ будетъ ждать меня у калитки, переодѣтый; но чтобъ я была спокойна, его никто не узнаетъ; если же я не приѣду нмѣшную ночь, онъ простоятъ тутъ до утра!» А письмо это писано вчера, слѣдовательно Ловласъ простоялъ тутъ цѣлую ночь. И эту ночь тоже, солнце уже закатывается. Мнѣ некогда ему отвѣчать; къ тому же, что буду отвѣчать я? несчастная!

Вторникъ, семь часовъ утра.

Дядя Юлій удостоилъ меня отвѣтомъ, вотъ онъ: « Не вѣнши мнѣ больше, я не хочу принимать твоихъ писемъ, потому что ты слишкомъ для меня хитра; ты сумасшедшая, несправедливая дѣвушка; матушка твоя упростила однако, чтобъ отъѣздъ твой отложили до четверга, хотя она сама признается, что ты не стоишь такого снисхожденія.

Любящій тебя дядя, «Юлій Гарло.»

До четверга! такъ черезъ три дня меня ожидаютъ замкъ, башни, кандала, Сомзъ! О! жестокіе, безчеловѣчные! изверги!

Вторникъ, восемь часовъ утра.

Еще письмо отъ Ловласа. Я ожидала гибну, угрозы, негодования челоува, который простоялъ столько ночей подъ открытымъ небомъ, но вышло напротивъ: письмо его исполнено нѣжности, нежности и безпокойства: « Ужъ не больна ли я? или со мною не обходится ли еще строже? Уже два дня какъ онъ ждетъ и надѣется. Прошедшая ночь была холодная и сырая; онъ весь продрогъ, а на другой день у него сдѣлалась лихорадка.» Знаешь, милая Ненси, онъ стоялъ у того самаго дуба, подъ которымъ мы съ тобою однажды отдыхали, когда день былъ такъ чудный, солнце такъ сіяло! все дышало свободой, счастьемъ, весельемъ!... а теперь?!...

Признаюсь, покорность Ловласа тронула меня. Напрасно я стараюсь увѣрить себя, что ни тѣмъ не обязана Ловласу. Однако мнѣ становится жаль его, когда вспомню все, что онъ терпитъ за меня, тѣмъ болѣе, что не смотря на лихорадку, онъ непремѣнно будетъ ждать у калитки въ назначенный часъ свиданья, котораго умоляетъ. А между-тѣмъ отъ рожи до трактира въ которомъ онъ живетъ теперь, очень далеко, и ему надо идти

пѣшкомъ болѣе мила до того мѣста, гдѣ ожидается его обыкновенно человекъ съ лошадыю.

Мнѣ очнь не понравилось одно мѣсто его письма гдѣ онъ говоритъ что подкунилъ одного изъ нашихъ людей и знаетъ черезъ него все, что происходитъ у насъ въ домѣ. Это неблагородно. А какъ человека этого нѣтъ дома, то онъ не знаетъ, что со мною дѣлается, и потому ужасно беспокоится. Мнѣ кажется, что подкупленный этотъ человекъ не кто иной, какъ Джозефъ Леманъ, повѣренный брата. Ужъ я давно подозрѣвала Лемана, но не съ этой стороны: я думала что онъ шпионъ брата, а не Ловласа. Его угодаивость, уваженье, униженная учтивость, съ которою уходилъ при моемъ появленіи, когда я гуляла по двору или въ саду, все это заставляетъ меня думать, что честный Джозефъ помогаетъ Ловласу, а можетъ-быть тоже и Джемзу? онъ лазутчикъ обоихъ, беретъ съ обоихъ и обманываетъ тоже обоихъ. Низкая тварь! И какъ Ловласъ сираведливо говоритъ, что тайныя эти сношенія не приличны человекъу его званія! Вотъ за чѣмъ онъ проситъ, умоляетъ, чтобъ я приняла его! Если я хочу, онъ вепроситъ своего дядю или леди Доренсъ пріѣхать съ нимъ вмѣстѣ на мѣсто свиданья; наконецъ, онъ проситъ какъ милости, въ которой я не могу ему отказать, чтобъ я позволила ему ѣхать къ Соизу, не для того чтобы пугать, а чтобъ упросить его оставить въ покоѣ миссъ Клариссу.

Онъ слова напоминаетъ мнѣ объ необходимости нашего свиданія. Нѣкоторыя обязанности отзываютъ его въ Лондонъ, но передъ отъѣздомъ онъ хочетъ удостовѣриться въ судьбѣ моей и принять все предосторожности противъ моего брата. Честь и любовь предписываютъ ему эти мѣры. Въ тоже время онъ говоритъ о своихъ прежнихъ проступкахъ, проситъ за нихъ прощенья и хочетъ загладить преданностью и любовью! О! милая Ненси, я вижу что онъ раскаивается, онъ доказалъ мнѣ это всею чѣмъ только могъ! покорностью моею волѣ, терпѣніемъ, снисхожденіемъ къ дерзостямъ брата, и наконецъ рвеніемъ спасти меня отъ предстоящаго несчастія. Къ-тому же, развѣ можно глядѣть равнодушно на такую преданность, на такое самопожертвованье и не прійти въ умилсеніе? вѣдь онъ изъ за меня те-перь болѣтъ! Прознаюсь, мнѣ жалъ его, другъ мой. Скажи, какъ поступила бы ты, еслибъ была на моемъ мѣстѣ? Но къ чему мнѣ теперь твои совѣты? уже поздно! Что сдѣлаю, того не вернешь; я отвѣчала, чтобъ онъ ждалъ меня завтра отъ девяти до десяти часовъ вечера, на концѣ сада, у бесѣдки или въ

самой бесѣдкѣ подлѣ фонтана; что, если можно будетъ, я прииду. Если же я раздумаю, или мнѣ нельзя будетъ отлучиться, то предупредю его во всякомъ случаѣ. Написавъ письмо, я положила его въ шель стѣны и пошла домой, но дорогой, совесть стала меня мучить, мнѣ показалось что я не хорошо поступаю и хотѣла вернуться, чтобъ изъять или перечитать по крайней мѣрѣ письмо мое, но его уже не было: оно дошло по адресу! какая невѣроятная дѣятельность! Онъ вѣрно былъ тутъ, за стѣною! Впрочемъ, я не вижу ничего дурнаго въ нашемъ свиданьи! Итому же вѣспомни его ужасный характеръ! Если я буду каждый разъ отъизывать, то совершенно выведу его изъ терпѣнія; онъ бѣситса что люди эти такъ жестоко обходятся со мною, и говорятъ еще что онъ причина моихъ мученій. Вспомни тоже, какъ онъ былъ тогда скромнѣе и почтительнѣе, когда встрѣтился со мною въ такое позднее время и въ такомъ уединенномъ мѣстѣ.... Слѣдовательно мнѣ нечего его бояться; да онъ ничего и не требуетъ, а хочетъ только слышать отъ меня самой, что я никогда не буду женою человѣка, котораго ненавижу и презираю. Наконецъ, если рассудить хорошенько, то развѣ я не вольна пойти на это свиданье, когда мнѣ это не враньется?

Бетти пришла объявить мнѣ, что я ѣду въ четвергъ и чтобъ я приготовилась къ отъѣзду; съ тѣхъ поръ какъ я нахожусь во власти этой злой твари, она обходится со мною также вольно какъ съ сестрой Арабеллою, но сестра позволеть ей, а я не терплю такой фамильярности. Она садится при мнѣ, говоритъ на каждомъ шагѣ пословицы, которыми напитана ея умная голова; повторяетъ, не упуская ни слова, остроты своей возлюбленной барышни; нюхаетъ табакъ, прищелкиваетъ пальцами, а я должна переносить грубости, пословицы и совѣты миссъ Бетти, потому что я у нея въ зависимости. Она это видитъ, знаетъ и пользуется. Сегодня особенно, мнѣ хотѣлось знать, когда мы ѣдемъ и когда меня потащутъ къ дядѣ Автови! Бетти клянется, что мы ѣдемъ въ четвергъ и что разъ прѣхавши, отъ меня отнимутъ перья, чернила, бумагу и всѣ средства продолжать такую опасную переписку. Она продолжала бы говорить до завтра, еслибы я не ушла къ себѣ въ кабинетъ. Напрасно стараюсь я успокоить себя всѣми возможными размышленіями, но я не довольна собою; меня мучаетъ, что я такъ скоро и легко согласилась на свиданье съ Ловласомъ. Я боюсь его, и потому намѣрена не исполнить даннаго ему обѣщанія, но какъ это устроить? Я написала дядѣ Гарло вѣжливое и почтительное письмо, въ которомъ

умоляла его вступиться за меня и выпросить, чтобъ отвѣздъ мой отложили еще на двѣ недѣли, на что дядюшка отвѣчалъ, что они согласны, только съ условіемъ, чтобъ я приняла и поговорила съ Сонзою, въ какой день и въ какой часъ мнѣ угодно. Чтobъ не употребить во зло ихъ снисхожденіе, я не хотѣла откладывать на долго этого визита, и потому рѣшилась принять его во вторникъ, въ четыре часа, въ бесѣдкѣ или въ гостиной. Но я боюсь, чтобъ Ловласъ, который все знаетъ, что у насъ дѣлается, не разсердился, когда узнаетъ, что я принимаю Сонзу, а ему отказываю — потому что я рѣшилась не ходить на это свиданье. Правда, что я принимаю Сонзу, но тутъ я ни на что не рѣшаюсь.... и потомъ развѣ это бездѣлица, я выигрываю цѣлую недѣлю времени? Цѣлую недѣлю! и усѣю написать тогда Ловласу, скажу, что не приѣду на свиданье. Да, да, напишемъ!

Я написала письмо и положила на обыкновенное мѣсто. Ахъ! какъ я рада! Какъ легко теперь на душѣ? Но что онъ скажетъ? что съ нимъ будетъ? въ какую придетъ онъ ярость! Если ты знаешь, милая Ненси, скажи мнѣ, гдѣ онъ теперь скрывается и какъ ведетъ себя, и что объ немъ думаютъ въ околдовѣ? Недавній пришлецъ этотъ не дѣлаетъ ли какихъ-нибудь скандаловъ? Какъ держать себя? Какъ бы мнѣ хотѣлось это знать! Полагаясь на твою предавнюю дружбу.

Миссъ Клариса къ миссъ Гоу.

Среда, 29 марта, въ девять часовъ утра.

Еще письмо отъ Ловласа. Это уже отвѣтъ на мое вчерашнее! Какъ онъ успѣваетъ? Вѣрно, онъ носитъ при себѣ перо, чернила и бумагу. О! какъ убого поступаютъ наши наставники, что внушаютъ намъ съ малолѣтства не довѣрять людямъ! Но честному существу такъ трудно бороться съ такою упорною волею! О! добрая Ненси, еслибъ ты знала какъ онъ жестоко оскорбилъ меня! и я принуждена молча переносить его вспышки и капризы! Сдѣлай одолженье, прочитай это письмо:

Къ миссъ Кларисѣ.

«Какъ! неужели опять распадутся пышныя мои надежды? Я пишу вамъ на колѣняхъ, усталый, измученный, съ бѣлыми, вскрытыми ниемъ волосами при первыхъ лучахъ восходящаго солнца; но какъ и что отвѣчать вамъ? Еслибъ вы еще приво-

«для достаточныхъ причины! а то сами же пишете, что приближаетесь къ концу этой мрачной драмы.... Вотъ именно почему я требую свиданія, которое вы мнѣ обѣщали. Да, вы мнѣ дайте слово, миссъ Кларисса, и я хочу, чтобъ вы его сдержали, потому что знаю всю опасность, которой вы подвергаетесь. Выслушайте меня, возлюбленная моя миссъ Кларисса, и знайте, что вы для меня дороже жизни и что я васъ люблю до безумія! Я внапередъ знаю, что языкъ мой оскорбляетъ васъ, что я теряю въ вашемъ мнѣніи, но я не могу долге владѣть собою. Ктому жъ, у меня нѣтъ ни времени, ни хладнокровія, чтобъ переписывать это письмо, изъ котораго вы, можетъ быть, поймете всѣ страданія души моей и необходимость свиданія.... Вы обѣщали обожающему васъ человѣку и котораго отказъ вашъ приводитъ въ отчаяніе. *Ловласъ.*»

Я тотчасъ же и рѣшительно отвѣчала этому своевольному человѣку, что я имѣю право взять назадъ вырванное у меня обѣщаніе; что даже обѣщавъ, я вольна слушать совѣты благоразумія, и что, наконецъ, зная его вспыльчивый и гордый характеръ, я прошу его прекратить всѣ обо мнѣ заботы, которыя дѣлаютъ ему столько труда. Однимъ словомъ, письмо это было написано твердымъ и достойнымъ тономъ, и надѣюсь что на этотъ разъ ты одобришь мое поведеніе. Но мнѣ кажется, что ты мнѣ не вѣришь и въ тихомолку улыбаешься. Чѣмъ чаще я спрашиваю свое сердце, тѣмъ болѣе желаю разрыву съ своимъ мучителемъ. А между тѣмъ буря уже приближается и вторникъ уже не далеко. Ахъ! еслибъ здѣсь былъ Морденъ! Я чувствую, что въ этой ужасной борьбѣ мнѣ необходимъ защитникъ.

Миссъ Гру къ миссъ Клариссѣ.

Четвергъ, 30 марта.

Ты, конечно, понимаешь, что я потому такъ долго не писала тебѣ, что не могла писать. Я говорила тебѣ о нашей родственницѣ, мистрисъ Ларкенъ, женщинѣ съ пугливымъ воображеніемъ, которая постоянно находится въ смертномъ томленіи. Она лежала на постелѣ, какъ бы приговоренная медиками къ смерти, и призвала мою мать къ себѣ на помощь. Моя мать отвѣчала, что будетъ, и хотѣла взять меня съ собой. Она отправлялась туда по двумъ причинамъ, во первыхъ изъ дружбы къ больной, вторыхъ изъ участія къ милому мистръ Гикмену. Она воображала, что ея протежѣ померкъ передъ сіяніемъ Ловласа, и что-

бы помочь ему, снова приобрести потерянное, пригласила быть машинистъ спутникомъ и охранителемъ. Мистръ Гикменъ явился верхомъ на прекрасной лошади, въ дорожномъ нарядѣ, завитой и раздушенный какъ цирюльникъ, храбрясь и гарцуя подгѣ дверецъ нашей кареты. Маменька была въ восторгѣ и посылала ему самыя милыя и привѣтливыя улыбки, а я даже и не посмотрѣла на него. Мистръ Гикменъ такъ опечалился, что, казалось, сейчасъ заплачетъ. Но чтожь дѣлать? Пора дѣвичья — наша золотая пора; до свадьбы намъ все позволено, и даже немножко жестокою не мѣшаетъ быть. Когда мы выходили изъ кареты, бѣднякъ протянулъ ко мнѣ руку, но я уклонилась, и сказала, «Пожалуйста, не беспокойтесь мистръ, я сама сойду.» Мистръ Гикменъ такъ смутился, что, казалось, готовъ былъ провалиться сквозь землю.

Мы вошли къ мистрисъ Ларкенъ. Отъ одного нашего виду почтенная старушка ожила. Она осыпала насъ ласками и вѣжностями, а только мы соберемся домой, у нея снова лихорадка! Такъ продержала она насъ до среды. Возвратясь домой, я тотчасъ послала за твоими письмами, и съ разсвѣтомъ тороплюсь отвѣчать, чтобы посовѣтовать тебѣ еще потерпѣть. Послѣ я дамъ точный отчетъ о нашемъ великомъ обольстителѣ. Однакожь, и теперь скажу тебѣ, что ты поступишь очень не хорошо, если покинешь родительскій домъ, когда есть хоть малѣйшая возможность остаться, не сдѣлавшись женой Сомза. Я одобряю твое письмо къ Ловласу, но не одобряю, что ты предлагала роднымъ принять твое имѣніе. Согласись, что это все равно что помазать kota по усамъ сливками. Будь увѣрена, что они тотчасъ же поймали бы тебя на словѣ, еслибъ стыдъ не удержалъ ихъ. Я должна признаться, что на твоемъ мѣстѣ, и будучи доведенная до крайности, я поступила бы точно такъ же какъ ты, то есть прибѣгла бы къ помощи Ловласа. Но ты должна быть образцомъ совершенства, а не примѣромъ слабости, и потому я не могу одобрить, что ты согласилась на свиданіе съ Ловласомъ. Что касается до твоей гадкой Бетти, если когда нибудь она попадется мнѣ въ руки... нѣтъ такого грязнаго пруда, въ которомъ бы я не утопила это злое созданіе. Но не о томъ рѣчь. Меня занимаетъ теперь Ловласъ, его гнѣвъ, досада, упорное требованіе свиданія. Тебя удивляетъ его запальчивость, но можно ли удивляться шуму потока въ бурю? Притомъ, всякій имѣетъ своего роду запальчивость, даже мистръ Гикменъ вспылывалъ бы иногда, еслибъ я не останавливала его взглядомъ. Онъ также едва не

увѣрять, что благородные характеры всегда вспыльчивы. Прекрасное извиненіе! Это все-равно какъ если бы такой господинъ упалъ передъ тобой на колѣни, съ хлыстомъ въ рукахъ, и сказать: «Миледи, я знаю, сколько обязанъ вамъ почтеніемъ; но... нельзя же иногда не поскрежетать зубами!» Лицемеры! они прикрываются искренностью. Чѣмъ больше я думаю о твоёмъ прекрасномъ обожателѣ, милый другъ мой, тѣмъ больше онъ кажется мнѣ пресмыкающимся, которое блеститъ при солнцѣ. Я вижу, какъ онъ ползетъ къ тебѣ. Онъ, змѣй! прикинется такимъ добрымъ, почтительнымъ, преданнымъ, но когда достигнетъ своей цѣли, у него останется только одна забота, — приучить тебя къ своимъ дерзостямъ, такъ, что, переходя отъ низости къ оскорбленію, отъ твоего прощенія къ новой обидѣ, добьется того, что ты будешь больше трепетать чѣмъ гнѣваться. Тогда прощай покорность и почтеніе! властительница превратится въ рабу; та которая такъ хорошо умѣла сказать хочу, должна будетъ говорить; какъ вамъ угодно. И какъ знать? «Что начинается зломъ, укрѣпляется возлѣ,» сказано въ «Макбетѣ.» Вотъ гдѣ опасность! И въ какую минуту!... когда все рухнетъ на тебя!

Бѣдная Кларисса! какъ я виновата передъ тобой, что говорю въ такомъ шутовскомъ тонѣ, но шутка только на губахъ, а сердце исполнено жалости и ужасу. Ахъ, будь осторожна въ этотъ ужасный вторникъ! да защититъ и вразумитъ тебя Господь! Свиданіе съ мистръ Сомзомъ будетъ рѣшительное. Будь тверда и отважна; защищайся, если окажется нужнымъ, даже противъ твоего добраго дяди. Подумай, вѣдь наконецъ, волей неволей, и мистръ Юлій Гарло будетъ припужденъ преслѣдовать тебя. Повторяю, теперь наступаетъ рѣшительный переломъ; со всѣхъ сторонъ опасность угрожаетъ тебѣ, потому-что, если наконецъ мистръ Сомзъ будетъ уничтоженъ, побѣжденъ и отступитъ, ты слова подвергнешься жестокостямъ твоихъ родныхъ и будешь ничтожной игрушкой брата и сестры. Изъ состраданія къ себѣ... ко мнѣ, остерегайся милая, Кларисса, чтобы не попало въ руки этихъ фурій какое-нибудь письмо, которое бы могло послужить новой пищей ихъ ненависти. Не забудь приготовить хоть немного бѣлья и платяевъ, въ случаѣ, если ты будешь принуждена оставить твою родительскую тюрьму. Если ты рѣшишься бѣжать, помни, что мать моя охотно приметъ тебя подъ свой кровъ, и что бы ни случилось, будь увѣрена, что ты всегда найдешь утѣшце въ моемъ сердцѣ.

Миссъ Кларисса Гарло къ миссъ Говъ.

Пятница, 31 марта.

Благодарю тебя, милая Анна, что ты объяснила причину твоего молчанія. Несчастіе сдѣлало меня тревожной и подозрительной; я думала, что ты ужъ забыла меня, а мнѣ теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь необходимы твои умные, справедливые и прямые совѣты, которые ты такъ мило умѣешь прикрывать невинною насмѣшкой; мнѣ нужна твоя очаровательная, блестящая веселость и удивительное искусство исправлять меня шутя. Мнѣ правится твое сравненіе Ловласа съ змѣемъ. Я улыбалась при описаніи этого человѣка, попеременно почтительнаго и дерзкаго. Да, мнѣ нужна твоя дружба; я чувствую, что сошла съ прямой дороги; я теперь утлый челнъ, оставленный на волю вѣтрамъ и бурѣ. Будь моимъ корчицмъ между этими скалами; здѣсь Сомзъ, тамъ братъ и сестра, а пристани нѣтъ. О, Боже мой, что дѣлать, если буря подыметься еще сильнѣй? Я надѣюсь на твою мать, вѣрю въ ея доброту, вѣрю, что она дастъ мнѣ убѣжище, и я буду повиноваться только ей. Только она и ты, милая Анна, вы будете моимъ прибѣжищемъ. Приказывайте, распоряжайтесь мной, скройте, спасайте меня, будьте моими покровителями, до тѣхъ-поръ пока пріѣдетъ мой благородный достойный кузенъ Морденъ. Однакожь будь спокойна, я чувствую, что имѣю довольно твердости. Благодарю за предусмотрительность; я припрячу письма, бумаги и немного бѣлья, но какъ спрятать платья? Бетти постоянно тутъ, глаза и уши на сторожѣ. Я застала ее, когда она рылась въ моихъ шкафахъ, но показала видъ, будто не замѣчаю; я дѣлаю больше, оставляю ключи въ шкафахъ, потомъ заставляю эту негодную дѣвушку перебирать мои платья, частію для того чтобы чѣмъ-нибудь занять ее, частію же чтобы мои вышитыя серебромъ платья не испортились, оттого что такъ долго заперты. Я принуждена хитрить, смотря по преслѣдованію. Бетти правится это занятіе, она любитъ блескъ серебра и атласу; это занимаетъ и усыпляетъ Аргуса. Всѣ мои родные совершенно полагаются на разсудительность Бетти; они совѣтъ меня ввѣрили ей. Я всегда хорошо обращаюсь съ людьми и они всѣ меня любятъ: поэтому, братъ и сестра только тогда могутъ быть спокойны, когда Бетти при мнѣ. Вотъ почему я должна буду бѣжать въ той одеждѣ, которая будетъ на мнѣ. И какъ должно все предвидѣть, то я одѣта каждое утро, не смотря на

моемъ кругу, тамъ, какъ бывало во дни счастья. Никто не пред-
кажетъ къ бедной Клариссѣ, однако она всегда-одна тамъ, какъ
будто ожидаетъ гостей. Ты видишь теперь, что я не вижу даже
возможности подумать о томъ, чтобы заняться самою необхо-
димую рдеждою. Чего я не изобрѣтала, дѣлала только чтобы
имѣть предлогъ прогулять въ саду! Я оставляю моею комнатку,
когда захочу подышать воздухомъ; сдѣлается грустно, иду къ
каскаду или смотрю на моихъ цецарокъ и золотистыхъ фазановъ;
иногда привлекаетъ меня безмолвная ночь, и небо устѣяное звѣ-
здами; иногда я выхожу любоваться восходомъ или закатомъ
солнца. Я приглашаю съ собою Бетти, но всегда избираю такое
время, когда она чѣмъ нибудь занята.

Бѣдная! я должна прятать свое бѣлье, дрожа отъ ужасной
мысли что, быть-можетъ, эта предусмотрительность необходима.
Открывъ пакетъ, милая Анна, ты найдешь собраніе моихъ на-
семъ, которыхъ ты еще не читала; копии съ твоихъ и мои за-
писки, которыя я дѣлала въ спокойныя минуты. О Ловласть имѣть
ни какого извѣстія! Письмо мое, отъ среды, было прочитано толь-
ко на другой день; сегодняшнее осталось безъ отвѣту. Ловласть
недоволенъ; онъ мститъ. Тѣмъ хуже для него; онъ меня нискол-
ко не беспокоитъ. Миѣ страшенъ Сомъ и свиданіе съ нимъ.
Страшенъ этотъ ужасный день, въ который должна произойти
борьба съ братомъ. Отдай отъ меня Роберту пять гиней, кото-
рыя ты найдешь завернутыя въ платокъ, въ память той услуги,
которую онъ оказалъ мнѣ. Я возьму съ собою нѣсколько брил-
лянтовъ и немного денегъ.

Пятница, часъ пополудни, на дровяномъ дворѣ.

Ничего еще о Ловластѣ!....

Миссъ Губъ къ миссъ Клариссѣ.

Четвергъ вечеръ, 30 марта.

Мои предчувствія не обманули меня, милая Клара. Прошлый
разъ я говорила тебѣ, что напала на слѣдъ тайны. Я узнала,
что это низкій человекъ, и теперь могу рассказать о немъ всю
подноготную, все что онъ дѣлалъ въ трактирѣ, въ гнѣздѣ кор-
шуновъ. Все ему годится, все ему добыча! Это или безумный,
котораго надо жалѣть, или злодѣй, который заслуживаетъ нака-
занія. Ахъ! ради Бога! не жалѣй его, не говори, что онъ бодр-
ствуетъ для тебя день и ночь, что терпѣть голодъ и холодъ,

что подвергается опасности. Да, правда, для тебя, но также и для другихъ. Несчастный! ему попалась въ когти хорошевиная дѣвушка, честная, кроткая, и только семнадцать лѣтъ!.... Дитя, она не знала еще людскихъ обѣтъ! Эта дѣвушка сдѣлалась постоиннымъ занятіемъ негоднаго Ловлаеса. Вотъ его гнусныя дѣла! И для того чтобы скорѣе уснуть, онъ пригласилъ друга и товарища съ веселымъ и услужливымъ характеромъ, котораго онъ приучилъ къ той же охотѣ. Къ нимъ присоединились еще двое или трое изъ ихъ жъ шайки, такъ же развратныхъ негодяевъ.

Говорятъ, что стоить послушать, когда они хохочутъ и пьютъ.... за здоровье Розоваго Буточника! Бетси, розовый бутончикъ! Дѣйствительно такъ называетъ онъ эту несчастную дѣвушку, и въ тоже время отдаетъ замужъ за деревенскаго парня. Что ты на это скажешь, милая Кларисса? я ничего не преувеличиваю: все, что я говорю тебѣ, я почерпнула изъ вѣрнаго источника. Министръ Гименъ вѣсколько разъ встрѣчалъ его, не съ Розовымъ Буточникомъ, и не въ гостиницѣ Золотаго Вѣка, но посреди, блага дня, и на весь честной народъ, съ женщинами, которые очень походили на прелестницъ, и каждый разъ съ новыми. Онъ думалъ о миссъ Клариссѣ, и между тѣмъ велъ такую безпутную жизнь! Что ты теперь будешь дѣлать, Кларисса? Если ты его оставишь, мы не будемъ больше говорить объ этомъ. Забудь это чудовище, и ни слова больше. Ахъ! еслибъ я могла вырвать у Ловласа его жертву, эту дѣвушку.... какъ бы я была рада! Я подумаю объ этомъ. Быть-можетъ, довольно будетъ одного свиданія съ нею, и если я найду благородное сердце, если дѣйствительно миссъ Бетси только неопытное дитя, то я очень просто сорву личину съ того, кто выдаетъ себя за капитана, и говорить, что скрывается потому что раненъ на дуэли. Да, я скажу Бетси и ея матерн, кто этотъ офицеръ; скажу, что товарищи его такъ низки и развратны-какъ онъ самъ, и что, славу Богу! онъ не принадлежитъ къ арміи короля. Тогда несчастная дѣвушка будетъ спасена. Говорятъ однакожъ, что онъ ею очень занятъ; что онъ не отходитъ отъ нея, сажаетъ съ собой за столъ, запрещаетъ своимъ товарищамъ подходить къ ней. Когда она говоритъ, онъ хвалитъ ее за наивность и естественность; когда поетъ, онъ сравниваетъ ея простые напѣвы съ пѣсней соловья. Однажды онъ назвалъ ее своимъ милымъ созданіемъ. Милая, милая Кларисса, я должна сказать тебѣ, чтобы ты болѣе тѣмъ когда-нибудь была осторожна; лучшая предосторожность — страхъ.

Да избавить тебя Богъ отъ этого человѣка, отъ его товарищей, отъ ихъ угрозъ! да сохранитъ Онъ тебя отъ Сомза и отъ Ловаса.

Миссъ Кларисса къ миссъ Гю.

Пятница, 3 часа.

Я изумлена, дрожу отъ стыда и негодованія. Несчастный! о, какъ жестоко онъ обманулъ меня! Неужели онъ такой вѣроломный... такой презрѣнный? Какъ увидѣться до подобныхъ поступковъ, и такъ худо скрывать свои намѣренія? Но я буду отважна, буду тверда; я давно ужъ привыкла къ горю. Оканчивай, умоляю тебя, продолжай эти ужасныя открытія, но, изъ состраданія, не говори мнѣ больше о невинности и чистосердечіи этой погибшей дѣвушки; не говори, что ея отецъ честный человѣкъ. Развѣ не видятъ они, жалкій отецъ и эта глупая дѣвушка, что подъ маскою и хитростями негодея таятся преступленіе? Однако, поторопись милая Анна, открой имъ объ угрожающей опасности. Я горю отъ нетерпѣнія. Ты говоришь, что увидишь эту дѣвушку, но когда? Постарайся увидѣть ее поскорѣй и опиши мнѣ ее. Ты говоришь, что она добра, прекрасна, но почему ты это знаешь? кто сказалъ тебѣ. И эти простыя пѣсни.... кажется тебѣ было такъ пріятно рассказывать мнѣ подробно объ этой идилліи.... эти пѣсни не для того ли онѣ, чтобы очаровать сластолюбца?... Несчастный! онъ попадетсѣ въ сѣти. И это правда, что онъ сажаетъ ее съ собой за столъ?... ужъ!... Но прости, мнѣ очень досадно на себя, что я такъ долго говорю объ этомъ кроткомъ и прекрасномъ созданіи. Какъ-будто можно быть добродѣтельной и безстыдной.... Ни слова больше, ни слова. Я ее презираю, ненавижу... Я гнушаюсь этимъ низкимъ человѣкомъ... я получила отъ него письмо, но не хочу читать.... Я ненавижу его больше чѣмъ Сомза.

Миссъ Гю къ миссъ Клариссъ.

Пятница, полночь, 31 марта.

Будь справедлива. Я перечитывала мое вчерашнее письмо и желала бы по вѣтру переслать тебѣ то, которое теперь пишу. Успокойся, онъ — по-крайней-мѣрѣ на этотъ разъ, — совершенно невиненъ въ преступленіи, въ которомъ я его по обманчивымъ признакамъ напрасно обвиняла. Я считаю долгомъ быть справедливой ко всѣмъ, и даже къ нему. Онъ не заслуживаетъ вче-

рашняго порицанія, напротивъ заслуживаетъ похвалы. Слушай, я видѣла эту дѣвушку; она дѣйствительно была, правдива и невинна, и только ужасный негодяй могъ бы обмануть это благородное сердце. Отецъ ея очень недалекій, и такой же простой какъ дочь. И такъ (береги свое сердце, Кларисса) я должна оправдать Ловласа.

Это — простая и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательная исторія, въ которой Ловласъ игралъ благородную роль. Эта дѣвушка влюбилась въ одного молодого человѣка, но не имѣла средствъ выйти за него замужъ. Мистръ Ловласъ устранилъ всѣ препятствія, далъ жениху и невѣстѣ по сту гиней, и теперь, на будущей недѣлѣ, они женятся. Онъ также обѣщалъ отцу невѣсты двадцать-пять гиней на свадьбу и на бѣлье дочери. Весь домъ благословляетъ мистра Ловласа. Отецъ признается, что сначала его гость, — котораго онъ называетъ мистромъ Борро, — очень ухаживалъ за его хорошенькой дочкой, но бабушка дѣвушки дотога умоляла господина капитана оставить ея вѣручку въ покоѣ, что онъ вдругъ перемѣнилъ любезности на серьезныя рѣчи, и сталъ читать дѣвушкѣ такія правоученія, какія никогда еще не выходили изъ устъ моралиста.... Вотъ и вся исторія. Ты видишь, что Ловласа не за что обвинять, онъ чистъ какъ снѣгъ.... Однакожь, что будетъ съ нами? Мистръ Ловласъ — наставникъ молодыхъ дѣвушекъ!... Какъ ты объ этомъ думаешь? Не правда ли что конецъ свѣту приближается?

Миссъ Кларисса къ миссъ Гоу.

Суббота, 1 апрѣля.

Ты видишь, что никогда не должно дурно говорить даже о людяхъ совершенно испорченныхъ.... Не думай чтобы я хотѣла оправдать Ловласа, который имѣетъ множество неисправимыхъ недостатковъ, но должно признаться что мы виноваты, зачѣмъ повѣрили глупымъ рассказамъ лакея. Я признаюсь, что почла бы Ловласа за величайшаго изъ негодяевъ, если бы дѣйствительно онъ такъ близко замка Гарло унизился до подобной витриги. Но этого еще не должно вмѣнять ему въ заслугу.... Во всякомъ случаѣ, я очень счастлива, что не должна негодовать на этого человѣка, и, въ вознагражденіе, не только открываю его послѣднее письмо, котораго не хотѣла читать, но даже буду отвѣчать.... во-первыхъ, потому что письмо это очень вѣжливо; во-вторыхъ, потому что хочу загладить несправедливость. Но счастье его, ни-

лая Анна, что я не отвѣчала ему тотчасъ по прочтеніи твоего письма: тогда я была бы принуждена снова сказать Ловласу, что разрываю съ нимъ всякое сношеніе, и, быть-можетъ, сказала бы отчего.

Тогда, подумай, науде преимущество онъ имѣлъ бы передо мной!... Прочитай его письмо. Вотъ оно. Надѣюсь, что ты найдешь его довольно почтительнымъ и скромнымъ. Гордый Сикамбра склоняетъ голову, и признаюсь, что зная исторію Розоваго Бутончика, я болѣе прежняго цѣню это почтеніе и эту скромность. Онъ болѣзнь!... онъ не могъ даже прійти взять мое письмо. Ты сама видишь, какъ онъ попеременно переходитъ отъ безпокойства къ раздраженію, потомъ, мало-по-малу опять является его гордость; онъ начинаетъ горячиться противъ Сомза... и тогда нашъ Ловласъ приходитъ въ бѣшенство, котораго я такъ боюсь. Ты справедливо говоришь, что мужчине должно держать въ уздѣ и въ покорности.

Мой отвѣтъ былъ вѣжливъ и твердъ, я показала ему гораздо больше твердости чѣмъ дѣйствительно имѣю, потому что у меня голова кружится при одной мысли, что живу, или мертвую, меня отправить къ дядюшкѣ Авонн. Вторникъ не далеко. Я знаю какъ взыщливъ и упрямъ мой дядя... Однако прощай моя милая Анна. Ахъ, какъ ты счастлива! твои обязанности такъ легки. Ты повинешься только матери и своему сердцу.

Миссъ Гоу къ миссъ Клариссѣ.

Воскресенье, 22 апрѣля

Будь спокойна, я получила твой узелокъ; бѣлье и письма у меня, въ безопасности. Когда нашъ вѣрный Робертъ возвращался отъ дроваваго двора, Джозефъ Леманъ кричалъ ему: «Э! мистръ Робертъ, берегитесь! вы очень близко къ дому подходите!» Будь увѣрена, милая Кларисса, что ты Леману и достойной Бетти много обязана свободой, которую тебѣ оставляютъ, но какъ это у тебя нѣтъ ни одной изъ тѣхъ преданныхъ наперевѣцъ, какіе встрѣчаются въ романахъ, ни Клеансы, ни Виолетты, ни Кледин, которыя бы готовы были умереть за свою госпожу? Я читала твое письмо къ моей матери и могу сказать тебѣ, что мѣсто о повѣновеніи тронуло ее. Я даже хотѣла уже воспользоваться этою нипутой и повпросить ее взять тебя, когда очень не кстати вошелъ досадный Гикмель, съ вѣчною своею улыбкой на полуоткрытыхъ устахъ, съ зѣмнымъ поклономъ и въ жабо и манше-

тахъ, которые онъ безирестанно поправляетъ и которые мнѣ страхъ хотѣлось изорвать въ клочки.

До свиданія, милая. Я не разверну твоихъ бумагъ, потому что безъ того знаю, что въ нихъ заключается; я знаю мою Клариссу. Хотя ты, правда, иногда и не рѣшаешься дать мнѣ читать въ твоемъ сердцѣ, однако жъ я тѣмъ же менѣе знаю все, что въ немъ происходитъ. Позволь замѣтить тебѣ, что ты жестоко обращаешься съ деньгами, которые даешь Роберту. Види себя такимъ богачемъ, онъ, пожалуй, купитъ обручальное кольцо.

Миссъ Кларисса къ миссъ Гю.

Воскресенье, вечеръ, 3 апрѣля.

Выслушай новыя подробности и подвиги политикѣ моихъ друзей. Сегодня утромъ они вѣзли въ церковь безъ меня и привезли съ собою пастора Люнна, который попросилъ позволенія поговорить со мною до обѣда. Онъ былъ очень ласковъ со мною, но нѣ слова не сказалъ о жестокихъ тревоженіяхъ моей жизни. Онъ даже уклонился отъ отвѣту, когда спросила, не удивляется ли онъ, что не видитъ меня въ церкви. Люнна вышелъ какъ вошелъ, и посѣщеніе его не имѣло ни какого значенія кромѣ учтивости. Что бы это значило однако жъ? Послѣ обѣда наши опять отпразднаны въ церковь; только братъ и сестра остались дома. Когда я пришла въ садъ, они оба были тамъ и прогуливались, держась за руки, какъ влюбленные. Сначала они подавали видъ, будто не примѣчаютъ меня; потомъ, на поворотѣ аллеи, сестра отпустила мнѣ глубокій поклонъ, на который я отвѣтила не менѣе торжественно. «Кларочка, не находите ли вы, что сегодня холодно?» спросила она. «Нѣтъ», отвѣчала я и пошла къ моему птичнику. Джемъ и Арабелла тоже пришли, другою дорогою. «Не уступите ли вы мнѣ нѣсколько птицъ для моего шотландскаго птичника?» сказалъ Джемъ. «Извольте», отвѣчала я, и Арабелла тотчасъ же начала выбирать птицъ. Я думаю, что главною цѣлю ихъ было сказать мнѣ что-нибудь ласковое.

Потомъ дяди тоже выказали свою родственную привязанность и спросили, не угодно ли мнѣ разливать имъ чай въ моей комнатѣ, и дядя Юліи, не дождавшись моего отвѣту, первый пришелъ наверхъ. Онъ называлъ меня, какъ прежде, племянницей; голосъ его былъ такъ прѣжній, что я упала къ его ногамъ. «Полно! сказалъ онъ: Кларочка, дитя мое, успокойся; все кончено; я люблю тебя; всѣ тебя любятъ. Повѣрь мнѣ, что я, съ моей сто-

розы, горькѣ отъ потеряннаго повидаться съ тобою и угодить тебѣ. Говоря это, онъ пожималъ мнѣ руки, осыпалъ ласками, любовался на всѣ мелочи въ моей работѣ, въ вышивкахъ и рисункахъ. Я смутно увидѣла слезки подъ этими неожиданными ласками, смѣшалась и встревожилась. Наконецъ дядя пошелъ и вдругъ, остановясь на порогѣ, сказалъ: «Милая Кларочка, если бы ты пошла со мною внизъ... Отецъ и мать тамъ. Они были бы такъ рады видѣть тебя». Видя потомъ перемену въ моемъ лицѣ, онъ прибавилъ: «Если, однако жъ, ты еще не рѣшилась повиноваться, то ужъ лучше подожди». Съ этимъ словомъ онъ испѣшно ушелъ, какъ будто стыдился роли, которую игралъ.

Потомъ пришла Арабелла. Она нашла меня въ слезахъ и сказала довольно сухо и отрывисто: «Сестрица, одолжите мнѣ вашей книги «О подражаніи Христу». — Извольте, мнесь. — «Почему мнесь? Почему вы не называете меня сестрой?» — Я готова, сестрица, сказала я и подала руку, но тотчасъ же опять отдернула, какъ-будто меня ужалила змѣя: столько ненависти и злости я увидѣла въ глазахъ моей сестры! Бетти, въ свою очередь, пришла, потому что и она имѣла свою роль въ этой комедіи. Она пришла поздравить меня съ моею рѣшимостью, съ моимъ торжествомъ, съ тѣмъ, что «мой дядя Юліи въ восхищеніи, что всѣ мои родные счастливы, что все готовится къ моей свадьбѣ съ мистромъ Сомзомъ». Видишь, что они думаютъ! видишь, милая Анна, что они поступаютъ со мною уже такъ, какъ-будто я сказала: *я согласна!*

Сегодня же я получила письмо отъ Ловласа. Онъ, какъ всегда, извиняется въ своей запальчивости и оправдывается участіемъ, которое принимаетъ въ моемъ положеніи. Замокъ или, лучше сказать, крѣпость леди Антони; рвы, наполненные водою со времени Вильгельма Завоевателя; убранныя, приготовленная домашняя церковь, — вотъ, что пугаетъ его... и меня тоже. Но я надѣюсь еще на доброту твоей матери; надѣюсь, что она не откажется дать мнѣ пріютъ въ своемъ домѣ.

P. S. Еще письмо отъ Ловласа. Онъ негодуешь на дерзость Сомза. Кажется, Сомзъ совершенно увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ купилъ лошадей, меблировалъ домъ и... даже назначилъ комнату, которая будетъ дѣтскою! Ловласъ, съ своей стороны, дерзокъ не меньше Сомза. Можно подумать, что онъ спячаетъ меня свинцовымъ шиллингомъ, который можно согнуть и выправить какъ угодно. Онъ осмѣлился предложить мнѣ, что пріѣдетъ за мною въ каретѣ шестернею. Все уже готово! Меня будетъ охранять

войвой, а его кузина будет дожидаться въ каретѣ. Его дяди, бардъ М*** и обѣ тетки готовы принять меня въ своемъ домѣ, какъ родную дочь. О, матушка! о, братецъ Морденъ! гдѣ вы? Ты можешь представить себя, мой другъ, какъ я отвѣчала Ловласу. Я ни зачѣмъ на свѣтѣ не приму такого предложенія. Но такъ я несчастна, что принуждена выслушивать такіа предложенія и защищаться на каждомъ шагу!

Послѣ завтра наступитъ роковой *вторникъ*. Одно это слово выражаетъ тебѣ весь мой страхъ. Помолись за меня.

=

•

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ВПЕЧАТЛЕНІЯ

И

ВОСПОМИНАНІЯ ПОКОЙНИКА.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

=

До войны съ Персіей Гумры были довольно богатымъ городомъ. Квартировавшіе здѣсь офицеры жили зажиточно; почти у каждаго было по двадцати коровъ и по тридцати лошадей, а солдаты имѣли артельные стада свиней. Городъ заключалъ въ себѣ до пяти сотъ армянскихъ и татарскихъ семействъ, изъ которыхъ многіе вели заграничную торговлю съ Карсомъ, и все было дешево. Вдругъ, вѣроломный Хасанъ-Ханъ эриванскій нечаяннымъ нападеніемъ совершенно уничтожилъ все это благосостояніе. Татары ушли къ Туркамъ въ Карсъ, Армяне въ Джелаль-Оглу. Русскіе войска отступили съ честью. Все частное имущество сдѣлалось добычею грабителей. Въ прошломъ году (1827) начали строить здѣсь новую крѣпость. Внутри ея видно много развалинъ прежнихъ армянскихъ зданій. Въ этихъ развалинахъ

солдаты подымали себѣ землянки. Армянское предмѣстье изъ пятидесяти семействъ составляетъ нынче все населеніе.

Въ Гумрахъ пренного говорили о чумѣ. Она явилась здѣсь средн лѣта, когда привезли изъ Карса плѣнныхъ Турковъ, и продолжалась до октября: погибло много офицеровъ и солдатъ. По рассказамъ, чумные желваки залечивали пластырями, давая внутрь лекарство. Многіе показались выздоравливающими. Но вдругъ внутреннее воспаление повергало ихъ въ конвульсіи. По вскрытіи труповъ вся внутренность оказывалась пораженною антоновымъ огнемъ. У нныхъ открывались подъ руками и въ пахахъ черные желваки, а по тѣлу пятна; нѣкоторые съ этими признаками вылечивались и дѣлались здоровѣе.

Во время чумы всѣ войска находились въ лагерѣ отдѣльно рота отъ роты, и часто перемѣняли мѣста. Удивительно, что чумные Турки не умирали, а Армяне здѣшніе вовсе не заражались.

Анекдоты о чудномъ мужествѣ русскаго солдата продолжаются.

Во время тѣсной и продолжительной осады Шини солдатамъ пришлось голодать. Всѣ запасы истощились. Начальникъ крѣпости обходя по стѣнамъ ободрялъ солдатъ къ терпѣнію, внушая имъ надежду на скорую помощь. «Ну, что жъ, ваше высокоблагородіе! говорили они: если нечего будетъ ѣсть, такъ мы по жеребью станемъ сами другъ друга жарить и глотать, а ужъ не сдаться этимъ дуракамъ Казильбашамъ!»

Казачій офицеръ, очевидецъ событія, рассказывалъ мнѣ: «Представьте себѣ, послѣ взятія крѣпости подъ карскою цитаделью, въ которой еще сидѣли несдающіеся Турки, солдаты ширванскаго полка кричали мнѣ: «Сдавайтесь, бусурманы, нето полѣземъ!» И одинъ изъ солдатъ, посаженный на прикладахъ товарищами, залѣзъ на башенку, и хотѣлъ ухватиться за желѣзную рѣшетку въ окнѣ, чтобы вскочить на стѣну: онъ думалъ одинъ взять цитадель. Снизу ему казалось возможнымъ достать рукою до рѣшетки, но съ башенки онъ убѣдился въ ошибочности своего расчета: тогда, смотря вверхъ на Турковъ, онъ сказалъ: «Ну, бусурманъ!... надулъ!»

Въ день назначенный для штурма, съ одной стороны карской крѣпости велѣно было нѣсколькимъ батальонамъ произвестъ фальшивую атаку, тогда какъ настоящій приступъ готовился въ другомъ мѣстѣ. Турки высыпали большими силами, съ тѣмъ чтобы отбить эту слабую атаку. Послѣ первыхъ выстрѣловъ наши сол-

даты разгорячились, и такъ крѣпко потѣснили Турковъ, что вмѣстѣ съ ними проникли въ крѣпость. Ихъ хотѣли остановить, опасаясь бѣды для этой горсти людей, которая могла вдругъ быть обхвачена всѣмъ гарнизономъ; но удержать было невозможно. Офицеръ, схвата за руку одного изъ передовыхъ сибѣльчаковъ, закричалъ: «Стоять!... братцы, остановитесь!... дальше не надо! Это только такъ.... фальшивая атака!» — Нельзя, ваше благородіе! отвѣчалъ храбрый солдатъ, вырываясь: позвольте.... не въ первый разъ!... мы ужъ знаемъ это дѣло!... ихъ надо гнать и колоть; вѣдь они — нехристи.... Шутить съ ними не стоить: пока его по зубамъ не треснешь, русской шутки онъ не понимаетъ.» Натискъ продолжался, и крѣпость была покорена фальшивою атакою. Каковы наши солдатики!

Послѣ пріятной бесѣды, сидя въ тулупѣ, въ теплыхъ сапогахъ и въ мѣховой шапкѣ я дрожалъ отъ холоду въ гостепріимной саклѣ и философствовалъ освѣщаемый съ потолка окошечкомъ. Это была лучшая здѣсь квартира: домъ самаго пристава бомбацкаго и шурагельскаго.

На другой день (11 декабря) подвиглась снѣжная мятель. Однако я поѣхалъ, не желая замерзнуть въ Гумрахъ. Комендантъ былъ такъ добръ, что снабдилъ меня провожатыми и свидѣтельствомъ: одно о томъ, что я проѣхалъ границу въ Гумрахъ, а другое, что я ни съ кѣмъ не имѣлъ сообщенія въ крѣпости, ни въ карантинѣ. Дорога отъ Гумръ равниною до деревни Караклисъ также была разорена Персіянами. Всѣ жилища представляли груды камней. Только недавно начали собираться Армяне.

Отъ Караклиса путь лежитъ также равниною по рѣчкѣ Карангу, выходящей изъ сѣверной части Алагёза, котораго вершина была закрыта облаками. Вправо на берегу видны развалины большой деревни Тальбоганъ; разоренной еще въ прежнія времена. Далѣе деревня Хорумъ, подъ горою, усѣянною грудями камней, которые свидѣлствуютъ также о бывшемъ значительномъ поселеніи. Старожилы говорятъ, что на этомъ мѣстѣ стоялъ большой городъ. Огромные камни съ надписями, вставленные въ церковныя стѣны, удостовѣряютъ въ этомъ. Противъ Хорума по правую сторону рѣчки стоитъ небольшая деревня Кутлушлагъ. Хорумъ не былъ разоренъ Хасанъ-Ханомъ, потому что здѣсь случилось тридцать солдатъ въ помощь жителямъ, которые, съ семействами, взобравшись на гору, засѣли между развалинами и, отстрѣливаясь упорно, остались въ цѣлости; они по-

теряли только скотъ свой и дюжину дѣтей, захваченныхъ врагами въ плѣнъ.

Мятежъ и гора Паланкетень на пути заставили меня остаться для ночлега въ Хорумѣ. Опасно было подвергаться съ людьми и лошадьми сѣвжной вьюгѣ, при подъемѣ на гору, и ночлегу среди пустыни.

Староста предложилъ мнѣ сборную землянку, *мамасаки*. Это единственное мѣсто, гдѣ можно спать не съ буйволами. Впрочемъ амміачнаго благовопія и здѣсь нельзя избѣгнуть. Все за-кавказье пахнетъ амміакомъ. Духота отъ собранія инотихъ людей, которые съ утра до ночи, отъ нечего дѣлать, сюда сходятся, и вонь отъ кизяка, дымящагося въ каминѣ, почти несносна. Но, покоряясь необходимости, можно во всемъ найти поэзію.

Хорумъ лежитъ на рѣчкѣ Карангу, составляющей границу шуграгельской провинціи отъ эриванской области. Провинція очень плодородна, и производитъ превосходную пшеницу, но, по недостатку въ мельницахъ, и по неумѣнію очищать зерно, хлѣбъ дуренъ. Его пекутъ лепешками въ золѣ, не въ печахъ, а въ ямахъ, которыя разжигаются вѣзаконъ. Стрѣва безвѣсна. Жители сѣютъ только пшеницу, ячмень и просо. У нихъ много было скота, особенно овецъ, которыя, какъ мериньсы, каштановаго цвѣту съ длинными повислыми ушами, съ малыми головками и огромными курдюками; шерсть на нихъ густая, но жесткая. Въ прежнее время жители, почти черезъ каждые десять лѣтъ, были раззоряемы то Персіянами, то Турками: они теперь очень радовались взятію Русскими Карса, который отсюда въ шестидесяти верстахъ; они могутъ возить туда свои произведенія, и покупать тамъ строевой дѣсь.

Мое подземелье наполнилось множествомъ любопытныхъ, которые отъ слабого свѣту изъ каміна и лампы, чуть освѣщаемые сидѣли около меня поджавъ ноги, какъ привидѣнія. Одни шептались между собою, замѣчая при мнѣ что-нибудь для нихъ необыкновенное, а другіе слушали мою бесѣду съ старостою и сѣдымъ священникомъ. Я замѣтилъ, что Армяне привѣтливѣе Грузины; если нѣтъ дѣла о барышахъ, то они простодушны и откровенны. Грузины, напротивъ, всегда угрюмы и недоброжелательны. Можетъ-быть и то еще дѣлаетъ здѣшнихъ Армянъ благопривѣтѣе Грузинъ, что у нихъ нѣтъ вина и не слышно о духанщикахъ. Они ведутъ мирную, идиллическую жизнь, и молодые, собираясь въ мамасакию, научаются отъ стариковъ благоразумію. Для защиты, въ случаѣ опасности, дапо имъ въ деревню двадцать ру-

жей, которые однако паляютъ въ небреженіи и заржавленные. Это не показываетъ въ нихъ воинственнаго духа. То же я видѣлъ и въ Гумрахъ.

Шурагальская и бомбакская провинціи достались Россіи въ 1801 году, при князѣ Циціановѣ. Въмѣсто подушной подати брали съ жителей отъ семейства въ годъ по шести четвертей пшеницы: здѣшняя четверть составляетъ шесть нашихъ четвериковъ. Четверть продавалась по полтора рубля серебромъ. Прежде пограничное укрѣпленіе было въ Артикѣ, у подошвы Аллагѣза, но, по безполезности, оставлено. Впрочемъ, окрестныя горы или возвышенные берега рѣчекъ каменисты и бесплодны: одиѣ только долины, орошаемыя ручьями, плодородны. Если бъ можно было здѣсь развести лѣсъ, то эта страна была бы благословенная.

Между-тѣмъ, когда я бесѣдовалъ съ почтенными стариками, которые, посасывая деревянный каліунъ, передавали его другъ другу, молодые забавлялись моимъ жучкою. Особенный восторгъ возбудилъ онъ, когда я заставилъ его ходить на заднихъ лапахъ и просить ѣсть. Староста давалъ мнѣ за него два рубля серебромъ. Послѣ того явился весельчакъ, надѣвший вывороченную шубу, въ длинной шапкѣ, и подвязавъ себѣ козлиную бороду, сталъ дразнить собаку. Жучка, поскромничавъ, рѣшился наказать невѣжу, вцѣпился въ его козлиную бороду, и тѣмъ всей честной компаніи доставилъ превеликую потѣху.

Наконецъ я упросилъ гостей оставить меня. Я думалъ уснуть. Не тутъ-то было: духота, насѣкомыя, ужаси.... наконецъ, когда усталые глаза начинали смыкаться, гнусливое, нервическое пѣніе и тяжелые шаги на крышѣ сакли.... это было пѣснопѣніе мюзезина, который, чуть свѣтъ, расхаживая по крышамъ деревни, прозвительнымъ голосомъ сзывалъ всѣхъ на молитву въ армянскую церковь, по обычаю магометанскому.

До Мастераха я взялъ проводника. Онъ повелъ меня сперва ввизъ по долинѣ. Передо мною возвышался Аллагѣзъ, или Аллагѣзъ (Божій-глазъ), плоская, обширная гора съ небольшою угловатою вершиною въ одномъ концѣ. Главнѣйшее свойство Аллагѣза то, что во всѣ стороны выходятъ изъ него ручьи и рѣчки, раздѣляющія гору лучами; тѣмъ уподобляется онъ глазу съ сіяніемъ, или Оку Всевидящаго. На немъ нѣтъ ни кусточка ни деревца; но, судя по развалинамъ жилыхъ мѣстъ при подошвѣ, было нѣкогда многолюдное населеніе. Даже теперь, по сѣверной и западной сторонамъ горы, вездѣ, гдѣ текутъ ручьи и рѣчки, видны каменные цркви прежнихъ армянскихъ деревень Кипчака,

Артика, Ширванджика, Магмудола. При Артикѣ было даже хорошее укрѣпленіе въ командованіе князя Циціянова. Всѣ эти деревни, въ разныя эпохи разоренныя, опустѣли и на виду остались только одиѣ церкви, обманывающія глазъ мнимою людностію. Я проѣхалъ еще мимо развалинъ большихъ деревьевъ Мулагули, Бугускесана и Палакетеня. Дорога шла черезъ гористое возвышеніе между рѣками Арпачаемъ и Аргу, которая отдѣляетъ вѣво Аллахгѣзъ. Большіе камни и обломки гранита во многихъ мѣстахъ препятствовали проѣзду, такъ, что мою бричку надобно было безъ лошадей поднимать и опускать веревками. Особенно трудно было взобраться на гору Палакетень, занесенную сѣгомъ: версты четыре мучились мы на ней, переходя съ одного подъема на другой. Отъ развалинъ послѣдней деревни дорога шла въ ущелье, гдѣ такъ велики и часты были скалы, что проводникъ совѣтовалъ мнѣ лучше подняться на самую гору. Я это сдѣлалъ, и зато имѣлъ удовольствіе съ вершины ея привѣтствовать героя Церковной Исторіи, Большой Араратъ, закутанный сперва въ облака, потомъ прояснившійся. Онъ такъ же огроменъ какъ Ошха или Эльборусъ на Кавказѣ, только одноплавый. Малый Араратъ правильнымъ конусомъ, какъ сахарная голова, видѣнъ вѣво далеко ниже Большаго. Западная часть Аллахгѣза оканчивается островерхою, каменною горою Адіманъ, у подошвы которой остались развалины деревень Адімана, Бугутлина, Мазарджика. Такимъ образомъ на небольшомъ пространствѣ около подошвы Аллахгѣза я видѣлъ развалины болѣе двадцати деревень. И куда все это дѣвалось!

Проѣхавши нѣсколько долиною Аргу, мы поднялись опять на каменную гору и съ вершины ея открылись вправо всѣ высоты за Арпачаемъ и Араксомъ: хребетъ Кизиль-Ташъ и Алладагъ; первый оканчивается въ углу впаденія Арпачая въ Араксъ и не кажется столько значительнымъ, какъ второй впереди, равняющійся высотой съ кавказскимъ и оканчивающійся вѣво Араратомъ. Отъ Алладага простирается плоская, наклонная къ сѣверу долина, въ глубинѣ которой протекаетъ Араксъ; между тѣмъ вѣво отъ дороги плоская возвышенность Аллахгѣза уходила въ облака, а напротивъ стоялъ Араратъ грознымъ исполиномъ; заходящее солнце золотило вправо Кизиль-Ташъ, отбрасывавшій длинную голубую тѣнь на долину Аракса, а розовая заря отдѣляла гребень Алладага. Я будто посмелъ на воздухѣ между исполинами древняго міра и съ облаковъ обзрѣвалъ во всѣ стороны священную древность, колыбель человечества. Бываютъ минуты,

въ которыхъ человекъ дѣлается не земнымъ; но это тогда только, когда уединившись отъ мятежнаго общества людей опъ сближается мыслени съ небомъ, съ природою, съ вселенной: величю міра дѣлаетъ его великимъ, изящныя красоты природы дѣлаютъ изящными его ощущенія. Никогда искусственная, городская жизнь не въ состояніи возвысить чувства до такихъ восторговъ.

Спускаясь съ каменистой высоты въ долину, я увидѣлъ влѣво подъ скалами стелющуюся въ углу деревню Мастарахъ, или Мастары, и ея огромную высокую церковь, бывшую мечеть, которая уцѣлѣла одна отъ всеразрушающей злобы людской.

Въ Мастарахъ была карантинная застава: лекаръ и десять человекъ казаковъ. Удостоверившись, что ѣду не изъ зачумленнаго мѣста, они дали мнѣ свободу.

Черезъ Мастары дорога идетъ въ Эриванъ изъ Гумръ, Карса и Арзерума. Изъ Карса въ Эриванъ возятъ пшеницу и ячмень, а изъ Арзерума всякіе товары, которые безошлнно отправляются въ Тавризъ. Покуда еще не учреждена здѣсь таможенная линія, азіатскіе купцы пользуются временемъ и свободнымъ проѣздомъ. Изъ Арзерума товары теперь проходятъ по Аллахгѣзу мимо Эчмеадзина и Нахичевани проселочными дорогами на вьюкахъ; но въ Тифлисъ ничего не везутъ, опасаясь карантиновъ и таможи.

Дорога шла по долинѣ рѣчки Аргу противъ отдѣльной горы Бугуты, потомъ поднялась на каменистое возвышеніе. Слѣгу встрѣчалось мѣтѣ. На седьмой верстѣ опять спустился я на долину къ развалинамъ города Малой Талыни: двѣ огромныя мечети и почти цѣльныя каменныя сакли означали недавнее жительство народа. Передъ войною Персіане угнали отсюда всѣхъ Армянъ на аллагагскій хребетъ, а Татары бѣжали къ Карсу и Ахалцыху; по взятіи этихъ крѣпостей они перебѣжали въ Хой, и тамъ остались. Пройдя еще версты двѣ и спускаясь все ниже черезъ каменистое поле, встрѣтились развалины каравансарая: это означало большую дорогу изъ Карса въ Эриванъ. Далѣе открылась небольшая осмиугольная глиняная крѣпость съ полу-башнями на углахъ зубчатыхъ стѣнъ, и по срединѣ ея, внутри, высокія развалины замка съ башнями, построеннаго изъ огромныхъ красныхъ плитъ, волканической породы. И здѣсь видны были подъ снѣгомъ слѣды жилыхъ домовъ.

Крѣпость Малая-Талынъ была первою твердынею персидской границы противъ Турціи и Россіи; но, въ рукахъ Кизилбашей, она не могла устоять противъ нашихъ партизанскихъ отрядовъ

въ началѣ войны. Теперь занимаетъ ее севастопольскаго полка ефендеръ, съ двадцатью солдатами, для наблюденія за Мастарани и за большою дорогою изъ Карса. По рассказамъ туземцевъ, въ замкѣ жила владѣтельница городовъ Большой и Малой-Тальни, армянская княгиня Лютра, прекрасная какъ полная луна, и мудрая какъ Асофъ, визирь Соломона — да будетъ съ нимъ царь! Шахъ Ага-Мухаммедъ-Ханъ, обложивъ Эривань, разорилъ оба города, сокрушилъ замокъ, хотѣлъ покорить княгиню, но княгиня погибла въ борьбѣ съ побѣдоноснымъ эвухомъ. Впослѣдствіи, Персіяне сдѣлали вокругъ замка новую крѣпость, которую съ приближеніемъ Русскихъ бросили безъ выстрѣла. Внутри замка лежатъ огромныя звѣзья воротъ изъ красиваго волканическаго камня. Этотъ камень составляетъ здѣсь необыкновенное явленіе. Караванъ-сарай со сводами построенъ изъ такого же камня, красиваго и чернаго. Армяне говорятъ, что онъ находится внутри Аллахгёза; всѣ скаты береговъ и овраговъ, отъ Хорума до Тальни, закиданы имъ, и въ развалинахъ бывшихъ деревень болѣе или менѣе примѣчаются его обломки.

Отъ крѣпости Малой-Тальни спустился я въ глубокую долину Аракса, около сухаго русла рѣки Аргу, которая тутъ засыкла: вмѣстѣ съ этимъ и страна обезлюдилась.

Меня провожали изъ крѣпости два солдата. Я люблю бесѣдовать съ солдатами и слушать ихъ простодушные повѣствованія. Мои провожатые рассказали мнѣ, какъ въ отрядѣ князя Чевчевадзе, при взятіи Топрахъ-Калё, они, въ числѣ тысячи человѣкъ, отстрѣливались пять дней отъ шестнадцати тысячъ Курдинцевъ, у которыхъ отбили три тысячи барановъ, тысячу быковъ, множество пшеницы, двѣсти вьюковъ и лагерь. Съ нашей стороны почти не было урону. «Мы уже приглядѣлись на этихъ Азіатовъ, говорилъ солдатъ: будь ихъ такъ много какъ этихъ камней, но только станемъ стрѣлять.... смотришь — повертится, покривитъ, погорячится; а какъ навалюемъ кучу, или какъ разомъ дернуть по нимъ картечью, и десятка не станетъ: тогда кинутся бѣжать, успѣвай только догонять. А какъ догонишь его, такъ и закричитъ благимъ матомъ — *Гаманъ! гаманъ! Аллахъ! Аллахъ!* — да и бросится съ лошади на колѣна; тутъ, хочешь — воли, хочешь — обирай его: такіе болваны!... Однако, говорятъ, ваше благородіе, ихъ много собирается въ Арзерумъ и въ *Неанъ-городъ* (Вавъ); да и нашихъ здѣсь есть еще тысячи-три.... Нечего говорить, князь Чевчевадзе — молодець! Пусти его, такъ онъ съ однимъ полкомъ возьметъ Арзерумъ. Легко ль! съ тысячу

нать завоевалъ два шахалыка. Ужь и мы его любимъ: Барановъ и всего даетъ воля. Слава Богу! весело воевать!»

Отъ Тамани до Сардаръ-Абада двадцать-семь верстъ. Дорога идетъ по бесплодной, каменистой, отчасти вешчаной долинѣ, гдѣ, кромѣ колючаго или кудряваго бурьяна и тощей длинной травы, ничего не растетъ. Долина простирается верстъ на сорокъ до Аракса. Нѣкогда она была населена и плодородна: это обнаруживаютъ развалины деревень въ правыхъ горахъ около изсыхающаго русла Аргу: но не стало воды, не стало жизни, и все превратилось въ мертвую пустыню. Только, на пути, встрѣчаются быки и верблюды съ большими вьюками хлопчатой бумаги, слѣдующіе изъ Карса въ Эривань.

Между тѣмъ, впереди, увеличивался Араратъ огромнымъ, изпещреннымъ лазурью шатромъ. Влѣво, на горизонтѣ, возвышался къ небу снѣжный хребетъ Сальватри, отдѣляющій армянскую область отъ карабахской. Я вступилъ въ страну священной древности: каждый изъ мѣстныхъ жителей съ восторгомъ указывалъ мнѣ изъ-дали мѣсто, гдѣ остановился ковчегъ перваго Армянина, Ноя, который, сойдя на сушу, основалъ первое селеніе *Нахичевань*, что значитъ по-армянски: *первое изшествіе*. Проживъ здѣсь триста-пятьдесятъ лѣтъ, онъ погребенъ въ этомъ же городѣ; но жена его, *Ноемгамера*, скончалась въ городѣ *Майрандъ* (Марандѣ), что значитъ: *мать тамъ*. По увѣренію армянскихъ Нибуровъ, Ной и до потопа былъ Армянинъ, и нынѣшніе Армяне — ближайшіе его потомки. При раздѣлѣ земли, между тремя сынами, армянская страна досталась третьему сыну, Афету, отъ котораго родились Гамеръ, Масохъ и Фарсъ; отъ Гамера пронесель Таргамось, по имени котораго Армяне называются Таргамосами, а отъ Таргамоса — Ганкъ, основатель армянскаго царства.

Покуда я разбиралъ безсмертныя дѣянія великаго царства армянскаго, передо мною показалась вдали крѣпость Сардаръ-Абадъ узкою ливейкою съ отгѣнками башенъ, у подошвы Арарата; но въ самомъ дѣлѣ Араратъ стоялъ еще въ сорока верстахъ за Араксомъ.

Крѣпость глиняная, четверугольная, съ шестью башенками, съ амбразурами и бойницами, окружена рвомъ, въ который вода проливается изъ горной рѣчки съ южной стороны Аллахгѣза, и каваломъ изъ Аракса.

Влѣзавъ внутрь крѣпости сквозь башню восточнаго фаса, я увидѣлъ глиняныя, низкія, въ ростъ человѣка, клѣтки, загоро-

женныя дверями: это — домъ. Далѣе въ голубыхъ и красныхъ лохмотьяхъ расхаживали Армяне, и между ними наши солдаты севастопольскаго полка. День уже склонился къ вечеру. По узкимъ улицамъ и площадкамъ шли женщины въ красныхъ шальварахъ и въ оборванныхъ синихъ и зеленыхъ халатахъ, съ повязанными полотномъ головами, подпоясанныя желтыми кушаками; въ честь русскимъ солдатамъ онѣ граціозно переваливались — это верхъ азіятскаго кокетства — подъ тяжестью большихъ кувшиновъ съ водою, которые таскали на спинѣ къ своимъ жилищамъ. Лица у нихъ не были закрыты: да и не стоило закрывать. Гораздо красивѣе казались мальчики, игравшіе въ кости на площади: они были одѣты въ бѣлыя, широкія шалвары, въ красныя куртки и въ красныя фески, и имѣли круглыя, веселыя лица. Посрединѣ крѣпости явился базаръ на тѣсной площадкѣ: лавки двѣ съ простыми товарами, а прочія были заперты. Далѣе, на другой площадкѣ, явился фонтанъ противъ хавскаго дворца, обращеннаго въ русскую полковую церковь; тутъ же бассейны съ водою и главная гауптвахта. Недалеко видна армянская церковь. Обывательскихъ домовъ не болѣе тридцати. вмѣсто дровъ употребляютъ сухой бурьянъ и кизякъ, а вмѣсто сѣна — мякину или саманъ. Крѣпость маленькая на безплодной долициѣ, и жилища всѣ глиняныя. Стѣны домовъ съ нишами или шкафами и окна, вмѣсто стеколъ, заклеены бумагою; перекладныя на низкомъ потолкѣ состоятъ изъ тонкихъ жердочекъ, настланныхъ камышемъ, который сверху углаживается глиною, что и образуетъ плоскую крышу. Въ одной стѣнѣ дома дѣлается каминъ, въ которомъ курится сирадній кизякъ. Составъ для построенія крѣпостей и вообще всякихъ зданій дѣлають здѣсь изъ простой желтоватой глины, которую, разбивая, мѣшаютъ съ рубленою соломою, съ пескомъ и съ мелкими камешками; все это, поливая водою, мѣсятъ ногами такъ тонко какъ тѣсто, изъ котораго валяютъ большіе и малые кирпичи; ихъ сушатъ, и изъ нихъ складываютъ стѣны. Отъ свойства глины и воздуху зависитъ прочность зданія. У насъ въ Россіи дожди скоро бы размыли такія крѣпости и дворцы; но здѣсь глина, обжигаемая лѣтнимъ зноемъ, твердѣетъ какъ камень. Персію можно назвать *глинянымъ царствомъ*.

Квартиру получилъ я въ холодной, пустой саклѣ, въ которой малые окна заклеены были бумагою; все это походило на тюрьму; кромѣ глины въ стѣнахъ и жердочекъ въ потолкѣ ничего

не было видно. Дровъ нельзя было достать, и я велѣлъ закурить въ кампѣи княжкѣ.

Комѣдантъ крѣпости и вмѣстѣ командиръ севастопольскаго полка, полковникъ Вейде, весьма почтенный человекъ, содержалъ въ глиняномъ городѣ своемъ строгую дисциплину. Онъ принялъ меня очень вѣжливо, наполнилъ чаемъ, и мы разговорились. Сужденія его были оригинальны, рассказы очень любопытны. Онъ говорилъ: «Въ Русскихъ есть врожденное чувство — взять нахрапокъ. Изъ всѣхъ народовъ они наиболѣе способны брать крѣпости. Посмотрите, какъ взяли Карсъ! Фальшивая атака, порученная князю Вадбольскому, въ нѣсколько минутъ превратилась въ настоящую. Юсуфъ-Паша узнавъ, что Эрванъ сдалась преимущественно отъ тѣсноты жителей, такъ, что ни одна русская бомба не упала безъ вреда, выгналъ лишній народъ и надѣялся устоять противъ насъ. Со стороны фальшивой атаки завелась сначала пустая перестрѣлка у сорокъ-вторыхъ егерей съ Турками, которые изъ крѣпости выскочили въ предмѣстіе и за рѣку. Они потѣснили роту егерей. Подоспѣлъ батальонъ, и пошла потѣха: наши погнали Турковъ черезъ мостъ. Тутъ егеря, а за ними ширванцы и грузинцы, на плечахъ Турковъ ворвались въ крѣпость. Шуточная атака явилась побѣдительною не въ шутку. Большая часть турецкаго гарнизона была обращена на ту сторону крѣпости, куда приготовлялся правльный приступъ, гдѣ становили батареи и подводили мины. Нечаянная удача нѣсколькихъ батальоновъ нашихъ, вторгнувшихся въ городъ, не дала врагамъ образумиться. Наши храбрецы застали въ городѣ открытыми дома и лавки, и бросились туда, гдѣ продавалось оружіе. Купцы остолебли; однако, имѣя въ рукахъ чѣмъ защищаться, стали рубить и колоть забѣгавшихъ къ нимъ солдатъ. Офицеры не могли удержать порыва героевъ и только старались сохранять массу въ строю. Одинъ изъ начальниковъ догадался закричать: «Не туда, братцы! на валъ! на валъ!...» За первую толпою вбѣжали другіе, ближайшіе, съ орудіями, которыя разставили внутри города по валу и открыли огонь. Перепуганные Турки бросились въ цитадель, и тамъ заперлись; но какъ въ цитадели не было у нихъ ничего приготовлено для выдержанія осады, то Юсуфъ-Паша долженъ былъ сдаться.»

Разсказывая этотъ и другіе подобные случаи, почтенный комѣдантъ, опытный и образованный воинъ, припомнилъ также примѣръ нечаянной удачи во время итальянской кампаніи съ Суворовымъ. Русскіе однажды были прижаты въ тѣснинѣ; но фран-

пузское ядро, разбившее казенный ящикъ съ деньгами, разсыпало кучу серебра, на которое сбѣжались солдаты. Тутъ они стали храбро отстрѣливаться; оправились, прогнали Французовъ, и еще взяли генерала въ плѣнъ.

Разговоръ обратился къ другимъ предметамъ. Коммандантъ замѣтилъ, что здѣшняя пшеница черезъ два года истлѣваетъ: зерно дѣлается пусто, истирается и превращается въ прахъ. Такимъ же образомъ истлѣваютъ и сухари, спеченные изъ этой пшеницы; и нѣтъ возможности сдѣлать запаса въ магазинахъ. Не только хлѣбъ, даже всѣ овощи и плоды здѣшніе не имѣютъ въ себѣ прочнаго вещества. Коммандантъ приписывалъ это возвращенію на глинистой почвѣ съ вынужденною поливкою при сильномъ солнечномъ зноѣ.

Декабря 14, я выѣхалъ изъ Сардаръ-Абада къ Эчмеадзну, по гладкой равнинѣ, на которой встрѣчаются пахатныя нивы. Земля глинистая орошается стокомъ водъ отъ Аллахгѣза. Деревья видны въ сторонѣ Арарата: плодородіе земли зависитъ, какъ въ Египтѣ, отъ наноснаго илу.

Отъ Талыни я сталъ терять зиму. Здѣсь ея почти не было: снѣгу очень мало, и безъ морозу.

Эчмеадзинъ видѣнъ отъ рѣки Карасу въ двѣнадцать верстахъ; тутъ земля особенно плодородна, потому что напояется разливами рѣки Абарани, которыхъ отъ Аллахгѣза къ Аракеу я считалъ болѣе двадцати. Нѣкоторые ручьи выходятъ прямо изъ южной подошвы Аллахгѣза, а другіе проведены отъ Абарани, черезъ которую существовалъ каменный мостъ съ арками; но онъ теперь разрушенъ, и дорога идетъ ниже въ бродъ или по мостикамъ. Только во время разлитія водъ, или весною, проѣздъ затруднителенъ, потому что почти вся долина отъ Сардаръ-Абада наводняется. Для скопленія воды по нивамъ выкопаны квадратныя ямы, сажени по четыре въ боку. Чѣмъ ближе къ Эчмеадзну, тѣмъ болѣе населенности: вдругъ открывается множество деревень по Абарани, около подошвы Аллахгѣза влѣво, и по Аракеу ближе къ Арарату, вправо: тутъ сердце армянскаго царства.

Монастырь стоитъ верстахъ въ четырехъ за Абаранью, на гладкой равнинѣ. Онъ окруженъ глиняною стѣною съ полу-башнями, и въ объемѣ кажется немного болѣе талынской крѣпости, то есть около ста сажень въ каждомъ фасѣ; за то по обѣ стороны, на сѣверъ и на югъ, имѣетъ большія предмѣстія съ садами, обсаженными такъ же глиняною стѣною. Внутренность

эмеадзинской крѣпости противъ воротъ переграждается поперекъ стѣною, а въ этой стѣнѣ внутри подвѣлены въ два этажа кельи и сплошныя галереи подъ навѣсомъ, для пристанища всѣмъ прибѣгающимъ въ монастырь: это значитъ монастырское подворье. Далѣе за поперечною стѣною внутренность крѣпости еще раздѣляется отъ воротъ влѣво продольною стѣною, за которою находится базаръ, лавки и жилища монастырскихъ прислужниковъ. Патріархъ, архимандриты и важнѣйшіе духовныя лица живутъ въ этой стѣнѣ противъ базара, а въ прочикъ трехъ стѣнахъ размѣщены кельи простыхъ монаховъ, или *картабетовъ*. По срединѣ остающейся обширной площади, у которой въ каждомъ часѣ тажевъ по-сѣмидесяти, стоитъ монастырь съ конусою крышею на главѣ, причѣмъ есть еще три небольшія главы, изъ которыхъ въ передней колокола. Наружность монастырскаго зданія очень проста, массивна, носятъ на себѣ отпечатокъ глубокой древности. Видъ его не поражаетъ тѣмъ величіемъ, какое имѣютъ наши монастыри, Кіевопечерская Лавра, Софійскій, Сергіевскій, Александровскій, и другіе. Эмеадзинскій монастырь, сколько славенъ древностью, столько простъ въ сравненіи съ нашими: это — убогій сляминикъ передъ митрополитомъ въ облаченіи.

Базарное отдѣленіе, въ которое входитъ чрезъ ворота подъ патріаршими комнатами, есть самое пріятное и веселое; тамъ передъ окнами келій или комнатъ, сады, фонтаны и живыя теплы обоюго пола народа, тѣснящіеся около лавокъ, гдѣ продается не только всякіе жизненные принасы, вина и лакомства, но также бумажныя, шерстяныя и шелковыя матеріи: затворникамъ, смотря на все это, жить не скучно.

Офицеръ, оставленный здѣсь въ видѣ воинскаго начальника, сказывалъ мнѣ, что ни въ монастырѣ, ни въ предмѣстіяхъ никому не дадутъ квартиру: объ этомъ распоряжается самъ *архіерей-генералъ*. Однажды офицера съ казакомъ не пустили въ монастырскія двери.

Пройдя по мостовой подворья на второй дворъ, я остановился при архіерейскихъ сѣняхъ. Тутъ на крыльцѣ лежало передъ дверями нѣсколько паръ туфель, и двери были заперты на замокъ. Я упросилъ монаха доложить архіерею обо мнѣ. Дверь скоро отперлась. Мы вошли въ комнату, устланную коврами, потомъ въ другую, гдѣ сидѣло нѣсколько монаховъ по азіатски, поджавъ ноги, и въ углу одинъ въ красной суконѣ, передъ которымъ я очень почтительно сталъ раскланываться,

принявъ его за архіерея, но это былъ не онъ. Настоящій архіерей-казначей, въ черномъ клобуцѣ, съ весьма пріятнымъ добродушнымъ лицомъ, отецъ Іосифъ, подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку, вывелъ въ первую комнату, и, посадивъ на диванъ, сталъ расспрашивать о моихъ надобностяхъ. Узнавъ, что я пріѣзжій изъ Тифлиса въ Эривань, и прошу у монастырскихъ братій пристанища, тотчасъ приказалъ отвести во внутреннемъ дворѣ квартиру для меня, и помѣщеніе для людей и лошадей. Прислужникъ монахъ засуетился. Мнѣ показали въ верхнемъ этажѣ гостиную, нѣсколько чистыхъ комнатъ съ диванами и столами, съ поломъ устланномъ циновками. Вскорѣ принесли мнѣ на большомъ подносѣ пловъ, хлѣбъ, масло, вино, а для лошадей людямъ, выдалъ ячмень. Сколько я ни старался отговариваться и предлагать за все деньги, служба ничего не бралъ, говоря: «Архіерей приказалъ; такъ должно быть.»

Вскорѣ я познакомился съ двумя молодыми, образованными вартабетами, которые, какъ кажется, имѣли чинъ архимандритовъ, и первые посѣтили меня, — княземъ Аргутинскимъ-Долгоруковымъ, и княземъ Бебутовымъ. Перваго дядя, полковникъ херсонскаго гренадерскаго полка (нынѣ генералъ-лейтенантъ) былъ въ Эривани коммандантомъ, а втораго братъ, генералъ-майоръ, воинскимъ начальникомъ въ Ахалцыхѣ. Молодой князь Бебутовъ зналъ хорошо по-русски, былъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Для меня было ново видѣть молодыхъ людей знатныхъ семей, образованныхъ, подъ монашескою рясою, въ заточеніи и отшельничествѣ, тогда какъ самое небольшое честолюбіе возвело бы ихъ на высшую степень въ мірѣ. Но впрочемъ и здѣсь они могли быть существенно полезны своему народу и хорошо служить великодушной покровительницѣ его, Россіи. Известно, что здѣшній патріархъ Ефремъ своимъ вліяніемъ на духъ и преданность армянскаго народа нашему Государю во время ига персидскаго, заслужилъ отъ Императора Александра высочайшія награды, ордена Святой Анны и Святаго Александра Невскаго, а нынѣ царствующій Государь Императоръ одарилъ его брилліантовою звѣздою.

По полудни заблаговѣстили къ вечернѣ въ четыре колокола, которые составляли аккордъ дуръ-тона. Замѣчательно, что въ Тифлисѣ звуки колоколовъ при нѣкоторыхъ церквахъ согласены въ три или четыре тона, приму, терцію, квинту, иногда и кварту. Оттого трезвонъ не оскорбляетъ слуха. Такой гармоническій звонъ колоколовъ я, помню, слышалъ еще во Франціи, въ горо-

дѣ Ревелѣ. Жаль, что въ русскихъ городахъ, гдѣ такъ много церквей съ колоколами, не думаютъ о заведеніи гармоническихъ тоновъ; тогда, въ торжественный праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, мы цѣлую недѣлю слышали бы воздушный концертъ.

Я пошелъ къ вечернѣ. Внутренность храма мрачна, подъ сводами, очень похожа на внутренность Софійскаго Собора въ Кіевѣ; только нѣтъ иконостаса и образовъ; алтарь открытый, какъ у католиковъ; на алтарѣ мѣдные канделябры съ большими свѣчами; по обѣимъ сторонамъ алтаря придѣлы. Впередѣ, посрединѣ храма особый алтарь подъ портикомъ или балдахиномъ, собственно *Эчмеадзинъ*, что значитъ *сошествіе Единороднаго Сыма*. Стѣны храма, внутри, разрисованы ал-фреско изображеніями изъ Священной Исторіи; краски темныя доказываютъ древнюю живопись. Орифламы надъ изображеніями святыхъ позолочены, но самыя изображенія Святыхъ Михаила, Іоанна, Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ, безъ рамъ и безъ окладовъ. Всѣ лица — бюветы, всѣ писаны на одно армянское лицо. Особо образовъ ни гдѣ нѣтъ. Расписанные цвѣтами и фигурами, съ изображеніями святыхъ, стѣны и своды увеличиваютъ внутренній мракъ, среди котораго хрустальные павкиадила съ восковыми свѣчами и разбѣшанныя во многихъ мѣстахъ лампады красиво рисуются. Внутренность купола расписана арабесками, или пестрыми узорами наподобіе того, какъ ткутся персидскіе ковры. Окна выложены съ особеннымъ искусствомъ разноцвѣтными стеклышками, какъ фигуры калейдескопныя. Вся общность внутренней храма выражаетъ глубокую древность.

Гнусливое, монотонное пѣніе, производимое страннаго роду груднымъ голосомъ, раздавалось подъ сводами. Рядомъ вправо стояли архіепископы, епископы и вартабеты, покрытые черными капорами сверхъ парчевыхъ золотыхъ и серебряныхъ ризъ, а изъ-подъ капоровъ выказывались черныя и сѣдыя бороды. Пѣніе продолжалось долгое время. Пѣли не монахи, а особенные мѣвчіе, *тирацу*, въ томъ числѣ и мальчнн.

Я стоялъ отдѣльно по лѣвую сторону, разсматривая внутренность храма. Ко мнѣ подошелъ вартабеть князь Бебутовъ и, между прочимъ, объяснилъ, что этотъ храмъ построенъ въ 302 году Святимъ Григоріемъ Армянимомъ, при царѣ Дардидѣ, когда тутъ была столица Великой Арменіи, обширный городъ Вагаршаванъ. Происхожденіе города было слѣдующее. Мать четырнадцатаго царя династіи Арсакидовъ, Вагарша, будучи беременна, ѣхала къ

Арарату и въ полѣ разрѣшилась битва на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ послѣ царя, сынъ ея, построилъ городъ и назвалъ его своимъ именемъ, *Вагаршаваномъ*, въ которомъ царствовалъ двадцать лѣтъ. Следовательно, монастырь существуетъ *двадцать* столѣтій. Если легенда основательна, это — неоспоримо древнѣйшій изъ всѣхъ христіанскихъ монастырей. Въ немъ хранятся: копье, которымъ прободено бедро Иисуса Христа, и щеки отъ руки Святаго Григорія. Святой Григорій былъ сынъ Анана, убійцы царя Хозрой, сына Ваграша и отца славнаго царя Таридата. Преступство случилось такимъ образомъ:

Вагаршъ былъ убитъ въ сраженіи съ сѣверными народами, вѣроятно, съ кавказскими герцами. Хозрой, сынъ его, помогъ имъ съ многочисленнымъ войскомъ и, покоривъ, взялъ въ залогъ вѣрности сто аманатовъ. Во время его отсутствія, начальникъ одной области, Арташаръ, убилъ паряйскаго царя Артабана, уничтожилъ это царство и присоединилъ его къ Персіи. Хозрой, узнавъ о возмущеніи, послѣдилъ на помощь къ Артабану, но въ Ассиріи, къ крайнему сожалѣнію, узналъ о смерти несчастнаго царя и о разрушеніи паряйскаго царства, изъ котораго только одинъ вельможа, Керенцянъ, съ семействомъ, спасся, скрывшись въ безопасное мѣсто. Хозрой отправилъ къ нему нарочнаго съ предложеніемъ покровительства, а самъ возвратился въ свое армянское царство съ большою горестію, потому что тогда въ Персіи и Арменіи царствовали Арсакиды до кончины Артабана, убитаго Арташаромъ. Желая наказати Персіянъ, Хозрой просилъ помощи у римскаго императора Филиппа; но въ это время Филиппъ былъ занятъ междоусобною войною и не могъ послати къ нему войска, а только разослалъ повелѣнія въ разныя свои области, чтобы отправили къ Хозрою вооруженныхъ людей, которые собрались изъ Египта и другихъ мѣстъ въ большомъ числѣ. Хозрой пошелъ съ ними противъ Арташара, сразился, одержалъ побѣду, отнялъ Ассирію и многіе города и заставилъ самого бѣжать. Потомъ Хозрой послалъ къ своимъ родственникамъ въ Парсію и на востокъ, въ области Балхъ и Хорасанъ, просить, чтобы постарались отмстити Арташару. Получивъ извѣстіе объ ихъ согласіи, онъ очень радовался, но ненадолго, потому что вскорѣ узналъ, что вельможи паряискіе, ѣхавшіе къ нему, на пути посланною отъ Арташара засадою всѣ убиты, кромѣ одного юноши, который спасся въ Хорасанъ. Хозрой все еще помышлялъ объ отмщеніи Арташару за убійство Паряня; а какъ въ то время римская имперія находилась въ большомъ смятеніи, переходя

изъ рукъ въ руки отъ одного похитителя къ другому, какъ то: Деція, Галла, Валерія, которыхъ царствованіе было непродолжительно, то Хозрой, не надѣясь на помощь Римлянъ, собралъ свои войска, къ которымъ присоединилъ нѣсколько изъ побѣжденныхъ имъ кавказскихъ горцевъ, и пошелъ противъ Арташара. Онъ вторично разбилъ его и прогналъ до предѣловъ Индіи, а самъ, возвратившись въ свои владѣнія, около десяти лѣтъ опустошалъ персидскія области. Въ это время Хозрой построилъ городъ Канзакъ, который въ области Адаръ-бейджанъ былъ главнымъ и назывался *Да-э-врезъ*, что значить: *вотъ мищеніе*. Изъ *Даврезжа* превратился онъ послѣ въ *Даврижъ*; изъ *Даврижа* въ *Тебризъ* и *Тавризъ*. Арташаръ, раздраженный Хозроемъ, дѣлалъ великія обѣщанія его вельможамъ, чтобы постарался своего властителя отравить ядомъ, или иначе погубить; особенно поощрялъ онъ къ тому Пароянъ, обѣщая имъ большія награды. Прельстясь лестными обѣщаніями Арташара, одинъ пароянскій вельможа, Анакъ, отецъ Святаго Григорія, вызвался убить Хозроя, и для-того, какъ-будто убѣжавъ отъ Арташара, явился къ Хозрою съ своими родственниками и, предавъ себя его покровительству, увѣрялъ, что будетъ стараться вмѣстѣ съ нимъ искать гибели ненавистнаго ему Арташара. Хозрой, не проникая лукавства Анакова, принялъ его очень благосклонно и оказывалъ ему такое предпочтеніе, что сажалъ всегда на первомъ мѣстѣ подлѣ себя. Анакъ, скрывая злой замыселъ, жилъ у Хозроя около трехъ лѣтъ, наконецъ нашелъ случай совершить злодѣйство и поразилъ великодушнаго Хозроя. Но пораженный царь до кончины своей успѣлъ приказать истребить весь родъ Анаковъ, такъ что никого не осталось, кромѣ юноши Григорія, который ушелъ къ христіанамъ въ Каппадокію. Арташаръ, царь персидскій, узнавъ о смерти Хозроя, овладѣлъ Арменією, которую наполнилъ своею лютостію, перебивъ множество народу, не смотря ни на полъ ни на возрастъ. Отъ этого всеобщаго бѣдствія избавился одинъ сынъ Хозроя, царевичъ Тиридатъ, скрывшійся у римскаго императора; сестру же его, Хозроватухту, спасъ одинъ вельможа, Ода, запершись съ нею и съ царскими сокровищами въ неприступной крѣпости Ани, гдѣ погребались тѣла умершихъ царей армянскихъ и сохраняема была царская казна. Впрочемъ, это не тотъ Ани, котораго развалины видны по-ту-сторону Арпачая.

Такимъ образомъ прекратилась жизнь воиственнаго Хозроя на пятнадцатомъ году царствованія, въ 227 году послѣ Рожде-

ства Христова. По его смерти, намѣстники Арташаровы управляли Арменією двадцать-семь лѣтъ, покуда не овладѣлъ ею сынъ Хозроя, Тиридатъ.

Этотъ знаменитый государь, до припятія христіанской религіи, замучилъ Святую Репсиму, на которой хотѣлъ жениться: дорожа дѣвствомъ, она не соглашалась отдать ему свою руку. Въ честь ей построены близъ Эчмеадзина, по дорогѣ къ Эривани, другой монастырь *Супръ-Репсима*, гдѣ покоятся ея мощи, а въ монастырскомъ саду есть дерево, посаженное руками Святаго Григорія. Такой же участи подверглась Святая Кайнанна, наставница въ христіанствѣ Святой Репсимы, и съ нею приверженцы ихъ, тридцать семь человекъ христіанъ. Во имя ея построены въ южномъ предмѣстіи Эчмеадзина третій монастырь, *Супръ-Кайнанна*, въ обыкновенномъ переводѣ — *Святой Мученицы Екатерины*: тамъ находятся ея мощи подъ спудомъ и на гробницѣ лежатъ два камня, которыми она была убита. Но болѣе всѣхъ претерпѣлъ мученія отъ Тирidata Святой Григорій, просвѣтитель Арменія, который пятнадцать лѣтъ съ христіанскою твердостью сносилъ гоненія. Наконецъ, въ 300 году, онъ убѣдилъ царя Тирidata принять христіанскую вѣру и водворить ее въ цѣломъ государствѣ. Тогда же, или на 302 году, Святой Григорій соорудилъ, иждивеніемъ царя Тирidata и царицы Ашаены, первый храмъ, наподобіе іерусалимскаго, который и названъ *Эчмиацинъ*.

Я сталъ близъ креселъ, гдѣ молился, сѣдя на колѣняхъ, самъ патріархъ Ефремъ, сѣдой, осьмидесятилѣтній старецъ. Передъ окончаніемъ службы, умолкло пѣніе и одинъ голосъ дякова читалъ эктепю по-армянски, причемъ пѣвчіе въ нѣсколько пріемовъ подхватывали страшнымъ, разноголоснымъ хоромъ. Я подошелъ подъ благословеніе къ патріарху. Онъ черезъ переводчика разспросилъ меня — откуда? куда? зачѣмъ ѣду? — и благословилъ въ путь.

При выходѣ изъ храма, архіерей Іосифъ со всею любезностію взялъ меня за руку и повелъ къ себѣ на чай. Тутъ посадилъ онъ меня въ теплой комнатѣ и сталъ говорить восточныя вѣжливости, на которыя отвѣчалъ я таковыми жъ; потомъ разговоръ обратился на обыкновенные предметы. Онъ разспрашивалъ меня о тифлисскихъ новостяхъ и о прочемъ, а самъ чрезъ переводчика говорилъ мнѣ, что радѣлъ его, служившій въ здѣшнемъ монастырѣ архіереемъ, предсказывалъ годъ, въ который Русскіе

осаждать Арменію отъ ига Персіанъ, и завѣщала такъ: «Цѣ, ставте тогда стаканъ вина на мою могилу; я въ царствѣ мертвыхъ выпью за нихъ и за ваше здоровье!» Когда Персіане осадили монастырь, въ немъ безпрестанно производилась служба — и ни одно персидское ядро не смѣло коснуться до святаго храма. Патриархъ въ это время находился въ Тифлисѣ, и архіепископъ Нарсесъ оставался старшимъ. Видя отчаянное положеніе монастыря въ осадѣ Персіанъ, причемъ Аббасъ-Мирза десѣтными силами готовъ былъ разгромить его и угрожалъ содрать кожу со всѣхъ живыхъ монаховъ, Нарсесъ послалъ вѣрнаго человѣка къ генералу Красовскому и просилъ его убѣдительно поспѣшнѣе освободителемъ. После того самъ отецъ Іосифъ сидѣлъ на колокольнѣ и смотрѣлъ что будетъ. Онъ увидѣлъ осемьнадцать тысячъ сарбазовъ и двѣнадцать тысячъ конницы персидской и не болѣе двухъ тысячъ пятисотъ русскихъ воиновъ, окруженныхъ такимъ множествомъ враговъ. Тогда Нарсесъ собралъ всѣхъ вартабетовъ, которыхъ было осемьдесятъ (положено по уставу триста), и, въ праздничномъ облаченіи, отпраивалъ съ ними службу, держа вверхъ Христово Копье и прося всеусердно, съ колѣнопреклоненіемъ и со слезами, побѣду благочестивому русскому воинству. Умилительно было зрѣлище. Покуда продолжалось сраженіе, въ монастырѣ всѣ молились на колѣняхъ и обливались слезами: молились не только вартабеты и служки, но и бывшіе въ гарнизонѣ пятьсотъ русскихъ солдатъ; въ тысячи больныхъ и рабѣныхъ, кто могъ, подползалъ къ храму и молился.

Говоря это, отецъ Іосифъ утеръ слезу и продолжалъ: «Богъ правды осѣнилъ побѣдою Русскихъ! Горсть ихъ пробилась сквозь тридцать тысячъ разъяренныхъ враговъ и спасла Копье Христово! О, Русскіе стяжали безсмертную славу! Генералъ Красовскій останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ нашихъ!» Для содержанія больныхъ и гарнизона отецъ Іосифъ жертвовалъ всѣмъ, что было въ кладовыхъ, такъ, что даже монахи терпѣли голодъ. Между прочимъ сказывалъ онъ мнѣ еще, что арзерумскіе Армяне, безпрестанно присылаютъ сюда узнавать, скоро ли прійдутъ Русскіе для ихъ освобожденія, потому что Турки ужасно ихъ прѣтѣняютъ и грабятъ. Баязидскіе Армяне, находясь подъ покровительствомъ Русскихъ, теперь весьма рады и спокойны. Отецъ Іосифъ очень хвалилъ князя Чичевадзе, который заботился объ ихъ спокойствіи какъ попечительный начальникъ. Императора на

шего и графа Эриванскаго отъ превозносить до небесъ, говоря: «Первому предѣстательно завоевать такъ много царствъ какъ второму городонъ!»

Откладываясь достопочтенному отцу Иосифу, я возразился въ свою гостиную и, при свѣчахъ, расположилъ было для зажитій, какъ вдругъ переводчикъ принесъ мнѣ опять большой подносъ съ фруктами: яблоки, груши, виноградъ какъ сейчасъ съ дерева, очень хорошо ебереженныя. Вскорѣ явился самъ архіерей и звать себя князь Аргутинскій. Мы разговорились о разныхъ предметахъ и познакомились какъ искренніе пріятели. Разставаясь, отецъ Иосифъ общалъ за меня молиться, а я пожелалъ ему высшей ступени въ Царствѣ Небесномъ. Вы видите, какъ здѣшніе монахи были признательны къ Русскимъ.

Принесенное мнѣ эчмеадзинское бѣлое вино было мутно и горьковато, хотя и происходило, по преданію, отъ виноградныхъ лозъ, посаженныхъ самимъ Ноемъ. Плата за вѣжливость вѣжливостью, я отправилъ къ архіерею три бутылки кахетинскаго. За это онъ не остался въ долгу, прислалъ ко мнѣ монаха съ просьбою отслушать завтрашній день обѣдню въ монастырѣ и отобѣдать у него, а до Эривани я успѣю скоро пріѣхать. Не зная, какъ благодарить за такую учтивость, я отвѣчалъ, что душевно уважая отца архіерея, готовъ провести еще нѣсколько часовъ въ его назидательномъ обществѣ. Комнаты мои были холодны, хотя и припесли въ каминъ нѣсколько сучьевъ шиповнику. Я всталъ въ два часа ночи, раѣе всѣхъ монаховъ, для того чтобы занесть въ своемъ журналѣ впечатлѣнія пріятнѣйшаго дня.

Путру навѣстилъ меня князь Бебутовъ. Мы разговорились о древности монастыря и объ армянской исторіи, которую онъ хорошо знаетъ: кажется, что они здѣсь съ княземъ Аргутинскимъ — двое изъ образованнѣйшихъ. Отъ него узналъ я, что отдѣленіе, въ которомъ квартирую, построено архимандритомъ Григоріемъ: здѣсь онъ жилъ и умеръ. Въ Эчмеадзинѣ существуетъ епидальное архіерейское правленіе подъ предѣлательствомъ патріарха: присутствуютъ шесть архимандритовъ, шестнадцать архіереевъ и пятнадцать вартабетовъ. Монастырь имѣетъ глубокой фундаментъ или уходитъ на столько глубины въ землю, на сколько стоитъ сверхъ земли, то есть, на шесть саженъ. Въ подземной части тамъ же колонны и своды; она вся наполнена чистѣйшею водою. На восточной сторонѣ храма снаружи противъ алтаря многія надгробныя плиты, поставленныя стоямя съ надписью, означа-

ютъ мощны патріархы и архіепископы. Муслимане посидѣютъ Этноэдзинъ Учъ-кхисѣ, «Три церкви», потому что она состоитъ изъ трехъ монастырей. Около главнаго монастыря крепость построена Персіанцами по просьбѣ патріарха для обезпеченія отъ набѣговъ Курдшицевъ изъ-за Аракса: она существуетъ уже около штинадцати лѣтъ. По той же причинѣ всѣ деревни на дѣлнвѣ Аракса огорожены глиняными стѣнами съ башнями.

Послѣ замѣчательной бесѣды, послаи мы съ Бебутовыми къ архіерею Іосифу, у котораго застали двухъ архіепископовъ и монаха, недавно пришедшаго изъ Испаниа: этотъ намъ сказывалъ, что нашъ Грибоѣдовъ еще живеть въ Тавриѣ, и неизвѣстно, почему не ѣдетъ въ Тегеранъ; вѣроятно есть какаа-нибудь интрига въ семействѣ шаха, между братьями. Въ Херасанѣ дѣйствительно второй сынъ шаха, съ помощію Туркменцевъ и Афганцевъ, воюеть противъ отца, который выставилъ на него сто тысячъ войска подъ начальствомъ Хасанъ-хана, бывшаго сардаря эриванскаго. Самъ шахъ не живеть въ Тегеранѣ, а ѣздитъ по городамъ, собираеть золото и серебро, гдѣ у кого что найдеть, для пополненія своихъ сокровищницъ, пестоженныхъ выплатою контрибуціи Русскимъ.

Отъ настоящаго бесѣда обратилась къ прошедшему. Почтенный архіепископъ Эмануилъ доказалъ, что гора Араратъ по настоящему должна называться *Масисъ*, какъ она извѣстна у Армянъ. Татары называютъ Эгридагъ. *Араратъ* же собственно означаетъ все пространство земли, заключающее въ себя эриванскую, нахичеванскую и хойскую провинціи, которыя принадлежали съ самаго начала армянскаго царства звуку Цоеву, Ару. Подъ горою Масисомъ, или Араратомъ, при монастырѣ Святаго Іакова, есть виноградный садъ изъ тѣхъ самыхъ лозъ, изъ которыхъ первый Армянинъ, Ной, сталъ дѣлать первое вино. Какія въ мірѣ лозы могутъ сравниться съ этими!... Я съ благоговѣніемъ слушалъ отца Эмануила и общалъ впредь гору Араратъ называть *Масисомъ*.

Во время обѣдни архіерей Іосифъ поставилъ меня прямо противъ алтара, и я замѣтилъ, что главный престолъ, въ нишѣ, хотя безъ иконостаса, однако при совершеніи Таинства Святаго Причастія, задергивается большимъ занавѣсомъ. Внутренность храма бѣдна, только мѣсто Сошествіе Единороднаго Сына и патріаршіе кресла подъ балдахинами съ вызолоченною рѣзьбою довольно богаты: кресла во золоту выложены еще неусло пар-

камутрогъ и дорогины наменьями. По сторонамъ главнаго алтаря находятся придѣлы или малые алтари: направо Святаго Іакова, а на лѣво Святаго Іоанна Предтечи. Кромѣ того въ нишахъ боковыхъ стѣнъ находятся престолы: на право Святаго Іоанна, брата Господня, а на лѣво Святаго Стефана.

Князь Бебутовъ перевелъ меня на правую сторону въ рядъ вартабетовъ противъ алтаря Святаго Іакова, чтобы видѣть совершеніе литургіи архіепископомъ, котораго въ огромной митрѣ съ процессією привели туда отъ главнаго алтаря. Архіепископъ прежде всего пошелъ къ главному алтарю. Оттуда вынесъ онъ, при всеобщемъ колѣнопреклоненіи, при пѣніи *тирецу*, и потрясеніи, на длинныхъ древакахъ, жестяныхъ дисковъ съ бубенчиками, золотой сосудъ съ Дарами подъ газовымъ покрываломъ и поставилъ его на престолъ Святаго Іакова. Тутъ, по прочтеніи Апостоловъ и Евангелія, пригласилъ меня приложиться къ престолу и подойти подъ благословеніе патріарха, который, читая молитву, слегка ударилъ меня рукою по темени.

Патріархъ, черезъ каждые сорокъ дней причащается, и нынѣшній день назначенъ былъ для этой торжественной церемоніи. Архіепископъ въ митрѣ на возвышеніи передъ боковымъ престоломъ Святаго Іакова совершалъ благоговѣнно литургію; онъ нерѣдко обращался къ намъ благословляя правою рукою и становясь лѣвымъ бокомъ къ алтарю. Между-тѣмъ стоявшіе противъ алтаря влѣво отъ насъ пѣвчіе и простые монахи, то уныло и скоро, то протяжно тянули голосомъ унисоно. Когда архіепископъ за завѣсомъ совершалъ Таинство Святаго Причастія, и предъявилъ его намъ въ сосудъ, держа высоко обѣими руками, тогда подошелъ къ нему патріархъ, надѣлъ на себя парчевую ризу и взождя по ступенькамъ за завѣсъ принялъ отъ іерея Святаго Причастія. Въ это время пѣвчіе, *тирацу*, выражали всеобщую радость скорымъ и веселымъ пѣніемъ. Когда патріархъ отошелъ въ кресла, старшій архимандритъ приблизился къ нему, и съ одного уха на другое перешептался; такимъ же образомъ передалъ тайну ближайшему вартабету и такъ далѣе всѣмъ съ уха на ухо. Это вотъ что значить: въ правое ухо шепчуть: *Христось среди насъ*, — а другой отвѣчаетъ въ лѣвое: *Есть и будетъ*. Вѣроятно этотъ обрядъ заимствованъ изъ первоначальнаго устава христіанскихъ обществъ, когда вѣрующіе не имѣя храмовъ, совершали Таинство въ пещерахъ, и должны были скрывать отъ идолопоклонниковъ поклоненіе Христу, присут-

ствующему *среди ихъ*. Причастіе Армянъ—изъ кислаго, а не изъ прѣснаго тѣста.

Сколько могъ, я старался замѣчать особенность армянскаго богослуженія. На архіепископѣ или священникѣ — парчевая риза наподобіе католической, какъ шинель, съ стоячимъ атласнымъ воротникомъ, безъ рукавовъ. На воротникѣ — изображенія ликовъ Святыхъ. При архіепископѣ два діакона, одинъ для молитвы, другой для кажденія. «Вѣрую» и «Отче нашъ» поютъ съ колѣнопоклоненіемъ все, при потрясеніи звонящихъ дискосовъ. Эктеңию о благоденствіи Царскому Дому читаетъ сперва архіепископъ, потомъ повторяютъ пѣвчіе.

По окончаніи обѣди не выносили креста, а священные мощи, Копье Христово и руку Святаго Григорія. Архіерей-хранитель, съ ключемъ, вошелъ въ закрытыя занавѣсомъ около престола двери, и вынесъ оттуда сперва золотой ящикъ, фута въ полтора величиною, въ которомъ хранилось Копье, потомъ серебряное съ позолотою изображеніе благословляющей руки, въ которомъ заключены настоящія мощи. Когда открыли первый ящикъ, я увидѣлъ черное желѣзное, довольно широкое лезвее копья, вершковъ пять длиною, и вершка три шириною въ нижней закругленной части; въ серединѣ вырѣзанъ сквозной крестъ, и плоскость около креста обдѣлана выпукло фигурами ангеловъ. По словамъ вартабетовъ, это—самое то копье, которое Апостолъ Вареоломей сохранилъ и принесть сюда. Руки Святаго Григорія не открывали. Когда все присутствующіе прикладывались къ священнымъ драгоценностямъ, архіерей сказалъ мнѣ, что у него въ запечатанномъ ковчегѣ хранится еще голова Святой Репсимы, крестъ съ частию животворящаго дерева отъ Ноева Ковчега и другія священные рѣдкости, но теперь не время ихъ выставлять.

Послѣ обѣди князь Бебутовъ пригласилъ меня къ себѣ въ келью на кофе. Келья тѣсная для двоихъ; постели солдатскія, доски покрыты ковромъ. На полкахъ небольшая библіотека армянскихъ книгъ; на стѣнѣ портреты Фетхъ-Али-шаха, Аббасъ-мирзы и французскаго короля Карла Десятаго. Какое сближеніе! Я еще разъ изъявилъ свое удивленіе весьма любезному и образованному князю, какъ онъ можетъ, послѣ обольстительныхъ пріятностей свѣтской жизни, испытанныхъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, жить въ такомъ убожествѣ, въ такихъ лишеніяхъ. Горестная улыбка обнаружна, можетъ-быть, тайну сердца. Видя молодыхъ людей и, особенно, прекрасныхъ дѣвушекъ подъ чер-

ными капорами, почти невольно угадываешь въ нихъ оскорбленное самолюбіе, которое бѣжить иногда съ вечерняго бала, скрывается отъ злорѣчій свѣта въ уединенную келью.

На обѣдѣ было человекъ десять архіереевъ, архимандритовъ и вартабетовъ. Столъ былъ накрытъ по-европейски, съ приборами фаянсовыхъ тарелокъ и салфетками. Вартабеты кушали деревянными, а епископъ, архимандритъ, архіерей и я, серебряными ложками. Подавали супъ съ баранною, соусъ изъ чечевицы, жареную баранину, отличный *пилавъ*, соленую рыбу и фрукты. Вино — бѣлое, допотопное, но невкусное.

За обѣдомъ архіерей рассказывалъ, что будущею весною они намѣрены на томъ мѣстѣ, гдѣ было сраженіе и собраны кости храбрыхъ русскихъ воиновъ, погибшихъ за спасеніе Эчмеадзина, построить памятникъ въ видѣ часовни съ тѣмъ, чтобы ежегодно 17 августа, въ день достопамятной побѣды, ходить туда всему здѣшнему духовенству съ процессіею для отправленія панихиды. Это будетъ вереть семь. Архіепископъ Нарсесъ просилъ графа Эриванскаго о позволеніи выстроить эту часовню на монастырскую сумму. Хотя монастырь и не имѣетъ другихъ доходовъ, кромѣ какъ отъ своихъ земель, однако желаетъ увѣковѣчить свою признательность къ памяти русскихъ героевъ. Земля ихъ посредствомъ искусственнаго наводненія производитъ рисъ, хлопчатую бумагу, пшеницу, кукурузу, горчицу и прочее, что все они продаютъ.

Поблагодаривъ за хлѣбъ, за соль, за радушное гостепримство архіерея, отца Юсифа и всѣхъ присутствующихъ, я отправился на подворье, гдѣ уже меня ожидали запряженная бричка и вьюки.

Въ подворьѣ останавливаются пріѣзжіе на поклоненіе. Во время блокады Эривани и Эчмеадзина во всѣхъ кельяхъ былъ учрежденъ лазаретъ для трехъ-тысячъ больныхъ; а теперь было оставлено здѣсь при одномъ пѣхотномъ офицерѣ охранная команда и двадцать казаковъ для вьючной почты.

Дорога отъ монастыря къ Эривани идетъ черезъ три ручья мимо Супръ-Респимы, по хлѣбородной долинѣ до небольшой съ садами деревни Паракатъ, расположенной у ручья; она очевидно была разорена, не смотря на зубчатые стѣны и двѣ башни, которыми оградилась.

По этому пути Араратъ открывается съ сѣверной стороны иначе, нежели какъ представлялся съ западной отъ Сардаръ-абада. Отсюда можно замѣтить, что одна часть его вершины до

половины высоты осыла и обрушилась, а другая, внутри выемчатая осталась въ видѣ конуса; по этому я догадываюсь, что и большой Араратъ когда-нибудь былъ огнедышущимъ, отчего образовалась его конусная выемчатая вершина. Малый Араратъ гораздо ниже и тонѣе, имѣетъ неровную острую вершину, и потому, можетъ-быть, онъ былъ только курящеюся сопкою.

Деревня Паракатъ лежитъ почти на половинѣ пути отъ монастыря къ Эривани; отсюда дорога переваливается черезъ холмы приближаясь къ рѣкѣ Зангѣ.

На пути мой Жидъ Монсей съ великою радостью разсказалъ мнѣ новость, что онъ, въ предмѣстїи Эчмеадзина, видѣлся съ двумя Евреями, возвращающимися черезъ Тифлисъ изъ Іерусалима въ Арзерумъ. Они привезли важное извѣстіе, что царь Давидъ живъ, что они сами видѣли — в какіе онъ тамъ дѣлаетъ чудеса! Акрскій паша хотѣлъ перевѣшать всѣхъ Жидовъ, если они не принесутъ ему неоспоримыхъ доказательствъ въ существованіи Давида, то есть, большихъ денегъ. Они пошли въ пещеру; тамъ на гробѣ стояла кружка съ водою, а въ углу лежалъ Давидъ. Онъ всталъ и не говоря ни слова сложилъ руки на грудь кулаками. Евреи не догадались возить на него воды, и онъ испустивъ тяжелый вздохъ опять слегъ въ уголъ. Потомъ спросилъ онъ ихъ: «Зачѣмъ вы пришли» — *Вельможный король Давидъ! ясно-вельможный паша хочетъ насъ всѣхъ зарѣзывать, если не принесемъ ему отъ тебя цуда.... сто тысячъ юзлуковъ.* — «Возмите вотъ этотъ огарокъ свѣчи и эту розу», сказалъ царь Давидъ имъ, отнесите ихъ пашѣ; пусть зажжетъ онъ свѣчу и нюхаетъ розу; огарокъ будетъ десять лѣтъ горѣть, а роза въ десять лѣтъ не увянетъ и не потеряетъ запаха. Но съ концомъ ихъ Іерусалимъ разрушится и султанъ потеряетъ половину царства.» *Паша теперь сидитъ съ огаркомъ и съ розой и страхъ съ какии почитуваніемъ любитъ иудейскій народъ!...*

— *Якъ васе благородіе думаетъ? правду ли сказалъ Давидъ?* спросилъ Монсей.

— Ну, увидимъ черезъ десять лѣтъ.

Надобно же было, чтобы дѣйствительно черезъ десять лѣтъ египетскій паша покорилъ половину царства султана!... Теперь мой Монсей готовъ дать себѣ отсѣчь обѣ руки и обѣ ноги за истину того, что царь Давидъ живъ. Впослѣдствіи онъ еще узналъ съ достовѣрностью, что баронъ Ротшильдъ состоитъ въ

перепишкѣ съ Царемъ Давидомъ, который намѣренъ, возстановить царство іудейское, сдѣлать его царемъ.

Недоѣзжая до Эривани пять верстъ на равнинѣ у подошвы высотъ, открываются ея глиняныя стѣны съ зубцами и башнями. Дорога сперва выходитъ на крутизну рѣки Занги съ скалистыми берегами, между которыми она, шириною сажень осемь, прорѣзывается чрезвычайно быстро съ шумомъ и пѣною. Потомъ дорога пробирается между глиняными стѣнами опустошенныхъ садовъ, и спускается къ каменному мосту на Зангѣ, длиною сажень тридцать; наконецъ поднимается довольно круто на лѣвый берегъ и мимо гласиса крѣпости входитъ въ башню, подъ темный сводъ, черезъ двѣ стѣны крѣпости. Внутренность крѣпости загромождена глиняными, болѣею частью разрушенными и безпорядочно расположенными домами.

Я нашелъ себѣ помѣщеніе въ гаремѣ Хасанъ хана, расположенномъ на крутомъ, утесистомъ берегу Занги, высокою сажень сорокъ отъ воды. Изъ окна я видѣлъ стремящуюся внизъ рѣчку и слышалъ неумолкаемый шумъ водопада. Въ гостиной комнатѣ оба противоположные простѣнка составляли окна, выложенные фигурно разноцвѣтными стеклышками; полъ устланъ былъ камышевыми циновками; въ спальнѣ кровать, стулья и ватопленный кампъ, а по стѣнамъ висѣли шесть женскихъ портретовъ, вѣроятно, первыхъ красавицъ сардарскаго гарема.

Такъ дотащился я, наконецъ, отъ Тифлиса до Эривани, или Эрванда, названнаго по имени сорокъ-третьяго царя Арменіи послѣ Гаика, который построилъ этотъ городъ; въ семнадцать дней и въ самое дурное время года я перешагнулъ три хребта горъ и разстояніе трехъ-сотъ-тридцати верстъ.

Я былъ радъ, что добился до мѣста, гдѣ приходилось проститься съ поэтической природою и съ романтическими видами, между которыми такъ трудно путешествовать, такъ плохо жить, такъ часто надо мерзнуть и голодать!

Съ пути Эривань не показалась мнѣ значительною крѣпостью—не много поболѣ Сардаръ-абада. Но, на-мѣстѣ, я увидѣлъ, что внутренность ея чрезвычайно полна. Неудивительно, что сами жители требовали сдачи: тѣснота строеній и толпы собраннаго сюда народа служили вѣрною цѣлю для каждой бомбы и гранаты, для каждаго ядра. Въ крѣпости пусто и уныло: изрѣдка видны солдаты въ шинеляхъ, и то по одной улицѣ отъ стѣны до стѣны, сажень двѣсти, а прочія улицы все завалены разруше-

нѣмъ. Базаръ нѣтъ: есть *духанщици*, въ тѣсныхъ, низенькихъ лавкахъ. Всѣ жители находились въ предмѣстяхъ.

Дворецъ сардаря — довольно хорошее и обширное зданіе; оно состоитъ изъ трехъ дворовъ: въ первомъ сарай и конюшни, во второмъ обширная зерновая и диванная залы, въ третьемъ помѣщенія для офиціантовъ и всякой прислуги. Отсюда галлерей съ балкономъ надъ Зангою и проходъ въ гаремъ. На второмъ дворѣ — цвѣтникъ и фонтанъ посерединѣ. Двѣ залы внутри убраны коврами: въ углу первой стоялъ тогда бунчукъ бабзидскаго пашы, взятаго княземъ Чевчевадзе въ плѣнъ и отосланнаго въ Тифлисъ. Князь жилъ въ этомъ дворцѣ и принималъ меня ласково, какъ стараго знакомаго. Онъ начальствовалъ тутъ надъ немногими войсками, расположенными въ Армянской Области и въ бабзидскомъ пашалыкѣ.

Отъ него пошелъ я въ церковь *Покрова Богородицы*, передѣланную изъ большой турецкой мечети. Внутренность ея обширна и свѣтла, хотя подъ сводами; огромный средній куполъ удивилъ меня своею легкостію, будучи въ поперечникѣ около десяти сажень и безъ всякихъ связей: Персіяне большіе мастера дѣлать своды и куполы. Только внутренность храма очень бѣдна: стѣны выбѣлены известью, безъ всякихъ украшеній; простой деревянный иконостасъ выкрашенъ голубою краскою и кой-гдѣ съ позолоченными на карнизахъ розетками; зато образа свѣжей живописи въ позолоченныхъ рамкахъ и Царскія Двери узорчатыя, раззолоченныя. Отправляли службу изъ духовнаго званія только священникъ и дьяконъ, а впрочемъ вездѣ солдаты: вмѣсто дьячка предшествуетъ со свѣчею и подаетъ кадило солдатъ; Апостола читаетъ солдатъ, воспѣваютъ на крпюсахъ солдаты. Въ числѣ немногихъ молящихся были офицеры и рядовые.

Я занималъ въ сардарскомъ гаремѣ тѣ самыя комнаты, гдѣ жилъ недавно архіепископъ Парсесъ. Подъ моимъ окномъ у подшвы утеса, на которомъ стоитъ зданіе, шумѣла быстрая пѣнистая Занга; вправо, саженьяхъ во ста, мостъ черезъ нее съ тремя острыми арками, а выше моста каскадъ воды, проведенной отъ вершины рѣки черезъ сады. На берегу три водяныя мельницы особеннаго устройства: это большія, четверугольныя сакли, съ одною дверью и съ плоскою крышею, поставленныя вдоль берега надъ водою; къ нимъ проведена выше отъ рѣки канава, чрезъ которую протекающая вода, наливною силою по жолобу, вертитъ небольшое колесо ударя въ широкія спицы, и ко-

лесу приводитъ въ движеніе одинъ или нѣсколько жернововъ. Конструкція проста и замысловата: не надобно вбивать свай во средніе рѣки и дѣлать перемычку или плотину. Отъ моста по ту сторону идетъ эмванджиская дорога, а за нею на равнинѣ фруктовый садъ сардара съ аллеями, называемый *Таларъ-базъ* и въ немъ китайская бесѣдка. За садомъ большой курганъ, называемый Иракліевою Горою, потому что этотъ царь всегда ставился на немъ, когда приходилъ собирать дань съ Эривани. На этомъ курганѣ была когда-то крѣпость *Кичикъ-кале*, для двухъ сотъ человѣкъ гарнизона.

Между дворцомъ Сардара и своею квартирою расположенъ дворъ огромнаго гарема, наподобіе парижскаго Пале-Рояля въ азиатскомъ вкусѣ: вокругъ стѣны глинянаго зданія въ три этажа съ открытою галереею изъ тонкихъ столбиковъ; комнаты въ нихъ небольшія съ обширными окнами, обращенными на дворъ: окна выложены узорчато разноцвѣтными стеклами, которые теперь всѣ выбиты. Сборная зала, обращенная къ рѣкѣ, теперь безъ оконъ съ однимъ открытымъ балкономъ. Посредствѣ двора мраморный бассейнъ съ фонтанами, которые теперь испорчены; во кругъ разсажены деревья и кусты розъ, изъ которыхъ теперь многіе вырублены на дрова. Все это зданіе занято пльняными большими Турками и здоровыми солдатами. Тамъ гдѣ плясали граціозный *кызъ*, гдѣ сардаръ пѣжилъ въ кругу миловидныхъ женъ своихъ, теперь солдатъ выколачиваетъ изъ распяленной шпеленъ пыль... а на дворѣ около бассейна пльняные Турки изъ Балзида въ лазаретныхъ суконныхъ халатахъ и въ колпакахъ, начертивъ мѣломъ на плитѣ кѣтки, играютъ бѣлыми и красными камешками въ шашки... Еслибъ привести сюда одного изъ прежнихъ обитателей этого дворца и дать взглянуть ему на настоящее, то онъ прослезился бы съ горя, видя превратность земнаго величія и ничтожность всѣхъ прелестей міра.

Въ исходѣ декабря погода здѣсь осѣнняя: мокрый снѣгъ, туманъ, сырость и грязь.

Эриванская крѣпость построена Персіянами въ 1604 году. До взятія ея Русскими считалось въ пей около осьмисотъ домовъ, изъ которыхъ теперь едва ли осталась сотня въ цѣлости. Она очень небольшая: всего въ окружности съ строепіями примыкающими къ крутому берегу Занги, имѣетъ пятьсотъ-шестьдесятъ сажень. Внутри ея дворецъ сардара на сѣверо-западной сторонѣ съ гаремомъ занимаетъ седьмую часть всего пространства. Въ

числѣ значительныхъ зданій отличается большая турецкая мечеть, построенная въ 1582 году, и обращенная нынѣ въ церковь; въ ней Персіане имѣли запасный магазинъ. Другая мечеть Аліевой секты построенная владѣтелемъ эриванской области, Маммодъ-ханомъ, отличается голубымъ сводомъ, составленнымъ изъ облитого глазурию кирпича и этотъ прекрасный куполъ пробить наизвозъ бомбою. Самый дворецъ сардаря составляетъ родъ цитадели, въ который надобно входить такъ же сквозь башню мрачнымъ путемъ. Зага омываетъ всю западную часть крѣпости у подошвы скалистыхъ утесовъ, на которыхъ къ крѣпостной стѣнѣ примыкають зданія, и только эта часть неприступна. Къ сѣверу отъ крѣпости въ разстояніи двухъ-сотъ-пятидесяти сажень расположено большое предмѣстіе или настоящій городъ, въ которомъ передняя часть занята лучшими зданіями: караванъ-сараемъ наподобіе исмагальскаго, банями, базаромъ съ крытыми ходами и большою мечетью съ высокимъ минаретомъ. За этими передовыми далье возвышаются по горѣ дома обывателей съ обширными фруктовыми садами. Противъ восточной стороны крѣпости есть также небольшое предмѣстіе; но тутъ болѣе садовъ, которые разстланы по всѣмъ высотамъ далье пушечнаго выстрѣла. Вся южная часть крѣпости открыта: здѣсь по гладкой равнинѣ къ Араксу дорога идетъ въ Нахичевань.

Мнѣ всегда казалось, что Араратъ былъ некогда огнедышащею горою, и генеральнаго штаба капитанъ К***, находявшійся въ отрядѣ князя Чевченадзе, сказывалъ мнѣ, что дѣйствительно съ стороны Баязида, въ лѣтнее время очень явственна отъ вершины горы спускающаяся черная полоса застывшей лавы; у подошвы, гдѣ находится ея нѣсколько слоевъ, верхній—черный, средній—темно-вишневый, а нижній—фіолетовый. Кроме-того въ окрестностяхъ много лавной оюки. Вся долина Аракса, особенно ближе къ Аллахгёзу, закидана большими обгорѣлыми камнями.

Выбравъ денекъ по-суше, мы съ С—вымъ поѣхали верхами въ сѣверное предмѣстіе, въ настоящій городъ. Зданіе базара очень огромное, и такъ же какъ въ Тифлисѣ имѣеть отдѣленіе мѣдинокъ, гдѣ вѣчно стучать; ряды съ красными товарами азіатскихъ фабрикъ. Внутренность лавокъ чиста, опрятна. Купцы, болѣе Татары или Персіане, сидѣли поджавъ ноги и грѣли надъ горячимъ углемъ руки. Господствующій языкъ здѣсь татарскій. Есть ряды

шашлыки, дѣлающихъ шашки; ряды банничности, дѣлающихъ сэноги и туфли съ закорюченными носками. Всѣ ремесленники работали, какъ и въ Тифлисѣ, сидя въ своихъ лавкахъ въ открытомъ воздухѣ. Есть также съѣстные ряды съ открытыми очагами, гдѣ на горячихъ плитахъ жарятъ и пекутъ масло, пирошки и сосиски съ лукомъ, гдѣ масло безпрестанно шипитъ и распространяетъ кухонный запахъ. Есть хлѣбные ряды, гдѣ продаются длинные лепешки, какъ лоскуты лосиной кожи. Есть ряды фруктовые, самые привлекательные, съ виноградомъ, яблоками, грушами, съ капустою огромной величины, даже съ арбузами и дынями довольно свѣжими; кромѣ того выложены миндаль, фисташки, орѣхи, изюмъ, рисъ, сухія сливы и абрикосы; между ними стояли головки желтоватаго сахару. Все здѣсь гораздо дешевле тифлисскаго. Но для Русскихъ недоставало чаю, сахару, кофе, суна, полотна, посуды хрустальной и фаянсовой, стальныхъ, мѣдныхъ, серебряныхъ вещей, косметическихъ произведеній. Русскіе купцы могли бы имѣть здѣсь хорошій сбытъ подобныхъ товаровъ, потому что у Армянъ, прѣзжающихъ изъ Тифлиса съ такими товарами, все раскупается на-подхватъ офицерами. Эривань была складочнымъ мѣстомъ товаровъ, перевозимыхъ изъ Тифлиса въ Персію, изъ Персіи въ Арзерумъ и обратно, или изъ Абушира въ Тифлисъ.

Мы особенно любовались на мѣдниковъ и кузнецовъ. Мѣдники, расплавляя красную мѣдь на угольяхъ, приводили ее въ блестящую, какъ золото, жидкость, которую черпали желѣзными носками, и наливали въ глиняныя формы. Одинъ мастеръ, сидя на носкахъ, держалъ надъ наковальнею раскаленный хлѣбецъ мѣди, которую разбивали семь кузнецовъ длинными молотами, и такъ часто, какъ дробь барабана; причемъ отъ постепеннаго уменьшенія молотовъ происходила ударная пѣтонація странной музыки, и чрезъ нѣсколько минутъ хлѣбецъ мѣди превращался въ тонкій блинъ: такъ они дѣлали латушь. При насъ въ четверть часа мѣдники наколотили съ десятокъ такихъ блиновъ. Здѣсь дѣлаютъ также ружья, ножи, кинжалы и бандуры. Эривань — мастерская всей Армянской Области, какъ Тифлисъ — всей Грузіи; но жителей ни гдѣ такъ много не толпится, какъ на базарѣ, который обширностію не мѣжѣ тифлисскаго, и вмѣщаетъ въ себѣ девять каравансараевъ, принадлежащихъ теперь казибѣ, и отдающихся на откупъ.

Мы зашли въ *пурню*, гдѣ съ утра до ночи пеклись *чуреки*,

или лепешки. При входѣ вѣсятъ и принимаютъ купленную муку; потомъ въ корытахъ дѣлаютъ изъ нея жидкое тѣсто, какъ у насъ на блины, и солятъ его. Печь представляетъ огромную въ стѣнѣ впадину съ двумя впереди учолками: въ одномъ раскладываютъ небольшой огонь, который раскаляя мелкіе камешки, насыпанные на подъ печи, поддерживаетъ всегдашній жаръ; въ другой нагрѣтый учолокъ сажаютъ лепешки, длиною аршинъ съ четвертью, шириною шесть вершковъ и толщиною въ мизинецъ; пекаръ сперва накладываетъ тѣсто на выпуклую сковороду, которую длиннымъ шестомъ посылаютъ въ печь, и тамъ сбрасываетъ лепешку на камешки, которые поджариваютъ ее и отпечатываются на ней. Всегда не менѣ трехъ лепешекъ спитъ въ каждомъ учолкѣ и по мѣрѣ того, какъ сбрасываютъ сырыя, вынимаются испекшіеся. Онѣ мягки и вкусны, хотя пекутся безъ всякаго масла. Въ каждой лепешкѣ не менѣ фунта, и она продается по шести копѣекъ мѣдью. Это не дорого судя по дровамъ, которыхъ сучья бычачьимъ вьюкомъ продаются по три съ половиною абаз. Для продажи лепешки наизываютъ на длинный гвоздь къ стѣнѣ, или кладутъ стопою на скамью. Покупщикъ складываетъ ихъ, какъ платки, или свертываетъ въ трубку, и взявъ подъ руку ходи щиплетъ и ѣстъ. Такое печеніе легко, требуетъ немного дровъ, и хлѣбъ всегда свѣжъ.

Общественныя бани въ томъ же сѣверномъ предметѣ, ближе къ Загѣ, состоятъ изъ огромнаго зданія, гдѣ вода нагрѣвается подъ поломъ, и въ полу сдѣланы не глубокія ванны съ кранами, въ которыхъ моются. Но эти холодныя бани, съ азіатскимъ зловоніемъ и нечистотою, отвратительны.

Декабря 25, праздникъ Рождества Христова, привелось мнѣ встрѣтить въ Эривани. Еще до вчерашняго вечера пошелъ снѣгъ, и сегодня его множество навалило; однако здѣсь никто не заводитъ самей, потому что въ Эривани можно ѣздить только верхомъ.

Путру князь Чевчевадзе принималъ отъ всѣхъ чиновниковъ поздравленіе въ большой, дворцовой залѣ сардара. Комнаты обширныя, и въ своемъ родѣ великолѣпныя. Стѣны внутри расписаны ал-фреско цвѣтами и птицами, переплетающимися въ разныхъ положеніяхъ, что представляло подобіе китайскаго фарфору съ узорами на пашкахъ—работа мелочная, показывающая въ искусствѣ болѣе терпѣнія, нежели таланта. Между карнизомъ и потолкомъ изображены подвиги рыцаря Рустема темнымъ краскамъ.

ни, надобіе того какъ у насъ пишутся старообрядскіе образа, безъ соразмѣрности въ частяхъ, безъ перспективы, и безъ различія свѣту и тѣни. Главное достоинство этого малярства—позолота на кафтанахъ и на оружіи. Лица въ большихъ фигурахъ довольно правильны. Но тутъ можно видѣть вѣрное изображеніе національнаго костюма. На одной картинѣ богатырь Рустемъ кинжаломъ поражаетъ своего сына; на другой рветъ свою одежду, узнавъ, что ошибкою убилъ сына; на третьей стаскиваетъ за шею, съ лошади, своего противника; на четвертой побѣждаетъ чорта и ломаетъ ему рога: это—мифъ о Геркулесѣ. Не съ Рустема ли взята у насъ сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ? Зная лучшія произведенія суздальскихъ артистовъ, кажется, видимъ здѣсь знакомыя фигуры. Между этими картинками въ стѣнныхъ нишахъ вставлены портреты Императрицы Екатерины Второй и Государя Павла Перваго. Въ той же залѣ есть каминъ, въ видѣ алькова подъ сводомъ, выложеннымъ, съ частію карниза, зеркальцами, которыя при освѣщеніи отражая блескъ огня представляютъ грани брилліантоваго свода. Высокій потолокъ выведенъ плоскимъ сводомъ; въ кладкѣ ихъ Персіяне особенно искусны.

Въ лѣтнемъ залѣ на другомъ этажѣ дворца полъ мраморный съ фронтономъ посерединѣ. На стѣнахъ вѣдланы во весь ростъ портреты Фехтъ-Али-шаха, Аббасъ-мирзы и Гусейнъ-кули-хана самой высокой живописи азійскаго искусства. Главное достоинство въ этихъ портретахъ есть живость и большое сходство въ лицахъ и бородахъ; отдѣлка всѣхъ украшеній на кафтанахъ шаха, или каймы на кафтанахъ сардара, и халата изъ турецкой шали у Аббасъ-мирзы стоили артисту много времени, труда и терпѣнія; зато все гладко; никакой перспективы и тѣни. Тутъ же на стѣнѣ нарисованы портреты двухъ любовницъ сардара, довольно не пригожихъ, но двѣ головки молодыхъ красавцевъ, фаворитовъ сардарскихъ, написаны очень живо. Весь простѣнокъ залы съ одной стороны былъ выложенъ калейдоскопными фигурами посредствомъ разноцвѣтныхъ стеколъ, которыя теперь почти всѣ выбиты и залѣплены простою бумагою. Полы устланы драгоценными большими коврами, по которымъ прежде безъ туфель едва отважились ползати передъ сардаремъ приходящіе, а теперь топтали ихъ, иногда съ грязью, русскіе сапоги. Отъ сырости глинныя украшенія съ потолка и карниза обвалились. Жаль, если этотъ дворецъ прійдетъ въ такое же запустѣніе, въ какомъ находится бахчисарайскій.

Послѣ обѣди у князя былъ большой обѣдъ. За столомъ и послѣ, изъ всеобщаго разговору, я извлекъ для себя много любопытнаго. Мѣня изумляла сила характеру азіятскихъ женщинъ и мальчиковъ. Одинъ бекъ, Шамхала Тарковского, жестоко обращался съ невольницею, которая, своею красотою и свободными глазами, часто возбуждала его ревность; она упрекала его въ жестокости и грозила отисгить. Это еще болѣе раздражило бека, и онъ, поколотивъ ее порядкомъ, заперъ. Спустя нѣсколько времени послѣ того, когда бекъ помирился съ этою женщиною, она очутилась однажды на высокой стѣнѣ въ дворѣ Шамхала и, называя бека своимъ мучителемъ, исчисляла всѣ его жестокости; наконецъ, увидя его тутъ же въ дворѣ, кричала ему: «Я говорила, что отишу тебѣ! ты заплатилъ за меня дорого.... пусть же пропадаютъ твои деньги!...» И, бросившись съ высоты, разшиблась до смерти.

Подобное тому случилось въ Владикавказѣ: одна Осетинка, обремененная мужемъ, среди дня, при всѣхъ бросилась въ Терекъ, и погибла.

Съ мальчиками то же случается. Двадцатилѣтній сынъ Шамхала имѣлъ у себя любимаго слугу. Старшій братъ отнималъ у него любимца, но онъ не давалъ. Отецъ приказывалъ отдать, и за неповиновеніе угрожалъ взять насильно. «Если отнимете, я зарѣжусь!» отвѣчалъ сынъ. Отецъ думалъ что мальчикъ шутитъ, и велѣлъ увести слугу; вскорѣ затѣмъ приходятъ къ нему съ извѣстіемъ, что сынъ книжаломъ распоролъ себѣ брюхо.

Одинъ мальчикъ въ Чечнѣ, изъ мирныхъ Костековъ, былъ съ казаками на пикетѣ, и увидя на горахъ партію, сдѣлалъ тревогу. Хищники, замѣтивъ это, скрылись; казаки, не видя никого, стали бранить мальчика, полагая, что онъ ихъ обманулъ, а мальчикъ, оскорбившись такою недовѣрчивостію, самъ себя поразилъ книжаломъ. Это презрѣніе къ смерти не приобретается однимъ воспитаніемъ, какъ у Японцевъ: оно — врожденная черта здѣшняго народа.

Разговорились о Курдахъ. Это народъ ловкій, какъ наши казаки; хорошіе наѣздяки на беззащитныя деревни, и храбры въ догонку за разбитыми. Пика у нихъ — главное оружіе; есть книжалы, сабли и пистолеты, но ружей у многихъ нѣтъ. Зато лошади превосходныя. Народъ они — свободный и необузданный; ихъ трудно подчинить порядку и взыскательности; и потому въ нашихъ границахъ Курдницы болѣе вредны, нежели полезны.

Всѣ магометане оставили Армянскую Область, въ которой нынче жителей едва ли наберется восемьдесятъ тысячъ, а до войны было сто-двадцать тысячъ. Около Нахичевани переселились до двухъ-тысячъ-осмьсотъ армянскихъ семействъ изъ турецкихъ пашалыковъ.

Оставшіеся въ Эривани жители очень довольны были кроткимъ управленіемъ русскаго начальства. Они, какъ увѣрялъ князь Аргутинскій, съ восторгомъ говорили, что прежде, если обидѣть сарбазъ, то не къ кому было идти жаловаться на него; а теперь, если солдатъ станетъ браниться, то каждый проходящій офицеръ уймешь его. Полиція всегдашняя за нихъ заступница. Кромѣ того, насильно податей не берутъ; всякій торгуетъ и управляетъ свое ремесло какъ хочетъ.

Настояція завоеванія обѣщали большія выгоды. Карскій, ахалцыхскій и баяндскій пашалыки такъ хлѣбородны, что въ состояніи доставить безъ нужды продовольствіе всему корпусу войскъ; а если заселится Армянская Область, то содержаніе или продовольствіе войскъ въ Грузіи не много будетъ стоить Россіи, и сверхъ того еще можно собирать подать шелкомъ, хлопчатомъ бумагою и прочими произведеніями земли.

Въ Эривани есть замѣчательное зданіе: мечеть персидская. Куполъ ея и фасадъ снаружи выложены очень красиво разноцвѣтными съ лазурью кафлями, на которыхъ, какъ у насъ на старинныхъ печахъ, разрисованы цвѣты и фигуры. Хотя вблизи все это грубо, однако изъ дали превосходно: кажется весь фасадъ увѣшанъ отличной работы коврами. Въ солнечный день все это блеститъ очаровательно. Удивительно, какъ въ Европѣ, при украшеніи лучшихъ зданій, не заведется ничего подобнаго! Наши артисты уже истоптали дорогу въ Римъ и Неаполь, подражая до приторности древнему стилю, а никто не заглядываетъ въ Азію, гдѣ много чуднаго, фантастическаго, изъ чего гениальный художникъ могъ бы создать волшебный замокъ — Персидскій. Внутренность мечети, о которой рѣчь, небольшая: стѣны выложены фигурно кирпичами съ математическою точностію. Изображеній ни какихъ: только надпись изъ Алкорана надъ нишею въ восточной стѣнѣ. Передъ мечетью — обширный дворъ; въ стѣнахъ его подѣланы комнаты какъ кельи, вѣроятно для жительства духовныхъ лицъ. Теперь здѣсь военный госпиталь.

На дворѣ моей квартиры былъ возвышенный навѣсъ, подъ которымъ въ лѣтніе вечера, у Персіянъ, играла музыка. Во мно-

гидъ дворахъ, во серединѣ, остались еще бассейны, въ которые чрезъ трубы лѣтомъ проводилась вода изъ Занги, а изъ Кирхбулана, протекающаго по долину около крѣпости съ восточной стороны. Вода трубами проводилась въ крѣпость чрезъ ровъ и, распространяясь по всѣмъ дворамъ, наполняла бассейны; въ некоторыхъ водилась рыба. Маленькій дворъ отъиался деревьями, кустами, цвѣтами. Счастливый Кизилбашъ, сидя въ своемъ гаремѣ на коврахъ и подушкахъ, вкушалъ здѣсь гаранте блаженство Магометова рай. После этого, уиърите его, что европейскій радъ жизни, съ вѣчными заботами, превосходитъ; что сидѣть съ книгою въ кабинетѣ, или съ картами за зеленымъ столомъ — лучше, нежели лѣвиться съ трубкою подъ голубымъ небомъ; что въ шумной гостиной, въ вихрѣ пыльных танцевъ и кокетливыхъ, но пустыхъ взглядовъ, отрадишь всели передъ фонтаномъ въ саду, между дюжиною предаанныхъ рабынь-красавицъ, не считая жены.

О! Азія, Азія!... кто вкушалъ тебя, тотъ уже — на половину Кизилбашъ.

Только, что укуовать-то трудно....

Для надлежащаго препровожденія стараго и встрѣчи новаго гда православная Русь согласилась собраться въ ресторации Итальянца Мостаса, который поселился здѣсь прошлаго года и содержитъ клубъ. Тогда въ Эривани было разливное море шампанскаго, театръ, тавды, всякое веселье. Начальникъ любилъ, чтобы его подчиненные не унывали. Магу засвидѣтельствовать, что благополучно наступившій 1829 годъ былъ встрѣченъ въ полуразрушенной, гнившей Эривани со всѣми подобающими почестами. Не шумное веселье, не буйные кавки, но воспоминанія о любезной Россіи, объ ея преуеиъзвующемъ благоденствіи, о развитіи несокрушимаго ея могущества, оживляли насъ истинною радостью. Ударилъ полночь, и, за всѣхъ героевъ своихъ, отъ Царя, перельившаго Дунай, до завоевателя Брандова, до вобъдителей при Ахалцыхъ, и до павшихъ на славныхъ штурмахъ и незабвенныхъ битвахъ мы усердно принялись пить вспрометную влагу. Есть что-то таинственно-символическое между русскимъ сердцемъ и мадамъ Veuve-Cliquot. Русское оружіе распространить славу ея нектара по всему лицу вселенной.

Поутру, въ первый день новаго года, обычаиыя поздравленія. Вечеру всѣ собрались къ князю въ сардарскій дворецъ.

Тутъ въ большой залѣ, освѣщенной многочисленными огнями, которые чудно отражались въ зеркальномъ потолкѣ, было много-

мужчинъ, и было даже.... пять женщинъ. Пять русскихъ дамъ! Это рѣдкость рѣдкостей въ Эривани. Какими судьбами онѣ сюда залетѣли? Не коверъ ли самолетъ перенесъ ихъ черезъ три высокіе хребта Акзабіюкъ, Безобдалъ и Памбу? Нѣтъ!... привязанность къ тѣмъ, съ которыми судьба ихъ соединила. Не достаточно было дамское общество, однако и оно послужило великою отрадою для молодыхъ людей. Едва нѣкоторые изъ насъ только что успѣли за бостонъ, какъ-вдругъ явилась въ залу группа актеровъ: одинъ наряженъ былъ дѣвушкою, другой любовникомъ, третій дѣдушкою, четвертый майоромъ, пятый дурачкомъ, и всѣ виѣстѣ заговорили, безъ суфлера, оперу «Филаткину свадьбу», Княгинина. Правда, все это представлялось на живую нитку, и аріи пѣлись на валдайскій манеръ, но зато роли говорились твердо. И чего болѣе требовать отъ солдатъ? Это были егеря сорокъ-перваго полка. Довольно, что сюрпризъ принять всѣми съ одобреніемъ. Послѣ оперы вдругъ выскочилъ на середину залы гренадеръ, Дмитрій Донской: рыцарь въ бумажныхъ латахъ, въ шлемѣ, съ щитомъ, и съ густыми бакенбардами. Онъ жестоко размахивалъ обнаженною саблею, перескакивая съ мѣста на мѣсто, и прокричалъ цѣлый монологъ изъ трагедіи Озерова, когда Дмитрій гордо принималъ пословъ Мамаю. Новый Каратыгинъ храбро влеталъ тутъ же и побѣды графа Эриванскаго. Наконецъ, когда сказалъ онъ своему противнику — «Татаринъ! я твоимъ скучаю ужъ упорствомъ!» — вдругъ началась у нихъ сѣча саблями довольно искусная и ловкая, но которая заходила уже слишкомъ далеко и могла бы даже поразить кого-нибудь въ загі, если бы поручикъ Р—нъ не шепнулъ имъ сзади: «Тише, братцы! кровь льется!» Дмитрій Донской, вытянувшись передъ нимъ, отвѣчалъ: «Извините, ваше благородіе! не нарочно!...» Послѣ трагедіи явилась кукольная комедія въ подражаніе качельнымъ итальянцамъ подъ музыку скрипача. И все это представляли не ученые искусники, но добрые русскіе солдаты, любящіе своихъ начальниковъ и ко всему способные, — и побѣждать и веселить.

Послѣ того составила оркестръ изъ одной флейты и одной гитары: подъ громъ этой музыки открылись танцы на мягкихъ персидскихъ коврахъ. Казалось, танцовали Дивы и Перси.

На третій день князь собирался къ выѣзду въ Нахичевань, и всѣ пришли пожелать ему счастливаго пути. Въ залѣ много было Азіятцевъ въ красныхъ, синихъ, желтыхъ кафтанахъ и черныхъ пополахъ: бывшіе подданные персидскаго шаха. По мир-

ному трактату положенъ для подданныхъ обѣихъ державъ, Россіи и Персіи, трехлѣтній срокъ, въ продолженіи котораго владѣльцы земель и недвижимаго имущества могутъ переселиться изъ одного государства въ другое. Персіане, испытавъ кротость русскаго правленія, вмѣсто того чтобы возвращаться въ царство Тѣи Аллаха на землѣ, оставались въ эриванской области; но, не имѣя возможности перевезти въ нее свои земли, сады и дома, спрашивали теперь у князя: позволено ли будетъ имъ получать изъ Персіи деньги или доходъ съ остающаго тамъ недвижимаго имущества?

Января 6, почью, выпало много снѣгу. Для церковнаго парада Святаго Крещенія коммандантъ собралъ войска гарнизона: всѣ они были поставлены вдоль моста и по ту сторону на берегу Занга, гдѣ назначалось мѣсто для Иордани. Послѣ обыкновенной службы въ русской церкви, священная процессія образовъ и хоругвей греко-россійскихъ вышла изъ крѣпости, а навстрѣчу ей такая же процессія вышла изъ города греко-армянской вѣры съ хоругвями и древними образами. Облаченіе на нашихъ священникахъ и дьяконѣ, такъ же и образа были богаты, а у Армянъ все бѣднѣе, но великолѣпнѣе, потому что тутъ былъ архіерей, архимандритъ и четыре дьякона; первый въ парадной, жемчужномъ узвизанной шапкѣ, второй — въ высокой плоской золотой митрѣ, а дьяконы въ золотыхъ и серебряныхъ коронахъ; причеиъ архіерей шелъ подъ бархатнымъ балдахиномъ: только все ихъ богатство было древнее, почернѣвшее. Впередѣ армянской процессіи шла азіятская, пискливая и ревущая музыка съ барабаннымъ боемъ. Стеченіе народа было многочисленное: вся крутизна берега, ниже крѣпости противъ Иордани, была устлана Армянами въ разноцвѣтныхъ платьяхъ и женщинами въ бѣлыхъ чадрахъ. Умилительно было видѣть, когда наше и армянское духовенство стали вмѣстѣ освящать воду какъ отрасли одной церкви, и только различіе языковъ представляло различіе въ отправленіи обряда. Армяне вообще были въ восхищеніи, что имъ уже во второй разъ позволено вмѣстѣ съ нашими совершать водоосвященіе; какъ важнѣйшій обрядъ религіи. При погруженіи крестовъ въ воду сдѣлано три залпа изъ ружей, потомъ заиграла пискливая и ревущая азіятская музыка и ударили въ барабаны; обѣ процессіи рядомъ возвратились съ моста назадъ и передъ крѣпостью разошлись по своимъ мѣстамъ. Въ прежнія времена Армянамъ дорого стоило освященіе Иордани съ самою скромною процессіею, при-

чтожъ они должны были переносить насмѣшки и обиды отъ Персiянъ какъ презрѣнные глупы, а теперь отдавалась ихъ святынямъ и духовенству та же почесть какъ и нашимъ. На народъ это сильно подѣйствовало: онъ начиналъ чувствовать возрожденiе своего политическаго бытiя и сталъ увѣряться въ собственной сачебытности. Подъ игомъ Персiянъ не только народъ, но и духовенство терпѣло сильное притѣсненiе; каждый церковный обрядъ стоилъ Армянамъ большихъ денегъ на соизволенiе сардара, и, при всемъ томъ, они не избавлялись отъ ругательствъ мусульманской черни. Теперь Русскiе своею кровью искупили спасенiе Армянской Церкви и свободу вѣроисповѣданiя.

Послѣ обѣда мы съ С—вымъ поѣхали въ городъ, желая навѣстать архiерея Юсифа, котораго видѣли во время процессiи. Монастырь, гдѣ онъ остановился, стоялъ надъ высокимъ и крутымъ берегомъ Занги, откуда открывался великолѣпный видъ: по всей крутизнѣ берега расположены амфитеатромъ, какъ ложи въ театрѣ, безпорядочными ярусами глиняныя сакли, одна надъ другою, такъ, что плоскiя крыши нижнихъ служили дворами для верхнихъ, и между саклями стрѣлкою поднимались тополи, а на противоположномъ берегу сады. Занга шумитъ и пѣнится непрерывнымъ каскадомъ у подошвы этого амфитеатра. Лѣтомъ здѣсь прелестно.

Узнавъ отъ привратника, что Архiерея не было дома, мы отправились узенькими, кривыми улицами между стѣнами монастыря и сосѣднихъ зданiй, къ мелику Исааку, къ знатному армянскому старшинѣ, на дочери котораго женатъ бѣжавшiй грузинскiй царевичъ Александръ. Это братъ послѣдняго грузинскаго царя Георгiя, за-кавказскiй донъ-Карлъ, претендентъ на царство грузинское, котораго онъ не хотѣлъ уступать Русскимъ и, чтобы приобрѣсть его, искалъ покровительства Персiи. Жена его, царица Марiя, послѣ занятiя Русскими Тавриза, переѣхала сюда къ отцу съ малолѣтнимъ сыномъ Ираклиемъ. Царевичъ Александръ, уже шестидесяти-лѣтнiй изгнанникъ, изъ Тавриза удалился въ Ванъ и; когда Русскiе взяли Ахалцыхъ, опять возвратился въ Персiю. Намъ желательно было видѣть красавицу царицу, которая очень скромно жила у отца своего. Но всѣ трое, Юсифъ, меликъ и царица находились въ армянской церкви на вечернѣ, и мы, лишенные удовольствiя видѣть ихъ, поѣхали мимо караванъ-сарая къ мечети суннитской секты, построенной эриванскимъ сардаромъ Гусейнъ-Али-ханомъ.

Это огромное зданіе отъ основанія до купола будетъ сажень десять вышестею, а съ куполомъ до пятнадцати; внутренность ея открыта безъ дверей и безъ оконъ. Въмѣсто престола—нишъ съ лѣвными украшеніями; по лѣвую сторону у стѣны возвышается кресла съ ступеньками, откуда шейхъ говоритъ проповѣдь или поученія. Полъ накрытъ цѣльною соломенною плетенкою. Длина храма внутри сажень двадцать, ширина сажень восемь. Удивительнѣе всего кажется куполъ въ діаметрѣ четыре сажени, складенный легко, безъ полосы желѣза, и будто висячій на воздухѣ. Видно здѣсь свойство цемента такъ хорошо, и самый зной климата служить для укрѣпленія его столько, что огромная масса купола представляется цѣльнымъ, опрокинутымъ горшкомъ, и никакой трещинки на немъ отъ продолженія времени невидно. Фасадъ мечети, обращенный внутрь пространнаго, четверосторонняго двора, разукрашенъ разноцвѣтными изразцами, покрытыми глазурью, по которой крупныя надписи изъ Алкорана идутъ столбнами сверху стѣны до низу. При входѣ въ мечеть есть небольшая комната для мусульманскаго синода, куда по временамъ собираются въ присутствіе духовныя особы: шейхъ-эль-исламъ, мюдеррисъ, наибъ, садеръ и кади. Они составляютъ мусульманскій судъ. При сардарѣ онъ замѣнялъ и консисторію, гражданскую и уголовную палаты. Вокругъ двора около мечети устроены глиняныя сакли для помѣщенія духовенства; тутъ же есть школа, гдѣ татарскіе дѣти обучаются персидской, арабской и татарской грамотѣ. На дворѣ бассейнъ для омовеній съ запертými фонтанми; кругомъ огромныя, тѣнистыя деревья. При мечети есть высокая тонкая башня, *минаретъ*, съ золотою луною на шпигѣ. Куполъ мечети и минаретная, конусная вершина выложены узорчато голубыми, а карнизъ черными, бѣлыми и красными изразцами. Общность всего красива и величественна въ своемъ родѣ. Судя по обширности и красотѣ трехъ мечетей въ Эривани, можно заключить о теплотѣ мусульманской религіи въ этомъ краю и о многолюдствѣ жителей.

Пробѣхавши черезъ сѣнную площадь мы къ вечеру возвратились въ крѣпость, которая издали кажется непреодолимою съ двойными стѣнами и зубчатыми башнями; всѣ зданія въ ней скрыты, выключая куполовъ и минаретовъ двухъ мечетей. Положеніе крѣпости на равнинѣ хорошо — но жизнь въ ней убійственна, потому что крѣпостной ровъ съ стоячею водою тинистый, заглушенъ растеніями, откуда испаренія заражаютъ воздухъ. Кромѣ того лѣтомъ онъ производитъ другое зло: миллионы мо-

шесть, чрезвычайно мѣлкихъ, которыя всюду проникаютъ, и такъ люто кусаютъ тѣло, что оно пухнетъ съ чрезвычайною болью. По этому, жить въ Эривани для Русскихъ можетъ быть сносно только зимою, а на лѣто необходимо выходить лагеремъ выше сѣвернаго предмѣстія надъ Зангою, или кто можетъ, располагаться въ тѣни садовъ и сибаритствовать по-азіатски. Лѣтомъ отъ ослабленія среди зноя, кромѣ чувственнаго наслажденія въ прохладной нѣгѣ, никакое дѣло не пойдетъ на умъ.

Въ другой разъ, по приглашенію П — ва, мы съ С — вымъ отправились пробовать вино къ одному Армянину, жившему въ сѣверномъ предмѣстіи. Теперь въ Эривани отъ непрерывныхъ снѣговъ была большая грязь: проѣзды подъ башнями изъ крѣпости, какъ въ мрачномъ подземельѣ, столько завалены грязью, что въ случаѣ тревоги, невозможно бѣ было запереть ворота. На стѣнахъ ни одной пушки: для нихъ только дѣлали лафеты, и только двое часовыхъ у воротъ.

Мы проѣхали большую часть предмѣстія черезъ сѣнной рынокъ. Здѣсь продаютъ сѣно снопами; въ одномъ вьюкѣ двадцать сноповъ; вьюкъ продавали по четыре абазы, а три снопа составляютъ пудъ.

Источники рѣчки *Кирхбулака*, «Сорока родниковъ», омываютъ сѣверное предмѣстіе; рѣчка, спускаясь по восточному предмѣстію во всю длину мимо крѣпости, на разстояніи пушечнаго выстрѣла, впадаетъ ниже въ Зангу. Оттого по Кирхбулаку расположены хорошіе сады; въ каждый домъ и садъ проведена каналомъ вода, которая вездѣ журчитъ прозрачными струями. Виноградныя лозы, пригнутыя къ землѣ, закладены на зиму для предохраненія отъ морозовъ, которые теперь доходили только до четырехъ и пяти градусовъ, но свѣга въ низкихъ мѣстахъ очень довольно. Мы проѣхали по узкимъ кривымъ улицамъ, которыя заграждены высокими глиняными стѣнами; кой гдѣ низенькія дверцы сквозь стѣну ведутъ на тѣсный дворъ къ саклямъ; эти сакли иногда такъ малы, что походятъ болѣе на собачьи конуры. У людей состоятельныхъ сакли или дома бываютъ пространныя съ отдѣленіями для нѣсколькихъ семействъ. Сады вообще разгорожены высокими стѣнами. Каждый домъ составляетъ цитадель, и въ такомъ расположеніи, еслибъ жители были воинственны и умѣли бы такъ твердо защищаться, какъ крѣпости ихъ дома и ограды, тогда бы трудно было овладѣть городомъ. По улицамъ, шириною около сажени, можетъ проѣхать только одна арба, а при встрѣчѣ двухъ — не гдѣ повернуться; зато часты перекрестки и

переулки. Мы проѣхали еще мимо небольшой турецкой мечети, и видѣли двѣ или три армянскія церкви. Въ нѣкоторыхъ дворахъ посерединѣ сдѣлана *вышка*, состоящая изъ четырехъ длинныхъ столбовъ съ связями вверху и внизу; въ верхней части подъ крышею полъ; тамъ всегдашняя прохлада лѣтомъ на открытомъ воздухѣ. Лазять туда по приставной лѣсенкѣ. Столбы не вкопаны въ землю, а стоятъ на доскахъ, и кажется могли бы быть сбиты вѣтромъ; напротивъ того, они стоятъ непоколебимо, потому что центральная тяжесть уравновѣрена и связи положены правильно.

Въ городѣ считается теперь тысяча четыреста домовъ, а жителей около осьми тысячъ. Много сходится армянскихъ переселенцевъ. Сегодня пріѣхалъ изъ Хонъ съ семействомъ и съ цѣлою толпою прислужниковъ бѣжавшій изъ Елисаветполя, во время нашествія Персіянъ, Кючукъ-Ханъ сынъ Джафаръ-кули-хана. Живя въ Елисаветполѣ, онъ зналъ о приготовленіяхъ Персіянъ противъ насъ и о всеобщемъ возмущеніи Татаръ; предостерегалъ кого слѣдуетъ; но ему мало вѣрили. Онъ женатъ на любовницѣ Аббасъ-мирзы и, при вторженіи Персіянъ, взятъ былъ ими въ плѣнъ. Аббасъ-мирза уважалъ въ немъ полковника нашей службы, и не сдѣлалъ ему ни какого оскорбленія. Послѣ взятія Русскими Тавриза и разбѣга плѣнныхъ, его возвратили. Графъ Эриванскій поручилъ ему управленіе хойскою провинціею. Теперь по выходѣ войскъ оттуда и онъ воротился съ семействомъ. Мужнина видный, хорошъ собою, и богато одѣтъ.

Намъ часто попадались по улицамъ жители. Мужчины всѣ одѣты по-персидски, хотя большею частію Армяне и Татары: верхніе кафтаны у нихъ съ разрѣзными вдоль рукавами и полами, при кушакахъ кривые книжалы, а на ногахъ шерстяные чулки и туфли. Такъ они ходятъ зимою, которая здѣсь то же, что наша осень. Женщины всегда покрыты чадрами. Встрѣчаясь съ нами, онѣ оборачивались къ стѣнѣ лицомъ, однако жъ такъ, что въ то же время посматривали на насъ украдкою. У многихъ глаза прекрасныя, и лица бѣлыя и полныя, въ противоположность тощимъ и смуглымъ лицамъ мужчинъ.

Наконецъ мы вѣхали въ обширный домъ винопродавца Григорія, славившагося въ здѣшней торговлѣ. У него пріятели выпиваютъ заразъ по четырнадцать кувшиновъ. Впродолженіи войны онъ нечѣе всѣхъ пострадалъ, и держится на мѣстѣ еще со времени графа Гудовича, умѣя ладить со всѣми врагами и друзьями Эривани. Персіяне и Турки такъ же его щадили, какъ и Русскіе. Сардаръ бралъ у него вино даромъ. Турецкіе эендишъ запи-

рались въ его домѣ и похивали во славу Аллаха. Русскіе берегли его какъ полезнаго христіанина. Притѣсняемый сардаромъ, онъ, однажды, ушелъ было изъ Эривани; но Аббасъ-мирза упрямилъ его письмомъ возвратиться, утѣряя, что безъ него Эривань пуста и что онъ сдѣлалъ выговоръ сардару, который впредь не осмѣлится брать слишкомъ много вина безденежно. Отецъ Григорія былъ беглербегъ, то есть, военный губернаторъ: казалось бы, сыну слѣдовало быть не винопродавцемъ, а жить по-дворянски, ничего не дѣлая; но у азіятцевъ купчество въ такомъ же почетѣ какъ и дворянство. Цари восточные отъ Гаруна-аль-Рашида до Фетхъ али-шаха, не гнушались общества, бесѣды, а иногда и дружбы съ купцами. Дворянство, скорѣе, не существуетъ на мусульманскомъ Востоку: какъ нѣтъ фамильныхъ названій и fortuna очень измѣнчива въ этихъ странахъ, то въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи о славіи предковъ и рѣчи не бываетъ. Самыя высшія почести въ государствѣ открыты счастливымъ изъ самыхъ низкихъ званій. Сколько визирей, хановъ, беглербеговъ вышло изъ вольноотпущенныхъ домашнихъ рабовъ! Словомъ, Григорій могъ, sans déroger, сдѣлаться купцомъ. Притомъ же онъ желалъ быть полезнымъ гражданиномъ — и посвятилъ себя вино-торговлѣ въ мусульманскомъ царствѣ.

Мы вошли въ большую, хотя съ каминомъ, однако холодную комнату, потому что двери всегда открыты по привычкѣ. Персіане и персидскіе Армяне любятъ чистый воздухъ; у нихъ и зимою грудь и шея открыты. Они грѣютъ только руки надъ горячими углями въ горшкахъ или въ жаровняхъ. Полъ въ гостиной до половины былъ устланъ коврами; въ одной сторонѣ кровать съ ковромъ, столъ и два стула для Европейцевъ. Посреди комнаты большой четверугольный столъ, очень низкій, или на полъ-аршина отъ земли, покрытый ковромъ, и подъ нимъ мѣдная жаровня, мангалъ, съ горячими углями. Вокругъ стола тоже ковры и подушки. Этотъ столъ значитъ здѣсь братскій диванъ, около котораго гости садятся на подушкахъ и, сунувъ ноги безъ туфель подъ столъ, а руки подъ коверъ, грѣются валяясь, или дѣлаютъ свой кейфъ, если хозяинъ догадается поставить имъ кагіуръ. По стѣнамъ во всѣхъ нишахъ разставлены пузатые кувшины, узкогорлыя кривыя бутылки, чашки и всякая домашняя утварь. Къ высѣкому, раскрашенному потолку привѣшены фруктовыя гирлянды винограда, грушъ, сливъ и персиковъ для просушки.

Хозяинъ при входѣ нашемъ встрепенулся и тотчасъ предста-

вѣлъ сладкую закуску: мелкій безъ стѣвалъ очень пѣкный виноградъ, бѣлыя сахарныя сливы, называемыя *алибузара*, яблоки рашеты и большія груши, — все очень срѣжее, какъ недавно съ дерева снятое. Тутъ же были еще сушеные персики и абрикосы, начиненные орѣхами; также волошскіе орѣхи, залитые гущенымъ сокомъ винограду, наподобіе колбасовъ. Вскорѣ за тѣмъ сталъ онъ потчивать насъ водкою и виномъ; послѣ того разставлялъ на братскомъ столѣ всякой всячины по-деминожку на тарелкахъ: икру, сметану, соленую рыбу, рѣдьку, свинину, пловъ, жареную рыбу, подожженную курицу, шашлыкъ, ватрушки, — все холодное и ни какой теплой жидкости, а вмѣсто хлѣба разложилъ тонкіе блины, наподобіе лосинной кожи, складенные вчетверо, какъ салфетки. Я спрашивалъ хозяина, зачѣмъ у нихъ пекутъ такіе тонкіе хлѣбы: онъ отвѣчалъ, что заквашенный и по-нашему испеченный хлѣбъ, отъ свойства здѣшней пшеницы и отъ сухости воздуху, на третій день твердѣетъ какъ камень, между тѣмъ какъ чурки всегда свѣжи: ихъ пекутъ вѣчно.

Въ то время какъ пробовали разные блюда, хозяинъ представилъ своихъ дѣтей, маленькаго сына и осмылѣтнюю дѣвочку, румяную, съ большими черными глазками и съ милою улыбкою. Только оба они были запачканы, нечесаны, неопрятны. Сама супруга почтеннаго винопродавца ходила какъ престая баба, въ встаканномъ синемъ кафтанѣ, въ шалварахъ и съ новязкою на головѣ. Она съ другою подобною женщиною занималась египетскою работою: на большомъ подносѣ изъ огромной кучи рису отбѣляли онѣ булавками чистыя и крупныя зерна отъ мелкихъ и несчастныхъ.

Наконецъ мы принялись за надлежащее изслѣдованіе его вина, — все бѣлыхъ; лучшее изъ нихъ было похоже на сантуринское, но очень крѣпкое. Всѣ они сохраняются въ глиняныхъ кувшинахъ, отъ которыхъ принимаютъ непріятный запахъ; но если вино разлить въ бутылки, оно отстаивается и дѣлается очень хорошимъ, неуступающимъ въ добротѣ лучшимъ винамъ Роны. Мы купили у него хорошихъ сортовъ по четыре абаза за батманъ.

Смертность въ Эривани была значительна, однако жъ каждый продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ, не обращая вниманія на болѣзни. Пріѣзжіе изъ Арзерума сказывали, что туда присланы отъ султана европейскіе офицеры для укрѣпленія города. Курдичи всѣ вооружились; но Эминъ, паша мушскій, готовъ былъ сдаться намъ, съ тѣмъ только, чтобы оставили на мѣстѣ нашею.

Въ армянскую область переселялось до осьми тысячъ Армякъ

изъ Салмаса и Урмии. Для обезпеченія и устройства этого переселенія учрежденъ здѣсь комитетъ подъ предѣдательствомъ князя Чевчевадзе. Онъ обязанъ снабжать бѣдныхъ деньгами и хлѣбомъ. Почти всѣ переселившіеся уже водворились на мѣста и засѣялись на зиму. Многіе переходили къ намъ, оставляя у Персійцевъ свои земли и сады; они уходили, болѣею частию страшась ищженія за свою преданность къ Русскимъ, которую явно оказывали во время занятія ими азербейджанской области, не полагая никакъ перейти снова во власть Персій. Къ этому переселенію очень много способствовалъ князь Аргутинскій-Долгорукій. Однако всѣхъ переселившихся нельзя было достаточно надѣлать хлѣбомъ; многіе терпѣли голодъ и питались почти однимъ мясомъ той скотины, которую успѣли пригнать съ собою. Они очень признательны къ Русскимъ за освобожденіе отъ персидскаго ига. Многіе учились говорить по-русски.

Января 23, князь Чевчевадзе возвратился изъ Нахичевани. Въ Аббасъ-абадѣ персидскій чиновникъ сдавалъ нашему комиссіонеру тридцать тысячъ четвертей пшеницы въ счетъ девятаго курпура контрибуціи. Тамъ въ магазинѣ около полу-милліона четвертей сухарей такъ истлѣли и попортились, что скотина, которой давали ихъ въ кормъ, издыхала: это подтверждало замѣчаніе полковника Вейде о свойствахъ здѣшней пшеницы. Аббасъ-Мирза собирался ѣхать въ Петербургъ; на издержки путешествія шахъ давалъ ему сто двадцать тысячъ рублей серебромъ. Но шестьдесятъ тысячъ Турковъ стояли уже на границѣ. Вотъ новости, которыя мы узнали съ возвращеніемъ князя, который черезъ пять дней долженъ былъ уѣхать въ Тифлисъ.

Между-тѣмъ люди въ Эривани заболѣвали и скоро умирали. Странная болѣзнь! Сперва дѣлается головная боль, тошнота, рвота, потомъ опухоль подъ мышками и черезъ два или три дня смерть. Лекаря говорили, что главная причина этого — гнилая зима: сырость, мокрота, грязь, нечистота, которою заваленъ городъ. Послѣ двухъ мѣсяцевъ такой зимы съ морозами отъ трехъ до пяти градусовъ, наступила ясная погода, и я воспользовался ею, чтобы съѣздить за Эривань въ армянскія деревни. Я началъ съ деревни Шурли, ниже Эчмеадзина; отсюда проѣхалъ чрезъ Кара-кишлакъ до Дунгази; далѣе мнѣ хотѣлось проѣхать въ Луханлугъ, но я долженъ былъ возвратиться въ Эривань.

Эта окрестность къ югозападу представляетъ равнину, наполненную каналами или малыми ручьями, отъ Загги проведенными, которой вся вода разливается по полямъ, и рѣка почти не дохо-

дуть до своего устья. Въ этомъ состоитъ главная польза жителей, безъ чего они не могли бы вращать ни рису, ни кушкату, ни хлопчатвику, ни льну, ни пшемацы, ни ячменя: для всего необходима искусственная поливка. Въ прежнее время, говорили мнѣ, вся долина Аракса, которая здѣсь вереть на сорокъ, была чрезвычайно населена, такъ что сардаръ эриванскій, разубъжая въ лѣтніе мѣсяцы по деревнямъ, ежегодно собиралъ фунтовъ по осяци золота. Теперь большая половина жителей разбѣжалась то въ Хой, то въ Карюу. Теперь деревни небольшія, по тридцати или рѣдко по сту дворовъ; онѣ имѣютъ отличный видъ: глиняные заборы и глиняныя небольшія, четверугольныя савансы съ плоскою крышею, безъ оконъ, съ одною дверью, а для свѣту въ потолокъ продушина.

Въ Дунгази есть древняя крѣпостца, полуразмытая водою; на зубцахъ башни анеты свили огромныя гнѣзда и стоятъ на нихъ стражани, поджавъ одну ногу. Я замѣтилъ, что глиняныя стѣны, которыми здѣсь огораживаются дворы и сады, сдѣланы въ шесть слоевъ, а седьмой составляютъ зубцы; каждый слой или рядъ въ аршинъ съ четвертью толщины (четыре здѣшнихъ аршина составляютъ нашихъ шесть). Около канавъ и ручьевъ разсажена ява или тополь, и оттого вся долина представляется безпрерывнымъ садомъ съ прямыми и кривыми аллеями. У этихъ степныхъ Армянъ не худо бы поучиться нашимъ хохламъ, какъ жить на гладкой землѣ безъ лѣсу и въ отдаленіи отъ воды.

Въ Дунгази случилось мнѣ остановиться въ маленькой, чистой савансѣ, устланной коврами, съ четверугольнымъ возвышеніемъ посрединѣ, на полъ-аршина отъ полу, вмѣсто стола. Юсь-башни, или сотникъ, молодой Татаринъ, въ голубомъ кафтанѣ, тонкій, длинный, безбородый, одѣтый по-персидски, съ кинжаломъ у пояса и въ черной папахѣ, безбоязненно рассказывалъ мнѣ, что онъ участвовалъ въ горячей дракѣ при Ушаганѣ, у Аббаст-мирзы съ нашими войсками противъ генерала Красовскаго, и убилъ одного казака; но ядра русскихъ *топъ* очень его перепугали: ни куда нельзя было спрятаться, вездѣ они за нимъ гонялись. Хвалился онъ однако, что теперь лучше жить: Русскіе смирны и — удивительное дѣло — ничего не берутъ даромъ! Сардаръ бралъ все, что только ему понравилось. Деревня бѣдна; жители ходятъ въ лохмотьяхъ; особенно гадки женщины въ пестрыхъ шалварахъ и въ полукафтаньяхъ: все это оборвано, запачкано, закопчено дымомъ. Рѣдко являются хорошенькія брюнетки, и то ко-

терра получше и помележе, съ недобрѣчностью закрашенныхъ чедрами.

Уже сѣту нигдѣ не было. Земли какъ оссызъ. Не малю хадло много скотины, корившейся тощии былинками; овою рѣчку и каналъ прорѣзывалась молодая зеленъ. Засѣянныи нивы обнаруживались водами. Земля вообще кинисты; съ не удобряютъ, а только наводняютъ; лѣтомъ она сильне пысызаетъ и растрескивается щелями.

Занга, ниже Эривани, не имѣетъ крутыхъ береговъ и дробится на множество ручьевъ и каналъ по всей долинѣ; въ Душганъ и перѣкалъ черезъ нее не замѣчая, какъ черезъ ничтожную рѣчку.

=

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ
РИМЛЯНЪ ПРИ АВГУСТЪ
И
ГРЕКОВЪ ПРИ ЦЕРИКЛЪ.

==
СТАТЬЯ ВТОРАЯ.
==

Наступало время ужина (coena). Рабы въ лентуловомъ домѣ были заняты приготовлениями къ приему гостей. Въ кухнѣ повара (coqui) варили, варили и жарили, между-тѣмъ какъ широжникъ (pistor officarius) некъ сладкія лакомства, а structor гнѣпилъ изъ гнѣста разныя фигуры.

Въ обширной комнатѣ стоялъ низенькій столъ, окруженный съ трехъ сторонъ ложами (triclinia). Каждое ложе раздѣлялось мягкими подушками на три части и было украшено бѣлыми покрывалами, вышитыми золотомъ. Триклинархъ, главный оециантъ, хлопоталъ около небольшого стола, abacus, на которомъ разставлены были чаши (rosula) и стеклянные, золотые и серебряные кубки (calices).

Вошли гости Лентула, который пригласилъ шестерыхъ друзей. Помпоній привелъ съ собою еще двухъ незнакомцевъ и представилъ ихъ хозяйну. Это были, по словамъ Помпонія, прѣззіе изъ Перусіи. Онъ привелъ ихъ по праву, которое давали въ Римѣ некоторымъ друзьямъ и почтеннымъ людямъ, брать съ собою незваныхъ гостей (umbrae, тѣни).

Через короткое время доложили о Галлѣ. Лентулъ вышелъ и учтиво ввелъ его въ столовую.

— Да ты переѣхалъ живонисъ въ этомъ триклиннѣ, сказалъ Галлъ, входя. Право, ты человекъ со вкусомъ. Сатиры, весело собирающіе виноградъ, травля кабана, плоды и деревья съ дредами очень идутъ къ столовой.

— Правда, прибавилъ Помпоній. Лентулъ умѣетъ украшать столовую. Вотъ Калпурній недавно приказалъ въ лучшемъ своемъ триклиннѣ написать съ одной стороны убіеніе Гипарха, съ другой приговоръ Брута, а вмѣсто приятной зелени—грознаго свѣрки ликторовъ....

— Кстати, гдѣ Калпурній? прервалъ его Галлъ. Я думалъ, что онъ приглашенъ. Не такъ ли, Лентулъ?

— Да, я его пригласилъ!

— Онъ отказался, возразилъ Помпоній. Однако я надѣюсь, что онъ придетъ позже. Не пора ли лечь за столъ? прибавилъ Помпоній? Мнѣ кажется, уже десятый часъ въ неходѣ!

Хозяинъ отвѣчалъ утвердительно и принялся усаживать гостей. Самое почетное мѣсто, послѣднее по правую руку средней софы, долженъ былъ занять Галлъ; второе, подлѣ Галла, Лентулъ оставилъ для себя, Помпонія просилъ лечь на третье. На двухъ другихъ триклиннѣхъ расположились пріятель хозяина, Фавній, Басъ, Цециліанъ и Фаустинъ, и оба Перусіянца. Рабы сняли съ гостей сандалии и башмаки, а мальчики съ высокими передниками подали умываться въ серебряныхъ кружкахъ. Потомъ, по знаку Лентула внесли въ комнату и поставили на столъ большой деревянный подносъ (*gerositorium*) съ закускою (*gustus*). Съ тайною радостью наблюдалъ хозяинъ за удивленіемъ гостей при видѣ новаго расположенія кушаньевъ, которое онъ выдумалъ. Въ серединѣ плато, выложеннаго черепахою, стоялъ бронзовый осель, съ серебряными корзинами по бокамъ. Эти корзины наполнены были черными и бѣлыми сливами. На спинѣ сидѣлъ Силень, у котораго текъ изъ кожанаго мѣха *gagum* (соусъ, приготовленный изъ потрохъ и крови морскихъ рыбъ) на любимую варенную свиную грудь (*zumen*). Подлѣ лежали разные колбасы, сирійскія сливы и гранатовыя яблоки. Тутъ же стояли серебряныя блюда съ вареными устрицами, яйцами и икрою, спаржею, редисками, латукомъ и другими кушаньями, которые возбуждаютъ аппетитъ. Сверхъ того рабы подавали гостямъ свѣжихъ устрицъ.

Лентулъ со всѣхъ сторонъ получалъ похвалы за остроумную

выдумку, потому гости принялись за закуску и стали пить медъ (mellisum), который разносили рабы въ золотыхъ чашахъ.

Черезъ нѣсколько времени внесли другой подносъ поменьше и поставили на пустомъ мѣстѣ перваго. Въ норзѣ сидѣла съ опущенными крыльями деревянная курица. Подошли два раба и стали разрывать мякнпу, которою была наполнена корзина, вынимать павлиньи яйца и подавать ихъ гостямъ.

— Это, друзья, павлиньи яйца, которыя подложили курицѣ, съ самодовольною улыбкою сказалъ Лентулъ; но я онасаюсь, не слишкомъ ли долго она сидѣла на нихъ. Однако посмотримъ.

Рабы подали гостямъ серебрянные кохлеары (cochleares), ложечки съ заостренными ручками. Всѣ принялись ломать острыми концами скорлупу. Пріятели Лентула привыкли къ нечаянностямъ, которыя онъ всегда выдумывалъ; но Перусіянцы ничего не подозрѣвали. Одинъ изъ нихъ, сломавъ немного яйцо, съ отвращеніемъ воскликнулъ:

— Право, въ этомъ яйцѣ уже образовался цыпленокъ!

Онъ хотѣлъ бросить яйцо; но Помпоній остановилъ его и смѣясь сказалъ:

— Посмотри хорошенько. У Лентула новый поваръ. За него заплатили сто тысячъ сестерціевъ; онъ умѣетъ отлично готовить даже высиженныя яйца.

Перусіянецъ лишь теперь замѣтилъ, что скорлупа была изъ тѣста, и въ яйцѣ находился не цыпленокъ, а жирный дроздъ, сильно приправленный перцомъ. Пошли разные шутки насчетъ незнанія новыхъ гостей и странной выдумки Лентула. Потомъ рабы стали разносить второй разъ меду. Когда всѣ отъ него отказались, хозяинъ подалъ знакъ хору музыкантовъ, расположившихся въ концѣ комнаты. Загремѣла музыка. Слуги между-тѣмъ убрали закуску и подносы, и вытерли косматыми полотенцами столъ. Два негра разнесли воды для мытья рукъ.

Послѣ этого вошла въ столовую мальчишка съ зелеными вѣнками. Онъ несъ заплѣсневѣлыя глиняныя амфоры, на которыхъ древнимъ потеркомъ было высѣчено: L. Oprimio Cos.

— Заринъ, исполняй хорошо свое дѣло, сказалъ Лентулъ одному изъ мальчишковъ. Ты будешь сегодня виночерпомъ. Друзья, это еалериское, а именно опиміанское: вы знаете, оно мутно.

— Оно было чисто и свѣтло, примолвилъ Галлъ, когда его называли именемъ консула. Но теперь оно раздѣлило участь времени и сдѣлалось мутно, какъ судьба многихъ.

Перусіянцы стали внимательнѣе слушать; Помпоній значителенно посмотрѣлъ на нихъ, приложилъ палецъ къ губамъ, и потомъ, обращаясь къ гостямъ, сказалъ:

— Да, это вино черезъ пять лѣтъ было бы вѣковымъ. Максимъ, твой прадѣдъ консульствовалъ, кажется, въ одномъ году съ Опиміемъ? Значитъ, вино прожило четыре поколѣнія!

— Точно такъ, возразилъ Максимъ, мой предокъ былъ вмѣстѣ съ Опиміемъ консуломъ. Хотя я очень люблю вино, однако мнѣ досадно, что на амфорѣ стоитъ не мое имя....

— Утѣшься! прервалъ его Галлъ. Съ такими людьми бываютъ случаи и по-хуже.

— Полно толковать о серьезныхъ вещахъ, сказалъ Помпоній. Посмотрите, кажется, Басъ и Цециліанъ съ нетерпѣніемъ желаютъ познакомиться съ содержаніемъ амфоры, между-тѣмъ какъ мы размышляемъ о надписи. Прикажи, Лентулъ, откупорить.

Съ амфоръ обломали гипсъ, которымъ залиты были пробки. Потомъ Эаринъ осторожно сталъ лить вино изъ откупоренной кружки въ большую серебрянную чашу и наполнилъ кубки золотымъ ковшомъ (сyathus), похожимъ на тѣ, которыми черпаютъ у насъ воду. Другіе мальчики разносили полныя кубки.

Только что это кончилось, въ столовую внесли на огромномъ подносѣ первую перемяну ужина. Кушанья совсѣмъ не соответствовали ожиданіямъ гостей. Вокругъ куска дерева, на которомъ лежалъ сотъ меду, стояли тарелки съ простыми кушаньями. Рабъ подаль въ серебрянной корзинѣ хлѣбъ и мелкую рыбу. По знаку Лентула подбѣжали двое слугъ и въ одно мгновеніе сняли крышку, подъ которою были настоящіе блюда, назначенныя къ ужину. Тутъ присутствующимъ представился богатый выборъ лакомыхъ кушаньевъ. Между жирными дроздами и горлицами разставлены были индѣйки, гуси, ромбы и шестиугольный *mullus*, рыба, стоявшая Лентулу восемь тысячъ сестерціевъ (четыреста рублей серебромъ). Въ серединѣ подноса находился откормленный заяцъ, котораго изобрѣтательный *sigislog* превратилъ прибавленіемъ крыльевъ изъ перьевъ въ пегаса. Изумленные гости шумно выражали удивленіе къ великой радости Лентула.

Подождавъ *scissor* и приплясывая и наблюдая равномерность такта, сталъ рѣзать мясо. Эаринъ дѣятельно исполнялъ между-тѣмъ свою должность и фалерскимъ оживлялъ присутствующихъ, такъ, что когда сняли первую перемяну, они живо начали разговаривать.

Однако бесѣда скоро прервалась. При звукѣ роговъ слуги несли вторую переимѣну. На подносѣ лежалъ огромный жареный кабанъ, а вокругъ него осемь поросятъ, которыхъ искусный булочникъ спекъ изъ сладкаго тѣста. На клыкахъ кабана висѣли корзиночки, сплетенныя изъ пальмовой мочалки. Они были наполнены сирійскими и евскими смоквами.

Явился другой всизогъ въ одеждѣ охотника и принялся рѣзать такимъ же образомъ, какъ первый. Одинъ мальчикъ раздавалъ между-тѣмъ смоквы. Каждый гость получилъ по поросенку, чтобы взять домой.

— Этотъ кабанъ изъ Умбріи, заимѣлъ Лентулъ.

— Изъ Умбріи! сказалъ одинъ изъ гостей, обращаясь къ Перусилианцѣ. Значить, онъ вашъ землякъ, или по-крайней-мѣрѣ соседъ. Я на вашемъ мѣстѣ не сталъ бы ѣсть его. Почему знать, можетъ быть одинъ изъ вашихъ предковъ превращенъ въ этого кабана.

— Теперь уже прошло время превращеній, возразилъ одинъ изъ незваныхъ гостей. Цирцея болѣе не существуетъ, а другіе боги мало заботятся о людяхъ. Я конечно знаю *одного*, который можетъ произвести превращеніи....

— Ну, не говори! поспѣшно прервалъ его Помпоній. Вотъ напримеръ Басъ, продолжалъ онъ насмѣшливо, скажетъ тебѣ, что нынче также случаются чудеса и каждый изъ насъ ежеминутно можетъ превратиться въ скотину.

— Шутя сколько хочешь, примолвилъ Басъ, въ этомъ однако нельзя сомнѣваться. Недавно рассказывалъ мнѣ одинъ богатый вольноотпущенный такую исторію, что волосы становятся дыбомъ. Хотя она и не очень весела, я вамъ однако сообщу ее.

Гости частью насмѣшливо, частью съ любопытствомъ просили его начать скорѣе рассказъ.

— Когда я былъ еще рабомъ, говоритъ вольноотпущенный, я зналъ жеву одного трактирщика, очень добрую и честную. Ея мужъ имѣлъ въ пяти миляхъ * отъ Рима виллу. Онъ однажды поѣхалъ туда, заболѣлъ и умеръ. Я подумалъ: въ несчастіи узнаешь друзей, и хотѣлъ ѣхать на виллу. Мой хозяинъ случайно уѣхалъ въ Капуа. Въ нашемъ домѣ жилъ пріѣзжій воинъ, тому повѣрилъ я свою мысль и просилъ проводить меня ночью на виллу. Онъ согласился. Мы дождались до пѣтуховъ ** и пошли. Свѣ-

* Около трехъ съ половиною верстъ.

** Gallicinium.

тыль мѣсяцъ; было точно днемъ. На половинѣ дороги стояла группа монументовъ. Тутъ мой провожатый остановился и просилъ меня идти далѣе. Я тихонько продолжалъ путь, напѣвая и поглядывая на звѣзды. Наконецъ я оглянулся и вообразите что увидѣлъ: мой провожатый раздѣвается до нага, ходитъ нѣсколько разъ вокругъ своихъ платьевъ, плюетъ три раза и вдругъ превращается въ волка.

— Не думайте, чтобы я лгалъ, произнесъ Басъ. Вольноотпущенный клялся мнѣ въ справедливости своихъ словъ. Но слушайте, что онъ рассказывалъ мнѣ далѣе.

— Потому превращенный мой провожатый сталъ выть и убѣжалъ наконецъ въ лѣсъ. Я сначала не зналъ что дѣлать, однако сообразившись съ духомъ подошелъ къ платьямъ; но они были превращены въ камень. Въ ужасѣ я обнажилъ мечъ и размахивая имъ побѣждалъ безъ оглядки на виллу моей пріятельницы. Задыхаясь вошелъ я въ домъ, потъ такъ и лилъ съ меня. Прошло довольно времени понуда я оправился. Трактирщица удивлялась моему появленію въ такое время.

— Если бы ты пришелъ раньше, сказала она, то помогъ бы намъ; на виллу прибѣжалъ волкъ и задавилъ многихъ овецъ. Онъ однако не остался безъ наказанія. Одинъ изъ моихъ рабовъ попалъ ему въ затылокъ стрѣлою.

— Мнѣ сдѣлалось страшно и я не могъ заснуть во всю ночь. На другое утро я пошелъ домой. На томъ мѣстѣ, гдѣ лежали платья, было только огромное красное пятно отъ крови. Возвратясь домой, я нашелъ пріѣзжаго вонна въ постели. Хирургъ перевязывалъ ему шею. Тутъ я смѣкнулъ, что пріѣзжій былъ оборотень* и не рѣшился болѣе раздѣлать съ нимъ лѣбъ.

— Вотъ что рассказывалъ вольноотпущенный съ великимъ ужасомъ. Вы говорите что угодно, а я утверждаю: еще нынче часто происходятъ такіа чудеса.

Общество стало смѣяться надъ суевѣріемъ Баса, который всѣми силами старался доказать справедливость своего мнѣнія.

— Я думаю, Басъ отчасти правъ, сказалъ наконецъ другой Перусіинецъ. Я недавно купилъ раба, который жилъ прежде въ іонійскомъ городѣ Милетѣ. Онъ также рассказалъ мнѣ довольно странное происшествіе. Въ домѣ, гдѣ онъ служилъ, умеръ прехорошенькій мальчикъ. Безутѣшная мать рыдала передъ постелью

* Versipellis.

любимаго сына. Вдругъ послышался глухой свистъ стрига *. Въ фамиліи былъ одинъ рабъ изъ Кападокіи, выеднаго росту, храбрый и такой сильный, что могъ справиться съ бычьими быкомъ. Онъ схватилъ мечъ; завернувши лѣвую руку въ полу, выбѣжалъ за двери и перерубилъ одну изъ совъ на двое. Услышали ея крикъ. Рабъ отступилъ на нѣсколько шаговъ и упалъ. Тѣло его было въ снѣгахъ, точно будто его колотили. Это отдалось однако отъ прикосновенія стриги. Заперли двери и когда мать возвратилась къ сыну, онъ уже былъ подиѣновъ стригами соломенною куклою.

На этотъ разсказъ гости также отвѣчали свѣжомъ. Одинъ Басъ наклонился и просилъ боговъ избавить его на возвратномъ пути отъ встрѣчи со стригами.

Шутки общества прервались при новой перемиѣ. Къ удивленію гостей внесли огромную свинью, сжаренную какъ набашъ цѣльною.

Лентулъ поднялся съ ложа, чтобы внимательнѣе посмотреть на нее.

— Чтò это, вскричалъ онъ, поваръ кажется забылъ выпотрошить ее. Привести его тотчасъ-же сюда на расправу.

Поваръ съ печальнымъ видомъ вошелъ въ столовую и къ всеобщему негодованію, признался въ своей оплошности. Онъ очей свѣшилъ приготовленіемъ ужина и забылъ выпотрошить свинью.

— Право! это самый негодный рабъ! воскликнулъ разгнѣванный Цециліанъ. Слыханное ли дѣло, забыть выпотрошить свинью. Если бы онъ принадлежалъ мнѣ, я приказалъ бы его повѣсить!...

Лентулъ былъ не такъ жестокъ.

— Ты конечно заслужилъ строгое наказаніе; но въ этотъ разъ я въ хорошемъ расположеніи духа и прощаю тебѣ. Однако ты долженъ тотчасъ же исполнить забытую обязанность.

Поваръ осторожно разрѣзалъ животъ свиньи съ обѣихъ сторонъ; потомъ быстро провелъ ножъ по серединѣ. Къ удивленію гостей вывалилось на поднось множество колбасъ.

— Опять новая шутка! воскликнулъ Помпоній. Однако скажи пожалуйста, какимъ образомъ пришло тебѣ на мысль подать послѣ вепря домашнюю свинью?

— Если другіе гости также не желаютъ отвѣдать, то пусть ее унесутъ и оставить для завтрашняго ужина.

* Стриги (*striges*) были у севѣрныхъ Римлянъ совы, которыя высасывали у дѣтей кровь и кормили ихъ изъ своей груди ядовитымъ молокомъ.

Рабы унесли эту переи́вну и возвратились съ новою. Тутъ лежали павлины, фазаны, гусиный пестецъ и рѣдкостныя рыбы. Скоро сняли и эту переи́вну. Рабы принялись вытирать столъ и обметать на полу въ одну кучу крошки, которыя они потомъ обыскали опилками, окрашенными яркимъ сурикомъ (*minium*) и душистымъ сафраномъ.

Вдругъ послышался наверху шумъ. Гости обратили туда глаза. Потолокъ распался и изъ отверстія опустился серебряный обручъ съ стекляночками изъ серебра и алебастру, серебряными, чеканеными вѣнками и другими мелкими вещами, подарками (*arophogeta*) для гостей.

Между-тѣмъ подали къ столу десертъ (*mensae secundae*). На подносѣ разставлены были, кромѣ разнаго пирожнаго, искусно сдѣланные изъ лакомаго тѣста раковины, дрозды, набитые вишневыми ягодами и миндалемъ и разные другіе предметы. Въ серединѣ стоялъ довольно хорошо сдѣланный Вертумнъ, богъ переи́внъ. Въ его приподнятой одеждѣ лежали разные плоды; а кругомъ сладкія айвы, шпигованные миндалемъ такъ, что представляли видъ ежей, и дыни. Рабы разносили между-тѣмъ зубочистки (*dentiscalpia*) изъ листьевъ мастиковога дерева (*lentiscus, pistacia lentiscus L.*). Лентулъ просилъ отвѣдать пирожнаго и плодовъ, которые несъ богъ.

Перусіянцы особенно удивлялись плодамъ, сохраннымъ до этого времени года. Они далеко вытянулись падъ столомъ и протянули руки къ яблокамъ и винограду. Но они были поражены, когда при прикосновеніи изъ плодовъ брызнула струя сафранной эссенціи. Всѣ стали забавляться этимъ и какъ осторожно ни старались коснуться къ плодамъ, каждый разъ являлась красная струя.

— Правда! ты приготовилъ для насъ разныя нечаянности, сказалъ Помпоній; но при такомъ прекрасномъ ужинѣ не позаботился о развлеченіяхъ. Вотъ мы уже при десертѣ, а вы въ одномъ промежуткѣ между переи́внами не видѣли представленій!

— Не моя вина, возразилъ Лентулъ. Нашъ пріятель, Галлъ, просилъ не дѣлать передъ нимъ представленій, которые я приказалъ дать сегодня, и вы видите, какъ онъ печаленъ и мало принимаетъ участія въ разговорѣ. Впрочемъ солнце уже садится и я велѣлъ освѣтить другой *triclinium*. Если никому не угодно кушать болѣе десерту, то не итти ли намъ туда. Можетъ-быть подъ пирнымъ вѣнкомъ разеѣются мысли нашего друга. Перестанъ разливать фалернское, Эриннъ, и жди насъ въ другой загѣ.

Мальчикъ исполнилъ приказаніе. Въ то же время вошелъ, нечаянно дуясь Калпурній.

Гости встали. Нѣкоторые пошли гулять по портикамъ, другіе отиравились кунаться, нагрѣваясь черезъ часъ опять собраться въ другомъ, прекрасно освѣщенномъ triclinium.

Лампы (lucernae) давно уже горѣли и отражались въ полированномъ мраморѣ стѣнъ триклинія, гдѣ Заринъ съ другими ошціантами дѣлалъ приготовленія къ ночной попойкѣ (comissatio). На свѣтломъ столѣ стояло прекрасное дерево, вырѣзанное изъ бронзы. На немъ висѣли четыре лампы рѣдкой красоты. Двѣ были сдѣланы въ видѣ раковинъ, другіе двѣ походили на наши продолговатые соусники. Одной изъ нихъ служила крышкою группа амура съ гусемъ, другой, съ тремя свѣтильными, плясунъ въ фригійской шапкѣ.

Къ потолку, искусно вызолоченному и выложенному слоновою костью, также привѣшены были лампы. Въ комнатѣ стояли замѣчательные, рѣзные кандеабры. Одинъ въ видѣ колоннъ на трехъ звѣрныхъ ногахъ, другіе въ видѣ статуй съ поднятыми руками, на которыя становили лампы. У каждой висѣлъ на цѣпочкѣ небольшой желѣзный крючокъ, похожій на багоръ. Острымъ концемъ снимали нагаръ, (putres fungi), а крючкомъ вытягивали свѣтельную изъ пеньки, или льняной пакли. Римлянамъ известны были свѣчи (candelae) сальныя (sebaceae) и восковыя (segeae), но, вѣроятно ихъ приготовляли такъ худо, что они употреблялись только въ бѣдныхъ домахъ.

На двухъ серебрянныхъ столикахъ симметрически расположены были сосуды разной величины и формы. Рабъ принесъ сосудъ съ свѣгомъ для приготовленія холоднаго питья изъ вина, и помѣстилъ на столикѣ. Тутъ же кипѣла калда (глинтвейнъ), согрѣваемая угольями, какъ вода въ самоварахъ.

Гости по немвогу собирались въ этомъ триклиніи и занимали мѣста по прежнему порядку. Не доставало Галла и Калпурнія. Другіе гости видѣли, какъ они прохаживались подъ портиками, важно разговаривая. Наконецъ они вошли и казалось, что прежнее худое расположеніе Галла прошло: глаза его весело блестѣли и всѣ его движенія были живѣе.

— Развѣ ждали вѣсть? спросилъ онъ Помпейя и Цезаря, которые упрекнули его въ слишкомъ долгемъ отсутствіи.

— Конечно! отвѣчалъ Помпей; теперь надобно избрать короля, который бы распоряжался въ эту ночь о мнѣ *. Прикажи, Лентулъ, скорѣе принести кости, не то снѣгъ пожалуй растаетъ.

По знаку хозяина, рабъ поставилъ на столъ доску терпентинаго дерева (*tabula terbentina*), на которомъ лежали четыре газелевыя кости и стаканъ, выточенный въ видѣ башни.

— Сперва принесите вѣнки и нарду, сказалъ хозяинъ слугамъ. Вы, мои гости, можете брать что угодно: розы, или плющъ **.

Тотчасъ же явились рабы съ вѣнками и душистымъ нардомъ.

— Я обожаю весну, сказалъ Галлъ, одѣвая розы; пусть плющъ остается зимѣ!

— Нѣтъ! возразилъ Калпурній. Для важнаго мужа приличнѣе носить плющъ; розу предоставляю я женщинамъ, которыя думаютъ только объ играхъ и удовольствіяхъ....

* У Грековъ и Римлянъ былъ обычай избирать на попойкахъ начальника, *magister* или *rex convivii*, *arbiter bibendi*. Онъ приказывалъ въ какомъ отношеніи перебивать напитки, сколько выпивать цитосовъ. Обыкновенно выборъ его рѣшался игорными костями (*tali*): кто получилъ четыре разныя кости (всесривъ ударъ), тотъ дѣлался *королемъ попойки*.

** Вѣнки служили у древнихъ Грековъ и Римлянъ символомъ воинской славы, гражданской добродѣтели и мужской силы и ловкости. При попойкахъ Римлянъ, кажется, надѣвали ихъ болѣе для удовольствія, Греки же приписывали имъ свойства, которыя уменьшали охмѣляющее дѣйствіе вина. Греки употребляли для вѣнковъ разные цвѣты и надѣвали не только на голову, но и на шею и грудь. Римляне рѣдко употребляли ихъ такимъ образомъ и кромѣ зелени плюща, мирты и сельдерея (*arrium graveolens* L.) въ особенности носили на головѣ розы и фіалки.

Но естественными матеріалами для вѣнковъ не довольствовались; такъ какъ зимою трудно было доставать цвѣты и древніе мало умѣли приводить растенія въ преждевременный ростъ, Римляне носили зимніе вѣнки (*соговае hibernae*) изъ тонкаго крашеннаго рогу.

Собственно къ ужину не одѣвали вѣнковъ, а украшали ими голову при десертѣ (*mensa secunda*) или даже позже при попойкѣ (*comprotatio*).

На званныхъ ужинахъ богачей вѣнки раздавались отъ хозяина; у менѣе достаточныхъ гости приносили собственные.

Передъ одѣваніемъ вѣнковъ, волосы и затылокъ мазали душистыми маслами и назями. Въ особенной славіи были препараты изъ индійскаго растенія нарда (*nardium*).

— Не брани женщину, прервалъ его Фаустинъ. Онъ все-таки украшеніе нашей жизни и какъ охотве желалъ бы я имѣть подлѣ себя какую-нибудь хорошенькую. Послушай, Галль, я сочиняю иногда стихотворки; что скажешь объ этой эпиграмкѣ.

Non veto, ne sedeat mecum conviva puella:
 Cum Veneris puero vivere Bacchus amat.
 Sed tamen ut possit lepida esse venustaque tota;
 Philolochis quondam qualis amica fuit.
 Parcins illa bibat, multum lasciva iocetur;
 Quas taceat, mulier si qua facere potest.

«Я не прочь отъ того, чтобъ дѣва сидѣла возлѣ меня на пиру (съ дѣтищемъ Венеры любить жить Бахусъ): съ тѣмъ только чтобы она была игрива и пригожа, подобно Филолахидѣ, которая иѣкогда была мнѣ другомъ; да чтобъ пила поменьше и побольше шутила, шалунья, кое-что умалчивая, если только женщина можетъ умолчать что-либо».

— Хорошо! сказалъ Галль, но послѣдняя колкость идетъ также къ мужчинамъ. Я стану продолжать твою эпиграмму:

Te quoque, maiores cui non haurire trientes
 Sit rubor, hae tantum vivere lege vèlim.
 Dum spumant calices, pota, strepe, lude, iocare,
 Vinetaque sit nullis Musa proterva modis.
 Sed pudeat, posita noctis meminisse corona;
 Non sibi saepe mero saucia lingua cavet.

«Желалъ бы я, чтобъ ты, черпая не застѣнчиво большими кубками, былъ всегда насторожѣнъ и соблюдалъ такое правило: пока вѣнятся бокалы пей, шуми, играй, шути, и да не будетъ разгульная муза связана ни какими узами, но снявъ вѣнокъ съ головы вспоминать не смѣй, что говорила ночью. Языкъ пресыщенный виномъ не мастеръ на осторожности».

— Хорошо! воскликнулъ Помпоній въ то время какъ и другіе выражали свое одобреніе; но къ дѣлу! Пусть Бассъ кидаетъ сивера кости. Первыи, кто выкинетъ всервниъ ударъ, тотъ будетъ на эту ночь царемъ пира.

Бассъ собралъ кости, потрясъ стаканъ и воскликнулъ, обращая его:

— Цитерія, помоги мнѣ!

Онъ напрасно зывалъ, по римскому обычаю, къ своей любовной, ударъ былъ неудаченъ.

— Какъ можно отдать всенародно на жертву или любезной, сказалъ Фаустинъ, принимая кости. Вотъ я подумалъ о ней про себя и вѣрно выкину венеринъ ударъ.

Раздался всеобщій смѣхъ, потому что выпалъ безусловный ударъ.

Послѣ нѣсколькихъ неудачъ стаканъ дошелъ до Помпонія.

— Ну! воскликнулъ Лентулъ, любопытно знать, кого изъ любезныхъ Помпоній попросить заступиться. Хіону или Галлу? Лиду или Нѣару?

— Ни одну изъ нихъ, а просто желаю счастливо кинуть, говорилъ Помпоній тряся стаканъ и бросая кости. Однако, посмотрите! Одинъ, три, четыре, шесть. Вотъ вамъ и Венера! Впрочемъ не всё еще кидали; другому можетъ-быть тоже посчастливится.

Онъ подалъ кости Галлу, который вмѣстѣ съ Перусіянцами отказался принять ихъ и провозгласилъ Помпонія предводителемъ попойки.

— Смотри, не лей слишкомъ много воды, напомнилъ Цецилианъ. Ты знаешь, Лентулъ вѣдь не дуется, когда мы пьемъ и чистое вино.

— Нѣтъ, не бойся! возразилъ Помпоній. Мы теперь довольно долго отдыхали, пора приняться за вино. Перемишлатъ три части воды съ двумя частями вина! Ты Эринъ, чашей каждому гостю пять ціатосовъ, столько сколько на рукѣ пальцевъ.

Стали пить. Такъ какъ начальникъ мало давалъ кубкамъ покою, разговоръ сдѣлался живѣе, а шутки чаще. Когда Помпоній замѣтилъ, что фалерское хорошо подѣйствовало, онъ сказалъ:

— Не поиграть ли намъ въ кости. Конечно съ маленькою ставкою, единственно для удовольствія. Каждый изъ насъ положитъ пять динаріевъ. Кто первый выкинетъ венеринъ ударъ, тотъ выигрываетъ, а кому попадетъ собачій, тотъ долженъ будетъ прибавить еще динарій къ ставкѣ.

Сдѣлаемъ тутъ отступленіе, чтобы дать читателю понятіе о римскихъ общественныхъ играхъ. Слишкомъ распространяться намъ о нихъ нельзя, такъ какъ многія заимствованы были у Грековъ, а о греческихъ играхъ подробнѣе говорено будетъ въ одной изъ слѣдующихъ статей.

Римляне всего болѣе играли въ кости и въ шашки. Кости были двоякаго роду. Однѣ (tali) имѣли двѣ закругленныя стороны и четыре плоскія съ однимъ, тремя, четырьмя и шестью очками. Для игры употреблялись четыре кости. Лучшимъ ударомъ

считался венеринъ (venereus), когда кости выпадали съ разными очками, худымъ собачій (canis), — четыре единицы. Такія кости (tali) употреблялись не только для игры, примѣръ чему видѣнъ въ представленной тутъ сценѣ попойки. Единственно для игры служили кубическія кости (tesserae), устроенныя, какъ наши, то есть такъ, что число очковъ двухъ противоположныхъ плоскостей составляло семь. Играли двумя или тремя костями, а выигрышъ считали по очкамъ. Стаканы, изъ которыхъ кидали также, какъ и теперь, имѣли внутри нарѣзы, но были конической формы, отчего ихъ называли *pyrgi* (башни), *turriculi* (башенки), также *phimus*, а обыкновенно *fritillus*.

Кидали на особыя досечки (*alveus, alveolus, abacus*) съ возвышенными краями, чтобы кости не упали.

Римляне такъ пристрастились къ этимъ азартнымъ играмъ, что правительство принуждено было запретить ихъ; но всѣ мѣры не помогали; стали играть скрытно, особенно въ тавернахъ вино-торговцевъ, кабакахъ и на попойкахъ богачей. Однако Римляне имѣли также игры, требующія соображенія. Сюда принадлежатъ игра *разбойникозъ* (*ludus latrunculorum*) и *двѣнадцать писарей* (*duodecim scriptorum*).

Ludus latrunculorum было нѣчто въ родѣ игры въ шашки или въ шахматы; главное дѣло тутъ состояло въ томъ, чтобы поставить между двумя своими шашками, шашку противника, которая не могла тогда болѣе сдвигаться съ мѣста. Это называлось *ligare, abligare, obligare*, а такая шашка *incistus*. *Duodecim scriptorum* играли на небольшихъ досечкахъ съ двѣнадцатью чертами попеременно бѣлыми и черными. На нѣкоторые клали по пяти кружковъ и передвигали эти диски по очкамъ костей, которыя кидали особо. Вотъ общественныя игры чаще всего упоминаемыя римскими писателями. Теперь возвратимся къ нашему разсказу.

Гости приняли предложеніе и игра началась.

— Ну что, Басъ! сказалъ Помпоній. Побьемся объ закладъ въ сто динаріевъ, кто сперва счастливо кинетъ?

— Идетъ! возразилъ Басъ.

— Я также бьюсь съ тобою объ закладъ. По сту динаріевъ съ обѣихъ сторонъ, сказалъ Галлъ.

— А я!... воскликнулъ Лентулъ, обращаясь къ Галлу.... кладу на столь такую же сумму противъ тебя. Если выпадетъ собака, то ставка наша удвоится.

Кости пошли кататься по столу. Сперва выигралъ Цециліашъ,

потомъ одинъ изъ Перусіянцевъ. Заклады оставались неприкосновенными. Наконецъ кинулъ Помпоній.

— Выигралъ! воскликнулъ онъ. Посмотрите на каждой кости разное число! Чистая Венера!

Галлъ схватилъ рожокъ и кинулъ. Выпала собака. Раздался хохотъ Перусіянца, на котораго Галлъ мрачно посмотрѣлъ. Игроки расплатились.

— Не биться ли намъ еще объ закладъ? спросилъ Лентулъ.

— Конечно! отвѣчалъ Галлъ. Двѣ тысячи сестерціевъ! четыре шестерки также теряютъ, какъ собака.

Лентулъ кинулъ. Выпала опять Венера и снова раздался хохотъ Перусіянца. Игра росла, а игроки, особенно Галлъ, горячились все болѣе и болѣе. Помпоній далъ между-тѣмъ Эарину приказаніе перевернуть пропорцію воды къ вину.

— По моему мнѣнію, сказалъ царь, надобно немного остановить игру, чтобы не забыть вино. Эаринъ, подавай большіе кубки! Мы будемъ пить по-гречески! *

Принесли большіе, стеклянные бокалы.

— Наливай шесть ціатосовъ, продолжалъ Помпоній. Я пью за тебя, Галлъ! желаю добра! **

Галлъ отвѣчалъ, какъ предписывалъ обычай. Потомъ онъ приказалъ налить себѣ семь ціатосовъ и произнесъ:

— Не надобно забывать отсутствующихъ. Ликорія, этотъ кубокъ пью за твое здоровье!

— Такъ хорошо! закричалъ Басъ и взялъ бокалъ съ осмью мѣрами вина. Теперь пришла моя очередь! Въ имени моей подруги восемь буквъ. Сutherland! за твое здоровье пью я этотъ кубокъ.

Такъ переходилъ стаканъ изъ рукъ въ руки и дошелъ наконецъ до Перусіянца. Одинъ изъ нихъ сказалъ:

— У меня нѣтъ подруги; но я назову вамъ лучшее имя, за него вы всѣ должны пить. Кесарь Октавіанъ!... ***

* *Grasso modo bibere* (пить по гречески) значило пить за кого-нибудь. Если кто-нибудь дѣлалъ это за отсутствующаго, то послѣдній долженъ былъ также пить произнося имя перваго. Наливали обыкновенно столько ціатосовъ, сколько въ имени того, за кого пили, считалось буквъ.

** *Gallus! bene te!*

*** Работавшій севать издалъ незадолго до того декретъ, чтобы не только на публичныхъ, но и на домашнихъ пируештвахъ пили за здоровье *Augusta*.

— Добро ему! произнесъ другой Перусіянецъ. Шестъ или десять ціатосовъ! * Ну, Галлъ, Калпурій! вамъ не нравится это имя? вы ставите на столъ свои кубки.

— У меня нѣтъ причины пить за его здоровье, возразилъ Галлъ съ подавленнымъ гнѣвомъ.

— Есть ли за что, или нѣтъ, ты долженъ пить за *отца отечества* **.

— За отца отечества? горячо вскричалъ Калпурій. Скажите лучше за похитителя верховной власти....

— Не горячись, прервалъ его чужестранецъ, злобно улыбаясь. Если тебѣ не угодно, то оставь бокалъ на столъ. Но я бьюсь объ закладъ, что Галлъ часто пивалъ за Октавіана передъ тѣмъ, какъ нашъ господинъ отказалъ ему отъ своего дому. Не совѣмъ пріятно получить собаку, когда думаешь кинуть счастье.

— Мнѣ всё равно, принимаетъ ли меня тиранъ, нарушитель коренныхъ законовъ Рима, или нѣтъ, закричалъ Галлъ, вышедшій изъ себя.

— Онъ конечно поступилъ бы строже, спокойно продолжалъ Перусіянецъ, если бы до него дошли стоны Египта. Ты жилъ бы теперь въ прохладной Мизіи.

— Пусть онъ посмѣетъ! вскричалъ Галлъ.

— Посмѣетъ? сказалъ презрительно улыбаясь Перусіянецъ: да онъ раздавитъ тебя однимъ словомъ....

— Или я уничтожу его. Юлій тоже нашелъ свой кивжалъ.

— Вотъ неслыханное поношеніе! воскликнулъ Перусіянецъ вскакивая съ ложа. Я беру въ свидѣтели всѣхъ присутствующихъ, что не имѣлъ участія въ этомъ оскорбленіи величества.— Рабы, подавайте сандалинъ! — Здѣсь слышны преступныя слова и оставаться долѣе опасно.

Гости пошатываясь встали. Нѣкоторые старались укротить Галла. Помпоній уговаривалъ Перусіянцевъ остаться, но напрасно: они наставляли на своемъ. Помпоній обѣщалъ Галлу вымолить у нихъ на возвратномъ пути обѣщаніе хранить молчаніе объ его неосторожныхъ словахъ.

Прочіе гости также удалились. Одни сердились худому окончанію попойки, другіе бранили Помпонія, что онъ привелъ такихъ непріятныхъ, задорливыхъ гостей.

* Сіатосъ (шесть буквъ), Octavianus (десять буквъ).

** Pater patriae, прозваніе данное Августу.

Галль напрасно сочинялъ разные смѣлые планы, отъ которыхъ не могъ отогнать невольной болзни.

У Галла началось утро совсѣмъ не такъ шумно, какъ въ день отъѣзда. Извѣстiе объ его прiѣздѣ не привлекло на vestibulum толпу. Молва объ отказѣ отъ дому Августа быстро распространилась по Риму. Граждане, конечно, не имѣли газетъ и журналовъ, но они жили болѣе въ обществѣ нежели мы: почти весь день проводили на Forum или на улицахъ, въ купальняхъ или парикмахерскихъ. Оттого не удивительно, что новости распространялись такъ быстро. Галль наканунѣ приказалъ никого не принимать. Посѣтителей было очень мало и тѣ, казалось, радовались отказу остiарiя. Въ домѣ царствовала тишина. Большая часть рабовъ еще не возвратились съ виллы, а оставшіеся, при видѣ печальной заботливости диспенсатора, болзливо переговаривались между собою.

Галль не могъ заснуть всю ночь. Онъ видѣлъ въ какую пропасть могло свергнуть его злоупотребленiе не осторожно высказанныхъ словъ, а отъ подозрительныхъ Перусiянцевъ нельзя было ожидать пощады и молчанiя.

Вчера, послѣ ужина, Калпурнiй, прогуливаясь съ Галломъ подъ портниками, сообщилъ ему свои бредни о свободѣ. Вино и насмѣшки Перусiянцевъ раздражили потомъ Корнелiя до такой степени, что онъ высказалъ мысли, которыя совсѣмъ не предполагалъ исполнить. Видя передъ собою опасность, онъ въ опьяненiи думалъ, что легко отвратить ее уничтоженiемъ Августа; но когда хмѣль прошла, онъ увидѣлъ ничтожность этого плана. Судьба Галла зависѣла отъ воли двухъ незнакомцевъ, которыхъ обращенiе не обѣщало ничего хорошаго.

Его успокоивало нѣсколько то, что они были приведены Помпониемъ; Галль надѣялся на старанiе друга, обѣщавшаго выпросить у Перусiянцевъ молчанiе. Онъ вполнѣ вѣрилъ еще въ искренность Помпонiя и принялъ за ошибку замѣчанiе рабовъ, которые утверждали, что видѣли на возвратномъ пути, какъ передъ домомъ Ларга остановились три человека, очень похожие на Помпонiя и Перусiянцевъ и постучали бронзовымъ молоткомъ въ дверь. Остiарiй отворилъ и немедленно впустилъ ихъ.

Такое поздне посѣщенiе конечно было удивительно. Но Ларгъ нерѣдко проводилъ ночи за виномъ и игрою. Галль старался уѣ-

рять себя, что къ Ларгу стучались какіо-нибудь вассалы, возвращавшіеся съ попойки, а не Помпоній.

Къ утру Корнелій заснулъ. Хотя солнце уже высоко взошло, Херисмъ однако заботился о томъ, чтобы у спавшихъ не шумѣли. Старикъ съ безпокойствомъ прохаживался по комнатамъ и, казалось, ждалъ чего-то.

Въ *atrium* онъ встрѣтился съ Леонидомъ.

— Не пришелъ ли гонецъ? спросилъ онъ поспѣшно.

— Нѣтъ! возразилъ Леонидъ.

— А въ домѣ также не получали извѣстій? продолжалъ Херисмъ.

— Съ отъѣзда еще не получали.

Старикъ, покачивая головою, вышелъ въ *ostium*. Тутъ слышенъ былъ сильный стукъ въ двери. *Ostiarій* снялъ перекладную, которою запирали входъ. Пришелъ парочный отъ Ликоріа.

— Наконецъ! воскликнулъ Херисмъ, принимая отъ табелларіа письмо.

— Моя госпожа приказала мнѣ снѣшить съ письмомъ сюда и отдать только тебѣ или твоему господину. Отдай скорѣе письмо!

— Мнѣ не нужно напоминать объ этомъ, возразилъ Херисмъ, я давно уже жду тебя.

Старикъ дѣйствительно все утро ждалъ письма. Хозяинъ конечно запретилъ ему объявлять на выль причину отъѣзда; но Херисмъ думалъ, что необходимость требуетъ извѣстить Ликоріа обо всемъ, что случилось. Она открыла ему въ Бай почти всю тайну. Оттого вѣрный слуга просилъ ее немедленно ѣхать въ Римъ и жертвуя всѣмъ рассказать Галлу истину.

Получивъ письмо, онъ подошелъ къ спальнѣ хозяина, осторожно вложилъ деревянный ключъ съ тремя зубцами и подвинулъ имъ внутреннюю задвижку. Шумъ отворяющейся двери разбудилъ Галла. Онъ вскочилъ съ постели и увидѣвъ Херисма, спросилъ:

— Что скажешь?

— Я принесъ письмо отъ Ликоріа, отвѣчалъ старикъ. Его принесъ сейчасъ парочный, который настоятельно просилъ меня передать какъ-можно скорѣе тебѣ. Оттого только я прервалъ твой сонъ.

Галлъ схватилъ письмо, написанное на большихъ досчечкахъ, отчего нельзя было предполагать, что это любовное посланіе

— Вѣрно, она бѣдная испугалась молвы, сказалъ онъ разрѣзывая свурки.

Отъ сталъ читать и поблѣднѣлъ.

Ликорія признавалась во всемъ и открывала въ какую опасность ввергнула его дружба съ Помпоніемъ. Она, не жалѣя себя, рассказывала о прежнихъ сношеніяхъ съ измѣнникомъ и о происшествіи вечера отъѣзда, и просила Галла съ обдуманностью и рѣшимостью предпринять мѣры противъ коварства ложнаго друга.

Это разочарованіе глубоко поразило Галла.

— Читай! сказалъ онъ, подавая письмо преданному вольноотпущенному, отъ котораго не имѣлъ тайны.

— Я не ошибся, сказалъ Херисмъ. Заочно благодарю Ликорію, что она открыла козни, которыми тебя окружаютъ. Спѣши теперь съ этимъ доказательствомъ извѣсти къ Кесарю. Можетъ-быть, боги утишатъ бурю, которая угрожаетъ потопить твое счастье.

— Я опасуюсь, не поздно ли! возразилъ хозяинъ. Но я долженъ поговорить съ Помпоніемъ. Когда онъ узнаетъ, что я обо всемъ извѣщенъ, онъ, можетъ-быть, не посмѣетъ клеветать на меня. Пошли нѣсколькихъ рабовъ въ его домъ, на Фогитъ и въ таберны, гдѣ онъ обыкновенно бываетъ въ это время. Помпоній не долженъ знать, что я получаю отъ Ликоріи извѣстія на его счетъ. Пусть только скажутъ, что мнѣ очень нужно немедленно поговорить съ нимъ.

Херисмъ спѣшилъ исполнить приказаніе господина. Рабы не нашли Помпонія и возвратились. Въ его жилищѣ остіарій сказалъ, что баринъ рано утромъ уѣхалъ за городъ. Только одному рабу показалось, будто Помпоній шелъ въ Сагинѣ (улица) и поспѣшно скрылся въ толгѣ.

Наконецъ пришелъ съ Фогитъ'а Леонидъ. Онъ также не нашелъ Помпонія; но одинъ изъ друзей Галла сказалъ, что идутъ слухи, будто Ларгъ донесъ въ сенатъ на Галла какъ на государственнаго преступника; двое чужеземцевъ были внесены въ курію свидѣтелями, и Августъ тайно приказалъ сенату приговорить виновнаго къ ссылке.

Это извѣстіе была истина. Помпоній, не теряя времени, отправился къ Ларгу и поздравилъ съ совершеннымъ успѣхомъ предпріятія. Съ восходомъ солнца, Ларгъ отправился въ императорскій дворецъ и яркими красками описалъ, какъ Галлъ обѣщалъ уничтожить *отца отечества*.

Кесарь не зналъ что дѣлать. Однако, опасаясь за свою жизнь, онъ приказалъ сенату приговорить его къ ссылке. Только нѣко-

которые сенаторы говорили, чтобы обвиненнаго сперва выслушали, но тщетно: большая часть *отцевъ* кричала, что онъ не заслуживаетъ этой милости за прежнія преступленія, и что опасно медлить приговоромъ надъ тѣмъ, который грозитъ убить Кесари и повредить такимъ образомъ благосостоянію республики.

Галлу предписали удалиться въ одно пустынное мѣсто у Эвонннскаго Понта (Черваго Моря). На другое утро онъ долженъ былъ оставить Римъ, а черезъ десять дней Италію.

Въ седьмомъ часу, Калпурній запыхавшійся вбѣжалъ къ Галлу и извѣстилъ о подлинности молвы. Печально, но мужественно выслушалъ это изгнанникъ, благодарилъ друга за искреннее участіе и предостерегъ, чтобы онъ былъ осторожнѣе. Потомъ Галлъ просилъ его удалиться, приказалъ Херисму привести навощенныя дощечки и передалъ стариву деньги и драгоценности для Лиаврій.

Корнелій пожалъ вѣрному слугѣ руку и приказалъ оставить себя одного. Херисмъ медленно и предчувствуя что-то недоброе удался.

Галлъ заперъ двери и сталъ писать Августу просьбу отпустить на волю приближенныхъ своихъ слугъ, такъ какъ имѣніе было вѣчносковано въ пользу императора. Окончивъ это, онъ написалъ Лиаврій нѣсколько прощальныхъ словъ. Потомъ снялъ боевой мечъ, свидѣтель его подвиговъ, и глубоко вонзилъ въ грудь, изъ которой кровь хлынула на пурпуровое ложе.

Литеръ пришелъ съ приговоромъ слишкомъ поздно. Херисмъ уже сомкнулъ Галлу глаза, а рабы, стоя у одра, плакали отъ всего сердца о добромъ господинѣ.

Извѣстіе о самоубійствѣ Галла скоро дошло до Августа и произвело въ немъ сильное впечатлѣніе, такъ какъ нѣсколько времени передъ тѣмъ многія важныя лица выказали свое неудовольствіе о слишкомъ поспѣшномъ рѣшеніи сената, и недовѣріе къ доносцу. Когда смерть Галла уничтожила опасенія Октавіана, онъ увидѣлъ, что поступилъ несправедливо. Подробности приключенія въ лентуловомъ домѣ сдѣлались извѣстны, и Галла признавая жертвою интриги, которою воспользовался враждебный покровителю сенатъ. Тутъ императоръ сталъ жаловаться на судьбу, которая ему одному не даетъ возможности узнавать искренность друзей. Онъ отказался отъ рѣшенія сената — не принималъ имѣніе Галла. Сенатъ тотчасъ разрѣшилъ, что вина очистилась смертью и правительство не препятствуетъ торжественному погребенію.

Вѣсть о Галловой смѣрти и низости доносчиковъ возбудила всеобщее негодованіе. Поминикъ куда-то пропалъ; но Ларгъ остался въ Римѣ и долженъ былъ снести всѣ звани пресрѣнія своихъ согражданъ. Утромъ подошло къ нему нѣсколько незнакомецъ. Одинъ спросилъ Ларга, знаетъ ли онъ его? Ларгъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ!

Тогда незнакомецъ вынулъ пергаментъ, на которомъ написано было это признаніе, и, обратясь къ своимъ товарищамъ, сказалъ:

— Прошу васъ подписать это въ качествѣ свидѣтелей признанія Ларга, для того, чтобы я могъ защищаться въ случаѣ доноса съ его стороны.

Незнакомецъ заложилъ пергаментъ за складку тоги и, насмѣшливо посмотрѣвъ на пораженнаго Ларга, удалился.

Далье доносчикъ встрѣчалъ людей, которые проходили мимо него, закрывая рукою взоръ и ротъ, будто опасаясь дышать вблизи этого человѣка. Вездѣ съ сожалѣніемъ говорили о несчастной судьбѣ Галла, особенно въ кругу обществъ, немѣвшихъ причинъ завидовать его возвышенію.

Въ домѣ умершаго между-тѣмъ все затихло. Херисмъ, получившій бѣльшую часть имѣнія, принялъ на себя издержки погребенія и сталъ распоряжаться о немъ. Какъ только сенатъ далъ позволеніе торжественно хоронить Галла, вѣрный слуга немедленно отправился въ храмъ Либитины, гдѣ хранился списокъ умершихъ и вещи, нужныя для погребенія. Херисмъ объявилъ о кончинѣ своего господина и нанялъ погребателей (*libitinarii*). Балзамировщики (*pollinctores*) старались устранить все, что могло въ трупѣ произвести непріятное впечатлѣніе. Они набальзамировали Галла душистыми эссенціями и уничтожили на лицѣ морщины, слѣды предсмертныхъ страданій, тѣломъ изъ муки. Слуги между-тѣмъ громко звали господина, проходя мимо его тѣла, чтобы увѣриться, точно ли онъ скончался.

Потомъ на Галла надѣли тогу, голову украсили вѣнкомъ, наградою за какой то военный подвигъ, и уложили въ *atrium*, на богатое ложе, ногами къ дверямъ. По бокамъ курился въ серебряныхъ курильницахъ ассирійскій ладанъ, и одинъ рабъ въ послѣдній разъ отмахивалъ павлиньими перьями мухъ съ лица и рукъ господина.

Тѣло было выставлено въ *atrium* нѣсколько дней, и проходящіе входили иногда въ домъ посмотрѣть на скончавшагося богача. На улицѣ у дверей находились кипарисовыя вѣтви — знакъ, что кто то въ домѣ умеръ.

Въ четвертомъ часу осьмага дня герольдъ ходилъ по улицамъ и приглашалъ народъ къ погребенію и сценическимъ представленіямъ, которыми всегда сопровождалсь богатыя похороны.

— Скопчался кверить, кричалъ герольдъ. Если кому угодно провожать Корнелія Галла на похоронахъ, то уже пора. Покойника выносятъ изъ дому.

Приглашеніе не было сдѣлано тщетно. Народъ хлынулъ въ улицы, прилежащія къ дому Галла, чтобы посмотрѣть на великолѣпную процессію.

Между-тѣмъ *церемоніймейстеръ* (*designator*) приказалъ нѣсколькимъ ликторамъ въ черной одеждѣ очистить для шествія дорогу и сталъ приводить ходъ въ порядокъ. Впередѣ шла толпа музыкантовъ съ духовыми инструментами, которыхъ звуки, казалось, выражали то печаль, то хвалу заслугамъ умершаго. Вслѣдъ за ними шли наемныя *плакальщицы* (*praefices*), то рыдая, то восхваляя Галла пѣснями, папіе. Тутъ же актеры представляли мѣста изъ трагическихъ авторовъ, примѣняя сцены къ настоящему случаю и прерывая серьезныя діалоги смѣшными шутками. Директоръ труппы тѣлодвиженіями и голосомъ старался подражать Галлу. За этою толпою слѣдовало тѣло умершаго, предшествуемое нѣсколькими людьми въ маскахъ и парадныхъ тогахъ. Они представляли предковъ Корнелія. Около ложа рабы несли металлическія доски съ именами завоеванныхъ городовъ, вѣнки, награды за военные подвиги и развернутые папирусы съ Галловыми элегіями. Ложе несли осемь вольноотпущенныхъ. За ними шелъ Херисмъ, у котораго была надѣта шляпа, какъ у большей части фамилій. Она означала раба, получившаго свободу по завѣщанію.

На *Forum* ложе поставили на ораторскую кафедру (*rostra*), украшенную носами отнятыхъ у непріателей судовъ. Шествіе стало около него въ полукругъ. Добрый пріятель Галла взомель на подмостки и убѣдительными словами представилъ заслуги умершаго какъ человѣка, воина, писателя и гражданина. Въ этой рѣчи все было истинно; она не принадлежала къ числу тѣхъ, въ которыхъ обыкновенно приписывали умершимъ небывалыя заслуги. Каждый увѣрился, что въ сказанномъ выразился простой и совѣстный отчетъ о жизни и дѣйствіяхъ заслуженнаго человѣка.

Потомъ шествіе продолжало свой путь къ гробницѣ Галла на аппіанской дорогѣ. Тутъ стоялъ костеръ, украшенный коврами и вѣнками. Кругомъ посажены были кипарисовыя деревья. Ложе-

поставили на костеръ, и присутствующіе стали на него лить душистыя эссенціи и выдали вѣнки, послѣдніе знаки дружбы къ усопшему. Херисмъ открылъ Галлу глаза, принявъ отъ либти-нарія горящій факель и, отворотясь, зажегъ костеръ при звукахъ печальной музыки.

Когда костеръ сгорѣлъ, золу залили виномъ. Херисмъ съ нѣсколькими друзьями собралъ остатки Галла и уложилъ ихъ въ урну, переищавъ съ душистыми маслами и проливъ надъ ними слезы. Потомъ онъ поставилъ урну въ гробницу, заперъ двери и выѣхавъ съ другими провожатыми простился съ Галломъ и возвратился въ городъ.

И. ОЛЬХИНЪ.

=

ОСНОВНЫЯ ПОНЯТІЯ
О
МУЗЫКѢ КАКЪ ИСКУССТВѢ,

НЕОБХОДИМЫЯ ДЛЯ ВСЯКАГО ЖЕЛАЮЩАГО СУДИТЬ ОБЪ НИ
ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Мы говорили доселѣ о послѣдовательности тоновъ. Разсмотримъ теперь ихъ продолжительность.

Каждый тонъ, каждая нота, можетъ продолжаться болѣе или менѣе времени. Отсюда однѣ ноты *короткія*, другія *долгія*.

Опредѣленіе краткости и долготы нотъ составляетъ *размѣръ* музыкальнаго времени или, вообще такъ называемое, музыкальное время.

Время это, отъ самаго краткаго до самаго длиннаго, постепенно *удваивается*, слѣдуя пропорціи 1:2:4:8:16:32, и такъ далѣе.

Законъ этотъ — душа музыки. Всѣ народы, съ глубочайшей древности, слѣдуютъ ему инстинктивно. Откуда онъ взялся?

Навѣрное ни одинъ изъ нынѣшнихъ европейскихъ музыкантовъ и композиторовъ не догадывается, что, въ разсужденіи продолжительности нотъ, законъ постепеннаго удвоенія времени извлеченъ изъ законовъ человѣческой рѣчи и заимствованъ музыкою у поэзіи — только не у нынѣшней — а у древней поэзіи, которая была настоящею музыкою въ этомъ отношеніи.

Нельзя надвинуться чудной вѣрности инстинкта самыхъ древнихъ людей, которые, безъ хронометра, почувствовали и рѣшили, что, въ произношеніи слова или слога, гласная не составляетъ ни долготы ни краткости издерживаемаго времени, что она — только *эхо*, тонъ, слышащійся послѣ удара; что настоящая издержка времени требуется на удары, то есть, на образованіе согласныхъ, и что, слѣдовательно, *слогъ, въ которомъ есть два согласныхъ — ровно дважды длиннѣ слога съ одной согласною*. На этомъ фактѣ, подмѣченномъ съ непостижимою догадливостью, они основали свой просодическій метръ, или стихотворный размѣръ. Вы знаете, что самые древніе народы даже и не писали гласныхъ. Это, навѣрное, казалось вамъ непонятною странностью. Между тѣмъ такая метода писанія естественно возникаетъ изъ акустическихъ законовъ голосу и превосходно представляетъ глазу натуральную музыку рѣчи. Удалившись отъ нея, мы потеряли чувство просодіи и сознаніе настоящаго искусства поэзій.

Самые древніе алфавиты состояли изъ однихъ только согласныхъ. На гласныя указывалось обыкновенно тремя знаками, изображавшими *равновѣсіе А*, его *повышеніе къ Э и И*, или его *пониженіе къ О и У*. Отмѣтимъ повышеніе черточкою надъ буквою, пониженіе черточкою подъ буквою, а равновѣсіе *а*. Желая написать, напримѣръ, *великаго, несноснымъ*, они писали:

В́ Л̣ К̣ Г̣

Н̣ С̣ Н̣ С̣ Н̣ М̣

Знаки эти зовутъ *вокальными*, или *мелодическими*. Но часто даже не употребляли ни какихъ знаковъ для указанія на гласныя, потому что онѣ не буквы, не настоящіе звуки, а только качества звуку, его тембры, соответствующіе басамъ, медиуму и дисканту, и не занимаютъ на себя ни какого количества времени: читающій угадывалъ по навыку, гдѣ нужно удержать тонъ въ равновѣсіи, около *А*, гдѣ повысить до *И* или *Э*, гдѣ понизить до *О* или *У*. Акустически, система эта совершенно основательна: если мы буквенными фигурами изображаемъ разные *роды ударовъ*, которые принято называть согласными, то, очевидно, не можемъ и не должны представлять, такими же фигурами, слѣдствій этихъ ударовъ, тоновъ, слышащихся вслѣдъ за ними, гласныхъ; для нихъ нужны особенные знаки, и мы поступаемъ не-

правильно, вопреки логикѣ и теоріи звуку, включая гласныя въ рядъ буквъ алфавита. Просодически, для искусства поэзіи, самая древняя система правописанія представляла чрезвычайно важное удобство: съ перваго взгляду на слогъ, вы знали количество времени, нужное на произнесеніе его. Напримѣръ:

$\underset{1}{\text{Б}}$ $\underset{2}{\text{ББ}}$ $\underset{3}{\text{ББ}}$ $\overset{\wedge}{\text{Т}}$ $\overset{\wedge}{\text{ТН}}$ $\overset{\wedge}{\text{СТРН}}$ или $\overset{\wedge}{\text{СТРН}}$
бо — бобу — боб — та — тан — стран — стери

Ясно, что два удара дважды длиннѣе одного удара, что слогъ ББ (*боб*) равенъ двумъ слогамъ ББ (*бобу*) и что онъ ровно дважды длиннѣе слогу Б (*бо*). Гласныя не требуютъ на себя ни какого времени; время издерживается на одно только образованіе ударовъ, или согласныхъ; въ слогѣ ББ (*боб*), есть ли гласная подъ вторымъ Б, нѣтъ ли ея, это всё равно для мѣры времени: произносите два ББ какъ *боб* или какъ *бобу*, они, во всякомъ случаѣ, на свое произнесеніе возьмутъ вдвое болѣе времени чѣмъ одно Б съ своей гласной (*бо*). Но, въ этой системѣ, всѣ буквы, то есть, всѣ согласныя сопровождаются гласными, ясными или глухими; безъ гласной ни какая согласная не могла бы быть слышна, и о слогѣ, напримѣръ *боб* говорится: Б, съ пониженіемъ голоса — бо; Б, съ глухимъ голосомъ — бъ; оба вмѣстѣ — бобъ: такъ донинѣ читаютъ Восточные по складамъ.

Точно также съ перваго воззрѣнія вы видите, что слогъ ТН (*тан*) дважды длиннѣе слогу Т (*та*), а слогъ СТРН (*стран* или *стери*) четырежды длиннѣе слогу Т (*та*) или равенъ четыремъ слогамъ ТТТТ (*тататата*). Не трудно послѣ этого догадаться самому тугоухому поэту, и человѣку вовсе лишенному музыкальнаго инстинкта, что четырехъ-сложное слово ВЛКМ (*великими*) и слогъ СТРН (*стран*), какъ состоящіе изъ равнаго числа ударовъ совершенно равны между собою относительно къ мѣрѣ времени и что, въ стихѣ, вмѣсто такого четырехъ-ударнаго слога, гдѣ требуетъ ухо, можно употребить съ тѣмъ же или еще съ болѣе мелодическимъ эффектомъ цѣлое слово, состоящее изъ четырехъ одноударныхъ слоговъ.

Слогъ СБР (*сбор*) будетъ вполтора раза длиннѣе слога БР (*бор*): въ выѣшней музыкальной нотациіи такое неполное время выражается прибавленіемъ къ нотѣ точки, которая показываетъ, что для продолженія этой ноты должно взять половину времени у слѣдующей, отчего эта слѣдующая нота сдѣлается вполнину по-

роче. СБРН (*сбарна*) вы можете произносить СБ—РН (*сбо—рна*): тогда будете иметь два длинные слога; или СБР—Н (*сбар—на*): тогда половина времени второго слога отойдет къ первому, а второй слогъ Н (*но*) станетъ вполонду короче слога СБ (*сбо*).

Самая запутанная просодическая система представляется въ этомъ правописаніи совершенно простою и ясною: вы понимаете всѣ тайны ея нагляднымъ образомъ, какъ будто слова были уже положены на ноты.

Случаются во многихъ языкахъ такъ-называемые *длинные гласныя* ū, ō, ā, ē, ī. Но мы уже сказали, что ни какой гласной, даже самой чистой, самой беззвонной, нельзя добыть изъ гортани безъ нѣкотораго придыханія, безъ легкаго h или h шипяща. Древніе понимали длинные гласныя ā или ō не иначе какъ соединеніемъ двухъ легкихъ hh съ тонами a или o, то есть, какъ ha^ha—ho^ho. И, акустически, это вѣрно: въ наше время, эмпирическимъ опытомъ, для котораго господи́нъ Sagniard-Latouge изобрѣлъ замысловатый снарядъ, называемый «спреною», доказано, что всякій продолжительный тонъ есть не что иное какъ быстрая послѣдовательность множества весьма мелкихъ ударовъ и короткихъ тоновъ: ō есть действительно *ho^ho*, и совершенно равно слову ББ (*баба* или *боб*). До этого открытія дошли мы великою наукою, опытами, математикою. Не удивительно ли, что музыкальный инстинктъ первобытнаго человѣка угадалъ эту истину безъ процессоровъ «нашки»?... Нельзя не преклоняться передъ чудною вѣрностью ума, не ошутаннаго хитросплетеніями мнимой мудрости, въ дѣлахъ языковъ, поэзіи и музыки. Древніе, по чувству, дѣйствовали согласно съ законами природы. Настъ, вышешнихъ, съ толку сбидо мудрствованіе.

Посмотрите, какое чудо древніе угадали безъ науки! Если съ счетъ согласныхъ заключается мѣра музыкальнаго времени, если слогъ съ одной согласной коротокъ, а слогъ съ двумя согласными длиннее и, притомъ, ровно вдвое длиннѣе короткаго, то возните мысль какую угодно, выраженную правильно и ясно на нашемъ языкѣ, соблюдая строгую логическую связь между словами этой фразы; расположите слова такъ, чтобы слоги короткіе и длинные размѣстились въ извѣстномъ симметрическомъ порядкѣ и чтобы весь рядъ этихъ слоговъ могъ удобно раздѣлиться на четное число тактовъ, совершенно равныхъ другъ другу временемъ, съ удареніями и молчаніями, то есть, съ ритмомъ и наукою, въ опредѣленныхъ мѣстахъ: изъ такого распредѣленія слоговъ непременно должна выйти въ дѣлѣмъ *мелодія*, музыка

искусства слова. Это будетъ стихъ, мастерство, поэма. И чѣмъ больше свѣдѣнъ, замысловатѣе, изощренѣе, чѣмъ выраженіе ее на-полнѣннѣе и ярче, чѣмъ строже соблюдена логика языка, тѣмъ совершеннѣе будетъ мелодія, тѣмъ сильнѣе подѣйствуетъ музыка, подведенная подъ музыкальный раппортъ времени, или такъ-называемая, поэзія.

Посмотримъ это на примѣрѣ. Вотъ фраза — положимъ, арабская: вы ее не понимаете — но мы можемъ едѣлать ее понятною посредствомъ подстрочнаго перевода. Я пропишу ее русскими буквами. Придыханія и звуки, неизвѣстные нашему языку, мы выразимъ нашими родными Ъ. Мелодическія знаки могутъ быть удобно выражены маленькими *p* надъ буквами, которыя нужно произносить *ровно*, съ тембромъ гласной *a*, болѣе или менѣе открытой, — маленькими *n* (ниже), гдѣ голосъ принадлежитъ басовымъ тембрамъ гласныхъ *o* и *y*, — и маленькими *e* (выше), гдѣ онъ выражаетъ сопранный тенъ въ видѣ гласныхъ *э* или *и*. Буква *й*, которая здѣсь встрѣтится, есть согласная, равная къмечкой *j* (*joia*).

^рЪ.І ^рЪЙШ ^рЪРІЙ ^рКНЗН . ^рКЛЛ ^рЛЙЛТН
 ъаль ѡайшѡ ѡѡрій кѡнзѡн, куллѡ лѡйлѡтн
 — жизнь, вижу, есть сокровище, каждую ночь

^рНЪКСН, ^рВ ^рМЪ ^рЪЛ ^рЪЙЙЪМ ^рТНКС ^рВ
 нѡкъсан, вѡ маѡ ѡѡль ѡѡйлѡму танкосы вѡ
 уменьшающееся, а — — дни не уменьшаются и

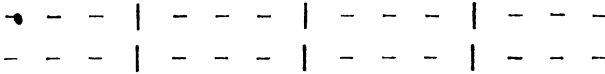
^рЛЪ ^рЙНФД ^рЪД - ДГР.
 лѡ ѡнѡфѡдн ѡѡд-дагру:
 не убываетъ свѣчности.

По-арабски это сказано изящно и остроумно. Мысль хорошая и выражена хорошей прозой. Посмотримъ теперь, порядокъ короткихъ и долгихъ слоговъ въ этой фразѣ:

— — — — —
 — — — — —

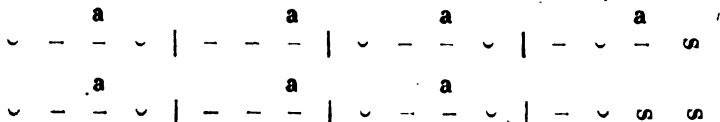
Для приданія ей поэтической формы, надлежало бы раздѣлить этотъ рядъ слоговъ на восемь равныхъ тактовъ, съ соблюденіемъ музыкальной симметріи въ расположеніи короткихъ и долгихъ,

и въ порядкѣ удареній, или акценто́въ. Но въ той послѣдовательности, какую слоги здѣсь имѣютъ, невозможно ни какъ раздѣлить ихъ на осемь симметрическихъ размѣровъ. Надо переставить слова и подобрать слоги къ какому-нибудь симметрическому образцу. Возьмемъ въ образецъ размѣръ,—извѣстный въ музыкѣ подъ названіемъ *три четверти*:

Размѣръ этотъ круглъ, полонъ, совершенно симметрическій: осемь такто́въ; они ровны между собою временемъ; въ каждомъ—но три долгія ноты, или слога. Но эта безконечная послѣдовательность долгихъ произведетъ монотонію. Надо придать разнообразіе: въ нѣкоторыхъ симметрическихъ мѣстахъ можно длинный слогъ раздѣлить на два короткіе, четверти разбить на осемь мушкн, такту (— — —) придать напрямѣръ форму (∩ — — ∩), не выходя изъ принятой мѣры времени, или другую подобную. Въ самомъ дѣлѣ, пзмѣнимъ на этотъ ладъ (∩ — — ∩) такты нечетные, первый, третій, пятый и седьмой. Такты четные, второй и шестой удержимъ въ прежнемъ видѣ (— — —), а четвертый и восьмой надо укоротить *молчаніями*, или *паузами*, чтобы фразу можно было произнести съ толкомъ, съ разстановкой. Если въ четвертомъ тактѣ допустимъ паузу (∞) равную осемь мушкѣ, то въ осьмомъ, для симметріи и лучшаго паденія, придется удвоить это молчаніе, и подставить ∞ ∞. Но этого мало: *удареніе*, акцентъ, или ритмъ—дѣло чрезвычайно важное, потому что отъ него зависитъ смыслъ и въ членной рѣчи и въ безчленной, и въ словѣ и въ музыкѣ. Ударенія не должно, по примѣру новѣйшихъ поэтовъ, которые не вѣдаютъ, что творятъ, смѣшивать съ долготой слога или ноты. Удареніе есть только усиленіе голосу въ извѣстныхъ мѣстахъ, такъ, чтобы этотъ слогъ или эта нота, на которую онъ падаетъ, слышалась громче и звучнѣе ближайшихъ. Слоги съ удареніемъ и слоги безъ ударенія, это *forte* и *piano*, а не длинные и короткіе. Удареніе можетъ падать точно также на длинные слоги, какъ и на короткіе, и именно отъ этого разнообразія происходитъ особенная прелесть греческаго языка и греческаго стиха. Русскій языкъ въ этомъ отношеніи совершенно схожъ съ греческимъ: въ словѣ, напрямѣръ *великимъ* (В,Л,КМ), длинный слогъ *ки* (КМ), а между тѣмъ удареніе падаетъ на короткій, *ли* (Л): слогъ *ли* ударяется сильнѣе и звучитъ громче

сосѣднихъ слоговъ; онъ — forte, а оба сосѣдніе — piano, но количества времени въ слогахъ этимъ нисколько не измѣняются. Ударенія должны также быть размѣщены симметрически. Поставимъ ихъ въ каждомъ тактѣ на третьемъ мѣстѣ. Въ послѣднемъ осьмомъ тактѣ, ударенія не будетъ, потому что третье мѣсто занято уже *молчаніемъ*. Мѣста, на которыя прійдутся ударенія, я означу литерою *a*, первую буквою слова *акцентъ*. Размѣръ представится тогда въ слѣдующемъ видѣ:

Переставимъ слова данной фразы такъ, чтобы слоги ихъ, короткіе и длинныя, уложились въ этомъ порядкѣ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы этимъ нисколько не нарушались плавность и ясность рѣчи, естественная и логическая связь между словами. Мы получимъ, выставивъ удары или согласныя, для удобства счёту, большими буквами, гласныя, которыя не въ счѣтъ, мелкими, а гласныя съ удареніемъ средними, курсивными (ихъ должно произносить полно, звучно, съ нѣкоторою напыщенностью):

ЪР**п**ль**Ъ**а**Ш**а — **К**ен**З**ан**н**а**Ъ** — **К**ы**С**ан**К**у**л**ле —
вижу, жизнь есть — сокровище, умень — шающееся каждую —
Лей**л**ет**и**н**о**
ночь,

Ве**М**ъ**Ъ**т**а**нк**о** — **С**ы**л**ь**Ъ**а**й**и**а**Ъ — **М**у**В**ед**д**а**Г**ру —
а не уменьша — ются дни — и вѣчности не —
Йе**н**Ф**е**д**и**н**о**
убываетъ.

Произнесите теперь эти слова чисто, ровно, по образу декламациі, хорошо отдѣляя такты и звучно усиливая голосъ на слогахъ съ удареніемъ, и вы услышите настоящую мелодію, несомнѣнную и правильную музыку *въ одной нотѣ*. Декламируя эти два стиха, принадлежащіе одному изъ древнѣйшихъ поэтовъ арабскихъ, по имени Тафаръ, вы, такъ же какъ и въ разговорѣ, не выйдете изъ одной ноты, и между тѣмъ — удивительное дѣло! —

она поразительно принимаетъ въ устахъ вашихъ, безъ всякаго напряженія груди, видъ настоящей мелодіи, какъ-будто голосъ беспрестанно повышался и понижался, какъ-будто вы съ особеннымъ искусствомъ переходили отъ низшихъ нотъ къ высшимъ и обратно. Таковъ эффектъ игры различныхъ тембровъ этой ноты, придаваемыхъ ихъ различными гласными, вѣрнаго музыкальнаго времени, и симметрическаго расположенія удареній, или ритма. Желая подражать этому эффекту на мертвомъ инструментѣ, выразить ту же самую игру тембровъ, напимѣръ, на фортепiano, вы будете принуждены дѣйствительно брать тоны высшіе и низшіе въ предѣлахъ цѣлой октавы. Взявъ за предѣлъ пониженія голосу, для У съ удареніемъ, ноту DO, а за предѣлъ повышенія, для И съ удареніемъ, другое DO, октавное, равновѣсье же голосу, то есть, ударное А, помѣстивъ всерединѣ октавы, на квинтѣ SOL, или на квартѣ FA, для перваго стиха получите вы слѣдующую мелодическую фразу, которая въ точности изобразить вамъ безчленными звуками членную декламацию вашу:

Музыкальная фраза эта могла бы быть гораздо лучше, еслибы въ просодическомъ образцѣ нашемъ длинныя и короткіе были расположены искусно и если бы ритмъ былъ замысловатѣе; но и такъ, какъ она есть, она представляетъ дѣйствительную мелодію, чего рѣшительно нѣтъ въ нашемъ новѣйшемъ стихѣ. Принявъ удареніе за одно и то же съ долгою слога и не считая согласныхъ, поэты наши слѣдуютъ ритму, усыпительно однообразному, и — что всего хуже — производятъ стихи, чуждые всякой идеи о музыкальномъ времени: одинъ стихъ требуетъ на произнесеніе свое десяти секундъ, другой семи или пятнадцати! Для вѣрнаго музыкальнаго уха, такіе стихи совершенно похожи на игру человѣка, не соблюдающаго такту, спѣшащаго безъ причины въ одномъ мѣстѣ, растягивающаго въ другомъ, и у котораго весь ритмъ состоитъ въ поперебѣнности нотъ forte и piano. Намудрено, что большая часть новѣйшихъ поэтовъ, испортивъ уже свое на такой фальшивой мелодіи, не понимаетъ и не любитъ правильной, хорошей музыки.

Филлкійцы, учителя Грековъ, и другіе древнѣйшіе народы Азіи, а потомъ Греки и Аравитяне, творили поэзію по системѣ,

которую вы сейчасъ видѣли. Персіяне и Турки точно также сочиняють стихи свои донынѣ. У нихъ, какъ и у древнихъ Грековъ, поэзія и музыка неразлучны, и, выражая одно и то же искусство въ двухъ видахъ, употребляютъ одни и тѣ же техническія слова.

Теперь ясно, откуда явился въ музыкѣ законъ постепеннаго удвоенія времени относительно къ продолжительности ноты: онъ перенесенъ въ нее изъ поэзіи, въ которой открытъ былъ посредствомъ счёту согласныхъ въ слогахъ. Поэзія, естественная музыка изустной рѣчи, по необходимости предшествовала инструментальной музыкѣ и была ея учительницей. Неоспоримымъ доказательствомъ тому служить и самый способъ, которымъ въ древней и восточной музыкѣ означаются ноты короткія, длинныя и длиннѣйшія: онѣ постоянно выражены слогами:

$\dot{T}H \quad - \quad \dot{T}$
 $\dot{T} \quad - \quad \dot{T}H \quad - \quad \dot{СТ}H.$
 1 \qquad 2 \qquad \cdot 4

Въ восточной музыкѣ это выражается посредствомъ нотъ различной формы. Самая длинная нота предпологается единицей: ее зовутъ *цмалю нотю*; сравнительно съ нею другія ноты названы *половинными*, *четвертными*, *осьмушками*, *шестнадцатыми*, *тридцать вторыми*, *шестьдесятъ четвертыми*; послѣдніе четыре рода нотъ, по наружному виду своему, называются также *однозвучными*, *двузвучными*, *трёзвучными*, *четырёхзвучными*.

Различная долгота нотъ означается слѣдующимъ образомъ:

Цмалю.	Половинная.	Четверть.	Осьмушка, или однозвучная.	16 или двузвучная.
	32 или трёхзвучная.		64 или четырёхзвучная.	

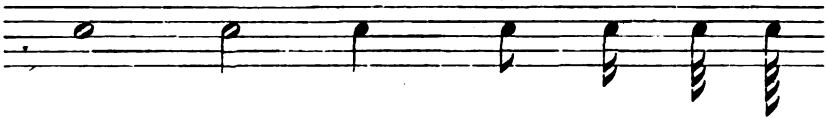
Какова бы ни была форма ноты и представляемая ею долгота, интонація не измѣняется, и названіе ноты остается все то же:

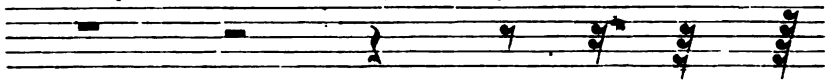
Всѣ эти формы нотъ представляютъ протяженія звуковъ, относящихся между собою какъ 1 къ 2, 1 къ 4, 1 къ 8, и такъ далѣе, или какъ $\frac{1}{2}$ къ 1, $\frac{1}{4}$ къ 1, $\frac{1}{8}$ къ 1, и такъ далѣе; то есть, что однѣ вдвое, четверо, въосмеро болѣе или менѣе продолжаются тѣмъ другіе. Но бываютъ протяженія звуковъ втрое, вшестеро, въ двѣнадцать разъ болѣе, или втрое, вшестеро, въ двѣнадцать разъ менѣе другихъ. Первые изображаютъ какою-нибудь нотой, къ которой прибавляютъ точку; эта точка увеличиваетъ протяженіе ноты одною половиною. Такимъ образомъ цѣлая съ точкою равна тремъ половиннымъ, шести четвертямъ, двѣнадцати осьмушкамъ, и такъ далѣе; половинная съ точкою равна тремъ четвертямъ, шести осьмушкамъ, и такъ далѣе. Слѣдовательно и на оборотъ, половинная равна трети долготы цѣлой ноты съ точкою, четверть равна шестой части, и такъ далѣе. Иногда звуки находятся къ другимъ звукамъ въ отношеніи 2 къ 3. Тѣ, которые находятся въ отношеніи 3 къ 2, называются триолями, и означаются тѣмъ, что надъ нотами, изображающими ихъ, ставится цифра 3.

Звуки и ихъ долгота не единственные элементы музыки; не менѣе важно въ ней болѣе или менѣе продолжительное отсутствіе звука, перерывъ. Необходимость подчинить перерывы правиламъ пропорціональности заставила раздѣлить ихъ по примѣру нотъ, и изобразить соответственными знаками. Цѣлая нота есть единица долготы звука; само-собою разумѣется, что единицу перерыва надо было принять соответствующею цѣлой нотѣ; эта единица есть *пауза*, которая подраздѣляется на полупаузы, четверти паузы, осьмушки паузы, шестнадцатая паузы, и такъ далѣе; эти части соответствуютъ частямъ цѣлой ноты; вотъ таблица паузы:

Цѣлая нота. Половинная. Четверть. Осьмушка. 16-ая. 32-ая. 64-ая.

Цѣлая пауза. Половинная. Четверть. Осьмушка. 16-ая. 32-ая. 64-ая.

Цѣлой нотѣ съ точкою, разумѣется, соответствуетъ цѣлая пауза съ полупаузою, половинной нотѣ съ точкою полпаузы съ четвертью паузы, и такъ далѣе.

Эти разнообразныя пропорціи относительныхъ протяженій звуковъ и перерывовъ допускаютъ безконечное множество сочетаній. Самый опытный глазъ едва былъ бы въ состояніи слѣдить за ними, если бы не придумали раздѣлить ихъ въ извѣстныхъ разстояніяхъ перпендикулярными чертами, которыя перерѣзаютъ весь планъ. Пространство между двумя перпендикулярными чертами называется *тактомъ*. Съ помощью этихъ чертъ, глазъ безъ труда отдѣляетъ каждый тактъ изсереди этого множества знаковъ и занимается содержаніемъ этого одного такта. Всѣ такты должны быть между собою одинаковой долготы; но долгота ихъ зависитъ отъ усмотрѣнія сочинителя; она можетъ равняться цѣлой нотѣ, половинной, или половинной съ точкою, и такъ далѣе.

Чтобы еще болѣе облегчить чтеніе каждаго такта, его дѣлятъ на нѣсколько равныхъ частей, называемыхъ темпами, которыя обозначаются движеніемъ руки. Тактъ можетъ дѣлиться на двѣ, на три, на четыре части; композиторъ показываетъ какъ онъ желаетъ дѣлить такты своего сочиненія, ставя въ началѣ каждой пьесы извѣстный тактъ. Если тактъ долженъ дѣлиться на два темпа, онъ ставитъ знакъ C ; для такта въ три темпа, употребляется цѣбра 3 или $\frac{3}{4}$; въ четыре темпа, знакъ C . По этому знаку, музыкантъ говоритъ, что тактъ пьесы идетъ въ два, въ три, въ четыре темпа.

Замѣтимъ здѣсь еще пригѣръ бѣдности музыкальнаго языка; одно и тоже названіе *такта* дается нѣсколькимъ совершенно различнымъ предметамъ; тактъ значитъ пространство между двумя чертами, дѣленіе этого пространства и сверхъ того способность играющаго или помощаго быстро схватывать и соблюдать это дѣ-

леніе; безпрестанно слышимъ, что у того пѣвца или музыканта есть тактъ, у другого нѣтъ.

Мы сказали, что цѣлая нота принимается за единицу долготы: доказательствомъ тому могутъ служить знаки, которые часто встрѣчаются въ началѣ пьесы для означенія такта: $\frac{3}{4}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{12}{8}$, $\frac{3}{8}$, $\frac{3}{8}$, $\frac{3}{8}$, $\frac{3}{8}$, $\frac{12}{8}$: они показываютъ, что пространство между двумя чертами заключаетъ въ себѣ *два четверти, три четверти, шесть четвертей, двѣнадцать четвертей* цѣлой ноты, или *два, три, шесть, двѣнадцать осьмихъ* той же единицы. Тѣ изъ этихъ количествъ, которые дѣлятся на два, принадлежатъ къ такту въ *два темпа*, который означается движеніемъ руки попеременно внизъ и вверхъ; тѣ же, которые дѣлятся только на 3, напримѣръ $\frac{3}{4}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{3}{8}$, $\frac{3}{8}$, составляютъ тактъ съ *три темпа*, и означаются тремя движеніями руки, внизъ, вправо и вверхъ; наконецъ $\frac{12}{8}$ и $\frac{12}{8}$, которые дѣлятся на четыре, составляютъ тактъ съ *четыре темпа*, и означаются четырьмя движеніями руки, внизъ, влѣво, вправо и вверхъ.

Все, что было сказано до-сихъ-поръ, относительно измѣренія долготы звуковъ и перерывовъ, показываетъ только мѣру относительнаго ихъ протяженія, не опредѣляя положительной долготы, которую долженъ представлять каждый знакъ. Дѣйствительно трудно было бы, чтобы не сказать невозможно, выразить знаками эту абсолютную долготу, которая можетъ быть опредѣлена только размахами астрономическаго маятника, или дѣленіями этихъ размаховъ. Между-тѣмъ, еслибъ не было средства опредѣлять положительную долготу нотъ въ музыкѣ, мысль композитора при исполненіи часто могла бы быть искажаема, потому что каждый могъ бы давать единицѣ долготы, то есть цѣлой нотѣ, произвольное протяженіе, и одна и таже пьеса могла бы быть исполняема то съ медленностью змеги, то съ живостью веселой пляски. Чтобы сколько-нибудь устранить это неудобство, сначала не нашли другаго средства, какъ только ставить въ началѣ пьесы итальянскія слова, которые хотя приблизительно могли бы показать степень медленности или скорости общаго движенія пьесы, и слѣдовательно приблизительно долготу цѣлой ноты, и ея частей. Такъ напримѣръ для означенія различныхъ степеней медленнаго движенія приняты слова — *largo*, широко; *maestoso*, величественно; *larghetto*, широко-мало; *adagio*, медленно; *grave*, важно; *lento*, тихо; для умѣренныхъ движеній — *andantino*, тихишь шагомъ; *andante*, шагомъ; *a piacere*, отраднѣ;

allegretto, весело, *commodo*, свободно; наконецъ для скорыхъ движеній — *allegro*, весело; *allegro con moto*, весело съ развязностью; *presto*, быстро; *vivace*, живо; *prestissimo*, какъ можно быстрее. Разумѣется, что при этихъ различныхъ степеняхъ медленности и скорости, долгота цѣлой ноты, паузы, и ихъ частей измѣняется до того, что отношеніе между двумя цѣлыми нотами въ разныхъ пьесахъ можетъ быть такое же, какъ отношеніе сравнительной долготы цѣлой ноты и осьмушки. Бываютъ случаи, когда пять цѣлыхъ нотъ наполняютъ цѣлую минуту; въ другихъ же случаяхъ то же самое продолженіе времени составляетъ, сорокъ цѣлыхъ нотъ. Это непостоянство положительной долготы нисколько не измѣняетъ относительной долготы знаковъ между собою.

Прежде, всѣ инструментальныя сочиненія знаменитѣйшихъ композиторовъ, назывались пьесами извѣстныхъ танцевъ, напримеръ, *сарабандами*, *аллемандами*, *курантами*, *жигами*, и прочая, не замѣвъ что были писаны въ характерѣ этихъ танцевъ, а только потому что были одинаковой съ ними скорости движенія. Такъ какъ степень скорости этихъ танцевъ была всѣмъ извѣстна, то и не было надобности обозначать ее иначе. Но когда они вывелись изъ употребленія, надо было уже прибѣгнуть къ другимъ средствамъ указанія. Тогда стали употреблять разныя италіянскія слова.

Но всякій чувствуетъ какъ общи и неопредѣлительны эти выраженія. Сколько степеней и оттѣнковъ можно допустить въ выраженіи *adagio*, *медленно*, или *allegro*, *весело*! Такія указанія могутъ быть только приблизительны, и значеніе ихъ измѣняется до безконечности, сообразно съ понятіями или организаціею каждаго исполнителя. Замѣтимъ притомъ, что употребленіе этихъ словъ верѣдко противно смыслу сочиненія; какъ часто встрѣчаемъ мы пьесы, полныя страсти, гнѣву или скорби, и которыхъ движеніе означено словомъ *allegro*. Это употребленіе не точныхъ и невѣрныхъ выраженій представляло важныя неудобства, которыя музыканты давно уже чувствовали, но которыя были устранены только въ очень недавнее время. Уже въ концѣ семнадцатаго вѣка, всѣ признавали пользу и почти необходимость механическаго снаряда для строгаго опредѣленія степени медленности или скорости различныхъ музыкальных темповъ. Многие музыканты и механики посвятили свое время и трудъ изысканію началъ, на которыхъ можно бы построить такой снарядъ. Въ 1698 году, учитель музыки Loulié предложилъ снарядъ, кото-

рый онъ назвалъ *хронометромъ*. Около того же времени Lafflard, членъ парижской королевской капеллы, изобрѣлъ другой снарядъ. Нѣсколько позднѣе, англійскій механикъ Hattison, извѣстный своими морскими часами, построилъ снарядъ, который былъ вполне удовлетворителенъ, но по высокой своей цѣнѣ не могъ войти въ общее употребленіе. Въ 1782 году, парижскій часовщикъ Duclos построилъ еще снарядъ, подъ именемъ *ритмометра*, который былъ одобренъ многими извѣстными музыкантами. Этотъ снарядъ скоро смѣнился хронометромъ механика Pelletier; но нынче неизвѣстно даже какого онъ былъ виду и въ чемъ состояло его устройство. Въ 1784 году, парижскій часовщикъ Renaudin построилъ маятникъ для того же назначенія. Знаменитый Bréguet также долго занимался разрѣшеніемъ этой задачи, но не открылъ результата своихъ изысканій. Наконецъ въ 1812 году Desreáux, профессоръ парижской консерваторіи, предложилъ хронометръ состоявшій изъ таблицы *темповъ*, и шелкового шнура, съ гирею, повѣшенною въ видѣ маятника; большая или меньшая длина шнура, по законамъ физики, даетъ большую или меньшую скорость его качанію. Такіе хронометры были уже употребляемы многими нѣмецкими музыкантами; они представляли двѣ важныя выгоды, простоту устройства, и дешевизну; но имѣютъ то неудобство, что не дѣлаютъ темповъ такта ощутительными для слуха.

Наконецъ снарядъ, котораго изобрѣтеніе оспаривали амстердамскій механикъ Винколь и вѣнскій механикъ Мельцель, удовлетворилъ всѣмъ требованіямъ: это *метрономъ*, который въ 1816 году представленъ былъ на разсмотрѣніе парижскому институту, одобренъ имъ, и теперь употребляется всѣми музыкантами. Въ этомъ снарядѣ каждый размахъ маятника, и слѣдовательно каждый темпъ такта ощутителенъ слуху. Изобрѣтатель принялъ за единицу долготы *минуту*; темпы такта составляютъ ея части. Всѣ степени движенія, отъ самаго медленнаго до самаго быстраго, опредѣляются и представляются размахами маятника, которые по произволу разлагаются на такты въ два, въ три или въ четыре темпа, и по желанію композитора представляютъ цѣлыя ноты, половинныя, четверти, осьмушки. Главное достоинство этого снаряда заключается въ простотѣ устройства и начала, на которомъ онъ основанъ. Стоитъ только переи́стять центръ тяжести, и тѣмъ удлинить или укоротить маятникъ; самая ничтожная переи́зна въ центрѣ тяжести, производитъ значительное измѣненіе въ быстротѣ качанія. Посредствомъ

метронома, можно съ точностію опредѣлить всю систему дѣленія музыкальнаго темпа, и въ цѣломъ и въ частяхъ.

До сихъ-поръ мы разсматривали *интонацію* и *протяженіе* звуковъ. Посмотримъ теперь ихъ *напряженіе* и *звонкость*. Подъ этими двумя названіями заключается все, что относится къ силѣ, звучности, рѣзкости, слабости, нѣжности, пронзительности, силноты, хриплости, гнусливости и прочимъ качествамъ звуку, зависящимъ отъ особенныхъ свойствъ звучащаго тѣла. Музыка не можетъ прелебегать ими: они содѣйствуютъ къ разнообразію ея рѣчи, и даже къ ея выразительности, позволяя удобнѣе живописать разныя состоянія души или ея впечатлѣнія.

Выразительностію, или *экспрессіей*, называется именно сочетаніе тоновъ сильныхъ, или жесткихъ, съ нѣжными и сладкими, въ различныхъ степеняхъ напряженія. Средство это предназначено собственно къ лучшему выраженію внутренняго движенія чувства, но оно нерѣдко бываетъ и орудіемъ простой фантазіи или неопредѣленнаго вдохновенія. Спросите у любого великаго пѣвца или музыканта, зачѣмъ онъ усиливаетъ такую-то ноту, между тѣмъ какъ другія едва слышны у него, зачѣмъ въ такомъ-то мѣстѣ одни звуки постепенно уменьшаетъ, ускоряетъ и раздѣляетъ, а другіе связываетъ или растягиваетъ; онъ не будетъ въ состояніи сказать причину, или же отвѣтитъ простодушно: *самъ не знаю, но мнѣ кажется, что должно быть такъ*. Еслибы артисты могли наблюдать надъ собою, они примѣтили бы даже, что однѣ и тѣ же фигуры не всегда служатъ у нихъ къ одной цѣли, когда рѣчь идетъ о выраженіи чувства, и что имъ случалось употреблять ихъ въ совершенно различныхъ значеніяхъ, съ равнымъ удовлетворительнымъ успѣхомъ.

Эта неопредѣлительность способвъ выразить однѣ и тѣ же музыкальныя мысли, могла бы имѣть самыя плачевныя слѣдствія въ оркестрахъ, если бы каждый исполнитель руководствовался мгновеннымъ внушеніемъ своего таланта; одинъ сталъ бы играть свою партію съ большою силой, другой съ крайнею нѣжностію; третій раздѣлялъ бы звуки, которыя сосѣдъ его слышитъ. Отсюда необходимость для композитора отвѣчать своимъ мыслямъ, относительно къ экспрессіи самыми положительными знаками.

Знаки экспрессіи очень разнообразны: одни относятся къ силѣ или нѣжности звуковъ; другіе показываютъ, что ноты должны быть переданы связно или раздѣльно; третьи наконецъ указываютъ на легкія измѣненія въ скорости и удареніи.

Для означенія степеней силы или слабости звуковъ, употребляють нѣсколько итальянскихъ словъ *piano* (въ сокращеніи *p.*), когда должно пѣть или играть тихо, слабо, безъ шума; *pianissimo* (*pp.*) означаетъ высшую степень слабости; *forte* (*f.*), сильно; *fortissimo* (*ff.*) очень сильно. Переходъ отъ звуковъ слабыхъ къ сильнымъ выражается словомъ *crescendo* (*cresc.*), что значитъ «умножая»; отъ сильныхъ обратно къ слабымъ словами *decrecendo*, (*decr.*), *diminuendo* (*dim.*), *smorzando* (*sm.*), то есть, «убавляя», «угасая». Когда за слабымъ звукомъ немедленно слѣдуетъ звукъ сильный, рѣзкій, или наоборотъ за сильнымъ слабый, то ставятъ знакъ *pf* или *fp*. Если небольшое число звуковъ должно быть сильнѣе прочихъ, употребляются слова — *rinforzando*, *sforzando*, *forzando* (*rf.*, *sf.* *fz.*), «усиливая». Наконецъ, мгновенное возрастаніе и уменьшеніе означаются знаками \leftarrow \rightarrow . Можно придумать еще множество знаковъ, увеличить число ихъ до бесконечности; но исчисленные знаки достаточны для массы пѣвцовъ или музыкантовъ. Что касается до выраженія, которое даетъ своему пѣнію или игрѣ великій артистъ, то это мгновенное внушеніе души: почти никогда не является оно два раза одинаковымъ образомъ, и его нельзя выразить пѣлымъ тономъ надписей. Господа нынѣшніе, по примѣру великаго Листа, стали сорить дивными надписями—*furioso*, бурно; *misterioso*, таинственно; *amoroso*, влюбленно; *disperato*, отчаянно; *infernale*, адски; *etereo*, эфирно, не говоря уже о *dolce*, *dolcissimo*, сладко, *vehemente*, ласкательно, *pensieroso*, задумчиво, и другихъ терминахъ бывшихъ и прежде въ употребленіи; но такое множество напередъ обдуманыхъ отгѣнковъ—холодно, изысканно, и болѣе вредно чѣмъ полезно эффекту игры, когда въ головѣ нѣтъ гениа, въ сердцѣ — тонкаго чувства.

Извѣстно, сколько скрипичные, фортепьянные и другіе инструментальные мастера хлопчуть о старости, сухости и звонкости лѣсу, изъ котораго дѣлають они резонансовые доски своихъ инструментовъ. Для этого предпочитается всякому другому дереву черная альпійская ель, которую въ торговлѣ обыкновенно зовутъ швейцарской; и чѣмъ старѣе доска такого дерева, то есть, чѣмъ суше она, тѣмъ дороже стѣитъ. За столѣтніа скрипки, альты, виолончели, платять по три, по четыре и по пяти тысячъ рублей серебромъ: цѣнность эту придаетъ имъ, просто, столѣтняя ихъ сухость, которая и составляетъ необыкновенную звонкость ихъ досокъ, причину отличной звучности. Одно только невѣжество жертвуетъ огромными суммами на покупку инструментовъ, такъ-

называемыхъ, *объигранныхъ*. Инструментъ «объигранный» значитъ только — инструментъ высохшій, не больше. При вынѣшнихъ физическихъ и химическихъ средствахъ отнимать у тѣл всю воду, до нуля влажности, изъ самаго сыраго лѣсу можно сдѣлать скрипку, которая въ день своего окончанія будетъ звонче и объиграннѣе всѣхъ страдуариусовъ: къ сожалѣнію, инструментнымъ мастерамъ не извѣстно даже и существованіе физики или химіи. Какъ бы то ни было, пока инструменты дѣлаются такъ невѣжественно, они представляютъ огромныя различія въ качествѣ звуку. Скрипка изъ стараго, сухаго лѣсу, и скрипка изъ свѣжаго, только подсушеннаго, совершенно различны звукомъ. Скрипки одной и той же величины и формы, но разнаго дерева, напримѣръ горво-еловая, дубовая и ясеневая, отсюда не одно и то же, даже при ровной сухости лѣсу. Трубка деревянная, мѣдная и свинцовая опять не похожи другъ на друга качествомъ звуку. Это качество звуку, зависящее отъ матеріалу, изъ котораго построенъ инструментъ, называется искони *тембромъ*, то есть, *лѣсомъ*. Слово *timbre*, по-англійски *timber*, значитъ именно «дѣсъ», столярный матеріалъ, дрова. Таковъ первоначальный смыслъ этого слова. Каждый инструментъ одного какого-нибудь рода имѣетъ поэтому свой собственный тембръ. Два человека, поющіе басомъ, двѣ женщины, поющіе контральтомъ или дшкантомъ, уже съ первыхъ нотъ отличаются другъ отъ друга: безъ содѣйствія зрѣнія, одно ухо не позволитъ вамъ смѣшавать ихъ. Мужчина, поющій теноромъ, и женщина, поющая сопраномъ, берутъ большую частію одиѣ и тѣ же ноты: но какъ эти ноты, мужскія и женскія, не похожи одиѣ на другія! Эти различія зависятъ также отъ *лѣсу*, изъ котораго сдѣланы различныя горла, и также называются *тембрами*. Между звуками инструментовъ различной формы различіе звуку еще болѣе поразительно: звуковъ человеческого голоса нельзя приять за звуки скрипки, звуковъ флейты — за звуки виолончели, валторны или фортепіанъ. Слово *тембръ* примѣняется и къ этимъ различіямъ въ качествѣ звуку, но уже метафорически, потому что различія зависятъ здѣсь болѣе отъ формы инструментовъ, чѣмъ отъ ихъ матеріалу или «лѣсу». употреблеііе инструментовъ различной формы, для полученія различныхъ тембровъ звуку, необходимо въ музыкѣ, не только для разнообразія, но и для ближайшаго подражанія человеческой рѣчи, въ которой голосъ одного и того же лица измѣняется до безконечности, смотря по чувствамъ, становясь, то сладкимъ, при ощущеніяхъ любви и вѣги, то звон-

кимъ при радости, то глухимъ, гробовымъ, жесткимъ, грознымъ, грубымъ, сильнымъ, рѣзкимъ, пронзительнымъ въ печали, унылымъ, гнѣвнымъ, гордости, изнеможенію, наглости или отчаянію.

Кромѣ этихъ коренныхъ неизмѣнныхъ тембровъ, свойственныхъ каждому инструменту лично, и каждой формѣ инструментовъ, каждая ихъ нота можетъ еще, какъ мы видѣли, принять множество другихъ тембровъ,—въ голосѣ человѣческомъ посредствомъ употребленія различныхъ гласныхъ, или вокализаций,—въ инструментальной музыкѣ нашей посредствомъ соединенія разныхъ нотъ въ одну, или гармонію. Но не объ этихъ тембрахъ здѣсь рѣчь. Мы желаемъ обратить вниманіе читателей на другое обстоятельство. Въ одномъ и томъ же инструментѣ, въ одной и той же нотѣ, тембръ звуку не одинаковъ когда ноты раздѣлены или когда онѣ связаны.

Знаковъ раздѣльности звуковъ—два. Акценты поставленные надъ нотами означаютъ, что ноты эти должно брать раздѣльно, но какъ можно легче.

Когда ноты должны раздѣляться съ нѣкоторою рѣзкостью, надъ ними ставятъ круглыя точки, иногда подъ скобою, какъ въ слѣдующемъ примѣрѣ.

Скоба, проведенная надъ нотами, означаетъ что звуки должны быть связаны, сливаться между собою.

Измѣненія въ движеніи, средство экспрессіи, которое такъ часто употребляется во зло музыкантами, означаются словами — *con fuoco*, съ огнемъ, *con moto*, когда должно ускорить движеніе, или словомъ *ritardando*, «опаздывая», когда требуется умень-

читать скорости дѣйствія. По большой части композиторы представляютъ эти легкія неровности чутью и смѣтливости исполнителей.

Есть еще другіе вспомоگательные знаки, которыхъ польза очевидна при исполненіи, но которые не относятся къ главнымъ свойствамъ звуку, и поэтому объ нихъ говорить не стѣитъ.

Этотъ очеркъ нынѣшней системы нотации совершенно достаточенъ для нашей цѣли. Система, нечего сказать, плоха, смѣшна, безтолкова,—обременена бесполезными выдумками, запутана педантскими понятіями о дѣлѣ.

Одна и та же нота, вслѣдствіе нѣкогда существовавшихъ обстоятельствъ, которыя нынче совершенно забыты, нѣсколько разъ измѣняетъ свое значеніе посредствомъ *ключей*, такъ что человѣкъ, привыкшій читать ноты по ключу своего инструмента, нерѣдко съ большимъ затрудненіемъ читаетъ ноты, написанныя въ другомъ ключѣ, для другаго рода инструментовъ или голосовъ. Артисты сами ставятъ въ рядъ первѣйшихъ достоинствъ отличнаго виртуоза — умѣнье быстро читать ноты. Значить, система недовольно проста и ясна. Но хуже всего въ ней то, что она подаетъ и музыкантамъ и любителямъ совершенно ложное понятіе о сущности звуковъ нашей европейской гаммы, умножая трудности чтенія прибавками изъ другой музыки, совершенно противоположной. Слѣдую гаммѣ съ постоянными, неизмѣнными звуками, которыхъ всего тринадцать въ октавѣ, не имѣя особенныхъ звуковъ для *бемолей* и *дизезовъ*, не смѣя ни повысить, ни понизить на волосокъ ни одной изъ этихъ тринадцати нотъ безъ расстройства всей системы, она притворяется, будто у ней тоже есть въ октавѣ двадцать два различные звука, какъ было у древнихъ, будто она понижаетъ и повышаетъ свои основныя ноты, будто *дизезы* и *бемоли* ея представляютъ что-то особенное, важное для уха, дѣйствительное. Въ однихъ мѣдныхъ трубахъ существуетъ у насъ нынче дѣйствительная разница звуковъ между *бемолемъ* и *дизезомъ*, и существуетъ едваство потому, что длинныя мѣдныя трубы даютъ ихъ натурально, и что этихъ инструментовъ уломать невозможно къ тому, чтобы они ихъ не давали: иначе тождевременная гармонія наша давно бы истребила ихъ и здѣсь, какъ истребила въ другихъ родахъ инструментовъ. Они — естественные враги этой гармоніи. При введеніи трубъ въ оркестръ, эти натуральные бемоли и дизезы причиняютъ ужасныя хлопоты композиторамъ, когда нужно приладить въ аккордахъ трубные звуки къ звукамъ другихъ инструментовъ

безбемольныхъ и бездизныхъ. И для одиѣкъ иѣдныхъ трубъ, которыя могли бы имѣть свою ороеграфію, нынѣшняя система нотациіи обременяетъ всю музыку, всё вообще инструменты, бемолями и діезами! Нынче, въ особенности, когда музыка наша становится все сложнѣе и сложнѣе, система нотациіи простая, натуральная, съ постоянными нотами для выраженія существенно постоянныхъ звуковъ нашей гаммы, была бы настоящимъ благодѣляніемъ. Давно уже музыканты, поумнѣе играющей толпы, чувстауютъ необходимость упростить нотацию и предлагаютъ, то разныя усовершенствованія, то совершенно новыя методы. Къ сожалѣнію, всё эти попытки напрасны. Введеніе новой системы нотациіи въ музыку, уже довольно развитую и усовершенствованную, такъ же невозможно, какъ введеніе новаго алфавита въ языкъ давно образованнаго народа: всё отличные чтецы сегодняшніе завтра были бы безграмотные невѣжды; всё печатные и рукописные памятники ума и искусства лѣтъ черезъ десять сдѣлались бы недоступными.

Но любопытство нашихъ читателей имѣетъ право знать также и аргументы музыкальныхъ старовѣровъ, защищающихъ нынѣшнюю систему нотациіи. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ рекомендовать ниѣ человека упрямѣе и искуснѣе господина Фетиса, котораго сочиненія приняты для этихъ статей въ руководство по технической части. Никто лучше и яснѣе его не излагаетъ правилъ своего искусства: но когда онъ принимается философствовать о музыкѣ — къ чему у него есть-таки рѣшительная слабость — когда онъ пускается въ музыкальный гегелизмъ, тутъ уже нѣтъ спасенія: мракъ и тьма пучины эоіопской! При всей склонности своей къ мудрствованію, онъ однако жъ врагъ всякихъ нововведеній. Вы будете судить сами о силѣ и важности его доводовъ. Мы предоставимъ рѣчь ему.

«Всѣ предлагаемые проекты преобразованія нашей нотациіи, разсуждаетъ онъ, какъ-бы съ перваго взгляду ни упрощали ея, никогда не будутъ такъ наглядны какъ нынче принятые знаки и, слѣдовательно, ни одна изъ этихъ системъ не окажется такою удобной для быстраго чтенія какъ наша. Говорятъ, будто въ разныхъ частяхъ ея не довольно аналогіи; но это несправедливо: ниѣ кажется, всё составныя части ея такъ плотно между собою связаны, что нельзя уничтожить ни одной изъ нихъ, не разрушивъ всего зданія. Самое множество ключей, на которое возстаютъ люди не твердые въ музыкѣ, не только не представляетъ

большинхъ затрудненій, но во многихъ случаяхъ даже чрезвычай-но полезно.

•Въ первыя времена нашей музыки, то есть въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкѣ, можно было испытывать разныя системы нотаци и разбирать выгоды и невыгоды каждой; въ семнадцатомъ вѣкѣ еще можно было откинуть нѣкоторыя смѣшныя начертанія, которыя безъ всякой дѣйствительной пользы для искусства затрудняли только чтеніе нотъ; въ настоящемъ же видѣ, музыкальная нотация представляетъ полную, логическую систему, въ которой ничего нельзя измѣнить безъ вреда для искусства. Этотъ вопросъ, впрочемъ, стоить болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

•Уже лѣтъ полтораста какъ безпрестанно представляются новыя проекты музыкальной нотаци, и каждый изъ нихъ, если вѣрять на слово изобрѣтателямъ, точнѣе, удобопонятнѣе, и разумнѣе принятой системы. А между-тѣмъ эта система, какъ на нее ни нападаютъ и смѣются, восторжествовала надъ всѣмъ и стоитъ непоколебимо.

•Чему приписать упорство музыкантовъ въ сохраненіи системы, которой дѣйствительные или мнимые недостатки столько разъ бывали имъ представлены и неуваженіе ихъ къ предлагаемымъ преобразованіямъ? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, должно сначала разсмотрѣть главные недостатки, въ которыхъ упрекаютъ существующую систему. Жавъ-Жакъ Руссо, котораго проектъ извѣстнѣе другихъ, благодаря славному имени автора, свелъ въ слѣдующихъ словахъ все, что было сотни разъ говорено по этому предмету:

•Это множество линій, ключей, *транспозицій*, *діезовъ*, *бемолей*, *отказовъ*, простыхъ и сложныхъ тактовъ, цѣлыхъ нотъ, половинныхъ, четвертей, одновязныхъ, двухвязныхъ, трехвязныхъ, паузъ, полупаузъ, четвертей, осьмушекъ паузъ, и прочая, порождаетъ безконечное число знаковъ и сочетаній, изъ котораго происходятъ два главныхъ неудобства: во-первыхъ, что они занимаютъ слишкомъ много мѣста, и, во-вторыхъ, обременяютъ память учащагося, такъ, что ученики гораздо скорѣе образуютъ слухъ и приобрѣтаютъ надлежащее механическое искусство, чѣмъ выучатся читать ноты съ перваго взгляду; это доказываетъ, что главная трудность искусства заключается не въ исполненіи правилъ, а въ соблюденіи правилъ.

•Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

•Всѣ, кромѣ артистовъ, жалуется что слишкомъ долго надо

«учится музыкѣ, чтобы быть не болѣе какъ порядочнымъ музыкантомъ; но музыка, потому ли, что доставляемое ею удовольствіе не допускаетъ въ насъ хладнокровія, необходимаго для размышленія, или потому, что занимаютъ ею по большей части люди не изъ размышляющихъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ наукъ, которыя всего менѣе заслѣдованы; поэтому донынѣ никто еще не догадался открыть настоящую причину ея трудности, и на искусство несправедливо взваливаютъ трудности, въ которыхъ виноваты одни артисты.»

«Эти мысли въ разныхъ видахъ и словахъ повторяли всѣ сочинители новыхъ системъ музыкальной нотациіи. Послушать ихъ, такъ чтеніе музыки по этой системѣ представляетъ такіа затрудненія, что на овладеніе ими надо посвятить цѣлую жизнь; и только самое небольшое число избранныхъ достигаетъ полного знанія всѣхъ сочетаній музыкальныхъ знаковъ и могутъ немедленно передать ихъ на инструментъ.»

«Къ-несчастію этихъ господъ, факты неоспоримо доказываютъ, что ихъ мнѣніе несправедливо; не видимъ ли мы каждый день дѣтей, которые такъ же легко разбираютъ ноты какъ опытные музыканты. Парижская, брюссельская, и другія консерваторіи, явивъ въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ тысячи примѣровъ молодыхъ учениковъ, которымъ всѣ сочетанія музыкальныхъ знаковъ были знакомы не хуже азбуки ихъ роднаго языка. Притомъ, стоить только вспомнить о множествѣ не музыкантовъ по званію, а просто любителей, которые съ перваго разу безъ труда разбираютъ всякую музыку, чтобы убѣдиться въ томъ, что существующая нотациа не то, чѣмъ представляютъ ее изобрѣтатели новыхъ системъ, и что съ этой стороны ихъ обвиненіе рѣшительно ни на чемъ не основано.»

«Но трудность не единственный недостатокъ, въ которомъ обвиняютъ существующую нотацию; въ-которые считаютъ всю ея систему чѣмъ-то въ высшей степени уродливымъ. Всѣ изобрѣтатели новыхъ музыкальныхъ знаковъ представляютъ длинное исчисленіе всѣхъ ея недостатковъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ:

«Можно бы составить цѣлую книгу изъ всего, что было говорено или писано основательнаго о недостаткахъ этой системы; правда, что одни музыканты могутъ указать ихъ въ подробности и вполне оцѣнить ихъ; однако же каждый здравомыслящій человекъ признаетъ ихъ дѣйствительность и важность, если

«нѣтъ хотя самое ограниченное понятіе объ искусствѣ музы-
ки.»

«Сравните только ничтожную цѣль музыкальной нотациі пока-
зывать значеніе звуковъ, во-первыхъ, въ отношеніи къ нѣсту ихъ
въ лѣтвицѣ звуковъ, а во-вторыхъ, въ отношеніи къ протя-
женію, съ множествомъ и разнообразіемъ знаковъ, наполняю-
щихъ каждую страничку самой простой музыки: не нѣдемъ ли
мы права обвинять эту систему въ непростительной несораз-
мѣрности средствъ съ цѣлью.»

«И странное дѣло: почти полтора ста лѣтъ всѣ нововводители
повторяютъ тѣ же возгласы противъ существующей системы
нотациі, и никто не подумалъ отвѣчать имъ. Даже музыканты
не вступились за систему, которою они каждый день пользуются
безъ всякаго затрудненія; одно только возраженіе сдѣлали ново-
водителямъ: что невозможно вдругъ переучить всѣхъ артистовъ
и всѣхъ занимающихся музыкою по принятой системѣ, и что это
преобразованіе повлечетъ за собою утрату всѣхъ музыкальных
произведеній, писанныхъ старыми письменами. Это возраженіе
ясно показываетъ, какія препятствія должна встрѣтить новая
нотациа и невозможность ея введенія; но мнѣ кажется, на воз-
гласы противниковъ существующей нотациі можно бы отвѣчать
дѣльнѣе и показать, что большая часть ихъ обвиненій ни на
чемъ не основана. Это я намѣренъ сдѣлать и надѣюсь доказать,
что наша нотациа не только не представляетъ тѣхъ недостатковъ,
въ которыхъ ее обвиняютъ, но что она есть одно изъ тѣхъ чело-
вѣческихъ изобрѣтеній, которыя всего лучше достигаютъ пред-
положенной имъ цѣли.»

«Чтобы соблюсти надлежащій порядокъ, должно сначала раз-
смотрѣть, есть ли въ нашей системѣ знаки для всѣхъ интона-
цій, всгрѣчающихся въ музыкѣ, для всѣхъ протяженій звуковъ,
для всѣхъ перерывовъ; есть ли знаки для всѣхъ степеней ихъ
силы, нѣжности, пѣвучести, легкости, усиленія, ослабленія, уско-
ренія и замедленія, страсти и спокойствія, и наконецъ, нѣтъ ли
знаковъ излишнихъ. Получивъ удовлетворительный отвѣтъ на всѣ
эти вопросы, мнѣ останется рассмотреть еще важное обстоятель-
ство, на которое никто еще не обращалъ вниманія: довольно ли
сочетанія этихъ знаковъ наглядны для глаза, чтобы представлять
уму, разнообразіемъ своей формы и расположенія, всѣ обстоя-
тельства сочетанія звуковъ и перерывовъ, которые долженъ со-
блюсти исполнитель, и не даетъ ли нашей нотациі это разнообра-

зіе, которое ей ставить въ порокъ, неоспорнаго преннущества передъ системами, которыми предлагали замѣнить ее?

«Есть ли знаки для выраженія всѣхъ интонацій, встрѣчающихся въ музыкѣ?»

«Есть, и притомъ самые простые знаки, какіе можно было придумать, потому что они состоятъ въ черной точкѣ или бѣломъ кругѣ, довольно большихъ размѣровъ, чтобъ глазъ могъ легко схватывать ихъ; сверхъ того, въ значеніи ихъ невозможно сомнѣваться, потому что они расположены на параллельныхъ линіяхъ плана, изображающихъ будто ступени лѣствицы, и различныя ключи съ точностью опредѣляютъ особенную интонацію для каждой ступени. Еслибы было столько постоянныхъ параллельныхъ линій, сколько ихъ нужно, не для всей лѣствицы звуковъ, отъ самаго низкаго до самаго высшаго, а только всѣхъ звуковъ даннаго голоса или инструмента, чтеніе нотъ стало бы чрезвычайно затруднительнымъ и даже невозможнымъ. Чтобы судить о трудности такихъ нотъ, стоятъ только взглянуть на изданныя въ Римѣ, въ семнадцатомъ вѣкѣ, сочиненія Фрескобальди для органа и клавесина. Партія правой руки размѣщена на шестилинейномъ, а партія лѣвой руки на осемилінейномъ планѣ. Самые искусныя піаннсты и органнсты безпрестанно путаются въ этой пестротѣ линій и съ трудомъ узнаютъ въ ней ноты.

Слѣдовательно, дополнительныя линеечки, которыя придумали прибавлять надъ планомъ и подъ нимъ, очень полезны и удобны, потому что число ихъ, которое очень легко схватить, когда ихъ не слишкомъ много, ясно опредѣляетъ интонацію нотъ, входящихъ въ предѣловъ плана. А чтобъ число этихъ дополнительныхъ линій не было слишкомъ велико, придумали очень простой способъ: надъ нотами, или подъ ними ставятъ цифру 8, которая показываетъ, что ноту или цѣлый рядъ нотъ должно брать октавою выше или ниже чѣмъ онѣ писаны. Въ послѣдніе годы, нѣкоторые композиторы стали употреблять для той же цѣли ключи, означающіе октаву ключей *fa* и *sol*; это средство также ясно и просто.

«Діезы, бемоли и бекары, предметъ самыхъ ѣдкихъ порицаній реформаторовъ, суть также не что иное, какъ средство упрощенія. Дѣйствительно, въ нашей музыкѣ нѣтъ ни *ut* \sharp ни *re* \flat , а есть только звуки выше *ut* и ниже *re*, выше *fa* и ниже *sol*, и такъ далѣе. Но если бы всѣмъ этимъ промежуточнымъ звукамъ дать особое мѣсто на планѣ, пришлось бы умножить число ли-

ній и возобновить показанныя мною неудобства.* Поэтому очень умно придумано предполагать измѣненіе нотъ посредствомъ диезовъ и бемолей и возвращеніе ихъ къ первоначальной нитонаціи посредствомъ отказа; необходимымъ слѣдствіемъ этого предположенія была вся наша система тоновъ. Какое дѣло, что эта система основана на одномъ предположеніи, если это предположеніе удобопостижимо для каждаго ума, и если употребленіе этихъ знаковъ совершенно ясно и опредѣлительно, и глазъ безъ труда схватываетъ и различаетъ ихъ, какъ доказано множествомъ опытовъ, сдѣланныхъ въ училищахъ? Употребленіе и сочетаніе этихъ знаковъ нитонаціи, при нашей системѣ тоновъ, такъ правильно и разумно, что вмѣсто того, чтобы стараться изгнать ихъ изъ нотаціи, мы должны бы благословлять великую и плодотворную идею, породившую ихъ.

«Ключи подвергались и подвергаются еще болѣе жестокимъ нападеніямъ, чѣмъ другія части нашей нотаціи. При первомъ взглядѣ, доводы, употребляемые противъ нихъ, кажутся основательными. Не довольно развѣ, говорятъ, что ятець долженъ различать каждую ноту на линіяхъ или между линіями плана и помнить нитонацію каждой ноты? Нѣтъ, надо еще мѣняться названіемъ и нитонаціи этихъ нотъ, вслѣдствіе различія ключей, такъ что умъ и память теряются въ множествѣ нитонаціи и названій, принадлежащихъ одному и тому же знаку и одной и той же позиціи на планѣ!

«Изъ противниковъ ключей, тѣ, которые не хотятъ совершеннаго преобразованія системы нотаціи, а требуютъ только нѣкоторыхъ измѣненій, предлагали уменьшить число ихъ; нѣкоторые утверждали даже, что достаточно сохранить одинъ ключъ *sol*; всѣ эти господа убѣждены въ томъ, что уничтоженіе остальныхъ ключей будетъ важнымъ усовершенствованіемъ въ искусствѣ писать и читать музыку и чрезвычайно облегчитъ ея изученіе. Но что бы вышло изъ уменьшенія числа ключей, если бы приняли ихъ предложеніе? Чтобы показать это, я напередъ изложу начала, изъ которыхъ развилось различіе ключей.

«Въ то время, когда планъ состоялъ еще только изъ одной или двухъ линій, въ началѣ его ставилась буква, означавшая по-

* Какая нужда умножать число линій? Когда господинъ Фетисъ кончитъ рѣчь свою, мы покажемъ въ нѣсколькихъ словахъ, что можно *дать мѣсто* этимъ звукамъ не прибавляя ни одной линіи и даже не перемѣнявъ вышшняго положенія нотъ на линіяхъ.

положеніе одной ноты, по которой опредѣлялись всѣ прочія ноты, разстояніемъ своимъ отъ этой отходной точки. Напримеръ, ставили *f*, когда нота на линіи означала *fa*, *c* для *ut*, *g* для *sol*, *d* для *re*. Впоследствии, когда планъ состоялъ уже изъ четырехъ или пяти линій и положеніе нотъ стало опредѣленно, буквы замѣнились ключами. Ключъ, поставленный вначалѣ плана, сталъ означать положеніе одной известной ноты, по которой опредѣлялись всѣ остальные; такимъ образомъ, вмѣсто двухъ или трехъ буквъ, стоявшихъ прежде одна надъ другою вначалѣ плана, теперь стоялъ уже одинъ только ключъ.

«Какъ музыка первоначально называлась преимущественно для голосовъ, а обыкновенный голосъ обнимаетъ не болѣе десяти или одиннадцати тоновъ въ разныхъ діапазонахъ, то пятилинейный планъ былъ достаточенъ для помѣщенія всѣхъ нотъ каждаго голоса; нужно было только особымъ знакомъ показать, для какого голоса назначается музыка. Первые композиторы очень хорошо замѣтили, что между голосами отъ природы есть чрезвычайное разнообразіе, и что между басомъ и первымъ дискантомъ есть нѣсколько среднихъ голосовъ, болѣе или менѣе низкихъ, или болѣе или менѣе высокихъ: это наблюденіе побудило ихъ означить каждый родъ голоса особеннымъ ключемъ. Такимъ образомъ, самому низкому басу данъ ключъ *fa* на четвертой линіи; болѣе высокому басу, баритону, данъ тотъ же ключъ на третьей линіи; тенору ключъ *ut* на четвертой линіи; болѣе высокому тенору тотъ же ключъ на третьей линіи; контральту ключъ *ut* на второй линіи; меццо-сопрано или второму дисканту ключъ *ut* на первой линіи; сопрано или первому дисканту ключъ *sol* на второй линіи. Посредствомъ этого распредѣленія и по небольшому объему голосовъ, они избѣжали употребленія дополнительныхъ линеекъ. Что касается ключа *sol* на первой линіи, онъ употреблялся для партій скрипокъ, флейтъ и гобоевъ, которые заходятъ выше самыхъ высокихъ голосовъ. Постепенность ключей, отъ самаго низкаго голоса до самаго высокаго инструмента, какъ видно въ слѣдующемъ примѣрѣ, представляла прогрессію восходящихъ терцій.

«Когда введеніе оперы вывело изъ моды вокальную музыку на большія массы голосовъ, и замѣнило ихъ аріями на одинъ

голосъ съ аккомпаниментомъ инструментовъ, вокальныя партіи стали выходить изъ этихъ тѣсныхъ предѣловъ; онѣ распространились и въ низшихъ въ верхнихъ регистрахъ. Съ другой стороны, инструментальныя партіи стали также расширять свои предѣлы. Тогда нѣкоторые ключи стали бесполезны, и скоро вышли изъ употребленія. Такъ исчезъ ключъ *fa* на третьей линіи, потому что его высокія ноты стали писаться на дополнительныхъ линіяхъ, въ томъ же ключѣ, на четвертой линіи. Ключъ *ut* на второй линіи, означавшій рѣдкій видъ голоса, средній между высокими теноромъ и *альтомъ*, или меццо-сопрано, также брошенъ, а партіи этого голоса стали писать въ ключѣ *ut* на третьей. Ключъ *sol* на первой линіи также вышелъ изъ употребленія, какъ скоро стали употреблять дополнительные линіи; онъ былъ тѣмъ безполезнѣе, что былъ повтореніемъ ключа *fa* на четвертой линіи, только двумя октавами выше. Ключъ *sol* на второй линіи сталъ одинъ употребляться для высокихъ инструментовъ.

«Въ наше время, вокальная партія диаканта такъ расширила свои предѣлы въ верхнихъ нотахъ, что стало удобнѣе писать ее въ ключѣ *sol* чѣмъ въ ключѣ *ut* на первой линіи, при которомъ требуется большее число дополнительныхъ линій. Поэтому ключъ *ut* на первой линіи встрѣчается съ каждымъ днемъ рѣже и скоро, вѣроятно, совсемъ выйдетъ изъ употребленія.

«Слѣдовательно нынче употребительны только четыре ключа: ключъ *sol* на второй линіи для высокихъ инструментовъ и для женскихъ и дѣтскихъ голосовъ; ключъ *ut* на третьей линіи для меццо или альты; тотъ же ключъ на четвертой линіи для тессора въ нѣкоторыхъ случаяхъ для виолончели и фагота, и, наконецъ, ключъ *fa* на четвертой линіи для басовыхъ голосовъ и инструментовъ. Болѣе умѣренныя изъ преобразователей много разъ предлагали удержать только два ключа, *sol* и *fa*, которые, съ помощью дополнительныхъ линій, могутъ объять всю дѣятельную звуковъ, отъ самыхъ низкихъ до самыхъ высшихъ. Но они не подумали, что средніе голоса и инструменты должны въ такомъ случаѣ писаться въ двухъ ключахъ, въ одномъ высокія ноты, въ другомъ низкія: таковы теноръ и инструментъ называемый альтомъ, для которыхъ необходимо было бы употреблять то скрипичный, то басовый ключъ; или же писать все въ скрипичномъ ключѣ, съ тѣмъ, чтобы при исполненіи, переносить октавою ниже настоящаго діапазона писанныхъ нотъ, какъ оно и дѣлается въ фальшивой нотации гитар-

ной музыки, съ-тѣхъ-поръ какъ вышла изъ употребленія табулатура этого инструмента. Въ послѣднее время, музыкальные издатели, желая облегчить чтеніе всякой музыки, чтобы болѣе сбывать ея, стали печатать всѣ вокальныя партіи въ скрипичномъ ключѣ; но этииъ они увѣрили большую часть любителей, что теноръ имѣетъ совершенно одинаковый діапазонъ съ дискантомъ, а басъ съ альтомъ, между-тѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ эти голоса отстоятъ другъ отъ друга на октаву. Это мннимое преобразование представляетъ важнѣйшія неудобства, чѣмъ множество ключей, потому что знаки одного ключа получаютъ такимъ образомъ двойное значеніе.

« Если исчисленныхъ мною четырехъ ключей при настоящемъ положеніи искусства, достаточно, чтобы писать всякаго рода музыки, то тѣмъ не менѣе однако же музыканту необходимо знать всѣ ключи, потому что транспонированіе, которое такъ часто можетъ встрѣтиться при аккомпанированіи пѣнію, нерѣдко требуетъ употребленія ключей, которые уже брошены, напримѣръ ключей *ut* на первой и *fa* на третьей линіи. Это транспонированіе, въ которомъ должно читать секундою, терцою, квартою ниже, чѣмъ написано, было бы невозможно, если бы надо было дѣйствительно переносить каждую ноту, между-тѣмъ какъ оно чрезвычайно просто и легко, когда поставитъ впереди знакомый ключъ. Положимъ, напримѣръ, что пѣса писана въ ключѣ *sol*, въ тонѣ *ut* и что ее требуется транспонировать на одну терцію ниже, то есть, въ тонѣ *la*; выставите мысленно вмѣсто ключа *sol* ключъ *ut* на первой линіи, переносите полутоны, куда слѣдуетъ, посредствомъ діезовъ, принадлежащихъ къ тону *la*; и пѣса транспонирована. Если пѣсу требуется транспонировать на квинту ниже, поставьте ключъ *ut* на второй линіи. Такимъ образомъ трудная повидному задача транспонированія ограничивается однимъ приисканіемъ ключа, который, не измѣняя нотация, представилъ бы требуемый тонъ. Это знакомство съ ключами, ужасъ всѣхъ плохихъ музыкантовъ, въ сущности, пріобрѣсти очень не трудно; длятого достаточно шести-мѣсячнаго упражненія, если ихъ хорошо покажутъ.

Разнообразіе ключей, на которое смотрятъ какъ на недостатокъ существующей системы нотации, въ самомъ дѣлѣ дѣлаетъ ее, напротивъ, полнымъ и логическимъ цѣлымъ, въ отношеніи къ знакамъ нотации. Эта часть искусства подвергалась порицаніямъ только со стороны плохихъ музыкантовъ, которые взвалили на музыкальную семіологію собственную свою неспособность и дѣ-

ность. Послѣ всего сказаннаго, вѣтъ сомнѣнія, что на вопросъ: *Есть ли въ нашей системѣ знаки для выраженія всѣхъ интонацій, встрѣчающихся въ музыкѣ?* можно отвѣчать утвердительно.

«Теперь перейдемъ къ другому вопросу: *Есть ли въ ней знаки для всѣхъ протяженій звуковъ и всѣхъ перерывовъ?*

«Есть, и вполнѣ удовлетворительные, потому что, по рѣзкому различію ихъ формъ, глазу невозможно въ нихъ ошибиться, и умъ не можетъ сомнѣваться насчетъ ихъ значенія. Одно изъ важнѣйшихъ достоинствъ этой системы знаковъ то, что пчъ дана только относительная долгота; положительную же долготу предоставлено опредѣлить общему движенію пьесы. Если бы каждому знаку дана была долгота постоянная, пришлось бы придумать безчисленное множество такихъ знаковъ на всѣ возможные случаи протяженія звуковъ или перерывовъ; самое быстрое соображеніе и самая счастливая память никогда бы не успѣвали быстро и вѣрно прилагать эти знаки. Слѣдовательно, прекрасная и счастливая была мысль раздѣлить протяженіе знаковъ музыкальнаго темпа на знаки относительныхъ протяженій и таблицу темповъ, опредѣляемыхъ математически, метрономомъ.

«Счастливая была также мысль для представленія метрическаго значенія ннтонаціи, употреблять самый знакъ этой ннтонаціи, измѣняя различнымъ образомъ, не положеніе его на планѣ, а его форму.

«Такого роду комбинація представляетъ то преимущество, что даетъ возможность избѣгать множества знаковъ, что бы ни говорили объ этомъ противники нашей ннтонаціи, и знакамъ даетъ такую наглядность, что невозможно сомнѣваться въ ихъ значеніи.

Есть ли въ нашей музыкальной интонаціи знаки для указанія всѣхъ степеней силы, ннжности, пьвучести, энергіи, возрастанія или уменьшенія силы, ускоренія, замедленія и прочая, канія могутъ потребоваться при исполненіи пьесы?

«Есть; и точность и удовлетворительность ихъ такъ очевидны, что даже тѣ, которые пытались замѣнить существующую систему ннтонаціи другими системами, не коснулись этой части ея. Техника искусства, которое каждый день измѣняется и развивается, не можетъ родиться вдругъ; поэтому не удивительно, что число этихъ знаковъ выраженія и движенія съ каждымъ днемъ увеличивается, и что нѣкоторые изъ нихъ выходятъ изъ употребленія, какъ выраженія идей оставленныхъ съ перемѣною вкуса;

но можно сказать утвердительно, что нѣтъ музыкальнаго эффе-кта, который бы не могъ быть выраженъ какимъ-либо изъ знаковъ, употребительныхъ нынѣ въ нашей музыкальной нотаціи.

«Еще остается намъ отвѣчать на одинъ вопросъ относительно нашей нотаціи: *нѣтъ ли въ ней излишества знаковъ, нѣтъ ли между ея знаками такихъ, которые имѣютъ одно и то же значеніе?* Рѣшеніе этого вопросу очень важно для точной и вѣрной оцѣнки такъ часто повторяемаго обвиненія нашей системы нотаціи въ многочисленности знаковъ.

«Изобиліе знаковъ, разумѣется, важное зло, когда многіе изъ нихъ имѣютъ одно значеніе, одну цѣль, но въ музыкѣ этого нѣтъ; знаковъ въ ней дѣйствительно довольно много, но каждый изъ нихъ имѣетъ свое особенное значеніе, и между ними не можетъ быть замѣшательства, потому что нѣтъ ни какого сходства въ ихъ употребленіи.

«Мнѣ кажется, что я въ предъидущихъ строкахъ добросовѣстно разсмотрѣлъ самыя щекотливыя вопросы существующей нотаціи, и доказалъ, что нападенія, которымъ она безпрестанно подвергается, суть только пустыя возгласы людей, имѣющихъ о ней самое поверхностное поватіе. Кромѣ другихъ достоинствъ, эта система имѣетъ одно чрезвычайно важное преимущество, котораго не замѣтили ея противники: оно заключается въ томъ, что каждый знакъ имѣетъ такую особенную, такую яркую фязіономію, что открывъ книгу, и не успѣвъ взглянуть на подробности, мы уже понимаемъ смыслъ музыки, которую едва увидѣли вскользь. Каждому хорошему музыканту не разъ случалось испытать, что онъ читаетъ не по отдѣльнымъ знакамъ, но по группамъ, но тактамъ, по цѣлымъ фразамъ вдругъ, потому что каждая группа, каждый тактъ, каждая фраза имѣетъ такую опредѣленную фязіономію, что настоящій музыкантъ немедленно схватываетъ ея значеніе, не вникнувъ даже во всѣ ихъ подробности. А это преимущество такъ важно, что если бы существующая нотаціи дѣйствительно имѣла всѣ недостатки, въ которыхъ ее упрекаютъ, она всѣ-таки была бы предпочтительна всѣмъ другимъ системамъ, потому что ни одна изъ нихъ не можетъ сравниться съ нею въ этомъ отношеніи.

«Всѣ системы, предложенныя въ теченіи полутора ста лѣтъ на мѣсто существующей системы, можно подвести подъ три главныя разряда: системы численныя, буквенныя, и составленныя изъ условныхъ знаковъ. Буквенная нотаціи употреблялась въ средніе

вѣка для сплошнаго пѣвія, а впоследствии, то есть съ конца пятнадцатаго вѣка, она приложена въ Германіи, посредствомъ различныхъ сочетаній, и къ органной музыкѣ. Звуки самой низкой октавы изображались прописными буквами, С, D, E, F, G, A, B (для зі b), и H (для зі $\frac{b}{2}$); для второй октавы употреблялись тѣ же буквы, но строчныя, для третьей тѣ же буквы съ одною, потомъ съ двумя, съ тремя черточками. Иногда показывали повышеніе или пониженіе звуковъ ставя подлѣ буквъ діезъ или бемолю; въ другихъ системахъ вмѣсто діеза ставили подлѣ буквы ноты букву e, а вмѣсто бемоля ту же букву, но обороченную. Такъ въ два темпа означался перечеркнутымъ C, а въ три темпа тѣмъ же знакомъ съ цифрою 3. Вертикальная черта надъ нотою означала долготу ноты, соответствовавшую цѣлой нотѣ новой системы; для половинной ноты присоединялся къ этой чертѣ хвостикъ, для четверти два хвостика, для восьмушки три и такъ далѣе. Эта нотация, придуманная для органа и клавишна въ такое время, когда еще не существовало типографскаго шрифта для печатанія музыки, называлась *табулатурою*, оставлена какъ скоро сдѣланы первые опыты гравировать сложную музыку на мѣдныхъ доскахъ.

«Sauveur de l'Aulnaie, Англичанинъ Petterson, и нѣкоторые другіе, пытались въ разные времена возобновить буквенную нотацию въ различныхъ системахъ; но недостатки и неудобства этихъ системъ были такъ очевидны, что онѣ не нашли приверженцевъ.

«Французскій монахъ Souhaitty первый предложилъ, въ 1677 году, употреблять для письма музыки числа, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, прибавляя къ нимъ запятыя или точки для означенія различныхъ октавъ, и черту наклоненную влѣво для бемолей, и вправо для діеза. Протяженіе звуковъ Souhaitty предлагалъ означать буквами, написанными надъ числами, или посредствомъ просодическихъ и грамматическихъ знаковъ.

Болѣе получѣка спустя послѣ появленія въ свѣтъ системы Souhaitty, Руссѣ предложилъ другую систему численной нотации болѣе развитую; система францисканца обнимала только три октавы, между-тѣмъ какъ система Руссѣ обняла пять октавъ, посредствомъ семи первыхъ чиселъ, съ различно расположенными горизонтальными чертами и точками. Знаменитый авторъ этой системы заимствовалъ у Souhaitty наклонныя влѣво и вправо черты для означенія бемолей и діезовъ. Тонъ онъ означалъ названіемъ тонники, а ладъ (мажоръ или миноръ) названіемъ ея терціи, которое онъ для отличія подчеркивалъ; вмѣсто ключа ставилъ букву,

для означенія такта цѣфу 2 или 3, по крупнѣе цѣфу, означавшихъ ноты; черточки надъ или подъ нѣсколькими числами показывали, что эти числа суть одновязныя, двувязныя или тревязныя, по числу черточекъ; а большее или меньшее разстоянiе неподчеркнутыхъ чиселъ показывало, что онѣ цѣлыя ноты, половинныя, или четверти.

Въ то время, какъ Руссо предложилъ эту систему, онъ былъ мало извѣстенъ, и проектъ его не обратилъ на себя вниманiя; но когда онъ приобрѣлъ славу «Новою Элоизой», «Эпикемъ», «Исповѣдью», вспомнили и о его музыкальной системѣ; говорили о ней очень много, но никогда не употребляли ея. Съ-тѣхъ-поръ Наторнъ и Целлеръ, въ Пруссiи, употребляли численную нотацию, для обученiя пѣвию въ народныхъ школахъ; но прилагали ее только къ псалмамъ и церковнымъ пѣснямъ; въ послѣднее время, Galin принялъ въ основанiе своей методы преподаванiя вокальной музыки (мелопласта), а Miquel младшiй въ основанiе своей музыкальной ритмографiи.

Не смотря на всѣ эти посылки и на громкiе возгласы о многихъ выгодахъ этихъ системъ, численная нотациа никогда не имѣла успѣха, и не была прилагается къ практикѣ, за исключенiемъ нѣсколькихъ духовныхъ пѣсенъ для школъ въ протестантскихъ странахъ, которые не требуютъ сложной и разнообразной нотации.

Что касается до системъ нотации, составленныхъ изъ произвольныхъ знаковъ, то онѣ принадлежать всѣ къ новѣйшему времени. Изобрѣтателями ихъ были аббатъ Metz de la Salle, Рихесталь, Бертини, аббатъ Valernod, Lemme, баронъ Блейнъ, Treuille de Beaulieu, Эйзенменгеръ, и наконецъ недавно одинъ нововодець, называвшiйся безыменно «бывшимъ профессоромъ математики». Общая ошибка всѣхъ этихъ нововодителей заключается въ томъ, что они считаютъ *многочисленность знаковъ существующей нотации препятствiемъ успѣхамъ учениковъ*. Но многочисленность знаковъ могла бы быть препятствiемъ только въ томъ случаѣ, если бы эти знаки не показывали нагляднымъ и удобопонятнымъ образомъ того, что они должны выражать. Достоинство же нашей нотации именно въ томъ и заключается, что знаки ея сами собою, безъ всякихъ многосложныхъ сочетанiй, даютъ точное и опредѣлительное понятiе объ интонаци и протяженiи, первыхъ и самыхъ необходимыхъ элементахъ музыки. Сверхъ того, разнообразiе знаковъ представляетъ ту выгоду, что они самымъ видошъ своимъ представляютъ наглядно для глазъ

множество знаковъ вдругъ, такъ, что музыканту нѣтъ надобности разбирать знакъ за знакомъ; онъ можетъ читать по цѣлымъ группамъ; увидѣвъ первую и послѣднюю ноты группы, онъ можетъ угадывать заключающіеся между ними ноты по фигурѣ, которую онѣ представляютъ.

«Этой выгоды не представляютъ системы, предложенныя на мѣсто нашей нотациі. Онѣ основаны на однообразіи знаковъ для всѣхъ октавъ, и вообще на уничтоженіи ключей; но сами нововводители потрудились доказать, что однообразіе знаковъ есть зло, и что ключи необходимы; потому что, едва они успѣли видѣти аналогическіе знаки, какъ были принуждены придумать вспомогательныя знаки для означенія октавъ; и вмѣсто одного знака, который самъ собою давалъ простую, наглядную для глаза нотацию, принуждены были прибѣгнуть къ отлщительнымъ примѣтамъ, требующимъ умственного соображенія.

«Подобно нотациі, и прочія части нашей музыкальной системы подвергались жестокимъ нападеніямъ со стороны сочинителей безчисленныхъ проектовъ музыкальнаго преподаванія. Послушать ихъ, начала, на которыхъ основана эта система, темны, нестройны, полны исключеній и противорѣчій; изученіе ихъ требуетъ огромнаго времени, и чрезвычайныхъ успій памяти и ума, которыя часто отбиваютъ всю охоту у учащихся.

«Чтобы доказать несправедливость этихъ обвиненій, стоитъ только напомнить, что число хорошихъ чтецовъ, разсѣянныхъ по землѣ, составятъ нѣсколько милліоновъ человекъ, и что множество курсовъ, въ которыхъ, въ послѣдніе тридцать лѣтъ, пытались приложить къ практикѣ новыя методы, не прибавили къ этому числу десяти человекъ. Но, оставивъ въ сторонѣ это сравненіе результатовъ старой и новыхъ системъ, которое можетъ служить лучшимъ возраженіемъ нововводителямъ, рассмотримъ лучше въ чемъ состоятъ эти новыя методы, и покажемъ, что авторы ихъ ошиблись, тѣмъ, что хотѣли дать имъ слишкомъ обширное значеніе, между тѣмъ какъ они могли съ успѣхомъ быть приложены только къ частной цѣли, къ наружному преподаванію не большой части искусства.

«Всѣ начала музыки заключаются въ образованіи гаммъ, въ системѣ дѣленія музыкальнаго темпа и въ нотациі. Въ средніе вѣка, даже до самаго конца шестнадцатаго вѣка, эти основныя начала искусства представлялись въ самой нелѣпой формѣ, потому что несмотря на то, что сама природа никогда не позволяла призывать ни больше ни меньше семи звуковъ въ предѣлахъ каждой октавы

діатонической скалы, число названій этихъ звуковъ было ограничено шестью; изъ этого страннаго ограниченія, родилась уродливая система *измѣненій* (*mutations*), по которой нѣкоторыя ноты гаммы, представляя опредѣленные звуки, имѣли, по обстоятельствамъ, три названія, а другія два. Съ введеніемъ новѣйшей системы тоновъ, эта нелѣпая сольмизація уничтожилась, и каждый изъ семи звуковъ діатонической гаммы получилъ опредѣленное, постоянное свое названіе.

«Дѣленіе и измѣреніе музыкальной долготы, точно такъ же, какъ нотація звуковъ діатонической гаммы въ каждой октавѣ, основано на законахъ природы; каждая система музыкальнаго темпа должна необходимо опираться на качаніи астрономическаго маятника. Какъ бы мы ни представляли себѣ различныя сочетанія и дѣленія музыкальнаго протяженія, единственными ихъ стихіями всегда будутъ двочное и трочное дѣленіе. Слѣдовательно нотація, въ изображеніи протяженія звуковъ и перерывовъ, должна имѣть въ виду только изображеніе двочныхъ и трочныхъ дробей музыкальнаго темпа, посредствомъ условныхъ знаковъ, не допускающихъ ни какого сомнѣнія. Въ средніе же вѣка образовалась система нотаціи мѣрной музыки такая же нелѣпая какъ и система сольмизаціи; въ этой системѣ знаки значили въ нѣкоторыхъ случаяхъ совѣмъ не то, что представляли обыкновенно и были для чтеца почти неразрѣшимой загадкою; они требовали отъ него чрезвычайно быстраго соображенія и вѣрнаго взгляду, потому что для передачи мысли композитора, онъ долженъ былъ исполнять совѣмъ не то, что по настоящему было написано. Преобразованія, продолжавшіяся со второй половины шестнадцатаго до конца семнадцатаго вѣка, мало-по-малу уничтожили эту нелѣпую систему, и развили нынѣшнюю; эта система, какъ мы видѣли выше, полна, разумна, и изображаетъ мысль композитора спеціальными знаками, которые, по наглядности своей формы, не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ значеніи, и такъ стройно связываются въ умѣ чтеца, что опытный музыкантъ не имѣетъ надобности разбирать знакъ за знакомъ, а читаетъ по группамъ. Искусные музыканты читаютъ даже одними взглядомъ нѣсколько строкъ.

«Этого не повяли тѣ, которые предлагали бросить существующую систему и замѣнить ее новою. Я постараюсь показать, что и методы преподаванія, которые они думали основать на новыхъ системахъ нотаціи, прилагаются только къ нѣкоторымъ частнымъ дѣламъ, не принадлежащимъ собственно къ обла-

сти искусства. Сколько бы они ни возставали противъ принятой системы музыкальныхъ писемъ, они не могутъ поколебать основанія, то есть образованія скалы звуковъ, дѣленія музыкальнаго темпа и нотаци, не разрушая самыхъ началъ искусства.

«Методы музыкальнаго обученія могутъ имѣть въ виду только двѣ цѣли: образовать артистовъ, или давать понятія о цѣли массѣ народа. Единственное, дѣйствительное средство для достиженія первой цѣли, то есть для того, чтобы довести молодого музыканта до возможной степени техническаго совершенства, есть долговременное, постепенное, частое упражненіе. Старая метода старалась достигнуть этой цѣли изъясненіемъ началъ и постепенностью упражненій. Прекрасные плоды этой методы могутъ служить лучшимъ ея оправданіемъ. Если отъ сочинителей первыхъ учебниковъ и сольфеджей можно бы требовать болѣе порядку и послѣдовательности въ изложеніи началъ, недостатки ихъ мало-малу исправлены ихъ преемниками; введенное, гдѣ тому тридцать-пять, дѣленіе музыкальнаго ученія на три главные отдѣла, ученіе объ нотаціи звуковъ, о ихъ протяженіи и о нотаціи, удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ. Что ни говорите, а только эта метода можетъ образовать истиннаго артиста, и ни какіе возгласы ея противниковъ не будутъ въ состояніи уронить ее.

Что касается до элементарнаго и народнаго преподаванія, оно являлось въ разные времена въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, въ особенности же съ начала нынѣшняго столѣтія; но всѣ эти формы можно подвести подъ двѣ главные системы, изъ которыхъ одна сообразуется съ существующею формою искусства, а другая пытается преобразовать его. Займемся сначала первую.

«Давно уже помышляли о средствахъ облегчить дѣтямъ изученіе музыки, обративъ его въ разнаго рода игры; такимъ образомъ являлись по-очередно музыкальныя карты, музыкальныя кости, музыкальные лото, домино, и тому подобное. Нѣкто Дюма придумалъ собрать въ ящикъ изображенія всѣхъ музыкальныхъ знаковъ и заставлять дѣтей слагать изъ нихъ заданныя уроки, какъ изъ типографскихъ шрифтовъ. Долго было бы исчислять всѣ подобныя затѣи, которыя попеременно были въ модѣ, забывались, снова являлись какъ нѣчто новое, и опять забывались. Такіе способы могутъ имѣть нѣкоторый успѣхъ только въ домашнемъ обученіи.

«Въ сборномъ обученіи, примененномъ къ принятой системѣ музыки, болѣе извѣстны — *совокупная* (concertante) метода Шо-

рона (Choron); метода *современная*, Массимино; метода составная, Pastou, названная *школой гармонической лиры* и, наконец, метода господина *Восquilhon Wilhem*.

Изъ этихъ методовъ одна послѣдняя имѣла въ виду собственно музыкальное обученіе народа. Парижская консерваторія, улучшивъ учебники для спеціального изученія музыки, улучшила преподаваніе и образовала музыкантовъ, далеко превосходившихъ искусствомъ предшествовавшее поколѣніе. Но такое основательное и полное музыкальное образованіе можно было получать въ одной консерваторіи. Между-тѣмъ муниципальныя власти большихъ городовъ Франціи поняли, какую пользу могла принести музыка въ народномъ просвѣщеніи, и въ послѣдніе годы нинеріи въ разныхъ мѣстахъ основаны музыкальныя училища, напримѣръ, въ Лионѣ, въ Дуэ, въ Мецѣ, въ Тулузѣ, въ Страсбургѣ.

Въ этихъ-то обстоятельствахъ, почти въ одно время, принялся за дѣло авторы нечисленныхъ методовъ. Особенное вниманіе должно обратить на Шорона, потому, что хотя онъ и не имѣлъ собственно въ виду введенія музыки въ элементарное обученіе, онъ занимался преимущественно задачею, которая составляетъ основаніе народнаго музыкальнаго обученія, именно развитіемъ чувства гармоніи. Замѣтивъ, что чувство интонаціи и чувство музыкальной мѣры совершенно независимы другъ отъ друга, Шоронъ заключилъ, что въ преподаваніи эти два предмета должно раздѣлять. Переходя потомъ къ необходимости и постепенности въ трудностяхъ, онъ составилъ систему постепенностей, заключающуюся въ трехъ и четырехъ-голосныхъ сольфеджіяхъ, составленныхъ такимъ образомъ, чтобы каждый голосъ представлялъ различную степень музыкальнаго образованія. Эту систему преподаванія онъ называлъ *концертантною методою* и испытывалъ ее на многочисленныхъ хорахъ дѣтей, избираемыхъ по большей части изъ бѣдныхъ въ благотворительныхъ заведеніяхъ.

Эта метода сначала, казалось, должна была умереть съ своимъ основателемъ; однако же въ послѣднее время она возобновлена въ разныхъ мѣстахъ. Шоронъ получилъ блестящіе результаты, приложивъ свою методу къ огромному числу учениковъ; однако же не должно давать слишкомъ большаго значенія этимъ результатамъ и считать ихъ плодомъ истинно народной методы преподаванія. Трудности, которыя основатель думалъ побѣдить, были слишкомъ велики, чтобы всѣ ученики могли ихъ одолѣть. Большая часть, утомленная ими, отказывалась отъ курса послѣ большаго или меньшаго числа безплодныхъ попытокъ.

Цѣлью основателя было образовывать нѣсколько отборныхъ учениковъ; и чтобы найти ихъ, по ивѣстію его, слѣдовало начать съ огромной массы дѣтей, потомъ постепенно очищать ее, чтобы наконецъ осталось нѣсколько избранныхъ; изъ этихъ уже онъ думалъ образовывать великихъ художниковъ, которые ему были нужны для возрожденія церковной музыки.

«Около 1816 года, то есть въ то же время какъ Шоретъ началъ испытывать свою методу, піемонтскій музыкантъ Массимино открылъ въ Парижѣ курсъ общественнаго обученія музыкѣ, который по новости своей принятъ чрезвычайно хорошо. Метода его заключалась въ слѣдующемъ: преподаватель диктовалъ извѣстному числу учениковъ урокъ, который они писали на разнорованныхъ аспидныхъ доскахъ. Урокъ былъ сначала по возможности простъ, и постепенно дѣлался труднѣе. Потомъ учитель призывалъ къ себѣ каждаго ученика, заставлялъ его пѣть урокъ и исправлялъ ошибки, сдѣланныя имъ въ письмѣ. По окончаніи поправокъ всѣ ученики пѣли урокъ вѣстѣ, повторяя его до тѣхъ поръ, пока исполненіе не было удовлетворительно. Огромное число сольфеджій, которые ученики разучивали и пѣли въ классахъ, дополняло ихъ образованіе.

«Изъ этого видно, что метода Массимино была приложеніе къ музыкѣ Ланкастерской методы, въ которой ученики также пишутъ, чтобы учиться читать; поэтому она и была неосновательно названа методою *взаимнаго обученія* музыкѣ. Хотя и въ его школѣ были мониторы, руководившіе извѣстнымъ числомъ учениковъ, однако же они не обучали другихъ; учитель самъ диктовалъ одинъ урокъ всѣмъ ученикамъ. Это обученіе *одновременное*, а не *взаимное*. Въ немъ есть своя заманчивая, и даже полезная сторона. Извѣстно, что ученикъ, нерѣдко, хотя и довольно бойко читаетъ, но затрудняется въ распознаваніи ноты по слуху и не можетъ немедленно опредѣлить ея долготы. Это затрудненіе происходитъ отъ тяжести ума, котораго ничто не побуждаетъ къ размышленію. Слѣдовательно, всякое упражненіе, имѣющее цѣлью развитіе памяти звуковъ и ихъ мѣры, должно быть полезно.

«Быстрые результаты метода Массимино доставили ей сначала блестящій успѣхъ; но имѣя въ виду не столько приложеніе этой методы къ элементарному преподаванію для народа, сколько къ полному образованію артистовъ, основатель ея скоро убѣдился, что только усердное и разнообразное упражненіе въ сольфед-

жнихъ можетъ довести до этой цѣли, и написалъ множество софеджій, которые составляютъ два толстые тома въ листъ. Метода Массенино принадлежитъ слѣдовательно къ спеціальному преподаванію музыки, но взятому съ частной точки зрѣнія.

Въ этихъ методахъ нѣтъ еще настоящаго народнаго обученія; осуществленіе этой мысли представляетъ въ первый разъ метода Бокльонъ-Вилема. Первые опыты ея были сдѣланы въ 1819 году, сначала въ частномъ учебномъ заведеніи, а потомъ въ учрежденной пресектомъ сенскаго департамента школъ взаимнаго обученія. Счастливые результаты ея побудили общество элементарнаго обученія принять ее предпочтительно всѣмъ другимъ для парижскихъ общественныхъ училищъ; а ободренія и содѣйствіе парижскаго муниципальнаго совѣта дали возможность приложить ее къ народному обученію въ большихъ размѣрахъ. Не стану излагать постепеннаго ея распространенія и исчислять услугъ, оказанныхъ ею въ продолженіе двадцати-шести лѣтъ эстетическому образованію народа. Нынче число учениковъ въ школахъ, гдѣ принята эта метода, считается тысячами; нѣтъ сомнѣнія, что такія школы современемъ покроютъ всю Францію и разнесутъ повсюду знаніе пѣнія и любовь къ этому искусству. Есть одинъ фактъ, изъ котораго можно заключить, что если метода Вилема болѣе принаровлена къ этой цѣли, чѣмъ къ образованію артистовъ, то она тѣмъ не менѣе можетъ приготовить и артистовъ къ дальнѣйшему образованію и дать имъ случай явить свои способности; этотъ фактъ представляетъ госпожа Фальконъ, получившая свое первоначальное образованіе въ школѣ, которою управлялъ самъ Вилемъ; отсюда уже она перешла въ консерваторію, а потомъ на театръ Большой Оперы, гдѣ тотчасъ заняла мѣсто первоклассной пѣвицы.

«Послѣ первой своей попытки, до самой смерти, Бокльонъ-Вилемъ сдѣлалъ нѣсколько измѣненій въ своей методѣ, но только въ подробностяхъ; основаніе же ея осталось тоже; способы обученія, *вокальная лѣстница*, *музыкальныя руки*, и *вокальный указатель*, также остались тѣмъ, чѣмъ были въ началѣ.

«*Вокальная лѣстница* есть изображеніе двойной лѣстницы, съ неровными ступенями; различная вышина ступеней означаетъ размѣщеніе тоновъ и полутоновъ въ диатоническихъ гаммахъ, восходящихъ и нисходящихъ. Это способъ нагляднаго объясненія состава гаммы.

«*Музыкальныя руки* суть изображеніе двухъ рукъ, представляющихъ два плана, одна съ ключемъ *fa*, другая съ ключемъ *sol*;

вмѣстѣ онѣ обнимаютъ двѣ октавы съ одною нотою, съ помощью промежутка между обѣими руками, въ которомъ помѣщается унисонъ обохъ ключей, *и.* Пальцы изображаютъ линіи плановъ. Мысль употреблять руку для сольфеджіа, — не новая: она принадлежитъ еще одипнадцатому вѣку; но приложеніе ея къ новѣйшей сольмизаціи въ методѣ Вилема совершенно отлично отъ употребленія музыкальной руки, которая приписывается монаху Гвидо-д'Арепцо.

«Кромѣ лѣстницы діатоническихъ гаммъ, Вилемъ принимаетъ такую же лѣстницу для хроматической гаммы, въ которой нагляднымъ образомъ представляется равенство полутоновъ.

«*Вокальный указатель*, съ подвижными ключами и нотами, состоитъ изъ деревянной доски, покрытой бумагою, на которой изображенъ планъ безъ нотъ, но съ дырками, чтобы въ нихъ вставлять изображеніе ключей и нотъ, которыя преподаватель переставляетъ по желанію, чтобы изъяснить употребленіе ключей и транспозицію. Этотъ указатель есть осуществленіе пустаго плана, который въ первый разъ предложилъ въ 1537 году Зебальдъ Гейдъ, а потомъ Якобъ, а вмѣстѣ и возобновленіе музыкальной руки, которую пытался возобновить и Rameau, въ 1760 году, въ своемъ Code musical. Этимъ вокальный указатель Вилема сходенъ отчасти и съ *мелопластомъ* Галена, но имѣетъ передъ нимъ то преимущество, что оставляетъ въ памяти учениковъ болѣе прочный слѣдъ изъясненій учителя.

«Въ отношеніи къ порядку ученія, Вилемъ принялъ дѣленіе его на три главные отдѣла, ученіе объ интонаціи звуковъ и образованіи гаммъ; ученіе о протяженіи звуковъ и перерывовъ, съ механизмомъ ихъ измѣренія и ихъ ритмическимъ сочетаніемъ, и наконецъ ученіе объ изображеніи всего этого знаками, то есть нотацию.

Соединеніе изложенныхъ способовъ нагляднаго объясненія, множество упражненій преимущественно по системѣ взаимнаго обученія, раздѣленіе и подраздѣленіе учениковъ на классы по степени способности и успѣховъ, безпрестанный переходъ отъ одного предмета къ другому, отъ музыкальнаго чтенія къ письму или ритму, отъ особеннаго пѣнія къ хоровому, составляютъ всю методу Вилема; это метода эклектическая и по преимуществу народная, потому что приспособлена къ народному обученію наглядными объясненіями, доступными массѣ народа, и раздѣленіемъ на классы по степени знанія, которое даетъ возмож-

ность въ случаѣ надобности увѣриться въ способности ученика, и перевести его отъ низшаго порядка занятій къ высшему.

«Въ Вилемовомъ изложеніи его системы можно замѣтить только небольшіе промахи въ классификаціи сложныхъ тактовъ; на-примѣръ въ число тактъ, обнимающихъ менѣе цѣлой ноты, онъ помѣщаетъ такты въ $\frac{3}{8}$ и $\frac{12}{8}$; очевидно, что это ошибка; $\frac{3}{8}$ и $\frac{12}{8}$ больше $\frac{1}{2}$, то есть цѣлой ноты. Это впрочемъ ошибка, которую очень легко исправить, и на которой даже не стоитъ останавливаться. Польза и сообразность съ цѣлью метода Вилема доказываются ея результатами, которые въ высшей степени удовлетворительны.

«Въ дополненіе къ своей методѣ Вилемъ создалъ *Орфеонъ*, громадный хоръ составленный изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, изъ низшихъ классовъ народонаселенія, который поетъ съ удивительнымъ согласіемъ довольно трудныя произведенія на три и на четыре партіи; ему нерѣдко дивились сами артисты, имѣвшіе случай слышать его. Вѣрность интонаціи и тонкость выраженія, съ которою поютъ эти тысячи пѣвцовъ, служатъ новымъ доказательствомъ превосходства метода, образовавшей ихъ.

«Теперь обратимся къ методѣ *мелопласта*, предложенной Галеномъ, бывшимъ воспитанникомъ политехнической школы; она также имѣетъ въ виду общественное преподаваніе музыки, но основанное на совершенномъ преобразованіи искусства. Способы, которыми авторъ *мелопласта* предлагаетъ совершить это преобразование, и изъ которыхъ онъ составилъ систему, суть не что иное, какъ возобновеніе за долго до него предложенныхъ способовъ. Такъ мысль его изображать звуки діатонической гаммы цифрами 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, съ точкою сверху для означенія высшей октавы, и внизу для низшей октавы; діезы и бемоли изображать чертою черезъ цифру, наклоненною вправо или влево, цѣлкомъ взяты изъ системы, предложенной, въ 1677 году, монахомъ Souhaitty, и видоизмѣненной впоследствии Жанъ-Жакомъ Руссо. Далѣе для нагляднаго объясненія діатоническихъ гаммъ и хроматической скалы, употребленія ключей и транспонированія, мелопластъ заимствуетъ планъ безъ нотъ и безъ ключей, предложенный, въ 1537 году, Зебальдомъ-Гейдепомъ, и возобновленный черезъ три столѣтія Якобомъ, и музыкальную руку Рамб. Самый оригинальный отдѣлъ въ системѣ мелопласта составляетъ ученіе Галена о музыкальномъ темпѣ.

«Руссо сознается въ «Исповѣди», что возраженія Рамб на его систему численной нотации сильно потрясли вѣру его въ пре-

восходство этой системы, и доказали ему, что напряженное вниманіе, котораго она требовала отъ тѣща, гораздо большее зло, чѣмъ многосложность такой принятой нотациі. Если можно употреблять числа, то развѣ только для нотациі церковныхъ пѣсень, псалмовъ и самыхъ простыхъ мелодій, какъ употреблялъ ихъ въ Пруссіи Наторвъ; для школъ, въ которыхъ, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ письмомъ, чтеніемъ и арифметикою учатъ и церковному пѣнію. Въ этихъ школахъ имѣютъ въ виду не столько дать музыкальное образованіе, сколько удовлетворить требованію протестантской религіи.

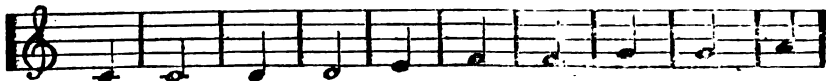
«Методу мелопласта можно бы безъ труда принять, если бы ея притязанія ограничивались тѣмъ же, но она стремится къ преобразованію всего искусства. Одно изъ двухъ: или она хочетъ замѣнить существующую нотацию своею системою, или сдѣлать эту систему приготовленіемъ къ музыкѣ, писанной по обыкновенной системѣ. Въ первомъ случаѣ, не трудно доказать, что численной нотациі невозможно приложить къ сложной музыкѣ, на примѣръ къ фортепианной, въ которой безпрестанно встрѣчаются огромные аккорды; для изображенія ихъ пришлось бы громоздить такія колонны цифръ, безъ точекъ и съ точками, сверху и снизу, съ чертами вправо и влѣво, что невозможно было бы съ надлежащею быстротою разобрать ихъ составныя части. Во второмъ случаѣ, что ученики выучили по численной системѣ, то они должны забыть когда, приступать къ изученію инструментовъ, чтобы учиться новой нотациі, которая сдѣлается для нихъ гораздо труднѣе, потому что они привыкнутъ къ малосложной системѣ, употребляемой методомъ мелопласта.

Это было дѣйствительно замѣчено во всѣхъ, которые начинали учиться музыкѣ по этой системѣ: они не только не знаютъ настоящей музыки, но даже неспособны почти выучиться ей, потому что на мѣсто началъ этого искусства хотятъ непремѣнно ставить понятія, которыя были имъ звушены прежде. Мелопластъ можетъ научить читать свою нотацию и пѣть простыя мелодіи; но не можетъ образовать музыкантовъ; не можетъ даже служить приготовленіемъ къ изученію существующей музыки, которой систему онъ пытается преобразовать. Это вѣчто вовсе не принадлежащее къ области искусства.

«Приговоръ мой строгъ, но онъ справедливъ; а притязанія реформаторовъ такъ огромны, и отзывы ихъ такъ надменны, что имъ надо отвѣчать *наотрѣзь*.»

Почтенный брюссельский старовѣръ кончилъ, *Отрѣжь* его, какъ вы видѣли, состоитъ главнѣйше въ томъ, что нужно было бы умножить число нотныхъ линий, если бы пришлось устранить изъ нотации ключи, бемоли, дѣзы и бекары. Зачѣмъ это? Оставьте принятое число линий. Оставьте всѣ ноты на нынѣшнихъ мѣстахъ. Означьте только нынѣшніе полутоны маленькими бѣлыми цотами и все будетъ въ порядкѣ: ключи, бемоли, дѣзы, бекары, сдѣлаются не нужными; вновь ничему не надо учиться, и старое можно читать свободно:

C Cis D Dis E F Fis G Gis A

Ais H C Cis D Dis E F Fis

G Gis A Ais H C Cis

Можно придать полутонамъ и другую форму:

G Gis A Ais H C Cis D Dis E F Fis G

Эта форма еще удобнѣе, особенно для рукописныхъ нотъ.

При ней ни какіе ключи не нужны. Чтобы, въ нѣкоторыхъ, весьма не многихъ случаяхъ, не выходить слишкомъ высоко надъ пятою линіей, можно поставить 8va и 88va.

ВПЕЧАТЛЕНІЯ

ВОСПОМИНАНІЯ ПОКОЙНИКА.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Наконецъ пришло и для меня время опасеній и ужасовъ. Выѣтъ съ другими суждено было и мнѣ испытать одно изъ ужаснѣйшихъ бѣдствій, поражающихъ человѣчество. Однако судьба, показавъ мнѣ терзанія мучительной смерти, пощадила меня, можетъ быть, для того чтобы причинить въ будущемъ гораздо болѣе мученій. Я говорю объ эпидеміи, которая, сперва незвидимо прокрадись между насъ, похищала свои жертвы, потомъ явно поражала безъ разбору. Она коснулась и меня своимъ лютымъ жаломъ.

Погода въ послѣдніе дни января прояснилась надъ Эриванью; земля стала обсыхать и мѣстами показывалась зелень; но при всемъ томъ смертность не прекращалась. Мнѣ случилось быть

свидѣтелемъ кончины многихъ умирающихъ, около которыхъ ходилъ я не подозрѣвая ничего заразительнаго. Я видѣлъ, какъ одни умирали, изрыгая кровь съ пѣною, другіе съ тяжелымъ стономъ, третіе съ чрезмѣрными судорогами: борьба жизни съ смертію, бой жестокій, представлялся повсюду. Одинъ умирающій, блѣдный, изнуренный, устремилъ на меня глаза; я стоялъ передъ нимъ у кровати и видѣлъ, какъ постепенно жизнь угасала въ его зрачкахъ: когда послѣ тяжелаго вздоху искривленное лицо и пѣна у рта обнаружили послѣднее усиліе жизни, онъ вздрогнулъ, вытравулся, и все смотрѣлъ на меня; но эти глаза съ расширенными зрачками уже были неподвижные глаза смерти... Я и теперь ихъ вижу, и долго буду видѣть: такъ сильно было впечатлѣніе!

День былъ ясный, природа улыбалась, а смерть торжествовала. Весенній воздухъ ускорялъ развитіе лютаго яда поваральной болѣзни.

Лекаря собрались вскрывать тѣхъ, которые въ продолженіи двухъ или трехъ дней болѣзни умерли. Шесть труповъ разложили при входѣ въ одну мечеть на помостъ, и стали рѣзать одного за другимъ: у трехъ внутренность оказалась пораженною антоновымъ огнемъ, кишки почернѣвшими, а печень такъ слаба, что распадалась подъ пальцами анатомика, и притомъ увеличившись въ объемѣ она приростала къ ребрамъ; по вскрытіи четвертаго и пятаго, страдавшихъ чахоткою, нашли, что у нихъ легкое стало приростать къ груди, и кишки покрывались бѣлымъ наростомъ; у шестаго, около ушей, вся грудь и животъ были черны: этотъ весь сгорѣлъ, и его не вскрывали.

Страшна была картина этихъ операцій, и кто не привыкъ къ ужасамъ смерти, кто не ознакомился близко съ нею, тотъ не выдержалъ бы такого зрѣлища. Во дворѣ мечети, противъ смертошной ея внутренности, на помостъ рѣзали трупы; въ корридорѣ надъ шестью гробами при затепленныхъ свѣчахъ и куревнѣ ладапомъ солдатъ грустно читалъ псалтырь на уюкой; въ лѣвой сторонѣ на мостовой лежало осемь умершихъ, еще не обмытыхъ, въ такомъ видѣ, какъ они скончались. Между тѣмъ изъ шалаты выносили новыхъ покойниковъ, одного за другимъ, а посреди двора стояло десять провѣтривающихся кроватей, съ которыхъ недавно сняты мертвецы. «Какая адская картина!» сказалъ я старшему лекарю. Онъ взглянулъ на небо, и пожавъ плеч-

чани, отвѣчалъ: «Сейчасъ посылаю летучку въ Тифлисъ. Я открываю здѣсь признаки желтой американской горячки!»

Мнѣ самому было очень дурно, отъ смертоноснаго воздуха, и отъ этихъ ужасныхъ явленій. Голова у меня кружилась. Шатаюсь, насилу дошелъ я до квартиры.

Для принятія мѣръ къ прекращенію смертности, начальникъ крѣпости отложилъ свою повѣзку въ Тифлисъ, и остался въ Эривани еще на недѣлю. Между тѣмъ ожидали сюда штабъ-лекаря Шуллера. Онъ пріѣхалъ четвертаго февраля.

Вечеру мы четверомъ играли въ бостонъ. Вчерашняя дурнота у меня не проходила, голова то заболѣтъ, то отпуститъ; иногда такъ потемнѣетъ въ глазахъ, что я не разберу карты; однако, не говоря ни кому о томъ, я продолжалъ играть. Вдругъ входитъ докторъ Шуллеръ, съ полнымъ рябоватымъ лицомъ, въ кундурѣ при шнагѣ, съ брилліантовымъ орденомъ Святой Анны на шеѣ; и, устремивъ на насъ свои большіе блестящіе глаза, говоритъ: «Господа! поздравляю васъ съ чумою!» Руки съ картами опустылись у всѣхъ, сюрсы замерли на губахъ, тузы понеркли.

— Какъ вы это открыли? спросилъ одинъ изъ насъ.

— Я нашелъ, отвѣчалъ докторъ, въ госпиталѣ семь человѣкъ зараженныхъ чумою. Здѣшніе лекаря не узнали, никогда не видѣвъ ея обыкновенныхъ признаковъ. Но мнѣ она, красавица, хорошо знакома. Но впервые мы съ ней встрѣчаемся.

Тутъ же бостонъ въ сторону; начались разспросы и совѣщанія о средствахъ предосторожности.

Въ слѣдующіе дни, по объявленіи приговора Чумнаго Комитета, всѣ пришли въ смятеніе. Узнавъ, что чума обнаружена, контагиозисты стали доискиваться источника и рѣшили, что она занесена въ Эриванъ солдатами изъ отряда, ходившаго въ Баязетъ; земною таплась, а теперь при содѣйствіи весенняго воздуха стала развиваться. Два лекаря уже сдѣлались ея жертвою; теперь приходила очередь до третьяго.

Но не стая же скучать изъ опасенія чумной смерти. По вечерамъ мы собирались къ С—ву, и послѣ разсужденій о заразѣ играли въ бостонъ, намасленные, и въ масляныхъ перчаткахъ. С—въ, замѣчая во мнѣ грустную задумчивость, иногда подшучивалъ надъ моею мнимою ипохондріею.

Февраля девятаго только что я преснулъ, у меня по всему тѣлу какъ-будто мурашки ходили, и пульсъ сталъ чрезвычайно

скоро биться. Я всталъ, вытеръ укусомъ, и намочилъ нѣтъ голову: это меня оживило. Но когда пришли ко мнѣ знакомые и стали говорить, я ничего не слышалъ, и у меня въ глазахъ потемнѣло. Не поддаваясь слабости, я выпилъ двѣ чашки чаю, и, черезъ силу, опираясь на палку, пошелъ ходить.

Я чувствовала сильную усталость, однако превозмогалъ себя, и, не заходя дождю, пришелъ отдохнуть въ С—ву, который ожидать мнѣ обѣдать. Я не могъ ничего есть. Вскорѣ пришелъ Шуллеръ, посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и спросилъ: «Вы не докторъ?» — «Да! порядочной!» — «Не безаботьтесь; это начало; признаки не сильные. Кажется по вашей компрессии нѣтъ опасности. Нѣтъ у васъ внутренняго разстройства организацин или мозговой болѣзни?»

— «Разстройствъ въ организацин у меня есть отчасти съ самаго дѣтства... а потому двѣ сильныя контузии, полученные въ войнѣ съ Французами, одна въ ногу, а другая въ голову. Да еще открылось у меня въ Триансѣ что-то на ладони лѣвой руки...»

— «Это ничего. Однако я вамъ пропишу лекарства: пилюли, порошокъ, травы и мази.»

Сколько ни утѣшительны были слова добраго доктора, однако я былъ... задумчивъ, и сильная дрожь пробѣжала по моему телу. На ночь по предписанію доктора я принялъ наливъ опиума, вымазался меркуріальною мазью, и написалъ потогоннаго домокту.

Февраля десятого не смотря на приемъ опиума я уже въ полночь проснулся, вовсе не потѣя, и ожидалъ сильныхъ чудныхъ признаковъ. Не увѣренный въ своей жизни, но совершенно еще присутствие памяти и порядкомъ въ мысляхъ, я сѣлъ въ отелу, и написалъ прощальныя письма къ свотрамъ въ Россію, и къ мѣнѣ въ Триансѣ, которую поручалъ доброму слову. Нѣсколько слезъ при каждомъ взвѣмѣ были послѣднею данью моего бытія въ здѣшнемъ мѣрѣ. Жаль было расставаться съ жизнью въ такіе лѣта, когда бы только наслаждался ея благами, но предопредѣленіе судьбы должно быть неизбѣжно въ мусульманской землѣ, и уже безъ всякаго репота, какъ осужденный, я ожидалъ исполненія смертнаго приговору. Однако, покуда могъ еще, я не хотѣлъ упускать средствъ къ излеченію.

Запечатавъ письмо, поутру рано, я опять потеръ мазию, принялъ капли опиума, выпилъ домокту. Слугѣ велѣлъ я ходить около себя съ осторожностію и изъ приходившихъ никого не допу-

связь. Однако князь Ч*** навѣстилъ меня, когда я лежалъ на постелѣ уже съ темными мыслями; голова была отуманена; по жиламъ пробѣгалъ огонь; я начиналъ чувствовать въ пальцахъ колюще и подъ мышками тяжесть. Князь совѣтовалъ мнѣ не терять бодрости духа. Вскорѣ пришелъ Шуллеръ, и, по распросамъ замѣчая, что вмѣсто поту меня бросаетъ въ ознобъ, велѣлъ принять еще одинъ порошокъ, потомъ совѣтовалъ, хоть черезъ силу, одѣться потеплѣе и ходить до тѣхъ поръ, покуда хорошенько вспотѣю. Все это я сдѣлалъ; укутался, надѣлъ волчью шубу и подпираясь палкою, пошелъ ходить по стѣнамъ Эривани. Я долго ходилъ, наконецъ сталъ потѣть, и чѣмъ болѣе потѣлъ, тѣмъ легче становилось головѣ. Это былъ благодѣтельный кризисъ. Облитый испариной и чрезвычайно утомленный, воротился я въ квартиру; натерся еще разъ мазью, пережѣнилъ бѣлье, выпилъ декоктъ. Мнѣ стало легче. Отдохнувъ съ часъ, я поѣлъ супу, и легъ уснуть. Черезъ три часа крѣпкаго сна я всталъ гораздо бодрѣе, одѣлся и ушелъ въ двора.

На другой день мнѣ было гораздо лучше, голова не отуманивалась, расположеніе духа свободнѣе, и оговъ по жиламъ не переливался. Повидимому, чумная зараза испарялась изъ меня. Шуллеръ говорилъ: «Чума испаряется, если еще не укоренилась въ человѣкѣ.»

Ужасное зрѣлище, въ зачумленномъ азіатскомъ городѣ, когда везутъ умершихъ отъ заразы: двѣ или три арбы съ волами, управляемыя осмоленными Турками, медленно пробираются по улицамъ, и на нихъ по четыре и по пяти обнаженныхъ трупа лежатъ неваленные и слегка прикрытые рогожею. Всякое сотрясеніе арбы приводитъ въ движеніе высушившія руки и ноги погибшихъ; иногда всклокоченная голова мертвеца съ страшными дикими глазами и искривленнымъ лицомъ во всю дорогу грозить, киваетъ и какъ-бы манитъ васъ на кладбище. Ихъ погребали въ ямахъ, приготовленныхъ для чумныхъ на южной сторонѣ, у Занги. Наполнивъ яму трупами, засыпали сперва известкою, а потомъ землею.

Мѣры предосторожности для прекращенія заразы принимались строгія. Шуллеръ и госпитальные лѣкаря одѣлись въ карантинное платье,—кожаныя шалвары и куртки, вымазанныя нефтью. Я носилъ масляную рубашку и суконное платье, напитанное нефтью; а мой пріятель С—въ не снималъ клеенковаго плаща и

длинныхъ ботфортовъ. Въ такомъ видѣ мы расхаживали по Эривани болѣе похожіе на пугалаща чѣмъ на порядочныхъ людей.

Въ первый день масляницы зараза стала ослабѣвать; погода была ясная, почти весенняя; около водъ показалась зелень.

Послѣ обѣда я съ удовольствіемъ написалъ письмо къ роднымъ и къ женѣ, увѣдомляя ихъ, что еще остаюсь въ живыхъ и не теряю надежды на изцѣленіе.

Уже съ пріятными мыслями ввечеру я хотѣлъ ложиться спать, какъ вдругъ меня обдало жаромъ; сердце сильно забилось; огонь пробѣгая по жиламъ, производилъ легкую судорогу. Я вскочился, взялъ хорошій приемъ опиума, вытерся мазью и легъ; но голова моя отуманилась, и я спалъ безъ чувствъ, какъ убитый.

На слѣдующій день я насилью всталъ. Мнѣ было тяжело, грустно, въ глазахъ темнѣло, голова такъ опьянѣла, что я говорилъ несвязно и безъ памяти; однако имѣлъ силу, шатаясь, одѣться, и съ принужденіемъ пошелъ на чистый воздухъ освѣжиться. Шуллеръ узнавъ о возобновеніи моего припадка, прислалъ порошокъ и велѣлъ быть въ безпрестанномъ движеніи. Не имѣя силы ходить, я велѣлъ запречь бричку и поѣхалъ кататься за крѣпостью по кочкамъ нарочно, чтобы меня разтрясло и утомило. Чистый воздухъ и насильственное движеніе опять поправили меня столько, что вечеромъ я могъ уснуть спокойно.

Мнѣ хотѣлось поскорѣ вырваться изъ чумной Эривани. Отъ лекарствъ Шуллера мнѣ было лучше, но я вовсе не поправлялся: внутренней жаръ не остывалъ; голова была тяжела.

Февраля шестнадцатаго разнеслось непріятное и горестное извѣстіе, что нашъ посланникъ въ Персію, Грибоѣдовъ, и всѣ при немъ чиновники погибли въ Тегерацѣ при возмущеніи черки. Супруга Грибоѣдова, прекрасная Нина, дочь князя Ч***, не болѣе года испытывавшая радости брачнаго союза, находилась въ Тавризѣ въ беременномъ состояніи. Отецъ былъ чрезвычайно опечаленъ этимъ событіемъ, и самъ хотѣлъ ѣхать за дочерью въ Тавризъ.

На слѣдующій день поутру опять мнѣ было дурно: голова кружилась, пульсъ быстро бился, я чуть не упалъ, и на силу могъ расходиться. Опять опиумъ — опять мазь — я пропотѣлъ, и мнѣ стало легче. Но внутренней жаръ не остывалъ; позыву на пищу вовсе не было.

Я думаю, что чумные припадки вспыхивали во мнѣ отъ безпрерывныхъ разговоровъ о чумѣ. Отъ этихъ бесѣдъ, право можно заразиться. Онѣ ужасно разстраиваютъ нервы. Проклятая пытливость Европейца! она очень вредна для здоровья. Страсти разсуждать и умничать поселяетъ въ насъ неожиданныя и большою частью глупыя опасенія. Турки умнѣе насъ въ этомъ отношеніи. Будучи увѣрены, что день смерти написанъ въ небѣ каждому заравѣ, они не думаютъ и не заботятся о чумѣ и страдаютъ отъ нея гораздо менѣе. Послѣ двухъ недѣльной ясной погоды, съ вочи пошелъ дождь, а днемъ снѣгъ, и сдѣлалась сылокоть, самая неприятная и нездоровая, не только по чумѣ, но по скорбуту, который такъ же здѣсь смертоносенъ. Вотъ новая бѣда!... и новыя разсужденія!... Къ счастью, чѣмъ ближе къ опасности, тѣмъ она для насъ обыкновеннѣе. Люди боятся смерти просто отъ непривычки умирать. Если бы можно было вѣсколько разъ умереть и воскреснуть, многіе навѣрное согласились бы при третьемъ разѣ не воскресать — не стоить!...

Докторъ Шуллеръ изцѣлялъ многихъ зачумленныхъ, съ сильными признаками, и я надѣялся на него. Надежда укрѣпляетъ. Она можетъ-быть — самое лучшее изъ всѣхъ лекарствъ. Прежде за рѣдкость почиталось изцѣлять отъ чумы третьяго, а теперь Шуллеръ изцѣлялъ на половину. Слѣдовательно, или зараза уже потеряла свою силу или Шуллеръ былъ Иппократъ. То и другое было равно вѣроятно. Онъ прекращалъ уже четвертую эпидемію или, если угодно, уже четвертая эпидемія прекращалась въ его присутствіи. Чума полагала, что она умилостивилась и шадить людей. Шуллеръ былъ увѣренъ, что онъ перепугалъ чуму огнемъ и водою и усыпилъ опиумомъ.

Но, во всякомъ случаѣ, Федоръ Михайловичъ Шуллеръ былъ человѣкъ необыкновенный; здоровье у него желѣзное, цвѣтъ лица всегда багровый; родомъ онъ Венгерецъ, и поступилъ къ намъ изъ французско-вестфальской службы, въ 1813 году. За прекращеніе чумной заразы въ Бессарабіи, 1819, онъ получилъ орденъ Святаго Владиміра четвертой степени. Во время послѣдней войны съ Персіянами, за укрощеніе смертности отъ гнилыхъ и желчныхъ горячекъ, при блокадѣ Эривани, награжденъ орденомъ Святой Анны второй степени съ алмазами. Онъ же прекратилъ чуму въ Карсѣ и въ Ахалцыхѣ. Если это правда, такъ, право, онъ

благодѣтель челоѣчества! Докторъ Шуллеръ былъ весьма ученъ; онъ зналъ языки русскій, французскій, нѣмецкій, испанскій, итальянскій, латинскій, греческій, турецкій, молдавскій; былъ съ Наполеономъ въ Египтѣ и въ Москвѣ; путешествовалъ по всей Европѣ. Онъ хорошо зналъ политическое состоянiе государствъ, обычаи и характеры всѣхъ народовъ въ Европѣ и Азiи. По медицинѣ, онъ, казалось, могъ самого Эскулапа заткнуть за поясъ. Онъ писалъ о *воспаленiяхъ въ сердцѣ*, о *водяныхъ опухоляхъ въ костяхъ*; но самое важное было его сочиненiе «*О чумѣ.*» Изъ этого онъ по вечерамъ читалъ намъ отрывки, и мы слушали его съ благоговѣнiемъ. Кромѣ того онъ всегда былъ веселъ и любезенъ въ обращенiи, судилъ здраво обо всемъ, и довольно былъ краснорѣчивъ; однако при всемъ томъ — бѣденъ; лишнiй рубль у него не заводился.

Шуллеръ былъ рѣшительный контагионистъ. Онъ вѣрилъ въ заразительность чумы отъ прикосновенiя такъ же твердо какъ Турокъ въ Аллаха. Эриванскiя лекаря, желая дознаться причинъ смертности, вскрывали тѣла умершихъ. Деловичъ и Рейхъ вскрывали даже у чумныхъ желваки. Первый сдѣлалъ это поутру, а ввечеру заболѣлъ, и на третiй день въ чумной горячкѣ умеръ. Рейхъ умеръ на шестой день. Глазеръ былъ вмѣстѣ съ нами у зачумленныхъ, и умеръ на четвертый день. Между тѣмъ уцѣлѣлъ докторъ Барташевичъ, который при мнѣ шушалъ пульсъ у умирающаго чумою, предсказывая скорую его кончину, и вскрывалъ умершихъ отъ чумы. Докторъ Тавюковъ такъ же вскрывалъ при мнѣ трехъ умершихъ. Докторъ Румянцевъ обмывалъ трупъ своего друга Глазера, и натиралъ мазью зачумленнаго аптекаря; всѣ они оставались цѣлы. Даже офицеръ, жившiй вмѣстѣ съ Рейхомъ, не заболѣлъ, и деньщики умершихъ отъ чумы лекарей были живы и здоровы. Шуллеръ объяснялъ это такимъ образомъ, что докторъ Румянцевъ будучи *золотушнаго свойства*, къ прiятiю чумы не способенъ, а Барташевичъ и Тавюковъ могли тѣмъ-нибудь предохранить себя. Офицеръ и деньщики могли еще скрывать въ себѣ чуму, которая, по теорiи Шуллера, держится въ тѣлѣ срокомъ дней, а при натуральныхъ болѣзняхъ еще долѣе.

При изслѣдованiяхъ свойствъ этой заразы болѣе всѣхъ тротиво-рѣчилъ Шуллеру своими возраженiями докторъ Румянцевъ, обязаннiй, по мнѣнiю Шуллера, спасенiемъ отъ чумы золотухѣ. Какъ пришла она въ Эриванъ? Теорiей заразительности отъ при-

исключенія все объясняется такъ легко, на все можно приискать такіе благовидные доводы, что за это удобство теорія не могла не войти въ славу въ ученый міръ. На основаніи этого ученія, какъ большинство медиковъ принадлежало къ сектѣ контагіонистовъ, большинствомъ голосовъ рѣшено предположить—что чума принесена сюда давнымъ давно и лежала спрятанная въ вещахъ до поры до времени, и потомъ вдругъ вспыхнула: вслѣдствіе чего внутри вокругъ Эривани зажгли костры великіе и, для искорененія чумы произведено, страшное *auto-da-fé* надъ азиатскими коврами, подушками, плащами, шараварами, туфлями, надъ всѣмъ азиатскимъ найденнымъ у Европейцевъ, къ несказанному жужженію мусульманъ, которые были увѣрены, что невѣрные, отъ глубокой мудрости, сходятъ съ ума, что Аллахъ попуталъ ихъ за побѣды надъ сынами своего Пророка. Шуллеръ съ восторгомъ великаго инквизитора потиралъ руки при радостной мысли, что чумный грѣхъ сгараетъ. Если не въ этихъ вещахъ, такъ въ другомъ чемъ-либо гнѣздилась, по его мнѣнію, заносная болѣзнь.

Изъ Карса часто пріѣзжали арзерумскіе Турки съ шерстяными товарами и съ хлопчатую бумагою; они могли привезти чуму. Карантинныя палатки стояли, но карантинныхъ правилъ въ строгости нельзя было соблюдать; а потому чума могла точно распространиться впродолженіи зимы, и теперь съ открытіемъ весны угрожала развиться по всей Эриванской области: уже около Сардаръ-Абада, въ Баязитѣ, и въ Топрахъ-Калѣ стали умирать чумою.

Замѣчательно однако жъ, что при наступленіи южныхъ вѣтровъ, во время ясной погоды, чума вдругъ появлялась съ силою апоплексическихъ ударовъ, какъ бы отъ дѣйствія электричества, и подобно громовому удару: человекъ здоровый, веселый, безпечный, вдругъ поражается безуміемъ, шатается, падаетъ, подъ мышками или въ паху является желвакъ, — и духъ вонъ. Исторія болѣзни не продолжается и полсутокъ. Замѣчательно также, что изцѣлившійся отъ чумы, какъ будто обновляется жизнію; природа награждаетъ его за миновашія страданія: онъ дѣлается гораздо здоровѣе столько, что даже отъ застарѣлыхъ недуговъ поправляется.

У доктора Шуллера было на это свое объясненіе: чума есть

тончайшая электро-магнитическая жидкость, отрицательного или разрушительнаго свойства, но проникающая въ тѣло человѣка однимъ только прикосновеніемъ, и поражающая нервную систему. Обнаруживается она сперва легкимъ припадкомъ головокруженія, ознобомъ; если не принимаются средства для истребленія яда въ самомъ началѣ произведеніемъ пота, расслабленіемъ тѣла или насильственнымъ движеніемъ, то припадки становятся чаще, сильнѣе и вспыхиваютъ съ другими болѣзнями, горячкою, лихорадкою, удушьемъ, колюкомъ въ бокахъ, колотьемъ подъ мышками и въ паху; потомъ скопленіе распространившагося яду образуетъ желваки; тогда поражается мозгъ, и внутренность человѣка воспламеняется: онъ дурѣетъ, не можетъ внятно говорить, шатается, и если сильныя средства медицины не подѣйствуютъ, умираетъ въ конвульсіяхъ, старая апоновымъ огнемъ. Чума скрывается въ тѣлѣ болѣе сорока осми дней. Если зачумленный одержитъ лихорадкою или снѣлисомъ, то чума еще держится въ немъ покуда онъ не излечится отъ тѣхъ болѣзней, послѣ чего она развивается уже въ то время, когда больноі приходитъ въ силы. Щедущные и старые люди скорѣе изцѣляются отъ чумы, нежели свѣжіе и здоровые. Больные снѣлисомъ, золотухою, ранами, и носящіе фонтанели вовсе не заражаются.

Всю эту чумную премудрость почерпнулъ я изъ бесѣдъ съ докторомъ Шуллеромъ, на отвѣтственности котораго и лежитъ ея основательность.

Между-тѣмъ разнеслись слухи, будто Персіане готовятся возстать на насъ вмѣстѣ съ Турками. Здѣшніе мастера въ городѣ заготовляли оружіе для эриванскихъ Татаръ. завоеванныя пушки на дурныхъ лафетахъ были свезены въ кучу, безъ принадлежностей и безъ зарядовъ: теперь только начинали дѣлать лафеты и платформы. Погода стала дождливая, и глиняная Эривань готова была расплыться: уже съ башенъ валились цѣлые звенья, а въ казармахъ падали потолки и стѣны.

Два Армянина, прибывшіе изъ Тавриза, подтвердили извѣстіе. Въ Тавризѣ собирались войска. Аббасъ-Мирза получилъ отъ отца значительную сумму для сформированія арміи. Братья его собирали войска въ Марагвѣ. Всѣхъ Армянъ, живущихъ въ Азербейджанѣ по границѣ съ Армянскою Областью, угнали внутрь Персіи и всякое сообщеніе по торговлѣ и промысламъ съ нами пре-

крашено. Мусульмане или Татары въ вѣншихъ границахъ были приготовлены къ возстанію. Даже у насъ въ предмѣстіяхъ Татары стали точить сабли, кинжалы и сходиться толпами. Полиція принуждена была разгонять ихъ. Недавно также изъ Эривани бѣжалъ въ Персію Сайбъ-Ханъ, который, вѣроятно, описалъ настоящее состояніе крѣпости. Нельзя было думать, чтобы Аббасъ-Мирза предпринялъ опять самъ собою военныя дѣйствія противъ насъ, но онъ могъ быть увлеченъ въ войну общимъ возстаніемъ народа и вліяніемъ на шаха верховнаго визиря Аларъ-Хана. Персіане знали, что русскихъ войскъ здѣсь мало, да и тѣ должны обратиться противъ Турковъ: такъ не мудрено, если они попытаются дѣлать воровскіе набѣги. Кромѣ безпокойства и какихъ нибудь грабежей нельзя было ожидать ничего важнаго. Но и это положеніе не совсѣмъ отрадно.

Я поскорѣ выздоровѣлъ. Апетитъ тотчасъ возвратился. Расположеніе духа измѣнилось. Ко всему явилась охота. Я даже объявилъ войну скорпіонамъ.

Однажды, ложась спать, я увидѣлъ выбѣжавшаго изъ-подъ подушки уroda, который, остановясь близко передъ козѣномъ, сталъ клещами расправлять свои усы и кольчатый хвостъ съ жаломъ, готовясь къ нападенію. Но покуда онъ этимъ занимался, я успѣлъ тихо взять со стола цыркуль, поднялъ имъ злодѣя и посадилъ его въ деревянное масло, гдѣ онъ захлебнулся. Скорпіонъ былъ около вершка величиною какъ маленькій ракъ, блѣдножелтый, хрящеватый какъ сверчокъ: осемь ногъ и пара клещей выходили у него подъ самую голову; хвостъ съ позвонками такой же величины какъ все туловище, имѣетъ на концѣ бѣлый пузырь съ ядомъ и крючокъ, которымъ онъ ударяетъ. Когда я взялъ его подъ спивку цыркулемъ, то онъ нѣсколько разъ ударилъ крючкомъ по желѣзу и чрезвычайно разсердился. Такихъ жильцовъ здѣсь во всѣхъ домахъ много; бываютъ и черные, которые гораздо ядовитѣе свѣтлыхъ; въ зимнее время они не опасны, а лѣтомъ люди спятъ на вышкахъ или на крышахъ и предохраняютъ себя разными средствами отъ злыхъ гадовъ. Впрочемъ, я не слышалъ, чтобы отъ ужаленія скорпіоновъ здѣсь умирали. Обыкновенно натираютъ рану деревяннымъ масломъ. Днемъ скорпіоны сидятъ скрытно въ своихъ гнѣздахъ, а при наступленіи вечера выползаютъ на стѣны ловить мухъ; нерѣдко со внесеніемъ свѣтъ

можно ихъ видѣть, и они сами, обманывалось этими солдатами, лезуть къ нимъ. Такіе гости и безъ чумы неприятны.

Въ началѣ марта погода стала ясная и теплая. Все вдругъ зазеленѣло. Деревья осыпались бѣлыми и розовыми цвѣтами. Сладкій и пахучій воздухъ вызывалъ въ поле. Многіе начали прогуливаться за крѣпостью, офицеры и солдаты, кто верхомъ кто пѣшкомъ; иные ѣздили смотрѣть караванъ, пришедшій изъ Персіи съ товарами. На Зангѣ и въ саду раздавались пѣсни. Дамы прохаживались съ офицерами. Всѣ были веселы. Я отправился за Зангу въ сардарскій садъ: алленъ въ немъ обсаженъ тополями и розовыми кустами, а въ куртняхъ виноградникъ и фруктовые деревья; только все это вырублено. Китайская бесѣдка, гдѣ въ 1817 году эриванскій сардаръ угощалъ генерала Ермолова, а въ 1826 жилъ нѣсколько времени князь Меншиковъ, — трехъ-ярусная, внутри довольно хорошо разрисованная узорами и картинками изъ повѣсти «О Руставѣ», но Русскіе выкололи всѣмъ фигурамъ глаза и перечертили лица. Кромѣ того, надписи и чертежи на стѣнахъ рѣзко означали незваныхъ гостей. Посреди бесѣдки бассейнъ съ фонтаномъ, и около нея нѣсколько фонтановъ.

Пріѣхавшіе изъ Ахалцыха Армяне рассказывали, что тамъ, 20 февраля, было ужасное сраженіе. Къ крѣпости ночью подступило двѣнадцать тысячъ Турковъ, подъ начальствомъ Ахметъ-Бека Аджарскаго. Въ гарнизонѣ оставалось только два баталіона ширванскаго полка, до тысячи человекъ, и сотня казаковъ. Паша, обложивъ крѣпость, тотчасъ сталъ штурмовать, и Турки чуть не взяли ее; они уже были на стѣнахъ. Заявивъ предмѣстіе они вырѣзали тамъ всѣхъ Армянъ, выключая нѣсколькихъ семействъ, успѣвшихъ скрыться въ крѣпость; послѣ того двѣнадцать дней осаждали Русскіхъ, отняли у нихъ воду. Паша нѣсколько разъ присылалъ къ князю Бебутову требовать сдачи и, получая отказы, клялся не выпустить ни одного живаго. Въ послѣдній день паша сдѣлалъ уже проломъ въ стѣнѣ и прислалъ къ Бебутову еще разъ сказать, что онъ, избѣгая бесполезнаго кровопролитія, предлагаетъ ему поберечь русскія войска, если крѣпость будетъ отдана. Князь не согласился. Турки уже были въ крѣпости, куда Русскіе допустили ихъ нарочно, какъ вдругъ съ трехъ сторонъ посыпались на нихъ ядра, гранаты, картечь и пули; они бросились къ воротамъ; тутъ встрѣтили ихъ Ширванцы и все

гарнизонъ, крикнувъ «ура», пошелъ на штыки. Солдаты кололи конусовидныхъ и сѣченыхъ Турокъ, которые, побросавъ лошадей, спасались черезъ стѣну крѣпости. После того наши гнали и били ихъ безъ отдыха осемь верстъ. Истреблено, утѣряли Армяне, до шестидесяти тысячъ Турковъ, вѣнты всѣ лошади, артиллерія и много добычи. Мы сочли за необходимое выпить шампанскаго за здоровье одной тысячи, которая опрощинула двѣнадцать тысячъ и похорошину положила на мѣстѣ.

Передъ сардарскими садами былъ расположенъ артиллерійскій паркъ. Видъ отсюда восхитителенъ. Вечеромъ, на площадкѣ, въ четыре длинныя ряда стояли нагруженныя арбы, покрытыя бѣлыми войлоками; по флангамъ ряды палатокъ; за ними всѣ люди въ строю на переключкѣ; вправо, на лужку, биваки солдатъ, и при нихъ веселые огни; влѣво и внизу, около рѣки, стадо парковой скотины; по дорогѣ возвращающіеся изъ садовъ съ плучными ослиами Татары. Вокругъ весенняя зелень; всѣ деревья въ цвѣту. За лагеремъ китайская бесѣдка сардаря и Иракліева Гора, а влѣво чуть видѣнъ Араратъ. Между-тѣмъ Загсакиты; съ вѣчнымъ шумомъ ея каскадовъ мѣшались отрывистые клики солдатъ и ревъ скотины.... Этотъ видъ напоминалъ мнѣ славную старину, когда я съ болгарскою стоялъ передъ горою Мать-Маргаръ, у Парина.

На возвратномъ пути съ Иракліевой Горы я любовался на Эривань: все въ зеленѣ и въ цвѣтахъ. Городъ съ крѣпостью кажется обширнымъ. Въ крѣпости отъ угла надъ Зангою замѣтно возвышались дворецъ и гаремъ сардаря; далѣе надъ зубцами стѣны отличались два голубые купола мечетей съ минаретами. Влѣво вокругъ предмѣстій, по вершинамъ рѣчки Кирхбулака, множество садовъ такъ же какъ около Иракліевой Горы по Загсакъ, большею частию виноградныхъ. Въ этомъ отношеніи Эривань походитъ на Кизляръ. Здѣсь также выдѣлываютъ много хорошаго бѣлаго вина. Деревья персиковыя, миндальныя, яблони, сливы, груши, были облиты цвѣтомъ, и на нихъ пестрыя птички пѣли весну и любовь. Въ садахъ обкапывали гряды. Эривань показалась мнѣ теперь прехестною, — несравненно лучше того, какъ въ первые дни моего пребыванія: вездѣ людность, дѣятельность; но чума...

Мы съ С—вымъ ѣздили верхомъ, близъ крѣпости, на островъ

чумныхъ жителей, которыхъ отдѣляли сюда цѣлыми семействами. Никъ даны персидскія палатки; но покуда еще не устроено карантинное раздѣленіе чумныхъ отъ сомнительныхъ, они жили вмѣстѣ. Въ этотъ день, при переноскѣ больныхъ изъ города сюда, одинъ Татаринъ умеръ на плотахъ Турка. Эти Турки очень кротки, трудолюбивы, честны и терпѣливы; они ходили безъ конной, и не смотря, что приставлены для самой гибельной обязанности, еще ни кто изъ нихъ не бѣжалъ. Въ числѣ зараженныхъ чумою попались и красавицы. Въ городѣ умирали уже по пятнадцати человѣкъ въ сутки, и во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ открылась зараза.

Наконецъ чрезъ Армянъ получено извѣстіе, что Персіяне все свои военныя приготовленія остановили, и что въ знакъ покорности русскому Императору Аббасъ-Мирза посылаетъ своего сына Хозрева Мирзу въ Петербургъ съ извиненіемъ въ проступки возмущившагося народа и въ несчастіи, случившемся съ нашимъ посланникомъ въ Тегеранѣ. Главною причиною этой перемены обстоятельствъ полагали то, что жители Тавриза и всѣ Азербейджанцы, испытавъ храбрость и великодушіе Русскихъ, единогласно объявили, что они не хотятъ воевать съ нами.

Марта двадцать-восьмого, когда мы весело обѣдали у полковника К***, явился докторъ Шуллеръ въ своемъ замасленномъ плащѣ. Онъ былъ очень жалокъ: лицо его, блѣдное и желтое, съ блестящими, безъ живости, полудикими глазами, выражало присутствіе жестокой болѣзни. Онъ сохранялъ полное присутствіе духа и говорилъ: «Я умру. Во мнѣ чума. Одно спасеніе, если будетъ салвація. Для выведенія чумнаго яду наружу я уже поставилъ себѣ четыре шпанскія мухи и натерся ртутію.... Ну, пропадать, такъ пропадать!... Господа! вы все здѣсь и я съ вами; поговорите въ послѣдній разъ.... Дайте же мнѣ пообѣдать.... и донскаго; пожалуйте, донскаго.... мнѣ тошно....» Ему на особомъ столѣ у окна подали кушанье и двѣ бутылки донскаго вина.

— Прошу все послѣ меня сжечь. Денегъ у меня немного.... пусть полежать въ укусы.... отдать ихъ фельдшеру, который около меня ходитъ. Я не получалъ еще за двѣ трети жалованья.... прошу отослать ихъ къ моей женѣ.... Кто зналъ Шуллера, тотъ не скажетъ о немъ худаго: я никому не сдѣлалъ зла, и въ со-

вѣтъ. Но ей не могу ни въ чемъ себя упрямнуть.... Увѣренъ; господи, что вы меня любили, и увѣренъ, что вы вспомните обо мнѣ.... Въ ученomъ свѣтѣ я также оставилъ память о себѣ двумя диссертациями. Жаль, что не удалось мнѣ кончить трактата о чумѣ, а матеріаловъ у меня довольно и въ запискахъ и тутъ.... (онъ указалъ на лобъ). Безъ хвастовства скажу... и на что передъ смертью хвастать!... я проникнулъ этотъ отрицательный электрицизмъ, разрушающій организацію чловѣка. Какъ быть! къ сожалѣнію, по неосторожности, самъ дѣлаюсь его жертвою.... О! въ Карсѣ я прекратилъ скоро чуму; тамъ въ одинъ мѣсяць умерло три тысячи жителей. Тамъ нельзя было не зачумиться, и я перенесъ карбункулы. Здѣсь — сомнѣваюсь.... я слишкомъ близко былъ къ зачумленнымъ.... Что дѣлать! не могу ѣсть.... мнѣ тошно.... вотъ это утоляетъ немного....» Онъ пилъ донское вино для отвращенія рвоты; потомъ всталъ, шатаясь и жалуясь, что его знобитъ. «Ну, теперь надобно согрѣться и отдохнуть.... Прощайте!...»

Онъ ушелъ къ себѣ на квартиру.

Черезъ часъ, С — въ и я, мы побѣжали навѣстить Шуллера. Въ первой комнатѣ встрѣтилъ насъ фельдшеръ, который сказалъ, что Федоръ Михайловичъ легъ уснуть и, чувствуя сильный ознобъ, велѣлъ себя накрыть какъ можно теплѣе. Мазь меркуріальная не произвела въ немъ ни салваціи, ни поту, и даже мушки не нарывали. Онъ чувствовалъ сильную жажду и тошноту, для утоленія которыхъ выпилъ шесть бутылокъ донскаго. Мы увидали Шуллера лежащимъ въ другой комнатѣ подъ тупомъ и шинеліи, на широкой лавкѣ, и слышали, что онъ бредитъ: чумный ядъ уже сожигалъ его внутренность. С — въ подошелъ къ нему и спросилъ: «Федоръ Михайловичъ, каково вамъ?» Шуллеръ, открывъ немного одинъ глазъ, сказалъ вполголоса: «А!... Михайло.... умираю!...»

Съ стѣсненнымъ сердцемъ и со слезами на глазахъ отошли мы отъ несчастнаго друга. Ни какія предосторожности противъ прикосновенія не спасли его.

Предиѣстія города вскорѣ все опустѣли; жители, заплатавъ въ землю лучшее имущество, разбѣжались по горамъ; для продовольствія не было ни какого подвозу. Въ городѣ оставались только чиновники армянскаго правленія безъ защитниковъ и даже безъ

исполнителей своих распоряжений. Около Эривани было уничтожено деревень затуманенных и вся область подвергалась такому же бедственному.

Въ такомъ горестномъ положеніи оставилъ я Эриванъ двадцать девятаго марта.

=

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ
РИМЛЯНЪ ПРИ АВГУСТЪ
■
ГРЕКОВЪ ПРИ ПЕРИКЛЪ.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

=

Перейдемъ теперь къ Грекамъ.

Близъ развалинъ Микенъ, гдѣ нѣкогда царствовалъ Агамемнонъ, извивается между отвѣсными скалами ущелье: надъ нимъ вѣроятно находился городокъ Клеоны (Κλεῖνός). Эта узенькая дорога была въ древности главною между Коринтеомъ и Аргосомъ. Теперь она такъ одичала, что по ней трудно ѣхать даже верхомъ. На западной сторонѣ пробирается подъ кустарникомъ ручеекъ. Крутые утесы прерываются кое-гдѣ лощинами и пещерами, между которыми показывают одну бывшую убижищемъ страшному льву немейскому, убитому Геркулесомъ. Вся окрестность представляетъ видъ разорванной цѣпи горъ. На западныхъ возвышенностяхъ видны колонны храма Юпитера и то мѣсто, гдѣ

находилась Немер. На югѣ отъ Микенъ донынѣ существуетъ Аргосъ.

Въ послѣднемъ мѣсяцѣ сто-одиннадцатой олимпіады, (въ триста-тридцать-второмъ году до Р. Х.) ѣхалъ по этой дорогѣ молодой человѣкъ на благородномъ ворономъ конѣ. Широкоплечій сѣдокъ былъ строенъ и хорошъ собою. Въ его прекрасныхъ голубыхъ глазахъ выражалась томность и любовь. Подъ широкими полями коричневой дорожной шляпы вились густыя русыя волосы. Наружность и тонкія черты лица доказывали, что юноша благороднаго происхожденія и хорошо воспитанъ.

За нимъ слѣдовалъ только одинъ рабъ, который былъ едва десятью годами старше господина. Онъ бодро шелъ за лошадей. По крупному поту на лицѣ, можно было заключить, что узелъ, который онъ несъ, тяжелъ. Эта ноша состояла изъ необходимѣйшихъ вещей для путешествія. Тутъ были ковры (strômata) и разная посуда.

Путешественники достигли до изгиба, покрытаго свѣжимъ деревомъ и миртами.

Всадникъ остановилъ лошадь и оборотясь къ рабу сказалъ:

— Манесъ, я думаю довольно позно...

— Теперь пятый часъ, отвѣчалъ рабъ.

— Ну, такъ остановимся тутъ. Мы можемъ прекрасно позавтракать и наврядъ ли найдемъ мѣсто лучше этого.

Онъ соскочилъ съ лошади. Нарвавъ потомъ листьевъ, онъ сталъ обтирать пѣту съ шеи и спины коня, разнуздалъ его и пустилъ пастись въ высокой травѣ, которая росла по сторонамъ дороги.

Между тѣмъ Манесъ снялъ съ себя узелъ и вынулъ для господина хлѣба, сицилійскаго сыру и сушеныхъ винныхъ ягодъ. Для себя рабъ отложилъ луку и чесноку, которыхъ выкопалъ на дорогѣ, пользуясь позволеніемъ гостеприимныхъ хозяевъ придорожныхъ земель. Къ умѣренному господскому завтраку онъ присоединилъ кожаный мѣхъ съ менейскимъ виномъ и поставилъ на камень серебряную чашу. (Употребленіе серебряныхъ чашъ было у Грековъ также распространено, какъ у насъ употребленіе серебряныхъ ложекъ). Потомъ Манесъ пошелъ къ высшею и глиняною кружкой почерпнулъ изъ источника воды, чтобы прибавить къ согрѣвшемуся отъ зноя вину.

Молодой человѣкъ, покушавъ, отдыхалъ на мшистомъ камнѣ. Черезъ нѣсколько времени показался другой путешественникъ.

Вѣроятно, знакомый съ мѣстностью, онъ шелъ прямо къ изгибу скалы. Онъ путешествовалъ, какъ обыкновенно дѣлалось это въ Греціи, пѣшкомъ. За нимъ не слѣдовалъ провожатый, и хотя онъ былъ одѣтъ прилично, однако довольно бѣдно. Въ немъ видно было соединеніе силы и рѣшительности съ ловкостью, которою отличались ювоши, успѣшно окончившіе образованіе въ школахъ гимназій. Прекрасное мужественное лицо гармонировало съ хорошимъ тѣлосложеніемъ. Въ живыхъ глазахъ незнакомца выражались умъ и наблюдательность, а хитро-шутливая улыбка нѣла что-то привлекательное. Онъ, казалось, не удивлялся и не досадовалъ, что извѣстное ему мѣсто занято. Ласково кланяясь, подошелъ онъ къ слугѣ и барину, который, отвѣтивъ на поклонъ, пригласилъ занять часть природной софы. Незнакомецъ нѣсколько времени всматривался въ черты лица ювоши. Въ его умѣ пробудилось темное воспоминаніе, ему казалось, что онъ когда-то видѣлъ молодаго человѣка.

Наконецъ онъ сѣлъ и сказалъ:

— Мы оба имѣемъ одну цѣль путешествія. На дорогѣ я замѣтилъ слѣды твоей лошади; твой путь, вѣроятно, лежитъ черезъ Клеоны.

— Такъ точно, возразилъ ювоша. Изъ Клеонъ въ Коринѣъ.

— Такъ мы можемъ быть товарищами, если ты подождешь покуда я отдохну и напьюсь у того ручейка.

— Охотно; но тебѣ не нужно ходить за водою. Манесъ, принеси-ка еще кружку... и подай вина. Я выпью съ путевымъ товарищемъ чашу дружбы.

Предложеніе было принято съ благодарностью и Манесъ скоро воротился съ кружкой. Ювоша взялъ чашу и подавая незнакомцу сказалъ:

— Я желаю, чтобы каждая капля этого вина превратилась въ незысканный источникъ дружбы между нами.... я чувствую къ тебѣ сильное влеченіе и надѣюсь, что мы будемъ друзьями.

— Молю о томъ Зевеса, возразилъ незнакомецъ, принимая чашу.

— Онъ опять сталъ внимательно всматриваться въ лицо молодаго человѣка.

— Мы, можетъ-быть, старые знакомцы,—продолжалъ онъ черезъ нѣсколько времени,—и не въ первый разъ дѣлимъ между собою хлѣбъ и соль. Мы по-крайней-мѣрѣ земляки. Это узнаю по твоему аонискому выговору.

— Конечно, я могу назвать себя афинскимъ гражданиномъ, — возразилъ юноша; но не удивительно, что послѣ шести-лѣтняго отсутствія я не имѣю чистаго афинскаго выговора. Меня зовутъ Харикломъ сыномъ Харіана. Я принадлежу къ довольно хорошей фамиліи, хотя мое родословное дерево не достигаетъ до Херакла *. Но я единственный наслѣдникъ своего поколѣнія, родился послѣ шестилѣтняго бесплоднаго брака моего отца, если....

Тутъ онъ приостановился и серьезно сталъ разсматривать на четвертокъ пальцѣ лѣвой руки кольцо.

— Если мать твоя говорила правду, — окончилъ незнакомецъ, улыбаясь. — Тутъ нечего дѣлать.... надобно предаться, подобно Теллаху, доверчивости... Что заставило тебя такъ долго быть въ отсутствіи изъ Афинъ? Теперь, конечно, многіе афинскіе граждане переселяются въ другія части Греціи: не былъ ли твой отецъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые держатся правила, что тамъ и отечество, гдѣ хорошо жить? Или онъ, можетъ-быть, думалъ въ другомъ мѣстѣ лучше окончить твое воспитаніе? Не боишься ли ты упрековъ.... въ твоемъ городѣ порядочный гражданинъ долженъ совершать какъ-можно меньше путешествій.

— Нѣтъ, возразилъ Хариклъ: отецъ мой перемѣнилъ мѣсто своего жительства не для воспитанія сына. Едва ли кто заботился болѣе давать своимъ дѣтямъ чисто афинское воспитаніе. Я нѣсколько разъ слышалъ съ какимъ негодованіемъ онъ отзывался о родителяхъ, которые брали дѣтямъ въ педагоги (Palidagogos) необразованныхъ рабовъ, говорящихъ дурнымъ языкомъ.... и безъ всякой тщательности избирали сыновьямъ учителя.... Даже выборъ кормилицы былъ для него предметомъ большой заботливости. Ему удалось найти порядочную гражданку, которую ввернула въ крайнюю бѣдность тогдашняя дороговизна.... и другія обстоятельства. Что касается до мовхъ нянекъ и рабовъ прислужниковъ.... отецъ обращалъ особенное вниманіе на то, нѣтъ ли въ ихъ языкѣ и поведеніи чего-нибудь не греческаго. Съ удовольствіемъ вспоминаю, какъ старушка-нянюшка сидѣла съ моею матерью и служанками, за пряжею шерсти и рассказывала презанимательныя повѣсти. Впослѣдствіи узналъ я разницу между этими

* Въ Греціи считалось за большую честь быть чистаго греческаго происхожденія; потому не удивительно, что всѣ старались возводить свои родословныя до боговъ и героевъ.

правоучительными баснями и суеверными сказками, которые обыкновенно слышишь отъ необразованныхъ нянекъ и кормилицъ. Педагогомъ былъ у меня довольно степенный старичекъ. Нерѣдко онъ съ суровостью бранилъ меня, когда я кушалъ лѣвою рукою.... или клалъ одну ногу на другую, или поднималъ на улицѣ глаза вверхъ;.. но все это онъ дѣлалъ оттого, что всѣми силами старался внушить мнѣ истинно-классическое греческое образование.

— Твой отецъ вѣроятно былъ богатъ,—сказалъ незнакомецъ,— что обращалъ такое вниманіе на классическое образование рабовъ. Такихъ слугъ рѣдко находишь.

— Нѣтъ.... онъ совсѣмъ не былъ богатъ, возразилъ Хариклъ, притомъ онъ много пожертвовалъ для государства, потому что его избирали триерархомъ и хорегомъ *. Но когда дѣло шло о моемъ воспитаніи, онъ ничего не щадилъ. Ты не можешь представить себѣ, какъ онъ разсердился, когда одинъ пріятель посоветовалъ отдать меня въ недорогую школу Эльпія, вмѣсто-того чтобы посылать къ Герципу. Ты, вѣроятно, знаешь въ какой славѣ былъ тогда этотъ учитель?....

Молодой незнакомецъ улыбнулся и сказалъ:

— Знаю, знаю.... но отчего отецъ уѣхалъ изъ Аѳинъ и такъ долго не посылалъ тебя туда?

* Въ Аѳинахъ достаточные граждане часто принуждаемы были правительствомъ дѣлать для государства пожертванія. Сюда принадлежатъ нѣрѣдко упоминаемыя набранія въ триерархи и хорѣги. *Триерархи* (triérarches) должны были строить и вооружать военные суда. *Хорегамъ* (chorégos) ставили въ обязанность содержать на собственный счетъ хоры музыкантовъ и пѣвцовъ для сценическихъ представленій. Законъ, такъ сказать, зывалъ къ щедрости гражданъ, потому что не назначалъ, сколько надобно тратить на хоръ. Однако скупцевъ правительство принуждало давать необходимое для содержанія въ порядкѣ судовъ и музыкантовъ. Обязанность триерарха часто разоряла гражданъ. Аѳинянинъ могъ не принять эти обязанности только тогда, когда въ состояніи былъ уважать другаго, болѣе богатаго гражданина. Въ доказательство истинны своего показанія, онъ предлагалъ обѣдяться нѣднѣемъ съ тѣмъ гражданиномъ. Если нѣва состоялась, то гражданинъ, согласившійся обѣдяться нѣднѣемъ, долженъ былъ исполнять возлагаемыя правительствомъ обязанности. Въ худшіе годы или болѣе гражданъ вооружали судно, или содержали хоръ, а въ крайности это дѣлало правительство.

— Онъ дѣлалъ это по неволѣ, возразилъ Хариклъ. Проклятые клеветники воспользовались обстоятельствами.... изгнали насъ изъ отечества.... Ты, вѣрно, поминишь, какой страхъ овладѣлъ въ Аенхахъ всѣми, послѣ битвы при Херонѣ.

— Какъ не помнить!... Никогда не забуду ужасовъ того дня, когда узнали объ этомъ несчастіи.... Теперь еще все живо представляется моему воображенію.... народъ бѣгаетъ по улицамъ, у дверей домовъ свободныя гражданки въ ужасѣ.... почти забываютъ приличіе... съ трепетомъ спрашиваютъ у проходящихъ извѣстія о своихъ мужьяхъ, отцахъ и братьяхъ.... старцы, которыхъ законъ не принуждаетъ къ военной службѣ, ходятъ по улицамъ въ боевыхъ доспѣхахъ.... гордые Аонияне къ величайшему огорченію принуждены послѣ потери трехъ-тысячъ гражданъ прибѣгнуть къ отчаянному средству.... освободить рабовъ, принять въ сограждане союзниковъ, позволить людямъ безчестнымъ опять вступить въ свои права....

— Ты вѣрно изобразилъ тотъ день, произнесъ Хариклъ. Мнѣ тогда было четырнадцать лѣтъ и я совсѣмъ не заботился о дѣлахъ государства; но съ ужасомъ замѣчалъ всеобщее уныніе. Сверхъ того наше семейство въ особенности страшилось, грозной будущности. Отецъ мой незадолго передъ тѣмъ далъ одному ликійскому купцу значительную сумму денегъ.... чтобы онъ свезъ на своемъ суднѣ вино и другой товаръ на островъ Критъ и возвратился съ египетскимъ хлѣбомъ. Предположенный срокъ возвращенія давно прошелъ. Вдругъ мы узнали, что судно выгрузилось въ эпидаврской гавани. Мой отецъ боялся не только потерять свои деньги, но и навлечь на себя упреки за противозаконную торговлю: тебѣ вѣдъ известно, Аониянинъ не смѣетъ давать въ долгъ денегъ для торговли хлѣбомъ за границую. Онъ, хотя и больной, однако воспользовался случаемъ и отправился на отъѣзжающемъ суднѣ лично перевѣдаться съ обманщикомъ. Отецъ точно нашелъ его тамъ и тотчасъ же получилъ обѣщаніе, что деньги ему возвратятся, какъ скоро весь грузъ будетъ проданъ.... Отъ путешествія отцу сдѣлалось хуже, а извѣстіе о неудачѣ Аониянъ такъ поразило его, что онъ совсѣмъ слегъ и долженъ былъ остаться въ Эпидаврѣ. Хитрый Ликіецъ воспользовался его несчастнымъ положеніемъ и уѣхалъ съ нераспроданною частью груза въ Аонны, гдѣ обстоятельства позволяли надѣяться на болѣе выгодную выручку. Онъ былъ еще тамъ, когда отецъ мой возвратился. Геродъ

успокоился, бѣды не опасались.... такъ какъ Филиппъ уже удался.... Но зато открылось обширное поле клеветѣ на тѣхъ, на которыхъ какъ-нибудь можно было взвалить подозрѣніе, что они также были причиною несчастія государства.

— Продолженіе я угадываю,—сказалъ незнакомецъ. На твоего отца донесли, что онъ въ минуту опасности безъ народнаго разрѣшенія оставилъ отечество?

— Вѣрно, никто объ этомъ не подумалъ бы, но проклятый Ликіецъ, жемая избѣжать двойной жалобы и уплаты долга, подкупилъ двухъ извѣстныхъ клеветниковъ. Отецъ мой сначала не обращалъ вниманія на жалобы.... Но скоро онъ замѣтилъ, что многіе стали холодно принимать его; потомъ услышалъ пренепріятную вѣсть.... нѣсколько значительныхъ лицъ хотѣли открыто выступить противъ него.... Тутъ онъ увидѣлъ, что жизнь его будетъ зависѣть отъ минутнаго душевнаго движенія народа.... вспомнилъ участь Лизикла и другихъ.... подумалъ о стыдѣ, которому подвергнется семейство и.... рѣшился.... совершенно увѣренный въ своей невинности, избѣгнуть послѣдствія доноса. Въ тайнѣ приготовилъ онъ все къ отъѣзду и объявилъ намъ однажды вечеромъ, что мы оставляемъ Аѣины и будемъ жить у чужихъ. Какъ преступники пробрались мы къ гавани, распростлились съ искренними друзьями. Судно ждало насъ, и рабы уже перенесли на него наши вещи. Сначала мы прибыли въ Трезевъ; но сильныя эпидемическія болѣзни заставили насъ отправиться оттуда въ Сицилію и мы пять лѣтъ прожили въ Сиракузахъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отецъ узналъ, что одному пріятелю удалось доказать его невинность.... Значитъ, ему можно было возвратиться въ отечество.... Но вѣсть пришла поздно.... въ предпослѣдній день жизни моего отца. Мать умерла за нѣсколько мѣсяцевъ раньше.... и я возвращаюсь теперь одинъ.... съ печалью и съ самымъ горячимъ желаніемъ опять увидѣть отечество.... Ничто вѣдь не можетъ замѣнить его, а Аѣины прекрасный городъ, хотя отецъ мой и говорилъ, что онъ доставляетъ иноземцамъ много удовольствія, а жителямъ много горя.

— Это правда, замѣтилъ молодой человекъ. Какой тамъ легкомысленный, непостоянный народъ. Онъ легко воспламеняется ко всему высокому и также легко увлекается ко злу и готовъ на всякую несправедливость. Теперь онъ до слезъ растроганъ трагическою смертію Эдипа, или несчастными Троянками.... между-тѣмъ опутываетъ

злобною клеветою своего согражданина и свергаетъ его въ несчастіе... Этотъ народъ просто избалованное дитя... онъ хвастаетъ своимъ своимъ блескомъ, чистымъ происхожденіемъ отъ Эллиновъ и тѣмъ, что первый сочинилъ законы... а притомъ укрываетъ злыхъ клеветниковъ и готовъ всякую минуту изъ прихоти отменить силу закона... безпрестанно называетъ себя народомъ свободнымъ, а грозитъ наказаніемъ смертныя или изгнаніемъ за каждое слово, которое не понравится толпѣ... Однако его характеръ составляетъ пріятную смѣсь серьезнаго и веселаго; жизнь его летитъ скоро и радостно, если ему есть съ кѣмъ-нибудь поспорить, или надъ чѣмъ-нибудь посмѣяться... Онъ также увлекается смѣшною, каррикатурною комедіей, или легкомысленными этерами какъ и высокимъ трагическимъ произведеніемъ, или серіозною философіею... Скупой въ домашнемъ быту, до нельзя мелочный у стола мѣнялы, онъ расточаетъ несмѣтное количество денегъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы выказаться устройствомъ хора или постановкою на сцену отличнаго произведенія поэта.

— Да... мой отецъ разсуждалъ почти также,—проговорилъ Харикль.—Однако ты кромѣ моего имени знаешь всю мою жизнь... скажи же и мнѣ, какъ тебя зовутъ... Какое-то неясное воспоминаніе говоритъ мнѣ, что я съ тобою гдѣ то видѣлся...

— Харикль!—воскликнулъ молодой человекъ, подходя и смотря ему прямо въ лицо: Я тотчасъ узналъ тебя; но ты меня болѣе не поминишь: а было время, когда мы видѣлись каждый день и моя бѣдность не мѣшала тебѣ сдѣлаться мовѣ другомъ... Поминишь ли ты несчастнаго мальчика, который замѣнялъ въ гермишповой школѣ раба... (къ чему онъ совсѣмъ не былъ рожденъ) растиралъ чернила... мелъ учебную комнату... обтиралъ губкою скамьи...

— Ктезифонъ, вскричалъ юноша, вскочивъ и схвативъ руку друга: право..., это ты!... мои чувства говорили лучше моей памяти, что мы пріатели. Но какъ же я тебя забылъ?... какъ забылъ тысячу одолженій, которыя ты дѣлалъ исключительно для меня... то рѣзалъ изъ пробки повозочки... то ловилъ жуковъ и искусно привязывалъ ногу къ виткѣ... и въ послѣдствіи училъ разнымъ облегчительнымъ приемамъ при писаніи и расчетахъ... Ты вѣдь былъ мастеръ на все это... Даже строгій педагогъ полюбилъ тебя и охотно позволялъ намъ быть вмѣстѣ, хотя ты двумя годами старше меня, а для него не всё-равно было, кто ка-

кое носить платье.... Но съ бородою тебя трудно узнать, не другъ... и какъ можно подосрѣвать, что такой смуглый мужчина.... сплать.... былъ прежде блѣднымъ слабымъ мальчикомъ? Сверкъ того, вотъ уже осемь лѣтъ какъ мы не видались! Ахъ, да!... отчего ты тогда вдругъ оставилъ гермиппову школу?

— Я расскажу тебѣ это на дорогѣ, возразилъ Ктезифонъ. Скоро пойдешь и не худо дойти къ тому времени до Клеонъ.... оттуда всего осемьдесятъ стадій до Коринна *.

Друзья встали. Харикль перебросилъ возни впередъ, взялъ ихъ въ руку, пошелъ съ пріятелемъ пѣшкомъ и принялся слушать его рассказъ.

Ктезифонъ былъ сынъ достаточнаго Афинянина, который послѣ смерти первой жены, оставившей ему сына, женился на родной племянницѣ. Плодомъ втораго брака была дѣвочка и Ктезифонъ. Отецъ надѣялся приобрести несмѣтное богатство огромными торговыми оборотами и для того долженъ былъ съѣздить въ Херсонесъ и къ Понту. При отъѣздѣ онъ вѣрилъ брату, съ которымъ соединенъ былъ двойными узами, на всякій случай завѣщаніе и, частью наличными деньгами частью векселями, болѣе пятнадцати талантовъ (около семнадцати тысячъ пятисотъ рублей серебромъ).

Онъ не возвращался. Вѣроломный онскунъ скрывалъ его смерть до-тѣхъ поръ пока не получилъ всѣ документы покойника. Потомъ выдалъ вдову замужъ, удержавъ у себя часть приданнаго, которое ей было назначено и взялся воспитать осемилѣтняго Ктезифона и его сестру и содержать осемнадцатилѣтняго племянника. Когда старшій этотъ племянникъ сдѣлался черезъ два года совершеннолѣтнимъ, корыстолюбивый дядя объявилъ тремъ своимъ питомцамъ, что послѣ отца осталось всего только двадцать мнѣвъ серебра (около четырехъ-сотъ рублей серебромъ), что онъ истратилъ на воспитаніе гораздо болѣе и теперь не можетъ уже заботиться о воспитаніи племянниковъ.

— Ты вѣдь человекъ взрослый,—сказалъ онъ старшему племяннику,—и теперь самъ долженъ стараться добывать хлѣбъ себѣ, брату и сестрѣ.

Потомъ онъ принудилъ бѣдныхъ евровъ оставить отцовскій домъ, въ который самъ переѣхалъ; не далъ племянникамъ ни

* Около полуторы версты.

порядочной одежды, ни башмаковъ, ни прислуги, ни ковровъ для постелей. Младшіе дѣти находились въ совершенно безпомощномъ состояніи. Мать годъ тому назадъ умерла; старшій братъ пошелъ искать счастья за границею, въ военной службѣ; никто не могъ обличить вѣроломнаго опекуна.

Одинъ обѣдѣвшій родственникъ жалился надъ сиротами. Онъ былъ помощникомъ грамматика въ Гермипповой школѣ и, конечно, требовалъ, чтобы мальчикъ какъ-нибудь добывалъ хлѣбъ работою, къ которой онъ совсѣмъ не былъ рожденъ. Съ умнымъ и услужливымъ Ктезифономъ подружился многіе ученики. Одинъ изъ нихъ, единственный сынъ уважаемаго гражданина, умеръ; отецъ, давно уже полюбившій бѣднаго мальчика, усыновилъ его.

— Благодаритель мой тоже скончался, въ заключеніе сказалъ Ктезифонъ: я ѣздилъ въ Аргосъ за долгомъ, который теперь составляетъ часть моего наслѣдства.... Это наслѣдство, конечно, не очень велико, но достаточно, чтобы вести умѣренную жизнь.... Къ счастью, я предпочелъ идти пѣшкомъ по этой тѣмной ближайшей дорогѣ; я первый могу поздравить тебя съ возвращеніемъ въ отечество.... Однако скажи мнѣ, какъ ты попалъ изъ Сициліи въ Клеоны?

— Корабль, на которомъ я возвращался, отвѣчалъ Харилъ, прибылъ въ эпидаврскую гавань. Я рѣшился окончить путешествіе сухимъ путемъ черезъ Аргосъ, потому что по ближайшей дорогѣ черезъ горы конь легко можетъ испортить копыта*.... Притомъ я хотѣлъ увидѣться въ Аргосѣ съ старымъ пріателемъ моего отца.

Друзья спустились въ долину. Тутъ передъ ними явился городъ Клеоны. Дома террасами возвышались одинъ надъ другимъ. Путешественники немного тутъ отдохнули и продолжали свой путь въ Коринѣ.

Солнце было уже на закатѣ, когда они оба вышли изъ небольшого лѣсу кипарисовъ и сосенъ. Могущественный городъ находился передъ глазами путешественниковъ. Нѣсколько стадіевъ дальше, возвышался Акрополь. По правую сторону дороги былъ ручей, окруженный каменными скамьями. Нѣсколько молодыхъ

* Въ то время лошадей не ковали. Осланъ и лошадей часто одѣвали вѣтто въ родѣ чулковъ или башмаковъ (probinata).

невольницъ наполнили прозрачною водою глиняныя кружки и унесли въ ближайшіе дома.

Тутъ друзья разстались. Ктезифонъ пошелъ нагнво къ сикіонскимъ воротамъ искать домъ какого-то гостепріимнаго знакомаго, а Хариклъ продолжалъ свой путь мимо богатыхъ оливковыхъ плантацій къ Крапеіону. У молодаго человека въ городѣ знакомыхъ не было, но пріятель въ Аргосѣ рекомендовалъ ему домъ какого-то Содата, у котораго жить хорошо. Кроме того, Хариклъ съ удовольствіемъ слышалъ, что женщины въ томъ домѣ свободно обходятся съ мужчинами, и что хозяйка-мать принимала деньги и за то позволяла имѣть близкія сношенія съ дочерями.

Ктезифонъ предостерегъ неопытнаго своего друга и живо изобразилъ опасность, въ которую могутъ завлечь, особенно въ Коринѣ, соблазнительницы-этеры. Онъ объяснилъ ему значеніе пословицы: «Не каждому путешествіе въ Коринѣ выгодно», и привелъ въ примѣръ купцовъ, оставившихъ у корыстолюбивыхъ этеръ цѣлые грузы кораблей. Хариклъ сговорился съ пріателемъ остаться въ Коринѣ не болѣе трехъ дней, и увѣренъ былъ, что не востратитъ и десятой части двухъ тысячъ драхмъ (около четырехъ-сотъ рублей серебромъ), которыя имѣлъ съ собою. Такимъ образомъ шелъ онъ въ прекрасномъ расположеніи духа искать Содатова дому, близъ Крапеіона.

Крапеіономъ называлось самое шумное и всего болѣе посѣщаемое мѣсто въ Коринѣ. Тутъ былъ вѣчно зеленый кипарисовый лѣсъ, гдѣ находились храмы героя Белерофонта и меланійской Афродиты (Венеры). Сюда привлекали иноземцевъ своими прелестями хорошенькія жрицы-херодулы, которыхъ тутъ было болѣе тысячи, и которыя доставляли городу и храму большіе доходы. Слостолюбивые купцы находились въ Крапеіонѣ въ болѣе опасной, нежели въ пучинѣ Харибды.

Сверхъ того, вблизи жило множество этеръ, а сходбище пріѣзжихъ и городскихъ жителей оживляло торговлю. Дѣвушки ходили съ хлѣбомъ и пирожнымъ, въ вѣнкахъ; мальчики разносили корзины съ плодами и предлагали гуляющимъ свой товаръ.

Между-тѣмъ какъ предавались тутъ удовольствіямъ, въ улицѣ, которая вела къ гавани, множество людей и животныхъ всегда было занято работою. Безпрестанно встрѣчались возы. Одни свозили съ судовъ византійскій хлѣбъ, разныя вина; мулы осторожно тащили искусныя произведенія аѳинскихъ скульпторовъ, ко-

торыя отсылали множество статуй заграничнымъ любителямъ художествъ. Вездѣ видны были лачины и мѣшки, въ которыхъ хранились разнаго роду товары: душистыя травы Аравіи, слоновою кость и драгоцѣнное дерево Индіи, шерсть милезійскихъ овецъ, красиво сотканныя вавилонскіе ковры. Все это занимало множество мѣста въ кладовыхъ обширной гавани.

Изумленный Харикль съ удовольствіемъ пробирался сквозь шумную толпу. Шестилѣтнее отсутствіе заставило его забыть еще болѣе хлопотливую жизнь Аенниагъ. Въ сицилійскихъ городахъ было такъ тихо, что туда забиралась дѣчь изъ жите, а въ предмѣстьяхъ очень часто охотились. А здѣсь Харикль увидѣлъ такую шумную жизнь, которую можно было сравнить только съ аеннскою и евскою.

Молодой человекъ спросилъ мальчика, который предлагалъ ему плоды, не знаетъ ли онъ, гдѣ домъ Содата.

— Ты спрашиваешь отца прекрасной Стефаніоны? — улыбаясь сказалъ мальчикъ. — Онъ живетъ здѣсь недалеко.

И мальчикъ предложилъ юношѣ быть провожатымъ, на что Харикль охотно согласился.

Въ Содатовомъ домѣ принимали пріѣзжихъ только по рекомендаціи. У Содата жила одна дѣвушка, которую онъ выдавалъ за свою дочь, и въ Коринѣ говорили, что она составляла главный капиталъ хозяина, а ея мать, Никиппа, старину содержала весь домъ. Притомъ, Содатъ, передъ чужими, дѣлалъ видъ, будто не знаетъ о знакомствахъ дочери. Хитрая же мать пользовалась мнимомъ строгостію мужа, чтобы выгоднѣе вести дѣла.

Когда дѣло идетъ объ изображеніи семейной жизни Грековъ, нельзя не говорить о женщинахъ, которыя въ европейскихъ обществахъ не составляютъ особеннаго класса, но на Востоку и теперь еще существуютъ подъ названіемъ прелестницъ ученыхъ или образованныхъ, *aimé, aimé*. У Грековъ, какъ извѣстно, онѣ назывались *этерами*, *etaigai*, то есть «подругами». Въ парижскомъ переводѣ это значитъ: *femmes entretenues*. Свободное обхожденіе этихъ женщинъ съ мужчинами доходило въ Греціи до высочайшей степени неприличія и было особенно развито въ Коринѣ, куда торговля привлекала столько иностранцевъ и иногородныхъ Грековъ.

Сношенія съ ними, какъ мы уже видѣли случай замѣтить, не считались у классическихъ народовъ предосудительными. Снѣ-

ожелденіе въ такому разврату естественно объясняется включеніемъ благородныхъ женщинъ изъ мужского общества и изъ теремной жизни, которую Гречанки соблюдали съ азіятскою строгостью. Выставки дѣтей, то есть выбрасыванье ихъ на площадь, во умотрѣнію отца, было у Грековъ въ такомъ же и еще большимъ употребленіи, какъ и въ Римѣ. Нѣчто бесчеловѣчный этотъ обычай, нѣкогда всеобщій, сохранился у однихъ только Китайцевъ, преданныхъ, подобно Грекамъ, всемъ утонченностямъ излещества сладострастія.

Этѣрь, конечно, не очень уважали, но и не нитали къ нимъ презрѣнія.

Этимъ женщинамъ давали разные прозвища: одну называли козой (Aics), другую — свѣкурою (Acstiné), иную свинкой (Hya). Этеры каждая у себя принимала ежедневно толпу обожателей, привлекаемыхъ не только красотой, но и остроуміемъ и изящнымъ обращеніемъ. Нѣкоторыя этеры имѣли въ этомъ отношеніи такую славу, что заняли мѣсто въ греческой исторіи, напримеръ Асцазія, Ланса, Фрииа, Питіоника и Ламія. Пирры, мотовство и распутство господствовали въ домахъ этеръ. Ксенофонтъ рассказываетъ, будто Сократъ очень удивлялся при посѣщеніи Теодоты чистотѣ и комфорту въ комнатахъ. Этеры нѣрѣдко дѣлали со своими обожателями письменные договоры.

Въ такой домъ шелъ теперь Хариклъ съ мальчикомъ, который черезъ нѣсколько времени привелъ его къ мѣсту. Молодой человекъ далъ ему нѣсколько оболовъ. Мальчикъ увидѣлъ высокаго довольно безпорядочно одѣтаго мужчину и сказалъ, что это хозяинъ дома. Хариклъ поклонился Седату, попросилъ позволенія прождать у него нѣсколько времени и представилъ рекомендацію аргосскаго пріятеля.

Седатъ осмотрѣлъ Харикла съ ногъ до головы, какъ ростовщикъ у котораго просить въ долгъ денегъ, съ удовольствіемъ осмотрѣлъ на красиваго коня и здороваго раба, и полусердито сказалъ:

— Мой домъ не гостиница для каждаго встрѣчнаго и поперечнаго... У меня есть дочь, которой красота и безъ того уже привлекаетъ.... множество гостей, а принять такого... молодца.... какъ ты.... очень опасно.... Однако, если тебя прислалъ сюда мой пріятель изъ Аргоса, то я согласенъ дать тебѣ въ моемъ домѣ квартиру.... у насъ хорошо жить....

Онъ отворилъ двери и позвалъ раба, которому поручилъ смотрѣть за лошадей. Потомъ попросилъ Харикла войти съ Манесомъ въ домъ.

Грубое обхожденіе Содата сдѣлало на молодого человѣка непріятное впечатлѣніе. Слѣды безпорядка въ передней внушили подобное же мнѣніе объ образѣ жизни хозяевъ. Въ одномъ углу разбросаны были черепки винныхъ кружекъ, въ другомъ валялись поблекшіе вѣяки.... Въ дальнихъ комнатахъ раздавались пѣсни и неясный говоръ. Можно было подумать, что это шумъ веселой попойки, но хозяинъ теперь только пришелъ....

Содатъ, казалось, смутился, и поспѣшно повелъ гостя въ верхніе покои.

— Тебѣ... падѣюсь, тутъ понравится,—сказалъ онъ.—Но ты усталъ.... тебѣ надобно укрѣпиться. Пэгніонъ.... принеси масла, стригали и полотенца и сведи гостя въ баню.... говорятъ.... въ банѣ всего лучше можно освѣжиться... Позаботься также чтобы все было приготовлено къ ужину и не забудь вина....

Содатъ ушелъ. Пэгніонъ, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, скоро пришелъ за Харикломъ и повелъ его въ баню. Когда они воротились, ужинъ былъ уже готовъ.

Хариклъ долго не могъ уснуть. Снизу безпрестанно слышенъ былъ глухой говоръ и дикій хохотъ. Поздно ночью раздался у наружныхъ дверей стукъ, вбѣжала цѣлая толпа людей и Хариклу казалось, что спрашивали Стефаніону. А вѣдь мальчикъ называлъ такъ хозяйскую дочь? Значитъ пріятель въ Аргосѣ не обманулъ его.... здѣсь живетъ этера? и она всѣмъ знакома.... вѣдь мальчикъ съ плодами называлъ ее по имени.

Такъ разсуждалъ Хариклъ и рѣшился на другой день ближе познакомиться съ дѣвушкой. Случай представился этому скорѣе нежели онъ думалъ.

Когда Хариклъ хотѣлъ на другое утро выйти прогуляться, къ нему подошелъ Содатъ и пригласилъ къ семейному полднику.

— Я конечно стараюсь охранять свою дочь отъ знакомства съ молодыми людьми.... сказалъ онъ; но твои глаза выражаютъ столько скромности и ты такой степенный, что я не считаю твое общество опаснымъ.

Молодой человѣкъ улыбаясь принялъ приглашеніе. Онъ надѣялся вполнѣ угадать характеръ хозяина, который очевидно не былъ отцемъ красавицы. Съ любопытствомъ пошелъ Хариклъ за Содатомъ.

Дѣвушка точно была хороша и находилась въ полномъ развитіи красоты. Ея черные волосы, каріе глаза и прекрасныя формы тѣла, которые обрисовывались подъ узкою одеждою, поражали каждого.

Она была прилично одѣта и весело сѣла подлѣ молодаго челоуѣка. Вѣщательство ея въ разговоръ совсѣмъ не согласовалось съ застѣнчивостью греческихъ дѣвицъ.

Когда хозяинъ вышелъ, молодые люди въ скоромъ времени сблизились еще болѣе и Хариклъ наконецъ подалъ Стефаніонѣ свой кубокъ съ виномъ. Она приложила свои губки къ тому мѣсту, съ котораго пилъ Хариклъ. Это было выраженіе нѣжнаго чувства по-греческому обычаю, сохранившемуся и до-сихъ-поръ на востокѣ. Восхищенный молодой челоуѣкъ отвѣчалъ тѣмъ же. Дѣвушка нѣжно наклонилась къ нему. Хариклъ не могъ удержаться, чтобы не поцѣловать ее въ плечо. Она тольکو слегка ударила его, значить не обидѣлась этою выходкою.

При всемъ томъ Стефаніона вела себя очень прилично, такъ, что Хариклъ приходилъ нѣсколько разъ въ сомнѣніе, не въ самомъ ли дѣлѣ она дочь честнаго гражданина. Но у Грековъ, какъ и вездѣ, гдѣ мужчины не имѣютъ свободнаго доступа къ женщинамъ, страсть закигалась съ быстротою, извѣстною нынѣ въ однихъ только романахъ. Спусти часа два Хариклъ былъ уже влюбленъ по уши. Дѣвушка также казалась проиженною стрѣлою Эрота. Хариклъ продекламировалъ ей множество анакреонтическихъ стиховъ: этимъ замѣнялись нынѣшнія любовныя объясненія и клятвы въ привязанности до гробовой доски. Стефаніона, которой природный умъ былъ украшенъ хорошиимъ воспитаніемъ, отвѣчала ему приличными случаю стихотвореніями, произнося ихъ мѣрно на распѣвъ, своимъ пріятнымъ голосомъ. Этотъ родъ декламация нынче совершенно потерянный, превращая стихъ въ настоящую музыку слова, производилъ въ древнихъ людяхъ впечатлѣнія невѣроятныя и вовсе неизвѣстныя новѣйшей поэзіи. Хариклъ въ восторгѣ, въ упоеніи, въ совершенномъ очарованіи забылъ все благоразуміе, которое далъ себѣ слово соблюдать въ этомъ домѣ. Онъ выпросилъ у прелестной Стефаніоны тайное свиданіе въ ея теремѣ. Время назначено было на слѣдующій день поутру, когда отецъ уйдетъ по дѣламъ въ городъ. Невольница Стефаніоны должна была провести счастливаго гостя въ ея отдѣленіе.

Харикла не могъ уснуть во всю ночь. Онъ говорилъ, считаясь одинъ, молвилъ Венерѣ, и сдѣлалъ даже обѣтъ при первой возможности принести въ храмъ великой богини золотую стрѣлу для ея сына. Онъ почиталъ себя, какъ всѣ любимыи, счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, — выраженіе тогда уже извѣстное древнимъ Грекамъ.

Полутру таинственная путеводительница провела его въ комнату несравненной Стефаніоны; но едва успѣлъ онъ заключить ее въ своихъ страстныхъ объятіяхъ, едва приложилъ губы къ ея розовому личику, какъ вдругъ вбѣжалъ Содать съ мечемъ въ рукахъ, съ рабомъ и свидѣтелями. Счастливѣйшаго изъ смертныхъ схватили, повалили на землю, связали, и грозный хозяинъ, обременяя ужаснаго гостя упреками за нарушеніе правъ гостепріимства, за безчестіе нанесенное имени и дому честнаго сына Коринѳа, собрался отсѣчь голову Хариклу на основаніи существующихъ законовъ. Но одинъ изъ свидѣтелей, жалясь надъ неопытностью молодаго человѣка, предложилъ обиженному и сердитому хозяину пощадить жизнь и принять выкупъ. Содать умножилъ. Наступила всеобщая конюскація Хариклова коня, вещей, денегъ. Ему давали сроку два часа для выхода изъ города. Несчастный на все долженъ былъ согласиться и его оборали бы до нитки, если бы Ктезифонъ, опасавшійся за участь своего друга въ этомъ домѣ, прослышавшій настоящей записки для неопытныхъ пріѣзжихъ, не наблюдалъ непримѣтно за его судьбою. Прибѣжавъ во время со своими друзьями, онъ успѣлъ исторгнуть его изъ рукъ мошенниковъ и перевезъ въ домъ своего гостепріимнаго пріятели. Путешественникъ считалъ теперь себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, отбѣлзавшій отъ бѣды потерей своей прекрасной лошади, которой ему уже не возвратили. Содать готовъ былъ принести присягу въ храмъ Юпитера-Мстителя, что лошадь убѣжала изъ конюшни и что онъ ничего объ ней не знаетъ.

Подобнаго роду случаи происходятъ и теперь еще на греческой землѣ. Не одинъ изъ романтическихъ европейскихъ путешественниковъ бывалъ ихъ жертвою, хотя на вѣрное не рассказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ. Плутство и предательство греческаго характера также извѣстно, какъ изящныя произведенія греческаго гениа.

Черезъ три дня послѣ этого происшествія, друзья сходили у

Парей на берегъ. Хариклъ охотно согласился на предложеніе Ктезифона ѣхать моремъ и заплатилъ за проѣздъ раба и самого себя только одну драхму. Ктезифону проѣздъ стоилъ три обола (гривенникъ). Сердце Харикла сильно билось, когда онъ сошелъ на родную землю и увидѣлъ знакомую мѣстность, которая вызывала столько воспоминаній. Какъ и прежде, тутъ была шумная жизнь. Пропастъ народу толпилась на базарѣ, гдѣ купцы выставляли образчики товару. Здѣсь легко можно было все получить, потому что Аѳины были центромъ греческой торговли. Гавань казалась другимъ городомъ: такъ она была загромождена гостиницами, тавернами, и разнаго роду мастерскими.

Несмотря на радость, съ которою Хариклъ опять увидѣлъ отечество, онъ невольно чувствовалъ тоску, потому что былъ въ родномъ городѣ какъ чужой. Ктезифонъ безпрестанно встрѣчалъ знакомыхъ, останавливавшихъ его за платье, а молодому изгнаннику никто не говорилъ пріятнаго слова, никто не кланялся....

Ктезифонъ пошелъ не домой, а въ Ликіонъ, гдѣ надѣялся встрѣтить многихъ знакомыхъ, потому что приближался часъ обѣда и всѣ теперь купались или заняты были гимнастическими играми. Хариклъ хотѣлъ идти къ отцовскому пріятелю, который выхлопоталъ изгнанникамъ возвращеніе. Онъ жилъ у итонійскихъ воротъ, близъ Олимпіона. Хариклу было по дорогѣ идти съ Ктезифономъ.

Восхищаясь берегами рѣки Иллісса, друзья скоро дошли до гимназіи. Тутъ они уговорились увидѣться на другой день у столовъ мѣняль, и расстались. Хариклъ пошелъ искать домъ стараго отцовскаго пріятеля, Форіона.

Домъ этотъ находился въ уединенной части города и имѣлъ очень мрачный видъ. Носилась молва, будто хозяинъ богатъ, но страшный скряга. Ктезифонъ рассказалъ о немъ Хариклу преужасныя вещи, и молодой человекъ не ожидалъ хорошаго пріема. Однако Хариклъ зналъ, что Форіонъ былъ искренній другъ отца и выхлопоталъ теперь возвращеніе изгнанниковъ.... Впрочемъ, молодой человекъ имѣлъ отъ общаго пріятеля Форіона и отца рекомендательное письмо.

У городскихъ воротъ стояла въ мелочной лавкѣ старуха. Хариклъ спросилъ ее, не знаетъ ли она домъ Форіона?

— Какъ не знать! отвѣчала она: онъ тутъ близко.... Видишь

ли ты.... вотъ тамъ.... высокія окна.... и дверь, у которой по бокамъ стоятъ эрмы.... * это онъ и есть.... Но совѣтую сперва поужинать и задать коню кормъ, если ты идешь къ Форіону въ гости....

— Зачѣмъ?—сказалъ Хариклъ, которому хотѣлось узнать подробности объ этомъ человѣкѣ. — Развѣ Форіонъ бѣденъ?

— Нѣтъ, онъ богатъ, — возразила старуха; — но чрезвычайно скупъ и никого не пускаетъ къ себѣ.

— Отчего?

— Говорятъ, онъ колдунъ и вѣчно занятъ отыскиваніемъ кладовъ.... Но по всему видно, богатство не принесетъ ему счастья.... Дѣти у него умерли,... самъ не смѣетъ показаться днемъ на улицѣ... ночью ходитъ по дому и сторожитъ свои сокровища.... каждый шорохъ пугаетъ его и онъ такъ боязливъ, что принимаетъ колонны за воровъ.

— Но я слышалъ, будто Форіонъ былъ встарину совсѣмъ другой человѣкъ?

— Скупъ онъ былъ всегда,—сказала старуха;—но вотъ еще только пять лѣтъ какъ ведетъ такую жизнь.... Онъ купилъ домъ какого то гражданина, который бѣжалъ изъ Аеннъ и, говорятъ, нашелъ тамъ на дворѣ, подъ эрмою, огромный кладъ! Съ-тѣхъ-поръ Форіонъ все ищетъ кладовъ.

Хариклъ съ безпокойствомъ слушалъ старуху. Пять лѣтъ тому назадъ продали домъ его отца, а тамъ на дворѣ также стояла эрма. Если Форіонъ действительно кушалъ домъ, то онъ и взялъ сокровища, которыя спряталъ какой-нибудь предокъ Харикла?

Молодой человѣкъ поблагодарилъ старуху и пошелъ ближе познакомиться съ человѣкомъ, вышедшемъ теперь въ его глазахъ большую важность.

Форіонъ действительно былъ богатъ и жилъ въ отрывномъ пустомъ домѣ. Ему принадлежали чѣти рабовъ, которые большею частію работали въ рудникахъ. Для прислуги старикъ держалъ только одного раба. Этотъ рабъ съ придворникомъ и служивкою составляли весь домашній чинъ. Форіонъ ходилъ со

* Эрманы (ermén) называли у Грековъ столбы, которыми означивались иногда столбы. Такии столбани обыкновенно украшали входы въ храмъ и въ дома.

двора только по дѣламъ и рѣдко принималъ посѣтителей. Одинъ старикъ былъ его единственнымъ собесѣдникомъ в жилъ тутъ же въ домѣ. Товарищъ этотъ обыкновенно принималъ людей, которые желали говорить съ Форіономъ, и извинялся тогда что хозяинъ очень занятъ. Говорили будто старикъ прислуживалъ Форіону при колдовствѣ, и считали его за человѣка умаго и ученаго. Ему вѣрилъ Форіонъ надзоръ за библиотеккою и събравіемъ рѣдкостей, до которыхъ хозяинъ былъ большой охотникъ.

Въ библиотекѣ находилось для того времени очень много рукописей. Тутъ хранились не только сочиненія знаменитыхъ поэтовъ, но и философовъ, историковъ и ораторовъ. Артемидоръ (такъ звали товарища Форіона) всѣми силами старался пріобрѣтать хорошіе списки или автографы сочиненій. Такъ напримѣръ ему удалось разъ купить нѣсколько комедій Анаксандрида у одного продавца ладоша. Сочинитель, не получивъ за свое произведеніе хорошаго вознагражденія, отдалъ комедіи на обертку. Также очень замѣчательно было собраніе художественныхъ произведеній и древностей. Между прочимъ въ одной комнатѣ стояли Эсхиловы письменныя досчечки, палка, которою, говорятъ, Антистенъ погрозилъ Діогену. Тутъ же хранились опыты искусства и терпѣнія. Изъ разныхъ крошечныхъ вещей всего замѣчательны были четыре лошади съ колесницею, которыхъ могла покрыть муха однимъ крыломъ, костью муравей въ естественной величинѣ и небольшое сѣнечко съ двумя гомеровыми стихами. Но хозяинъ казался преимущественно любилъ восковыя фигуры, потому что ихъ было у него всего болѣе; особенно отличались плоды, которые точъ-въ-точъ походили на настоящіе. Форіонъ только на такія вещи тратилъ много денегъ, между-тѣмъ какъ жилъ самъ болѣе нежели умѣренно. Оттого и считали его скудцемъ тѣ люди, которые не знали сколькомъ дочерямъ бѣдныхъ гражданъ онъ давалъ приданое и какъ много помогалъ несчастнымъ.

Харилъ постучалъ у дверей въ мѣдное кольцо. Придверникъ медленно снялъ перекладину, немного отворилъ дверь и когда увидѣлъ молодого человѣка въ одеждѣ путешественника, съ неудовольствіемъ сказалъ:

— Чего ты хочешь?... Ему теперь нѣтъ времени...

Съ этими словами онъ заперъ дверь.

Харикль вторично постучался; но рабъ преспокойно положилъ перекладную и пзнутри сказалъ:

— Слышишь ли? Ему нѣтъ времени....

— Но, любезнѣйшій, доложи твоему господину, что Харикль сынъ Харіана привезъ изъ Сиракузъ письмо.

Рабъ ушелъ, черезъ нѣсколько времени воротился и, отворивъ дверь, немного ласковѣе сказалъ:

— Вейди, онъ просить къ себѣ....

Форіонъ лежалъ съ Артимидоромъ за простымъ обѣдомъ. Хозяинъ не всталъ, когда вошелъ Харикль, но ласково протянулъ руку. Молодой человѣкъ подалъ письмо. Форіонъ внимательно посмотрѣлъ на печать, снялъ ее и прочитавъ письмо, сказалъ:

— Тебѣ не нужно такихъ рекомендацій ... Я надѣюсь, что найду въ тебѣ твоего отца.... Нѣсколько дней тому назадъ я узналъ о его смерти въ чужой землѣ.... По сына я принимаю также охотно, какъ отца. Тебѣ надобно будетъ провести нѣсколько времени у меня.... покуда хорошенько устроятъ домъ твоего отца....

— Домъ моего отца?—спросилъ удивленный Харикль.

— Ты вѣрно хочешь сказать, что онъ проданъ; но купилъ его я, и въ немъ съ тѣхъ поръ никто не жилъ.... Если угодно я возвращаю тебѣ домъ за сорокъ мнѣй серебра.

Харикль очень обрадовался, поблагодарилъ и охотно согласился дать ему на другой день сорокъ мнѣй.

— Мой рабъ укажетъ тебѣ комнату, назначенную для гостей, сказалъ Форіонъ, и свелеть въ купальню. Потомъ прошу тебя возвратиться и раздѣлится съ нами простой обѣдъ.

Форіонъ непремѣнно хотѣлъ самъ свести Харикла въ отцовскій домъ. На другой день утромъ рабъ привнесъ молодому человѣку къ завтраку хлѣба и вина. Харикль немного покушалъ и пошелъ къ Форіону, который уже ждалъ его. Они оба вышли на улицу съ рабомъ, который несъ небольшой ящикъ.

Было еще очень рано, но на улицѣ такъ и кипѣло. Иной сѣдшикъ засталъ знакомаго; педагоги вели мальчиковъ въ школу, или гимназію; жепщины и невольницы шли за водою; земледѣльцы возили для продажи разные съѣстные припасы; торговцы чистили лавки и вывѣшивали товаръ — однимъ словомъ въ Афинахъ съ ранняго утра начиналась шумная жизнь.

Харикль и Форіонъ скоро дошли до дому Харіана. Молодой человѣкъ тотчасъ узналъ знакомое мѣсто и эрму, которая теперь была украшена вѣнкомъ, надѣтымъ вѣрлато накинъ-нибудь про-

хожимъ. Фаріонъ отомкнулъ дверь деревяннымъ ключомъ съ тремя зубцами. Петли такъ и заскрипѣли. Каморка придверника была пуста, а цѣпь сторожевой собаки заржавѣла. Хариклъ съ радостью вошелъ въ переднюю, и потомъ во дворъ. Между колоннами, которыя стояли кругомъ, ласточки свили гнѣзда, а пауки прилѣжно ткали паутину. Земля заросла травой.... Въ серединѣ стояла эрма, подъ которою, говорили, хранился кладъ. Хариклу показалось, будто статуя стояла прежде иначе. Онъ вспомнилъ, что съ одной стороны база углубилась въ землю, а красная черта на камнѣ была обращена къ входу.

Молодой человѣкъ сталъ разсматривать статую. Фаріонъ замѣтилъ это и сказалъ:

— Вѣрно ты слышалъ молву.... что подъ этой статуей скрывался сокровища.

Смущенный Хариклъ молчалъ.

— Молва теперь не обманывала, продолжалъ Фаріонъ. Когда я купилъ этотъ домъ, то замѣнилъ, что база статуи съ одной стороны ушла въ землю, и эрма оттого легко можетъ упасть.... Я приказалъ ее переставить.... и нашелъ подъ нею кружку съ двумя тысячами статерами.... чистѣйшимъ золотомъ*. Вотъ они, сказалъ онъ взявъ у раба ящикъ, возвращаю тебѣ то, что, можетъ-быть, твой предокъ спряталъ для потомковъ.

Хариклъ не могъ вымолвить ни слова отъ стыда и удивленія. Онъ и не предвидѣлъ такой чести со стороны Фаріона, который попросилъ его никому не рассказывать обо всемъ этомъ. Молодой человѣкъ отъ всего сердца благодарилъ старика. Пожелавъ счастья, Фаріонъ и его рабъ вышли изъ дому.

Хариклъ оставшись одинъ принялся разсматривать домъ. На первомъ дворѣ (aulè или peristylum) находились за колоннами съ одной стороны столовая и гостиная, а съ другой кладовая. Молодой человѣкъ сталъ припоминать, какъ онъ гулялъ тутъ со своимъ строгимъ педагогомъ. Потомъ Хариклъ отворилъ двери, которыя вели на второй дворъ, окруженный только съ трехъ сторонъ колоннами. Въ глубинѣ этого перистилиа находился входъ въ женскіе покои. Тутъ была спальня его матери, не много дальше комната, въ которой повечерамъ при свѣтѣ лампы онъ слушалъ рассказы няньки.... Недалеко отсюда находились кладо-

* Статера (aiafer) равна четыремъ драхмамъ, или саншкомъ осьмидесяти копѣйкамъ серебромъ.

вил, въ которыхъ хранилась вся домашняя утварь подъ надзоромъ хозяйки, кухня и комнаты для женской прислуги. Рабы жили во второй этажъ подъ плоскою крышею дома. Изъ женскаго отдѣленія (gynaikеion) Хариклъ вступилъ въ небольшой садъ. Здѣсь какъ и во всемъ домѣ все одичало и потеряло свой прежній видъ.

Сердце молодого человѣка сжалось. Онъ поспѣшно вышелъ и рѣшился немедленно приступить къ поправкѣ дома. Онъ отдалъ Манесу ящикъ съ деньгами, приказалъ слѣдовать за собою и пошелъ на рынокъ, чтобы повидаться съ Ктезиномъ.

П. ОЛЬХИНЪ

=

ЦАРИЦЫНЪ

■

ДУВОВОКІЙ ПОСАДЪ.

=

Въ народѣ сохранилось преданіе, что Царицынъ основанъ Іоанномъ-Четвертымъ Грознымъ, послѣ покоренія имъ Астрахани (между 1555 и 1556) *. Это преданіе не согласно съ современнымъ описаніемъ города, а это современное извѣстіе есть «Книга большому чертежу», сочиненіе шестнадцатаго вѣка, въ которомъ сказано: «а ниже Балыклен (селенія) осемьдесятъ верстъ на Волгѣ, островъ Царицынъ. А противъ острова пала въ Волгу рѣка Царипа; протоку ей девяностъ верстъ, а на острову городъ Царицынъ.» Этотъ городъ не есть нынѣшній Царицынъ, но старый, вѣроятно татарскій, возобновленный царемъ Іоанномъ, и онъ стоилъ тогда на островѣ, какъ описываетъ большой чертежъ; остатковъ

* Рукопись, подъ заглавіемъ: «О началѣ заведенія города Царицына и о древнихъ и новыхъ случайностяхъ оваго.» Она доставлена имъ однимъ изъ царицынскихъ жителей. Г. Леопольдовъ повѣстала ее отъ слова до слова, безъ вниманія къ ея недостоверности, см. его стат. опис. Саратов. губ. изд. 1839 г. ч. II. стр. 51—59.

деревяного города и острова, на коемъ стоялъ Царицынъ, невидю. Надобно полагать, что все это снесено быстротою Волги. Рѣка Царица, протекая съ западной стороны нынѣшняго Царицына, около пятнадцати верстъ, едва замѣтною, только напоминаетъ своимъ именемъ о бывшемъ Царицынѣ. Исторіографъ Карамзинъ думаетъ, что Борисъ Годуновъ положилъ основаніе нынѣшнему Царицыну; около 1600 *. Соглашая преданія съ догадкою исторіографа, можно допустить, что на нынѣшнемъ мѣстѣ Царицына могла быть устроена крѣпость царемъ Іоанномъ Четвертымъ, которая уничтожена потомъ набѣгами кочующихъ ордъ; а Борисъ Годуновъ, возобновивъ эту крѣпость, выстроилъ городъ и назвалъ Царицыномъ, быть можетъ по причинѣ впадающей подлѣ нея р. Царицы или по прежнему именованію того города, который находился на островѣ. Построеніе крѣпости Іоанномъ Грознымъ, на мѣстѣ нынѣшняго Царицына, тѣмъ правдоподобнѣе, что она служила къ охраненію Россіи отъ безпрестанныхъ вторженій и набѣговъ въ ея предѣлы; представляла ей будущіе виды для рыбной промышленности и торговли съ Востокомъ, и это было постоянной заботою нашего правительства, еще издревле.

Первоначальный Царицынъ былъ обнесенъ деревянною стѣною, въ послѣдствіи онъ былъ окруженъ валомъ, который доселѣ обгibaетъ городъ съ трехъ сторонъ, а съ четвертой находилась естественная преграда,—Волга. До основанія крѣпости, витали на этомъ мѣстѣ Татары золотой орды, которой предводитель Мамай, жилъ недалеко отъ Царицына, между первой и второй Мечетною расположенной по правому берегу рѣки Волги. Народная память называетъ это мѣсто *Мамаевымъ*, и кромѣ свидѣтельства исторіи, что онъ жилъ на правомъ берегу Волги, остался тамъ донынѣ груды камней, свидѣтели жилищъ татарскихъ.

Царицынъ часто подвергался нападѣніямъ заволжскихъ Татаръ, Кубанцевъ и шайкамъ разбойниковъ, волжскихъ и донскихъ. Вотъ перечень тѣмъ несчастіямъ, отъ которыхъ потерпѣлъ городъ. Донскій козакъ Стенька Разинъ, прозаведя грабежи по Волгѣ и другимъ мѣстамъ, возвратился было въ свою отчизну на Донъ, въ 1669 году, и тогда же обратился съ моленіемъ къ царю Алексѣю, о прошеніи его, но получивъ, вмѣсто пощады, презрѣніе, онъ запылалъ местию. Собралъ прежнихъ своихъ сподвижниковъ,

* Кар. Ист. Рос. Госуд. т. X. пр. 437.

онъ двинулся къ берегамъ Кубани и Кумы (1670 апрѣля 13.) * Овладевъ быстро по Кубани и Кумѣ, многими татарскими и калмыцкими удусами, уже напуганными молвою о его злодѣяніяхъ, онъ присоединилъ толпы побѣжденныхъ къ своей ватагѣ и перенесся на Волгу: немедленно осадилъ Царицынъ и взялъ его. Защищавшіе городъ пали отъ его оружія; въ числѣ убитыхъ находился комендантъ царицынскій, Термотіевъ. Разграбивъ имущество гражданъ, онъ захватилъ казенныя суда и деньги. Для пріостановленія дальнѣйшихъ его разбоевъ, прибылъ изъ Москвы съ стрѣльцами, Иванъ Лопатинъ: но Разинъ, встрѣтивъ его, разбилъ совершенно. Лопатинъ и большая часть стрѣльцовъ лишились жизни въ битвѣ, а остальные взяты имъ въ плѣнъ. Тогда онъ оставилъ (въ началѣ іюня) опустошенный имъ городъ и черезъ нѣсколько времени занялъ Черный Яръ (городъ астраханской губерніи) и разграбилъ его.

Взбунтовавшіеся астраханскіе стрѣльцы, вѣроятно по единomyслию съ московскими, убили въ Астрахани своего воеводу, Ржевскаго, (въ 1705) и до трехсотъ именныхъ людей; устремились потомъ грабить Красный и Черный Яръ, а оттуда Царицынъ. Городъ не утрашилъ ихъ: сдѣлалъ имъ смѣлый отпоръ. Тогда стали склонять жителей къ измѣнѣ, но они остались вѣрными своему долгу: По распоряженію войсковаго донскаго атамана, Лукъ-

* Первоначально онъ разграбилъ Астрахань, и тамъ, всѣхъ вѣрныхъ отечеству, предалъ мученической смерти, отъ коей погубилъ и митрополитъ Іосифъ, воеводы братья Прозоровскіе и главные начальники. Леопольдовъ въ Ст. опис. сарат. губ. ч. II. стр. 55. изд. 1839, говоритъ, что около 1656 казакъ Севька Разинъ, награбивши подобныхъ себѣ удалцовъ, сожегъ первый корабль, построенный на Каспійскомъ Морѣ, разорилъ Астрахань и многіе другіе города. Вскорѣ послѣ него Васька Булавинъ и соумышленникъ его, Игнашка Некрасовъ, прибывъ съ Дона, два раза нападали на Царицынъ. На все это слѣдуетъ замѣтить, что Разинъ не назывался Севька, а Стевья; онъ сжегъ первый корабль Орелъ не въ 1656, а 1670; онъ не набиралъ подобныхъ себѣ удалцовъ, а подобныхъ себѣ разбойниковъ. Развѣ все равно удалецъ и разбойникъ? Васька Булавинъ не приходилъ вскорѣ, а чрезъ пятьдесятъ два года, — а это не значитъ вскорѣ. Послѣ Стевья Разина нападали еще на Царицынъ кочующія орды Калмыковъ, Татаръ, Киргизъ-Кайсаковъ и шайки донскихъ казаковъ, несмотря на заказы донскаго войска: не ходятъ для воровства на Волгу, понизовье и синее море (Каспійское).

ява Макевича, прибыли на помощь походные атаманы: Максимъ Флоровъ и Василій Поздѣвъ: они остановили возмутителей и спасли городъ отъ грабежа. Тогда мятежники, не могшіе прорваться между Волгою и Дономъ, для совершенія новыхъ опустошеній, бѣжали обратно въ Астрахань. Для охраненія Царицына осталась одна тысяча Донцевъ, подъ начальствомъ старшинъ: Парожикова и Поздѣва, которые находились здѣсь до превращенія въ Москвитъ стрѣлцкаго мятежа фельдмаршаломъ Шереметьевымъ. Не долго однако наслаждался городъ тишиною. Изъ Дона вышли съ толпою бродягъ (въ 1708) Василій Булавинъ и соумышленникъ его Игнатій Некрасовъ, и осадили Царицынъ. Жители отразили ихъ. Они пошли на Камышинъ *, взяли его, и умноживъ тамъ плѣвниками буйную свою рать, снова приступили къ Царицыну. Жители оборонялись долго, но сила преодолѣла ихъ: остервененные разбойники изрубили многихъ безжалостно, а неустрашимому коменданту Турчанинову и правителю его дѣлъ, отсѣкли голову. Архивъ съ бумагами сожгли, гдѣ сгорѣлъ, какъ говорятъ, списокъ съ подлинной грамоты царя Іоанна IV. Подосѣвшіе войска изъ Астрахани выгнали разбойниковъ изъ города.

Для защиты Царицына отъ непрерывныхъ набѣговъ, проведена была до рѣки Дона, на шестьдесятъ верстъ, земляная линія ** для вала, подъ распоряженіемъ генералъ майора Кропотова. На валѣ были возведены, въ разныхъ мѣстахъ, земляныя крѣпости, а именно: первая Медоточная, на рѣкѣ Медоточной, въ десяти верстахъ отъ города; вторая Грачи, въ семнадцать верстахъ отъ Медоточной; третья Осокорь, на рѣкѣ Лачанкѣ, впадающей въ Донъ, въ четырнадцать верстахъ отъ Грачей; четвертая Донская, подлѣ Дона, въ семи верстахъ отъ Осокора. Въ этихъ укрѣпленіяхъ и по всей линіи, находились сторожевые люди; сверхъ того отряжались сюда, на лѣтнее время, отряды войскъ, по причинѣ производившихъ тогда набѣговъ. Земляныя окопы не совсѣмъ останавливали хищниковъ, потому растянута была, въ послѣдствіи времени, охранительная цѣпь войска, подъ начальствомъ генерала Тараканова. Этимъ устройствомъ обезопасилось все низовье. Миновалось на-

* Пыль уѣздный городъ саратовской губерніи, и онъ отстоитъ отъ Царицына не болѣе какъ на 240 верстъ, считая почтовое разстояніе.

** По указ. Императора Петра Великаго въ 1718, 1719 и 1720 годахъ.

бѣги и разоренія: опустѣлыя селенія нашли жителей, обширный и плодородный край сталъ заселяться и пустыни закипѣли жизнью. Поселянинъ спокойно обрабатывалъ свою ниву, торговецъ радозался избыткамъ промышленности.

Петръ Великій во время похода своего въ Персію (въ 1722), приплылъ Волгою въ Царицынъ, и посѣтилъ его съ своей супругой. Послѣ встрѣчи высокихъ гостей ему была подведена лошадь, на коей онъ осматривалъ крѣпость и городъ. При шествіи его съ Царицей, чрезъ устроенный мостъ по рѣчкѣ Царицѣ, онъ обратился къ сопровождавшимъ его, и сказалъ: «какъ эта рѣчка есть Царица, то я жалую ее съ Царицынской крѣпостью моею Царицѣ.» Потомъ онъ слушалъ обѣдню въ Троицкомъ соборѣ; затѣмъ бесѣдовалъ съ жителями и обласкалъ ихъ. На возвратномъ пути его изъ похода (въ 1723 году), онъ оставилъ жителямъ картузъ и трость. Отдавая картузъ онъ сказалъ: «какъ никто не смѣетъ снять картуза съ головы моей; такъ никто не смѣетъ выводить васъ изъ Царицына.» Отдавая трость сказалъ: «вотъ вамъ моя трость! Я управлялся ею съ друзьями, а вы обороняйтесь ею отъ враговъ» *.

По повелѣнію Императрицы Анны, срыта была деревянная крѣпость и вмѣсто ея былъ обведенъ городъ землянымъ валомъ, который видѣвъ донинѣ. При бѣгствѣ Калмыковъ изъ Россіи въ предѣлы Китая (въ 1771 году), они разграбили многихъ царичевскихъ купцевъ и сожгли торговый рядъ съ товарами.

Казалось, что съ побѣгомъ хищниковъ, окончилась всѣ бѣдствія прошлыхъ лѣтъ, но наставшій 1774 годъ возвратилъ бывшее. Явился Пугачевъ, и напомнилъ страшныя годины. Грабительства, пожары и убійства, разносились повсюду, ничто не спасалось отъ его меча, кромѣ раболѣпства и измѣны. Пространство отъ

* Картузъ съ козыркомъ и заворотомъ; онъ шитъ изъ толстаго сѣраго сукна, подкладка на немъ шелковая, дикаго цвѣта; въ окружности три четверти аршина; моль повредила его. Палка изъ персидскаго вяза и съ корою; она отъ времени почернѣла; внизу толще а сверху тонше, съ сучкомъ, который обтерся вмѣстѣ съ корою; длина палки 2 аршина 4 вершка и въ объемѣ довольно толстая, такъ что болѣе похожа на дубинку, которою легко можно обороняться отъ враговъ. Вещи эти находились, до 1809 году, у коменданта города; но потомъ, по прошенію жителей, онъ поступилъ въ гражданское общество въ томъ же году (апрѣля 11), которое приняло ихъ съ церемонією, и хранить въ своей домѣ какъ святыню.

Казани до Саратова, (на разстояніи семисотъ верстъ), озвменовано пролитойъ имъ кровію. Разграбивъ Саратовъ *, онъ подвергъ той же участи Камышинъ, Дубовскій посадъ; отсюда онъ пошелъ на Царицынъ. Граждане рѣшились единодушно встрѣтить его мужественно, возвели новыя укрѣпленія и сожгли всѣ съестныя запасы, хранившіеся въ предмѣстіи города, чтобы недостались они разбойникамъ. Пугачевъ остановился для отдыха у деревни Городищъ, въ одиннадцати верстахъ отъ Царицына. Тутъ явилось къ нему нѣсколько донскихъ казаковъ, видѣвшихъ лично Императора Петра-Третьяго, а котораго бунтовщикъ выдавалъ себя. Они представились ему подъ мнимымъ предлогомъ оказать ему услуги, но въ душѣ желали удостовѣриться: точно ли онъ государь? Когда увидѣли его, тогда возвратились къ своимъ войскамъ, готовившимся стать въ его ряды и увѣрили, что это обманщикъ и самозванецъ. Несмотря на явныя улики казаковъ, что Пугачевъ разбойникъ, онъ двинулся съ своими привержен-

* Е. А. Карповъ, саратовскій помѣщикъ, сообщилъ мнѣ объ пѣвнѣ Салмонова, начальника саратовскаго гарнизона. Родная бабушка Карпова, свидѣтельница разграбленнаго Саратова, такъ разсказывала ему. Когда Пугачевъ приступилъ къ городу, тогда майоръ Салмоновъ перешелъ къ мятежнику со всѣмъ своимъ батальономъ, за что Пугачевъ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Это поколебало во многихъ рѣшеніе къ защитѣ. Между попавшими въ руки пзверга находились родители дѣвцы: Швыревой, которой имя не могъ припомнить господинъ Карповъ и Анны Гавриловны Власевой. Эти дѣвцы были введены въ палатку бунтовщика, самимъ Салмоновымъ: онѣ онѣ были приняты Пугачевымъ, но поиръ вившаяся ему Власева, была имъ оставлена и находилась при немъ до бѣгства его изъ деревни Сининки, откуда онъ былъ выгнанъ полковникомъ Михельсономъ. Приведенныхъ въ оковахъ помѣщиковъ поставили съ ихъ семействомъ передъ палаткой самозванца. Черъ изъ нѣсколькихъ времени вышелъ Пугачевъ, сопровождаемый Салмоновымъ; онъ посмотрѣлъ на нихъ; махнулъ платкомъ и пошелъ въ свой шатеръ. Послѣ него немеленно завлажали глаза помѣщикамъ, на которыхъ бросались казаки съ пиками и переклоли ихъ на мѣстѣ, въ виду женъ и дѣтей. Умертвнивъ всѣхъ, Салмоновъ обратился къ несчастнымъ женамъ и дѣтямъ и сказалъ: «батюшка, вашъ царь, милуетъ васъ, вы теперь свободны: идите куда хотите». По прогнавіи Пугачева изъ деревни, онъ бросилъ дѣвцу Власеву, которая прибыла потомъ къ своему семейству. (Спустя нѣсколько лѣтъ, а какъ много, господинъ Карповъ не припомнилъ, — объ эти дѣвцы вышла замужъ.

цани къ Царицыну (августа 21) и напалъ на него съ обыкновенной ему яростію. Здѣсь счастье пзмѣнилось ему: комендантъ Цеплетевъ отбилъ его съ урономъ. Самозванецъ повторилъ на другой день нападеніе, но опять безуспѣшно. Между-тѣмъ услыхавъ о приближеніи отрядовъ, назначенныхъ для истребленія его шайки, онъ сталъ отступать внизъ по Волгѣ. Полковникъ Михельсонъ постигъ его въ ста пяти верстахъ отъ Царицына *, сразился и разбилъ его такъ сильно, что онъ едва успѣлъ ускокаться отъ него. По разбитіи его вскорѣ прибылъ въ Царицынъ Суворовъ **. Принявъ начальство надъ отрядомъ Михельсона, онъ немедленно посадилъ пѣхоту на лошадей, переиравился на луговую сторону и помчался за нѣмъ. Пугачевъ скрылся въ степи и прятался въ камышахъ, какъ нѣкоторыя полагають, около селенія Владиміровки, въ царевскомъ уѣздѣ, бывшемъ притонѣ разбойническихъ шаякъ и гнѣздилищъ обломковъ отъ распавшагося кипчакскаго царства. Суворовъ словилъ мятежника и представилъ его на судъ.

По успокоеніи заволжскаго края, Царицынъ забывалъ уже свои бѣдствія, но не надолго: его постигли два пожара. Эти два пожара *** встребили почти весь городъ. Черезъ десять лѣтъ отъ послѣдняго несчастія, привела его въ тропеть морозная язва. Но жители Царицына доказали тутъ новую вѣрность къ своему долгу в отечеству, принявъ дѣятельныя мѣры къ прекращенію заразы, свирѣпствовавшей въ 1807 году. Болѣзнь эта опустошила астраханскую губернію, и начала появляться уже въ предѣлахъ саратовской. Для приотстановленія ея, былъ устроенъ при Царицынѣ карантинъ и на трехъ ея дорогахъ особыя заставы. Надъ

* Михельсонъ прибылъ въ Дубовку 20 августа и того же числа въ Царицынъ, а черезъ пять дней онъ достигнулъ его.

** Старые люди рассказываютъ въ Царицынѣ, что Суворовъ оставался здѣсь въ крестьянскомъ домѣ, и когда онъ сѣлъ въ дорожную повозку, тогда вароде окружилъ его. Чтобы избавиться отъ любопытства, онъ велѣлъ лишнику выѣзжать со двора поскорѣй. Бывшіе въ то время на дворѣ телята, выскочили и побѣжали. Суворовъ немедленно выскочилъ изъ телеги и побѣжалъ загонять ихъ, крича: поминай Богъ! поминай Богъ! Загнавши телятъ, онъ вскочилъ на повозку, закрылся руками и закурился.

*** Въ 1791 году, октября 16 и 1793 года, июля 8.

учрежденіемъ всего этого, закупкою надобностей и исполненіемъ всего должнаго, какъ-можно въ скоромъ времени, занималась ревностно городская дума. Она распоряжалась еще непосредственно обезпеченіемъ карантинна, до самыхъ мелочныхъ вещей. Выдача жалованья и съѣстныхъ припасовъ, веденіе отчетности по всемъ нуждамъ, были также предметомъ ея попеченій. Нужды были великія, а денегъ не доставало. Дума доходила часто до крайности, но рвеніе гражданъ подкрѣпляло ея дѣйствія, приношеніемъ и ссудою. Требованія правительства выполнялись не только скоро, но съ пользою; всякъ спѣшилъ на помощь: распоряжалась, служили лично, жертвовали. Являлись трудности, являлись и помощники, словомъ, все было выполнено какъ нельзя лучше. Такой примѣръ обратилъ на себя вниманіе Императора Александра Перваго, который объявилъ зато жителямъ особое благоволеніе въ рескриптѣ дайномъ 12 іюня, 1808 года:

«Царицынскому градскому обществу.

«Изъ донесеній тайнаго совѣтника, сенатора Козодавлева, усмотрѣлъ я ревностное содѣйствіе, которое царицынское градское общество оказывало начальству, въ прекращеніи открывшейся въ саратовской губерніи заразы. По благополучномъ минованіи сей опасности, Я призналъ справедливымъ изъявить царицынскому градскому обществу, за дѣятельное его усердіе къ общему благу, особенное Мое благоволеніе».

Признательные къ новаршему вниманію граждане, хранятъ рескриптъ въ домѣ городского общества. За особенныя же дѣйствія и распоряженія, были награждены золотыми медалями, купцы: городской голова Мордвиновъ и бургомистръ Ершовъ.

Съ тѣхъ-поръ городъ ни какихъ не имѣлъ несчастій, исключая холеры (въ 1830 году), которая достигла тогда всю Россію.

Царицынъ гордится воспоминаніемъ о высокихъ посѣтителяхъ. Въ 1824 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, былъ здѣсь герцогъ виртембергскій, Александръ, на пути его изъ Астрахани, а въ 1834 году, августа 9, Его Высочество Принцъ Петръ Ольденбургскій. Онъ встрѣченъ былъ чиновниками и головою, который поднесъ ему хлѣбъ-соль. Жители смотрѣли съ душевнымъ умиленіемъ на его привѣтствія и ласки. Послѣ обѣда онъ отправился въ домъ городского общества, гдѣ разсматривалъ картузъ, трость и рескриптъ. Оттуда поѣхалъ въ герингутское поселеніе, Саренгу, и къ вечеру прѣй-

халъ въ Царицынъ. На другой день онъ ѣздилъ смотрѣть алтошское соляное озеро, (въ царевскомъ уѣздѣ) единственное во всемъ мѣрѣ * и потомъ-прибылъ снова въ Царицынъ (августа 14) вечеромъ. Отъужинавъ въ домѣ городского головы, онъ подарилъ его брилліантовымъ перстнемъ, и потомъ направилъ свое путешествіе на Воронежъ, при искреннемъ желаніи стекшагося народа, благополучнаго ему пути.

Когда Государь Цесаревичъ Наслѣдникъ Престола посѣтилъ Саратовъ (въ 1837 году іюня 5), тогда показывали ему здѣсь картузъ и трость Петра Великаго.

Царицынъ стоитъ на нагорной сторонѣ рѣки Волги в притчѣ рѣки Царицы **. Онъ расположенъ по наклоненію къ югу косогору, оттого почти всегда въ немъ сухо. Самая грязь въ весеннее время не застываетъ болѣе недѣли, даже большіе дожди держатся не долго лѣтомъ. Онъ находится педь 48° 41' 59" сѣверной широты и 62° 12' 40" восточной долготы **. Царицынъ не имѣетъ герба. Въ управленіи своемъ онъ переходилъ то къ астраханской, то къ саратовской губерніи, и, наконецъ, остался въ послѣдней съ 1797 году. Городъ раздѣляется на три части: на крѣпость, обведенную землянымъ валомъ; преобразен-

* Объ этомъ озерѣ напечатано въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1845 года, въ мартовской книжкѣ, а объ городѣ Царевѣ, въ майской книжкѣ того же года,

** Господинъ Леопольдовъ въ «Статистическомъ описаніи саратовской губерніи» (часть II стр. 51, изданіе 1839 года) говоритъ: «Въ древнія времена крутоярые берега рѣчки Царицы и равнины были покрыты дремучими и непроходимыми лѣсами.» Крутоярыхъ береговъ вовсе нѣтъ. О непроходимыхъ и дремучихъ лѣсахъ никто не знаетъ; только рассказываютъ, что на берегахъ Волги — а не Царицы — были большіе лѣса. Названіе рѣки Царицы, какъ думаетъ господинъ Леопольдовъ, произошло отъ царицы, «дочери Батыя (стр. 51—52), которая, по чьей-то случаю (а по какому?) была убѣждена въ недѣлю отъ мѣстности и истинно и самозванно христіанской вѣры, бѣжала въ Россію и хотѣла окреститься; но врагъ истинной оцѣды, голланди отца своего была поймана и предана, по повелѣнію его, лютой казни.» Столько неосновательныхъ выводовъ и даже предположеній, что не заслуживаютъ опроверженій.

*** Отстоятъ отъ Петербурга на 1604 верстахъ, отъ Москвы 905½ верстами, а отъ Саратова 385½ верстами.

скую, отдѣляющуюся отъ города большою площадью, и зацарицынскую, отдѣляющуюся рѣчкою Царицею. Въ окружности съ предмѣстіемъ до шести, а безъ него до трехъ верстъ; всѣхъ жителей до пяти тысячъ трехъ сотъ пятидесяти душъ обоего пола. Выговъ осемьверстный, протянутый большей частью въ одну сторону до рѣчки Мочетной. Черезъ Царицынъ пролегають пять почтовыхъ дорогъ: московская, астраханская, саратовская, черкасская и царевская. По вновь утвержденному плану (въ 1820 году іюля 18), назначено выстроить въ крѣпости присутственныя мѣста; въ послѣднихъ двухъ частяхъ по одной приходской церкви и, сверхъ-того, въ зацарицынской, гостиный дворъ и магазинъ для храненія товаровъ, но доселѣ ничего не приведено въ исполненіе. Городъ не можетъ похвалиться положеніемъ. Съ пагорной стороны природа бѣдная: обнаженныя горы и степи; нѣтъ ни рощи ни кустарника и ни какой зелени. По берегу Царицы рѣдѣють садки, которые зеленѣють довольно ярко и рисуютъ отрадные виды. Если что можетъ остановить посѣтителя, такъ это — Волга. Волжисто широкая рѣка извивается голубой лентою, изъ-за ней пестрѣють протоки и озера, подлѣ ихъ разбросаны кустарники, тамъ разстилается бархатный коверъ зелени, а вдали дремлютъ деревья надъ водою.

На Волгѣ, противу преображенскаго взвоза, устроенъ перевозъ, который отдается съ торговъ: нынѣ платять ежегодно около трехъ сотъ рублей серебромъ. Въ городѣ двѣ большія площади: одна среди города, и почти вся застроена. На ней находятся: соборъ, городская полиція, гостиный дворъ и разныя лавки. Тутъ продаются съѣстные припасы, а по воскресеньямъ бывають базары. По причинѣ неровности площади, она бываетъ грязная весною и осенью. Другая площадь, большая, лежитъ между крѣпостью и преображенской частью: она ровная и сухая. На ней находятся тюремный замокъ, запасныя магазины, мясной рядъ, пивной заводъ, винный и хлѣбные магазины и цейхгаузъ. Тутъ всегда продается сѣно, овесъ, деготь и строевой лѣсъ. Церквей шесть, всѣ каменные: 1) Предтеченская, во имя Святаго Іоанна-Крестителя, и почти современная построенію города. 2) Тро-

* Господинъ Леопольдовъ въ «Статистическомъ описаніи саратовской губерніи» (часть II стр. 62, изданіе 1839 года) говоритъ, что дворецъ татарскаго царя Батыя стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ церковь Іоанна Крестителя. Господинъ Леопольдовъ вѣрно самъ видѣлъ дворецъ Батыя, иначе чѣмъ

ицкая, такъ же древняя. Обѣ эти церкви стоятъ въ серединѣ города. При Предтеченской находился женскій, а при Троицкой мужской монастырь; съ уничтоженіемъ монастырей, церкви эти обращены въ приходскія; 3) Соборъ Успенскій; 4) Покровская; 5) Преображенская и 6) Скорбященская, на кладбищѣ (выстроенная въ 1838 году). Изъ старинныхъ приношеній сохранился въ Предтеченской церкви наврестольный серебряно-вызолоченный крестъ, дивною около осьми вершковъ, съ надписью: «Сей Святыи Крестъ со святыми мощами, состроенъ въ градъ Царицынъ, иже на Волгѣ, лѣта 7203 (1695 года), апрѣля въ 30 день.» Вложенныя мощи въ крестъ — Андрея Первозваннаго, Лазаря Четверодневнаго; апостоловъ-евангелистовъ: Святаго Марка и Святаго Луки, архидьякона Стефана, Великомученика Θεодора Стратилата, Великомученика Георгія, Міровеликомученика Дмитрія, Святаго Василія Великаго, Святаго Іоанна Златоуста, Первоученицы Феклы и Великомученицы Варвары.

Въ соборѣ Успенскомъ: Евангеліе въ зеленомъ бархатѣ, съ чеканенными по угламъ серебряно-вызолоченными евангелистами и посреди ихъ Воскресеніе Іисуса Христа. Оно принесено въ даръ думнымъ дворяниномъ Глѣбовымъ, и написано по листамъ собственною его рукою: «Лѣта 7193 (1688 года), генваря 14 дня (января 14), далъ сіе Святое Евангеліе въ городъ Царицынъ въ соборную церковь Святаго Великомученика Θεодора Стратилата думный дворянинъ Михаила Ивановичъ Глѣбовъ, и тоя соборныя церкви протопопу со всѣмъ освященнымъ соборомъ и Святое сіе Евангеліе въ церкви Божіей содержать сохранно. Изъ оныя церкви никуда не отдавать, чтобъ въ той соборной церкви было ни кѣмъ неотъемлемо, донде же святая восточная церковь постоитъ.» Евангеліе это напечатано въ 7190 году (1685), при митрополитѣ Іоакимѣ; печать и бумага очень хороши.

онъ можетъ доказать? Если бъ даже видѣлъ, то нельзя согласиться съ нимъ, потому что онъ утвердительно говоритъ, что столица Батыя была еще на берегахъ Ахтубы (часть I, стр. 25); это значитъ на вѣстѣ города Царева; потомъ переноситъ ее въ Селитряный Городокъ, отстоящій отъ Царицына почти на триста верстъ. См. статью господина Григорьева «О мѣстоположеніи Сарая», напечатанной въ журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ мартовской книжкѣ 1845 года, стр. 459, и въ апрѣльской, стр. 11—12 и такъ далѣе, который обнаружилъ непростительныя ошибки господина Леопольдова.

Богугодныя заведенія: городская больница и три частныя богадѣльни; въ послѣднихъ помѣщаются вдовы, убогіе и сироты; всё они содержатся привошеніями. Присутственныя мѣста: городская полиція, земскій судъ, уѣздное казначейство, почтовый контора, городская дума, сиротскій судъ и магистратъ. Уѣздный судъ уничтоженъ, по случаю отарытія на луговой сторонѣ Волги города Царева. Всѣ дѣла рѣшаются въ камышевскомъ уѣзномъ судѣ, которому дано названіе «окружнаго суда».

Главная промышленность жителей сѣяніе арбузовъ и дынь, частью разведеніе садовъ, содержаніе постоялыхъ дворовъ и рыбная ловля, которою занимаются преимущественно купцы Мышкинъ, Бѣлоярцовъ, Бабаевъ и Ершовъ. Всей рыбы вылавливается ежегодно на тридцать тысячъ рублей серебромъ. Здѣсь ловятся въ большомъ количествѣ стерлядь, осетръ, бѣлорыбца, севрюга, судакъ, сазанъ и лещи. Сарептскіе поселенцы, проживающіе въ Царицынѣ, занимаются разведеніемъ табаку и тканьемъ шерстяныхъ матерій, извѣстныхъ подъ именемъ «сарпинки». Жители занимаются еще продажей съѣстныхъ припасовъ. Находятся въ городѣ слѣдующіе ремесленники: тринадцать портныхъ, двадцать сапожниковъ, тридцать кузнецовъ, два слесаря, десять столяровъ, одинъ мѣдникъ, четыре серебряныхъ дѣлъ. Садовъ считается до десяти, арбузныхъ и дынныхъ бакчей (огородовъ) болѣе шестидесяти. Первые занимаютъ земли до пятидесяти квадратныхъ сажень и приносятъ доходу до трехъ сотъ рублей серебромъ. Выгода отъ бакчей уменьшилась и даже уменьшается годъ отъ году, по пручинѣ лучше произрастаемыхъ въ хуторахъ на реваго уѣзду: Балыклеѣ, Пролейкѣ и Быковѣ. Арбузы изъ трехъ этихъ хуторовъ, особенно быковскіе, единственны по своей сочности, вкусу и величинѣ. Въ прежніе годы доставлялись арбузы изъ Царицына не только въ Москву, но и ко двору Императрицы Екатерины-Второй; доставщикъ ихъ былъ купецъ Ершовъ.

Торговля производится со многими городами. Предметъ торговли: лѣсъ, рыба, скоть, шкуры, шерсть верблюжья и овечья. Лѣсъ отправляется на Донъ, а рыба на ярмарки: коренную, урюпинскую и крещенскую, такъ же въ Саратовъ и Москву. Скоть, шкуры и шерсть продаютъ пріѣзжимъ торговцамъ изъ верховыхъ городовъ. Товаръ красный и сукна доставляются въ Царицынъ изъ Москвы и макарьевской ярмарки, а другія издѣлія, какъ-то: фаянсовые, кристаллыныя, стеклянныя, стальныя и желѣзныя привозятся весною по Волгѣ изъ верховыхъ губерній. Вина выво-

зятся изъ Кизляра, Таганрога и Дона; скоть скупається въ окрестныхъ мѣстахъ, а лѣсъ пригоняется изъ верховья на плотахъ. За нѣсколько лѣтъ предъ этимъ происходила выгодная торговля съ калмыцкой ордою, но теперь она очень упала. Причина этому бышій падежъ на рогатый скоть, овецъ, лошадей и верблюдовъ. Стада, можно сказать, исчезли, и Калмыки пришли въ такую бѣдность, что едва имѣютъ пасущее пропитаніе. Въ калмыцкую орду отправлялись изъ вещей: двери къ кибиткамъ, ведра, кадки, сундуки, таганы, котлы, ложки, чашки, складные ящики для калмыцкихъ торгашей и бублики (баранки). Бублики имѣняли большей частью на мерлушки и шерсть; мѣна эта была самой выгодною: за нѣсколько бубликовъ Калмыкъ отдавалъ мерлушку или охапокъ шерсти. Нынѣ торгуютъ внутри орды краснымъ товаромъ и въ большомъ количествѣ: напкою, китайкою и кирпичнымъ чаемъ. Лавки разбиваютъ въ кибиткахъ и съ перекочовкою ауловъ, сами переходятъ съ ними. При всемъ упадкѣ торговли съ калмыцкой ордою, весь оборотъ годовый простирается до 250,000 рублей серебромъ. — Въ городѣ бывають двѣ ярмарки: Троицкая и Ивановская (24 іюня): въ первую продолжается торговля около недѣли, а во вторую не болѣе четырехъ дней. Главный торгъ состоитъ въ продажѣ домашняго скота, который пригоняется изъ калмыцкихъ ордъ, астраханской губерніи и Дона. Привозитъ галантерейныя вещи, и товары шелковые, бумажные и суконные холсты и виноградныя вина. Пригонъ скота и привозъ товара составляетъ въ обѣ ярмарки около 50,000 рублей серебромъ. За торговля мѣста снимается не болѣе 300 рублей серебромъ. Доходъ вообще городской, не превосходитъ 4,000 рублей серебромъ, который весь израсходуется на полицію, думу и другія городскія надобности. Лавокъ считается въ городѣ: 5 съ краснымъ товаромъ, 2 съ плодами, 1 съ сарептскими произведеніями, 30 мелочныхъ, 10 мучныхъ, 4 рыбныхъ, 15 маселныхъ, 1 съ восковыми свѣчами, и 3 желѣзные. Изъ другихъ заведеній: 2 гостиницы, 1 харчевня, 5 питейныхъ домовъ, 3 винныхъ подвала, 1 двоваря, 3 кирпичныхъ и 2 свѣчныхъ завода. Въ 1814 году введена была перевалка товаровъ съ Волги на Донъ, при калачевскихъ хуторахъ. Но жители доселѣ не воспользовались этою выгодною и перегружаютъ свои товары изъ Дубовскаго посада, отстоящаго отъ Царницына около 45 верстъ, на Качалинскую пристань. Теперь же, для сокращенія перевалки, устроена дубовская конно-желѣзная дорога, и тѣмъ рушилась навсегда въ

года для Царицына, который неминуемо долженъ лишиться выгодной своей торговли. Польза въ перевалкѣ къ калачевскимъ хуторамъ была бы въ томъ, что дорога тамъ гораздо лучше, возвышенность береговъ Волги несравненно ниже, а потому перевозка товаровъ легче и самая пристань большая и удобная, между тѣмъ какъ въ Качалинѣ тѣснота, грязь въ водополье, отдаленность отъ мѣстъ выгрузки и нездоровый воздухъ. Самые суда изъ Дубовки идутъ прямо въ Царицынъ, и приходятъ не болѣе въ полтора сутокъ, но отъ Качалинской пристани до Царицына нужно ѣхать снова на Дубовку, и весь путь до Царицына можетъ продолжиться около трехъ недѣль.

Въ городѣ два училища: уѣздное и калмыцкое. Первое, открытое въ 1845 году, имѣетъ учащихся болѣе 70, а учащихся 8; второе, открытое въ 1840 году, для 10 мальчиковъ, имѣетъ цѣлю распространеніе евангельскаго ученія между Калмыками. Преподаваніе здѣсь наукъ, суть: законъ Божій, русскій и калмыцкій языки. Послѣдній предметъ преподаетъ священникъ Дилигенскій, безвозмездно. По полученіи питомцами первоначальнаго образованія въ этомъ училищѣ, они должны поступить въ саратовскую семинарію для окончательнаго образованія. Домъ для калмыцкаго училища пожертвовалъ купецъ Бабасевъ. При уѣздомъ училищѣ ведутся, съ 1835 года, метеорологическія наблюденія, которыя посылаются ежемѣсячно въ казанскій университетъ. Изъ наблюденій видно, что жары бываютъ въ Царицынѣ до 38°, а морозы до 30° по Реомюру.

ДУБОВСКІЙ ПОСАДЪ.

Въ царицынскомъ уѣздѣ лежатъ два замѣчательныхъ мѣста: поселеніе Геригутовъ, — Сарепта, и бывшее поселеніе волжскихъ казаковъ, Дубовскій посадъ*.

Въ народѣ сохранилось преданіе, что Дубовка основана шай-

* Объ Дубовскомъ посадѣ и Сарептѣ сообщено господиномъ Лесколюдымъ въ Статистическомъ описаніи саратовской губерніи (изданіе 1839 г. Ч. II. с. 62—64), но съ большими пропусками.

камни разбойниковъ, во въ какое время? никто не могъ сказать даже приблизительно. Нѣтъ сомнѣнiя, что это преданiе относится къ поселившимся здѣсь казакамъ, которые первоначально вездѣ озаменовывали себя своевольной своей жизнью и своей правую. Изъ мѣстныхъ источниковъ извѣстно, что пространство между городами Камышиннымъ и Царницынымъ, на протяженiи 186 верстъ, было заселено казачьими станицами, въ первой половинѣ осемнадцатаго вѣка (въ 1734 году.) На этомъ протяженiи находились богатые станицы: Антиповка, * Караванская, Балыклейская и Волгскiй казачiй городокъ. Всѣ эти станицы состояли въ вѣдѣнiи Волгскаго казачьяго войска, которое образовалось изъ Донцевъ, переселенныхъ сюда въ царствованiе Императрицы Анны. Въ 1776 году отправлены отсюда на кавказскую линiю, въ Моздокъ, 517 казаковъ, изъ которыхъ составился моздокскiй полкъ, удерживавшiй набѣги Кубанцевъ и другихъ кочующихъ брѣдъ. Черезъ семь лѣтъ снова выведено отсюда 540 казаковъ, на моздокскую линiю, но съ удержанiемъ первобытнаго ихъ названiя, — волгскаго казачьяго войска. Неспособные слѣдовать на новое поселенiе, въ числѣ 500 казаковъ, были поселены въ недалекомъ разстоянiи отъ нынѣшней Дубовки, двумя станицами: Пичужинскою и Александровскою, которыя причислились къ астраханскому казачьему войску.

Волгскiй городокъ, въ замѣнъ выведенныхъ изъ него казаковъ, сталъ заселяться выходцами изъ разныхъ губернiй, а самыя станицы, переименованныя въ селенiя Антиповское, Караванское и Балыклейское, заселились государственными крестьянами. При постепенномъ населенiи городка, онъ былъ переименованъ Екатериной Второй, въ Дубовскiй посадъ **. Названiе Дубовскаго посада даво по имени рѣчки Дубовки, которая протекаетъ между горами и впадаетъ въ Волгу. Иные думаютъ, что названiе Дубовки произошло отъ дубоваго лѣса, который росъ по обоимъ берегамъ Волги, за сто лѣтъ предъ симъ, въ большомъ множествѣ.

* Антиповка, расположенная по правому берегу рѣчки Волги, сдѣлалась въ послѣдствiи ссылочнымъ мѣстомъ; преступники ломали здѣсь камни для казенныхъ зданiй. Весь правый берегъ Волги изобилывалъ прежде камнями дикаремъ, который похожъ на финляндскiй грапптъ.

** Это переименованiе послѣдовало въ 1785 году по рескрипту на имя саратовскаго и кавказскаго генералъ-губернатора графа Потемкина.

Разсказывают по преданію, что въ этихъ лѣсахъ водилось множество разныхъ звѣрей, большой величины. Въ 1841 году послѣ необыкновеннаго дождя, бывшаго въ сентябрѣ 26, вымыло въ одномъ оврагѣ коренный зубъ, вѣсившій до осьми фунтовъ. Одному изъ здѣшнихъ жителей удалось приобрести стержень рога, вѣсившій до одиннадцати фунтовъ. Онъ былъ найденъ въ степи при рытіи колодезя. Эту стержень я видѣлъ уже въ Саратовѣ, у одного любителя рѣдкостей.

Изъ всѣхъ станицъ ни одна не привлекла къ себѣ столько жителей, какъ прежде бывшій Волгскій городокъ. Этому причиной обширная его торговля, которая соперничествуетъ понынѣ со многими торговыми городами, и выгодная пристань, расположенная по правому берегу Волги *. На мѣстѣ посада доселѣ видны слѣды зданій кыпчакской орды, и тамъ находили домашнюю посуду, украшенія и татарскія монеты. Разсказываютъ, что атаманъ волгскаго войска Макаръ Персидскій, жившій въ началѣ царствованія Екатерины Второй, посылалъ ежегодно по нѣскольку сотъ казаковъ, раскапывать Сарай, и находилъ въ немъ дорогія вещи: браслеты золотыя, чаши, посуду золотую и серебряную; кольца, перстни и ятаганы, обложенныя камнями; вывозилъ оттуда кирпичъ, подъ строеніе церкви, которую онъ соорудилъ въ восточно-западномъ вкусѣ. Иконостасъ и всю внутренность церкви, озолотилъ вырытымъ изъ Сарая золотомъ. Въ верхнемъ ярусѣ церкви, гдѣ хранится церковная сумма, находились изразцы въ сводѣ, съ изображеніемъ человѣческихъ лицъ, но онѣ зашекатурены суевѣрами, принимавшими изображенія за нечестиваго *Мамая*. Въ Дубовкѣ, Царицынѣ и Царевѣ,—древнемъ мѣстѣ Сарая, который отстоитъ отъ посада не болѣе осьми-

* Византійскіе Греки доставляли восточныя приносы и драгоценности рѣкою Волгой. По завладѣніи Аравитянами Египта, въ осемь вѣтъ, прекратился прежній путь восточной имперіи въ Индію, потому Греки открыли новую дорогу: они стали перевозить товары по рѣкѣ Инду, до тѣхъ мѣстъ, гдѣ она была судоходная; отсюда перевозили сухопутнымъ къ рѣкѣ Оксу, которою плыли потомъ въ Каспійское Море, изъ него Волгою до рѣки Дона, изъ Дона переправлялись сущью въ Дибъръ, послѣднимъ достигали Царьграда. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что переездъ греческихъ купцовъ, изъ Волги въ Донъ, долженъ быть на мѣстѣ нынѣшняго Дубовскаго посада, который недалеко отстоитъ отъ Дона, не болѣе 60 верстъ, и здѣсь легко переваливаются товары.

десяти верстъ, — какая бы ни была найдена вещь, или какой бы ни былъ открытъ скелетъ, носитъ названіе Мамай. Постоянно случалось слышать отъ рабочихъ, раскапывавшихъ развалины Сарая, отрыла Мамай. Отрывали ли нѣсколько мѣстъ мужскихъ и женскихъ скелетовъ, говорили: *нашли Мамай съ Мамайшею и Мамайтами*. Хотя около сотни было открыто скелетовъ въ разныхъ мѣстахъ, однако никакъ нельзя было вывести ихъ изъ заблужденія, что на свѣтѣ былъ одинъ Мамай. Находилась ли монета или какаянибудь другая вещь, все называли *Мамайскимъ*. Имя Мамай глубоко вѣзалось въ памяти народа.

Съ луговой стороны Волги красуется мѣстностію посадь. Тутъ раскиданы по косогору домики съ садами, а за ними растаиваютъ зданія, правильныя, чистыя и красныя. Съ высоты косогора, занимающаго бельведеръ, прекрасный видъ на Волгу, по которой несутся, словно на крыльяхъ лебединыхъ, сотни судовъ, а сама Волга разстилается въ извилистыхъ направленіяхъ, голубой полосею; по берегамъ рѣки кипитъ дѣятельная жизнь: то переваливаютъ на пристань тяжести, то перевозятъ ихъ лѣтними, но неутомительными волами, которые не рѣдко тагутъ сотнями другъ за другомъ. Ревъ быковъ, шумъ рабочаго народа и разнообразіе промышленниковъ дорисовываютъ картину полуазіатскаго края. Сюда стекаются, разумѣя въ судоходное время, не только жители изъ верховыхъ губерній, но степные, какъ то: Калмыки, Татары, Киргизъ-Кайсаки * и не рѣдко персидскіе торговцы.

Внутренность посада расположена на ровномъ мѣстѣ, которое разбито по плаву ** правильными строеніями, съ широкими

* Калмыки и Киргизъ-Кайсаки прѣзжаютъ на верблюдахъ для закупки хлѣба, кирпичнаго чая, курительнаго табаку, пестради, выбойки, крашевины, навки и другихъ вещей, необходимыхъ для домашняго быта и кочевья. Осенью разѣзжаютъ на верблюдахъ, Киргизъ-Кайсаки, преимущественно по уѣздамъ: царевскому и новоузенскому, и частью царыцынскому, для закупки жпзненныхъ припасовъ и другихъ вещей.

** Высочайше утвержденному 1820 іюня 18. Посадъ занимаетъ пространства, въ длину двѣ версты и двѣсти сажень, въ ширину одну версту и сто-двадцать-пять сажень, въ окружности семь верстъ и тридцать-осемь сажень. Для него нарѣзана двойная пропорція выгонной земли, а именно: удобной 5,562 десятины и 1,288 сажень, неудобной 6,959 десятинъ и 159 сажень, подъ усадьбы 322 десятины. Всего 12,843 десятины и 1,447 сажень.

и чистыми улицами. Жителей въ посадѣ болѣе 8,000 своего пола, въ числѣ которыхъ духовнаго званія 56, чиновниковъ слушающихъ и не служащихъ 72, разночинцевъ 26, купеческаго сословія 1,672, мѣщанскихъ 5,678, иностранцевъ 2, нижнихъ чиновъ 121, вольноотпущенныхъ 31, дворовыхъ 42, крестьянъ 379, колонистовъ 9, и другихъ состояній 112. Всѣхъ домовъ 757, изъ которыхъ каменныхъ 52, деревянныхъ 605.

Посадъ управлялся первоначально выборными людьми отъ общества, но когда Дубовская пристань привлекала къ себѣ иногородныхъ купцевъ, промышленниковъ и толпы рабочаго сословія, тогда была открыта ратуша, въ 1797 году, которая имѣла власть судебную и полицейскую. Необходимость сохранять порядокъ, обуздать своевольство и пресѣчь шайки бродягъ, раскольниковъ и разныхъ сектантовъ, указала учредить полицію, которая была открыта въ 1815 году. Въ посадѣ назначенъ полиціймейстеръ, одинъ кварталный надзиратель, одинъ писмоводитель и одинъ писецъ, которые получаютъ жалованье отъ думы *, а помещеніе полиціи находится въ наемномъ домѣ, насчетъ городскихъ доходовъ. Съ учрежденіемъ полиціи, ратуша стала дѣйствовать сообразно судебному ея назначенію. Въ ней находятся по выбору отъ общества: два бургомистра, четыре ратмана, а отъ короны состоятъ: одинъ секретарь, одинъ повытчикъ, одинъ журналистъ и три писца. Сверхъ того находятся суды: сиротскій и словесный, и дума, которая открыта въ 1804 году. Въ сиротскомъ судѣ опредѣленъ отъ короны одинъ писмоводитель, а отъ общества: городской голова, ратманъ ратуши, и городской староста. Въ словесномъ судѣ два судьи: одинъ отъ купечества, а другой отъ мѣщанъ. Въ думѣ назначенъ отъ короны одинъ секретарь, а отъ общества: городской голова, четыре класныхъ, изъ коихъ двое отъ купцевъ, а двое отъ мѣщанъ, двое старостъ и пять вольнонаемныхъ писцовъ. Дума получаетъ дохода болѣе 4,000 рублей серебромъ. Главный доходъ ея съ казенной пристани, которая доставля, въ 1845 году, 1,093 рубля 43½ копѣйки серебромъ. На содержаніе посада употребляется изъ земскихъ сборовъ, изъ коихъ израсходовано въ прошломъ году 215 рублей 14 копѣекъ серебромъ, а на содержаніе больницы израсходовано 780 рублей сереб-

* Полиціймейстеръ получаетъ 143 рубля, кварталный надзиратель и писмоводитель по 57 рублей 14½ копѣйки, а писецъ 31 рубль 43 копѣйки серебромъ въ годъ.

ромъ. Больница отарыта въ 1837 году. Въ ней ежегодно бываетъ большихъ до 70 человекъ; присмотръ за нею имѣютъ: одинъ врачъ, два фельдшера и два служителя, но завѣдываетъ больницею непосредственно дума, на попеченіи которой содержатся больные, которые помѣщаются въ наемномъ, довольно хорошемъ домѣ. Въ посадѣ находятся тюрьма, въ которой содержалось, въ теченіи четырехъ лѣтъ, 261 душа обоого пола. На прокормленіе арестантовъ отпускается отъ казны, а бѣлье, отопленіе и освѣщеніе отъ попечительнаго комитета о тюрьмахъ. Въ Дубовкѣ находится приходское училище, которое открыто въ 1825 году. Изъ наставниковъ: одинъ законоучитель и одинъ учитель первоначальныхъ наукъ; учащихся болѣ 120.

Въ Дубовкѣ находится еще почтовая контора, смотритель судоходства, два оберъ-фендера для приѣмки и отправки артиллерійскихъ снарядовъ и тяжестей, назначаемыхъ для черноморскаго флота; чиновникъ для закупки лѣсовъ, отправляемыхъ сухопутно на Кавказъ къ минеральнымъ водамъ.

Церквей въ посадѣ двѣ: одна соборная, трехпрестольная, во имя Успенія Божіей Матери, а другая деревянная, Троицкая. Успенская заложена въ 1763 году, атаманомъ волгскаго войска Макаромъ Персидскимъ, а довершена и освящена въ 1808 году. Она выстроена въ восточно западномъ вкусѣ, съ десятью широкими главами; съ готическими изображеніями и узкими окнами. Внутри мѣстамъ лѣпная работа, а самый иконостасъ окруженъ колоннами іоническо-коринтскими, которыя отличаются особенностію художниковъ, лѣпившихъ украшенія по своей фантазіи. Съ этой церковью соединена колокольня, отдѣленная отъ ней небольшимъ переходомъ. Колокольня не совсѣмъ окончена, однако въ ней повѣшены колокола. Между примѣчательными вещами, хранящимися въ соборной церкви, два серебряно-золоченные ковша, дарованные Императрицею Елисаветою. Одинъ изъ нихъ принадлежитъ старшинѣ волгскаго войска, Андрею Макарьевичу Персидскому, а другой атаману того же войска легкой ставицы Андрею Деметрѣевичу Кривутину. Оба ковша дарованы въ одно время, а именно: 1760 года сентября 13, съ надписью: *за военныя дѣйствія*. На ковшахъ изображеніе Императрицы Елисаветы и императорскій гербъ. Въ Троицкой церкви ничего нѣтъ замѣчательнаго.

Изъ промышленныхъ заведеній находятся заводы: двѣнадцать кожевенныхъ, пять кирпичныхъ, два свѣчныхъ, двѣ салотопни-

Изъ торговыхъ: одинъ трактиръ, двѣ гостиницы, шестъ вишневыхъ погребовъ, четыре питейныхъ погреба, одна ведерная и пятьдесятъ шесть лавокъ. Изъ послѣднихъ замѣчательнѣе темный гостинный дворъ, построенный изъ дикаго камня. Сводъ его сдѣланъ изъ чрезвычайной толщины кирпича, взятаго изъ развалинъ татарскихъ. Сохранился еще съ толстыми кирпичными стѣнами домъ, который занятъ нынѣ частнымъ лицомъ, а первоначально былъ мѣстопребываніемъ атамана Макарія Персидскаго *. Въ подвалѣ этого дома остались признаки потаенныхъ ходовъ; а на сводахъ комнатъ, которыя стоятъ непокрытыми болѣе ста лѣтъ, находились пушки.

Естественныя произведенія посада ограничиваются въ развѣнн садовъ, которыхъ считается до семидесяти. Въ нихъ растутъ: виноградъ, яблоки, глывы, сливы, баргамоты, дули, груши, смородина, малина и преимущественно вишня. Въ большомъ изобиліи произрастаютъ огородныя овощи, изъ нихъ особенно: огурцы, арбузы и дыни. Послѣднія славятся отличнымъ вкусомъ, и названіе дубовокъ усвоено имъ по мѣсту посада. Арбузы такъ же прекрасны, но гораздо превосходнѣе тѣ, которые растутъ въ хуторахъ царевскаго уѣзда: въ Быковѣ, Промейкѣ и Балыклетѣ, отдѣляющихся отъ дубовскаго посада рѣкою Волгой.

Ловъ рыбы весьма изобильный; онъ состоитъ изъ бѣлуги, осетровъ, стерлядей и частоковой рыбы **. Сбытъ рыбы происходитъ, по большей части, въ зимнее время въ Саратовъ и Москвѣ.

Главная промышленность здѣшняго края есть обширная торговля, которая состоитъ въ сплавиѣ строеваго дѣса, дегтя и смолы изъ вятской губерніи. Изъ другихъ верховыхъ губерній доставляютъ въ изобиліи, предметы роскоши и необходимые для общаго житія, какъ-то: глиняныя, стеклянныя, фарфоровыя, хрустальныя металлическія и деревянныя; конопляное масло, вино, хлѣбъ и

* Рассказываютъ, что самый домъ построилъ Макаромъ Персидскимъ, съ помощію бѣглыхъ людей, которые днемъ занимались работою, а на ночь были отвозимы на дощеникѣ, на средн. у Волги, и тамъ были оставлены на якорѣ, отобравъ отъ нихъ всякое оружіе. Это дѣлалось для того, чтобы толпа бродягъ не произвела разбоя и не умертвила бы своего атамана.

** Подъ именемъ частоковой, разумѣется рыба, ловившая частыми бреднями.

овощи всѣхъ родовъ. Все это передается сухопутьемъ къ пристани качалинской, находящейся при рѣкѣ Донѣ, и отстоящей отъ посада въ шестидесяти верстахъ. Отъ Дона уже расходятся товары по землѣ Донскихъ Казаковъ, кавказской линіи, таврическому полуострову и вообще между всѣми жителями Азовскаго и Чернаго Морей. Всего товара сбывается въ дубовской пристани, до 2,285,000 рублей серебромъ; годовой оборотъ, собственно жителей посада, простирается до 800,000 рублей серебромъ*. Сверхъ упомянутыхъ предметовъ, доставляется изъ гороблагодатскихъ заводовъ въ великомъ множествѣ казеннаго желѣза и чугуна, для луганскаго литейнаго завода. Изъ Сибири вывозятся артиллерійскіе снаряды, для снабженія войскъ, расположенныхъ на Кавказѣ и Грузіи, и тяжеловѣсные якоря для черноморскаго флота. Этими же путемъ идетъ значительное количество желѣза въ Турцію. Однихъ казенныхъ тяжестей, не считая мѣдной монеты, перевозимой въ боченкахъ до крѣпости Святаго Дмитрія и въ Таганрогъ, перевозится до 250,000 пудовъ.

На перевозку товаровъ и тяжестей стекаются возщики, именуемые фурщиками, которые приходятъ изъ кавказской области, воронежской и харьковской губерній, изъ окрестностей Дубовки. и вырабатываютъ въ теченіи лѣта до 143,000 рублей серебромъ. При перевозкѣ употребляется до 15,000 паръ быковъ и 1,500 лошадей.

Рабочіе толпятся** на пристани, въ посадѣ и по всему шестидесяти-верстному протяженію отъ Дубовки до Качалина, образуя изъ себя двѣ неразрывныя связи непрерывнаго движенія, ибо что везется съ одного конца, то принимается на другомъ, и обратно. Сотни обозовъ покрываютъ не рѣдко десяти-верстное пространство. Тѣ суда и барки, которые по чрезвычайной своей тяжести и огромности, не могутъ быть перевезены сухимъ путемъ, разбираются на мѣстѣ, по выгрузкѣ изъ нихъ клади, или отправляются обратнымъ путемъ. Осторожныя суда, поднимаю-

* Господинъ Леопольдовъ въ «Статистическомъ описаніи Саратовской Губерніи» (изданіе 1839 года, часть I, стр. 135) говоритъ, что внутренняя торговля всей губерніи составляетъ оборота на 12,815,901 рубль, вышшая на 11,030,090 рублей асигнаціями. Несправедливо: одинъ Саратовъ дѣлаетъ оборота на половинную сумму вышеозначенныхъ итоговъ, а Дубовскій посадъ производитъ торговлю не менше внутренняго оборота всей саратовской губерніи.

** Изъ приходитъ болѣе 10,000 человѣкъ.

шіе владн отъ 1200 до 5000 пудовъ, перевозятся на Донъ сухимъ путемъ, безъ всякаго поврежденія. Судно, такъ сказать, плыветъ сухою отъ Волги къ Дону и приводитъ своимъ движеніемъ въ изумленіе даже чуждаго любознательности.

Подъ судно подводятся четыре колеса, называемые коты*. Они дѣлаются изъ толстаго дуба, только безъ спиць; оборачиваются на двухъ осяхъ и связываются какъ малоросійскіе воловые возы. Поперечникъ заднихъ колесъ аршинъ съ четвертью, переднихъ одинъ аршинъ, а поперечникъ оси четыре вершка. Когда поставятъ на коты судно и подпрутъ его высокими люшнями, утвержденными къ концамъ осей; тогда обвиваютъ вокругъ судна толстый канатъ, потомъ протягиваютъ его подъ дно судна и прикрѣпляютъ къ осямъ. Послѣ припрягаютъ столько паръ воловъ, сколько нужно, чтобы сдвинуть судно съ мѣста. Ярмо каждой пары прикрѣпляется къ канату, за исключеніемъ кореннаго ярма, которое впрягается какъ въ обыкновенный воловой возъ. Чтобы поднять судно съ тяжестию и взвести его на гору, которая лежитъ у подошвы посада, то впрягаютъ отъ двадцати пяти до семидесяти пяти паръ воловъ, а иногда и болѣе. На ровномъ мѣстѣ впрягаютъ отъ десяти до двадцати паръ. При попутномъ вѣтрѣ ставятъ парусъ. Этимъ способомъ плыветъ громада по суху, какъ по морю. Она идетъ тихо, и останавливается на каждой верстѣ для паливанія дегтю въ колеса**. Судно на волахъ доставляется отъ дубовской пристани къ качалинской, въ теченіи пяти сутокъ, и на парусахъ менѣе нежели въ четверо сутокъ. Кромѣ судовъ перевозятъ на котяхъ якоря, бывающія вѣсомъ до пятисотъ пудовъ***.

* Въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1835 года № 5 стр. 264 ошибочно коты названы катка.

** Гдѣ у обыкновенныхъ колесъ подѣланы спицы, тамъ просверлена большая скважина, въ которую вливаютъ деготь, и потомъ закупориваютъ деревяннымъ гвоздемъ или пучкомъ свернутой мочалы.

*** Устройство котовъ и способъ перевозки принаролены однимъ Малоросійциномъ, котораго имя ни кто не могъ припомнить. Въ первый разъ это появилось около 1789 года, и какъ говорятъ, онъ думалъ приспособить паруса къ самымъ телѣгамъ. Перевозка судовъ на парусахъ напоминаетъ походъ нашихъ предковъ подъ Константинополь подъ предводительствомъ Великаго Князя Святослава, когда они переѣзжали въ судахъ по сухопутью. Въ 1833 году устроивъ въ уральскихъ пажитагильскихъ горныхъ заводахъ, господъ Денидовыхъ, сухопутный пароходъ, русскіи механикомъ

Судоходство начинается въ первыхъ числахъ апрѣля, и оканчивается въ половинѣ ноября. Въ прошломъ году оно открылось 6 апрѣля, а окончилось 20 ноября. Самое лучшее время съ 10 мая до конца іюля. Судовъ проходятъ мимо посада въ низовыя мѣста до пятисотъ, а въ верховыя до двухсотъ. Остается же на зимовку самое малое число, отъ пяти до десяти.

Для облегченія перевозки тяжестей, устроилась нынѣ желѣзнодорожная дорога, отъ Волги до Качалинской пристани, на протяженіи 62 верстѣ и 350 сажень. Дорога начинается въ полтораста саженьяхъ отъ берега Волги. Желѣзнодорожная дорога предпринята содѣйствіемъ графа Д. В. Васильчикова *, и нѣтъ сомнѣнія, что вознаграждаются пожертвованія предпріятелей. Ручательствомъ этому обширная торговля, которая совершается въ посадѣ, и которая увеличивается годъ отъ году. На первый разъ, конечно, встрѣтятся противудѣйствіе, какъ всякое нововведеніе, но оно помирится враговъ съ нововведеніемъ, по причинѣ большой дешевизны за перевозку, доставку тяжестей и всякаго груза, перевозимаго за однимъ разомъ въ тысячу разъ болѣе, и наконецъ чрезвычайное сокращеніе времени, которое составляетъ капиталъ въ торговлѣ. Что перевозилось прежде въ теченіи пяти дней, то можетъ быть перевозимо въ три часа. Надобно только желать еще, чтобы

Ееинозъ Черепановичъ, который, по необычайной его снѣтливости, достигъ самъ устроить пароходъ. Онъ ходилъ на пространствѣ 400 сажень цоноцію чугунаго колесопротода. Пароходъ его былъ не одважды въ дѣйствіи и показалъ на дѣлѣ, что можетъ возить болѣе 200 пудовъ тяжести, со скоростью отъ двѣнадцати до пятнадцати верстѣ въ часъ. Онъ устроилъ еще при нижнетагильскомъ заводѣ паровыя машины, для отливанія воды, изъ глубины на сорокъ три сажени. Эти машины силою отъ тридцати до сорока лошадей Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1835 года часть XVI стр. 339 — 342.

* Такову же дорогу предполагали особые акціонеры устроить отъ Дельтоцкаго озера къ городу Камышнику. Находились охотники открыть желѣзную дорогу отъ Саратова до Москвы, на осемьсотъ верстѣ протяженія, но предпріятіе ихъ не возымѣло благонамѣреннаго дѣйствія. Должно жалѣть, что остановились полезныя предначертанія. Выгода отъ послѣдняго устройства была бы несомнѣнная, особенно для восточнаго края Россіи, который не только бы сблизился по торговой дѣятельности съ Москвою и Петербургомъ, но развилъ бы промышленность въ тѣхъ губерніяхъ, въ конехъ гибнуть, на самохъ мѣстѣ, богатая произведенія странъ, отъ чего таинанная торговля въ жертвохъ состояніи.

прискано было средство перевозить самыя суда съ ихъ тяжестию*.

Желаніе нѣкоторыхъ, чтобы посады обратили въ города, не принесетъ ни какой пользы, потому что названіе города не дастъ выгодъ, и посады, не будучи городомъ, стоятъ самъ по себѣ по торговлѣ выше многихъ городовъ въ государствѣ. Если бы предстояла надобность открыть городъ, то слѣдовало бы уничтожить сосѣдніе ему города Царевъ или Царицынъ; первый отстоятъ отъ посады въ осьмидесяти верстахъ, а второй въ семидесяти пяти верстахъ.

Жители ничего не имѣютъ общаго въ образѣ жизни, по причинѣ выхода ихъ изъ разныхъ мѣстъ. Почти каждое семейство имѣетъ свой обычай, занесенный изъ мѣста своего пребыванія. Самые богатые купцы ограничиваются воспитаніемъ дѣтей своихъ только грамотѣ и письму; часто отдаютъ ихъ учиться старой грамотной дѣвкѣ. Особенно это дѣлается между раскольниками поповской и поморской секты, конхъ здѣсь довольно. Обитатели Дубовки покажутся съ перваго взгляда суровыми и не общежительными, но на самомъ дѣлѣ они просты, добѣрчивы, радушны и хлѣбосольны. Многіе изъ нихъ преданы большимъ предрасудкамъ, такъ напримѣръ: доселѣ боятся брить бороду, носить нѣмецкое платье, замѣчаютъ встрѣчи постороннихъ и тому подобное. Тамъ существуетъ одно престранное обыкновеніе. Если кто спроситъ кого либо: куда ѣдешь? или куда идешь? то для вопрошаемаго считается это дурнымъ предзнаменованіемъ, и онъ отвѣчаетъ ему: *на куды кину голову*, то есть чтобы пропала твоя голова, спрашивавшая куда. Встрѣченный съ подобнымъ вопросомъ возвращается домой съ неудовольствіемъ, и отлагаетъ всякую свою поѣзду въ тотъ день. Слово куда заключаетъ, по мнѣнію суевѣровъ, бѣду и несчастіе, а потому надобно всегда спрашивать по ихъ обыкновенію: далеко ли ѣдешь? или далеко ли идешь?

Изъ расколовъ находятя: поповщина, поморщина, молоканы воскресники и молоканы субботники или русскіе жиды. Поповской секты болѣе тысячи душъ обоюго пола. Въ исполненіи обрядовъ своихъ они обращаются въ донскую землю, однако дочериныя свои дозволяютъ выходить замужъ за православнаго. Поморцы

* Въ лѣтнее время высылаютъ берега рѣки Волги и Дона, потому самыя пристани ихъ должны быть такъ устроены, чтобы суда перевозились прямо изъ пристани въ пристань.

исполнены глусскихъ суевѣрій. При молитвословіи начальствуетъ у нихъ пожданъ дѣвка. Они ни какого не имѣютъ сношенія съ людьми, не слѣдующими ихъ обряду. Въ самомъ семействѣ ихъ каждый имѣетъ отдѣльную свою чашу и ложку, и ни за что не согласится ѣсть изъ чужой посуды. Брить бороду и стричь волосы, считается величайшимъ грѣхомъ; выстригаютъ только маковку головы, именуя это *святымъ гуненцомъ*. Крещеніе и браки совершаетъ старикъ; при переходѣ кого либо въ ихъ секту, перекрещиваютъ. Молокане воскресники называютъ себя духовными христианами, но въ сущности они суть духоборцы; всѣхъ ихъ около двадцати-осми семействъ. Воскресниками именуется они потому что признаютъ Воскресеніе Христово, но за то отвергаютъ почти всѣ апостольскія и церковныя постановленія. По нраву они пронырливы, лукавы, осторожны. Священниковъ ставятъ у себя изъ бѣглецовъ, основываясь на превратномъ истолкованіи словъ: *младаго и стараго, между стѣнами своими скрый* (Эзр. III, 22). Такое покрывательство считается у нихъ великой добродѣтью. Православныхъ почитаютъ нечистыми, и тайно подаютъ средства бѣгать изъ службы своимъ сыновьямъ и приверженцамъ, утверждаясь на словахъ Соломона: *на немъ же еще мѣсть воля соберутъ, не иди тамо, уклонися же отъ нихъ и изыди*. (Притч. IV, 15). Этому правилу они слѣдуютъ ненарушимо. Изъ странныхъ обрядовъ, въ особенности замѣчательны; *мирствованіе* и *очищеніе*. Подъ *мирствованіемъ* они разумѣютъ цѣлованіе, которое примѣнено ими къ словамъ Апостола Павла: *цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ* (Посланіе I къ Коринтянамъ, XVI, 20). Оно производится такъ: послѣ толкованія разныхъ мѣстъ Священнаго Писанія, собираются въ одинъ кругъ мужчины, женщины и дѣвушки; наставникъ входитъ въ кругъ и читаетъ молитву; всѣ надаютъ лицомъ до земли; по прочтеніи молитвы, онъ обращается къ одному изъ стоящихъ въ кругу и начинаетъ ему кланяться, а тотъ ему. Послѣ взаимныхъ поклоновъ, всѣ обнимаются и цѣлуются. Къ очищенію приступаютъ послѣ бесѣдъ, при сумабродномъ истолкованіи словъ Давида: *окропиши мя иссопомъ и очистюся*. (Псаломъ LX, 9): всѣ садятся по мѣстамъ въ кругу; учитель подходитъ къ одному, хранитъ и вдругъ сопадаетъ въ лицо; потомъ идетъ къ другому, и этимъ способомъ преподаетъ каждому очищеніе; принимающій его, отвѣчаетъ поклономъ. Нелѣпный обрядъ этотъ произошелъ отъ описка въ экземплярѣ Библии, принадлежавшемъ къ ихъ первымъ лжеучителямъ: слово *окропиши* они

читали *ограпиши*, а *мя иссопомъ* (квѣтъ употребляемая для окропленія), принято ими за *лія* и *сопомъ*, то есть сапомъ, сопишемъ.

Субботники нынче совершенно ослабѣли въ своемъ фанатизмѣ. Ученіе ихъ состоитъ въ ожиданіи Мессіи. Они слѣдуютъ одному закону Моисея, празднуютъ суббсту вмѣсто воскресенья, и потому названы «русскими жидами.» Числомъ они до тридцати пяти душъ.

А. ТЕРЕЩЕНКО.

=

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

УСТРОЙСТВО ЛѢСОВЪ ЧАСТНЫХЪ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Изложивъ въ предыдущей статьѣ правила устройства лѣсовъ, перейдемъ теперь къ рассмотрѣнію мѣръ и способовъ хозяйства въ нихъ.

Каждый кварталъ устроенной дачи заключаетъ въ себя число вырубокъ, соответствующее числу лѣтъ въ періодъ, то есть, если избраны тридцати-лѣтніе періоды, то ежегодно поступаетъ на вырубку тридцатая часть площади всего квартала.

Рубка лѣса производится или сплошь, или оставляя на вырубке площади известное число деревьевъ для обѣмненія почвы; въ первомъ случаѣ вырубленная площадь называется *сплошной лѣсосошкой*, во второмъ — *сѣмянною*.

Высокоствольные лѣса возвращаются, какъ известно, изъ сѣмянъ и большею частію самосѣвомъ; но если естественное возобновленіе будетъ недостаточно, или ненадежно, то на вырубленныхъ и не обѣмянившихся пространствахъ производятъ культуры, то есть засѣваютъ древесныя сѣмена или сажаютъ древесныя растенія.

Высокоствольные лѣса возобновляются большею частію сѣмянными лѣсосѣками. Этотъ способъ возобновленія довольно выгоденъ, потому что сѣмянные деревья доставляютъ молодымъ, вѣжнымъ растеніямъ защиту отъ излишняго вліянія свѣту и холоду и предохраняютъ почву отъ сильнаго высыханія; и возобновленіе лѣса сѣмянными лѣсосѣками обходится дешевле искусственнаго возобновленія лѣса.

Однако этотъ способъ возобновленія лѣса имѣетъ и свои невыгоды, именно:

а) Древесныя породы, требующія въ молодости совершенной свободы и свѣту, возрастаютъ на сѣмянныхъ лѣсосѣкахъ не вполне успѣшно;

б) По опаденіи сѣмянъ и появленіи всхода, нельзя вылапывать въ сѣмянныхъ лѣсосѣкахъ пней;

в) При вырубкѣ, разработкѣ на лѣсосѣкѣ деревья и вывозкѣ ихъ, причиняется всегда вредъ всходу;

г) Всходы на сѣмянныхъ лѣсосѣкахъ бываютъ часто неполные, то есть мѣстами рѣдкіе, мѣстами густые, потому что подлежащее обсѣяніе лѣсосѣкъ происходитъ не вдругъ, а постепенно.

Правила возобновленія лѣсовъ сѣмянными лѣсосѣками могутъ быть опредѣлены съ точностію только для господствующихъ породъ; породы же, встрѣчающіяся въ примѣси, подчиняются обыкновенно правиламъ возобновленія породъ, съ которыми онѣ произрастаютъ въ смѣси.

Хотя распределеніе деревьевъ въ сѣмянныхъ лѣсосѣкахъ для обсѣянія почвы и доставленія защиты всходу и молодымъ деревьямъ, бываетъ различно по древеснымъ породамъ, однако въ этомъ отношеніи могутъ быть даны и общія правила для всѣхъ вообще древесныхъ породъ.

Правила эти заключаются въ слѣдующемъ:

а) Въ учрежденіи приготовительной лѣсосѣки *.

б) Въ распределеніи сѣмянныхъ деревьевъ при темной порубкѣ **, съ цѣлю полного обсѣянія почвы.

* Приготовительною называется первая порубка на лѣсосѣкѣ, учреждаемая для понужденія деревъ къ произведенію сѣмянъ и уничтоженія подроста почвы.

** Темною порубкой называется вторая порубка на лѣсосѣкѣ, при которой оставляется на вырубленной участкѣ число деревъ, потребное для обсѣянія почвы.

в) Въ распредѣленіи деревъ при свѣтлой порубкѣ .
 г) Въ вырубкѣ сѣмянныхъ деревъ и оставленіи нѣкоторыхъ на двойной оборотъ рубки.

д) Въ прочисткѣ и пополненіи молодыхъ насажденій.

а) Приготовительная лѣсосѣвка учреждается съ цѣлію помудитъ деревья къ произведенію обильнаго количества сѣмянъ и пригото-
 вить почву къ принятію ихъ.

Въ густыхъ участкахъ средняго возраста, особенно на почвѣ влажной, сѣмяна рождаются очень скудно и весьма рѣдко. Чтобы помудитъ деревья такихъ участковъ производить обильное количество сѣмянъ, участки эти прорубаютъ, такъ, чтобы деревья не вездѣ смыкались вѣтвями, и черезъ нѣсколько лѣтъ, отъ сильнѣйшаго дѣйствія свѣту и воздуху на эти деревья, они начнутъ производить весьма значительное количество сѣмянъ. Той же цѣли достигаютъ обрубкою нижнихъ вѣтвей у деревъ вѣтвистыхъ. Приготовительная порубка, съ цѣлію получения обыкновеннаго количества сѣмянъ, предпринимается довольно рѣдко, потому что почва, оставаясь долго открытою, зарастаетъ травою, иногда такъ свѣпко, что, при наступленіи сѣмяннаго года, бываетъ часто неспособна къ принятію сѣмянъ и должна быть обнажена искусственно.

Въ буковыхъ и еловыхъ лѣсахъ почва можетъ быть неспособна въ принятію сѣмянъ, когда покрыта толстымъ слоемъ сухаго листа, иголь или несовершеннаго перегноя : въ этомъ случаѣ сѣмяна, падая на покровъ почвы или вовсе не взойдутъ, или когда взойдутъ, то по недостатку пищи скоро засыхаютъ. Въ такихъ участкахъ вырубкою нѣкотораго числа деревъ, слѣдственно выставленіемъ почвы болѣе свободному дѣйствию свѣту, воздуху и влажности, а вмѣстѣ уменьшеніемъ количества опадающихъ иголь и листьевъ, сухой слой листа скоро уничтожается. Прорубка деревъ съ этою цѣлію должна быть умеренная, чтобы почва не зарастала послѣ травою, а для этого достаточно прорубить участки такъ, чтобы вѣтви остающихся деревъ находились другъ отъ друга отъ осьми до пятнадцати футовъ. По прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ, на участкѣ начнетъ показываться трава отдѣльными стебельками, не покрывая почвы сплошь: — это признакъ, что цѣль приготовительной лѣсосѣвки достигнута.

Въ лѣсахъ сосновыхъ, произрастающихъ даже довольно густо,

Свѣтлую порубкою называется рубка съ лѣсосѣки части сѣмянныхъ деревъ. для доставленія входу болѣе свѣту и свободы.

почва бывает нередко покрыта мхами, черникой и другими растениями, всходящими въ угнетенной тѣни. Выставленіе таковой почвы, черезъ прорубку деревь (такъ, чтобы концы оставленныхъ деревь отстояли другъ отъ друга отъ двадцати до тридцати футовъ) болѣе свободному доступу воздуху и свѣту, уничтожаетъ покровъ почвы и дѣлаетъ ее способною къ принятію сѣмянъ.

Въ березовыхъ и ольховыхъ лѣсахъ приготовительныя порубки для вышензложенной цѣли предпринимаются весьма рѣдко, хотя онѣ и бываютъ часто необходимы, потому что почва этихъ лѣсовъ мелко зарастаетъ густою травой.

б) Распределеніе деревь въ темной лѣсосѣкѣ, для полного обсѣяненія почвы, можетъ быть различно, смотря потому, много ли деревь могутъ производить сѣмянъ, удобно ли онѣ разносятся вѣтромъ и можно ли ожидать вспомошествованія обсѣяненію отъ окружающаго лѣса.

Числа сѣмянныхъ деревь, оставляемыхъ на лѣсосѣкѣ, определить нельзя: оно бываетъ то болѣе, то менѣе, даже при возобновеніи одной и той же древесной породы, потому что деревь крупныя, съ большими вѣтвями и взрослія на свободѣ, производятъ обыкновенно больше сѣмянъ нежели деревь тонкія, выросшія въ густотѣ и потерявшія прежде отъ заглушенія. Деревья, растущія на сухой почвѣ, производятъ сѣмянъ болѣе нежели на почвѣ влажной и мокрой.

Древесныя породы, дающія сѣмена тяжелыя, требуютъ при возобновеніи своемъ большаго числа сѣмянныхъ деревь; напротивъ того, деревь, имѣющіе сѣмена крылатыя, легко разносятся вѣтромъ, требуютъ для надлежащаго обсѣяненія почвы меньшаго числа сѣмянныхъ деревь.

Вообще можно держаться слѣдующаго правила: въ лѣсахъ дубовыхъ, при полномъ урожаѣ сѣмянъ и высокыхъ сѣмянныхъ деревьхъ, разстояніе между вѣтвями сѣмянныхъ деревь можетъ быть до двадцати футовъ; при возобновеніи порода съ тяжелыми крылатыми сѣменами, какъ клена, концы вѣтвей сѣмянныхъ деревь могутъ отстоять одинъ отъ другаго отъ борака до пятидесяти футовъ, а породы съ легкими сѣменами отъ осьмидесяти до ста футовъ и даже болѣе.

При темной порубкѣ, оставляются на лѣсосѣкѣ: деревь прямоствольныя, не потерявшія въ молодости отъ заглушенія; деревь неизмѣющія толстыхъ, густыхъ вѣтвей и заглушающихъ, —

густыхъ вершинъ; деревья, не имѣющія толстыхъ корней, распространяющихся только въ верхнемъ слое почвы.

Середина лѣсосязки прорубается обыкновенно болѣе краемъ ея, чтобы вырубкою и вывозкою сѣмянныхъ деревьевъ не причинить большаго вреда всходу; предъ опаденіемъ сѣмянъ лѣсосячку необходимо очистить отъ кустовъ и заглушающихъ молодыхъ деревьевъ, которыми не нужны для защиты всхода.

Само собою разумѣется, что лѣсосячка должна быть очищена отъ щепы, сучьевъ и хворосту, которые собираются въ кучи и сжигаются.

в) Къ свѣтлой порубкѣ, или къ порубкѣ для доставленія всходу свѣту, приступаютъ уже тогда, когда лѣсосячка достаточно обсѣмянилась; назначеніе деревьевъ на вырубку нужно производить лѣтомъ, когда всходъ видѣнъ; на вырубку слѣдуетъ назначать деревья обсѣмянившія уже почву и заглушающія всходы, но если послѣднія не обсѣмянили еще почвы совершенно, а только около себя, и заглушаютъ всходъ, подъ нимъ растущій; то обрубкою лишнихъ и заглушающихъ вѣтвей можно устранить вредное дѣйствіе ихъ на молодые деревья.

Рубка и вывозка лѣса должна производиться зимою при глубокомъ снѣгѣ и въ теплую погоду, что не причинитъ значительнаго вреда всходу.

г) Рубка и вывозка послѣднихъ семяныхъ деревьевъ должна производиться еще осторожнѣе, потому что всходъ къ этому времени бываетъ уже довольно великъ и легко повреждается.

Для возвращенія деревьевъ особенно толстомѣрныхъ, какъ напримеръ для мельничныхъ валовъ, ступель къ наковальнямъ, можно оставлять нѣкоторыя деревья на двойной оборотъ рубки, то есть, до-тѣхъ-поръ пока возвращаемый вновь лѣсъ не поступитъ въ рубку.

Въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ оставлять на лѣсосячкѣ слишкомъ много деревьевъ, иначе они будутъ заглушать деревья молодого насажденія. Въ дубовыхъ лѣсахъ безъ всякаго вреда для молодого лѣса можно оставлять на лѣсосячкѣ отъ осьми до двѣнадцати деревьевъ на десятииѣ, въ основыхъ отъ четырехъ до осьми.

Еловыхъ деревьевъ на двойной оборотъ рубки не оставляютъ потому, что они легко валатся вѣтрами; березовыхъ, осиновыхъ и тому подобныхъ, потому что онѣ не выстоятъ двойнаго оборота.

а) При рубкѣ послѣднихъ сѣмянныхъ деревьевъ должно тщательно осмотрѣть всю лѣсосячку и всѣ мѣста, въ которыхъ заглуша-

юще кусты и значительно выросшія малоцѣнные породы начинаютъ вредить цѣннымъ, назначить для прочистки, а пустыя мѣста и прогалныя, которыя не заростутъ къ надлежащему времени лѣсомъ, для насажденія молодыми деревьями.

При возобновленіи лѣса сѣмянными лѣсосѣками надобно замѣтить одно весьма важное правило: ничто не вредитъ такъ молодому лѣсу какъ долгое оставленіе на лѣсосѣкѣ сѣмянныхъ деревьевъ, съ цѣлю обезьянить всѣ оставшіяся подѣ ними пустыя мѣста; поэтому если большая часть лѣсосѣки покрыта уже всходомъ, то несмотря на нѣкоторыя пустыя мѣста, всѣ сѣмяныя деревья должны быть вырублены съ лѣсосѣки; если же впоследствии на оставшихся пустыхъ мѣстахъ, не покажется всходу, то оны засаживаются молодыми деревьями.

Разсмотримъ теперь правила сѣмянныхъ лѣсосѣкъ въ частности, по породамъ.

Возобновленіе сосны. При возобновленіи сосны почва должна быть достаточно обнажена, чтобы сѣмена упадали непосредственно на почву и чтобы всходъ не заглушался впоследствии травой и сорными растеніями.

При возобновленіи сосны, исключая на летучихъ пескахъ, морскихъ берегахъ и подобныхъ мѣстностяхъ, слѣдуетъ рубить на лѣсосѣкѣ всѣ заглушающіе кусты и худыя неблагонадежныя молодыя деревья, которыхъ въ сосновыхъ лѣсахъ обыкновенно бываетъ такъ много. Последнія можно иногда и не рубить: многія изъ нихъ, по выставленіи ихъ свободному дѣйствію свѣту и воздуху, засохнутъ сами собою; оставшіяся же затѣмъ, необходимо должны быть вырублены, когда начнутъ оказываться вредными. Признаки заглушенныхъ молодыхъ сосновыхъ деревьевъ: они не имѣютъ надлежащаго роста въ вышину, вѣтви ихъ коротки и тонки, хвой въ весьма незначительномъ количествѣ, сипеватаго цвѣту, кора бѣловата, сердцевина почти бурая или по крайней мѣрѣ буроватаго цвѣта, конечныя почки и годичныя побѣги очень малы.

Всѣ древесныя породы производящія густую тѣнь не могутъ быть возвращаемы съ сосною и оставляемы на сѣмянныхъ лѣсосѣкахъ, потому что могутъ заглушать молодыя сосновые деревья. Береза же, напротивъ того, не вредна и составляя древесную породу охотно возвращаемую въ сосновыхъ лѣсахъ, оставляется на лѣсосѣкѣ, въ числѣ отъ пяти до осьми крупныхъ деревьевъ на десятинѣ, съ тою цѣлю, чтобы рубить молодой березовый лѣсъ при входиныхъ порубкахъ.

Возрастъ, въ которомъ сосна производитъ обильное количество сѣмянъ, какъ было сказано, бываетъ весьма различенъ, и зависитъ отъ почвы и болѣе или менѣе свободнаго стоянiя деревьевъ.

При назначенiи числа сѣмянныхъ деревьевъ нужно, разумѣется, сообразоваться съ плодотворительною способностью деревьевъ, растущихъ на назначаемомъ къ возобновленiю участкѣ, и назначать тѣмъ большее число сѣмянныхъ деревьевъ, чѣмъ онѣ производятъ менѣе сѣмянъ.

Для полнаго обѣмяненiя одной десятины необходимо пятьдесятъ четвериковъ шишекъ; если по вырубкѣ участка окажется ихъ менѣе, то недостающее количество пополняется оставленiемъ на лѣсосѣкѣ шишекъ съ вырубленныхъ деревьевъ.

При учрежденiи сѣмянныхъ лѣсосѣкъ въ сосновыхъ лѣсахъ нужно руководствоваться слѣдующимъ правиломъ.

На почвѣ свѣжей, суглинно-песчаной, сильно заростающей травой, рубку лѣса назначаютъ тогда, когда появятся на деревьяхъ сѣмена; учрежденiе приготовительныхъ лѣсосѣкъ не можетъ принести пользы, и удастся весьма рѣдко. Если же такiе участки необходимо рубить до появленiя сѣмянъ на деревѣ, то лучше передъ вырубкою участка разбросать по лѣсосѣкѣ нѣсколько фунтовъ или четвериковъ шишекъ и забороновать сѣмена, нежели ожидать обѣмяненiя отъ окружающаго лѣса, потому что до урожая сѣмянъ, почва навѣрное заростетъ травой.

Для обѣмяненiя такой почвы и защиты всхода не слѣдуетъ оставлять на лѣсосѣкѣ деревъ болѣе того, сколько нужно для обѣмяненiя почвы безъ вреда для всхода.

Число сѣмянныхъ деревьевъ на десятинѣ можетъ-быть различно, смотря по возрасту и величинѣ деревъ. На лѣсосѣкахъ узкихъ, гдѣ обѣмяненiе можетъ происходить отъ окружающаго крупнаго лѣса, оставляютъ на десятинѣ (въ 2,400 сажень) отъ двѣнадцати до шестнадцати большихъ деревъ. На лѣсосѣкахъ широкихъ, гдѣ въ обѣмяненiи нельзя ожидать пособiя отъ окружающаго крупнаго лѣса, достаточно оставлять на одной десятинѣ отъ сорока пяти до шестидесяти и сто-двадцати-лѣтнихъ деревъ, съ полными вершинами. Въ насажденiяхъ средняго возрасту и густыхъ перѣдко нужно оставлять столько деревъ, чтобы онѣ касались между собою вѣтвями; и въ такихъ случаяхъ въ первую зиму, по опаденiи сѣмянъ необходимо вырубать, по-крайней-мѣрѣ, половинное число сѣмянныхъ деревьевъ, чтобы всходъ не повредился тѣнью.

Вырубку сѣмянныхъ деревьевъ нельзя допускать скоро, хотя бы по-

ча и обсымляцца; потому что всходы на такихъ почвахъ пропадаютъ иногда отъ засухи, во второй и третій годы; поэтому къ первую и даже во вторую зиму вырубаются такое количество деревьевъ, чтобы на лѣсосѣкѣ оставалось до двадцати-пяти деревьевъ и этими деревьями, въ случаѣ смерти всхода, лѣсосѣка можетъ обсымяниться вновь. Оставленные деревья вырубаются черезъ три, четыре и даже шесть лѣтъ, когда всходу не можетъ представлять опасности отъ засухи.

На двойной оборотъ рубки оставляютъ на такой почвѣ отъ пяти до осьми хорошихъ, не очень вѣтвистыхъ деревьевъ.

На тощей песчаной почвѣ, могущей превратиться легко въ летучій песокъ, нужно руководствоваться совершенно противными правилами; главное дѣло состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы препятствовать превращенію почвы въ летучій песокъ, а для этого необходимо: чтобы лѣсосѣки были малы и окружены крупными лѣсомъ; чтобы опушки лѣса прилегающія къ летучимъ пескамъ, были сохраняемы неприкосновенными до-тѣхъ-поръ, пока находящіяся за ними лѣсосѣки не будутъ совершенно покрыты лѣсомъ такой величины, при которой летучій песокъ не можетъ быть уже вреденъ молодому насажденію. Вырубка, на сѣмянныхъ лѣсосѣкахъ, кустарника и заглушающихъ молодыхъ деревьевъ должна быть умѣренная и осторожная, нѣтъ въ виду безпрепятственный доступъ сѣмянъ до земли и свободный ростъ всхода; для этой цѣли достаточно очистить старые кусты отъ большихъ сучьевъ и вѣтвей, а молодыя, совершенно заглушенные деревья вырубать только мѣстами.

Расположеніе сѣмянныхъ деревьевъ на такой почвѣ должно быть такое, чтобы они касались другъ друга своими вѣтвями, или чтобы вѣтви ихъ отстояли другъ отъ друга на весьма незначительное разстояніе. Но при такомъ густомъ расположеніи сѣмянныхъ деревьевъ необходимо обрубить у нихъ сучья до тридцати футовъ высоты ствола отъ земли; въ противномъ случаѣ трудно представить себѣ возможность возрастить даже и посредственный всходъ.

При устройствѣ сѣмянныхъ лѣсосѣкъ на тощей песчаной почвѣ необходимо замѣтить одно весьма важное обстоятельство: всходъ на такой почвѣ появляется мѣстами весьма густо; если оставить его въ такой густотѣ по достиженіи всходомъ высоты отъ пяти до десяти футовъ, то онъ по недостатку пищи въ почвѣ почти перестаетъ расти и деревья мѣшаютъ расти другъ дру-

гу. Такія густыя мѣста всхода необходимо прорѣживать вырубкою и пересадкою нѣкоторыхъ деревьевъ на прогалины.

На почвѣ сырой черноземно-песчаной, лежащей въ уровень съ водою, сосна легко валится вѣтромъ; поэтому при возобновленіи сосны на такой почвѣ, лѣсосѣки назначаются меньше, рубка ведется съ противной стороны главныхъ вѣтровъ, опушки лѣса обыкновенно сохраняются и сѣмяныя деревья располагають не слишкомъ рѣдко.

Обмѣненіе такой почвы происходитъ обыкновенно довольно легко, всходъ растетъ на ней скоро, мало повреждается засухою и требуетъ рано свободы.

Когда на деревьяхъ появится значительное количество сѣмянъ, то съ лѣсосѣки срубають половину и даже двѣ трети всѣхъ находящихся на ней деревъ, и если всходъ появившійся въ слѣдующую весну уцѣлѣетъ втеченіи лѣта, то зимой вырубаетъ всѣ оставленные на лѣсосѣкѣ деревья.

Возобновленіе ели. Ель возобновляютъ или сплошными лѣсосѣками или сѣмянными. Способы возобновленія лѣса сплошными лѣсосѣками, довольно различны; но какъ подобная рубка составляетъ затруднительное и сложное хозяйство, при которомъ часто не знаютъ, гдѣ рубить, или не успѣваютъ вырубать всего во время, то мы не будемъ говорить здѣсь объ этихъ способахъ возобновленія ели, и скажемъ нѣсколько словъ объ образѣ веденія сѣмянныхъ лѣсосѣкъ въ еловыхъ лѣсахъ, способъ довольно выгодномъ въ мѣстахъ, гдѣ ель растетъ на почвѣ болѣе плотной, вязкой и гдѣ она, не подвержена вѣтровалу.

Сѣмянная рубка въ еловыхъ лѣсахъ ведется по слѣдующимъ правиламъ:

Лѣсосѣки должны быть небольшія, защищенные крупнымъ лѣсомъ.

Рубку должно вести съ противной стороны господствующихъ и сильно дующихъ вѣтровъ.

Пни вырубленныхъ деревъ не должны быть вырываемы.

Сѣмяныя деревья слѣдуетъ вырубать изъ деревъ болѣе укоренившихся.

Чѣмъ болѣе вѣтровалъ угрожаетъ сѣмяннымъ деревьямъ и чѣмъ легче почва зарастаетъ травою, тѣмъ гуще должны быть расположены деревья при такой лѣсосѣкѣ.

Всѣ кусты и мелкія древесныя растенія отбѣляющія почву и препятствующія ей покрываться травою должны быть оставлены на лѣсосѣкѣ.

Когда наступит сѣмянной годъ, то всё густыя лѣсосяжки про-
рубаются, зимою предъ опаденіемъ сѣмянъ, такъ, чтобы въ нихъ
оставалось не болѣе одной трети или одной четверти части
всѣхъ деревь; при этомъ на оставленныхъ деревьяхъ обрубають
всѣ низкіе, густые сучья и вѣтви.

Если втеченіи слѣдующаго лѣта всходъ остается здоровымъ
и обстоятельства будутъ благопріятны, то, въ слѣдующую за тѣмъ
зиму, вырубають всѣ оставшіяся на лѣсосяжкахъ деревья въ одинъ
разъ.

Но какъ, несмотря на всѣ предосторожности, предпринимаемыя
противъ вѣтроваловъ, совершенное отстраненіе ихъ невозможно,
то чтобы всходъ образовавшійся на землѣ, поднятой корнями по-
валенныхъ деревь, не засыхалъ, слѣдуетъ поваленные стволы
тотчасъ отпиливать и тогда пни съ поднятою землею займутъ
свои прежнія мѣста и всходъ будетъ расти безъ поврежденія.

При не полномъ обѣмянненіи лѣсосяжкѣ, пустыя мѣста и про-
галины должно въ скоромъ времени засѣвать и засаживать, а
не оставлять слишкомъ долго деревь для обѣмянненія.

Еловый всходъ необходимо тщательно охранять отъ заглушенія
травой и для этого черезъ лѣсосяжки оселью можно прогнать
коровъ.

Возобновленіе дуба. Главное правило при возобновленіи дуба
состоитъ въ томъ, чтобы вести рубку противъ холодныхъ сѣ-
верныхъ и восточныхъ вѣтровъ, потому что дубовый всходъ
легко повреждается морозомъ.

Слой сухаго листа на лѣсосяжкахъ не вредитъ дубу, потому что
онъ имѣетъ глубокой перпендикулярный корень и довольно мя-
систые сѣмянные листы.

Слой листа можетъ быть вреденъ молодымъ дубкамъ только
при значительной своей толщинѣ.

При распредѣленіи дубовыхъ деревь на лѣсосяжкѣ для обѣмян-
ненія почвы, надобно имѣть въ виду чтобы концы вѣтвей ихъ
не отстояли другъ отъ друга далѣе двадцати футовъ.

Но обѣмянненіи лѣсосяжкѣ, слѣдуетъ прорѣдить сѣмянныя де-
ревья еще въ первую зиму.

При этомъ вырубають преимущественно деревья вѣтвястыя,
большія, а на другихъ срубають только большіе сучья и вѣтви;
пни вырубленныхъ деревь вырываютъ всеюю и мѣста, бывшія
подъ ними, засѣвають желудями.

Вырываніе пней, вывозка и вырубка деревь должны быть
окончены ко времени разверзанія желудей.

Вырубка сѣмянныхъ деревь на дубовыхъ лѣсоуѣнкахъ, въ климатѣ умеренномъ, гдѣ дубу не можетъ угрожать опасность отъ холоду, можно производить отъ трёхъ до пяти лѣтъ. Гдѣ молодые дубки находятся подъ защитою другихъ древесныхъ растеній, тамъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, можно вырубать всѣ сѣмянныя деревья еще тогда, когда молодые дубки достигли только однолѣтняго или двухлѣтняго возраста.

Заглушенный всходъ впоследствии уже никогда не поправляется. Признаки дубковъ пострадавшихъ отъ сильнаго вліянія тѣни суть слѣдующіе: заглушенные дубки бывають очень длинны и топки, не имѣють боковыхъ вѣтвей и только на верхнихъ, на очень тонкихъ побѣгахъ, снабжены немногими мелкими листьями; кора заглушенныхъ дубковъ бѣловатаго цвѣта и блестящая; почки малы. У совершенно заглушенныхъ дубковъ конечности вѣтвей бывають сухи и стволы нагнуты къ землѣ.

Всходъ, не сильно потерпѣвшій отъ заглушеній, поправляютъ постепеннымъ выставленіемъ его дѣйствию свѣта; совѣмъ заглушенный лучше срубить, и тогда пеньки срубленныхъ деревь пускають поросль.

Трава не причиняетъ большаго вреда дубовымъ всходамъ, если она не слишкомъ высока и не покрываетъ молодыхъ деревь. Но если она разрастается значительно, то лучше ее осторожно срывать серпомъ.

Хотя урожай сѣмянъ въ дубовыхъ лѣсахъ бывають часты, и казалось бы, что возобновленіе дуба сѣмянными лѣсоуѣнками не слишкомъ затруднительно, но на дѣлѣ это не бывасть такъ, а потому возобновленіе дуба посѣвомъ желудей надобно предпочитать естественному его возобновленію.

Возобновленіе березы. Береза возобновляется чрезвычайно легко; необходимо только позаботиться чтобы почва не была покрыта слоемъ сухаго листа или несовершеннаго наема, потому что березовыя сѣмяна, мелкія, легкія, въ такомъ случаѣ не взойдутъ.

Деревья на сѣмянныхъ лѣсоуѣнкахъ располагаются въ разстояніи одно отъ другаго отъ сорока до семидесяти футовъ. Березовый всходъ боится отѣненія, и потому всѣ сорныя растенія и кусты могущія препятствовать успѣшному росту березоваго всхода необходимо вырубать.

Сѣмянныя деревья на лѣсоуѣнкахъ по возобновленіи почвы вырубаются всѣ вдругъ, хотя бы объмяненіе произошло и неполное; мѣста необсѣмяннившіяся возобновляются посадкою моло-

дыхъ березъ; сѣмяннами эти мѣста не засѣваются, потому что разновозрастные березовые подросты растутъ худо.

Возобновленіе ольхи. Черную ольху неохотно возобновляютъ сѣмянными лѣсосѣками, потому что почва въ ольховыхъ трясинахъ часто затопляется водою и зарастаетъ травой; кромѣ того ольховый всходъ вытѣсняется легко изъ земли морозами и при вывозкѣ сѣмянныхъ деревъ весьма много терпятъ поврежденій. Но если ольховыя трясинны имѣютъ мѣста возвышенныя незатопляемыя водою, на которыхъ всходъ не пострадаетъ отъ мороза, и почва достаточно обнажена для принятія сѣмянъ, то, выждавъ полный сѣмянной годъ, осенью, передъ рубкою участка, обнажаютъ почву отъ травы и прочаго покрова, и по обсѣяненіи почвы, — что бываетъ обыкновенно послѣ первыхъ морозовъ, — вырубаютъ весь участокъ на голо и вывозятъ срубленныя деревья въ ту же зиму. Всходъ обыкновенно появляется въ слѣдующую весну. Отъ заглушенія травю его необходимо предохранять, срѣзывая ее серпомъ до Ивановна Дня. Оставшіяся на лѣсосѣкѣ пустыя мѣста засаживаются, черезъ три и четыре года по всходѣ сѣмянъ, молодыми растеніями, выкопанными изъ тѣхъ мѣстъ лѣсосѣки, гдѣ они стояли слишкомъ густо.

Возобновленіе граба. Грабъ сносятъ въ молодости густую тѣнь, но повреждается легко морозами; поэтому распредѣленіе деревъ въ темной лѣсосѣкѣ должно быть довольно густое, такъ чтобы концы вѣтвей оставленныхъ деревъ находились другъ отъ друга отъ 20 до 30 футовъ.

По опаденіи сѣмянъ въ грабовыхъ лѣсосѣкахъ, нельзя тотчасъ вырубать сѣмянныхъ деревъ, потому что сѣмяна остаются въ землѣ часто цѣлый годъ, и почва въ это время можетъ зарости травю, которая въ послѣдствіи можетъ легко заглушить всходъ.

Деревья въ темной лѣсосѣкѣ начинаютъ вырубать уже по появленіи всхода, и притомъ не вдругъ; сначала обрубаютъ только вѣтви и большіе сучья сѣмянныхъ деревъ, а потомъ уже приступаютъ къ вырубкѣ и самыхъ деревъ, производя ее постепенно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, такъ, чтобы молодой всходъ выставить совершенно на свободу черезъ восемь или десять лѣтъ.

Здѣсь надобно еще замѣтить, что молодыя, корявыя грабовыя деревья, выросшія въ густой тѣни, вырубать съ лѣсосѣки не слѣдуетъ, потому что по выставленіи ихъ на свободу, они обыкновенно вырастаютъ въ хорошія деревья.

Возобновленіе лѣса. Лѣсъ въ молодости не любитъ плотной, вязкой почвы; поэтому предъ опаденіемъ сѣмянъ полезно ее взрыхлить. Расположеніе деревь въ темной лѣсосѣлкѣ при возобновленіи лѣса можетъ быть такое же какъ и при возобновленіи граба. Вырубку ихъ производить по тѣмъ же правиламъ, потому что лѣсеныя сѣмяна, подобно грабовымъ, всходятъ только черезъ годъ. Окончательную рубку сѣмянныхъ деревь производить въ промежутокъ времени отъ трехъ до пяти лѣтъ.

Возобновленіе шлима и вяза. При возобновленіи шлима и вяза почву необходимо обнажить, иначе нельзя ручаться за успѣхъ возобновленія, потому что мелкія сѣмяна шлимовыя и вязовыя требуютъ совершенно обнаженной почвы. До полного урожая сѣмянъ, шлимовыя и вязовыя лѣсосѣлки остаются въ густомъ насажденіи; въ маѣ же, незадолго предъ опаденіемъ сѣмянъ, лѣсосѣлки прорубаются такъ, чтобы деревья стояли одно отъ другаго въ разстояніи отъ 40 до 50 футовъ.

Шлимовыя и вязовыя всходы пужно предохранять особенно тщательно отъ заглупенія травой.

Сѣмянныя деревья, если они вѣтвисты и производятъ густую тѣнь, рубаются въ три и четыре года, въ противномъ же случаѣ можно оставлять ихъ на лѣсосѣлкѣ отъ шести до осьми лѣтъ.

Но кромѣ естественнаго способа разведенія лѣса мы имѣемъ, такъ называемые искусственные способы, какъ для возобновленія такъ и для разведенія лѣсовъ. Мѣстные обстоятельства и соображеніе выгодъ того или другаго способа должны руководить при выборѣ мѣръ лѣсовозобновленія.

Искусственные способы возвращенія лѣсовъ суть:

- а) Посѣвъ древесныхъ сѣмянъ и
- б) Сажаніе молодыхъ древесныхъ растеній.

Сажаніе черенковъ и отводковъ употребляются только при возвращеніи нѣкоторыхъ древесныхъ породъ.

Выборъ того или другаго способа разведенія лѣса зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, между которыми главную роль играютъ: дешевизна того или другаго способа возобновленія лѣса и вѣроятность успѣха.

Прежде посѣву лѣса отдавали предпочтеніе передъ садкою, считая его способомъ дешевѣйшимъ и болѣе сообразнымъ съ размноженіемъ лѣсовъ самою природою.

Нынче по большей части не держатся этого мнѣнія и не отдаютъ безусловнаго преимуществва ни посѣву ни посадкѣ, а со-

ображаются съ мѣстными обстоятельствами и, главное, съ дешевизною того или другаго способа возобновленія.

Посѣвъ лѣса вообще считается способомъ болѣе дешевымъ, но дешевизна его бываетъ часто воображаемая, потому что въ случаяхъ неудачи посѣва приходится сѣять на одномъ и томъ же мѣстѣ два и три раза.

Разсмотримъ сначала первый способъ разведенія лѣса, и изложимъ общія правила посѣва, соблюденіе которыхъ въ частности для каждой древесной породы необходимо для успѣха лѣсоразведенія.

Одно изъ главнѣйшихъ условій, на которомъ можно основывать успѣхъ посѣва, есть выборъ хорошихъ сѣмянъ, а для этого необходимо знать правила собиранія и сохраненія ихъ.

Собирать нужно сѣмяна хорошія и годныя ко всходу, а для этого необходимо, чтобы сѣмяна были совершенно образованы, то есть имѣли всѣ принадлежащія имъ части,—оболочку, ядро и зародышъ; чтобы сѣмяна были совершенно зрѣлы; зрѣлость сѣмянъ узнается по соотвѣтственному цвѣту, лоску, виду, величинѣ, запаху и вкусу зерна, также по полнотѣ и крѣпости сѣмянъ; впрочемъ, полнота сѣмянъ бываетъ часто ложная, особенно въ сѣмянахъ свѣжихъ, съ растреснувшимися оболочками, не препятствующими свободному доступу влажности, и наконецъ необходимо, чтобы сѣмяна были совершенно здоровы, то есть не имѣли червоточницъ, не были бы слишкомъ худы и тощи, потому что такія сѣмяна всходятъ весьма рѣдко, а если и производятъ растеніе, то обыкновенно слабое, хилое и неспособное образовать хорошее дерево.

Зрѣлость и добротность сѣмянъ узнается слѣдующими способами.

Кладутъ горсть сѣмянъ въ сосудъ, наполненный водою и замѣчаютъ, какое количество сѣмянъ утонуло на дно и какое всплыветъ на поверхность воды; всплываютъ только сѣмена пустыя, гнилыя или незрѣлыя. Или извѣстное число сѣмянъ,—а если онѣ мелки, то извѣстная мѣра ихъ,—засѣвается въ горшкѣ или ящикѣ, наполненномъ хорошою, пригодною землею; ящикъ или горшокъ ставится лѣтомъ подъ открытое небо, а зимою въ умеренно-теплой комнатѣ; земля въ горшкѣ должна быть постоянно влажна. Послѣ посѣва наблюдаютъ, скоро ли, въ какомъ количествѣ и всѣ ли сѣмена выходятъ вдругъ или одно за другимъ.

Хорошія сѣмена даютъ ростки скоро, всходятъ вдругъ, напротивъ того сѣмена дурныя даютъ ростки довольно медленно, и въ

этомъ случаѣ чѣмъ медленнѣе и неравнобѣриѣ всходятъ сѣмена, чѣмъ оны хуже и менѣе пригодны для посѣва.

Третій способъ опредѣленія добротности сѣмянъ состоитъ въ томъ, что извѣстное количество сѣмянъ обвертывается въ лоскутъ толстаго сукна смоченнаго водою и вѣшается въ умѣренно теплому мѣстѣ. Смачиваніе повторяется черезъ два или три дня до тѣхъ поръ, пока сѣмена не размокнутъ и не станутъ пускать ростковъ. Сравненіе относительнаго количества сѣмянъ съ ростками съ сѣменами, необразовавшими ростковъ, покажетъ степень добротности всего испытываемаго количества сѣмянъ.

Опредѣленіе годности сѣмянъ ко всходу необходимо особенно при покупкѣ ихъ у торговцевъ, продающихъ часто сѣмена стара, залежавшіяся и негодныя къ посѣву.

Собирать сѣмена слѣдуетъ всегда въ ведреннюю, весьма сухую погоду, въ противномъ случаѣ сѣмена сложенные въ кучи легко могутъ слежаться, прорости и сдѣлаться совершенно негодными къ употребленію.

Лучшія здоровыя сѣмена получаютъ съ деревь средняго возраста и красиваго вида. Поэтому сѣмяносныя деревья должны быть безъ всякихъ недостатковъ.

Способы собиранія сѣмянъ съ деревь весьма различны.

Собираніе и сохраненіе сѣмянъ дуба. Дубовыя желуди собираютъ прежде или послѣ опаденія ихъ на землю. Собирать желуди съ земли надобно въ сухую погоду; при этомъ необходимо наблюдать, чтобы собранные желуди были безъ патенъ и червоточины; не должно собирать желудей ни первопадающихъ, подверженныхъ всегда этому недостатку, ни послѣднихъ, которые по большой части бываютъ несовершенно зрѣлы. Когда желаютъ собирать сѣмена дуба до опаденія ихъ, то сбиваютъ желуди длинными шестами на рогожи разостланной подъ деревьями.

Для опредѣленія доброты собранныхъ дубовыхъ желудей, необходимо въкоторыя изъ нихъ разрѣзать вдоль, по поламъ, и замѣчать: неспорчено ли ядро червоточинами, совершенно ли наполняется оно роговое вещество желудка, здоровъ ли и сочень ли зародышъ; желуди съ червоточинами, бурнымъ, синеватымъ или даже чернымъ ядромъ, или ядромъ совершенно высохшимъ, свободно движущимся въ оболочкѣ и покрытымъ плесенью, не годятся для посѣва.

Если собранныя желуди не будутъ тотчасъ посѣяны, то ихъ необходимо ввести въ комнату или въ особый сарай и разсыпать встолстымъ слоемъ, перемѣшивая ежедневно до тѣхъ поръ пока

они высохнуть хорошо сваружи. Послѣ этого желуди размещаются, въ томъ же сараѣ, слоємъ толщиною въ футъ и остаются такимъ образомъ до посѣва.

Но когда посѣвъ не предполагается произвести скоро, то въ предупрежденіе образованія ростковъ мѣшаютъ собранные желуди чрезъ два или три дня, по одному разу въ день.

Если желуди должны быть посѣяны осенью того же года, въ который они собраны, то надобно смотрѣть только, чтобы желуди не пустили ростковъ и сохранять сѣмена отъ холоду. Но если ихъ предполагаютъ сѣять въ слѣдующую весну, то выгоднѣе собирать желуди слѣдующими способами:

Желуди насыпаютъ въ полѣ или другомъ открытомъ мѣстѣ кучами отъ двухъ до трехъ футовъ вышиною, и покрываютъ на одинъ футъ сухими листьями, на полъ-фута сухимъ ихомъ и наконецъ еще на полъ фута длиною соломою.

Такая толстая покрыва кучи дѣлается съ цѣлю предохранить желуди отъ холоду и сырости. При этомъ надобно смотрѣть чтобы въ кучахъ не завелась мышь.

Сохраняютъ желуди и другимъ образомъ, перекинувъ ихъ съ сухимъ листомъ и насыпая въ густомъ мѣстѣ лѣса небольшими, въ одинъ или два фута, кучами и покрывая сверху сухими листьями. Въ этихъ обоихъ случаяхъ сохраняемые желуди необходимо сѣять сейчасъ же по наступленіи весны: въ противномъ случаѣ желуди пускаютъ ростки, которые ослабляютъ ростъ будущаго прозябаемаго.

Желуди сохраняются и въ ямахъ вырываемыхъ на сухихъ мѣстахъ, гдѣ не можетъ накопиться вода; ямы эти глубиною отъ пяти до шести футовъ, а длиною смотря по надобности, наполняются попеременно слоями желудей и соломы или сухаго листа толщиною каждый отъ десяти до двѣнадцати дюймовъ; яма наполняется не до самаго верху: оставляется на одинъ футъ пустое пространство, которое наполняется слоємъ сухаго листа; сверху яма покрывается слоємъ земли въ видѣ конуса, для отведенія воды.

Но, кажется, самый лучшій способъ сохраненія желудей—погруженіе ихъ въ продиравленныхъ ящикахъ въ воду на такую глубину, гдѣ бы холодъ не могъ вредить желудямъ и гдѣ температура постоянна.

Сѣмяна вяза и илима собираются обыкновенно въ іюні или іюль мѣсяцахъ, когда сѣмена измѣняютъ свой зеленый цвѣтъ на бурый. Не надобно пропускать этого времени: иначе вѣтеръ раз-

вѣтъ сѣмя. Собравъ сѣмяна съ дерева, рассыпають ихъ въ сараѣ или мѣстѣ защищенномъ отъ сырости и сильнаго вѣтру и мѣшаютъ ежедневно по нѣскольку разъ, пока сѣмяна высохнутъ.

Сѣмяна ялима и вяза легко подвергаются порчѣ и потому ихъ нельзя сохранять долго. Доброту опредѣляютъ такимъ образомъ: если по разрѣзѣ сѣмяни перочиннымъ пожемъ, окажется мучнистая, сочная, маслянистая внутренность, то это признакъ, что сѣмяна свѣжи и годны для посѣва.

Зрѣлость сѣмянъ ялима опредѣляется свѣтло-бурымъ ихъ цвѣтомъ. Они находятся всегда на оконечностяхъ вѣтвей и потому легчайшій способъ собиранія ихъ состоитъ въ обколачиваніи такихъ вѣтвей длинными шестами; падающія сѣмена собирають на растянутую подъ деревомъ холстину или циновку.

Собранныя сѣмена рассыпаются тонкими слоями въ тѣни, въ сухомъ мѣстѣ и, по высушеніи, сберегаются въ мѣшкахъ или ямахъ. Внутренность хорошихъ ясеневыхъ сѣмянъ синевато-бѣлая. Они могутъ быть сохраняемы до двухъ лѣтъ и выходятъ послѣ посѣву черезъ полтора или два года, если были сберегаемы въ мѣшкахъ; напротивъ того сохраняемыя въ ямахъ всегда выходятъ ранѣе, потому что земная сырость ускоряетъ прозябаніе зародыша.

Добротность ясеневыхъ сѣмянъ узнается также какъ и добротность сѣмянъ вязовыхъ.

Сѣмена клена созрѣвають осенью въ сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцахъ. Признакомъ зрѣлости сѣмянъ служитъ бурый цвѣтъ ихъ.

Кленовыя сѣмена собирають съ дерева также какъ и сѣмена ясеня, то есть, обрывая руками или обколачивая шестами съ дерева около двадцати-пяти-лѣтняго возраста.

Сѣмена клена, по отдѣленіи ихъ отъ стебельковъ, сберегають въ мѣшкахъ, вѣшая въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не можетъ быть сквознаго вѣтру. Кленовыя сѣмена могутъ быть годны для посѣва не далѣе двухъ лѣтъ, а потомъ уже теряють жизнѣнность. Доброта кленовыхъ сѣмянъ узнается слѣдующимъ образомъ: снимають сѣмянную оболочку, и если находящіяся подъ нею зародышные или сѣмянныя листки цвѣта зеленого, сочны и свѣжи, то сѣмяна здоровы и могутъ быть пригодны для посѣва; напротивъ, если сѣмянныя листки какого-нибудь другаго цвѣта, и такъ сухи, что растираются между пальцами въ порошокъ, то сѣмяна эти считаются негодными для употребленій. Впрочемъ-

этотъ способъ опредѣленія добротности сѣмянъ клена не безошибочный; часто старыя, негодныя къ посѣву сѣмена сохраняютъ зеленый цвѣтъ листовъ.

Сѣмена *граба* собираются лучше всего по опаденіи листьевъ; сушатся и сохраняются совершенно какъ ясеневыя.

Сѣмена граба необходимо сѣять въ первую весну по сборѣ; долѣ ихъ сохранить весьма трудно, почти невозможно. Хорошія, свѣжія сѣмена граба имѣютъ сочное, полное ядро.

Сѣмена *липы* дозрѣваютъ въ октябрѣ, и остаются иногда на деревь по опаденіи листьевъ, а у нѣкоторыхъ деревь даже всю зиму.

Собираютъ липовыя сѣмена въ октябрѣ. Ихъ необходимо сейчасъ же сѣять; собранныя же зимою можно просушивать, рассыпая въ теплой комнатѣ небольшимъ слоемъ и сберегаютъ въ мѣшкахъ, ящикахъ, бочкахъ и тому подобномъ.

Березовыя сѣмена слѣдуетъ собирать въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ, когда прежнее ихъ дѣлаются темнубурныи.

Собранныя сѣмена рассыпаютъ тонкимъ слоемъ въ комнатѣ или въ сараѣ и перемѣшиваютъ втеченіи дня нѣсколько разъ. После обсушки надобно мять ихъ въ рукахъ для совершенно отдѣленія сѣмянъ отъ чешуи, и потомъ просѣивать сквозь рѣшета: сѣмена получаются чистыя. Изъ шестнадцати фунтовъ сѣмянъ березы, чистыхъ и хорошихъ получается только четыре фунта, остальное количество чешуя и сѣмена пустыя.

Сѣмена березы необходимо сѣять въ первую весну по сборѣ, иначе рѣдкія изъ нихъ всходятъ.

Сѣмена *ольхи* созрѣваютъ въ сентябрѣ и октябрѣ. Собранныя сѣмена вносятъ въ умеренно-теплую комнату и оставляютъ до тѣхъ поръ пока чешуйки ихъ раскроются; тогда надобно отдѣлить сѣмена отъ шишекъ посредствомъ просѣиванія въ рѣшетахъ. Или поступаютъ другимъ образомъ: ольховыя сережки вносятъ въ сарай, рассыпаютъ слоями, часто перемѣшиваютъ, потомъ всыпаютъ въ мѣшки и колотятъ палкою: сѣмена отдѣляются; отъ чешуи очищаютъ ихъ просѣиваніемъ чрезъ рѣшета.

Сѣмена ольхи долѣ года сохраняемы быть не могутъ.

Осина имѣетъ пушистыя сѣмена, заключенныя въ пушистыя сережкахъ. Изъ нихъ мужскія опадаютъ послѣ оплодотворенія, а женскія остаются и выбрасываютъ сѣмена въ концѣ мая и въ началѣ юня. Осина почти никогда не разводится посѣвомъ, но иногда, для полученія хорошихъ колевокъ или прутьяка, можно сѣять осину, и въ такомъ случаѣ, чтобы собрать сѣмена, очища-

ютъ мѣсто подъ деревьями съ женскими сережками, сметаютъ опадающія сѣмена, просѣиваютъ ихъ чрезъ ручныя рѣшета и сушатъ на солнцѣ или въ теплой комнатѣ.

Устройство сѣмянниковъ или сѣмявмѣстителей хвойныхъ породъ совершенно одинаково, а потому собираніе, сушеніе, отдѣленіе сѣмянъ отъ чешуи и сохраненіе ихъ производится совершенно одинаково. Шишки хвойныхъ породъ лучше всего собирать съ деревь сваленныхъ или срубленныхъ въ концѣ зимы, но если срубленныхъ деревь вѣтъ, то для отвращенія труда и опасности съ которыми сопряжено взлезаніе на деревь, можно срывать шишки посредствомъ длинныхъ шестовъ съ вилообразными остриями, устроенными наподобіе ножицъ.

Надобно собирать шишки зеленовато-бурыя или годовыя, не трогая шишекъ старыхъ, темно-бурыхъ, отчасти побѣлѣвшихъ; самыя лучшія, здоровыя и совершенно созрѣвшія шишки находятя обыкновенно на вершинѣ дерева и на концахъ вѣтвей.

Собранныя сѣмена не должны быть попорчены насекомыми, что узнается по смолистымъ каплямъ находящимся сваружи шишекъ.

Сѣмена хвойныхъ деревь созрѣваютъ обыкновенно поздно осенью, въ концѣ октября и ноября. Сѣмена держатся въ шишкахъ до весны, то есть, до того времени когда отъ дѣйствія теплоты и влажности чешуйки начнутъ раскрываться. Собираніе шишекъ производится между временемъ созрѣванія и выпаденія сѣмянъ, лучше всего послѣ морозовъ.

Отдѣленіе сѣмянъ хвойныхъ породъ изъ шишекъ производится или дѣйствіемъ солнечнаго жара или искусственной теплотой.

Въ первомъ случаѣ дѣлаютъ ящикъ произвольной величины; передняя сторона ящика бываетъ ниже задней, для того чтобы солнечные лучи могли удобнѣе дѣйствовать. Ящикъ раздѣляется на двое горизонтально проволоочною рѣшеткою, на которую кладутъ шишки. Въ нижней части ящика подъ рѣшеткой, дѣлаютъ выдвижной ящикъ съ дномъ изъ толстой, плотной холстины, на которую падаютъ сквозь рѣшетку сѣмена, отдѣлившіяся изъ шишекъ.

Къ большому ящику, къ задней высокой сторонѣ его приделывается крышка, для защиты шишекъ отъ дождя и холода. Крышка ходитъ на блокахъ и потому она всегда можетъ быть открыта подъ угломъ, который будетъ признанъ необходимымъ.

Спарядъ этотъ, наполненный шишками, обращаютъ къ южной сторонѣ, и чѣмъ чаще мѣшаютъ шишки, тѣмъ скорѣе раскрыва-

ють они чешуйки; отдѣляющіяся сѣмена падаютъ на рѣшетку, а сквозь нее въ ящикъ, гдѣ и просушиваются. Въ ненастную погоду и ночью крышку должно закрывать.

Посредствомъ искусственной теплоты, въ небольшомъ количествѣ получаютъ сѣмяна изъ шишекъ слѣдующимъ образомъ: насыпаютъ шишками мѣшокъ до половины, завязываютъ его, раскладываютъ на обыкновенной топящейся печи и перетраиваютъ сѣмена всякій день три или четыре раза. Спустя нѣсколькихъ дней, когда шишки раскроются, высыпаютъ ихъ въ ящикъ, сильно перемѣшиваютъ, потомъ выколачиваютъ каждую шишку и отдѣляютъ такимъ образомъ изъ нихъ сѣмена.

Второе не менѣе важное обстоятельство при посѣвѣ лѣса есть подлежащее приготовленіе земли. Почва готовится или для того, чтобы лучше принять полагаемая въ нее сѣмяна,—для этого почвы покрытыя слоемъ сухаго листа, мху или несовершеннаго веревноя обнажаются отъ этого покрова; или съ цѣлю уничтожить и истребить траву и разные сорныя растенія могущія вредить впоследствии всходу изъ сѣмянъ; или же, наконецъ, чтобы умевьшить связь между частями почвы и тѣмъ доставить корнямъ молодыхъ растеній болѣе удобства въ распространеніи и чтобы покрыть посѣяныя сѣмяна землею.

Способы обработыванія почвы бываютъ различны, смотря по цѣли, которой желаютъ достигнуть. Гдѣ требуется только уничтожить покровъ почвы, тамъ достаточно иногда самыхъ простыхъ приемовъ обработыванія почвы; въ другихъ же случаяхъ обработываніе почвы бываетъ гораздо затруднительнѣе и требуетъ большихъ издержекъ.

Способы обработыванія почвы суть:

Паханіе, производимое плугомъ или сохою; оно предпринимается только на почвахъ плотныхъ, сильно задернѣлыхъ.

Временное употребленіе почвы подъ посѣвъ хлѣбныхъ растеній. Способъ этотъ можетъ считаться выгоднѣйшимъ, потому что почва, обрабатываемая подъ посѣвъ хлѣбныхъ растеній весьма тщательно, послѣ подъ посѣвъ лѣса не требуетъ дальнѣйшаго воздѣлыванія. Однако нужно замѣтить, что неоднократное всахлываніе и взрыхленіе бываетъ полезно только на почвахъ вязкихъ и плотныхъ; напротивъ того, на почвахъ рыхлыхъ, топкихъ, песчаныхъ, оно болѣе вредно нежели полезно.

Посерхностное взрыхленіе почвы. Этотъ способъ воздѣлыванія не принимается на почвахъ песчаныхъ, покрытыхъ мхами, лд-

шалми и густою травой. Покровъ этотъ весьма удобно можно уничтожить бороненіемъ.

Ръзаніе дерна состоитъ въ томъ, что дернъ снимаютъ пластами, обколачиваютъ съ него землю, складываютъ въ кучи и сжигаютъ.

Сильно задервѣлыя почвы обрабатываются также и взятываніемъ, то есть дерновый покровъ почвы взрыхляется кусками, мотыгою.

Вырваніе пней съ корнями и пастьба свиней — суть способы весьма удобные, дешевые и вполне достигающіе цѣли. Свиньи взрыхляютъ землю особенно хорошо тамъ, гдѣ находятъ много личинокъ насѣкомыхъ.

Исчисленными способами можно обрабатывать почву сплошь, бороздами и мѣстами; выгоднѣйшіе изъ нихъ, разумѣется, послѣдніе два, а потому они и должны употребляться чаще.

Воздѣлываніе почвы бороздами производится плугомъ, сохою, или мотыгою. Выгода этого способа состоитъ въ томъ, что при немъ сокращается работа, слѣдственно, сберегается время и нѣтъ излишнихъ издержекъ, и что растенія невоздѣланныхъ полосъ доставляютъ древесному всходу защиту отъ холоду и жару. При обработываніи почвы бороздами, нужно наблюдать: 1) чтобъ борозды на мѣстахъ ровныхъ имѣли направленіе отъ востока къ западу; цѣль такого проведенія бороздъ заключается въ доставленіи всходу защиты отъ холоду и жару; 2) на склонахъ горъ борозды должны быть проводимы параллельно подошвамъ горъ, чтобы дожди и тающій снѣгъ не размывали бороздъ, и 3) дернъ съ воздѣланныхъ полосъ слѣдуетъ класть на ту сторону, съ которой можетъ угрожать всходу большая опасность, то есть, на южную, если можетъ вредить солнечный жаръ, и на сѣверную — въ случаѣ опасности холода.

Ширину борозды проводятъ обыкновенно отъ одного до трехъ футовъ и отъ трехъ до шести футовъ въ разстояніи одна отъ другой.

Но самый выгодный способъ воздѣлыванія почвы есть пригтовленіе ея *мѣстами*. При этомъ способѣ требуется гораздо менѣе издержекъ, и всходъ, окруженный со всѣхъ сторонъ травою и сорными растеніями, лучше защищается отъ холоду и жару.

Почва воздѣлывается мѣстами или ямками различной величины и формы, напримѣръ, четырехугольными, круглыми и такъ далѣе. Мѣста приготавливаются вскапываніемъ или взятываніемъ. Разстояніе между мѣстами должно быть такое, чтобы древесныя

растения находились впоследствии ни густо ни рѣдко, но составили бы насаждение надлежащей густоты. Величина мѣсть бываетъ отъ трехъ четвертей до шести квадратныхъ футовъ; обыкновеннѣе же ихъ готовятъ въ одинъ квадратный футъ величиною и на четыре или на пять футовъ разстоянія одно отъ другаго.

Третье важное обстоятельство при посѣвѣ есть опредѣленіе соразмѣрнаго количества сѣмянъ. Количество сѣмянъ, потребное для посѣву на данномъ пространствѣ, бываетъ различно по роду сѣмянъ; но, кромѣ этого, нужно принимать въ соображеніе способъ воздѣлыванія почвы, добротность сѣмянъ и степень густоты посѣва, вѣроятность всхода сѣмянъ, имѣющіяся средства къ охраненію молодыхъ растений и рачительность, съ которою производится самый посѣвъ.

=

МЕТАЛЛЫ

ц

МЕТАЛЛИЧЕСКІЯ ИЗДѢЛІЯ.

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Въ новѣйшее время, при быстромъ развитіи золотыхъ промысловъ въ Сибирѣ, Россія, въ добываніи золота, опередила не только Европу, скудно надѣленную этимъ металломъ, но и богатую имъ Америку, гдѣ разработка золотыхъ рудниковъ значительно уменьшилась, въ слѣдствіе внутреннихъ безпокойствъ и междоусобныхъ войнъ. Въ богатствѣ мѣсторожденій серебра, Россія уступаетъ Америкѣ, но первенствуетъ между европейскими государствами. Несмотря на такое изобиліе драгоценныхъ металловъ, особенно золота, въ Россіи, она получаетъ значительныя количества въ слиткахъ и монетахъ, изъ-за границы. Если бы эти металлы обращались во внѣшней ея торговлѣ, подобно другимъ товарамъ, то по-крайней-мѣрѣ вывозъ золота долженъ бы постоянно превышать его привозъ. Напротивъ того, движеніе этой торговли подвержено большимъ измѣненіямъ, происходящимъ отъ особеннаго ея свойства: золото и серебро, заключая въ себѣ повсемѣстно признаваемую внутреннюю цѣнность, принимаются повсюду въ платежъ за другіе товары по цѣнамъ, зависящимъ отъ состоянія вексельныхъ и денежныхъ курсовъ. Смотря по

курсу, золото и серебро пересылаются изъ одного мѣста въ другое. Такимъ образомъ, иногда вывозятся изъ Россіи большія суммы звонкой монеты, а въ нныя годы привозъ золота и серебра въ слиткахъ и монетъ значительно превосходитъ ихъ отпускъ. Это объясняется тѣмъ, что привозъ и вывозъ золота и серебра, не завися исключительно отъ большаго или меньшаго добыванія этихъ металловъ въ извѣстной странѣ, подчинены вліянію курсовыхъ сдѣлокъ, по платежамъ за другіе товары, обращающіеся во внѣшней торговлѣ.

Обыкновенные металлы, — желѣзо, мѣдь и другіе, — въ сравненіи съ золотомъ и серебромъ, имѣютъ, во внутренней промышленности каждой страны гораздо болѣе важное значеніе по своему обширному употребленію на разнообразныя издѣлія, производствомъ которыхъ оживляются ремесла и фабрики. Великобританія не добываетъ драгоценныхъ металловъ въ своихъ владѣніяхъ, но, богатая своею промышленностью и торговлею, привлекаетъ къ себѣ золото изъ другихъ странъ, въ уплату за свои произведенія и обезпечиваетъ имъ кредитныя бумаги, замѣняющія въ ней звонкую монету. Металлическое богатство этой страны заключается въ изобильныхъ мѣсторожденіяхъ желѣза, мѣди, свинца и олова, съ неистощимыми пластами каменнаго угля. Добываніе этихъ произведеній принадлежитъ къ важнѣйшимъ отраслямъ великобританской промышленности; оно приводитъ въ движеніе огромныя капиталы, занимаетъ множество рукъ и доставляетъ матеріалы различнымъ ремесламъ и фабрикамъ, издѣлія которыхъ сбываются во всѣхъ частяхъ свѣта.

Въ Россіи, металлическое производство, по добыванію обыкновенныхъ металловъ, не находится въ такомъ благоприятномъ положеніи какъ въ Великобританіи. Желѣзныя руды разсыяны болѣе или менѣе изобильно, во многихъ краяхъ Европейской Россіи, но значительная разработка этихъ рудъ производится только въ лѣсообильныхъ мѣстахъ, потому что недостатокъ лѣсу въ другихъ краяхъ не вознаграждается у насъ изобиліемъ каменнаго угля, тогда какъ въ Великобританіи этотъ матеріалъ образуетъ неистощимые пласты, по близости рудныхъ мѣсторожденій. Желѣзо и мѣдь отличной доброты добываются въ Россіи изъ уральскихъ рудниковъ въ большомъ количествѣ, какъ для внутренняго сбыту, такъ и для заграничнаго отпуску; но производствѣ ихъ можетъ поддерживаться единственно при хозяйственномъ употребленіи заводскихъ лѣсовъ, къ отвращенію дороговиз-

ны топлива. Уральскій хребетъ доставляетъ большое количество драгоцѣнной платины, которая, впрочемъ, по ограниченному употребленію ея на издѣлія, не можетъ сдѣлаться значительною статью торговли. Добываніе свинца и олова въ Россіи незначительно и отъ того почти все потребное количество этихъ металловъ привозится изъ иностранныхъ земель; ртуть также получается изъ-за границы, а цинкомъ снабжаетъ Царство Польское.

Потребность въ металахъ и въ разнообразныхъ издѣліяхъ, которыя изъ нихъ вырабатываются, постепенно возрастаетъ въ Россіи, вмѣстѣ съ успѣхами промышленности и съ умноженіемъ нуждъ, рождающихся отъ довольства и роскоши. Привозъ разныхъ металловъ не въ дѣлѣ простирался въ 1824—28 годахъ на миллионъ рублей серебромъ, а въ 1839—43 годахъ на 1,200,000 рублей серебромъ въ годъ. Въ этой суммѣ заключаются частью такіе металлы, которые въ Россіи мало добываются, напримѣръ свинецъ, олово и другіе, и слѣдовательно, отъ приращенія ихъ расхода, привозъ долженъ возрастать. Сбытъ иностранныхъ металлическихъ издѣлій увеличивается у насъ въ значительной прогрессіи: средняя сумма ихъ привоза составляла въ 1824—28 около миллиона рублей серебромъ, а въ 1839—43 возвысилась до двухъ миллионъ рублей серебромъ и, вѣроятно, еще долго будетъ продолжаться значительный привозъ многихъ издѣлій этого рода, выдѣлка которыхъ у насъ еще требуетъ большихъ усовершенствованій.

При такихъ видахъ, въ отношеніи къ привозной торговлѣ этими товарами, нельзя не обратить особеннаго вниманія на неблагопріятное положеніе отпуска нашихъ металловъ, желѣза и мѣди: въ 1824—28 отпущено ихъ на 3,774,000, а въ 1829—43 на 2,167,000 рублей серебромъ въ годъ. Упадокъ ихъ вывозу не вознаграждается заграничнымъ сбытомъ нашихъ металлическихъ издѣлій: въ последнее пятилѣтіе весь отпускъ ихъ простирался только на полмилліона рублей серебромъ, тогда какъ привозъ былъ вчетверо значительнее.

Для изслѣдованія причинъ, препятствующихъ развитію этой отрасли нашей отпускной торговли, рассмотримъ состояніе вывоза нашихъ металловъ и металлическихъ издѣлій въ разные періоды.

Желѣзо сдѣлалось одною изъ главнѣйшихъ статей нашего отпуска въ половинѣ прошедшаго столѣтія, но уже съ 1800 вывозъ этого металла изъ Россіи началъ упадать и съ-тѣхъ-поръ не возвысился до прежней степени, какъ видно изъ слѣдующаго обзорѣнія :

Отпущено желѣза:

	Среднія количества :
Въ . . . 1749 году	329,000 пудъ.
. . . 1760 —	820,000 —
1762—1769 —	1,931,464 —
1793—1795 —	2,965,724 —
1800—1804 —	2,120,057 —
1805—1809 —	1,578,984 —
1810—1813 —	1,572,812 —
1814—1818 —	1,432,877 —
1819—1823 —	1,063,577 —
1824—1828 —	1,322,825 —
1829—1833 —	1,448,361 —
1834—1838 —	1,247,034 —
1839—1843 —	899,550 —

Отпускъ желѣза въ исходѣ прошедшаго столѣтія, усилившейся почти до трехъ милліоновъ пудовъ, потомъ, втеченіе около двадцати лѣтъ, уменьшился отъ двухъ до одного милліона пудовъ, и хотя въ слѣдующее десятилѣтіе, съ 1824 до 1834, нѣсколько увеличился, однако въ новѣйшее время опять пришелъ въ упадокъ, такъ, что нынѣшній отпускъ не многимъ превышаетъ количество, какое вывозилось слѣшкомъ за восемьдесятъ лѣтъ.

Въ послѣднее двадцатилѣтіе вывозъ желѣза, въ каждый годъ порознь, составлялъ слѣдующія количества:

ПО Т О Р Г О В Л Я :

	Европейской.	Азіатской.	Всего вообще.
Въ 1824 году	1,017,206	188,251	1,205,457 пуд.
1825 —	1,313,895	154,966	1,468,861 —
1826 —	1,141,729	69,393	1,211,122 —
1827 —	1,431,541	105,751	1,537,292 —
1828 —	1,007,285	184,111	1,191,396 —
1829 —	1,256,496	286,308	1,542,804 —
1830 —	1,014,844	305,455	1,320,299 —
1831 —	1,260,884	163,049	1,423,933 —
1832 —	1,552,496	107,397	1,659,893 —
1833 —	1,167,065	127,814	1,294,879 —
1834 —	832,788	84,462	917,250 —
1835 —	1,294,646	106,213	1,400,859 —
1836 —	1,403,358	172,813	1,576,171 —
1837 —	1,025,175	195,670	1,230,845 —
1838 —	916,346	193,701	1,110,047 —

	Европейской.	Азиатской.	Всего вообще.
Въ 1839 —	957,413	116,493	1,073,906 пуд.
1840 —	714,774	148,239	863,012 —
1841 —	841,337	112,789	953,626 —
1842 —	590,046	243,214	823,260 —
1843 —	533,070	250,879	783,949 —

Отпускъ желѣза вообще уменьшился наиболѣе въ оба послѣдніе періода: въ пятилѣтіе съ 1839 по 1843 вывезено, въ сложности, на тридцать-осемь процентовъ менѣе чѣмъ въ предыдущее, а въ 1834 по 1838 вывозъ уже былъ на шестнадцать процентовъ менѣе чѣмъ съ 1829 по 1833. Втеченіе всего двадцатилѣтія самый малый отпускъ желѣза былъ въ послѣдній періодъ; во упадокъ этой статьи началъ оказываться ощутительно уже съ 1837, такъ, что съ-тѣхъ-поръ вывозъ уменьшился почти на половину.

По европейской торговлѣ сбывается наибольшее количество желѣза; въ первые три періода вывозилось его на Западъ около $\frac{2}{10}$, а на Востокъ только около $\frac{1}{10}$ части всего отпуска. Въ послѣдній періодъ эта пропорція измѣнилась: по европейской торговлѣ отпущено около $\frac{1}{6}$, а по азіатской почти $\frac{1}{6}$ часть всего количества.

Сбытъ желѣза по европейской торговлѣ въ послѣдній періодъ уменьшился почти съ каждымъ годомъ и въ сложности представляеть значительный упадокъ: въ 1839 — 1843 отпущено на пятьдесятъ-одинъ процентъ менѣе чѣмъ въ 1834 — 1838, и на семьдесятъ-два процента менѣе чѣмъ въ 1829 — 1833 годахъ.

Самый большой вывозъ желѣза по азіатской торговлѣ былъ въ 1829 — 1833; въ слѣдующее пятилѣтіе отпущено на тридцать процентовъ менѣе, а въ послѣдній періодъ отпускъ увеличился на сорокъ процентовъ, но всё-еще былъ менѣе количества, вывезеннаго въ 1829 — 1833 годахъ.

Втеченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ цѣнность желѣза въ отпускной торговлѣ, понизившись около тридцатыхъ годовъ, осталась съ-тѣхъ-поръ въ одинаковомъ положеніи.

Отпущено въ Европу и Америку:

	Количество.	Цѣнность.	За пудъ.
Съ 1824 по 1828 г.	1,182,331 пуд.	1,776,139 р.	1 р. 50 к. с.
1829 — 1833 г.	1,250,357 пуд.	1,660,959 р.	1 р. 32 к. с.
1834 — 1838 г.	1,096,462 пуд.	1,423,781 р.	1 р. 30 к. с.
1839 — 1843 г.	725,328 пуд.	962,876 р.	1 р. 32 к. с.

Упадокъ цѣны въ послѣдніе три періода, сравнительно съ первымъ, составлялъ пятнадцать процентовъ.

Желѣзо, вывозимое изъ Россіи за границу, получается болѣею частью съ уральскихъ заводовъ, находящихся въ пермской и оренбургской губерніяхъ. Караваны судовъ, нагруженныхъ имъ, отправляются весною съ разныхъ притоковъ рѣки Камы и по этой рѣкѣ входятъ въ Волгу; желѣзо, назначенное въ Петербургъ, идетъ на тѣхъ же судахъ по Волгѣ до Рыбинска и здѣсь перегружается въ другія суда, для отправки водою къ этому порту; значительное количество желѣза выгружается на Волгѣ, у Нижняго-Новгорода, и съ тамошней ярмарки оно идетъ внизъ по этой рѣкѣ, частью до Казани и Самары, откуда перевозится сухимъ путемъ въ Оренбургъ и Троицкъ, для отпуску въ среднюю Азію, частью же отправляется по рѣкѣ Волгѣ къ Астрахани, для вывоза въ Персію и Закавказію; сверхъ того, большое количество желѣза сплавляется по Волгѣ до Дубовки, потомъ сухимъ путемъ перевозится отсюда къ Качалинской Пристанн, на Довь, и по этой рѣкѣ идетъ къ Ростову, для отправки въ Таганрогъ, Одессу и другіе южные порты. Съ нижегородской ярмарки также доставляется желѣзо по Окѣ, откуда перевозятъ его на рѣку Десну и съ этой рѣки по Днѣпру къ Херсону, для черноморскаго края. Въ Архангельскъ привозится желѣзо изъ вологодской и вятской губерній съ тамошнихъ заводовъ и доставляется къ этому порту по Сѣверной Двинѣ.

Черезъ морскую и сухопутную границы отпущено желѣза:

СРЕДНІЯ КОЛИЧЕСТВА.

По европейской				
торговль:	Въ 1824—28 г.	Въ 1829—33.	Въ 1834—38.	Въ 1839—43.
Изъ С. Петербурга . . .	825,113.	988,398.	810,334.	575,648 пуд.
— южныхъ портовъ . . .	292,702.	163,384.	219,693.	138,507.
— Архангельска и пр.				
иѣсть	64,546.	98,565.	36,435.	16,117.
Итого	1,182,361.	1,250,357.	1,096,462.	725,328 пуд.
По азіатской				
торговль:	Въ 1824—28 г.	Въ 1829—33.	Въ 1834—38.	Въ 1839—43.
Изъ Астрахани и Баку . . .	118,704.	164,668.	104,108.	133,563 пуд.
сухимъ путемъ	21,790.	33,326.	46,464.	40,659.
Итого	140,494.	198,004.	150,572.	174,222 пуд.

По европейской торговлѣ Россіи, вывозъ желѣза изъ Санктпетербурга, составляющій около осмидесяти процентовъ всего отпуска, значительно уменьшился въ новѣйшее время. Упадокъ его оказывается еще разительнѣе при сравненіи нынѣшняго отпуска съ прежнимъ. Изъ Санктпетербурга отпущено желѣза:

Въ 1739 г.	466,268 пуд.	Въ 1793—1797 г.	2,277,264 пуд.
— 1788—87 г.	2,178,215	— 1798—1802	1,841,832
— 1788—92	2,286,949	— 1803—1807	1,435,674.

Въ исходѣ прошедшаго столѣтія, отпускъ желѣза изъ Санктпетербурга былъ почти втрое болѣе нынѣшняго и даже уменьшившійся противъ прежняго вывозъ его въ первые годы текущаго столѣтія превышалъ количество, отпущенное изъ этого порта въ 1839 — 43 годахъ.

Въ южныхъ портахъ, отпускъ желѣза уменьшился особенно послѣ войны между Россією и Турцією, бывшей въ 1828 — 29 годахъ. Въ прежнее время оно было главною статью таганрогской торговли по большому сбыту его въ Левантъ. Въ 1814 году вывезено желѣза изъ Таганрога 1,175,000 пудовъ, въ 1815 году до 600,000, въ 1818 году 478,000, въ 1826 году 368,000 пудовъ, а изъ прочихъ южныхъ портовъ отпущено 94,000 пудовъ. Послѣ 1828 — 29 годовъ, когда торговля этихъ портовъ приостановилась по случаю войны съ Турцією, вывозъ желѣза съ-тѣхъ-поръ началъ еще болѣе упадать; въ 1833—38 годахъ среднее количество его составляло 219,000, а въ 1839 — 43 годахъ только 113,000 пудовъ. До 1836 года уральское желѣзо доставлялось чрезъ Ростовъ на складку въ Таганрогъ, для заграничнаго отпуска. По учрежденіи въ Ростовѣ таможенной заставы, въ 1836 году, отпускъ желѣза чрезъ Таганрогъ почти прекратился: оно складывается въ Ростовѣ и отсюда грузится прямо въ корабли, отходящіе за границу, либо доставляется на каботажныхъ лодкахъ въ Керчь, для нагрузки на корабли, выдерживающіе тамъ карантинъ. Небольшое количество желѣза вывозится изъ Одессы и Феодосіи.

Отпускъ желѣза изъ Архангельска въ концѣ прошедшаго столѣтія доходилъ до 175,000 пудовъ, но впоследствии сталъ уменьшаться и сдѣлался весьма непостояннымъ; въ 1834 — 38 средній отпускъ составлялъ 47,039 пудовъ, а въ 1839—43 годахъ 10,446 пудовъ.

По Каспійскому Морю изъ Астрахани и Баку отпущено желѣза въ послѣдній періодъ болѣе чѣмъ въ другіе два, 1824 — 28 и

1834—38, по противу 1829—33 менше; впрочемъ, эта разность, можетъ-быть, происходитъ оттого, что въ отпускѣ изъ Астрахани показывалось выстѣ желѣзо, вывезенное въ Закавказію и Персію.

Сухопутный отпускъ желѣза по азіатской границѣ, главнѣйше чрезъ Оренбургъ и Троицкъ, въ последнее десятилѣтіе представляеть приращеніе, составляющее въ сложности до 58 процен товъ противу предыдущаго десятилѣтія.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ отраслей, на которыя распределяется вывозъ русскаго желѣза въ эти двадцать лѣтъ, усмалась только одна, самая маловажнѣйшая вѣтвь, по которой направляется сухопутный его сбытъ въ Среднюю Азію.

При возрастающемъ потребленіи желѣза во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ на разнообразныя издѣлія, на постройку дорогъ, судовъ и прочая, отпускъ русскаго желѣза долженъ бы, кажется, непрерывно усиливаться; напротивъ того, мы видимъ, что онъ постепенно упадаетъ, хотя, по изобилію желѣзныхъ рудъ въ Россіи и при нынѣшнемъ усовершенствованіи разработки ихъ, добываніе желѣза, конечно, могло бы у насъ еще значительно увеличиться для удовлетворенія потребностей иностранныхъ государствъ. Но этотъ необходимѣйшій металлъ находится также болѣе или менше изобильно въ другихъ странахъ, и добываніе его тамъ, въ новѣйшее время, весьма распространилось; оттого уменьшилась тамъ надобность въ привозѣ его изъ-за границы, хотя внутренній расходъ желѣза увеличился, и нѣкоторыя государства, значительно умноживъ свое желѣзное производство, стали снабжать другія страны большимъ количествомъ желѣза, къ ущербу отпуска его изъ Россіи.

По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, вывозъ и привозъ желѣза и чугуна въ европейскихъ государствахъ составлялъ слѣдующія количества:

Отпускъ:

Изъ Великобританіи	около 11,000,000 пуд.
— Швеціи	4,000,000 —
— Россіи	900,000 —
— Бельгіи	600,000 —
— Австріи	540,000 —
— Тосканы	240,000 —
— Норвегіи	120,000 —

Всего около 17,400,000 пуд.

Привозъ:

Въ Германію	около 2,500,000 пуд.
— Францію	1,400,000 —
— Великобританію	1,000,000 —
— Данію	840,000 —
— Турцію	750,000 —
— Голландію	600,000 —
— Швейцарію	500,000 —
— Неаполь	420,000 —
— Бельгію	400,000 —
— Португалію	400,000 —
— Испанію	330,000 —
— Сардинское владѣніе	240,000 —
— Павскую область	220,000 —
— Грецію	200,000 —
— Разныя италіянскія владѣнія	180,000 —
— Ионическіе острова	20,000 —
Всего около 10,000,000 пуд.	

Перевѣсъ отпуска надъ привозомъ прѣстѣрается почти до осьми милліоновъ пудовъ, составляющихъ количество, вывозимое изъ Европы въ другія части свѣта, куда изъ одной Великобританіи отпускается желѣзнаго товару около шести милліоновъ пудовъ.

Эти выводы показываютъ, что въ общей массѣ желѣза, поступающаго въ заграничный отпускъ, на долю Россіи приходится только пять процентовъ, тогда какъ вывозъ изъ Великобританіи составляетъ до шестидесяти-трехъ процентовъ, а вывозъ изъ Швеціи почти двадцать-три процента; слѣдовательно, во вѣшной торговлѣ русское желѣзо встрѣчаетъ соперничество со стороны англійскаго и шведскаго.

Въ Великобританіи, обширному развитію желѣзнаго производства благопріятствуетъ съ одной стороны изобиліе желѣзныхъ рудъ въ мѣсторожденіяхъ каменнаго угля, а съ другой чрезвычайное умноженіе внутренняго расхода и заграничнаго сбыта желѣзныхъ товаровъ всякаго рода, равно какъ усовершенствованіе добыванія и выдѣлки ихъ, съ помощью машинъ и другихъ улучшеній по всемъ отраслямъ этой фабрикаціи. Нынѣ это государство отпускаетъ въ иностранныя земли желѣза и стали на два съ половиною до трехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій на полтора до двухъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, всего на четыре до пяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ или около двадцати-четырехъ до тридцати милліоновъ рублей серебромъ. Желѣзное производство, при всевозмож-

ныхъ искусственныхъ пособіяхъ, не могло бы совершить столь чрезвычайныхъ успѣховъ въ Великобританіи, если бы природа не надѣлила ея неистощимыми запасами каменнаго угля, вмѣстѣ съ изобиліемъ желѣзныхъ рудъ. Съ половины прошедшаго столѣтія, когда, отъ истребленія тамошнихъ лѣсовъ, дороговизна топлива сдѣлалась ощутительною, начали употреблять каменный уголь на желѣзныхъ заводахъ и съ-тѣхъ-поръ ихъ производство стало быстро возрастать: въ 1750 выплавлено чугуна 22,000 тоннъ (въ 63 пуда), въ 1796—125,000, въ 1806—250,000, въ 1820—400,000, въ 1828—700,000, въ 1829—1,250,000, и въ 1842—1,330,000 тоннъ или 83,000,000 пудовъ. Исчислено, что около трехъ десятыхъ всего добываемаго количества употребляется, въ видѣ чугуна, внутри Великобританіи; остальная же часть, то есть семь десятыхъ, перерабатывается въ желѣзо разныхъ видовъ, въ томъ числѣ полосоваго выдѣлывается не менѣе сорока милліоновъ пудовъ. Нынѣшній отпускъ желѣзныхъ товаровъ изъ Великобританіи простирается до одиннадцати милліоновъ пудовъ, тогда какъ въ 1803—1806 среднее количество его составляло не болѣе 1.760,000 пудовъ, а въ 1767 отпущено только 693,000 пудовъ. Если сравнить эти отпуска съ тогдашнимъ вывозомъ русскаго желѣза, то на сторонѣ его оказывается значительный перевѣсъ.

Отпущено:	среднія суммы.	
	въ 1767—69 годахъ	въ 1803—1806 годахъ.
Изъ Россіи	1,951,464.	2,147,592 пуда.
— Великобританіи .	693,000.	1,764,000 —

Вывозъ изъ Россіи, въ половинѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ болѣе, чѣмъ изъ Великобританіи, которая сама снабжалась въ то время значительнымъ количествомъ русскаго желѣза, а именно: изъ Петербурга отпущено полосоваго желѣза:

	Въ Велико- британію.	Въ другія мѣста.	Всего.	
Въ 1796 году.	1,837,593	448,613	2,286,206	пудовъ.
97 —	1,579,658	257,565	1,837,223	—
98 —	2,345,287	313,650	2,658,937	—
99 —	1,584,920	415,730	2,000,650	—
1801 —	1,058,281	857,945	1,416,226	—
802 —	1,421,261	612,241	2,033,505	—
803 —	1,665,496	513,038	2,196,534	—
Средняя сумма.	1,641,755	419,541	2,061,296	—
Въ 1843 году.	105,357	427,713	533,070	—
1844 —	146,625	436,469	583,094	—

Отсюда видно, что средній отпускъ въ Великобританію, съ 1796 по 1803 составлялъ 86 процентовъ всего количества желѣза, вывезеннаго чрезъ санктпетербургскій портъ и почти въ шестнадцатъ разъ былъ болѣе нынѣшняго.

Весь привозъ желѣза въ Великобританію изъ Россіи, Швеціи и другихъ мѣстъ простирался въ 1800—1805 до 2,140,000 пудовъ; нынѣ доставляется иностраннаго желѣза, употребляемаго болѣею частью на выдѣлку стали, вполонну менѣе и оно привозится наиболѣе изъ Швеціи *.

Эти выводы служатъ очевиднымъ доказательствомъ тому, что главною причиною упадка въ заграничномъ сбытѣ русскаго желѣза было уменьшеніе вывоза его въ Великобританію. За ущербъ этой отрасли торговли, Россія не могла вознаградить себя соразмѣрнымъ умноженіемъ отпуска желѣза въ другія страны, потому что повсюду встрѣтила бы усилившееся соимѣстничество англійскаго желѣза.

Изъ Великобританіи отпущено желѣза, чугуна, стали, не въ дѣлѣ и въ дѣлѣ, за исключеніемъ разныхъ мелкихъ пздѣлій:

Въ 1831 году.	124,312 тонновъ.	Въ 1836 году.	192,352 тонна.
32 —	147,636 —	37 —	194,292 —
33 —	162,815 —	38 —	256,017 —
34 —	158,166 —	39 —	247,912 —
35 —	199,007 —	40 —	268,328 —
Средняя сумма 158,381 тоннъ. (9,978,003 пуда.)		231,781 тоннъ. (14,602,263 пуда.)	

Не имѣя подъ рукою подробныхъ оффиціальныхъ отчетовъ за всѣ эти годы, не можемъ означить здѣсь сколько отпущено одного желѣза не въ дѣлѣ; но для примѣрнаго соображенія можетъ служить слѣдующая выписка изъ парламентскихъ свѣдѣній за 1832 и 1838 годы.

Отпущено	Въ 1832.	1838 году.
Желѣза полосоваго	4,626,515	8,041,725 пудовъ.
кричнаго	1,097,979	3,034,625 —
прутоваго	433,628	825,471 —
Чугуна	780,940	933,878 —
Стали	69,500	181,150 —
Желѣза и чугуна въ дѣлѣ: якорей, обручей, гвоздей, про- волоки и прочаго	2,164,615	2,931,725 —
Всего	9,173,076	15,957,574 пуда.

* Въ 1836—40 году средній привозъ составлялъ 1,349,145 пудовъ, изъ которыхъ на внутреннее потребленіе поступило 916,146 пудовъ. Привезено: изъ Швеціи 957,285 пудовъ и изъ Россіи 346,374 пуда.

Въ общей массѣ этого отпуска полосовое желѣзо составляетъ почти три четверти. Если допустить, что въ такой же пропорціи оно возвысилось и въ другіе годы, то средній отпускъ въ 1831—35 году могъ доходить до осьми съ половиною милліоновъ пудовъ, а въ 1836—40 году около одиннадцати милліоновъ пудовъ. Изъ Россіи также вывозится большею частью полосовое желѣзо и отъ того тѣмъ ощутительнѣе соперничество Великобританіи; въ небольшой промежутокъ времени, отъ 1832 до 1838 года, вывозъ желѣза въ Великобританіи увеличился на 93 процента, а въ Россіи уменьшился на 43 процента.

Желѣза отпущено:	въ 1832	1838 году.
Изъ Великобританіи	6,159,021	11,90,492 пуд.
— Россіи	1,659,593	1,152,000 —

Вывозъ желѣза изъ Великобританіи былъ въ 1832 почти четверо, а въ 1838 адсятеро болѣе тѣмъ изъ Россіи.

Послѣ этого государства, Швеція занимаетъ первое мѣсто въ торговлѣ металломъ, по количеству отпуска; но въ отношеніи къ добротѣ металла, шведское желѣзо признается самымъ лучшимъ и отъ того пользуется значительнымъ сбытомъ. Впрочемъ, несмотря на соперничество Великобританіи, ежегодно выпускающей въ продажу, на иностранные рынки, огромныя количества дешеваго желѣза, вывозъ этого металла изъ Швеціи, въ новѣйшее время, примѣтно увеличился.

Отпущено:	средніе числомъ:
Въ 1816—20 годахъ.	2,590,620 пудовъ.
1821—25 —	3,068,627 —
1826—30 —	3,060,220 —
1831—35 —	3,423,369 —
1836—40 —	3,951,479 —
1841—43 —	4,098,163 —

Швеція отпускаетъ преимущественно полосовое желѣзо; другіе сорта вывозятся, сравнительно, въ гораздо меньшемъ количествѣ; такъ напримѣръ въ послѣдніе три года, средній отпускъ полосоваго желѣза составлялъ 3,898,454 пуда, а прочихъ сортовъ только 199,709 пудовъ.

Высокая доброта шведскаго желѣза поддерживаетъ сбытъ его въ Великобританіи, которой она необходима на выдѣлку стали; оно вывозится также въ большомъ количествѣ въ Соединенные Штаты, Германію, Францію, Голландію, Данію и другія мѣста. Однако англійское желѣзо, своею дешевизною, вытѣсняетъ и

шведское вездѣ, гдѣ можно безъ него обойтись, такъ, что въ новѣйшее время отпускъ этого металла въ Великобританіи увеличился гораздо болѣе чѣмъ въ Швеціи; напримѣръ, полосоваго желѣза отпущено:

	Въ 1832 году.	1838 году.
Изъ Швеціи	3,257,613	4,371,261 пудъ.
— Великобританіи	4,626,815	8,044,725 пудовъ.

Приращеніе составляло въ Швеціи тридцать-четыре процента, а въ Великобританіи семьдесятъ-четыре процента.

Швеція всегда отпускала желѣза болѣе нежели Россія, но около двадцати-пяти лѣтъ тому, разность между отпусками изъ обоихъ государствъ не была столь значительна, какъ въ новѣйшее время, напримѣръ:

Отпущено:

	Среднимъ числомъ.	
	Въ 1811—1815 годахъ.	Въ 1839—1840 годахъ.
Изъ Швеціи	2,755,319	3,851,479 пудовъ.
— Россіи	1,626,623	1,214,975 пудовъ.

Средній отпускъ изъ Швеціи былъ въ 1811—1815 на 29 процентовъ, а въ 1836—1840 на 217 процентовъ болѣе чѣмъ изъ Россіи. Въ послѣдній періодъ, сравнительно съ первымъ, вывозъ желѣза шведскаго увеличился на 39 процентовъ, а русскаго уменьшился около 34 процентовъ.

Въ 1841—1843 средній отпускъ шведскаго полосоваго желѣза простирается до 3,984,454 пудовъ; изъ этого количества отпущено:

Въ Великобританію	966,700 пудовъ.
— Соединенные-Штаты	798,042 — —
— Пруссію	427,942 — —
— Францію	373,883 — —
— Данію	310,966 — —
— Любекъ	163,083 — —
— Бременъ	123,492 — —
— Голландію	90,050 — —
— Мекленбургъ	80,658 — —
— Финляндію	70,408 — —
— Бразилію	60,550 — —

Отсюда видно, что изъ всего вывезеннаго въ 1841—1843 количества желѣза, четвертая часть отпущена въ Великобританію, а пятая часть въ Соединенные-Штаты, остальной же отпускъ

распредѣлялся между Пруссіею, Франціею, Даніею и другими мѣстами.

Для поясненія, на какихъ иностранныхъ рынкахъ и въ какой мѣрѣ англійское и шведское желѣзо соперничаетъ съ русскимъ, можетъ служить слѣдующая таблица, въ которой показанъ вывозъ этого товару изъ Великобританіи и Швеціи за 1838, когда отпускъ его былъ изъ самыхъ значительныхъ втеченіи десятилѣтія, съ 1831 по 1840, а количества вывоза изъ Россіи взяты за 1832 годъ, потому что въ тотъ же періодъ самый большой отпускъ русскаго желѣза былъ въ этомъ году.

Отпущено:	Изъ Россіи.	Швеціи.	Великобританіи.
Въ Великобританію	403,865	938,850	— — пуд.
— Голландію (и чрезъ нее въ Германію)	26,890	198,250	1,353,744 —
— Бельгію	— —	— —	350,608 —
— Данію	296	330,083	704,781 —
— Фанляндію	4,147	189,516	— — —
— Пруссію	34,268	192,616	104,454 —
— Германію	241	174,558	723,492 —
— Францію	16,928	463,283	829,143 —
— Португалію	} 20	— —	376,614 —
— Испанію			37,674 —
— Италію	5,768	— —	1,090,692 —
— Грецію и Турцію	217,117	— —	507,906 —
— Африку	— —	— —	208,467 —
— Персію и Среднюю Азію	107,397	— —	715,775 —
— Остъ-Индію	— —	— —	— — —
— Соединенные-Штаты	401,621	1,635,950	3 870,279 —
— Сѣверо-Америк. англійскія колоніи	— —	— —	421,470 —
— Вестъ-Индію	} — —	93 250	218,169 —
— Мексику и Южную Америку			117,605 —
— Австрію	— —	— —	149,347 —
— Зундъ	415,317*	— —	— — —
— Прочія мѣста	165	— —	169,818**
	Всего 1,659,893	4,202,356	11,999,988**

Изъ этой табели видно, что на всѣхъ иностранныхъ рынкахъ

* Корабли, отходящіе изъ Кронштадта въ Зундъ, обыкновенно получаютъ въ Гельсингерѣ приказы о своемъ дальнѣйшемъ назначеніи.

** Въ Мальту, Гибралтаръ, на Ионическіе Острова и такъ далѣе.

*** Въ этомъ количествѣ заключаются 933,878 пудовъ чугуна вывезеннаго болѣею частью въ Америку, Остъ-Индію и Вестъ-Индію.

преобладают сбыть английского и частью шведского желѣза и что русское сбывается болѣею частью въ Великобританіи и Соединенныхъ-Штатахъ: изъ 1,660,000 пудовъ туда вывезено около половины, а можетъ-быть еще гораздо болѣе, потому что, вѣроятнѣе, туда же обращена большая часть желѣза, которое показано отправленнымъ въ Зундъ. Въ другихъ странахъ, за исключеніемъ Турціи, сбыть русскаго желѣза незначителенъ и только въ ближайшихъ къ Россіи азіатскихъ земляхъ, — въ Персіи, Бухаріи, Хивѣ и другихъ — оно не встрѣчаетъ совмѣстничества англійскаго и шведскаго желѣза.

Должно замѣтить, что цифры, приведенныя въ этой таблицѣ, относятся къ тому году, когда былъ самый большой отпускъ желѣза изъ Россіи, въ сравненіи съ другими годами послѣдняго двадцатилѣтія, но впоследствии вывозъ значительно уменьшился.

Желѣза отпущено изъ Россіи по европейской торговлѣ:

Среднія суммы.		
	Въ 1833—1837 г.	Въ 1840—1844 годахъ.
Въ Великобританію!	349,302	165,205 пудовъ.
— Соединенные-Штаты	424,349	195,603 — —
— Турцію	209,704	119,697 — —
— Италію	10,697	9,845 — —
— Австрію	4,483	7,312 — —
— Пруссію	43,506	32,817 — —
— Норвегію	5,147	3,827 — —
— Ганзейскіе города	3,372	6,874 — —
— Голландію	9,287	9,981 — —
— Францію	15,648	30,558 — —
— Испанію и Португалію	1,443	1,546 — —
— Зундъ	27,713	40,708 — —
— Прочія мѣста	36,855	26,491 — —
Итого	1,141,206	650,464 пудовъ

Главный отпускъ желѣза производится въ Великобританію, Соединенные Штаты и Турцію; въ сложности онъ составлялъ въ первый періодъ 86 процентовъ, а въ послѣдній почти 74 процента всего количества. Въ 1840 — 44 отпущено менѣе противъ 1833 — 37; въ Соединенные Штаты на 116 процентовъ, въ Ве-

* Изъ этой таблицы исключены 1838 и 1839 годы, потому что за эти годы нѣтъ полныхъ свѣдѣній объ отпускѣ желѣза въ Великобританію и Соединенные-Штаты.

Великобританію на 111 процентовъ и въ Турцію на 75 процентовъ.

Вывозъ въ другія страны вообще незначителенъ и, хотя въ послѣдній періодъ отпущено въ нѣкоторыхъ мѣста болѣе чѣмъ въ первый, зато въ другія вывезено менѣе, такимъ образомъ сложный отаускъ составлялъ въ оба періода почти равное количество: въ 1833 — 37 137,851 пудъ, и въ 1840 — 44 159,959 пудовъ.

Заграничный сбытъ русскаго желѣза стѣсняется не только отъ соперничества Великобританіи и Швеціи, встрѣчаемаго, какъ выше показано, на всѣхъ иностранныхъ рынкахъ, но также отъ успѣховъ желѣзнаго производства во многихъ государствахъ и отъ введенія охранительныхъ привозныхъ пошлинъ въ нѣкоторыхъ странахъ.

Пошлины съ полосоваго желѣза.

		Серебрянъ.
Въ Великобританіи около		15 $\frac{1}{2}$ к. съ пуда.
— Соединенныхъ Штатахъ	17 до	25% — съ цѣны.
— Франціи	60 к. до 1 р.	56 к. * съ пуда.
— Бельгіи		60 — —
— Германскомъ Таможенномъ Союзѣ		90 — —
— Австрійской имперіи		96 — —

Въ Великобританіи, желѣзо обложено съ 1834 довольно низкою пошлиною, потому что это государство нуждается въ привозѣ шведскаго и частью русскаго желѣза, на выдѣлку стали; но въ прежнее время желѣзное производство было поощряемо тамъ высокими пошлинами, напримѣръ, по тарифу 1787, полосовое желѣзо платило около 30 копѣекъ серебрянъ, по тарифу 1819, около 70 копѣекъ серебрянъ съ пуда.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, привозная пошлина можетъ считаться умѣренной, въ сравненіи съ взимаемою въ другихъ государствахъ; не смотря на то вывозъ русскаго желѣза въ эту страну упадаетъ, хотя оно прежде пользовалось тамъ значительнымъ и постояннымъ сбытомъ. Причиною этой перемѣны можно почитать съ одной стороны усилившіяся привозъ туда желѣза изъ Швеціи и преимущественно изъ Великобританіи, а съ другой быстрые успѣхи желѣзнаго производства въ Соединенныхъ Штатахъ: въ 1840 добыто тамъ только полутора милліона пудовъ, въ

* Въ случаѣ привоза подъ иностраннымъ флагомъ платится около 66 копѣекъ до 1 рубля 70 копѣекъ серебрянъ съ пуда.

1830 около 9,760,000 пудовъ, а въ 1840 выдано чугуна до 18,000,000 и выдано полосоваго желѣза до одиннадцати милліоновъ пудовъ. Отпускъ желѣза изъ Россіи въ Соединенные Штаты, по мѣрѣ распространенія ея торговли съ этимъ государствомъ, постепенно возрасталъ. Черезъ петербургскій портъ отпущено туда:

Въ 1783 году	6,615 пудовъ.	Въ 1793 году	177,826 пудовъ.
— 85 —	88,618 —	— 94 —	256,638 —
— 90 —	78,160 —	— 95 —	266,039 —
— 98 —	132,380 —	— 96 —	296,691 —

Въ слѣдующіе годы, морскія войны пріостановили на нѣкоторое время приращеніе этого отпуска: однако уже въ 1802 онъ увеличился до 309,425, а въ 1803 до 413,822 пудовъ. Спустя двадцать-пять лѣтъ, именно въ 1828, вывозъ доходилъ до 510,233 пудовъ, въ 1829 году до 686,286 пудовъ; въ новѣйшее время, какъ мы видали выше, значительно уменьшился: въ 1840 — 44 онъ составлялъ около 200,000 пудовъ. Сбытъ шведскаго желѣза въ Соединенныхъ Штатахъ также упадаетъ, при быстромъ развитіи тамошняго желѣзнаго производства: полосоваго желѣза отпущено туда изъ Швеціи: въ 1839 1,854,600 пудовъ, въ 1840 1,007,892, въ 1841 1,368,975, въ 1842 375,142, а въ 1843 450,000 пудовъ; слѣдовательно отпускъ уменьшился на 376 процентовъ.

Во Франціи, при высокой таможенной пошлинѣ съ желѣза, оно сбывается въ небольшомъ количествѣ, до 400,000 пудовъ, а главную часть привоза (около одного милліона пудовъ), составляетъ чугунъ, получаемый большею частью изъ Бельгіи, Великобританіи и Германіи. Желѣзо доставляется во Францію больше изъ Швеціи и Великобританіи; привозъ изъ Россіи маловаженъ, и противъ прежняго представляетъ значительный упадокъ, напримеръ, изъ Санктпетербурга отпущено желѣза во Францію:

Въ 1772 году	102,330 пудовъ.	Въ 1842 году	неизвѣстно.
— 1773 —	121,865 —	— 1843 —	39,586 пудовъ.
— 1782 —	137,496 —	— 1844 —	2,900 —

Бельгія мало нуждается въ привозѣ желѣза (около 100,000 пудовъ) и чугуна (около 300,000 пудовъ), потому что собственное производство уже весьма значительно. Во Францію вывозится отсюда около 400,000 пудовъ чугуна. Почти все количество этого металла доставляется въ Бельгію изъ Великобританіи, частью изъ Швеціи и Германіи.

Въ Пруссiи и въ нѣкоторыхъ другихъ владѣнiяхъ германскаго таможеннаго союза, желѣзное производство значительно распространилось, но не удовлетворяетъ возрастающей внутренней потребности и отъ того привозъ желѣза, чугуна и стали гораздо болѣе отпуска, составляющаго около 300,000 пудовъ, тогда какъ привозъ всѣхъ родовъ желѣзнаго товару доходитъ нынѣ до 2,000,000 пудовъ и большая часть его получается изъ Великобританiи. Отпускъ желѣза и стали изъ этого государства въ Германiю чрезвычайно усилился въ новѣйшее время: въ 1831 отпущено 416,430 пудовъ, въ 1835 728,217 пудовъ, въ 1838 1,045,784 пудъ, въ 1840 1,509,228 пудовъ. Столь значительное умноженiе этого привоза побудило германскiй таможенный союзъ увеличить таможенную пошлину, для огражденiя выгодъ внутренней промышленности, которая въ желѣзномъ производствѣ не можетъ состязаться съ Великобританiею. Съ этою цѣлю пошлина съ желѣза возвышена недавно отъ 30 до 90 копѣекъ серебромъ съ пуда.

Въ Австрiйскую Имперiю желѣзо вовсе не привозится, потому что собственное производство его удовлетворяетъ внутренней потребности; количество желѣза, отпускаемаго изъ этой имперiи въ Германiю, Италию и Левантъ доходитъ до 200,000 пудовъ и сверхъ того вывозится около 120,000 пудовъ стали въ Италию, Испанiю, Францiю, Турцiю и Америку. Въ Триестъ, порто франко при Адриатическомъ Морѣ, доставляется англiйское и русское желѣзо и вмѣстѣ съ карнитскимъ *, сбывается отсюда въ Левантъ и въ Италию; по количеству желѣза, привозимаго въ Триестъ изъ Россiи, маловажно.

Другiя европейскiя государства, частью снабжаются собственнымъ желѣзомъ на необходимѣйшiя издѣлiя, наиболѣе жъ получаютъ его изъ Великобританiи и Швеции, притомъ употребляютъ много иностранныхъ желѣзныхъ и стальныхъ издѣлiй всякаго рода.

Всѣ вышесказанныя обстоятельства приводятъ къ заключенiю, что нынѣ едва ли можно ожидать приращенiя въ сбытъ русскаго желѣза по торговлѣ съ Европою и Америкою и, конечно, отпускъ его уже не возвысится болѣе до той степени, на которой находился въ исходѣ прошедшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтiя. Но если на Западѣ уже такъ усилилось соперничество Швеции и особенно Великобританiи въ торговлѣ желѣзомъ, что вывозъ его

* Изъ Карнитiи, австрiйской провинци, въ которой желѣзное производство весьма значительно.

изъ Россіи приходитъ въ упадокъ, то тѣмъ болѣе нужно обратить вниманіе на ближайшіе къ нашимъ предѣламъ азіятскіе рынки, гдѣ потребность въ русскомъ желѣзѣ еще можетъ увеличиться.

Въ прежнее время, Россія отпускала большое количество желѣза въ Левантъ; нынче и тамъ оно вытѣсняется англійскимъ, которое превосходитъ его дешевизною и доставляется въ разнообразныхъ видахъ, приспособенныхъ къ потребностямъ Азіятцевъ; въ этомъ отношеніи русское желѣзо, будучи обыкновенно въ одинаковыхъ полосахъ большаго размѣра, не такъ сподручно тамошнимъ мастерамъ, которые, при своихъ работахъ, не пользуются пособіемъ механическихъ устройствъ и потому нуждаются въ желѣзѣ ипогихъ, частью мелкихъ, сортовъ. Однако желѣзо нашихъ уральскихъ заводовъ, по своей добротѣ, такъ уважается въ Левантѣ, что Англичане должны были класть на свое желѣзо русскія клейма, чтобы успѣшнѣе продавать его въ томъ краѣ. Это доказываетъ, что русское желѣзо, будучи болѣе приспособлено къ мѣстнымъ потребностямъ, могло бы тамъ состязаться съ англійскимъ. Къ поддержанію этой отрасли торговли, уже были приняты мѣры нашимъ правительствомъ: въ 1836 году, горное начальство передало на златоустовскіе заводы полученныя изъ Турціи лекала разныхъ сортовъ желѣза, наиболѣе тамъ продаваемыхъ, и сдѣлало распоряженіе, чтобы, для опыту, было изготовлено нѣсколько тысячъ пудовъ подобнаго желѣза на вольную продажу въ Тагарогъ, откуда оно вывозится въ Турцію. Неизвѣстно, воспользовались ли этимъ указаніемъ желѣзные заводчики и торговцы; но если наши промышленники не позаботятся объ изысканіи способовъ къ поддержанію сбыта русскаго желѣза въ Левантѣ, то со временемъ оно можетъ быть тамъ совершенно вытѣснено иностраннымъ: въ 1833 — 1837 отпущено желѣза изъ Россіи въ Турцію и Грецію 209,704 пуда, а въ 1840 — 1844 419,697 пудовъ.

Вывозъ русскаго желѣза по азіятской торговлѣ въ послѣднее десятилѣтіе распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

	Среднія количества:	
	Въ 1834—1838 г.	Въ 1839—1843 г.
Въ Персію	99,954	130,507 пудовъ.
— Среднюю Азію	49,233	42,046 —
— прочія мѣста	1,385	1,669 —
Итого.	150,572.	174,222

Въ азіятскихъ земляхъ Россія не встрѣчаетъ нпоземнаго соперничества по торговлѣ желѣзомъ, и всегда будетъ единственнымъ источникомъ, для снабженія ихъ этимъ металломъ, потому что географическое положеніе этой части Азіи устраняетъ ее отъ непосредственныхъ связей съ Европою. Но азіятскіе народы, обитающіе въ киргизскихъ степяхъ, Хивѣ, Бухаріи, Ташкентѣ и Кокандѣ, находятся еще въ такомъ грубомъ состояніи, что потребность ихъ въ желѣзѣ и средства ихъ къ обработкѣ его въ издѣлія весьма ограничены; оттого сбытъ этого металла въ Россіи въ Среднюю Азію вообще маловаженъ и не представляетъ приращенія. Напротивъ того, въ Персіи, опередившей упомянутыя страны въ успѣхахъ образованности, потребленіе русскаго желѣза гораздо значительнѣе и примѣтно возрастаетъ.

Впрочемъ, Россія можетъ увеличить потребленіе своего желѣза въ азіятскихъ земляхъ, отпуская его въ разнообразныхъ издѣліяхъ, примѣненныхъ ко вкусу и нуждамъ тамошнихъ потребителей. Отпускъ туда нашихъ металлическихъ издѣлій, какъ увидимъ ниже, постепенно усиливается и чѣмъ болѣе они будутъ приаровлены къ мѣстнымъ потребностямъ, тѣмъ вѣрнѣе и выгоднѣе будетъ сбытъ этихъ товаровъ на азіятскихъ рынкахъ.

Г. И—Ъ.

МЕТАЛЛЫ

И

МЕТАЛЛИЧЕСКІЯ ИЗДѢЛІЯ.

СТАТІЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Вывозъ мѣди изъ Россіи сдѣлался значительнымъ только съ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, а до-тѣхъ-поръ былъ весьма маловаженъ и долгое время оставался запрещеннымъ, для удовлетворенія потребностей монетнаго двора, на выдѣлку мѣдной монеты. Средній отпускъ мѣди составлялъ въ 1767 — 69 годахъ 6,434 пуда, въ 1800 — 1806 2,268 пудовъ, а въ 1807 — 19 43,500 пудовъ. Казна, находя выгоднымъ, по стоявшимъ цѣнамъ на мѣдь, сплавить мѣдную монету стараго чекана въ штыки, для обращенія на продажу въ заграничный отпускъ, вмѣсто передѣла этой монеты на новую, првступила къ сплавкѣ и продажѣ такой мѣди съ 1817 года; съ-тѣхъ-поръ по 1821 годъ включительно было продано отъ казны переплавленной мѣди вмѣстѣ съ заводскою 574,450 пудовъ. Эта мѣра способствовала чрезвычайному умноженію вывоза мѣди: въ 1819 году отпущено 117,596 пудовъ, въ 1820 320,200, въ 1821 335,089, въ 1823 379,630 пудовъ. Впослѣдствіи вывозъ уменьшился, какъ видно изъ слѣдующаго обозрѣнія:

Отпущено:	По торговлѣ		Всего.
	Европейской.	Азіатской.	
Въ 1824 году	225,856	23,141	248,997 пуд.
— 1825 —	211,920	13,478	225,398 —
— 1826 —	227,503	7,029	234,532 —
— 1827 —	163,889	4,842	168,731 —
— 1828 —	87,857	13,948	101,805 —
Итого	917,025	62,438	979,463 —
Въ 1829 году	213,284	14,602	227,886 пуд.
— 1830 —	198,116	14,966	213,082 —
— 1831 —	102,433	11,976	114,409 —
— 1832 —	171,600	4,343	175,943 —
— 1833 —	232,989	8,875	241,864 —
Итого	918,422	54,762	973,184 —
Въ 1834 году	313,083	4,139	317,222 пуд.
— 1835 —	195,953	5,254	201,207 —
— 1836 —	292,724	11,019	303,743 —
— 1837 —	137,383	5,192	142,575 —
— 1838 —	151,354	8,279	159,633 —
Итого	1,090,497	33,883	1,124,380 —
Въ 1839 году	95,064	11,957	107,021 пуд.
— 1840 —	122,416	9,524	131,940 —
— 1841 —	115,161	2,184	117,345 —
— 1842 —	99,072	11,929	111,001 —
— 1843 —	66,145	10,296	76,441 —
Итого	497,858	45,890	543,748 —

Мѣдъ вывозится изъ Россіи большею частію по европейской ея торговлѣ; въ послѣдній періодъ, по пятилѣтней сложности, вывозъ въ Европу составлялъ 91 процентъ, а въ Азію только 9 процентовъ всего отпуска.

Въ первые три періода, сложный отпускъ мѣди, по европейской торговлѣ, оставался почти въ одинаковомъ положеніи, простираясь, среднимъ числомъ, около 180,000 до 200,000 въ годъ; но въ послѣдній періодъ уменьшился противъ предъидущаго на 119 процентовъ.

По азіатской торговлѣ, въ новѣйшее время вывозъ нѣсколько увеличился; однако, сравнивая два крайніе періода, находимъ, что

въ послѣдній отпущено на 30 процентовъ менѣе чѣмъ въ первый.

Общая цѣнность отпуска мѣди втеченіи двадцати лѣтъ представляла слѣдующія измѣненія:

	Среднія суммы:		Средняя цѣна мѣди за пудъ.
	Количество.	Цѣнность.	
Въ 1824—29 г.	195,576 пуд.	1,905,255 р.	9 р. 75 к. сер.
1829—33	194,636	1,709,416	8 78
1834—38	224,875	2,107,210	9 37
1839—43	106,690	1,063,135	9 96

Отсюда видно, что мѣдь упала въ цѣнѣ только во второй періодъ; но съ тѣхъ-поръ она стала дороже, и, вѣроятно, это было одною изъ причинъ уменьшенія вывоза мѣди за границу.

Мѣдь, вывозимая изъ Россіи, получается съ заводовъ, находящихся въ периской и оренбургской губерніяхъ, и доставляется для заграничнаго отпуска тѣми же путями, о которыхъ мы упомянули выше, говоря о доставкѣ желѣза въ Петербургъ, на шибгородскую ярмарку, въ Астрахань и другія мѣста. Отпускъ мѣди въ послѣднее двадцатилѣтіе распределялся слѣдующимъ образомъ:

По европейской торговлѣ:	Среднія количества:			
	Въ 1824—28 г.	Въ 1829—33.	Въ 1834—38.	Въ 1839—43.
черезъ Петербургъ	172,938	165,587	196,858	94,593 пуд.
— Одессу и др. южные порты	8,836	13,229	19,302	4,470
— прочія мѣста	1,631	4,969	1,935	508
Итого	183,405	183,684	218,095	99,571 пуд.
По азіатской торговлѣ:				
черезъ Астрахань	10,537	8,518	3,344	5,395 пуд.
— сухопутную границу	1,950	2,434	3,432	3,783
Итого	12,487	10,952	6,776	9,178 пуд.

Мѣдь вывозится болѣею частію черезъ петербургскій портъ. Въ послѣдніе годы, вывозъ ея отсюда составлялъ 90 — 95 процентовъ всего отпуска по европейской торговлѣ. Значительный упадокъ этой торговли оказался въ пятилѣтіе съ 1839 по 1843 годъ: вывозъ мѣди уменьшился противъ предъидущаго періода на 108 процентовъ.

Вывозъ мѣди черезъ Одессу и другіе южные порты, вообще

важнѣйшій въ сравненіи съ петербургскимъ отпускомъ, постоянно возрасталъ въ первые три періода, но въ послѣдній періодъ уменьшился противъ предъидущаго на 332 процентовъ.

По азіатской торговлѣ вывозится небольшое количество мѣди; отпускъ ея чрезъ сухопутную границу представляетъ постоянное возвращеніе, и въ послѣдній періодъ отпущено вдвое болѣе чѣмъ въ первый, но въ то же время почти въ такой же мѣрѣ уменьшился отпускъ мѣди изъ Астрахани.

Для изслѣдованія причинъ упадка этой отрасли нашей внѣшней торговли, рассмотримъ предварительно, въ какомъ количествѣ и въ какія иностранныя земли сбывается русская мѣдь, и въ какой степени встрѣчаетъ она тамъ совмѣстничество другихъ странъ по привозу этого металла.

Мѣди отпущено изъ Россіи по европейской торговлѣ:

	Въ 1829—33 г.	Въ 1834—38 г.	Въ 1839—43 г.
Во Францію	119,167	114,612	33,560 пуд.
— Пруссію	8,252	27,099	30,048 —
— Гавзейскіе города	8,426	12,097	2,818 —
— Голландію	11,450	28,631	13,261 —
— Австрію	10,915	6,337	1,553 —
— Италію	2,142	2,853	1,056 —
— Турцію	4,349	6,401	1,062 —
— Зувъ и пр. мѣста	18,983	22,065	16,213 —
Итого	183,684	218,095	99,571 —

До новѣйшаго времени, Франція была главнымъ истокомъ для русской мѣди: вывозъ туда составлялъ въ первый періодъ 64 процента, во второй 52, а въ послѣдній только 33 процента всего отпуска, и на 240 процентовъ менѣе чѣмъ въ предъидущій періодъ. Другія европейскія государства, между которыми распределялся вывозъ мѣди по небольшимъ количествамъ, также стали получать ее въ меньшей пропорціи, за исключеніемъ Пруссіи; сбытъ мѣди въ это государство представляетъ постоянное возвращеніе, и въ послѣдній періодъ составлялъ 30 процентовъ всего отпуска, почти равняясь съ вывозомъ во Францію.

Мѣдь добывается во многихъ странахъ Европы, но за границу вывозится только изъ Великобританіи, Россіи, Норвегіи, Швеціи, Австрійской Имперіи и Турціи. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, годичный отпускъ этого металла составляетъ слѣдующія количества:

Изъ Великобританіи	около 850,000 пуд.
— Россіи	100—200,000 —
— Норвегіи	40—50,000 —
— Швеціи	35,000 —
— Австрійской Имперіи	30,000 —
— Турціи	25,000 —

Всего около 1,200,000 пуд.

Изъ этого количества привозится :

Во Францію	около 420,000 пуд.
— Бельгію	120,000 —
— Германскій таможенный союзъ	90,000 —
— Голландію	30,000 —
— Данию	24,000 —
— Италию	20,000 —

Итого . . . 725,000 пуд.

Остальная часть (475,000 пудовъ) расходуется въ другія страны Европы, наиболѣе же въ Остндію и Америку.

Во вѣншей торговлѣ мѣдью первое мѣсто занимаетъ Великобританія, по отпуску, и Франція, по привозу. Изъ всего означеннаго количества этого металла Великобританія отпускаетъ почти $\frac{3}{5}$, а Франція получаетъ $\frac{1}{3}$. Между европейскими государствами ни одно не представляетъ такого значительнаго сбыту для мѣди, какъ Франція: привозъ туда превосходитъ пропорцію, потребную для всѣхъ другихъ странъ Европы вмѣстѣ.

Вся масса мѣди, привозимой въ европейскія государства, не доходитъ до количества, какое отпускаетъ Великобританія, сбывающая $\frac{2}{5}$ своего отпуска въ Остндію и Америку, а $\frac{3}{5}$ въ Европу. Последняя служитъ ближайшимъ истокомъ для мѣди тѣхъ странъ, которыя отпускаютъ ее за границу, но совокупный отпускъ ихъ составляетъ неболѣе $\frac{2}{5}$ всего привоза мѣди въ европейскія государства; остальная же доля пополняется привозомъ туда этого металла изъ Великобританіи.

И такъ самое сильное соперничество въ заграничномъ сбытѣ мѣди, на всѣхъ иностранныхъ рынкахъ, представляется со стороны Великобританіи, которая имѣетъ въ этой торговлѣ значительный перевѣсъ надъ другими странами.

Вывозъ мѣди изъ Великобританіи, въ десятилѣтіе съ 1831 по 1840 составлялъ слѣдующія количества:

Въ 1831 году	181,951 центнеръ.	Въ 1836 году	204,835 центнеровъ.
— 32 —	213,482 —	— 37 —	250,105 —
— 33 —	192,974 —	— 38 —	265,204 —
— 34 —	205,960 —	— 39 —	272,141 —
— 35 —	242,095 —	— 40 —	311,153 —
Средняя сумма 207,292 или 647,787 пудовъ.		Средняя сумма 260,657 центнеровъ. или 819,667 пудовъ.	

Если сравнить два крайние года, 1831 и 1840, то оказывается, что отпускъ, постепенно возрастая, увеличился на 70 процентовъ.

Сравнимъ теперь эти количества съ отпускомъ русской мѣди, за тотъ же періодъ, ограничиваясь средними суммами по пятилѣтіямъ:

Отпущено:	Въ 1831—35 году.	Въ 1836—40 году.
Изъ Великобританіи	647,787 пудъ.	819,667 пудъ.
— Россіи	210,125 —	168,982 —

Въ первый періодъ отпускъ изъ Великобританіи былъ втрое болѣе, а въ послѣдній вшестеро болѣе отпуска изъ Россіи, и тогда какъ въ этотъ періодъ вывозъ русской мѣди уменьшился, противъ предъидущаго пятилѣтія, на 24 процента, вывозъ мѣди изъ Великобританіи увеличился на 26 процентовъ.

Великобританія отпускаетъ большое количество мѣди въ Ост-Индію, Соединенные Штаты, Вестиндію, Бразилію и другія отдаленныя страны, куда русская мѣдь никогда не отправляется, но въ Европѣ соперничество Великобританіи въ этой отрасли торговли становится болѣе и болѣе ощутительнымъ, особенно по сбыту во Францію, Голландію и Германію. Для сравненія отпусковъ туда изъ Великобританіи и Россіи раздѣляемъ десятилѣтіе съ 1831 по 1840 на два равные періода.

Отпущено мѣди:

Въ 1831—35 году.	Во Францію.	Нидерланды.	Германію *.
Изъ Россіи	125,817	18,154	13,183 пудъ.
— Великобританіи	122,343	38,325	13,506 —
Въ 1836—40 году.	Во Францію.	Нидерланды.	Германію.
Изъ Россіи	67,752	19,178	6,765 пудовъ.
— Великобританіи	239,490	91,665	23,684 —

* Здѣсь разумѣется только отпускъ въ Ганзейскіе города: Гамбургъ, Бременъ и Любекъ.

Во Францію, въ первый періодъ, вывозилось изъ Россіи почти такое же количество мѣди, какъ изъ Великобританіи, но въ послѣдній періодъ отпускъ изъ Россіи былъ на 85 процентовъ меньше, а изъ Великобританіи на 95 процентовъ болѣе.

Отпускъ мѣди въ Нидерланды изъ Россіи, въ оба періода, остался почти въ одинаковомъ положеніи, а вывозъ туда изъ Великобританіи увеличился на 139 процентовъ.

Черезъ Ганзейскіе города отпущено мѣди въ Германію изъ Россіи въ послѣдній періодъ, почти вполонину меньше чѣмъ въ первый, тогда какъ вывозъ туда изъ Великобританіи увеличился въ то же время на 75 процентовъ.

Франція, употребляющая самое большое количество иностранной мѣди, снабжалась прежде этимъ металломъ преимущественно изъ Россіи и служила главнымъ источникомъ для русской мѣди въ заграничномъ сбытѣ. Оттого уменьшеніе ея вывоза во Францію, въ новѣйшее время сдѣлалось причиною значительнаго упадка этой отрасли нашей вышней торговли. Въ какой мѣрѣ уменьшился сбытъ русской мѣди въ это государство, втеченіи двадцати лѣтъ, можно видѣть изъ слѣдующаго обозрѣнія.

Привезено мѣди во Францію:

	Въ 1821—25 г.	Въ 1826—30 г.	Въ 1831—35 г.	Въ 1836—40 г.
Изъ Россіи . . .	181,278	134,453	129,230	82,637 п.
— Великобританіи	9,134	37,235	144,343	231,653 —
— прочихъ мѣстъ	98,066	120,033	90,013	104,626 —
Итого	288,478	291,721	362,586	418,916 —

Упадокъ привоза изъ Россіи обнаруживался еще болѣе въ слѣдующіе годы:

	Въ 1841	1842	1843 году.
Изъ Россіи	57,404	18,590	13,978 пудъ.
— Великобританіи	432,997	528,644	333,379 —
— прочихъ мѣстъ	118,628	154,419	172,029 —
Итого	609,029	701,653	519,356 —

Привозъ мѣди во Францію возрастаетъ изъ всѣхъ странъ, кромѣ Россіи: въ 1843 привезено русской мѣди только 13,978 пудовъ, а въ 1821—25 средній ея привозъ составлялъ 181,278 пудовъ, но съ-тѣхъ норъ постоянно уменьшался. Напротивъ того привозъ изъ Великобританіи въ первый періодъ былъ весьма маловаженъ, менѣе 10,000 пудовъ, потомъ сталъ значительно усиливаться и возвысился наконецъ свыше 500,000 пудовъ, такъ, что въ 1842

уже составлялъ три четверти всего количества мѣди, привезенной во Францію. Въ меньшей пропорціи увеличился привозъ изъ другихъ странъ, однако также представляетъ ностоянное приращеніе и въ 1843 былъ на 75 процентовъ болѣе чѣмъ въ 1821—25.

Замѣчательно, что въ новѣйшее время Великобританія и Франція стали получать большое количество мѣди изъ Америки. Мѣдная руда доставляется вмѣсто баласта, изъ Вестиндіи, Чили и Бразиліи въ Великобританію, для тамошнихъ мѣдиплавильныхъ заводовъ; привозъ этой руды уже доходитъ до двухъ милліоновъ пудовъ. Во Францію привозится мѣдь изъ Бразиліи и другихъ странъ Америки; въ 1838—40 средній привозъ оттуда составлялъ до 40,000 пудовъ. Сверхъ того, недавно также начался привозъ мѣдной руды, болѣею частью изъ Чили.

Такимъ образомъ нынче возникаетъ совмѣстничество въ снабженіи Европы этимъ металломъ изъ отдаленнѣйшихъ странъ, откуда прежде онъ вовсе не вывозился. Впрочемъ, съ нѣкоторыхъ поръ, подобное совмѣстничество обнаруживается и съ другой стороны: Турція, получавшая прежде изъ Россіи ежегодно нѣсколько тысячъ пудовъ мѣди чрезъ Одессу, нынче почти не нуждается въ привозѣ этого металла и сама стала отпускать мѣдь въ иностранныя земли, съ-тѣхъ-поръ какъ усилилась разработка собственныхъ ея токатскихъ рудниковъ, въ Анатолиіи.

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ, нуждающихся въ привозѣ мѣди, она обложена умѣренной пошлиною; съ штыковой красной мѣди взимается:

Въ Франціи	12 и 8 коп. сер. съ пуда.*
— Бельгіи	— 2 — —
— Голландіи	— 52 — —

Въ Германскомъ Таможенномъ Союзѣ, пошлина 1 р. 80 к. сер. съ пуда.

Эти страны, какъ мы видѣли выше, употребляютъ наибольшее количество иностранной мѣди и сбытъ ея тамъ долженъ возрастать съ умноженіемъ потребностей въ этомъ металлѣ для разныхъ производствъ. По этому можно бы ожидать, что вывозъ туда русской мѣди будетъ увеличиваться, но приращенію ея сбыта въ упомянутыхъ странахъ, особливо во Франціи и въ Нидерландахъ, препятствуетъ значительный привозъ туда этого металла изъ Великобританіи, а ближайшія къ Россіи иностран-

* Меньшая пошлина взимается при ввозѣ подъ французскій флагъ .

ныя государства снабжаются мѣдью также изъ Норвегіи и Швеціи.

Вывозъ въ Азію не можетъ представить Россіи вознагражденія за упадокъ сбыта русской мѣди въ Европѣ; по-крайней-мѣрѣ до сихъ-поръ сбытъ ея по азіатской торговлѣ всегда былъ весьма незначителенъ, и въ новѣйшее время отчасти уменьшился.

Отпущено:

	Среднія количества.			
	Въ 1824—28 г.	Въ 1829—33 г.	Въ 1834—38 г.	Въ 1839—44 г.
Черезъ Астрахань	10,537	8,518	3,344	5,395 пуд.
— сухопутную гран.	1,950	2,434	3,432	3,783 —
Итого	12,487	10,952	6,776	9,178 —

Въ томъ числѣ:

	Въ 1833—38 г.	Въ 1839—43 г.
Въ Персію	2,988	5,349 пуд.
— Бухарію	2,664	3,246 —
— Прочія мѣста	1,124	584 —
Итого	6,776	9,178 —

Отсюда видно, что хотя въ послѣдній періодъ вывозъ мѣди по азіатской торговлѣ нѣсколько увеличился, однако нынѣшній отпускъ все еще не сравнялся съ количествомъ, какое вывозилось въ первое десятилѣтіе, и эта разность относится собственно къ вывозу мѣди черезъ Астрахань въ Персію, потому что отпускъ черезъ сухопутную границу представляетъ постоянное приращеніе. Извѣстно, что въ новѣйшее время, въ Сѣверной Персіи предпринята разработка мѣдныхъ рудниковъ, которые переданы въ распоряженіе англійскихъ мастеровъ. Успѣвшееся добываніе тамъ мѣди вѣроятно было поводомъ къ уменьшенію ввоза этого металла изъ Россіи.

Торговля наша съ Азіею представляетъ гораздо болѣе благоприятныя виды на умноженіе сбыта нашихъ металлическихъ издѣлій, оттого что ихъ употребленіе тамъ примѣтно распространяется. Желательно, чтобы наши производители и торговцы приложили особенное стараніе о дальнѣйшемъ развитіи этой отрасли торговли, принимаясь ко вкусу и потребностямъ Азіятцевъ; тогда конечно сбытъ нашихъ металлическихъ издѣлій, особенно въ Средней Азіи, можетъ значительно увеличиться, тѣмъ болѣе, что доставка туда подобныхъ европейскихъ товаровъ сопряжена съ большими затрудненіями.

Металлическихъ издѣлій отпущено изъ Россіи, въ послѣдніи пятнадцать лѣтъ:

По торговляѣ:

	Европейской издѣлій:		Азиатской издѣлій:		Золота и серебра ра приделага.
	Золотыхъ и серебряныхъ.	Разныхъ металловъ.	Золотыхъ и серебряныхъ.	Разныхъ металловъ.	
Въ 1829 г.	74,194 р. а.	143,270 р. а.	72,172 р. а.	843,458 р. а.	243,867 р. а.
— 1830 —	35,538 —	235,817 —	42,438 —	616,639 —	368,789 —
— 1831 —	92,091 —	731,122 —	43,771 —	495,793 —	455,540 —
— 1832 —	70,650 —	424,468 —	42,914 —	430,148 —	248,338 —
— 1833 —	109,742 —	310,311 —	19,855 —	535,296 —	324,569 —
Среди. сумма.	76,228 —	368,997 —	44,210 —	584,268 —	328,220 —
Въ 1834 г.	190,789 —	476,982 —	24,278 —	637,256 —	444,588 —
— 1835 —	40,598 —	505,203 —	472 —	680,426 —	192,752 —
— 1836 —	210,617 —	654,962 —	13,925 —	719,067 —	21,327 —
— 1837 —	138,273 —	449,770 —	2,510 —	824,149 —	164,493 —
— 1838 —	44,318 —	661,707 —	1,622 —	900,217 —	324,788 —
Среди. сумма.	124,919 р. а.	549,325 р. а.	8,561 р. а.	752,223 р. а.	229,591 р. а.
Въ 1839 г.	22,974 р. с.	168,157 р. с.	10,559 р. с.	199,214 р. с.	62,989 р. с.
— 1840 —	67,953 —	139,187 —	9,404 —	288,670 —	45,074 —
— 1841 —	57,520 —	181,657 —	15,728 —	183,225 —	52,641 —
— 1842 —	61,141 —	156,862 —	28,954 —	194,145 —	54,159 —
— 1843 —	64,409 —	167,733 —	36,193 —	245,841 —	29,372 —
Среди. сумма.	54,799 —	160,919 —	20,167 —	222,215 —	48,647 —
или	191,796 р. а.	563,216 р. а.	70,584 р. а.	777,752 р. а.	170,264 р. а.

Весь отпускъ металлическихъ издѣлій составлялъ, въ эти три періода, слѣдующія среднія суммы:

Въ 1829 — 1833 годъ	400,548 руб. сер.
— 1834 — 1838 —	475,607 — —
— 1839 — 1843 —	506,747 — —

Привращеніе отпуска не распространилось впрочемъ на всѣ отрасли этой торговли, въкоторыя изъ нихъ пришли въ упадокъ, который вознагражденъ усиленіемъ другихъ, такъ, что въ послѣдній періодъ отпускъ вообще увеличился на 26 процентовъ противъ перваго пятилѣтія.

Золотыхъ и серебряныхъ издѣлій отпущено вообще:

Въ 1829 — 1833 годъ	на	34,409 руб. сер.
— 1834 — 1838 —	—	38,137 — —
— 1839 — 1843 —	—	76,966 — —

Вывозъ ихъ увеличился на 128 процента. Это приращеніе относится болшею частью къ отпуску по европейской торговлѣ.

Золота и серебра приданого отпущено: въ 1829 — 1833 на 93,777 рублей, въ 1834 — 1838 на 65,597 рублей, въ 1839 — 1843 на 48,649 рублей серебромъ; следовательно вывозъ этой статьи постепенно уменьшался и въ послѣдній періодъ отпущено на 92 процента менѣе, чѣмъ въ первый

Прочихъ металлическихъ издѣлій всякаго роду отпущено вообще:

Въ 1829 — 1833 —	на	272,361 руб. сер.
— 1834 — 1838 —	—	371,871 — —
— 1839 — 1843 —	—	379,948 — —

Вывозъ ихъ, какъ по европейской, такъ и по азіатской торговлѣ простирался въ послѣдніе два періода, почти на одинаковую сумму, но въ общей сложности отпущено въ послѣднее пятилѣтіе на 39 процентовъ болѣе, чѣмъ въ первое.

Посмотримъ теперь, въ какія мѣста сбываются наши металлическія издѣлія, въ какой мѣрѣ и гдѣ именно возрастаетъ или упадаетъ ихъ сбытъ.

Разныхъ металлическихъ издѣлій (кроме золотыхъ и серебряныхъ) отпущено:

Среднія суммы:

По европейской торговлѣ.

Въ 1829—33 г. Въ 1834—38 г. Въ 1839—43 г.

Въ Молдавію, Броды и другія мѣста

сухимъ путемъ	31,823	58,813	48,671 р. с.
— Турцію моремъ	66,336	83,847	108,367 —
— прочія мѣста	7,268	14,290	3,881 —
Итого	105,427	157,950	160,919 —

По азіатской торговлѣ:

Въ Азіатскую Турцію	}	8,245	7,765 —
— Персію		40,739	38,994 —
— Киргизскую степь		42,062	32,932 —
— Хиву		12,203	12,501 —
— Бухарію		12,455	21,177 —
— Ташкентъ и Какавъ		8,047	24,403 —
— Китай		86,030	81,903 —
— прочія мѣста		5,140	640 —
Итого		166,933	214,921
			222,215 —

* Въ видахъ Торговли за этотъ періодъ нѣтъ свидѣній объ отпускѣ въ разныя азіатскія земли.

Цѣнность отпуска этихъ издѣлій увеличилась какъ по европейской, такъ и по азиатской торговлѣ, особенно усилился вывозъ ихъ въ Турцію и въ среднюю Азію вообще. Изъ Россіи сбываются въ азиатскія земли: чугунные котлы, замки всякаго рода, иглы швейныя, проволока, ножевые товары, гвозди, подносы, самовары и нѣкоторые другіе, но въ какомъ количествѣ, или на какую сумму отправляются издѣлія каждаго рода не можемъ означать, потому что нѣтъ свѣденій о томъ въ «Видахъ Торговли.»

Употребленіе металлическихъ издѣлій въ азиатскихъ земляхъ, особенно въ Средней Азіи, весьма ограничено; напримѣръ, многіе предметы, приготовляемые у насъ изъ желѣза, въ Бухаріи все не извѣстны или замѣняются деревомъ; вмѣсто замковъ, употребляемыхъ въ двери, употребляются тамъ деревянныя задвижки, вмѣсто желѣзныхъ или мѣдныхъ петель для дверей и оконъ, служатъ деревянныя вертлюги и тому подобное. Можетъ-быть многіе Бухарцы видятъ недостатки своихъ способовъ, но не рѣшаются принять европейскія нововведенія, опасаясь обвиненія въ подражаніи «цевѣрнымъ.»

Въ Бухарію доставляются изъ Россіи, въ большомъ количествѣ чугунные котлы, но другія чугунные издѣлія, употребляемыя тамъ, приготовляются Бухарцами черезъ переплавку чугуннаго лома, въ особыхъ горнахъ, весьма несовершеннымъ способомъ, и стоятъ очень дорого. Изъ желѣзныхъ издѣлій, привозимыхъ въ Бухарію, сбываются наиболѣе всякаго рода замки, а изъ стальныхъ швейныя иглы. Въ небольшомъ количествѣ отправляются туда плотничные и столярные инструменты, перочинные ножи всякаго разбору, и ножницы большіе, для портныхъ, но мелкіе не привозятся изъ Россіи, потому что въ Бухаріи употребительны ножницы этого сорта особой формы, которая приготовляется въ Кашмирѣ. Бухарцы сами выдѣлываютъ нѣкоторыя желѣзныя вещи изъ русскаго полосоваго желѣза, ручными способами, но такія издѣлія обходятся имъ дорого. Поэтому кажется, что, съ примѣненіемъ къ мѣстнымъ потребностямъ и вкусу, можно бы найти тамъ успѣшный сбытъ нѣкоторымъ предметамъ, которые могутъ быть выдѣлываемы въ Россіи гораздо дешевле, нежели въ Бухаріи, потому что употребляемый для нихъ матеріалъ стоитъ тамъ дорого, обрабатывается съ большимъ трудомъ, и безъ всякихъ пособій искусства. Къ такимъ издѣліямъ принадлежатъ, напримѣръ, лопаты тамошней формы, которыхъ расходъ весьма великъ, подковы, мелкія ножницы, по образцу

привозимыхъ изъ Кашемира; также можно бы кажется усилить сбытъ булатныхъ наделій въ тамошнемъ вкусѣ.

Подобнымъ образомъ, сбытъ нашихъ металлическихъ издѣлій могъ бы усилиться и въ другихъ странахъ Средней Азии, гдѣ потребители обращаютъ болѣе вниманія на дешевизну, нежели на качество товара, тогда какъ въ Турціи и особенно въ Персіи, покупатели гораздо разборчивѣе и притомъ имѣютъ возможность получать европейскіе товары этого рода, которые отличаются превосходнѣйшею отдѣлкою. Разныя простыя желѣзныя издѣлія, какъ то: замки всякаго рода, гвозди и другія привозятся въ Турцію изъ Россіи и Австріи; чугуныя издѣлія доставляются наиболѣе изъ Бельгіи, а стальные изъ Англіи. Последнія привозятся также черезъ Тривизонду въ Персію, но только цѣнные товары могутъ тамъ соперничать съ подобными русскими издѣліями. Въ Тавризъ доставляются изъ Россіи замки, самовары, подносы, пожевые товары, гвозди, пуговицы и прочая.

Русскія золотыя и серебряныя издѣлія сбываются по азіатской торговлѣ, почти исключительно въ Персію и вывозятся также въ Европу, большою частью въ Молдавію и Грецію, которыя снабжаются церковною утварью преимущественно изъ Россіи.

Отпущено золотыхъ и серебряныхъ издѣлій.

По европейской

торговлѣ:	Въ 1829—33 г.	Въ 1834—38 г.	Въ 1839—43 г.
Въ Молдавію	12,049	14,689	34,731 руб. сереб.
— Грецію	756	9,300	7,517 — —
— прочія мѣста	8,973	11,703	21,551 — —
Итого	21,787	35,691	54,799 руб. сереб.

По азіатской торговлѣ:

Въ Персію	8,519	2,293	19,593 руб. сереб.
— прочія мѣста	4,112	173	569 — —
Итого	12,631	2,466	20,167 руб. сереб.

Золото и серебро пряденое вывозилось въ прежніе годы, на значительную сумму, въ Турцію, но въ новѣйшее время отпускъ какъ туда, такъ и въ другія страны, уменьшился:

Отпущено:	Въ 1829—33 г.	Въ 1834—38 г.	Въ 1839—43 г.
Въ Турцію	53,572	36,346	31,661 руб. сереб.
— Молдавію	26,775	27,241	15,899 — —
— Азіатскія земли	13,430	2,238	1,087 — —
Итого	93,777	65,825	48,647 руб. сереб.

Вывозъ пряденаго золота и серебра постепенно упадаетъ: въ послѣдній періодъ отнушено на 92 процента менѣе чѣмъ въ первый. Сбытъ въ азіатскія земли почти совсѣмъ прекратился. Въ Турцію этотъ товаръ вывозится также гораздо менѣе, потому что въ недавнѣйшее время она стала получать его изъ Австріи и привозъ вообще уменьшился, съ тѣхъ-поръ, какъ въ Константинополѣ учреждена казенная золотопрядильная фабрика. Австрія снабжаетъ нынѣ этимъ издѣліемъ и Молдавію; оттого въ послѣдній періодъ, вывозъ его туда изъ Россіи былъ менѣе чѣмъ въ оба предыдущія пятилѣтія.

Цѣнность заграничнаго отпуска нашихъ металлическихъ издѣлій, составляющая не болѣе полумилліона рублей серебромъ, весьма маловажна въ сравненіи съ обширнымъ производствомъ ихъ въ Россіи, которое, однако, еще находится на низкой степенн, такъ, что не вполне удовлетворяетъ внутренннхъ потребностей; оттого ежегодно привозятся къ намъ иностранныя издѣлія этого рода на значительную сумму, а наши сбываются только въ азіатскія земли.

При неблагопріятныхъ видахъ, для сбыта нашихъ металловъ, въ Европѣ и Америкѣ, болѣе и болѣе ощутительна потребность въ умноженіи внутренняго ихъ расхода посредствомъ распространенія и усовершенствованія выдѣлки металлическихъ издѣлій. Производство ихъ, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, уже достигло довольно обширнаго развитія и сдѣлало замѣчательные успѣхи въ отношеніи къ дешевизнѣ товара, особенно низкихъ и среднихъ сортовъ; но издѣлія, для коихъ нужны искусныя и свѣдущіе мастера, усовершенствованныя орудія и машины, вырабатываются у насъ весьма неудовлетворительно, въ недостаточномъ количествѣ и обходятся дорого, что доказывается возрастающимъ привозомъ иностранныхъ товаровъ этого рода, несмотря на высокія пошлины, которыми онѣ обложены.

Выдѣлка металлическихъ издѣлій въ Россіи раздѣляется на фабричную и ремесленную. Громоздкіе товары приготовляются исключительно на большихъ казенныхъ и частныхъ заводахъ, изъ которыхъ нынѣ производятъ также мелкія издѣлія, напримеръ пожевые товары, инструменты разнаго рода и тому подобное. Ремесленная промышленность по этой части сосредоточивается въ Петербургѣ, Москвѣ, Тулѣ, Павловѣ и Вормсѣ. Совокупное производство тамошнихъ заведеній, въ коихъ вырабатываются разные металлическія издѣлія, составляетъ значительную сумму, судя по обширному ихъ сбыту внутри государ-

ства. Эти заведения, исключая весьма немногих, работают вообще несовершенными способами, на скорую руку; мастера-хозяева их не имѣютъ средствъ для развитія своего производства и руководствуются однимъ только навыкомъ, заботясь наиболѣе о скорѣйшей выручкѣ денегъ за свой товаръ. Ихъ издѣлія продаются вообще довольно сходно, но въ добротѣ матеріала, въ прочности и въ отдѣлкѣ далеко уступаютъ иностраннымъ.

Въ Россію привозятся изъ иностранныхъ земель: косы и серпы, ножевые товары и разныя другія металлическія издѣлія, также машины, ремесленные инструменты, часы и часовые приборы. Потребность въ этихъ предметахъ непрерывно возрастаетъ и нынѣшній привозъ ихъ уже простирается слишкомъ на два милліона рублей серебромъ.

Привезено:

	Косы и серп. Ножев. товары.		Разныхъ издѣлій.	Инструментовъ ремесл., матем. и хирург.	Машины.	Часоваго прибора.		
	Рублей ассигнаціям.					Часовъ ассигнаціям.		
Въ 1824 г.	2703330			683942	86610	214530	36500	
— 1825 —	2267514			671849	43804	144788	61752	
— 1826 —	2280634			512536	50703	149735	32521	
— 1827 —	2897392			605109	45828	63423	39736	
— 1828 —	2407012			995083	82472	172788	8472	
Средняя сума.	2511176			693704	61883	148653	35636	
Въ 1829 г.	2160029	199720	320319	778407	71291	75794	25267	335823
— 1830 —	2094517	251721	268558	811820	84311	131333	23417	551389
— 1831 —	1510903	242419	323231	895415	81860	399697	23694	319845
— 1832 —	2067629	246808	398590	984150	94940	199472	40122	617619
— 1833 —	2129654	369271	421330	915124	133653	484555	65442	863159
Сред. сум.	1990546	261748	346405	836983	93051	258170	35618	546095
Въ 1834 г.	1786926	178259	289746	1047565	122663	774760	34886	698528
— 1835 —	2263027	179214	401968	806753	152593	987303	170527	625983
— 1836 —	2491702	259279	805076	1059604	895569	1192261	67753	791545
— 1837 —	2441093	268055	987567	1742905	166260	1753955	51604	653732
— 1838 —	2540537	298902	1275474	1871595	162733	2527208	44051	856989
Сред. сум.	2304657	236541	752146	1305502	157523	1433095	71784	713335
								Серебромъ.
Въ 1839 г.	561082	72399	347850	386953	48149	432939	26555	209654
— 1840 —	545913	90407	277683	569007	52571	412988	22515	181880
— 1841 —	586943	59872	231331	277015	50087	229297	24900	210696
— 1842 —	516298	62546	621626	314668	49306	202542	28339	445380
— 1843 —	625386	64320	361142	329728	54923	645658	27490	467985
Сред. сум.	567124	68909	367926	375474	51007	384095	25238	303119
или р. асс.	1984934	244651	1287741	1314154	178524	1346397	90788	1060916

* Привозъ часовъ въ это пятилѣтіе не былъ показываемъ въ Видахъ Торговли особо отъ другихъ издѣлій.

Между металлическими издѣліями, стальные товары занимаютъ важное мѣсто, по обширному ихъ употребленію, и, подѣ покровительствомъ тарифа, фабрикація ихъ примѣтно усиливается въ Россіи. Эти издѣлія приготавливаются почти исключительно въ Павловѣ, Ворнеѣ и Тулѣ. Тамошніе мастера употребляютъ въ дѣлю частью русскую, частью англійскую сталь; послѣдняя идетъ на издѣлія лучшаго разбора. Возрастающій привозъ стали служитъ очевиднымъ доказательствомъ распространенія у насъ производства этихъ издѣлій и долженъ бы, кажется, побудить нашихъ заводчиковъ къ усовершенствованію выдѣлки этого матеріала изъ русскаго желѣза, тѣмъ болѣе что Россія изобилуетъ желѣзомъ лучшей доброты, которое иностранцами употребляется преимущественно на выдѣлку стальныхъ товаровъ.

Стали привезено къ санктпетербургскому порту:

	Средній привозъ.
Въ 1829 — 1833 годъ	2,122 ¹ / ₂ пудовъ.
— 1834 — 1838 —	3,009 —
— 1839 — 1843 —	7,531 —

Въ послѣдній періодъ привозъ былъ болѣе, чѣмъ въ предыдущій, на сто-пятьдесятъ процентовъ, а противъ перваго періода привезено болѣе на двѣсти пятьдесятъ-четыре процента. Сталь обложена пошлиною въ одинъ рубль двадцать-пять копѣекъ серебромъ съ пуда.

Жестъ, приготавливаемая изъ листового желѣза, также доставляется изъ-за границы, преимущественно изъ Англій. Выдѣлка этого матеріала на нашихъ заводахъ, вѣроятно, усилилась въ новѣйшее время, потому что привозъ сталъ уменьшаться. Къ санктпетербургскому порту привезено:

Въ 1829 — 1833 году.	1,440 полуящиковъ *.
— 1834 — 1848 —	649 — —
— 1839 — 1843 —	630 — —

Привозъ металлическихъ издѣлій вообще представляетъ постоянное приращеніе и особенно въ нѣкоторыхъ статьяхъ значительно увеличился, какъ видно изъ слѣдующихъ выводовъ:

* Ящикъ жесты содержитъ въ себѣ обыкновенно 450 листовъ.

Среднія суммы.

Въ 1824—33 г. Въ 1834—43 г.

Привезено.

Косъ, серповъ, ножеваго товара и раз. издѣлій. 1,459,964 1,945,914 р. с.

Инструментовъ:

Ремесленныхъ	437,339	748,474	—
Математическихъ и хирургическихъ	44,267	96,030	—
Машинъ	116,292	794,140	—
Часоваго прибора	20,357	46,442	—
Часовъ	156,027 *	506,929	—

По этимъ выводамъ очевидно обнаруживаются успѣхи и недостатки нашей мануфактурной промышленности. Привозъ ремесленныхъ инструментовъ и машинъ простирался въ первое десятилѣтіе на 553,631 рубль, а въ послѣднее на 1,542,614 рублей серебромъ, слѣдовательно увеличился на сто-осемьдесятъ процентовъ. Такое значительное приращеніе ихъ ввоза доказываетъ, во-первыхъ, что потребность въ различныхъ снарядахъ для рукодѣлій и фабрикъ, въ новѣйшее время, чрезвычайно усилилась при быстромъ развитіи ихъ производства, и во-вторыхъ, что приготовленіе этихъ необходимыхъ орудій въ Россіи весьма недостаточно и несовершенно, тогда какъ успѣхи всѣхъ механическихъ и многихъ другихъ производствъ основаны на превосходствѣ ремесленныхъ инструментовъ и машинъ.

Въ Англіи и частью въ другихъ мануфактурныхъ государствахъ, эти орудія выдѣлываются въ большихъ заведеніяхъ фабричнымъ образомъ; производство ихъ, съ помощью значительныхъ капиталовъ, при содѣйствіи искусныхъ и свѣдущихъ механиковъ и мастеровъ, по разнымъ частямъ и посредствомъ раздѣленія работъ, доведено до совершенства, особенно на англійскихъ фабрикахъ. Напротивъ того, въ Россіи, по недостатку всѣхъ этихъ условій, приготовленіе ремесленныхъ инструментовъ и машинъ находится на весьма низкой степени. Это замедляетъ успѣхи многихъ отраслей мануфактурной промышленности, преимущественно же тѣхъ, которыя дѣйствуютъ машинами. Конечно, можно выписывать изъ за границы машины, для всѣхъ производствъ, и нашими фабрикантами употреблены на это многіе милліоны **; но кромѣ разныхъ затрудненій отъ значаго выбора машинъ и отъ большихъ издержекъ на доставку

* Эта сумма относится только къ пятнадцатому періоду 1829—1833 годъ.

** Съ 1824 по 1833 годъ привезено въ Россію машинъ слишкомъ шестнадцать милліоновъ рублей ассигнаціями.

ихъ, фабриканту предстоитъ еще отвратить важное неудобство: для исправленія порчи или какого-нибудь недостатка въ машинѣ, онъ долженъ имѣть при своей фабрикѣ особую механическую мастерскую, что вовлекаетъ его въ излишніе расходы. Къ сожалѣнію въ самомъ центрѣ нашей мануфактурной промышленности, въ Москвѣ и въ ея окрестностяхъ, нѣтъ ни одного механическаго заведенія въ обширномъ видѣ, которое могло бы снабжать фабрики необходимѣйшими снарядами и опытными мастерами. Ремесленные инструменты всякаго рода вырабатываются у насъ на продажу только въ Тулѣ и то весьма дурнаго качества; главный недостатокъ ихъ состоитъ въ недобротности матеріала и по этой причинѣ они чрезвычайно непрочны. Въ незначительномъ количествѣ, для продажи, готовятся инструменты, на златоустовскихъ казенныхъ заводахъ; въ другихъ же мѣстахъ, ограничиваются выдѣлкою топоровъ, молотковъ, клещей и тому подобныхъ простыхъ орудій. Лучшіе инструменты, необходимые для разныхъ производствъ, доставляются большею частію изъ Англіи.

Косы и серпы, требующіе, подобно ремесленнымъ инструментамъ, добротнаго матеріала и искусной обработки, выдѣлываются у насъ на нѣкоторыхъ частныхъ и на златоустовскихъ казенныхъ заводахъ; также въ городѣ Осташковѣ, въ небольшихъ заведеніяхъ. Однако, производство этихъ издѣлій не удовлетворяетъ внутренней потребности и Россія ежегодно выписываетъ ихъ на сумму около двухъ милліоновъ рублей ассигнаціями. Онѣ доставляются почти исключительно изъ Австріи и въ торговлѣ извѣстны подъ названіемъ «штейрмаркскихъ»*. Ихъ сбываютъ наиболѣе въ западныхъ губерніяхъ, въ Малороссіи и въ новороссійскомъ краѣ.

Изъ ножевыхъ товаровъ въ Россіи къ привозу дозволены бритвы, ножницы, ножи перочинные и другіе, а столовые ножи и вилки остаются запрещенными, съ изданія тарифа 1822 года. Эти издѣлія готовятся въ значительномъ количествѣ въ мелкихъ заведеніяхъ въ Тулѣ, равно какъ въ селахъ Павловѣ и Ворнетѣ (горбатовскаго уѣзда, нижегородской губерніи), и отсюда расходятся по всей Россіи. Несмотря на распространеніе ихъ производства, потребность въ привозѣ разныхъ ножевыхъ товаровъ не уменьшается; но сбытъ ихъ остается почти въ одинаковомъ раз-

* Лучшіе косы и серпы вырабатываются въ Штири (Штейрмаркѣ) и съ тамошнихъ заводовъ доставляются въ Россію сухимъ путемъ черезъ Броды на Гадзляповѣ.

и дрѣ, потому что изъ-за границы привозятся только такія издѣлія этого рода, которыя могутъ вынести таможенную пошлину*.

Кромѣ упомянутыхъ предметовъ, въ Россію доставляются ежегодно на значительную сумму разныя металлическія издѣлія, изъ которыхъ, по нынѣшнему тарифу, весьма немногія запрещены къ привозу**. Сбытъ этихъ товаровъ постоянно возрастаетъ: въ послѣднее пятилѣтіе привезено ихъ на семьдесятъ процентовъ болѣе, чѣмъ въ предыдущее.

Въ новѣйшее время замѣтно усилился привозъ часовъ. Они долго были обложены высокою пошлиною: карманные золотые по десяти рублей, а серебряные по три рубля серебромъ со штуки; въ тарифѣ 1841 года эта пошлина уменьшена въ половину и оттого въ 1842 и 1843 годахъ привозъ часовъ увеличился вдвое. Часовое производство въ Россіи весьма незначительно; у насъ нѣтъ большихъ фабрикъ на подобіе заграничныхъ для приготовленія часовыхъ приборовъ и часовъ. Въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ главныхъ городахъ находятся мелкія заведенія, которыя болѣею частью занимаются починкою часовъ и выписываютъ изъ-за границы всѣ приборы, необходимые для этого мастерства.

Производство бронзовыхъ издѣлій водворилось въ Россіи, подъ покровительствомъ запрещенія привоза иностранной бронзы. Это запрещеніе продолжалось съ изданія тарифа 1822 года втеченіи двадцати лѣтъ; наконецъ, тарифомъ 1841 года, былъ разрѣшенъ привозъ бронзовыхъ штукъ въ необходимомъ видѣ; а въ 1845 дозволены къ привозу всякія бронзовыя издѣлія, съ пошлиною, которая достаточно ограждаетъ выгоды внутреннихъ производителей. Эта фабрикація находится въ рукахъ иностранныхъ мастеровъ, учредившихъ въ Петербургѣ и Москвѣ заведенія, на которыхъ приготовляются бронзы всевозможныхъ родовъ. Въ издѣліяхъ своихъ они наиболѣе подражаютъ французскимъ образцамъ. Бронзы петербургскихъ мастеровъ отличаются тщательною и отчетливою работою, которая, однако, обходится слишкомъ дорого, и потому ихъ издѣлія доступны только для богатѣйшаго класса. Напротивъ-того, въ Москвѣ производятъ болѣею частью

* Въ 1829—1833 годахъ средняя сумма привоза протиралась на 74,765 рублей, въ 1834—1838 годахъ на 67,583 рублей, а въ 1843—1844 годахъ на 69,909 рублей серебромъ.

** Къ числу такихъ статей принадлежатъ проволочныя и луженыя издѣлія, клинки, замки, щипцы и другіе подобныя предметы, особо непоминанные въ тарифѣ и непринадлежащіе къ кузнечной работѣ.

но весьма умѣренной цѣны бронзы, порядочныя на видъ, но весьма посредственной доброты. Дороговизна хорошихъ бронзовыхъ издѣлій причиною ограниченаго ихъ употребленія въ Россіи и происходитъ главнѣйше отъ недостатка раздѣленія работъ по этому производству. Во Франціи, гдѣ бронзовая фабрикація доведена до высокой степени совершенства и обширности *, есть заведенія, занимающіяся исключительно отливкою, другія рѣзкою, третьи позолотою; сверхъ-того, въ Парижѣ — средоточіи этой фабрикаціи — особыя заведенія занимаются собираніемъ и пригонномъ бронзовыхъ частей и окончательною ихъ отдѣлкою. Такимъ образомъ, естественно, что выдѣлка бронзовыхъ издѣлій во Франціи обходится дешевле чѣмъ въ Россіи; у насъ всѣ эти работы бывають соединены въ одномъ заведеніи, производящемъ издѣлія всякаго рода, тогда какъ во Франціи каждый родъ бронзы составляетъ особую вѣтвь въ этой фабрикаціи. Раздѣленіе работъ, по всѣмъ операціямъ бронзоваго производства и по роду самыхъ издѣлій, много способствуетъ не только дешевизнѣ, но и совершенству ихъ выдѣлки, съ помощью опытныхъ и искусныхъ въ своемъ дѣлѣ мастеровъ, въ которыхъ тамъ нѣтъ недостатка. Напротивъ-того, въ Россіи, гдѣ лучшія работы по бронзовой фабрикаціи производятся большею частью подъ руководствомъ иностранныхъ мастеровъ, фабрикантъ долженъ давать имъ большое жалованье и содержать при своемъ заведеніи хорошихъ рисовальщиковъ за дорогую плату.

Вообще степень развитія производства въ Россіи разныхъ издѣлій, вырабатываемыхъ изъ собственныхъ ея металловъ, желѣза и мѣди, показываетъ, что по многимъ частямъ оно весьма отстало отъ другихъ менѣе важныхъ отраслей нашей руководимой и фабричной промышленности; но причина, замедляющая успѣхи этого производства, по выдѣлкѣ издѣлій необходимѣйшихъ для домоводства и хозяйства, для разныхъ ремеслъ и фабрикъ, не можетъ быть отвращена тарифными мѣрами, которыя имѣли у насъ благопріятное вліяніе на развитіе нѣкоторыхъ отраслей обрботывающей промышленности. Для усовершенствованія выдѣлки металлическихъ издѣлій, въ отношеніи къ качеству и удешевленію ихъ цѣны, требуются основательныя техническія познанія по всѣмъ операціямъ, искусство мастеровъ, раздѣленіе работъ и

* Въ Парижѣ выдѣлывается бронзовыхъ издѣлій на сумму около двадцати-пяти милліоновъ франковъ, въ которой цѣнность матеріала не болѣе трети доли, остальную же часть составляетъ плата мастерамъ и рабочимъ.

значительные капиталы на устройство фабрик. Въ слабѣ развитіи у насъ этихъ коренныхъ условій заключается источникъ большей части недостатковъ нашего металлическаго производства. Съ постепеннымъ распространеніемъ технического образованія, чему правительство содѣйствуетъ всѣми зависящими отъ него средствами, размножатся свѣдующіе въ этомъ дѣлѣ механики и мастера; собственные выгоды производителей будутъ тогда болѣе и болѣе водворять между ними раздѣленіе работъ и капиталисты не замедлятъ воспользоваться такимъ направленіемъ этой промышленности для устройства фабрикъ въ большомъ размѣрѣ, которыя, доставляя работы мелкимъ заведеніямъ, облегчатъ средства къ развитію и усовершенствованію ихъ производства.

Отъ улучшенія разныхъ отраслей фабрикаціи увеличится внутренній сбытъ нашихъ металловъ, особенно желѣза, употребленіе котораго въ Россіи еще не такъ обширно и разнообразно, какъ въ другихъ странахъ, опередившихъ ее на поприщѣ промышленности. Кромѣ уже существующихъ у насъ производствъ, дальнѣйшее развитіе которыхъ должно умножить расходъ желѣза внутри государства, представляются еще новые источники для сбыта этого металла, а именно: устройство рельсовыхъ дорогъ и постройка желѣзныхъ судовъ. Потребность въ облегченіи внутренняго судоходства будетъ, конечно, способствовать введенію этихъ судовъ на водяныхъ путяхъ, служащихъ главными двигателями перевозки товаровъ въ Россіи. Для улучшенія сухопутныхъ сообщеній, уже заводятся у насъ желѣзныя дороги. На постройку ихъ въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ потребуютъ обширныя разстоянія между нашими промышленными городами, портами и пристанями, понадобится огромное количество желѣза. Съ распространеніемъ этихъ предпріятій, капиталисты и заводчики, конечно, не оставятъ безъ вниманія выгоды, какія представятся имъ тогда отъ заготовки рельсовъ и другихъ принадлежностей желѣзныхъ дорогъ. Водвореніе этого производства откроетъ обильный сбытъ нашему желѣзу и вознаградитъ за возрастающій ущербъ въ заграничномъ его отпускѣ.

Въ заключеніе этого обзора остается упомянуть здѣсь о привозѣ въ Россію металловъ, которыми она снабжается почти исключительно изъ иностранныхъ земель. Къ такимъ металламъ принадлежатъ: свинецъ, олово, цинкъ и ртуть.

Въ «Видѣхъ Торговли», показывается только привозъ свинца, а прочіе металлы, съ причисленіемъ къ нимъ стали и жести, означены совокупно въ одной статьѣ подъ заглавіемъ «метал-

мы не въ дѣлѣ. По этимъ табелямъ привозъ металловъ всакаго роду не въ дѣлѣ составлялъ слѣдующія среднія суммы:

Въ 1824—1828 г.	2,563,945 руб. ас.
— 1829—1833 —	2,827,927 — —
— 1834—1839 —	3,426,311 — —
— 1839—1843 —	3,840,417 — —

Эти цифры показываютъ, что въ послѣднее двадцатилѣтїе употребленіе иностранныхъ металловъ въ Россіи постоянно возрастало. О количествѣ привоза главнѣйшихъ изъ нихъ, какъ-то: свинца, олова, цинка и ртути, можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

	Свинца.	Цинка.	Олова.	Ртути.
Въ 1829 году	236,839	11,661	28,056	650 пуд.
— 1830 —	148,553	19,548	22,604	3,062 —
— 1831 —	242,141	28,802	22,033	476 —
— 1832 —	233,503	50,311	33,980	1,618 —
— 1833 —	193,889	40,489	29,034	1,062 —
Средняя сумма	210,985	30,162	27,121	1,373 —
Въ 1834 году	143,908	43,244	19,883	1,465 пуд.
— 1835 —	171,789	3,478	15,902	1,157 —
— 1836 —	191,143	24,950	17,615	2,051 —
— 1827 —	279,537	46,553	26,806	683 —
— 1838 —	343,413	32,389	32,350	2,745 —
Средняя сумма	225,958	30,123	22,511	1,620 —
Въ 1839 году	342,534	25,472	37,385	2,340 —
— 1840 —	273,295	13,929	26,558	2,100 —
— 1841 —	180,735	26,585	18,995	2,426 —
— 1842 —	286,908	28,018	42,319	2,912 —
— 1843 —	267,843	44,923	28,912	2,207 —
Средняя сумма	270,263	27,785	30,834	2,397 пуд.

Привозъ цинка, олова и ртути показанъ въ этой табели только по Санкт-Петербургскому порту, потому что въ Видахъ Торговли нѣтъ свидѣній о количествѣ ихъ привоза въ Россію. Впрочемъ, олово и ртуть доставляются болѣею частью черезъ этотъ портъ. Изъ табели видно, что привозъ сюда олова мало увеличивается; напротивъ того количество привозимой ртути постоянно возрастаетъ, такъ, что въ послѣдній періодъ привезено на семьдесятъ-четыре процента болѣе, чѣмъ въ первый. Привозъ къ

санктпетербургскому порту цинку, получаемого малою частью изъ Пруссии, а наиболѣе изъ Царства Польскаго, черезъ Данцигъ, составлялъ въ первые два періода почти одинаковое количество и нѣсколько уменьшился въ послѣдній періодъ; но въ то же время увеличился привозъ польскаго цинка, чрезъ сухопутную границу, а именно:

Въ 1834 году 6,047 пуд.	Въ 1839 году 15,013 пуд.
— 1835 — 2,105 —	— 1840 — 31,360 —
— 1836 — 18,101 —	— 1841 — 18,984 —
— 1837 — 21,286 —	— 1842 — 25,290 —
— 1838 — 9,090 —	— 4143 — 21,058 —

Средняя сумма 11,316 пуд. Средняя сумма 22 341 пуд.

Средній привозъ сухимъ путемъ, былъ въ послѣднее пятилѣтіе вдвое болѣе, чѣмъ въ первое.

Привозъ свинцу представляетъ постоянное приращеніе; въ послѣдній періодъ привезено на двадцать-осемь процентовъ болѣе чѣмъ въ первый. Россія снабжается этимъ металломъ болѣею частью изъ Англіи, черезъ санктпетербургскій портъ. Привезено:

	Среднія количества.		
	Въ 1829—1838 г.	Въ 1834—1838 г.	Въ 1839—1848 г.
Изъ Англіи	121,956	156,195	188,007 пуд.
— прочихъ мѣстъ	89,030	69,763	82,256 —
Всего	210,985	225,658	270,263 пуд.
Въ томъ числѣ чрезъ			
С. Петербургъ	191,761	208,127	239,395 пуд.

Количество свинца, получаемого изъ Англіи, составляетъ почти семьдесятъ процентовъ всего привоза; остальная часть доставляется также изъ Испаніи, Франціи, черезъ Гамбургъ и другія мѣста; впрочемъ привозъ англійскаго свинца постоянно возрастаетъ.

Нѣкоторые изъ привозимыхъ металловъ, вакъ-то олово, ртуть и цинкъ вывозятся изъ Россіи въ Азію. Отпускъ ихъ въ Видахъ Торговли подробно не означенъ, а заключается въ общей статьѣ «металлы не въ дѣлѣ»; сюда причисляются также сталь и жсть. Отпущено:

Въ 1824 г.	на 172 088	руб. ас.	Въ 1844 г.	на 191,032	руб. ас.
— 1825 —	— 306,291	— —	— 1835 —	— 309,918	— —
— 1826 —	— 55,996	— —	— 1836 —	— 75,879	— —
— 1827 —	— 91,416	— —	— 1837 —	— 136,648	— —
— 1828 —	— 118,052	— —	— 1838 —	— 167,194	— —

Средняя сумма 148,728

Средняя сумма 176,134 руб. ас.

Въ 1829 г.	на 131,548	— —	Въ 1839 г.	на 38,688	р. сер.
— 1830 —	— 116,454	— —	— 1840 —	— 40,929	— —
— 1831 —	— 75,831	— —	— 1841 —	— 81,816	— —
— 1832 —	— 65,474	— —	— 1842 —	— 64,509	— —
— 1833 —	— 249,814	— —	— 1843 —	— 51,919	— —

Средняя сумма 127,424

Средняя сумма 57,200 р. сер.

или 200,200 р. сер.

Изъ этого обозрѣнія видно, что отпускъ разныхъ металловъ въ последнее десятилѣтїе, съ 1834 по 1843 нѣсколько увеличился и, вѣроятно, будетъ постепенно возрастать, съ умноженїемъ потребностей въ нихъ, въ тѣхъ азіатскихъ земляхъ, которыя могутъ снабжаться этимъ металлами единственно изъ Россїи.

Г. НЕВОЛЬСНИЪ.

=

УСТРОЙСТВО ЛѢСОВЪ ЧАСТНЫХЪ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ.

=

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Выборъ удобнѣйшаго времени гсда для посѣва заслуживаетъ вниманія при посѣвѣ лѣса. Прежде утверждали, что лучшее время года для посѣва сѣмянъ то, когда ихъ разсеиваетъ сама природа — то есть осень; но противъ этого можно сказать, что когда посѣву осенью предстоитъ опасность отъ поѣданія сѣмянъ птицами или животными и затопленія водою, или когда появляющемуся рано весною всходу будетъ угрожать опасность отъ весеннихъ морозовъ, то лучше сѣять весною, когда перелетныя птицы еще не появились и разливы водъ уже миновали. Сверхъ того осеннее время имѣетъ еще ту невыгоду, что при стеченіи многихъ занятій, рабочіе бываютъ уже дороги и дни коротки.

Вобщемъ при выборѣ удобнѣйшаго времени для посѣва нужно придерживаться слѣдующаго правила: если посѣвы осенью можно произвести такъ же успѣшно и съ тѣми же издержками какъ и посѣвы весною, лучше осеннее время предпочитать весеннему, потому что осенью сѣмяна бываютъ самыя свѣжія и сохранять

ихъ втеченіи зимы вѣтъ надобности; но если осеннему посѣву угрожаетъ какая-нибудь опасность, посѣвъ древесныхъ сѣмянъ лучше производить весною.

Посѣвъ весною производить или рано или поздно весною. Выборъ того или другаго времени зависить отъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Наибольшій вредъ посѣвамъ происходитъ отъ засухи, морозу и поѣданія сѣмянъ птицами.

Для предохраненія посѣва отъ засухи лучше сѣять сѣмена рано весною.

Если посѣву можетъ предстоять опасность отъ морозу, то лучше производить посѣвъ поздно весною когда морозы уже миновали. Что же касается до поѣданія сѣмянъ птицами, то для предупрежденія значительнаго вреда отъ поѣданія (если этотъ вредъ можетъ предстоять) лучше сѣять поздно весною, потому что перелетныя птицы поздною весною летаютъ болѣе попарно, и слѣдовательно не причиняютъ на одномъ мѣстѣ такого значительнаго вреда, какъ рано весною когда они летаютъ большими стадами.

Качество почвы имѣетъ тоже вліяніе на выборъ времени для посѣва. На почвѣ влажной нельзя сѣять рано весною, напротивъ того на почвѣ сухой, ранній весенній посѣвъ необходимъ.

Посѣвъ сѣмянъ нужно стараться производить какъ можно равномѣрнѣе, и для этого должно стараться употреблять всегда однихъ и тѣхъ же людей. Посѣвы могутъ быть чистые и смѣшанные: первыми называются посѣвы производимые сѣменами одной породы; смѣшанные посѣвы производимые на одномъ пространствѣ сѣменами двухъ или нѣсколькихъ породъ. Образующіяся отъ такихъ посѣвовъ насажденія называются или чистыми или смѣшанными.

Смѣшанныя насажденія вообще предпочитаютъ чистымъ, потому что въ смѣшанныхъ насажденіяхъ деревья растутъ лучше и гуще: причиною тому различное устройство корней и вѣтвей разныхъ древесныхъ породъ; смѣшанные насажденія доставляютъ болѣе разнообразный матеріалъ нежели чистыя и вмѣстѣ съ тѣмъ большую прибыль.

Поврежденія, причиняемыя лѣсамъ огнемъ, вѣтромъ, насекомыми, сѣгомъ и прочимъ, въ лѣсахъ смѣшанныхъ и преимущественно смѣшанныхъ-хвойныхъ, никогда не бываютъ такъ значительны, какъ въ насажденіяхъ чистыхъ.

Въ смѣшанныхъ насажденіяхъ одна порода служитъ другой

защитою при возвращеніи и часто уничтожаетъ худыя свойства ея. Но возвращеніе хорошихъ смѣшанныхъ насажденій представляеть гораздо болѣе затрудненій чѣмъ возвращеніе чистыхъ и хозяйство въ смѣшанныхъ лѣсахъ должно вести гораздо осмотрительнѣе.

Для постояннаго примѣшиванія къ дубу не годится почти ни одна древесная порода, потому что для возвращенія дуба назначается обыкновенно весьма продолжительный оборотъ; для временнаго примѣшиванія къ дубу лучше употреблять липу, липу, ясень, липовникъ, менѣе хорошо — букъ, сосну, березу; вовсе не должно примѣшивать ольху, тополя и ивы.

Черная ольха рѣдко находится вмѣстѣ съ другими породами, потому что занимаетъ почву мокрую; на болѣе сухихъ мѣстахъ въ смѣшеніи съ черной ольхой можно возвращать березу, на мѣстахъ песчаныхъ — сосну.

Березу въ проходящей, или временной, смѣси можно возвращать почти со всѣми породами и почти на всякой почвѣ, исключая очень вязкой глинистой и затопленныхъ трясины.

Липа въ постоянной примѣси растетъ хорошо съ елью и пихтою.

Осина встрѣчается вмѣстѣ съ березою, ольхою, елью, сосною.

Ель и пихта по большей части растутъ вмѣстѣ.

Смѣшенія сосны съ елью и пихтою не можетъ представлять особенныхъ выгодъ, потому что послѣднія двѣ породы требуютъ совершенно другой почвы.

Посѣянные сѣмена обыкновенно покрываются землею, и самый толстый покровъ, непрепятствующій однако всходу сѣмянъ, есть самый лучшій, потому что глубоко укоренившіяся растенія бываютъ лучше защищены отъ жару, засухи и холоду и менѣе подвержены поѣданію птицами.

Толщина покрова зависитъ отъ почвы и рода сѣмянъ. Крупныя сѣмена требуютъ болѣе толстаго покрова; мелкія, болѣе тонкаго: рыхлой землею можно покрывать сѣмена слоемъ болѣе толстымъ; плотной, вязкой почвой — слоемъ болѣе тонкимъ.

Разсмотримъ теперь правила посѣва древесныхъ сѣмянъ въ частности по породамъ.

Посѣвъ *дуба*, кажется, лучше всего производить осенью. Весна предпочитается только тогда, когда осеннему посѣву можетъ предстоить опасность отъ затопленія весеннею водою или позднихъ весеннихъ морозовъ.

Дубовые желуди лучше всего сѣять на почвѣ, которая употре-

блалась пѣсноюко гѣтъ подѣ подѣ посѣвъ хлѣбныхъ растеній. На такой почвѣ можно разбрасывать желуди и заборанивать ихъ или сѣять подѣ соху, какъ сѣютъ обыкновенно картофель. Хорошо соединить посѣвъ желудей съ посѣвомъ хлѣбныхъ растеній.

Для такого посѣва сперва захватываютъ желуди, а потомъ сѣютъ хлѣбъ.

Почва подѣ посѣвъ желудей должна быть приготовлена вообще рыхло. Борозды для посѣва желудей проводятъ отъ одного до трехъ дюймовъ; на почвѣ сильно заростающей травой борозды дѣлаются шире, а на почвѣ не питающей этого свойства—уже. Расстояніе бороздъ одна отъ другой бываетъ отъ трехъ до четырехъ футовъ. Желуди сѣютъ подѣ мотыгу или приготовляя ямки буравообразной лопатой отъ двухъ до двухъ съ половиною дюймовъ въ поперечникѣ; приготовляемыя ими ямки должны быть не глубже шести дюймовъ, вынутая земля прежде покрытія желудей должна быть разрыхлена. Покровъ сѣмянъ, посѣянныхъ на рыхлой почвѣ, долженъ быть не толще шести дюймовъ; на вязкой отъ трехъ до четырехъ дюймовъ.

Желуди, при посѣвѣ ихъ осенью, всходятъ въ слѣдующую весну; при посѣвѣ весною—черезъ пять или шесть недѣль.

Для засѣва одной десятины мѣстами достаточно четырнадцати четвериковъ желудей, предполагая посѣвъ умеренной густоты.

Кленъ на мѣстахъ защищенныхъ, гдѣ нельзя опасаться вреда отъ весеннихъ морозовъ, сѣется осенью; если можно ожидать позднихъ весеннихъ морозовъ, то весною, когда морозы уже новали.

Сѣмяна клена не сносятъ толстаго покрыва, ихъ покрываютъ слоемъ земли отъ половины до одного съ половиною дюйма. Кленовый всходъ появляется черезъ такой же промежутокъ времени какъ и дубовый. На десятину требуется чистыхъ обезкрыленныхъ сѣмянъ около пятидесяти фунтовъ, крылатыхъ до семидесяти-пяти фунтовъ.

Илима и вяза лучше всего сѣять тотчасъ послѣ сбора сѣмянъ; почву слѣдуетъ готовить больше мѣстами или бороздами и тщательно очищать отъ покрыва; посѣвъ необходимо производить въ тихую погоду, чтобы сѣмена не разносились вѣтромъ; сѣмена не слѣдуетъ покрывать землею, а только перенѣшивать съ нею. Для засѣву одной десятины достаточно тридцати фунтовъ сѣмянъ. При посѣвѣ илима и вяза тотчасъ послѣ сбора сѣмянъ,

въ ноябѣ мѣсяцѣ, всходъ появляется черезъ три недѣли, а при посѣвѣ въ слѣдующую весну черезъ четыре и пять недѣль. Посѣвы ячменя и вяза нужно особенно предохранять отъ мелкихъ мушкетъ, которыя охотно выклевываютъ сѣмена этихъ породъ.

Ясень лучше сѣять тотчасъ послѣ сбора въ началѣ ноября, потому что тогда ростки всходятъ въ слѣдующую весну. Если же сѣмена будутъ сохраняемы послѣ сбора, то они всходятъ, пролежавъ въ землѣ втеченіи года. Почва для посѣву ясени должна быть хорошо взрыхлена; посѣянные сѣмена покрываются слоемъ земли отъ $\frac{1}{2}$ —1 дюйма толщиною. Для засѣву одной десятины достаточно 120 фунтовъ сѣмянъ.

Грабъ на открытыхъ мѣстахъ сѣютъ мѣстами и бороздами; сѣмена покрываются слоемъ земли отъ $\frac{1}{2}$ до 1 дюйма толщиною; для засѣву одной десятины достаточно 100 фунтовъ грабовыхъ сѣмянъ.

Грабъ, кленъ, яльма, вязъ и ясень рѣдко возвращаются чистыми насажденіями, но болѣе въ смѣшеніи съ дубомъ, букомъ, или въ смѣшеніи между собою.

Березу сѣютъ большою частію осенью; по-крайней-мѣрѣ осенній посѣвъ должно предпочитать весеннему.

Почва для посѣва березы должна быть тщательно очищена отъ мшорца, но вснакивать или взрыхлять ее не годится; если же березу приходится сѣять на вспаханномъ пространствѣ, то лучше дать землѣ улежаться, или даже унатать ее и потомъ уже сѣять березу; посѣвы на рыхлой почвѣ легко страдаютъ отъ засухи. Береза не любитъ покрова земли; но чтобы дать молодымъ деревцамъ возможность укрѣпиться и предохранить ихъ отъ засухи, полезно березовыя сѣмена покрывать слоемъ земли, не толще однако четверти дюйма. На вязкой, плотной почвѣ посѣвы покрывать землей не слѣдуетъ; достаточно только сѣмена березы перемѣшать съ землею.

Посѣвъ березы нужно производить въ тихую погоду, чтобы вѣтеръ не разнеслъ сѣмянъ ея. Для засѣву одной десятины достаточной густоты потребно до 90 фунтовъ сѣмянъ.

Молодыя березовыя растенія терпятъ много отъ засухи.

Ольху какъ *бѣлую*, такъ и *черную*, лучше сѣять весною. Главное условіе посѣва ольхи состоитъ въ такомъ приготовленіи почвы, при которомъ всходъ не могъ бы вытѣсняться морозами и заглушаться травой. Для этого почва не должна быть взрыхля-

ема, и если посѣвъ ольхи придется производить на вспаханной почвѣ, то лучше дать ей предварительно хорошенько улежаться.

Почву задерживающую не должно совершенно освобождать отъ покрова; дернъ срѣзывается самыми тонкими слоями, такъ, чтобы корни растеній оставались въ землѣ. Высокія травы не вырываются съ корнями, а срѣзаются наравнѣ съ землею. Сѣмена ольхи не должны быть покрываемы землею; лучше перемѣшивать ихъ съ нею и такимъ образомъ сѣять.

Сосну сѣютъ или шишками, или чистыми сѣменами. Оба эти способа имѣютъ свои выгоды и невыгоды; соображеніе ихъ при выборѣ того или другаго способа возобновленія, разумѣется, должно предшествовать самому посѣву.

Если предполагаютъ сѣять сосну тотчасъ по сборѣ сѣмянъ, то посѣвъ шишками предпочитается посѣву чистыми сѣменами, потому что очищеніе сѣмянъ и освобожденіе ихъ отъ шишекъ оканчивается уже по прошествіи удобнаго времени для посѣва. При посѣвѣ шишками, можно быть увѣреннымъ, что посѣвъ производится хорошими сѣменами. Посѣвъ чистыми сѣменами можетъ быть выгоднѣе, потому что чистыя сѣмена распределяются по данному пространству гораздо равномернѣе; посѣвъ шишками при продолжительныхъ дождяхъ часто совсѣмъ пропадаетъ, потому что чешуйки шишекъ не раскрываются; слѣдовательно, вѣроятіе успѣха скорѣе можетъ быть на сторонѣ посѣва чистыми сѣменами. Посѣвъ сѣменами можно производить черезъ два, три, четыре до шести лѣтъ; сѣмена въ шишкахъ сохраняются всхожими только втеченіи одного года.

Слѣдовательно, безусловнаго преимущества нельзя отдать ни тому ни другому способу возобновленія сосны: все зависитъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ.

Посѣвъ сѣменами выгоднѣе производить рано весною, посѣвъ же шишками тогда, когда земля уже высохла и наступило тепло. Если почва покрыта слоемъ мха, то достаточно уничтожить этотъ покровъ почвы граблями или бороною и сѣять потомъ сосну; но гдѣ почва можетъ быть употреблена подъ посѣвъ хлѣбныхъ растеній, тамъ лучше соединять посѣвъ сосны съ посѣвомъ хлѣба, или же можно сѣять сосну и послѣ хлѣба; въ такомъ случаѣ особаго приготовленія почвы не требуется и сѣмена сѣютъ подъ бороною.

При посѣвѣ шишками, необходимо ихъ ворочатъ, когда онѣ начнутъ раскрывать свои чешуйки, иначе сѣмена не выпадутъ

Ворочаютъ шишки граблями, метлами, или бороною. Посѣвъ сосны покрывается, смотря по большей или меньшей плотности почвы, слоемъ земли отъ четверти до одного дюйма толщиною.

Для самага густаго посѣва сосны требуется на десятину около пятидесяти четвериковъ шишекъ или до двадцати-пяти фунтовъ чистыхъ сѣмянъ.

Ель сѣютъ только чистыми сѣменами; лучшее время посѣва — весна и притомъ начало ея, когда земля только что растаетъ и можно будетъ ее обрабатывать.

Главное условіе при посѣвѣ ели состоитъ въ охраненіи всходовъ отъ вытѣсненія ихъ изъ земли морозами и заглушенія травою. Поэтому лучше всего сѣять ель мѣстами, величиною отъ одного до трехъ футовъ. Дернъ и другой покровъ почвы, снятый съ каждаго мѣста, кладутъ на полуденную сторону, для защиты всхода отъ солнечнаго жару. На приготовленныхъ мѣстахъ сѣмена не разбрасываются, но сѣются въ борозды, проводимыя возлѣ лежащаго на сторонѣ дерна. Сѣмена покрываются слоемъ земли отъ четверти до полу-дюйма, смотря по почвѣ.

Количество сѣмянъ, потребное для засѣву одной десятины, смотря по опасностямъ, могущимъ угрожать всходу ели, простирается отъ 25—35 и до 70 или 85 фунтовъ.

При садкѣ лѣса, способъ часто болѣе выгодномъ нежели посѣвъ, надобно имѣть въ виду всѣ обстоятельства, имѣющія большее или меньшее вліяніе на успѣхъ дѣла; поэтому къ садкѣ слѣдуетъ назначать всегда деревца лучшія, совершенно здоровыя, безъ всякихъ недостатковъ и съ хорошими, здоровыми корнями, потому что только совершенно здоровые саженцы могутъ перенести обрѣзываніе корней, вѣтвей и другія поврежденія, которыми они подвергаются при выкапываніи; поэтому для пересадки не нужно назначать деревья съ засохшими вѣтвями, деревья болѣзненныхъ и покрытыхъ лишаями и мхами, деревья, выросшихъ въ густотѣ и терпѣвшихъ отъ заглушенія, также поврежденныхъ домашнимъ скотомъ и четвероногою дичью.

Не слѣдуетъ пересаживать деревья съ сырой или мокрой почвы на почву сухую, или съ жирной, питательной почвы на почву тощую. Деревья пересаживаютъ отъ одного, двухъ, трехъ и пяти лѣтъ и болѣе до пятнадцати и двадцати-лѣтнихъ. Молодыя деревья пересаживать выгоднѣе: болѣе вѣроятности въ успѣхѣ и требуется менѣе издержекъ. Саженцы берутся или изъ естествен-

ныхъ самосѣвовъ или возвращаются нарочно изъ сѣмянъ въ временныхъ или постоянныхъ питомникахъ.

Выгоднѣйшее время для садки листовныхъ породъ заключается между временемъ опаденія и появленія листа.

Сосну, ель сажаютъ и лѣтомъ, но не охотно садятъ ихъ, когда майскіе побѣги еще не одеревенѣли, потому что они тогда легко повреждаются.

При осенней садкѣ, саженцы легко вытѣсняются изъ земли морозами, гибнутъ снѣгомъ и вообще принимаются хуже. Осенью по необходимости сажаютъ тогда, когда мѣста, назначаемыя подъ посадку, бываютъ весною затопляемы долго водою въ гористыхъ мѣстахъ, гдѣ пригодное для посадки весеннее время бываетъ очень непродолжительно.

Главное правило при выкапываніи саженцевъ состоитъ въ томъ чтобы не повредить корней пересаживаемыхъ растений. Для этого ихъ не должно вырывать изъ земли руками, а выкапывать осторожно лопатой, стараясь вмѣстѣ съ корнями вынуть и всю землю находящуюся около нихъ. При такомъ выкапываніи растений, успѣхъ пересадки бываетъ полный. Выкапываніе большихъ растений съ глыбой земли бываетъ иногда довольно затруднительно и довольно дорого, особенно при дальней перевозкѣ ихъ. Но если выкапываемые саженцы не-могутъ-быть оставлены со всею вынутою землею, то по-крайней-мѣрѣ при обколачиваніи ихъ необходимо оставить нѣсколько земли между новыми корнями.

Если вырытые саженцы не-могутъ-быть посажены немедленно, то чтобы корни ихъ не засохли, необходимо зарывать ихъ въ землю смоченную водою или даже погружать въ воду.

Растенія сажаются всегда въ какомъ-нибудь порядкѣ: или рядами или лучеобразно, отъ одной точки во все стороны или другія каки-нибудь образомъ. Садка рядами какъ болѣе правильная предпочитается другимъ порядкамъ сажанія.

Для возвращенія низкоствольнаго лѣса, саженцы размѣщаются не далѣе трехъ футовъ другъ отъ друга. Саженцы отъ шести до восьми лѣтъ, для высокоствольнаго лѣса сажаются на разстояніи пяти и шести футовъ. Если посадки производятся на летучихъ пескахъ, то саженцы располагаются гораздо гуще.

Величина вырыаемыхъ ямъ зависитъ отъ величины саженцевъ, отъ устройства корней и отъ свойства почвы. При вырываніи ямъ лучшая земля, худшая и дернъ кладутся отдѣльно. Дернъ кладется или въ самый низъ ямы, или, если саженцы мо-

гутъ быть размыаемы водою и вытѣсняемы изъ земли морозами, то сверху ямы, внизъ травю. Лучшей землей обкладываются корни пересаживаемыхъ растений, а другая употребляется для наполненія ямы.

При сажаніи деревь съ обнаженными корнями надобно наблюдать, чтобы корни саженцевъ не были изогнуты, не переплелись между собою и располагались въ ямѣ прежнимъ естественнымъ порядкомъ. Для этого не пужно становить пересаживаемаго растенія на два ямы, а держать его надъ землею, насыпая сверху, по немногу мелкой рыхлой земли, до тѣхъ поръ пока корни не будутъ засыпаны совершенно. Если корни пересаживаемаго дерева будутъ густы, то насыпавъ въ яму земли и наливъ водою, дѣлаютъ полужидкое тѣсто, въ которое становятъ дерево, а сверху насыпаютъ земли и утаптываютъ все мѣсто погами. Утаптывать растенія не должно слишкомъ сильно, потому что корни саженцевъ могутъ легко повреждаться при этомъ. Производя посадки на сухой почвѣ полезно класть на ямы нѣсколько мху или листа или около корней дѣлать маленькое углубленіе: отъ этого земля въ ямахъ не такъ легко высыхаетъ и влажность легче скопляется въ нихъ.

Растенія должно сажать вообще не слишкомъ глубоко. Породы съ горизонтальными корнями должно сажать не глубже двухъ дюймовъ противу прежняго ихъ стоянія въ землѣ, и особенно при посадкахъ на почвахъ плотныхъ и вязкихъ. Сосна, ель, береза и осина растутъ худо, если будутъ посажены довольно глубоко, напротивъ того прочія породы растутъ при глубокой садкѣ весьма хорошо и пускаютъ даже корни изъ каждой части ствола покрытой землею. Ихъ вужно сажать отъ трехъ до шести дюймовъ, смотря по почвѣ, глубже противу прежняго ихъ стоянія въ землѣ.

Посаженные деревья должно надлежащимъ образомъ укрѣпить въ землѣ, чтобы онѣ не разшевеливались и не раскачивались вѣтромъ. Укрѣплять растенія кольями, особенно при большихъ посадкахъ бываетъ слишкомъ дорого, а потому породы легко свосія глубокую садку какъ,—дубъ, грабъ, вязъ, вилль, кленъ, ольха и ясень,—лучше садить глубоко и укрѣплять обсыпкою кругомъ ствола землею, наподобіе кучи отъ одного до полутора

фута вышиною. Подобная обсыпка несколько не препятствует росту дерева, укрѣпляет его достаточно.

Саженцы тонкіе, жидкіе можно срѣзывать на высотѣ четырехъ и шести футовъ отъ земли, оставляя одинъ два или три сука для притягиванія сока. Такое срѣзываніе вершины несколько не препятствуетъ дальнѣйшему росту дерева въ вышину, если они сомкнуты въ надлежащее время.

Посадки необходимо охранять отъ домашняго скота, четвероногой дичи и прохожихъ. Засохшіе саженцы замѣняются новыми, а вершины и сучья въ такихъ случаяхъ нужно срѣзывать.

Мы забыли упомянуть объ одномъ весьма важномъ обстоятельстве при пересадкѣ. При выкапываніи большихъ саженцевъ обыкновенно обрывается и повреждается большее или меньшее число корней: для восстановленія въ саженцахъ надлежащаго отношенія между корнями и вѣтвями, обрѣзываютъ часть послѣднихъ, а также и почки, и обыкновенно тѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ болѣе попорчено и оборвано корней. Изъ корней срѣзываютъ только слишкомъ длинныя, которыхъ нельзя уместить въ ямѣ прежнимъ естественнымъ образомъ.

Сажаніе дуба. Дубъ лучше всего пересаживать въ молодости, потому что тогда онъ легче возобновляетъ свой перпендикулярный корень, въ случаѣ если бы его лишился. Одно и двухлѣтня растенія лучше всего выкапывать буравообразною лопатою: обыкновенными лопатами вырывать дубки довольно трудно. Буравообразная лопата бываетъ длинною отъ полтора до двухъ футовъ и въ діаметрѣ отъ шести до осьми дюймовъ.

Грабъ съ успѣхомъ пересаживается довольно большими деревцами, потому что имѣетъ вокругъ ствола много мелкихъ корней. Не должно брать для пересадки деревъ образовавшихся изъ корневыхъ отпрысковъ, потому что такіе стволы имѣютъ мало собственныхъ корней и оттого худо принимаются. Глубокая садка и срѣзываніе вершинъ грабу не вредны.

Кленъ и *ясень* можно пересаживать тоже довольно большими деревцами въ пять и шесть футовъ вышины; вершины кленовыхъ и ясеневыхъ деревъ обрѣзывать не слѣдуетъ. Глубокая садка не вредитъ росту этихъ породъ.

Илигъ и *вязъ* пересаживаютъ такими уже деревьями, которыхъ не можетъ вредить трава, то есть шести и осми-лѣтними

саженцами. Глубокая садка ииъ полезна; обрѣзываніе вершинъ свесить хорошо.

Липу лучше пересаживать уже довольно большими деревцами; деревья, образовавшіеся изъ корневыхъ отпрысковъ, особенно отъ глубоко лежащихъ корней, прививаются худо. Обрѣзываніе вершинъ липѣ не вредитъ; глубокая садка полезна.

Березу можно съ успѣхомъ пересаживать только до того возрасту, когда кора на ея стволѣ начинаетъ бѣлѣть, потому что корни ея послѣ этого разрастаются довольно сильно и мелкіе корешки вокругъ ствола начинаютъ теряться. Березу необходимо стараться садить весною; осенняя садка ей не благоприятствуетъ; вершины березовыхъ деревъ срѣзывать не слѣдуетъ; глубокая садка березѣ неблагоприятна.

Осина хотя и разрастается весьма легко сама собою, но очень часто для полученія саженцовъ приходится возвращать ихъ нарочно. Для этого вынимаютъ осторожно изъ земли здоровые концы корней петолще полдюйма и садятъ ихъ въ рыхлой землѣ на полтора или два дюйма глубиною, землю поливаютъ водою и эти корни очень скоро пускаютъ отпрыски. Когда отпрыски достигнутъ одного или двухъ лѣтъ, ихъ отдѣляютъ другъ отъ друга, перерѣзывая острою лопатою старые корни и пересаживаютъ въ питомникъ, а потому уже и на свободу.

Всѣ ивы, черные и бѣлые тополи возвращаются лучше черенками, то есть садкою обрѣзанныхъ сучьевъ и колевь.

Для разведенія ивы черенками по берегамъ рѣкъ, на отмеляхъ и для укрѣпленія летучаго песку, ивовые черенки вырѣзываютъ изъ двухъ или трехлѣтнихъ сучьевъ; длина черенковъ должна быть такая, чтобы концы ихъ находились постоянно въ слоеъ земли, не высыхающемъ при обыкновенной погодѣ.

На свѣжей, влажной почвѣ это бываетъ на глубинѣ двѣнадцати дюймовъ, на рыхлой до двадцати и двадцати-пяти дюймовъ; длина же черенковъ должна быть отъ шестнадцати до тридцати дюймовъ, потому что черенки выставляются поверхъ земли на четыре и на шесть дюймовъ.

Сучья, назначаемые для черенковъ, срѣзываются острымъ ножомъ вкось, очищаются отъ вѣтвей и раздѣляются на потребной длины черенки.

Черенки передъ садкою кладутъ въ воду подѣян на два. Ихъ

сажают или по одновачкѣ въ особо приготовленные острою палкою дыры, или кучами по шести или десяти черенковъ. На летучихъ пескахъ черенки сажаютъ въ борозды.

При садкѣ кольями, которыя бываютъ длиною до семи футовъ и толщиной до двухъ дюймовъ, надобно наблюдать, чтобы кора на кольяхъ не была повреждена; ихъ сажаютъ въ нарочно приготовленные для того ямы: верхній срѣзь кола замазывается глиною, чтобы колъ отъ влажности не гнилъ сверху. Разводить ивы и тополь хорошо по дорогамъ, канавамъ, вообще гдѣ прогоняется скотъ и гдѣ маленькія растенія могутъ быть имъ объѣдаемы.

Сосну съ усѣвхомъ можно пересаживать въ однолѣтнемъ и двухлѣтнемъ ея возрастѣ; если же такимъ деревцамъ можетъ предстать вредъ отъ травы и летучаго песку, то въ четырехъ и пятилѣтнемъ возрастѣ.

Сосны десятилѣтнія безъ предварительной пересадки и срѣзыванія вертикальнаго корня, принимаются худо.

На влажной почвѣ сосну можно сажать во всякое время года; на сухой лучше весною. Маленькія сосновыя деревца лучше всего выкапывать буравобразной лопатой, потому что съ глыбой земли сосновые саженцы принимаются лучше. Для пересадки нужно выбирать особенно хорошіе и здоровые саженцы.

Ель сажаютъ или единичными саженцами или пучками; въ умеренномъ климатѣ ель можно пересаживать въ трехъ и пятилѣтнемъ возрастѣ. Лучше всего пересаживать ель съ глыбою земли около корней, начиная садку съ октября мѣсяца, когда наступитъ дождливая сырая погода. Если на еловыхъ посадкахъ разрастется сильно трава, то ее вытравляютъ домашнимъ скотомъ; кованыя лошади и овцы не должны быть пускаемы въ такихъ случаяхъ на мѣста посадокъ.

Насажденія, возвращенныя посѣвомъ, посадкою или другимъ какимъ-нибудь образомъ, бываетъ необходимо прорѣживать, и такія прорѣживанія называются *проходными порубками* или *прочистками*. Цѣль проходныхъ порубокъ — получение болѣе значительной отъ лѣсовъ прибыли, какъ относительно качества вырубки, такъ и качества получаемаго матеріала.

Проходныя порубки заключаются въ вырубкѣ деревь заглушенныхъ и въ изрѣживанія весьма густыхъ насажденій, для доставленія лучшимъ деревьямъ болѣе свободы.

Однако не всегда цѣль проходныхъ порубокъ заключается въ полученіи временной прибыли отъ собственно вырубленнаго при прочисткѣ лѣса. Въ густыхъ молодыхъ насажденіяхъ, произрастающихъ на довольно тощей почвѣ, когда деревья мѣшаютъ росту другъ другу, необходимо произвести проходную прорубку, съ цѣлю доставить деревьямъ лучшаго роста болѣе простору, и въ этихъ случаяхъ прочистки предпринимаются иногда довольно рано.

Въ лѣсахъ, произрастающихъ на почвѣ хорошей, гдѣ лучшія деревья не слишкомъ страдаютъ отъ густоты, прочистку можно предпринимать въ двадцати и тридцатилѣтнемъ возрастѣ, когда вырубленный матеріалъ можетъ имѣть сбытъ.

Равная прочистка необходима тѣмъ скорѣе чѣмъ почва хуже и менѣе питательна. Очень густыя сосновые насажденія на худой почвѣ засыхаютъ часто въ сорокъ лѣтъ, неимѣя въ послѣдніе десять и даже двадцать лѣтъ ни какого приросту; но если эти насажденія въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ будутъ прочищены, то густота насажденія и дурное качество почвы не могутъ уже имѣть такого вреднаго вліянія на ростъ насажденій, и сосна растеть съ успѣхомъ, возможнымъ на худой почвѣ.

Въ породахъ скоро растущихъ прочистки должны быть предприняемы скорѣе нежели въ породахъ медленно растущихъ.

Прочистки насажденій слѣдуетъ производить довольно осторожно, вырубая только то количество лѣсу, которое необходимо для доставленія свободы оставляемымъ деревьямъ. Почва въ прорубаемыхъ насажденіяхъ должна быть всегда отънятою и общая связь верхнихъ вѣтвей деревъ никогда не должна быть прерываема.

При проходныхъ порубкахъ можно держаться слѣдующихъ правилъ:

Породы, произрастающія въ болѣе густомъ насажденіи, могутъ быть прорѣживаемы менѣе породъ, требующихъ болѣе свободного стоянія деревъ.

Почва сухая, тощая, должна быть отънята болѣе почвы хорошей, и проходныя прорубки въ участкахъ, произрастающихъ на почвѣ перваго рода, должны быть производимы осторожнѣе, чтобы почва не была слишкомъ открыта свободному дѣйствію свѣту и воздуху.

Если возвращаютъ лѣсъ для построекъ, то насажденія необхо-

димо содержать болѣе въ густотѣ, и въ этомъ случаѣ, при проходныхъ порубкахъ, вырубается лѣсу менѣе, чѣмъ при прочисткахъ лѣсовъ дровяныхъ.

Участки, которыхъ деревья растутъ болѣе въ вышину, прорубаются менѣе насажденій начинающихъ уже округлять свои вершины.

Проходныя порубки въ лѣсахъ, до времени ихъ срубки, предпринимаются нѣсколько разъ; въ высокоствольныхъ обыкновенно черезъ двадцать или тридцать лѣтъ.

Въ молодыхъ участкахъ обыкновенно бываетъ болѣе подыхающихъ деревъ и проходныя прорубки должны быть предпринимаемы въ нихъ чаще участковъ средняго и болѣе стараго возраста; въ лѣсахъ, состоящихъ изъ древесныхъ породъ, не теряющихъ большой густоты, какъ сосновыхъ, березовыхъ, липовыхъ, ольховыхъ, прочистки должны предприниматься чаще, чѣмъ въ лѣсахъ дубовыхъ, пльмовыхъ, вязовыхъ, грабовыхъ, еловыхъ, и такъ далѣе.

Возращаемыя вновь и старыя насажденія лѣсовъ подвергаются часто разнымъ вреднымъ вліяніямъ. Лѣсной хозяинъ долженъ уметь отвращать ихъ: иначе хозяйство можетъ разстроиться, и лѣсъ не только не дастъ ожидаемаго отъ него дохода, но еще можетъ вовлечь владѣльца въ убытки.

Вредное вліяніе на лѣса имѣютъ слѣдующія обстоятельства: морозъ, засуха, снѣгъ, пней, вѣтры, огонь, сорныя растенія, дикіе звѣри, домашній скотъ, насѣкомыя, вода и летучіе пески.

Всѣ эти вредныя для лѣсовъ обстоятельства, не бѣваютъ одинаково вредны для лѣса, потому каждый хозяинъ долженъ опредѣлять вліянія оказывающіяся болѣе вредными для его лѣса и принять противъ нихъ надлежащія мѣры; въ еловыхъ лѣсахъ наиболѣе вредное вліяніе оказываетъ вѣтеръ, въ лиственничныхъ этого вѣтъ, лѣсамъ липовымъ угрожаетъ наибольшая опасность отъ похищеній и такъ далѣе.

Здѣсь мы рассмотримъ, сколько позволяютъ предѣлы статьи, всѣ эти вредныя вліянія и мѣры къ отвращенію.

Морозъ причиняетъ лѣсамъ вредъ, умерщвленіемъ стѣбковыхъ входовъ, поросли отъ пней и корней, выжиманіемъ стѣбковыхъ подростовъ изъ земли и даже поврежденіемъ большихъ деревъ.

Молодыя растенія повреждаются поздними весенними морозами,

наступающими послѣ теплыхъ дней и ранними осенними и зимними морозами, особенно въ безснѣжныя зны. Для защиты всходовъ отъ морозу на сѣмянныхъ лѣсосѣкахъ надобно располагать ихъ такъ чтобы, онѣ со стороны холодныхъ вѣтровъ были защищены растущимъ лѣсомъ. Мелкія растенія и кусты, которые могутъ доставить боковую защиту всходу, нужно оставлять на лѣсосѣкахъ; сѣмливныя деревья на лѣсосѣкѣ нужно оставлять болѣе, чѣмъ сколько нужно для обсѣяненія почвы.

Посѣвы на мѣстахъ открытыхъ защищаются отъ морозу болѣе толстымъ покровомъ сѣмянъ землю, покрываніемъ всходовъ вѣтвями хвойныхъ породъ, если этотъ способъ не будетъ слишкомъ дорогъ, и посѣвомъ древесныхъ сѣмянъ вмѣстѣ съ хлѣбными растеніями.

Всходы и саженицы породъ съ горизонтальными корнями, произрастающія на почвѣ мокрой и рыхлой, часто выжимаются пзъ земли морозами. Для отвращенія этого вреда, почву не слѣдуетъ слишкомъ взрыхлять, посѣвы хорошо покрывать слоемъ листа, молодыя растенія сажать вмѣстѣ съ глыбами земли.

Вредныя вліянія морозу на большія деревья не могутъ быть отвращаемы въ лѣсахъ, и наконецъ эти вліянія не вредятъ замѣтно большимъ деревьямъ.

Отъ засухи, или продолжительныхъ жаровъ, можно предохранить растенія, въ сѣмянныхъ лѣсосѣкахъ на почвѣ сухой, оставленіемъ большаго числа семянныхъ деревъ, чѣмъ сколько нужно для обсѣяненія почвы; въ сѣмянныхъ лѣсосѣкахъ на почвѣ сырой и въ сыромъ климатѣ, деревья должны стоять рѣже, посѣвы на открытыхъ мѣстахъ слѣдуетъ производить глубже, при посадкахъ дѣлать ямы больше, и больше обсыпать корни растеній землю; плотныя глинистыя почвы необходимо взрыхлять глубже и очищать отъ сорныхъ растеній.

Для отвращенія вреда отъ повала снѣгомъ, не должно возвращать насажденія слишкомъ густо, а густые подросты необходимо прорѣживать. У лиственныхъ породъ согнувшихся отъ повала снѣгомъ, нужно сноль возможно скорѣе обрѣзывать верхушки.

Вѣтеръ причиняетъ лѣсамъ иногда значительный вредъ, обнажая довольно большія площади лѣсной почвы.

Вѣтровалы случаются болѣе въ лѣсахъ хвойныхъ, преимущественно еловыхъ, на почвѣ не глубокой, мокрой и при открытомъ мѣстоположеніи.

Определеніемъ при устройствѣ дачъ направленія сильныхъ, часто дующихъ вѣтровъ и соответственнымъ назначеніемъ очередей рубки принимаются уже достаточныя мѣры противъ вѣтровала. Рубку лѣсовъ, которымъ угрожаетъ опасность отъ вѣтра, нужно назначать съ подвѣтренной стороны; если же направление вреднѣйшихъ вѣтровъ неизвѣстно, или обстоятельства требуютъ начать рубку со стороны вѣтра, то при возобновленіи лѣсовъ не нужно трогать опушки лѣса съ вѣтренной стороны; лѣсовосѣки вести узкими полосами, такъ, чтобы вырубленные полосы лѣса находились между полосами невырубленными.

Послѣ вѣтроваловъ необходимо убирать возможно скорѣе поваленный лѣсъ; если же этого нельзя, то нужно очистить его отъ вѣтвей и коры, а плаче въ поваленныхъ деревьяхъ, а особенно еловыхъ, могутъ удобно развестись насѣкомыя.

Лѣсные пожары причиняютъ иногда не только значительный вредъ лѣсамъ, истребляя большія площади лѣсовосаженій, но и посягаютъ хлѣбныхъ растений смежнымъ съ горящимъ лѣсомъ.

Причиной пожаровъ бываетъ умышленное поджигательство ихъ пастухами или крестьянами, желающими увеличить свои пахаты, или неумышленное, причиною котораго бываютъ большею частію охотники, прибывающіе заряды пеньковыми пыжами. Для предупрежденія вреда отъ огня не слѣдуетъ позволять раскладывать въ лѣсу огни проезжающимъ и проходящимъ, а если это необходимо, то огни допускать раскладывать въ такомъ разстояніи отъ лѣсу, при которомъ огонь не можетъ быть причиною пожара. Мѣсто для разведенія огня должно быть очищено отъ сухаго листа, мха, и другихъ удобогорючихъ матеріаловъ; особенно тщательно нужно смотрѣть за лѣсами въ сухое, жаркое время года, отъ половины мая до половины сентября.

Не допускать лѣтомъ въ хвойныхъ лѣсахъ жженія угля, гонки смолы и тому подобнаго, или отводить для этихъ операцій безопасныя мѣста, то есть поляны или прогалны, на которыхъ нѣтъ валежнику, слоя сухаго листа, мха, сухой высокой травы, и которыя удалены отъ молодыхъ хвойныхъ насаженій.

Пожары случающіеся въ лѣсахъ бываютъ трехъ родовъ, доземный, напольный и вершинный, или повальный. При первомъ изъ нихъ горитъ слой почвы (торфяной;) огонь большею частію распространяется довольно медленно; для потушенія этого огня

вырываютъ вокругъ горящаго мѣста, вплоть до материка, канавы: крайнія по канавѣ деревья срубаются, тлѣющія заливаютъ водою или засыпаютъ землею изъ канавы.

При полномъ пожарѣ горитъ покровъ почвы: состоящій изъ сухаго листа, мха и травы. Въ началѣ пожаръ этотъ можетъ быть потушенъ водою, если она есть близко, или засыпаніемъ горящихъ мѣстъ землею, а также обжиганіемъ изъ вѣтвей листовыхъ породъ. Но если отъ этихъ мѣръ пожаръ не прекращается, то сперва въ той сторонѣ куда стремится огонь сильнѣе, очищаютъ полосу земли отъ удоботерящихъ матеріаловъ и въ опасныхъ мѣстахъ (передъ подростами особенно хвойныхъ породъ) вырываютъ небольшія канавы, въ то же время продолжая тушить огонь вѣтвями и забрасываніемъ его землею. При тушеніи подосиннаго пожара нужно стараться особенно не допустить огня до молодыхъ хвойныхъ породъ, а иначе пожаръ превращается въ поваловый, или вершинный, то есть горятъ стволы старыхъ деревьевъ молодыхъ и вершины деревьевъ старыхъ. При тушеніи вершиннаго огня всѣ мѣры къ потушенію пожара должны предпринимать въ такомъ разстояніи отъ огня, чтобы они могли быть оковчены до приближенія пожара. При этомъ пользуются имѣющимися въ лѣсу просѣками, дорогами, рвами, полянами и начинаютъ съ нихъ тушить пожара.

Для потушенія вершиннаго пожара, по направленію сильнѣйшаго горѣнія, вырубаютъ полосу лѣса, деревья валятъ къ сторонѣ пожара, очищая ихъ отъ вѣтвей и сучьевъ, которыя и убираютъ; если время и силы позволяютъ, то убираютъ и самые стволы срубленныхъ деревьевъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пожара необходимо разставлять людей, чтобы тушить огонь исходящій отъ искры и головешъ.

При весьма сильномъ пожарѣ и при недостаткѣ средствъ къ тушенію его, совѣтуютъ разводить такъ-называемые встрѣчные огни. Для этого въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пожара, въ сторонѣ къ которой идетъ огонь большее стремленіе, прорубаютъ просѣку, а на пей вырываютъ канаву, передъ канавой дѣлаютъ изъ сухаго мха, листьевъ, вѣтвей и тому подобнаго валъ, который зажигаютъ, когда приближеніе огня сдѣлается чувствительнымъ по движенію воздуха, стремящемуся къ горящему пространству; оба эти огня встрѣтившись и истребятъ на пути сво-

есть всё удобогорючие материалы, или потухают совершенно или ослабляются такъ, что окончательное тушение ихъ не представляеть почти ни какихъ затрудненій.

О вредѣ отъ сорныхъ растений мы уже говорили излагая правила возобновленія лѣса. Мѣры противъ вреда отъ сорныхъ растений состоятъ въ истребленіи ихъ, конечномъ или временномъ.

Древесныя растенія терять часто отъ дикихъ звѣрей водящихся въ лѣсахъ и питающихся листьями, почками, побѣгами и корою древесныхъ растений. Оленей, лосей, козюль и ланей можно отваживать отъ молодняковъ выстрѣлами въ расщель или огораживать молодняки плетнями. Зайцевъ, откусывающихъ зимою побѣги молодыхъ дубковъ и елей и объѣдающихъ кору у осины, можно стрѣлать, а противъ мышей, особенно вредныхъ молодымъ подростамъ бука, клена, липы, вяза, граба, ясени, сосны, полезно скашивать въ молодячкахъ траву, раскидывать шневичныя зерна или хлѣбныя катышки вымоченныя въ растворъ мышьяка и не истреблять лисицъ, ежей и совъ, питающихся мышами.

Для отвращенія вреда отъ птицъ выклеывающихъ сѣмена на мѣстахъ посѣвовъ, надобно стараться тамъ, гдѣ пролетаютъ дикіе голуби, производить посѣвы по минованіи пролета; другихъ же птицъ, какъ-то: глухарей, сивгирей, зяблнковъ и кедровокъ, можно отваживать отъ посѣвовъ внезапными выстрѣлами и выставленіемъ чучель.

Если пастьба скота въ лѣсу должна быть допущена по недостатку другихъ пастбищныхъ мѣстъ, то для отвращенія вреда отъ поѣданія скотомъ побѣговъ и листьевъ молодыхъ листовыхъ растений, должно соблюдать слѣдующія правила. Въ участки гдѣ есть подросты, но нѣтъ травы или мало, домашнюю скотину пускать не слѣдуетъ; коровъ вмѣстѣ съ овцами пускать не должно, потому что коровы не трогая травы, по которой прошли овцы, питаются болѣе древесными растеніями. Весною молодняки подвергаются объѣданію скотомъ болѣе, чѣмъ осенью; листья дуба, осины, липы, вяза и орѣшника объѣдаются скотомъ охотнѣе листьевъ ольхи, березы и ели. Подросты, требующіе охраненія отъ домашняго скота, полезно огораживать или, для сохраненія ихъ въ цѣлости, необходимо наказывать пастухамъ не вѣсти въ этихъ мѣстахъ скотины.

Сосновые и еловые лѣса терпятъ иногда значительно отъ нападѣнія насѣкомыхъ. Вредъ отъ нихъ въ лѣсистыхъ мѣстахъ не можетъ быть ощутителенъ, но въ мѣстахъ наложѣсныхъ, опустошенія, причиняемыя насѣкомыми, бываютъ такъ сильны, что часто лѣсные участки довольно значительной площади засыпаютъ совершенно. Опаснѣйшія для сосновыхъ и еловыхъ лѣсовъ насѣкомыя, нападающія на большія деревья и умерщвляющія ихъ, осмизубчатый еловый короѣдъ (*Lostrychus typographus*. Lin.) и сосновый шелкопрядъ (*Phalaena Bombyx pini*. Lin.).

Чтобы предупредить вредъ отъ опаснаго размноженія этихъ насѣкомыхъ, необходимо слѣдить за размноженіемъ ихъ и знать признаки, которыми опредѣляется опасное количество этихъ насѣкомыхъ въ лѣсу: когда въ лѣсу появляется много птицъ питающихся насѣкомыми, какъ-то поползней, дятловъ, древолазовъ; когда въ тихіе, теплые вечера летаетъ много бабочекъ; когда хвой на нѣкоторыхъ деревьяхъ, особенно по краямъ насажденій, пожелтѣлъ и спадаетъ, кора на деревьяхъ шелушится, вершины деревъ не имѣютъ естественной густоты, подъ деревьями замѣчается червоточина или пометъ гусеницы, то это вѣрный признакъ, что осмизубчатый короѣдъ и сосновый шелкопрядъ размножились до опаснаго количества, и въ этомъ случаѣ надобно принять мѣры къ истребленію ихъ.

Для истребленія короѣда кладутъ ловчія деревья, то есть, срубаютъ весною въ разныхъ мѣстахъ лѣса деревья, растущія по краямъ насажденій, а когда подъ корою этихъ деревъ появится племя насѣкомыхъ, то кору сжигаютъ.

Деревья зараженныя короѣдомъ очищаютъ отъ коры и ее сжигаютъ. Само собою разумѣется, что не надобно ловить и истреблять птицъ питающихся насѣкомыми.

Для истребленія бабочекъ шелкопряда и гусеницы, собираютъ ихъ въ холодные утра и вечера, соскабливаютъ съ деревъ лица ихъ, вгоняютъ свиней въ зараженныя мѣста, прокапываютъ ловчія канавы, чтобы поймать гусеницъ переходящихъ съ одного дерева на другое, вырубаютъ единичныя деревья и даже небольшія площади лѣсонасажденій, гдѣ замѣчено будетъ много гусеницъ, и у срубленныхъ деревъ обрубаются и сжигаются сучья и вѣтви.

Поврежденные насекомыми деревья необходимо вырубать как можно скорее; если же от насекомых пострадали или уничтожены насаждения довольно значительной площади, то по вырубке их должно приступить немедленно къ возобновленію вырубленного лѣса.

И. ШЕЛГУНОВЪ.

V.

КРИТИКА.

=

ЗАЯТІЯ ПО ПРЕДМЕТАМЪ ЗВѢЗДНОЙ АСТРОНОМІИ, *Млечнаго Пути и отдаленности неподвижныхъ звѣздъ*. Ф. Струве, директора Центральной Пулковской Обсерваторіи.

(ÉTUDES SUR L'ASTRONOMIE STELLAIRE, sur la Voie Lactée, et sur la distance des étoiles fixes, par F. W. G. Struve, membre de l'Académie Impériale des Sciences, premier astronome et directeur de l'Observatoire Central, etc. St-Petersbourg, 1847).

«Представьте себѣ обширную, гладкую равнину,» говорилъ недавно маститый Biot, въ одномъ изъ разсужденій, написанныхъ для Journal des Savans: «и на этой равнинѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ многолюдной столицы, богатой всеми умственными и житейскими средствами, среди чистаго поля и необъятнаго горизонта, небольшое возвышеніе, уединенный плоскій холмъ, гдѣ ни туманы большаго города, ни испаренія соседнихъ болотъ, ни пыль большихъ дорогъ, не помрачаютъ воздуха; гдѣ стукъ колесъ о мостовыя и пушечныя выстрѣлы не извѣстны и не потрясаютъ зданій; гдѣ всё тихо, спокойно, свѣтло, весело. Вотъ чудесное мѣсто для обсерваторіи! Теперь давь свободу по-

Т. LXXXVII. — Отд. V. 1

«рывамъ платоническаго умозрѣнія, предположимъ, что «намъ бы вздумалось основать тутъ *царство Ураніи*, астрономическую колонію. Построимъ здѣсь, прежде всего, огромную обсерваторію, которой архитектура, благородная и величественная, соответствовала бы и достоинству и потребностямъ великой науки. Совекупимъ здѣсь прекраснѣйшіе, богатѣйшіе въ мірѣ инструменты. Поселимъ здѣсь астрономовъ молодыхъ, дѣятельныхъ, преданныхъ изученію неба по влеченію сердца и по долгу званія. Да чтобы порядокъ господствовалъ въ ихъ занятіяхъ, чтобы все заодно, безъ соперничества, содѣйствовали къ образованію благого и цѣлаго, дадимъ имъ главу, вождя, начальника. Въ санъ этотъ возведемъ мы такого человѣка, который, нравственно уже, былъ бы на глаза всѣхъ глава и начальникъ; чьи заслуги, дарованія, слава и усердіе къ наукѣ, давали бы ему полное и неоспоримое право на подобное отличіе. При этихъ достоинствахъ, все будутъ друзья ему, и самъ онъ сочтетъ для себя счастьемъ способствовать къ спеціальнымъ разысканіямъ каждаго, какъ скоро они будутъ принимаемы безъ вреда для порядку и безъ разрушенія общихъ обязанностей. Такая должность требуетъ постоянного присутствія, ежеминутнаго прилежанія, дѣятельнаго и личнаго участія въ трудахъ, которыми надо управлять. На это нуженъ человѣкъ весь вполнѣ. На какомъ основаніи мы положительно запретимъ нашему директору принимать на себя всякую другую должность, частную или государственную, за исключеніемъ званія академика, которое будетъ какъ-бы священная эмблема его ученой жизни. При такомъ стѣснительномъ условіи, мы, по долгу справедливости, обязаны вознаградить его жалованьемъ не въ примѣръ другимъ жалованьямъ; такимъ именно, чтобы онъ положеніе свое при одномъ казенномъ мѣстѣ, если Богъ надѣлитъ его благоразуміемъ, почиталъ скорѣе выгоднымъ для себя чѣмъ убыточнымъ. Надо же еще пристроить и нашихъ колонистовъ. Чтобы имъ было любо жить здѣсь и трудиться, выстроимъ для нихъ помѣшенія удобныя и красивыя, гдѣ бы каждый отдѣльно могъ процвѣ-

«стать съ своимъ семействомъ, — ибо, для соблюденія учена-
 «го интереса, дабы они жили въ чистомъ полѣ прилежно и
 «безволонитно, благоусматривается полагать ихъ живущи-
 «мися по принадлежности. Квартыры ихъ помѣстимъ по-
 «дальше отъ главнаго астрономическаго зданія, для того
 «чтобъ оно не страдало отъ тѣснаго сосѣдства съ жилыми
 «отдѣленіями; а отъ квартиръ къ главному зданію проведемъ
 «крытыя и теплыя галереи, по которымъ бы могли они
 «днемъ и ночью, во всякое время года, проходить къ мѣсту
 «своихъ подвиговъ сухо, удобно и отрадно, не подвергаясь
 «простудамъ, кашлямъ и насморкамъ. Кромѣ инструментовъ,
 «нужныхъ для наблюдений, они найдутъ еще въ этомъ зда-
 «ніи богатую астрономическую библіотеку, и особенныя ком-
 «наты для занятій, огражденные также отъ помѣхъ со сто-
 «роны климата: однѣ только наблюдательныя залы и инстру-
 «менты будутъ, по необходимости, претерпѣвать холодъ въ
 «осеннее и зимнее время, потому что — къ сожалѣнію —
 «такова ихъ судьба и иначе нельзя. Земли у насъ кругомъ
 «довольно: такъ отведемъ еще каждому садъ и огородъ. То-
 «гда они, между собою, съ своими семействами, составятъ
 «какъ-бы отдѣльный міръ, витая въ атмосферѣ одинако-
 «выхъ идей, дружескихъ чувствъ, согласныхъ привычекъ,
 «и подвизаясь на поприщѣ одинаковыхъ трудовъ, для кото-
 «рыхъ ни въ чемъ нѣтъ недостатку, которыхъ нигдѣ въ дру-
 «гомъ мѣстѣ и при другой жизни не могли бѣ они испол-
 «нить, и которыхъ награда — достойно заслуженная слава.
 «Но, чтобъ они дорожили этимъ положеніемъ и съ каждымъ
 «днемъ болѣе къ нему пристращались, не надо отчуждать ихъ
 «совершенно отъ ученаго общества, котораго участіе и одобре-
 «ніе нужны имъ для бодрости духа. Однажды въ годъ, по
 «меньшей мѣрѣ, директоръ представитъ академіи наукъ от-
 «четъ въ дѣйствіяхъ и успѣхахъ обсерваторіи. Всѣ труды
 «астрономовъ будутъ ежегодно пересказаны, да и сами они
 «будутъ присутствовать въ этихъ засѣданіяхъ, какъ члены
 «или какъ ученые гости: для чего, по причинѣ отдаленно-
 «сти колоніи отъ города, и ради умноженія ихъ отрады при
 «исполненіи этого долга или этой потѣхи, назначимъ имъ со-

«сдержаніе не скудное, на которое можно бы они завести у себя лошадей и экипажи для быстрого и помольнаго служебнаго въ египцу по ученой надобности. Эта роскошь за-благливости и приличій выдѣл десель не употребилась для недоброй цѣли: но фантазія наша богата и востановлена; съестъ ничего не стоитъ сорить деньгами для науки и создавать рай «звездочетскій». Ну, создали же вы Утепю! скажутъ итъ «отвсюду: на жившемъ вашего воображеніи вы соорудили «настоящее астрономическое Эльдorado! — Оно действитель-но такъ можетъ показаться. Но, право, я тутъ ничего не «выдумываю. Я только представилъ, верно и величаво, главныя черты плана, устройства и устава, пожалованныхъ «Русскимъ Императоромъ Пулковской Обсерваторіи.»

Не возможно живописнее и справедливѣе изобразить въ преимуществѣ этого необыкновеннаго учрежденія на земномъ астрономіи, ни достоинствъ его знаменитаго директора; не возможно разительнѣе показать блѣднаго виду и скудости средствъ подобнаго введенія за границу въ сравненіи съ той изящною наружностью, съ тѣмъ изобиліемъ способствъ, удобствъ и пособій, которыми Монарше великодушіе насыпаетъ у насъ храмы умственныхъ успѣховъ. Не принимая на себя сомнительной роли налегриста, приходящаго въ узаконенный восторгъ передъ своимъ, роднымъ, отечественнымъ, мы предпочли передать русскому читателю отзывъ и судъ иностранца, котораго одно уже слабое имя вышло ручается за ихъ основательность и безпристрастіе.

И такъ рай звездочетовъ созданъ. Астрономическое Эльдorado существуетъ на Руси. Чудесъ этикъ ни перомъ не описать, ни въ сказкѣ не пересказать. Весь ученый міръ удивляется и завидуетъ. Но всего лучше то, что изъ этого Эльдorado выходятъ въ свѣтъ творенія, доказывающія, что «астрономическая колонія» наша преуспѣваетъ. Многие прекрасныя труды уже основали ея славу, которая съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Сочиненіе, изданное недавно ученымъ главою пулковскаго «царства Ураніи», такъ любовитно по своему предмету и такъ важно въ наукѣ по размыслианію и выводамъ, которые въ немъ представлены съ необыкновен-

вою силою логикъ и таланта, что ны считается совершенно необходимымъ просить читателей этого отдѣленія выслушать дело со вниманіемъ.

Млечный Путь есть свѣтлый поясъ неба, который то следуя одинокою полосою различной ширины, то развѣтвляясь на двѣ части, обтекаетъ все небо. Отчего зависить его блескъ и въ какомъ отношеніи съ этою полосою находятся разныя звѣзды, вотъ вопросы которые издавна обращали на себя вниманіе философовъ. Но древніе ученые были мало знакомы съ звѣзднымъ небомъ. Безъ пособія зрительныхъ трубъ, они могли видѣть только звѣзды первыхъ шести величинъ, то есть, степеней ихъ кажущагося блеску. Звѣзды удалены отъ Земли на такія огромныя разстоянія, что діаметры этихъ шаровъ совершенно исчезаютъ для нашего глаза, даже и для глаза, вооруженнаго телескопомъ. Они кажутся только болѣе или менѣе свѣтлыми точками, которыхъ протяженія измѣрить невозможно. Но свѣтъ этихъ точекъ представляетъ различныя различія, которыя названы величинами. Къ звѣздамъ первой величины принадлежатъ звѣзды самыя свѣтлыя, каковы Сиріусъ, Вега, и имъ подобныя; ко второй, третьей и такъ далѣе звѣзды постепенно менѣе и менѣе яркія; и наконецъ, къ шестой величинѣ, тѣ, которыя уже едва прижитны обыкновенному, невооруженному глазу. Господинъ Аргеландеръ, въ своей Uranometria nova, изданной въ Берлинѣ, въ 1843 году, показалъ, что изъ среднихъ странъ Европы можно видѣть 3,256 такихъ звѣздъ, начиная съ сѣвернаго полюса міра до 36 градуса на югъ отъ экватора. Если присоединить еще около 844, которыя находятся на остальной части южнаго неба, то всего получимъ около 4,100 звѣздъ, доступныхъ невооруженному глазу. Далекое не вѣсть изъ нихъ описаны древними. Каталогъ Ишарха, значительнѣйшаго изъ греческихъ астрономовъ, заключаетъ въ себя только около 1022 звѣздъ. Втеченіи многихъ столѣтій мало къ этому было прибавлено, и даже въ росписи Гевелиуса, наблюдавшаго въ семнадцатомъ вѣкѣ, еще безъ помощи зрительныхъ трубъ, показано не болѣе 1533 звѣздъ. Отсюда видно; какъ маловажны матеріалы, по которымъ можно было

судить въ прежнія времена объ устройствѣ неба. Греки сознавались сами, что они ничего новаго не выдумали — все заимствовали отъ Варваровъ — только многое усовершенствовали своимъ гениемъ. До какой степени усовершенствовали они астрономическія понятія, заимствованныя изъ Египта и Сиріи, это трудно рѣшить нынче. Несомнѣнно только то, что идеи о центральномъ положеніи и неподвижности Солнца и о теченіи Земли вокругъ него, идеи явственно вынесенной изъ Египта Пифагоромъ, они вовсе не поняли: они насмѣхались надъ нею какъ надъ сумасбродствомъ и поставляли, такъ сказать, въ долгъ чести своей національной учености упорно придерживаясь противоположной системы. У Демокрита встрѣчаемъ мы другую замѣчательную идею, которая также навѣрное не его, а предположеніе древнѣйшихъ людей, хранившееся въ Египтѣ. За недостаткомъ въ средствахъ къ точному наблюденію, первобытный человекъ какимъ-то чуднымъ инстинктомъ угадывалъ, что Солнце стоитъ, что Земля — одна изъ *блуждающихъ звѣздъ* и течетъ вокругъ Солнца, и что сіяніе свѣтлой полосы неба, известной подъ именемъ Млечнаго Пути, зависитъ отъ скопленія чрезвычайнаго множества мелкихъ звѣздъ, незамѣтныхъ отдѣльно глазу и которыхъ свѣтъ сливается въ одно общее мерцадіе. Демокритъ присталъ къ этому остроумному предположенію, но оно не болѣе имѣло успѣху у Грековъ какъ и догадка о неподвижности Солнца. До какой степени идея эта была не греческая, а привозная, принадлежащая къ другому роду астрономическихъ соображеній, видно уже изъ того, что Аристотель всё-таки считалъ Млечный Путь метеоромъ расположившимся въ средней странѣ неба.

Съ открытіемъ телескоповъ взоръ нашъ началъ, по мѣрѣ усовершенствованія этихъ снарядовъ, далѣе и далѣе проникать въ пространства небесныя; но не скоро мы короче познакомились съ чуднымъ строеніемъ Млечнаго Пути. Вотъ что объ этомъ говорилъ еще знаменитый Лавандъ въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія: «Безъ-сомнѣнія, блескъ и близна Млечнаго Пути зависятъ частью отъ сіянія мелкихъ звѣздъ, которыя милліонами толпятся въ этой полосѣ неба;

«однако жъ, съ помощью огромнѣйшихъ телескоповъ мы не «довольно различаемъ эти звѣзды, чтобъ можно было исклю- «чительно приписать ихъ лучамъ бѣлизну этого пути, совер- «шенно замѣтную для простаго глаза и трудно рѣшить, про- «исходитъ ли эта бѣлизна единственно отъ звѣздъ, хоть и «нѣтъ никакого удовлетворительнѣйшаго объясненія». (*Astro- nomie*, I, § 542). Удачныя догадки и нѣрѣдко смѣлая фан- тазія были долгое время главнѣйшими средствами къ состав- ленію болѣе или менѣе вѣроятныхъ заключеній объ устрой- ствѣ Млечнаго Пути и о законахъ распредѣленія звѣздъ на небѣ. Между многими мечтательными мнѣніями, мы нахо- димъ уже въ Кепплеровомъ *Epitome Astronomiae Copernicanae* (pp. 37, 39) чрезвычайно замѣчательныя сужденія о Млеч- номъ Пути: онъ предполагалъ, что эта свѣтлая полоса состо- итъ изъ кольцеобразнаго слоя звѣздъ, внутри котораго рас- положено наше Солнце. Предположеніе свое онъ доказывалъ тѣмъ, что Млечный Путь представляется на небѣ почти боль- шимъ кругомъ сферы всегда ровно освѣщеннымъ. Но, одно это обстоятельство, которое не совсѣмъ даже согласуется съ наблюденіями, не можетъ служить достаточною опорой та- кому мнѣнію и дать ему перевѣсъ надъ всеми прочими.

Объ однородности Солнца и звѣздъ Кепплеръ ничего не говорилъ положительнаго: онъ считалъ это возможнымъ, но въ тоже время приводилъ и противные доводы. Опровер- гнувъ ихъ, Гейгенсъ первый несомнѣнно призналъ, что звѣ- зды — самосвѣтящія тѣла, подобныя Солнцу, окруженныя можетъ-быть подобными нашимъ планетами. Онъ полагалъ, что онѣ равномерно разсыяны въ пространство въ огромныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Отчаяваясь найти удаленіе ихъ отъ земли помощью астрономическихъ измѣреній, онъ старался по-крайней-мѣрѣ опредѣлить отношенія между раз- стояніями Земли отъ звѣздъ различныхъ величинъ, и дости- галъ этого вычисленіями, основанными на сравненіяхъ сте- пеней наружнаго блеска звѣздъ. Онъ допускалъ, что вообще звѣзды болѣе яркія суть вмѣстѣ и ближайшія: это былъ первый шагъ къ правильному рѣшенію вопроса.

Еще болѣе любопытное заключеніе объ устройствѣ вселен-

ной встречаемъ у Канта, отца нѣмецкой философіи *. Прекрасно выразилъ онъ свои мысли о безпредѣльности и устройствѣ міра: «Понятія о великомъ и маломъ суть чисто относительныя, и мы не болѣе, говоритъ онъ, приблизились къ Божескому Всемогуществу, если ограничимъ непритче Его творческой силы сферою, обнимающею весь Млечный Путь, какъ и заключивъ его въ шарикъ величиною въ одинъ дюймъ; все, конечно, равно далеко отъ безпредѣльнаго. Число звѣздъ неизмѣримо; каждая изъ нихъ есть солнце, и вѣроятно служить центромъ системъ, подобной нашей солнечной. Сила всеобщаго тяготѣнія образуетъ дѣятельную связь между этими различными свѣтилами, и множество видимыхъ звѣздъ принадлежатъ къ Млечному Пути, одной обширной системѣ высшаго порядка. Какъ планеты текутъ около солнца, такъ вѣроятно и звѣзды должны имѣть собственные поступательныя движенія, которыя съ трудомъ замѣчаются по причинѣ ихъ медленности. Эти свѣтила не разсыяны въ пространствѣ произвольно, но, подобно путямъ планетъ заключены въ одной полосѣ неба, называемой Зодіакомъ, соединены въ общіе слои. Мы видимъ въ самомъ дѣлѣ, что количество звѣздъ, усматриваемыхъ въ разныхъ поясахъ неба, быстро возрастаетъ по мѣрѣ приближенія ихъ къ какой-то определенной плоскости, проходящей черезъ Млечный Путь, который по этому можно принимать за великій звѣздный зодіакъ».

Таково было мнѣніе умнѣйшаго изъ Нѣмцевъ, помѣшавшихся на субъективности и объективности. Кантъ первый обратилъ вниманіе на то, что большая часть звѣздъ, замѣтныхъ простымъ глазомъ, заключается въ довольно узкой полосѣ, посрединѣ которой идетъ Млечный Путь.

Кенигсбергскій философъ считалъ вѣроятнымъ, что въ этомъ словѣ должно быть центральное свѣтлое тѣло, котора-

* Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels, oder Versuch von der Verfassung und dem mechanischen Ursprunge des Ganzen Weltgebäudes, nach Newtonischen Grundsätzen abgehandelt. Königsberg und Leipzig. 1765.

го огромность пропорциональна величинѣ подобной системы: если мы не видимъ на небѣ такой звезды, которая стоила бы этого славнаго званія и резко отличалась бы отъ всѣхъ прочихъ звездъ, то легко можно это объяснить чрезвычайнымъ удаленіемъ центрального тѣла отъ насъ. Причины, по которымъ Кантъ готовъ былъ принять звезду Сириусъ именно за это центральное тѣло, не довольно убѣдительно. Гораздо занимательнѣе сужденія его объ отдаленнѣйшихъ частяхъ вселенной. «Млечный Путь, говорятъ онъ, не есть единственный примѣръ соединенія звездъ въ одну огромную систему: замѣчаемая въ ясную ночь туманная свѣтлая пятна на небѣ — тоже системы подобнаго рода, и притомъ долговатый видъ многихъ пятенъ достаточно показываетъ, что звезды и тамъ преимущественно скопляются по какому-то определеннымъ плоскостямъ. Эти различные слои или кучи свѣтилъ служатъ отдѣльными членами новой системы еще высшаго порядка, и мы встрѣчаемъ здѣсь только первыя начала безконечнаго ряда міровъ и ихъ соединеній, въ дальнѣйшемъ созерцаніи которыхъ наше воображеніе совершенно теряется.»

Кантъ самъ сознается, что онъ замѣтствовалъ нѣкоторыя изъ своихъ положеній у англійскаго писателя Райта (Wright). Но какъ бы то ни было, нельзя не удивляться глубиномыслию умозрителя, который, несмотря на бѣдность матеріаловъ, служившихъ ему данными, достигъ заключеній столько счастливыхъ, что во многихъ отношеніяхъ наука и теперь еще допускаетъ ихъ.

Замѣчательное сочиненіе Канта, изъ котораго приведены эти извлеченія, было мало извѣстно современникамъ. Съ нимъ не знакомъ былъ не только Гершель, отецъ, но даже и Ламбертъ, бывший впоследствии въ перепискѣ съ Кантомъ и занимавшійся тѣмъ же предметомъ. Можетъ-быть темный способъ выраженія мыслей, которымъ заражены творенія великаго философа, былъ главною этому причиною. Въ своихъ *Cosmologische Briefe über die Einrichtung des Weltbaues* (Augsburg, 1761), Ламбертъ, одинъ изъ остроумнѣйшихъ нѣмецкихъ математиковъ, приходитъ къ выводамъ сход-

нымъ съ умозрѣніями Канта, но достигаетъ ихъ болѣе строгимъ, геометрическимъ путемъ, избѣгая неопредѣленности метафизическихъ идей. Онъ полагалъ, что Млечный Путь состоитъ не изъ слоя одинаково расположенныхъ звездъ, а изъ соединенія отдельныхъ шарообразныхъ кучъ звездъ, и что къ одной изъ такихъ группъ принадлежитъ наше Солнце: въ этомъ насъ убѣждаетъ, говорилъ онъ, различная степень освѣщенія въ разныхъ мѣстахъ Млечнаго Пути и раздѣленіе его на части. Далѣе онъ объяснялъ, что этотъ путь не простирается неопредѣленно, но ограниченъ въ пространствѣ. Ламбертъ основывалъ мнѣніе свое на томъ, что Млечный Путь не расположенъ на небѣ въ точности по большому кругу сферы. Онъ также признавалъ множество звездныхъ системъ различныхъ порядковъ, и сужденія свои о различныхъ разстояніяхъ звездъ отъ Земли подтверждалъ вычисленіями, сравненіемъ блеску этихъ звездъ съ блескомъ планетъ. Ламбертъ развиваетъ свои положенія съ чрезвычайною ясностью и отчетливостью. Отдавая полную справедливость его глубокомыслию, господинъ Струве находитъ въ немъ однако жъ слабыя мѣста: таковы его предположенія о большихъ центральныхъ темныхъ тѣлахъ, которыя управляютъ движеніями въ звездныхъ системахъ. Хотя этого нельзя считать совершенно невозможнымъ, однако жъ и нельзя ничѣмъ подтвердить.

Замѣчательно впрочемъ, что нѣкоторыя изъ предположеній Ламберта о составѣ Млечнаго Пути во многомъ сходны съ позднѣйшими заключеніями Гершеля, отца,

Послѣдній изъ ученыхъ, писавшихъ прежде Гершеля объ устройствѣ неба, былъ англійскій священникъ Джонъ Мичелъ. Принимая въ соображеніе системы двойныхъ и тройныхъ звездъ, и группы свѣтилъ въ Плеядахъ и другихъ созвездіяхъ, онъ полагалъ вѣроятнымъ, что звезды, составляющія эти соединенія; находятся во взаимной зависимости между собою, образуютъ системы, подчиненныя дѣйствию всеобщаго тяготѣнія или другому какому-нибудь общему закону. Къ одной изъ такихъ системъ онъ относилъ Солнце со всеми ближайшими къ нему звездами. О разстояніяхъ

звѣздъ отъ нашего глаза онъ заключалъ посредствомъ способовъ, которые были уже употреблены въ дѣло Ламбертомъ.

Это были предтечи великаго англійскаго астронома. Много представляли они вѣроятныхъ умозрѣній, но рѣшительные успѣхи науки начались только съ-тѣхъ-поръ какъ ученые, не ограничиваясь догадками, накопили для своихъ соображеній достаточную массу прочныхъ матеріаловъ, почерпнутыхъ прямо изъ природы. Въ этомъ странномъ вѣкѣ, который носить имя осемнадцатаго столѣтія, случилось обстоятельство, можетъ-быть страннѣе всѣхъ прочихъ. Два народа помѣнялись величайшими своими геніями. Положительная Англія подарила Германіи Шотландца Канта, который сдѣлался Нѣмцемъ и умозрителемъ. Мечтательная Германія напромятъ дала ей маленькаго Гановерца, который сдѣлался Англичаниномъ и врагомъ умозрѣній. Незабвенный геній Вильяма Гершеля соединялъ съ творческою силою мысли, искусство и неутомимость въ наблюденіяхъ. Обширные труды его, отличающіеся славною независимостью отъ всѣхъ прежнихъ изысканій, помѣщены въ семидесяти-трехъ мемуарахъ, напечатанныхъ въ Трудахъ Англійскаго Королевскаго Общества, съ 1780 по 1818. Господинъ Араго написалъ прекрасный разборъ его твореній въ *Annuaire du Bureau des Longitudes*, за 1842 годъ, а критическое изученіе источниковъ дало нашему знаменитому астроному, господину Струве, возможность сдѣлать нѣкоторыя повѣрки и привело его къ чрезвычайно любопытнымъ выводамъ въ разсужденіи окончательныхъ мыслей Гершеля объ устройствѣ неба, предмета, который онъ всегда считалъ важнѣйшею цѣлью своихъ наблюденій.

Мы не станемъ повторять того, что уже было сказано въ этомъ повременномъ изданіи о Гершелевыхъ открытіяхъ двойныхъ звѣздъ, постуательнаго движенія Солнца и другихъ. Познакомимся скорѣе со способами, которымъ сдѣлывалъ этотъ геніальный наблюдатель при изысканіяхъ своихъ по вопросу о распредѣленіи звѣздъ на небѣ. Для этого онъ пользовался большимъ телескопомъ, у котораго поле зрѣ-

ннѣ, или пространство, обозрѣваемое за одинъ разъ, о *лишь* малый круглый поясъ неба почти пятнадцать минутъ градуса въ поперечникѣ, нѣсколько меньше половины поперечника видимата круга Солнца. Обозрѣваемая поверхность составляла, поэтому, не много меньше четвертой доли повортности солнечнаго диска. Наводя свой инструментъ на данное мѣсто неба, онъ считывалъ звѣзды, усматриваемыя за одинъ разъ въ полѣ зрѣнія; повторяя такія же наблюденія надъ числомъ звѣздъ, содержащихся въ каждомъ изъ многихъ соседнихъ полей зрѣнія, и получая въ среднемъ выводъ количество звѣздъ, заключенныхъ въ поясъ пятнадцати минутъ. Это количество показывало среднее богатство звѣздъ въ рассмотрѣнной странѣ неба. Такимъ образомъ онъ изсѣдалъ полосу, которая, начиная съ 45-го градуса на сѣверѣ отъ небснаго экватора идетъ по всему небу до 30-го градуса на югъ. Но подобная полоса содержитъ неменьше полушмиліона малыхъ поясовъ въ пятнадцать минутъ поперечника, и нѣтъ возможности всѣхъ ихъ пересмотрѣть: Гершель довольствовался дѣйствительнымъ обзорѣемъ прилично избранныхъ 3,400 такихъ полей и извлекъ оттуда 683 среднихъ выводовъ изобилія звѣздъ въ разныхъ странахъ неба. Въ этомъ состояла его метода обзорѣнія небсныхъ пространствъ или изчисленія ихъ сравнительныхъ богатствъ, *gaging of the heavens*. Она ясно показала чрезвычайную разницу въ распределеніи звѣздъ. Между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ странахъ неба поле зрѣнія телескопа какъ бы усыпано сотнями мельчайшихъ звѣздъ, — ихъ усматривалось иногда до 586, — въ другихъ странахъ на такомъ же пространствѣ едва замѣтны двѣ три звѣзды, болѣею частью довольно яркія. Общимъ выводомъ обзорѣній было то, что изобиліе звѣздъ, особенно мелкихъ (*десятой и одиннадцатой величины* по Гершелю, видимыхъ только въ сильный телескопъ), очень быстро возрастаетъ въ различныхъ поясахъ съ приближеніемъ этихъ послѣднихъ къ срединѣ Млечнаго Пути.

Но какъ расположены здѣсь свѣтила? Въ этомъ заключается труднѣйшая часть вопроса: Гершель первоначально, въ 1786 году, полагалъ, что видимыя нами звѣзды распределе-

ны равномерно и расположены въ одинъ сплошной, круглый слой, который составляетъ систему Млечнаго Пути и имѣетъ толщину весьма малую сравненіи съ огромною дальною шириною; это наше Солнце, со всеми планетами, находится въ серединѣ этого слоя или точнѣе, въ весьма маломъ разстояніи отъ середины. Допустивъ это, легко объяснить, почему Млечный Путь представляется на небѣ почти въ видѣ большого круга сферы, и поему съ приближеніемъ къ этой полусѣ мы встрѣчаемъ такое множество звездъ. Это происходитъ именно оттого, что мы находимся почти въ серединѣ сферы пересѣкаемой плоскостію Млечнаго Пути и усматриваемъ наибольшее число звездъ тогда, когда лучи нашего зрѣнія идутъ вдоль самаго слоя по наибольшимъ его протяженіямъ; напротивъ взору нашему представляется самое малое число звездъ, когда зрѣніе направляется по малой толщинѣ слоя.

Не ограничиваясь этимъ, Вильямъ Гершель старался еще показать предѣлы Млечнаго Пути въ пространствѣ и означить его размѣры и очертанія. Вотъ какъ онъ рѣшилъ эту задачу. Легко убѣдиться, что, предположивъ равномерное распределеніе звездъ, мы тѣмъ болѣе должны замѣчать звездъ въ полѣ зрѣнія телескопа, чѣмъ отдаленнее будутъ предѣлы, которыми наше зрѣніе достигаетъ, и чѣмъ разнообразнее глубины пространства, гдѣ эти звезды разлиты. Такимъ образомъ, допустивъ равномерность, открывается возможность, изъ сравненія изобилій звездъ въ разныхъ мѣстахъ, вывести съ помощію геометріи, заключенія объ отнесеніи къ разстояніямъ звездъ отъ наблюдателя *. Изъ таковыхъ соображеній Вильямъ Гершель находилъ, что длина и ширина Млечнаго Пути не менѣе какъ въ пять съ поло-

* Поле зрѣнія телескопа обозначается конусомъ, при вершинѣ котораго уголъ, составленный крайними образующими линіями, равняется поперечнику поля зрѣнія выраженному въ минутахъ, и если звезды вслѣдъ въ пространствѣ расположены одинаково, то число звездъ, усматриваемыхъ черезъ телескопъ за одинъ разъ, будетъ пропорціонально объему конуса и, следовательно, кубу его высоты или разстоянія отдаленнѣйшихъ звездъ отъ наблюдателя; такимъ образомъ если въ некоторомъ мѣстѣ неба усмат-

виною разъ превосходить его толщину. Все это изложено въ запискахъ его, напечатанныхъ въ 1784 и 1785 годахъ. Мюггя изъ своихъ заключеній онъ подтверждалъ потомъ изысканіями о силѣ телескоповъ или о крайнихъ границахъ разстояній, въ которыхъ могутъ быть еще видны звѣзды посредствомъ этихъ инструментовъ.

Весьма естественно, что умъ такой высокій и строгій не могъ довольствоваться однажды составленными мнѣніями. Съ теченіемъ времени, когда онъ увеличивалъ силу своихъ телескоповъ и собралъ разнообразнѣйшій запасъ наблюдений, великій астрономъ повѣрялъ и постепенно нмѣнялъ свои заключенія. Наконецъ, какъ показываетъ господинъ Струве, онъ отсталъ отъ первоначальныхъ понятій во многихъ существенныхъ отношеніяхъ. Прежняя система его основывалась на двухъ предположеніяхъ: что звѣзды разсыяны въ пространствѣ въ одинакихъ между собою разстояніяхъ, и что съ помощію двадцати-футоваго телескопа онъ могъ наблюдать крайніе внѣшніе предѣлы Млечнаго Пути. Совершенно новые взгляды находятся въ превосходныхъ его запискахъ, напечатанныхъ въ 1817 и 1818 годахъ, незадолго до кончины. Геометрическое предположеніе о равномерномъ распределеніи звѣздъ онъ не считалъ уже вѣроятнымъ и замѣнилъ его другимъ началомъ, по которому каждая звѣзда окружена опредѣленною, по его объему, частью пространства: причемъ взаимныя разстоянія звѣздъ могутъ быть различны. Сильное скопленіе звѣздъ въ полѣ зрѣнія телескопа объяснялъ онъ прежде предположеніемъ, что въ этомъ случаѣ мы усматриваемъ по одному почти направленію множество звѣздъ, расположенныхъ по главнымъ протяженіямъ Млечнаго Пути длиннѣйшими рядами, нежели въ другихъ странахъ неба. Впослѣдствіи же Гершель принималъ такое

риваніе въ полѣ зрѣнія телескопа въ оснѣ разъ болѣе звѣздъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ, то отсюда заключаемъ, что въ первомъ случаѣ усматриваются звѣзды въ два раза отдаленнѣйшія, нежели во второмъ. Отсюда видно, какъ выводятся отношенія между разстояніями звѣздъ помощію опредѣленія количествъ этихъ звѣздъ въ равныхъ полосахъ неба.

скопление за признакъ дѣйствительнаго сближенія звѣздъ, и ихъ изобиліа въ данномъ мѣствѣ. Подробное изученіе небольшихъ, слабыхъ туманныхъ пятенъ на небѣ еще болѣе расширило его понятія о Млечномъ Пути и вообще о звѣздномъ небѣ. Известно, что большая часть этихъ свѣтлыхъ туманностей не иное что какъ кучки весьма частыхъ звѣздъ, которыхъ свѣтъ сливается въ общее мерцаніе, разрѣшающееся на отдѣльныя звѣзды только сильными телескопами. Но Гершель показалъ, что между этими пятнами есть такія, которыя принадлежать къ предметамъ совсѣмъ другаго рода и которыхъ туманное ровное сіяніе вѣроятно не зависитъ отъ сліянія лучей множества звѣздъ, но, скорѣе, можетъ-быть приписано массамъ свѣтовой матеріи, разсѣяннѣмъ отдѣльно въ глубинахъ пространства. Туманныя пятна этого рода лежатъ преимущественно вдали отъ Млечнаго Пути, и созвѣдія Дѣвы и Волосъ Вереники особенно обильны пятнами, не разрѣшимыми на звѣзды. Напротивъ, туманности, отличающіяся яркимъ и сверкающимъ свѣтомъ, или собственно такъ называемаго скопленія звѣздъ, находятся, по изслѣдованіямъ Гершеля, въ замѣчательной связи съ Млечнымъ Путемъ; большая часть (17 изъ 30) круглыхъ кучъ звѣздъ расположены внутри и около Млечнаго Пути; но еще въ значительнѣйшемъ изобиліи примѣчаются тамъ другія звѣздныя скопленія, которыхъ очертанія болѣе или менѣе неправильны. Изъ 263 такихъ соединеній неменѣе 225 лежатъ на Млечномъ Пути или въ его сосѣдствѣ. Все это относится только къ полосѣ неба, рассмотрѣнной Гершелемъ. Полагая, что въ этой странѣ средняя ширина Млечнаго Пути равна десяти градусамъ, выходитъ, что изслѣдованная часть пути составляетъ только около девятой доли небеснаго свода, видимой съ мѣста Гершелевыхъ наблюденій. Слѣдовательно въ пространство, занимаемое Млечнымъ Путемъ почти въ пятьдесятъ три раза болѣе встрѣчается отдѣльныхъ звѣздныхъ скопленій нежели въ другихъ равно великихъ поясахъ неба, и потому Млечный Путь вообще можно считать огромнымъ собраніемъ различныхъ кучъ звѣздъ, особенно такихъ, которыя не представляютъ ни правильности очертанія, ни равномерности сгу-

жения. Это окончательное заключение Гершеля уже существенно отличается от его первоначальных предположений. Несмотря теперь на изменение произведенных в его суждении о внешних границах Млечнаго Пути.

О размерах этой чудной звездной системы мы заключаем из сравнительных наблюдений надъ видимымъ блескомъ звездъ. Легко понять, что если бы двѣ звезды равнаго объема и одинаковой силы свѣту находились въ разныхъ отъ насъ разстояніяхъ, то ближайшая изъ нихъ казалась бы намъ болѣе яркою, или, по выраженію астрономовъ, она принадлежала бы къ высшему порядку величинъ. Отсюда можно съ вѣроятностью полагать, что, не обращая вниманія на некоторые возможные исключенія, звезды слабѣйшія будутъ вообще и отдаленнѣйшія. Но изъ первыхъ основаній оптики мы знаемъ, что если ничто въ пространствѣ не задерживаетъ свѣту, то при вдвое и втрое большемъ разстояніи видимый блескъ свѣтящихся предметовъ уменьшается вчетверо, вдевтеро, и такъ далѣе, вообще пропорціонально квадратамъ разстояній. Поэтому если мы найдемъ во сколько разъ яркость звездъ различныхъ степеней будетъ менше или болѣе яркости какой-нибудь определенной звезды, то получимъ масштабъ, по которому можно вчислять относительныя разстоянія этихъ свѣтилъ. Изъ подобныхъ сравненій Вильямъ Гершель удостоверялся, что слабѣйшія изъ звездъ, видимыхъ простымъ глазомъ, находятся отъ насъ среднимъ числомъ въ 12 разъ далѣе нежели звезды первой величины, и что въ его двадцати-футовый телескопъ усматриваются звезды почти въ 900 разъ, а въ сорока-футовый даже въ 23,00 разъ отдаленнѣйшія. Замѣчая такимъ образомъ, что съ усиленіемъ зрительныхъ трубъ открываются новыя сонмы мельчайшихъ звездъ, бессмертный наблюдатель пришелъ наконецъ къ убѣжденію, что если нѣтъ ни какаго сомнѣнія въ составѣ Млечнаго Пути изъ множества звездъ, то отдаленнѣйшіе предѣлы этого огромнаго слоя совершенно недостигаемы даже и для глаза вооруженнаго самыми могущественными стеклами. Окончательное сужденіе Гершеля, изложенное въ запискахъ 1817 и 1818 годовъ, изображаетъ Млечный Путь уже

вовсе не слоемъ множества одинаково расположенныхъ свѣтъ, но; какъ сказано, наборомъ множества отдѣльныхъ звѣздныхъ кучъ, удивительнымъ рядомъ перемѣшанныхъ и разнообразно освѣщенныхъ пятенъ, изъ которыхъ многія теряются въ недоступныхъ глубинахъ пространства.

Присоединимъ еще нѣкоторыя любопытныя подробности наблюденій Гершеля. Видимая ширина Млечнаго Пути оказывается весьма не ровною; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она не болѣе 5° , а въ другихъ не менѣе 16 градусовъ. Наблюдателямъ всегда было извѣстно, что этотъ путь, близъ созвѣздія Цефея и Кассіопея, развѣтвляется на двѣ части: меньшая, пройдя почти двѣ трети видимаго небеснаго свода (почти 120°), соединяется съ большею между созвѣздіями Скорпиона и Стрѣльца, а самое значительное ихъ расхождение простирается до 22° , около Зміеносца и Антиноя. Гершель замѣтилъ, что, близъ Млечнаго Пути, въ созвѣздіи Скорпиона, число звѣздъ вдругъ быстро уменьшается, и что тамъ показывается какъ-бы пустое отверстіе въ небѣ на пространствѣ почти 4 градусовъ, гдѣ блещатъ только немногія, но зато свѣтлыя звѣзды. Эта пустота лежитъ въ соседствѣ туманнаго пятна (80-го по каталогу Messier), чрезвычайно богатаго мелкими звѣздами. Подобныя пустые промежутки встрѣчаются еще около Вѣнца Цефея и въ другихъ мѣстахъ. Напротивъ, очень свѣтлыя пятна находятся въ созвѣздіяхъ Стрѣльца, Персея, Лебеда, Орла и другихъ: въ этомъ последнемъ число звѣздъ вдругъ быстро возрастаетъ. Подобное же обстоятельство видимъ въ Орионѣ, гдѣ скученныя звѣзды кажутся свѣтлѣйшими, нежели въ другихъ мѣстахъ, и Гершель отсюда заключаетъ, что ближайшія къ намъ части Млечнаго Пути лежатъ именно около Ориона. Что касается до размѣровъ этой звѣздной системы, то, по самому меньшему ея протяженію, она, по послѣднимъ заключеніямъ Гершеля, простирается уже гораздо далѣе звѣздъ, усматриваемыхъ простымъ глазомъ, такъ, что все онѣ глубоко погружены вмѣстѣ съ Солнцемъ въ пучинѣ Млечнаго Пути и составляютъ малѣйшую его часть; мы находимся почти на

главной плоскости млечной системы, и это следует из того, что она кажется намъ расположенною почти по большому кругу небесной сферы.

Въ последнее тридцатилѣтіе сдѣланы въ разныхъ частяхъ звѣздной астрономіи значительные успѣхи. Познанія о дѣйствительномъ движеніи солнечной системы удовлетворительно рѣшился, и послѣ многихъ трудныхъ попытокъ въ первый разъ найдены разстоянія отъ нѣкоторыхъ звѣздъ. Но познанія о Млечномъ Пути доселѣ оставались въ томъ состояніи, въ которомъ были они переданы потомству Гершелемъ. Знаменитый директоръ Пулковской Обсерваторіи оказалъ, поэтому, важную услугу наукъ обработкою новыхъ матеріаловъ, приисланныхъ въ последнее время. Объ устройствѣ Млечнаго Пути онъ изложилъ уже нѣкоторыя мысли свои въ «Описаніи Пулковской Обсерваторіи», напечатанномъ въ 1845 году. Гораздо обширнѣйшія разысканія помѣщены въ его «Введеніи къ Бесселевой росписи экваторіальныхъ поясовъ неба», недавно изданной Императорскою Академіей Наукъ. Искоръ потому эти разысканія еще болѣе распространялись въ сочиненіи, которое подало намъ пріятный поводъ къ этой статьѣ. Это «Введеніе» и изданныя вышѣ «Занятія» составляютъ одно цѣлое. Роспись вычислена господиномъ Вейсе, директоромъ краковской обсерваторіи, изъ наблюденій Бесселя; въ ней представлены среднія положенія 31,895 звѣздъ, приведенныя къ началу 1825 года. Она обнимаетъ полную полосу неба въ тридцать градусовъ ширины, 15° на сѣверъ и 15° на югъ отъ экватора: для краткости мы будемъ называть ее экваторіальнымъ поясомъ. Исключивъ звѣзды, лежащія за предѣлами этого пояса, и тѣ, которыя слабѣ десятией величины, тамъ остается еще 31,085 звѣздъ. Изъ нихъ къ звѣздамъ отъ первой до шестой величины включительно, видимыхъ простымъ глазомъ, принадлежатъ

664,	
къ звѣздамъ седьмой величины.....	2,500,
къ звѣздамъ восьмой величины.....	8,133,
къ звѣздамъ девятой величины.....	19,758.

Эти числа однако жъ не выражаютъ подлиннаго количества

звѣздъ девятой величины въ экваторіальномъ поясѣ неба. Заключеніемъ съ тѣмъ способомъ наблюдений, которому слѣдовалъ Бессель, известно, что многія звѣзды, особенно изъ мелкихъ, остались незамѣченными. Какимъ же образомъ мы опредѣлимъ число всѣхъ существующихъ звѣздъ до условной степени ихъ наружнаго блеска? Господинъ Струве удачно рѣшаетъ этотъ вопросъ на основаніи математической теоріи вѣроятностей. Если бы Бесселемъ ничего не было пропущено, то звѣзды, открытыя другими астрономами въ границахъ изслѣдованнаго имъ пояса, всѣ заключались бы также въ его росписи; но изъ 1014 звѣздъ видимыхъ простымъ глазомъ и содержащихся, по «Уранометріи» Аргеландера, въ этомъ поясѣ, въ Росписи приводится 825, то есть, изъ 100 на удачу взятыхъ звѣздъ показано только 81. Если бы такое отношеніе было вообще справедливо для звѣздъ всякой величины, то легко было бы вывести, что въ экваторіальномъ поясѣ существуетъ всего 39,146 звѣздъ отъ первой до девятой величины включительно, изъ которыхъ 31,085 замѣчены Бесселемъ. Но нельзя допустить такой полноты въ отношеніи къ мелкимъ звѣздамъ, которыя гораздо легче могли быть пропущены, нежели яркія, упомянутыя въ «Уранометріи» Аргеландера. Для точнѣйшихъ заключеній нужно было произвести подобныя сравненія надъ большимъ числомъ звѣздъ разныхъ величинъ, отъ первой до девятой. Съ этою цѣлью господинъ Струве воспользовался «Каталогомъ» Піацци, гдѣ опредѣлено 7,646 звѣздъ, въ томъ числѣ 2,502 принадлежащія къ экваторіальному поясу.

Прежде всего надобно было удостовѣриться, точно ли разные астрономы одинаково опредѣлили величины или степени видимаго блеску звѣздъ. Подробное разысканіе показало, что дѣйствительно есть небольшая разница между опредѣленіями Бесселя и Піацци, и еще нѣсколько значительнѣйшая между показаніями Аргеландера и Бесселя. Принявъ это обстоятельство въ соображеніе, господинъ Струве находитъ, что изъ каждыхъ 100 существующихъ звѣздъ, первыхъ семи величины, Бессель среднимъ числомъ наблюдалъ 81, а изъ 100 звѣздъ осьмой величины только 78.

Вѣроятное число звѣздъ девятой величины, весьма рѣдко упоминаемыхъ въ «Каталогъ» Пиацци, выведено изъ другихъ соображеній. Известно, что Бессель раздѣлялъ изслѣдуемую имъ полосу неба на многіе равные поясы: обработывая каждый изъ нихъ, онъ простиралъ свои наблюденія и нѣсколько далѣе предѣловъ пояса, для того, чтобъ точнѣе соединять между собою разновременныя работы и не пропускать звѣздъ на этихъ предѣлахъ. Такимъ образомъ произошли повторенія наблюденій многихъ звѣздъ. Если бъ при этомъ не сдѣлано было ни какихъ пропусковъ, то замѣченныя однажды звѣзды въ опредѣленномъ мѣстѣ, при новомъ пересмотрѣ, всѣ опять были бы означены. Но въ практикѣ этого невозможно достигнуть: вычисляя по теоріи вѣроятностей, и принимая во вниманіе известное уже отношеніе между числомъ звѣздъ осмой величины, показанныхъ Бесселемъ, и вѣроятнымъ количествомъ ихъ на небѣ, господинъ Струве, помощью остроумнаго вычисленія, опредѣляетъ, что среднимъ числомъ на каждую сотню звѣздъ девятой величины въ Бесселевой Росписи приведено не болѣе 52 звѣздъ.

Изъ подобныхъ соображеній слѣдуетъ, что въ полосу, простирающуюся на 15° по обѣ стороны небеснаго экватора, вѣроятно существуетъ около 52,200 звѣздъ отъ первой до девятой величины включительно и что тѣ части, въ которыхъ полоса пересѣкается Млечнымъ Путемъ, суть самыя изобильныя звѣздами, особенно мелкими.

Принявъ сперва за основаніе Бесселеву роспись, а потомъ Гершелевы обозрѣнія неба, господинъ Струве составилъ двѣ табллицы, показывающія относительное богатство звѣздъ въ разныхъ странахъ неба. Обѣ онѣ приводятъ къ весьма любопытному заключенію, что, въ равныхъ разстояніяхъ отъ Млечнаго Пути помѣщены равныя количества звѣздъ. Замѣчательно еще, что въ экваторіальномъ поясѣ линія, соединяющая двѣ противныя страны, особенно богатыя звѣздами, идетъ нѣсколько мимо середины этого круга, гдѣ можно вообразать мѣсто солнечной системы. Господинъ Струве полагаетъ, что отъ средоточія Млечнаго Пути Солнце удалено на весьма малое разстояніе, не превышающее разстоя-

нiя Земли отъ звѣздъ первой или второй величины, и лежитъ по направленiю линiи, идущей отъ этой середины къ созвѣздию Дѣвы. Все это основывается на подробномъ разборѣ явленiй Млечнаго Пути: они несомнѣнно доказываютъ, говоритъ авторъ, что скопленiе звѣздъ въ этой полосѣ неба не есть только кажущееся или зависящее отъ близости направленiя лучей зрѣнiя, идущихъ къ звѣздамъ, различно удаленнымъ, но что это — дѣйствительное скученiе свѣтилъ, существенно связанное со свойствами такой звѣздной системы, которой въшнихъ предѣловъ, размѣровъ и очертанiй мы вовсе не знаемъ.

Такимъ образомъ опять подтверждаются окончательныя мысли Вильяма Гершеля, къ которымъ этотъ великiй астрономъ дошелъ послѣ сорока-лѣтнихъ внимательныхъ наблюденiй звѣзднаго неба.

Одно изъ важнѣйшихъ изслѣдованiй господина Струве состоитъ въ опредѣленiи общаго выраженiя, которымъ показывается зависимость между количествомъ звѣздъ, усматриваемыхъ черезъ телескопъ въ данной странѣ неба, и разстоянiемъ ея отъ середины Млечнаго Пути. Онъ выводитъ это выраженiе помощью критическаго разбора Гершелевыхъ обзорнѣй неба и нѣкотораго рода интерполированiя. Допуская, что въ слояхъ, равно удаленныхъ отъ Млечнаго Пути и параллельныхъ ему, звѣзды равномерно расположены, такъ, что число ихъ возрастаетъ пропорционально пространству ими занимаемому, ученый директоръ Пулковской Обсерваторiи находитъ, что мельчайшiя изъ звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ, почти въ 9 разъ отдаленнѣе отъ насъ, нежели звѣзды первой величины; звѣзды же девятой величины почти въ 38 разъ, а звѣзды, едва замѣтныя въ двадцати-футовый телескопъ, лежатъ въ 228 разъ далѣе звѣздъ первой величины, или почти въ 26 разъ далѣе послѣднихъ звѣздъ, видимыхъ простымъ глазомъ.

Извѣстное раздѣленiе Млечнаго Пути на двѣ отрасли господиномъ Струве объясняетъ предположенiемъ, что слой, въ которомъ наиболѣе сосредоточены звѣзды, не заключенъ въ одной плоскости, но располагается по направленiю двухъ

плоскостей, наклонныхъ одна къ другой почти подъ угломъ въ 10° , и что Солнце лежитъ близъ линіи взаимнаго пересѣченія этихъ плоскостей.

Если мы рѣшаемся судить объ удаленіи небесныхъ свѣтилъ отъ насъ по степени ихъ блеску, то весьма кстати спросить себя: свѣтъ, идущій отъ звѣздъ, достигаетъ ли къ намъ весь, безъ всякой потери, или часть его утрачивается при переходѣ черезъ огромныя небесныя пространства? Знаменитый бременскій астрономъ, Ольберсъ, весьма просто доказываетъ вѣроятность втораго предположенія. Все заставляетъ приять безпредѣльность вселенной и безчисленность міровъ; но, говоритъ онъ, если число звѣздъ безконечно и если онѣ находятся во всѣхъ странахъ неограниченнаго пространства, то, какъ бы эти свѣтила ни были тамъ расположены, всякая линія, идущая отъ нашего глаза къ какой-нибудь точкѣ неба, должна непременно встрѣчать звѣзду въ большемъ или меньшемъ разстояніи отъ Земли: такимъ образомъ, если бъ не было ни какой потери свѣту исходящаго изъ весьма отдаленныхъ источниковъ, весь небесный сводъ показался бы сплошь покрытымъ звѣздами, все небо сіяло бы тогда съ яркостью нашего Солнца. Какъ согласить понятіе о безпредѣльности вселенной съ извѣстнымъ явленіемъ ночной темноты, не допустивъ, что часть лучей свѣту, идущихъ отъ звѣздъ, угасаетъ при прохожденіи черезъ небесныя пространства. Въ самомъ дѣлѣ трудно предположить совершенную пустоту въ промежуткахъ между свѣтилми: они должны быть наполнены какою-нибудь тончайшею матеріею, и если до-сихъ-поръ не замѣчено въ движеніи столь плотныхъ тѣлъ, каковы планеты, ни какихъ слѣдовъ сопротивленія, оказываемаго ему этою матеріею, то кометы и видъ ихъ хвостовъ обнаружилъ многія явленія, которыя заставляютъ думать, что такая матерія существуетъ. Если она и въ самой высшей степени прозрачна, такъ все же прозрачна не безпредѣльно; если задерживаетъ только самую ничтожную часть свѣту, менѣе сотой доли, при переходѣ его отъ Сиріуса до насъ, то и тутъ можно, помощью простыхъ соображеній и наблюденіемъ законовъ утраты свѣту въ са-

ныхъ прозрачнѣхъ изъ числа извѣстныхъ намъ веществъ, показать, что съ увеличеніемъ расстоянія блескъ звѣздъ долженъ ослабѣвать, сперва медленно, а потомъ такъ быстро, что онъ уже вовсе къ намъ не достигаешь. Такимъ образомъ всегда будутъ для зрѣнія и для телескоповъ предѣлы, за которыми уже не увидимъ мы звѣздъ.

Господинъ Струве приводитъ новыя и сильныя доказательства въ пользу этихъ заключеній. Суля по вѣроятнымъ законамъ распределенія звѣздъ, онъ находитъ, что въ Гершелевъ двадцати-футовый телескопъ видны звѣзды въ 26 разъ удаленнѣе тѣхъ, которыя принимаютъ простымъ глазомъ. Но Вильямъ Гершель, рассчитывая по количеству лучей, которое попадаетъ въ такой телескопъ, въ сравненіи съ количествомъ лучей, попадающихъ въ простой глазъ, полагаетъ, что его инструментъ долженъ показывать звѣзды не въ 26, а болѣе чѣмъ въ 61 разъ дальнѣйшія. Разность между этими числами нельзя объяснить иначе, какъ только допустить нѣкоторое несовершенство прозрачности матеріи, исполняющей небесныя пространства, пробираясь черезъ которую многіе лучи ослабѣваютъ и наконецъ гаснутъ далеко отъ нашего глаза. Это подтверждается еще и тѣмъ поразительнымъ фактомъ, что число звѣздъ, усматриваемыхъ въ разныхъ зрительныхъ трубы, возрастаетъ вовсе не такъ значительно, какъ можно было бы ожидать отъ увеличенія размѣровъ и силы этихъ инструментовъ, если бы свѣтъ распространялся совсѣмъ безпрепятственно. Главнѣйшая выгода большихъ телескоповъ не столько состоитъ въ расширеніи предѣловъ зрѣнія, сколько въ томъ, что они даютъ изображенія свѣтилъ большую яркость и позволяютъ намъ разсматривать предметы съ болѣею подробностью и отчетливостью.

Изъ подобныхъ соображеній надъ дѣйствіемъ телескоповъ, и принявъ въ основаніе законъ поглощенія лучей, предложенный Ольберсомъ, господинъ Струве выводитъ, что вообще изъ 100 лучей идущихъ отъ звѣздъ первой величины достигаютъ къ намъ 99, или, что здѣсь теряется 1 сотая доля первоначальнаго свѣта; для звѣздъ шестой величины по-

тера простирается до 8 сотыхъ; для звѣздъ девятой величины уже почти до 30 сотыхъ, а для звѣздъ едва усматриваемыхъ въ двадцати-футовый Гершелевъ телескопъ, до 88 сотыхъ, такъ что изъ 100 лучей къ намъ достигаетъ только 12, почти десятая доля исходящаго количества. За предѣлами разстоянія въ 422 раза превышающаго среднее наше разстояніе отъ звѣздъ первой величины мы уже не увидимъ болѣе ни какихъ свѣтилъ, даже въ исполнскій телескопъ лорда Росса, имѣющій шесть футовъ въ поперечникъ и около восьми сажень фокусной длины. Этимъ объясняется, почему, при такомъ множествѣ звѣздъ въ Млечномъ Пути, которыя, безъ поглощенія свѣту пространствами, произвели бы чрезвычайный блескъ на небѣ, дѣйствительное сіяніе этой полосы только въ три съ третью раза превосходитъ освѣщеніе остальнаго небеснаго свода въ ясную безлунную ночь. По вычисленію автора, это освѣщеніе зависитъ отъ лучей всѣхъ звѣздъ первыхъ девяти величинъ; болѣе отдаленныя звѣзды мало уже къ тому способствуютъ. Освѣщеніе неба въ странахъ наиболѣе удаленныхъ отъ Млечнаго Пути не составляетъ и шестой доли сіянія этого пути.

Въ концѣ книги господинъ Струве предлагаетъ извлеченіе изъ записки академика Петерса, посвященной рѣшенію одной изъ труднѣйшихъ задачъ въ астрономіи.

Безспорно, господинъ Петерсъ принадлежитъ къ числу отличнѣйшихъ астрономовъ въ Европѣ, какъ по высокимъ дарованіямъ математическимъ, такъ и по необыкновенному искусству въ наблюденіяхъ. Записка его, представленная Академіи Наукъ, въ іюнь 1846 года, служитъ новымъ доказательствомъ этой истины.

Скажемъ сперва въ чемъ состоитъ задача. Звѣзды находятся отъ насъ въ такихъ ужасныхъ разстояніяхъ, что въ сравненіи съ ними размѣры земнаго шара ничего не значатъ: съ какихъ бы точекъ земной поверхности мы ни смотрѣли на звѣзду, она всемъ наблюдателямъ является въ одномъ направленіи. Для опредѣленія такихъ разстояній нужны мѣры гораздо длиннѣе поперечника Земли. Такою мѣрою можетъ служить радіусъ того круга, который Земля въ годичномъ

теченіи своемъ описываетъ около Солнца. Въ самомъ дѣлѣ, при годичномъ движеніи Земли, наблюдатель переносится съ одного мѣста пространства въ другое: следовательно линіи, по которымъ онъ видитъ въ различныя времена года какую-нибудь звезду, будутъ исходить съ разныхъ точекъ пути нашей планеты. Протяженія этого пути известны намъ изъ наблюденій надъ Солнцемъ. Чѣмъ ближе къ намъ звезда, тѣмъ большая будетъ разность между направленіями двухъ линій зрѣнія, идущихъ къ ней изъ двухъ точекъ земнаго пути: напротивъ, чѣмъ звезда отдаленнѣе, тѣмъ разность должна быть менѣе и самыя линіи тѣмъ ближе должны подходить къ параллельности. Посредствомъ наблюденій и вычисленій можно опредѣлить наибольшій изъ угловъ, образующихся при звѣздѣ линіями, идущими отъ нея къ землѣ и къ солнцу. Такой уголъ называется годичнымъ *параллаксомъ* звезды. Это собственно уголъ, подъ которымъ съ звезды представляется радіусъ круговаго земнаго пути. Зная этотъ уголъ, легко вычислить, во сколько разъ далѣе звезда отстоитъ отъ насъ нежели Солнце. Вся трудность состоитъ въ томъ, чтобы безошибочно примѣтить и означить весьма малыя измѣненія въ видимомъ положеніи звезды, зависящія отъ годичнаго движенія Земли. Это положеніе измѣняется еще сильнѣе отъ многихъ другихъ обстоятельствъ: такъ напри- мѣръ отъ преломленія, которое претерпѣваютъ лучи свѣту въ разныхъ слояхъ атмосферы, отъ вліянія совокупнаго дѣйствія скорости Земли и скорости свѣту на кажущееся мѣсто звезды (*абберрація*), и отъ постепеннаго движенія полюсовъ міра и мѣста весеняго равноденствія, то есть, тѣхъ точекъ небесной сферы, въ отношеніи къ которымъ астрономы опредѣляютъ положеніе свѣтилъ. Прежде всего надлежало съ точностью изслѣдовать всѣ такія обстоятельства, и притомъ значительно усовершенствовать снаряды и способы наблюденія, чтобъ можно было открыть столь малыя величины, каковы годичныя параллаксы звѣздъ. Бессель замѣтилъ, что именно въ этихъ усовершенствованіяхъ и заключается главная польза, которую принесло для науки рѣшеніе труднаго вопроса о параллаксахъ звѣздъ.

Первая часть записки господина Петерса представляет занимательную историю и образцовый критический разбор всех относящихся разысканий по этой части, от Тихона Браге до наших временъ. Вторая, еще важнѣйшая часть, содержитъ въ себѣ собственныя его изслѣдованія о величинѣ годовыхъ параллаксъ осьми различныхъ звездъ, которыя мы скоро назовемъ. Эти опредѣленія выведены изъ 711 наблюдений, сдѣланныхъ, въ 1842 и 1843 годахъ, помощью большаго вертикальнаго круга Пулковской Обсерватори. Кругъ имѣетъ сорокъ-три дюйма въ поперечникъ, и непосредственно раздѣленъ черезъ каждыя двѣ минуты; мельчайшія дѣленія отсчитываются по четыремъ микроскопамъ, до десятой доли секунды; находящаяся при немъ зрительная труба увеличиваетъ, о двухъ-сотъ-пятнадцати разъ въ предметное стекло дюймовъ шесть въ поперечникъ. Какъ ни отличенъ этотъ снарядъ, по къ удачному рѣшенію задачи способствовали не столько величина круга и точность его дѣлений, сколько удивительное остроуміе и искусство наблюдателя, умѣвшаго обойти все источники постоянныхъ ошибокъ и достигнуть строгими вычисленіями самыхъ достовѣрныхъ выводовъ. Весьма справедливо считаетъ господинъ Струве трудъ своего отличнаго сотрудника высокимъ образцомъ точности и совершенства. Несомнѣнность найденныхъ параллаксъ вполне подтверждается вѣрностью другихъ астрономическихъ опредѣленій (именно aberrациі звездъ), которыя по ихъ численному значенію весьма хорошо извѣстны.

Вотъ главные выводы, которыхъ достигаетъ господинъ Петерсъ:

одичный параллаксъ 61-ой звезды Лебеда	= 0",349
звезды <i>альфа</i> Лиры	0,103
звезды Полярной	0,067
1830-ой звезды по каталогу Грумбриджа . . .	0,226
Капеллы	0,046
звезды <i>тау</i> Большой Медвѣдцы	0,133
Арктюра	0,127

Для *альфы* Лебеда выходитъ малый отрицательный па-

параллаксъ; другими словами, наблюдёнія, относящіяся къ этой звѣздѣ, не обнаруживаютъ ни какихъ слѣдовъ параллакса; отрицательная же его величина произошла отъ стеченія малыхъ неизбѣжныхъ погрѣшностей.

Чтобъ уразумѣть значеніе этихъ чиселъ, нужно знать, что звѣзда, которой параллаксъ будетъ $0'',100$, или одна десятая доля секунды, должна быть удалена отъ Земли на разстояніе почти въ два милліона шестьдесятъ-три-тысячи разъ болѣе нашего разстоянія отъ Солнца; мы же отстоимъ отъ Солнца на 144,600,000 верстъ.

Господа Бессель и Струве прежде уже опредѣлили параллаксы 61-ой звѣзды Лебеда и альфы Лиры посредствомъ другаго рода наблюдёній. Выводы ихъ хорошо согласуются съ числами господина Петерса, особенно въ разсужденіи звѣзды 61-ой звѣзды Лебеда. Параллаксъ Полярной звѣзды также нѣсколько разъ уже былъ найденъ. Линденау выводилъ его изъ множества наблюдёній различныхъ астрономовъ. Впослѣдствіи тотъ же параллаксъ вычисленъ былъ изъ дерптскихъ наблюдёній господъ Струве и Прейса. Нынѣшнее опредѣленіе кажется однимъ изъ достовѣрнѣйшихъ. Соединяя прежніе результаты съ новыми, господинъ Петерсъ окончательно принимаетъ $0'',207$ и $0,106$ за вѣроятнѣйшіе параллаксы альфы Лиры и Полярной звѣзды.

Если вспомнимъ, что свѣтъ пробѣгаетъ почти въ 8 минутъ и 18 секундъ разстояніе отъ Солнца до Земли, то изъ этихъ вѣроятныхъ величинъ параллаксовъ должно заключить, что свѣтъ идетъ къ намъ отъ 61-ой звѣзды Лебеда почти 13 лѣтъ и 3 мѣсяца, отъ альфы Лиры $15\frac{1}{2}$, отъ 1830-ой звѣзды Грумбриджа $14\frac{1}{3}$, отъ Полярной около $30\frac{1}{2}$ лѣтъ.

Французскій астрономъ господинъ Фауе находитъ для Полярной звѣзды почти вчетверо меньшее разстояніе; но способы его наблюдёній далеко не такъ надежны какъ способы господина Петерса, котораго вычисленія подтверждаются еще новыми разысканіями, произведенными недавно на кенигсбергской обсерваторіи.

Господинъ Струве, наблюдая въ Дерптѣ, съ 1818 по 1821 годъ, времена прохожденія черезъ меридіанъ многихъ паръ

противныхъ околополярныхъ звѣздъ, отыскалъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ довольно чувствительныя параллаксы. Присоединивъ сюда новѣйшія опредѣленія, господинъ Петерсъ считаетъ тридцать пять звѣздъ, которыхъ годичныя параллаксы извѣстны. Для изслѣдованія средняго разстоянія звѣздъ первой и второй величины, онъ исключаетъ отсюда двѣ звѣзды, 61-ую звѣзду Лебеда и 1830-ую звѣзду Грумбриджа, очень близкія къ землѣ, не смотря на малость ихъ видимой величины. Отношенія между параллаксами остальныхъ тридцати звѣздъ и ихъ наружнымъ блескомъ, и предложенныя господиномъ Струве законы распредѣленія звѣздъ вообще и ихъ сравнительныхъ разстояній, доставили академику Петерсу средства найти, при помощи остроумныхъ соображеній, вѣроятныя удаленія звѣздъ различныхъ величинъ. Въ основаніе принимаетъ онъ средней параллаксъ звѣздъ второй величины $0'',116$, и такимъ образомъ показываетъ, что свѣтъ, прежде нежели къ намъ достигнетъ, идетъ лѣтъ $15\frac{1}{2}$, 28, 43, 60, 85 и 120 отъ звѣздъ первой, второй, третьей, четвертой, пятой и шестой величины; отъ звѣздъ же едва замѣтныхъ въ двадцати-футовый телескопъ Гершеля свѣтъ доходитъ до насъ почти въ 3,540 лѣтъ. Но есть много звѣздъ еще болѣе отдаленныхъ, такъ, что если бы вдругъ случилась какая-нибудь перемена въ ихъ свѣтъ, то земные наблюдатели увидѣли бы ее не прежде какъ по истеченіи многихъ сотенъ тысячелѣтій.

Эти изслѣдованія о разстояніяхъ звѣздъ приводятъ еще къ слѣдующему. Извѣстно, что солнечная система имѣетъ поступательное движеніе. Господинъ Аргеландеръ показалъ, что она приближается къ точкѣ, лежащей между звѣздами *ни* и *ми* Геркулеса. Внослѣдствіи господинъ Оттонъ Струве опредѣлилъ величину углаго движенія Солнца и сдѣлалъ важное открытіе, показывающее, что наибольшій уголъ, подъ которымъ путь, ежегодно пробѣгаемый Солнцемъ, представляется въ среднемъ удаленіи звѣздъ первой величины, равенъ почти $0'',34$. Но мы теперь знаемъ, что это удаленіе въ 986,000 разъ болѣе разстоянія нашего отъ Солнца. Слѣдовательно, солнечная система каждый годъ пробѣгаетъ линію болѣе

тѣмъ вполтора раза длиннѣе средняго разстоянія Земли отъ Солнца. Несмотря на быстроту этого движенія, его очень трудно было обнаружить, потому что мы всегда относимъ положеніе Солнца къ чрезвычайно отдаленнымъ точкамъ пространства. Многія звѣзды движутся впрочемъ гораздо быстрѣе.

Авторъ присоединилъ къ книгѣ своей многія ученые примѣчанія, которыя назначены частію къ пополненію, частію же къ дальнѣйшему развитію заключеній, приводимыхъ въ текстѣ. Одно изъ любопытнѣйшихъ замѣчаній относится къ объясненію вопроса: дѣйствительно ли существуетъ нѣкоторая измѣняемость въ движеніи Сиріуса и Прокциона?

Собственныя движенія звѣздъ обнаруживаются вообще сравненіемъ прежнихъ наблюденій съ новѣйшими; но съ-тѣхъ-поръ какъ начали производить точныя астрономическія наблюденія не прошло и одного столѣтія. Незначительность такого малаго промежутка времени причиною, что вообще въ движеніяхъ звѣздъ не замѣчено еще неравномѣрности и перемѣнъ въ ихъ направленіяхъ. Бессель, соображая свои наблюденія, за 1820 и 1844 годы, съ наблюденіями прежнихъ и современныхъ астрономовъ, нашелъ, правда, малыя, но постоянно возрастающія разности въ годовыхъ движеніяхъ Сиріуса и Прокциона. Такія уклоненія онъ объяснялъ предположеніемъ, что каждая изъ этихъ звѣздъ принадлежитъ къ системѣ двухъ тѣлъ, одного свѣтлаго, а другаго темнаго, которыя подлежатъ взаимному тяготѣнію и вращаются около общаго центра тяжести.

Важность явленія заставила господина Струве подвергнуть критическому разбору все прежнія наблюденія, а сверхъ-того, по его предложенію, господинъ Е. Фуссъ въ прошломъ году сдѣлалъ новый рядъ весьма точныхъ наблюденій надъ положеніями Сиріуса и семи сосѣднихъ звѣздъ. Мѣста этихъ свѣтилъ опредѣлены Бредлеемъ для 1755 года и Піацци для 1800; въ журналахъ гриничской и дерптской обсерваторій находятся сверхъ-того непосредственныя сравненія Сиріуса съ нѣкоторыми изъ тѣхъ же самыхъ звѣздъ для 1829 года.

Подробное вычисленіе этихъ наблюденій не подтвердило движеній, о которыхъ говоритъ Бессель: оно показало надрогивъ, что разности, замѣченныя великимъ кенигсбергскимъ астрономомъ, вѣроятно, зависѣли отъ нѣкоторыхъ малыхъ погрѣшностей въ инструментахъ или отъ другихъ еще неизвѣстныхъ причинъ: въ самомъ дѣлѣ, въ положеніи Сириуса не открывается ни какихъ ясныхъ слѣдовъ подвижности. Къ такому же заключенію приходитъ господинъ Струве и въ отношеніи къ Проксіону.

А. САВИЧЪ.

=

СВѢДѢНІЯ О ХОЛЕРѢ ВЪ РОССІИ, составленныя докторомъ Маркусомъ, председателемъ медицинскаго общества, и издаванныя министерства оупроченыя дѣль. (NOTICES SUR LE SÉVÉRITÉ DE SON ÉPIDÉMIE, publiées par le ministère de l'intérieur, etc., St.-Petersbourg, 1847.)

Шестокая эпидемія ходитъ еще по Россіи. Она была на нижней и средней Волгѣ и по рѣкамъ, которыя впадаютъ въ нее или въ ея притоки, и перешла теперь на Двѣрь. До Костромы она, какъ кажется, не доходила вверхъ по Волгѣ, и, следовательно, не тронула Твери, города столь близкаго къ Москвѣ, состоящаго, такъ сказать, въ ежедневномъ прикосновеніи съ нею. Изъ Казани распространилась она по Камѣ и ея притокамъ внутрь уральской Сибири. Это пристрастіе холеры къ рѣкамъ, при слабомъ дѣйствіи ея въ нынѣшнее появленіе, становится явственнѣе чѣмъ когда-либо.

Недавно еще никто изъ врачей нашихъ не сомнѣвался, что она непременно посетитъ Петербургъ весной. Эта уверенность, положительно высказанная во многихъ статьяхъ и брошюрахъ, нынче значительно ослабѣла, хотя, собственно, возможность бѣдствія все-еще существуетъ: слишкомъ ранняя весна предсказываетъ сильныя жары и, следовательно, частыя простуды; если русскій воздухъ до того времени не очистится отъ холернаго яду, эпидемія можетъ вспыхнуть съ новою свѣрѣпостью и распространиться далеко на северъ.

Понимая холерный ядъ въ воздухъ, мы следуемъ общему

народному убъжденію всѣхъ странъ, которыя посѣщала холера. Само собою разумѣется, что большая часть ученыхъ не согласна съ этимъ убъжденіемъ: зачѣмъ и быть ученымъ, если думать стать такъ, какъ весь свѣтъ думаетъ! Такова судьба почти всѣхъ ученыхъ вопросовъ: сперва, наука начинаетъ опровергать какое-нибудь существующее всеобщее мнѣніе или повсемѣстно принятый обычай, возникшіе изъ прямого, безотчетнаго инстинкта человѣчества; и когда хорошо опровергнетъ это, когда «фактами» докажетъ противное и убедитъ въ немъ всякаго, когда ея теорія сдѣлается всеобщимъ и народнымъ мнѣніемъ, она возстаетъ противъ него, возвращается къ старому, которое поэтому будетъ новымъ, и удосговоряетъ опять «фактами», что прежнее народное понятіе или общій обычай были совершенно согласны съ природою и истиной, — пока, спустя известное время, та же наука снова не опровергнетъ той же «истины» новыми «фактами». Нѣкоторые думаютъ, что разумъ человѣческій совершенствуется такимъ образомъ и что науки подвигаются впередъ очень быстро. Я вовсе не отчаиваюсь въ наступленіи того времени, когда опять будетъ доказано, что земля стоитъ на мѣстѣ, а солнце ходитъ вокругъ нея. Что могло быть доказано лучше и яснѣе заразительности и приличивости чумы? Европа опоясалась карантинными, стражами, уставами, теоріями оцѣпленій и очищеній. Нынче доказываютъ, — да еще какъ доказываютъ! — что все это было заблужденіе.

Нѣтъ ничего достовѣрнаго въ нашемъ опытномъ анализѣ. Все состоитъ изъ вѣроятностей, болѣе или менѣе убѣдительныхъ. Въ отношеніи къ холерѣ, самую благодѣтельную, въ высшее время, вѣроятностью кажется то мнѣніе, которое приписываетъ начало холеры извѣстному измѣненію въ нормальномъ составѣ воздуха. Оно принято большинствомъ знаменитѣйшихъ врачей-писателей и утверждено общенароднымъ убъжденіемъ. Но оно первоначально принадлежитъ ученому автору «Свѣдѣній о холерѣ въ Россіи.» Докторъ Маркусъ, въ то самое время какъ противъ холеры жарко принимались карантинныя мѣры, оцѣпленія и очищенія,

первый утверждалъ въ превосходномъ твореніи своемъ «Rapport sur le choléra-morbus à Moscou», 1832, которое и донынѣ стоитъ въ чель всехъ трактатовъ о холерѣ, что повальная болѣзнь эта не заразительна и что она зависитъ отъ *теллурическихъ* причинъ, то есть, отъ собственнаго состоянія земнаго шара. Этотъ теллуризмъ, это *особенное состояніе Земли*, располагающее людей къ болѣзни, по мнѣнію нашему, не можетъ быть переведено опредѣлительно и понятно, какъ только особеннымъ измѣненіемъ въ нормальномъ составѣ воздуху. Атмосфера должна быть отягчена какимъ-нибудь зловреднымъ паромъ или веществомъ, которое, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, становится зародышемъ страданій и причиною смерти. Предпочтеніе холеры къ рѣкамъ и водамъ явственно указываетъ на воздухъ, котораго такъ много въ рѣчной водѣ, и на присутствіе въ немъ какого-то лишняго летучаго начала, довольно тяжелаго, когда оно преимущественно садится въ углубленіяхъ, въ низменныхъ мѣстахъ, около водъ, и, вмѣстѣ съ воздухомъ соединяясь съ водами, отравляетъ ихъ. Холера всегда вспыхиваетъ первоначально въ низкихъ и сырыхъ мѣстоположеніяхъ, на водѣ или по близости водъ, точно такъ же какъ и чума: на горахъ и сухихъ возвышенностяхъ она почти не дѣйствуетъ, подобно чумѣ. Во многихъ городахъ замѣчали даже, что она очень рѣдко или очень слабо касалась жителей верхнихъ этажей высокихъ домовъ. *Отравленіе воды*, не злоумышленниками, а отравленнымъ воздухомъ, не подлежитъ сомнѣнію, при хладнокровномъ разборѣ дѣла. Общепризнанное замѣчаніе всей Европы не можетъ быть ложнымъ въ полицій мѣрѣ: повсюду, и при каждомъ появленіи холеры, простой народъ, видя, что вслѣдъ за употребленіемъ воды обнаруживаются болѣзненные припадки, кричалъ объ оравѣ рѣкъ, озеръ, колодцевъ, и отыскивалъ мнимыхъ отравителей. Ученые и полу-ученые, зная навѣрное, что отравителей не было и нѣтъ, въ презрѣніи своемъ къ глупости черни презираетъ и прямое наблюденіе ея о ядовитомъ качествѣ большей части водъ во время эпидеміи. Это не справедливо, да и не согласно съ философіей наукъ.

Повсемѣстное и единодушное наблюденіе толпы, поражаемой всюду фактомъ одинаковой наружности, должно быть принято въ уваженіе. вода играетъ тутъ несомнительную и важную роль, независимо отъ большей или меньшей холодности своей, которой старались приписать все холерное зло воды. Преимущественное развитіе холеры въ низкихъ и сырыхъ мѣстахъ достаточно показываетъ, что, не только въ жидкомъ видѣ, но и въ состояніи паровъ, вода способствуетъ къ раскрытію новыхъ силъ въ холерномъ ядѣ, содержащемся въ воздухѣ. Кажется, какъ-будто этотъ ядъ не опасенъ, пока онъ сухъ и носится въ сухомъ воздухѣ и что онъ начинаетъ дѣйствовать убійственно, какъ скоро становится влажнымъ, мокрымъ, водородистымъ, черезъ смѣшеніе съ водою или съ ея парами. Мысль эта можетъ быть легче для многихъ, если ей придать видъ химической формулы. Назовемъ сухой холерный ядъ, или миазмъ, родъ *influenza*, разлитый въ атмосферѣ и наносимый разумѣется втрами, холериной, *cholérine*: этотъ — мучителенъ, тяжелъ для здоровья, но почти не смертоносенъ. Въ соединеніи съ водою въ жидкомъ или летучемъ видѣ онъ становится нѣкоторымъ образомъ водородистою окисью холерины, *hydrate de cholérine*, получаетъ по необходимости новыя качества или новую силу и, въ этомъ состояніи, дѣйствіе его убійственно. Это не объясненіе, но только примѣрный способъ понимать два различныя состоянія холернаго миазма, изъ которыхъ одно дѣйствуетъ слабо, а другое ужасно, первое предшествуя и служа заключеніемъ второму или господствуя одно, отдѣльно отъ втораго. При этомъ примѣрномъ способъ понимать можно дать себѣ совершенно удовлетворительный отчетъ во многихъ необъяснимыхъ явленіяхъ эпидеміи. Никто не станетъ спорить, что холерина, это тягостное, мучительное *вліяніе* воздуху, эта *influenza*, господствовала прошедшею осенью и зимою во многихъ мѣстахъ Россіи, куда досель настоящая холера не проходила. Мало этого: холерина, безъ холеры, перѣдко господствовала рядомъ съ холерою, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, такъ что нельзя сказать, что миазмъ утратилъ свою

силу при переходѣ черезъ большія разстоянія. Но, въ такомъ случаѣ, если холерный ядъ — въ одномъ только воздухѣ, то онъ всегда долженъ быть ядъ одинаковой силы и убивать съ перваго слова, лишь только подуетъ вѣтромъ изъ холернаго мѣста. Этого однако жъ мы не видимъ. Напротивъ, прибывъ въ новое мѣсто съ вѣтромъ, онъ ни съ этимъ ни съ другимъ вѣтромъ не уходитъ далѣе, немедленно; онъ за что-то уцѣпляется и остаетя; какъ-будто съ чѣмъ-то химически соединяется; и пока процессъ соединенія не совершится въ полной мѣрѣ, холерный ядъ, или холерина, только мучитъ, утомляетъ народонаселеніе болѣе и болѣе. Но какъ-скоро новый составъ вполне образовался, всѣ гибельныя свойства яду вдругъ обнаруживаются съ ужасною силою. Само собою разумется, что, понимая дѣйствіе міазма такимъ образомъ, сила этого дѣйствія должна вскорѣ начать ослабѣвать въ той же постепенности, съ какою прежде умножалась, и *еще скорѣе*: образовавшійся въ этой точкѣ таинственный химическій составъ міазма съ чѣмъ-то мѣстнымъ, вскорѣ будетъ почерпанъ и развѣянъ по окрестностямъ, гдѣ онъ разрѣшится холериною или рѣдкими случаями настоящей холеры.

Намъ кажется, что все это совершенно согласно съ наблюденіями надъ ходомъ и дѣйствіемъ холеры.

За что можетъ *уцѣпиться* холерный ядъ или міазмъ, принесенный куда-нибудь движеніями атмосфернаго воздуха? Кромѣ воды, мы не видимъ другаго вещества, способнаго къ этому. Онъ навѣрное поглощается водою, принимаетъ въ ней мало по-малу форму новаго состава, по необходимости, и потомъ испаряется вмѣстѣ съ нею, дѣлая такимъ образомъ, и воду и низкія сырыя мѣста, почти въ равной степени опасными. Жидкое состояніе воды вовсе не условіе для этого: снѣгъ очень хорошо поглощаетъ разныя летучія вещества и издаетъ ихъ обратно изъ себя въ видѣ испареній насыщенныхъ водою. Довольно вспомнить объ амміакѣ. Преображеніе холернаго яду въ водородистое соединеніе можетъ превосходно совершаться среди зимы, и холеръ ничто не помѣшаетъ свирѣпствовать вмѣстѣ со стужею.

Принявъ въ основаніе эту или подобную идею о причинѣ и способѣ развитія эпидеміи, нужно, кромѣ заносу холернаго яду движеніями атмосферы, допустить еще разныя обстоятельства, благопріятствующія укорененію его въ данномъ мѣстѣ. Физическое образованіе мѣстности должно составлять очень важное условіе. Вѣтеръ, обремененный холернымъ ядомъ, или долженъ дуть довольно долго, чтобы нанести его туда въ достаточномъ количествѣ и насытить имъ воды и ея пары, или, послѣ перваго такого вѣтру должно наступить безвѣтріе, для того чтобы приносный міазмъ могъ осѣсть въ углубленія и свободно соединиться съ водою. Помнится, что мы уже читали гдѣ-то наблюденія или мнѣніе о необходимости безвѣтрія для сильнаго развитія холеры въ данной мѣстности. Что касается до участія вѣтру въ разноскѣ холернаго яду, то для достовѣрности этого достаточно народнаго убѣжденія Аравитянъ Сирійской Пустыни, превосходныхъ наблюдателей явленій атмосферы, у которыхъ каждый вѣтерокъ, каждая форма облака, каждый родъ движенія облаковъ, имѣютъ свои техническія наименованія, которые холеру называютъ «желтымъ вѣтромъ» *ризи асфаръ*. Они примѣтили, что передъ появленіемъ этого бѣствія, дуетъ всегда у нихъ юго-восточный вѣтеръ, обремененный облаками примѣтно желтаго пѣту, и что, если эти облака разразятся на нихъ дождемъ, холера вспыхиваетъ немедленно.

Мы не станемъ распространяться о другихъ обстоятельствахъ, благопріятствующихъ укорененію холеры и которыхъ помощію логическаго наведенія можно бы привести множество à priori. Если тѣ, которые захотятъ, для опыту, послѣдовать этому воззрѣнію, будутъ имѣть случай лично наблюдать начало и ходъ эпидеміи въ какомъ-нибудь мѣстѣ, обстоятельства и факты этого рода могутъ обнаружиться имъ сами собою въ несмѣтномъ количествѣ, какъ-скоро воззрѣніе близко къ истинѣ. Если оно неосновательно, тѣ же замѣченные по его случаю обстоятельства и факты приведутъ къ другой точкѣ зрѣнія, болѣе согласной съ дѣломъ. Но какую-нибудь теорію избрать необходимо; при вышѣ-

немъ же состояніи наукъ, другой теоріи міазмовъ, крѣпъ химической, не годится и выводитъ на сцену. Время электрическихъ, математическихъ и другихъ невѣсомыхъ вліяній прошло: гдѣ дѣло идетъ о веществѣ и жизни, мы нынче можемъ имѣть доверіе къ однимъ только химическимъ или химіо-образнымъ объясненіямъ. Избранная теорія можетъ быть ложна. Нужды нѣтъ. Но всякая принятая теорія—путь, проведенный между фактами, съ котораго наблюдатель считаетъ ихъ, группируетъ, сравниваетъ, чтобы выстроить въ прямые ряды, открыть связь и соотношенія между рядами. Блауждать между фактами безъ всякой дороги, какъ это доселѣ дѣлаютъ въ холерномъ вопросѣ, вовсе не значитъ наблюдать ихъ. Такой родъ наблюденій совершенно бесполезенъ для науки.

Мы не навязываемъ никому теоріи, примѣрно здѣсь набросанной, но настаиваемъ на необходимости обдумать, создать и принять нечто подобное, для того чтобы наблюдатели шили наконецъ какую-нибудь определенную точку, къ которой могли бы они, какъ къ центру, относить все замѣчательныя факты. Общія мѣста медицинскія, какими шиль довольствуются при разсужденіи о холерѣ, не заставляютъ никого ближе вслѣдовать сущность того, что называютъ «фактами». Она станетъ обнаруживаться только въ то время, когда наблюдателямъ нужно будетъ подводить каждый замѣченный фактъ къ данной теоріи или показывать неоспоримо, въ чемъ онъ ей противорѣчитъ. Прилипчивость или не прилипчивость эпидеміи не можетъ уже составлять точки исходу, ни даже серіознаго вопросу, послѣ превосходныхъ трудовъ доктора Маркуса и тѣхъ повсемѣстныхъ наблюденій, которыя сдѣланы въ подтвержденіе его первоначальнаго убѣжденія. Притомъ же прилипчивость и не прилипчивость не теорія, равно какъ расположеніе или не расположеніе лицъ къ воспріятію, и другія общія мѣста врачебной философіи: они ничего не объясняютъ и, для сущности дѣла, вовсе не важны. Надъ тѣми и надъ другими господствуетъ неоспоримый физическій фактъ — міазмъ, холерный ядъ, вещество, составъ, — каковъ бы онъ ни былъ. Нужна,

въ основаніи разсужденія, химическая теорія миазма, въ которой были бы приняты въ соображеніе воздухъ и вода, откуда онъ поражаетъ людей явственно и очевидно.

Переходъ холеры съ однихъ рѣкъ на другія, лишенымъ водяннаго сообщенія съ первыми, достаточно указываетъ одна на пребываніе холернаго яду въ воздухъ. Что холерный воздухъ отравляетъ воду и черезъ нее или черезъ пары ея дѣйствуетъ съ особенною жестокостью, въ томъ едва ли можно сомнѣваться при вторичномъ появленіи холеры въ Россіи, когда повсюду въ простомъ народѣ вновь раздались крики: *вода отравлена!* Народъ, въ этомъ случаѣ, судья больше и лучше всѣхъ врачей, которые почти никогда не видятъ начала холерныхъ припадковъ: они прибѣгаютъ съ помощію къ съ наблюденіемъ уже тогда, какъ болѣзнь приняла опасный характеръ.

Если позволительно къ общему разсужденію, къ признаннымъ идеямъ болѣзни, присокупить личный опытъ надъ самимъ собою, то авторъ этой статьи готовъ привести ея. Въ одно царствованіе такъ называемой холерыны фазы испытывалъ на себѣ съ многими прочими сильное дѣйствіе тогдашняго теллурическаго вліянія — темноту, головную боль, съ круженіемъ, давленіе подъ ложкой, отвращеніе къ пище, тяжесть въ движеніяхъ, и такъ далѣе. Желая убѣдиться, въ какой степени справедливо простонародное мнѣніе о злокачественности воды при холерномъ воздухѣ, онъ рѣшился все не пить сырой воды и сталъ или употреблять воду вскипяченную и простуженную или замѣнять ее на обдѣланную ливнею тарелкою супу. Всѣ припадки немедленно исчезли.

Случай этотъ можетъ быть очень случайный: темъ не менѣе онъ заслуживаетъ повѣрши, потому что подтверждаетъ общепародное наблюденіе.

Настоящее сочиненіе доктора Маркуса есть бесспорно самый лучший сводъ понятій, свѣдѣній и данныхъ о холерѣ какой существуетъ въ медицинской литературѣ. Съ сопоставленіемъ положеній доводовъ про и contra, съ превосходною критикою фактовъ, оно соединяетъ въ себѣ то преимущество передъ прочими, которое свойственно возвращенію составу

ума на обширное целое. Въ матеріалахъ, для соображеній и выбору, не могло быть недостатку для ученаго, который, председательствуетъ со славою въ главномъ административномъ собраніи по врачебной части въ Россіи. Мы выпишемъ изъ его книги нѣкоторыя мѣста, подтверждающія здѣсь сказанное.

«Холера въ первые появилась въ европейской Россіи въ стѣ верстахъ отъ Астрахани, на морѣ, на военномъ бригѣ «Баку», прибывшемъ съ острова Сары, гдѣ холеры вовсе не было. Судно это стояло въ Седлистомъ карантинѣ, и ни одинъ изъ заболѣвшихъ на немъ не перемѣщался въ Астрахань.»

Но судно, замѣтимъ, прибыло по необходимости съ попутнымъ вѣтромъ, который, по этому, дулъ изъ Персіи или изъ За-Кавказья, мѣсть уже наполненныхъ холерою.

«Въ Астрахань холера обнаружилась въ іюнь, не на комъ либо изъ пріѣзжихъ, но на одномъ изъ старожиловъ города. Болѣзнь показала въ разныхъ точкахъ вдругъ, хотя между ними не могло быть сообщенія.

«Въ Москвѣ холера открылась въ сентябрь, опустошивъ уже многія области Россіи, но еще 26 мая замѣченъ былъ докторомъ Остроградскимъ первый случай холеры, весьма похожей на индѣйскую, и послѣ того спорадическая холера начала появляться гораздо чаще прежняго, такъ же какъ и перемежающаяся лихорадка. Это явствуетъ изъ показаній профессоровъ Фелера, Высоцкаго, Ловицкаго, Бордовскаго, главнаго полицейскаго врача Леонтовскаго, и другихъ. Профессоръ Высоцкій, при весьма обширной практикѣ, втеченіе двадцати-пяти лѣтъ видѣлъ только два примѣра спорадической холеры, весьма отдаленные другъ отъ друга временемъ, а теперь встрѣтились ему два примѣра одинъ вслѣдъ за другимъ. Самъ я, въ двѣнадцать лѣтъ заграничной практики, управляя притомъ шесть лѣтъ Голицынскою Больницею, никогда не видалъ спорадическаго холернаго случая въ Москвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, до того времени (до 26-го мая), эта болѣзнь была тамъ чрезвычайно рѣдка.»

Мы позволимъ себѣ присовокупить, что 26-ое мая, день
Т. LXXXVII. — Отд. V.

перваго холернаго случая въ Москвѣ, соответствуетъ тому времени, когда бригъ «Баку» шелъ отъ Сары къ Астрахани. Вѣтеръ, съ которымъ плылъ бригъ, долженъ былъ распространяться на часть юго-восточныхъ губерній и доходить до Москвы. Въ то горячее время, за спорами о прилипчивости и неприлипчивости новой болѣзни, никто не подумалъ о сравненіи вѣтровъ; но теперь обстоятельство это заслужило бы вниманія и справокъ. Журналъ брига «Баку», вѣроятно, находился въ астраханскомъ адмиралтействѣ. Но вѣтры съ казаскаго перешейка, доходили и прежде этого до центра Россіи и, по логическому порядку дѣла, съ наступленія времени этихъ вѣтровъ, то есть, съ самаго начала весны, до спорадической холеры должна уже была обнаруживаться холерина. Въ самомъ дѣлѣ ученый авторъ говоритъ далѣе:

«Профессоръ Высокій замѣтилъ, сверхъ—т го, что самыя простыя и легкія болѣзни, ничтожныя простуды, или невареніе желудка, стали слишкомъ часто сопровождаться припадками унынія, тошноты и рвоты. Вотъ, съ другой стороны, нѣсколько фактовъ, мнѣ лично извѣстныхъ. Господинъ Ростъ, владѣлецъ имѣнія, находящагося верстахъ въ двѣнадцати къ юго-западу отъ Москвы, сообщилъ мнѣ, что съ апрѣля мѣсяца до исходу августа заболѣло неменѣе пятнадцать человѣкъ крестьянъ и слугъ въ его немногочисленной подмосковной; во время работы эти люди обыкновенно ходили пить воду къ пруду, лежащему къ сѣверу отъ господскаго дому, и въ прежіе годы никто не получалъ отъ этого ни малѣйшаго вреда; но въ этотъ разъ, по испитіи воды изъ пруда, имъ тотчасъ дѣлалось дурно; за тѣмъ слѣдовали головныя боли, давленіе подъ ложкой, тошнота, иногда рвота и поносъ съ болью въ желудкѣ и кишкахъ; припадки эти болѣею частью уничтожались потогонными средствами и приемомъ магнезіи, но иногда и превращались въ упорныя перемежающіяся лихорадки, оставлявшія послѣ себя примѣчательное расслабленіе желудка. Явленія эти поразили меня тѣмъ болѣе, что господинъ Magin Darbel замѣтилъ точно такіе же случаи въ сосѣднемъ помѣстіи князя Гагарина, и господинъ К** въ своемъ имѣніи, лежащемъ подалѣе, гдѣ

припадки этого рода обнаруживались не только между крестьянами, но и въ собственномъ его семействѣ. Подробности эти стель я нужнымъ привести для того чтобы показать, что уже за нѣсколько мѣсяцевъ до нашествія холеры эпидемическое состояніе мѣстности нѣкоторымъ образомъ принимало ея оттънокъ.

«Старинный и почтенный другъ мой, профессоръ и деканъ Высоцкій, на котораго я люблю ссылаться, несмотря на всѣ препятствія со стороны его скромности, излагалъ даже въ своемъ донесеніи, что большая часть хроническихъ болѣзней, — водяныя, раки, подагры, — превращались въ холеру, хотя болѣзные удалены были отъ сношеній съ холерными. Простуды разръшались не кашлемъ, не насморкомъ, не одышкой, лихорадкой или поносомъ, но чистою холерою. Неосторожность въ ѣдѣ производила не, какъ обыкновенно, расстройство желудка, но взрывъ холеры, раждавшейся вдругъ и непосредственно за этою случайной причиною. Но когда жестокость эпидемической холеры стала ослабѣвать, тѣ же самыя причины, которыя прежде поражали холеру, начали снова имѣть слѣдствіемъ различія другія болѣзни. Въ декабрь (1830) и въ январь (1831) простуды влекли за собою уже только боль горла и насморкъ.

Таковъ дѣйствительно всегдашній и повсемѣстный ходъ холеры, и не только холеры, но также и чумы. Чрезвычайнымъ сходствомъ образовъ распространенія и дѣйствованія этихъ двухъ эпидемій мы пораженны были нѣкогда при чтеніи перваго творенія доктора Маркуса о холерѣ, и впечатлѣніе это усилилось въ насъ чтеніемъ настоящаго. Когда свѣдѣтельства и наблюденія соображены, сведены и расположены такъ превосходно, когда общность явленій представлена такъ чисто и такъ свѣтло истиннымъ талантомъ, подобное впечатлѣніе, мы увѣрены, долженъ испытать всякой, кто живалъ въ странахъ, гдѣ чума — явленіе туземное, а не бѣдствіе случайное, дѣйствующее наѣдомъ, поражающее всѣхъ паническимъ страхомъ и отъ котораго защищаются, не хладнокровнымъ совѣтомъ опытности, а теоріями, созданными за глаза болѣзни, вдалекѣ отъ нея, и примѣняе-

ными къ казусу впопыхахъ, съ горячностью, ослѣпленіемъ и суевѣріемъ пре взятой идеи. Примеры прилипчивости, если бы даже они были совершенно и неоспоримо доказаны, не взмѣняютъ ни мало сущности эпидемическаго характера того и другаго бича: они были бы только изъятныя, весьма второстепенныя и, относительно, ничтожныя пособія къ умноженію числа несчастныхъ случаевъ въ открывшейся уже эпидеміи; почти бесполезная прибавка яду прививнаго къ яду заключенному въ воздухъ и воду; *пресыщеніе* ядомъ тѣмъ менѣе заслуживающее вниманія, что все-же оно не дѣйствуетъ безъ соизволенія на тысячи случайныхъ поводовъ къ взрыву болѣзни въ отдельныхъ лицахъ, каковы ослабленіе физическихъ силъ трудомъ, страхомъ или предварительнымъ недугомъ; простуды, неосторожности въ бѣгъ, и прочее, о чемъ мы сейчасъ читали. Знаменитое *нерасположеніе къ воспріятію яду заразы* въ другихъ отдельныхъ лицахъ, средство чисто мистическое, которымъ контагіонисты стараются отдѣлываться отъ всѣхъ фактовъ, противорѣчащихъ ихъ ученію, было бы тогда простое отсутствіе для этихъ лицъ всякаго «случайнаго повода» къ тому чтобы заболѣть чѣмъ-нибудь. Это согласно съ толкомъ и понятно. Но въ то же время ясно и то, что для взрыву холеры или чумы въ человѣкѣ по случаю перваго нарушенія имъ долгу своего здоровья, нужно непременно ядамъ эпидеміи, холеры или чумы, находиться уже въ этомъ человѣкѣ, проникнуть въ тѣло съ воздухомъ и водою, войти въ потокъ крови, поразить заранѣе нѣкоторыя части нервной системы и ждать только случайнаго прекращенія испарины, остановки въ правильности отправленій кожи: чтобы убить неосторожнаго.

Какъ въ чумѣ, такъ и въ холерѣ возстановленіе правильности отправленій кожи возбужденіемъ сильной испарины, и анти-невралгическія средства, употребленныя благовременно, представляютъ единственную доску спасенія.

Что, по всей вѣроятности, дѣйствуетъ болѣе и сильнѣе на отравленіе организма холернымъ или чумнымъ ядомъ, воздухъ или вода? Страшно было бы и подумать о послѣдствіяхъ для человѣчества, если бы воздухъ игралъ въ этихъ

случаяхъ, особенно въ холерѣ, единственную, или даже первую роль! Постоянность отравительнаго вліянія изъ атмосферы истребила бы въ короткое время почти весь родъ человѣческій: дѣйствіе весьма слабыхъ причинъ постоянныхъ, ужасно! — это самый сильный рычагъ природы, по сознанию геологіи. Смертность причиняемая собственно холерою, при самомъ жестокомъ свирѣпствованіи эпидеміи далеко не такъ велика, какъ вообще полагаютъ. Изъ таблицъ, приложенныхъ авторомъ, видно, что, въ такихъ случаяхъ она только половиною значительнѣе обыкновенной смертности; вмѣсто одного человѣка умираютъ полтора. Въ тридцатыхъ годахъ средняя смертность въ Москвѣ была 10,500 человѣкъ въ годъ, а въ самый страшный изъ холерныхъ годовъ, 1830, умерло и погребено 15,678. Мы готовы, по всѣмъ соображеніямъ, преимущество зла приписать водѣ, на которую наука до селѣ не посмотрѣла, именно потому что простонародіе смотритъ на нее какъ на непосредственный источникъ бѣдствія. Притомъ же и посмотрѣть было нѣкогда, за хлопотами о заразительности и незаразительности. Главныя наблюденія науки дѣлаются по больницамъ и госпиталямъ, а туда разумѣется никто не приходитъ съ тѣмъ чтобы начинать болѣзнь съ самаго начала. Приемъ воды въ тѣло небольшими количествами, неровно и непостоянно, одинъ можетъ объяснить слабость и неравенство предварительнаго отравленія организмовъ. Водяные пары-также не имѣютъ постоянного дѣйствія. Сверхъ-того холерные припадки начинаются всегда съ желу ка.

Откуда можетъ первоначально происходить міазмъ или ядъ холерный? изъ какого источника? Этотъ вопросъ, покажется, необъяснимъ? Но холера, вѣроятно, не старѣ чумы и оспы, которыхъ въ древности вовсе не знали. Въ древнемъ мірѣ случались страшныя повальныя болѣзни, но если разбирать свидѣльства безъ натяжки, то эти заразы во многомъ существенно не сходны ни съ холерою ни съ чумою. Следовательно и причины ихъ не могли быть тѣ же. Холера и чума проистекаютъ конечно изъ новѣйшихъ причинъ. Замѣчательно, что онѣ не дѣйствуютъ на животныхъ, точно

также какъ повальныя болѣзни животныхъ не дѣйствуютъ на людей. У каждой органической породы есть свои эпидеміи. Это приводитъ прямо къ тому естественному заключенію, что каждая порода служитъ сама себѣ источникомъ свойственныхъ ей эпидемій. Заключеніе это кажется тѣмъ вѣроподобнѣе, что эпидеміи преслѣдуютъ предпочтительно породы, наиболее размножившіяся — домашнихъ животныхъ и людей. Въ постоянствѣ характера эпидеміи человѣческой породы можно, въ такомъ случаѣ, отъ себя благовидный отчесть однимъ лишь непостоянствомъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ для общаго здоровья обычаевъ. Чумѣ съ большою вѣроятностью позволительно отнести къ отступленію, въ самыхъ жаркихъ и самыхъ населенныхъ странахъ образованнаго міра, древняго обычая бальзамировать или сжигать трупы. Эготъ обычай введенъ былъ конечно не безъ основанія. Учредивши на мѣсто его простое и, вообще весьма небрежное, хороненіе мертвыхъ тѣлъ въ почвѣ, что предполагаетъ разныя истеченія частицъ сквозь почву въ воздухъ при гніеніи этихъ тѣлъ, не могло не прибавить къ атмосферѣ Африки зловреднаго для людей пачала. Даже и растенія становятся болны и хилы на той почвѣ, гдѣ гніютъ ихъ собственные прошлогодніе остатки. На этомъ фактѣ основано плодотворное полеводство. Не вовлекая читателя въ дальнѣйшія догадки по этому предмету, мы предоставляемъ его любопытству пробѣжать маленькую статью, помѣщенную въ «Смѣси» подъ заглавіемъ: «Замѣчанія о чумѣ». Холерный ядъ можетъ имѣть началомъ какое-нибудь подобное обыкновеніе или обстоятельство индійскаго полу-острова.

=

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

ФЕВРАЛЬ, 1848.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

двойная жизнь. *Очеркъ. К. Павловой. (Москва, 1848, св-8., стр. 213.)*

По Байрону, жизнь у насъ двойная: у сна есть свой собственный міръ, средній между двумя вещами, не впадѣтъ названными «бытіемъ» и «смертью». Сказать мейше поэтически, но гораздо яснѣе, дни — увы! — только половина жизни.... По долгу аккуратности и справедливости, для полноты жизни надо принять въ соображеніе и ночи. День — одинъ міръ; нѣсколько стѣрый, нѣсколько грязный; злой, завистливый, коварный, безпокойный. Ночь — другой міръ; міръ самъ по себѣ; свѣтлый, радужный, волшебный, населенный видѣніями и восторгами; средній между дневнымъ міромъ, который пребезтолково зовутъ «бытіемъ», и тѣмъ третьимъ міромъ, наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, который еще безтолковѣе названъ «смертью». Дневной міръ — нечего сказать — препошлый міришко; міръ заботъ, долговъ, и скуки; міръ визитовъ, прогулокъ, сиплетней, продѣлокъ, приличій, жи, чванства, гордости, обману, ссоръ, угне-

тошій, преслѣдованій. Это — любимый міръ кредиторовъ. Маленьки и гувернантки — господствующія власти въ этомъ претномъ мірѣ, неблагородно освѣщенномъ солнцемъ, при которомъ все видно, и все видно превратно, такъ, что, благодаря ея ложному свѣту, всѣ человѣческія дѣйствія съ одной стороны могутъ показаться прекрасными, а съ другой премерзкими, смотря по языку, который на нихъ посматриваетъ. То ли дѣло ночной міръ!... міръ грѣзъ и правды, міръ яркой мечты и темнаго сестія, міръ любви, упоенія, согласія: у дѣвцы этотъ міръ называется «міромъ невѣдомаго», что, собственно, значитъ «міръ возгн», въ противоположность «міру прозы», или дневному міру. Это такъ справедливо, что и въ подлежащемъ сочиненіи — зломъ какъ день — восхитительномъ какъ ночь — пока не лягутъ спать, всѣ говорятъ прозой; а лишь только лягутъ, такъ и называется поэзія: всѣ, особенно маисель Цецилія, думаютъ и чувствуютъ въ стихахъ.

Сочинительница, какъ вы видите, носитъ имя въ высокой степени литературное. Но если бы она и не получила его предвзительно, по волѣ судьбы, то могла бы создать себѣ подобное сіялоу таланта. Я не помню, чтобы ни случилось когда-нибудь читать на русскомъ языкѣ что-либо оригинальнѣе, изящнѣе и художественнѣе относительно къ формѣ, остроумнѣе и граціознѣе по выраженію, вѣжнѣе и глаже по отдѣлкѣ. Эта небольшая книга стояла, кажется, прежде на мраморномъ пьедесталѣ въ Ватиканѣ или въ Медицейской Галереѣ и, изъ греческой статуи, превратилась въ книгу: такъ чистъ рисунокъ ея общей линіи, такъ проста и красива мысль, такъ тонко соображены и извѣсны подробности. Тутъ нѣтъ почти ни одного лишняго слова, и въ каждомъ словѣ — есть занисловатое намѣреніе. Стиль этого прелестнаго «Очерка» въ высшей степени — эпиграмматическій: въ каждой фразѣ, миленькой, кругленькой, среди цвѣтковъ и улыбокъ невинности, искусно перевязанныхъ бантиками изъ розовой ленточки, скрыто сто булавокъ, которыя такъ и колютъ неосторожныя самолюбія. Сократовъ демонъ навѣрное не былъ хитрѣе въ наблюденіи и острѣе въ словѣ. Это дотога, что, признаюсь, въ серединѣ книги, я вдругъ усомнился и еще разъ посмотрѣлъ на заглавный листъ книги, чтобы удостовѣриться — не ошибся ли я? — точно ли это писано женщиной? Мнѣ какъ-то показалось, что, одни только мужчины могутъ быть такіе злые. Но и то сказать, такъ мало злыни мужчины еще никогда

« — Да такъ , ничего , разговариваютъ .

« Карета остановилась у подъезда большого дома на Тверскомъ Бульварѣ .

« — Мы пріѣхали , сказалъ одинъ изъ двухъ молодыхъ чело-
« вѣкъ , которые въ ней сидѣли , и оба взбѣжали по чугунной
« лѣстницѣ , въ передней убѣдились взглядомъ , что на лакеяхъ
« платьѣ нѣмецкаго шитья и сидятъ какъ слѣдуетъ , вошли , по-
« клонились , оглянулись .

« Въ нарядной гостиной было челоуѣкъ съ тридцать . Одни раз-
« говаривали въ полголоса , другіе прислушивались , третьи про-
« хаживались ; на всѣхъ какъ-будто тяготѣла обязанность , всѣмъ ,
« казалось , было скучно забавляться . Промѣныхъ голосовъ и сно-
« ровъ не было , также какъ и сигарокъ : это была гостинная со-
« вершенно *comme il faut* ; даже и дамы не курили .

« Не далеко отъ дверей сидѣла хозяйка на одной безымянной
« мебели , какими теперь наполняются комнаты ; въ другомъ углу
« стоялъ чайный столъ ; въ его сосѣдствѣ шептало нѣсколько
« премпныхъ дѣвушекъ ; немного подале , возлѣ большихъ , брон-
« зовыхъ часовъ , на которыхъ только что пробилъ половинна одинъ-
« надцатаго , очень замѣтная , граціозная женщина , утонула въ
« огромныхъ бархатныхъ креслахъ , посреди трехъ молодыхъ че-
« ловѣкъ , усѣвшихся около нея ; они о комъ-то говорили .

« Судя по словамъ этого разговора , онъ былъ вялъ и общемѣ-
« ственъ , но , судя по фзизіономіи , улыбкѣ , и взглядамъ разговари-
« вающихъ , онъ былъ чрезвычайно оживленъ и замысловатъ .

— « Это кто , Сécile ? шепнула Ольга молодой дѣвушкѣ , разли-
« вающей чай . Цецилія взглянула .

— « Тотъ , что входитъ съ Ильичевымъ ? Я его имя забыла ;
« онъ въ первый разъ пріѣзжаетъ къ намъ въ домъ ; кажется , поэтъ .

« Ольга надула спѣсиво губки , и повернула головку , на дру-
« гую сторону . Явилось еще двое мужчинъ : одинъ изъ нихъ под-
« вель другаго къ хозяйкѣ дома , Вѣрѣ Владиміровнѣ , и предста-
« вилъ . Она его привѣтствовала очень любезно :

— « Я истинно рада , что мнѣ наконецъ удалось съ вами по-
« знакомиться ; надѣюсь , что вы когда-нибудь намъ доставите на-
« слажденіе услышать ваши сочиненія .

« Вѣра Владиміровна была женщина высоко образованная ; при-
« нимала поэтовъ и артистовъ , но , какъ женщина деликатная ,
« она не хотѣла съ перваго разу воспользоваться талантомъ сво-
« его посѣтителя .

« Въ противоположномъ углу видный мужчина , съ просьбою

« едва замѣтной при свѣчахъ, съ нѣкоторой искусственной небрежностью въ одеждѣ, съ притязаніями на глубокомысленность и пронзительность, подошелъ къ молодому щеголю, который, приклонясь къ окну, рисовался съ искренно-удовлетвореннымъ видомъ на падавшей до паркета тяжелой занавѣси вишневаго цвѣту, выставляя очень удачно свой жилетъ парижскаго покроя, свою эксцентрическую прическу, свои непорочныя перчатки, и не думалъ имѣть другихъ притязаній.

« — Посмотрите на группу возлѣ чайнаго стола, сказалъ подошедшій; хотите, я вамъ расскажу, что тамъ происходитъ. Софья Стренецкая размышляетъ, гдѣ бы найти великодушнаго жениха, который бы выручилъ все семейство отъ неминуемой бѣды, внесъ бы за нихъ долгъ въ Опекунскій Совѣтъ. Ольга Валицкая не въ духѣ, потому что не пріѣхалъ князь Викторъ. Княжна Алина напрасно смѣется такъ усердно: побѣдоносный уланъ не отходитъ сегодня отъ ея двоюродной сестрицы, а эта употребляетъ его средствомъ бѣсить одного присутствующаго господина. Не забавно ли?

« — Вы ужасный человѣкъ! отвѣчалъ съ уваженіемъ молодой щеголь, крутя свои уски.

« Ужасный человѣкъ улыбулся снисходительно.

« Въ кругу созрѣлыхъ дамъ бесѣда была невпипѣе.

« — Скоро ли вы переселитесь въ паркъ?

« — Нелѣзя черезъ двѣ, въ началѣ іюня. Вы тоже тамъ будете?

« — Да, я очень люблю паркъ; тамъ, по-крайней мѣрѣ, можно провести лѣто въ хорошемъ обществѣ; не такъ какъ у себя въ деревнѣ, гдѣ приходится знаться, Богъ вѣсть, съ какими сосѣдами.

« Между тѣмъ раздѣванье чаю кончилось, и Цецилія вышла съ молодыми дѣвушками на широкій балконъ. Тамъ сіяла всѣми созвѣздіями великолѣпная майская почъ. Недавно позеленѣвшія липы передъ балкономъ шумѣли такъ тихо, такъ, созвучно, такъ таинственно, какъ будто бы онѣ стояли не на бульварѣ, а въ свободной землѣ дѣвственной дебри. Цецилія оперлась на чугунную рѣшетку, и задумалась.

« Ея пріятельницы смѣялись между собой.

« Гдѣ же Дмитрій Ивачинскій? спросила вдругъ блондинка.

« — Онъ уѣхалъ къ отцу въ деревню, сказала Цецилія голосомъ, на которомъ можно было угадать, что она краснѣла.

« — Когда же онъ воротится? продолжала та, съ замысловатой улыбкой.

« — Почему я знаю?

« — Цецилія повернулась и вошла опять въ гостиную.

« Тамъ уже маменьки искали дочерей, чтобы ѣхать домой. Къ Цециліи подошла Вѣра Владимировна: «Тебѣ пора спать, Сѣселе: ты знаешь, по приказанію доктора, ты должна ложиться рано, а теперь уже скоро двѣнадцать часовъ. Поди, мой другъ, тебя извинять.» Она ее перекрестила, и Цецилія вышла, прошла длинный рядъ покоевъ, свѣтлыхъ и полутемныхъ, повернула въ чуть освѣщенный корридоръ, и вошла въ свою комнату.

« Тутъ все было мирно и безмолвно, въ смежномъ кабинетѣ спала уже часа съ два крѣпкимъ сномъ старая Англичанка. Дѣвухѣ высшаго круга безъ Англичанки быть нельзя. Въ обществѣ у насъ по англійски не говорятъ, англійскіе романы барышни русскія читаютъ въ переводѣ французскомъ, а Шекспиръ и Байронъ для нихъ вовсе неприкосновенны, но если ваша щегольчатая дочь говоритъ иначе какъ по англійски, то вы дурно ее воспитываете. Изъ этого сѣдуетъ, что мать, не такъ хорошо воспитанная какъ дочка, часто не можетъ съ ней объяснить-ся, но это бездѣлица; порядочному ребенку англійская нянька нужнѣе матери.

« Цецилія позвала горничную, и стала раздѣваться медленно и задумчиво.»

Дневной міръ — одна жизнь кончилась. Вы видите, какъ они скучны, въ Москвѣ, и иныхъ мѣстахъ. Я чрезвычайно сокращаю рассказъ: надо видѣть въ подлинникѣ всю прозу этой половины «бытія». Но вотъ къ счастью начинается другой міръ и другая жизнь. Цецилія уже въ постелѣ. Она старается, какъ прилично невинной дѣвухѣ съ большимъ умомъ, превосходно воспитанной въ благонравіи, думать о пустякахъ, о лентахъ, о прическѣ, о платьяхъ, о маменькиной кошкѣ и о своей верховой лошади. Но сквозь эти узаконенныя думы, со всѣмъ не кстати, безпрестанно проглядываетъ мысль странная, невзяснимая, чувство тягостное и неотступное — какъ-бы ей должно было разгадать какую-то загадку, найти какое-то слово, вспомнить какое-то имя, которое ей не давалось....

« Часы на маленькой колоннѣ между оконъ пробили среди тишины однимъ звонкомъ ударомъ половину перваго. Взоръ Цециліи блуждалъ лѣниво по спальнѣ; мирный образъ въ блестящемъ окладѣ то видѣлся, то пропадалъ передъ глазами; слы-

« кака нхъ уже дремота... но все вопросъ въ душѣ не засыпалъ....
 « какъ это было?... кто?... и гдѣ?...

- « Вотъ, — засіялъ звѣздами сводъ небесный...
 « Слетѣлъ туманъ... повѣялъ ароматъ...
 « Покой ли то воздушный и чудесный,
 « Роскошный ли и свѣтлолунный садъ?
 « Какъ внятень ей фонтана плачъ безсонный!
 « Какъ ей предѣлъ невѣдомый знакомъ!
 « Къ ней съ ласкою склоняясь благовоной,
 « Блестятъ цвѣты стыдливые кругомъ.
 « Покоится луна въ глуби вѣтра
 « Какъ ясный перлъ въ безбрежности морской;
 « Звучить въ листахъ какъ шепчущая лира,
 « И носится въ дали отвѣтъ глухой.
 « И всѣ міровъ полночныя сіянья,
 « И вздохи всѣ, скользя сквозь тишину
 « И всѣ весны душистыя дыханья,
 « Въ гармонію сливаются одну.
 « Какимъ таинственнымъ сознаемъ
 « Душа младая смущена?
 « Неотразимымъ ожиданьемъ
 « Кого предчувствуетъ она?
 « Надъ кѣмъ склонились сикоморы?
 « Что въ той тѣни блеститъ свѣтло?
 « Законодательные взоры,
 « Побѣдоносное чело.
 « Въ ней помнить мысль о небываломъ,
 « Невстрѣченного узнаеть;
 « Онъ отраженъ въ ней думъ зеркаломъ,
 « Какъ блескъ звѣзды зеркаломъ водъ.
 « Стоитъ онъ, полонъ строгой мочи,
 « Стоитъ недвижный и нѣмой;
 « Онъ ей глядитъ очами въ очи,
 « Глядитъ онъ въ душу ей душой.
 « Какой вины, какой ошибки
 « Упрекъ нахмурилъ эту бровь!
 « На этомъ лицѣ безъ улыбки
 « Какая грустная любовь!
 « Что жъ дѣвъ въ грудь легло такъ больно,
 « Какъ неизбѣжный ириговоръ?...
 « Она идетъ—идетъ невольно
 « Черезъ нѣмѣющій просторъ,
 « Туда, гдѣ властный и унылый

« Тотъ взгляды сіяетъ какъ призывъ,
 « И стала предъ безвѣстной силой,
 « Главу покорную склонивъ.
 « И съ устъ его упало слово,
 « Печальнѣй пѣнья дальныхъ струй;
 « И будто бы чела младаго
 « Коснулся тихій поцѣлуй.»

Какой чудный этотъ ночной міръ, эта вторая жизнь въ потмахъ!

Въ воскресенье утромъ, въ исполненіе скучныхъ и тиранскихъ законовъ дневной жизни, Вѣра Владиміровна отправилась съ Цецлией съ визитами.

« Во-первыхъ, къ старой теткѣ, гдѣ надлежало просидѣть съ часъ, изъ благоговѣнія къ имѣнію старухи бездѣтной. Тамъ все было еще по старинному: грязная передняя, болонки, лакеи въ нанковыхъ сюртукахъ, горничныя босыя; все одно къ одному, все въ удивительно гармонической связи, внѣшнее и внутреннее, тѣло и душа. Урочный часъ кое-какъ прошелъ, мать и дочь сѣли опять въ коляску и понеслись далѣе, въ другую сторону, въ другой вѣкъ, въ другой міръ, гдѣ были уже переднія съ коврами, важные швейцары, прислуга въ перчаткахъ. Съ топографическими познаніями дамъ, овѣ прокатились вдоль и поперекъ по Москвѣ, съ Мясницкой на Арбатъ, съ Арбата на Петровку, и напоследокъ вошли въ кабинетъ Валицкой, матери любимой подруги Цецлиі, Ольги Алексѣевны.

« Валицкая, Наталія Аеонасьевна, женщина очень богатая, женщина чрезвычайно строгая во всѣхъ мѣтніяхъ и сужденіяхъ, вполне заслуживала уваженія свѣтскаго общества, для котораго нѣтъ ни будущаго ни прошедшаго. Она исправно платила свой долгъ добродѣтели и правдивости, тѣмъ болѣе, что принялась за это нѣсколько поздно, ни мало не подумавъ объ уплатѣ въ срокъ, втеченіи лучшей половины своей жизни. Но убѣдясь наконецъ въ необходимости, она, — надо отдать ей эту справедливость, — съ неимовѣрнымъ усердіемъ старалась внести вышеупомянутый должокъ со всѣми накопившимися процентами.

« Вѣроятно, нѣтъ никого довольно неопытнаго, чтобы удивляться тому, что Вѣра Владиміровна, несмотря на свою всегдашнюю непорочность и неумолимыя правила, была въ дружескихъ сношеніяхъ съ Валицкой. Кому приходитъ на умъ заботиться о томъ, какова была прошедшая молодость женщины, которая

« давно ведетъ жизнь пристойную, принимаетъ лучшее общество, даетъ прекрасныя балы и всегда готова оказать услугу друзьямъ. Строгий свѣтъ такъ добродушенъ! Смотря по обстоятельствамъ, онъ глядитъ съ такимъ христіанскимъ умленіемъ на людей сильныхъ, на женщинъ богатыхъ. И притомъ, въ образованномъ аристократическомъ мірѣ все угловатое такъ оглажено, все рѣзкое такъ притуплено, на каждое уродливое или гнусное дѣло есть такія пристойныя слова и названія, все такъ умно устроено для большаго удобства совѣсти, что всякій срамъ, среди этихъ превосходныхъ условій, катится какъ по маслу, безъ затрудненія и шума. Если бы какой-нибудь неучъ упомянулъ въ гостиной о нѣкоторыхъ прежнихъ приключеніяхъ Валицкой, онъ получилъ бы въ отвѣтъ, что это вѣрно клевета, выдуманная насчетъ умной и милой женщины, которая въ своей молодости была развѣ только, можетъ быть, нѣсколько неосторожна. Вообще, въ собраніяхъ свѣтскихъ не любятъ говорить о развратѣ, вѣроятно по той же причинѣ, по которой въ старинныя времена не любили упоминать о чортѣ.

« Валицкая, среди этого цивилизованнаго общества, была, какъ выражались на его иноземномъ языкѣ, *parfaitement bien rosée*. Вѣра Владиміровна же находила еще свои особенныя выгоды въ этомъ знакомствѣ. Тонъ гостиной Валицкой удовлетворялъ вполне ея желанія; она знала, что нигдѣ не отыщеть круга болѣе строгаго и осторожнаго, что нигдѣ Цецилія не можетъ быть безопаснѣе, что тутъ ей нельзя услышать ни единого легкомысленнаго слова или намека. И опытъ доказывалъ, до какой степени, полагаясь на истину французской пословицы, что въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ о веревкѣ, Вѣра Владиміровна была права, потому что у Натальи Аеоносовны Валицкой, въ этомъ смыслѣ, не упоминалось даже и о нпточкѣ.

« Узнавъ о пріѣздѣ Цециліи, Ольга Валицкая сошла поспѣшно въ кабинетъ матери. Обѣ дѣвушки, разставшіяся наканунѣ вечеромъ, обнялись какъ послѣ годовой разлуки, сѣли на диванчикъ въ углу, нѣсколько минутъ пошептали, потомъ опять вскочили. «Маман, сказала Ольга: мы пойдѣмъ въ мою комнату.» И она съ Цециліей скользнула изъ дверей.

« Вѣра Владиміровна поглядѣла имъ вслѣдъ.

« — Какъ Ольга похорошѣла!

« — Сѣсѣе вдвое лучше, отвѣчала Валицкая: но надо пристально наблюдать за ея здоровьемъ: оно все еще нѣсколько раз-

«строено. Вы очень хорошо дѣлаете, что не везете ее нынче на балъ къ княгинѣ Аннѣ Сергѣевнѣ.

«— Да, это благоразумнѣе, и я не поѣду, хоть меня вчера княгиня очень просила. Какая милая и достойная женщина!

«— Рѣдко добрая мать, сказала Валицкая.

«— И счастливая мать, прибавила Вѣра Владиміровна: князь Викторъ замѣчательный молодой человекъ.

«Лицо Валицкой сдѣлалось важнѣе, и она возразила, потупив дѣвственно взоръ:

«— Къ сожалѣнію, нельзя вполне одобрить его поведенія.

Валицкая, надо вамъ знать, прочла свою Ольгу за князя Виктора, и опасалась, чтобы Вѣрѣ Владиміровнѣ не вздумалось потребить этого жениха посредствомъ прелестей Цециліи.

«— Конечно, отвѣчала Вѣра Владиміровна голосомъ, созвучнымъ съ нравственной интонаціей Валицкой: но не должно судить и слишкомъ строго; гдѣ же найти молодаго человека, который бы болѣе или менѣе не заслуживалъ подобнаго упрека?... Потомъ года берутъ свое, и добродѣтельная жена можетъ совершенно исправить легкомысленнаго мужа.

«Валицкая бросила сбоку на свою пріятельницу мгновенный взглядъ, который значилъ: ага! — и едва замѣтно закусила губы.

«— Я сама думала не ѣхать на этотъ балъ, сказала она: но Ольга меня упросила: ей чрезвычайно хочется видѣть молодыхъ, для которыхъ онъ дается; она такой ребенокъ!... Такъ цуетъ и забавляется какъ десятилѣтняя. Я этимъ, впрочемъ, очень довольна. Вы знаете, что я совершенно раздѣляю ваши правила насчетъ воспитанія, и должно признаться, что вы ихъ приложили какъ нельзя успѣшнѣе. Сécile—лучшее доказательство ихъ справедливости.

«Вѣра Владиміровна, съ весьма самодовольною скромностью, стала играть своимъ лорнетомъ.

«— Да, я могу признаться, что мои старанія не пропали. Сécile совершенно то, что я хотѣла изъ нея сдѣлать. Ей всякая мечтательность вовсе чужда; я умѣла дать большой перевѣсъ ея разуму, и она никогда не будетъ заниматься пустыми бреднями; но, конечно, я съ нею, такъ сказать, не спускала глазъ.

«— Первая обязанность матери, замѣтила Валицкая: мы должны всегда умѣть читать въ душѣ нашей дочери, чтобы предугадать всякое вредное впечатлѣніе и сберечь ее во всей дѣтской невинности.

«Между-тѣмъ какъ маленьки такъ разсуждали въ кабинетѣ, ихъ дочери разговаривали совсѣмъ иначе въ Ольгиной комнатѣ. Тамъ сидѣла пожилая Англичанка; все ея вниманіе было обращено на какое-то безконечное одѣло, которое она съ ожесточеніемъ вязала съ незапамятныхъ временъ; притомъ же она, какъ Англичанка, понимала не болѣе двадцати русскихъ словъ. Ольга, усѣвшись возлѣ подруги, тотчасъ завела русскій разговоръ.»

Разговоръ, разумеется, былъ о мужчинахъ, объ избранныхъ сердца, объ идеалахъ съ усамн, и другихъ запрещенныхъ дѣлахъ. Кое-какъ дожидая Цецилія этою дневной жизнью до ночи. Но когда наступила ночь, когда засіяли мечты, когда шракъ зазвучалъ плѣнительнымъ аккордомъ тайны, желанія и поэзіи, сладостный пухъ вѣжно обнялъ дѣвственные члены, —

«Необыкновенное утомленіе, послѣдствіе утреннихъ развѣздовъ, овладѣло ею; было тяжело на сердцѣ, невзвѣстно почему; она долго лежала безъ сна, съ закрытыми глазами. Болѣе и болѣе усталость тяготѣла, мысли затихали, сонъ налеталъ; она забыла все; а сквозь это забвеніе въ глубинѣ души таилось и яснѣло какое-то воспоминаніе. Туманнымъ покрываломъ ее кто-то обложилъ, и словно спускалась она тихо — тихо — тихо — и вдругъ по членамъ пробѣжала дрожь:

«Какъ-будто-бы пришлось свершиться чуду....

«Да, — какъ вчера, — ты здѣсь!... ты вновь со мной!» —

«Я вновь съ тобой! тебѣ я вѣренъ буду;

«Я ждалъ тебя, — я призванный, — я твой.»

Кто жъ ты? —

Я то, что ты искала

«Въ сіяньи звѣздной высоты;

«Я грусть твою средь шуму бала,

«Я таинство твоей мечты;

«Чего умомъ не постигала,

«Что сердцемъ понимала ты.

«Ты мыслей въ міръ несаясь богатый,

«Его границъ не перешла ль?

«Безвѣстнымъ не была ль полна ты!

«И не глядѣла ли ты въ даль!

«Тебѣ, незнающей утраты,

«Чего-то не было ли жаль!»

«Они сидятъ въ сіяньи лунномъ оба,

«И имъ поетъ сребристая струя.
 «Да, это ты!.....
 «Возможно ли? Или сплю и брежу я?

«Что невозможно, что возможно,
 «Какъ знать земному существу?
 «Быть-можетъ, тамъ все было ложно,
 «Быть-можетъ, здѣсь ты наяву.»

«— Та узница людскаго края,
 «Та жертва жалкой суеты,
 «Обычая раба слѣпая,
 «Та малодушная — не ты.

«Тебя они сковали съ дѣтства,
 «Твой вольный спеленали умъ;
 «Лишили вѣчнаго наслѣдства,
 «Свободы чувствъ и царства думъ....»

Сонъ—удивительная жизнь! Напрасно маманьки и гувернантки говорятъ отъ васъ днемъ искушеніе, предательскій источникъ всѣхъ отраднѣхъ ощущеній. Оно возвращается во снѣ. Оно принимаетъ здѣсь формы еще пзщнѣе, еще обольстительнѣе. Днемъ, наяву, вы можете сидѣть въ заперти, томиться одиночествомъ. Во снѣ вы никогда не бываете однѣ. Стройные, милые, отлично любезные посѣтители являются, неизвѣстно, откуда. Какія правоченія читаютъ они благовоспитаннымъ дѣвушкамъ!... Настоящій источникъ мудрости — для душъ невинныхъ — всегда былъ и будетъ сонъ. Онъ открываетъ имъ всѣ таинства природы. Первое ясное понятіе о чудной сладости поцѣлуя — настоящаго поцѣлуя — получается во снѣ. Нерѣдко бываетъ даже, что единственный истинно сладостный поцѣлуй, который вы получили, былъ тотъ видѣнный во снѣ поцѣлуй.... Вотъ уже у Цециліи, въ ночной ея жизни, былъ гость.... краснорѣчивый.... предприимчивый.... который училъ ее храбрости, сидѣлъ возлѣ нея въ лунномъ сіяніи, производилъ съ нею первый опытъ надъ электрическою искрою поцѣлуя.... Покамѣсть, я не скажу, кто онъ былъ таковъ. Довольно знать, что въ слѣдующую субботу у Вѣры Владиміровны былъ литературный вечеръ, особенный родъ потѣхи, извѣстный только въ Москвѣ. На этомъ вечерѣ, молодой поэтъ, котораго вы видѣли, читалъ стихи своего сочиненія. «Онъ — былъ дотога молодъ, дотога неопытенъ, дотога поэтъ, что читалъ ихъ при этомъ лакированномъ обществѣ съ тѣмъ же жа-

«рошь, съ какими говорилъ ихъ въ своей комнатѣ, наединѣ съ самими собой; онъ былъ дотога закаленъ въ огнѣ поэзіи, что не чувствовалъ вѣющаго отъ всѣхъ этихъ лицъ свѣтскаго холоду. Онъ провелъ передъ ними рядъ волшебна смѣняющихся картинъ: мирное дѣтство, бурную юность, и восторги любви, и спокойствіе счастья, и бѣду, низверженную съ неба, пламень пожара, мракъ опустошенія, смерть матери; и потомъ вдали, поляны въ блескѣ вечера, съ медленными, возвращающимися стадами; тихо сходящую ночь, и благодатный подарокъ, и внезапный, ужасный мятежъ; радости жизни и бѣдствія, звучно провозглашенные молитвеннымъ, роковымъ отзвонкомъ колокола; наконецъ съ горячихъ устъ его слетѣли послѣднія, вдохновенныя слова.... У Цециліи сильно забилось сердце. Мудрая Вѣра Владиміровна смутилась. Она очень уважала поэзію, для себя, но, какъ глубокомысленная мать, считала ее дѣломъ совершенно неприличнымъ для молодой и добродѣтельной дѣвушки. У этихъ поэтовъ есть такіа горячія выраженія!.... такіа жгучія слова!.... Болѣе всего опасалась она всякаго развитія самобытной мысли, воображенія, вдохновенія въ дочери: они ужасно вредны безцѣлности, природному цвѣту благовоспитанности; они самыя опасныя враги приличій, въ нихъ какъ-то нѣтъ того *comme-il-faut*, которымъ должно отличаться нормальное состояніе человѣка, золотая посредственность. Она такъ чудесно образовала душевныя способности дочери, что Цецилія — по-крайней-мѣрѣ Вѣра Владиміровна льстила себя этой мыслью — совершенно была не въ-состояніи думать. Отлично образованной дѣвушкѣ думать не прилично.

«Вѣра Владиміровна, какъ уже извѣстно, очень гордилась этимъ удачнымъ воспитаніемъ; тѣмъ болѣе, можетъ-быть, что оно свершилось не безъ труда, что вѣроятно стоило времени и умѣнья, чтобы истребить въ душѣ врожденную жажду восторга и увлеченія. Но какъ бы то ни было, Цецилія, готовая для высшаго общества, затвердивши наизусть всѣ его требованія и уставы, никогда не могла сдѣлать противъ нихъ малѣйшаго прегрѣшенія, пезамѣтнѣйшей ошибки, ни въ какомъ случаѣ забыться на минуту, возвысить голосъ на полтона, вскопчить со стула, увлечься разговоромъ съ мужчиной, бесѣдовать съ нимъ двѣ минуты долѣе чѣмъ слѣдовало, взглянуть на право, когда должно было глядѣть на лѣво. И нынче она, осьмнадцатилѣтняя, такъ привыкла къ этому уместившему корсету, что не чувствовала его на себѣ болѣе своего шелковаго, который снима-

«ла только на ночь. У ней были и таланты, но таланты умѣренныя, пристойныя, приличныя, *talents de société*, какъ называстъ ихъ весьма точно языкъ по-преимуществу общественный. Она пѣла очень мило, рисовала также очень мило. Поэзія была ей извѣстна болѣе по наслышкѣ, какъ что-то дикое и несовмѣстное съ порядочнымъ образомъ жизни. Она знала, что есть даже и женщины поэты; но это ей всегда было представляемо, какъ самое жалкое, ненормальное состояніе, какъ бѣдственная и опасная болѣзнь.

«А теперь она невольно думала объ этой странной способности души; въ ней безсознательно просыпалось сочувствіе новое и непонятное къ этой гармоніи стиха, къ этимъ созвучнымъ думамъ, къ этимъ неприличнымъ восторгамъ....»

Что было ночью, что происходило въ ночномъ мірѣ, въ другой жизни, того дневною прозою и высказать нельзя.

«Рѣка несется, — и шепча, льется

«Въ рѣкѣ струя.

«Несется мимо, неутонямо,

«Съ рѣкой ладья.

«На встрѣчу дѣвы скользятъ напѣвы,

«Средь тишины.

«Какъ отзывъ дальный, какъ музыкальный

«Аккордъ волны.

«И самовластно, съ волной согласно,

«Въ ней мысль поетъ,

«И въ звучной мочи взвился средь ночи

«Мечты полетъ, —

«Мечты унылой и тревожной,

«О всемъ, что тщетно умъ хранилъ,

«О тратѣ жалкой и безбожной

«И лучшихъ благъ, и лучшихъ смѣлъ,

«О дни житейской ихъ преграды,

«О казняхъ свѣтскаго суда,

«О всемъ убитомъ безъ пощады,

«О всемъ погибшемъ безъ слѣда.

«И волнъ вся стая поетъ, сливая

«Свой звучный гласъ:

«И даль чужая нѣмаго края

«Отозвалась.

«И вѣтръ летучій, въ тѣни дремучей,

«Сквозь пѣнье водъ,

Сквозь гулъ созвучій, отвѣтъ могучій

«Оттоль несетъ.

«Они идутъ средь потрясеній,
 «Бросая въ миръ свой громкій стихъ;
 «Имъ пѣсни важнѣй людскихъ стремленій,
 «Имъ сны нужнѣй даровъ земныхъ.
 «Ихъ убѣжденьямъ нѣтъ отвѣта,
 «Ихъ вдохновеньямъ нѣтъ награды;
 «Но недоступны власти свѣта,
 «Они поютъ, они творятъ,
 «Не для толпы пустой отрады: —
 «Ей тщетно жизнь полна чудесъ,
 «И звѣздъ сіяютъ мнѣриды,
 «И солнце блещетъ средь небесъ,—
 «Но чтобы люди, тайну чуя,
 «Ея отвергнуть не могли;
 «Но чтобы поэта Аллилуія
 «Неслось надъ ропотомъ земли,
 «Но потому, что для вселенной
 «Неисчислима благодать;
 «Что всюду сходитъ даръ священной,
 «Его хоть нѣмому мнать;
 «Что міра каждое созданье
 «Должно, исполняя бытіемъ,
 «Свое вносить благоуханье,
 «Блеснуть сквозь мракъ своимъ лучемъ;
 «И что въ дали пустынь не даромъ
 «Вѣкъ цѣлый солнце пальму жгло,
 «Когда подъ ней, измучась жаромъ,
 «Склонилось хоть одно чело;
 «Когда въ странѣ безплодной зноя,
 «Одинъ пришлецъ, лишенный силъ,
 «Нашелъ у ней хоть часъ покоя,
 «И тѣнь ея благословилъ.»

Щепная быстро сдѣлала немовѣрные успѣхи въ ночной жизни. Каждую ночь, послѣ прозаическаго дня, мечта становилась огненнымъ, поэзія сіяла ярче, мысль, кровь и сердце волновались болѣе и болѣе. Дѣвушка достигала уже высшей степени сонной мудрости, какъ вдругъ — передъ наступленіемъ девятой ночи — ее объявляли съ «дуракомъ» *comme il faut*, съ лакированнымъ тучеломъ, которое она, въ разгарѣ мечты, на скорую руку, но неопытности, облекала во всѣ прелести и совершенства своего ночнаго посятителя, идеала, и полюбила какъ что-нибудь возвышенное;

съ совершенно пошлымъ мужчиною, у которыхъ однако жъ, къ крайнему огорченію Минервы, Вѣры Владиміровны, не было одной изъ самыхъ нужныхъ пошлостей, богатства; который, даже, на канунѣ свадьбы побился объ закладъ съ своими разгульвыми друзьями, что, черезъ недѣлю, несмотря на свой санъ женатаго челоуѣка, онъ задастъ имъ попойку у Цыганокъ. Друзья подстрекнули мосѣ Дмитрія къ этому подвигу, утѣряя его, что, послѣ свадьбы, изъ страху отъ жены, онъ не захочетъ зматься съ ними.

«Изъ всѣхъ душевныхъ впечатлѣній стыдъ есть чувство самое условное и способное къ ложному примѣненію. Дмитрію сдѣлалось стыдно, что эти гудяки предполагали въ немъ возможность остепениться. Ему, можетъ-быть, въ обществѣ наглаго вора сдѣлалось бы стыдно, что онъ не красть.»

Царцея Наталья Аеонасьевна устроила все это дѣло, на зло мудрости Минервы, чтобы очистить дорогу своей Ольгѣ къ супружескому блаженству съ князь-Викторомъ, который, между-тѣмъ, тотчасъ послѣ свадьбы Цециліи, ускакалъ въ Парижъ.

Цецилія, однако жъ, какъ бы то ни было, вышла замужъ по любви. Мужчины, которые будутъ читать «Двойную жизнь», скажутъ непремѣнно: «Что жъ! она была счастлива!.... судьба соединила ее съ любимымъ челоуѣкомъ..... такъ пусть она любитъ его вѣчно, и вѣчно блаженствуетъ.»

Но замѣчательно, что тотчасъ послѣ брака прекращается вся поэзія.

Остроумная сочинительница, руководимая своимъ превосходнымъ вкусомъ, весьма тонко пролодитъ молчаніемъ вопросъ о счастіи. Женщины поймутъ ее.

Боже мой! какъ не понять и вамъ, господа! Это одна изъ ежедневныхъ исторій нашей общественной жизни. Во всей славянской породѣ, женщина вообще далеко превосходитъ мужчину умственными способностями, дѣятельностью воображенія и природными дарованіями. У насъ, кромѣ того, женщина еще и образованнѣе мужчины. Примѣры гениальности въ русскихъ женщинахъ, не смотря на всѣ усилія порядочнаго воспитанія убить ее въ зародышѣ, болѣе часты нежели какъ предполагаютъ наше мужское самолюбіе. Можно себя представить внутреннее счастье этихъ блестящихъ метеоровъ самаго вѣжнаго разумнаго творенія, этихъ падающихъ звѣздъ умственнаго челоуѣческаго совершенства, когда они по непреложной волѣ судьбы попадаютъ въ орбиту такихъ небесныхъ свѣтилъ, каковъ мосѣ Дмитрій и ему подоб-

име!... А какъ же монасти!... Мосѣ Дмитрій — женихъ какъ вои время.

Многія изъ подобныхъ женщинъ, находясь въ положеніи Целіи, вопіють, поднимаютъ мятежъ противъ брака, дѣлаютъ Жоржъ-Сандвн. Целіа, благодаря тонкому вкусу своей умной и даровитой покровительницы, тихо, скромно, но въ высшей степени вѣжливо и остро, живеннеуетъ это душевное колебаніе и очень легко останавливается тамъ, гдѣ обыкновенно начинаются переканія. За избѣжаніе этихъ возгласовъ, сдѣлавшихся уже довольно пошлыми, вельзя не поблагодарить сказанной умной и даровитой покровительницы Целіи. Она также тверда на приличія какъ за на наблюденія. То, что замѣчаетъ она объ устѣлахъ *народнаго элемента* въ нашихъ золотыхъ гостиныхъ, не знаю, право, могу ли я вамъ пересказывать. Барыни разсуждаютъ между собою о замужествѣ одной весьма благородной дѣвочки, вышедшей за богатаго купца. Одна изъ собесѣдницъ оправдываетъ это семейною необходимостью: бракъ съ развѣчникомъ спасъ родителей ея отъ конечнаго разоренія.

— Все такъ очень невѣрливое средство спасенія, возражаетъ другая.

— Поишлуйте! вы отстаете отъ вѣка! говоритъ великодушная защитница: ктому эти аристократическіе предрасудки!... теперь мезальясы очень въ модѣ. Жоржъ-Сандъ придала особенную прелесть простолюдинамъ.

— Развѣ вы Жоржъ-Сандистка? спросилъ съ злобною улыбкою одинъ господинъ.

— Въ нѣкоторомъ отношеніи. Я очень люблю *народный элементъ*.

— За исключеніемъ однакожъ народнаго нагольнаго тулуза, приколвилъ господинъ.

— Нужды нѣтъ. Есть въ самомъ дѣлѣ мужики прекрасные!...

Оставимъ поскорѣе это любезное злословіе. Постъ!... грѣхъ!... Вотъ книга гораздо сходяще съ предстоящими обстоятельствами:

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ СЕМИ ЦЕРКВАМЪ, *упомянутымъ въ Апokalипсисѣ*. Авраама Норова. (СП.-бургъ, 1847, въ-8., стр. 300).

Идею этого благочестиваго и вмѣстѣ ученаго путешествія вѣроятно подали автору новѣйшія попытки странствующихъ Англичанъ опредѣлить мѣстными разысканіями географію Апokalипсиса и изданныя ими сочиненія по этому предмету. Никто,

конечно, не можетъ быть способиѣ господина Норова къ изслѣдованію и рѣшенію подобныхъ вопросовъ, потому что съ обширными познаніями по части классической древности онъ соединяетъ весьма примѣчательную церковную эрудицію: это даже любимая часть его. При помощи своего прекраснаго пера онъ умѣетъ сообщить ей особенную занимательность и нѣкоторыми образомъ обновить предметы и подробности, искони извѣстныя христіанскому читателю. Малая Азія обращаетъ на себя въ эту минуту главное вниманіе археологовъ. Разысканія и открытія въ любопытномъ царствѣ Креза множатся ежедневно. Очеркъ этихъ занимательныхъ трудовъ былъ недавно представленъ читателямъ Б. для Ч., и тѣ, которые имѣли случай пробѣжать его, легко постигнутъ, что они опередили наблюденія нашего ученаго путешественника. Въ археологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ «Путешествіе» его мало представляетъ такихъ чертъ и подробностей, которыя бы не были нынѣ обстоятельнѣе и подробнѣе описаны другими. Но, по части христіанской учености, оно, безспорно, занимаетъ первое мѣсто въ ряду подобныхъ твореній. Русскому любителю благочестиваго чтенія, который въ то же время описанія путешествій отличаетъ особеннымъ своимъ вниманіемъ, невозможно рекомендовать книги болѣе достойной его досуга. Мы приведемъ небольшой отрывокъ, который покажетъ видѣтъ и степень занимательности и способъ возрѣвнн, принадлежащіе этой книгѣ. Упомянувъ о пребываніи и трудахъ Апостола Павла въ Эфесѣ и о вѣроятной встрѣчѣ съ нимъ Аполлонія Тиаскаго въ этомъ городѣ, ученый путешественникъ продолжаетъ:

«Послѣ тѣхъ трогательныхъ воспоминаній, которыя представляетъ исторія Новаго Завѣта, я равнодушно смотрю на безобразно разбросанныя и разбитыя развалины языческаго Ефеса; «двукольная вершина Пріона или Лепры и оврагъ, между ними существующій, устьяны ими; отвсюду главныя зданія прилегаютъ къ скатамъ Пріона съ сѣвера, съ запада и съ юга. Тамъ, «между Корриусусомъ и Пріономъ, вы увидите остатки двухъ «другихъ театровъ, до которыхъ Ефесляне были такіе охотники; «пройдя чрезъ груды стѣвъ и оглябая Пріонъ, который состоитъ весь изъ бѣлаго мрамора, вы находите тотъ большой театръ, о которомъ мы говорили; противъ него, ближе къ Корриусусу, остатки Навмахіи; далѣе, остатки форума; потомъ, оглябая «западный уголъ Пріона, торжественную арку, на которой остались только три слова безъ смысла.... *accenso.... rensi et Asiae;* «потомъ, обширный циркъ. Поднявшись на мраморный Пріонъ

« и пройдя чрезъ его загроможденный развалинами хребетъ, вы
 « выходите на восточную часть Пріона, на скатъ котораго было
 « кладбище или *некрополисъ* Ефеса, который теперь уже весь
 « сдѣлался *некрополисомъ*!

« Среди множества погребальныхъ криповъ, которые находятъ
 « ся въ ребрахъ горы Пріона, вамъ покажутъ глубокую пеще-
 « ру, называемую *пещерою семи спящихъ юношей*; не только Хри-
 « стіане, но и Мусульмане расскажутъ вамъ о нихъ, въ подроб-
 « ности, легенду, съ разными измѣненіями. Вотъ ея содержаніе.
 « Во время гоненія на Христіанъ при Императорѣ Декіи, когда
 « повелѣно было изыскивать пришедшихъ Христову вѣру и при-
 « лекать ихъ въ языческіе храмы къ подножію идоловъ, для при-
 « несенія имъ жертвоприношеній, а въ противномъ случаѣ, для
 « казни, семь юношей, Максиміанъ, Махъ, Марціонъ, Діонисій,
 « Іоаниъ, Серапионъ и Константинъ, укрылись отъ преслѣдова-
 « ній въ пещеру одной изъ прилежащихъ къ Ефесу горъ, гдѣ
 « они проводили жизнь въ постѣ и молитвѣ; ежедневно одинъ
 « изъ нихъ, переодѣтый въ нищенское рубище, ходилъ въ городъ
 « для покупки съѣстныхъ припасовъ и для развѣдыванія о поло-
 « женіи, въ которомъ находились Христіане. По долгимъ тщет-
 « нымъ изысканіямъ правительства для открытія мѣста ихъ
 « укрывательства, оно было наконецъ замѣчено, но въ самое
 « то время, какъ о томъ дано было знать въ тайнѣ правителю
 « города, юноши внезапно заснули; въ это время, по повелѣнію
 « градоначальника выходъ изъ пещеры былъ закладенъ камнями
 « и такимъ образомъ они были заживо погребены. По проше-
 « ствіи почти двухъ столѣтій, когда память объ этомъ ужасномъ
 « событіи осталась только въ преданіи нѣкоторыхъ благочестивыхъ
 « людей и когда Ефесъ, осѣненный уже знаменіемъ кре-
 « ста, находился подъ владычествомъ христіанскаго Феодосія
 « Великаго, пастухи Ефесскіе открыли случайно входъ въ эту
 « пещеру, по причинѣ распавшихся отъ времени камней, кото-
 « рыми было заложено отверстіе, — это былъ часъ пробужденія
 « семи юношей. По обычаю, одинъ изъ нихъ отправился въ го-
 « родъ для покупки съѣстныхъ припасовъ; видя большія измѣне-
 « нія въ окрестностяхъ, онъ не могъ объяснить себѣ видимаго
 « имъ, но, приближаясь къ Ефесу, удивленіе его возростало еже-
 « минутно, особенно когда онъ увидѣлъ на городскихъ воротахъ
 « водруженный крестъ. Достигнувъ перваго хлѣбнаго рынка и
 « отобравъ нѣсколько хлѣбовъ, онъ вручаетъ за нихъ продавцу
 « монету съ изображеніемъ Императора Декіи. Хлѣбникъ, удив-

« левый его одеждою, а еще болѣе поданною ему монетою, спрашиваетъ у него, кто онъ такой и какая это монета? — Но, видя смущеніе юноши и не получивъ отъ него отвѣта, привлекаетъ его къ городовому Патрикію; но долгиъ распросамъ и даже послѣ нѣсколькихъ истязаній, благочестивый юноша воскликнулъ «да гдѣ же Императоръ Декій?» Изумленные судьи отвѣчаютъ ему, что уже тому вродило почти два столѣтія какъ царствовалъ Декій, что послѣ него было уже нѣскольکو другихъ царей, но что теперь царствуетъ христолюбивый Императоръ Θεодосій. Послѣ взаимныхъ недоумѣній, Патрикій, въ сопровожденіи юноши, епископа Марка и съ многочисленною толпою направился къ пещерѣ семи юношей; тогда только слышанное ими объяснилось и всѣ предстоящіе восквалили Бога; но въ то же время семь юношей перешли изъ земной жизни въ вѣчную. Въ другихъ преданіяхъ сказано, что самъ Императоръ Θεодосій находился при этомъ событіи и, снявъ съ себя царскую багряницу, покрылъ ею усоншихъ юношей, повелѣвъ погребсти ихъ въ этой самой пещерѣ, воздвигнуть тутъ церковь и ежегодно праздновать проявленное въ Ефесѣ чудо. Прибавляютъ, что въ это время ересь Садукейская, отвергавшая воскресеніе мертвыхъ, сильно распространившая въ Ефесѣ, была искоренена чрезъ это событіе.

« По близости отъ этой пещеры показываютъ развалины, которыя принадлежать одной христіанской церкви; если судить по кругообразному нишу, обращенному на востокъ, можно полагать, что эти развалины принадлежать церкви, во имя святаго Апостола Луки. Этотъ восточный скатъ горы Пріона, который уже находился внѣ стѣнъ города, принадлежалъ Некрополису, или кладбищу Ефеса.»

Авторъ отправился въ Малую Азію изъ Сиріи чрезъ Кипръ и вышелъ на берегъ въ Адамін. Отсюда посѣтилъ онъ поочередно Колоссы, Лаодикію, Иерополисъ, Филадельфію, Сарды, Фіатиру, Смирну, Пергамъ, Ефесъ, и наконецъ островъ Патмосъ, гдѣ донынѣ показываютъ пещеру, изъ которой Божественный Іоаннъ прозрѣлъ въ вѣчность.

родословная головныхъ, владѣльцевъ села Новоспаскаго, собранная П. К. (Москва, 1847, въ 12., стр. 223.)

Сочиненія этого роду, предназначенныя къ особенному удовольствію отдѣльныхъ семействъ, заслуживаютъ однако жъ вниманія и со стороны литературы, какъ полезный, въ известныхъ сау-

чашь, справочный материал для объяснителей отечественной истории. Собиратель этой «Родословной», относящейся къ одному изъ важнѣйшихъ историческихъ родовъ русскаго царства, кромѣ печатныхъ источниковъ, пользовался также домашнимъ архивомъ ссѣйства и его преданіями. Въ числѣ такихъ документовъ можно отиѣтитъ *записку о своей бѣдной и суетной жизни, оставленную Василемъ Василевичемъ Головиннымъ, который, получивъ повѣстаніе при Петрѣ Великомъ въ Голландію, былъ нѣкоторое время, намъ кажется, преподавателемъ навигацкой науки въ академіи, а потомъ камеръ-юнкеромъ Двора Императрицы Екатерины Алексѣевны, и, претерпѣвъ, въ разное время властвованія Бирона, истязанія жестокой пытки по неизвѣстной причинѣ, облагодѣтельствованный и обласканный кроткою Императрицей Елисаветой, скончался уже въ осмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія.* «Записка» эта любопытна болѣе по слогу и формѣ своей чѣмъ по содержанію. Вотъ одно или два мѣста, для образчика.

«Лѣта отъ воплощенія Сына и Слова Божія 1712-го, въ мартѣ мѣсяцѣ высланы мы всѣ малолѣтныя дворяне на смотръ изъ Москвы въ Петербургъ, съ прочими всѣми и я грѣшникъ. И поѣхали мы вмѣстѣ съ дядьями моими, съ Сергѣемъ, съ Петромъ и Ѳеодоромъ Ивановичами Головинными и братомъ моимъ съ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Мещерскимъ. И въ Новгородъ пріѣхали въ апрѣлѣ мѣсяцѣ на Свѣтлой недѣли во вторникъ, и бывъ въ Новгородѣ дней пять, простившись я съ вышепрѣченными моими товарищами, и поѣхалъ изъ Новгорода водою, согласясь вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Щербатовымъ въ одномъ суднѣ рѣкою Волховымъ до города Ладоги; а изъ Ладоги съ нимъ же Щербатовымъ поѣхали вмѣстѣ сухимъ путемъ до города Слусенбурга, а отъ Слусенбурга съ нимъ же Щербатовымъ вмѣстѣ на одномъ суднѣ рѣкою Невой пріѣхали въ Петербургъ шаія въ 1-й день. И въ Петербургѣ жилъ я въ домѣ у дѣда Ивана Михайловича Головина вмѣстѣ съ вышеобъявленными дядьями моими Головинными. И того жъ шаія въ послѣднихъ числахъ былъ намъ всѣмъ смотръ, а смотрѣлъ самъ его царское величество, и изволилъ опредѣлить насъ по разбору на трое: первыхъ, которые лѣтами постарѣе, въ службу въ солдаты, а середнихъ за море въ Голландію для норско-навигатцкой науки, въ которыхъ въ числѣ за-море и я грѣшникъ въ первое мое несчастіе опредѣленъ, а самыхъ малолѣтнихъ въ городъ Ревель въ науку.....

«Въ 1743-мъ году августа въ 19-й день, изъ Троицкаго Сер-

« гова монастыря поѣхалъ я въ городъ Архангельской, и роди-
 « телн мои изволяли провожать меня изъ Москвы до вышеобъяв-
 « леннаго монастыря, и разлучился я съ ними въ вышеобъявлен-
 « ное число. Къ городу Архангельскому пріѣхалъ отъ Вологды
 « водою сентября въ 13-й день, а до Вологды ѣхалъ я сухимъ
 « путемъ, и не доѣхавъ до города Архангельскаго 60-ть верстъ
 « или болѣе, въ городѣ Холмогорахъ былъ у дѣда князя Василья
 « Васильевича Голицына, который въ томъ городѣ съ бабкою
 « моею, а своею книжницею Авдотьею Ивановной и съ дѣтьми сво-
 « ими жили въ ссылкѣ.

« А отъ города Архангельскаго поѣхалъ я за-море въ Голлан-
 « дію на кораблѣ голландскомъ купецкомъ, который назывался
 « Грода-арентъ; сѣлъ на корабль сентября въ 25 день, а въ мо-
 « ре вышли октября въ 1-й день, а пріѣхали въ Голландію на
 « корабельную пристань того жъ октября 29-го дня, и въ той
 « пристани съ корабля со всеиъ скарбомъ моимъ перебравшись,
 « поѣхалъ въ главной голландской городъ Амстердамъ, и пріѣ-
 « халъ въ Амстердамъ ноября въ 1-й день, въ которомъ городѣ
 « имѣлся быть опредѣленный комисаръ у нашей братьи у дво-
 « рянь всѣхъ російскихъ для повужденія навигацкой науки, и
 « практикъ князь Иванъ князь Борисовъ сынъ Львовъ. А нашей
 « братьи въ томъ же городѣ Амстердамѣ въ той же навигацкой
 « наукѣ имѣлись быть съ пріѣзда моего, а именно: Алексада
 « да Иванъ Львовичи Нарышкины, князь Михайло Михайловичъ
 « меньшей Голицынъ, князь Александръ Андреевичъ Черкасской,
 « князь Михайло Васильевичъ съ племянникомъ своимъ княземъ
 « Василиемъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, князь Алексѣй Долго-
 « рукій, князь Иванъ Лобановъ, Петръ Пушкинъ, Федоръ Бутур-
 « линъ, Александръ Левонтьевъ, Алексѣй Щепотевъ, Василій Дми-
 « тріевъ-Мамоновъ, Андрей Хрущевъ, князь Александръ Прозо-
 « ровскій, князь Володиміръ Долгорукій, князь Василій и князь
 « Иванъ и князь Александръ Урусовы, Федоръ Володиміровичъ
 « Шереметевъ.

« И жилъ я въ вышепоказанномъ городѣ Амстердамѣ и въ
 « другихъ голландскихъ городахъ, а именно въ Сардамѣ и Ро-
 « тердамѣ, и учился языку голландскому и ариметикѣ и навига-
 « ции съ пріѣзду моего съ вышеобъявленнаго года и числа по
 « 1716 годъ по ноябрь 1-й день, и того два года. А въ то вы-
 « шеозначенное время въ бытность мою въ Голландіи нашъ рос-
 « сійскій посолъ былъ и жилъ въ городѣ голландскомъ въ Гагѣ,
 « гдѣ полномочныя статьи голландскія также и всѣхъ европей-

« скихъ государствъ послы живутъ, князь Боржъ Ивановичъ
 « Куракинъ. А въ вышепоказанномъ 1715-мъ году велѣно намъ
 « российскимъ дворянамъ всѣмъ, по указу царскаго величества,
 « возвратиться въ отечество, и явиться въ Петербургъ, в то-
 « го жъ выше объявленнаго 1715-го года въ ноябрѣ мѣсяцѣ по-
 « ѣхалъ я на почтѣ сухимъ путемъ въ городъ Гамбургъ, а изъ
 « Гамбурга на почтѣ жъ сухимъ путемъ въ городъ Берлинъ въ
 « Прусскую столицу, а скорбь моя большой весь оставилъ въ
 « Амстердамъ для тягости, и поручилъ оной мой скорбь остав-
 « шемуся въ Амстердамѣ российскому нашему дворянину Андрею
 « Теодорову сыну Хрущеву, который и общался мнѣ оной мой
 « пожитокъ отправить весною на кораблѣ въ городъ Архангель-
 « ской.

« 1716 года, генваря 3, отпушенъ я изъ Петербурга въ Мос-
 « кву къ родителямъ.....

« 1717 года, генваря 20, судьбами Великаго Бога сговорился и
 « женился на вдовѣ княгинѣ Авдотѣ Венедиктовнѣ Кольцовой-
 « Масальской, а на князь-Яковлевича Хитрово дочери.....

« Сего 1717 года, въ июнѣ мѣсяцѣ поѣхалъ я на почтовыхъ,
 « одинъ безъ жены въ Петербургъ и сталъ жить подъ Концами,
 « и былъ въ опредѣленномъ дѣль моемъ въ Академіи.

« 1718 года въ генварѣ мѣсяцѣ пріѣхала ко мнѣ въ Петер-
 « бургъ изъ Москвы жена моя Авдотья Венедиктовна.

« 1720 года, генваря 10, судьбами Великаго Бога взялъ я мѣ-
 « стъ академіи ко двору,» и прочая.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ НАЧАЛЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА, изложенныхъ
 въ Уложеніи Царя Алексѣя Михайловича. Сочиненіе Владимира
 Ливовскаго, профессора Ришельевскаго Лицея. (Одесса 1847, въ-4,
 стр. 140).

Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича было первымъ система-
 тическимъ сводомъ законовъ, уже существующихъ на Руси и
 имѣющихъ полное дѣйствіе, но раскиданныхъ по разнымъ собра-
 ниямъ правилъ; при чемъ многіе прописки отечественнаго Законо-
 дательства пошолнены законами другихъ странъ. Сводъ этотъ
 былъ уже предметомъ юридической критики многихъ ученыхъ
 нашихъ, господъ Строева, Морошкина, Гордѣенкова, Борщова, и
 другихъ. Последний трудъ, господина Ливовскаго, имѣеть цѣлю
 свести всѣ эти разборы, рассмотреть начала уголовной части
 Уложенія съ теоретической точки зрѣнія, и представить полную
 картину его источниковъ. Ученый авторъ исполнилъ все это со-

вѣтство, съ пренебрегаемыми трудолюбіемъ и болѣею проицательностью. Сочиненіе это — одно изъ важнѣйшихъ приложеній новой юридической школы на пользу исторіи русскаго Законодательства.

РУКОВОДСТВО КЪ ПРОИЗВОДСТВУ ВЬНОКУРЕНІЯ ИЗЪ КАРТОНА И КАРТОФЕЛЯ, составленное люблявскимъ помещикомъ Сигисмондомъ Пероводомъ съ итальянскаго бывшимъ казеннымъ винокуралемъ И. Нейценомъ. Сп.-бургъ, 1847, вѣ-8, стр. 120.

Переводъ этого сочиненія и напечатанъ по распоряженію министерства финансовъ. Содержаніе двѣнадцатаго подлиннаго умножено двѣю главой объ устройствѣ винокурныхъ заводовъ, съ приложеніемъ чертежей.

=

НОВЫЯ БИЛЬЯРДЫ.

ИГОРИЯ ВИЛЬЯРДНОЙ ИГРЫ. *Руководство для желающихъ сдѣлаться первоклассными игроками.* (Сп.-бургъ 1847). — Со времени изобрѣтенія эластическихъ мѣвъ съ кожаною наставкой, на благородномъ сукнѣ бильярда совершилась радикальная революція: Великій Mingsud явился, вооруженный усовершенствованнымъ кіемъ, и шары перемѣнили свой ходъ, законы движенія были неспровергнуты, маркеры подали въ отставку: новая система превосходила предѣлы ихъ разума. Шары стали описывать кривыя линіи, не прикасаясь къ борту отталкиваться отъ него съ необычайною силою, вдругъ останавливаться среди быстрого бѣгу и возвращаться назадъ. Это походило на чудо. Теперь для отличнаго игрока вѣтъ были невозможной, — развѣ ужъ у него счастья вѣтъ. Шаръ — въ полной власти человѣка, лишь бы человѣкъ зналъ бильярдную геометрію, которую очень краснорѣчиво излагаетъ подлежащая книжонка.

ИСКУССТВО НАСТРАИВАТЬ ФОРТЕНІАНО, съ показаніемъ искусства натягивать струны. Сочиненіе М. Бершарда. (Сп.-бургъ 1848). — Авторъ, хорошій знатокъ дѣла, отличный музыкантъ, помогаетъ на немнѣгихъ страницахъ въ ясной и полной системѣ способъ выучиться чисто и легко настраивать любимый инструментъ общества. Онъ преподаетъ также вѣрныя средства къ под-

держаніе его въ исправности: самое вѣрное, и главное, изъ нихъ — прегнать своего настройщика, потому что эти люди — бичъ фортепіанъ, которые они портятъ, обыкновенно, не безъ цѣльмъ для себя, и настраивать самому. На качество струнъ нужно также обращать большое вниманіе: большая часть инструментовъ дурны звукомъ и не держатъ строну единственно оттого что струны ихъ негодны отъ природы или слишкомъ стары, вытянулись, стали очень тонки и не соответствуютъ болѣе инструменту. Въ музыкальномъ магазинѣ автора, сказано въ призываніи, продаются отличнѣйшія англійскія струны.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ. *Книга для чтенія и для практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ*. К. К. (Одесса, 1848). — Литературные нравы Одессы начинаютъ развращаться: крошечную брошюрку она уже, по примѣру столицъ, называетъ книгою! Сказанная одесская книга состоитъ изъ сорока страничекъ провинціальной прозы и тридцати страничекъ столичныхъ стиховъ — изъ чего возникаетъ великое «упражненіе» въ русскомъ языкѣ.

РАЗСКАЗЪ ДВѢМЪ ОТЦА, БЫВШАГО ВЪ РАСКОЛѢ ПЕРЕКРЕЩИВАНЦЕВЪ. *Сочиненіе Федора Слѣпушкина (СП.-бургъ., 1847)*. — Подробности, которыя авторъ этой брошюры сообщаетъ объ изувѣрахъ, называемыхъ «Перекрещиванцами», были бы слишкомъ прискорбны для достоинства ума человѣческаго, если бы секта не клонилась быстро къ упадку; но она не можетъ долго просуществовать, по справедливому замѣчанію господина Слѣпушкина: молодые раскольники уже франтятъ въ щегольскихъ французскихъ сюртукахъ и волосы носятъ à la mujik, молодыя раскольницы покупаютъ шляпки съ перьями и кутаются въ чудесныя мантиліи; и во многихъ домахъ перекрещиванцы и перекрещиванки курятъ на пропалаю воркулаки: такъ перекрещены у нихъ сигаретки Морнѣ. Покуда выходилъ «Вѣчный Жидъ», модельи раскола были почти пусты.

=

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— «*Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ*», одно изъ полезнѣйшихъ предпріятій Смирдина, умножилось въ послѣднее время нѣсколькими новыми томами. По-сіе-время вышло въ свѣтъ
Т. LXXXVII. — Отд. VI.

двадцать томовъ этой «дешевой русской библіотеки», которые стоятъ только двадцать четыре рубля серебромъ, вмѣсто ста двадцати прежней цѣны. Въ нихъ заключаются сочиненія Ломоносова, Державина, Фонъ-Визина, Озерова, Кантемира, Хемницера, Богдановича, Княжнина, Карамзина (кромя Исторіи,) Измайлова, Лермонтова. Изданіе прочихъ готовится. Смирдинъ намѣренъ въ сотнѣ томовъ, стоящихъ сто рублей серебромъ, заключить всѣ главнѣйшія творенія русской литературы, за которые прежде, въ разнородныхъ изданіяхъ, нужно было заплатить болѣе шести сотъ рублей.

ПОПРАВКА.

Въ прошедшей книжкѣ, въ Сибси, въ статьѣ о новомъ твореніи Сю, «Семь смертныхъ грѣховъ», первой части его, по ошибкѣ, приписано заглавіе «Самолюбіе.» Слѣдуетъ читать — «Гордость.»

НОВЫЯ КНИГИ.

==
МАРТЪ, 1848.
==

ДУХОВНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ Николая Голишева. (Москва, 1847, съ-12., стр. 105.)

Число стихотвореній духовнаго содержанія примѣтно умножается, и каждый истинный другъ словесности душевно будетъ радоваться этому явленію. Торжественность святыхъ предметовъ Вѣры облагораживаетъ и возвышаетъ стихъ, природный языкъ поэзіи, упавшій въ новѣйшее время такъ низко, по причинѣ пошлости воспѣваемыхъ на немъ дѣлъ и случаевъ, что поэзію уже смѣшивали съ прозой, а многіе и ставили ниже всякой прозы. И, наоборотъ, гармонія стихотворнаго языка, его музыкальная мѣрность, его живой колоритъ, сообщаютъ рѣчи о священныя предметахъ нѣкоторый эффектъ церковнаго пѣснопѣнія или ораторіи: впечатлѣніе усиливается; вѣрованіе согревается новымъ жаромъ и приноситъ душѣ новыя утѣшенія. Обѣ стороны много выигрываютъ, но поэты болѣе всего, потому что, даже при посредственности таланта, они могутъ принести многимъ душевную пользу и заслужить уваженіе, тогда какъ преслѣдуя стихами избитые и пустые сюжеты новѣйшаго романтизма, они, даже и при отличномъ дарованіи, перѣдко являютъ смѣшныя.

Это собраніе содержитъ въ себѣ около тридцати стихотвореній.
Т. LXXXVII. — Отд. VI.

ній, представляющихъ форму молитвъ къ Богу, къ Святой Дѣвѣ Маріи, къ Ангеламъ, къ разнымъ Святымъ и Угодникамъ Божиимъ. Благочестіе русскихъ читателей и читателей найдеть въ нихъ много трогательнаго, умилительно дѣйствующаго на душу и сердце. Нѣкоторыя изъ таковыхъ духовныхъ стихотвореній, если бы только истинно поэтической талантъ былъ ихъ авторомъ, дѣти могли бы заучивать наизусть, конечно, съ большою пользою и для себя и для общества, чѣмъ рѣмованныя эпиграммы, называемыя баснями, странный въ первоначальномъ образованіи юнаго сердца и въ нынѣшнемъ разсудительномъ вѣкѣ остатокъ системы воспитанія Французовъ прошедшаго столѣтія. О дарованіи автора этой книги читатели могутъ судить по слѣдующему стихотворенію:

«О, не оставь меня, мой Богъ!
Хоть я оставленъ цѣлымъ свѣтомъ;
Во дни печали, въ шумъ тревогъ,
Я воззнилъ къ тебѣ объ этомъ:
О, не оставь меня, мой Богъ!...

«Я согрѣшилъ, какъ человекъ!
Но ты, Богъ, грѣшника простишь;
Ты благъ и милостивъ во вѣкъ;
Молитвамъ грѣшныхъ ты внимаешь:
Я согрѣшилъ какъ человекъ!

«Къ кому жъ, какъ не къ Тебѣ взывать?
Мнѣ ближніе теперь не внимаютъ;
Къ кому же слезный вздохъ послать?
Его ужъ люди не пріемлютъ!
Къ кому жъ, какъ не къ Тебѣ взывать?...

«Надежда все — въ Тебѣ одномъ!
Несчастьемъ, грустію убѣтѣнъ,
Встрѣдоженъ жизни страшнымъ сномъ,
Молю, слезой кроша ладиты:
Надежда все — въ Тебѣ одномъ!

«Не Ты ль Творецъ надежды Самъ?
Къ Тебѣ я воззнилъ съ мольбою;
Ты милосердъ и къ слабымъ — намъ;
Прости и не судишь съ рабами!
Не Ты ль Творецъ надежды Самъ?...

Создатель мой! спаси меня!
Главу въ прахъ предъ Тобой склоню,

Самъ во грѣхахъ себя виждь,
Тебя, о Боже! умоляю:
Создатель мой! спаси меня!...

«Не дай погибнуть мнѣ во вѣкъ!
Исполни вновь меня надежды!
Стеня, какъ слабый человекъ,
Слезами омываю вѣжды:
Не дай погибнуть мнѣ во вѣкъ!»

За тѣмъ слѣдуетъ книжечка, по названію *поэма*. И удивительно, что, несмотря на это названіе, она не въ прозѣ, а въ стихахъ.

плащъ. *Поэма* Василія Алферьева. (СП.-бургъ, 1848, съ-12., стр. 36.)

Нѣкій молодой человекъ, которому хотѣлось родиться начальникомъ отдѣленія, и который, по ошибкѣ, родился поэтомъ, не находитъ нигдѣ отрады — ни въ балахъ — ни въ бокалахъ — онъ груститъ повсюду —

«И въ долгихъ умственныхъ занятыхъ
И въ женскихъ сладостныхъ объятыхъ.»

Просто, пропавшій молодой человекъ. Груститъ — да и только — самъ не знаетъ отчего и на какой конецъ.

«Сначала грусть явилась въ немъ
Неясной думою; потомъ,
Зерно, она листы пустила
И принесла обильный плодъ» —

Плодъ прегорькій — подлежащую книжечку, *поэмой* именуемую — въ которой грустно рассказывается одинъ совершенно необыкновенный случай. Грустный молодой человекъ, погруженный въ своей грусти, сидитъ однажды ночью у своего окна — мрачепь какъ ночная тѣнь — мѣсяцъ на него глядитъ — звѣздъ сіяніе по немъ проливается — онъ все груститъ — какъ вдругъ его суковный плащъ, висѣвшій возлѣ, на стѣнѣ, соскакиваетъ съ гвоздя, становится передъ нимъ, протягиваетъ къ нему рукава, хочетъ прижать его къ своему сердцу. Мало этого: плащъ начинаетъ къ нему говорить рѣчь. Нельзя себѣ представить эффекта, производимаго въ читателѣ поэмы этимъ неожиданнымъ событіемъ. Вы увѣрены — изъ уваженія къ своему собственному плащу, что онъ скажетъ что-нибудь умное, основательное, философиче-

ское — приведетъ грустнаго молодого человека въ толкъ — развеселитъ и его и васъ. Но, прислушавшись къ его рѣчи, вы наконецъ съ удивленіемъ открываете, что — какой оня плащъ! — пустословъ — мечтатель — въ подметки плащамъ не годится — просто, поэтъ, какъ всѣ поэты — несетъ такую гвалъ что, право, изъ рукъ вонъ — говорить:

«Я не былъ счастливъ, я страдалъ:
 Чего-то мнѣ не доставало,
 И сердце вѣщее сказала,
 По чемъ я тайно изнывалъ.
 Любовь! и я твоимъ законамъ
 Хотѣлъ всегда подвластнымъ быть;
 Передъ твоимъ священнымъ трономъ
 Хотѣлъ два сердца положить.
 Но, ахъ, никто съ моею судьбою
 Своей связать не захотѣлъ,
 Никто ко мнѣ не пламенѣлъ
 Любовью даже временною!
 Къ кому я страстью ни сгаралъ —
 Во всѣхъ къ себѣ я видѣлъ холодъ,
 И хотя я былъ еще такъ молодъ;
 Но жизнь какъ старецъ провождалъ.
 Нѣмая ночь меня плѣнила,
 И ей я страсть мою открылъ;
 Но гордо ею презрѣвъ былъ:
 Блестящій день она любила.
 Къ лунѣ тогда прибѣгнулъ я;
 Но душу ея обворожило
 Великолѣнное свѣтило
 Очаровательнаго дня.
 Однажды ночью полуясной
 Летѣлъ долиной я прекрасной.
 Сады тянулись подо мной
 Благоуханной полосой;
 Ручьи журчали такъ отрадно
 И воздухъ вчера прохладный
 Глоталъ я, кажется, душой.
 И вижу: роза молодая,
 Головкой нѣжною качая,
 Цвѣтетъ на берегѣ ручья;
 Надъ нею трепл соловья,
 При лунной ночи, раздавались;
 Лучи луны надъ ней сплетались

Въ блестящій радужный вѣнокъ,
 И у красавицыныхъ ногъ
 Любовнымъ ронетомъ потокъ
 Журчалъ; всѣ ею любовались —
 И не плѣниться я не могъ.
 И ей въ любви моей открылся;
 Но безуспѣшно, и съ тѣхъ поръ
 Разочарованный мой взоръ
 Ничѣмъ ужъ больше не плѣнился.
 Тогда я гордо углубился
 Въ себя, хотѣлъ умомъ отнять
 У сердца всѣ мечты о счастья....» и такъ далѣе, и такъ
 далѣе.

Можно ли, прошу повѣрять, возможности такихъ поэтическихъ пошлостей со стороны плаща? Плащи во сто разъ остроумнѣе этого. Никогда плащи не захотятъ признать его своимъ собратомъ. Это навѣрное былъ сапогъ!

Чѣмъ же кончилось? Наговоривъ другъ другу кучу такихъ прелестей, грустный плащъ и грустный молодой человекъ, видя что житье на свѣтѣ плохо — скука — горе — общія мѣста — горькіе стихи — вездѣ романтическая поэзія — словомъ, что толку вѣтъ на землѣ — обнялись, поцѣловались, плащъ рукавомъ утеръ слезы съ глазъ юноши, юноша прижался къ сердцу плаща — зарядили два пистолета — и выстрѣлили себѣ въ лобъ — плащъ себѣ — а юноша себѣ — это было на самомъ берегу моря:

«..... тихій стонъ
 Утесомъ робко повторился,
 И на его холодный склонъ
 Страдалецъ навзничъ повалился
 Окровавленный и безъ силъ.
 Но прежде чѣмъ отъ смертной муки
 Онъ грѣшный духъ свой испустилъ,
 На плащъ свой взоръ онъ устремилъ,
 Какъ бы страшася съ нимъ разлуки.
 И, устремивъ, тотчасъ закрылъ.
 И повялъ плащъ тотъ взглядъ; съ любовью
 На грудь страдальца онъ повисъ.
 И тѣсно съ нимъ склеился кровью,
 И по скалѣ спустился внизъ,
 И рухнулъ въ море вмѣстѣ съ тѣломъ.
 И поплылъ вдаль съ убійцей смѣлымъ .. »

И конецъ поэмъ. Согласитесь, изъ войскъ романтическихъ русскихъ поэмъ, это — безспорно, самая романтическая.

БѢДНОСТЬ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ. *Драма въ пяти дѣйствіяхъ, съ куплетами.* Н. В. Сушкова. (Москва, 1847, въ 8., стр. 86.)

Авторъ прекрасной поэмы «Москва», которой достоинства покойный Губеръ, поэтъ, такъ хорошо оцѣнилъ на этихъ страницахъ, которую читалъ онъ съ любопытствомъ и со вниманіемъ, какъ поэтъ и какъ критикъ, и одинъ былъ въ состояніи оцѣнить въ должной мѣрѣ — другіе, кажется, не читали: оттого-то величественное твореніе Н. В. Сушкова, которое вмѣстѣ и эпопея, и драма, и ода, и философическая исторія Москвы, и полная галерея картинъ, подало поводъ къ такому жаркому пренію въ литературѣ — авторъ этой поэмы подарилъ намъ теперь большою драмою въ пять дѣйствіяхъ, съ куплетами, драму совершенно въ шекспировскомъ родѣ, и весьма многостороннюю.

« Авторъ этой современной драмы (Бѣдность и Благотворительность) имѣлъ въ виду: 1) Коснуться мимоходомъ ложныхъ мудростей Запада и смѣшной стороны такъ называемыхъ Европейцевъ, или *Западниковъ*, бредящихъ ученіемъ и языкомъ нечеловѣческимъ для Русскаго. Насмѣшка и шутка — единственное противъ нихъ оружіе. Русская жизнь не сливается ни съ древними, ни съ новыми философіями: наша философія беретъ свое начало въ вѣчныхъ истинахъ Божественнаго Откровенія, недостижимаго для пытливаго ума, въ духовности мышленія, въ чистотѣ нравовъ, въ священныхъ преданіяхъ Церкви. 2) Посмѣяться надъ ново-вавилонскимъ лепетомъ и оградить Русскій языкъ, какъ одну изъ стѣпъ, какъ одно изъ орудій народности, отъ искаженія чужеземными словами и оборотами. Гдѣ уничтожался природный языкъ, тамъ разъединялись племена, дробились народы, слабѣли правительства, распадалась государственность. 3) Показать, что у насъ народная благотворительность, корень которой въ Святомъ Евангеліи, развита искони, вплоть и во всѣхъ слояхъ общества; что Москва, какъ сердце Россіи, особенно отличается подвигами любви къ ближнему; что Правительство наше поддерживаетъ, поощряетъ и распространяетъ христіанскую любовь въ государствѣ, не только къ бѣднымъ и недугующимъ по стеченію обстоятельствъ, невинно, но и ко впавшимъ въ несчастія отъ необузданности страстей, отъ преступленій вольныхъ. 4) Выказать дурную сторону поддѣльныхъ

« и закосцѣлыхъ въ своемъ ремеслѣ нищихъ. — Жалобы ихъ
 « на Данское Печетительство о бѣдныхъ и на Комитетъ для раз-
 « бора и призрѣнія нищихъ — лучшая похвала начальству и его
 « дѣйствіямъ, сообразно Высочайшимъ цѣлямъ. Впрочемъ и въ
 « толпѣ нищихъ введено лице, кающееся и отказавшееся отъ
 « всѣхъ обмановъ и продѣлокъ. Подобнымъ образомъ и бредни
 « *Оксидантала*, *Льва* и невѣжи возвышаютъ непонятныя имъ чув-
 « ства сострадателности и самоотверженія благотворителей и благо-
 « творительницъ. 5) Обратитъ вниманіе на особое сословіе бѣдныхъ
 « — на сиротъ и вдовъ духовнаго званія и подвигнуть еще болѣе
 « народъ на благотворительность. 6) Выразитъ исконную любовь
 « и преданность народа Помазанникамъ и Дому ихъ, и 7) Обла-
 « ружитъ похвальное, безотчетное, смежное съ священною лю-
 « бовью къ Отечеству, пристрастіе народа къ *Матушкинѣ Мо-*
 « *скаль*».

Чтобы выводить десять столь разнообразныхъ цѣлей къ од-
 ному драматическому сочиненію, нуженъ талантъ необыкновен-
 ный. Авторъ «Бѣдности и Благотворительности» однакожъ, до-
 стигъ каждой изъ нихъ нѣсколькими смѣлыми чертами быстро
 вѣрно, совершенно удовлетворительно. Жаль, что полное и под-
 робное изложеніе содержанія драмы Н. В. Сушкова не можетъ
 здѣсь найти мѣста. Мы предоставляемъ себѣ обнаружить ея осо-
 бенныя красоты въ другое время и въ другомъ отдѣленіи. Но
 ничто не мѣшаетъ намъ указать теперь же на мѣста самыя по-
 разительныя. Картина нищихъ на квартирѣ, и другая картина,
 гдѣ они разыгрываютъ принятыя роли передъ благотворитель-
 ными подателями, написаны необыкновенно широкою кистью.
 Мрачныя тѣни и яркія цвѣта производятъ эффектъ на картины
 Лука Джордано. Ничего подобнаго этимъ двумъ сценамъ нѣтъ
 во всей нашей литературѣ.

Куплеты драмы особенно остроумны.

ЛАТИНСКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ. *Руководство къ скорому и легкому
 изученію латинскаго языка, изданное Николаемъ Гречемъ. (С. П.-
 бургъ, 1847 и 1848. въ 12. Двѣ части, стр. 380 — 370).*

Этотъ самоучитель намъ очень нравится. Николай Ивановичъ
 Гречъ употребилъ свои парижскіе досуги на доставленіе хорошей
 книги русской учебной литературѣ. Метода превосходна, примѣ-
 ры избраны удачно и обработаны съ большою провнцатель-
 ностью. Основная мысль новаго самоучителя — учить языку,
 прежде всего, посредствомъ знанія смысла и употребленія словъ,

а не значенія ихъ формъ: и это единственный способъ выучиться языку скоро и пріятно. Семейства, которыя примутъ эту книгу въ пособіе при первоначальномъ обученіи мальчиковъ, удивительно облегчатъ сыновьямъ своимъ прохожденіе курсовъ въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ латинскій языкъ почти всегда составляетъ главное ихъ горе.

« Латинскій Самоучитель » собственно и первоначально издалъ въ Парижѣ на французскомъ языкѣ господинъ Буле. Трудами знаменитаго нашего грамматика онъ только прииѣненъ къ пользѣ русскаго юношества, съ нѣкоторыми переиѣнами и улучшеніями. Полное сочиненіе должно состоять изъ трехъ томовъ. Донынѣ мы знаемъ только двѣ части.

руководство къ практическому изученію французскаго языка и къ упражненіямъ въ сочиненіяхъ. Камилла Рио, преподавателя французской словесности, и прочая. (С.П.-бургъ, 1848, съ-8., стр. 270.)

Не «руководство», а, просто, родъ хрестоматіи. Книга основана въ нѣкоторой степени, на той же идее — учить преимущественно смыслу словъ и способу ихъ употребленія. Но грамматика совершенно исключена въ ней изъ упражненій и, вѣроятно, должна быть извѣстна учащимся изъ другихъ источниковъ. Вначалѣ помѣщены короткія французскія фразы съ подстрочнымъ переводомъ русскимъ и нѣмецкимъ. Потомъ, статьи по больше, французскія съ русскимъ переводомъ, въ два столбца. Наконецъ выборъ чистыхъ французскихъ текстовъ изъ сочиненій разныхъ писателей.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ СОЧИНЕНІЮ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ПИСЕМЪ И КЪ СОСТАВЛЕНІЮ ДѢЛОВЫХЪ БУМАГЪ. Въ четырехъ частяхъ. (С.П.-бургъ, 1848, съ-12.)

По теоріи издателя, изложенной на заглавномъ листѣ и въ объясненіяхъ, твореніе это состоитъ изъ *четырехъ частей*, но, въ практикѣ, покупатель получаетъ только двѣ книги *благоразумной* толщины: на одной изъ нихъ выставлено: *Части 1, 2, 3*; на другой: *Часть 4-ая*. Въ числѣ различныхъ образцовъ писемъ не забыты и *письма любовныя*. Заглавный листъ увѣряетъ, что во *всѣхъ* образцахъ бумагъ и писемъ прилагаются *относящіяся* къ нимъ *узаконенія*.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

ЖИЗНЬ КРИТІИ, АФЕНСКАГО ОЛИГАРХА. *Разсужденіе* Владимира Вєдрова. (СПб., 1848). — Академическое сочиненіе молодого русскаго эллиниста, написанное для полученія степени магистра. Заи́чая съ радостью въ сочинителѣ хорошую классическую эрудицію, читатель разсужденія будетъ сожалѣть, что русская юная ученость, пользуясь трудами Нѣицева, по части древней филологіи и исторіи, считаетъ необходимымъ подражать также и приѣмамъ германскихъ академическихъ диссертаций по этой части; диссертаций, изъ которыхъ, въ честь учености, съ умышленнымъ недаванетоъ и безвкусіемъ изгнаны всякое изящество формы, всякая опрятность мыслей, всякое помышленіе о слогѣ. Предметъ избранъ счастливо. Лицо, котораго жизнь молодой эллинисткой намѣревалось представить, начальствовало надъ важною политическою партіей, было живымъ изображеніемъ своего времени, образъ высшаго сословія, идей распространенныхъ въ обществѣ. Критіи—одно изъ пріятнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ лицъ, выводимыхъ на сцену въ «Разговорахъ» Платона.

СЛОВА ПРОИЗНЕСЕННЫЯ ВЪ КАЗАНСКОМЪ СОБОРѢ *архимандритомъ* Никодимомъ. (СПб., 1848).—Четыре проповѣди, короткія, но исполненныя прекрасныхъ мыслей и примѣчательныя по изяществу языка и слога.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Осьмой выпускъ четвертаго тома «*Исторіи консульства и имперіи во Франціи*», сочиненія Тьера, переводимаго господиномъ Кови, вышелъ изъ печати. Къ этой осьмой части четвертаго тома приложенъ портретъ Таллерава.

— «*Учебникъ русскаго языка и грамматики для Русскихъ*», господина Половцова, напечатанъ одинадцатымъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ. Это сочиненіе, по мѣрѣ своего внутреннего совершенствованія, совершенствовало и свои заглавія. Первоначально, показывалось оно «*Тетрадью русскаго языка и грамматики для русскихъ*»; потомъ «*Русскою грамматикою для Русскихъ*», а съ десятаго изданія приняло титулъ «*Учебника*».

— Въ одной изъ здѣшнихъ газетъ, по случаю «*Полнаго курса прикладной анатоміи*», великолѣпнаго труда знаменитаго нашего анатома и хирурга, Н. И. Пирогова, и статьи, напечатанной года

четыре тому назадъ въ отдѣленіи критики «Библіотеки для Чтенія» болѣе по поводу этого творенія, чѣмъ о самомъ твореніи, которое тогда было только что начато, смѣшали недавно текстъ и карты этого превосходнаго творенія съ содержаніемъ и рисунками статьи. Ученый академикъ Бэръ, чье имя составляетъ столь высокій авторитетъ въ наукѣ, поспѣшя, въ русскихъ и нѣмецкихъ Вѣдомостяхъ, обнаружить эту ошибку, которую, мы полагаемъ, могло бы предупредить простое уваженіе къ одному изъ славнѣйшихъ отечественныхъ именъ. Послѣ того, нѣтъ и надобности объяснять здѣсь, что твореніе Н. И. Пирогова, предназначенное для врачей, и эта статья, написанная съ цѣлью показать свѣтскимъ читателямъ занимательность изученія устройства руки—два совершенно различные труда, и по цѣли, и по содержанію. Для уничтоженія послѣднихъ заблужденій остается только прибавить, что предметъ, — о рукѣ исключительно, — избранъ для статьи и по тому весьма естественному поводу, что первыя тетради творенія Н. И. Пирогова заключали въ себѣ анатомію человѣческой руки; что какъ рисунки для статьи нужно было взять изъ книги Белля, писавшаго о рукѣ именно для свѣтской публики, то и часть объясненій этихъ рисунковъ по необходимости заимствована оттуда; но что, между тѣмъ, книга Белля и эта статья отнюдь не одно и тоже: многіе виды статьи положительно противорѣчатъ видамъ Белля и, можетъ-статься, несогласны даже со взглядомъ Пирогова, который, разумѣется, не имѣлъ, и не могъ имѣть, прикосновенія къ статьѣ, нежданно подавшей поводъ къ пренію.

=

VII.

С И Ъ С Ь.

=

ПЛОДЫ АСТРОНОМИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ сэръ Джона Гершеля на Мысь Доброй-Надежды. Таково заглавіе великолѣпнаго творенія знаменитаго англійскаго астронома. Оно издано въ теченіи прошлаго года, въ Лондонѣ, на изданіи благородныхъ покровителей науки, лордовъ Нортонберлендъ, отца и сына. «Results of astronomical observations, etc.» Известно, что сэръ Джонъ провель на южной оконечности Африки четыре года; съ 1834 по 1838, съ цѣлью довершить телескопическое обозрѣніе всей видимой поверхности неба, начатое имъ въ Европѣ, еще въ 1824 году. Въ дополненіе къ статьѣ, помѣщенной въ пятомъ отдѣленіи вышней книжки, мы перескажемъ здѣсь главныя черты этой давно ожидаемой книги, о выходѣ которой мы упоминали нѣсколько словъ въ одной изъ книжекъ Б. для Ч. прошлаго года.

Сэръ Джонъ наблюдалъ въ Фельдгаузенѣ, помѣстіи одного зажиточнаго Голландца, красиво расположенномъ при подножій восточнаго склона горы, которая защищаетъ отъ господствующихъ тамъ вѣтровъ. Въ открытомъ мѣстѣ установленъ былъ зеркальный телескопъ, длиною въ двадцать футовъ и съ свободнымъ отверстіемъ въ осмнадцать съ четвертью дюймовъ; сварядъ этотъ устроятъ по методу сэра Вильяма Гершеля и къ нему

можно было прикладывать одно изъ трехъ большихъ зеркалъ, изъ которыхъ два сдѣланы Джономъ, а третье отцемъ его, Вильямомъ. Сверхъ того часто употреблялась еще ахроматическая труба работы Tulley'я, семи футовъ длины и пяти дюймовъ въ отверстіи; эта труба утверждена была на кирпичномъ столбѣ и притомъ такъ, что изъ двухъ ея осей вращенія одна была параллельна оси міра, а другая плоскости экватора; столбъ занималъ средину башенки, съ вертящеюся крышею, въ которой находились пролеты, открывавшіеся при наблюденіяхъ.

Книга сэръ Джона раздѣлена на семь главъ; первая изъ нихъ относится къ описанію туманныхъ пятенъ южнаго неба, главной цѣли его работъ. Для сѣвернаго неба подобный трудъ совершенно обоими Гершелями отцемъ и сыномъ, и окончательные выводы ихъ наблюденій помѣщены въ рокиен, заключающей въ себѣ двѣ-тысячи триста шесть туманныхъ пятенъ и кучъ звѣздъ; она напечатана въ Philosophical Transactions на 1833 годъ. Въ изданной нынѣ книгѣ опредѣлено 1708 туманностей и кучъ звѣздъ, которыя большію частію были еще вовсе неизслѣдованы астрономами.

Кто когда-нибудь разсматривалъ на небѣ туманные пятна, тотъ знаетъ, что словами трудно передать впечатлѣніе производимое на наблюдателя этими дивными предметами на небѣ. Виды ихъ до чрезвычайности различны; нѣкоторые представляютъ довольно ровный свѣтъ, съ правильными овальными или круглыми очертаніями; есть примѣры колецобразныхъ пятенъ; многія же изъ нихъ являютъ какъ бы разорванными на нѣсколько частей въ формахъ невыразимыхъ никакою правильною геометрическою фигурою; самое освѣщеніе очень не ровно; въ нѣкихъ мѣстахъ освѣщеніе особенно усиливается и свѣтъ какъ бы сосредоточивается въ небольшихъ полосахъ, рѣзко разграниченныхъ съ окружающимъ темнымъ пространствомъ, а въ другихъ свѣтъ послѣдовательный переходитъ черезъ всѣ степени напряженія. Для полноты и ясности изложенія сэръ Джонъ поэтому приложилъ въ своей книгѣ много превосходныхъ рисунковъ представляющихъ замѣчательнѣйшія туманные пятна.

Извѣстно, что при разсматриваніи этихъ пятенъ помощью хорошихъ зрительныхъ трубъ, многія изъ нихъ разрѣшаются на множество мельчайшихъ звѣздъ, другія же не разрѣшаются на звѣзды при помощи даже самыхъ сильныхъ телескоповъ. Вильямъ Гершель полагаетъ, что въ послѣднемъ случаѣ могутъ заключаться пятна такого рода, которыя действительно не состоятъ изъ звѣздъ, но образуются изъ скопленія особенной свѣтовой матеріи, которая

предоставить, случившуюся и представляется таким образом чашею-подары. Въ каждой степенн все это справедливо, рѣшать будущія предвиденія; сэръ Джонъ хотя и не считаетъ невѣроятнымъ мѣ-внн, сарага знаменитаго отца, но въ книгѣ своей занимается преимущественно изложениемъ положительныхъ фактовъ. Онъ приводитъ весьма любопытное замѣчаніе о существенномъ различіи въ наружномъ видѣ пятна, состоящкхъ изъ кучъ звѣздъ и туманностей вовсе на звѣзды неразрѣшимыхъ; первыя вообще представляются круглыми, шарообразными, вторыя же болышею частію овальными, эллиптическими.

Великолѣпное и болыше туманное пятно въ созвѣздіи Оріона было изслѣдовано сэръ Джономъ еще въ Англіи и, въ 1825 году, онъ издалъ во-второмъ томѣ записокъ Лондонскаго Королевскаго Общества весьма обстоятельное изображеніе этого пятна. На мысѣ Доброй-Надежды онъ наблюдалъ его опять и притомъ въ болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ; это послужило поводомъ къ составленію новой, гораздо подробнѣйшей карты какъ самаго пятна, такъ и окружающихъ его предметовъ. Эта карта обвиняетъ около полуградуса сферы и основывается не на глазомѣрѣ, но на точныхъ микрометрическихъ измѣреніяхъ; въ ней показаны мѣ-ста полтораэта звѣздъ разнѣй величинны, отъ пятой до осмнадцатой. Сравнивая прежнее изображеніе съ новымъ, нельзя не видѣть нѣкоторыхъ разностей, и можно было бы думать, что итеченіи тринадцати лѣтъ произошло въ пятнѣ Оріона довольно чувствительныя измѣненія; однакожъ сэръ Джонъ полагаетъ, что такое заключеніе было бы слишкомъ посвяшимымъ, и вообще объясняетъ упомянутыя разности различіемъ обстоятельствъ и средствъ, при которыхъ дѣланы были изображенія. Въ одной только части пятна, и именно въ такъ называемомъ *продолговатомъ облачкѣ* (*nebula oblongata*) онъ подозреваетъ дѣйствительную перемѣну; въ 1824 году она представляла ему видъ правильнаго овала, а въ 1837 наружное очертаніе ея потеряло симметрію и состояло изъ ломаныхъ линій.

Съ особеннымъ стараніемъ изображена также болышая туманность, окружающая звѣзду η въ Кораблѣ. Едва ли найдется, говоритъ знаменитый астрономъ, другое мѣсто на небѣ, которое бы представляло въ себѣ и въ своемъ сосѣдствѣ такое число любопытнѣйшихъ предметовъ. Это туманное пятно относится къ части млечнаго пути, заключающейся между созвѣздіями Центавра и Корабля; здѣсь яркія массы свѣту удивительно перемѣшаны съ окружающими ихъ темными пространствами, и въ со-

сѣдой странѣ неба множество молчаливыхъ звѣздъ перемѣнитъ всякое воображеніе. Нашъ авторъ, основываясь на многихъ observationsъ отдѣльныхъ полюсъ этой части неба, считаетъ въ ней болѣе ста сорока-семи тысячъ звѣздъ на пространствахъ менѣе нежели семи градусовъ въ длину и семи въ ширину. Само пятно занимаетъ около полуградуса; подобно пятну Ориона оно не разрѣшило на звѣзды, хотя черезъ него и сверкаетъ свѣтъ многихъ, очевидно постороннихъ звѣздъ. Джонъ Гершель опредѣлилъ положеніе какъ этихъ, такъ и другихъ вблизи лежащихъ звѣздъ; число всѣхъ ихъ простирается до тысячи-двухъ сотъ-трехъ. Посреди ихъ сіяетъ блестящая звѣзда γ Корабли, свѣтлѣйшая которой въ первый разъ изслѣдована сэръ Джономъ. Въ 1677 году она была четвертой величины по показанію Галлея; Лакандамъ въ половинѣ осьмнадцатаго вѣка находилъ ее звѣздой второй величины; въ 1827 году она, по наблюденіямъ господина Вурчеля (Wurchel), свѣтила съ блескомъ первой величины и не уступала сіянію очень яркой звѣзды α въ Крестѣ; въ 1834 и 1836 она являлась Джону Гершелю звѣздой второй величины, но въ концѣ 1837 она представлялась ему опять одною изъ самыхъ блестящихъ звѣздъ первой величины; свѣтъ ея возрасталъ очень быстро и, въ началѣ 1838, она сравнилась блескомъ съ α Центавра. Вскорѣ потомъ свѣтъ началъ уменьшаться, но не постоянно, и по собраніямъ сэръ Джономъ извѣстнѣй, свѣтъ звѣзды сдѣлался чрезвычайно яркимъ въ мартѣ 1843 года; втеченіи всего этого года господинъ Макларъ (Maclear), англійскій астрономъ на мысѣ Доброй Надежды, находилъ ее почти столько же ярко, какъ и Сириусъ.

Такъ называемыя *Магеллановы облака*, прежде Джонъ Гершель не были хорошо изслѣдованы. Въ ясную безлунную ночь они видны, безъ помощи трубъ, какъ красивыя туманныя пятна, сіяющія съ такимъ почти напряженіемъ, какъ самыя свѣтлыя части млечнаго пути; они значительно удалены отъ этого пути и находятся въ странѣ неба вообще бѣдой звѣздами. Оба облака совершенно отдѣльны другъ отъ друга; меньшее изъ нихъ занимаетъ около десяти квадратныхъ градусовъ, поверхность большаго четверо болѣе; первое отстоитъ на двадцать шесть градусовъ, а второе на тридцать градусовъ отъ южнаго полюса міра. Составъ каждаго изъ нихъ до чрезвычайности разнообразенъ; въ нихъ есть всякихъ фигуръ туманности неразрѣшима на звѣзды, есть туманныя пятна удобно и трудно разрѣшима, есть также шарообразныя кучи звѣздъ, и все это перемѣшано одно съ другимъ; въ нашемъ свѣр-

номъ полушаріи нѣтъ такихъ сложныхъ системъ. Джонъ Гершель намѣревался составить подробныя изображенія этихъ облаковъ въ томъ видѣ, какъ показывались они въ его сильномъ телескопѣ; съ этою цѣлью онъ опредѣлилъ положенія всѣхъ звѣздъ до десятой величины, равно какъ и отдѣльныхъ туманностей и кучъ; чрезъ это произошла точная роспись девяти-сотъ-девятнадцати предметовъ входящихъ въ составъ большаго, и двѣсти-двадцать-четыре въ составъ меньшаго облака. Однакожъ чрезвычайное богатство и сложность разныхъ частей этихъ системъ не позволили сдѣлать полныхъ чертежей обоихъ облаковъ; нашъ знаменитый астрономъ принужденъ былъ удовольствоваться общимъ ихъ изображеніемъ, такъ, какъ она представляются простому зрѣнію; къ этому присоединилъ онъ особенную карту большаго облака, въ которой заключены звѣзды и нѣкоторыя подробности; такія пособія вмѣстѣ съ упомянутою росписью облегчаютъ послѣдующіе труды астрономовъ надъ южнымъ небомъ.

Весьма любопытны изысканія Джона Гершеля о распредѣленіи туманныхъ пятенъ на общей поверхности неба; онъ доказываетъ, что эти пятна не заключены въ одномъ словѣ или полосѣ, подобно млечному пути, но что они собраны преимущественно въ двухъ странахъ неба. Первая изъ нихъ вся почти находится въ сѣверной половинѣ неба, между созвѣздіями Льва, Большой Медвѣдицы, Дѣвы и другими прилежащими къ нимъ; эта часть обнимаетъ почти треть небесной сферы. Другая часть заключается между созвѣздіями Андромеды, Пегаса, Рыбъ, Кита и другихъ; оно простирается по обѣ стороны небснаго экватора. Вообще замѣчается болѣе однообразія въ распредѣленіи туманныхъ пятенъ въ южной половинѣ неба нежели въ сѣверной; но и на югѣ встрѣчаются въ нѣкихъ мѣстахъ большія скопленія пятенъ, между тѣмъ какъ въ другихъ на значительныхъ пространствахъ ничего не замѣчается; такимъ образомъ, напримѣръ, въ одной полосѣ, заключающейся между Южнымъ Вѣдцомъ, Стрѣльцомъ, Скорпіономъ и прочими, содержится болѣе тридцати прекраснѣйшихъ шарообразныхъ кучъ звѣздъ, которыя составляютъ часть млечнаго пути, пересѣкающаго эту страну неба.

Вторая глава разсматриваемой нами книги посвящена южнымъ двойнымъ звѣздамъ; онѣ составляли для автора предметъ второстепенной важности: главная цѣль его поѣздки въ Африку состояла въ изслѣдованіи туманныхъ пятенъ. Однако жъ такою была дѣятельность сэръ Джона, что, несмотря на несовершенство его снаряда (микрометра англійской работы, на-

ходившагося при его ахроматической трубѣ), онъ успѣлъ бѣдѣлить 2196 двойныхъ звѣздъ. Сравненіе относительныхъ положеній звѣзды спутницы около главной звѣзды въ разные эпохи времени приводитъ, въ некоторыхъ случаяхъ, къ заключеніямъ о періодѣ вращеній спутницъ около центральной звѣзды. Такимъ образомъ, Джонъ Гершель выводитъ, что въ γ Дѣвы одна звѣзда совершаетъ свой оборотъ почти въ 182 года, и что движеніе совершается почти въ плоскости, совпадающей съ линією, по которой идутъ къ намъ отъ этой звѣзды лучи свѣту; это объясняетъ намъ, почему около 1836 года двойная звѣзда казалась одинакою: тогда одна изъ звѣздъ закрывалась другою. Подобное же обстоятельство, вѣроятно, случится около 1867 года съ обѣими звѣздами, составляющими великолѣпную звѣзду «Центавра, которая, по изслѣдованіямъ Гендерсона, принадлежитъ къ числу самыхъ близкихъ къ землѣ звѣздъ и состоитъ изъ двухъ звѣздъ оранжеваго цвѣту, первой и второй величныи.

Далѣе, въ третьей главѣ, авторъ излагаетъ свои наблюденія надъ видимыми величпыми звѣздъ, предметъ весьма важномъ для рѣшенія вопросу о свѣтоизмѣненіяхъ звѣздъ; здѣсь доказывается постепенное возрастаніе свѣту звѣзды « Возничаго и перемѣны въ сіяніи звѣздъ β Малой Медвѣдцы, ϵ и η Большой Медвѣдцы и другихъ.

Въ четвертой главѣ разсматривается ходъ млечнаго пути въ южной части неба и распределеніе звѣздъ на небѣ. При наблюденіяхъ своихъ, сэръ Джонъ слѣдовалъ способамъ Вильяма Гершеля; эти наблюденія приводятъ къ заключеніямъ, сходнымъ съ тѣми, которыхъ достигли астрономы, обозрѣвавшіе сѣверное небо, то есть, что число звѣздъ въ опредѣленныхъ полосахъ неба быстро возрастаетъ по мѣрѣ приближенія ихъ къ млечному пути. Авторъ находитъ, что въ южной половинѣ неба число звѣздъ, видимыхъ помощію двадцати-футоваго зеркальнаго телескопа, простирается почти до $2\frac{2}{3}$ милліоновъ.

Въ пятой главѣ сэръ Джонъ предлагаетъ наблюденія, произведенныя имъ въ концѣ 1835 и въ началѣ 1836 годовъ надъ Галлеевою кометою; авторъ внимательно слѣдилъ за всѣми измѣненіями, которыя происходили въ наружномъ видѣ, разиѣрахъ и свѣтѣ различныхъ частей кометы; много прекрасныхъ рисунковъ передаютъ съ ясностію эти наблюденія читателямъ. Джонъ Гершель полагаетъ, что съ приближеніемъ кометы къ солнцу, отъ усилешаго дѣйствія теплоты, происходитъ нѣкоторый родъ испаренія въ веществѣ кометы, которое въ большинствѣ или нѣтъ.

конца количества превращается въ прозрачный паръ; когда же эта удаляется отъ солнца, то отъ охлажденія этотъ паръ сгущается и опять упадаетъ на ядро кометы. Авторъ допускаетъ, что хвостъ кометы подлежитъ отталкивающему дѣйствию солнца, — дѣйствію, сходному, можетъ-быть, съ электрическими дѣйствіями.

Въ шестой главѣ изложены наблюденія надъ спутниками Сатурна, а въ седьмой и послѣдней — наблюденія надъ пятнами на солнцѣ, произведенныя втеченіи 1836 и 1837 годовъ; тринадцать тщательныхъ рисунковъ были плодомъ этихъ наблюденій. Здѣсь мы встрѣчаемъ многія любопытныя заключенія о солнечной атмосферѣ. Известно, что пятна на солнцѣ особенно появляются часто на двухъ довольно узкихъ полосахъ, параллельныхъ солнечному экватору и расположенныхъ на обѣихъ его сторонахъ. Авторъ находитъ нѣкоторое подобіе между этими явленіями и тѣмъ, что мы замѣчаемъ на землѣ, въ странахъ пассатныхъ вѣтровъ. Онъ полагаетъ, что солнце окружено прозрачною атмосферой, простирающеюся за предѣлами свѣтлящейся поверхности солнца, которая со всѣхъ сторонъ обтекаетъ темное ядро этого свѣтила. Вѣроятно, толщина экваторіальныхъ слоевъ разныхъ оболочекъ превышаетъ толщину слоевъ, прилежащихъ къ полюсамъ солнца; отъ этого самое дѣйствіе теплоты можетъ быть различно въ различныхъ мѣстахъ, а чрезъ то происходитъ нарушеніе равновѣсія въ атмосферѣ и рождается нѣчто подобное вѣтрамъ, которые, разрывая мѣстами свѣтлую оболочку солнца, обнаруживаютъ нашимъ взорамъ темное ядро въ видѣ черныхъ пятенъ.

Изложенный здѣсь краткій отчетъ о книгѣ Джона Гершема даетъ о ней только слабое понятіе; важность собранныхъ въ ней матеріаловъ и глубокомыслие автора ставятъ его книгу въ рядъ твореній, которыя расширяютъ предѣлы науки и подвигаютъ ее впередъ. Втеченіи короткаго времени онъ успѣлъ много сдѣлать и воздвигнулъ себѣ прекрасный памятникъ, который навсегда останется свидѣтельствомъ его высокихъ талантовъ и просвѣщенной любви къ наукамъ.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ ИСЛѢДОВАНІЯ ПОСРЕДСТВОМЪ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХЪ ТЕЛЕГРАФОВЪ. Мы говорили въ прошломъ мѣсяцѣ о странной идѣе всемірнаго концерта Листа, къ исполненію которой въ Англіи подаетъ возмозможность магическое дѣйствіе притянутыхъ повсюду проводовъ, по которымъ скользя электриче-

эти точки. Въ Сѣверной Америкѣ, въ то же самое время, прошло лѣтъ эти внушали мысль объ операціи другого рода: изъ электрическихъ телеграфовъ хотѣли извлечь пользу для метеорологівъ. Съ давняго времени, при главнѣйшихъ ученыхъ заведенияхъ въ Европѣ и въ Америкѣ, записываютъ ежедневно, и даже по нѣскольку разъ въ день, движеніе ртути въ барометрѣ, показанія термометра, дождь, хорошую погоду, вѣтеръ, снѣгъ, степень сырости и другія атмосферическія явленія. По истеченіи года, этими наблюденіями составляютъ общія таблицы. Профессоры физики сравниваютъ эти таблицы, вычисляютъ, соображаютъ, пишутъ диссертациі, все это — въ надеждѣ составить такимъ образомъ когда-нибудь правильную науку о перемѣнахъ воздуха, науку чрезвычайно важную для человѣка; который живетъ въ воздухѣ и отъ него зависитъ въ самыхъ существенныхъ дѣйствіяхъ и обстоятельствахъ жизни. Но изъ всѣхъ этихъ наблюденій не выйдетъ ничего путнаго: въ этомъ нельзя и сомнѣваться. Точки, въ которыхъ они производятся, слишкомъ удалены одна отъ другой и рядки; точность наблюденій можетъ всегда подлежать сомнѣнію; и сравненія дѣлаются слишкомъ поздно, уже тогда какъ впечатлѣнія случившихся перемѣнъ и явленій прошли, угасли и не могутъ быть воссозданы съ той живостью, которая бы каждому отдѣльному явленію придала необходимую самостоятельность опредѣленіемъ его обширности и особенныхъ свойствъ въ разныхъ мѣстахъ, но въ одно и то же время. Послѣ ста пятидесяти лѣтъ такихъ наблюденій и такихъ вычетовъ, мы могли признать только то, что въ воздухѣ, на видъ капризномъ, непостоянномъ, самоуправномъ, все происходитъ по какому-то опредѣленному порядку, котораго законы очень трудно разоблачить и привести въ ясность. Профессоръ Loomis пишетъ изъ Нью-Йорка къ одному изъ знаменитѣйшихъ англійскихъ метеорологовъ, что тамъ родилась, и уже приводится въ исполненіе, мысль объ употребленіи въ дѣло электрическихъ телеграфовъ съ цѣлью узнать съ достовѣрностью, что такое въ данныя мгновенія происходитъ въ воздухѣ на всемъ огромномъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ: наблюдатели распределятся по всѣмъ удобнѣйшимъ точкамъ телеграфическихъ линій на три года, и будутъ посылать въ Нью-Йоркъ по проволокамъ свѣдѣнія о томъ, гдѣ какой погоду вѣтеръ, гдѣ пошелъ или пересталъ дождь, что показывають барометры, термометры, гигрометры, и прочая. Такимъ образомъ, каждое атмосферическое явленіе, каждый день, каждый часъ, времени, явится въ полной своей общности, съ всѣми ча-

отнѣшеніи измѣненіи, и наука приобретаетъ постепенно новое знаніе о предметѣ своихъ заботъ и размыслиній. Вопросъ о времени и ходѣ вѣтровъ, вопросъ капитальный, потому что, какъ известно, отъ вѣтровъ все зависитъ, а вѣтры подчинены какому то систематическому положенію, значительно объяснитея помощью этого способа.

Вскорѣ земной шаръ, вѣроятно, будетъ весь переключенъ въ нѣдкую проволоку: тогда представятся новые вопросы и новые средства мгновеннаго ихъ рѣшенія.

Между-тѣмъ электрическіе телеграфы даютъ уже возможность свѣрять мгновенно хронометры разныхъ отдаленныхъ городовъ: это значитъ, что посредствомъ ихъ можно очень вѣрно опредѣлять географическую долготу мѣстъ. Нѣкоторые подобные опыты уже сдѣланы въ Сѣверной Америкѣ.

АНАТОМІЯ И ФИЗИОЛОГІЯ КОМАРА. Съ глубокой древности комаръ обращалъ на себя вниманіе мудрецовъ, которымъ садился онъ на носъ. Кажется, что самъ Сократъ крѣпко занимался физиологіей комара, потому что Аристофанъ, пересидѣвая умизрительныя тонкости великаго философа, приписываетъ ему странное объясненіе звуку, производимаго въ воздухѣ этимъ крошечнымъ насѣкомымъ. Если вѣрять аѳинскому комику, Сократъ толковалъ происхожденіе этого звуку тѣмъ, что у комара пусто внутри; что внутренность его образуетъ тонкую трубочку, которая, начинаясь у отверстія рта и оканчиваясь у хвостика, представляетъ видъ маленькой флейты: когда насѣкомое летаетъ, воздухъ ударяясь въ верхнее отверстіе, проходитъ вдоль по всему протяженію тѣла и свиститъ въ этой дудочкѣ. Нынче это объясняютъ иначе, именно, движеніемъ крыльевъ комара. Но всё-еще остается важная задача о томъ, какъ и отчего комаръ можетъ втянуть въ себя такое значительное количество пищи и наполниться кровью до того, что становится вдвое и толще и весь красивый. Господинъ Rouchet, который съ особеннымъ усердіемъ занимается его анатоміей, утверждаетъ, что комаръ — пережевывающее животное, подобное быку. О нѣкоторыхъ насѣкомыхъ было уже въ естественной исторіи такое предположеніе; но, кажется, до господина Rouchet никто еще не причислялъ комара къ этому разряду. Онъ открылъ, что у комара семь желудковъ, расположенныхъ симметрически около большаго кишечнаго канала, семь тоненькихъ пузырьковъ, сообщающихся съ этимъ каналомъ и служащихъ запасными нѣшечками для пищи. Комаръ,

всасывая кровь человека или животного; постепенно увеличивается во всё эти кладовыя, отчего объемъ содержимаго чрезвычайно увеличивается; онъ длится себѣ знаетъ вдругъ на осемь дней, а потомъ, каждый день выжимаетъ содержимое одного желудка въ кишечный каналъ, гдѣ оно подвергается процессу пищеваренія. Авторъ показываетъ, что это устройство, сближая жеворовъ съ классомъ пережевывающихъ, представляетъ въ то же время большое сходство съ устройствомъ многожелудочныхъ инфузорій.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ТРУБООБРАЗНЫЕ МОСТЫ ВЪ АНГЛИИ. Новое чудо міра строится теперь въ этой землѣ чудесъ. Тоннель, или подземный мостъ, подъ Темзою, сооруженіе баснословное, недавно еще могъ сравниться съ одною только Гроттою Позиллипа, подземнымъ проѣздомъ сквозь гору возлѣ Неаполя, прорытымъ рукою самой природы и который древніе приписывали потѣхъ гигантовъ. Лондонскій тоннель, стоившій миллионъ, тоже потѣхъ онъ совершенно бесполезенъ, потому что по Темзѣ, словно рой пчелъ, тѣмъ небольшихъ пароходовъ беспрестанно движутся впередъ и назадъ, и два изъ нихъ ходятъ надъ самымъ тоннелемъ для перевозки пассажировъ съ одного берега на другой за бездѣлицу. Но теперь почти нѣтъ желѣзной дороги, которая бы не имѣла своей Гротты Позиллипа, своего лондонскаго тоннеля: въ многихъ мѣстахъ эти подземные проѣзды простираются на полторы версты, на двѣ, и болѣе. Тоннели стали такой же пошлостью какъ и желѣзныя дороги. Ѣздить надъ водою — это люди давно знаютъ съ тѣхъ-поръ какъ изобрѣтены мосты. Ѣздить подъ водою — и это уже не новость. Но Ѣздить въ водою, переправляться сухою ногою черезъ рѣки и заливы, имѣя воду вровень съ ногами, а иногда и выше головы — мудрость и чудо! Къ этому предназначены *трубобразные мосты*. Идея самая простая: вместо того чтобъ воздвигать своды надъ водою или рыться въ землѣ подъ водою, сдѣлайте длинную четвероугольную трубу, толщею въ три или четыре сажени, положите ее на дно рѣки, такъ, чтобы концы лежали на берегахъ, которые, разумно, можно прорыть вровень съ дномъ, для того чтобы труба не гуляла въ центрѣ, и путешествуйте преспокойно въ этомъ футлярѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствуютъ морскіе приливы и уровень воды не постояненъ, — гдѣ, следовательно, надводные мосты должны имѣть необычайную высоту, — такіе проѣзды футляры представляютъ самый удобный и самый дешевый способъ пере-

правы. О предположеніи устроить такое сообщеніе между Англійей и Франціей черезъ Каналъ, мы уже говорили въ одной изъ прошлогоднихъ книжекъ. То покуда остается предположеніемъ, и въ самой Англійи нынче уже строить два трубообразные моста, оба для желѣзныхъ дорогъ, одинъ на рѣкѣ или въ рѣкѣ Conway, другой черезъ Menai-Straits. Первый, который въ скоромъ времени будетъ открытъ для ѣзды, имѣетъ длины четыреста футовъ; второй — болѣе трехъ тысячъ. Прѣвзжія трубы шириною въ двадцать четыре фута и вышиною въ тридцать, сдѣланы изъ желѣзныхъ плитъ, которыхъ толщина, для боковыхъ стѣнъ — одинъ дюймъ, а для полу и для потолка два дюйма. На полу лежать двѣ пары рельсовъ для прѣвзду двухъ паровозовъ съ вагонами. Трубы изготовляются на досчатомъ платформѣ, устроенномъ на сваяхъ вдоль берегу, надъ водою, возлѣ имѣетъ, гдѣ назначено быть мостамъ. Предварительное испытаніе прочности будетъ произведено тутъ же. Какъ-скоро трубы будутъ готовы, плашки подведутся подъ платформъ во время приливу, который подвинетъ ихъ до надлежащей высоты. Такимъ образомъ, гигантскія трубы, изъ которыхъ одна должна вѣсить 55,000 пудъ, а другая 186,000, будутъ спущены на воду безъ труда и положены по мѣстамъ безъ всякаго поврежденія.

ПАРОВЫЯ МАШИНЫ СЪ ВРАЩАТЕЛЬНЫМЪ ДВИЖЕНІЕМЪ. Въ паровой механикѣ давно существуетъ задача — какъ замѣнить качательное движеніе рычаговъ (reciprocating action) движеніемъ вращательнымъ (rotatory), которое представляетъ огромную разницу въ силѣ и требуетъ, для устройства, несравненно менѣе мѣста, и для топлива, вполонну менѣе угля. Всѣ опыты доселѣ были болѣе или менѣе неудачны: машины съ вращательнымъ движеніемъ плохо удерживали въ себѣ паръ и скоро портились. Журналы, посвященные промышленной механикѣ, извѣщаютъ нынче о благополучномъ рѣшеніи этой задачи дептфорскимъ инженеромъ, господиномъ Galloway. Придуманное имъ устройство чуждо всѣхъ прежнихъ недостатковъ. Паръ запертъ превосходно. Новая машина съ вращательнымъ движеніемъ поварачиваетъ парходныя колеса 400 разъ въ то время какъ равная ей объемомъ качательная машина производитъ только 200 поворотовъ. Трѣніе въ ней совершенно незначительно: подверженные ему круги и поверхности сдѣланы всѣ изъ *высоко-полированной* (highly polished) стали. Экономія на мѣсто, топливо и уголь такъ значительна, дѣйствіе такъ вѣрно, сила такъ велика, что народ-

цые мерки провозглашаютъ изобрѣтеніе господина Galloway единственногь полезнымъ усовершенствованіемъ, какое со времени Фултона сдѣлано по этой части.

Лиллипутскіе паровозы. На желѣзныхъ дорогахъ Восточной Англіи заводится, подъ этимъ названіемъ, крошечные паровозы предвзначенные для подачи вѣсти въ случаѣ остановки и для экстренныхъ поѣздокъ. Изобрѣтатель ихъ — вѣкто господитъ Samuel. Родъ самовара, въ двѣ лошадиныхъ силы, утверждаетъ при маломъ вагонѣ на семь, осемь или десять человекъ; все вывѣтъ вѣситъ не болѣе шестидесяти-шести пудъ и мчитъ со скоростью шестидесяти-четырехъ верстъ въ часъ. Постройка очень легка, но совершенно прочна; по малому вѣсу сварда, движеніе чрезвычайно вѣрно и ровно: вагонъ можно остановить въ одно мгновеніе. Первая этого роду машина, проѣхавшая отъ Лондона до Кембриджа, возбудила, своей мелкостью, удивленіе и смѣхъ въ большихъ поѣздахъ, попадавшихъ ей на встрѣчу. Но теперь лиллипутскіе паровозы снискиваютъ себѣ многихъ приверженцевъ: они въ самомъ дѣлѣ представляютъ необыкновенное удобство для тѣхъ, которые желаютъ путешествовать отдѣльно, малыми экстренными отправлениями: по малости цѣны паровоза и бездѣльности расходу на уголь и прислугу, поѣздки эти стоить очень дешево, и опасности нѣтъ ни какой; малый экипажъ бѣжитъ превосходно по кривымъ ливніямъ, управлять имъ легко, и въ случаѣ нечаянной встрѣчи съ большимъ поѣздомъ вся неприятность можетъ состоять только въ томъ, что васъ погонять въ обратный путь: костеломныхъ столкновеній быть не можетъ по незначительности разгонной силы движенія со стороны лиллипута и по легкости остановить его, даже уйти отъ врага. Разсчитываютъ, что, во многихъ случаяхъ, для самихъ даже компаній выгоднѣе отпирать лиллипутовъ по чаще и въ большемъ числѣ чѣмъ два или три большіе поѣзда съ тяжелыми паровозами. Для инспекторовъ желѣзныхъ дорогъ, при осмотрѣ рельсовъ и станцій, эти locomotive-bijou — настоящее сокровище.

Въ зимнее время по царскосельской желѣзной дорогѣ лиллипуты, какъ кажется, были бы чрезвычайно удобны и умѣстны.

Корпусъ Самуэлева лиллипута, the boiler, состоитъ изъ круглой трубы въ 2 фута діаметромъ; въ немъ 34 трубки, каждая діаметромъ въ полтора дюйма; вышина паровоза 3 фута 6 дюймовъ; вышина всего прибору съ вагономъ 7½ футъ; ударъ 6 дюймовъ.

своихъ-малолетнихъ. Историческія науки створа поминатъ чувствительную цѣтору. Этотъ знаменитый ученый, которому обязаны мы распространеніемъ изученія скандинавской древности и его успѣхами, родился какъ извѣстно, на островѣ Исландіи. Первое образованіе получилъ онъ на-мѣстѣ, подѣ руководствомъ дяди своего, исландскаго епископа. Впоследствии отаравилъ его въ копенгагенскій университетъ. Въ 1808 году Финнъ Магнуссенъ былъ назначенъ судьей въ Рейкьявикъ, столицу Исландіи, но черезъ годъ воротился въ Копенгагенъ и посвятилъ себя исключительно исторіи створа и средней Азіи. Сочиненія его по этимъ предметамъ пользуются извѣстностью: главныя въ числѣ ихъ — «Толкованія на Саги», на латинскомъ языкѣ; «Стверная Археологія» и «Ученіе Эдды», на датскомъ; «Словарь древней стверной ннологіи», на латинскомъ; «Сравненія между вѣрами древнихъ Скандинавовъ, Индѣйцевъ и Персовъ», на датскомъ. Финнъ-Магнуссенъ былъ директоромъ датскаго государственнаго архива и профессоромъ исландской литературы въ копенгагенскомъ университетѣ. Онъ скончался на шестьдесятъ-шестомъ году отъ рожденія.

счастливыѣишій вечеръ въ жизни великаго вирттоза. Въ Парижѣ есть родъ кофейни или «съѣстнаго заседенія», куда по воскресеньямъ и празникамъ собираются всѣ музыканты безъ мѣста. Семейства, задумавшія устроить у себя танцевальный вечеръ или балъ, посылаютъ туда нанять музыканта или маленькій оркестръ. Хозяинъ одного частнаго бала, въ 1839 году, отправился лично въ эту харчевню: нѣсколько человекъ, игравшихъ на разныхъ инструментахъ, условились съ нимъ немедленно — по пяти франковъ на брата — ужинъ — по стакану пушму — и играть до трехъ часовъ, а свыше этого — по одному франку за каждый лишній часъ. Нужна еще была скрипка. Изъ темнаго угла выступилъ на середину комнаты старичекъ, въ бѣдномъ платьѣ, весь завачканный табаконъ.

— Вы слишкомъ стары, сказалъ хозяинъ бала: вы для меня не годитесь.

— Возмите меня за три франка, возразилъ старичекъ: сыграю отлично.... будете довольны.

Старикъ такъ убѣдительно просилъ, что хозяинъ бала долженъ былъ принять его. Собрались гости. Началась музыка. Пискъ — фальшь — безладна. Всѣ ужаснулись этого оркестра. Старичекъ сержился на своихъ товарищей. Наконецъ онъ не выдержалъ и

закрылась дверь: «Минуте», «полминуте» и бродь вернулась назад. И во время других раздались торжественныя звуки скрипки, арфы, виолончели, пасторской, освещенныя лампочкой. Удивительно общество было въ безмолвіи! Ничто не хотѣло толковать: всё слушало. — Откуда этотъ скрипачъ? спрашивали многіе. Да это виртуозъ!.. Какъ его звали?

— Раёгъ, бывшій первый скрипачъ и капельмейстеръ короля Марии-Десятой, отвѣчалъ одинъ изъ музыкантовъ.

Багъ превратился въ музыкальный вечеръ. Раёгъ вспомнилъ лучшія вдохновенія своей молодости; участіе и восторгъ общества возвратили ему силы; онъ былъ восхищенъ въ этотъ вечеръ, который потомъ называлъ онъ «счастливейшимъ вечеромъ въ своей жизни».

ЗИМНІЙ САДЪ ВЪ ПАРИЖѢ Прочитавъ фельетоны господина Теофиля Gauthier и другихъ, вы подумаете, что это — сады Ариды или, на худой конецъ, Магометовъ рай, переведенный на христіанскіе нравы. Oh, la blague française!... Это, просто, плохая оранжерея. Пройдя картинную галерею, собраніе всякой малаванной дряни, вы вступаете въ садъ, то есть, въ большой стеклянный сарай, гдѣ вѣтеръ свиститъ въ щели, гдѣ паръ горячей воды поднимается облаками, гдѣ все мокро и сыро, стулья, книги, растенія, посѣтители — цѣлый міръ облитый потомъ — цѣлая атмосфера баннаго воздуха. Гуляющіе сердиты за обманъ своихъ ожиданій, цвѣты несчастны и стыдятся своихъ ярлычковъ: вы думали найти по-крайней-мѣрѣ выставку растеній, а находите только выставку латинскихъ ботаническихъ названій. Земля здѣсь — асфальтъ, зелень — тусклые широколиственные кустарники, солнце — огромные камни съ каменнымъ углемъ, скалы — дюжина камешковъ, укрѣпленныхъ въ доскѣ, на которой налѣпленъ мохъ. Эффектъ необыкновенный. Парижскіе bourgeois, указывая пальцами, говорятъ своимъ épouses: «Вотъ Швейцарія!» Но архитектуры — столбиковъ — рѣшетокъ — галерей, премного; журналовъ еще больше, напаче журналовъ провинціальныхъ, которыхъ никто не читаетъ.

Да! — я забылъ! — есть лоскутокъ муравы, по которому ходить запрещается. Къ счастью, никому и не хочется посягнуть на запрещенный плодъ.

Таковъ Зимній Садъ въ Парижѣ — le Jardin d'hiver!

НОВАЯ АЭРОСТАТЬ И НОВАЯ ДВИЖУЩАЯ СИЛА. *Изобретение господина Тибб.* Ничего под солнцем уже нет ничего невозможного: это ясно как солнце. Самые отчаянные опешки уже принуждены превратить свои приговоры оговорками, съ странными; когда является какой-нибудь невозможный, преддусловительный предметъ, низъ позволено только сказать: «невозможно; кажется, невозможно; по-крайней-мѣрѣ до-сихъ-порѣ это было невозможно», и только. На это скептицизмъ, мало-по-малу всё вымыслъ-связочниковъ, всё фантазій Шехерзады должны осуществиться: это не подлежитъ сомнѣнью. Самыя важные сапоги и многія другія интересныя вещи уже существуютъ, а вотъ теперь господинокъ Тиббъ, у васъ въ Петербургѣ, изобрѣлъ: восточный новороссический, — такой аэростатъ, на которомъ можно не только подниматься на высоту, какъ въ донынѣ известныхъ воздушныхъ шарахъ, но переноситься куда угодно, править какъ хочешь, и летѣть по горизонтальному направленію съ быстротою осьмидесяти верстъ въ часъ; слѣдовательно, можно будетъ летѣть съ пользою, по надобности, и — если ужъ придется сломить носъ — такъ сломить не даромъ, не для одной потѣхи зрителей. Вся негодность прежнихъ шаровъ къ употребленію на дѣло состояла въ томъ, что не было способу по произволу дать имъ горизонтальное движеніе впередъ. Для этого, кромѣ пузыря, поднимающаго васъ на воздухъ, требовалась какая-нибудь движущая сила, паровая или иная; а всякая изъ доселѣ известныхъ движущихъ силъ требовала снарядовъ, механизмовъ слишкомъ грузныхъ, такъ, что ни какой шаръ не можетъ поднять ихъ. П. Ф. Тиббъ, — ученый агрономъ и искусный механикъ, уже известный изобрѣтениемъ нѣсколькихъ прекрасныхъ механизмовъ для сельскаго хозяйства, — нашелъ такую силу, которая вовсе не нуждается въ грузныхъ снарядахъ: онъ измѣняетъ эту силу изъ химическаго средства кали и угольной кислоты, и при содѣйствіи очень простаго механизма придаетъ своей машинѣ движеніе, основанное на законахъ организма птицы. Для рѣшенія вопроса о возможности со стороны теоріи, дѣло разсматривается гдѣ слѣдуетъ. Потомъ необходимо будетъ сдѣлать опыты, безъ которыхъ въ подобныхъ дѣлахъ невозможно произнести ни какого рѣшительнаго приговору. Но что въ этомъ изобрѣтеніи не подлежитъ ни какому сомнѣнью, это — открытая господиномъ Тиббъ новая движущая сила, которая легко можетъ быть применена и къ желѣзнымъ дорогамъ и ко всякому другому машинному дѣйствию. О послѣдствіяхъ опытовъ не замедлимъ уведомить.

АБДЕЛЬ-КАДЕРЪ. Замечательный вождь алжирских племенъ, почтивший свое политическое поприще такъ же поудачно въ рукахъ французскаго великодушнаго, какъ Намелсона въ потлахъ великобританскаго барса. Абдель-Кадеръ, сынъ Мехдидина, былъ однимъ изъ шести сыновей знатнаго марабута (собственно мурабута, что значитъ соответствуетъ казначейному марабу), челоука весьма уважаемаго у тамошнихъ бедуновъ за свое благочестіе, богословскія познанія и мудрость. Онъ родился въ племени Хашонъ-Гараба, на Вадъ-Хашнамъ, неподалеку отъ Маскары. Пятнадцати лѣтъ отъ роду, онъ съ отцомъ странствовалъ въ Москву. По паденіи турецкаго владычества, въ 1830 году, семейство его вдругъ было призвано играть важную политическую роль. За паденіемъ Орана Французами, между Арабами восточной провинціи возникли снуты и безначаліе. Для соединенія ихъ подъ одно общее знамя, Мехдидинъ сталъ проповѣдывать священную войну и по его голосу тысячи туземцевъ собрались подъ стѣнами Орана, чтобы напасть на французскій гарнизонъ. Абдель-Кадеръ отличался въ первыхъ рядахъ осаждавшихъ. Подъ нимъ убита лошадь. Скоро племена, утомленные разладомъ, который возникъ между ними за отсутствіемъ великой власти, обратились за совѣтомъ къ одному старому мурабу. Общее собраніе происходило на возгъ, подъ Маскарой, и тутъ Мехдидинъ, пользуясь своимъ вліяніемъ и опираясь на приближенныхъ къ обстоятельствамъ предсказанія насчетъ его семейства, предложилъ избирателямъ своего сына. Молодого воина, уже известнаго ученостью, благочестіемъ, умомъ и храбростью, единодушно и съ восторгомъ провозгласили эмиромъ, «новелителемъ». Это случилось въ концѣ 1832 года. Абдель-Кадеру тогда было лѣтъ около двадцати трехъ.

Первою заботой новаго эмира было устроить свою землю въ политическомъ, военномъ и финансовомъ отношеніяхъ. Первые его мѣры уже доказываютъ зрѣлый умъ и рѣдкую способность къ правительству въ мусульманской странѣ. Маршалъ Бюшо сохранилъ ихъ въ дѣйствиі. Потомъ Абдель-Кадеръ отправилъ экспедицію противъ нѣкоторыхъ племенъ, не признававшихъ избранія. Въ нѣсколько дней племена Мина и Шелинъ покорились и заплатили дань.

Съ самаго начала командованія генерала Демингеля въ Оранѣ французскія войска стали лицомъ къ лицу съ Абдель-Кадеромъ подъ стѣнами Мостаганема, потомъ, 29 мая 1833, около Бонгауза орлеанскаго. Въ послѣдствіи дѣла видѣли, какъ отважный

Абдель-Кадеръ, наклонивъ голову, бросился въ самый пылъ, чтобы отвѣтъ у французской конницы тѣло своего племянника, котораго никто изъ Арабовъ не осмѣливался поднять.

Многочисленныя сраженія, въ которыхъ участвовалъ эмиръ, окровавивъ окрестности Орана, но многія пораженія и жестокия потери дали Арабамъ и ихъ вождю почувствовать необходимость мира. Абдель-Кадеръ предложилъ и Французы охотно приняли миръ.

Въ договорѣ, подписанномъ генераломъ Демпшелемъ и ратифицированномъ въ Парижѣ, Абдель-Кадеръ признанъ какъ *эмиръ эль-муменинъ*, то есть, какъ повелитель правовѣрныхъ. Съ той поры онъ дѣйствительно сталъ помогать совершенно султанской власти; онъ не хотѣлъ терпѣть около себя ни какой соперничающей силы и тотчасъ же принялся очищать свой путь отъ препятствій, какія могли встрѣтиться.

Онъ началъ съ Мустафы Бенъ Изманла, почтеннаго предводителя Дуэровъ и Смелей. Послѣ жестокой борьбы эмировъ противникъ принужденъ былъ броситься въ объятія Французовъ, чтобы избѣжать мщенія гонителя.

Воспользовавшись совѣтами нѣкоторыхъ французскихъ офицеровъ, посланныхъ къ нему съ порученіями, и присутствіемъ нѣсколькихъ дезертеровъ, изъявившихъ готовность стать подъ его знамена, Абдель-Кадеръ создалъ ядро регулярнаго войска, — около тысячи человекъ хорошо вооруженныхъ и обученныхъ.

Побѣдивъ Сиди эль-Ариба, одного изъ *халифовъ* (наиѣственниковъ), который возсталъ на него со всѣми племенами Шелфа, эмиръ долженъ былъ заняться подавленіемъ беспорядковъ, произведенныхъ появленіемъ холеры. Между тѣмъ явился новый соперникъ, но славная побѣда вручила султану всю землю отъ Шелфа до Меден. Съ этой поры числится власть Абдель-Кадера надъ столицей Миттери и надъ Миліаной.

Обстоятельства, до сихъ поръ не объясненныя, расторгли миръ съ Франціей и, въ іюнѣ 1835, противъ эмира выступилъ генералъ Трезель. За кровавою битвой въ лѣсу мулен-изманльскомъ послѣдовало сраженіе при Мактѣ, гдѣ французская армія потерпѣла жестокое пораженіе. Экспедиція въ Маскару была удачею. Во время походу маршала Клозеля на арабскую столицу, племена, пораженные ужасомъ, покинули своего вождя, такъ, что онъ не могъ уже защищаться. Одинокій, блуждающій какъ побѣжденный левъ около залитой пожаромъ столицы своей, съ серд-

день, переполненнымъ гнѣвомъ, онъ удалился въ уѣжище, гдѣ оставялъ семью. Жене и мать и всѣхъ домашнихъ онъ вывелъ въ отчаяніи: несчастныхъ грабилъ собственные приверженцы, Арабы. При этомъ зрѣящій эмиръ впалъ въ уныніе и задумалъ было покинуть жалкую толпу, которая не довольствовалась тѣмъ, что бѣжала изъ подъ знаменъ ислама при появленіи христіанъ, но еще оскорбила его, своего султана, въ томъ, что ему всего дороже на землѣ. Но голосъ фанатизма и вѣрвая опора племени снова напомнили ему его долгъ и ободрили ослабѣвшій духъ. Онъ съѣхал на коня и, съ небольшимъ отрядомъ всадниковъ, послѣдовалъ за отступавшею французскою арміею, тревожа ее и угрожая издалека.

Когда онъ воротился, состояніе его было совершенно бѣдственное: у него оставалась всего одна изорванная палатка, которую онъ былъ принужденъ разбить своими руками. Во время грабежа, одинъ изъ его же офицеровъ укралъ у него государственный зонтикъ; другой простеръ дерзость до того что съ ногъ у него сорвалъ шпору. Если онъ не умеръ съ голоду во время своего пребыванія въ Аргубъ-Измаилѣ, то обязанъ этия только преданности кажда Эль-Бухаря, который взялся кормить его. Мало-по-малу однакожь угрызения совѣсти заступили у Арабовъ унизительное чувство, которое побудило ихъ къ такому постыдному поведенію. Они пришли и упали къ ногамъ Абдель-Кадера. Эмиръ простилъ и этимъ искуснымъ великодушіемъ внигъ собралъ около себя всѣхъ тѣхъ, которые, страшась гнѣву, не смѣли казаться ему на глаза. Счастье снова улыбаюлось ему: онъ принудилъ его улыбнуться.

Французы заняли Тлемсенъ. Армія маршала Клозеля стояла на дорогѣ въ Тафну. Двадцать-шестого января 1836, эмиръ совершенно загородилъ имъ путь на берегъ Иссыра. Послѣ многихъ кровопролитныхъ схватокъ, маршалъ отступилъ къ Тлемсену. Военная слава Абдель-Кадера чрезвычайно возрасла и Кабили сосѣднихъ къ Мароку горъ поклонились ему въ повиновеніи и вѣрности. Будучи разбитъ, 15 апрѣля, у Эль-Гасера, генераломъ д'Аланжемъ, онъ вознаградилъ себя, 25 числа того же мѣсяца, у Сиди-Якуба, и подвергъ французскій лагерь у Тафны такой сильной блокадѣ, что нужно было изъ Франціи послать генерала Бюжэ съ подкрѣпленіемъ, для освобожденія полковнаго гарнизона. Нужно было въ тоже время избавить отъ блокады завертаго въ тлемсенской цитадели полковника Кавеньяка, который взнемогалъ подъ нападсіями эмира и его халифовъ. Но побѣда при Сиккакѣ (7 іюля 1836) поправила дѣла завосвателей, разо-

реальных ври Сиди-Якубъ. Послѣ этого сраженія, въ которомъ отличился лично храбростью, Абдель-Кадеръ опять увидѣлъ, что Арабы покидаютъ его, такъ же какъ на другой день по взятіи Маскары; онъ опять оставался почти одинокъ. Трудно было снова собрать разсѣяныя силы, однакожъ онъ успѣлъ и могъ устоять противъ генерала Летана, между-тѣмъ какъ съ другой стороны воротилъ покорность нѣкоторыхъ строптивыхъ племенъ.

Миръ 30 мая 1837 былъ торжествомъ для эмира. Его снова признали за повелителя правовѣрныхъ и Французы отдали ему двѣ спорныя провинціи, предоставивъ себѣ въ нихъ только нѣсколько отдаленныхъ пунктовъ; отдали Тлемсець и лагерь при Та-нѣ со всѣмъ заведеніемъ; выдали своихъ союзниковъ Дуэровъ и всю ихъ землю; особыми условіями обязались снабжать Эмира оружіемъ и снарядами. Словомъ, договоръ былъ чрезвычайпо выгоденъ Абделю Кадеру.

Досуги этого мира Абдель Кадеръ употребилъ на нѣкоторыя экспедиціи противъ строптивыхъ племенъ и на упроченіе своего политическаго состоянія. Въ войну, объявленную 1839 года, онъ явился гораздо сильнѣе прежняго. У него оказалось семь или осемь тысячъ человѣкъ регулярной пѣхоты, тысяча осемь сотъ также регулярной конницы, двадцать тысячъ всадниковъ изъ племенъ и осемь тысячъ Кабилонъ. Кампаніи 1840 и 1841, которыя поприщемъ служили вершины Атласа, были убійственными для обѣихъ армій. Взятіе Телін, разныя сраженія въ Оливонныхъ Лѣсахъ и трудности снабженія Меден и Миліаны съѣстными припасами показали Французамъ, что война стала нешуточною. Но побѣда осталась за ними. Разореніе Тагдемпта, окончательное занятіе Маскары генераломъ Ламорсьеромъ и Тлемсена генераломъ Бедо, покореніе многихъ племенъ и разсѣяніе остальныхъ довели эмира до послѣдней крайности и заставили его нехотѣ убѣжища въ Марокъ.

Сначала онъ въ своемъ изгнаніи не находилъ ничего кромѣ забвенія и нищеты. Чтобы прокормить семью и слугъ, онъ принужденъ былъ продавать омерзелья своей жены. Но онъ съ истинно мусульманскою покорностью предопредѣленію ждалъ, когда прійдутъ лучшіе дни.

Черезъ годъ потомъ неукротимый эмиръ снова взволновалъ всю Алжирію и снова явился грозою на вершинахъ горъ Трара. Равный въ дѣлѣ Сиди-Брагима, онъ однакожъ тѣмъ не менше припалъ за исполненіе своего замысла. Онъ прошелъ всю юж-

ную границу провинцій оранской и алжирской, проникъ въ Великую Кабилию, явился у самыхъ воротъ Алжира и отступилъ черезъ Сахарскую Пустыню. Въ этомъ отважномъ переходѣ отъ изпурилъ французскія подвижныя колонны и заставилъ маршала Бюжю объявить, что Абдель-Кадеръ — *неуловимъ* (imprenable), Слѣдствіемъ этой продолжительной борьбы было переселеніе многихъ тысячъ алжирскихъ семействъ въ Марокъ.

Тогда уже опредѣленнѣе обрисовались честолюбивыя виды эмира. Ослабленный пораженіями, осрамленный въ глазахъ своихъ подданныхъ союзомъ съ христіанскимъ народомъ, императоръ марокскій казался ему мало способнымъ устоять противъ нападенія, которое имѣло бы предлогомъ искупленіе оскорбленной мусульманской вѣры, а настоящею цѣлю — возшествіе Абдель-Кадера на престолъ Магреба, но... благодаря Марокцамъ, *неуловимый* эмиръ теперь въ плѣну у Французовъ.

Исторія должна отвести значительное мѣсто этому человеку; который въ продолженіи пятнадцати лѣтъ занималъ первый планъ въ политикѣ Франціи и съ такими ничтожными средствами умѣлъ держаться противъ всѣхъ успѣй огромнаго европейскаго государства.

МЕНДЕЛЬСОНЪ-ВАРТОЛЬДИ. Почти всѣ иностранныя журналы сообщаютъ нынче болѣе или менѣе подробнѣя свѣденія о великомъ композиторѣ, котораго преждевременную кончину оплакиваетъ не одна его родина, а всѣ любители истинной музыки. Мы увѣрены, что и наши читатели не безъ удовольствія прочтутъ эту біографію.

Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди родился 3 февраля 1809 года, въ Гамбургѣ. Дѣдъ его былъ знаменитый философъ Моисей Мендельсонъ; отецъ, человекъ умный и образованный, составилъ себѣ большое состояніе банкирскими дѣлами. Мать его была также женщина рѣдкаго образованія, страстно любила музыку и серьезно занималась ею. Когда Феликсу пошелъ третій годъ, семейство его оставило Гамбургъ и поселилось на постоянное жительство въ Берлинѣ. Домъ его родителей былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ замѣчательныхъ композиторовъ и вообще всѣхъ знаменитостей въ наукѣ и искусствѣ. Слѣдовательно музыка окружала Феликса съ самой колыбели, и въ немъ рано пробудилась врожденная страсть къ этому искусству; мать была первою его учительницею въ фортепیانной игрѣ. Изумительные успѣхи ребенка несомнѣнно доказали родителямъ призваніе ихъ сына къ му

зыкѣ: по этому они направили все его воспитаніе и образованіе преимущественно къ музыкѣ. Бергеръ, а потомъ въ которое время Мошелесъ были учителями его въ фортепیانной игрѣ, а Целтеръ въ теоріи и композиціи. Во время пребыванія своего въ Парижѣ, вмѣстѣ съ сестрою, бывшею немногимъ старше его и имѣвшею почти такія же способности къ музыкѣ, онъ пользовался уроками госпожи Бигё, превосходной піанистки, родомъ изъ Эльзаса, и образовавшейся въ Вѣнѣ. Феликсъ всегда съ искреннею любовью и признательностію отзывался о ея музыкальномъ, истинно художественномъ вкусѣ, о ея добротѣ и любезности. Керубини также въ то время давалъ ему уроки въ контрапунктѣ. Ребенокъ учился старательно, и дѣлалъ удивительные успѣхи; но онъ самъ говорилъ, что никогда не занимался фортепیانною игрою съ неутомимымъ усердіемъ новѣйшихъ виртуозовъ. Это было бы ему и не возможно, потому что родители хотѣли дать ему въ тоже время основательное общее образованіе. Онъ бралъ сначала частные уроки у лучшихъ учителей, потомъ вступилъ въ берлинскій университетъ, посѣщалъ лекціи, и даже держалъ университетскій экзамень. И что все это было не просто для виду, а что онъ дѣйствительно занимался серіозно, то доказывало его всестороннее образованіе, его глубокія пбзнаціи въ наукахъ. Онъ читалъ латинскихъ и греческихъ писателей въ подлинникѣ, самъ даже перевелъ въ стихахъ Теренціеву «Андрянку», и такъ хорошо, что могъ издать свой переводъ, но выставилъ на немъ только начальныя буквы своего имени Ф. М. Б. Изъ новыхъ языковъ, онъ свободно говорилъ и писалъ по-французски, по-англійски и по-итальянски; читалъ Довъ Кихота по испански. Сверхъ того онъ учился рисованію и живописи; онъ даже имѣлъ замѣчательныя способности къ пейзажу и много писалъ съ натуры; это до самаго конца его жизни служило ему отдохновеніемъ отъ музыкальныхъ трудовъ. Отецъ не пренебрегалъ физическимъ его развитіемъ, и маленькій Феликсъ страстно любилъ всякія тѣлесныя упражненія; онъ былъ мастеръ плавать и ѣздить верхомъ, очень хорошо точилъ, любилъ танцваніе и танцевалъ необыкновенно ловко. При всѣхъ этихъ постороннихъ занятіяхъ и безпрестанныхъ поѣздкахъ, его музыкальное творчество пробудилось очень рано; онъ издавалъ сочиненіе за сочиненіемъ, и мастерски уже владѣлъ формою въ такомъ возрастѣ, когда другіе еще съ трудомъ справляются съ школьнымъ упражненіями. По числу его тогдашнихъ сочиненій можно бы подумать, что онъ былъ прикованъ къ мѣсту, и никогда ни чѣмъ

не занимался, кромѣ музыки. Первыя его сочиненія, три фортепьянные квартета, соната для фортепьяно, семь характеристическихъ пьесъ для фортепьяно, двѣ тетради пьесенъ для одного голоса съ фортепьяно (въ каждой тетради по двѣнадцать пьесенъ), комическая опера въ двухъ дѣйствіяхъ «Свадьба Камачо» и нѣкоторыя другія были имъ написаны въ Берлинѣ почти въ детскомъ возрастѣ; оперу свою онъ написалъ на шестнадцатомъ году.

Отецъ Мендельсона имѣлъ довольно художественнаго смысла, чтобы понимать, что было нужно для полнаго развитія способностей сына, а ростопіе позволяло ему ничего не щадить для этой цѣли; но этому онъ частью самъ ѣздилъ съ нимъ, частью посылалъ его путешествовать. Такимъ образомъ Феликсъ объѣздилъ въ разное время Германію, Францію, Англію, Шотландію и Италію; послѣднюю страну онъ объѣздилъ большею частью съ директоромъ Шадовомъ, который былъ коротко знакомъ въ домѣ его родителей, и съ лучшими живописцами Дюссельдорфской школы, Гольдебрандомъ, Гюбнеромъ, Бендеманномъ, и нѣкоторыми другими. Въ Римѣ онъ познакомился съ Берлиозомъ, который его очень полюбилъ. Но всего болѣе влекло его въ Англію, и онъ посѣщалъ ее семь разъ. Въ первый разъ пріѣхалъ онъ въ Лондонъ въ апрѣлѣ 1829 года. Мошелесъ немедленно ввелъ его въ сношенія съ филармоническимъ обществомъ, въ концертѣ котораго, 8 мая, была исполнена въ первый разъ его увертюра къ «Сну въ Иановскую ночь». Этотъ концертъ должно считать началомъ его славы. Публика съ восторгомъ слушала это гениальное произведеніе, хотя была слишкомъ поражена, чтобы выкинуть впередъ во все фантастическія его подробности. По настоятельной просьбѣ общества, Мендельсонъ нѣсколько разъ и самъ игралъ въ его концертахъ, но ни разу не давалъ концерта собственно для себя. Однимъ изъ самыхъ блистательныхъ концертовъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, былъ концертъ госпожи Зонтагъ въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія Силезцевъ; въ этомъ концертѣ кромѣ его и госпожи Зонтагъ участвовали госпожи Малибранъ, Кампорезе, Пизарони, Блазисъ, и господа Донцелли, Велути, де-Беньясъ, Куріони, Бордопни, Пеллегрини, Цукелли, Пуцци, Друэ и Максъ-Бореръ. Въ этомъ концертѣ онъ во второй разъ дирижировалъ свою увертюру къ «Сну въ Иановскую ночь» и навсегда пріобрѣлъ любовь Англичанъ. Сверхъ того онъ игралъ съ Мошелесомъ двойной концертъ Моцарта съ выпротивпоставленными ферматами. Изъ Лондона онъ поѣхалъ въ

Эднбургъ и посѣтилъ нагорную Шотландію. Воспоминанія о шотландской природѣ породили увертюру «Фингаловой Пещеры». Въ концѣ апрѣля 1832 года, онъ возвратился въ Лондонъ и дирижировалъ эту увертюру въ концертѣ филармоническаго общества; въ другомъ концертѣ онъ игралъ свой концертъ G-moll. Десятаго іюня онъ порадовалъ своихъ почитателей превосходнымъ исполненіемъ Баховыхъ фугъ на органѣ церкви святаго Павла. Въ третій разъ онъ посѣтилъ Лондонъ въ апрѣлѣ 1833 года. Тутъ онъ написалъ съ Мошелесомъ, въ два дня, варіацію на маршъ изъ «Пресіозы,» для двухъ фортепіанъ съ оркестромъ; эта пьеса, которую онъ игралъ съ Мошелесомъ въ концертѣ, напечатана только въ передѣлкѣ на четыре руки; нельзя не пожелать, чтобы она была издана въ первоначальномъ своемъ видѣ. Въ филармоническомъ концертѣ 13 мая, онъ дирижировалъ новую симфонію A-dur, которая до-сихъ-поръ еще не напечатана. Мошелесъ, слышавшій ее, говоритъ, что это въ высшей степени замѣчательное произведеніе по своей свѣжести, оригинальности и неизсякаемой фантазіи. Послѣдняя часть ея написана въ формѣ тарантеллы. Въ томъ же концертѣ онъ игралъ со своимъ собственнымъ ему одушевленіемъ и совершенствомъ концертъ Моцарта D-moll. Затѣмъ Мендельсонъ поѣхалъ въ Дюссельдорфъ, дирижировать большое музыкальное празднество, а 8 іюня опять возвратился съ отцомъ въ Лондонъ; гдѣ чрезъ нѣсколько дней, въ концертѣ филармоническаго общества исполнена новая его увертюра C-dur.

Въ сентябрѣ 1840 года Мендельсонъ опять поѣхалъ въ Англію и дирижировалъ на бирмингамскомъ музыкальномъ праздествѣ свою «Хвалебную пѣснь» (Lobgesang), которая принята съ восторгомъ. Эта пѣснь была имъ написана въ Лейпцигѣ по случаю четырехъ-сотъ-лѣтняго юбилея въ память изобрѣтенія книгопечатанія и исполнена въ первый разъ, 25 іюня 1840 года, въ церкви святаго Томы. Въ 1842 году, онъ опять посѣтилъ Лондонъ, и дирижировалъ въ первый разъ свою симфонію A moll. Успѣхъ этого сочиненія превзошелъ всѣ прежнія его торжества, чему можетъ-быть содѣйствовали отчасти отголоски шотландской музыки, которые въ особенноти замѣтны въ скерцо, въ финалѣ. Потомъ онъ опять былъ въ Лондонѣ, въ маѣ 1844 года, и дирижировалъ пять послѣднихъ концертовъ филармоническаго общества. Въ іюлѣ онъ далъ тамъ своего «Павла», который былъ принятъ съ живѣйшимъ энтузіазмомъ. Въ августѣ 1846 года онъ далъ въ Бирмигамѣ въ первый разъ «Нилью», вѣнецъ сво-

его таланта и славы. Последнюю поѣздку въ Лондонъ онъ совершилъ въ апрѣлѣ 1847 года; тутъ онъ дирижировалъ «Илью» еще съ большимъ успѣхомъ. Кромѣ того онъ игралъ въ одномъ концертѣ филармоническаго общества концертъ Бетгоvena G-dur, съ превосходною импровизированною ферматою. Вторую часть этого концерта составлялъ его «Сонъ въ Ивановскую ночь». Лондонская публика всегда радовалась посѣщеніямъ Мендельсона; прїѣздъ его проливалъ новую жизнь во всѣ музыкальныя сферы. Королева Викторія и принцъ Альбертъ не разъ изъявляли ему свое уваженіе и благосклонность. И самъ Мендельсонъ любилъ Лондонъ; здѣсь въ первый разъ засвѣтилась его слава; здѣсь онъ имѣлъ многихъ друзей, вѣрныхъ до гроба.

Если частыя путешествія, совершенныя имъ въ юности по главнымъ странамъ Европы, обогатили его фантазію новыми впечатлѣніями и образами, и умъ разнообразными наблюденіями, то другое счастливое обстоятельство дало случай развитію его дирижерскому таланту; это обстоятельство было — полученіе должности директора музыки въ Дюссельдорфѣ. Случай къ тому доставило музыкальное празднество 1833 года. Хотя онъ не былъ еще извѣстенъ какъ дирижеръ, но по знакомству съ однимъ членомъ комитета былъ приглашенъ дирижировать празднествомъ; а блестящій успѣхъ празднества внушилъ городскому мыслъ правленію удержать его въ Дюссельдорфѣ; для него учредили должность городского директора музыки; обязанности его заключались въ управленіи еженедѣльными собраніями общества пѣнія, концертами и церковной музыкой въ католическихъ церквахъ. Эта должность съ тѣхъ-поръ осталась въ томъ же видѣ. Мендельсонъ заключилъ контрактъ на три года и вступилъ въ должность осенью, 1833 года. Концерты сначала, кажется, не привлекли публики, какъ того ожидали, потому что съ ноября 1833 года до мая 1834 даво ихъ было только три. Выборъ пьесъ былъ превосходенъ, исполненія удовлетворительны, сколько позволяли средства. Мендельсонъ самъ нерѣдко участвовалъ въ концертахъ какъ піанистъ, и игралъ между прочимъ большой концертъ преждевременно умершаго талантливаго композитора Бургмюллера. Къ этому же времени принадлежитъ дружба Мендельсона съ Иммерманомъ, который, хотя былъ гораздо старше его, но чувствовалъ къ нему невольное влеченіе. Они были въ самой тѣсной дружбѣ, и эта связь двухъ великихъ талантовъ, казалось, должна была остаться неразрывною до гроба. Иммерианъ написалъ для Мендельсона оперный текстъ изъ Шекспировой «Бури».

который, однако же, Мендельсону не пригодился. Онъ былъ зашмателемъ и полонъ поэзіи, но поэтъ не имѣлъ ни какого понятія объ условіи музыкальнаго либретто и въ этомъ отношеніи его текстъ былъ такъ неудаченъ, что его даже нельзя было передѣлать; такимъ образомъ онъ остался безъ употребленія. Присутствіе двухъ такихъ талантовъ естественно внушило желаніе поднять дюссельдорфскій театръ, который до-тѣхъ-поръ былъ посредственнымъ частнымъ предпріятіемъ. Иммерманъ и Мендельсонъ охотно приняли его управленіе на себя. Весною 1834 года, дано нѣсколько пробныхъ представленій; Мендельсонъ поставилъ «Донъ-Жуана» и «Водовоза», а Иммерманъ между прочимъ поставилъ Кальдеронова «Твердаго принца», къ которому Мендельсонъ написалъ музыку. Эти представленія были очень удачны и публика осталась вполне довольною. Затѣмъ составленъ посредствомъ акцій значительный капиталъ, учрежденъ для общаго управленія совѣтъ изъ акціонеровъ, котораго членами были Мендельсонъ и Иммерманъ, съ званіемъ интендаитовъ, первый по музыкальной, второй — по драматической части. Предпріятіе пошло однако же не такъ, какъ ожидали. Мендельсонъ и Иммерманъ были люди замѣчательные въ поэтическомъ и эстетическомъ отношеніяхъ, но ни тотъ ни другой не имѣлъ практическаго знанія театра. Представленія начались въ октябрѣ 1834 года. Мендельсонъ въ первый мѣсяцъ разучилъ Веберова «Оберона» и два раза дирижировалъ его, но этимъ и заключилось его участіе въ театрѣ; онъ чувствовалъ, что эта должность не по немъ, отказался отъ нея и представилъ на свое мѣсто друга своего, Ритца. Всего прискорбнѣе было то, что черезъ это родилось недоразумѣніе между нимъ и Иммерманомъ; за тѣмъ послѣдовалъ разрывъ на всю жизнь.

Между-тѣмъ общество пѣнія и концерты процвѣтали подъ управленіемъ Мендельсона; программа концертовъ была всегда превосходна. Мендельсонъ самъ часто игралъ въ нихъ. Удаленіе отъ театральнаго управленія было счастливымъ и благодѣтельнымъ обстоятельствомъ для его композиторской дѣятельности; у него стало болѣе свободнаго времени для работы, и онъ умѣлъ имъ пользоваться. Въ Дюссельдорфѣ онъ написалъ большую часть «Павла», три каприччіо для фортепіано (op. 33), вторую тетрадь своихъ пѣсенъ безъ словъ; пѣсеню «Auf Flügeln des Gesanges» (Es-dur) для альты; три народныхъ пѣсни Гейне (въ первой тетради его пѣсенъ для дисканта, альты, тенора и баса). Весною 1835 года, онъ дирижировалъ музыкальное празднество въ Кельнѣ.

Тутъ подѣ его управленіемъ былъ исполненъ «Садомонъ», Гендла, къ которому онъ самъ написалъ органичную партію.

Между тѣмъ ему предложили мѣсто директора концертовъ лейпцигскаго Гендангауза. Какъ онъ по контракту предоставилъ себѣ право оставить свою должность въ Дюссельдорфѣ, по прошествіи двухъ лѣтъ, то онъ этия воспользовался и уѣхалъ въ началѣ іюля. Впрочемъ, онъ повѣ того нѣсколько разъ прѣзжалъ въ Дюссельдорфъ на время. Такъ напримѣръ, въ 1836 году, онъ дирижировалъ дюссельдорфское музыкальное празднество. Для него былъ написанъ «Павелъ» и дѣйствительно исполненъ въ первый разъ въ Дюссельдорфѣ, 22 мая 1836 года. Успѣхъ его былъ самый изумительный. Несмотря на то, однако же, авторъ сдѣлалъ въ немъ большія перемѣны, такъ, что голоса, выпущенные на шестьсотъ исполнителей, уже не годились. Когда онъ ѣхалъ въ Лондонъ ставить «Павла», онъ опять посѣтилъ Дюссельдорфъ, гдѣ въ честь ему была исполнена его ораторія. Въ 1839 и 1841 году, онъ опять дирижировалъ дюссельдорфское музыкальное празднество, вмѣстѣ съ Ритцомъ. На третій день празднества онъ игралъ концертъ Ез-диг, Бетговена, и нѣсколько своихъ пѣсень безъ словъ; затѣмъ онъ еще сыгралъ импровизированную фантазію, въ которой припомнилъ главныя черты всего празднества. Въ послѣдній разъ посѣтилъ онъ Дюссельдорфъ послѣ ахенскаго музыкальнаго празднества, и пробылъ почти цѣлую недѣлю.

Вслѣдствіе возрастающей славы Мендельсона, какъ композитора и дирижера, на всѣхъ большихъ концертахъ и музыкальныхъ торжествахъ желали его имѣть дирижеромъ; онъ, сколько могъ, исполнялъ это желаніе. Такимъ образомъ онъ дирижировалъ музыкальныя празднества въ Кельнѣ и Ахенѣ; большое церковное торжество въ Литтихѣ, для котораго даже написалъ «Lauda Sion.» Онъ же дирижировалъ торжество рейнско-фламандскаго пѣвческаго союза, въ Кельнѣ, на которомъ исполнена въ первый разъ его «Торжественная пѣснь къ артистамъ.» Послѣ дюссельдорфскаго празднества онъ отправился во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ дирижировалъ концерты общества Святой Цециліи за большого Шельбле. Въ Брауншвейгѣ, Веймарѣ и другихъ мѣстахъ, онъ самъ дирижировалъ своего «Павла».

Съ 1835 года, до самой смерти, Мендельсонъ почти постоянно жилъ въ Лейпцигѣ, занимая должность директора концертовъ Гендангауза. Въ первый разъ исправлялъ онъ эту обязанность 4 октября 1835 года. Зала была полна пароду; всобщія рукопле-

снѣшя встрѣтили молодого артиста. Съ этого времени начинается новый періодъ музыкальной жизни Лейпцига, какъ по превосходному выбору нѣсье для концертовъ, постановкѣ собственныхъ произведеній Мендельсона, ихъ превосходному исполненію, такъ и по собственной его игрѣ въ концертахъ и въ частныхъ обществахъ. Черезъ его посредство оркестръ приобрѣлъ въ должность концертмейстера друга его, талантливаго скрипача и композитора, Давида, который немедленно пональ его желанія и ввуншилъ ихъ оркестру. Здѣсь не мѣсто изчислять всѣ заслуги Мендельсона въ отношеніи къ Лейпцигу. Лейпцигскій университетъ въ благодарность поднесъ ему докторскій дипломъ, а король Саксонскій далъ ему званіе саксонскаго капельмейстера. Въ 1837 году, Мендельсонъ женился на Цециліи Жанреко, дочери Франкфуртскаго реформатскаго пастора, которая своимъ умомъ и прекрасною душою составила счастье всей его жизни. Званіе прусскаго генераль-директора музыки принудило его ѣхать на нѣкоторое время въ Берлинъ, гдѣ онъ далъ «Антигону», «Говелію», «Сонъ въ Ивановскую Ночь» и «Эдипа.» Но несмотря на почести и милости, которыми осыпалъ его король, ему не нравилась Берлинъ, и онъ выпросилъ позволеніе возвратиться въ свой любезный Лейпцигъ, гдѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ непродолжительныхъ поѣздокъ, пробылъ до самой смерти. Когда впоследствии образовалась въ Лейпцигѣ музыкальная консерваторія, Мендельсонъ сколько могъ, принялъ въ ней участіе, и своимъ славнымъ именемъ привлекъ множество учениковъ.

Мендельсонъ намѣревался провести лѣто 1847 года въ Вевѣ. На возвратномъ пути изъ Англіи, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, онъ получилъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ долженъ былъ съѣхаться съ своимъ семействомъ, извѣстіе о смерти сестры, которую нѣжно любилъ. Это былъ тяжелый ударъ для его души, онъ разстроилъ его планъ. Мендельсонъ провелъ нѣкоторое время въ Баденѣ, потомъ въ Лауфенѣ и, наконецъ, отправился въ Интерлакенъ, гдѣ пробылъ до сентября. За нѣсколько дней до отъѣзда онъ импровизировалъ, вѣроятно, въ послѣдній разъ въ жизни, на органѣ небольшой сельской церкви близъ Бриенцкаго Озера. Только немногіе друзья слышали, какъ бѣдвый инструментъ вдругъ выросъ, получилъ силу и жизнь подъ мощными руками; потокъ высокихъ мыслей огласилъ пустую церковь. Мендельсону хотѣлось еще ѣхать въ Фрейбургъ, посмотреть органъ Мозера, но дурная погода удержала его. «Подходитъ зима, говорилъ онъ друзьямъ: лучше мнѣ воротиться домой». Возвратившись въ Лейпцигъ, онъ

слова принялся за обычныя занятія, былъ по-прежнему ласковъ съ домашними и друзьями, но тайное предчувствіе близкой смерти тревожило его душу; онъ иногда даже высказывалъ его; друзья считали это преходящимъ припадкомъ хандры; но это едва ли не были дѣйствительные предвѣстники грозившей болѣзни.

Вечеромъ, 9 октября, онъ былъ въ знакомомъ домѣ, и аккомпанировалъ нумеръ изъ своего «Ильи», какъ-вдругъ почувствовалъ дурноту, и принужденъ былъ поспѣшить домой. Сильный приливъ крови въ голову, и онѣмѣніе рукъ и ногъ были дурные признаки; однако жъ немедленная помощь врача отвратила послѣдствія этого удара. Къ концу октября, Мендельсонъ, казалось, совсѣмъ оправился отъ болѣзни, могъ выходить и выѣзжать. Отъ поѣздки въ Берлинъ, чтобы поставить «Илью», онъ долженъ былъ отказаться; но надѣялся самъ дирижировать его въ Вѣнѣ, и съ удовольствіемъ помышлялъ объ этомъ. Вечеромъ, 28 октября, приливъ крови возобновился съ большею силою; призванный на помощь врачъ объявилъ, что это нервическій ударъ. Больному пустили кровь; онъ скоро пришелъ въ чувство, но могъ только прерывисто жаловаться на сильную головную боль. Впрочемъ, онъ отъ времени до времени успокоивался, и даже засыпалъ. 3 ноября приливъ крови повторился, и съ того времени Мендельсонъ уженикого не узнавалъ. Въ такомъ положеніи онъ лежалъ среди своего семейства и близкихъ друзей, до вечера 4 ноября; въ двадцать четыре минуты десятого онъ тяжело вздохнулъ и душа отлетѣла.

Мы уже говорили о впечатлѣніи которое произвело это несчастное происшествіе не только въ Лейпцигѣ и другихъ городахъ Германіи, но даже въ иныхъ странахъ, и о горестныхъ торжествахъ, которые вездѣ были устроены въ память почившаго таланта; поэтому мы здѣсь окончимъ очеркъ его вѣншей жизни и обратимся къ краткому разсмотрѣнію жизни внутренней.

Мендельсонъ можетъ служить опроверженіемъ общепринятому мнѣнію, что для полнаго развитія генія необходимы препятствія. На него можно, напротивъ, смотрѣть, какъ на предложенный природою образецъ разумнаго художническаго воспитанія и образованія. Мало того, что природа дала ему въ самомъ нѣжномъ возрастѣ выказать способности и свойства, изблѣчавшія въ немъ будущаго художника; она направила всѣ обстоятельства его развитія въ строгой, послѣдовательности къ тому, чтобы показать, какъ должно обращаться съ художническою натурою для того,

чтобы она безъ страданія достигла своего назначенія и спокойно и безъ всякой чуждой примѣси развила свою личность.

Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ Мендельсонъ оказывалъ рѣдкую понятливость. Бѣольшая часть людей, приступая къ изученію какого нибудь предмета, отступаютъ отъ него съ непріязненнымъ ощущеніемъ, какъ отъ чего-то совершенно новаго, отъ предмета, о существованіи котораго они не имѣли даже самаго темнаго предчувствія; съ трудомъ познаютъ они его и усваиваютъ себѣ; но есть избранные умы, для которыхъ познаваніе есть не что иное, какъ воспоминаніе, которое дремало въ душѣ ихъ и пробуждается при первомъ толчкѣ ученія. Къ числу такихъ избранныхъ принадлежитъ Мендельсонъ. Учиться для него значило припоминать. Къ этой понятливости присоединялось въ немъ живое влеченіе къ новому, самая всеобъемлющая любознательность. Ученіе было для него не тяжелою обязанностью, а пріятнымъ развлеченіемъ. И это очень понятно, когда знаешь, что онъ все съ одинаковою легкостью постигалъ и запоминалъ, потому что природа одарила его также удивительною памятью. Объ этой памяти разсказываютъ множество любопытныхъ случаевъ. Когда Флейтистъ Гильу былъ въ Берлинѣ, Мендельсонъ аккомпанировалъ ему одну пьесу на фортепиано. Черезъ недѣлю послѣ того Гильу просили въ одномъ обществѣ сыграть эту пьесу; онъ извинился тѣмъ, что не взялъ съ собою аккомпанимента. Мендельсонъ вызвался аккомпанировать на память и дѣйствительно сыгралъ свою партію ноту въ ноту, къ крайнему удивленію Гильу. Однажды онъ черезъ нѣсколько лѣтъ повторилъ сначала до конца какое-то сочиненіе своего друга Давида, которое самъ авторъ едва помнилъ, и множество другихъ примѣровъ разсказываютъ друзья покойнаго. Ко всѣмъ этимъ дарамъ, присоединялъ онъ наконецъ самый важный для композитора: живую фантазію, которая не тѣшилась безплодными грезами, но стремилась къ творчеству, искала упокоенія въ дѣлахъ. Сверхъ этихъ духовныхъ способностей, природа надѣлила своего возлюбленника рѣдкими физическими способностями. Всѣмъ извѣстно, что онъ былъ необыкновенный пианистъ и органистъ; сверхъ того онъ игралъ на скрипкѣ и на альтѣ, и приобрѣтеніе этого механическаго искусства не стоило ему почти никакого труда.

И это рѣдкое соединеніе счастливыхъ способностей съ самой колыбели встрѣтило благопріятныя обстоятельства, которыя приносили его подъ свою защиту, дѣлали, и изъ счастливаго ребенка образовали великаго художника. Нѣжные, образованные и

при томъ богатые родители подвѣтали всё его способности и склонности, не смилосердились обратити ихъ на другой путь, какъ часто случается, а напротивъ съ любовью старались о нихъ развить. Сама мать дала ему первые уроки на фортепиано и съ материнскою заботливостію старалась не утомити его нѣжной организацией слишкомъ усильными трудами. Въ дѣтствѣ, ему предоставлена была безграничная свобода играть, бѣгать, предаваться всѣмъ дѣтскимъ забавамъ. Когда же онъ подростъ, ему дали лучшихъ учителей, старались въ то же время обновлять и оживлять его омы путешествіями и свѣжими впечатлѣніями. Съ самаго дѣтства въ домѣ родителей слышалъ онъ безпрестанно лучшихъ музыкальных произведеній, и былъ окруженъ самыми замѣчательными людьми въ наукѣ и искусствѣ; общество его родителей состояло всегда изъ людей образованныхъ и благородныхъ. Не мудро, что всё эти обстоятельства имѣли вліяніе на его развитіе, что благородство и вѣщество отозвались на его внутренней и внешней жизни, перешли въ его художественное направленіе. То, что онъ получалъ отъ природы, можно только пожелать каждому: образъ же его воспитанія долженъ служить образцомъ художественнаго воспитанія, примѣромъ, которому каждый долженъ слѣдовать по мѣрѣ силъ.

Впрочемъ, и въ этой счастливой сферѣ являлась опасность и препятствіе его развитію. Обыкновенно за особое благодѣаніе судьбы считаютъ то, что въ самомъ еще дѣтствѣ онъ пользовался частащеніями Целлера; оно совершенно справедливо въ отношеніи къ заданію искусства и всѣмъ хитростямъ контрапункта. Въ отношеніи же направленія, Целлеръ былъ самый опасный учитель, и если Мендельсонъ избѣжалъ его пагубнаго вліянія, то это случилось лучшимъ свидѣтельствомъ его ранняго развитія и самостоятельности. Менше твердый, менше самостоятельный талантъ не избѣжалъ бы для новаго направленія искусства подъ вліяніемъ упорнаго, непоколебимаго самовластия прусскаго канцелярика. Въ первыхъ сочиненіяхъ Мендельсона даже видны слѣды вліянія учителя, уважаемаго одну старину. Целлеръ постигалъ основы истиннаго искусства въ томъ видѣ, какъ оно являлось въ сочиненіяхъ старыхъ консерваторовъ; высшего же стремленія и красоты новаго направленія онъ не создавалъ. Что бы стало съ обыкновеннымъ талантомъ въ рукахъ учителя, убѣжденнаго въ своей непогрѣшимости и нетерпѣливаго противорѣчія, — учителя, который не могъ сознать гевія Бетговена и выказывалъ по уваженію къ нему въ самыхъ рѣзкихъ словахъ? И

какую силу и самостоятельность сужденія показалъ Мендельсонъ тѣмъ, что могъ отличить хорошую сторону своего учителя отъ слабой стороны; отвергнуть его недостатки и съ любовью посвятить себя изученію тѣхъ гениевъ, на которыхъ онъ возставалъ!

Нельзя также не обратитъ вниманія на время, въ которое Мендельсонъ выступилъ на поприще искусства и стяжалъ такую огромную славу: оно служитъ новымъ свидѣтельствомъ могущества его таланта и силы характера. Это былъ не періодъ безплодія, пробужденія изъ впаденія ступени искусства и стремленія къ высшей, а періодъ цвѣта, періодъ, полный самыхъ дивныхъ твореній. Гайднъ, Моцартъ, Бетговеиъ наполняли музыкальный міръ, проникали въ уши, наполняли ихъ, нерѣдко овладѣвали ими исключительно. Возбудить въ такое время вниманіе и участіе — не по силамъ посредственному таланту. Правда, что и Мендельсонъ сначала встрѣтилъ не самый блистательный приѣмъ. Гдѣ онъ являлся лично, самъ дирижировалъ свои произведенія, тамъ онъ, конечно, возбуждалъ сильное участіе; но какъ скоро онъ удалялся, потокъ времени смыкалъ за нимъ свои волны, не сохраняя на своей поверхности и слѣда его; сочиненіе его тотчасъ забывалось. Даже въ Берлинѣ, гдѣ находилась большая часть его друзей и покровителей, опера его «Свадьба Камачо» не имѣла большаго успѣху; это испугало бы менше могучій талантъ и обратило бы его на другой путь. Англія, правда, тотчасъ призвала его; но призваніе Англіи не тогда, ни даже теперь не можетъ упрочить славы композитора. Между-тѣмъ, какъ ни холодно было онъ привѣтъ сначала, онъ не поколебался ни на одно мновеніе; ни въ одномъ изъ его многочисленныхъ произведеній не видать, чтобы онъ гонимъ за благосклонностью толпы и жертвовалъ ей своею самостоятельностью и убѣжденіемъ. Талантъ и даже гений, можетъ-быть, не такъ рѣдокъ, какъ мы воображаемъ; гораздо чаще не достаетъ ему послѣдовательности стремленія, непоколебимой воли стремиться къ одной высокой, истинной цѣли, не обращая вниманія ни на какія обстоятельства, жертвуя даже собственною славой. Этому-то силу воли Мендельсонъ былъ надѣленъ въ высшей степени, и въ этомъ отношеніи онъ можетъ служить образцомъ благороднаго художческаго стремленія.

Онъ шелъ твердо впередъ и завоевалъ себѣ мѣсто рядомъ съ великими своими предшественниками. Но свѣтъ неохотно терпитъ такіе рѣшительные успѣхи при жизни художника, и если не можетъ оскорить у него славы, то оспариваетъ достоинство.

Сколько разъ, напримѣръ, говорили, что въ сочиненіяхъ Мендельсона преобладаетъ умъ и знаніе искусства надъ фантазіей. Есть, правда, между его сочиненіями такія, въ которыхъ болѣе труда нежели вдохновенія, болѣе технической отдѣлки чѣмъ поэзіи. Онъ зналъ, что ему стоило захотѣть, чтобъ написать безъ вдохновенія искусную, хорошую пьесу; изящная, умная отдѣлка во всякое время зависѣла отъ него; творческое же вдохновеніе не зависѣло отъ его воли, какъ не зависитъ ни отъ какого художника. Если мы будемъ смотрѣть только на эти слабыя сочиненія, родившіяся въ минуты усыпленія творческаго духа, мнѣніе этихъ строгихъ судей будетъ отчасти справедливо. Но можно ли судить о достоинствѣ человѣка по однимъ слабѣйшимъ дѣланіямъ его? Не должно ли скорѣе принять въ соображеніе высшія проявленія его дѣятельности? А въ такомъ случаѣ, просмотривъ весь рядъ его сочиненій для оркестра, для фортепіано и для пѣнія, — и результатъ будетъ обратный: число истинно поэтическихъ созданій далеко превзойдетъ число слабыхъ произведеній.

Говорили также объ его духовныхъ сочиненіяхъ, ораторіяхъ, псалмахъ и прочая, что въ нихъ нѣтъ церковнаго элемента, нѣтъ религіознаго чувства. Но мы спросимъ, точно ли въ нихъ нѣтъ религіознаго чувства, или слушатели его не понимаютъ, потому что въ нихъ самихъ нѣтъ религіознаго элемента, потому что въ комъ нѣтъ религіознаго элемента, въ томъ не возбудитъ его никакая духовная музыка; а въ наше время легче предположить отсутствіе его въ слушателяхъ, которые на одно мгновеніе оставляютъ вихрь свѣта, чтобы коснуться духовной сѣеры, чѣмъ въ Мендельсонѣ, котораго теплая душа всю жизнь питалась чтеніемъ Библіи и создаваніемъ духовныхъ твореній.

Но всего болѣе распространено мнѣніе, что Мендельсонъ не былъ въ состояніи написать оперу. Нѣкоторые даже утверждаютъ, что его счастье, что онъ умеръ не копчивъ оперы. Сколько разъ уже гѣній обличалъ во лжи мнимыхъ пророковъ, которые думаютъ впередъ опредѣлять его ходъ, силу и предѣлы! А между-тѣмъ все являются новые пророки. Почтенный лейпцигскій профессоръ и талантливый композиторъ Лобе гдѣ-то сознается, что и онъ прежде былъ зараженъ этимъ общимъ мнѣніемъ; но что онъ стыдится его съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ услышалъ Мендельсоновъ «Шабашъ» (Walpurgisnacht). И дѣйствительно, рассмотрите это произведеніе: въ немъ является драматическій элементъ не только въ характеризованіи лицъ, но и въ положеніяхъ. Сверхъ того, сравните вообще между собою всѣ со-

чиненія Мендельсона, переходите отъ его пѣсенъ къ увертюрамъ, отъ увертюръ къ духовнымъ сочиненіямъ, или сравните увертюру «Сна въ Ивановскую ночь» съ увертюрою «Морской штиль» или «Павла»: нельзя не замѣтить въ немъ рѣдкій даръ объективности; а развѣ это не первое условіе оперной композиціи? Правда, что почти всѣ извѣстныя его сочиненія принадлежать къ сферѣ серьезной музыки; однако же онъ доказалъ, что ему было доступно также комическое и веселое; въ комической опереткѣ, которую онъ написалъ для своихъ родныхъ, и которая была представлена на домашнемъ театрѣ, но не запечатана. Не только самъ Мендельсонъ говорилъ, что это лучшее его сочиненіе, но и всѣ слышавшіе ее были согласны въ томъ, что она полна комизма и юмора и развеселитъ хоть кого до хохоту. Разумѣется, что онъ не захотѣлъ бы писать для публики оперы съ однѣми легкими, простыми мелодіями, которыя на другой же день стали бы насвистываться по всѣмъ угламъ, — хотя приведенный фактъ доказываетъ, что онъ могъ ее написать, — а далъ бы намъ оперу, въ которой онъ представилъ бы всѣ состоянія души, всѣ ощущенія и страсти, всѣ положенія и характеры съ глубокою истинною и съ свойственною ему оригинальностью; и въ этомъ отношеніи въ особенности, то есть въ отношеніи къ полному развитію новой, драматической стороны его таланта, преждевременная смерть его огромная утрата для искусства: оно лишилось въ немъ новой, оригинальной оперы.

Замѣчательно обстоятельство, что ни одинъ композиторъ не имѣлъ такого множества подражателей, какъ Мендельсонъ. Хотя и пріятно видѣть въ молодыхъ художникахъ сочувствіе къ его таланту, однакоже это вліяніе тѣмъ не менѣе прискорбно; Мендельсонъ имѣетъ особенный исключительный характеръ, котораго перенять нельзя, и которому не должно подражать. Онъ самъ понималъ это, и досадовалъ на подражателей; и въ самомъ дѣлѣ эти Мендельсоны въ маломъ видѣ будутъ очень неважнымъ приобрѣтеніемъ для музыкальнаго свѣта, а множество копій и подражаній можетъ наконецъ ослабить дѣйствіе самого оригинала.

Что Мендельсонъ былъ, какъ виртуозъ, всѣмъ извѣстно. Онъ обладалъ механизмомъ фортепیانной игры въ необыкновенной степени, но ставилъ ее ни во что. Никогда онъ не садился за фортепіано затѣмъ только, чтобы изумить слушателей искусствомъ своихъ пальцевъ. Игра его была самымъ полнымъ выраженіемъ духа его сочиненій или сочиненій другихъ композиторовъ. Въ

этомъ ни кто не превзошелъ его, и даже очень немногіе могутъ съ нимъ сравниться.

Всего менѣе привесъ Мендельсонъ пользы какъ преподаватель, не по недостатку доброй воли или способности, а потому что для его живаго характера и поэтическаго воображенія слишкомъ тяжело было оставлять свой цвѣтущій міръ творческой фантазіи, чтобы съ любовью разсматривать школьные труды учениковъ, и толковать техническіе приемы искусства; онъ могъ это дѣлать иногда изъ дружбы къ молодому художнику, но не могъ заняться этимъ съ послѣдовательностью и постоянствомъ преподавателя. Притомъ онъ досадовалъ, когда не находилъ въ ученикахъ той же понятливости и быстроты соображенія, которыми былъ надѣленъ самъ. И можно ли осуждать живаго поэта, зато что онъ не любилъ обязанностей преподавателя, отвлекавшихъ его отъ его твореній, что онъ старался отъ нихъ освободиться, и для того отчасти предпринималъ болѣе или менѣе продолжительныя поѣздки. Не то ли же было съ Бетговеномъ? Онъ также боялся обязанности преподавателя, и всѣми средствами избѣгалъ ея.

Заслуги Мендельсона, какъ капельмейстера, признаны всѣми, кто имѣлъ случай о нихъ судить. Онъ имѣлъ удивительный даръ постигать въ сочиненіяхъ самыхъ различныхъ композиторовъ, самыя тонкіе неуловимыя оттѣнки ихъ мыслей, и передавать ихъ всей массѣ оркестра. Не многіе будутъ въ состояніи создать въ своей фантазіи такое исполненіе Гайдновыхъ, Моцартовыхъ и Бетговеновыхъ симфоній, какое бывало въ дѣйствительности, въ концертахъ лейпцигскаго гевандгауза съ тѣхъ поръ какъ Мендельсонъ сталъ ихъ директоромъ. Въ этомъ ему содѣйствовали и нѣкоторыя другія свойства. Во-первыхъ его слава, и, вслѣдствіе ея, авторитетъ, во вторыхъ его пріятная, одушевленная, вдохновенная наружность; дѣйствительно пріятно было видѣть за дирижерскимъ пюльпетомъ эту благородную фигуру, съ оживленными чертами, съ огненными глазами, въ которыхъ отражались всѣ оттѣнки пьесъ. Музыканты считали себѣ за честь играть подъ управленіемъ такого художника, и обходительность его побуждала ихъ дѣлать все, что было возможно, чтобы угодить ему. Наконецъ онъ имѣлъ еще необходимый для капельмейстера даръ; онъ умѣлъ однимъ мѣткимъ и рѣзкимъ словомъ приводить въ повиновеніе строптивыхъ и отвращать противорѣчіе; всѣ подчиненные боялись раздражать его споромъ, и спѣшили повиноваться ему.

отношеніи, особенно много обязаѣ Мендельсону онъ довелъ лейпцигскій оркестръ, составленный изъ лучшихъ, частныхъ средствъ, до такой степени совершенства, что не можетъ поспорить съ знаменитѣйшими оркестрами въ Европѣ. И должно сказать, что Лейпцигъ не остался у него въ долгу: благодарностъ выразилась не только во всеобщей любви и уваженіи, которыя Мендельсону оказывали со всѣхъ сторонъ, но и въ ревности, съ которою лейпцигскіе журналы старались о распространеніи и упроченіи его славы.

Правда, и Мендельсонъ не разъ подвергался нападеніямъ критики; но онъ не обращалъ на нихъ вниманія, какъ и каждый художникъ, понимающій, что онъ получалъ способности, которыя долженъ развивать самостоятельно. Если бы Мендельсонъ хотѣлъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ своихъ критиковъ, онъ никогда не сталъ бы тѣмъ, чѣмъ былъ. И мнѣніе его о критикѣ, вообще было очень не лестно; замѣчанія же практическихъ художниковъ онъ принималъ очень охотно, даже просилъ ихъ.

Главною чертою Мендельсона было трудолюбіе, неутомимое, безграницное трудолюбіе. Онъ считалъ его, какъ и всѣ великіе художники, самою необходимою добродѣтелью. Онъ зналъ, что для созданія истинно-поэтическаго произведенія художникъ долженъ ждать благопріятнаго состоянія духа, но въ то же время былъ убѣжденъ, что творческій духъ необходимо упражнять и приучать къ дѣятельности; и потому, даже не чувствуя себя въ духѣ, онъ все-таки что-нибудь работалъ, для того, чтобы возбуждать вдохновеніе. Но онъ самъ считалъ такіа произведенія недостойными печати. Изъ дюжины или болѣе своихъ пѣсенъ, онъ выбиралъ можетъ быть пѣсенъ шесть, и тѣ много разъ передѣлывалъ прежде, чѣмъ рѣшался печатать. Отброшенные имъ сочиненія всѣ сохранились; онъ имѣлъ обыкновеніе переплетать ихъ погодно. Когда онъ дарилъ рукопись, что случалось довольно часто, по просьбѣ пріятеля, или почитателя его таланта, то всегда оставлялъ у себя копию съ нея; все, что онъ писалъ, печатанное и непечатанное, стоитъ въ полномъ порядкѣ въ его библіотекѣ.

Надъ мнѣніемъ нѣкоторыхъ воображаемыхъ гениевъ, будто первая мысль всегда лучшая, онъ смѣялся и приводилъ въ примѣръ Бетговена; указывалъ на его четыре увертюры къ Фиделіо, на многократную передѣлку нѣкоторыхъ изъ оперъ, наиримѣръ пѣсни Марцеллины; указывалъ на операхъ и многихъ другихъ композиторовъ. Того же

онъ въ собственныхъ сочиненіяхъ. Мы уже говорили о передѣлкѣ «Парла» послѣ дюссельдорфскаго праздника. Своей «Шаббати» (Walpurgisnacht) онъ написалъ на двадцатомъ году, въ Ригѣ; дѣтъ за пять до смерти, онъ совершенно передѣлалъ его, и далъ ему тотъ видъ, въ которомъ онъ сталъ извѣстенъ музыкальному міру. Многіе его партитуры такъ изнеуремы поправками, что нѣкоторыхъ мѣстъ почти не разобрать.

Много рассказываютъ сказокъ о томъ, какъ онъ работалъ; говорятъ, напримѣръ, будто онъ завѣшивалъ всѣ окна, и ярко освѣщалъ комнату свѣчами; будто ему была необходима самая глубокая тишина, и прочая. Во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни правды. Увертюру къ «Сну въ Ивановскую ночь», напримѣръ, онъ написалъ среди многочисленной бѣсѣды; онъ жалѣлъ о художникахъ, которымъ нужны были внѣшнія средства для возбужденія вдохновенія. Все утро у него было обыкновенно посвящено композиціи, и фантазія одушевлялась самымъ сочиненіемъ, безъ всякихъ помуждевій. Въ первые годы, полагаясь на свою удивительную память и на техническое знаніе, онъ не дѣлалъ эскизовъ своихъ сочиненій, а писалъ прямо партитуру; впоследствии онъ иногда отступалъ отъ этого правила. Какъ и Бетговеиъ, онъ по большей части велъ нѣсколько сочиненій вдругъ, и началъ сочиненіе, иногда оставлялъ его на очень продолжительное время. Но онъ положилъ себѣ за правило, ни одного сочиненія не оставлять неоконченнымъ, и если послѣ него осталось нѣсколько неоконченныхъ произведеній, то ввину тому была его преждевременная смерть.

Какъ сочиненія, точно такъ же и письма свои онъ перешлеталъ погодно. Онъ вообще любилъ порядокъ, и не терпѣлъ гонималаго неурядиства. Такой же порядокъ и такую же точность соблюдалъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ; благодаря этимъ свойствамъ онъ могъ совершить столь многое въ короткую свою жизнь. Онъ велъ огромную переписку, и имѣлъ безпрестанныя письменныя сношенія по должности директора концертовъ; и никогда не оставлялъ онъ ни одного письма безъ отвѣта, всегда отвѣчалъ медленно.

У Мендельсона были братъ и двѣ сестры, обладавшіе также замѣчательнымъ музыкальнымъ талантомъ. Братъ его превосходно играетъ на виолончели, а сестра превосходная пѣвица; другая сестра, бывшая за берлинскимъ придворнымъ живописцемъ Генсельтомъ и умершая въ прошломъ году, была замѣчательная композитка, и издала нѣсколько тетрадей пѣсенъ, съ словами и

безъ словъ. Въ дружескомъ кругу она очень искусно и бойко дирижировала, и въ такомъ занятіи застыгла ее внезапная смерть.

Вотъ послѣднія сочиненія Мендельсона, частью совершенно конченныя, частью назначавшіяся къ скорому окончанію: хоры изъ ораторіи «Христосъ»; совершенно оконченный въ партитурѣ финаль перваго дѣйствія оперы «Loreley» (текстъ Гейбеля); начало нѣсколькихъ нумеровъ перваго дѣйствія; скрипичный квартетъ «F-moll.» совершенно готовый; двѣ части другаго квартета, «E-dur; нѣсколько листовъ симфоніи C-dur; и нѣсколько тактъ фортиссимо тріо A-dur; нѣсколько библейскихъ стиховъ на хоръ для употребленія при богослуженіи, совершенно конченныя и даже съ заглавнымъ листомъ собственной его руки; нѣсколько собраній пѣсенъ съ словами и безъ словъ; одна пѣсня съ словами писанная, вѣроятно, 7 октября, и наконецъ предсмертное его сочиненіе. Съ особеннымъ удовольствіемъ говорилъ онъ въ послѣднее время о новой симфоніи, которую собирался печатать.

Мендельсонъ оставилъ жену и пятерыхъ дѣтей, трехъ мальчиковъ, и двухъ дѣвочекъ. Онъ былъ нѣжный супругъ и отецъ, вѣрный другъ, и каждому готовъ былъ помочь словомъ и дѣломъ. По смерти его открылось множество оказанныхъ имъ благодѣяній, о которыхъ прежде никто и не гадалъ. Онъ былъ средняго росту, нѣжно, но хорошо сложенъ, черноволосъ, съ благороднымъ и умнымъ лицомъ. Въ его огненныхъ глазахъ видна была живая фантазія и теплое любящее сердце; большой, высокій лобъ показывалъ глубокаго мыслителя. Характеръ его былъ чрезвычайно раздражителенъ; въ обществѣ, самыя мелкія обстоятельства, разговоръ во время музыки, непріятное лицо, могли разстроить его; у себя былъ онъ всегда самымъ гостепріимнымъ, самымъ любезнымъ, умнымъ и пріятнымъ хозяиномъ. Публичныхъ удовольствій онъ вообще не любилъ; лучшимъ развлеченіемъ для него были прогулки, чтеніе, рисованіе, иногда партія въ шахматы или на бильярдѣ съ пріателемъ.

Мендельсонъ былъ богато надѣленъ духовными дарами и вѣшними благами; сверхъ того судьба дала ему вполнѣ насладиться своею славою. Немногіе люди испытали столько пріятныхъ, восхитительныхъ ощущеній; вся жизнь его была непрерывнымъ торжествомъ. Такое счастье разумѣется не могло не возбудить завистниковъ, которые стали жаловаться на несообразность чести съ заслугами. Свѣтъ никогда не бываетъ доволенъ: если художникъ не признаетъ при жизни, свѣтъ кричитъ на невниманіе къ таланту; отдавайте ему должное, это значитъ, что вы честите

художника не по заслугамъ. Что счастье никогда не изжило Мендельсона, въ этомъ нѣтъ сомнѣнй, но и онъ былъ достоинъ его, потому что обратилъ все полученныя дары къ благородной цѣли искусства; онъ могъ бы наслаждаться своимъ богатствомъ какъ другіе, для одного житейскаго наслажденія; вмѣсто того онъ неуспѣшно трудился, воздавая Богу за непосланные ему дары добросовѣстнымъ исполненіемъ ихъ назначенія, можетъ-быть цѣною собственной жизни; постоянное напряженіе духовныхъ и физическихъ силъ должно было скоро убить его вѣжливый организмъ; онъ самъ это предчувствовалъ и часто говорилъ своимъ друзьямъ. Ему дано было увидѣть только весну и лѣто жизни; до осени и зимы онъ не дожилъ, и почему звать? можетъ-быть къ своему же счастью. Продолжительное счастье рѣдко на землѣ, а смерть лучшая защита отъ возможныхъ въ будущемъ бурь!

=

ВИКОНТЪ ДЕ-ВРАЖЛОНЪ. *Романъ Александра Дюма. Часть четвертая.*

За Кольберомъ не далеко было ходить. Онъ весь вечеръ проводилъ въ корридорѣ, разговаривая съ Бернуэномъ и съ Бриенномъ, и полаяя съ искусствомъ придворнаго все новости, которыя, какъ воздушныя пузыри на водѣ, всплывали на поверхности всякаго событія.

Пора, конечно, обрисовать хотя въ нѣсколькихъ чертахъ одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ портретовъ того вѣка. Кольберъ — человекъ, на котораго и историкъ и философъ имѣютъ одинаковыя права. Онъ былъ тринадцатью годами старше Людовика-Четырнадцатаго; средняго росту, худощавъ; имѣлъ впалые глаза, грубое лицо, жесткіе, черные, рѣдкіе волосы, — что, по свидѣтельству біографовъ, рано побудило его надѣть парикъ. Строгий, суровый взглядъ его и крутость обращенія для низшихъ выражали гордость, для высшихъ — подѣлку достоинства добродѣтели. На все и всѣхъ, даже одна передъ зеркаломъ онъ смотрѣлъ, нахмуривъ брови. Вотъ все, что можно сказать о его наружности.

Въ нравственномъ отношеніи очень славился его необыкновенное дарованіе по счетной части и искусство открывать производительную силу въ самомъ отъявленномъ безплодіи.

Кольберъ выдумалъ принудить начальниковъ пограничныхъ

дѣлостей безденежно прокармливать гарнизоны насчетъ испортубцій, которыя имъ предоставлялось взимать съ сосѣдей. Такая драгоценная способность сокращать расходы внушила кардиналу Мазарину мысль посадить Кольбера на мѣсто умершаго на ту пору секретаря его канцелярив, Жубера.

Кольберъ мало-по-малу поднялся при дворѣ, несмотря на темное свое происхожденіе; отецъ его торговалъ виномъ, а дѣдъ сукномъ и шелковыми тканями. Самъ онъ, будучи предазначенъ первоначально къ торговлѣ, служилъ приказчикомъ у одного лионскаго купца, потомъ писцомъ у прокурора Битерна, въ Парижѣ. Такимъ образомъ онъ научился искусству составлять счета и еще болѣе драгоценному искусству запутывать ихъ.

Кольберъ болѣею частью своего успѣху обязанъ своей суровости. На немъ Фортуна снова доказала, что она женщина, которую, если прихоть прійдетъ, не остановитъ ни какое уродство. Кольберъ, опредѣляемый черезъ своего двоюроднаго брата въ канцелярію государственнаго секретаря Мишеля Летелье, однажды былъ посланъ отъ министра съ порученіемъ къ Мазарину.

Кардиналъ въ то время наслаждался вожделѣннымъ здравіемъ и бѣдственные годы Фронды еще не считались каждый за четыре. Онъ находился въ Седанѣ и былъ по-уши запутанъ въ интригу, которою Анна Австрійская, казалось, хотѣла покинуть его. Пяти этой интриги были въ рукахъ у Летелье. Государственный секретарь получилъ отъ Анны Австрійской письмо очень драгоценное для него и очень опасное для Мазарина. Но какъ онъ уже игралъ двойную роль, которая такъ хорошо послужила ему, и всегда щадилъ обонхъ враговъ, чтобы пользоваться выгодами у того и у другаго, — при ссорѣ ихъ между собою пуще прежняго, или примиряя, — то онъ хотѣлъ показать это письмо Мазарину, чтобы имѣть право на его признательность.

Послать письмо было легко; воротить — трудно. Летелье осмотрѣлся вокругъ и, увидѣвъ чернаго, тощаго писца, который вахмуривъ брови и согнувшись въ дугу корпѣлъ надъ бумагами, предпочелъ его всякому жандарму и рѣшился дать порученіе. Слѣдовало съѣздить въ Седанъ, показать письмо Мазарину и привезть обратно.

Кольберъ съ напряженнымъ вниманіемъ выслушалъ приказъ, попросилъ повторить и еще разъ спросилъ, совершенно ли нужно привезть письмо обратно.

— Нужное чѣмъ показать, отвѣчалъ Летелье.

Кольберъ поскакалъ, какъ слѣдуетъ курьеру, не шадя живота, и подалъ Мазарину сперва записку, которою Летелье уведомлялъ о драгоценной посылкѣ, потомъ самое письмо.

Читая письмо Анны Австрійской, Мазаринъ покраснѣлъ до ушей, потомъ пріятно улыбнулся посланцу и отпустилъ его.

— Когда прикажете прійти за отвѣтомъ, ваша свѣтлость? почтительно спросилъ Кольберъ.

— Завтра.

— Утромъ прикажете?

— Да.

Кольберъ поклонился какъ могъ взявшиѣ и вышелъ.

На другой день онъ въ семь часовъ утра уже былъ въ передней. Мазаринъ заставилъ его прождать до десяти. Кольберъ не поморщился. Когда пришла его очередь, онъ явился въ кабинетъ. Мазаринъ отдалъ ему запечатанный пакетъ съ надписью «Господину Летелье» и прочая. Кольберъ внимательно смотрѣлъ на пакетъ, а кардиналъ между-тѣмъ съ тою же пріятною улыбкой проталкивалъ его къ двери.

— А письмо королевы-матери, ваша свѣтлость? спросилъ Кольберъ.

— Все тутъ, въ пакетъ, отвѣчалъ Мазаринъ.

— А! очень хорошо, сказалъ Кольберъ и, поставивъ свою шляпу на полъ, распечаталъ пакетъ.

Мазаринъ вскрикнулъ.

— Чтò вы дѣлаете? сказалъ онъ грубо.

— Распечатываю пакетъ, ваша свѣтлость.

— Вы не довѣряете мнѣ?... Я нахожу, что это очень дерзко!

— Не гнѣвайтесь на меня, ваша свѣтлость! Я, конечно, не сомнѣваюсь въ словѣ вашей свѣтлости, сохрани Богъ!

— Въ чемъ же вы изволите сомнѣваться?

— Въ исправности вашей канцеляріи. Чтò такое — письмо? Ключекъ бумаги. Мудрено ли забыть его?... И... вотъ, посмотрите, ваша свѣтлость... вы видите, я не даромъ сомнѣвался: письма тутъ нѣтъ.

— Вы грубиянъ и вы слѣпы! вскричалъ раздраженный Мазаринъ: ступайте и ждите, когда васъ позовутъ.

Кардиналъ вырвалъ у Кольбера пакетъ и ушелъ въ свои покои. Но гнѣвъ этотъ потомъ смѣнился разсужденіемъ. Каждое утро, отворяя дверь кабинета въ прихожую, Мазаринъ видѣлъ неприятное лицо курьера, который почтительно, но настойчиво требовалъ письма. Нечего было дѣлать, пришлось отдать. На при-

дачу Мазарини отпустилъ цѣлый ливень брани, но Кольберъ, осмотрѣвъ, ошупавъ письмо со всѣхъ сторонъ, даже обнюхавъ его, чтобы удостовѣриться въ подлинности, поклонился и вышелъ, точно глухой. За этотъ поступокъ онъ впоследствии получилъ мѣсто Жубера. Мазарини не только не подумалъ наказывать его, но, напротивъ, желалъ привязать къ себѣ такого вѣрнаго чиновника.

Одинъ этотъ случай уже достаточно показываетъ характеръ Кольбера. Попавъ въ канцелярію, онъ скоро попалъ и въ полную милость къ кардиналу, онъ сдѣлался даже необходимымъ ему. Кольберъ зналъ всѣ счеты перваго министра, хотя тотъ никогда не говорилъ ему объ нихъ.

Послѣ доктора, больной кардиналъ приказалъ позвать Кольбера и, посадивъ его, сказалъ:

— Миѣ нужно поговорить съ вами о дѣлѣ, мосье Кольберъ. Я очень болѣвъ и можетъ случиться, что умру.

— Человѣкъ смертенъ, сказалъ Кольберъ.

— Я всегда помнилъ это и трудился.... предусмотрительно.... Вы знаете, что я накопилъ нѣкоторое состояніе....

— Знаю, ваша свѣтлость.

— Во сколько вы цѣните это состояніе, мосье Кольберъ?

— Въ сорокъ милліоновъ-пятьсотъ-шестьдесятъ-тысячъ-двѣсти ливровъ и девять су.

Кардиналъ глубоко вздохнулъ и посмотрѣлъ на Кольбера съ удивленіемъ, однако жъ позволилъ себѣ улыбнуться.

— Извѣстныхъ денегъ, прибавилъ Кольберъ въ отвѣтъ на эту улыбку.

Кардинала подбросило на постелѣ.

— Чтѣ вы этимъ хотите сказать? спросилъ онъ.

— То, ваша свѣтлость, что кромѣ этихъ сорока-милліоновъ-пятьсотъ-шестьдесятъ-тысячъ-двухъ-сотъ ливровъ и девяти су, у васъ есть еще тринадцать милліоновъ, о которыхъ никто не знаетъ.

— Уфъ! какой молодецъ! вздохнулъ Мазарини.

Въ эту минуту изъ-подъ дверной драпировки высунулась голова Бернуэна.

— Чтѣ тамъ такое? спросилъ кардиналъ: зачѣмъ меня беспокоятъ теперь?

— Ваша свѣтлость изволили приказать позвать духовника. Онъ пришелъ. Завтра ему невозможно будетъ прійти.... Развѣ послѣ-завтра....

Мазаринъ посмотрѣлъ на Кольбера, тотъ взялся за шляпу и сказалъ.

— Я послѣ прійду, ваша свѣтлость.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ Мазаринъ: вы мнѣ столько же нужны, сколько онъ. Впрочемъ, вы второй мой духовникъ; вы можете слышать все, что я скажу патеру беатниці. Ступайте за эту драпировку.

— Но я могу подождать въ приемной, ваша свѣтлость.

— Нѣтъ, нѣтъ; лучше, если вы услышите всю мою поповѣдь, мнѣ меньше прійдется объяснять вамъ.

Кольберъ поклонился и ушелъ за драпировку алькова.

— Пожалуйте, достойный патерь, сказалъ Мазаринъ входящему беатниці: пойдите, утѣшите меня.

— Это мой долгъ, свѣтлѣйшій кардиналъ, отвѣчалъ патерь съ смиреннымъ, медленнымъ поклономъ.

— Садитесь. Я желаю въ послѣдній разъ исповѣдаться и надѣюсь на отпущеніе.

— Вы еще не такъ больны, свѣтлѣйшій кардиналъ, чтобы готовиться къ смерти. Вамъ нужно спокойствіе; а послѣдняя исповѣдь, общая за цѣлую жизнь, можетъ утомить васъ.

— Вы думаете, что будетъ большая?

— Какъ же иначе предполагать у человѣка, который жилъ такою полною жизнью, какъ ваша свѣтлость?

— Да, правда.... рассказъ можетъ растянуться.

— Божіе милосердіе неизмѣримо, смиренно проговорилъ патерь.

— Я много пропустилъ вещей, за которыя теперь боюсь суда.

— Да, люди всѣ таковы: грѣша забываютъ, а умирая, каются. Начинайте вашу исповѣдь, расскажите всѣ ваши забытые грѣхи.

— Одинъ изъ первыхъ, достойный патерь, одинъ изъ первыхъ — родословная, которая я позволилъ выводить обо мнѣ... Тщеславіе великій грѣхъ.... Я сынъ рыбака, а между-тѣмъ слушалъ, какъ мой родъ производили отъ римскихъ консуловъ, Геганія Мацерина-Перваго, Мацерина-Втораго и Прокла Мацерина-Третьяго, о которомъ говоритъ хроника Галоандера.... Мацеринъ и Мазаринъ — такіе сходные звуки. Немудруно было соблазниться. Macerinus, прилагательное, значитъ «худенькій». Ахъ, патерь, теперѣ Мазарина можно назвать въ превосходной степени худымъ.... точно Кашей Безсмертній, посмотрите.

И онъ показавъ свои нестлывыя руки и высушенныя лихорадкою и подагрой ноги.

— Происхожденіе отъ рыбака не мѣшаетъ вамъ быть благочестивымъ княземъ церкви, духовный сынъ мой. Вспомните, что Святой Петръ былъ рыбакомъ. Продолжайте.

— Я погрозилъ бастиліей одному Авиньонцу, который хотѣлъ издать слишкомъ чудесную исторію Мазаринава дома.

— Слишкомъ вѣроятную?

— Не совѣмъ. Онъ много прилагалъ.

— Стало-быть, вы были правы. Далѣе.

— Еще, въ молодости, изъ того же пагубнаго тщеславія, я, будучи аббатомъ, становился солдатомъ, хотѣлъ показать, что сижу на лошади не хуже мушкетера и бросался въ сраженіе. Правда, что я далъ миръ Испаніи и Франціи. Это служило нѣкоторымъ искупленіемъ.

— Я не вижу грѣха въ томъ, что вы сѣли на лошадь и сражались, чтобы водворить миръ. Напротивъ, я вижу въ этомъ заслугу.

— Да, но это породило новый страшный грѣхъ, гордость. Побывавъ въ огнѣ и понюхавъ пороху, я сталъ съ высока смотрѣть на генераловъ, такъ, что не находилъ уже ни одного порядочнаго.

— Чтò жъ, правду сказать, не сильны были тогда ваши генералы.

— Ну, были такъ.... напримѣръ Принцъ Кондэ, котораго я очень потормошилъ.

— Объ немъ жалѣть нечего: онъ довольно богатъ и славенъ.

— Правда. Но Бофоръ, напримѣръ.... котораго я держалъ въ венсенскомъ замкѣ.... Этотъ много пострадалъ.

— Зато онъ былъ бунтовщикъ. Польза государства требовала его заточенія. Далѣе.

— Меня всегда упрекали въ честолюбіи.... еще смертный грѣхъ... И я долженъ созваться....

— Хорошо, хорошо, далѣе.

— Я даже мечталъ о папской тиарѣ.

— Чтò жъ, быть папою значить быть первымъ христіанномъ въ католичествѣ. Далѣе.

— Это все отпустится мнѣ?

— Безъ сомнѣнія.

— Ну, въ такомъ случаѣ, сердце мое успокоено и утѣшено,

потому что остаются только мелочи, о которыхъ не стоить говорить.

— Всё равно, говорите, духовный сынъ мой: вы обязаны все сказать.

— Напримѣръ, игра.

— Это невозможно мирское занятіе, но вы были вынуждены обстоятельствами, необходимостью поддерживать свѣтскій блескъ министра.

— Я любилъ выигрывать....

— Нѣтъ игрока, который бы любилъ проигрывать. Даже.

— Ну, теперь уже у меня ничего больше нѣтъ на совѣсти. Дайте мнѣ отпущеніе и я могу спокойно умереть.

Патерь молчалъ.

— Чтѣ жъ? чего вы ждете, достойный патерь? спросилъ Мазаринъ.

— Конца исповѣди.

— Я кончилъ.

— О! нѣтъ; вы ошибаетесь, духовный сынъ мой.

— Въ чемъ же? право, не знаю.

— Подумайте.

— Я обдумалъ все, чтѣ могъ.

— Такъ я помогу вашей памяти.

— Помогите.

Патерь откашлялся и потомъ сказалъ:

— Вы ничего не сказали мнѣ еще объ одномъ смертномъ грѣхѣ, о скупости, которая накопляетъ милліоны.

— Какіе же милліоны, патерь?

— А тѣ, которые вы имѣете!

— Зачѣмъ же мнѣ говорить вамъ о моихъ деньгахъ?

— Затѣмъ что я несомнѣнъ одного мнѣнія съ вами, духовный сынъ мой: вы говорите, что эти деньги ваши, а я нахожу, что они отчасти принадлежать другимъ.

— Это какъ? спросилъ Мазаринъ, приложивъ холодную руку къ вспотѣвшему лбу.

— Вы нажили много денегъ на службѣ у короля....

— Нажить много еще не значитъ неправдой нажить.... И чтѣ жъ вы изъ этого заключаете, достойный патерь?

— Я заключаю, что сорокъ милліоновъ....

— Вы ужъ сосчитали! вскричалъ Мазаринъ, привскочивъ на постелѣ: для есауница, вы слишкомъ бойкій счетчикъ!

— Чтѣ жъ дѣлать! смиренно возразилъ патерь: на землѣ че-

ловѣкъ по неволѣ учится вести всякое бремя: я управляю хозяйственною частію нашего братства и оттого научился считать....

— Мои деньги? прибавилъ Мазаринъ: что же вы заключаете?

— Что сорокъ-милліоновъ слишкомъ тяжелое бремя на дорогу въ рай. Вы должны отдать его тому, у кого нажали.

Мазаринъ вскрикнулъ, какъ-будто его поразилъ ножомъ въ сердце.

— Отдать? сказалъ онъ: кому же отдать.

— Королю, разумѣется.

Кардиналъ застоналъ.

— Иначе я не могу дать вамъ отпущенія, сынъ мой, продолжалъ патеръ.

— Вѣдь вы отпустили мнѣ все другіе грѣхи, отчего же этотъ....

— Оттого что такого грѣха король никогда не отпуститъ мнѣ, свѣтлѣйшій кардиналъ, сказалъ патеръ и вышелъ такъ же смиренно какъ вошелъ.

— О! Боже мой! простоналъ кардиналъ: пойдите сюда, Кольберъ.... Я очень болѣнъ, мой другъ.

Кольберъ явился.

— Вы слышали? спросилъ Мазаринъ.

— Слышалъ, ваша свѣтлость.

— Что жъ вы думаете? Развѣ это неправильно нажитыя деньги?

— Феатинецъ плохой судья въ финансахъ, ваша свѣтлость, однакожъ, съ его точки зрѣнія глядя, конечно можно найти нѣкоторыя прегрѣшенія.... Притомъ.... покойникъ всегда виноватъ, уже потому только что онъ покойникъ.

— Правда, правда, Кольберъ.

— Передъ кѣмъ же патеръ находитъ васъ виноватымъ? Передъ королемъ?

— Да, отвѣчалъ Мазаринъ, вздернувъ плечи: какъ-будто не я сваялъ государство и финансы Людовика-Четырнадцатаго! Развѣ то, что я имѣю, не справедливое возмездіе за мои труды?

— Справедливо, ваша свѣтлость.

— Неправда ли?... Вѣдь я по совѣсти могу сохранить мое имущество для бѣдной моей родни?

— Я не вижу ни какого препятствія.

— Вы хорошій человекъ, Кольберъ. Я былъ увѣренъ, что найду у васъ добрый совѣтъ.

— Нужно, однако жъ, посмотреть, ваша свѣтлость, нѣтъ ли какой-нибудь свѣи подъ словами благочестиваго патера.

— Свѣи?... Отчего? Патерь честный человѣкъ.

— Вѣрю. Но всё-таки очень можетъ быть, что онъ говорилъ объ отдачѣ не безъ умыслу....

— Такъ вы тоже думаете, что я долженъ отдать? вскричалъ Мазаринъ съ удивленіемъ.

— Не худо будетъ.

— Отдать все!... Вы съума сошли! Еще часть какую-нибудь, другое дѣло.... пожалуй....

— Отдать часть королю — опасно, ваша свѣтлость. Вы слишкомъ хорошій политикъ, чтобы не знать, что теперь въ королевскихъ сундукахъ нѣтъ ни одной денежки.

— Это не мое дѣло! весело возразилъ Мазаринъ: я не министръ финансовъ. Это дѣло Фуке, котораго отчеты я въ прошломъ мѣсяцѣ далъ вамъ повѣрять.

При имени Фуке Кольберъ прикусилъ губы.

— Правда, ваше оицельство, что Фуке обязанъ отвѣчать за финансы, но вы—первый министръ.

— Чтò я имѣю, то мое.... моя кровная собственность.... Я, пожалуй, готовъ сдѣлать чтò-нибудь для удовольствія короля, но... не могу же я ограбить моихъ родныхъ!

— Завѣщаніе какой бы то ни было доли увнзить васъ и оскорбить короля, ваша свѣтлость. Изъ такого завѣщанія могутъ заключить, что эта доля оставалась у васъ на совѣти....

— Моеё Кольберъ!....

— Я полагаю, что вашей свѣтлости угодно было слышать мое мнѣніе.

— Да, но вы забываете главную часть вопроса.

— Я ничего не забываю, ваша свѣтлость. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ я просматриваю всѣ столбцы цифръ, какіе составляются во Франціи, и они такъ крѣпко пригвождены въ моей головѣ, что, начиная отъ хозяйства господина Летелье, который живетъ очень скромно, до изрядно пышнаго двора господина Фуке; я могу до единицы перечислить всѣ деньги, какія истрачиваются на всемъ пространствѣ отъ Марсеа до Шербурга.

— Такъ вы хотите, чтобы я все мое имущество бросилъ въ королевскіе сундуки! насмѣшливо вскричалъ Мазаринъ, между тѣмъ какъ въ то же время подагра вырвала у него нѣсколько болѣзненныхъ стоновъ: конечно, на это король не прогнѣвался

бы; онъ посмѣялся бы надо [мной, проматывая мои милліоны, и правъ былъ бы.

— Вы не повяли меня, ваша свѣтлость. Я вовсе не предполагаю, что король долженъ истратить ваши деньги.

— Кажется ясно, что онъ истратитъ ихъ, когда получитъ.

— Ваша болѣзнь, свѣтлѣйшій кардиналъ, мѣшаетъ вамъ подумать и вы совершенно упускаете изъ виду характеръ Людовика-Четырнадцатаго.

— Какъ такъ?

— Въ этомъ характерѣ есть одна черта очень похожая... если смѣю такъ выразиться... на тотъ грѣхъ, въ которомъ вы сейчасъ изволили признаваться патеру оеатинцу.

— Какой грѣхъ?

— Гордость.

— Такъ что жъ изъ этого?

— То, что вамъ непременно слѣдуетъ тотчасъ же все имѣніе отказать королю, и непременно теперь же.

— Отчего такъ? спросилъ Мазаринъ съ любопытствомъ, вытаращивъ глаза.

— Оттого, что король всего не приметъ.

— О!... молодой человѣкъ, у котораго въ карманѣ пусто, а въ головѣ тьма честолюбія....

— Правда, но....

— Человѣкъ, который желаетъ моей смерти....

— Ваша свѣтлость!....

— Чтобы получить наслѣдство; да, Кольберъ, да! онъ желаетъ моей смерти. И я буду такъ простъ, что предупрежу его желаніе!....

— Именно, слѣдуетъ предупредить. Если вы отдадите ему все, онъ не приметъ.

— Полно!

— Непременно такъ, ваша свѣтлость. Молодой человѣкъ, который еще ничего не сдѣлалъ; который горитъ желаніемъ прославиться, царствовать самостоятельно,—такой человѣкъ не приметъ ничего построеннаго. Онъ не удовольствуется Пале-Роялемъ, полученнымъ въ наслѣдство отъ Ришелье; ни Мазариновскимъ дворцомъ, который вы такъ великолѣпно отдѣляли для него; ни Лувромъ, гдѣ жили его предки; ни Сенъ-Жерменомъ, гдѣ онъ родился. Онъ съ пренебреженіемъ будетъ смотрѣть на все, что не самъ онъ сдѣлалъ. Это я предсказываю.

— И вы ручаетесь, что, если я отдамъ королю мои сорокъ милліоновъ....

— И если скажете притомъ кое-что, онъ откажется, это вѣрно.

— Что же сказать?

— Я напишу, если позволите, ваша свѣтлость.

— Но, наконецъ, какая же мнѣ будетъ польза?

— Огромная, ваша свѣтлость. Никто уже не посмѣетъ порицать вашу память за скупость, о которой мелкіе памфлетисты такъ много кричали.

— Ты правъ, Кольберъ; ты правъ. Я откажу королю все имѣніе и ты отнесешь ему завѣщаніе.... Но если онъ приметъ?.... что, если онъ приметъ?

— Тогда у вашихъ родныхъ останутся еще тринадцать милліоновъ. Это порядочное утѣшеніе.

— Если онъ приметъ.... ты—или мошенникъ или дуракъ, Кольберъ.

— Я ни то, ни другое, ваша свѣтлость. Не извольте беспокоиться, не приметъ.

— Если онъ не приметъ этого завѣщанія, я.... отдамъ ему.... тѣ тринадцать милліоновъ.... да, ужъ я знаю, какъ отдать.... Охъ!... вотъ опять боль страшная поднялась..... Ахъ! я очень болѣю, Кольберъ.... я скоро умру.

Кольберъ вздрогнулъ.

Кардиналъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ очень худъ. Потъ крупными каплями лился на подушку и страшно блѣдное, искаженное муками лицо могло бы тронуть самаго хладнокровнаго хирурга. Кольберъ поспѣшно вышелъ и позвалъ Бернуэна къ умирающему, а самъ остался въ корридорѣ.

Тамъ онъ прохаживался взадъ и впередъ въ раздумьѣ, которое придавало пошлomu его лицу почти благородное выраженіе, и, повременамъ произнося безсвязныя слова, ободрялъ себя на задуманное смѣлое предпріятіе, между-тѣмъ какъ покровитель его, за стѣною, задыхался въ мукахъ болѣзни и не думалъ уже о благахъ мірскихъ.

Когда горячія салфетки и успокоительныя лекарства призваннаго доктора Генё нѣсколько успокоили болнаго, Кольберъ опять пришелъ и убѣдилъ его продиктовать слѣдующую дарственную записъ.

«Готовясь предстать предъ Богомъ, Владыкою небеснымъ, я прошу короля, моего земнаго государя, принять обратно все,

«что онъ мнѣ далъ и что мнѣ роднымъ пріятно будетъ видѣть въ столь достойныхъ рукахъ. Подробная опись имѣнія будетъ представлена по первому востребованію его величества, мы при послѣднемъ вздохѣ его вѣрнаго слуги.

«Кардиналъ *Іюлій Мазаринъ*».

Кардиналъ со вздохомъ подписалъ; Кольберъ запечаталъ пакетъ и свезъ въ Лувръ, куда король только-что воротился, потомъ отправился домой, потирая руки съ довольнымъ видомъ работника, который хорошо употребилъ свой день.

Вѣсть объ опасномъ положеніи кардинала уже разнеслась и привлекала въ Лувръ по крайней-мѣрѣ столько же народу, сколько официально объявленное извѣстіе о бракосочетаніи принца Анжуйскаго.

Едва Людовикъ-Четырнадцатый воротился въ свои покои, совершенно занятый еще всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ въ тотъ вечеръ, какъ камергеръ уже доложилъ, что толпа придворныхъ, присутствовавшихъ утромъ на маломъ выходѣ, опять явилась поклониться королю передъ его отходомъ ко сну. Почестъ эта со времени властвованія кардинала обыкновенно отдавалась министру, и никто не боялся тѣмъ оскорбить короля. Но у министра былъ сильный припадокъ подагры и приливъ лести хлынулъ къ трону. Людовикъ-Четырнадцатый догадался, что Мазаринъ очень боленъ.

Анна Австрійская, проводивъ молодую королеву въ ея покои и снявъ съ себя бремя торжественнаго убору, пришла къ сыну, въ кабинетъ, гдѣ онъ, одинъ, молча и съ болью въ сердцѣ, какъ будто для упражненія своей воли, заглашалъ въ себѣ гнѣвъ, — изъ тѣхъ, которые производятъ перевороты, когда раздражаются, в которые у Людовика-Четырнадцатаго, благодаря его дивной власти надъ собой, никогда не производили шума. Одинъ разъ только, черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ Мазарина, онъ вспылывалъ, по поводу нѣкоторой продѣлки герцога Мекскаго, в результатъ этого знаменитаго гнѣву былъ градъ палочныхъ ударовъ, посыпавшихся на спину бѣднаго ланца, который укралъ бискуптку.

Молодой король, какъ мы сказали, выдерживалъ жестокою душевную бурю.

— Король! говорилъ онъ смотря въ зеркало: король во мнени; а не на дѣлѣ!... Призракъ! пустой призракъ!... способный только пробуждать у нѣсколькихъ другихъ куколъ столько жизни, чтобы они снимали шляпы передъ тобою.... Когда же ты съумѣешь

поднять свою бархатную руку и смочь шёлковый пудеть? или ты отаросшь свой ротъ за что-нибудь иное кромѣ вадокъ и улыбокъ? когда ты въ статуи обратишься въ человѣка?

Въ волненіи, нища воздуху, онъ подошелъ къ окну и увидѣлъ веротъ нѣсколько солдатъ и нѣсколько любопытныхъ горожанъ, которые разговаривали между собою и собирались разойтись.

Людвигъ удержалъ себя рукою на лбу и вскричалъ:

— Король Франціи! какой титулъ! Народъ французскій! нмъ масса людей! И вотъ я возвращаюсь въ мой Лувръ; съ кснѣи моихъ еще валтъ паръ, жкнвалъ еще на дворѣ, и я возбудилъ ровно столько участія, что человѣкъ двадцать празднователнщнхъ остановились посмотриѣть, какъ я прѣхалъ.... Двадцать!... что я говорю двадцать!... Гдѣ наберется двадцать человѣкъ, жемѣщнхъ посмотриѣть на Людвигъ-Четырнадцатаго? Даже всей стрѣжи у меня человѣкъ десять.... Стража, гвардія, народъ — все въ Пале-Рояль. Боже мой, Боже мой! отчего же я не ннѣю права требовать всего этого?

— Оттого что въ Пале Рояль — все золото, все сила прѣтеля, отвѣчала Анна Австрійская, которая въ эту минуту дожн.

Людвигъ вздрогнулъ, обернулся и пошелъ на встрѣчу къ н. тери.

— Я надѣюсь, сказалъ онъ, что ваше величество не обратнл вниманія на пустой бредъ, который такъ легко прнходнтъ въ голову еслиному въ минуту удивленія и скуки.

— Я обратала вниманіе только на то, что вы жалуетесь, мой смнѣ, отвѣчала Анна Австрійская.

— Я? вовсе нѣтъ; право, я не жалуюсь.

— Что же вы дѣлали?

— Мнѣ неслалось, что я отого поддѣрившей учителя и равннню заданную тему.

— Смысь мой, возразила Анна, нехвачъ коловой: вы не каршо дѣласте, что не доверяете мнѣ, не хотнте быть некрешнымъ со мною. Прїидетъ, вѣскоре, можетъ-быть, прїидетъ время, нннн валъ нужно будетъ припомннть истину, что могущество — въ золотѣ и что только тѣ — истннные властители, которые обладаютъ этимъ могуществомъ.

— Однако же, я полагаю, вы не осумѣете богачей нашего времени?

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ, отвѣчала Анна съ живостью: разбегатншіе въ нашъ вѣкъ, въ наше царствованіе, потому богаты, что вамъ такъ было угодно, и я не завидую имъ, не озлоблена на

нихъ. Они, конечно, хорошо служили вашему величеству, когда вы имъ позволили самимъ вознаграждать себя. Вотъ смыслъ тѣхъ словъ, за которыя вы, кажется, хотѣли упрекнуть меня.

— Сохрани Богъ, чтобы я сталъ упрекать въ чемъ-нибудь мою мать.

— Впрочемъ, продолжала Анна, Господь всегда только на время посылаетъ земныя блага; для противодѣйствія почестямъ и богатству онъ посылаетъ страданія, болѣзни и смерть, и никто не удалитъ ни своего достоинства, ни своего богатства съ собою въ могилу. Изъ этого слѣдуетъ, что молодые собираютъ плоды съ обильныхъ нивъ, обработанныхъ стариками.

Людвигъ съ возрастающимъ вниманіемъ слушалъ эти рѣчи, очевидно сказанныя въ утѣшеніе ему.

— Ваше величество, сказала Людвигъ, пристально глядя на мать: кажется, вы имѣете что-то сказать мнѣ?

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ, сынъ мой. Сейчасъ только я хотѣла спросить, замѣтили ли вы сегодня, что кардиналъ очень болѣнъ?

Людвигъ продолжалъ смотрѣть на нее, искалъ чувства въ годось или скорбь въ выраженіи лица. Лицо Анны Австрійской действительно было нѣсколько разстроено, но это страданіе казалось только болѣзненнымъ. Можетъ быть, оно происходило отъ рака, который въ то время начиналъ грызть ея грудь.

— Да! возразилъ король: да, кардиналъ очень болѣнъ.

— Государство повеситъ великую потерю, если Богу угодно будетъ призвать Мазарина. Не правда ли, что и вы такъ думаете, сынъ мой?

— Да, да, конечно, это будетъ великая потеря, отвѣчалъ Людвигъ, краснѣя: но опасность, кажется, еще не такъ велика; притомъ, кардиналъ еще не старъ.

Король не успѣлъ кончить рѣчи, когда дверная драпировка приподнялась и подъ нею остановился дежурный съ бумагою изъ рукъ.

— Что это такое? спросилъ король.

— Бумага отъ кардинала, ваше величество.

— Подай.

Король принялъ бумагу, но въ то время, когда онъ хотѣлъ распечатать ее, на дворѣ, въ корридорѣ и въ передней послышался большой шумъ.

— А! вотъ и другой! сказалъ Людвигъ, вѣроятно, узнавъ этотъ тройной шумъ: что же я говорилъ, что во Франціи только одинъ король? Ихъ два.

Черезъ минуту вошелъ главноуправляющій финансами, Фуке. Весь шумъ происходилъ отъ него, отъ его лакеевъ и лошадей. Сверхъ того вездѣ, гдѣ онъ проходилъ, слышался продолжительный шепотъ, который замиралъ уже тогда, когда Фуке совершенно скрывался изъ виду. Этого то шепоту недоставало Людовику-Четырнадцатому, и оттого онъ судился со своею судьбой.

— Этотъ еще не король; у этого только есть лишнія деньги, сказала Анна Австрійская съ такимъ выраженіемъ, которое показывало всю ея ненависть къ министру финансовъ, между-тѣмъ какъ у Людовика, лучше владѣвшаго собою, на гладкомъ лбѣ не показывалась ни одна морщина.

Онъ совершенно свободно кивнулъ министру головой и продолжалъ развертывать бумагу.

Фуке примѣтилъ это движеніе и съ ловкимъ, почтительнымъ поклономъ отошелъ и обратился къ королевѣ, чтобы предоста-вить королю полную свободу.

Людовикъ развернулъ бумагу, однако жъ не читалъ. Онъ слушалъ, какъ Фуке восхищался очаровательными контурами рукъ его матери. Лицо Анны Австрійской прояснилось почти до улыбки. Фуке примѣтилъ, что король слушаетъ, а не читаетъ, и продолжая, такъ сказать, принадлежать королевѣ, сдѣлалъ полуоборотъ и сталъ опять передъ королемъ.

— Вы слышали, мосьё Фуке, что кардиналъ очень болѣзнь? сказалъ король.

— Слышалъ, ваше величество. Онъ въ самомъ дѣлѣ очень плохъ. Я былъ на моей дачѣ, въ Вё, когда получилъ это извѣстіе, и тотчасъ поспѣшилъ сюда.

— Вы сегодня вечеромъ изъ Вё?

— Да, ваше величество, полтора часа тому назадъ я выѣхалъ, отвѣчалъ Фуке, взглянувъ на свои часы, осыпанные бриллиантами.

— Полтора часа тому назадъ! отвѣчалъ король съ видимымъ удивленіемъ и съ невидимымъ гнѣвомъ.

— Вы сомнѣваетесь, ваше величество, и это очень естественно, продолжалъ Фуке: проскакать такое разстояніе въ полтора часа дѣйствительно значить почти чудо совершить. Дѣло въ томъ, что изъ Англіи прислали три пары прекрасныхъ лошадей, бѣгуновъ. Я хотѣлъ попробовать ихъ и приказалъ разставить по парѣ на разстояніи каждыхъ четырехъ лѣ. Вотъ они и причалили меня изъ Вё въ Лувръ въ полтора часа.

Королева улыбулась и министру показалось, что въ этой улыбкѣ проглянула зависть. Онъ поспѣшилъ прибавить :

— Такія лошади созданы не для подданныхъ, а для королей, потому что короли не должны уступать кому бы то ни было и въ чемъ бы то ни было.

Людовикъ выпрямился.

— Однако жъ, вы не король, кажется, мосьё Фукё? прервала королева.

— Затѣмъ-то я и ожидаю только знаку его величества, чтобы отправить этихъ лошадей на луврскую конюшню. Если я позволилъ себѣ испытать ихъ, то это только для того, что бы видѣть дѣйствительно ли онѣ достойны такого назначенія.

Король сильно покраснѣлъ.

— Вы знаете, мосьё Фукё, что при французскомъ дворѣ не водится, чтобы подданные дарили что-нибудь королю, замѣтила Анна Австрійская.

Людовикъ сдѣлалъ движеніе. Фукё смѣшался.

— Я надѣялся, ваше величество, сказалъ онъ, что моя искренняя преданность королю, мое постоянное стараніе сдѣлать моему государю пріятное, могутъ перевѣсить условія этикета хоть на одинъ разъ. Впрочемъ, я вовсе не подарокъ осмѣлился поднести, а только должную дань.

— Благодарю васъ за вниманіе, мосьё Фукё, сказалъ король учтиво: я дѣйствительно люблю хорошихъ лошадей, но вы знаете, что я не богатъ, — вы это знаете лучше всякаго другаго, — слѣдовательно, я не могу покупать такихъ дорогихъ лошадей.

— Роскошь — добродѣтель государей, ваше величество, возразилъ Фукё, бросивъ гордый взглядъ на королеву, которая, казалось, была рада неловкому положенію министра: черезъ роскошь они становятся выше людей; роскошью они питаютъ своихъ подданныхъ и сами прославляются; роскошью они поднимаютъ всѣ промышленности и искусства и, слѣдовательно, обогащаютъ свое государство. Принявъ эту шестерку несравненныхъ лошадей, ваше величество подстрекнули бы самолюбіе нашихъ заводчиковъ въ Лимузинѣ, въ Першѣ и Нормандіи, и возбудили бы общепользное соревнованіе.... Но король молчитъ и, слѣдовательно, я осужденъ.

Между тѣмъ король разсѣянно свертывалъ и развертывалъ полученную бумагу, которой еще не читалъ. Наконецъ глаза его остановились на письмѣ и онъ вскрикнулъ.

— Что съ вами, сынъ мой? поспѣшно спросила Анна.

— Отъ кардинала, отвѣчалъ король, продолжая читать: да, да... отъ него.

— Чтò, ему хуже?

— Прочитайте сами, отвѣчалъ Людовикъ, подавая матери бумагу.

Анна въ свою очередь прочитала и глаза ея на каждой строкѣ сильнѣе и сильнѣе сверкали отъ радости.

— Дарственное завѣщаніе! сказала она, читая.

— Дарственное завѣщаніе? повторилъ Фукè.

— Да; сказалъ король, отвѣчая въ особенности министру: готовясь умирать, кардиналъ завѣщаніемъ отказываетъ мнѣ все свое имѣніе.

— Сорокъ милліоновъ! вскричала королева: какой прекрасный поступокъ со стороны кардинала! Это разомъ опровергнетъ все изведенныя на него клеветы. Сорокъ милліоновъ, медленно накопленные втеченіи многихъ лѣтъ, разомъ возвращаются въ королевскую казну. Вотъ подданный!

И взглянувъ еще разъ на актъ, она подала его Людовику, котораго страшная сумма приводила въ лихорадочный трепетъ.

Фукè отошелъ на вѣсколько шаговъ и молчалъ. Король подалъ ему актъ. Министръ только на секунду остановилъ на немъ гордый взглядъ и, поклонившись, сказалъ:

— Я вижу, ваше величество; дарственная.

— Нужно отвѣчать, сынъ мой, сказала Анна: нужно отвѣчать сейчасъ же.

— Какимъ образомъ?

— Визитомъ кардиналу.

— Но едва одинъ часъ прошелъ съ-тѣхъ-поръ какъ я ушелъ отъ него.

— Такъ напишите.

— Писать! вскричалъ король почти съ отвращеніемъ.

— Наконецъ, продолжала Анна, мнѣ кажется, сынъ мой, что человѣкъ, приносящій такую жертву, имѣетъ право ожидать по крайней-мѣрѣ довольно успѣшной благодарности... Какъ вы думаете, мосьè Фукè?

— Подарокъ стоить того, ваше величество, отвѣчалъ министръ съ достоинствомъ, которое не укрылось отъ короля.

— Такъ примите и благодарите, сынъ мой, продолжала Анна-Австрійская.

— Чтò скажетъ Фукè? спросилъ Людовикъ.

— Вашему величеству угодно знать все имѣніе.

— Да.

— Поблагодарите, ваше величество...

— А! вскричала Анна.

— Но не принимайте, деснязалъ Фукѣ.

— Отчего же такъ? спросила Анна.

— Вы сами сказали, ваше величество, отвѣчалъ министр: оттого что королю не слѣдуетъ принимать подарковъ отъ подданныхъ.

Король молчалъ.

— Но сорокъ-милліоновъ! сказала королева.

— Я знаю, возразилъ Фукѣ съ усмѣшкой: сорокъ милліоновъ — значительная сумма.

— Но, послушайте, мосье Фукѣ, перебила Анна: вмѣсто того чтобы отклонять короля отъ принятія этого заѣщавія, замѣтите его величеству, — по должности вашей, — что сорокъ милліоновъ составить для него порядочное состояніе.

— Именно по этому я и скажу его величеству: «Если королю непринично принять отъ подданнаго шестерку лошадей, стоящую двадцать тысячъ ливровъ, то ему унижительно быть обязаннымъ своимъ состояніемъ другому подданному, болѣе или менѣе разборчивому насчетъ средствъ, послужившихъ къ основанію этого богатства.

— А я нахожу, что вамъ, мосье Фукѣ, вовсе не прилично давать королю уроки, замѣтила Анна: лучше доставьте ему сорокъ-милліоновъ, въ вознагражденіе за тѣ, отъ которыхъ вы совѣтуете отказаться.

— Они будутъ доставлены, когда его величество прикажетъ.

— Да, будутъ доставлены, когда вы ихъ выжмете у народа!

— А эти, что дарятся здѣсь, развѣ не также выжаты, ваше величество? Впрочемъ, его величество изволили только потребовать моего мнѣнія и я сказалъ. Когда его величеству угодно будетъ потребовать дѣйствія, я буду дѣйствовать.

— Примите же, примите, сынъ мой, повторила Анна: вы стоите и должны стоять выше всѣхъ толковъ и пересудовъ.

— Отнажитесь, ваше величество, сказалъ Фукѣ: пока король живеть, у него нѣтъ другаго уровня кромѣ своей совѣсти, и нѣтъ другаго судьи кромѣ своего желанія, но когда умретъ, есть потомство, которое или рукоплещетъ или осуждаетъ.

— Благодарю васъ, ваше величество, сказалъ Людовикъ, почтительно обращаясь къ матеря. Благодарю васъ; мосье Фукѣ, прибавилъ онъ учтиво отпуская министра.

— Вы принимаете? спросила королева.

— Я подумаю, отвѣчалъ король, глядя на Фуке.

Отославъ королю дарственную запись, кардиналъ Мазаринъ отправился въ Венсенъ, куда за нимъ послѣдовалъ и король и весь дворъ. Послѣдніе лучи этого угасавшаго свѣтила были еще довольно ярки, чтобы помрачить всякій другой свѣтъ. Впрочемъ, Людовикъ-Четырнадцатый какъ вѣрный спутникъ сопровождалъ свою планету до послѣдней минуты. Болѣзни кардинала, какъ и предсказывалъ Генд, усилилась; это былъ уже не припадокъ подагры, это было вѣстивіе смерти. Сверхъ-того томленіе умирающаго еще увеличивалось незвѣстностью участи дарственной, которую, по словамъ Кольбера, король долженъ былъ возвратить, но еще не возвращалъ. Кардиналъ вѣрилъ въ предусмотрительность своего секретаря, но сумма была такъ огромна, что не мудро было подъ-часъ усомниться въ вѣрности самыхъ гениальныхъ соображеній. Всякій разъ, когда дверь отворялась, Мазаринъ быстро оборачивался, чтобы посмотреть, не возвращается ли его несчастное завѣщаніе, и всякій разъ обманутую надежду сопровождалъ глубокій вздохъ.

Анна Австрійская также послѣдовала за кардиналомъ. Хотя ее сердце отъ лѣтъ нѣсколько почерствѣло въ эгонизмъ, однакожь она не могла отказать умирающему въ дани скорби, которую обязана была заплатить ему, по мнѣнію однихъ — какъ женщина, по мнѣнію другихъ — какъ королева.

Она, по выраженію лица, уже напередъ какъ-будто облеклась въ трауръ, и весь дворъ послѣдовалъ ее примѣру.

Людовикъ, чтобы не показать на лицѣ, что происходитъ въ душѣ, не выходилъ изъ своихъ покоевъ, гдѣ единственною собесѣдницей ему служила его кормилица. Чѣмъ ближе подходилъ срокъ освобожденія отъ всякаго принужденія, тѣмъ Людовикъ становился терпѣливѣе и скромнѣе. Онъ, какъ всѣ сильные люди съ замыслами, сосредоточивался въ самомъ себѣ, чтобы въ данную минуту тѣмъ сильнѣе развернуться.

Кардинала приобщили святыхъ тайнъ и помазали муромъ, но онъ все еще оставался вѣрнымъ своему привычному притворству, боролся съ очевидностью и принималъ послѣдніе дары Церкви такъ, какъ будто бы дѣло шло о ничтожной проходящей болѣзни.

Гено, съ своей стороны, хранилъ глубокую тайну. Его преслѣдовали, утомляли, осаждали разспросами; онъ на все отвѣчалъ:

— Его свѣтлость еще не старъ; впрочемъ, воля Божія; чело-
вѣкъ смерти не остановитъ.

Мазаринъ, несмотря на предсказаніе своего доктора, всё-еще
лѣтился надеждой или, лучше сказать, такъ хорошо разыгры-
валъ свою роль, что самые проныцательные, говоря о немъ, что
онъ лѣстится, доказывали, что онъ еще умѣетъ провести ихъ.

Людвигъ два дня не видалъ кардинала и не зналъ навѣрное,
каковъ онъ. Сынъ Людовика-Тринадцатаго до-сихъ-поръ такъ
мало былъ королемъ, что при всемъ своемъ пламенномъ желаніи
царствовать наконецъ, предавался этому желанію съ ужасомъ,
который сопровождается невѣдомое. Въ эти два дня онъ насчетъ
Мазаринова завѣщанія принялъ твердое намѣреніе, котораго од-
нако жъ не сообщалъ никому. Онъ хотѣлъ самъ видѣться съ
кардиналомъ, и черезъ мать сообщилъ объ этомъ умирающему.
Тотъ затрепеталъ.

Съ какою цѣлью Людвигъ-Четырнадцатый требуетъ свиданія?
Съ тѣмъ ли, чтобы возвратить, какъ сказалъ Кольберъ, или
чтобы принять и благодарить? Кардиналъ страшился угадать,
однако жъ, ни минуты не колебался принять посѣщеніе.

— Я очень радъ, очень радъ видѣть его величество, сказалъ
онъ Аннѣ-Австрійской: прошу васъ, ваше величество; засвидѣ-
тельствуйте королю мою радость.

Анна тотчасъ встала. Ей также хотѣлось поскорѣе видѣть рѣ-
шеннымъ вопросъ, который уже двое сутокъ составлялъ пред-
метъ догадокъ, сомнѣній и предположеній для всего двора. Когда
она вышла, кардиналъ собралъ силы, обратился къ Кольберу и
сказалъ:

— Ну, что? вотъ уже два дня, ты видишь, два убійственныхъ
дня прошло, а еще ничего пѣтъ!

— Потерпите, ваша свѣтлость, отвѣчалъ Кольберъ.

— Потерпѣть?... Ты съ ума сошелъ, несчастный! Я умираю,
а ты совѣтуешь мнѣ подождать! Ты смѣешься надо мной, Коль-
беръ?

— Невозможно, чтобы не случилось такъ, какъ я предсказалъ,
ваша свѣтлость, отвѣчалъ Кольберъ съ обыкновеннымъ своимъ
хладнокровіемъ. Король желаетъ видѣться съ вами: это значить,
что онъ самъ хочетъ возвратить вамъ завѣщаніе.

— Ты думаешь? А я, напротивъ, увѣренъ, что король при-
детъ поблагодарить меня.

Анна-Австрійская воротилась, потому что въ передней встрѣ-

тнимъ новымъ змѣяръка. Дѣло шло о порошокѣ, который могъ спасти кардинала. Анна принесла образчикъ этого порошка.

Но не этого ждалъ Мазаринъ. Онъ и взглянуть не хотѣлъ на лекарство, уверяя, что жизнь во все не сводитъ того, чтобы столько хлопотать о ней. И вмѣстѣ съ этою философскою аксіомой у него выршилась долго хранимая тайна.

— Не въ этомъ важности, ваше величество, сказалъ онъ. Вотъ уже два дни тому назадъ, какъ я отправилъ въ королю мажорантскій подарокъ. Де-сикъ-поръ его величество ничего не сказалъ, — вѣроятно, изъ деликатности. Но вотъ приближается минута объясненія.... Умоляю, ваше величество, скажите мнѣ, какъ король намѣренъ поступить, — если вы знаете?

Анна хотѣла отвѣчать, Мазаринъ перебилъ:

— Только правду, ваше величество! ради Бога, правду! Не льстите умирающему напрасною надеждой....

Тутъ онъ остановился. Кольберовъ взглядъ сказалъ ему, что онъ переходитъ за предѣлы благоразумія.

— Я знаю, отвѣчала Анна, взявъ кардинала за руку: я знаю, что вы сдѣлали не маленькій подарокъ, какъ говорить ваша скромность, а великодушное и великолѣпное пожертвованіе. Я знаю, какъ вамъ будетъ больно, если король....

Умирающій Мазаринъ слушалъ за десятерыхъ живыхъ.

— Если король?... повторилъ онъ.

— Если король не приметъ съ удовольствіемъ подарка, который вы такъ благородно предлагаете.

Мазаринъ упалъ навзничъ на подушкѣ съ отчаяніемъ человека, который тонежъ, не видя никакого спасенія. Однако жъ онъ сохранилъ еще столько силъ и присутствія духа, чтобы бросить Кольберу взглядъ, стоившій десяти длинныхъ поэмъ.

— Неправда ли, что вы сочли бы отказъ короля оскорбленіемъ? прибавила Анна.

Мазаринъ вертѣлъ голову на подушкѣ и не произносилъ ни слова. Анна Австрійская не поняла или притворилась, что не поняла этого выраженія.

— Зато, продолжала она: я, съ моей стороны, содѣйствовала совѣтамъ, сколько могла. Нѣкоторые люди, вѣроятно, завидуя славѣ, которую вы стяжаете такимъ великодушіемъ, старались доказать королю, что ему слѣдуетъ отказаться; но я вступилась за васъ и боролась такъ, что надѣюсь, вы не испытаете никакой непріятности.

— Ахъ! простоналъ Мазаринъ, поводя томными глазами: это

услуга, которой я не забуду ни на одну минуту во все остальные часы моей жизни!

— Впрочемъ, должно признаться, я не безъ труда оказала вамъ эту услугу.

— О! вѣрю, вѣрю!... Охъ! diavolo!

— Ахъ, Боже мой! что съ вами, кардиналъ?

— Я горю.... горю!

— Вы сильно страдаете?

— Какъ въ аду!

Кольберу хотѣлось провалиться сквозь землю.

— Такъ ваше величество полагаете, что король.... (Мазариниъ остановился на нѣсколько секундъ).... что король прійдетъ затѣмъ, чтобы поблагодарить меня?

— Я полагаю такъ, отвѣчала Анна.

Мазариниъ метнулъ свирѣпый взглядъ въ Кольбера.

Въ эту минуту, въ переднихъ комнатахъ, наполненныхъ народомъ, возвѣстали о королѣ. Произошла тревога, которую Кольберъ воспользовался и ускользнулъ за дверь алькова. Людовикъ-Четырнадцатый вошелъ и съ порога уже устремилъ глаза на умирающаго. Тотъ даже не повернулся: онъ уже ничего не ждалъ хорошаго отъ его величества.

Одинъ изъ придворныхъ поставилъ кресло подлѣ постели. Король поклонился сперва матери, потомъ кардиналу и сѣлъ. Королева также сѣла. Потомъ король взглянулъ черезъ плечо назадъ. Дежурный понялъ этотъ взглядъ и далъ знакъ придворнымъ, которые толпились у дверей. Все скрылось. Съ паденіемъ бархатныхъ драпировокъ въ комнатѣ водворилась тишина.

Молодой король, всегда очень скромный передъ человѣкомъ, котораго привыкъ почитать своимъ наставникомъ, уважалъ его еще больше въ торжественномъ присутствіи смерти и не покушался первый заговорить, потому что чувствовалъ, какое важное значеніе будетъ имѣть каждое его слово.

У кардинала же въ эту минуту была только одна мысль — завѣщаніе. Не болѣзнь придавала его лицу улыбки видъ и глазу потухшій взоръ, а ожиданіе благодарности, благодарности, которая должна была сокрушить все его расчеты и надежды. Онъ первый прервалъ молчаніе.

— Ваше величество изволили переѣхать въ Венсенъ? спросилъ онъ.

Король утвердительно кивнулъ головой.

— Эта милость къ умирающему усладить послѣднія минуты вашего вѣрнаго слуги, продолжалъ Мазаринъ.

— Я надѣюсь, что пришелъ навѣстить не умирающаго, а больного, способнаго выздороветь.

Мазаринъ отрицательно покачалъ головой.

— Это послѣднее посѣщеніе, ваше величество, сказалъ онъ: послѣднее.

— Если такъ, кардиналъ, то я поспѣшу еще разъ попросить совѣта у наставника, который такъ долго руководилъ меня, которому я такъ много обязанъ.

Анна Австрійская, какъ женщина, не могла удержать слезъ. Самъ Людовикъ былъ взволнованъ; Мазаринъ еще больше, но только другою причиною. Снова наступило молчаніе. Королева отерла слезы, Людовикъ воротилъ свою твердость.

— Я сказалъ, продолжалъ онъ: что я много обязанъ вамъ, кардиналъ.

Мазаринъ пожиралъ своего воспитанника глазами: онъ чувствовалъ, что рѣшительная минута приближается.

— И главнымъ повдомъ къ этому посѣщенію служить искренняя благодарность за послѣднее свидѣтельство дружбы, которое вы мнѣ прислали.

Щеки у кардинала ввалились, ротъ открылся и самый жалобный изъ всѣхъ его вздоховъ готовился вырваться изъ груди.

— Ваше величество, сказалъ онъ: я обобралъ моихъ бѣдныхъ родныхъ, я разорилъ всѣхъ моихъ близкихъ. За это могутъ осудить меня, но по-крайней-мѣрѣ никто не скажетъ, что я не былъ готовъ всѣмъ пожертвовать для моего короля и государя.

Анна Австрійская снова заплакала.

— Любезный кардиналъ, сказалъ король съ такою важною, какой нельзя было ожидать отъ его молодости: вы, я вижу, плохо поняли меня.

Мазаринъ приподнялся на локтѣ.

— Я не хочу, чтобы ваши родные и близкіе были разорены. Этого не будетъ.

— А! онъ возвратитъ мнѣ какой-нибудь клочекъ, подумалъ Мазаринъ: нужно сколько возможно подлиннѣй вытянуть.

— Людовикъ разчувствуется и сѣиграетъ великодушнаго, подумала Анна: нужно помѣшать ему обижать себя: такой случай дважды не представится.

— Ваше величество, сказалъ кардиналъ громко: родня у меня

многочисленная и племянницы мои очень объѣдѣють, когда меня не станетъ.

— О! не безпокойтесь о вашихъ родныхъ, кардиналъ! подхватила королева: у насъ не будетъ друзей дороже вашихъ близкихъ. Ваши племянницы будутъ моими дочерьми, сестрами короля, и когда король станетъ раздавать милости, то первыя доставутся вашимъ друзьямъ.

— Дымъ! подумалъ Мазаринъ, который лучше всякаго другаго зналъ цѣну подобнымъ обѣщаніямъ.

Людовикъ прочелъ эту мысль у него на лицѣ.

— Успокойтесь, кардиналъ, сказалъ онъ съ полу-печальною, полу-насмѣшливою улыбкой: дѣвцы Мазаринъ, теряя васъ, конечно, лишаются перваго и лучшаго своего блага на землѣ, но онѣ тѣмъ не менѣе останутся богатѣйшими наслѣдницами во Франціи. Такъ какъ вы вручили мнѣ ихъ приданое....

Кардиналъ задыхался.

— То я возвращаю его мнѣ, продолжалъ Людовикъ, вынимая изъ кармана бумагу, которая въ продолженіи двохъ сутокъ вздымала столько бурь въ душѣ Мазарина.

— Неправду я вамъ говорилъ? прошепталъ за кроватью голосъ, который, какъ легкое дуновеніе вѣтру, коснулся только кардиналова уха.

— Вы возвращаете мнѣ завѣщаніе, ваше величество? вскричалъ кардиналъ, до того пораженный, что забылъ свою роль благодѣтеля.

— Вы отказываетесь отъ сорока милліоновъ? вскричала Анна Австрійская, забывая свою роль скорбящей.

— Да, кардиналъ; да, ваше величество, отвѣчалъ Людовикъ разорвавъ актъ: да, я уничтожаю это завѣщаніе, обижающее цѣлое семейство. Имѣніе нажитое кардиналомъ на моей службѣ, принадлежитъ ему, а не мнѣ.

— Однакожъ, вскричала Анна, вспомните, ваше величество, что въ вашей казнѣ нѣтъ и десяти тысячъ ливровъ!

— Я совершаю первое мое королевское дѣло, ваше величество, отвѣчалъ Людовикъ, и надѣюсь, что оно достойнымъ образомъ означитъ начало моего царствованія.

— Да, ваше величество! да, вы правы! вскричалъ Мазаринъ: вы совершаете дѣло истинно великодушное.

И онъ сталъ разсматривать клочки бумаги лежавшіе передъ нимъ на постелѣ, чтобы убѣдиться, точно ли подлинный актъ,

а не копія разорвана. Анна Австрійская не могла скрыть своего сожалѣнія и подняла глаза и руки къ небу.

— Ахъ, ваше величество! вскричалъ Мазаринъ: ахъ, какъ вѣсь будутъ благословлять! какъ вѣсь будутъ любить всѣ мои родные!... О! если когда-нибудь кто изъ моихъ сдѣлаетъ вамъ малѣйше непріятное, доведете бродью, и я возстану изъ могилы.

Эта великолѣпная рѣчь не произвела того эффекта, котораго ожидалъ Мазаринъ, потому что Людовикъ уже не слушалъ его: онъ былъ занятъ мыслями довѣсьмъ другаго порядка. Анна Австрійская не могла снести ни великодушія своего сына ни кардиналова лицемѣрія безъ того чтобъ не предаться гнѣву, который въ ней кипѣлъ, и потому встала и вышла, нисколько не заботясь объ обнаруженіи досады. Кардиналъ все цѣплялъ и опасаясь, чтобы Людовикъ не переженилъ намѣренія, принудился метаться, стонать и кричать отъ боли, какъ Модерровъ Счащенъ. Потомъ, мало по-малу, крики стихли и король спросилъ.

— Не имѣете ли вы чего-нибудь сказать, посовѣтовать мнѣ, кардиналъ?

— Ваше величество, отвѣчалъ Мазаринъ, вы уже и безъ того одицетворенная мудрость и благоразуміе; я уже не говорю о великодушіи: теперешній вашъ поступокъ превосходитъ все, что только могли сдѣлать великодушнѣйшіе люди древности и новѣйшаго времени.

Король принялъ эту похвалу очень холодно.

— Вы ограничиваетесь одною благодарностью, сказали онъ, и ваша опытность, гораздо болѣе извѣстная чѣмъ мое благоразуміе, моя мудрость и мое великодушіе, не внушаетъ вамъ ни какаго дружескаго совѣта, который бы могъ пригодиться мнѣ въ будущемъ?

Мазаринъ подумалъ съ минутою.

— Вы много сдѣлали для меня, ваше величество, то есть для моихъ родныхъ, сказалъ онъ потомъ.

— Довольно объ этомъ, возразилъ король.

— Зато, продолжалъ Мазаринъ, я хочу дать вамъ вѣчтр стѣющее тѣхъ сорока милліоновъ, которые вы такъ царски отдергли.

Людовикъ сдѣлалъ движеніе, которое значило, что вся эта дѣль терзаетъ его.

— Я хочу дать вамъ совѣтъ, продолжалъ Мазаринъ, совѣтъ, который, право, стоитъ дороже сорока милліоновъ.

— Кардиналъ!...

— Выслушайте, ваше величество.

— Я слушаю.

— Накажитесь по-бавше, я ослабляю... еще... еще побавше. Король наклонился къ самому лицу большого.

— Ваше величество, сказалъ Мазаринъ такъ тихо, что колебъ его послышася внимательнаго слуха молодато мароля тѣмъ предосторожнѣе изъ молчана: даже величество, не смѣйте никогда перваго министра.

Людвигъ съ удивленіемъ выпрямился. Онъ услышалъ не только хвѣтъ, но и ласкѣвъ, искреннюю ласкѣвъ перваго министра. Это заступаніе Мазарина состояло изъ семи словъ, но оно дѣйствительно стоило сорока милліоновъ. Король съ нѣмноту простоялъ какъ олушечный, а мароля лежалъ спомоймо, какъ будто оладилъ самую обыкновенную вещь.

— Теперь, кроми вѣшикъ родныкъ, не дѣайте ли чего: побудъ поручить мнѣ? спросилъ король.

За лавашемъ алъова послышалось легкое шуршанье. Мазаринъ пональ.

— Да, да! вскрывалъ онъ съ живостью: да, даже величество, я рекомендую вамъ человека умнаго, дѣльнаго, искуснаго, послышно...

— Назовите имя.

— Его зовутъ Кольтбергъ. Это секретарь въ моей канцеляри. Онъ испытывае его, даже величество! пребываетъ Мазаринъ съ маролякъ все, что Кольтбергъ предсказалъ мнѣ, все случилось. У него необыкновеннагое хабраненіе и онъ никогда не ошибался ни въ людяхъ ни въ вѣщахъ, — а побывавше это удивительнѣй. Я много обязанъ вамъ, ваше величество, но я радъагоу расслатькъа, даже звать Кольтберга.

— Хорошо, сказалъ король равнодушно, потому что правнѣе ситуантъ Мазарина да обидовѣе лухорочнаго мару.

Кардиналь спустился на молукии.

— Теперь я радъагоу, коударъ... простите, ваше величество, прощантъ Мазаринъ: я утомился; а мнѣ еще предгоитъ труднѣй путыпряде тѣмъ алмашъ передъ новынѣ молы Владыной... Простите, пасуаръ.

Федовикъ ощутилъ слезу на глазахъ. Онъ наклонился: вѣдъ сумрачавалъ и потомъ молѣтнѣе вышель.

И Мазаринъ и король всею лавѣ прощантъ гѣтомѣвин: Мазаринъ ждалъ отрѣшеніа, король ждалъ свободы.

Федовикъ воеде не лѣмился. Черезъ часъ да уходѣ онъ кардинала онъ узналъ, что умарающій, мѣскольае оглодуватъ, воеде-

заль одѣть себя, причесать, нарумянить и сталъ принимать посланиковъ. Мазаринъ, вѣроятно, подобно Августу смотрѣлъ на свѣтъ, какъ на большой театръ и хотѣлъ лично разыграть послѣдній актъ своей комедіи.

Анна Австрійская уже не являлась къ кардиналу: ей тамъ уже нечего было дѣлать. Приличіе послужило предлогомъ отсутствію. Впрочемъ, кардиналъ и не беспокоился объ ней. Совѣтъ, который она давала сыну, вѣзался ему въ сердце.

Около полуночи Мазаринъ, еще нарумяненный, впалъ въ смертное томленіе. Онъ пересмотрѣлъ свое завѣщаніе. Оно столько точно выражало его послѣднюю волю, что онъ, опасаясь, чтобы кто нибудь не воспользовался его слабостью и не заставилъ бы измѣнить распоряженія, отдалъ на этотъ счетъ особенныя приказанія Кольберу, который какъ вѣрный стражъ прохаживался всю ночь по корридору, передъ спальней.

Король заперся въ своихъ покояхъ. Онъ только каждый часъ посылалъ свою кормилицу къ кардиналу за бюллетенями и узнавалъ, что тотчасъ послѣ приему посланниковъ начали читать отходную.

Во второмъ часу ночи Гендъ попытался употребить послѣднее лекарство, такъ называемое геройское. Въ то время въ медицинѣ еще вѣрили, что про смерть можно беречь въ запасъ нѣсколько въ родѣ мастерскихъ уловокъ фехтовальнаго искусства. Нынче этому уже не вѣрятъ, однако жъ средства отъ смерти употребляются все тѣ же и съ совершенно одинаковымъ успѣхомъ: дадутъ все, что слѣдуетъ, въ надлежащемъ порядкѣ, а потомъ—можете спокойно умереть.

Мазаринъ, принявъ геройское лекарство, подышалъ минуту десять. Почувствовавъ это облегченіе, онъ тотчасъ же приказалъ всюду распусть слухъ о наступленіи счастливаго перелома. У короля, при этой вѣсти, холодный потъ выступилъ на лбу: онъ уже видѣлъ, предвкушалъ свободу; новое рабство являлось ему ирачѣе и тягостѣе чѣмъ когда-нибудь. Но послѣдовавшій за тѣмъ бюллетень переимѣнилъ положеніе вещей. Мазаринъ уже едва дышалъ и съ трудомъ повторялъ шепотомъ молитвы, которыя читалъ подлѣ него ватеръ еезативецъ. Король въ сильномъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и въ то же время пересматривалъ бумаги, вынутыя изъ шкатулки, отъ которой ключъ всегда носилъ при себѣ. Кормилица еще разъ пришла и сказала, что Мазаринъ что-то съострилъ и приказалъ покрыть свою Тициановскую «Флору» новымъ лакомъ.

Наконецъ, часу въ третьемъ, совъ одолѣлъ короля, не спавшаго уже двадцать-четыре часа сряду. Онъ уснулъ въ креслѣ, гдѣ сидѣлъ. Въ пятомъ, его опять разбудила вошедшая кормилица.

— Ну, что? спросилъ король.

— Ахъ, любезный государь! отвѣчала кормилица съ сострадательнымъ видомъ, сложивъ руки: ахъ! скончался!

Король вскопчилъ, какъ будто стальная пружина поставила его на ноги.

— Умеръ? вскричалъ онъ.

— Увы! да.

— Это вѣрно?

— Вѣрно, любезный государь.

— Сообщено оффиціальное извѣстіе?

— Нѣтъ еще.

— Кто жъ тебѣ сказалъ, что кардиналъ умеръ?

— Мосьё Кольберъ.

— Кольберъ?

— Да.

— А самъ онъ увѣренъ былъ въ томъ, что говорилъ?

— Онъ нѣсколько минутъ держалъ зеркало надо ртомъ покойника.

— А!... Гдѣ же Кольберъ теперь?

— Онъ вышелъ изъ комнаты кардинала и пошелъ за мною. Онъ теперь въ прихожей, ожидаетъ, не угодно ли будетъ вашему величеству потребовать его.

Людовикъ поспѣшно пошелъ и самъ отворилъ дверь. Кольберъ стоялъ противъ двери и ждалъ. Король вздрогнулъ при видѣ этой черной статуи, потомъ отступилъ назадъ въ комнату и сдѣлалъ Кольберу знакъ; тотъ почтительно поклонился и послѣдовалъ. Король сдѣлалъ другой знакъ кормилицѣ; та вышла и заперла дверь. Кольберъ остался въ почтительномъ положеніи у порогу.

— Вы пришли довести?... сказалъ Людовикъ и не кончилъ фразы.

— Кардиналъ скончался, отвѣчалъ Кольберъ, и я принесъ вашему величеству его послѣднее прощаніе.

Людовикъ съ минуту молча глядѣлъ на Кольбера и видно было, что онъ вспомнилъ о рекомендаціи кардинала.

— Васъ зовутъ Кольберомъ? спросилъ онъ.

— Точно такъ, ваше величество.

— Вы примѣрно служили кардиналу; онъ самъ мнѣ говорил. Кольберъ молча поклонился.

— Вамъ извѣстны нѣкоторыя его тайны?

— Всѣ, ваше величество.

— Друзья и слуги покойнаго кардинала мнѣ дороги, моеѣ Кольберъ. Я помѣню васъ въ которой-нибудь изъ моихъ канцелярій.

Кольберъ опять поклонился.

— Вы, кажется, занимались финансами?

— Точно такъ, ваше величество. У кардинала я служилъ секретаремъ по хозяйственной части.

— А на моей службѣ вы не были?

— Непосредственно не былъ, но посредствомъ иногда служилъ, ваше величество. Я подалъ его свѣтлости мысль, которая принесла казнѣ триста-тысячь франковъ ежегодной экономіи.

— Какая же это экономія?

— Швейцарская гвардія вашего величества, какъ изволите знать, имѣла серебряную бахраму на перевязяхъ. Я предложилъ его свѣтлости замѣнить это серебро мишурой. Видъ тотъ же самый, а между-тѣмъ сберегается триста-тысячь, на которые можно прокормить цѣлый полкъ, или купить десять-тысячь хорошихъ ружей, или построить и снарядить десяти-пушечную яхту.

— Правда! сказалъ Людовикъ, внимательно всматриваясь въ черную, щетинистую голову секретари: это очень дѣльная экономія. Въ самомъ дѣлѣ, смѣшно было давать солдатамъ носить такую же бахраму какъ и офицерамъ.

— Я очень счастливъ одобреніемъ вашего величества, сказалъ Кольберъ.

— Что же вы еще дѣлали у кардинала?

— Его свѣтлость поручалъ мнѣ поправку отчетовъ министерства финансовъ?

— А! сказалъ Людовикъ, который уже готовился отпустить чиновника, но при этомъ извѣстнѣ остановился: такъ кардиналъ поручалъ вамъ поправку отчетовъ Фуке? Что же вы нашли?

— Недочетъ, ваше величество. Но, если ваше величество позволите....

— Говорите, Кольберъ, говорите.

— Я долженъ дать нѣкоторыя объясненія....

— Совсе нѣтъ, не нужно. Вы поправили, следовательно можете сообщить мнѣ результатъ поправки.

— Результатъ очень коротокъ, ваше величество: всюду — пустота; денегъ — нигдѣ.

— Берегитесь, мосьё Кольберъ; вы крѣпко нападаете на управление Фуке, который однакожъ, я слышалъ, говорить, человѣкъ искусный.

Кольберъ покраснѣлъ и поблѣднѣлъ. Онъ чувствовалъ, что съ этой минуты вступаетъ въ борьбу съ человѣкомъ почти столько же сильнымъ какъ былъ покойный кардиналъ.

— Да, ваше величество, очень искусный человѣкъ, сказалъ Кольберъ съ поклономъ.

— Но если Фуке искусный человѣкъ, и если, несмотря на это, денегъ нѣтъ, то кто жъ виноватъ?

— Я не обвиняю, ваше величество; я только докладываю о результатѣ повѣрки.

— Хорошо, напишите вашъ докладъ и подайте мнѣ. Вы говорите, оказывается недочетъ? Можетъ-быть, это только временный. Фонды соберутся, кредитъ возрастетъ.

Кольберъ сомнительно покачалъ головой.

— Что это значитъ? Неужели государственные доходы до такой степени обременены долгами, что они уже не доходы?

— Да, до такой степени, ваше величество.

Король сдѣлалъ движеніе.

— Объясните мнѣ это, мосьё Кольберъ.

— Благоводите, ваше величество, совершенно опредѣленно сказать, насчетъ чего прикажете дать объясненіе?

— Вы требуете ясности. Это мнѣ нравится. Ну, вотъ, напримѣръ, сегодня умеръ кардиналъ. Если мнѣ понадобятся деньги, гдѣ я возьму?

— Негдѣ взять, ваше величество.

— О! вотъ было бы странно! Мой министръ финансовъ искусный человѣкъ.... вы сами сознаетесь, что онъ искусный человѣкъ.... и онъ не найдетъ мнѣ денегъ?

— Не найдетъ, ваше величество.

— Ну, можетъ-быть, на этотъ годъ такъ, но на будущій....

— Будущій годъ уже очищенъ такъ же гладко какъ нынѣшній.

— Такъ на предбудущій?

— Такъ же чисто, ваше величество.

— Что вы говорите? вскричалъ король въ недоумѣніи.

— Доходы за четыре года впередъ издержаны, ваше величество.

— Такъ можно сдѣлать займъ.

— Уже сдѣлано три.

Король нахмурилъ брови. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько финансовыхъ предположеній, но Кольберъ доказалъ, что всѣ они неисполнимы и что всѣ средства уже истощены. Людовикъ въ сильномъ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ.

— Но если дѣла въ такомъ положеніи, сказалъ онъ вдругъ, остановясь, то я, значить, разоренъ прежде чѣмъ успѣлъ начать царствовать?

— Разорены, ваше величество, отвѣчалъ безстрастный контролеръ.

— Однако жъ, гдѣ-нибудь да есть же деньги!

— Есть, ваше величество, и для начала я принесъ записку о фондѣ, о которомъ покойный кардиналъ нигдѣ не упомянулъ, ни въ завѣщаніи и ни въ какомъ актѣ, и который довѣренъ только мнѣ.

— Вамъ?

— Точно такъ, ваше величество, съ приказаніемъ доставить его королю.

— Какъ! кромѣ тѣхъ сорока милліоновъ у кардинала были еще деньги?

— Были, ваше величество.

— Да что же это, бездонная пропасть, этотъ кардиналъ! проворчалъ король: Мазаринъ съ одной стороны, Фуке съ другой.... У двоихъ, быть можетъ, больше сотни милліоновъ.... Послѣ этого не удивительно, что моя казна пуста!

Кольберъ ждалъ, не шевелясь.

— А сумма, которую вы принесли, стѣнитъ вниманія? спросилъ король.

— Стѣнитъ, ваше величество: тринадцать милліоновъ ливровъ.

— Тринадцать милліоновъ! вскричалъ Людовикъ, затрепетавъ отъ радости: вы говорите, тринадцать милліоновъ, Кольберъ?

— Тринадцать милліоновъ, ваше величество.

— И никто объ нихъ не знаетъ?

— Никто.

— И они въ вашихъ рукахъ?

— У меня, ваше величество. Втеченіи двухъ часовъ, я могу представить ихъ вашему величеству.

— Гдѣ же они теперь?

— Въ погребѣ дома, который достался мнѣ отъ покойнаго кардинала въ силу особой статьи въ завѣщаніи.

— Такъ вамъ извѣстно завѣщаніе кардинала?

— У меня есть копія, имъ самимъ подписанная, отвѣчалъ Кольберъ и подалъ королю бумагу.

Король прочиталъ статью, относящуюся къ тому дому, и сказалъ:

— Но тутъ объ этихъ деньгахъ ничего не упомянуто?

— Они упомянуты на моей совѣсти, ваше величество.

— Такъ Мазаринъ до такой степени довѣрялъ вамъ?

— Отчего же нѣтъ, ваше величество?

— Овѣ! человекъ столько недовѣрчивый?

— Вы изволите видѣть, ваше величество, что онъ довѣрялъ мнѣ больше другихъ.

Людовикъ съ восхищеніемъ остановилъ взоръ на некрашеномъ, но выразительномъ лицѣ кардиналова секретаря.

— Вы честный человекъ, мосье Кольберъ, сказалъ король.

— Честность не добродѣтель, а долгъ, ваше величество, холодно отвѣчалъ Кольберъ.

— Но эти деньги развѣ не принадлежатъ фамиліи Мазарина?

— Если бы они принадлежали фамиліи, кардиналъ упомянулъ бы объ нихъ въ завѣщаніи и я, составляя дарственную запись, которая была поднесена вашему величеству, также прибавилъ бы ихъ къ упомянутымъ сорока милліонамъ.

— Какъ! вскричалъ Людовикъ: вы составляли предложенный мнѣ актъ?

— Я, ваше величество.

— И кардиналъ любилъ васъ? простодушно спросилъ Людовикъ.

— Я ручался его свѣтлости, что король не приметъ подарка, отвѣчалъ Кольберъ съ обыкновеннымъ своимъ спокойствіемъ, которое придавало его физиономіи что-то величественное.

Людовикъ провелъ рукою по лбу.

— О! какъ я молодъ еще, чтобы повелѣвать людьми! прошепталъ онъ тихо.

Кольберъ дождался конца безмолвнаго монолога и потомъ спросилъ:

— Когда прикажете доставить деньги, ваше величество?

— Сегодня ночью, въ одиннадцать часовъ. Я желаю, чтобы никто не зналъ, что я имѣю эти деньги.

— Слушаю, ваше величество. Куда прикажете доставить?

— Въ Лувръ. Благодарю васъ, Кольберъ.

Кольберъ поклонился и вышелъ.

— Тринадцать милліоновъ! вскричалъ Людовикъ-Четырнадцатый, оставшись одинъ: тринадцать милліоновъ! вотъ кладъ!

Потомъ онъ сѣлъ, опустилъ голову на руки и какъ-будто заснулъ, но черезъ минуту опять выпрямился, оправилъ свои прекрасные волосы, всталъ, быстро отворилъ окно и сталъ кушать пылающую голову въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ, который приносилъ ему благоуханія деревьевъ и цвѣтовъ.

На горизонтѣ всходила пышная заря и первые лучи солнца облили голову молодого короля яркимъ свѣтомъ.

— Это заря моего царствованія, сказалъ Людовикъ-Четырнадцатый: предзнаменованіе ты посылаешь мнѣ, Боже Всемогущій?...

Утромъ вѣсть о смерти кардинала разнеслась по всему дворцу, а оттуда по городу.

Министры Фуке, Лионъ и Летелье собрались въ залу совѣта. Король тотчасъ позвалъ ихъ.

— Господа, сказалъ онъ, покуда кардиналъ былъ живъ, я предоставлялъ министрамъ управлять дѣлами; теперь я намѣренъ самъ управлять. Вы дадите мнѣ вашъ совѣтъ, когда я потребую. Ступайте.

Министры съ удивленіемъ переглянулись. Если они успѣли скрыть улыбку, то это надобно приписать только необыкновенному присутствію духа опытныхъ придворныхъ. Они очень хорошо знали, что молодой король, воспитанный въ совершенномъ невѣдѣніи дѣлъ, тутъ, изъ самолюбія, взвалилъ на себя бремя не по силамъ.

Фуке разставаясь съ товарищами на лѣстницѣ, сказалъ:

— Тѣмъ лучше, господа; намъ меньше заботы.

И онъ сѣлъ въ карету совершенно веселый. Другіе, нѣсколько встревоженные неизвѣстностью будущаго, молча отправились по домамъ.

Въ одиннадцатомъ часу король отправился къ Аннѣ Австрійской и имѣлъ съ нею довольно продолжительный разговоръ наединѣ: потомъ, послѣ обѣда, онъ сѣлъ въ закрытую карету и поѣхалъ въ Лувръ. Тамъ онъ принималъ много народу и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на смущеніе нѣкоторыхъ и на любопытство всѣхъ придворныхъ.

Вечеромъ онъ отдалъ приказъ, чтобы всѣ ворота были затворены, исключая однихъ, выходящихъ на каналъ, а двумъ сотнямъ швейцарской гвардіи, занявшимъ этотъ постъ, приказалъ никого и ничего не впускать кромѣ клады, выпускать же — рѣшительно никого.

Ровно въ одиннадцать часовъ подъ оводомъ воротъ раздался стукъ грузной телеги, потомъ въѣхала другая телега и третья, потомъ застучали тяжелые затворы и все смолкло.

Скоро кто-то потемъ заскребеталь у двери кабинета. Людовикъ самъ пошелъ отворить и увидѣлъ Кольбера.

— Деньги сложены въ погребъ, ваше величество, сказалъ Кольберъ безъ малѣйшаго выраженія самодовольствія.

— Чего вы хотите въ награду за вашу преданность, Кольберъ? спросилъ король.

— Ничего не нужно, ваше величество.

— Какъ! ничего? ни даже случая служить мнѣ?

— Если бы ваше величество и не дали мнѣ такого случая, я тѣмъ не менѣ служилъ бы. Мнѣ невозможно не быть вѣрнѣйшимъ слугою моего короля.

— Вы будете управляющимъ финансами, мосьё Кольберъ.

— У вашего величества есть главноуправляющій по этой части...

— Такъ что же?

— Главноуправляющій — сильнѣйшій человекъ въ государствѣ, ваше величество.

— Вы думаете? вскричалъ Людовикъ, краснѣя.

— Овъ меня въ одну недѣлю раздавитъ, ваше величество. Вы изволите поручать мнѣ должность, для которой необходима сила, а управляющій подъ главноуправляющимъ — мелкій подчиненный.

— Вы хотите имѣть опору.... вы не полагаетесь на меня одного?

— Я имѣлъ честь доложить вашему величеству, что Фукэ, при жизни Мазарина, былъ вторымъ лицомъ въ государствѣ, а теперь сталъ первымъ.

— Мосьё Кольберъ, сегодня вы еще можете говорить подобныя вещи, но завтра остерегитесь, я не позволю.

— Такъ я буду бесполезенъ вашему величеству?

— Вы и теперь уже бесполезны, когда опасаетесь компрометировать себя, служу мнѣ.

— Я опасаясь только быть лишенымъ возможности служить вашему величеству.

— Чего же вы хотите?

— Я желаю, чтобы ваше величество назначили мнѣ товарищей въ управленіи финансами.

— Тогда мѣсто утратитъ свою важность.

— Зато будетъ надежнѣе.

- Такъ выберите сами товарищей.
- Если позволите назначить Бретейла, Марёна и Эрвара.
- Хорошо, завтра будетъ отданъ приказъ.
- Благодарю, ваше величество.
- Все?
- Нѣтъ еще, ваше величество.
- Такъ говорите что вамъ нужно.
- Позвольте мнѣ составить судную комиссію.
- Это на что?
- Чтобы судить откупщиковъ и чиновниковъ, на которыхъ за послѣднія десять лѣтъ оказываются вачеты.
- Но... что же съ ними сдѣлать?
- Двоихъ или тронхъ повѣсить: это благотѣтельно подѣиствуетъ на другихъ.
- Однако жъ я не могу начать моего царствованія казнями, мосьё Кольбёръ.
- Напротивъ, ваше величество; лучше начать казнями, чѣмъ кончить пытками.
- Король не отвѣчалъ.
- Угодно будетъ вашему величеству? спросилъ Кольбёръ.
- Я подумаю, отвѣчалъ король.
- Послѣ будетъ поздно, ваше величество.
- Отчего?
- Оттого, что съ этими людьми трудно будетъ справиться, когда они догадаются.
- Такъ составьте судную комиссію. Все теперь?
- Нѣтъ, еще есть важный вопросъ, ваше величество.... Какія права вы изволите предоставить управленію финансами?
- Я не знаю.... есть обычаи....
- Мнѣ нужно, ваше величество, чтобы управленію предоставлено было право читать англійскую корреспонденцію.
- Это невозможно, Кольбёръ, потому что англійская корреспонденція распечатывается въ совѣтѣ. Это всегда дѣлалъ кардиналь.
- Но, кажется, ваше величество изволили объявить сегодня утромъ, что совѣта не будетъ?
- Да, я объявилъ.
- Слѣдовательно, не угодно ли вамъ будетъ самимъ читать особенно англійскую корреспонденцію? Это очень важно.
- Хорошо, вы получите эту корреспонденцію и будете сообщать мнѣ содержаніе.

— Теперь, ваше величество, извольте приказать, что мнѣ дѣлать по финансамъ?

— Все то, чего не дѣлаетъ Фуке.

— Слушаю, ваше величество, сказалъ Кольберъ съ поклономъ и вышелъ.

Онъ, вѣроятно, не удалился еще на сто шаговъ отъ Лувра, когда къ королю явился курьеръ изъ Англии. Людовикъ осмотрѣлъ конвертъ и поспѣшво распечаталъ. Первое ему попало письмо отъ Карла-Второго, такого содержанія:

«Ваше величество, вѣроятно, очень встревожены болѣзнию кардинала Мазарина, но высшая степень этой опасности можетъ быть только полезна вамъ. Кардиналъ врачами уже приговоренъ. Благодарю васъ за обязательный отвѣтъ на мое предложеніе касательно леди Генриетты Стюартъ. Черезъ недѣлю сестра моя отправится со своимъ дворомъ въ Парижъ. Мнѣ очень отраднo видѣть родственную дружбу вашу ко мнѣ и предстоящее мнѣ новое право называть васъ братомъ. Въ особенности мнѣ пріятно доказать вамъ, какъ я стараюсь угодить вамъ всѣмъ, чѣмъ могу. У васъ тайнѣмъ укрѣпляется Бель-Иль. Это напрасно. Мы съ вами никогда не станемъ воевать. Эта мѣра не беспокоитъ, а только опечаливаетъ меня. Вы тутъ тратите милліоны безъ всякой пользы; скажите это вашимъ министрамъ и вѣрите, что моя полиція хорошо знаетъ, что докладываетъ. Въ нужномъ случаѣ, любезный братъ мой, платите мнѣ такую же услугою.»

Король сильно позвонилъ. Каммерднеръ явился.

— Кольберъ сейчасъ вышелъ отсюда; онъ не могъ еще далеко уйти.... Догнать! воротить!

Каммерднеръ поспѣшилъ исполнить приказаніе, но король воротилъ его.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, вѣтъ.... Я вижу весь замыселъ.... продолжалъ онъ про себя: Бель-Иль принадлежитъ Фуке; Бель-Иль укрѣпляется: это заговоръ Фуке.... Открытіе этого заговору — гибель главноуправляющаго; вотъ, зачѣмъ Кольберъ хотѣлъ принимать англійскую корреспонденцію.... Но.... не могу же я всю силу мою положить на одного человѣка. Онъ — голова, но мнѣ нужны и руки....

Вдругъ Людовикъ радостно вскрикнулъ.

— У меня прежде былъ поручикъ мушкетеровъ, сказалъ онъ каммерднеру.

— Кавалеръ д'Артаньянъ, ваше величество.

— Да; онъ въ отпуску.

— Въ отставкѣ, ваше величество.

— Отъискать мнѣ его, чтобы онъ завтра утромъ былъ при маломъ выходѣ.

Канцлеръ вышелъ.

— Тринадцать милліоновъ въ моемъ погребѣ! сказалъ тогда король: у Кошбера мой кошелекъ, у д'Артаньяна—шпага.... я король!

Атось, какъ мы видѣли, возвращаясь изъ королевскаго дворца, отправился въ свой домъ, въ улицу Сентъ-Онорэ. Тамъ онъ нашелъ виконта Бражлона, который, въ ожиданіи, бесѣдовалъ съ Гримѣ.

Бесѣдовать съ Гримѣ, впрочемъ, было не совсѣмъ легко: только два человека обладали способностью заставить стараго сагу говорить, — Атось и д'Артаньянъ. Атось успѣвалъ, потому что Гримѣ самъ старался заставить его говорить, а д'Артаньянъ, напротивъ, потому что умѣлъ развязать языкъ старику Гримѣ.

Раулю хотѣлось знать что-нибудь о послѣднемъ путешествіи въ Англію и Гримѣ разсказалъ всѣ подробности, съ помощью нѣсколькихъ жестовъ, въ осьми словахъ, ни больше, ни меньше. Сначала старикъ волнообразнымъ движеніемъ руки далъ уразумѣть, что они поплыли за море.

— Для какой-нибудь экспедиціи? спросилъ Рауль.

Гримѣ утвердительно кивнулъ головой.

— Гдѣ графъ подвергся опасностямъ?

Гримѣ пожалъ плечами, что означало — «да, ни слишкомъ большимъ, и не слишкомъ малымъ».

— Но какимъ же именно?

Гримѣ указалъ на шпагу и мушкетъ, которые висѣли на стѣнѣ, и на огонь въ каминѣ.

— Такъ онъ вступилъ дѣло съ неприятелями?

— Съ Монкомъ, отвѣчалъ Гримѣ.

— Это странно! продолжалъ Рауль: графъ всё-еще продолжаетъ смотрѣть на меня какъ на мальчика и не удостоиваетъ чести раздѣлять его опасности.

Гримѣ улыбнулся.

Тутъ возвращеніе Атоса положило конецъ бесѣдѣ: Гримѣ побѣждалъ посвѣтить своему господину.

Но Рауль былъ уже на ходу въ разспросахъ и не хотѣлъ остановиться. Онъ съ живою, но почтительною нѣжностью взялъ графа за руку и сказалъ:

— Какъ это вы отправились въ длинное путешествіе, не про- стившись со мной и не потребовавъ моей услуги, когда я уже столько владѣю шпагой, что могу помочь вамъ?

— Кто же тебя сказалъ, Рауль, что мое путешествіе было опасно? возразилъ графъ, отдавая старому слугѣ шпагу и плащъ.

— Я, отвѣчалъ Гримѣ.

— А длячего? строго спросилъ Атосъ.

Гримѣ смутился; Рауль неохотно отвѣтилъ за него.

— Очень естественно, что добрый Гримѣ говорить мнѣ правду обо всемъ, что касается до васъ, графъ. Кому же васъ любить и кому заботиться о васъ, если не мнѣ?

Атосъ не отвѣчалъ. Онъ только ласковымъ движеніемъ руки отпустилъ старика. Тотъ пошелъ и сѣлъ въ углу, въ кресло.

— Какъ-бы то ни было, продолжалъ Рауль, но мнѣ больно, что вы подвергались опасности, а меня не было съ вами.

— Полно объ этомъ, вконецъ, кротко сказалъ Атосъ: мнѣ нужно было поспѣшно отправиться: служба королю Карлу Второму того требовала. За вашу заботливость благодарю: я знаю, что могу положиться на васъ, въ случаѣ нужды.... А вы ни въ чемъ не нуждались въ мое отсутствіе?

— Нѣтъ, благодарю.

— Я оставилъ Блезоза приказаніе выдать вамъ сто пистолей, при первой надобности.

— Мнѣ ничего не нужно было, графъ. У меня еще оставалось триста пистолей отъ продажи лошадей, которыя достались мнѣ въ послѣднюю кампанію. Сверхъ-того, принцъ изволилъ дать мнѣ выиграть двѣсти пистолей.

— Вы играете?... Этого я не люблю, Рауль.

— Я никогда не играю.... но принцъ передалъ мнѣ свои карты однажды, въ Шантильи, когда прибылъ какой-то курьеръ отъ короля; по окончаніи игры принцъ приказалъ мнѣ взять выигранный себѣ.

— Развѣ это такъ водится у принца? спросилъ Атосъ, нахму- ривъ брови.

— Да, принцъ каждую недѣлю подѣлываетъ какинъ-нибудь предло- гомъ предоставляетъ которому-нибудь изъ своихъ офицеровъ поль- зоваться такою выгодою. Насъ у его величества пятьдесятъ че- ловѣкъ и такимъ образомъ каждому въ годъ разъ приходится выигрывать. Моя очередь также пришла.

— Вы были въ Испаніи? спросилъ Атосъ перемѣняя разговоръ.

— Да, я совершилъ очень пріятное, очень любопытное путешествіе.

— Давно воротились?

— Съ мѣсяцъ назадъ.

— Что же вы въ это время дѣлали?

— На службѣ былъ.

— А въ ла-Ферѣ бывали?

Рауль покраснѣлъ. Атось продолжалъ смотрѣть на него спокойными, ясными глазами.

— Вы напрасно не повѣрите мнѣ, графъ, сказалъ Рауль: я, правда, краснѣю: я это чувствую, но это невольная краска. Вопросъ вашъ поднимаетъ въ душѣ моей столько воспоминаній... Я краснѣю оттого что я взволнованъ, а не оттого что лгу.

— Я знаю, Рауль никогда не лжетъ.

— Вы хотѣли знать, былъ ли я въ Блоа.

— Именно.

— Я не бывалъ тамъ и не видалъ особы, о которой вы теперь думаете, прибавилъ Рауль дрожащимъ голосомъ.

— Вы отвѣчаете съ тягостнымъ чувствомъ, Рауль, замѣтилъ Атось: вы страдаете?

— Очень... Вы запретили мнѣ бывать въ Блоа и видѣться съ мадамозель де-Лавальеръ.

Молодой человѣкъ остановился. Дорогое имя, лаская губы, терзало ему сердце.

— И я хорошо, сдѣлалъ, Рауль, поспѣшно сказалъ Атось: я не суровъ и не жестокъ; я уважаю всякое истинное чувство, но, какъ отецъ, я забочусь о твоей будущности, Рауль. Тебѣ предстоитъ блестящая будущность.... Теперь всходитъ заря новаго царствованія; война призываетъ молодаго короля, исполненнаго рыцарскаго духа, которому нужна толпа поручиковъ, молодыхъ и свободныхъ, тайныхъ, чтобы съ восторгомъ неслись въ пылъ сраженія и, падая, кричали: — да здравствуетъ король! а не — прощай, жена! Ты понимаешь это, Рауль. Какъ ни грубымъ кажется мое разсужденіе, заклинаю тебя повѣрить мнѣ и отворотиться отъ первыхъ дней молодости, отъ воспоминаній о любви и безпечнаго покою, которые ослабляютъ сердце и дѣлаютъ его неспособнымъ содержать въ себѣ горькія и крѣпкія снадобья, называемыя славой и трудомъ. Повторяю тебѣ, Рауль, всмотрись внимательнѣй, и ты увидишь, что я желаю только твоей пользы, твоего успѣху. Я считаю тебя способнымъ сдѣ-

латься примѣчательнымъ человѣкомъ. Ступай одинъ, и ты вѣрнѣе, скорѣе дойдешь до цѣли.

— Вы приказываете.... я повинуюсь, отвѣчалъ Рауль.

— Приказываете, вскричалъ Атосъ: такъ-то вы отвѣчаете мнѣ, виконтъ? Я вамъ приказывалъ? О! какъ вы извращаете мои слова, какъ вы дурно понимаете меня! Я никогда не приказывалъ, я только совѣтовалъ и просилъ.

— Нѣтъ, вы приказали, повторилъ Рауль: но хотя бы вы и попросили только, ваша просьба для меня еще дѣйствительнѣе приказанія. Я не вдалъ дѣвицы Лавальеръ.

— Однако жъ вы страдаете! вы страдаете! повторилъ Атосъ.

Рауль не отвѣчалъ.

— Вы блѣдны, вы печальны.... Это чувство у васъ такъ сильно?

— Это страсть, отвѣчалъ Рауль.

— А я полагаю — привычка.

— Графъ, вы знаете, что я много путешествовалъ; я провелъ два года въ разлукѣ съ нею. Въ два года, я думаю, можно оставить всякую привычку.... Между-тѣмъ, когда воротился, я любилъ, не больше, — это невозможно, — а столько же какъ прежде. Мадмоазель Лавальеръ для меня единственная возможная подруга, но вы.... для васъ я пожертвую всѣмъ на свѣтѣ.

— Напрасно, возразилъ Атосъ: я уже не имѣю ни какихъ правъ на васъ. Вы уже освобождены вашимъ возрастомъ отъ всякой опеки и не имѣете надобности въ моемъ согласіи. Впрочемъ, послѣ того, что сейчасъ слышалъ, я не откажу вамъ и въ согласіи. Женитесь, если хотите.

Рауль сдѣлалъ быстрое движеніе, но вдругъ остановился, какъ будто опомнившись.

— Вы такъ добры, графъ, сказалъ онъ: ваше согласіе наполняетъ мое сердце благодарностью, но я не воспользуюсь позволеніемъ.

— Ну, вотъ вы и отказываетесь!

— Да.

— Почему же?

— Потому что, въ душѣ, вамъ этотъ бракъ не нравится.

— Это правда.

— Этого довольно для меня, чтобы отказаться отъ женитьбы; я подожду.

— Берегись, Рауль, ты говоришь не шуточную вещь.

— Знаю, и повторяю, что подожду.

— Даже въ такомъ случаѣ, если я умру?

— О! возможно ли? вскричалъ Рауль со слезами въ голосъ: какъ вы можете такъ терзать мое сердце? Развѣ я когда-нибудь подавалъ вамъ поводъ къ неудовольствію?

— Правда, правда, милый Рауль, отвѣчалъ Атосъ съ трудомъ побѣждая свое волненіе: нѣтъ, я не хочу огорчать тебя. Я только не понимаю, чего бы ты сталъ дожидаться.... поры, когда перестанешь любить?

— Нѣтъ, я подожду той поры, когда вы перемѣните мнѣніе.

— Я хочу испытать, Рауль; я хочу посмотрѣть, станеть ли мадмоазель Лавальеръ также ждать.

— Я надѣюсь, что подождеть.

— Берегись, Рауль!.... Если она не подождеть? Ты такъ молодъ, такъ довѣрчивъ, такъ правдивъ.... женщины вѣтренны.

— Вы никогда еще не говорили мнѣ дурнаго о женщинахъ, графъ. Вы никогда еще не имѣли powodu жаловаться на нихъ: зачѣмъ же предостерегаете меня отъ мадмоазель де Лавальеръ?

— Правда, отвѣчалъ Атосъ, потупивъ взоръ: я никогда не говорилъ дурнаго о женщинахъ, я никогда не имѣлъ powodu жаловаться на нихъ.... Мадмоазель де-Лавальеръ тоже не подавала powodu къ подозрѣнію, но когда предусматриваешь, нужно доходить до исключеній, до невѣроятнаго.... Если, говорю я, мадмоазель Лавальеръ не дождется?

— Вы хотите сказать, если она обратитъ вниманіе на кого-нибудь другаго?

— Да.

— Тогда я убью этого другаго, просто сказалъ Рауль: я убью всякаго, кого она избереть, и буду убивать до-тѣхъ-поръ пока не найдется кто-нибудь, кто убилъ бы меня, или пока она не возвратитъ мнѣ своего сердца.

Атосъ вздохнулъ.

— Мнѣ казалось, что вы, виконтъ, сейчасъ говорили, будто мое желаніе для васъ законъ?

— О! вскричалъ Рауль съ трепетомъ: неужели вы запретите мнѣ дуэль?

— Что жъ, если запрещу?

— Это значить, вы запретите мнѣ надѣяться, однако жъ не запретите умереть.

Атосъ пристально посмотрѣлъ на виконта, который произнесъ послѣднія слова съ мрачнымъ выраженіемъ и еще болѣе мрачнымъ взоромъ.

— Довольно, сказалъ Атосъ послѣ долгаго молчанія: довольно объ этомъ печальномъ предметѣ, въ которомъ мы оба доходимъ до преувеличеній. Живите изо-дня въ день, Рауль; служите, любите мадамозель де-Лавальеръ, словомъ, поступайте совершенно свободно, только не забывайте, что я нѣжно люблю васъ и что вы увѣрили меня въ вашей привязанности.

— Грасъ! грасъ! вскричалъ Рауль съ чувствомъ, схвативъ и прижималъ руку Атоса къ сердцу.

— Хорошо, милый Рауль; оставь меня теперь, мнѣ нужно отдохнуть. Кстати, д'Артаньянъ со мною воротился изъ Англіи; вы обязаны навѣстить его.

— Я съ радостью исполню эту обязанность; я такъ люблю мосье д'Артаньяна!

— И хорошо дѣлаете. Д'Артаньянъ человекъ, заслуживающій полного уваженія.

— И любящій васъ! прибавилъ Рауль.

— Я увѣренъ въ этомъ.... Вы знаете, гдѣ онъ живетъ?

— Разумѣется, въ Луврѣ, въ Пале-Рояль.... вездѣ, гдѣ находится король. Вѣдь онъ командуетъ мушкетерами.

— Теперь нѣтъ. Д'Артаньянъ въ отставкѣ; онъ отдыхаетъ.... Вы можете узнать объ немъ у Планшѣ.

— Его бывшего слуга?

— Да, — который сдѣлался лавочникомъ.... въ Ломбардской улицѣ.

— Я найду, найду.

— Кланяйтесь отъ меня и приведите его ко мнѣ обѣдать до моего отъѣзда въ ла-Феръ. До свиданія.

Они разстались.

На другой день Рауль не нашелъ д'Артаньяна, а засталъ только Планшѣ, который, на радости, сказалъ молодому воину нѣсколько лестныхъ вещей, ни мало не отзывававшихся лавкою. На третій день, возвращаясь изъ Версена съ отрядомъ драгунъ, онъ увидѣлъ на площади господина, поглядывавшаго на однихъ дожъ съ такимъ выраженіемъ, какъ смотрятъ на вещь, которую желаютъ купить.

Господинъ въ гражданскомъ платьѣ, но плотно застегнутый по-военному, съ маленькою шляпой на головѣ и длинною шпагой у боку, услышавъ позади себя конскій топотъ, оборотился.

Это былъ д'Артаньянъ; д'Артаньянъ пѣшій; д'Артаньянъ безъ дѣла, заложившій руки на спину и принявшійся послѣ смотру доновъ за смотръ драгунъ. Ни одинъ человекъ, ни одна поребрикъ,

на одно лошадиное копыто не укрылся отъ его опытнаго взгляду.

Рауль ѣхалъ позади отряда и потому послѣдшій попался на глаза:

— Эй! вскричалъ д'Артаньянъ: эй! мордью!

— Такъ я не ошибся? вскричалъ Рауль, понудивъ лошадь.

— Пѣтъ, ты не ошибся, дружище; здравствуй! продолжалъ бывшій мушкетеръ.

Рауль крѣпко пожалъ руку старому другу.

— Смотри, Рауль, сказалъ д'Артаньянъ, вторая лошадь въ этой шеренгѣ не дойдетъ до мосту, потеряетъ копыто съ передней ноги.

— Ну, солдатъ спѣшится и долетится. Домой отправляются. Подождите меня, я дамъ команду корнету и ворочусь.

— Отобѣдаешь со мной?

— Очень охотно.

Молодой человѣкъ поскакалъ къ отряду и черезъ минуту воротился пѣшкомъ.

— Ты изъ Венсена? спросилъ д'Артаньянъ: что, каковъ кардиналъ?

— Очень плохъ; говорятъ даже — умеръ.

— О! А на какой ты ногѣ съ Фукѣ?

— Съ Фукѣ? Я вовсе не знакомъ съ нимъ.

— Ну, это не хорошо.

— О! король довольно милостивъ ко мнѣ, сказалъ молодой человѣкъ.

— Я говорю о королѣ.... Теперь, когда Мазаринъ умеръ, царствовать начинаетъ Фукѣ. Ты съ нимъ непременно долженъ поладить какъ-нибудь, если не хочешь всю жизнь промиснуть, какъ я промисъ и заплесневѣть.... Правда, что у тебя, къ счастью, есть другіе покровители.

— Во-первыхъ, принцъ. Потомъ графъ де-ла Феръ.

— Атось, о! это нное дѣло. Да, Атось.... если ты хочешь сдѣлать карьеру въ Англіи, лучшей рекомендаціи не надо. Даже, безъ хвастовства сказать, я самъ имѣю нѣкоторый вѣсъ при дворѣ Карла-Второго. Вотъ король, такъ король!

— О? вскричалъ Рауль съ любопытствомъ.

— Да, онъ тоже, правда, любитъ повеселиться, но зато уиѣтъ

и шпагу въ руку взять и полезныхъ людей опѣвнть. Атось у него на хорошемъ счету. Ступай туда служить, Рауль.... Ты знаешь исторію, Рауль?

— Неможко знаю.

— Ну, такъ знай же еще, хладнокровно продолжалъ д'Артаньянъ, что у Людовика-Четырнадцатаго всегда болитъ сердце. Жалко смотрѣть, какъ онъ вздыхаетъ съ утра до ночи и въ цѣлый день ни одного молодецкаго слова не скажетъ.... ничего такого, что бы сердце разшевелю.

— Оттого вы и службу оставили?

— Развѣ этого мало?

— Что жъ, развѣ вы находите, что въ оставкѣ скорѣ составите себѣ состояніе?

— О! я.... мое состояніе уже составлено, небрежно сказалъ мушкетеръ: у меня есть кое-что родовое.

Рауль посмотрѣлъ на него во все глаза. Д'Артаньянова бѣдность вошла въ пословицу; Рауль сто разъ слышалъ, когда поминали д'Артаньяна и Ира точно такъ, какъ поминаютъ вмѣстѣ одноутробныхъ братьевъ Ромула и Рема.

Д'Артаньянъ примѣтилъ удивленіе молодого человѣка и прибавилъ:

— Притомъ, отецъ, вѣроятно, говорилъ тебѣ, что я былъ въ Англіи.

— Какъ же, говорилъ.

— И что мнѣ тамъ повезло.

— Этого онъ не говорилъ.

— Да, одинъ изъ моихъ хорошихъ пріятелей, вице король Шотландіи и Ирландіи, помогъ мнѣ получить наслѣдство.

— Наслѣдство?

— Да, довольно кругленькое и полненькое.

— Такъ, что вы теперь богаты?

— Пху!...

— Отъ души поздравляю.

— Спасибо.... Вотъ мой домъ.

— На Гревской Площади?

— Да; ты не любишь этой части города?

— Напротивъ, это очень хорошая часть.... Ахъ, какой хорошенькій старинный домъ! А что это за вывѣска?

— Это столько же старинный кабюкъ, Вечерняя Звѣзда. Онъ занимаетъ и низъ и верхъ.

— Гдѣ же вы живете?

— Я? у Планшѣ.

— А вы сейчасъ сказали, что это вашъ домъ!

— Я сказалъ — мой, потому что онъ мой и есть: я купилъ его, два дня тому назадъ.

— А! вотъ что.

— По десяти на сто приносить, любезный другъ; прекрасная спекуляція. Я тридцать-тысячъ далъ. На ту улицу садъ выходить; за низъ содержатель кабака платитъ тысячу ливровъ, за верхъ — пятьсотъ.

— Полноте!

— Не шутя.

— За этотъ чердакъ — пятьсотъ ливровъ? Да вѣдь тамъ жить едвали возможно!

— Тамъ и не живутъ. Но ты видишь, что въ этой свѣтелкѣ два окна на площадь?

— Вижу.

— Ну, каждый разъ, когда на площади колесуютъ, вѣшаютъ, головы снимаютъ или жгутъ кого-нибудь, эти два окна отдаются въ наемъ по пятнадцати и по двадцати пистолей за день.

— О! произесть Рауль съ отвращеніемъ.

— Скверно, неправда ли?

Рауль не отвѣчалъ.

— Скверно, но что жъ дѣлать! продолжалъ д'Артаньянъ: на-рѣжкіе зѣваки подчасъ обращаются въ настоящихъ людоедовъ. Что касается до меня, я не понимаю, какъ люди могутъ смотрѣть на казнь. Затѣмъ я и не живу здѣсь: пришлось бы слишкомъ часто ставни затворять.

— Какъ же вы пускаете зрителей?

— Это не я, это свѣрблый кабачникъ отъ себя пускаетъ. Мое

дѣло только получить полторы-тысячи ливровъ въ годъ... Потому назадъ, у меня остается еще цѣлый флигель, гдѣ кромѣ квартиры есть лавки и подвалы, которые каждую зиму заливаются водою, и съ садомъ. Садъ очень хорошъ, очень тѣнистъ и прекрасно разбитъ, только запущенъ немножко. За все это мнѣ платятъ тысячу-триста.

— Тысячу-триста ливровъ?

— Да, какой-то мосьё Годаръ нанимаетъ. Богъ его знаетъ, кто онъ: никогда не видалъ. Онъ, кажется, вовсе и не живетъ тамъ, да мнѣ что за дѣло? Нанимаетъ и деньги платитъ, такъ, стало-быть, ему нужна квартира. За деньгами остановки нѣтъ: всегда впередъ платитъ.... черезъ кабатчика доставляетъ: такъ ужъ при прежнемъ домовладѣльцѣ заведено было. Мѣсто, какъ видишь, очень хорошее. Вотъ я и думалъ, не купить ли мнѣ еще тотъ домъ, что примыкаетъ съ третьей стороны къ моему саду и фасадомъ смотритъ на улицу Бодю? Все имѣніе составило бы прекрасный квадратъ на двѣ улицы да на площадь.... Твои драгуны помѣшали мнѣ, нето я, можетъ-быть, сегодня же рѣшился бы....

Разсуждая такимъ образомъ, д'Артаньянъ привелъ Рауля на свою квартиру, къ Планшѣ, гдѣ обѣдъ тотчасъ подали.

д'Артаньянъ, кончивъ рѣчь о себѣ, заговорилъ объ обстоятельствахъ своего гостя.

— Твой отецъ строго держитъ тебя, сказалъ онъ.

— Онъ справедливъ, мосьё д'Артаньянъ.

— О! я знаю, что Атосъ справедливъ, но, можетъ-быть, комскъ туго завязываетъ?

— Напротивъ по царски щедръ.

— Не церемонься, дружище, если случится надобность въ ипостоляхъ, помни, что старый мушкетеръ живъ.

— Добрый, почтенный другъ мой!

— Ты играешь немножко?

— Никогда.

— Такъ приволакиваешься?... Ты красивъ.... О! маленький Арамисъ! Смотри, дружище, эта статья дороже картъ стобитъ. Правда, что можно подраться, когда проиграешь; это еще нѣсколько утѣшаетъ. Но.... нашъ иѣжный король пеню разыскиваетъ съ тѣхъ, кто шпагу обнажитъ. Какія времена, Рауль! какія вре-

меня! Куда дѣвалось то золотое время, когда, бывало, мушкетеры осаждали въ домахъ, какъ Гектора и Приана въ Трой... Мордю! тебѣ ужъ не видать такихъ временъ, Рауль....

— Любезный мосѣ д'Артаньянъ, оставьте это; особенно не клеветайте на короля: батюшка можетъ прогнѣваться на меня, зато только, что я слушаю такіа рѣчи.

— Твой отецъ.... о! да, это рыцарь заступникъ всѣхъ слабыхъ... Твой отецъ храбрый солдатъ, Кесарь, это правда.... но дально-видности у него ни на грошъ.

— Ого! кавалеръ, вотъ вы и за Атоса принялись! сказалъ Рауль со смѣхомъ: вы сегодня въ ударѣ на злословіе. Вѣрно, богатство раздражаетъ васъ, какъ другихъ озлобляетъ нищета?

— Мордю! въ самомъ дѣлѣ, ты правъ, Рауль. Я оглухлъ отъ праздноствія; болтаю чортъ знаетъ что. Я теперь просто стара дряхлядь, продиравленный колетъ, сапогъ безъ подошвы. Но сдѣлай мнѣ одолженіе, Рауль, скажи одно слово.

— Какое, мосѣ д'Артаньянъ?

— Скажи, что Мазаринъ былъ собака.

— Охъ, можетъ-быть, умеръ.

— Тѣмъ справедливѣе я сказалъ быль. Я надѣюсь, что онъ умеръ: иначе я попросилъ бы тебя сказать, что онъ *есть* собака. Скажи, сдѣлай одолженіе, скажи, если ты любишь меня.

— Пожалуй, скажу.

— Ну, скажи.

— Мазаринъ былъ собака, сказалъ Рауль, улыбаясь мушкетеру, который просіялъ, какъ въ дни молодости.

— Теперь еще.... Ты сказалъ только первую воловину ерзаты.... скажи вторую... Скажи: но я пожелаю, что ужъ нѣтъ Мазарина.

— Что вы, кавалеръ!

— Ты не хочешь? Ну, я два раза скажу за тебя.... Но ты пожелаешь, что ужъ нѣтъ Мазарина.

Рауль еще хохоталъ надъ выходкою д'Артаньяна, когда вошелъ мальчикъ изъ лавки и подагъ записку.

— Э! это что, вскричалъ д'Артаньянъ, взявъ записку.

— Почеркъ графа, замѣтилъ Рауль.

— Да, Атосова рука, сказалъ д'Артаньянъ и распечаталъ.

«Любезный другъ, писалъ графъ де-ла-Феръ, король присылалъ ко мнѣ узнать, гдѣ вы находитесь—и приказалъ съискать васъ...»

— Меня! вскричалъ д'Артаньянъ, уронивъ записку на столъ.

Рауль поднялъ и вслухъ дочиталъ.

«Поспѣшите. Его величеству очень нужно видѣть васъ. Явитесь въ Лувръ.»

— Меня!... мнѣ явиться къ королю!

— Это что-нибудь значить, замѣтилъ Рауль.

— О! о!... отвѣчалъ д'Артаньянъ: что же это значить? Пустяки!... Я не пойду.... Я рѣшительно не пойду.

В. ДЕРЖАВИНЪ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Le dernier Figaro*, *Последній Фигаро*, комедія въ прозѣ и пяти эпохахъ господина Легильйона.

Кто не знаетъ исторіи веселаго цырюльника, который въ юности помогаетъ блестящему графу Альмавиви похитить очаровательную Розину, въ зрѣлыхъ лѣтахъ спасаетъ свою хорошенькую Сусанну отъ преслѣдованій ея господина, и въ старости, чтобы помирить графа съ графиней, изобличаетъ плута и лицемера Бомарше въ своей безсмертной трилогіи исчерпалъ всю біографію Фигаро. О немъ уже ничего не оставалось сказать, господинъ Легильйонъ это понялъ и не вывелъ на сцену старыхъ знакомцевъ публики, но взялъ ихъ потомковъ. Въ пьесѣ его являются дѣти всѣхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ Севильскомъ Цырюльничѣ, въ женитбѣ Фигаро, въ Виновной Матери. Нужно со-
зваться, что и продолжать ихъ характеры въ ихъ потомкахъ вещь

не такъ то легкая. Нужно имѣть слишкомъ много умѣренности въ своемъ талантѣ, въ своемъ умѣ, чтобы соперничествовать съ Бомарше, котораго азвѣтливый, кровавый насмѣшки имѣли такое значительное вліяніе на французское общество конца прошлаго столѣтія. Господинъ Легилльонъ не убоился этихъ затрудненій и смѣло выступилъ на сцену Одеона съ пяти-актной, политической комедіей, претендующей на родство съ Бомарше. Комедію его осмистали... Но должно ли искать причину этого успѣха въ совершенной бездарности пьесы, или должно принять его за дѣйствующую причину самолюбію партера. Второе вѣроятнѣе, потому что этой комедіи нельзя отказать въ соли. Нѣсколько сценъ введены въ ней чрезвычайно бойко, но самая идея автора представляетъ въ драматической формѣ практической обзоръ пяти эпохъ, черезъ которыя прошла Франція съ 1789 года. Онъ шутитъ всѣмъ (и шутитъ иногда очень зло), и старымъ порядкомъ и ужасомъ, и имперіей, и реставраціей и современною системою. Ясно, что каждая изъ этихъ эпохъ должна была имѣть своихъ партизановъ въ партерѣ, что много воспоминаній было затронуто. Нужно было много искусства и осторожности, чтобы не вооружить противъ себя толпы. Вспомните Бомарше? Французская аристократія сама отъ души смѣялась и аплодировала этимъ дѣлкимъ эпиграмамъ, сыпавшимся на ея же голову. Ненависть надѣла на себя маску веселости, и за простодушнымъ хохотомъ не замѣтили другаго, страшнаго хохоту. Маска спала позже... Господинъ Легилльонъ не сумѣлъ этого сдѣлать. Всѣ эпохи равно осмѣяны имъ. Онъ забылъ благодѣтельные результаты изъ которыхъ изъ нихъ, не оставилъ въ покоѣ того, что имѣло полное и святое право на уваженіе.... и унижилъ каждую эпоху до своихъ дѣйствующихъ лицъ. И комедія его пала. Негодай Бежаръ, опоясанный шарфомъ народнаго представителя, плутъ и льстецъ Фигаро въ мундирѣ наполеоновскаго генерала, одерживающій побѣду — были приняты крайне необходимо.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ интрига пьесы: Сынъ Фигаро и Сусанны находящійся въ служеніи у маркиза де-Сен-Мерана, влюбленъ въ Нинетту. За ней волочится самъ маркизь какъ Альмавива волочился за Сусанной, и какъ онъ же — не успѣваетъ. Приходитъ революція. Маркизь сошелъ съ ума. Фигаро, не злоплатный, ухаживаетъ за своимъ господиномъ. Наконецъ во времена республики маркизь возвращается въ домъ свой; Фигаро раз-

сказываютъ ему политическія событія случившіяся во время сумасшествія его. Онъ въ свой чередъ принимаетъ Фигаро за сумасшедшаго. Но скоро дѣйствительность разубѣрила аристократа. Бежаръ его прежній управитель, въ костюмѣ представителя народа приходитъ скватить его и занять замокъ, гдѣ онъ обитаетъ. Фигаро объявляетъ себя владѣтелемъ замка, и день 19 термидора губитъ одного Бежара. Во время имперіи сынъ Леона д'Асторги, этого милого Карубина, cherubino d'amore, сдѣлался генераломъ; Фигаро спасшій ему жизнь во время революціи находитъ его рашевымъ и, надѣвъ его генеральскій мушкетиръ, командуетъ гарнизономъ осаждаемаго города. Потомъ является нашъ старый знакомецъ Базиль, который все остался езуитомъ; Грппшъ-Соленъ, который преобразился въ органищика и поетъ во все горло народныя пѣсни. Фигаро потерялъ жену свою Пинетту, сказавшуюся побочной дочерью маркиза де-Сень-Мерана. Тесть и зять не долго жили въ согласіи. Маркизь вступилъ въ англійскую службу, и во время реставраціи возвратился во Францію, гдѣ опъ въ почести. Бежаръ сдѣлался полицейскимъ комиссаромъ; Базиль воромъ. Онъ укралъ миллионъ, принадлежавшій Фигаро и спряталъ его въ переплетѣ своего молитвенника. Во время іюльскихъ дней этотъ молитвенникъ попадаетъ въ руки Фигаро, но онъ не знаетъ какія сокровища таятся въ немъ. Наконецъ, деньги находятся и совершенно поправляютъ обстоятельства банкрота Фигаро, раззорившагося во время революціи. Всѣ дѣйствующія лица появляются при настоящемъ порядкѣ, и авторъ причисляетъ ихъ къ разряду тѣхъ людей, которыхъ называли *довольными* или *удовлетворенными* (satisfaits). Это ихъ послѣднее мнѣніе. Трудно узнать, какихъ убѣжденій держится самъ авторъ, осмѣльшій рѣшительно всѣ убѣжденія? Слогъ комедіи (слогъ есть въ ней къ счастью) очень живъ и уменъ.

3. *Leopie, Леонія*, комедія въ одномъ дѣйствіи, господина Лауа.

4. *Les extrêmes se touchent, Крайности сходятся*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, господина Адриена де-Куріелля.

Послѣ долгаго путешествія, молодая дѣвушка съ прекраснымъ личкомъ и очень мягкимъ нравомъ, Леонія, возвращается во Францію. Она весела и счастлива, она только и думаетъ объ удовольствіяхъ, о блаженствѣ, которое ждетъ ея, — ея, невѣсты

Фредерика, такъ давно любимого ею. Она захотѣла остаться одна, совершенно одна, даже безъ баронессы Луизы, сестры ее жениха, чтобы разсмотрѣть хорошенько саадебаую корзинку. Въ ней такъ много всего! И шали, и брилліанты, и кружева... и все это обличаетъ въ Фредерикѣ такъ много вкуса. Впрочемъ, кто видѣлъ Леоніа, не будетъ имѣть о вкусѣ Фредерика дурнаго понятія. Леонія въ восторгѣ.

Вдругъ слуга приноситъ письмо баронессѣ. Баронесса и Леонія пріятельницы съ дѣтства; у нихъ нѣтъ тайнъ. Леонія распечатываетъ письмо и падаетъ въ обморокъ. Во что бы то ни стало, нужно помѣшать свадьбу; она можетъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія. И это роковое посланіе написанно не незнакомой рукой, это не безымянное письмо, не подлая западня, разставляемая обыкновенно счастливымъ людямъ завистниками. Эту бумагу нельзя съ презрѣніемъ бросить въ каминъ. Печальная вѣсть, которую она содержитъ въ себѣ — слишкомъ справедлива. Она пришла отъ доктора, честнаго человѣка, издавна преданнаго семейству Леоніи. Опомнившись, дѣвушка не колеблется и безропотно подчиняется приговору доктора. Она сама пишетъ отказъ Фредерику. Несчастный юноша въ отчаяніи и объявляетъ, что никто не разлучитъ его съ тою, которую онъ любитъ больше жизни. Приходитъ докторъ. Онъ предвидѣлъ, что борьба будетъ сильная, и самъ явился противо-дѣйствовать тому, что онъ считаетъ преступленіемъ: браку съ чахоточною. Да! Леонія въ чахоткѣ. Мать умирая передала ей это наслѣдіе. Что до этого Фредерику! Пускай умретъ его возлюбленная, онъ будетъ тутъ, въ объятіяхъ ея и ихъ послѣдніе вздохи сольются вмѣстѣ. Но Леонія, спрятанная за дверь, слышала приговоръ доктора. Зная участь, которая ждетъ ея, она готова лучше немедленно разстаться съ Фредерикомъ. Фредерикъ не соглашается. Отецъ Леоніи велъ во время своего путешествія моремъ журналъ, въ которомъ слѣдилъ часъ за часомъ, за болѣзнію своей дочери. Онъ замѣтилъ, что она переноситъ лучше всѣхъ пассажировъ качку, что морская болѣзнь почти не знакома ей. Узнавши это, докторъ осыпаетъ вопросами Фредерика, развѣдываетъ всѣ мельчайшія подробности, узнаетъ самыя повидимому ничтожныя обстоятельства и, наконецъ, требуетъ чтобы къ нему привели Леонію. Онъ щупаетъ пульсъ, слушаетъ бѣшеніе сердца ея... между тѣмъ какъ вокругъ царствуетъ мертвая тишина. Всѣ

ждутъ послѣдняго приговору надъ бѣдной Леоной.... Раздается крикъ: она спасена! и самъ докторъ соединяетъ любовниковъ. Быстрая реакція, перемѣна, можетъ-быть чуждо спасла Леоно — у нея нѣтъ чахотки.

Это чахоточная комедійка замѣчательна какъ драматическій *tour de force*.... все основано здѣсь на эффектѣ послѣдней сцены. Интрига, какъ видите, довольно бѣдна. Но авторъ пишетъ очень хорошимъ языкомъ и знаетъ сцену.

Другая пьеса «Крайности сходятся», хотя и не чахоточная, однако весьма тощая — въ ней нѣтъ ровно ничего, ни остроумія, выудачно запутанной интриги, ни хорошаго языка. Словомъ, она несравненно хуже чахоточной. У чахоточной хоть языкъ хорошъ, — что бываетъ рѣдко съ больными этого рода. Впрочемъ, дѣйствующія лица этой пьесы тоже кандидаты въ чахоточные. Графиня и кавалеръ, уже около осемнадцати мѣсяцевъ любовники. Графиня скучаетъ, кавалеръ зѣваетъ. Очень понятно. Осемнадцать мѣсяцевъ любви, шутка! Да вѣдь это полтора года! Есть съ чего зачахнуть. У кавалера было нѣкогда много ума, но онъ весь выдохся; остроты его стары, исторіи скучны. У графини были свѣжесть и оригинальность, но онѣ поблекли какъ и красота ея. Графинѣ хочется развязаться съ кавалеромъ. Кавалеру хочется отдѣлаться отъ графини. Графиня пишетъ къ нему записку, куда проскользнуло одно словечко, которое можетъ заставить пожалѣть о прежнемъ. Кавалеръ въ свою очередь посылаетъ къ графинѣ письмецо еще нѣсколько согрѣтое лучемъ любви. Графиня тронута. Кавалеръ очарованъ. Они сходятся на прежнихъ основаніяхъ; имъ нужно только оживить чѣмъ-нибудь свою страсть. Лакей приноситъ кавалеру письмо отъ какой-то маркизы; другой лакей приноситъ графинѣ раздушенную записку отъ какого то дюка. Маркиза и дюкъ пожертвованы и страсть, на время угасшая, оживлена. Кромѣ вышеназванныхъ достоинствъ этой комедіи въ ней могутъ отыскаться еще и слѣдующія: непоимѣрная растянутость и ужасныя претензіи на свѣтскость. Какъ и слѣдовало чахоточной пьесѣ — она умерла въ цвѣтѣ лѣтъ. Могла ея называться «Одеономъ».

5. *Les cinq sens*, Пять чувствъ, балетъ въ трехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ, господъ Дюмануара и Мазилье; музыка Адольфа Адама.

Либретто этого балета довольно поэтическое, хотя и вовсе не оригинальное. Оно обличает много фантазіи у авторовъ. Французскія газеты разсыпаются въ похвалахъ обетайовкѣ, роскоши которой, если вѣрить имъ, превосходитъ всякое описаніе. Расскажемъ сюжетъ.

Мы въ Прагѣ. Передъ нами великолѣпный дворецъ, съ баснословными садами, съ великолѣпнѣйшими галереями. На богатомъ диванѣ лежатъ молодой принцъ, изъ породы разочарованныхъ. Его ничто не утѣшаетъ, какіе па ему ни танцуй. Онъ ни на кого не хочетъ глядѣть: это приводитъ въ отчаяніе его родителя, Богемскаго короля, который опасается, чтобы такимъ образомъ не прекратилась ихъ династія. Между-тѣмъ молдаванскіе послы предлагаютъ принцу руку своей принцессы. Принцу всё равно. Король говоритъ про себя: «Хорошо, хоть послушенъ мой Эльфридъ!». На бѣду, въ это дѣло замѣшалась одна дѣвочка, по имени Гризельда. Она оставила на одной изъ подушекъ королевскаго дивана свою васильковую гирлянду и свой миниатюрный портретъ,—оставила, конечно, съ памфрениемъ. Эльфридъ, увидѣвъ эти двѣ вещи, не хочетъ и слышать о женитьбѣ съ принцессой. Онъ клянется, что женой его будетъ Гризельда. Король приходитъ въ отчаяніе: сперва проклинаетъ, но потомъ, одумавшись, посылаетъ сына путешествовать. Фантастическій принцъ отправляется, сопровождаемый гувернеромъ.

Перенесемся въ трактиръ одной богемской деревушки. Тамъ отдыхаетъ Эльфридъ. Проснувшись, онъ выходитъ на площадь, посмотрѣть на танцующихъ поселянокъ. Онъ вынимаетъ изъ за пазухи свой драгоценный медальонъ и меланхолически смотритъ на него. Въ это время раздаются трогательные аккорды арфы и серебряный женскій голосокъ. Принцъ вскакиваетъ, бросается и туда и сюда, но никого не видитъ. Однако же онъ увѣренъ, что только она можетъ пѣть такимъ образомъ, хотя онъ никогда не слышалъ, какъ она поетъ или говорить. Предчувствіе его не обманываетъ: это дѣйствительно Гризельда; она рѣшилась тайно слѣдовать за любимымъ принцемъ, быть его добрымъ гениемъ.

Слѣдующій актъ происходитъ въ Бѣлградѣ. Паша Гассавъ сидитъ, окруженный своимъ гаремомъ, который вовсе не утѣшаетъ его (онъ тоже изъ разочарованныхъ), и куритъ кальявъ. Представляются два иностранца, и просятъ приставища. Это новый Телемакъ Эльфридъ и его Менторъ. Гассавъ, какъ чело-

вѣкъ гостеприимный, предлагаетъ Эльфриду великолѣпнѣйшій изъ кіосковъ, научивъ его механизму, посредствомъ котораго онъ можетъ умѣрить освѣщеніе сада. Садъ Гассана, изволите видѣть, освѣщенъ газомъ, потому что дѣйствіе въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Эльфридъ располагается спать. Вдругъ на порогѣ кіоска является бѣлая тѣнь. Гризельда съ трепетомъ приближается къ принцу; она не знаетъ, любима ли она. До-сихъ-поръ Эльфридъ только видѣлъ портретъ ея, слышалъ ея голосъ и можетъ все это принять за грѣзы. Она рѣшается поцѣловать принца. Атласное плечико ея коснулось лица Эльфрида, и онъ вскочилъ уже не такъ какъ отъ мелодіи. Гризельда бѣжитъ прочь, принцъ ловить ее. Но, наконецъ, ей удается скрыться. На мѣсто ея прибѣгаютъ невольницы пашин, которыхъ должно-быть нечаянно выпустили изъ гарема, и начинаютъ волочиться за принцемъ. Но онъ не смотритъ на нихъ. Ему нужна Гризельда.

Роздыхъ въ лѣсу. Эльфридъ съ гувернеромъ хотятъ завтракать. Вдругъ прибѣгаетъ толпа крестьянокъ съ цвѣтами на головахъ, съ цвѣтами въ рукахъ, съ цвѣтами на груди, съ цвѣтами въ корзинкахъ. Это праздникъ садовницъ. Онѣ пляшутъ и рѣзвятся около принца. Иной, пожалуй, задохся бы отъ этого аромату. Но у Эльфрида всѣ чувства пригуплены. Посреди этихъ танцевъ къ ногамъ его падаетъ чей-то букетъ полевыхъ, но пахучихъ цвѣтовъ. Онъ схватываетъ его, нюхаетъ съ энтузіазмомъ и тотчасъ узнаетъ, что этотъ букетъ долженъ быть отъ нея! Букетъ точно Гризельдинъ. Онъ производитъ на принца дѣйствіе хлороформу. Эльфридъ засыпаетъ и видитъ удивительнѣйшій сонъ, въ которомъ первую роль, разумѣется, играетъ Гризельда, подносящая ему кубокъ съ какимъ-то нектаромъ. Когда Эльфридъ проснулся — кубокъ былъ въ рукахъ его. Онъ чувствуетъ, что Гризельда прикладывала свои пунцовыя губки къ этой чашѣ, что она отвѣдала нектару, и вслѣдствіе этого нектаръ кажется принцу вкуснѣ бордо-лафитта.

Какъ ни медленно путешествовали эти два Богемца, они наконецъ прибыли ко двору господаря, на дочери котораго Эльфридъ долженъ жениться.

Но Гризельда еще не совершила своего дѣла. Она пробудила въ принцѣ чувство слуха, осязанія, обонянія и вкуса, но она еще не показала себя. Онъ видѣлъ только портретъ ея. Унылый, несчастный Эльфридъ съ грустью взираетъ на эти черты, а между тѣмъ на указательномъ пальцѣ правой руки его на-

дѣто кольцо молдаванской принцессы! Но вотъ знакомая мелодія раздастся снова и извлекаетъ привца изъ задумчивости. Онъ смотритъ въ ту сторону откуда льются волшебные звуки, и Гризельда предстаетъ его изумленнымъ взорамъ.... Да! это она, это идеалъ, о которомъ онъ такъ давно грезилъ, это женщина избранная его сердцемъ, къ которому онъ теперь не замедлитъ прижать ее. Въ порывѣ восторгу онъ даже надѣлъ ей на палець кольцо своей невѣсты.

Звукъ тимпановъ и флейтъ разлучаютъ любовниковъ. Приближается свадебная процессія. Эльфридъ рѣшается публично и торжественно отказаться отъ молдаванской принцессы, что онъ, конечно, и сдѣлалъ бы будучи человѣкомъ твердаго характера, если бы молдаванская принцесса не вздумала запыть начальныя строфы той мелодіи, которую онъ слышалъ уже два раза.

Балетъ оканчивается какъ нѣмецкая фантастическая сказка. Гризельда и молдаванская принцесса одно лицо. Ей хотѣлось только, чтобы Эльфридъ полюбилъ свою невѣсту для *нея самой*. Sie verstehen?

Музыкальныя новости. Въ концертѣ, который симфоническое общество дало, 24 января, въ залѣ университета, я, къ сожалѣнію, не могъ присутствовать, но слышалъ о немъ очень выгодно. Что господинъ Герке возбуждиль всеобщій энтузіазмъ исполненіемъ Бетговеновой фантазіи для фортепіано съ оркестромъ и хоромъ, это весьма естественно. Свѣжее, полное жизни сочиненіе Бетговена, нисколько не похожее на произведенія, которыя въ наше время являются дюжинами подъ именемъ фантазій, не можетъ не возбудить восторгу, когда его передаетъ такой мастеръ какъ господинъ Герке. Мендельсонова симфонія-кантата, это прекрасное подражаніе девятой симфоніи Бетговена, была исполнена очень удачно; въ-особенности отличился въ ней господинъ Михайловъ своимъ выразительнымъ пѣніемъ. Стремленіе симфоническаго общества поддерживать вкусъ къ серьезной, классической инструментальной музыкѣ, заслуживаетъ живѣйшей признательности и поощренія, въ-особенности у насъ, гдѣ, несмотря на богатство средствъ, самобытная оркестровая музыка предоставлена почти исключительно обществамъ любителей. Прискорбно безъ дневнаго свѣту, но въ темнотѣ надо сказать спасибо и свѣту простой лампы.

О концертѣ піаниста господина Леви, бывшемъ, 1 февраля, въ залѣ графа Клейнмихеля, я могу говорить какъ очевидецъ и, слѣ-

довательно, опредѣлительнѣе и подробнѣе. Изъ множества слушателей, собравшихся на его концертъ, можно заключить, что концертнсть въ непродолжительное свое пребываніе въ Петербургѣ приобрѣлъ уже довольно большое число покровителей и друзей. Хотя господинъ Леви игралъ одни свои собственные сочиненія, однако жъ онъ, по-видимому, не принадлежитъ безусловно къ огромному числу вышншихъ піанистовъ, которые, какъ блѣдые сколки съ Листа и Тальберга, кормятъ публику безсочною, приторною пищею, извѣстною подъ названіемъ фантазій и этюдъ; онъ, напротивъ, подалъ ей сначала питательное, сочное блюдо, подъ видомъ большаго тріо для фортепіано, скрипки и виолончеля. Писать тріо для фортепіано послѣ Бетговена такой смѣлый замыселъ, что самъ Мендельсонъ, который, конечно, болѣе всякаго другаго наследовалъ генія великаго творца новѣйшей инструментальной музыки, только два раза покушался на это дѣло, и то послѣ долгаго размышленія и приготовленія. Мощный геній Бетговена возвелъ и этотъ родъ музыки на такую высоту, что только очень близкій ему геній можетъ создать въ немъ что-нибудь истинно новое. Но такой геній донинѣ еще не явился. Были съ-тѣхъ-поръ композиторы, которые довольно серьезно и добросовѣстно смотрѣли на искусство, чтобы добровольно отказаться отъ восторговъ толпы и не остановиться передъ равнудушіемъ, съ которымъ даже такъ-называемые знатоки встрѣчаютъ каждое новое сочиненіе, не защищенное извѣстнымъ, громкимъ именемъ; они уравнили и расширили проложенный Бетгеномъ путь, усѣяли его цвѣтами и кустами новѣйшей техники и успѣховъ внѣшней формы; но дѣйствительно новаго не создалъ на этомъ поприщѣ никто, не исключая и самого Мендельсона. Бетговень стоитъ тутъ до-сихъ-поръ недослагаемымъ великаномъ и исполненная тѣнь его дотогъ закрываетъ каждую попытку подражанія, что, ко вреду искусства, композиторамъ только изрѣдка стааетъ мужества покориться закону добраго стараго времени, которое произвело столько великихъ художниковъ, и явить свое дарованіе въ сонатѣ, тріо или квартетѣ.

Что господинъ Леви не утратился этихъ препятствій и рѣшился написать, напечатать и даже играть въ публичномъ концертѣ свое тріо, служить доказательствомъ его истинно художническаго стремленія. Но кромѣ того, самая пьеса, въ-особенности первые три части ея содержатъ нѣсколько весьма удачныхъ, полныхъ мысли мѣстъ, по которымъ можно судить, что, какъ-

скоро господинъ Леви приобрететь единство и опредѣленность стиля, отъ него можно ожидать много дѣйствительно хорошаго. Съиграть большое, стройное сочиненіе, хотя бы даже величайшаго композитора передъ концертною публикою, составленною изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, всегда дѣло опасное; и если господинъ Леви, играя свой тріо, имѣлъ въ виду нѣчто болѣе, чѣмъ показать себя только присутствовавшимъ артистамъ и знатокамъ, какъ истиннаго художника съ дарованіемъ и стремленіемъ, а не одного изъ тѣхъ безчисленныхъ піанистовъ, которыхъ все искусство состоитъ въ быстротѣ и глубокости пальцевъ, то онъ этой цѣли не достигъ; потому что прочія исполненныя имъ пьесы, въ которыхъ онъ явился болѣе виртуозомъ чѣмъ композиторомъ, очевидно, произвели болѣе благопріятное впечатленіе на публику чѣмъ серьезный, длинный тріо. Я уже имѣлъ случай говорить подробнѣе объ исполнительномъ талантѣ господина Леви; поэтому теперь ограничусь только тѣмъ, что талантъ его явился въ этомъ концертѣ еще въ большемъ блескѣ чѣмъ прежде и возбудилъ всеобщій неистовый восторгъ. Кромѣ тріо, господинъ Леви игралъ слѣдующія пьесы своего сочиненія: 1) фантазію *Souvenir d'Autriche*: она начинается весьма интереснымъ и удачно придуманнымъ колѣномъ для одной лѣвой руки, за которымъ слѣдуетъ рядъ чрезвычайно блестящихъ и эффектныхъ варіацій на австрійскую народную пѣсню, которая растрогала всѣхъ бывшихъ Вѣнцевъ (а число ихъ не мало), и навела на нихъ тоску по родинѣ; 2) прелестную, живую пѣсню безъ словъ (*Frühlingslied*), которая, однако же, такъ же справедливо могла бы назваться осеннею пѣснью; 3) *les Colombes*, премилую, прелезловатую пьеску, которая, безъ сомнѣнія, скоро будетъ въ рукахъ всѣхъ любителей и любительницъ (тѣмъ болѣе, что она уже напечатана и продается въ музыкальномъ магазинѣ М. Бернара) и, наконецъ, 4) прекрасную, одушевленную русскую мелодію, эффектно переложенную на фортепіано. Въ заключеніе неустрашимый виртуозъ импровизировалъ на заданныя темы и, за исключеніемъ почти неизбѣжныхъ въ такихъ случаяхъ долготъ и лишнихъ повтореній, исполнилъ эту трудную задачу ловко и счастливо.

Кромѣ самого концертнста, въ концертѣ участвовали господа Фрецолини и Коллин: первая сыграла двѣ аріи, второй — романсъ. Что публика была въ восторгѣ отъ своихъ двухъ любимцевъ и что аплодисментамъ и вызовамъ не было конца, не нужно и говорить.

Вообще концертъ былъ чрезвычайно удаченъ и интересенъ и, конечно, всѣ присутствовавшіе остались совершенно довольны. Мать только онъ оставилъ печальное воспоминаніе, потому что я тутъ получилъ извѣстіе о смерти добраго и даровитаго нашего Фольвейлера, въ Гейдельбергѣ. Въ продолжительное пребываніе свое въ Петербургѣ онъ приобрѣлъ своимъ кроткимъ, скромнымъ нравомъ столько друзей и почитателей, даже между своими сверстниками, какъ рѣдко удается юному, но сильному таланту. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, онъ оставилъ насъ, чтобы въ послѣдній разъ повидаться съ умирающимъ отцомъ; но какъ онъ ни спѣшилъ, не засталъ его уже въ живыхъ. Это и другое несчастіе, постигшее его въ то же время, такъ потрясло его, что онъ получилъ нервическую горячку, отъ которой и умеръ. Искусство утратило въ немъ молодаго художника съ огромнымъ дарованіемъ и благороднымъ стремленіемъ, который уже создалъ много прекрасныхъ вещей и который при благоприятныхъ обстоятельствахъ со временемъ непремѣнно занялъ бы мѣсто въ ряду лучшихъ композиторовъ нашего времени.

— Четырнадцатаго февраля, въ большой университетской залѣ, былъ концертъ, который привлекъ огромное число слушателей. Къ сожалѣнію я не смѣю произнести сужденія объ этомъ концертѣ, потому что его давали многіе мои ученики, которые уже составляютъ довольно большое общество хороваго пѣнія, и притомъ давали его подъ собственнымъ моимъ управленіемъ. Однако же я могу сказать, не опасаясь обвиненія въ излишнемъ самолюбіи что публика была очень довольна твердымъ и отчетливымъ исполненіемъ вокальныхъ пьесъ; что хоры изъ Мендельсоновой «Антигоны» вполне произвели эффектъ, котораго можно было ожидать отъ этой превосходной музыки, исполненной здѣсь еще въ первый разъ; нѣкоторыя же изъ мелкихъ пѣсень Крейцера, Дюрнера, Цѣльнера, слѣдовавшихъ за «Антигоною», были, по настоятельному требованію публики, повторены.

— Концертный сезонъ до-сихъ-поръ не обѣщаетъ ничего чрезвычайно блестящаго. Знаменитый парижскій виолончелистъ Батта уже здѣсь; ждутъ въ скоромъ времени госпожу Шредеръ Деверіентъ, и знакомаго уже намъ горниста Вивье; но это всё-еще ничего въ сравненіи съ прошлогоднимъ сезономъ. Авось, ждетъ насъ еще какая-нибудь непредвидѣнная радость! Будемъ надѣяться!

— Кстати о госпожѣ Шредеръ-Деверіентъ. Одна нѣмецкая га

зета увіряєть, что она написана оперу въ одномъ дѣйствіи, и текстъ и музыку, подъ названіемъ «Саксонская Швейцарія». Эта опера, говорятъ, должна быть представлена въ первый разъ въ Ригѣ, и поставлена самою компонисткою. Если она будетъ имѣть успѣхъ, знаменитая пѣвица намѣрена не ограничиваться первою попыткою на поприщѣ. Сюжетъ заимствованъ изъ жизни самой госпожи Шрёдеръ-Девріентъ и одного чудака Шотландца, который предлагалъ устроить ей вторую Саксонскую Швейцарію въ Шотландіи, если бы она согласилась выйти за него замужъ, и ѣхать съ нимъ на его родину.

— На театрѣ Комической Оперы въ Парижѣ поставлена новая опера въ трехъ дѣйствіяхъ: «Сочельникъ на Рождество Христово» текстъ Скриба, музыка композитора, извѣстнаго до-сихъ поръ одинымъ симфоніями, Ребера. Извѣстно, что изъ всѣхъ французскихъ драматическихъ писателей, никто такъ не умѣетъ кроить платья по актеру, какъ Скрибъ; онъ знаетъ всѣ качества и недостатки актеровъ, и всегда умѣетъ сдѣлать изъ нихъ нѣчто порядочное. Прибавьте къ этому знаніе сцены, умѣнье подготовить самое смѣлое положеніе, прикрыть остроумнымъ и живымъ разговоромъ самую разительную невѣроятность, наконецъ его непостижимую плодовитость, и вы получите ключъ къ успѣху, которымъ пользуются даже самыя слабыя его произведенія. Новая его опера безспорно принадлежитъ къ этой категоріи. Авторъ вызываетъ весь міръ духовъ и привидѣній, громоздитъ всякую чертовщину, придумываетъ всякія нутаницы, для того только, чтобы поссорить двухъ супруговъ и снова примирить ихъ. Альберъ, главный лѣсничій какого-то нѣмецкаго барона (извѣстно, что по риторикѣ Скриба и компаніи, Германія есть страна дремучихъ лѣсовъ и привидѣній, какъ Венеція страна баркаролъ, а Испанія страна политическихъ интригъ и Цыганъ), женился безъ согласія своего господина и противъ воли родителей своей невѣсты; послѣ этого, казалось бы, молодымъ должно жить душа въ душу; оно можетъ быть такъ бы и было, если бы не провѣжала между ними кошка въ видѣ молодой адовушки того помѣстья, которая имѣетъ виды на Альбера, и школьнаго учителя, которому баронъ обѣщалъ свое покровительство, съ тѣмъ, чтобы онъ разсорилъ новобрачныхъ. Надо вамъ сказать, что баронъ своего рода донъ-Жуанъ, ѣздилъ во Францію учиться искусству покорять женскіе сердца, и отецъ вознегодовалъ, когда узналъ, по возвращеніи въ помѣстье, что Альберъ почти подъ носомъ

похитилъ у него помѣщичье преимущество. Но молодой баронъ видно немного ума набрался во Франціи, потому что проправадушно дается въ обманъ пастору, который запираетъ его въ колокольнѣ, гдѣ онъ назначилъ свиданіе молодой жонѣ Альбера. Соскучившіеся судить взрперты, баронъ зловить во всё колокола, и приводитъ въ ушахъ всѣхъ поселенъ, которые утѣрены, что въ сачельникъ передъ Рождествомъ около колокольна блуждаютъ души всѣхъ тѣхъ, которые должны умереть въ теченіи года. Молодые супруги, встрѣтившіеся случайно у колокольна, утѣрены въ неминуемой смерти другъ друга; это опасеніе воспаляетъ ихъ угасшую любовь; они мирятся и даютъ себѣ слово не слушать злыхъ наущеніевъ. Пасторъ разутѣряетъ ихъ въ негнѣномъ поутрѣи, уговариваетъ всегда жить мирно и дружно, и уговариваетъ родныхъ молодой супруги благословить ихъ бракъ. Злой учитель женится на злой вдовѣ, и пользуется болѣе чѣмъ когда-либо некровительствомъ барона, который съ его женою утѣшается въ первой неудачѣ. Съ этихъ-то либреттокъ Рабера выступилъ на драматическое поприще. Почитатели его таланта жаждутъ о томъ, что онъ для перваго опыта выбралъ комическую оперу, вовсе несогласную съ его характеромъ; въ мелодіи его болѣе глубины, чѣмъ легкости и граціи; оркестровка его слишкомъ сложна, обильна и обработана. Впрочемъ, инструментровка ясна; стиль образованъ по Генцелю и Моцарту; декламация напоминаетъ Гретри; стремленіе къ четливъ и выразительности декламации иногда вредитъ свободѣ и живучести мелодіи.

Исполненіе оперы какъ и обыкновенно на театрѣ Комической Оперы, было превосходно; Мокоръ и Поншаръ пѣли пріятно и отчетливо, Рикъ по обыкновенному былъ веселъ и забавенъ; е госпожахъ Лемерсье и Дарсье и говорить нечего; онѣ составляютъ украшеніе каждой оперы своимъ голосомъ, пѣньемъ и игрою.

— Последняя опера Обера, «Ганде», дается все съ возрастающимъ успѣхомъ. Авторъ ея либретта, Сирибъ, помалочку е командоры Почетнаго Легиона.

— Знаменитый теноръ Дюпре наконецъ догадался, что болѣе голосу пѣть нельзя; онъ отказывается отъ театра, и наипрѣдъ посвятивъ себя исключительно преподаванію. На мѣсто его дирекція Большой-Оперы ангажируетъ Роже. Если вѣрны газетныя дирекція дастъ ему 60,000 франковъ за девять мѣсяцевъ, кромѣ

спектакльной платы и концерса, съ тѣмъ, чтобы онъ игралъ по десяти разъ въ мѣсяцъ. Кроме его, дирекція намѣрена ангажировать госпожу Вирд-Гарсио; оба будутъ занимать главные роли въ новой оперѣ Мейербера.

— Знаменитый авторъ «Пустыни», Феликсъ Давидъ, собирается пошептать свои оны въ оперной музыкѣ; онъ издалъ было либретто Делавая «Кровавая монахиня», которое было сначала предложено Берлиозу, но отказался отъ него, потому что оркестръ, назначенный дирекціею Большой Оперы, кажется ему слишкомъ короткимъ для такого громаднаго произведенія.

— Наша виолонча, госпожа Кастеллакъ продолжаетъ кружить головы Парижанамъ; она недавно играла роль Иногенны въ Болдиниерѣ «Пиратъ», и играла такой же успѣхъ, какъ въ «Лучи»; но смотря на то, это слабое произведеніе молодости Бедлини не сравнимо съ большимъ успѣху, чѣмъ въ прежніе годы.

— Известный французскій пианистъ Эмиль Пруданъ возвращенъ изъ похода своей въ Алжиръ. Онъ далъ тамъ три концерта. Можно себѣ представить, какой онъ долженъ былъ имѣть успѣхъ въ городѣ, но слыхившемъ до сихъ поръ ни одного значительнаго европейскаго артиста.

— Парижское концертное общество, подобно тѣмъ болшимъ городамъ Германіи и Англіи, отдало также дань уваженія памяти Мендельсона, концертомъ, состоявшимъ изъ однихъ сочиненій покойнаго уэртюры: уэртюры «Фингаловѣй пещеры», отрывковъ изъ «Павла», скрипичнаго концерта, исполненнаго Аларомъ, и третьей симфоніи.

— Пюнеъ согласился наконецъ на желаніе многочисленныхъ своихъ почитателей, и рѣшился дать концертъ, котораго Парижъ ждетъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

— Между тѣмъ какъ Парижъ зрѣніе радуется концертамъ Шопана и Прудана, Лилъ наслаждается игрою гениальной пианистки, госпожи Плейель. Она исполнила всѣхъ добрыхъ жителей Лилъ, который однакоже переслушалъ большую часть европейскихъ знаменитостей, находясь на дорогѣ ихъ изъ Брюсселя въ Парижъ. Особенный энтузіазмъ возбудила великая артистка Веберовымъ Conservatoire; въ числѣ ея заслугъ, надо замѣтить, что она въ концертахъ своихъ играетъ мало тренучихъ модныхъ вещей, а предпочитаетъ имъ классическія произведенія старой школы.

— Въ Парижѣ явилось новое музыкальное чуждѣ, — не изъ тѣхъ

Музыкальные чудеса, которые въ наше время совершаются на складномъ пиану, которыми нѣтъ члени, какъ звѣздамъ на небѣ или мечетамъ на днѣ морозамъ; нѣтъ, эти чудеса стали такъ обыкновенны, что, скоро-нажалуй, чудомъ будетъ считаться какое-либо человеческое существо отъ семи до четырнадцати лѣтъ не играющее на какомъ-нибудь инструментѣ. Новое музыкальное чудо, открытое французскимъ музыкальнымъ критикомъ, д'Ортинъ, дѣйствительно пользуется этимъ преимуществомъ: это молодая виртуозка, не умѣющая ни пѣть, ни играть ни на какомъ инструментѣ; она собственно сама инструментъ, а виртуозка, или же, которая творитъ изъ нея чудеса, сама музыка; сказать ясное, это магическій сюжетъ, молодая сомнамбулка, которую музыка погружаетъ въ безданный въ наше время экстазъ. Вотъ какъ пишетъ о ней д'Ортинъ къ редактору одного французскаго журнала: «Вы, можетъ-быть, замѣтили не худо мамъ, что люди иногда не бывають такъ расположены вѣрить въ колдовство, въ магію, какъ въ тѣ времена, когда они ни во что не вѣрують. Когда народъ утрачиваетъ вѣру въ дѣйствительное, ему нужны вымыслы. Я говорю это не только о послѣдователяхъ какого-нибудь болѣе или менѣе чуждественнаго ученія; мои слова относятся преимущественно къ людямъ, которыхъ нѣтъ мысли обрѣзаны изъ положительнымъ вещамъ, изъ мечтателямъ, исключительно занятымъ извѣстнымъ порядкомъ материальныхъ вещей, которые мало даютъ воли ихъ воображенію. Чудесное и сверхъестественное такъ свойственны нашей природѣ, что мы изгоняемъ ихъ изъ одного міра, затѣмъ только чтобы перенести въ другой. Вотъ почему въ наше время магнитизмъ въ такомъ ходу; нѣтъ такихъ жаркихъ послѣдователей, почему и богатые и бѣдные, всѣ санничаютъ магнитизмомъ, всѣ даютъ магнитическіе сеансы. Но одна крайность всегда поражаетъ противоположную крайность; если съ одной стороны люди вѣрують во все безъ разбору, то другіе столько разбирають, что чуду нѣтъ ни вѣры, даже свидѣтельству собственнаго видѣнія чувствъ; по этому и магнитизмъ нѣтъ своихъ сильныхъ поборниковъ, и такъ же слабыхъ противниковъ.

Но истина не заключается ни въ той, ни въ другой крайности. Что касается до меня, я говорю вамъ напередъ, что я ничего не знаю, и благодарю зато Бога; потому что, если я и не безопасенъ отъ невѣданий своего невѣднія, отъ котораго, впрочемъ, не безопасны и ученые въ этомъ дѣлѣ, то по крайней-

міръ безсвідомості отъ праразумнось и предубіжденій науки. И такъ, вотъ какъ я рассуждаю оба этого предмети: Когда человекъ лишенъ какого нибудь внѣшняго чувства, напримеръ зрѣнія или слуха, прочія его чувства приобрятають такую тонкость, та кое совершенство, что могутъ почти замѣнить недостающіе органы; такіе примѣры встрѣчаются каждый день между глухими и слѣпорожденными. Человекъ въ своей земной жизни, въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть по смерти, находится въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ такомъ точно положеніи, какъ лишенный одного внѣшняго чувства въ сравненіи съ тѣмъ, что бы онъ былъ при всѣхъ чувствахъ. Въ настоящей жизни, способности человека ограничены взаимною зависимостью тѣла и души; и хотя эта зависимость есть нормальное состояніе этой жизни, это состояніе есть тѣмъ не менѣе состояніе переходное обусловленное нашимъ земнымъ существованіемъ; состояніе же человека вѣчное, безусловное, есть его состояніе по отдѣленіи тѣла отъ души, то есть состояніе посмертное. Тогда только способности, которыя мы называемъ прозрѣніемъ, наптіемъ, всендѣвіемъ приобрятають тѣмъ боольшую силу, что человекъ освобождается отъ тѣлесныхъ оковъ, и не подлежитъ болѣе условіямъ пространства и времени.

«Слѣдовательно должно согласиться, что сомнамбулизмъ не что иное, какъ предчувствіе, весьма поверхностное и несовершенное, того существеннаго, необходимаго состоянія; и что точно такъ, какъ при глухотѣ или слѣпотѣ, прочія внѣшнія чувства приобрятають такую удвоенную силу и дѣятельность, только отъ усиленія зрѣнія и слуха, точно такъ же и дѣйствіе магнетизма, усиливая внѣшнія чувства человека, и освобождая его на время отъ ограниченій, возбуждаетъ въ немъ и развиваетъ внутреннее чувство, посредствомъ котораго мы на извѣстное время и въ извѣстной степени, переносимся въ условія нездѣшней жизни. Этими объясняется, почему магнитическіе опыты то удачны, то не даютъ ни какихъ результатовъ, и не могутъ быть постоянны; почему при настоящихъ снѣдвіяхъ, наука не имѣетъ необходимыхъ началъ для грипуирования явленій въ одно прочное и полное ученіе, и почему магнетизмъ имѣетъ съ одной стороны такихъ восторженныхъ защитниковъ, а съ другой такихъ непримиримыхъ противниковъ. Одни, всегда готовые увести въ область своего воображенія, увидавъ одинъ счастливый опытъ, провозглашаютъ его чудомъ, и слѣпо вѣрятъ всему остальному; другіе, болѣе словные въ

Самыми, быть свидетелями неудачнаго опыта, провозгласить свое надузательство, и отвергают все безусловно.

«Однако же надо сознаться, что мы, нравственно, живемъ въ магнитической атмосферѣ, какъ физически живемъ въ атмосферѣ электрической. Чѣмъ объяснить, какъ не магнетизмомъ, страшное, непонятное вліяніе, силу заколдованія, которую нѣкоторые люди имѣютъ надъ нами? А обратившись къ нашему искусству, можно ли не признать тутъ существованія этой жидкости, которая такъ сильно дѣйствуетъ на насъ, и смотря по обстоятельствамъ производить въ насъ самыя различныя впечатлѣнія.

«Вашъ предшественникъ, Морисъ Шлезингеръ, сказалъ мнѣ однажды, что считаетъ меня не способнымъ написать забавную статейку для общей массы читателей. Признаюсь, я не знаю ни общей массы, ни отборныхъ читателей; я равно уважаю всѣхъ читающихъ меня; однако же, задѣтый въ своемъ писательскомъ самолюбіи, я сталъ рыться въ многотомныхъ твореніяхъ отца Кирхера, отца Шотта, въ книгѣ доктора Роже-де-Монпелье: «О дѣйствіи музыки на человѣческое тѣло», и сталъ выбирать изъ нихъ самыя диковинныя случаи, вліянія нашего искусства. Такимъ образомъ я написалъ листовъ двадцать самыхъ забавныхъ анекдотовъ. Эта статья меня самого очень забавляла и, вѣроятно, позабавила бы читателей, если бы Шлезингеръ не сыгралъ со мною забавной штуки, не затерялъ статью; это можетъ-быть единственная статья, которую онъ затерялъ во всю жизнь. Надо же было быть такой бѣдѣ, чтобы жребій палъ на мою статью и именно на самую любопытную изъ моихъ статей.

«Какъ бы то ни было, но всѣ факты, которые я сколотилъ въ той статьѣ, и которые каждый можетъ самъ вычитать въ вышеписанныхъ книгахъ, были случаи магнитическіе. Но увѣрю васъ, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ дать и понятія о феноменѣ, который представила намъ молодая дѣвушка, о которой я повелъ рѣчь. Вотъ, въ двухъ словахъ, вся ея исторія: она дочь бѣдной ветошницы и называется Луизою. Она была подвержена надучей болѣзни и подобрана однажды на улицѣ во время припадка этого страшнаго недуга. Подобравшій ее былъ извѣстный магнетизеръ Лафонтенъ; онъ взялъ ее къ себѣ и въ три мѣсяца вылечилъ. Но во время леченія онъ замѣтилъ, что звуки музыки могутъ приводить ее въ восторженное состояніе. Слухъ объ этихъ чудесахъ дошелъ до матери Луизы; она объявила Лафонтену процессъ, требуя не возвращенія дочери, а дѣ-

лема барышней; которые еще, по словамъ ей, виртуальнѣе чудотворныи способностями ея дочери. Вотъ откуда пошла сама Лунза.

Трудно поверить, а совершенная правда, въ нормальномъ своемъ положеніи Лунза не оказываетъ ни какихъ особенныхъ способностей къ музыкѣ; она не только не знаетъ музыки, но и не чувствуетъ къ ней большой любви. Но какъ-скоро рука госпожи Лафонтея погружаетъ ее въ магнетическій сонъ, инвентарь садится за фортепiano и съ первыхъ же аккордовъ начинается экстазъ. Взглядъ сомнамбули дѣлается неподвиженъ, влага показывается на глазахъ, лицо покрывается румянцемъ, все тѣло дышетъ восторгомъ, станъ выпрямляется. И смотря по тому играетъ ли музыкантъ мелодію страстную или грустную, воинственный маршъ или плясовой напѣвъ, или религиозный хоръ, всѣ мысли музыки выражаются въ то же мгновеніе, будто дѣйствіемъ электричества, въ лицѣ дѣвушки, въ ея позѣхъ, движеніяхъ, жестахъ, даже въ едва замѣтныхъ движеніяхъ пальцевъ. Она по-очередно восходитъ до самаго высокаго драматическаго выраженія, порхаешь сильфидою, выпрямляется героинею или погружается въ созерцаніе теплой вѣры и въ восторгъ небесной любви.

Рашель и Тальони прекрасны, нѣтъ спору, но какъ у нихъ видна во всемъ наука, условность! Экстазъ Лунзы есть преображеніе, производимое самою природою. При этихъ опытахъ присутствовало множество артистовъ, литераторовъ, живописцевъ, музыкантовъ, въ томъ числѣ Мейербергъ; всѣ съ удивленіемъ говорятъ объ этомъ рѣдкомъ явленіи.

— Лондонскіе италіанскіе театры объявляютъ свои программы. Въ королевскомъ театрѣ первое мѣсто будетъ занимать, какъ и въ прошломъ году, Женни Линдъ, которая будетъ нѣтъ въ «Отелло», въ «Донъ-Жуанъ», въ «Лучин» и въ «Волшебной элейтѣ». Кромѣ ея будутъ примадонны Тадолина, Кривелли, Аделаида Мольтини, Лунза Абадіа, Софія Вера, Шварцъ; тенора Гардони, Куцани, Лабочетто; басы оба Лаблама, Колетти, Бушѣ. Поговариваютъ также о баритонѣ Беллетри, который долго нѣтъ съ Женни Линдъ въ Швеціи. Балетмейстеры Тальони и Перротъ; танцовщицы Карлота Гризи, Черрито, Розати. Объявляютъ новый балетъ Скриба, «Пять чувствъ», который ставится теперь въ Парижѣ.

— Ковентгарденскій театръ также выстроиваетъ всю свою предшлагодную труппу, съ значительными подкрѣпленіями; при:

надежды: Гранъ, Персианъ, Албонъ, Ромеонъ, и вѣсь адгалин-рованскій Вирдъ-Гарсиа, Кастолонъ, Анджіоліна Зоизъ; тенора Маріо, Сальви, Ланіа, и новыя Лундми Мен и Роме; басы Тайъ-буриши, Ройшонъ, Марали, Сетти, Корради. Главномъ оперомъ бѣ-летъ будутъ Люсилъ Гранъ и Флора Фабри.

— О дѣлахъ Дририленскаго театра посятъ не совсѣмъ благопріятныя слухи; говорятъ, будто Жюльенъ болѣе не увлечетъ въ предпріятіи; вѣрно не крайней-мѣрѣ то, что онъ уѣдетъ съ нѣсколькими музыкантами и дастъ концерты въ большіе провинціальныхъ городахъ. Между-тѣмъ послѣ многихъ отлагательствъ поставлена «Линда де Шамуни». Всѣ участвовавшіе въ этой оперѣ, кромя Вейса и миссъ Маранъ, были новыя лица для лондонской публики. Особенно отличаются хоры и оркестръ, подъ управленіемъ Берліоза.

— Извѣстно, что Берліозъ, по контракту съ Дририленскимъ театромъ, долженъ дать втѣленіи зныи четыре большіе концерта; онъ далъ уже одинъ; программу его составляли увертюра «Римскаго Карнавала», симфонія «Гарольдъ», первая и вторая части «Фауста», «финаль «Апофеозы», отрывокъ изъ «Реквіема» и каватина изъ «Бенvenuto Челлини».

— Въ Шотландіи умеръ человѣкъ, пользовавшійся нѣкоторою знаменитостію въ своей странѣ: это—старый волыщикъ Джонъ Брюсъ, извѣстный также подъ именемъ Джона съ острова Скаа. Онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Абботсфордѣ, считаясь на службѣ у знаменитаго романиста, и не имѣя ни какой обязанности, какъ только играть на волынкѣ и въ торжественныя дни являться въ горномъ костюмѣ гостямъ своего хозяина, который со всею важностію горнаго владѣльца, подносилъ ему водки въ кельтическомъ кубкѣ. По смерти Вальтера Скотта, волыщикъ сталъ снова вести кочевую жизнь старинныхъ менестрелей. Онъ былъ полусумасшедшій; вдругъ вздуналось ему придать политическое значеніе своему имени; онъ вообразилъ себя потомкомъ великаго короля Роберта Брюса и законнымъ наследникомъ шотландскаго престола.

— Знаменитый скрипачъ Оло-Буль, о которомъ такъ давно уже неизвѣстно было гдѣ онъ находился, и насчетъ котораго носились уже страшныя слухи, вдругъ явился снова; онъ недавно пріѣхалъ въ Бордо, далъ тамъ три концерта, въ которыхъ игралъ нѣсколько новыхъ своихъ сочиненій, и теперь ѣдетъ въ Парижъ.

ни. Одна вѣсницкая газета напечатала недавно любопытное известіе, сообщенное ей Александръ Фулсомъ. Это писмо, писанное, въ 1887 году. Вѣтговеионъ дирекціи вѣснскихъ театровъ; изъ него можно видѣть, въ какомъ положеніи находился на тридцать-осямомъ году великій художникъ, создавшій уже «Фиделіо», «Христова на Элеонской Горѣ» и вѣскома симфоніи. Вотъ это писмо: «Нижеподписавшійся можетъ похвалиться, что приобрѣлъ въ некоторое благорасположеніе и уваженію отъ дворянства и прочей публики во время пребыванія своего въ Вѣнѣ, и что произведенія его были приняты довольно лестно какъ въ его сторонѣ, такъ и за границею.

«Несмотря на то, онъ долженъ былъ бороться со всякаго рода затрудненіями, и донынѣ не успѣлъ составить себѣ такого положенія, которое позволило бы ему, какъ онъ желаетъ, посвящать себя исключительно искусству, развивать свой талантъ, стараться довести его до той степени совершенства, къ которой долженъ стремиться каждый истинный художникъ, и обезпечить себѣ независимую будущность.

«Такъ какъ руководителями нижеподписавшагося въ жизни были не денежныя выгоды, а польза искусства, стремленіе гешія къ идеалу, то онъ не разъ былъ принужденъ принести въ жертву своему искусству барышъ и денежную выгоду. Какъ бы то ни было, творенія его стяжали ему за границею славу, которая служила ему ручательствомъ, что онъ во многихъ большихъ городахъ будетъ принятъ съ радостью и найдетъ пристойное, сообразное его дарованію содержаніе.

«Однако же нижеподписавшійся долженъ сознаться, что долгое время, проведенное имъ здѣсь, благорасположеніе къ нему всѣхъ классовъ общества, желаніе оправдать надежды, которыя онъ имѣлъ счастье подавать, и наконецъ, онъ скажетъ смѣло, вѣщная любовь къ родицѣ, заставляють его предпочесть эту столицу всякому другому мѣстопребыванію.

«Поэтому, прежде чѣмъ рѣшиться оставить любезный ему городъ, онъ считаетъ обязанностью прибѣгнуть къ предложенію, которое изволилъ ему внушить князь Лобковницъ. По словамъ его свѣтлости, дирекція вѣснскихъ театровъ готова ангажировать нижеподписавшагося, на пристойныхъ условіяхъ, къ управляемымъ ей театрамъ и обезпечить ему честное и благопріятное для служенія его искусству существованіе. Такъ какъ эти виды дирекціи вполне согласны съ желаніями нижеподписавшагося, то онъ

обязывается убедиться се о готовности своей принять такое предложение и представить на ее рассмотрение свои условия.

1) Онъ обязуется написать по крайней мѣрѣ одну большую оперу каждый годъ, которой сюжетъ онъ выберетъ вѣдѣть съ дирекціей; за что проситъ по 2,400 гульденовъ въ годъ жалованья и сбора третьяго представленія.

2) Онъ обязуется поставлать ежегодно безвозмездно оперетку или дивертиссементъ, хоры или пьесы на торжественные случаи, смотря по надобности и требованію дирекціи; онъ надѣется, что дирекція не откажется дать ему за то ежегодный концертъ на двоихъ въ театровъ.

«Когда разсудить, сколько времени и труда требуетъ сочиненіе большой оперы, и что оно не допускаетъ другаго занятія; когда принять также въ уваженіе, что въ другихъ мѣстахъ авторъ или его семейство получаютъ часть сбору съ каждаго представленія его пьесы, и что успѣхъ одного произведенія можетъ обогатить его; когда обратить, наконецъ, вниманіе на настоящій денежный курсъ въ Вѣнѣ и на то, что по дороговизнѣ предметовъ первой потребности, положеніе артиста въ Вѣнѣ тягостивѣе чѣмъ гдѣ-либо, и что притомъ ему открытъ путь за границу, — тогда требованія эти ни сколько не покажутся неумѣренными.

«Впрочемъ, приметъ ли дирекція эти условія, или нѣтъ, нижеподписавшійся проситъ о позволеніи ему дать концертъ на двоихъ изъ театровъ. Въ случаѣ принятія его предложенія, все время и силы его должны быть посвящены на сочиненіе оперы, и онъ не можетъ предпринимать ни какой другой работы для добыванія денегъ. Если же дирекція не приметъ предложенія, то какъ какъ дарованный ему въ прошломъ году концертъ по разнымъ обстоятельствамъ не состоялся, нижеподписавшійся сочтетъ исполненіе даннаго ему обѣщанія новымъ свидѣтельствомъ благодарнаго расположенія, которымъ онъ пользовался донынѣ. Ему желательно было бы, чтобъ въ первомъ случаѣ концертъ былъ назначенъ въ день Благовѣщенія Святыя Богородицы, а въ послѣднемъ случаѣ — во время праздниковъ Рождества Христова.

«Людвигъ фонъ-Бетговенъ.»

Предложеніе Бетговена не было принято — неизвестно почему, а музыкальный мѣръ утратилъ нѣсколько лишнихъ образцовыхъ произведеній. Въ 1809 году, Бетговенъ, беззаботясь о своей будущности, рѣшился занять мѣсто капельмейстера въ Касселѣ, которое предлагалъ ему король вестфальскій; но эрцгерцогъ Ру-

долеть, князь Лебеницъ и князь Кинский воспротивились этому и дали ему пожизненную ежегодную пенсию въ четыре тысячи гульденовъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ не оставилъ Австріи. Боготворецъ свято хранилъ это условіе; но, къ несчастію, шократомъ были по тѣмъ коправны, и онъ недолго получалъ назначенную ему пенсію сполна.

— Леопольдъ Мейеръ, возвратившись изъ Сѣверной Америки, прѣехалъ на родину свою, въ Вѣну, и даетъ концерты съ огромнымъ успѣхомъ; изъ Вѣны онъ думаетъ ѣхать, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ Парижъ, а оттуда въ Лондонъ.

— Въ Вѣнѣ даетъ также концерты знаменитый виолончельствъ Сервъ. Это лучшее опроверженіе слуховъ, распространенныхъ въ некоторыя журналы о его смерти.

— Представленія «Силезскаго лагеря», Мейербергера, прекратившіяся послѣ отъѣзду изъ Вѣны Женни Ландъ, теперь возобновляются; мѣсто знаменитой шведской пѣвицы занимаетъ Жюли Лутцеръ-Дингельштедтъ, теперешній кумиръ Вѣны; басовую роль по-прежнему занимаетъ Штаудигль.

— Седьмого января умеръ въ Вѣнѣ молодой талантливый композиторъ Фердинандъ Фюксъ, авторъ оперы «Гутенбергъ», которую съ большимъ успѣхомъ даютъ на нѣсколькихъ театрахъ Германіи; онъ ученикъ тамошней консерваторіи. Между прочими сочиненіями, онъ оставилъ совершенно оконченную оперу «Саламанкскій студентъ».

— Францъ Лакверъ, котораго опера «Катерина Корнаро» шла недавно огромный успѣхъ на дармштадтскомъ театрѣ, получилъ отъ великаго герцога гессенскаго ордень Филиппа-Великодушнаго.

— Въ Гамбургѣ ждутъ въ скоромъ времени Эреста на обратномъ пути изъ Копенгагена.

— Другой извѣстный скрипачъ, Францъ Прюмъ, даетъ концерты во Франкфуртѣ на Майнѣ и довольно кривится публикѣ; но журналы судятъ его довольно строго; говорятъ, что онъ не сдержалъ того, что обѣщалъ при первомъ своемъ появленіи; что тонъ у него слабый, игра безхарактерна, сочиненія ничтожны; одно только сочиненіе его нѣсколько выходитъ изъ повседневныхъ формъ концертнаго стила и инструментовки: это послѣдній его концертъ E-dur.

— Гессожа Вярдо-Гарсія, окончивъ свои представленія въ Гамбургѣ, гдѣ она съ огромнымъ успѣхомъ явилась въ «Се-

института церковнаго, въ «Гугенотскѣ» и въ «Норвѣ», привѣ- жды изъ Берлина. Для первыхъ дебютовъ она явилась въ репер- тоарѣ въ «Жидовѣ», Галеевѣ, и въ «Нотгенѣ», Глукѣ. Гер- манцы признали свою любимицу еще съ большимъ восторгомъ чѣмъ въ прошломъ году.

— Третьяго февраля, въ день рожденія покойнаго Мендельсо- на-Бартольди, было трогательное торжество въ берлинской ака- деміи пѣнія; концертъ состоялъ изъ нѣсколькихъ хоровъ Генде- ля, Себастьяна Ваха и изъ Мендельсона «Павла». Известная въ свое время пѣвица, госпожа Брунъ, прекрасно исполнила нѣ- сколько релігіозныхъ гимновъ, несмотря на то, что она давно отказалась отъ пѣнія въ публикѣ вслѣдствіе потери голоса.

— Другой не менѣе благодѣтельный концертъ былъ данъ въ залѣ театра въ пользу бѣдныхъ. Программа его состояла изъ прекраснаго хора Лѣве; гимна Мендельсона, спѣтаго госпожою Марксъ; аріи Генделя, спѣтой госпожою Виардо-Гарсією; аріи Шпора, спѣтой Краузонъ; пѣсни Мейербера «Монахъ», спѣтой Беттихеронъ; молитвы изъ «Моисея» и нѣсколькихъ испанскихъ пѣсней, прекрасно исполненныхъ госпожою Виардо.

— Берлинскій живописецъ Генсель, мужъ покойной Фани Генсель, сестры Мендельсона-Бартольди, заказалъ граверу Ман- делю портретъ ея съ портрета, писаннаго имъ самимъ незадолго до ея смерти; онъ также факсимилировалъ послѣднее ея сочиненіе; но, къ сожалѣнію, и то и другое назначено для однихъ дру- зей, а въ продажу не поступить.

— Послѣдняя опера дрезденскаго капельмейстера Рейсигера, «Кораблекрушеніе Медузы», поставлена на веймарской сценѣ, подъ управленіемъ самого композитора. Каждый нумеръ, начи- ная съ увертюры, былъ покрытъ рукоплесканіями; по окончаніи композиторъ вызванъ; это бываетъ очень рѣдко у хладнокров- ныхъ Веймарцевъ. Герцогъ подарилъ Рейсигеру золотую таба- керку съ брилліантовымъ вензелемъ.

— Лейпцигъ наконецъ услышалъ Мендельсона «Илію», ко- торый уже давно ставился, но не былъ исполненъ по случаю внезапной смерти композитора. Исполненіе его было новымъ ве- чальнымъ торжествомъ въ память покойнаго, и для того было выбрано третье февраля, день его рожденія. Дивный хоръ церкви Святаго Фомы и множество любителей пожелали участвовать въ немъ, такъ, что число исполнителей, пѣвцовъ и музыкантовъ, доходило слѣдственно до трехъ сотъ человѣкъ. Трудную партію

Нали посылалъ Беръ, вѣнецъ, выкупающій много недостатковъ прелестью голоса и чувствомъ. Исполненію было вообще такъ хорошо, какъ едва ли гдѣ удавалось слышать «Низю». Известно, что Лейцигъ вторая родина Мендельсона, и что большая часть участвовавшихъ въ этомъ концертѣ обязана ему частью своего музыкальнаго образованія.

— Сестры Неруда даютъ концерты въ Дрезденѣ, который въ восторгѣ отъ ихъ таланта.

— На мюнхенскомъ театрѣ поставлена шуточная оперетка Моцарта, «Театральный директоръ», написанная имъ въ 1786 году, по желанію императора Юзефа, для состязанія двухъ любимицъ вѣнской публички, свояченицы Моцарта Лапгъ и сибяры Каваліери. Шейдеръ подновилъ текстъ и вставилъ вѣскольکو сценъ, въ которыхъ являютя Моцартъ и Шиканедеръ. Эта шутка принята, какъ слѣдуетъ принимать все, что вышло изъ-подъ гениальнаго пера Моцарта.

— Женя Линдъ продолжаетъ очаровывать своихъ соотечественниковъ въ особенности въ шведской комедіи «Лапландка», въ которую для нея вставлено вѣскольکو шведскихъ напѣвовъ. Учитель ея, Мануель Гарсія, получилъ отъ шведскаго короля орденъ Густава-Вазы.

— Носится слухъ, довольно похожій на пухъ, будто Россіи намѣренъ заключить свое поприще передѣлкою Моцартовой «Свадьбы Фигаро»: такого святотатства трудно ожидать отъ творца «Севильскаго цирюльника».

— Фанни Черрито и мужъ ея, Сень-Леонъ, дебютировали въ Венеціи, на театрѣ Фениче, въ какомъ-то новомъ балетѣ. Для нихъ же ставится еще другой новый балетъ, подъ названіемъ: «Тартиви»; уже изъ самаго названія можно догадаться, что Сень-Леонъ долженъ тутъ явиться не только въ качествѣ танцора, но и скрипача.

— Итальянская опера въ Гаванѣ все въ прежнемъ положеніи: Сивори охрипъ болѣе чѣмъ когда-либо; синьора Тедеско возбуждаетъ такіе неистовые восторги, что полиція, заботясь о безопасности актеровъ, принуждена была запретить бросаніе вѣнковъ; недавно, въ «Нормѣ», какой-то сахароваръ, пріѣхавшій въ столицу на вѣскольکو дней, въ порывѣ энтузіазма, бросалъ на сцену такіе огромные букеты, что едва не раздавилъ главнаго жреца.

— Передъ вами лежитъ цѣлая книга новыхъ сочиненій для фор-

еще, которые такъ и просятся представиться читателю. Къ сожалѣнью не все достойны этой чести; какъ обыкновенно водворя, между ними прокрались кой-какіе неискренніе подражатели, считающіе себя за гениальныхъ головъ, кой-какіе герои пальцевъ, воображающіе что они постоны и великіе немесситоры, на самомъ одностороннемъ учителя, по мѣрѣ которыхъ въ вѣкомъ нѣтъ спасенія кромѣ ихъ бѣдной логикою методы. Мы же положили себя за правило, никогда не говорить читателямъ о плохомъ и посредственномъ, а представлять одно истинно хорошее и достойное. Такъ какъ мы всегда строго отдѣляли то, что годится для начинающихъ и слабыхъ пианистовъ, отъ шестъ, требующихъ большого развитія, то и теперь сохранимъ этотъ порядокъ и начнемъ съ первыхъ:

C. T. Brunner, *Trois petits rondeaux sur des motifs favoris*, op. 107. Leipzig, au bureau de musique de C. F. Peters.

Первое изъ этихъ рондо, вошедъ за небольшимъ вступленіемъ *a-dur*, представляетъ два извѣстѣйшіе мотива изъ Беллиниевой «Нормы», связанные между собою коротенькими, но плавными и миленькими пассажами. Второе, на мотивъ изъ «Цаммы» представляетъ болѣе самостоятельное развитіе; однакоже и въ немъ нѣтъ другихъ трудностей, кромѣ гаммъ и логикихъ арпеджій; партія лѣвой руки обработана гораздо значительнѣе и самостоятельнѣе, чѣмъ въ первомъ. Третье рондо, на мотивъ Беллиниева Торивата Таоса, не только даетъ постоянное занятіе лѣвой руки, но и въ правой представляетъ пассажи терцами и другими двойными ходами, которые могутъ служить очень полезнымъ упражненіемъ для начинающихъ. Все три рондо, которые предлагаются и отдѣльно, написаны именно для начинающихъ.

Нѣсколько потрудивъ предъидущихъ слѣдующимъ два сочиненія Фр. Гунтена.

Rondeau sur un thème de l'opéra: Le bouquet de l'infante, op. 152 Leipzig, ch. Peters.

Bolero sur l'opéra: Ne touches pas à la reine, op. 150, Leipzig, ch. Breitkopf et Haertel.

Рондо начинается граціознымъ вступленіемъ *a-dur*, за которымъ слѣдуетъ веселый, танцевальный мотивъ, и посредствомъ очень плавныхъ пассажей и переходовъ обращается въ хорошенькую, живую пьеску. Болеро могло бы назваться и вальсомъ; оно идетъ съ начала до конца въ ровномъ танцевальномъ ритмѣ; но чтобы оно могло произвести эффектъ, при исполненіи

мало (иногда строго) наблюдать себя отбивки игры. Въ этомъ отноше-
нии объ немъ можно сказать очень полезнымъ управ-
лениемъ.

Для болѣе успѣшнѣе пѣшеходовъ, для танцъ, шпрингъ; во-
первыхъ уже короче разучили двѣ или три тетрадки этихъ Кра-
дера, Герца или Бергана, самый плодотворный изъ «ортепедическихъ»
композиторовъ, Карлъ Черни, написалъ презабитательное и про-
двигавшее сочиненіе, которое очевидно имѣетъ цѣлю ввести
ученика въ серьезный, истинно музыкальный элементъ; цѣль эта
тѣмъ болѣе заслуживаетъ благодарности, что ею до нынѣ слич-
нымъ жертвуютъ желанію вышшаго блеску. Это сочиненіе за-
нимается

Fleurs mélodiques, 12 pièces de différens caractères, op. 791, Hambourg, ch. Czanz. 2. cah.

Эти мелодическія пѣтлы не только будутъ очень полезны для
успѣховъ играющаго, но доставятъ даже музыкальное наслажде-
ніе. Главное условіе ихъ — изящность, изящество игры и выра-
женіе; авторъ очень ловко воспользовался въ нихъ манерою игры
и выраженіемъ новой школы.

Талантливый гамбургскій композиторъ господинъ Бердизъ так-
же написалъ нѣсколько хорошихъ пѣсь на русскія народ-
ныя пѣсни.

*Deux fantaisies sur des airs russes favoris, op. 9. Pétersbourg, chez
A. Büttner, rue relative de Nevsky, maison de l'église St. Pierre.*

Первая изъ этихъ фантазій заключаетъ десять нѣвѣстныхъ рус-
скихъ пѣсень, между прочимъ «Красный сарафанъ», «Тройку», и
«Солнышко», Варламова. Вторая заключаетъ въ себя пятьдесятъ
нѣвѣстныхъ мелодій, которыя перемѣняются и связываются то
легкими вариациями, то дружными простыми пассажами. Въ мага-
зинѣ Бютнера явилась такая же фантазія того же сочинителя
(op. 8) на четыре руки; въ ней также нѣсколько прелестнѣе на-
шихъ народныхъ мелодій соединены въ хорошенькую пѣсню, ко-
торая не менѣе заслуживаетъ вниманія читателей.

Теперь перейдемъ къ хорошимъ пѣшеходамъ, и прежде всего
обратимъ нѣтъ вниманіе на нѣсколько новыхъ сочиненій нашего
соотечественника, поселившагося въ Германію, Карла Мейера.

*Troisième carrière en forme de valse, op. 87. Hambourg, ch.
Schuberth.*

Талантъ Мейера преимущественно состоитъ въ удивительномъ
умѣньи усвоивать себѣ образъ выраженія и музыкальную форму

другихъ композиторовъ. Собственною творческою силой у него нѣтъ, но онъ съ тонкимъ, образованнымъ вкусомъ схватываетъ прекрасное, тѣ его встрѣчаетъ, и передаетъ въ своихъ сочиненіяхъ въ новыхъ оборотахъ и новыхъ выраженіяхъ, нередко лучше самаго подлинника. Поэтому сочиненія его, хотя некогда проживаютъ въ исторіи искусства, но, удовлетворяя требованіямъ своего времени, всегда будутъ встрѣчать лестный приѣмъ. Въ прежнихъ своихъ этюдахъ и каприччіо, имѣвшихъ такой блестящій успѣхъ, онъ подражалъ сочиненіямъ того же рода Тальберга и Шопена; настоящій каприччіо написано также въ Шопеновомъ родѣ, съ разнообразными хроматическими аккордами и прелестными мелодіями на богатой, колыкающей гармоніи.

Trois caprices en forme d'études, op. 92. Brunswick, ch. Meyer.

Étude mélancolique, op. 97. Leipzig, ch. Kistner.

Première valse brillante variée, op. 94. Brunswick, ch. Meyer.

Объ этихъ пьесахъ можно сказать то же, что о предыдущей. Три каприччіо писаны въ Тальберговомъ родѣ. Первое изъ нихъ, a-moll, пьеса полная огня и страсти, съ богатыми модуляциями, представляетъ полезную и блестящую этюду для стаккато. Второе, a-dur, совершенно противоположно первому. Средній голосъ поетъ живую мелодію, между-тѣмъ какъ басъ аккомпанируетъ короткія аккордами, а дишкаатъ въ то же время выдѣлываетъ ровную, скорую фигуру. Наконецъ третье, b-dur, чувствительный ноктурно, въ медленномъ темпѣ; первое условіе его — отдѣлать звучій верхній голосъ. Étude mélancolique, полная чувства элегіи въ мрачномъ тонѣ cis-moll, съ триолими въ аккомпаниментѣ. Это очень полезная пьеса для упражненія лѣвой руки въ вѣрномъ схватываніи далекихъ нотъ. Прекрасный эффектъ производитъ эта прекрасная, живая пьеса на звучномъ органѣ Беккера. Valse brillante — совершенно въ Тальберговомъ родѣ, жива, благозвучна, блестяща, безъ особенныхъ трудностей, и съ надлежащею приправою хроматическихъ аккордовъ эффектѣвъ.

Moscheles. Souvenirs de Jenny Lind. Fantaisie brillante sur des airs suédois. Op. 114.

Слова шведскаго соловья обратила общее вниманіе на прекраснѣе пѣнья ея родины. Въ народныхъ пѣсняхъ сѣверной Европы хранится кладъ, который еще долго не будетъ исчерпанъ искусствомъ. Вспомните, какія прекрасныя пьесы Ботговеизъ создалъ изъ шотландскихъ пѣсень. Мошелесъ собралъ четыре скандинавскіе пѣнъя, шведскій, норвежскій, готландскій и далекороссійскій,

продѣлалъ къ нимъ характерное вступленіе въ видѣ факта, конецъ въ формѣ танцевальнаго рондео, соединилъ замысловатыми переходами различныя по тону и характеру мелодіи, и составилъ цѣлое, которое, разумѣется терлетъ половину своей дѣлности для насъ, неслышавшихъ знаменитой художницы, но которое тѣмъ не менѣе представляетъ занимательную пьеску.

Alkan. 25 Préludes, op. 31, 3 cah. Berlin, Schlesinger.

Эти прелюдіи одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній послѣдшаго времени; они не имѣютъ цѣлью не способствовать дѣйствительнымъ успѣхамъ пианиста въ механизмѣ музыки, ни восхищать публику; это истинно музыкальныя пьесы, мечты, и изданія одного художника, который не гоняется ни за рукоприкладскими толпы, ни за одобреніемъ сверстниковъ, а несколько предается вдохновенію, и живетъ для искусства; поэтому онъ доставляетъ истинное удовольствіе артисту и мыслящему любителю. Слишкомъ долго было бы разбирать всѣ двадцать пять пьесъ заключающихся въ этихъ первыхъ тетрадяхъ; обратимъ только особенное вниманіе читателя на № 1, который своими прѣстными и оригинальными модуляціями, въ особенности переходомъ изъ a-dur въ c-dur въ послѣднихъ двухъ тактахъ напоминаетъ лучшія мѣота Шуберта; на № 6, Chant de la synagogue съ презысловатымъ аккомпаниментомъ въ аккордахъ; на легкой, воздушной, оригинальной № 7; на № 12 съ motto, «J'étois endormie, et mon soeur veillait»; онъ полонъ глубокой поэзіи; на № 13, прелестную мегію h-moll, которую только портитъ нѣсколько причудливое вступленіе h-dur; на № 15 Rêve d'amour; № 8, романса, и № 25, étude. Альканъ обладаетъ истиннымъ оригинальнымъ талантомъ, отъ котораго можно ожидать очень многого, съ тѣмъ поръ какъ онъ бросилъ прежнюю свою причудливую манеру и обратился къ истинно прекрасному.

Извѣстный пианистъ Дрейшокъ также написалъ нѣсколько новыхъ пьесъ. Одна умная дама, которой нижеподписавшійся одинъ утромъ игралъ нѣкоторые изъ нихъ, замѣтила, что въ музыкѣ Дрейшока гораздо болѣе шуму тѣмъ бы слѣдовало по ихъ содержанію, и что поэтому ихъ не должно играть утромъ, когда человѣкъ еще не насыщенъ музыкою. Тѣмъ изъ читателей, которые захотятъ играть ихъ вечеромъ, рекомендуемъ: Морсеи caractéristique, op. 45; Rhapsodie, op. 46; и богатую мелодію и не трудную Napolitana, op. 48.

Наконецъ представимъ благосклоннымъ читателямъ очарователь-

ное сочиненіе, которое они непременно полюбятъ. Chopin, trois valse, op. 64. Leipzig, chez Breitkopf et Haertel. Это не обыкновенные, блестящіе вальсы, а три прелестныя пьески, полныя мелодіи и мысли, которыя случайно вылились въ формѣ вальсовъ, а могли бы точно такъ же назваться пѣснями безъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ такъ пѣвучи, что мы нисколько бы не удивились, еслибы услышали ихъ когда-нибудь, въ особенности прелестный № 3, cis-moll, въ устахъ госпожи Вiардò, съ испанскими или португальскими словами, какъ уже бывало съ другими сочиненіями Шопена.

Въ магазинѣ Бютнера явилась Dernière pensée de Mendelsohn. Мы отчасти сомнѣваемся въ подлинности этой пьесы; во всякомъ случаѣ однакоже, она ловкою рукою поддѣлана подъ манеру Мендельсона (сколько можно ее перенять), и потому заслуживаетъ вниманія пианистовъ. Гораздо несомнѣннѣе Мендельсону принадлежатъ Kinderstücke (*Шесть пьесъ для дѣтей*), которыя изданы Брейткопфомъ и Гертелемъ въ Лейпцигѣ.

Когда умираетъ великій композиторъ, послѣднія его сочиненія имѣютъ двойную для насъ цѣну. Они являются будто послѣдними узамъ, привязывавшими его къ жизни, послѣднимъ прощаніемъ, которое отходящій оставляетъ своимъ друзьямъ. Нерѣдко замѣчаемъ мы даже въ этихъ сочиненіяхъ рѣшительное отреченіе отъ прежнихъ его формъ, и образа чувства, высокое стремленіе, которое дѣлается намъ ощутительнымъ и объясняется только его смертію. Такъ напримѣръ въ сочиненіяхъ Бетговена, въ его послѣднихъ квартетахъ, большой мессъ, и въ особенности въ девятой симфоніи, композиторъ въ глазахъ нашихъ будто летитъ на небо, такъ, что смерть есть почти необходимое слѣдствіе ихъ, потому что земная музыка послѣ такихъ твореній уже не можетъ представить ничего болѣе возвышеннаго. Въ послѣднихъ рѣчахъ умирающаго часто замѣчаемъ мы откровеніе загробной жизни; въ нихъ чувствуешь переходъ души въ вѣчность. Гёте, для свѣтлаго ума котораго почти не было болѣе тайнъ на землѣ, умеръ со словами: «mehr Licht!» (больше свѣту!) Онъ чувствовалъ, что скоро перенесется въ міръ непогрѣшимаго свѣту. Шиллеръ, котораго вѣчная душа испытала всевозможныя борьбы, въ стремленіи своемъ къ идеалу, отлетѣлъ съ радостнымъ восклицаніемъ: «Теперь мнѣ хорошо!»

Композиторъ, который говоритъ языкомъ музыки, къ сожалѣнію не можетъ оставить намъ послѣднихъ мелодій, съ которыми

душа его вознесется на небо. Еслибы это было возможно, какіе небесные звуки оставили бы намъ, умирая, Палестрина, Гайднъ, Моцартъ, Бетговенъ! Тогда каждый композиторъ долженъ бы желать смерти, потому что только въ часъ смерти раздавалась бы единственная, истинная, божественная музыка, свидѣтельство истиннаго, святаго призванія его души. И какъ часто все, написанное музыкантомъ при жизни, являлось бы тутъ одною ложью! какъ блѣдны были бы всѣ его остальные произведенія! Никто бы не сталъ слушать другой музыки, кромѣ этой предсмертной; вся музыка стала бы чѣмъ-то инымъ, болѣе высокимъ и болѣе достойнымъ своего начала; она была бы такъ далека отъ того, чему мы теперь поклоняемся подъ именемъ музыки, что еслибы это чудо могло совершиться теперь, вдругъ, большая часть нашей теперешней музыки обратилась бы въ ничто. Впрочемъ для многихъ это было бы горестно; можетъ быть мы и должны радоваться, что композиторы наши могутъ оставлять намъ только то, что они создали, пока у нихъ доставало силы держать перо и чертить земныя ноты.

Kinderstücke, по выставленному на нихъ числу (ор. 72), суть послѣднія сочиненія Мендельсона, и явились даже по смерти его. Но въ самомъ дѣлѣ они написаны уже два года назадъ. Онъ назначалъ ихъ въ рождественскій подарокъ дѣтямъ на 1846 годъ; но вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ онъ принужденъ былъ отложить изданіе ихъ до слѣдующей зимы, до которой ему не суждено было дожить. Мендельсонъ написалъ эти дѣтскія пьесы для своей дочери, и онѣ дѣйствительно принаражены къ способностямъ юныхъ пианистовъ, хотя могутъ доставить удовольствіе и другимъ. Онѣ написаны въ формѣ и духѣ пьесъ безъ словъ, которыми Мендельсонъ стяжалъ такую огромную славу; но онѣ только миниатюрныя картинки противъ тѣхъ великихъ произведеній; это плодъ добровольнаго отъсѣченія могучаго гениа, который изъ родительской любви соглашается наложить на себя непривычныя оковы. Изъ названія «дѣтскихъ пьесъ» не должно заключать, что это пьесы въ родѣ пьесъ Гюитена, Герца и прочихъ поставщиковъ такого товара. Дѣтскія пьесы Мендельсона назначаются для юныхъ учениковъ, которыхъ образованіе направлено къ серьезной цѣли, въ которыхъ съ самаго начала старались развить чистый, истинно художественный вкусъ, и которые уже совершили первые шаги на этомъ пути. Каждый дѣльный учитель безъ дальнѣйшихъ соображеній ухватится за эти сочиненія.

оним; но мы рекомендуемъ ихъ и каждому, кто любитъ простую, полную прекрасной мысли музыку; они непременно доставятъ ему удовольствіе. Если въ дѣтскихъ пьесахъ нѣтъ и намѣка на таинственное освобожденіе духа отъ земныхъ оковъ, и на предчувствіе смерти, то это разительнымъ образомъ высказывается въ послѣдней тетрадкѣ Мендельсоновыхъ пѣсень, въ особенности въ ночной пѣсни, на слова Эйхендорфа. Советуемъ всѣмъ любителямъ нѣмецкаго пѣнія не оставить этой тетрадки безъ вниманія.

Для любителей танцевъ назовемъ: польки Валлерштейна *Souvenir de Paris*, *Souvenir du premier amour*, *Polka Mobile*; кадрили и мазурку Лядова на темы изъ *Gemma di Vergy*.

В. ДАНКЕ.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауара и Ко, Коммиссіонера Императорской Библиотеки на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петляя, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

♦ ФРАНЦУЗСКІЯ

COLLECTION DES MANUELS-RORET FORMANT UNE ENCYCLOPÉDIE DES SCIENCES ET DES ARTS.

(Format in-18).

	В. С.
MANUEL DU CHARRON ET CARROSSIER, ou l'art de fabriquer toutes sortes de voitures, par M. Lebrun. 2 vol. ornés de planches	1 70.
CHASSELAS, sa culture à Fontainebleau, par un vigneron des environs. 1 vol. avec figures.	— 50.
CHASSEUR, contenant un traité sur toute espèce de chasse, par MM. Boyard et de Mersan. 1 vol. avec figures et musique.	— 85.

- MANUEL CHAUFOURNIER**, contenant l'art de calciner la pierre à chaux et à plâtre, de composer les mortiers, les ciments, etc., par M. Biston. 1 vol. avec figures. — 85
- **CHENINS DE FER**, ou principes généraux de l'art de les construire, par M. Biot, l'un des gérants des travaux d'exécution du chemin de fer de Saint-Etienne. 1 vol. orné de fig. — 85
- **CHIMIE AGRICOLE**, par MM. Davy et Vergnaud. 1 vol. orné de figures. 1 —
- **CHIMIE AMUSANTE**, ou nouvelles récréations chimiques, par M. Vergnaud, 1 vol. orné de figures. — 85
- **DE CHIMIE INORGANIQUE ET ORGANIQUE** dans l'état actuel de la science, par M. Vergnaud. 1 gros volume orné de figures. 1 —
- **CHIMIQUES** (Fabricants de produits), ou formules et procédés usuels relatifs aux matières que la chimie fournit aux arts industriels et à la médecine, par M. Thillaye, exchef des travaux chimiques de l'ancienne fabrique Vauquelin. 3 vol. ornés de planches. 3 —
- **CIDRE ET POIRÉ** (Fabricant de), avec les moyens d'imiter, avec le suc de pomme ou de poire, le vin de raisin, l'eau-de-vie et le vinaigre de vin, par M. Dubief. 1 volume avec figures. — 75
- **COIFFEUR**, précédé de l'art de se coiffer soi-même, par M. Villaret. 1 joli vol. orné de figures. — 75
- **COLORISTE**, contenant le mélange et l'emploi des couleurs, ainsi que les différents travaux de l'éclaircissement, par MM. Perrot, Blanchard et Thillaye. 1 vol. — 75
- **COMPAGNIE** (Bonne), ou guide de la politesse et de la bienséance, par madame Celnart. 1 vol. — 75
- **CONSTRUCTIONS RUSTIQUES**, ou guide pour les constructions rurales, par E. de Fontenay. 1 vol. orné de figures. — 85
- **CONTRE-POISONS**, ou Traitement des Individus empoisonnés, asphyxiés, noyés ou mordus, par M. H. Chaussier, D.-M. 1 vol. — 75
- **CONTRIBUTIONS DIRECTES**, à l'usage des contribuables, des receveurs, etc., par M. Deloncle, ex-contrôleur. 1 vol. — 75
- **CORDIER**, contenant la culture des plantes textiles, l'extraction de la filasse, et la fabrication de toutes sortes de cordes, par M. Boitard. 1 vol. orné de fig. — 75
- **CORRESPONDANCE COMMERCIALE**, contenant les termes de commerce, les modèles et formules épistolaires et de comptabilité, etc., par MM. Rees-Lestienne et Trémery. 1 vol. — 75

ANUEL COUPE DES PIERRES , par M. Toussaint, architecte. 1 vol. avec Atlas.	1 25
COUTELIER , ou l'art de faire tous les ouvrages de coutellerie, par M. LANDRIN, ingénieur civil. 1 vol.	1 —
DES CRUSTACÉS (Histoire naturelle des), comprenant leur description et leurs Mœurs, par MM. Bosc et Desmarest, 2 vol. ornés de planches.	1 70
ATLAS POUR LES CRUSTACÉS , 18 planches. Figures noires.	— 85
figures coloriées.	1 70
MANUEL DU CUISINIER ET CUISINIÈRE , à l'usage de la ville et de la campagne, par M. Cardelli. 1 gros volume de 464 pages, orné de figures.	— 75
CULTIVATEUR FORESTIER , contenant l'art de cultiver en forêts tous les Arbres indigènes et exotiques, par M. Boitard. 2 volumes.	1 45
CULTIVATEUR FRANÇAIS , ou l'art de bien cultiver les terres et d'en retirer un grand profit, par M. Thiobaut de Berneaud. 2 vol. ornés de figures.	1 45
DAMES , ou l'art de l'élégance, par madame Celnart. 1 vol.	— 85
DANSE , comprenant la théorie, la pratique et l'histoire de cet art, par MM. Blais et Vergnaud. 1 gros vol. orné de planches,	1 —
DEMOISELLES , ou arts et métiers qui leur conviennent, tels que couture, broderie, etc., par madame Celnart. 1 vol. orné de planches	— 85
DESSINATEUR , ou traité complet du dessin, par M. Boutereau. 1 vol. avec Atlas de 20 pl.	1 —
DISTILLATEUR ET LIQUORISTE , par M. Lebeau et M. Julia de Fontenelle. 1 vol. de 559 pages, orné de figures.	1 —
DOMESTIQUES , ou l'art de former de bons serviteurs, par madame Celnart. 1 vol.	— 75
D'ORURE ET ARGENTURE electro-chimiques, par M. de Valenciennes. 1 vol.	— 50
ÉCOLES PRIMAIRES, MOYENNES ET NORMALES , ou guide des instituteurs et institutrices, par M. Matter. 1 vol.	— 75
ÉCONOMIE DOMESTIQUE , contenant toutes les recettes les plus simples et les plus efficaces, par madame Celnart. 1 vol,	— 75
ÉCONOMIE POLITIQUE , par M. J. Pautet, 1 vol.	— 75
ÉLECTRICITÉ , contenant les instructions pour établir les paratonnerres et les paragrètes, par M. Riffault. 1 vol.	— 75

	R. C.
MANUEL DE L'ENVOIEMENT ET DU TIRRE. par M. Bivet. 1 vol.	1 —
— ENTOMOLOGIE, ou histoire naturelle des insectes et des myriapodes, par M. Boitard. 3 vol. in-8.	— 3
ATLAS D'ENTOMOLOGIE, composé de 110 planches représentant les insectes décrits dans l'ouvrage ci-dessus. Figures noires	4 85
Figures coloriées.	9 70
MANUEL DU EPISTOLAIRE (Style), par M. Biscarrat et madame la comtesse d'Hautpoul. 1 vol.	— 75
— EQUITATION, à l'usage des deux sexes, par M. Verghaud. 1 vol. orné de figures.	— 80
— ESCALIERS EN BOIS (Construction des), ou manipulation et pesage des escaliers ayant une ou plusieurs rampes, par C. Bontérens. 1 vol. et Atlas.	1 45

ВЪ ЖЕЦКІЯ.

(Въ книжныхъ магазинахъ Шмидорова, на Невскомъ проспектѣ, на углу Большой Морской, въ домѣ Чаплина, а въ Третьей Мѣшанской въ домѣ Миронова).

(Цѣны на серебро.)

	R. C.
ALBUM, Hamburgisches. Erinnerungen an Hamburg. Eine Sammlung interessanter Ansichten von Hamburg und dessen Umgebungen. quer gr. 4. Hamburg, eleg. geb.	6 80
BUCH, das goldene, oder der ökonomische Hausschatz. gr. 8. 1—5a Hest. Leipzig, geh. à	— 20
BRENTANO Clemens. Märchen. Zum Besten der Armeu nach dem letzten Willen des Verf. herausgeb. von Guido Görres. 2 Bde. gr. 8. Stuttgart. geh.	8 30
ELSKER J. G. Die rationelle Schafzucht. Ein Handbuch für Landwirthe, Schafzüchter etc. 8. Leipzig. geh.	2 20
ESQUIVOS Alph. Paris oder die Wissenschaften öffentlicher Anstalten und die Sitten im 19. Jahrhundert. 2 Bde. gr. 8. Stuttgart. geh.	3 —

LAUREN Dr. W. Die landwirthschaftlichen Geräthe und Maschinen Englands. Mit mehr als 600 Abbildungen. 1—7 Lief. gr. 8. Braunschweig. geh. jede Lief.	— 67
LANDEBUCHE für angehende Landwirthe. 2te Aufl. 1 — 5 Lief. gr. 8. Leipzig. geh. à	— 67
HAUBER Dr. F. X. Die Landwirthschaftslehre in ihrem ganzen Umfange nach den Anforderungen und Erkenntnissen der letztverflossenen 100 Jahre; mit wissenschaftlicher Strenge dargestellt. 2 Bde. mit vielen Abbildungen. gr. 8. Wien. geh.	12 —
MÜLLER Dr. J. F. Handbuch der Veterinair - Ophthalmologie für Thierärzte. Mit zahlreichen Abbildungen. 1—5 Lieferung. gr. 8. Braunschweig. à	— 80
RECHBINDER Nic. Graf. Der Liebesrank. Romant. Drama in 5 Acten. 16. Reval. geb.	— 50
RUBENS Fd. Die Landwirthschaft. Lehrbuch für Ackerbauschulen und strebende Landwirthe. gr. 8. Leipzig, geh.	1 20
SCHREIBER Dr. Th. Lehrbuch der Metallurgie mit besonderer Hinsicht auf chemische und physikalische Principien. 1—6 Lief. mit vielen Abbildungen. gr. 8. Braunschweig. geb. à	— 67
SCHOMBURGK Rich. Reisen in Britisch - Guiana in den Jahren 1840—44. Im Auftrage Sr. Maj. des Königs von Preussen. Nebst einer Fauna und Flora, nebst Abbildungen und einer Karte von Br.-Guiana, aufgenommen von Sir R. Schomburgk. 1r Bd. Lex. 8. Leipzig. gebunden. Preis für beide Theile	18 —
SCHRÖTTER Prof. A. Die Chemie dargestellt nach ihrem gegenwärtigen Zustande mit besonderer Berücksichtigung ihrer technischen und analytischen Theile. Mit vielen Abbild. 1 - 5 Hest. gr. 8. Wien. geh. à	1 20
SCHUBERT Dr. Ferd. Handbuch der Forstchemie. Mit 127 Abbild. 1s Hest. gr. 8. Leipzig. geh.	— 75
SEITZ Dr. Fr. Der Typhus, vorzüglich nach seinem Vorkommen in Baiern geschildert. gr. 8. Erlangen.	2 20
STUDER B. Lehrbuch der physicalischen Geographie und Geologie. Mit vielen Abbildungen. 2r Bd. gr. 8. Bern. geh.	5 25
VOIGT C. Physiologische Briefe für Gebildete aller Stände. gr. 8. Stuttgart. geh.	3 60
WALTHER Prof. v. System der Chirurgie. 3r Bd. (Augenheilkunde). gr. 8. Freiburg. geh.	3 15
(Preis des 1sten und 2ten Bandes.)	5 25

- WITTSTEIN Dr. G. C.** Vollständiges etymolog. chemisches Handwörterbuch mit Berücksichtigung der Geschichte und Literatur der Chemie. 1-7 Lief. gr. 8. München, geh. à 1 15
- ZIMMERMANN Dr. G.** Ueber die Analyse des Blutes und die pathol. Kreislaulehren. etc. gr. 8. Berlin, geh. 2 40

PPAKTISCHE LEHRBÜCHER der gemeinnützigen Wissenschaften zur Selbstbelehrung und Fortbildung für alle Stände.

- ASTRONOMIE**, von Dr. M. Stern. 8. 2te Aufl. Stuttgart. — 85
- MINERALOGIE** von Geh. Rh. Leonhard. 8. Ebd. — 65
- GEOLOGIE und GEOGNOSIE**, von demselben. 8. Ebd. selbst.
- ERDRUNDE**, illustrierte, von Prof. F. W. Hoffmann. 8. Ebd. 1 20
- POPULAIRE ANATOMIE und PHYSIOLOGIE des MENSCHEN** von Dr. Clitzmann. Mit Abbild. 8. Ebd. — 85
- MCHANIK und MASCHINENKUNDE** von Prof. Holzmann. 8. Ebd. — 75
- CHEMIE. UNORGANISCHE**, von Prof. Walchner. 2 Bde. 8. Ebd.

АНГЛІЙСКІЯ.

COLLECTION OF BRITISH AUTHORS, Tauchnitz edition the following volumes have been printed à 65 cop.

- AINSWORTH**: Windsor Castle 1 vol. — Saint James's 1 vol. — Jack Sheppard (w. portr.) 1 vol.
- BLESSINGTON (Lady)**: Meredith 1 vol. — Strathern 2 vols. — Memoirs of a Femme de Chambre 1 vol. — Marmaduke Herbert 2 vols.
- BOZ (Dickens)**: The Pickwick Club (w. portr.) 2 vols. — American Notes 1 vol. — Oliver Twist 1 vol. — Nicholas Nickleby 2 vols. — Sketches 1 vol. — Martin Chuzzlewit 2 vols. — A Christmas Carol; the Chimes; the Cricket 1 vol. — Master Humphrey's Clock 3 vols. — Pictures from Italy 1 vol. — The Battle of Life, only 8 Newgr. — Dombey and Son vol. 1. et 2.

- BULWER:** Pelham (w. port.) 1 vol. — Eugene Aram 1 vol. — Paul Clifford 1 vol. — Zanoni 1 vol. — The last days of Pompeii 1 vol. — The Disowned 1 vol. — Ernest Maltravers 1 vol. — Alice 1 vol. — Eva and the Pilgrims of the Rhine 1 vol. — Devereux 1 vol. — Godolphin and Falkland 1 vol. — Rienzi 1 vol. — Night and Morning 1 vol. — The last of the Barons 2 vols. — Athens 2 vols. — The Poems of Schiller 1 vol. — Confessions of a Water-Patient, only 4 Ngr. — Lucretia 2 vols. — A Word to the Public, only 4 Newgr.
- BURNS:** The poetical works (w. portrait) 1 vol.
- BYRON:** The Works (w. portrait) compl. in 5 vols.
- COOPER:** The Spy (w. portr.) 1 vol. — The two Admirals 1 vol. — The Jack O'Lantern 1 vol.
- DISRAELI:** Conigsby 1 vol. — Sybil 1 vol. — Contarini Fleming (w. p.) 1 vol. — Alroy 1 vol. — Tancred 2 vols.
- ROTHEN:** A narrative from the East 1 vol.
- FIELDING:** Tom Jones 2 vol.
- DE FOE:** Robinson Crusoe 1 vol.
- FULLERTON (Lady):** Ellen Middleton 1 vol. — Grantley Manor 2 vols.
- GOLDSMITH:** The select works 1 vol. Contents: The Vicar of Wakefield; Poems; Dramas.
- GORE (Mrs.):** Castles in the Air 1 vol.
- IRVING:** The Sketch Book (w. portr.) 1 vol.
- JAMES:** Morley Ernstein (w. portr.) 1 vol. — Forest days 1 vol. — The False Heir 1 vol. — Arabella Stuart 1 vol. — Rose d'Albret 1 vol. — Arrah Neil 1 vol. — Agincourt 1 vol. — The Smuggler 1 vol. — The Step-Mother 2 vols. — Beauchamp 1 vol. — Heidelberg 1 vol. — The Gipsy 1 vol. Ehrenstein 1 vol. — Darnley 1 vol. — Russell 2 vol.
- LEVER:** The O'Donoghue 1 vol. — The Knight of Gwynne 3 vols.
- LEWIS:** Ranthorpe 1 vol.
- MARRYAT:** Jacob Faithful (w. portr.) 1 vol. — Peter Simple 1 vol. — Percival Keene 1 vol. — Japhet, in search of a Father 1 vol. — Monsieur Violet 1 vol. — The Settlers 1 vol. — The Mission 1 vol. — The Privateer's-Man 1 vol.
- MOORE:** The Poetical works (w. portr.) in 5 vols.
- MORLARTY:** Selections from British Authors 1 vol.
- OSSIAN:** The poems 1 vol.
- W. SCOTT:** Waverley (w. portr.) 1 vol. — The Antiquary 1 vol. — Ivanhoe 1 vol. — Kenilworth 1 vol. — Quentin Durward 1 vol.

— Old Mortality 1 vol. — Guy Mannering 1 vol. — Rob Roy
1 vol. — The Pirate 1 vol. — The Fortunes of Nigel 1 vol.

SHAKESPEARE: The plays and poems (w. notes.) compl. in 7 vols.

SMOLLETT: Roderick Random 1 vol. — Humphry Clinker 1 vol.

SMITH: Gulliver's Travels 1 vol.

WALKER: Diary of a late Physician 2 vols. — Ten Thousand a-Year
3 vols.

A Woman and its Consequences 1 vol.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бергарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Мор-
ской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро.)

Оперы для фортепiano и пѣнія.

(Полныя изданія въ маломъ форматѣ)

ADAM. Le chalet (Швейцарская хижина) (4 r.).

BELLINI. I Capuletti ed i Montecchi (4 r. 29 c.). Norma (4 r. 29 c.).
Il Pirata (4 r. 29 c.). I Puritani (4 r. 29 c.). La Sonnambula
(4 r. 29 c.). La Straniera (4 r. 29 c.).

DONIZETTI. Anna Bolena (4 r. 29 c.). L'élisire d'amore (4 r. 29 c.).
La Favorite (5 r. 72 c.). La figlia del regimento (4 r. 29 c.) Il
furioso (4 r. 29 c.). Gemma di Vergy (4 r. 29 c.). Linda di Chamounix
(4 r. 29 c.). Maria di Rohan (4 r. 29 c.). I martiri (4 r.
29 c.). Don Pasquale (5 r.).

HALEVY. Les mousquetaires de la Reine (7 r.).

MERCADANTE. La Vestale (4 r. 29 c.).

MEYERBEER. Il crociato in Egitto (5 r. 72 c.).

NICOLAI. Il Templario (5 r. 72 c.).

PACINI. Fidanzata Corsa (5 r.).

ROSSINI. Il barbiere di Siviglia (4 r. 29 c.). La cenerentola (4 r. 29
c.). La donna del Lago (4 r. 29 c.). La gazza ladra (6 r.). L'ita-
liana in Algieri (4 r. 29 c.). Mosé in Egitto (4 r. 29 c.). Otello
(4 r. 29 c.). Semiramide (5 r.). Le siège de Corinthe (6 r.).
Tancredi (4 r. 29 c.). Il Turco in Italia (4 r. 29 c.).

SCHUBERT. Quarante mélodies pour chant et piano (4 r. 29 c.).

VERDI. Atila (5 r.). I due Foscari (5 r.). I Lombardi alla prima crociata (5 r.). Nabucodonosor (5 r.).

Оперы для фортепiano въ двѣ руки.

(Полныя изданія въ маломъ форматѣ.)

AUBER. Fra Diavolo (2 r. 85 c.). La muette de Portici (Fenella) (2 r. 85 c.).

BALFE. Les quatre fils d'Haymon (3 r.).

BELLINI. I Montecchi ed i Capuletti (3 r.). Norma (3 r.). Il Pirata (3 r.). La Sonnambula (3 r.). La Straniera (2 r. 85 c.).

CIMAROSA. Il matrimonio segreto (3 r.).

DONIZETTI. Anna Bolena (4 r.). L'élisire d'amore (3 r.). Lucia di Lammermoor (3 r.).

HEROLD. Zampa (2 r. 85 c.). **HUHLAU.** Lulu (3 r.).

MEHUL. Joseph (2 r. 29 c.). **PAER.** Sargine (3 r.).

MOZART. Così fan tutte (2 r. 85 c.). Don Juan (2 r. 85 c.). L'enlèvement au Sérail (2 r.). Figaro (2 r. 85 c.). La jardinière (2 r. 85 c.). Idomeno (2 r. 29 c.). Titus (2 r.). Die Zauberflöte (La flûte magique) (2 r. 29 c.).

— Въ семь оперъ въ переплетѣ, съ портретомъ Моцарта (новое изданіе) (11 r. 50 c.).

ROSSINI. Il barbiere di Siviglia (2 r.). Cenerentola (3 r.). La donna del Lago (2 r. 85 c.). La gazza ladra (2 r. 85 c.). Mosé in Egitto (2 r. 85 c.). Otello (2 r. 85 c.). Lo siège de Corinthe (3 r.). Tancred (2 r. 85 c.).

Оперы для фортепiano въ четыре руки.

(Полныя изданія въ маломъ форматѣ.)

AUBER. La muette de Portici (Fenella) (5 r. 15 c.).

BELLINI. Norma (5 r. 15 c.). La Sonnambula (5 r. 15 c.).

DONIZETTI. Lucia di Lammermoor (5 r. 15 c.).

HEROLD. Zampa, ou la fiancée de marbre (4 r. 29 c.).

MOZART. Così fan tutte (5 r. 15 c.). Don Juan (5 r. 72 c.). L'enlèvement, au Sérail (5 r. 15 c.). Figaro (5 r. 72 c.). La flûte magique (5 r. 15 c.). Titus (5 r. 15 c.).

ROSSINI. Il barbiere di Siviglia (5 r. 15 c.).

BOIELDIEU. La dame blanche (5 r. 15 c.).

Оперы для фортепiano съ даяъ руки.

(Полныя изданія въ большомъ форматѣ.)

- AUBER. *La sirène* (6 r.). DAVID. *Le désert* (3 r. 43 c.).
 BALFE. *Les quatre fils d'Haymon* (6 r. 85 c.). *Die Zigeunerin* (*La bohémienne*) (6 r. 85 c.).
 BELLINI. *I Puritani* (4 r. 58 c.).
 DONIZETTI. *Bellisario* (7 r. 72 c.). *La favorite* (6 r. 25 c.).
 ——— *La fille du regiment* (*Дочь полка*) (5 r. 72 c.). *Linda di Chamounix* (8 r. 58 c.). *Maria di Rohan* (6 r. 85 c.). *Marino Faliero* (7 r. 72 c.).
 FLOTOW. *Alessandro Stradella* (6 r.). *Les marinières* (6 r. 85 c.).
 HALEVY. *Les mousquetaires de la Reine* (5 r. 15 c.).
 HANDEL. *Timotheus. Grosse Cantate* (3 r. 43 c.). *Samson. Oratorium* (3 r. 43 c.).
 HAYDN. *Les sept paroles* (2 r. 85 c.). *La création* (4 r. 29 c.). *Les saisons* (*Die Jahreszeiten*) (8 r.).
 MENDELSSOHN-BARTHOLDY. *Lobgesang. Eine Symphonie Cantate* (5 r. 15 c.). *Sommernachtstraum* (4 r. 29 c.).
 MERCADANTE. *Giuramento* (7 r. 72 c.). *Orasi e Curiazi* (11 r. 15 c.).
 MEYERBEER. *Les Huguenots* (11 r. 15 c.).
 ——— *Robert le Diable* (11 r. 15 c.).
 ——— *Struensée* (5 r. 15 c.).
 NICOLAI. *Il templario* (7 r. 72 c.).
 ROSSINI. *Stabat Mater* (3 r. 43 c.).
 VERDI. *Attila* (9 r. 58 c.). *Aisira* (8 r. 58 c.). *Il Finto Stanislao* (8 r. 55 c.). *I due Foscari* (8 r. 58 c.). *Giovanna d'Arco* (8 r. 58 c.). *Macbeth* (11 r. 15 c.).

На дняхъ получены изъ Парижа альбомы французскихъ романсовъ на 1849 годъ, извѣстныхъ и любимыхъ авторовъ, а именно: Arnaud, Clapissou et Henrion. Каждый альбомъ содержитъ въ себѣ отъ десяти до двѣнадцати романсовъ, съ отлично гравированными виныетками и въ роскошныхъ переплетахъ. Цѣна каждому 6 руб. сер. съ пересылкою.

LES FLEURS. Second album des danses pour 1848. Contenu: № 1. Gungl. Polonoise. № 2. Lumbye. Seraphinen-Walzer. № 3.

Hillmann. Espérance-Quadrille. № 4. Kunze. Irenen-Galop. № 5. Kühner. Polka-Mazurka. № 6. Strauss. Schwedische Lieder. Walzer. № 7. Kazinsky. Heliogabal Festklänge. Quadrille. № 8. Gungl. Grazien-Polka. № 9. Lumbye. Ornithobolaia-Galop. №№ 10, 11. Bernard. Deux mazurkas. № 12. Börs. Gitana-Polka. Цѣна 3 руб. сереб.

ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА, собранныя и аранжированныя для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепiano, М. Бернардомъ. Въ четырехъ отдѣленіяхъ 135 пѣсень (6 руб.).

(Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублѣй серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублѣй, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла третья тетрадь «Нувеллиста», которая содержитъ въ себѣ: Schad. Divertissement sur l'opéra: Gemma di Vergy. — Bertini. Rondeau à la Polacca. — Prudent. Canzonetta. — Gramer. Chanson religieuse. — Döbler. La dansante. Valse brillante. — Strauss. Kathinka-Polka. — Lecarpentier. Bagatelle sur Guillaume Tell. — Duvernoy. Divertissement sur Oberon de Weber. — Гуршлевъ. Сердце. Романсъ. — Bougnol. Le curé de champagne. — **МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ**, № 3. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сереб.).

МОДЫ.

Время зимнихъ вечеровъ и великолѣпныхъ баловъ кончилось; свѣтскія красавицы не будутъ теперь заботиться о большихъ платьяхъ; газъ, кренъ, тюль розовый, голубой и палевый, замѣнятся матеріями другихъ цвѣтовъ и другаго качества. Переходъ отъ блеску и великолѣпія, отъ волненій, суеты, усталости и шуму баловъ и маскарадовъ къ удовольствіямъ и наслажденіямъ спокойнымъ, тихимъ, духовнымъ Великаго Поста, примѣтно отражается на дамскихъ нарядахъ и мы спѣшимъ извѣстить нашихъ прекрасныхъ читательницъ о новостяхъ, приготовляемыхъ для предстоящихъ собраний, утреннихъ и вечернихъ концертовъ.

Бархатныя платья будутъ, какъ кажется, въ большомъ уваженіи. Вотъ образцы, заслуживающіе особеннаго вниманія: черное бархатное платье; открытый, гладкій корсажъ съ небольшимъ открытымъ шнипомъ впереди; отъ половины всего корсажа къ шнипу, прикрѣплено на ровномъ разстояніи пять золотыхъ аграфовъ, соединяющихъ кружево, пришитое сзади, кругомъ вырѣза и впереди въ видѣ эпюлетъ къ шнипу; рукава полукороткіе, одна покрывающіе локоть, не сшитые, но обшиты отъ самой проймы кругомъ кружевомъ. Такимъ образомъ рукавъ остается открытъ и только скрѣпленъ двумя золотыми аграфами. Выше гладкіе бѣлыя атласныя рукавчики, не доходящіе до локтя. Юбка обшита очень широкимъ воланомъ чернаго кружева; второе кружево не шире четверти аршина, изъ-подъ шнипа расходясь и постепенно округляясь, по сторонамъ шнипа кругомъ надъ нижнимъ воланомъ. Платье темно-зеленаго бархату; корсажъ высокій, гладкій, убранный впереди темными, оправленными въ золото, аметистовыми пуговками. Часто, пришитые отъ вырѣза у горла къ шнипу, продолжаясь такимъ образомъ во всю длину юбки, они составляютъ ея украшеніе. Рукава гладкіе съ разрѣзными *josques*, обшитыми аграмантною тесмою, скрѣпленными такими же пуговками; небольшіе разрѣзные обшлага обшиты такою же тесмою, также скрѣплены маленькими аметистовыми пуговками; бѣлое кружево, выходя изъ-подъ рукава, спущено на кисть руки; вы-

сто воротничка кругомъ вѣрота пришито бѣлое кружево, отложенное на бѣлую атласную ленту съ граціознымъ бантомъ безъ концовъ. Платье бархатное лхонтоваго цвѣту: этотъ цвѣтъ въ бархатѣ очарователенъ; переливы его въ глубокихъ складкахъ чудесны. Несовершенно сивій, отливами, напоминаетъ фіолетовый, но чистый, ясный и пріятный для зрѣнія, составляетъ свой небесный цвѣтъ, который невольно обращаетъ вниманіе и заставляетъ при выборѣ предпочесть себя всѣмъ другимъ. Этотъ цвѣтъ въ послѣднее время въ большомъ употребленіи. Пора однако жъ возвратиться къ описанію бархатнаго платья лхонтоваго цвѣту, которое красотой своей, вѣроятно, заслужитъ одобреніе всѣхъ имѣющихъ изящный вкусъ и приведетъ въ восторгъ при появленіи во всякомъ блистательномъ собраніи; оно сдѣлано съ гладкой глухой спинкой; переднія полы корсажа, не сшитыя вмѣстѣ посрединѣ, отъ швовъ на плечахъ спускаются съ каждой стороны двумя глубокими складками и, соединяясь у шивпа, образуютъ вмѣстѣ четыре маленькія, но очень глубокія складки; въ промежуткѣ, обозначающемъ продолговатый треугольникъ, видѣнъ другой бѣлый атласный, совершенно высокій корсажъ, весь покрытый бѣлымъ кружевомъ въ легкихъ сборкахъ; у вырѣза шеи пришито бѣлое кружево; впереди небольшой, но искусно сложенный бантъ изъ бѣлыхъ атласныхъ лентъ съ небольшими концами. Рукава гладкіе, полукороткіе, окончивающіеся на половинѣ отъ локтя до кисти руки, не отрѣзаны, а сложенные изъ того же кустика двѣ узенькія, но глубокія складки, соотвѣтственно корсажу, составляютъ уборку рукавовъ. Внизу рукава кружевные, гладкіе, обшитые въ четыре ряда кружевомъ шириною въ три пальца. Гладкіе золотые браслеты, назначенные перехватить нижній рукавъ между каждыхъ двухъ рядовъ въ сборку нашитаго кружева, окончательно составляютъ прелесть этого изящнаго наряда.

Превосходны также платья изъ италіанской тафты. Цвѣта: лиловый шаuche, орѣховый, песочный, зеленый-яблочный, сѣро-желтый и голубой-васильковый предпочтительно въ употребленіи. Платья такого роду матерій по-большой-части дѣлаютъ съ закрытыми корсажами и гладкими длинными рукавами, но встрѣчаются также рукава, гладкіе сверху и чуть собранные на маленькія обшивки. Уборки на многихъ видахъ только впереди, а нѣкоторые убираются кругомъ воланами изъ чернаго кружева. Въ числѣ послѣднихъ достойно описанія платье изъ италіанской тафты васильковаго цвѣту, украшенное четырьмя широкими

волавами изъ чернаго кружева; корсажъ открытый, гладкій, съ круглымъ шнипомъ и совершенно гладкими короткими рукавами; черный кружевной спенсеръ, котораго подробное описаніе дано въ книжкѣ прошедшаго мѣсяца, назначенъ, замѣняя уборку корсажа и рукавовъ, дополнить, какъ необходимое условіе, красоту этого наряда. Платья сѣро-желѣзнаго цвѣту очень хороши, украшенныя впереди пуговицами бѣлыхъ бусъ средней величины; корсажъ высокій, драпированный отъ плечъ къ шнипу; рукава гладкіе, съ *jockeyes* и обшлагами, украшенныя такими же пуговицами. Кружевныхъ платковъ и шарфовъ нисколько не оставляютъ но черныя предпочитаются бѣлымъ.

=

хлороформъ и новый составъ того же свойства. Употребленіе хлороформу становится нынче всеобщимъ въ европейской хирургіи, въ медицинѣ и даже въ повивальномъ искусствѣ. Въ Парижѣ, въ Лондонѣ и въ Эдинбургѣ врачи принимаютъ его ко всѣмъ болямъ, и съ-тѣхъ-поръ какъ научились употреблять хлористую муравенну правильно, увѣряютъ, что изъ многихъ тысячъ случаевъ ни одного не было несчастнаго. Въ послѣднихъ английскихъ газетахъ находится одвакожъ извѣстіе о поступленіи въ судъ жалобы и коронерскомъ слѣдствіи, въ сѣверной Англии, по случаю смерти одной больной женщины, которой дали понюхать хлороформу и которая, послѣ того, не проснулась. Защитники хлористой муравенны оспариваютъ основательность жалобы: смерть могла произойти отъ другой причины; а впрочемъ, если бы и доказано было, что причиною ея хлороформъ, чего доказать невозможно, то всё-таки, говорятъ они, одно несчастіе въ числѣ тридцати или сорока тысячъ удачныхъ случаевъ, не можетъ и не должно устрашать никого: это значило бы — отказаться отъ ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ, потому что изъ нѣсколькихъ сотенъ милліоновъ пассажировъ втеченіи десяти лѣтъ пятьсотъ или шестьсотъ человекъ свернули себѣ шею, или не пили холодной воды, потому что нѣкоторые выпивъ стаканъ ея, упали мертвыми.

Докторъ Симпсонъ въ Эдинбургѣ, первый примѣнитель хлороформу къ патологіи, пишетъ, что онъ довель искусство употребленія этой жидкости до того, что нѣкоторые пациенты спали безвредно сномъ совершенно безчувственнымъ по *тринадцати* часамъ и болѣе. По его мнѣнію, нѣтъ предѣла безвредному сну, или омертвленію, въ которомъ можно поддержать живое существо посредствомъ хлороформу: при надлежащемъ смотрѣніи за спящимъ, онъ проспалъ бы нѣсколько лѣтъ безъ порчи, потому что кровь въ это время обращается правильно и содержитъ тѣло въ

совершенной свѣжести, а нераная система, находится въ волюнъ оцѣненіи не испытываетъ ни какого ущерба.

Возможность произвести сонъ продолжительный и безопасный дѣлаетъ хлороформъ средствомъ безцѣннымъ для повивальнаго искусства, и успѣхи получаемые съ нимъ теперь въ Англіи, во Франціи и Германіи на пользу облегченія родильницъ, дѣлаетъ энтузіазмъ хлороформистовъ совершенно понятнымъ. Извѣстно, что въ родахъ, почти всѣ несчастные случаи происходятъ отъ продолжительности мученій. Устранить страданіе значитъ — спасти жизнь матери.

Опыты съ хлороформомъ открыли въ немъ многія новыя свойства, полезныя для ремеслъ и искусствъ: оказывается, что эта жидкость — превосходное растворительное средство для каучука и разныхъ смолъ и камедей.

Въ нѣкоторыхъ фармацевтическихъ журналахъ извѣщаютъ, что одинъ норвежскій аптекарь открылъ въ сѣрниокисломъ углеродѣ всѣ драгоцѣнныя качества хлороформу. Сѣрниокислый углеродъ имѣетъ еще то преимущество, что приготовленіе его чрезвычайно легко и цѣна совершенно ничтожна. Его можно добывать изъ каменнаго угля.

Примѣненіемъ этихъ усыпительныхъ жидкостей нѣтъ счету. Однимъ изъ самыхъ важныхъ можетъ быть слѣдующее: во время приступовъ къ крѣпостямъ, стоитъ только сильно подуть изъ длинныхъ трубъ паромъ сѣрниокислаго углероду или хлороформу на нападающаго непріятеля, и цѣлыя колонны захрапѣтъ на мѣстѣ. Осажденнымъ останется только выйти, перевязать враговъ, и уложить спать въ крѣпости.

замѣчаніе о чумѣ. По дѣлу прилипчивости или неприлипчивости чумы, о которомъ столько спорять, весьма кстати замѣтить слѣдующее: чума распространяется всегда изъ Египта, а въ Египтѣ она появилась впервые въ 542 году по Рождествѣ Христовѣ, то есть, именно съ того времени, какъ въ этой землѣ, съ укорененіемъ христіанства, перестали балзамировать умершихъ, дѣлать муміи изъ людей и животныхъ, и начали зарывать ихъ въ землю. Сто лѣтъ спустя пришелъ мусульмане, которые почти не зарываютъ труповъ, а только прикрываютъ ихъ землею, и чума вскорѣ утвердилась тамъ на постоянное пребываніе. Въ Константинополѣ и въ Смирнѣ давно замѣчено, что чума развивается прежде всего въ окрестностяхъ кладбищъ. Геродотъ не говоритъ ни слова о чумѣ на берегахъ Нила, хотя онъ

весьма болтливо разсуждаетъ о болѣзняхъ и врачахъ страны: слѣдовательно, чумы въ древнемъ Египтѣ не было и ея не знали. Пыль, со времени пріятія египетскимъ пашею нѣкоторыхъ мѣръ въ отношеніи къ кладбищамъ и осушенію гниющихъ водъ, въ которыя бросали трупы животныхъ и всякую мерзость, о чумѣ почти не слышно. Если бы и теперь рѣшились тамъ всѣ трупы, человѣческіе и животныя, до преданія землѣ, погружать въ горячую смолу, *muia* называемую и которую природа, какъ бы нарочно, помѣстила тутъ же для спасенія жителей отъ заразы и потомъ хоронить ихъ, по прежнему, въ скалахъ, а не въ пескѣ, чума навѣрное исчезла бы совершенно. Но всякой разъ какъ въ этой сторонѣ и, вообще, въ Турціи, азіатской или европейской будетъ война, всякой разъ какъ трупы будутъ тамъ разлагаться свободно и въ большомъ количествѣ, чумныя заразы неизбежны. Всякая война въ Турціи, Сиріи, Египтѣ, Аравіи, сопровождается чумою. Сожиганіе и бальсмирование труповъ въ древнемъ мѣрѣ не были пустыми прихотями. Едва ли и оспа не получила начало свое изъ того же источника: появленіе ея, такъ же какъ и чумы, относится къ той эпохѣ, съ которой прекратилось сожиганіе и бальсмирование бранныхъ остатковъ въ жаркихъ странахъ нашего полушарія.

УБЫЛЬ МЕТАЛЛА НА РЕЛЬСАХЪ ПРИ ѲЗДѢ ПО ЖЕЛѢЗНЫМЪ ДОРОГАМЪ. Въ «Gallery of inventions», господинъ Томпсонъ пишетъ, что онъ имѣлъ случай взвѣшивать старыя чугунныя рельсы, прослужившія семнадцать лѣтъ на одной желѣзной дорогѣ, по которой ходило двѣсти тысячъ тоннъ тяжести втеченіе каждаго года, и нашелъ, что вѣсъ этихъ рельсовъ уменьшился цѣлымъ англійскимъ фунтомъ на каждый футъ. Это значитъ, что одно треніе колесъ сбавило вѣсу съ рельсовъ *сто-девяносто два пуда* на каждую версту. Убытку отъ ржавчины быть не могло, потому что рельсы, нагрѣваясь отъ быстрой Ѳзды и превращаясь въ магниты, не ржавѣютъ. Но эта утрата металла относится только къ чугуннымъ рельсамъ, вышедшимъ изъ употребленія. Желѣзные гораздо прочнѣе. Чѣмъ чище желѣзо, тѣмъ менѣе подвержено оно убыли отъ тренія.

АНАТАСТИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ. Здѣсь уже было говорено о чудесахъ этого изобрѣтенія, помощью котораго всякое писаніе, всякая книга, всякій эстампъ или рисунокъ, можно перенести на другую бумагу безъ поврежденія подлинника, и размножить въ

неограниченномъ числѣ экземпляровъ. Способъ, какъ известно, изобрѣтенъ въ Германіи и состоитъ въ употребленіи цинковыхъ досокъ, приготовленныхъ особеннымъ образомъ. Подлинникъ сперва прижимаютъ къ такой доскѣ, на которой онъ отпечатывается, и съ доски потомъ печатаютъ чистые оттиски по способу, похожему на литографическій. Пыльнѣйшій обладатель анатастического секрета, нѣкто Delamotte, соединился въ Лондонѣ съ однимъ англійскимъ литографомъ, и они открываютъ такъ новую промышленность. Господинъ Strickland пишетъ къ издателямъ журнала Athenaeum, что онъ, для испытанія, послалъ къ Деламотту рисунокъ, исполненный литографскимъ карандашомъ на хорошей рисовальной бумагѣ, неглаженной, и, часа черезъ два, получилъ обратно вмѣсто одного, два экземпляра этого рисунка, такъ совершенно схожія между собою, что онъ не могъ узнать, который изъ нихъ подлинникъ. Копія имѣетъ видъ отлично литографированнаго эстампа. Въ такомъ случаѣ литографія — искусство не нужное и, за ненадобностью, отибыается, когда можно рисовать прямо на бумагѣ литографскимъ карандашомъ и получать съ цинковой пластинки оттиски такіе же какъ камня, на которомъ вы принуждены мучительно копировать въ обратномъ видѣ подлинникъ, сдѣланный отдѣльно. Анатастическій прессъ такъ простъ и малъ, что стоитъ имени «карманнаго.» Каждый художникъ можетъ имѣть его у себя и дома и въ дорогѣ, чтобы, мгновенно, съ едва нарисованной картинки или со свѣжаго портрета оттиснуть нѣсколько чистыхъ экземпляровъ, не подверженныхъ уже порчѣ и не искаженныхъ гонимъ литографскаго кописта.

СТИРКА ВЪДЫ И ВЫЛЕНІЕ ПОЛОТЕНЪ ХОЛОДНЫМЪ ПУТЕМЪ.
Способъ господина Сандмена. Journal of sciences and arts и Mechanic's Magazine сообщаетъ публикѣ текстъ патента полученнаго въ Лондонѣ господиномъ Sandman'омъ на изобрѣтенный для химической стирки способъ стиранія и бѣленья, — второй изъ этихъ журналовъ съ замѣчаніемъ, что способъ этотъ кажется предназначеннымъ произвести въ промышленности и домашнемъ хозяйствѣ такой переворотъ, какое произвело введеніе чугуна и литого желѣза. Основаніемъ новому процессу служитъ особеннаго рода щелокъ, состоящій изъ известковаго молока, съ незначительной прибавкою хлористой извести и сѣрной кислоты, и то особенное свойство холодной воды, что чѣмъ холоднѣе она, тѣмъ болѣе поглощаетъ известн. Подробности производства будутъ по-

сѣщены въ другомъ отдѣленіи этого журнала. Достоинство заключается въ томъ, что стирка и бѣленіе по способу господина Сандмена необыкновенно дешевы, и что щелокъ его обладаетъ двойствомъ не только бѣлить въ превосходной степени, но и сохранять прочность ткани: нитка, послѣ операций, остается гораздо ярѣче, гибче и полновѣсѣе чѣмъ послѣ стирки помощью горячей воды, мыла и обыкновеннаго щелоку. Не только льняныя и конопляныя, но также бумажныя, шелковыя и другія ткани очищаются отъ загрязненія безъ ущерба краскамъ по тому же химическому процессу, который въ такихъ случаяхъ получаетъ разныя измѣненія.

СРЕДСТВО ИСПРАВЛЯТЬ КИСЛЫЯ СЛИВКИ. Не всякому, можетъ-статься, извѣстно, что кислыя сливки, если они еще не превратились въ сметану, могутъ быть *мгновенно* исправлены прибавкою къ нимъ самого ничтожнаго количества углекислой магнезій, которую продаютъ во всѣхъ аптекахъ за бездѣльную цѣну. Чайной ложечки (4 грановъ) углекислой магнезій достаточно на бутылку немного попортившихся сливокъ. Если кислота сильна, то можно употребить двѣ ложечки. Эта прибавка не измѣняетъ вкусу сливокъ.

Тотъ же процессъ прилагается и къ молоку, которое становится кислымъ.

Въ Англіи подмѣшиваютъ углекислую магнезію къ пшеничной мукъ, по два или по три грана на фунтъ муки, для того чтобы хлѣбъ не окислялся.

ГНѢЗДОСТРОЕНИЕ У РЫБЪ. По причинѣ свойства жидкости, въ которой живутъ рыбы, мы не замѣчаемъ многихъ доказательствъ ихъ способности къ соображенію. Однако хорошо извѣстно, что они предпринимаютъ дальнія переселенія, чтобы отыскивать мѣста удобныя для кладки яицъ. Въ этихъ путешествіяхъ лососи, на примѣръ, часто преодолеваютъ съ большимъ искусствомъ чрезвычайныя препятствія. Но нынѣшнимъ натуралистамъ предоставлено было подтвердить еще болѣе слѣды удивительнаго разсужденія у рыбъ, знакомые древнимъ, хотя новѣйшіе и считали ихъ баснословными. Мы говоримъ объ устройствѣ гнѣздъ для яицъ разными породами рыбъ. Этотъ фактъ замѣченъ господиномъ Каучомъ. Слѣдующее описаніе взято изъ его сочиненія: «On Instinct, a Lecture delivred before the Dublin Natural History Society, 1842.»

«У земныхъ животныхъ любовь къ своему потомству и смѣсь

соображенія съ инстинктомъ при ея развитіи — вещи очень обыкновенныя, но между рыбами ничего подобнаго не существуетъ. Величайшая ихъ заботливость состоитъ въ томъ, что они прячутъ икру на днѣ рѣки въ дырахъ, сдѣланныхъ ими же (извѣстный примѣръ этому даютъ лососи), или кладутъ ее въ мѣсто, подверженное вліянію свѣту и воздуху.

«Однако древніе натуралисты, Опіанъ и Аристотель, были совершенно другаго мнѣнія. Аристотель въ особенности увѣряетъ, вѣроятно, основываясь на разказахъ рыбаковъ, что нѣкоторыя рыбы строятъ гнѣзда и стерегутъ въ нихъ икру. Но новѣйшіе отвергли это извѣстіе отпа систематической естественной исторіи, какъ неосновательное. Только недавно стали говорить въ пользу соображенія у рыбъ. И удивительно, что порода рыбъ, у которыхъ оно замѣчено, намъ знакома и одно невниманіе могло быть причиною нашего незнанія.

«Первое подробное описаніе рыбныхъ гнѣздъ находится въ маленькомъ журналѣ «The Youth's Instructor» на 1834 годъ. Хотя ясно видно, что авторъ незнакомъ съ естественною исторіею, какъ съ наукою, однако его замѣчанія носятъ отпечатокъ истины. Тѣ, которые въ состояніи дѣлать наблюденія лучше, легко могутъ подтвердить ихъ, или признать ложными. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ тысячи колюшекъ жили въ большомъ корабельномъ докѣ на Темзѣ. Часто я по цѣлымъ часамъ забавлялся, наблюдая за ними. Между-тѣмъ какъ толпы рыбокъ играли на солнцѣ у берега, другія дѣятельно занимались постройкою гнѣздъ, если это можно назвать гнѣздами. Они состояли изъ маленькихъ кусочковъ соломы, или щепочекъ, такого же цвѣту, какъ и земля, на днѣ, на которое рыбки ихъ клали: такъ что почти невозможно было открыть гнѣзда не увидавши колюшекъ за работой, или незамѣтивши яицъ. Гнѣзда были не много больше четвертака и имѣли верхушку или крышку съ углубленіемъ величиною въ маленькій орѣхъ. Въ нихъ лежали яица. Отверстіе часто срывается подъ патасканными на него обломками; но это бываетъ не всегда. Я часто вынималъ гнѣзда и бросалъ рыбкамъ икру, и они тотчасъ же пожирали ее съ большою жадностью. Эти яица были величиною въ маковое зернышко и свѣтложелтаго цвѣту; но иногда я видѣлъ ихъ почти черными, какъ предполагаю оттого, что они близки были къ жизни. Я замѣтилъ, съ какимъ трудомъ рыбки перетаскивали, при устройствѣ гнѣздъ, матеріалы на мѣсто назначенія. Когда рыбка находилась на дюймѣ отъ гнѣзда, она вдругъ бросалась и вставляла крошечный обломокъ въ свое мѣ-

ств; потому она съ полнудуты придживала его. Когда я вынималъ гвѣздо, оно не рассыпалось, но имѣло связь точно кусокъ дерева.»

Слѣдующее очень замѣчательное описаніе строенія гвѣздъ у рыбъ было напечатано, какъ сообщенная статья сына автора, господина Кауча. (Mr. R. Q. Couch) корнуальскому институту и потомъ помѣщено въ «Zoologiste.» Какъ авторъ самъ привѣрялъ большую часть наблюденій сына, то можно положиться на ихъ исправность.

«Лѣтомъ 1842 и 1843 годовъ, я искалъ полиповъ и нечаянно нашелъ куски водоросля и обыкновенной коралины (*Corallina officinalis*), висѣвшіе на скалахъ грушеобразными массамъ. Примѣтивъ однажды, что эти массы были очень странно перевязаны тоненькою шелковидною ниточкою, я сталъ развязывать ихъ и внутри нашелъ комки прозрачныхъ янчекъ янтарнаго цвѣту величиною каждый комокъ въ одну десятую долю дюйма. Я тотчасъ рассмотрѣлъ ихъ въ увеличительное стекло, но не могъ разувать ихъ сущности. Однако я положилъ ихъ въ лоджачку и ежедневно перемѣнялъ морскую воду. Въ послѣдствіи оказалось, что это дѣти какихъ-нибудь рыбъ. Гвѣзда большею частью были разной величины, но рѣдко длиннѣе шести и шире четырехъ дюймовъ; они имѣли видъ грушъ и были составлены изъ водоросля, или изъ обыкновенной коралины, висящихъ на скалѣ. Тонкая, непрозрачная, бѣлая нитка связывала ихъ другъ съ другомъ, не отрывая отъ мѣста росту. Эта нитка чрезвычайно упруга и очень похожа видомъ и устройствомъ на шелкъ; она натянута на растеніяхъ и плотно связываетъ ихъ между собою до самыхъ янцъ, которые тамъ были положены прежде и совершенно скрыты. Шелковидная нитка проходитъ по всѣмъ направленіямъ на сквозь и вокругъ этой массы очень запутаннымъ образомъ. Сначала нитка находится въ полужидкомъ состояніи, но въ послѣдствіи крѣпнетъ и такъ тѣсно стягиваетъ и связываетъ вещества, изъ которыхъ состоитъ гвѣздо, что оно можетъ противустоять бурѣ и быть брошено безъ всякаго вреда. Въ серединѣ лежатъ янца, очень похожіе на лягушечій клекъ, находимый въ кававахъ.

«Нѣкоторыя гвѣзда построены въ лужахъ, остающихся послѣ морскаго отливу и, слѣдовательно, всегда погружены въ водѣ; другія бываютъ между чертами приливу и отливу и въ такомъ положеніи висятъ ежедневно нѣсколько часовъ сухими. Но ихъ всегда стерегутъ взрослые рыбы, какъ въ водѣ, такъ и въ об-

облачныхъ мѣстахъ. При одномъ случаѣ и вырощеніи трехъ недель каждый день по нѣскольку разъ приходилъ къ гнѣзду и всегда находилъ караульныхъ. Я часто обнажалъ лица, раздвѣрая часть гнѣзда, но какъ-скоро рыба это замѣчала, то тотчасъ дѣлательно приступала къ починкѣ. Тогда рыба стягивала ротъ краемъ отверстія и другія части, которыхъ перевязку я разорвалъ, и закладывала дыру до-тѣхъ-поръ, пока лица не были скрыты изъ виду. И какъ иногда нужна была большая сила, чтобы это сдѣлать, то рыба по самымъ глаза совала рыло въ гнѣздо и дергала назадъ доколѣ не сдѣлала своего дѣла. Завязши тамъ, она позволяла брать себя въ руки, но отражала всякое посягательство на гнѣздо и не оставляла своего пѣста покуда я тамъ оставался; а къ тѣмъ гнѣздамъ, которыя оставались на сухихъ мѣстахъ послѣ отливу, караульные всегда возвращались съ возвратною волною и не уходили далеко отъ гнѣзда пока отливъ снова не уносилъ ихъ.

АРХИТЕКТУРНАЯ СМЫСЛЕННОСТЬ РАКОВИНИННЫХЪ ЖИВОТНЫХЪ. Тотъ же самый писатель приводитъ многіе истинно удивительные примѣры соображенія у моллюсковъ, въ классѣ, стоящемъ уже весьма низко на лѣстницѣ созданій.

Аргонавтъ или корабликъ давно уже занимаетъ всѣхъ, благодаря интересному поэтическому преданію, которое рассказываетъ будто это животное плаваетъ по морю и будто ломкаяго раковина служитъ ему лодкою, двѣ перепончатыя ноги стоятъ и дѣйствуютъ какъ паруса, а другіе шесть ногъ употребляетъ онъ какъ весла. Хотя удостовѣрились въ баснословности этого разсказа, однако недавніе изслѣдованія въ истинной исторіи кораблика доказали, что моллюски заслуживаютъ столько же вниманія за ихъ ежедневный образъ жизни, сколько и за опроверженныя способности, которыя приписывали имъ поэты. Когда волны перекидываютъ красивую раковину, къ которой животное не приросло, она легко можетъ быть изломана по причинѣ чрезвычайной тонкости и хрупкости. И въ самомъ дѣлѣ, раковина часто ломается; въ такомъ случаѣ улитка тотчасъ принимаетъ члвнть попорченное мѣсто, накладывая на него раковинную массу изъ перепончатого мѣшечка. Это замѣтила госпожа Пауеръ въ мессинскомъ заливѣ, опустивъ въ море садокъ съ корабликами. Такимъ образомъ уничтожено сомнѣніе натуралистовъ: въ дѣйствительности ли раковинныя животныя сами строятъ свои оболочки; потому что раковины увеличиваются по возрасту животного.

Это видно также хорошо, какъ и способность кораблика чинить печально слоившуюся или нарочно пробитую раковину.

Раковина кораблика состоитъ изъ одной только спиральной пустоты, въ которой онъ весь можетъ спрятаться. Если животное, подросши, находитъ, что жилище слишкомъ мало, то оно можетъ какъ и другіе моллюски увеличить его, налѣпля на края раковиннаго вещества. Одна порода корабликовъ распространяетъ свою раковину очень сложнымъ способомъ. Снаружи перламутровый корабликъ нисколько не замѣчательнѣе простой садовой улитки; но при продольномъ разрѣзѣ видишь, что внутри находится множество комчатокъ съ раковиннымъ веществомъ, раздѣленныхъ перегородками. Вѣшнія комчатки больше прочихъ и здѣсь сидитъ животное, остальная же часть зданія пуста. Всѣ комчатки связаны съ перепончатою трубкою, которая входитъ въ отверстіе, находящееся около середины комчатокъ. Если надобно увеличить раковину по причинѣ росту тѣла, тогда животное не только надстроиваетъ края, но дѣлаетъ еще внутри подъ собою поперечную перегородку. Такимъ образомъ число перегородокъ въ раковинахъ перламутроваго кораблика соответствуетъ возрасту животного.

Не только высшіе разряды животныхъ этого класса строятъ въ своихъ жилищахъ перегородки, но и другіе низшіе моллюски, хотя и по другимъ причинамъ. Пестрый позвонокъ (*spondylus varius*), гребенчатая раковина, принадлежащая къ породѣ обыкновенныхъ устрицъ и похожая на нихъ, прикрѣпляется нижнею частью раковины къ чему-нибудь. Если животное выросло на повншемъ краю коралловаго рифа и не будучи въ состояніи уйти, находится въ опасности обрости кораллами или попадаетъ въ такое положеніе, что не можетъ двигаться, то оно выставляетъ свое жилище дальше впередъ, накладывая рядъ новыхъ слоевъ раковинной массы, такъ что дыхательные и пищеварительные органы позвоночника всегда находятся на одной чертѣ съ кораллами. Продольный разрѣзъ такихъ раковинъ показываетъ, что въ нихъ находятся иногда болѣе четырнадцати отдѣленій съ прочными и правильными стѣнками. Если простая устрица отъ недостатку въ пищѣ сжалась такъ, что не пополняетъ внутренней пустоты раковины, то и она дѣлаетъ позади себя перегородку.

Въ лучистыхъ животныхъ мы доходимъ до самыхъ низкихъ типовъ организаціи, и однако же находимъ явственныя слѣды созображенія.

Начиная съ разряда *echinodermata*, или лучистыхъ животныхъ съ оболочкою, покрытою иглами и шипками, мы находимъ между ними морскихъ звѣздъ (*asteridae*), которыхъ красота и правильность давно уже привлекаютъ вниманіе любителей естественной исторіи. Эта порода показываетъ много соображенія при выборѣ пищи и способѣ искать ее; она мѣняетъ также въ разные времена года свои привычки. На кончикахъ вычатыхъ рукъ ихъ находятся крошечныя красныя точки, имѣющія связь съ нервомъ руки и защищенные иголочками, которыя окружаютъ ее и могутъ быть сжаты и расширены по произволу животнаго. Эти точки принимали за органы зрѣнія. Предположеніе было подтверждено замѣчаніемъ, что морскія звѣзды знаютъ о присутствіи пищи, которая находится не очень далеко. При переходахъ съ одного мѣста на другое онѣ, кажется, избѣгаютъ препятствія; но по всемъ наблюденіямъ можно заключить, что они дѣйствуютъ при разныхъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, разсудительно.

Шероховики ходятъ сосальцами и иглами; морскія звѣзды употребляютъ для этого преимущественно сосальцы; морскіе ежи, *echinidae*, вмѣстѣ сосальцы и иглы. Профессоръ Форбъ говоритъ, что «многіе морскіе ежи, какъ они живутъ въ плотной оболочкѣ, хватаются сосальцами, и такимъ образомъ держатся на скалахъ.»

У всѣхъ шероховиковъ, снабженныхъ сосальцами, они служатъ не только для ходьбы.

Простой ежъ, или морское яйцо (*echinus sphaega*), повидимому, не имѣетъ ни какого чувства или возможности замѣчать предметы зрѣніемъ или слухомъ; онъ, однако, ходитъ по корзинѣ для ловли крабовъ, влѣзаетъ въ нее, опускается, поднимается къ приманкѣ и выбираетъ то, что всего больше нравится. Это почти разсужденіе.

Въ разрядѣ раковъ есть семейство крабовъ, называемымъ *raguridae*, или фалбарпистые крабы, которые имѣютъ только на клешняхъ обыкновенную известковую покрывку, между тѣмъ какъ грудь и желудокъ совсѣмъ голы, вмѣсто того чтобы быть одѣтыми твердою оболочкою, какъ у другихъ животныхъ этого разряда. Многіе такіе раки скрываютъ свою мягкую часть тѣла въ пустыхъ одностворчатыхъ раковинахъ, прикрѣпляются въ нихъ суставчикомъ, который имѣютъ назадъ, и только тогда разстаются съ такимъ гнѣздомъ, если слишкомъ уже выросли и нуждаются искать другаго домика. Есть родъ лучистыхъ животныхъ, которыя тою же также прячутся съ признаками разсужде-

ція, не замѣченными у раковъ. Вотъ какъ описываетъ господина Форбъ гнѣзда этихъ животныхъ, называемыхъ имъ shell-bearing Sipunculus (Sipunculus Bernhardus):

«Эта порода запоказаетъ въ песокъ, или углубленія скалъ, или, по обычаю этого страннаго животного, дѣлаетъ какъ фалбаристый крабъ пустую одностворчатую раковину своею квартирою. Однако, это животное не такъ перемѣнчиво какъ крабъ. Если оно разъ поселилось въ раковинѣ, то и остается въ немъ навсегда. Мы не знаемъ, кладетъ ли оно первоначально яйцо въ чужую раковину по своему соображенію, или яйцо бываетъ туда занесено водою, или отецъ отказывается избранное обиталище своему старшему потомку такъ, что образуется настоящая наследственная собственность. Это очень любопытно бы изслѣдовать и стоить вниманія. Однако животное, о которомъ мы говоримъ, не довольствуется квартирою, построенною предшественникомъ: оно прибавляетъ еще собственныя архитектурныя выдумки и закрываетъ входъ въ раковину песочною стѣнкою, оставляя въ серединѣ круглую дырочку, достаточно большую, чтобы просунуть сосокъ, который онъ далеко вытягиваетъ и съ большою ловкостью двигаетъ во все стороны.»

Эти подробности превосходно показываютъ заботливость о самосохраненіи въ этомъ несовершенномъ животномъ. Согласитесь, что если фалбаристый крабъ соображаетъ, избирая пустую раковину для прятанья своего мягкаго живота, тогда надобно признать, что та же самая причина заставляетъ и сипункула и кольца дѣйствовать такимъ образомъ.

Труды коралловыхъ полиповъ даютъ очень поразительный примѣръ соображенія. Медленно выказываются результаты совокупнаго усилія множества животныхъ, которыя по одиначкѣ очень слабы. При образованіи огромныхъ коралловыхъ рифовъ и острововъ, врожденное соображеніе заставляетъ этихъ животныхъ съ величайшею посильностью строятся прежде всего по вѣтру, то есть съ той стороны, которая болѣе другихъ подвержена напору волнъ. Другую сторону, менѣе опасную, они застраиваютъ послѣ. Ихъ работы всегда ограничиваются низшею чертою воды, подъ которою они уже не строятъ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ И ГРАММАТИЧЕСКІЯ НАВЛЮДЕНІЯ НАДЪ УМСТВЕННЫМЪ РАЗВИТІЕМЪ ГЛУХО-НАМЫХЪ СЛѢПЫХЪ. Человѣкъ, лишенный въ одно время слуху, голосу и зрѣнію, въ нравственномъ отношеніи ничѣмъ не разнится отъ устрицы. Это — про-

ѣтвое органическое вещество, приведенное въ жизнь. Душа въ себѣ есть, но она погружена во пракъ; поражена, такъ сказать, парализована. Она въ бездѣйствіи. Но когда искусство и терпѣніе находятъ средство возбудить въ такомъ существѣ даръ мысли и разсужденія, сколько поучительныхъ явленій для психологій и для фیزیологій должно тутъ предстать пытливому глазу наблюдателя! Развѣтвіе мысли въ здоровомъ ребенкѣ ускользаетъ отъ вниманія науки по причинѣ своей быстроты и тысячь неспримѣтныхъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ помимо наблюдателей на зрѣніе и слухъ маленькаго существа. Здѣсь, напротивъ, каждое обстоятельство должно пройти черезъ умъ учителя въ раскрывающійся умъ глухаго, нѣмого и слѣпата ученика; каждое можетъ быть опѣяено относительно къ своему дѣйствию и къ послѣдствіямъ этого дѣйствія. Мы извлечемъ изъ «Отчета о Лозанскомъ Приютѣ Слѣпыхъ Дѣтей» за 1846 годъ, изданнаго директоромъ этого заведенія, господиномъ Гирцелемъ, весьма занимательное мѣсто о воспитаніи одного такого юноши.

«Эдуардъ Мейстеръ, дитя очень бѣдныхъ родителей и рожденный въ деревнѣ, одиннадцати мѣсяцевъ отъ роду началъ лепетать *папа, мама*; но явилась оспа, онъ потерялъ слухъ и, слѣдовательно, даръ слова, сдѣлался глухо нѣмымъ. Онъ наслаждался еще зрѣніемъ и мало-по-малу научился объясняться знаками, свойственными этому роду калѣкамъ. Семь лѣтъ, по несчастному случаю, онъ ослѣпъ. Его двоюродный братъ, ровесникъ ему, сталъ играть ружьемъ, которое, по несчастью, было заряжено. Вдругъ выстрѣлъ раздался и весь зарядъ, на разстояніи трехъ или четырехъ шаговъ, попалъ глухо нѣмому въ лицо. Глаза лопнули. Матери не было дома; она прибѣжала уже черезъ двадцать-четыре часа потомъ. Несчастный мальчикъ узналъ ее и сталъ просить, чтобъ она не покидала его, прибавляя, что *теперь все ночь*. Перемена состоянія произвела временное разстройство въ его понятіи о послѣдовательности дня и ночи. Привыкнувъ прежде ложиться въ сумерки и вставать съ зарею, онъ теперь сталъ бодрствовать ночью и спать днемъ. Не ранѣе какъ черезъ шесть или семь недѣль онъ воротился къ старой своей привычкѣ. Воспоминаніе раздражало его и ему хотѣлось, чтобы двоюроднаго брата наказали смертью. Ему сказали, что тотъ уже похороненъ. Онъ потребовалъ, чтобъ его свели на кладбище и показали могилу. Мать ни въ чемъ не могла отказать несчастному ребенку и привела на свѣжую могилу. Тутъ онъ удовлетворилъ своему мщенію тѣмъ, что затопалъ еще слабыми ногами на не-

давно открытой землѣ. Черезъ годъ потомъ мать предоставила ему этого двоюроднаго брата. Эдуардъ узналъ его и затрепеталъ отъ радости. Нынче онъ неохотно говоритъ о причинѣ своей слѣпоты, а когда говорить, то на лицѣ выражается болѣе докормить судьбѣ нежели печаль. До составленія этой статьи я заставляю его самого, разсказать, какъ было дѣло. Онъ описалъ всѣ обстоятельства происшествія и показалъ, какъ велика тогда была голова у него голова. Послѣ минутной неподвижности, онъ описалъ, что и у него прежде были два глаза, и что очень пріятно видѣть. Тутъ онъ поблѣднѣлъ. Я прервалъ его воспоминанія и навелъ мысли на виновника несчастія; блѣдышка выразилъ удовольствіе, съ какимъ пожимаетъ брату руку. Стало быть, въ сердцѣ у него не осталось ни зла, ни мести.

До слѣпоты Эдуардъ проводилъ большую часть дня въ мастерской своего отца, столяра. Въ 1836, черезъ два года послѣ несчастія, ребенокъ былъ совершенно предоставленъ самому себѣ и занялся у матери нѣсколькими столярными инструментами, которые та отдала ему. Мало-по-малу онъ сталъ дѣлать разные простыя вещи, мышеловки, скамейки и тому подобное. Мать утверждаетъ, что его нисколько не учили и что онъ все дѣлалъ по воспоминанію. Впослѣдствіи, укрѣпившись въ силахъ, онъ отъ времени до времени ходилъ пилять дрова къ сосѣдямъ, которые за это кормили его. Онъ показавъ мнѣ свои руки, какъ онъ страдаетъ отъ этой работы, и мнѣ стало больно при мысли, что единственный органъ, какой еще остался у него для развитія, подрывается ради пропитанія.

Наконецъ, 10 іюня 1845, на девятнадцатомъ году отъ роду, Мейстеръ вступилъ воспитанникомъ въ наше заведеніе. Ему не трудно было привыкнуть къ новому мѣсту; черезъ нѣсколько дней онъ могъ уже одинъ обойти весь домъ. Характеръ глухонѣмого сильно преобладаетъ въ этомъ молодомъ челоѣкѣ; можно подумать даже, что онъ ни во что не ставитъ своей слѣпоты. Всѣ его движенія благородны и рѣшительны, тогда какъ движенія слѣпыхъ вообще пеловки и робки. Зрѣнію у него не осталось нисколько; слуху на правое ухо совершенно ничего нѣтъ; на лѣвое онъ смутно различаетъ очень сильный стукъ или пронзительный визгъ. Однако жъ я нѣсколько разъ пробовалъ разбивать хлопущи пилъ капсулы на ружейномъ замкѣ, въ двухъ шагахъ отъ него, на открытомъ воздухѣ, и онъ ничего не слышалъ. Осязаніе у него вѣрное, однако жъ огрубѣло подъ намозоленной работою кожей и не имѣетъ тонкости, какую обыкновенно замѣ-

знаніе у слѣпыхъ. Обояніе довольно тонко, однако жъ не представляеть ничего примѣчательнаго. Таковъ человекъ, котораго простонашимъ развитіемъ нашъ предстоитъ заняться.

Мать, учаясь свое дѣтя говорить, показываетъ ему предметъ и называетъ. Эта практическая метода одна только и возможна въ этомъ случаѣ. Подобнымъ же способомъ подлежало учить и нашего тѣхонѣваго слѣпаго. Мы употребили обыкновенный выпуклый алфавитъ; подвижность литеръ облегчила согласованіе слова съ предметомъ. Я далъ Эдуарду ошупать сначала ножевку (маленькую пилу или ножъ съ зубьями), потомъ слово *ножевка*, и водилъ его руку попеременно отъ предмета къ слову, отъ слова къ предмету. Разрознивъ потомъ литеры, я далъ Мейстеру уразумѣть, что для составленія этого слова вновь, нужно набрать или составить литеры въ известномъ порядкѣ. Когда онъ понялъ мое объясненіе, я отложилъ продолженіе урока до слѣдующаго дня. Онъ забылъ порядокъ буквъ, и это при первыхъ урокахъ случалось у него часто. Нужно было подвигаться очень медленно. Чтобы поддержать интересъ и вниманіе воспитанника, я взялъ другой алфавитъ, совершенно подобный первому, но только помельше, и показалъ, что нужно наблюдать форму буквъ, а не величину. Наконецъ мы дали ему четырехъ-гранныя палочки съ выпуклою буквою на одномъ концѣ, — совершенное подобіе типографскихъ литеръ, — и посредствомъ ихъ Мейстеръ выучился изображать слово *ножевка*. Слова, выпукло оттиснутыя на бумагѣ, въ свою очередь дали новую точку сравненія названія съ вещью. Но этого разнообразія недостаточно было для продолжительнаго поддержанія вниманія воспитанника; онъ утомился работой, которой цѣли не понималъ. На четвертый урокъ я подаль ему пилу и слово *пила*. Онъ ошупалъ то и другое съ лихорадочнымъ вниманіемъ и вдругъ лицо его просіяло. Онъ былъ почти вѣ себя отъ радости и показывалъ мнѣ, что эти буквы означаютъ пилу, а тѣ — ножевку. Это открытіе волновало его въ продолженіи нѣсколькихъ дней; онъ принялся за уроки съ удовольствіемъ и мало-по-малу началъ самъ спрашивать имена вещей, которыя его интересовали. Когда онъ узналъ ихъ нѣсколько, его заставили самого отыскивать буквы въ отдѣленіяхъ литернаго ящика. Примѣтивъ частое употребленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, онъ удержалъ въ памяти ихъ мѣста, и такимъ образомъ ознакомился съ порядкомъ алфавита. Тогда я научилъ его алфавиту на пальцахъ, по способу аббата де Л'Энѣ, и онъ скоро сталъ владѣть имъ съ легкостью. Часто онъ набиралъ буквы какъ понало и шутя спра-

шнѣль, не нашелъ ли названіе какого-нибудь предмета. До этого результату мы достигли въ три недѣли. Наблюденія, къ какимъ повелъ ученика эти простыя упражненія, были для него событіями, которыя произвели вліяніе и на нравственное его бытіе.

Урокамп Мейстеръ занимался только по часу и по два въ день, а остальное время шло на ручную работу. Онъ выразилъ желаніе научиться точить; мы сдѣлали опытъ и успѣхъ превзошелъ ожиданія. Быстрые успѣхи воспитанника повелъ меня къ вопросу, нельзя ли до известной степени возратить ему даръ слова? Тутъ надлежало открыть совершенно новую дорогу, и для первыхъ шаговъ нужно было преодолѣть большія трудности. Я принялся за дѣло въ концѣ іюня. Приложивъ одну руку Мейстера къ своей груди, я сталъ дуть ему на другую, потомъ давалъ ему шупать мое горло, между-тѣмъ какъ самъ произносилъ букву А, и побуждалъ его также выдыхать струю воздуха, чтобы произвестъ звукъ. Такимъ образомъ я получилъ первую гласную. Но тутъ представилось новое затрудненіе: воспитанникъ сталъ противиться этимъ опытамъ, объясняя знаками, что люди, которые не видятъ и не слышатъ, неспособны говорить, и что эти усилія утомляютъ его. Чтобы помочь горю, я обратился къ чувственности ученика, и средство удалось. Зная склонность Мейстера къ сигарамъ, я обѣщалъ ему дать ихъ вволю, если онъ будетъ послушенъ, и мы стали продолжать опыты, которые ему казались тѣмъ труднѣе, что онъ не видѣлъ въ нихъ никакой пользы. Когда я, въ нѣсколько приемовъ, привелъ его органъ голоса въ надлежащее положеніе, онъ сталъ довольно чисто произносить гласныя А и О. Но, продолжая, я встрѣтилъ препятствія, которыя сначала показались мнѣ непреодолимыми, потому что, въ продолженіи двухъ недѣль, всѣ попытки заставить ученика различить звукъ АІ отъ А и О не удалось, и я уже начиналъ думать, что понапрасну трачу время. Однако жъ, будучи твердо, убѣжденъ въ существованіи закона, который въ изученіи слова долженъ быть етолько же понятенъ осязанію, сколько движеніе губъ понятно зрѣнію, я принялся за новыя попытки, въ надеждѣ открыть его, и наконецъ открылъ! Наблюдая этотъ законъ-глухо-нѣмой немедленно произнесъ четыре гласныя. Чтобы ознакомиться съ способомъ, на которомъ основывается новая сторона развитія Мейстера, мы должны войти въ нѣкоторыя подробности.

Собственно въ природѣ звуку есть только одна гласная, А. Всѣ прочія не что иное какъ *повышенія* или *пониженія*. Звукъ,

или тѣтъ, поддѣжается въ одномъ направленіи отъ а къ у, имен-
но А, О, У, а въ другомъ направленіи, отъ а къ и повышается,
А, Э, И. Следовательно, по законамъ образованія звуку, въ че-
ловѣческомъ словѣ существуютъ два ряда гласныхъ, или те-
повъ, А, Э, И, и О, У, У (французское). Во французскомъ
языкѣ одинъ пзъ этихъ рядовъ гласныхъ — А, АІ, Е, І; другой —
О, ОУ, ЕУ, У. Если мы послѣдуемъ этому порядку отъ А и О,
то найдемъ, что языкъ въ первомъ случаѣ постепенно поднимает-
ся, во второмъ, наоборотъ, точно также опускается. Исключая
этой работы языка, между двумя рядами гласныхъ нѣтъ ли какой
разницы. Единственное различіе, примѣтное осязанію, обнару-
живается въ *движеніи губъ*. Для произношенія звуковъ порядка А,
АІ, Е, І они сохраняютъ свое естественное положеніе и сближа-
ются между собою по мѣрѣ восхожденія къ звуку І. Для произно-
шенія порядка звуковъ О, ОУ, ЕУ, У, губы принимаютъ форму
круга и сжимаются, выдвигаясь постепенно далѣе впередъ. Корот-
ко ихъ можно характеризовать такъ: образованіе гласныхъ *посред-*
ствомъ плоскаго сближенія губъ, и образованіе *посредствомъ*
трубковиднаго удлиненія губъ. Открывъ законъ, оставалось для
примененія только вооружиться терпѣніемъ и приискать способъ,
которымъ бы можно было сдѣлать его осязательнымъ. Я зака-
залъ четыре досечки, одна другой меньше, изъ которыхъ самая
большая соотвѣтствовала немножко преувеличенному отверстию
рта при произношеніи звука А; вторая, по меньше, изображала
звукъ АІ, и такъ далѣе. Потомъ я ставилъ эти досечки, начи-
ная съ первой, одну за другою ученику въ ротъ между зубами,
въ видѣ распорки, и заставлялъ произносить соотвѣтствующій
звукъ. Пособіемъ для произношенія звуковъ порядка О служили
четыре кольца, соотвѣтствующіе четыремъ степенямъ трубно-
виднаго отверстія рта, и употреблялись точно такъ же какъ дос-
ечки. По этому способу я тотчасъ же добылъ потребныя мнѣ
гласныя. Но чтобы произнести всѣ эти звуки безъ механическа-
го пособія, Мейстеру надлежало напередъ долго упражняться.
Переходъ отъ этихъ упражненій къ чтенію занималъ его тѣмъ,
что онъ въ буквѣ А узнавалъ форму досечки, а въ буквѣ О—
форму кольца, которые употреблялъ для произношенія этихъ
гласныхъ. Когда, напримѣръ нужно было произнести звукъ Е
или У, я указывалъ на АЗ или ОА, что значило, въ первомъ
случаѣ, что нужно расположить органы, какъ для произношенія
звука А и потомъ приподнять языкъ на три степени. Такимъ
образомъ я поступалъ при добываніи звука У. Такимъ образомъ

восходящее и нисходящее движеніе языка, одновременное съ движеніемъ губъ и звучащемъ горла, подало ученику понятіе оглазненныхъ. Изученіе согласныхъ вообще представляло гораздо меньше трудностей. Цѣ некоторыя изъ нихъ Мейстеръ выучился почти безъ труда, подобно тому какъ это случается у зрячихъ глухонемыхъ, тогда какъ другія, напримѣръ *gné, ill* или мягкое *l*, и такъ далѣе, представляютъ, можетъ быть, непреодолимыя препятствія.

Несмотря на сухость этихъ упражненій, ученикъ занимался ими охотно. Когда же онъ уставалъ, не трудно было подстрекнуть его обѣщаніемъ, что онъ скоро узнаетъ пользу отъ нихъ. Съ этою цѣлью я научилъ его произносить слово *Ami*, ния одного изъ нашихъ слѣпыхъ, и каждый разъ, когда Мейстеръ произносилъ его, *Ами* подходилъ. Мейстеръ съ удивленіемъ принималъ это и такимъ образомъ открылъ, что посредствомъ слова можно сообщить свое желаніе на большомъ разстояніи. Радость его была невыразима, и съ этой минуты онъ сталъ звать своихъ товарищей по имени и по собственному побужденію произносить вслухъ всѣ слова, которыя заучивалъ.

Переходъ отъ слова къ фразѣ могъ быть труденъ только въ такомъ случаѣ, когда примѣръ дурно выбранъ. Я прибавилъ къ имени *Ами* глаголъ *слушать* (*Ами, слушай*). Примѣръ подобный слѣдующему: *La sphère est ronde* (*шаръ круглъ*), неудобенъ, потому что заключаетъ въ себѣ глаголъ существованія, *есть* (*est*), котораго еще нѣтъ возможности объяснить. Предметъ и его качество, или свойство, нераздѣльны, существуютъ вмѣстѣ, и очень трудно растолковать, почему между словомъ *шаръ* и *круглый* въ большей части языковъ ставится слово *есть*. Въ языкахъ, гдѣ названія качествъ (прилагательныя) имѣютъ особенную форму для выраженія нераздѣльности качества отъ предмета (напримѣръ: *шаръ круглъ*), затрудненія этого не встрѣчается. Глаголъ существованія (*есть*) тутъ совершенно лишній. Онъ и не употребляется. Качество ничѣмъ не отдѣлено отъ предмета.

Умѣвля произнести фразу мой воспитанникъ достигъ черезъ три мѣсяца по вступленіи въ заведеніе. Сображая трудности, которыя надлежало преодолѣть, всякій согласится, что такой успѣхъ доказываетъ у глухонемого слѣпца не совѣтъ обыкновенный природный умъ.

Оставалось избрать планъ, какому слѣдовать при дальнѣйшемъ развитіи. Глядя по возрасту Мейстера, я рѣшился быстро ново-

сти его къ отвлеченнымъ понятіямъ, чтобы указать ему новый горизонтъ прошеде углубленія въ подробности грамматики. Когда онъ пональ управленіе глагола въ фразахъ, подобныхъ слѣдующей: «Каменьщикъ дѣлаетъ стѣну, булочникъ дѣлаетъ (печетъ) хлѣбъ», и такъ далѣе, я мало-по-малу сталъ переходить съ нимъ къ предлогамъ и къ личнымъ мѣстоименіямъ, цоконъ къ нарѣчіямъ и союзамъ. Въ этой работѣ я все болѣе и болѣе убѣждался въ важности выбора примѣровъ, обстоятельства, на которое никогда нельзя слишкомъ много обратить вниманія при всякомъ первоначальномъ обученіи. Вотъ какимъ образомъ Мастеру объяснено значеніе словъ *вчера*, *сегодня*, *завтра*. Я заставилъ его однажды проработать долѣе обыкновеннаго, и онъ, вечеромъ, показалъ мнѣ три маленькихъ шара, которые впродолженіи дня выточилъ. Я объяснилъ ему, что онъ отдѣлалъ ихъ съ тѣхъ-поръ какъ солнце встало и до-тѣхъ-поръ какъ солнце садится, и заставилъ выговорить нарѣчіе *сегодня*. Онъ произнесъ: «Я сегодня сдѣлалъ три шара.» На другой день онъ занимался такою же работою, но не такъ долго, и принесть вечеромъ два шара. На вопросъ: «Сколько шаровъ ты сдѣлалъ сегодня?» онъ отвѣчалъ тою же, вчерашнею, фразой: «Я сегодня сдѣлалъ три шара,» во, подумавъ, замѣтилъ противорѣчіе и скоро понялъ подлинное значеніе словъ *сегодня* и *вчера*. Потомъ я объяснилъ ему, что, не есаяъ, онъ будетъ точить чашки, и онъ понялъ слово *завтра*. Наконецъ, я объяснилъ, что слова *сегодня*, *завтра* и *вчера* означаютъ собственно все одинъ и тотъ же предметъ, съ тою разницею, что между *вчера* и *сегодня* онъ уже спалъ, а между *сегодня* и *завтра* будетъ спать. Слова *утро*, *полдень*, *вечеръ* легче было объяснить: первое какъ выраженіе минуты, когда солнце встаетъ и становится ошутительнымъ; второе какъ пора, когда жаръ достигаетъ высшей своей степени; третье какъ пора, когда жаръ прекращается. Употребленіе прилагательнаго какъ сказуемаго представило новыя трудности по причинѣ необходимаго въ этомъ случаѣ, въ французской фразѣ, вспомогательнаго глагола. Я составилъ сначала фразу: «Эдуардъ слѣпъ (*Edouard est aveugle*)», набравъ изъ нашихъ литеръ вспомогательный глаголъ и прилагательное въ одно слово: *estaveugle* (есть-слѣпъ), потомъ отдѣлилъ и объяснилъ, что эти два слова выражаютъ только одно понятіе, но что мы привыкли писать ихъ отдѣльно, потому что первое изъ нихъ приставляется ко многимъ другимъ словамъ. То же упражненіе было повторено съ словами *глухой* и *нѣмой*, и, замѣнивъ потомъ третье лицо первымъ, онъ понялъ и произ-

вѣсть: «Я (есть) слѣпой и глухой и гѣмой.» Видя Мейстера въ эту минуту, можно было сказать, что эта истина, выходя изъ его усть, становилась еще болѣе истинною.

Зима прошла; наступила весна (1846). Я далъ Мейстеру ощупать почки, листья и цвѣты. Коротко сказать, я объяснилъ ему, что до-сихъ-поръ долгое время было холодно, снѣгъ покрывалъ поля и деревья; потомъ солнце съ каждымъ днемъ становилось жарче, такъ, что наконецъ превратило снѣгъ въ воду, вызвало траву, листья и цвѣты, и что все это называется однимъ словомъ *весна*. Я сдѣлалъ примѣненіе этого слова въ фразѣ: «Листья распускаются весной.» Мейстеръ захопалъ въ ладоши и закричалъ отъ радости, что нашелъ одно слово для такого множества вещей. Потомъ, когда онъ успокоился, лицо его приняло неопредѣлимое, неопредѣлимое выраженіе; онъ какъ будто глубже проникъ въ природу и мы пожали другъ другу руки. Подобную радость трудно объяснить, не бывъ свидѣтелемъ ея.

Тутъ начинается новая степень развитія этого молодого чело-вѣка, но, чтобы дать объ ней точное понятіе, нужно сообщить нѣкоторыя подробности о прежнемъ поведеніи Мейстера. Дѣло идетъ о проступкахъ, въ которыя онъ впадалъ нѣсколько разъ.

Снуя четыре мѣсяца по вступленіи въ заведеніе, Мейстеръ укралъ у насъ пять батценовъ (около двухъ-гривеннаго) и сначала упорно отрекался, но потомъ, когда обстоятельства обличили, признался, прибавивъ, однако жъ, что объ этомъ не стоитъ хлопотать. Я отобралъ ножъ и сигары, которые у него были въ карманѣ, а самого заперъ въ комнату, гдѣ могъ наблюдать за нимъ. Мейстеръ тотчасъ бросился къ окну, но видя, что рѣшетка не пускаетъ, воротился къ двери съ намѣреніемъ выломать ее. Видя, что и дверь не подается, онъ принялся найденнымъ въ комнатѣ гвоздемъ отдирать замокъ. Новая неудача! Тогда онъ сталъ отодвигать замочный языкъ, который, по слабости пружины, наконецъ уступилъ усиліямъ. Освободившись, Мейстеръ пошелъ въ мастерскую, добылъ сигаръ и спичекъ и воротился въ свою тюрьму. Когда стали допрашивать, онъ опять отрекся, утверждая, что не выходилъ. Сигары свидѣтельствовали противное и онъ сказалъ, что дверь сама отворилась. Наконецъ онъ признался во всемъ, но когда я хотѣлъ запереть его въ комнату, онъ воспротивился, бросился на меня со злостью и оттолкнулъ. Я продержалъ его подъ замкомъ, пока онъ не смирился, и съ тѣхъ-поръ онъ уже не кралъ.

Задолго до конца 1845 года, Мейстеръ сталъ заниматься днемъ

новаго года, о которомъ онъ имѣлъ понятіе какъ о человѣкѣ съ рогами. Эта странность объясняется воспоминаніями его дѣтства: онъ рассказываетъ, что, будучи ребенкомъ, видѣлъ въ этотъ день людей съ рогами (маски), которые бѣгали по городу, и что потомъ всю ночь ѣли и пили. Чѣмъ ближе подходилъ этотъ срокъ, тѣмъ болѣе усилялось его волненіе, и ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не возможно было отклонить его отъ этой мысли. Наконецъ, въ день новаго году, мать пришла и взяла его къ себѣ, а вечеромъ привела обратно. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого я не нашелъ Мейстера, хотя всѣ выходы заведенія были заперты. Цѣлые четыре часа мы напрасно искали его по городу и наконецъ, въ одиннадцатомъ часу, привели пьянаго. Нѣкоторые молодые повѣсы встрѣтили его на улицѣ и свели въ трактиръ. На другой день, когда я спросилъ, какъ онъ ушелъ, онъ отвѣчалъ, что, не найдши дома нѣкоторыхъ товарищей, соскучился и воспользовался однимъ отвореннымъ выходомъ. Но скоро истина открылась: одежда бѣглеца оказалась изодранною и можно было догадаться, что онъ ушелъ черезъ заборъ, гдѣ зацѣпился за одинъ изъ насаженныхъ поверху гвоздей. Онъ ушелъ такимъ образомъ одинъ, безъ провожатаго, на пять сотъ или шесть-сотъ шаговъ отъ дому. Будучи уличенъ, онъ признался, но не обнаружилъ ни малѣйшаго раскаянія, напротивъ возмущался подъ арестомъ и вечеромъ сталъ еще злѣй чѣмъ былъ утромъ. Это упорство показалось мнѣ слишкомъ вѣрнымъ предвѣстіемъ новыхъ попытокъ въ томъ же родѣ, а опасность отъ нихъ слишкомъ великою, такъ, что я рѣшился непремѣнно очутить его съ перваго же разу. Пужно было употребить сильное средство. Напомнивъ ему вчерашнее поведеніе, ложь и продолженіи цѣлаго дня и прискорбіе, какое онъ причиняетъ мнѣ всѣмъ этимъ, я подвергъ его тѣлесному наказанію. Эта мѣра могла однакожь показаться тѣмъ болѣе опасною, что Мейстеръ, за нѣсколько времени до того сказалъ мнѣ, что бить человѣка—дѣйствіе нецѣлительное. Но я рассчитывалъ на его сознаніе вины и слѣдствіи оправдали мое предположеніе. Когда я теперь, во имя истины, спрашиваю себя: развѣ нельзя было достигнуть того же результату средствами болѣе кроткими? то чувствую, что не могу отвѣчать. Признаюсь, однакожь, что я въ воспитаніи ненавижу этотъ родъ наказанія, за злоупотребленія, къ которымъ онъ можетъ повести.

Мейстеръ скоро сдѣлалъ новый проступокъ. Однажды, вечеромъ, онъ прогуливался около винаго погреба. Я спросилъ,

ниги ли онъ, и хотя ключница поднесла ему рюмку, однакожь онъ не сознался. Потомъ, послѣ иѣкотораго сопротивленія, онъ сказалъ, что только прѣмалъ предложенное и что, следовательно, бранить нужно не его, а ключницу. Расположеніе Мейстера ко мнѣ начало тревожить меня и я отложилъ наказаніе до другаго дня. Тогда, объяснивъ, что честный, хорошій человекъ не жетъ, я заставилъ его набрать изъ лантера и произнести слово *ложь*, и заперъ его отдавъ это слово въ руки. Черезъ часъ потомъ я нашелъ его въ большомъ горѣ. Нельзя еще было знать навѣрное, дѣйствительно ли онъ понялъ смыслъ этого слова, но иѣсколько дней спустя онъ употребилъ его такъ вѣрно, что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія. Товарищи его, ложась спать, сказали, что на дворѣ навалило много снѣгу. На утро онъ хотѣлъ удостовѣриться въ этомъ самъ, а какъ снѣгъ въ продолженіи ночи стаялъ, то Мейстеръ, не найдя его, голосомъ сказалъ: «Ложь, иѣтъ снѣга!»

Факты уполномочиваютъ насъ сказать, что главный порокъ Мейстера пораженъ въ самомъ корнѣ съ той самой минуты, когда онъ узналъ его названіе, и этотъ результатъ побудилъ меня не откладывать долѣе идей религіозныхъ, которыхъ мы въ урокахъ дотолѣ тщательно избѣгали. Развитіе религіозныхъ понятій у этого молодаго человекъ тѣмъ особенно любопытно, что оно удивительно похоже на постепенныя религіозныя понятія первобытныхъ народовъ. Прежде чувства религіи у него не существовало ни какого. При вступленіи въ заведеніе молитвы другихъ воспитанниковъ возбуждали его насмѣшливость. Наши слѣбые, съ которыми онъ хорошо привыкъ объясняться, рассказываютъ, что онъ часто спрашивалъ ихъ о молитвѣ и, между прочимъ, заставъ ихъ однажды вечеромъ со сложенными руками, спросилъ ихъ съ солнцемъ ли они говорятъ. Ему отвѣчали, что говорятъ съ существомъ, подобнымъ человекъ и живущимъ очень высоко. Подумавъ съ минуту, глухо иѣмой спросилъ очень, ли громко нужно кричать, чтобъ быть услышаннымъ. Потомъ, еще подумавъ, онъ спросилъ, также ли это существо умираетъ, какъ человекъ. Мы часто имѣли случай наблюдать, какъ глубоко онъ былъ проникнутъ уваженіемъ къ Солнцу, котораго живительную теплоту ощущалъ на себѣ. Онъ выражалъ это почтеніе, говоря, что Солнцу никогда не должно грозить кулакомъ.

Вотъ по этому предмету замѣтка изъ моего дневника. «Седьмого февраля, 1846, мы воспользовались яснымъ днемъ, чтобы прогуляться по сосѣднему кладбищу. Проходя съ Мейстеромъ мимо могилы, я далъ ему ощупать надгробный камень. Онъ, едва до-

тронувшись, отскочилъ, какъ будто получилъ электрическій ударъ, и показалъ, что тутъ лежитъ человекъ, который потомъ встанетъ и пойдетъ на небо. О воскресеніи онъ составилъ себѣ понятіе при помощи воспоминанія о двоюродномъ братѣ, на могилу котораго его водила мать и котораго онъ потомъ опять обвинялъ живаго. Потомъ онъ сталъ ощупывать весь камень, нашелъ изсѣченную надпись, съ невыразимою радостью принялся разбирать ее и разобралъ. Написано было «здесь покоится Юлія.» Мастеръ произнесъ первое слово и послѣднее. Послѣ того какъ я объяснилъ ему слово *покоится*, онъ сказалъ, что слово Юлія оканчивается не такъ (Jules, Julie); и что онъ не знаетъ, что это значить. Чтобы понять это замѣчаніе, нужно знать, что одного изъ нашихъ слѣпыхъ зовутъ Юліемъ, а женскаго окончанія Мастеру еще не случалось употреблять.»

Мы дошли до преподаванія идей религіозныхъ и нравственныхъ. Понятіе о Богѣ тутъ цѣль перваго шагу. Чтобы достигнуть этого я избралъ слѣдующія фразы: «Кто сдѣлалъ хлѣбъ? Изъ чего дѣлаютъ хлѣбъ? Кто дѣлаетъ муку? Откуда берется зерно? Кто возвращаетъ колосья?» Мастеръ на послѣднее отвѣчалъ: «Солнце.» «А кто сдѣлалъ Солнце?» Когда онъ остановился передъ этимъ вопросомъ, я указалъ ему на выповника всѣхъ вещей, котораго мы называемъ Богомъ, и которому молнимся. На лицѣ глухонѣмаго выразилась радость и глубокое уваженіе. Онъ узналъ Того, кто сдѣлалъ Солнце. Онъ находитъ очень естественнымъ, что всякая вещь сдѣлана кѣмъ-нибудь, до такой степени, что могущество Божіе поражаетъ его гораздо менѣе чѣмъ безсиліе мельника, который не можетъ сдѣлать зерна.

Въ эту эпоху мы начали заниматься спряженіемъ глаголовъ, и за исходную точку приняли слово *мыслить* (*penser*), принявъ его въ такихъ фразахъ, какъ напримѣръ: «Человѣкъ мыслить; вещи, которыя не живутъ, не смыслятъ; человекъ, который молится, мыслить о Богѣ.» По мѣрѣ успѣховъ Мастера на этомъ новомъ пути, выраженіе его фizioноміи становилось благороднѣе, въ умѣ стали пробуждаться новые великіе вопросы и разговоръ мало-по-малу измѣнился и высвободился изъ прежняго ограниченнаго и грубаго матеріализму. Отходя ко сну, онъ безъ всякаго посторонняго понужденія сталъ вслухъ молиться. Молитва его состояла въ повтореніи фразы: «Ямышлю о Богѣ.» Представьте себѣ, если возможно, что я чувствовалъ, когда впервые услышалъ эту простую молитву моего глухонѣмаго слѣпнаго воспитанника. Однажды я засталъ его занятаго собираніемъ солнеч-

ныхъ лучей въ одну точку посредствомъ вышуклаго стекла, и когда я тронулъ его за руку, онъ сказалъ: «Я мыслю о Богѣ.»

Мейстеръ очень часто сближаетъ понятія о Богѣ и Солницѣ. Ему хотѣлось знать, не было ли Солнце прежде величиною съ булавочную головку, или всегда было такой величины какъ теперь; шарообразенъ ли Богъ, подобно Солнцу, и какъ онъ держится въ пространствѣ. Идея Бога въ образѣ шара, казалось, удовлетворила его лучше тѣмъ идея Бога по образу человѣка. Этого образа, этой наружности онъ ни какъ не можетъ согласить съ всемогуществомъ Создателя, и затрудненіе иногда доводило его до сомнѣнія. Благоразуміе побуждало перешагнуть черезъ эту пропасть придавемъ новаго направленія идеямъ Мейстера. Нужно было постепенно удалить его отъ наружности и довести до понятія, что подобіе между Богомъ и человѣкомъ заключается не во вѣннемъ образѣ, а въ сущности, въ одинаковости законовъ разума Божія и разума человѣческаго, при невсичисленномъ неравенствѣ силы и совершенства этихъ двухъ разумовъ. Однажды, вечеромъ, я оставилъ его при себѣ, пока не заснули всѣ другіе воспитанники; потомъ повелъ его къ нимъ, далъ слегка оцупать ихъ головы и объяснилъ, что всѣ они теперь лежатъ какъ мертвые, не мыслятъ, и что Богъ между тѣмъ мыслить обо всѣхъ людяхъ, что онъ всегда мыслить и имѣетъ попеченіе о нихъ.

Многія замѣчанія Мейстера невольно напоминаютъ нѣкоторыя мѣста въ трактатѣ *De naturâ deorum*, Цицерона, который божеству приписывалъ форму сферическую. И не одни эти идеи оказывались у него подобными съ понятіями древнихъ. Мы примѣтили также, что онъ расположенъ олицетворять явленія природы, наприимѣръ, во время сильнаго вѣтру, который продолжался нѣсколько дней, онъ спросилъ: «Неужели вѣтеръ еще не усталъ?»

Глаголъ *мыслить* породилъ у Мейстера множество вопросовъ. Онъ желалъ знать, мыслятъ ли животныя, видятъ ли сны и каковъ ихъ языкъ; умѣютъ ли дѣти мыслить и говорятъ отъ самаго рожденія или нужно учить ихъ. Тотъ, къ кому онъ въ первый разъ обратился съ этимъ вопросомъ, отвѣчалъ отрицательно. Онъ опечалился, потому что, говорилъ онъ, уши, глаза и зубы при пустой головѣ, безъ мыслей, ничего не стѣютъ. Увидѣвъ носнѣ волка, который хотѣлъ съѣсть его, онъ сказалъ, что всякій сонъ ложъ, но что видѣть сны значить уже невозможно мыслить и что это пріятно, потому что лучше мыслить невозможно чѣмъ вовсе не мыслить. По этому поводу онъ спросилъ

«сохраняютъ ли мертвые способность видѣть сны». Достоинство чловѣка онъ измѣрляетъ по силѣ его мысли и въ этомъ отношеніи показываетъ изумительную провидательность. По этой самой причинѣ дѣти, по его мнѣнію, имѣютъ относительно гораздо болѣе значенія нежели взрослые. Онъ выразилъ это мнѣніе ощущая мертвое тѣло двухъ-лѣтняго ребенка и съ важностью спросилъ столешникъ подлѣ, хотяли ли они плакать. Потомъ, не дождавшись отвѣту, онъ прибавилъ, что ребенокъ этотъ еще динномъ мало мыслитъ, такъ, что о смерти его вовсе не стоить плакать. Мейстеръ такъ хорошо знаетъ характеръ и способности окружающихъ его, что ко всякому обращается съ такимъ родомъ вопросовъ, на какой тотъ всего лучше умѣетъ отвѣчать. Но притѣмъ новаго воспитанника, онъ ощупываетъ руки и голову и такимъ образомъ судитъ объ умственныхъ его способностяхъ.

Встрѣчая въ этомъ специальномъ обученіи препятствія, я для устраненія обращался къ природѣ, и она всегда помогала мнѣ. Препятствія, представляющіеся при употребленіи нѣкоторыхъ словъ, изображающихъ отвлеченныя или нравственныя понятія, легко устраняются, какъ скоро ученикъ хорошо усвоилъ подобное понятіе, относящееся къ вещественному міру. Вообще сравненіе языка съ веществомъ весьма важно, и во всякомъ содѣйствіи къ нравственному развитію дѣтей воспитатели не безнаказанно забываютъ, что точкою отправления должна служить матерія.

Мейстеръ находится въ нашемъ заведеніи полтора года. Впродолженіи этого времени техническія его способности примѣчательно развились; онъ точитъ солопки, чашки, шары, футляры, и тому подобныя вещи, со вкусомъ и акуратностью хорошаго зрячаго работника, такъ, что нельзя не удивляться его искусству. Отъ другихъ онъ требуетъ такой же тщательности, такого же совершенства, и когда, напримѣръ, слѣпые воспитанники косо сплетутъ соломеную цыповку, Мейстеръ насмѣшливо толкуетъ имъ, что они не имѣютъ понятія объ уровнѣ. Любовь его къ порядку и опрятности можетъ служить образцомъ. Работа его продаваемая по обыкновенной цѣнѣ, въ эту пору принесла бы около трети того, что стоитъ его содержаніе.

Въ отношеніи къ языку Мейстеръ нынче самъ старается составлять фразы, и эти попытки у него обыкновенно оказываются довольно логическими. Онъ знаетъ притомъ разницу между громкимъ и тихимъ произношеніемъ, такъ, что нынче уже не нужно заставлять его дѣлать голосомъ такое напряженіе какъ при началѣ опытовъ, и произноситъ онъ такъ внятно, что даже непри-

вычные могут понимать его. Чтобы уведомить его средства сообщенія, мы научили его письменному алфавиту. Мы пишемъ буквы его пальцемъ у него же на рукѣ, или на столѣ, и въ то же время заставляемъ произносить. Слово глухонѣмаго служить тутъ къ тому, чтобы отдавать отчетъ въ дѣйствіи.

Употребленіе, какое этотъ глухонѣмой умѣлъ сдѣлать изъ общественной ему способности говорить, доказываетъ, какъ важна для него эта способность. Однажды, вечеромъ, ложась спать, онъ намъ сказалъ: «Спите спокойно.» Я спросилъ, кто его научилъ такъ говорить, и Мейстеръ указалъ на молодую служанку въ домѣ. Я съ удивленіемъ разспросилъ служанку и она сказала, что Мейстеръ, встрѣчаясь, иногда останавливалъ ее чтобы побесѣдовать. Какъ она не понимала, то онъ бралъ ея руку, произносилъ буквы и заставлялъ ее дѣлать соответствующіе знаки пальцами. Такимъ образомъ глухонѣмой слѣпой преподавалъ этой дѣвушкѣ дактилографію. Научившись, она, въ свою очередь, научила учителя новымъ словамъ и фразамъ.

Эта огромная перемена въ существованіи Мейстера нисколько не измѣнила привязанности его къ роднымъ и особенно къ матери и къ глухонѣмому брату, о которыхъ онъ часто говоритъ.

Въ числѣ фактовъ, характеризующихъ развитіе этого молодого человѣка, есть одинъ въ особенности, который свидѣтельствуетъ о могуществѣ идеи на простую и безпорочную душу, когда эта идея соответствуетъ потребностямъ человѣческой природы. Спустя годъ послѣ того какъ Мейстеръ провинился въ кражѣ, одинъ изъ слѣпыхъ воспитанниковъ также утащилъ у своего товарища нѣсколько мелкихъ монетъ. Спрошенный въ свою очередь, Мейстеръ торжественно отвѣчалъ, что не бралъ, что это сознаніе невинности дѣлаетъ его счастливымъ и что онъ никогда не больше наиренъ красть, потому что Богъ все видитъ. Въ волненіи онъ вышелъ, какъ бы затѣмъ чтобы подумать; потомъ, черезъ нѣсколько минутъ воротился, пошелъ къ слѣпому, рассказалъ о пропажѣ и спросилъ, не онъ ли укралъ. Пораженный нерѣшительностью отвѣту, онъ снова настойчивѣе сталъ допрашивать и вскричалъ: «Дгать! Богъ!» Виновный, въ замѣшательствѣ, оттолкнулъ его и тѣмъ измѣнилъ себѣ.

любовная переписка одного знаменитаго писателя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ парижскомъ журналѣ была напечатана любопытная статья о молодости знаменитаго писателя который родился въ Швейцаріи, былъ соученикомъ князя Мет-

терника въ стразбургскомъ университетѣ и потомъ французскимъ романистомъ и публицистомъ,—о молодости барона Б. К. де Ребека. Дѣло шло о первой его любви, о первыхъ литературныхъ успѣхахъ. Напечатали даже нѣсколько писемъ его къ знаменитой мадамъ де-Шаррьеръ, его покровительницѣ, благодѣтельницѣ, первой женщинѣ, которую онъ обожалъ, первому его другу, самому вѣрному, самому постоянному, самому безкорыстному. Эта статья была даже поводомъ къ жаркой полемикѣ между господиномъ де-Сентъ-Бѣвомъ и авторомъ «Биографіи знаменитыхъ современниковъ», господиномъ де-Ломени. Господинъ де-Сентъ-Бѣвъ, по этимъ документамъ и по всему, что вообще извѣстно о жизни барона Б. К. де Ребека, счелъ себя вправѣ заключить, что авторъ «Адольфа» никогда не знавалъ сильной страсти, что это былъ человекъ холодный, лживый, эгоистъ, и что сердце у него постоянно оставалось жертвою ума. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ этихъ письмахъ, истинныхъ мемоарахъ, молодой человекъ на каждомъ шагу, въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, повторяетъ: «Сдѣлайте одолженіе, не беспокойтесь обо мнѣ: меня мое положеніе только забавляетъ, точно какъ будто дѣло идетъ о комъ-нибудь постороннемъ,» — «Авторъ «Адольфа» весь тутъ, сказалъ де Сентъ-Бѣвъ. Когда человекъ раздвоится такимъ образомъ, что одна половина начнетъ смѣяться надъ другою, то непремѣнно должно кончиться тѣмъ, что насмѣшливая половина поглотитъ цѣлое.»

Господинъ де-Ломени, по просьбѣ нѣсколькихъ старыхъ дамъ, которыя нѣкогда были молоды и обожаемы авторомъ «Адольфа», объявилъ себя защитникомъ знаменитаго писателя и, въ свою очередь, издалъ нѣсколько прелестныхъ писемъ, написанныхъ де-Ребекомъ въ 1814 году. Онъ даже чуть не выигралъ дѣла, такъ слогъ этихъ записокъ казался искреннимъ, страстнымъ, полнымъ чувства. Сентъ-Бѣвъ не уступилъ, и въ видѣ возраженія напечаталъ отрывокъ письма, писаннаго барономъ де-Ребекомъ къ мадамъ де-Шаррьеръ по поводу одной Нѣмки, за которую онъ тогда очень усердно ухаживалъ. «Смѣясь надъ нею съ вами, я пишу къ ней нѣжную и пышную галиматью, такую, что если бы кто-нибудь сравнилъ мои письма къ ней и о ней, меня не безъ основанія назвали бы злымъ и лживымъ сумасбродомъ.» Тогда одна особа, бывшая красавицей и предметомъ обожанія молодого барона въ 1815 году, сообщила господину де-Ломени извлеченія изъ любовныхъ записочекъ, которыя она въ то время получала. Эта дама явилась весьма милостивою къ памяти

поклонника, къ которому при жизни его всегда оставалась строгою. Отдавъ записки, она подвинула полемикѣ можетъ быть дальше нежели желала. Де-Сентъ-Бёвъ возразилъ, что «не должно слишкомъ много довѣрять перепискамъ, потому что пишущій всегда болѣе или менѣе приноравливается къ тому, кому пишетъ.» Это замѣчаніе, конечно, вѣрно.

Теперь въ Женевѣ издали еще нѣкоторыя письма подобнаго же содержанія, и какъ предметъ далеко еще не истощенъ и, кажется, интересуетъ, то мы представляемъ эту любопытную сердечную литературу на благоусмотрѣніе нашимъ читательницамъ, чтобы онѣ могли судить и мужичку и романиста.

Письма къ мадамъ де-Шаріёръ обнимаютъ время отъ 1787 до 1795. Въ началѣ мы видимъ молодаго человѣка, бѣгущаго изъ родительскаго дому, откуда его изгнали нападки матици, живущаго въ Парижѣ, въ обществѣ довольно пестромъ, и крѣпко влюбленнаго въ нѣкоторую непреклонную мадмоазель Пурра. Отъ досады на эту неудачу молодой человѣкъ спасается бѣгствомъ въ Англію, послѣ того что неудачно и, вѣроятно, не очень несутя пытался отравиться. Онъ путешествуетъ по графствамъ Англіи то пѣшкомъ, то верхомъ, съ пустыми или почти пустыми карманами, отыскивая какого-то лорда, домашняго друга, въ надеждѣ на его кошелекъ. Съ каждой станціи онъ пишетъ предлинныя письма, въ Коломбѣ, что близъ Нѣвшателя, въ Швейцаріи, къ своему другу, мадамъ де Шаріёръ. Вотъ отрывокъ этотъ странныхъ походныхъ замѣтокъ. Замѣтимъ, что мадамъ де Шаріёръ, которая была годами двадцатью постарше своего обожателя и еще опасалась быть компрометированною слишкомъ вѣжными посланіями, требовала, чтобы де-Редбъкъ отправлялъ по почтѣ только такія письма, которыя всякому можно читать.

-Въ 12 мнлхъ отъ Ланкастра, 2 сентября, 1787.

«Мое письмо будетъ бесѣдой, сударыня: я прерываю его, чтобы пообѣдать и накормить лошадь, и опять принимаюсь за мой листъ. Не гнѣвайтесь за предпочтеніе, которое я оказываю моей лошади: безъ нея я не зналъ бы, какъ пріѣхать въ Коломбѣ. Это лучшая животина, какую я знаю, а я имѣю честь знать очень многихъ. Я сажусь на нее. Прощайте, до свиданія, въ двѣнадцати мнлхъ отсюда. Голова у меня перестала болѣть. Я сегодня уже тридцать три мнлхъ проѣхалъ. Вы, конечно, не ожидали, что я надобѣмъ вамъ моею болтовней въ трехъ-стахъ мнлхъ отъ васъ, точно такъ же какъ въ вашей гостинной.

Сами виноваты. Не помню, какой-то король говорилъ, не помню, кому: «Если бы я зналъ человѣка честиѣ васъ, не избралъ бы я васъ.» А я вамъ скажу: «Если бы я и зналъ кого вѣбудь любезнѣе, снисходительнѣе и добрѣе интереснаго автора «Калесты,» * я не сталъ бы писать къ вамъ.» Знаете ли... Извѣдните, что я продолжаю.... Знаете ли, что я теперь въ Ланкастерѣ, посреди Ланкастерскихъ Вѣдьмъ, то есть прелестнѣйшихъ женщинъ въ Англіи и, слѣдовательно, на всемъ свѣтѣ! Я вижу одну въ особенности, отъ которой у меня перо валится изъ рукъ и голова кружится.»

«Въ 12 миляхъ отъ Чозли, Больтоновъ; въ тотъ же день.

«Вчера я былъ.... Я пишу вамъ собственно изъ Дизлея, третьяго числа, а не изъ Больтона, втораго. Я выставилъ число, какъ видите, располагая писать къ вамъ, но оказалось тысяча разныхъ препятствій.... Такъ, повторяю, вчера я былъ несчастнѣйшимъ изъ людей. Я видѣлъ столько хорошенькихъ женщинъ и такихъ хорошенькихъ, что не зналъ, куда дѣваться. Это истинно Божеское наказаніе для человѣка, который желаетъ быть степеннымъ. Наконецъ я удаляюсь изъ Ланкастера, благодаря моей лошади: безъ нея я погибъ бы подъ серпами красоты. Вчера, въ Больтоновѣ, гдѣ я имѣлъ несчастье почевать, хозяйка была такъ мила, что моя степенность чуть-чуть не свихнулась. У нея же, кажется, добродѣтель тоже не слишкомъ тверда на ногу, и Богъ знаетъ, что могло бы выйти. Я скрылся бы въ провалъ, какъ Кребилюновъ Моклесъ у японскихъ жрецовъ. Но я не думаю, чтобы моя Альмеда, или Альмейда, — хорошенько не знаю, какъ ее зовутъ, — послѣдовала моему примѣру.

«Здѣсь, слава небу, погодѣ и природѣ, опасности никакой нѣтъ. Нимфа, которая мнѣ прислуживаетъ, дурна, дурна какъ....!! Ахъ, какъ хороша была больтонская! забыть не могу.

«Я полагалъ сегодня заключить мое письмо, но какъ кризисъ еще не наступилъ, подожду. Простите мнѣ промахи противъ французскаго языка. Я стыжусь ихъ. Но вспомните также, что я пишу не на опрятномъ столѣ, и не подлѣ хорошенькой женщины или бывшей красавицы, а на скаку по большимъ дорогамъ, на лошади, которую встребляю въ прахъ. Если бъ мнѣ удалось жениться на мадамъ Пурра, голова моя лежала бы у нея на

* Caliste, ou Lettres écrites de Lanchance, лучшей изъ многочисленныхъ романовъ мадамъ де-Шаріеръ. Онъ имѣлъ нѣсколько изданій и еще въ 1845 году слова надпечатанъ де Сентъ-Бѣвоизъ.

когвняхъ, на ея бѣленькихъ ручкахъ, и я не зналъ бы горя. Какъ я глухъ! Мадонзель де-Пурра сидѣла бы на когвняхъ у Сень-Кроа-Второго, и моя голова трещала бы во сто разъ сильнѣй.

«Кстати, по поводу Сень-Кроа-Второго, поговоримъ о Сень-Кроа-Первомъ. Чтѣ такое носѣ де-Сегюръ, котораго онъ замѣнилъ? Очевидно, не военный министръ, когда это различаетъ его съ мною. Кто же онъ? Вы жестоко сокращаете ваши извѣстiя. Между-тѣмъ вамъ извѣстно, какое участiе я принимаю въ этихъ молодыхъ и прекрасныхъ любовникахъ. Только, пожалуйста, не считите этого за ревность.

«Нѣтъ ничего подвижнѣе моихъ впечатлѣнiй. Людей, которые мыслить, чувствуютъ (когда чувствуютъ), говорятъ и дѣйствуютъ всегда одинаково, я сравниваю съ слѣпцами, которые видятъ всегда черное и вопiютъ на другихъ, зачѣмъ ты видишь то черное, то бѣлое, то розовое, то зеленое.

«*Нils omne Nilis und Rocks est Vaska atis.*»

«Я представляю себѣ ваше смущенiе при видѣ страшнаго лица янголь, которыя и васъ обдаю. Въ Уестморлендѣ я самъ былъ почти въ такомъ же положенiи. Горы выросли передо мной одна за другою, такъ что я отчаялся видѣть ниъ конецъ. Утѣштесь, однакожъ; кланусь вамъ, это послѣднее.»

Въ 15 мiляхъ отъ Лейстеръ-Гарбору.

«Дѣло мое плохо. Я не долѣе какъ въ двадцати осми мiляхъ отъ того мѣста, гдѣ мнѣ слѣдуетъ найти подрѣшенiе финансовъ. Я просилъ извѣстнаго господина написать мнѣ сюда, чтобы я могъ знать, дома ли онъ, и не получалъ отвѣта. Если его нѣтъ, все выйдетъ вода и я не знаю, что мнѣ дѣлать. «Повадится кувшинъ по-воду...» Далъ бы Богъ, чтобы я могъ сказать то же, что Базилю! Я хотѣлъ было писать къ отцу, но не знаю, что сказать. Ради моей лошади я принужденъ ночевать здѣсь. Ночь пройдетъ не слишкомъ спокойно, но завтра все будетъ извѣстно и вѣдомо, и я, можетъ-быть, застрѣлюсь съ отчаянiя.

«Вотъ и стихи! Вы, разумѣется, больше меня страдаете отъ моихъ «минуль-уныишя.» Это продолженiе моей эпитафiи, которую я вамъ завѣщалъ на случай моей смерти.

A. B. C. DE-RÈVÈQUE, *Esquire, né à Lausanne le 1767, mort en Angleterre, dans le comté de.*

Le septembre 1787.

«Si je n'avais à regretter
 Que les plaisirs du monde et le coeur d'une amie,
 Je quitterais ces biens, auteurs de tant des maux,
 En bénissant l'heure chérie
 Qui vient me rendre le repos.
 Mais d'un père adoré la déchirante image
 Me suit au delà du tombeau,
 De ce père accablé par l'âge,
 J'ai doublé le pesant fardeau,
 Et moins son fils que son bourreau
 J'ai répandu sur sa tête blanchie
 Tous les maux que le ciel vengeur,
 Dans son implacable furie,
 Envoie au criminel que poursuit sa rigueur.»

Изъ этой тирады можно усмотрѣть, что стихи у Бенжанеса Констана столько же плохи, сколько и правила хороши. Поэзія никогда не давалась ему. Послѣ этого странствователь продолжаетъ:

«Немного пищи и много питья возвратил мнѣ бодрость. Я отръкаюсь отъ моихъ дрянныхъ стиховъ и прошу прощенья у васъ. Будьте милосерды! Это письмо, въ которое я вылилъ моя чувствованія, какъ приходили, — вѣрное зеркало моеѣ души. Вы видите, какъ въ моеѣ бѣдной головѣ верхъ и низъ, веселье и печаль, отчаяніе и сумасшествіе перемѣшиваются и перекрещаются. Впрочемъ, у меня бывали и довольно порядочныя минуты, хотя, правду сказать, они съ лихвой вознаграждались скверными. Я насчитываю съ дюжину такихъ, въ которыя я страдаю не меньше приговореннаго къ висѣлицѣ. Первая — на кораблѣ, когда я переправлялся въ Англію, больной, покинутый всѣмъ міромъ, слабый, безпомощный; вторая — въ пѣшемъ походѣ, на другой день послѣ моего письма изъ Нью-Маркета, между этою деревней и Брандономъ, другою деревней въ Норфолькѣ. Тутъ меня захватила прескверная погода; вѣтеръ, дождь и градъ совсѣмъ сбили меня съ пути. Ни одного дерева, ни одного жилья, ни одного куста! только густой туманъ, и, къ довершенію картины, пробродивъ цѣлый часъ, я очутился у висѣлицы, на которой болтались двое повѣшенныхъ, — быть-можетъ, нѣсколько дней, быть-можетъ, нѣсколько часовъ назадъ, — и ногами чуть не задѣли меня за голову. Никогда я, кажется, не испытывалъ ощущенія болѣе гадкаго. Вы, вѣроятно, читали Смол-

летова «Count Fathom»? Чувство Фердинанда въ лѣсу, въ разбойничьемъ притонѣ, — мѣсто почитаемое лучшимъ въ англійской прозѣ, — не могло быть сильнѣй того, что я чувствовалъ.

«Ого! мало того, что описываетъ настоящія чувствованія, принялся еще и за прошедшее!... Да, вотъ уже за пятнадцатый листъ принимаюсь. Если бы мнѣ переписка съ вами стоила того, что съ другими, — гдѣ труденъ только первый шагъ, — то я уже не остановился бы совсѣмъ, потому что я уже далеко ушелъ отъ перваго шагу. Но я кончу, потому что сострадаю къ тѣмъ, кого люблю, и изъ состраданія дѣлаю для нихъ то, что дѣлаю изъ равнодушія тѣмъ, которыхъ не люблю.»

Еще изъ Гарбору, 6-го.

«The Dawn is over Cast, the morning tours
And Heavely in clouds Brings on me Day
The great, 'important day, By with the fate
Of Calo and Rome.....»

«Мнѣ остается сдѣлать не больше двадцати миль и черезъ нѣсколько часовъ моя тревога кончится. А, право, прескверная вещь неизвѣстность! Я болѣе чѣмъ въ осьмидесяти миляхъ отъ Лондона и во всей этой сторонѣ Англiи у меня нѣтъ ни одного знакома, кромѣ того подкрѣпленія. Если не найду его, что я стану дѣлать? Если же найду.... это одинъ изъ лучшихъ друзей моего отца и я, слѣдовательно, избавлюсь отъ заботъ....»

«Изъ 31 мили отъ Гарбору, Уэдно; близъ Дулля, 7-го.

«Нашелъ молодца! Его нѣтъ дома, однако ждутъ къ обѣду и онъ навѣрное будетъ. И такъ, какова бы ни была моя судьба, я болѣе или менѣе избавлюсь отъ замѣшательства, — лундоровъ на десять или на пятьдесятъ.»

«Въ 18 миляхъ отъ Уэдно, Кимболтонъ 11-го.

«За моею продолжительною болтовней слѣдовало продолжительное молчаніе. Я снова есмь въ дорогѣ и спѣшу заключить письмо. А такъ какъ я снова есмь въ дорогѣ, то вы догадываетесь, что я снова есмь богатъ. Но богатъ я или бѣденъ, а дружбу вашу считаю вѣдчайшимъ моимъ благомъ и, чтобы не употребить это благо во зло, оканчиваю.»

Въ началѣ октября того же 1787 года, путешественникъ воротился въ Лозанъ. Отецъ принялъ его почти какъ блуднаго сы-

на, однако прощеніе даю не безъ условія. Родные желали притворить молодого человѣка и де-Ребекъ волей неволей долженъ былъ вступить въ службу чтецомъ и камеръ-юнкеромъ при дворѣ герцога брауншвейгскаго, но передъ отъѣздомъ изъ Швейцаріи онъ захотѣлъ проститься съ своимъ другомъ. Изъ Нёвшателя, куда прѣхалъ больной и страждущій, онъ написалъ къ мадамъ де-Шаріёръ, жившей неподалеку оттуда, въ Коломбьё. Письмо опять начинается поэзіей, и опять баронъ первый сознается, что его поэзія не большого стѣитъ. Въ прозѣ онъ продолжаетъ такъ:

«Мнѣ нужно было очень поскучать, чтобы принятъся писать стихи, и вамъ я ихъ посылаю просто изъ мщенія. Однако жъ я спалъ какъ-нельзя лучше и какъ-нельзя лучше доволенъ моимъ эскулапомъ Лешотомъ. Я такъ хорошо себя чувствую, что хочется сегодня же отправиться въ Коломбьё, а завтра въ Брауншвейгъ. Однако жъ я еще подожду выздоровленія.

«Я какъ-нельзя болѣе доволенъ вашею заботой о томъ чтобы органическіе атомы, составляющіе мою хрупкую машинку, не такъ скоро разсыпались. Мнѣ и самому еще не очень хочется этого расторженія, потому когда я переписываюсь и бесѣдную съ вами, мнѣ кажется, что сей міръ еще не изъ худшихъ.

«Флора, ваша любимая собаченка, смотритъ какъ я пишу, и ей, очевидно, хочется, чтобы я выразилъ вамъ ея тоску, но у меня довольно собственной.

«Я пишу лежа на постелѣ. Это мнѣ положеніе непривычное. Не знаю, разберете ли вы. Оканчиваю, *не повторяя того, что вамъ извѣстно*. Прощайте.»

Мадамъ де-Шаріёръ не захотѣла оставить молодого де-Ребекъ въ Нёвшателѣ, на пошеченіи трактирнаго гостепримства. Она и мужъ приняли его въ Коломбьё самымъ радушнымъ образомъ, и у нихъ онъ выдержалъ трудную болѣзнь, слѣдствіе лѣтънхъ изнуреній. Выздоровливая онъ набросалъ основаніе первой своей книги, подлѣ хозяйки, которая съ своей стороны дѣлательно трудилась надъ своими писемъми о голландскихъ дѣлахъ. Они хотя жили въ одномъ домѣ, однако часто писали другъ другу письма, въ которыхъ взаимно сообщали наблюденія надъ своими литературными опытами. Примѣчательно, что де-Ребекъ писалъ свою книгу на оборотѣ игорныхъ картъ. Вотъ нѣсколько отрывковъ, которые подають понятіе о томъ переписки изъ угла въ уголъ.

«Если бы я зналъ, что стоитъ только начать критиковать вѣсь,

чтобы заставить писать, я давно принялся бы изъ всѣхъ смѣль. Можете быть увѣрены, что съ этой минуты вы имѣете однимъ поводомъ и однимъ врагомъ больше. Врагомъ! Ахъ! я ученикъ Суара, тяжеловѣснаго Мармонтеля, ѣдкаго Кондорсё и терпкаго Лагарпа, и въ перъ моемъ необходимо должно отражаться мое воспитаніе. Я если не морское чудовище, такъ по крайней мѣрѣ чудовище литературное. Одно другаго стѣбитъ. Какъ у москѣ де-Шаріера въ библиотекѣ есть Ретифъ, то есть, пятьдесятъ или шестьдесятъ первыхъ томовъ «Современниковъ». Я прошу его присылать мнѣ съ обыкновеннымъ вашимъ курьеромъ по нѣскольку томовъ въ день.... Ретифъ вѣдь пожираютъ!.... Этимъ онъ еще больше заставитъ меня любить мое убѣжище, и я, очищая кровь, образуя себѣ умъ и сердце».

Чтобы понять насмѣшку надъ бывшимъ тогда въ славѣ романистомъ Ретифомъ де ла Бретономъ, нужно знать, что въ Нѣвшателѣ издавался литературный журналъ «Швейцарскій Меркурій», котораго редакторъ, пасторъ Шеллѣ, удивлялся Ретифу до восторгу. У Шеллѣ однако жъ не было недостатку въ умѣ; напротивъ, онъ былъ человѣкъ очень умный. Впрочемъ, мнѣніе Шеллѣ касалось преимущественно тѣхъ сочиненій Ретифа, которые могутъ быть одобрены нравственностью и вкусомъ, какъ напримѣръ «Жизнь моего отца», а не огромнаго собранія соблазнительныхъ анекдотовъ. Баронъ де-Ребекъ сильно нападаетъ на Ретифа. Далѣе онъ говоритъ:

«Несмотря на восторгъ вашего туземнаго Меркурія отъ этого безстыднаго сумасброда, ему не сдѣлать меня такимъ же ретивымъ поборникомъ и поклонникомъ. Я не постигаю того, что называютъ гениальнымъ талантомъ Ретифа. Эти восторженные, кажется, и сами не вѣдаютъ, что творять. Да будетъ благо имъ! Когда мнѣ говорятъ: «Оригинальный Ретифъ! глубокомысленный Ретифъ! живописецъ Ретифъ! и такъ далѣе, и такъ далѣе», я думаю себѣ: Бѣдный, бѣдный тотъ вѣкъ, когда люди принимаютъ грязь за гениальность, скверность за оригинальность. Но довольно о гениальномъ Ретифѣ. О вашей ночи я жалѣю, моя была хороша, и все у меня идетъ хорошо. Вообразите, я приготавливаю лампадеты на манеръ англійскихъ. Когда состригаю штукъ двадцать, нужно будетъ сдѣлаться съ книгопродавцемъ. Я заплачу ему то, что онъ можетъ потерять на изданіи трехъ первыхъ. Если убытки будутъ продолжаться, забастую; если же окупятся, стану продолжать на его счетъ, съ условіемъ, чтобы онъ при-

слалъ мнѣ экземпляровъ пять въ Брауншвейгъ. Но чтобы продать медвѣжью шкуру, нужно напередъ убить медвѣдя».

На другой день онъ продолжаетъ: «Первый мой листъ почти конченъ. Я не быстро подвигаюсь. Завтра, если кончу, пришлю. Я не могъ также одолѣть всего Ретифа: я не Геркулесъ. Посылаю вамъ сегодня пять томовъ и кланяюсь мосьё де-Шаріеру въ ожиданіи продолженія. Это странно, послѣ того, сколько я полюбилъ Ретифа! Но у него есть цѣль и онъ подвигается къ ней довольно просто. Это мнѣ нравится. Онъ только придаетъ слишкомъ много важности мелочамъ. Когда онъ говоритъ о супружескомъ счастьи и достоинствѣ мужа, можно подумать, что это вещи первостатейной важности, такія, которыя вѣчно должны занимать насъ, бѣдныхъ насѣкомыхъ. Чтѣ такое счастье или достоинство? Чѣмъ долѣе я живу, тѣмъ чаще повторяю съ римскимъ императоромъ, что все на свѣтѣ — пустяки. Нужно только умѣть страдать и смѣяться, хотя бы только сквозь зубы. Вѣдь я и вамъ сквозь зубы выражаю мои чувствованія.»

Пора послѣдовать за молодымъ человѣкомъ на другое поприще. Онъ, по выздоровленіи, отправляется въ Брауншвейгъ, въ мартѣ 1788, и вступаетъ въ должность чтеца и камеръ-юнкера при герцогскомъ дворѣ, гдѣ своею природною, невольною наемѣшливостью скоро наживаетъ себѣ толпу враговъ. Онъ влюбляется въ одну брауншвейгскую даму и рисуетъ другу картину своихъ предположеній насчетъ этой особы, на случай, если она овдовѣетъ, потому что мужъ ея въ то время былъ очень болѣвъ. Мадамъ де-Шаріеръ, безъ сомнѣнія, очень удивилась этой странной откровенности. «Эта особа, пишетъ онъ, немножко постарше меня, но мы можемъ быть счастливы въ Парижѣ, въ Лондонѣ, вездѣ, на перекоръ року. Жизнь такъ коротка! Зачѣмъ колебаться?... Да, но если она умретъ, что будетъ со мной? Ну, чтѣ жъ за бѣда! Пострадаю, но утѣшусь тѣмъ, что былъ счастливъ. Если бы я не умѣлъ страдать, я умеръ бы. А если я умру прежде ея? Чтѣ станетъ съ нею? Вернется она къ своимъ роднымъ? Нѣтъ. Будетъ она оплакивать меня въ одиночествѣ? Почему знать!.... Таковы были мысли, волновавшія меня во всю прошедшую безсонную ночь. Потому романъ мой разсѣлся, я заснулъ и меня стали тревожить всякіе вздорные, тягостные сны. Наконецъ я проснулся въ состояніи, которому вы обязаны этимъ плоскимъ письмомъ. Прощайте; я люблю васъ такъ, какъ никогда еще не любилъ человѣкъ и какъ вы еще не были любимы. Я желалъ бы лишній разъ воротиться къ вамъ, чтобы лишній

разъ видѣть васъ на прощаньи. Прощайте, ангелъ, выше всѣхъ тѣхъ ангеловъ, по которымъ мы сходимъ съ ума. Прощайте! Будьте очень, очень, очень счастливы. Я желалъ бы знать, не страдаете ли вы въ эту минуту. Прощайте.»

Пятаго, утромъ.

«Не хочу перечитывать предъидущихъ страницъ. Смутное воспоминаніе о ихъ содержаніи предсказываетъ мнѣ, что я разорву ихъ, если перечитаю. Не хочу ни уничтожать, ни перечитывать. Лучше перепису посвященіе, составляющее начало нѣсколькихъ писемъ объ исторіи, надъ которыми я тружусь довольно лѣзвво, но въкоторыя я посвящу вамъ, когда окончу. Вотъ начало перваго письма:

«Той, которая создала «Калисту» и которая похожа на нее; той, которая соединяетъ въ себѣ умъ съ чувствомъ и живостію прихоти съ кротостію права; той, которую можно не признавать, но нельзя забыть, однажды узнавъ; той, которая никогда не поступаетъ несправедливо, хотя и бываетъ неровна; самой остроумной и между тѣмъ самой простодушной и самой чувствительной женщиной; самому вѣжному, самому истинному, самому постоянному другу — почтеніе и желаніе счастья!

«Чтеніе большей части историковъ различныхъ вѣковъ и различныхъ странъ оставило мнѣ множество смутныхъ мыслей, неопредѣленныхъ понятій, несовершенныхъ заключеній. Я желалъ бы развить ихъ и привести въ порядокъ. Я желалъ бы знать, однимъ словомъ, что я думаю и что долженъ думать о человѣкѣ, его способностяхъ и степени счастья, какова оная способность достигнуть, и о вліяніи, какое имѣютъ на него обстоятельства и учрежденія. Но для этого нужно пробѣжать очень долгій, однообразный и часто гадкій путь. Пробѣжать одному было бы скучно. Видѣть столько преступленій, столько глупостей, столько ложныхъ расчетовъ, столько важности приписанной мелочамъ, столько униженія въ однихъ, столько шарлатанства въ другихъ; видѣть человека, всегда насмѣющаго природу, всегда убѣжденнаго въ необходимости носить маску и играть роль и изъ всѣхъ ролей ту, которая всего болѣе обезображиваетъ его, — зрѣлище очень неутѣшительное. Чтобы вынести его, нужно имѣть друга, который бы сопровождалъ и утѣшалъ насъ; который бы заставилъ насъ забыть долготу и однообразіе пути; который своимъ умомъ, своимъ правомъ и въ-особенности тѣмъ рѣдкимъ и желаннымъ сочувствіемъ, что помогаетъ намъ отличать истинное

отъ ложнаго, доказалъ бы вамъ, что, несмотря на всѣ наши заблужденія и страданія, мы можемъ въ мыслящемъ бездѣйствіи и оставаясь, такъ сказать, простыми, равнодушными зрителями собственнаго нашего бытія, спокойно и безвѣстно ожидать болѣе или менѣе отдаленной минуты отдыха и уничтоженія.

«Вы будете сопровождать меня въ моемъ долгомъ странствіи. Съ вами я стану наблюдать нравы людей и судьбы народовъ. Вамъ я обязанъ поднести плоды моихъ изысканій, потому что вы мнѣ внушили необходимую смѣлость предпринять ихъ. Вы научили меня двумъ отраднѣйшимъ чувствованіямъ человѣческаго сердца, признательности и дружбѣ. Вы поддерживали меня подъ бременемъ унынія и отвращенія. Вы снова населли желаніями и надеждами міръ, который для меня давно уже обратился въ пустыню. Другіе пышно выхваляли мнѣ пустыя обязанности и шумныя удовольствія, и сдѣлали мнѣ тѣ и другія противныя; вы помирили меня съ обязанностями и помогли снова находить удовольствія безъ холодной выставки то строгихъ, то распутныхъ общихъ мѣстъ, которыя повторяются попеременно, смотря по обстоятельствамъ, какъ требуетъ лицемѣріе или позволяетъ тщеславіе....»

«Остальнаго я не переписываю, потому что рѣчь идетъ уже не о васъ, а объ исторіяхъ и историкахъ. Если удастся копчить, я пришлю вамъ первое письмо. Я много выигрываю, обращаюсь къ вамъ. Вы разъясняете мои мысли, облегчаете трудъ, упрощаете слогъ. Я желалъ бы, чтобъ вы сказали мнѣ, не находите ли вы напыщенности въ послѣдней фразѣ, отъ словъ «другіе выхваляли» до словъ «позволяетъ тщеславіе.» Я нахожу что мысль шѣрна. Мы слышимъ тысячи отголосковъ, нравственныхъ и безнравственныхъ, которые — только отголоски и которые никогда сами не думали ни въ пользу ни противъ тѣхъ правилъ, какія принимаютъ или отвергаютъ. Мадамъ Пурталесъ (я ссылаюсь на нее какъ на первую, а не какъ на единственную), говоря мнѣ: «Я надѣюсь, что мои сыновья пошлютъ на свою долю,» несомнѣнно въ эту минуту была не что иное какъ эхо. Не находите ли вы, что эти отголоски заслуживаютъ иногда щелчковъ?»

«Пятаго, въ девять часовъ вечера.

«Какъ придворный я сегодня сдѣлалъ довольно странную штуку. Я очень экстраординарный придворный камеръюнкеръ! Я зналъ, что сегодня день рожденія герцога Брауншвейгъ-Безеринскаго, кузена нашего герцога, и что сегодня большой выходъ,

а между-тѣмъ не пошелъ. Я разсудилъ, что если предстоитъ какая-нибудь досадная обязанность, слѣдуетъ быть столько неловкимъ, чтобъ забыть о ней, и на другой день приготовить извиненіе и описаніе отчаянія. Такъ я и сдѣлаю. Честіѣ этого невозможно поступить. Сами посудите, если бы я былъ при дворѣ, я не былъ бы здѣсь, не писалъ бы къ вамъ, былъ бы не въ духѣ; сталъ бы сравнивать существа, прозябающіе около меня и нашелъ бы несносныхъ; находя несносныхъ, я казался бы скучающимъ; находя меня скучающимъ, они нашли бы, что я sehr unhöflich, послѣ чего мы взаимно нашли бы другъ друга sehr противными. Слѣдовательно лучше невидаться и быть отъ этого въ отчаяніи.

«Всякій разъ, когда вы осуждаете путешествіе въ Брауншвейгъ и разстояніе, которое раздѣляетъ насъ, мнѣ хочется втрое прибавить. Меня часто удивляетъ, что я нахожусь въ двухъ-стахъ пятидесяти миляхъ отъ васъ, и иногда мнѣ кажется, что это не совсѣмъ правдоподобная вещь. Но будемте справедливы: мы были довольно счастливы въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, и даже больше, потому что въ тѣ двѣ недѣли, которыя я провелъ въ Цѣвштателъ у Лешота, а вы въ Коломбѣ, намъ такъ же не на что было пожаловаться. По-крайней-мѣрѣ мнѣ ваши записки каждое утро доставляли столько удовольствія, что я охотно опять захворалъ бы, лишь бы находиться въ одной милѣ отъ васъ и получать каждый день по двѣ записки. Безъ этого путешествія, что бы было? Я пріѣхалъ бы повидаться съ вами, два на два, на три, на четыре; захворалъ бы у васъ или дома, во всякомъ случаѣ, непременно воротился бы къ генералу батюшкѣ, въ Босолейль, близъ Лозанна. Мы не выѣли бы двухъ мѣсяцевъ ежедневныхъ, непрерывныхъ сношеній.»

—9 марта.

«Со мною здѣсь продолжаютъ обращаться довольно хорошо. Я почти каждый день обѣдаю при дворѣ, или у владѣтельнаго, или у другихъ герцоговъ. Впрочемъ, мнѣ ни весело, ни скучно. Я познакомился съ нѣкоторыми литераторами; разсчитываю болѣе воспользо-ваться ихъ библіотеками чѣмъ бесѣдами. Нѣмцы грузно разсуждаютъ, грузно шутятъ, грузно печалются, грузно веселятся, грузно и скучаютъ. Живость ихъ походитъ на курбетъ каретныхъ лошадей; they are ever puffing and blowing when they laugh; они думаютъ, что нужно задыхаться, чтобъ быть

«осознать, и находится въ центра тяжести, чтобы быть утѣшнымъ.»

Баронъ де-Ребекъ во всю жизнь свою умѣлъ ловко смѣяться надъ дураками. Въ Брауншвейгѣ онъ нашелъ довольно много оригиналовъ, которыхъ могъ дѣлать своимъ жертвами. Даже его корреспонденты, даже мадамъ де-Шарьеръ, не смотря на ея доброту, любезность и остроуміе, никто не могъ совершенно избѣгнуть насмѣшекъ барона де-Ребека. «Странное у васъ благоразуміе! видите онъ ей, отвѣчая мнѣ, вы не подписываетесь, а между тѣмъ замѣчаете на полѣ: Не пишите впередъ всего имени *де-Шарьеръ* на адресѣ!» Ваше благоразуміе походитъ на васъ, и я люблю ваше благоразуміе, потому что оно походитъ на васъ. Что же касается до вашего адреса, я буду писать «Госпожѣ де-Шарьеръ, урожденной Зейль.» Ваше объясненіе насчетъ моей надежды воротиться въ Коломбѣ — бесполезно. Я питаю эту надежду столько же, сколько вы, и больше, быть-можетъ. Слѣдовательно, не было ни какой надобности комментировать слова «надежда». Текстъ самъ по себѣ достаточно ясенъ.»

Тутъ тонъ только насмѣшливый, но скоро онъ становится злымъ. Молодой баронъ предается развлеченіямъ, безвыходно бываетъ при дворѣ. «Если я глупыми шутками, въ минуты досады, важилъ себѣ [здѣсь четырехъ враговъ въ парикахъ (видеть онъ 9 іюня 1788), за то важилъ и семь или осемь друзей, но только молодецкихъ дѣвушекъ да одну добрую умную женщину, вотъ и все. Обстоятельства измѣнили мой вкусъ. Въ Парижѣ я отыскивалъ людей пожилыхъ, потому что находилъ ихъ умными и любезными; здѣсь же старики глупы и черствы. Я кинулся на молодежь и не говорю уже съ женщиной старше тридцати лѣтъ.»

Надобно признаться, что въ такой откровенности съ женщиной, которой уже болѣе сорока лѣтъ, есть жестокость. Мадамъ де-Шарьеръ дала ему почувствовать это. Зачѣмъ онъ объявлялъ ей такъ рѣшительно, что отнынѣ будетъ пѣть уже для другихъ? Чтобы загладить свою вину, онъ показываетъ ей глубокую печаль, вертѣровское отчаяніе; къ своимъ увѣреніямъ въ вѣчной вѣрности онъ примѣшиваетъ порывы къ новому предмету, который скоро долженъ облечься въ опредѣленную форму и назваться «баронессой де-Ребекъ.» Онъ въ горько-сладкихъ выраженіяхъ укоряетъ своего стариннаго друга въ подозрѣніяхъ, увы! слишкомъ основательныхъ. «Простите, другъ мой; я опечаливаю васъ; этого слѣдовало избѣгать. Но вы приняли уже твердое

намѣреніе, слѣдовательно, все бесполезно. Если бы у меня ета-
вало смѣль, признаюсь, я сказалъ бы вамъ: «Прервите переписку,
когда мы все болѣе и болѣе затрудняемся писать. Я чув-
ствую, что не могу уже говорить съ прежнимъ увлеченіемъ, по-
тому что, не знаю, какіе негодяи обманули васъ, и вы какъ въ
важномъ, такъ и неважномъ станете сомнѣваться.» Вы рѣши-
лись уже не довѣрять мнѣ, но у меня этой силы нѣтъ. Одна
мысль эта ненавистна мнѣ. Я долженъ страдать и писать къ
вамъ. Но не ожидайте уже ни веселости, ни занимательности.
Вы иссушили бѣдный источникъ веселости, какой еще оставался
у меня. Если бы я не зналъ васъ, я рѣшился бы всю жизнь ску-
чать и быть равнодушнымъ. Теперь уже не могу: я долженъ
любить васъ, потому что вы добры и достойны любви. Но эта
дружба, по милости недовѣрчивости, о которой вы говорите такъ
легкомысленно, стала самымъ горькимъ чувствомъ, потому что
и надежда жить подлѣ васъ разрушена вмѣстѣ съ надеждой из-
бавить васъ отъ этой ужасной недовѣрчивости. Клянусь вамъ,
что я въ отчаяніи, въ такомъ отчаяніи, въ какомъ можетъ быть
человѣкъ; лишившійся драгоценной связи. Я не знаю, что гово-
рю, что дѣлаю. Мое лицо и рѣзкія движенія пугаютъ моего бѣд-
наго слугу, у котораго я сейчасъ просилъ прощенія въ невольной
нанесенной обидѣ. Онъ смотритъ на меня съ удивленіемъ и не
понимаетъ, отчего я, бывший сегодня утромъ спокойнымъ, те-
перь плачу и сумасбродствую безъ всякой видимой причины.
Прошу прощенія и у васъ. Пойду прогуляться и успокоиться,
если можно.»

Въ девять часовъ вечера.

«Прогулка, общество и скука — три чудесныя прохладительныя;
я спокойнѣе, хотя не менѣе печаленъ. Не хочу ни слова говорить
о предметѣ предъидущихъ страницъ. Только въ отвѣтъ, котора-
го вы меня, можетъ быть, удостоите, скажите, неужели болѣзнь
неисцѣлима? неужели я не могу надѣяться, что вы избавитесь
отъ нея? Скажите только *да* или *нѣтъ*, и не уклоняйтесь. По-
говоримъ теперь о чемъ-нибудь другомъ, о чемъ-нибудь совер-
шенно постороннемъ для меня и для васъ. Я боюсь воротиться
къ моимъ жалобамъ. Еслибъ вы знали, какъ онѣ меня волну-
ютъ!

«Въ молодомъ человѣкѣ, котораго вы рекомендуете, я принимаю
очень большое участіе, но не думаю, чтобы герцогъ по моей
просьбѣ сдѣлалъ что-нибудь; министры и того меньше. Моя

холодность и совершенное уединеніе, въ какомъ я живу, еще не позволили мнѣ завести связей; я здѣсь со всѣми въ такихъ же отношеніяхъ какъ въ первый день пріѣзду. *Совершенное уединеніе*, говорю я, потому что вы представите себѣ, обѣдъ при дворѣ еще не ведетъ ни къ какой короткости. Я уже не встрѣчаюсь съ Англичанами, которыхъ видѣлъ вначалѣ, а что касается до людей, которые оказали мнѣ что-нибудь больше учтиваго поклону во дворцѣ или на улицѣ, я предаюсь унылой лѣни, которая мѣшаетъ мнѣ дѣлать визиты, а когда сдѣлаю, мѣшаетъ говорить о нихъ. Вообще, — если только вы не предположите, что я ради удовольствія обманываю васъ, — я очень несчастливъ. Но всё-таки жизнь проходитъ, и умереть, поскучивъ ли, повеселившись ли лѣтъ десять или двадцать, все равно. Я уже сорокъ-четыре дня здѣсь и пятьдесятъ-семь не видалъ васъ. Когда мнѣ будетъ сто-четыренадцать, будетъ вдвое больше.

«Кстати, что ваши апельсиновые отростки? Вы хотѣли пересадить ихъ? Принялись они? живы они? Я такъ ничего не намѣренъ садить: я не хочу, чтобы около меня цвѣло что-нибудь. Я хочу, чтобы все окружающее меня было унылое, печальное, поблеклое;

«And like me blasted at the prime of age
I must like me pine, and fade away, and die.»

«Вотъ какъ я далеко уклонился отъ вашего покровительствующаго. Но воротимся къ нему. Я попрошу герцога. Можетъ случиться, что попаду въ благосклонную минуту, и онъ что-нибудь сдѣластъ для этого вполне достойнаго молодаго человѣка. Я не надѣюсь, но можетъ случиться. Я пишу такъ медленно, что вотъ уже и полночь! Пора спать. Любите меня невозможно и не терзайте эту упрямую, жестокою недовѣрчивостью. Клянусь вамъ, что вы одинъ можете сдѣлать меня болѣе несчастнымъ, чѣмъ весь остальной міръ. Почивайте спокойно и проснитесь болѣе довольною.

В. К. де Р.»

-14, утромъ.

«У меня вчера весь день была такая хандра, такой low spirit, что я, по физическому закону моей плачевной и жалкой машины, рассчитывалъ сегодня на большую бодрость, на совершеннѣйшій high spirit. Законъ обманулъ меня. Я пишу вамъ однакожъ, какъ могу. Вы извинитесь (вы!), что неосторожно увеличилъ мое горе. Боже мой! какъ же мнѣ благодарить васъ, когда вы упре-

каете себя въ этомъ? Я поставилъ себѣ за правило защищать моего отца отъ всего и передъ всѣми, такъ же какъ вы поставили себѣ за правило никогда не жаловаться на.... Я, слѣдовательно, хотѣлъ защитить его и передъ вами, и это исполненіе обязанности вы приняли за упрекъ. Мой отецъ, съ своей стороны, опять вошелъ въ свой депостическій тонъ. Когда съ стариками обращаются сурово, они жалуются и покоряются. Если бы я могъ, такъ же какъ мой достойный кузень, клясться, огрызаться, швырять все около себя и уходить, отецъ пострадалъ бы, пожаловался — и конецъ. Но я не хочу этого господства. Я пострадаю, отецъ также, но не по моей винѣ. Я на то рожденъ, чтобы страдать, и не жалуясь. Мнѣ двадцать-одинъ годъ. Если я проживу еще лѣтъ тридцать или пятьдесятъ, это будетъ конецъ свѣта. Я столько уже перенесъ въ послѣдніе осемь лѣтъ, что невыносимаго для меня уже нѣтъ. Пусть меня оскорбляютъ, не понимаютъ, пусть клеветуютъ на меня, это не помѣшаетъ моему тѣлу спокойно истлѣть въ могилѣ. Можетъ-быть, я сойду съ ума. Потеря будетъ не велика. Не знаю, примѣтили ли вы *меланхолію* этого письма: Я перехожу отъ мысли къ мысли, самъ не зная почему. Я удивился, когда перечиталъ то, что писалъ вамъ вчера вечеромъ. Всѣ мои мысли черны, печальны, глупы и бездушны.

«Я дрожалъ отъ ярости при поведеніи В*** и сердце мое сжималось при непостижимомъ, безпримѣрномъ равнодушіи С***. Я не понимаю этого равнодушія, потому что онъ привязанъ къ вамъ. Однакожъ оно мнѣ понятно лучше вашей недовѣрчивости ко мнѣ. Его равнодушіе — естественное, врожденное, а ваша недовѣрчивость разсудочная: вы оправдываете ее, она правится вамъ, и вы сознательно, хладнокровно дѣлаете меня несчастнымъ.

«Какъ измѣнилась ваша переписка! И пока вы не дадите мнѣ надежды, что не станете продолжать наказывать меня за преступленія, которыя вы открываете за мной до нашего знакомства, прелесть ея не можетъ воротиться. Между-тѣмъ, я знаю, вы любите меня; каждое слово въ вашихъ письмахъ доказываетъ мнѣ это. Но ни всѣ эти доказательства, ни ваша веселость, ни вашъ умъ не утѣшатъ меня, пока мнѣ не удастся разсвѣять тучь, затемняющихъ и искажающихъ въ вашихъ глазахъ всѣ мои поступки.

«У меня не стаетъ силъ отвѣчать вамъ на то, что вы пишете объ атмосферѣ и состояніи ума. Чтѣ мнѣ за дѣло, чтѣ обо

мнѣ подумаютъ? Я не намѣренъ образоватъ себя агностеры. Скука, тоска, безмолвіе окружаютъ меня туманомъ, который для меня достигаетъ своей цѣли.»

Эти убѣжденія, кажется, не очень убѣждали госпожу де-Шарльеръ. Какъ Элеонора въ «Адолъфъ», она продолжала сътовать и дѣлать другу нѣжныя упреки. Въ ея тихихъ жалобахъ, безъсомнѣнія, было что-нибудь загадочное, недосмазанное: это видно изъ того, что де-Ребекъ называетъ ихъ выраженіями недоувѣрчивости. Предметъ этотъ затрогиваетъ да за сердце и онъ постоянно возвращается къ нему:

«13 марта.

«Ваше письмо глубоко поразило меня. Я полагалъ, что вы меня лучше знаете. Какъ можно! вы слушаете глупую болтовню завистниковъ и ненавистниковъ! Подозрѣніе и недоувѣрчивость закралась въ ваше сердце. То, что вамъ рассказываютъ о моемъ поведеніи въ Брауншвейгѣ, все — отголоски предубѣжденій, которыя меня окружаютъ здѣсь. Я не сомнѣваюсь теперь, что не кто иная какъ княгиня Эрлангенская охолодила васъ ко мнѣ, точно такъ же какъ возмутила всѣхъ почтенныхъ Брауншвейгцевъ. Эта любезная дама пемножко сварлива, — тѣмъ славится отъ Моря Балтійскаго до Средиземнаго, и за то же самое изгнана своимъ братомъ отсюда. Несмотря на это, они ладятъ и переписываются. Она писала къ своей сестрѣ: «Остерегайтесь молодого де-Ребекка: это змѣнный языкъ, и прочая.» Не удивительно, что предостереженіе подѣйствовало, и я примѣчалъ это довольно часто. Впрочемъ, я почти ни съ кѣмъ не знаюсь. Моя лошадь и лошади вообще достаточно занимаютъ меня и служатъ мнѣ коньками. Лошади — такія чудесныя животныя! Я чрезвычайно люблю ихъ. Я не знаю общества лучше лошадиного. Сейчасъ отправляюсь на конную площадь, гдѣ мѣняютъ и продаютъ лошадей. Если мнѣ удастся промѣнять мою на болѣе спящую, я буду очень доволенъ. Нужно же утѣшиться чѣмъ-нибудь въ немплоти у васъ, или, лучше сказать, нѣтъ, я не хочу утѣшаться. Нѣтъ, я продолжаю писать вамъ. Я хочу довести до краски ту, которую я люблю и которая въ самой обыкновенной, въ самой простодушной мысли моей старается найти преднамѣренный обманъ. Если бы, по-крайней-мѣрѣ, видно было, что эта особа пожелаетъ оставаться въ такой постоянной недоувѣрчивости, можно было бы имѣть еще надежду. Но когда вы уже заклинали самымъ убѣдительнымъ образомъ объяснитъ основанія недоувѣрчивости, и когда

вамъ эти неизвѣстныя основанія всё-таки представляются не какъ предположенія, а какъ факты; когда вы видите, что должно покориться своей судьбѣ, рѣшиться оставаться неизвѣстнымъ, непонятымъ, заподозрѣннымъ и снести горькую несправедливость, оставить безъ вниманія, — и когда вспомните, что та же самая особа писала: *Не будьте невнимательны....* тогда, конечно, протестительно страдать и жаловаться на жестокою непослѣдовательность лучшаго друга.

«Я принужденъ подобрать всё рваные клочки бумаги въ моей комнатѣ, потому что цѣльные листы всё вышли, а почта скоро отходитъ. Отъ васъ я получу вѣсть не раньше тридцатаго, то есть черезъ пятнадцать смертельныхъ сутокъ. Если же однакожь вы были такъ добры, что сами уже писали ко мнѣ и ваше письмо прѣрветъ эту вѣчность безмолвія, въ которой я заслуженно долженъ томиться, о! тогда я буду вамъ обязанъ больше чѣмъ за величайшее благодѣяніе! Тогда вы будете мнѣ вознагражденіемъ во сто разъ выше моихъ страданій. Я знаю, что значитъ недоувѣрчивость. Подумайте, что оно разрушаетъ все наше наслажденіе! Наши отношенія съ вами очень отличны отъ отношеній отца къ сыну; вспомните однакожь, что причиною холодности между мною и отцомъ,—когда отецъ любитъ меня и когда я дорого бы далъ за его спокойствіе,—холодность эта произошла не отъ чего нѣаго какъ отъ недоувѣрчивости, не столько кроткой, не столько нѣжной и дружеской, но всё-таки однородной съ вашею. Какъ вы можете подуматъ, что я когда-нибудь перестану цѣнить васъ, что вы когда-нибудь не будете мнѣ безпредѣльно дороги? Это съ вашей стороны не только жестокость, это безразсудство.

«Вы пишете, что *скажете мнѣ*. Что же вы мнѣ скажете? Ради Бога, перестаньте уклоняться! Если эти уклоненія идутъ отъ сердца, они жестоки и унижательны для меня; если же это только риторическія украшенія, то не великодушно блестятъ краснорѣчіемъ за дѣсти-пятьдесятъ миль насчетъ двухъ недѣльнаго терзанія и безлокояства другаго, совершенно невиннаго. Если вы въ слѣдующемъ вашемъ письмѣ не скажете мнѣ, что чуть-чуть не сказали въ послѣднемъ, я и безъ письма очень отчетливо прочтаю слѣдующее: «Я уже не питаю къ вамъ ни малѣйшей довѣренности и на участіе къ вамъ смотрю какъ на слабость. Я не довольно уважаю васъ, чтобы сказать: вотъ мои сомнѣнія; объясните ихъ. Я обхожусь съ вами какъ съ человѣкомъ, о

«которомъ ничего не хочу знать, потому что не могу узнать ни
«чего хорошаго.»

«19 іюня, 1788.

«Я пишу лежа на постелѣ, послѣ осмидневной желчной лихорадки, которая надѣлила меня несноснѣйшею головою болью. Я начиналъ уже нѣсколько писемъ къ вамъ, но голова и руки все отказывались. Еще и сегодня пользуюсь только промежуткомъ двумя припадками жару, чтобы сказать вамъ: Здравствуйте, Изабелла! какъ ваше здоровье? Чтò касается до двора, я со времени короткаго посѣщенія короля прусскаго ничего не знаю. Я до него еще захворалъ, но для него всталъ и проводилъ всю ночь на ногахъ, ддятого чтобы вмѣстѣ съ другими, въ четыре часа утра, поклониться отъѣзжающему. Въ пять часовъ я воротился домой вдвое прежняго хуже больной, и съ тѣхъ-поръ только тѣмъ и занимался, что пилъ чай съ лимономъ и потѣлъ. Вы спрашиваете о моихъ успѣхахъ при дворѣ. Продолжаю по прежнему,—немножко злословлю, много зѣваю, кое-гдѣ врага наживу, кое-гдѣ молоденькой дѣвушкамъ повравлюсь и вяну въ беззаботности и темнотѣ, смотрю, какъ дни за днями и недѣли за недѣлями проходятъ,—вотъ и всё мои занятія. Если я разговариваю съ женщинами или дѣвущками, то, разумѣется, только по разсѣянію. Я люблю говорить только съ вами и быть люблю только подлѣ васъ. Прощайте, Изабелла! Я каждый день сильнѣе чувствую, что здѣсь нѣтъ Изабеллы. Это роль, которой двуличивые не играютъ. Прощайте.»

«29 іюня.

«Мое здоровье всё-еще ниже посредственнаго. Глаза плохи стали. Вечеромъ пишу мало и съ трудомъ; спать ложусь рано. Глаза, можетъ быть, поправятся; если жъ нѣтъ, я пріѣду въ Коломбѣ и, если вы не захотите или не можете взять меня, я размножу себѣ голову.

«Здѣсь есть дама, маленькая, толстенная, кругленькая, красненькая, обладающая двумя ребятишками, которыхъ она вѣчно цѣлуетъ. Она прыгаетъ около нихъ какъ воробей. По причинѣ этой милой страсти ее находятъ нестерпимою. Нѣсколько дней тому назадъ, игралъ съ этою дамою въ вистъ, я говорилъ себѣ: эта страсть стòитъ другой, и любить такимъ образомъ значитъ всё-таки любить. Теперь я узнаю, что этотъ жирный ангелъ хуже сатаны, — ненавидитъ мужа, нещадно колотитъ дѣтей. Нѣжности ея никого надолго не обманываютъ. Она этимъ славится.»

Въ слѣдующемъ за этимъ письмѣ баронъ де-Ребекъ въ первый разъ говоритъ о своей женитьбѣ на молодой особѣ, служившей при дворѣ герцогини Брауншвейгской. Бракъ этотъ совершился, въ 1789 году, при содѣйствіи нѣкоторыхъ придворныхъ дамъ и былъ очень несчастливъ. Съ этой минуты письменное замѣшательство друга мадамъ де Шаріеръ растетъ и удваивается. Онъ мечется между новыми привязанностями и вѣрностью, въ которой старается увѣрить, и это странное положеніе, которому онъ всячески старается придать видъ естественнаго, все болѣе и болѣе оказываетъ вліянія на состояніе его духа. Мы извлечемъ изъ этой обширной переписки то, что относится къ первымъ супружескимъ тревогамъ и ко второму браку барона де-Ребека. Здѣсь оканчивается его юность, если можно такъ назвать преждевременно отцвѣтшіе годы и раннюю дряхлость сердца, застуженнаго систематическимъ расчетомъ.

Писать къ женщинѣ, къ другу, которому была обѣщана ненарушимая вѣрность,—щекотливая вещь. Вотъ, что писалъ баронъ де Ребекъ:

«8 сентября, утромъ, въ 9 часовъ.

«Еще прошла невозвратная ночь! Еще миновало множество чувствованій, испытанныхъ въ первый и въ послѣдній разъ! Привязанность наша къ счастью, надобно признаться, изрядно смѣшана. вмѣсто того чтобы цѣлыми годами трудомъ готовить себѣ минуты, которыя обыкновенно бываютъ совѣмъ не такъ хороши, какъ предполагаемъ, слѣдовало бы лучше замалывать разныя части прошедшей жизни. Только реакція прошедшаго и будущаго на настоящее составляетъ то, что называютъ несчастіемъ. Въ настоящую минуту я не страдаю; какое же мнѣ дѣло до того, что я страдалъ два часа тому назадъ или буду страдать завтра? Чтѣ я перенесъ, того уже нѣтъ; чтѣ придется перенести, того еще вѣтъ, а я стану тревожиться, терзаться и надрываться надъ двумя ничто!... Какое глупое, сумасбродное разсужденіе! скажете вы....

«Меня прервалъ визитъ, отъ котораго я нѣсколько встревожёнъ. Вчера, въ воскресенье, былъ большой выходъ. Я былъ въ Линденъ и это замѣтилъ. Всѣ объ этомъ говорятъ. Боюсь, чтобы герцогъ не прогнѣвался: онъ такъ наказывалъ мнѣ хранить тайну. Но ему слѣдовало также наказать всѣмъ праздношатающимся, чтобы не слѣдили за малѣйшими моими движеніями. У меня здѣсь только одинъ повѣренный, знающій объ этомъ. Чѣмъ

я виновать, если другіе вывѣдываютъ, изобрѣтаютъ, преувеличиваютъ? Я не знаю, какъ мнѣ быть.

«Финансы мои чертовски запутываются. Въ будущемъ мѣсяцѣ приходится много кое-чего заплатить. Но въ будущемъ же мѣсяцѣ я узнаю, гдѣ мой отецъ, и или умру или женюсь. Отвѣчайте мнѣ, сдѣлайте милость. Вы не повѣрите, какъ пужна мнѣ опора, чтобы не пасть подъ этой сложною грудой безвокоистствъ! Я сражаюсь и побѣждаю, но съ трудомъ. О! триста фунтовъ стерлинговъ въ годъ, Минипу и хижину! Мой американскій плащъ постоянно занимаетъ меня. Передо мной лежитъ выписка изъ Political Essays concerning the present state of the British Empire:

«Чтобы поселиться въ Каролинѣ, человѣку нужно по-крайней-мѣрѣ 353 фунта стерлинговъ. Итогъ ежегоднаго расхода составить 66 фунтовъ; доходъ за первый годъ 67 фунтовъ; слѣдовательно есть чѣмъ жить.

«Предполагая, что колонистъ имѣетъ 500 фунтовъ стерлинговъ, и соразмѣрно тому увеличивъ его обзаведеніе, найдемъ, что ежегодный расходъ составитъ 82 фунта, доходъ 131 фунтъ; слѣдовательно чистой прибыли 49 фунтовъ, или болѣе десяти на сто.

«Предполагая, что имѣетъ 750 фунтовъ стерлинговъ, при такомъ же соразмѣрномъ распространеніи, найдемъ, что доходъ превзойдетъ расходы, — не считая пропитанія владѣльца, — 185 фунтами стерлинговъ.

«Предполагая 1,000, найдемъ доходу 500 и чистой прибыли, также за вычетомъ пропитанія, 242 фунта стерлинговъ.

«Разсчитывая по моему состоянію и по обрывкамъ въ 3,000, 4000 или, можетъ быть, въ 8000 до 9000 фунтовъ стерлинговъ, не лучше ли жить колонистомъ въ Каролинѣ чѣмъ ищущимъ здѣсь? И она поѣхала бы со мною. Да это было бы прекрасно! если бы, оправившись здоровьемъ, убѣдившись на опытѣ нѣсколькихъ лѣтъ въ счастья моей Минны со мною, приводе въ порядокъ состояніе, снова привыкнувъ къ труду и избавившись отъ хандры, которая всё-еще иногда навѣщаетъ меня, я могъ поселиться въ этой новорожденной странѣ, въ этомъ чудесномъ климатѣ! Англія — другой прекрасный плащъ для меня, привычнаго къ правамъ языку, удовольствіямъ и идеямъ Англичанъ, но эти права, этотъ языкъ, эти удовольствія, эти идеи слишкомъ чужды моему сердцу. Она не стала бы жаловаться, но пострадала бы. Тамъ меня развлекутъ тысячи интересовъ, тысячи удовольствій (которыя я испыталъ и понимаю, но ненавижу безъ со-

жалѣнія), удовольствій, въ которыхъ женщина не приметъ участія, и которыя помѣшаютъ мнѣ достаточно заботиться объ ея счастіи. Ея молчаніе не укроетъ отъ меня того, что она будетъ чувствовать. Мнѣ однако жъ невозможно будетъ жить не такъ, какъ всѣ мои друзья; я захочу, можетъ быть, исправить упущенія предупредительностью, но жестокой опытъ, котораго, къ великому моему сожалѣнію, вы были жертвою, слишкомъ хорошо доказалъ мнѣ, что предупредительности бываетъ недостаточно.

«Благодарю васъ за добрые совѣты насчетъ здоровья. Оно у меня болѣе слабо чѣмъ плохо. Я не болѣю, но малѣйшее излишество бодрствованія или въ-особенности вина ставитъ меня на шагъ отъ смерти. Нѣсколько дней тому назадъ, благодѣтельный рейнвейнъ чуть не отправилъ меня на тотъ свѣтъ. Сверхъ-того кровь у меня бурлитъ ужасно; на рукахъ и ногахъ у меня лштан и малѣйшая царапина тотчасъ воспаляется. Расположеніе духа, разумѣется, много отражаетъ въ себѣ эти измѣненія; иногда хандрю до сумасшествія; бываетъ лучше, весело никогда и часу не проходитъ безъ тоски. Если бы вы видѣли, какъ Миша утѣшаетъ меня, успокоиваетъ, ухаживаетъ за мной, вы полюбили бы ее. Вы уже любите ее, неправда ли? Скоро будетъ годъ какъ я пѣшкомъ, въ восемь часовъ вечера, пришелъ въ Коломбѣ, третьяго октября 1787. Меня тогда ожидали прекрасныя минуты, которыхъ я вовсе не предполагалъ. Милый, добрый Пудель (Barbet), какъ много я обязанъ тебѣ! какъ много я люблю тебя! Ты отвѣтишь мнѣ любовью: ты не можешь быть ни несправедливымъ, ни неблагоразумнымъ. До Америки я еще увижусь съ тобой. До свиданья. Сегодня вечеромъ — большое собраніе.»

Въ тонѣ всего этого посланія очевидно господствуетъ смѣсь вертеровской сентиментальности съ простодушіемъ, скользящимъ по насмѣшкѣ, — пестрядь мыслей, которыя не дѣлаютъ чести ни вкусу, ни сердцу корреспондента. Кчему такія изліянія, такая откровенность, такія мечтанія о счастіи съ другою женщиной, когда человѣкъ пишетъ къ той, которая слышала его прежнія утѣренія? Баровъ, вѣрно, имѣлъ высокое понятіе о снисходительности, снисчивости и долготерпѣніи своего друга, когда посвящалъ ее такимъ образомъ въ тайны своей новой страсти, а имя Пуделя, — намекъ на басню, въ которой мадамъ де-Шаріеръ скромно описала себя въ лицѣ животнаго, служащаго образцомъ вѣрности, — ужъ черезъ-чуръ простодушно выражаетъ скромную и безкорыстную привязанность ея къ де-Ребѣку. Онъ слишкомъ безнощадно во зло употребляетъ открытое въ ней самоотверженіе.

Ничто такъ хорошо не изображаетъ подвижности мыслей де-Ребёка въ эту эпоху его жизни, какъ продолженіе письма, котораго начало мы сейчасъ читали. Оно писано отрывками черезъ нѣсколько часовъ. Но чтобы понять его, нужно объяснить важное происшествіе, случившееся тогда съ молодымъ камеръюнкеромъ. Его отецъ, швейцарскій генералъ въ голландской службѣ, подвергся низкому обвиненію въ расхратѣ полковыхъ денегъ, взведенному на него нѣкоторыми офицерами его полка. Шуну было много; дѣло подало поводъ ко множеству объясненій и отписокъ и даже къ памфлетамъ. Въ первую минуту ужасу и сраму, какой произвелъ этотъ процессъ, генералъ К. де-Ребёкъ счелъ за лучшее бѣгствомъ укрыться отъ интригъ и преслѣдованій враговъ. Это неожиданное несчастіе отравило приготовленія и первые мѣсяцы брака молодого барона. Онъ тотчасъ же поскакалъ въ Голландію защитить отца и честь своего имени. Въ эту самую минуту, онъ, послѣ долгаго перерыву, снова принимается писать къ своему старинному другу. Кажется, что положеніе его еще больше затруднилось отъ значительнаго проигрыша въ карты, потому что въ ту пору онъ предался этой страсти, несмотря на торжественное обѣщаніе, которое прежде далъ господамъ де-Шаріеръ. Это обѣщаніе было написано на червонномъ ваятѣ. Вотъ его англійскій подлинникъ и переводъ:

«By all that is deemed honourable and sacred, by the value I set upon the esteem of my acquaintance, by the gratitude I owe to my father, by the advantages of birth, fortune and education, which distinguish a gentleman from a rogue, a gambler and a blackguard, by the rights I have to the friendship of Isabella and the share I have in it, I herely pledge myself, never to play at any chance-game, nor at any game, unless forced by a lady, from this present date to the 1-st of jany 1793: which promise if I break, I confess myself a rascal, a liar, a villain, and will tamely submit to be called so by every man that meets me.

«Brunswick, the 19 of march 1788.

B. C. de Rébègue.

«Всѣмъ, что считается почтеннымъ и священнымъ; дорогимъ мнѣ уваженіемъ друзей; признательностью, которою я обязанъ отцу; преимуществами роду и воспитанію, которыми благородный человѣкъ отличается отъ мошенника, шулера и негодяя; правами мои на дружбу Изабеллы и тою частію ихъ, какою уже пользуюсь, клянусь и даю мое честное слово никогда не играть ни въ какую азартную и въ другую игру, — кромѣ тѣхъ случаевъ, когда меня принудятъ играть съ дамою, — отъ сегодня до 1 января 1793 года. Если я не сдержу этого слова, то сознаюсь, что я мошенникъ, лгушъ и негодяй и безпрекословно подвергнусь быть названнымъ такъ всякимъ встрѣчнымъ.

«Брауншвейгъ, 19 марта 1788.

Б.-К. де-Ребёкъ.

Десять часовъ вечера.

«Прощаясь съ вами, я не ожидалъ, что буду продолжать письмо почти разорванный и не буду знать, останется ли у меня подъ ногами столько земли, чтобы ступить; сохранится ли мое имя отъ повору и въ состоянн ли буду я предложить моей Вильгельмшъ что-нибудь, кромѣ стыда и нищеты! Герцогъ получилъ письма изъ Голланди. Гдѣ мой отецъ — неизвѣстно. Онъ до приговору скрылся. Вѣрно, ужасныя вещи принудили его къ этому неожиданному поступку. Богъ знаетъ, гдѣ онъ и на что рѣшился! Съ другой стороны, во Франціи все гибнетъ. Бонтавы, которымъ, несмотря на моя убѣдительныя просьбы, отдали пятьдесятъ тысячъ франковъ, навѣрное обанкрутятся. Пожизненные доходы мои прекратились. А я еще такъ просилъ, чтобы оставили въ Англіи сумму, которою я могъ распоряжаться гораздо легче чѣмъ проклятою землею, которой нельзя продать! Притомъ еще, эту землю, при отцовыхъ долгахъ, если что неприятное случится, нужно будетъ успѣшно продать съ убыткомъ. Все это моя вѣдьма-мачиха распоряжается! Я не въ состоянн предложить моей Миннѣ ничего, кромѣ нищеты и зависимости! Если мы можемъ еще существовать, такъ это только милостями герцога, и идея, что я доставилъ моей Миннѣ независимость, обратится въ постоянное сознаніе собственной зависимости и невозможности когда либо освободиться.

«Тринадцать часовъ, не больше, тому назадъ я держалъ ее въ объятіяхъ и не думалъ ни о чемъ, кромѣ счастья, въ которомъ былъ увѣренъ. Завтра я опять увижу ее, но чувствованіе будетъ уже совсѣмъ иное.

«Боже мой! гдѣ мой отецъ? Гдѣ онъ можетъ быть? Какая тоска, какое отчаяніе! Я совершенно теряюсь. Вспросилъ все и никому не сказалъ ни слова! Вы, пожалуйста, объ этомъ ничего не говорите. Спокойной ночи, милый Пудель, прощайте! Любите меня немножко; любите и мою Вильгельмшину; она того стоитъ. Я чувствую, что для меня нѣтъ ни счастья, ни спокойствія, ни жизни безъ нея.»

Мы сказали, что молодой де-Ребѣкъ явился любящимъ и преданнымъ сыномъ въ несчастіи, которое постигло его отца. Въ самомъ дѣлѣ онъ оставилъ все, мѣсто, дворъ, занятія, невѣсту, сердечную переписку, чтобы летѣть въ Гагу, защищать отца, и, кажется, былъ очень нуженъ тамъ для уничтоженія интригъ. Въ исключительномъ знаніи этимъ священнымъ, но неприятымъ и

неблагодарнымъ дѣломъ, характеръ его, безъ того не терпѣвшій противорѣчій, вконецъ раздражился. Доказательство тому находимъ въ продолженіи переписки. Мадамъ де Шаріеръ, какъ истинный другъ, хотѣла давать молодому человѣку совѣты и наставленія. Во многихъ мѣстахъ этихъ писемъ видно, что она, можетъ-быть слишкомъ затрогивала больное мѣсто, и кажется также, что она была не совсѣмъ довольна другомъ, который занимается только своимъ отцомъ. Такъ по-крайней мѣрѣ можно заключить изъ слѣдующаго письма.

«Вы, можетъ-быть, найдете, что я не совсѣмъ честно поступаю, когда не стараюсь побольше и по-серьезнѣе заняться дѣломъ, которыми вы заняты и имѣете столько причинъ быть исключительно занятымъ. Но съ другой стороны вы должны также сознаться, что довольно грустно мнѣ видѣть только это дѣло въ вашихъ письмахъ. Если вы не можете писать, то это дѣло другое! и я ради вашего здоровья, охотно отказываюсь отъ моего удовольствія. Если же у васъ еще есть сила писать, скажите мнѣ, стараетесь ли вы скольконибудь, чтобъ васъ любили? Если стараетесь, значитъ очень выгодно измѣняете своихъ привычекъ.»

Де-Ребекъ, злонстъ въ своемъ горѣ, не понимая, какъ мадамъ де-Шаріеръ могла вмѣстѣ съ этимъ писать къ нему о политическихъ событіяхъ, въ то время, когда отцово дѣло совершенно поглощало его. Это породило новыя неудовольствія. Ихъ неприятно накопилось много. Въ Гагъ, родственники мадамъ де-Шаріеръ также неумышленно оскорбили обидчиваго молодого человѣка. Всѣ эти досады и неровная борьба, затрудненная еще неговорчивостью отца, сильно разстроили его. Обыкновенная хандра его приняла довольно рѣзкій оттѣнокъ ненависти къ людям; онъ сталъ мраченъ, подозрителенъ, вездѣ полагалъ видѣть враговъ или по-крайней мѣрѣ людей, расположенныхъ видѣть въ его отцѣ преступника. Все это отражается и въ письмахъ его къ мадамъ де-Шаріеръ, въ особенности въ отвѣтѣ на ея совѣты по поводу вышедшей въ Голландіи записки о процессѣ генерала де-Ребека, которую онъ просилъ ее распространять.

«14 сентября, 1789.

«Ваша манера писать таинственно, пишетъ онъ, досадуетъ и утомляетъ меня. Я не люблю сивиллъ; нужно или говорить ясно, или молчать, тѣмъ болѣе, что у меня едва достаетъ времени отвѣчать вамъ и еще менѣе охоты разгадывать загадки. Мнѣ нечего стараться объ уменьшеніи вины подсудимаго. Я знаю, что

Май (одинъ изъ жесточайшихъ протуряковъ генерала) мерзавецъ. Я уже написалъ къ его покровителю и не уѣду, не написавъ къ нему самому. Поведеніе моего отца во всемъ этомъ было законно, исключая того, когда онъ удалился отъ нападенія открытой силы. Во многихъ случаяхъ оно было исполнено достоинства. Если вы мнѣ скажете, что вамъ рассказывали, я могу пояснить вамъ дѣло. Но на ваше шеголянье сжатымъ слогомъ, который вы считаете такимъ величественнымъ, я ничего не могу отвѣчать вамъ. Да хранитъ васъ Богъ. Убѣдительно прошу васъ сжечь мои письма, такъ же какъ я, передъ отъѣздомъ изъ Швейцаріи, сжегъ свои. Я думаю, что имѣю право требовать этого. Вамъ самимъ знать, должны ли вы оставить мнѣ однимъ поводомъ болѣе къ безпокойству и наказать меня за прежнее мое довѣріе.»

Надобно согласиться, что это письмо странное, оскорбительное, непостижимое послѣ тону предъидущихъ. Отвѣтъ не замедлилъ явиться. Черновая его находится на самомъ оборотѣ этого наглаго вызова. Можетъ быть, впрочемъ, мадамъ де-Шаріёръ удовольствовалась этимъ изліяніемъ про себя и не отправила копій.

•28 сентября, 1786.

«Сдѣлайте милость, скажите мнѣ, отвѣчая оскорбленный другъ, благодарны вы, или злы и немножко съ ума сошли? Можетъ быть, это помѣшательство мимолетное, и въ такомъ случаѣ я сочту его неважнымъ. Почему я обязана подробно излагать вамъ дѣло, въ которомъ не увѣрена, и чѣмъ такое изложеніе было полезно моего совѣта, чтобъ вы обратились къ людямъ болѣе меня знающимъ по дѣлу, отъ котораго, какъ мнѣ говорили, могутъ произойти неприятыя для вашего семейства слѣдствія? Пусть впередъ будетъ, что будетъ. Я столько же мало пожалѣю о прекращеніи моихъ напрасныхъ совѣтовъ, сколько о чувствѣ, которое меня побуждало давать ихъ. Ваша суровость уменьшаетъ въ сколько мою разборчивость. Напишите и подпишите во формѣ, что мои письма *всѣ* сожжены, и я съ *туже* минуту сожгу *всѣ* свои. Вы говорите мнѣ о сожженіи моихъ писемъ такъ криво, что дѣло имѣетъ видъ фразы съ досады.

И.-А.-Е. ванъ-Зейль-ванъ Сероскеркенъ-де-Шаріёръ.»

P. S. Не ожидая и не воображая такого бѣснованія, я нѣсколько дней тому назадъ писала вамъ, что хожу вездѣ и выхваляю васъ всѣмъ и каждому. Если вашъ здравый разумокъ, до полученія этого, воротился, не безпокойт се о дѣйствіи вашей негодной и

вечестной выходки: я забуду о ней раньше васъ. Что касается до того, что не собственно—вы, то объявляю вамъ, что не будъ васъ, я не приняла бъ въ томъ ни малѣйшаго участія. Я не только распространять, читать не стала бы той записки. Если вы способны и хотите быть справедливымъ, вы признаетесь, что въ отношеніи ко мнѣ не имѣете ни какого права надѣяться на выгодное предубѣжденіе.

«Если вы останетесь въ вашемъ духѣ четырнадцатаго числа, избѣгайте моихъ родственниковъ: ихъ пріемъ будетъ вамъ тягостенъ, и, какъ никто изъ нихъ не превосходитъ меня въ честности и въ affectionate and generous feelings, то вамъ въ ихъ обществѣ будетъ не лучше чѣмъ въ моемъ. Отъ такого знакомства никому не будетъ пользы.

«Прошу позволенія сохранить нѣсколько писемъ и записокъ, совершенно значительныхъ, чисто дружескихъ или шуточныхъ. Если же вы повторите требованіе и объявленіе, что сами все сожгли, желаніе ваше будетъ тотчасъ же исполнено. Самое забавное въ вашей досадѣ то, что я возбудила ее именно тѣмъ, чего желала избѣжать посредствомъ сжатости слогу. Какая мнѣ надобность знать объясненія? Я слушала рѣчи объ этомъ дѣлѣ единственно длительно чтобъ сказать вамъ все то, что считала полезнымъ для васъ, а вы всегда сердитесь, когда я сколько-нибудь распространялась.»

Кажется, де-Ребѣкъ не хотѣлъ ни повторить, ни подписать требуемаго объявленія, потому что письма сохранились. Кажется даже, что онъ извинился и получилъ прощеніе. Но это возстановленіе миру уже не имѣло прелесть ни для нея ни для него. Со времени роковаго письма изъ Гаги, дружба ихъ значительно повредилась. Прежній тонъ уже не встрѣчается; письма де-Ребѣна иногда вѣжны, иногда сухи, иногда насмѣшливы, всегда остроумны, но и всегда носятъ на себѣ отпечатокъ мрачнаго унынія. Онъ начинаетъ думать, что сдѣлалъ ошибку, когда женился. Денежныя затрудненія, заботы по отцовскому дѣлу, кокетство жены, не раздѣлявшей ни одной его привычки, все это подавляло и раздражало его. «Политика, говорилъ онъ, одна только еще нѣсколько подстрекаетъ мое слабое любопытство.» Въ самомъ дѣлѣ, съ этого времени въ его перепискѣ рѣчь преимущественно идетъ о политикѣ. Въ концѣ 1788 года, мы находимъ его опять въ Лозаннѣ. Онъ пріѣхалъ, чтобы на мѣстѣ захватить нѣсколько тайныхъ интригъ противъ его отца. Оттуда онъ пишетъ къ ма-

дамъ де-Шарієръ, давшей ему нѣкоторыя литературныя порученія, о которыхъ онъ, впрочемъ, очень мало заботится.

«Я ѣду съ отцомъ въ Голландію, продолжать неравную борьбу, которую ведемъ уже цѣлый годъ. Бѣдная жена моя остается здѣсь. Она прійдетъ въ Голландію послѣ, не знаю когда. Если бы вы знали, какъ накутила мнѣ жизнь, какъ я несчастенъ! Все продолжается и ничто не измѣняется. Шесть-мѣсяцевъ назадъ, я говорилъ себѣ: что бы мнѣ быть хоть тремя мѣсяцами по старше! Три мѣсяца назадъ-то же желаніе; сегодня тоже, и еще съ меньшею надеждою. Лихорадка моя прошла. Возвращаю вамъ вашу рукопись; я не могъ заняться исправленіемъ. Книгопродавца не нашелъ; Лакомъ только перепечатываетъ все, что выходитъ въ Парижѣ. Я не называлъ васъ. Можетъ-быть, успѣлъ бы, если бы назвалъ. Прощайте. Я несчастенъ и буду несчастенъ. Вашъ переводъ не ровняется подлиннику. Передѣляйте. Прощайте. Я люблю васъ. Пишите ко мнѣ въ Гагу.»

Слѣдующія затѣмъ письма писаны изъ Гаги и Брауншвейга, куда де Ребекъ воротился въ половинѣ 1790 года. Въ нихъ господствуетъ все то же уныніе. Онъ пишетъ больше для того чтобы отвести душу, чѣмъ для того чтобы имѣть случай исполнить долгъ дружбы. Господинъ де-Септъ-Бѣвъ замѣчаетъ что мадамъ де-Шарієръ не должна бы была позволять откровенность, въ которой баронъ обнаруживалъ всю свою сухость, всю свою безотрадную скуку. Но и она тоже была несчастна. Въ своемъ уединеніи, въ Коломбѣ, она не видала никого, кто бы понималъ ее. Чѣмъ болѣе Европа волновалась, тѣмъ болѣе нѣмое уединеніе душило ее. Письма стариннаго друга составляли для нея слишкомъ рѣдкое и слишкомъ драгоценное развлеченіе, чтобы отвернуть ихъ. Притомъ женское и авторское любопытство ея спально возбуждалось новостями, которыя онъ ей сообщалъ, и наконецъ она хотѣла видѣть писанное его рукой доказательство того, что она уже подозрѣвала, — домашнихъ, супружескихъ смутъ, которыми онъ подвергся.

«Ваше послѣднее письмо, пишетъ онъ изъ Гаги, 11 мая 1790, доставило мнѣ много удовольствія. Я не по своей волѣ долго не отвѣчалъ вамъ. Я такъ постоянно и такъ бесполезно работаю, что едва имѣю время дышать, и всѣ короткія минуты отдыха стараюсь употребить на то чтобы ни о чемъ не думать,—что съ тѣхъ-поръ какъ я принужденъ думать безпрерывно, составляетъ для меня истинное сладострастіе. Я сообщилъ вамъ просьбу, которую, полгода тому назадъ, подалъ въ государственный совѣтъ.

Вы видите тамъ мои доводы противъ несчастныхъ, которые такъ забавляются отравленіемъ нашей жизни. Несмотря на эти доводы они настаиваютъ на томъ, чтобы судить насъ, и это вопросъ, котораго ваши земляки еще не собрались рѣшить. Но полно объ этомъ процессѣ, который уже надобѣль вамъ, — я понимаю это, — и который мнѣ также не доставляетъ ни какого удовольствія, ни даже удовольствія имѣть на своей сторонѣ право: я такъ пресыщенъ силою моихъ доказательствъ, что эти доказательства мнѣ самому несноснѣ чѣмъ кому-нибудь.

«Да, ваше послѣднее письмо доставило мнѣ большое удовольствіе, но удовольствіе съ примѣсью горечи, — удовольствіе при которомъ надъ каждымъ словомъ говоришь: «да, очень жаль!» Въ самомъ дѣлѣ, очень жаль, что судьба насъ такъ совершенно и невозвратно разлучила. Между нами есть точка соприкосновенія, которая устояла бы противъ всѣхъ различій вкусовъ, привычекъ и прихотей, могучихъ нарушить доброе согласіе. Мы часто разставались бы въ досадѣ, но всегда опять мирились бы. Очень жаль, что вы несчастны въ Коломбѣ, а я здѣсь; вы больны, а я разоренъ; вы недовольны равнодушіемъ, я въ негодованіи на слабость, и такъ удалены другъ отъ друга, что не можемъ смѣшать ни нашихъ неудовольствій, ни нашей огады. Вы навсегда останетесь самымъ дорогимъ и самымъ страннымъ моимъ воспоминаніемъ. Я счастливъ моею женою; я не могу желать даже приближенія къ вамъ черезъ разлуку съ нею, но и никогда не перестану говорить: *Очень жаль*. Ваша мысль всегда возвращаетъ мнѣ часть живости, которую отняли несчастія, физическая слабость и продолжительныя сношенія съ людьми, которыхъ я остерегаюсь. Кто бы ни заговорилъ со мною о васъ, я прихожу въ такой жаръ, что удивляю тѣхъ, которые часто говорятъ о насъ отъ нечего дѣлать или не зная что сказать мнѣ.

«Прилагаю записку къ мосье де-Шаріеру. Я обѣщалъ заплатить ему долгъ по первому требованію, но долженъ признаться, что во весь этотъ годъ не въ состояніи буду платить. Когда станете отвѣчать, адресуйте, пожалуйста, въ Брауншвейгъ, потому что я цѣлой недѣли уже не пробуду здѣсь. Я подамъ еще просьбу и оставлю нашу судьбу въ рукахъ ихъ превосходительство, которые объ ней, разумѣется, очень мало заботятся. Поговаривали о рѣшеніи, однако не видать что то. Нечего дѣлать, надобно страдать и ждать. Мое здоровье выдерживаетъ эту постоянную тревогу лучше нежели я ожидалъ. У меня начинается боль въ груди, но я думаю это не что иное какъ недостатокъ движенія. При со-

дѣйствию козы, моей жены, собаки Жамедки и правдолюба, все это поправится, а по поправится, беда по велика.

«Прощайте. Безъ сомнѣнiя, никто не дѣлать и не любить васъ больше меня. Если я когда-нибудь, по непредвидѣнному случаю, ворочусь въ Швейцарiю, то попрошу у васъ гостеприимства, а до-той поры прошу васъ не поддаваться досадѣ, которая лишаетъ васъ послѣдняго удовольствiя, возможнаго въ разлуку. Прощайте.»

Брауншвейгъ.... 1790

«Послѣ четырехъ суточнаго путешествiя, я прибылъ сюда тревожимый мыслью о нашемъ несчастномъ процессѣ, который запутывается съ часу на часъ хуже, и трепеща, что принужденъ буду скоро опять ѣхать. Я буду писать къ вамъ, можетъ быть, чаще чѣмъ надѣялся. Мысленно я постоянно пишу къ вамъ. Только физическое дѣйствiе, взять перо и писать, тягостно и останавливаетъ меня; останавливаетъ даже необходимость обернуть страницу: поэтому, чтобы избѣжать лишняго труда, я начинаю какъ можно выше. Вчера и третьяго дня я былъ болѣе какъ собака; но увѣряю васъ безъ галиматiи, что это мнѣ ничего. Я ни мало не пожалѣю о жизни: чтобы пожалѣть, нужно быть сумасшедшимъ. Жена много любитъ меня, однако жъ, лишившись меня, лишится не многого. Я могу также прожить столько же, сколько прожилъ отецъ, съ которыми, мимоходомъ сказать, друженъ теперь какъ только возможно. Для васъ я никогда не могъ бы жить, хотя бы и жилъ жизнью человѣка. Я вижу, что счастливымъ ни кониъ образомъ быть нельзя. Едва ли голландская исторiя не оставитъ у меня тягостнаго воспоминавiя. Мое здоровье никогда совершенно не поправится. Мой умъ, бывало, по непостоянству неспособный къ продолжительному труду, теперь вдвойнѣ неспособенъ отъ болѣзни и горя, такъ, что жить долго значило бы только долго страдать нравственно и физически. Во всемъ, что я тутъ говорю вамъ, нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенiя и ни малѣйшей тоски. Я теперь очень мало печалюсь, меньше чѣмъ когда-нибудь. Меня на этихъ дняхъ не приглашали ко двору; это доказываетъ, что герцогъ плохо расположенъ къ честолюбивымъ замысламъ моего отца. У меня же нѣтъ ни веселости, которая забавляетъ, ни того смиренiя, которое интересуетъ. Я ни у кого не бываю; занимаюсь греческимъ языкомъ и читаю исторiю Германiи. Наконецъ, я не могу сказать, чтобы дорожилъ чѣмъ-нибудь. Я уже говорилъ вамъ,

какъ я доволенъ, что вы возстановили въ общественномъ мнѣнїи бѣдную «Калисту». Эта книга мнѣ очень нравится, хотя въ ней и не много сильнаго. Я нахожу, что великая цѣль, для которой вы ее писали, не достаточно обозначена. Многое можно бы высказать полнѣе, многое можно бы выдвинуть выпуклѣе.

«Истинное горе, постигшее меня на дняхъ, еще усилило мое отвращеніе отъ жизни. Вы помните молодаго Кнехта, котораго письма я читалъ вамъ, будучи у васъ, въ 1787 году? Этотъ молодой человекъ, которому все сулило блестящую будущность и обезпеченное состояніе, человекъ умный, ученый, твердый, талантливый, запутался въ Бернѣ въ скверную исторію, и въ ту самую минуту когда я хотѣлъ писать къ нему, я узнаю, что онъ изгнанъ, опозоренъ и что имѣніе его конфисковано! Къ чорту всѣ надежды и предположенія о будущности!... Прощайте; я люблю васъ, понимаю и жалѣю. Вы часто будете получать отъ меня по-полулисточку.»

4 іюня, 1790.

«Съ какою радостью я снова привился за нашу бѣдную прерванную и столько дорогую мнѣ переписку! На свѣтѣ только два существа, которыми я совершенно доволенъ; это вы и моя жена. Всѣмъ другимъ я могу приписать часть моихъ страданій. Васъ же, напротивъ, я долженъ благодарить за все, что знаю о счастьи. Сегодня я не стану отвѣчать на ваше письмо, потому что мнѣ самому нужно написать четыре. Въ поведѣльникъ буду посвободнѣе, тогда съ удовольствіемъ перечитаю вторично и буду отвѣчать. На этотъ разъ я буду говорить о себѣ, сколько позволить время. Я всё-еще обремененъ нашимъ досаднымъ процессомъ. Онъ тревожитъ и душитъ меня такъ, что у меня почти ежедневно лихорадка. Въместо упражненій, я пью козье молоко. Пребываніе въ Голландіи повредило мнѣ грудь, но она оправляется.»

«Если бы безпокойство не убивало меня и въ особенности если бы меня не терзала ужасная подозрительность почти ко всѣмъ безъ исключенія, до такой степени, что я почти самъ себя боюсь признать, то мое здоровье, можетъ-быть, воротилось бы. Но воротится оно или нѣтъ, мнѣ всё-равно: лишь бы только не томиться. Я болѣе чѣмъ когда-нибудь понимаю ничтожество и суету всего на свѣтѣ; вижу, какъ все общается и ничто не сдерживаетъ обѣщанія; вижу, на сколько силы наши ниже назначенія, и сколько эта несообразность должна дѣлать насъ несчастными. Прощайте,

шлюе и умное колесо, которое, по несчастію, выше часовъ, гдѣ составляетъ часть, и тѣмъ разстрѣиваетъ ихъ. Я безъ тщеславія могу сказать, что я самъ почти въ такомъ же положеніи. Прощайте до понедѣльника. Неужели мы никогда больше не увидимся какъ въ 1787 и 1788?.

17 сентября, 1790.

«Ваши два письма доставили мнѣ много удовольствія, что однако жъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, печалить меня за насъ обоихъ. Удовольствіе мое происходитъ оттого, что мы съ вами одинаково чувствуемъ, а одинаковыя чувствованія наши причиною, что мы оба одинаково далеки отъ счастья. Да, конечно, вы всегда будете необходимы моему уму, моей мысли, и чувству, которому необходимо иногда излиться и быть понятымъ. Способныхъ исполнить эти условія порознь я нахожу много, но только вы одиѣ способны исполнить и то и другое. Если бы я могъ привыкнуть къ дѣтвѣ, здоровье мое поправилось бы, и если бы я могъ принудить себя заняться послѣдовательною интересною работою, мой умъ опять укрѣпился бы. Но эта невозможность предаться постоянной работѣ, составляетъ неотъемлемую принадлежность томленія моего духа. Я давно уже писалъ къ несчастному Кнехту: «Я какъ тѣнь пройду по землѣ между несчастіемъ и скукой», и мое предсказаніе сбывается. Я думаю, вы не въ состояніи уже читать моего почерку: онъ съ каждымъ днемъ портится. Когда я не допишу письма до конца съ разу, то рѣдко отправляю его, потому что, перечитывая, всегда нахожу, что оно не четко. Я думаю предаться ботаникѣ или какой-нибудь другой положительной наукѣ. Философія и политика слишкомъ неопредѣленны, а человекъ слишкомъ тупъ и безпослѣдователенъ. Однако жъ, несмотря на это намѣреніе, я занимаюсь политическимъ сочиненіемъ, которое черезъ мѣсяць нужно кончить, для денегъ. Я забралъ себѣ въ голову, что остатками моего ума могу заплатить мои долги, и заключилъ съ книгопродавцемъ условіе, обязался написать небольшую книжку, страницъ во сто, — безъ имени разумеется, — о брабантской революціи. Онъ дастъ мнѣ пятьдесятъ лундоровъ. Лучше это чѣмъ ничего не дѣлать. Книга будетъ плоха, но разоидется, благодаря заглавію. Книгопродавецъ въ убыткѣ не останется, а публика.... какое мнѣ дѣло до нея! Означиваю; одѣваться нужно, а если оставлю письмо незапечатанное, перечитаю, стану переписывать и никогда не кончу. Я очень люблю васъ. Прощайте.»

«Бриушнѣйге, 24 декабря, 1790»

«Я написалъ къ отцу, въ Гату, вѣроятно съ предостереженіемъ насчетъ нѣкоторыхъ неумѣстныхъ поступковъ, продолжавшихъ у насъ голландскихъ превосходителейъ очень неблагоприятное для насъ рѣшеніе. Самъ я прозябаю здѣсь въ увѣренности, что подвергнусь охудженію во всякомъ случаѣ, и стараюсь не думать о будущемъ. Вамъ угодно было сказать, что если бы я прннужденъ былъ пенать ечастья, я нашелъ бы его; вѣтъ ничего менѣе вѣроятнаго. Не должно обманывать себя, этотъ процессъ убиваетъ меня; надъ нимъ у меня голова пустѣетъ; и утрачиваю силу и способность къ работѣ; мысли мои стѣняются безсвязными, полатыни не могу уже читать; писать для меня просто пытка. Постоянное раздраженіе и продолженіи трехъ лѣтъ нанесло моему головѣ и здоровью смертельные удары, отъ которыхъ я никогда уже не оправлюсь. Лучшіе мои годы проходятъ; старѣя, я становлюсь еще менѣе способнымъ къ внимательной работѣ, и обреженейный женою, которая для меня покинула весьма пріятное положеніе въ обществѣ, я не буду знать, куда голову яреклопнать, если лишусь здѣсь моего мѣста. Я надѣюсь однако жъ, что съ этой стороны вѣтъ ни какой опасности. Я никогда не составляю себѣ блестящаго состоянія, но, чтобы жить, мнѣ нужно не болѣе двухъ-сотъ-пятидесяти лундоровъ въ годъ. По всему видному, я буду имѣть вдвое больше, кромѣ двухъ-сотъ лундоровъ жалованья, которое я здѣсь получаю, такъ, что существованіе мое кажется обезпеченнымъ, сколько только можно обезпечить что нибудь въ этой пелѣпницѣ, называемой свѣтомъ. Чѣмъ болѣе думаю, тѣмъ менѣе понимаю этотъ пошлый волшебный фонарь, въ которомъ и я имѣю честь вертѣться вмѣстѣ съ другими куклами. Томсонъ, авторъ «Временъ года», часто нѣвые дни проводилъ въ постелѣ и, когда его спрашивали, зачѣмъ не встаетъ, отвѣчалъ: «Я не вижу достаточной причины къ тому, чтобы стоять на ногахъ.» Я тоже не вижу ни какихъ причинъ къ тому, что творится на свѣтѣ, и вѣтъ у меня охоты ни къ чему. Если бы только это ужасное, песносное дѣло не лежало на мнѣ, я не сталъ бы жаловаться ни на что. Образіе моей жизни звѣнло бы мнѣ развлеченія. Я люблю сегодня дѣлать тоже, что дѣлалъ вчера; видѣть мѣста, которыя уже видѣлъ; испытывать рядъ мелкихъ чувствованій довольно пустыхъ, но которыхъ послѣдовательность занимаетъ меня, точно такъ же какъ, когда слышу начало пѣсни, хотя бы самой глупой, мнѣ бываетъ досадно, если она не кончится. Есть у меня голосъ, который гово-

рять мнѣ: «Очень жаль!» но когда я разбираю хорошенько, то нахожу, что голосъ глушь и самъ не знаетъ о чемъ говорить. Если бы я даже былъ такъ сложенъ, чтобы изучить и знать истину, если бы даже природа одарила меня необыкновенными силами и талантами, они оказались бы равными нулю, когда обстоятельства, страсти, состояніе, отецъ, здоровье, все противится употребленію этихъ способностейъ въ дѣло. Одинъ минуешь одинъ равно нулю; сто минуешь сто равно нулю. Этотъ *минуешь*, несчастная игрушка случая, никогда не забудеть, какимъ счастливымъ пулемъ онъ былъ, когда подлѣ Изабеллы отдыхалъ отъ своихъ страданій. Это ничто всегда будетъ любить васъ, вѣжно обниметь васъ и просить писать. Я сегодня видѣлъ вашу сестру и говорилъ о васъ. Она, кажется, приняла участіе, ледяная кора вѣскольکو подтаяла, но подошла мадамъ П*** и отъ этой прибавки соли съ селитрой все опять замерзло крѣпче прежняго. Прощайте.»

Черезъ вѣскольکو времени потомъ онъ писалъ:

«Я теперь перечитываю письма Вольтера. Знаете ли, что этотъ Вольтеръ, котораго вы такъ пенавидите, былъ въ основаніи чловѣкъ добрый, одолжалъ, дѣлалъ добро, когда не мѣшало самолюбіе, въ которомъ вы его такъ упрекаете. Но не въ томъ дѣло. Перечитывая эту переписку я увидѣлъ, что я осель, огромный осель, когда лишаю себя величайшаго удовольствія, и не пишу къ вамъ, потому только, что у меня есть горе и что другіе мерзавцы терзаютъ меня; то есть, потому только, что другіе дѣлаютъ мнѣ много вреда, я самъ дѣлаю себѣ его еще больше, и потому только, что у меня много горя, я отказываюсь отъ утѣшенія. Можетъ ли что-нибудь быть глупѣе! Я веду здѣсь жизнь хуже чѣмъ пошлюю и въ постоянной тревогѣ и сомнѣніи, не ѣхать ли мнѣ опять въ Гагу, чтобы подтвердить людямъ, — которые, впрочемъ, объ этомъ ни мало не заботятся, — что они плуты и разбойники. Эта перспектива мѣшаетъ мнѣ наслаждаться моимъ уединеніемъ и отдыхомъ, единственными благами, какія у меня остались. Она же часто мѣшала мнѣ оканчивать письма мои къ вамъ. Столъ у меня заваленъ этими обрывками. Каждый изъ нихъ лицомъ въ страницу, потому что тогда я принужденъ бываю перевернуть листъ, а тутъ и подвернется какая-нибудь собака-мысль. Оставляю письмо на минуту и уже не возвращаюсь къ нему. Богъ знаетъ, допишу ли это. Желаю однако жъ, очень желаю.»

«Тринадцатаго.

«Не знаю, правы ли вы, когда обвиняете меня въ недостатокѣ откровенности; по-крайней-мѣрѣ я знаю, что ни съ кѣмъ не былъ столько откровененъ, сколько съ вами. Вы скажете, это доказываетъ, что откровенность не совсѣмъ свойственна мнѣ, или что воспитаніе приучило меня къ недовѣрчивости и лживости. Я думаю, вы и тутъ ошибетесь. Я родился недовѣрчивымъ, это правда, но въ то же время очень откровеннымъ. Я обыкновенно говорю и о людяхъ и о вещахъ то, что думаю. Съ нѣкоторыхъ-поръ удерживаюсь, однако жъ чувствую, что мнѣ невозможно лгать. Кажется, вы у меня за таинственность приняли надменность, которой въ моемъ характерѣ очень много: претензія все знать и давать мнѣ совѣты неволью возмущаетъ меня. Вы помните, когда мадамъ де Шамбриѣ пригласила мослѣ де-Шаріера и взялась также пригласить меня, вы, не вставая съ постели, написали мнѣ записочку, чтобы предупредить, и сказали: «Надѣюсь, вы предпочтете меня этому приглашенію»? Я много любилъ васъ, я пожертвовалъ бы для васъ гораздо большимъ, но мысль, что вы требуете, ожидаете этого пожертвованія, почти побуждала меня обмануть ваше ожиданіе. Точно также я ненавижу признаніе, котораго требуютъ и на которое изъявляютъ права. Передъ самою Минной я иногда хранилъ смѣшное молчаніе насчетъ самыхъ ничтожныхъ мелочей, оттого что не хотѣлось покориться и дать отчетъ въ чемъ бы то ни было. Я не признавался ей въ этомъ, и самыхъ случаевъ она, вѣроятно, не примѣчала, потому что я всегда старался поскорѣе заглаживать эти вещи. Но чувства и мысли тѣмъ не менѣе бывали. Этотъ несчастный характеръ, можетъ-быть, со временемъ измѣнится въ рукахъ моей Минны, тѣмъ болѣе, что она не вполне знаетъ его, и я, слѣдовательно, обязана буду побуждать себя, чтобы избавить ее отъ несправедливаго удивленія, и чтобы она сама не вздумала перевоспитывать меня, что уязвило бы мое самолюбіе и испортило бы все дѣло.»

«Четырнадцатаго.

«Головная боль отъ насморку принуждаетъ меня заключить это письмо скорѣй нежели я предполагалъ. Я продолжаю его однакожъ, хотя и медленно, потому что не могу долго кряду писать. Между-тѣмъ мнѣ нужно еще пятьсотъ вещей сказать вамъ, а какъ я въ нынѣшнемъ году уже не буду больше писать, такъ хочется теперь сказать все. Если моя память когда-нибудь опять

возстановится, то и переписка наша опять пойдетъ съ прежнею плодovitостью. До тѣхъ-поръ я не могу предаться вамъ такъ, какъ бы хотѣлъ. Вы спрашиваете меня, о чемъ говорить въ письмахъ? Обо всемъ кромѣ моего отца и его процесса. Это единственная запрещенная статья. Объ этомъ вы ничего не можете сказать мнѣ важнаго, а все, что скажете, будетъ мнѣ неприятно. Въ Коломбѣ вамъ нельзя судить о дѣлѣ, которое рѣшается въ Гагѣ, а чувство и мнѣніе ваши тутъ ни къ чему не служатъ. Впрочемъ же я буду читать съ удовольствіемъ все, что вы ни напишете мнѣ о себѣ, обо мнѣ и о вещахъ, которые васъ занимаютъ: по вашему уму и по дружбѣ моей къ вамъ всѣ эти предметы мнѣ будутъ дороги. Не знаю, вразумительнымъ ли языкомъ я говорю съ вами: боюсь, чтобы вы не подумали о раздѣленной дружбѣ, о признательности. Вы ошибетесь. Я по-крайней-мѣрѣ чувствую противное. Я очень могу любить моего отца, заботиться о немъ, забывать обо всемъ до меня касающемся, покуда занимаюсь его дѣломъ; могу любить мою Мивну и, будучи подлѣ нея, ни о чемъ не думать кромѣ ея превосходныхъ качествъ и счастья, которое меня ожидаетъ; могу любить васъ и, пиша къ вамъ, живо и вѣрно представлять себѣ минуты, которыя мы провели вмѣстѣ, удивляться вашему уму, цѣнить ваше чувство, прощать вамъ вашу неровность и беспослѣдовательность, и думать, что несмотря что вы не созданы ни наслаждаться продолжительнымъ счастьемъ, ни давать его, вы однакожь созданы, чтобы внушать глубокое чувство, высоко наслаждаться и доставлять высокія наслажденія. Я пойду далѣе: я могу любить моего дядю, несмотря на его собирательную дружбу, на его «мы васъ любимъ», на его странности, и прочее, и тому, который защищаетъ моего отца часто руками слабыми и неловкими, но съ добрымъ намѣреніемъ, могу прощать «Лауру» (плохой романъ), вторую жену, и прочее.

«Вы доставили мнѣ величайшее удовольствіе и, я полагаю, хорошо сдѣлали для меня и для себя, что не обнаружили нашей ссоры. Не дадимъ этого маленькаго наслажденія тѣмъ, которые завидовали намъ и старались сдѣлать нашу связь смѣшною. Несогласія между нами уже нѣтъ, по-крайней-мѣрѣ; что касается до меня, то я слѣдъ ея стереть. Причины ея также, я думаю, уже не явятся больше.»

Здѣсь, съ 1790 годомъ, оканчиваются письма, касающіяся этого періода. Съ 1791 открывается новый рядъ, который безъ перерыву продолжается до 1797. Эти письма заключаютъ въ себѣ

исторію двухъ его браковъ..... Первый искорѣтъ придалъ самый нещептливый оборотъ. Съ іюля 1791, барону Б.-К. де-Ребекъ надскучилъ его узъ и онъ сталъ опредѣлять свою участь въ двухъ словахъ: *равнодушіе — дочь брака; зависимость — дочь бѣдности.* Но по странному и довольно частому въ его жизни противорѣчію, онъ, едва начавъ дѣло о разводѣ, сталъ уже искать руки другой женщины, также разводящейся съ мужемъ. Кромѣ этого двойнаго предпріятія, онъ еще вдавался въ второстепенныя интриги. Эта кутерьма занимала его, несмотря на то что иногда приводила въ отчаяніе. Въ 1791, Б.-К. де-Ребекъ пишетъ о своей первой женѣ:

«У нея тысяча хорошихъ качествъ, но она уже не любитъ меня; она любитъ другаго. Воспитанная до четырнадцати лѣтъ въ деревнѣ, отъ четырнадцати до двадцати-двухъ при дворѣ, она не имѣетъ ни какого понятія ни объ экономіи, ни о порядкѣ, ни объ уваженіи другихъ или къ общественному мнѣнію. У нея есть умъ, но нѣтъ ни охоты ни способности заниматься дѣломъ. Стадо кошекъ, собакъ, птицъ и любовникъ, вотъ ея общество. Чтѣ мнѣ тутъ дѣлать? Я лишилъ ее удобнаго и почетнаго положенія въ обществѣ и долженъ возвратитъ ей его или доставитъ равносильное.»

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ, между-тѣмъ какъ заводился процессъ о разводѣ, онъ обращался съ искательствомъ къ другой, которая кажется столько же мало счастливою какъ и онъ. Но онъ еще колеблется, и это понятно: «Сегодня наши адвокаты не шутя начинаютъ дѣло. Я не поѣду въ Гамбургъ, потому что Шарлотта туда ѣдетъ. Вчера я видѣлъ ея мужа. Онъ посмотрѣлъ на меня съ прискорбіемъ и какъ-будто говорилъ. *И ты Брутъ! и ты отступаешься отъ моей жены!....* Отъ нея я ничего больше не получалъ. Прощайте.»

Въ другомъ письмѣ: «Я надѣюсь, что въ слѣдующемъ письмѣ мнѣ не прійдется сообщить вамъ ничего особеннаго вышущаго, касательно *трехъ самокъ, которыми я обремененъ.* Однакожъ я думаю, что Шарлотта еще сведетъ меня съ ума. Чтѣ касается до Вильгельмины и Каролины, и до всѣхъ инъ на свѣтѣ, я объ нихъ и думать не хочу.»

Однакожъ онъ еще колеблется и, чѣмъ далѣе подвигается двойной разводъ, тѣмъ болѣе баронъ смущенъ: «Если бы она разсудила облегчить мнѣ ярмо, я повлачилъ бы его еще, но я не вижу ничего кромѣ презрѣнія!.... О! не умъ — оружіе, а харак-

теръ. У неясъ гораздо больше ума чѣмъ у насъ, а между тѣмъ она можетъ выстоять меня цѣлыми.

Черезъ нѣсколько недѣль онъ, въ восторженномъ, пишетъ: «Гименой, Гименой, Гименой... каковъ ты чудовищъ! Наконецъ, черезъ пять дней послѣ этого, 25 марта 1793, получишь приговоръ, онъ пишетъ: «Вотъ мои уши разорваны! и тѣ, которыя составляли мое несчастіе, и тѣ, которыя были моимъ утѣшительствомъ, вѣй, вѣй! Я вздыхалъ по совершенной независимости; она обрѣтена и я содрагаюсь. Я какъ будто оглушенъ моимъ одиночествомъ, я испуганъ тѣмъ, что ни къ чему не привязанъ, а, который такъ жаждалъ привязанности...»

За этия уничтоженія скоро наступаетъ новая надежда и новыя предположенія: «Я стану бороться съ этимъ равнодушіемъ къ жизни и добродѣтели, которое было слѣдствіемъ моего страннаго воспитанія и еще болѣе странной жизни. Я легко одолѣю его. Я усталъ быть эгоистомъ, надсаждался надъ собственными чувствованіями, уверялъ себя, что уже не чувствую ни любви къ добру, ни ненависти ко злу. Къ чорту слава и пресыщеніе! Я хочу отворить душу всѣмъ впечатлѣніямъ. Я хочу снова сдѣлаться доверчивымъ, простодушнымъ, восторженнымъ; хочу, чтобы за преждевременною драхлостью, которая все обесцѣпывала въ моихъ глазахъ, наступила новая молодость, которая бы все украсила и возвратила мнѣ счастье.»

Въ ниву, когда Б. К. де-Раббкъ пишетъ эти строки, ему далеко еще пѣтъ двадцати-пяти лѣтъ. Онъ однако жъ никогда не былъ ни молодъ, ни счастливъ. Онъ написалъ прекрасный страстный романъ, много говорилъ о любви, много мечталъ о счастіи, но его сухое, честолюбивое, непостоянное, вѣтречное сердце нисколько не чувствовало ни этой любви, ни этого счастія. Перошона его съ преданнымъ другомъ, котораго онъ не понималъ и уижалъ, показываетъ его характеръ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. О его политическомъ поприщѣ и значеніи мы не хотимъ говорить.

==

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *La fille d'Eschyle, Дочь Эсхила*, драматическій этюдъ въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе господина д'Отрана.

Въ послѣдніе два мѣсяца на парижскихъ сценахъ явилось мало новаго. Виною тому, конечно, бѣдственный политическій переворотъ, происшедшій во Франціи. Парижанамъ некогда посѣщать

театры; представленіи, дѣющіеся въ Люксембургѣ, въ отелъ-де-вилѣ, привлекаютъ ихъ гораздо болѣе. Искусство уступило мѣсто политикѣ. Рассмотримъ по-крайней мѣрѣ то искусство, которое господа драматурги успѣли написать подъ ружейными выстрѣлами. Дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ. Первое дѣло принадлежитъ господину Отрану. Драма его, написанная прекрасными стихами и названная авторомъ «драматическимъ этюдомъ», была большой успѣхъ. Завязка ея очень проста и совершенно въ античномъ родѣ.

Старца Эсхилъ отказалъ въ рукѣ своей дочери Меганеры развратному Афиняину ОрOLIDану, сыну іерофанта Діоклеса. Раздраженный жрецъ обвиняетъ поэта въ оскорбленіи боговъ. Кто защититъ его передъ ареопагомъ? Другой поэтъ, любимый въ Меганеру, — Софокль. Онъ воинъ и не рѣшился представиться завистливому Эсхилу въ иномъ видѣ. Софокль разрушаетъ обвиненіе Діоклеса. Отецъ Меганеры, заключенный было въ темницу, освобожденъ. Но его ожидаетъ ударъ, еще жесточайшій. Самому освободителю его суждено сдѣлаться его палачемъ. Призванный Аполлономъ на театральную конкурсъ, юный Софокль побѣждаетъ старца поэта, и горестъ побѣжденнаго Эсхила сильнѣе и глубже нежели горестъ Филоктета на пустынномъ островѣ. Эсхилъ не проститъ восторжествовавшему сопернику. Но что сдѣлаетъ Меганера? Кого спасетъ она, отца или любовника? Она колеблется; но долгъ беретъ верхъ — и она, подобно Антигонѣ, сопровождаетъ, на пути изгнанія, своего дряхлаго отца.

Греческая поэзія въ этомъ этюдѣ нѣсколько оромантизирована; но за исключеніемъ этого недостатка, все въ немъ заслуживаетъ похвалы, отъ слогу, обильнаго поэтическими образами, до выуклости характеровъ и благородства мыслей и чувствъ.

2. *La femme blasée*, *Разочарованная*, комедія въ одномъ дѣйствіи, господина Фурнье.

Дѣло идетъ о какой-то госпожѣ, возненавидѣвшей свѣтъ и людей. Умные люди наскучаютъ ей въ недѣлю; она знаетъ ихъ наизусть; женщины для нея глухи; они только и думаютъ что о тряпкахъ. Мужъ для нея нестерпимъ; онъ очень внимателенъ къ ней; но что дѣлать съ человѣкомъ, у котораго на умѣ только биржевыя дѣла? Жизнь становится такъ противна несчастной женѣ, что она рѣшается покинуть домашній очагъ и въ путешествіи искать себѣ развлеченій. Красоты природы, можетъ-быть, успокоятъ больной умъ ея. Вдругъ мужъ ея разоряется. Для дѣятельности разочарованной женщины открылось

поприще. Она продаетъ свои вещи, бриллыанты, сзываетъ кредиторовъ, изображаетъ имъ свое положеніе въ самыхъ трогательныхъ рѣчахъ, расточаетъ ласки и утѣшенія своему мужу. Но, къ-счастію, весь этотъ шумъ вышелъ изъ ничего; мужъ поправляетъ свои дѣла и не сомнѣвается болѣе въ сердцѣ своей жены.

Все это очень скучно и очень пошло. Изобрѣтенія въ комедіи господина Фурнье мало, ума еще меньше.

3. *Le pouvoir d'une femme, Могущество женщины*, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, господина Разье.

Господинъ Разье принадлежитъ къ наиболѣе даровитымъ французскимъ водевиллистамъ. Онъ имѣетъ похвальную и рѣдкую привычку тщательно обрабатывать свои пьески и писать ихъ хорошимъ языкомъ. Первое дѣйствіе его новой комедіи очень недурно; второе сильно отзывается поспѣшностью.

Сенъ-Люцъ — ученый въ полномъ смыслѣ слова. Онъ не въ академіи, не членъ ученыхъ обществъ; публикѣ неизвѣстно его имя. И такъ, вы видите, что это настоящій философъ, поспѣвшій надъ книгами, убившій надъ ними сорокъ лѣтъ своей жизни. Комната его — настоящій кабинетъ естественной исторіи. Онъ спитъ окруженный птицами, рыбами и разными животными. Если его спросить, чтѣ такое женщина, онъ растолкуетъ какъ обращается въ человѣкѣ кровь, какъ бьются артеріи, какъ совершается пищевареніе. Мадамъ де-Лонз, постоянно слышавъ за мocketку, воспламеняетъ это сердце, стряхаетъ съ него пылъ элліантовъ, и любовь самая страстная, самая безумная закидываетъ прежде равнодушіе, прежнюю безпечность. Ученый преобразился. Онъ ѣздитъ верхомъ, фехтуетъ, испещряетъ свой разговоръ самыми милыми неологизмами. Немножко ревности окончательно довершило его перевоспитаніе, и мадамъ де-Лонз, послѣ двухъ-актвой возни съ ученымъ, выходитъ за него замужъ.

4. *Trente-quatre francs ou sinon.... Тридцать-четыре франка, нето....* водевилъ господъ Лорансена и Марка Мишеля.

Бландюръ — несчастнѣйшій изъ смертныхъ. Ему прислали «Карамболь», газету специально посвященную бильярднои игрѣ. Не распечатавъ даже этой газеты, онъ бросилъ ее въ корзину, стоящую подъ столомъ. Но черезъ полгода онъ получаетъ квитанцію въ тридцать-четыре франка. Онъ не заплатилъ ихъ, и съ тѣхъ поръ со всѣхъ концовъ Франціи, изъ Англіи, изъ Голландіи

ди, изъ Алжира его осаждаютъ письмами, въ которыхъ требуютъ «тридцать-четыре франка, нето....» Наскучивъ этими преслѣдованіями, онъ рѣшился не принимать ни какихъ писемъ, вслѣдствіе чего онъ не знаетъ; что умерла его мать, что жена его уѣхала, что съ сыномъ его случилось что-то весьма непріятное, что продали его домъ, и прочее, и прочее, и прочее. Несчастный обезчещенъ, опозоренъ, лишенъ родства.... и все оттого, что не заплатилъ за какой то глупый журналъ! Но, отказавшись отъ писемъ, онъ начинаетъ получать камешки, щепки и прочее, обернутые въ бумажки съ надписью: «тридцать-четыре франка, нето....» Къ друзьямъ его также приходятъ посланія, адресованныя на его имя.... Бландюрѣ чуть не сходятъ съ ума. Къ-счастью, дочь спасаетъ его: она выходитъ за его преслѣдователя. Фарсъ чрезвычайно забавенъ.

5. Un jeune homme pressé, *Молодой человекъ торопится*, фарсъ водевилъ въ одномъ дѣйствіи, господина Лабяша.

Три извѣстные комвка Сенвилъ, Равель и Альсидъ Туссѣ поддерживаютъ своей игрой эту пьеску, не лишнюю впрочемъ веселости.

Равель встрѣтилъ въ omnibusъ дочь Сенвиля и влюбился въ нее по уши. На другой день, въ десять часовъ утра, онъ явился требовать руки ея съ ужаснѣйшимъ шумомъ. Сенвилъ хочетъ выгнать его. Но Равель не такого десятку. Онъ ломаетъ все, что ни попадетъ ему подъ руку, и ни за что не хочетъ уйти, не получивъ удовлетворительнаго отвѣту. Дѣлать нечего! Сенвилъ рѣшается на переговоры. Онъ перчаточникъ, но товаръ его плохо идетъ съ рукъ. Равель предлагаетъ купить у него сорокъ тысячъ паръ, на которыя онъ клянется приобрести сорокъ тысячъ франковъ барыша. «Какъ же это?» спрашиваетъ Сенвилъ. — Я отошлю ихъ въ Англію. — «А таможи?» — Вотъ вздоръ! Уложите мнѣ сперва сорокъ тысячъ перчатокъ на лѣвую руку и отошлите ихъ въ Эдинбургъ; потомъ уложите сорокъ тысячъ на правую и отошлите въ Лондонъ. Не найдется же въ обоихъ городахъ по сорока тысячъ человекъ безрукихъ, и таможи должны будутъ продать перчатки за самую низкую цѣну. Я покушю обѣ кипы, и дѣло сдѣлано.

Можно ли въ чемъ-нибудь отказать такому остроумному человеку! Сенвилъ отдаетъ ему дочь.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Концертная музыка имѣетъ въ Петербургѣ то весьма важное преимущество, что въ продолженіи всего Великаго Поста она совершенно свободна отъ опаснаго для нея соперничества театровъ и господствуетъ исключительно. Зато она съ такимъ рвеніемъ старается въ продолженіи этихъ пяти недѣль вознаградить себя за ограниченія, которымъ подчинена была въ остальное время года, и съ такимъ упорствомъ, притомъ такъ часто представляетъ намъ въ концертахъ *maître et vaigée*, своихъ представителей, здѣшнихъ и заграничныхъ, что, когда наконецъ настаетъ желанная Пасха, мы крайне рады, что отдѣлялись отъ пресловутыхъ концертовъ и цостныхъ музыкальныхъ блюдъ. Нынѣшній сезонъ начинается тоже при предзнаменованіяхъ не совѣтъ благоприятныхъ. Интересы другіе, совершенно враждебныя гармоническому искусству тоновъ, выдвинулись впередъ и отыскали вниманіе публики отъ *краткихъ* музъ. Пока обѣщано намъ очень немного замѣчательныхъ заграничныхъ артистовъ, гораздо менѣе нежели въ прошлые года; равно не велико и число имѣющихся въ виду замѣчательныхъ музыкальныхъ торжествъ. Исполненіе Мендельсоповой ораторіи Илья, отъ котораго филармоническое общество еще не отказывается, несмотря на всевозможныя препятствія, должно было бы въ настоящее время занять первое мѣсто. Но, барометръ музыки необыкновенно переменчивъ: теперь стоитъ онъ на «пасмурно», а кто знаетъ, втеченіи одной ночи можетъ внезапно подняться и дойти до «ясно». Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, если концерты этого года и не будутъ отличны по качеству, за то въ количествѣ мы, навѣрно, не потерпимъ ущерба. Конечно, намъ слѣдовало бы желать совершенно противоположнаго, но что же дѣлать, будемъ довольны тѣмъ, что есть.

Первый концертъ нынѣшняго сезона давалъ валторнистъ Императорскаго оркестра, господинъ Зесманъ, въ воскресенье, 29 февраля въ университетской залѣ.

Валторна въ музыкѣ принадлежитъ къ числу инструментовъ, которые значатъ тоже, что темныя краски въ живописи. Въ оркестрѣ она необходима и производитъ иногда большой, почти магическій эффектъ, но для самостоятельнаго дѣйствія, въ концертѣ, должна быть употребляема только при извѣстныхъ условіяхъ. Приятная, задушевная мелодія, позволяющая вполне выказаться звуку валторны, столь близкому къ человѣческому голосу, производитъ большой эффектъ (Вивье пріобрѣлъ славу въ особенности искуснымъ исполненіемъ Шубер-

товыхъ пѣсень), но исполненію пассажей и капитальныхъ частей представляетъ непреодолимая трудность устройство инструмента, которое даже дѣйствуетъ неблагопріятно на самое сочиненіе. Усиліе дыханія, дѣлаемое для произведенія звука, привуждаетъ артиста дѣлать частыя остановки. Хотя эти остановки и пополняются удачно acompанирующими инструментами, однако тѣмъ не менѣе многократное появленіе и исчезновеніе главного инструмента, представляющагося такъ рѣдко господствующимъ, даетъ сочиненію видъ разрывчатости, дѣлаетъ изъ партій валторны не полную, связную рѣчь, а какія-то вставныя фразы. Быть можетъ геніальные артисты и въ состояніи преодолѣть всѣ эти трудности, особенно съ помощію тѣхъ усовершенствованій, которыя получила валторна въ новѣйшее время, но во всякомъ случаѣ валторнисты болѣе нравятся публикѣ тогда, когда они, оставаясь вѣрными натурѣ своего инструмента, исполняютъ на немъ *единственно мелодіи*. Зачѣмъ навязывать искусству исполненія такое достоинство, которое оно совершенно утратило въ наше время, столь обильное хорошими исполнителями, и лишать этотъ счастливый инструментъ его неотъемлемой собственности, шѣнія, того въ чемъ состоятъ его основной характеръ? Господинъ Зеemannъ выбралъ для себя на этотъ разъ адажію и рондо Эйснера, прекрасную и чрезвычайно трудную пьесу, и исполнилъ ее съ замѣчательною пріятностію и съ большимъ искусствомъ.

За концертистомъ послѣдовала госпожа Боте и пропѣла довольно ничтожную каватину, сочиненіе Риччи, одного изъ числа дивинныхъ итальянскихъ композиторовъ. Голосъ госпожи Боте правда слишкомъ рѣзкій, однако вовсе не лишенъ пріятности и, какъ кажется, довольно гибокъ: жаль, что ему много вредитъ наперность пѣвицы и страсть къ вычурности и эффентамъ.

Первую часть концерта заключилъ блестящій варіаціи для двухъ флейтъ на тему изъ Россиніевского Вильгельма-Телла, исполненный композиторомъ и господиномъ Гейсмейеромъ. Эти вышедшіе изъ одной школы молодые виртуозы выказали въ исполненіи не только необыкновенное согласіе, но и замѣчательное искусство, преимущественно же въ треляхъ и быстрыхъ пассажахъ, чѣмъ и спускали живое и вполне заслуженное одобреніе публики. Во второй части исполнялъ на скрипкѣ господинъ Кизеветтеръ (*pochelement arrivé*, какъ гласитъ афиша) *adagio* и *rondo russe*, сочиненіе Берію. Господинъ Кизеветтеръ сынъ всегда знаменитаго скрипача. Идетъ ли онъ по слѣдамъ своего отца или только служитъ новымъ подтвержденіемъ вѣщности и

словныя: «Grosse Väter, kleine Söhne», съ одного разу рѣшить трудно. Смыслъ у него сильный и выработанный, звукъ инструмента прекрасный, пѣвучій. Правда, рондо было исполнено не совѣтъ ровнѣе и какъ-то торопливо, но это, по всему вѣроятію, слѣдуетъ приписать вѣловкости перваго появленія передъ публикою. Верьдцѣн Гуммеля на тирольскую пѣсню, пѣтыя замѣтъ госпожею Валькеръ—странная пѣса.

Тирольская пѣсня съ итальяскими словами! и вдругъ въ самой среднѣй трагическое и страстное адажіо, въ которомъ веселая горная пѣвунья, внезапно превращается въ античную Нюбу!... Право, нашъ строгій Гуммель, сочиняя такой *homage* для госпожи Малибранъ, на этотъ разъ просто потерялъ голову. Госпожа Валькеръ была въ голосѣ и пѣла очень хорошо, особенно адажіо.

Далѣе слѣдоваль концертантъ для флейты, гобоя, кларнета, валторны и фагота, сочиненіе Линдпайнтнера, исполненный господами Гейнмейеромъ, Луотомъ, Шлоссеромъ, Зесманомъ и Шюлеромъ; пѣса, правда, не много растянута, но очень интересная, особенно по прекрасному адажіо, представлявшему исполнителямъ много случаевъ выказаться, преимущественно же прекрасному пѣнію инструмента господина концертиста. Въ заключеніе господинъ Герке сыгралъ «Concertstück», Вебера. Господинъ Герке, безспорно, лучшій изъ нашихъ піанистовъ. Единственный опасный для него соперникъ господинъ Гензельтъ, совершенно отказался отъ игры въ публикѣ, чего намъ очень, очень жаль. Это большая утрата для нашей музыки.

Было бы излишнимъ еще разъ объяснять превосходную, въ высшей степени совершенную игру господина Герке: она такъ же извѣстна какъ и его отличный музыкальный вкусъ, заставляющій этого артиста избирать для исполненія въ публикѣ замѣчательныя классическія произведенія съ аккомпаниментомъ оркестра. Веберовское «Concertstück» (противъ классицизма котораго можно было бы кое что сказать), принадлежитъ къ репертуару всѣхъ великихъ артистовъ, и всякій по своему старается выразить въ исполненіи этого произведенія свою особенность. Господинъ Герке вполнѣ сумѣлъ возбудить постепенно интересъ слушателей въ началѣ пѣсы, овладѣть имъ въ маршѣ, гдѣ онъ громовыми звуками своего инструмента заглушалъ оркестръ и, наконецъ, въ рондо, превратить его въ живѣйшій энтузіазмъ. Это рондо, исполненное съ необыкновенною быстротою и изумительнымъ блескомъ, звучало передъ нами какъ могучій, съ пѣною извергающійся съ

утесовъ водопадъ, образуемый тысячами радужныхъ каскадовъ. При такой игрѣ надо отдать справедливость фортепіано и признаться, что ни на какомъ другомъ инструментѣ бравурная игра не можетъ произвести столь поражающаго эффекта. Увертюры изъ Эгмонта и Оберона, прекрасно исполненныя подъ дирекціею господина Шуберта, служили введеніемъ въ обѣ части концерта.

На другой день, 1 марта, былъ концертъ господина Вьѣтана. Слава этого великаго артиста такъ утвердилась, что ему, чтобы заслужить одобреніе массы, вовсе нѣтъ ни какой нужды исполнять пьесы, въ которыхъ могъ бы выказаться его необыкновенный талантъ, а стоитъ только составить концертную программу во вкусъ публики. Доказательствомъ тому могутъ служить его утренніе квартеты, принесшіе такъ много пользы искусствѣ, а равно и послѣдній концертъ. Концертъ для скрипки Мендельсона, бывшій капитальною пьесою концертнста, хотя и представляетъ виртуозу мало случаевъ выказаться, тѣмъ не менѣе самъ по себѣ, безспорно, есть превосходное музыкальное произведеніе, полное единства и жизни. Онъ на этотъ разъ произвелъ на публику то глубокое впечатлѣніе, какое производитъ всякое гениальное произведеніе даже на людей непосвященныхъ въ таинства искусства. Вьѣтанъ игралъ съ такою глубокою артистическою обдуманностью, такъ хорошо передавалъ всякую мысль композитора, такъ искусно умѣлъ скрыть свою личность выказывать ее только въ общемъ характерѣ исполненія, что, при востаншемъ музыкальномъ торжествѣ, гдѣ гениальность сочиненія шла руку въ руку съ гениальностью исполненія, одинъ только суровый Беотіецъ могъ бы остаться равнодушнымъ. Къ-счастью, Беотійцы не имѣютъ обыкновенія посѣщать концерты. Второю пьесою для концертнста была элегія для альты, собственнаго сочиненія, строгая, драматическая и, какъ всѣ его сочиненія, прекрасно инструментованная пьеса, которая, безспорно, должна была заинтересовать присутствовавшихъ въ концертѣ знатоковъ, но большинству публики показалась растянутою и монотонною. Затѣмъ господинъ Вьѣтанъ вступилъ въ увлекательное состязаніе съ госпожею Фреццоллини, въ аріи своего сочиненія съ аккомпаниментомъ скрипки концертантомъ. (Надо сказать, что въ этомъ концертѣ госпожею Фреццоллини уже пропѣта была арія изъ «Беатриче ди-Тенда», въ которой она выказала всю полноту, всю несравненную прелесть своего нѣжнаго голоса.) Сочинивши аріи господинъ Вьѣтанъ открылъ себѣ новое поле для дѣйствія, именно музыку вокальную и такъ счастливо, что его слѣдовало бы поощрять къ сочиненію

цѣлой оперы. Лучшимъ подтвержденіемъ тому—анданте; которое не столько похоже на арію, какъ на *morceau d'ensemble*. Исполненіе, какъ слѣдовало ожидать, было образцовое. Госпожа Фрециolini въ своей трудной партіи изумительна. Въ заключеніе концерта господинъ Вьѣтанъ съигралъ фантазію на русскія народныя пѣсни, въ которой выказалъ весь блескъ своей игры.

Два мужскіе хора и увертюры изъ «Фиделіо» Бетговена и «Сонъ въ лѣтнюю ночь» Мендельсона, составляли прочія части интереснаго концерта, въ которомъ, надо замѣтить, присутствовала многочисленная и отборная публика.

Концертъ, данный господиномъ Гергольдомъ въ среду, 3 марта, въ залѣ госпожи Мятлевой, при допольно многочисленной публикѣ, страдалъ немного неполнотою, которой подвержено все земное и, къ-несчастью, ипогда и дочь неба — музыка. Съ самаго начала исполнена была, Богъ знаетъ какимъ оркестромъ, увертюра изъ «Донъ-Жуана», подъ дирекціею господина Кажинскаго, и шла такъ плохо, что хотѣлось бы быть за нѣсколько верстъ, въ особенности, когда капельмейстеръ называлъ вслухъ ноты бассамъ, имѣвшимъ ипогда непреодолимое желаніе играть виѣстъ со скрипками и флейтами. Несмотря на указанія капельмейстера бассы шли упрямо по избранной ими дорогѣ, пока, наконецъ, по причинѣ встрѣтившагося *fortissimo* не выбрались опять на ровный путь. Публика приняла это ученическое исполненіе съ такимъ молчаніемъ, что тѣнь Моцарта была вполне отомщена.

Послѣ неудавшейся увертюры исполнена была на фортепиано господиномъ Лауе фантазія, сочиненіе Прудана, на мотивы изъ «Лучія.» Этотъ молодой человекъ достигъ уже довольно замѣчательной степени технического совершенства. Но душа и теплоты въ исполненіи мало было замѣтно, почему и игра его впадала скоро въ неизбежное при такихъ условіяхъ однообразіе. Впрочемъ, въ этомъ виновата отчасти сама пьеса, составленная изъ надѣвшихъ намъ мотивовъ Лучія. Лучія, Допидзетти, безъ-сомнѣнія, опера мелодическая, пріятная; но если она является во всѣхъ концертахъ, на всѣхъ возможныхъ инструментахъ, то скоро можетъ сдѣлаться для насъ пугаломъ. Вѣдь есть же еще кромѣ Лучія другіе прекрасные мотивы; пользуйтесь ими и пусть же наконецъ цѣломудренная невѣста Ламмермурская успокоится въ своей могилѣ! Господинъ Лауе игралъ на истинно великолѣпномъ Бенкеровскомъ роялѣ. Потомъ госпожа Боте спѣла милую каватину изъ «Оберона», Вебера. Эта каватина уже и безъ того потерявшая колоритъ свой отъ переложенія изъ *mi* въ *re mineur*,

длиннась всего своего поэтически вѣдлага благоуханія отъ умеренно манернаго, даже иногда безобразнаго исполненія госпожи Боте. Хотѣлъ бы я знать, какими правдами слѣдовала эта вѣнца, исказившая вѣдную мелодію Вебера этими безпрестанными *ritardando*, этими выдержанными нотами и, наконецъ, рѣзкими контрастами. Бѣдный ясениъ, изъ котораго человекъ рука хотѣла сдѣлать пушистую розу! Вариации для скрипки Берію, удовлетворительно исполненныя господиномъ Боте, заключили первую часть концерта. Вторая часть началась увертюрой изъ «*Dame blanche*», Боальдѣ, исполненной лучше нежели увертюра Моцарта. Потомъ госпожа Боте пропѣла известную застольную пѣсню «*Il segreto per esser felice*» изъ Лукреціи (опять однимъ тономъ ниже), въ которой тянула одну ноту, до безконечности перехода изъ груднаго голоса въ головной, изъ головнаго въ небный, а изъ этого въ голосъ нѣ доселѣ совершенно неизвѣстный. Изъ этого тона, посредствомъ какой-то рулады, вовсе не диатонической, не хроматической и даже не энгармонической, не спустилась она постепенно, но соскользнула черезъ цѣлую октаву. Госпожа Боте имѣетъ изрядный контръ-альтъ. Какъ жаль, что она такъ не художнически имъ распоряжается!

Теперь, наконецъ, явился самъ концертистъ и исполнилъ на трубѣ съ большимъ искусствомъ рондо сочиненіе Краузе. Тонъ господина Гергольда хотя не очень полонъ, но за то онъ чуждъ той рѣзкости, которой господа трубачи-солисты обыкновенно такъ неприятно поражаютъ слабые нервы. Блестящій дуэтъ для фортепиано и скрипки, сочиненіе Осборна и Берію, исполненное господами Лане и Боте, заключилъ концертъ.

Въ четвергъ, 4 марта, господинъ Батта, известный виолончелистъ, давалъ концертъ въ Михайловскомъ Театрѣ. Имя этого артиста уже давно извѣстно, притомъ онъ былъ расхваленъ до такой степени парижскими журналами, что его появленіе ожидали съ нетерпѣніемъ. Господинъ Батта игралъ: фантазію изъ «Нормы» и изъ «Фаворитки», собственнаго сочиненія; Серенаду и «*Ave Maria*» Шуберта, и Фантазію на неизбѣжную Луцію, опять собственнаго сочиненія; кромѣ того онъ сопровождалъ госпожъ Френцоллини, пѣвшей извѣстный дуэтъ Россини «*Mira la bianca luna*» и игралъ вмѣстѣ съ господами Шубертомъ и Кнехтомъ свой «*Morceau de Concert*» для трехъ виолончелей, въ мотивы изъ «Вильгельма Телля». Преимущество господина Батта состоитъ въ пріятномъ, искусномъ исполненіи мелодій, и въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно заслуживаетъ вниманіе

не смотри на узость его смычка. Но въ чертахъ то обстоятельство, что онъ ограничивается исключительно исполненіемъ мелодіи безъ всякой артистической обработки, не придавая мелодіи ни какой формы, своеобразной съ попомненіемъ концертнымъ: да! это удивительно и притомъ вовсе не заслуживаетъ особеннаго одобренія.

Въ мелодіи, исполненной со вкусомъ и чувствомъ, конечно, выказывается душа артиста, но тѣломъ исполненія должно быть техническое совершенство, и вотъ это тѣло мы хотимъ видѣть и дышать, какъ оно оживаетъ душою, и мы уже слышали въ пьесы господина Батта въ прошедшемъ году, исполненными госпожею Христиани. Женщины мы могли простить отсутствіе технического совершенства, тѣмъ болѣе, что у нея нѣжное исполненіе мелодіи казалось нормальнымъ выраженіемъ ея женской натуры, и потому не производило впечатлѣнія обманутой ожиданій. Но мы могли надѣяться большаго отъ многохваленаго мужа нежени отъ молодой дѣвушки. Притомъ, Петербургъ, гдѣ находится виолончелисты, принадлежащіе къ числу знаменитѣйшихъ, безспорно, можетъ-быть взыскателевъ болѣе къ артисту, пріѣхавшему даятого чтобъ сѣстаться съ виолончелистами, каковы Шубертъ и Гроссъ. Впрочемъ, господинъ Батта первый, если я не ошибаюсь, ввелъ въ моду исполненіе на виолончели мелодій, и исключительно и преимущественно мелодій Шуберта. Можетъ-быть, онъ нарочно устроилъ свой первый дебютъ въ этомъ родѣ, чтобъ лучше выказать свое отличительное качество. Вѣроятно, мы услышимъ во второмъ концертѣ господина Батта художественную обработку и техническое совершенство въ исполненіи мелодій, которыя онъ такъ мило и съ такимъ вкусомъ игралъ въ первомъ концертѣ.

Госпожа Фреаццини пѣла знакомую арію «Casta diva» изъ Нормы, которую мы, впрочемъ, не причисляемъ къ ея лучшимъ исполненіямъ, и упоминаемый дуэтъ Россини; здѣсь часть ея голоса провадала по причинѣ невыгоднаго положенія ея относительно роля и виолончель болѣе господствовалъ надъ голосомъ нежели какъ было пушно.

Ориестръ превосходно исполнилъ подъ руководствомъ господина Альбрехта, увертюру изъ «Донъ-Жуанъ» (которая была тутъ не такъ обижена, какъ подъ дирекцію господина Каминскаго) и изъ Гебриль Мендельсона-Бартольди.

Послѣ недавнихъ концертовъ, валторны и трубы, явились передъ нами, въ пятницу пятого марта, фаготъ, инструментъ, ко-

торый подобно предыдущимъ не удобенъ для вою. Концертъ господина Шиндлера привлекъ въ залу господина Мятлева очень многочисленную публику; концертнсть разыгралъ передъ нами концертъ Суханска и чрезвычайно трудныя варьяціи Шмитбаха, съ большою легкостію, которая тѣмъ болѣе заслужила всеобщую признательность, что жаръ въ залѣ былъ нестерпимый и увеличивалъ трудность исполненія, требующаго большихъ усилій. Въ «кантленѣ и адажіо», господинъ Шиндлеръ показалъ вѣрный вкусъ и много искусства, такъ, что самая строгая критика не могла бы сдѣлать ему ни малѣйшаго упрека, еслибы онъ только при исполненіи Шмитбаховыхъ варьяцій не прибѣгалъ въ трудныхъ мѣстахъ къ слишкомъ большимъ усиліямъ, повредившимъ цѣлости исполненія. Впрочемъ, при двадцати-пяти градусахъ тепла, самая строгая критика распыляется въ теплое сочувствіе, и потому я вполне соглашаюсь съ публикою, наградившею старанія концертнста своимъ участіемъ.

Госпожа Фрепцоллинъ пѣла арію сумасшествія изъ «Лучія» и заключительную арію изъ «Довъ-Паскуале», одну изъ лучшихъ пьесъ своего репертуара. Конечно жаръ, въ небольшой залѣ, долженъ былъ имѣть вліяніе и на пѣніе, но несмотря на это, прекрасный голосъ и высокое искусство нашей великой пѣвицы, произвели самый сильный энтузіазмъ, особенно въ послѣдней аріи.

Піанистъ Левя разыгралъ транскрированныя имъ русскія пѣсн. Гоняясь за рѣзкостями, композиторъ впадаетъ, въ этой пьесѣ, въ смѣшное и даже неязнщное, такъ, что не смотря на легкое и блистательное исполненіе, онъ не могъ произвести благопріятнаго впечатлѣнія.

Въ заключеніе концертнсть игралъ анданте и варьяціи на инструментѣ, составленномъ изъ деревянныхъ палочекъ, утвержденныхъ на пучкахъ соломы. Этотъ инструментъ, на которомъ вѣскольکو лѣтъ тому назадъ играли господа Гузиковъ и Эбенъ, извѣстенъ уже публикѣ, и въ то время заслужилъ ея многостное вниманіе. Съ какимъ удовольствіемъ преклоняемся ны передъ искусствомъ, въ этой родной для него стихіи! Здѣсь, гдѣ не можетъ-быть и помину о чувствѣ, выразительности или тонѣ, искусство царствуетъ неограниченно, безпредѣльно и вполне выказываетъ свою силу. Что за трескъ и стукъ! Что за мелодія! Кажется слышишь шелканье языкомъ, этотъ признакъ внутренняго довольства!

Оркестръ исполнилъ, подъ дирекціею господина Карла Шу-

берта, двѣ увертюры, изъ которыхъ я слышалъ только одну: «Meeresstille und glückliche Fahrt» сочиненіе Мендельсона Бартольди; послѣ довольно бурнаго плаванія, они счастливо и торжественно достигли берега.

На слѣдующій вечеръ былъ первый концертъ филантропическаго общества, въ Большомъ Театрѣ, данный съ благотворительною цѣлю; публики къ сожалѣнію, было немного. Филантропическое общество намѣрвалось исполнить, въ первомъ концертѣ своемъ, Мендельсонова «Илію» и уже сдѣлало всѣ необходимыя для этого приготовленія. Внезапно возникшія пренятствія помѣшали этому намѣренію и должны были неблагопріятно подѣйствовать на организацію концерта, потому что недостатокъ времени дѣлалъ невозможною замѣну «Иліи» другою большою и значительною пьесою. Въ слѣдствіе этого, должно смотрѣть на настоящій концертъ какъ на дѣйствіе вынужденное и слѣдовательно заслуживающее всеобщей благодарности, тѣмъ болѣе что онъ доказываетъ богатство средствъ, которыми обладаетъ общество.

Симфонія Шпора «die Weihe der Töne» принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній стараго мастера, которыя наиболѣе отдаляются отъ его обыкновеннаго однообразія и примыкаютъ къ новѣйшему музыкальному прогрессу. Это сочиненіе подобно, симфоніямъ Берліоза, основывается на содержаніи либретто. Направленіе Шпора прямо противоположно направленію Берліоза, точно въ такомъ же отношеніи находятся и либретто этихъ художниковъ. Берліозъ старается выразить, своею музыкою, страсти, фантастическое состоявіе души или внѣшнія побужденія; Шпоръ, въ основаніе своей «Weihe der Töne», единственной изъ его симфоній, написаной на либретто, положилъ нѣжное чувство и потому музыка его является такою, какъ она существуетъ въ природѣ и въ ежедневной жизни человѣка, отъ колыбели до могилы. Такое либретто вполне удобно для музыкальной живописи, если бы только не было страннымъ желаніе композитора изобразить въ интродукціи посредствомъ звуковъ рожденіе звука. Впрочемъ, въ этомъ сочиненіи, обыкновенная сентиментальная мягкость Шпора является рѣже и это увеличиваетъ достоинства симфоніи. Особенно это замѣтно въ первомъ аллегро, изображающемъ рожденіе звука. Мѣсто, когда живые пассажи скрипокъ выражаютъ шумъ и шелестъ лѣса, отличается необыкновеннымъ эффектомъ, который, впрочемъ, могъ-бы быть еще сильнѣе, если бы въ пѣніи птицъ выраженномъ скрипичными фигурами, даво было какое либо опредѣленное содержаніе. Вторая фраза заклю-

часть три различные мотива: колебательную пѣсню, танецъ и серенаду, которые весьма искусно и эффектно выдержаны и соединены между собою. За этимъ слѣдуетъ выразительная воющая мелодія, большой, превосходно обработанный маршъ, къ которому привыкаетъ побѣдная пѣснь и Амвросіанскій хвалебный гимнъ: «Te Deum laudamus», исполняемые трубами и другими вѣдными инструментами. Окончаніе Симфоніи, въ которой заключается хоралъ «Nun lass uns dem Leib begraben» и выразительный финалъ, было къ несчастію выпущено. Непосредственно за хвалебнымъ гимномъ Святаго Амвросія (бывшаго въ шестомъ столѣтіи архіепископомъ миланскимъ), слѣдовала пѣснь другаго Итальянца, жившаго гораздо позднѣе, а именно Беллини. Госпожа Фрецолини пропѣла арію изъ Пуританъ, въ которой Беллини является гораздо лучшимъ музыкантомъ нежели въ предыдущихъ своихъ операхъ, но которая, тѣмъ не менѣе, рѣзко контрастировала съ музыкою Шпора. Удивляемся, какъ могло филармоническое (то есть любящее музыку) общество рѣшиться на такое странное устройство концерта. Потомъ господинъ Вурмъ игралъ на *cognet à piston* варьяціи на тему изъ Соннамбулы. Звучный инструментъ, который сравнительно съ трубою тоже что вѣж-ный юноша передъ зрѣлымъ мужемъ, и искусство господина Вурма, заслужили живое и всеобщее участіе.

Во второй части мы еще слышали балъ изъ «Episode de la vie d'un artiste» Берліоза, при исполненіи котораго замѣтили отсутствіе развивающейся гривы капельмейстера-льва прошлаго года, и арію изъ Донъ-Паскуале, пѣтою госпожею Фрецолини. Эту же самую арію она пѣла на кануи въ залѣ госпожи Матлевой, но здѣсь, въ большомъ театрѣ она произвела гораздо болѣе эффекту, несмотря на усталость пѣвицы. Потомъ играла госпожа Грюнбергъ, ученица Гензельта, концертъ для фортепiano Мендельсона (*sol mineur*), но не совсемъ удачно. Для заключенія была исполнена Бетговеда «Битва при Витторіи», это странное произведеніе, въ которомъ великій гевій подчинился пристрастію своего времени къ батальной музыкѣ. Если этой пьесѣ суждено было дойти до потомства, то она этимъ обязана единственно громкому имени композитора, а не собственному достоинству. Исполненіе было удачно и удовлетворительно, какъ всѣ оркестровые нумера этого концерта. Желательно было, чтобы машина, изображающая шумъ сраженія, была по сильнѣе и ближе къ предмету. Такъ, напримѣръ, трещотки болѣе походившія на громушки или на трещотки вѣмецкихъ городовыхъ сторожей,

пожелал на убійственный батальный огонь. Желательдо было бы, какъ въ видахъ искусства такъ и въ интересахъ публики, чтобы филарменическое общество исполнило во вторникъ своемъ концертѣ «Илію».

Мы не ставемъ много распространяться о второмъ концертѣ господина Батта въ субботу 13 марта, потому что онъ составленъ былъ изъ тѣхъ же самыхъ пьесъ какъ и предыдущій; изъ новыхъ была только одна. Это заставляетъ насъ предполагать, что репертуаръ господина Батта очень ограниченъ. (Видь на слово «demandé» многократно повторенное въ аэпшѣ не всякаго поддѣнешь.) Единственною новостію, которую мы услышали въ этомъ концертѣ, была фантазія собственнаго сочиненія на мотивы изъ «Жидовки», Галеви, рядъ пріятныхъ мелодій, слѣдующихъ одна за другой безъ всякой искусственной обработки, однимъ словомъ пьеса безъ всякой внутренней связи, какъ все то что до-сихъ-поръ игралъ намъ господинъ Батта. Что касается до исполненія, то здѣсь все было по прежнему: тѣ же достоинства, пріятный тонъ, вѣрная передача мелодій, и тѣ же недостатки. Высокаго искусства, восторженности тутъ не было слѣда. У господина Батта замѣтно рѣшительное предпочтеніе къ вышнимъ нотамъ инструмента; на нихъ исключительно передаетъ онъ мелодію, и беретъ, низкія изрѣдка и то мимоходомъ, не смотря на то что единственно посредствомъ этихъ нотъ прекрасный характеръ віолончели получаетъ надлежащее округленіе. Какъ изъ всего сказаннаго нельзя заключить, чтобы господинъ Батта былъ въ состояніи подарить насъ чѣмъ-нибудь новымъ, то намъ нечего жалѣть, что настоящій концертъ былъ объявленъ какъ послѣдній его концертъ.

Кромѣ фантазій изъ «Жидовки» концертникъ повторилъ намъ свою фантазію изъ Лучи и Concertstück для трехъ віолончелей. Въ послѣдней пьесѣ имена двухъ другихъ віолончелистовъ нужны были господину Батта для отгѣнку. О соединеніи, которое, казалось, обѣщало заглавіе пьесы, тутъ не было и помнѣну. Здѣсь первый віолончель господствуетъ постоянно, а остальные два аккомпанируютъ, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть опасны для главнаго, даже если они въ рукахъ первыхъ виртуозовъ. Господинъ Шубертъ, изъ снисходительности, не воспользовался даже единственнымъ, впрочемъ незначительнымъ мѣстомъ выказать свой талантъ, при исполненіи одного и того же мотива двумя віолончелями послѣдовательно, и пѣлъ самымъ даль слу-

чаѣ блеснуть на свой счетъ концертнсту, игравшему этотъ по- тивъ непосредственно послѣ него.

Господиъ Левя сыгралъ съ аккомпаниментомъ оркестра «Concertstück» своего сочиненія, кажется составленный по прево- сходному Мендельсовому образцу, и потому во всякомъ слу- чаѣ заслуживающій вниманія по своему стремленію, но строгому стилю, хотя въ то же время, кое-за-что достойный ушреку, такъ наиримѣръ за пренебреженіе къ оркестру, который въ этой пьесѣ занимаетъ роль пятого колеса въ каретѣ. Господиъ Левя игралъ до сихъ-поръ все собственныя свои сочиненія; пора бы ему сыграть что-нибудь и чужое.

Госпожа Фреццоллинъ пѣла арію изъ «Эриани» Верди, другую изъ «Elisir d'amore», пѣла, разумѣется какъ и всегда, прево- сходно.

Разительнымъ контрастомъ ничтожной салонной музыкѣ, ко- торую насъ подчивалъ господиъ Батта подъ именемъ «больша- го концерта» былъ концертъ данный господиномъ Гроссомъ на другой день утромъ въ университетской залѣ. Господиъ Гроссъ тоже виолончельствъ, но советиъ другаго роду нежели господиъ Батта. Что господиъ Гроссъ какъ виртуозъ гораздо выше не- желъ господиъ Батта, это еще ничего не значить: всѣ наши ви- олончельствы таковы, и главное то, что господиъ Гроссъ въ то- же время художникъ, мыслящій, глубоко чувствующій, кото- рый занимается искусствомъ не для того, чтобы быть вирту- озомъ, но напротивъ виртуозъ длятого чтобы быть худож- никомъ. Онъ является предъ публикою не какъ концертствъ ищущій рукоплесканій, но! какъ жрецъ приносящій посильную жертву искусству. Въ такомъ смыслѣ составлена была програм- ма его концерта, программа совершенно отличная отъ тѣхъ, ко- торыя мы видимъ каждый день. Между шестью значившимися пьесами три были строгія, классическія: превосходная увертюра изъ «Ифигенія» Глука, большой концертъ Гросса и соната Бетговена (cis moll). Въ концертѣ господиъ Гроссъ явился передъ нами какъ отличный композиторъ. Концертъ начинается драматическимъ, одушевленнымъ и мастерски инструментальнымъ tutti, изъ котораго чрезвычайно оригинально и эффектно рождается соло. Въ продол- женіе всей пьесы виолончель не только замѣтно отдѣляется отъ оркестра, но рѣшительно господетвуетъ надъ послѣднимъ. Прослу- шавъ одинъ разъ такое серьезное произведеніе, трудно произнести надъ нимъ рѣшительный, отчетливый приговоръ, и потому пока къ сказанному мы прибавимъ только то, что концертъ произ-

велъ на публику живѣйшее впечатлѣніе. Сочинитель исполнитель былъ вызванъ. Слѣдующими пьесами Гросса были варіаціи на оригинальную тему графа Михаила Вильгорскаго, бывшія новымъ доказательствомъ того, что графъ не только достойный покровитель, но и отличный знатокъ искусства, и капризь на русскія пѣсни сочиненія Платти. Господинъ Габербиръ исполнялъ фантазію Бетговена (*cis moll*) возвышеннѣйшую изъ всѣхъ фантазій, просто, естественно и съ техническимъ совершенствомъ. Фантазія для фортепіанъ въ четыре руки на мотивы Вебера сочиненія Мошлеса была на этотъ разъ самою незначительною пьесою концерта. Мендельсонъ, имя котораго тоже стояло на афишѣ, навѣрно не принималъ ни какого участія въ этомъ сочиненіи, развѣ спалъ, быть-можетъ, стоялъ возлѣ Мошлеса въ то время какъ послѣдній писалъ. Въ тотъ же день вечеромъ, мы слышали въ концертѣ здѣшняго любимаго учителя пѣнія господина Михайлова дуэтъ изъ *Elisir d'amore* Довизетти, очень мило пропѣтый концертнстомъ и господиномъ Този, и фантазію Тальберга на тему изъ Моисея, исполненную господиномъ Герке. Хотя со времени Тальберга прошло передъ нами цѣлое поколѣніе новыхъ піанистовъ, однако созданная имъ метода фортепіанной игры не потерпѣла большихъ измѣненій. Правда съ-тѣхъ-поръ піанисты много хлопотали, какъ бы дать фортепіанной игрѣ болѣе музыкальнаго содержанія, но къ несчастію ихъ старанья не увѣнчались успѣхомъ, и они впали только въ смѣшныя крайности, а къ своей цѣли не подвинулись ни на волосъ. Да! эта загадка очень трудна и повѣрьте, останется не разрѣшена до толѣ пока виртуозы не рѣшатся пожертвовать ей тѣмъ, что они называютъ эффектомъ, а сочиненія Тальберга все будутъ пріятнѣе и эффектнѣе нежели произведенія новѣйшихъ талантовъ. Піанисты школы Тальберга съ каждымъ днемъ дѣлаются рѣже и рѣже: новая манера игры, съ своимъ стукомъ и громомъ совершенно вытѣснила прежнюю игру, игру пѣвучую и отчетливую. Истинно наслаждаешься, когда внезапно гдѣ нибудь услышишь прежній мягкій художественный *toucher*. Такое наслажденіе мы ощутили, слушавъ прекрасную игру господина Герке. Нечего и говорить что господинъ Герке игралъ какъ виртуозъ: чего другаго ждать отъ такого артиста? Но главное достоинство исполненія состояло въ томъ, что онъ умѣлъ передать эту фантазію совершенно въ духѣ сочинителя, начиная съ общаго характера пьесы до малѣйшихъ частностей. По нашему мнѣнію это

было главное и въ этомъ заключалась причина необыкновеннаго оживленія произведеннаго пьесою на публику.

Мы не могли слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ концерта: въ этотъ вечеръ насъ ждалъ другой концертъ въ университетской залѣ. Это самое дѣлало насъ возможности слышать господина Бирштейна, о талантѣ котораго отзываются такъ лестно. Мы надѣемся вознаградить утрату въ предстоящемъ концертѣ этого молодого артиста.

Въ университетской залѣ застали мы многочисленную и необыкновенно воодушевленную публику. Господинъ Щулепниковъ только что окончилъ концертъ Шопена, которымъ привелъ въ энтузіазмъ публику. Исполнителя вызвали, заглушили аплодисментами и даже бросили ему одинъ букетъ. Какое огромное вліяніе должны имѣть эти аплодисменты на дилетанта, когда они и для артиста такъ много значатъ! они должны довести перваго по крайней мѣрѣ до самозабвенія. Но большая часть торжества досталась на долю госпожи де-Джули Борси, которая явилась въ этотъ вечеръ въ послѣдній разъ передъ публикою съ благотворительною цѣлію, и тѣмъ самымъ достойно заключила свое музыкальное поприще въ Петербургѣ. Мы прослушали арію изъ *Marin di Roganz*, *Casta diva* изъ *Нормы* и *Polacca* изъ *Ломбардовъ*, лучшія пьесы ея репертуара, производящія на публику такое сильное впечатлѣніе, котораго я и не берусь описывать.

Въ послѣднее время много было споровъ за госпожу Фреццоллини и госпожу Борси. По нашему мнѣнію, обѣ эти пѣвицы ни какимъ образомъ не могутъ быть подведены подъ одну мѣрку, потому что каждая изъ нихъ столько имѣетъ особенныхъ преимуществъ передъ другой, что о взаимномъ соперничествѣ тутъ и не должно быть помину. Конечно, въ голосѣ госпожи Борси нѣтъ такого пѣснаго благозвучія какъ въ голосѣ госпожи Фреццоллини, но зато послѣдняя не имѣетъ и тѣни той необыкновенной энергіи, той драматичности, которою первая обладаетъ въ совершенствѣ. Соперничество съ госпожою Фреццоллини безспорно много прибавитъ къ славѣ госпожи Борси, имя которой далеко не такъ извѣстно въ музыкальномъ мірѣ какъ она того заслуживала бы. Мы увѣрены, что госпожа Борси, если только она оставитъ свою страсть къ рѣзкимъ эффектамъ, (вѣроятно невольное слѣдствіе соперничества съ госпожою Фреццоллини) скоро станетъ на ряду съ замѣчательнѣйшими пѣвицами нашего времени.

Еще должно упомянуть о серенадѣ для пяти виолончелей, контрабаса и литавръ, сочиненіе Швейне, прекрасно исполненной гос-

шодивомъ Шубертонъ и любителями, которая очень понравилась слушателямъ, хотя спокойный характеръ ея и не вполне соответствовалъ ихъ одушевленной настроенности. Наконецъ въ понедѣльникъ пятнадцатаго марта дала концертъ въ Михайловскомъ Театрѣ госпожа Софія Бореръ, въ которомъ вполне оправдала свою чрезвычайную знаменитость, сопровождающую ее съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Госпожа Бореръ природная пианистка. Еще съ самой ранней юности преодолѣла она всѣ техническія трудности исполненія. Въ то время когда другія дѣти играютъ въ куклы, она играла въ гаммы и арпеджин, а въ томъ возрастѣ когда дѣвушки начинаютъ думать о своемъ туалетѣ, она уже основательно знала трудную музыкальную фразеологію. Госпожа Бореръ не просто необыкновенная пианистка — она рѣшительно гений. Только гению даетъ природа необыкновенную способность родиться со всѣмъ тѣмъ, за что онъ берется и съ инструментомъ на которомъ онъ играетъ и съ самимъ сочиненіемъ. Этимъ достоинствомъ госпожа Бореръ обладаетъ въ совершенствѣ. Фортеціано звучитъ подъ ея пальцами совершенно иначе, нѣтъ совершенно яное выраженіе, нежели подъ пальцами всякаго другаго пианиста. Эта то тоскливая, то бурная соната Бетговена (sixth moll) эта безграничная фантазія Листа, эти наивные, граціозныя мазурки Шопена, все, все получаетъ другой смыслъ, другой колоритъ. Отчего же это? Оттого, что у госпожи Бореръ есть свой особенный стиль, а стиль, какъ всѣмъ извѣстно, есть непосредственный прямой результатъ мысли, чувства и механизма. Эти три условія по большей части встрѣчаются раздѣльно и очень, очень рѣдко слитно, но такое совершеннѣйшее соединеніе ихъ какими обладаетъ госпожа Бореръ — чисто исключеніе.

Трудно выразить словами всѣ оттѣнки исполненія, и обыкновенно тѣмъ исполненіе гениальнѣе, тѣмъ далѣе оно отъ всякаго описанія. Въ такомъ случаѣ остается одно средство — сравненіе. Госпожа Бореръ играетъ преимущественно сочиненіе Листа, и въ игрѣ ея есть даже что-то родственное съ игрою послѣдняго. Однако же, когда она играетъ сочиненія Листа, это всё-таки не тотъ Листъ, котораго мы знаемъ; это Листъ, игра котораго, не смотря на энергію и силу, гораздо яснѣе и пріятнѣе, однимъ словомъ, это Листъ, превратившійся изъ блѣднаго длинноволосаго мужчины, въ хорошенькую быстроглазую дѣвушку. Но при такомъ превращеніи Листъ нисколько не потерялъ. У него осталась та же страстная, демонская сила наложенія, впрочемъ

съ вакниѣ-то новымъ, пышнымъ, дѣйствительнымъ оттѣнкомъ, но только вдушимъ ему къ ламу, но даже для него существеннымъ необходимымъ. Дѣйствіе этой игры электрически поражающее слушателей то же самое. Первые такты квинтета, изъ «Лучи» уже возбуждали общій восторгъ, который сильно взростъ при исполненіи «фантази» изъ «Сопамбулы», этого *long de force* современнаго искусства, и, наконецъ, послѣ страстныхъ, пламенныхъ мазурокъ Шопена, превратился въ бурный энтузіазмъ.

Такимъ образомъ прибытіе госпожи Буреръ совершило одинъ изъ тѣхъ переворотовъ въ ожиданіяхъ нынѣшняго сезона, о которыхъ мы недавно говорили. И такъ, Европа прислала намъ опять истинный талантъ и, вѣроятно, многохваленая музыкальность Петербурга оправдается и на этотъ разъ. Софія Буреръ, дочь известнаго скрипача Антона Бурера, родилась въ 1830 году, въ Парижѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя родители повезли ее въ Германію, гдѣ отецъ занималъ тогда мѣсто ганноверскаго королевскаго концертмейстера. Уже съ самой ранней юности она училась игрѣ на фортепиано у своей матери, урожденной Дузкенъ, которая была замѣчательной, даже знаменитой пианисткой. Она и осталась впоследствии единственной учительницей Софіи. Уже четырехъ лѣтъ маленькая Софія играла этюды Кранера съ такимъ совершенствомъ и съ такимъ рѣшительнымъ успѣхомъ, что даже артисты удивлялись ея игрѣ. Но мать имѣла въ виду не одно только механическое образованіе, но и настоящее музыкальное содержаніе. Для этой цѣли она рано ознакомила дочь свою съ Клементи, Бахомъ и съ могучимъ гениемъ Бетговена и послѣдила такъ скоро сроднилась съ этой строгой музыкой, что играла ее наизусть. Ея необыкновенная память обнаружилась очень рано. Когда Софія, въ 1839 году, возвратилась въ Парижъ и тамъ въ первый разъ играла въ публикѣ, она была не только прекрасной пианисткой, которая отлично исполнила Герца, Гуммеля, Калкбрённера и Шопена, но даже владела уже такимъ образованнымъ, художественнымъ вкусомъ, что исполнила большой концертъ Бетговена (*es dur*). Она возбуждала своимъ талантомъ восторженное удивленіе всѣхъ зрителей и восклицала маститаго старца Керубини до такой степени, что онъ при всей публичнѣ поднималъ на руки маленькую пианистку и поцѣловалъ ее. Она еще сыграла ему *суги* Баха и Клементи и при отъѣздѣ изъ Парижа получила отъ него подалонъ, въ которомъ были заключены локонъ ея обѣды въ вѣкъ. Три года спустя востановившись въ своемъ искусствѣ, она имѣла

въ Лондонѣ блистательный успѣхъ. Въ этотъ же году она играла въ Вѣнѣ, Пестѣ и Прагѣ, и возбуждала вездѣ величайшій энтузіазмъ, который дошелъ въ Прагѣ до такой степени, что Сервѣ, прѣѣхавши туда давать концерты, уѣхалъ не достигнувъ своей цѣли, несмотря на свою огромную извѣстность. Въ Прагѣ госпожа Бореръ, съисходя просьбамъ нѣкоторыхъ профессоровъ Консерваторіи, въ первый разъ показала на опытѣ силу своей шебурчатой памяти, который придавъ ей концерту необыкновенную прелесть и много содѣйствовалъ къ распространенію ея славы. вмѣстѣ того, чтобы означить въ программѣ пьесы, которыя она будетъ играть, концертистка назвала болѣе ста пьесъ новаго и стараго времени, строгаго и блестящаго стиля, которыя она была въ состояніи сыграть безъ малѣйшаго приготовленія наизусть: выборъ изъ этихъ пьесъ она предоставила самой публикѣ. Не знаешь чему удивляться болѣе, огромному ли репертуару юной артистки превышающему почти всецѣло репертуаръ болѣею части виртуозовъ, или необыкновенной ея памяти. Возвратившись въ 1845 году вторично въ Парижъ, артистка уже во всѣхъ отношеніяхъ совершенная, она имѣла такой блистательный успѣхъ, какой только когда либо получали въ Парижѣ величайшіе таланты.

Въ концѣ прошлаго года она была въ Мюнхенѣ, Вѣнѣ, Семиградѣ и въ Лембергѣ и въ послѣднемъ городѣ встрѣтилась съ Листомъ. Ободрительное вниманіе, которое этотъ великій артистъ оказываетъ (въ противоположность нѣкоторымъ другимъ артистамъ), каждому истинно значительному таланту, составляетъ безъ сомнѣнія замѣчательнѣйшую черту его любезнаго характера. Онъ уже и прежде нѣсколько разъ встрѣчался съ молодой артисткой, всегда интересовался въ высшей степени ея талантомъ и даже по нѣлымъ днямъ проводилъ съ нею за роялемъ. Но теперь объявилъ онъ ея игру совершенною и нѣсколько разъ выстѣ съ нею игралъ въ публикѣ. Изъ Лемберга чрезъ Одессу и Кіевъ, она прибыла въ Петербургъ.

Journal d'Odessa говоритъ о госпожѣ Бореръ между прочимъ слѣдующее:

«Съ тѣхъ поръ, какъ мы услышали госпожу Бореръ, уже ничто болѣе не кажется намъ невозможнымъ, такъ молодая и уже такъ совершенная; ручки слабаго, нѣжнаго ребенка, а игра — гиганта. Какъ блистательно побѣдила она всѣ трудности Листа, которыя извѣстны изъ непродолжительнаго; она одолѣла и въ концѣ Гер-

кулись въ колыбели одолѣлъ змѣй, улыбаясь. Какая сила, какая отчетливость, какой огонь, какое вдохновеніе!

— Третьяго февраля, въ Дрезденѣ, исполненъ былъ «Сонъ въ лѣтнюю ночь» Шекспира, положенный на музыку Мендельсономъ-Бартольди. Это было вѣчто въ родѣ музыкальнаго торжества въ память усопшаго композитора, который, какъ извѣстно, родился въ этотъ день.

— Въ Мюнхенѣ имѣлъ большой успѣхъ пятнадцатилѣтній скрипачъ Лаубъ, родомъ изъ Богеміи. Игра его, говорятъ, не уступить игрѣ зрѣлаго артиста. Въ Аугсбургѣ онъ тоже давалъ концерты.

— Госпожа Віардъ-Гарсія окончательно ангажирована парижскою Большою-Оперою.

— Молодой скрипачъ Генрихъ Венявскій, который въ прошломъ году получилъ первую премію парижской Консерваторіи, давалъ въ Варшавѣ передъ своимъ отъѣздомъ въ Россію концертъ (онъ теперь уже въ Петербургѣ), въ которомъ игралъ одну часть собственнаго сочиненія. Успѣхъ былъ огромный. Генриху теперь одиннадцать лѣтъ. Братъ его Іосифъ игралъ въ этомъ концертѣ на фортепіано. Объ игрѣ его тоже отзываются съ большою похвалою.

— Пятаго февраля исполнена была въ первый разъ въ Германіи, именно въ Гамбургѣ, ода-симфонія Фелисіена Давида «Христофоръ Колумбъ», подъ дирекцію капельмейстера Кребса. По вѣзанной болѣзни господина Клемента, партію тенора исполняла госпожа Михаэли, контръ альтъ.

— Въ журналѣ Grenzboten извѣщаютъ, что въ Прагѣ дана была въ первый разъ опера «Французы подъ Ниццою», сочиненіе директора тамошней Консерваторіи Фридриха Кнля, съ такимъ необыкновеннымъ успѣхомъ, который запомнятъ только разѣ въ первомъ представленіи «Роберта» и «Гугенотовъ». Вѣроятно это образцовое произведеніе обойдетъ всю Европу. Либретто для оперы передано Вагнеромъ изъ романа Кёнига «Die hohe Braut».

— Въ Константинополѣ наконецъ дѣйствительно принялись за стройку турецкаго театра, который не уступитъ въ великолѣпіи парижскому и лондонскому. Въ серединѣ будетъ устроена ложа для султана, и непосредственно въ связи съ послѣднею комната, убранныя со всею восточною роскошью.

— Двадцать втораго февраля лондонскій королевскій судъ при-

говорила Женни Линдъ къ уплатѣ въ пользу директора театра Банна, 2,500 фунтовъ стерлинговъ, а равно и издержки процесса.

— Листъ, кажется, намѣренъ отдохнуть въ Веймарѣ отъ своихъ путешествій. Онъ, какъ извѣстно, между прочимъ и веймарскій придворный капельмейстеръ. Теперь онъ хочетъ выстроить въ этомъ городѣ домъ цѣною въ двадцать тысячъ талеровъ, чтобы сдѣлаться музыкальнымъ Гёте. Когда онъ показался въ послѣднемъ концертѣ въ Лейпцигѣ, то былъ встрѣченъ аплодисментами одной части публики и шиканіемъ другой. Впрочемъ, боимся, чтобы ободренный рукоплесканіями, онъ не успѣлъ за фортепіано. Въ Лейпцигѣ теперь не любятъ болѣе піанистовъ.

— Фелисіенъ Давидъ написалъ музыку вмѣстѣ съ Берлиозомъ на «Кровавую монахиню» Делавивя. Можно надѣяться, что эти два композитора произвели что-нибудь оригинальное. Впрочемъ, и Мейербееръ собирался сочинять эту же «Монахиню», но позѣ не отдавалъ ему либретто, зная его обыкновеніе, долго не выпускать изъ рукъ новаго произведенія. Онъ сказалъ Мейерберу иронически: «уже становлюсь старъ, а мнѣ бы хотѣлось дожить до представленія моей пьесы.»

— Шведскій «Aftonblad» пишетъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ, что Женни Линдъ выпросила у дирекціи театра бенефисъ, сборъ котораго назначила для частной благотворительной цѣли. Потому «Aftonblad» продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: «Одна изъ нашихъ молодыхъ танцовщицъ, которая внезапно занемогла безнадежно, жалѣла о томъ, что она уже не услышитъ очаровательнаго голоса Женни Линдъ». «Я бы спокойно умерла, говорила она, еслибъ еще хоть разъ увидѣла ее.» «Благородная пѣвица, услышавъ объ этомъ, поспѣшила къ несчастной, и не только пѣла при ней своимъ ангельскимъ голосомъ, но даже обязалась заботиться о бѣдной танцовщицѣ въ продолженіи того времени, которое ей оставалось жить. Кроме того мы слышали, что госпожа Линдъ воспитываетъ на свой счетъ дѣтя одной умершей своей сотрудницы по искусству, потому что отецъ ребенка находится въ крайности.»

— Самая старинная арфа хранится въ коллегіумѣ Святыя Троицы въ Дублинѣ. Она принадлежала О'Бріену, который въслѣдъ вторженія Датчанъ въ Ирландію, собравшія барды и учредилъ много школъ и библиотекъ, существующихъ еще и нынѣ. Эта арфа, часто иѣвшая своихъ владѣльцевъ, досталась наконецъ Куинвигану, который подарилъ ее дублинскому коллегіуму.

Генрихъ-Огильдъ, провозглашенный королемъ Ирландіи, вѣсть эту
арду въ Великобританскій гербъ.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауара и Ко. Коммиссіонера Императорской
Библиотеки на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петилья, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

ФРАНЦУЗСКІЯ

COLLECTION DES MANUELS-RORET FORMANT UNE ENCYCLO- PÉDIE DES SCIENCES ET DES ARTS.

(Format in-18).

	R. C.
MANUEL ESCRIME, ou traité de l'art de faire des armes, par M. La- faugère, maréchal-des-logis. 1 vol.	— 85
— ESSAYEUR, par MM. Vauquelin, Gay-Lussac et d'Arcet, pu- blié par M. Verghnaud. 1 vol.	— 85
— ÉTAT CIVIL (officier de l'), pour la tenue des registres et la rédaction des actes, etc., etc., par M. Lemolt, ancien magi- strat.	— 75
— ÉTOFFES IMPRIMÉES (fabricant d') et fabricant de papiers peints, par M. Seb. Lenormand. 1 vol.	— 85
— FERBLANTIER et LAMPISTE, ou l'art de confectionner en fer- blanc tous les ustensiles, par M. Lebrun. 1 vol. orné de fi- gures.	— 85
— FERRIER (feu), ou l'agriculture simplifiée et mise à la portée de tout le monde, par M. de Lépinos. 1 vol.	— 75
— FILATEUR, ou description des méthodes anciennes et nouvel- les employées pour filer le coton, le lin, le chanvre, la laine et la soie, par MM. C.-E. Julien et H. Lenoir. 1 vol. in- 16, avec 8 pl.	— 1 —
— FUMISTERIE ARTISANALE, ou l'art d'imitier, d'après nature, toute espèce de fleurs, suivi de l'art du plumassier, par ma- dame Chénier. 1 vol. orné de fig.	— 75
— GÉNÉRALISATIONS, ou leur histoire, leur symbole, leur langage, etc., etc., par madame Lenoir. 1 vol. fig. noires.	— 85
	— Figures coloriées. 1 70

MANUEL FONDEUR SUR TONS MÉTAUX, par M. Launay. (Ouvrage faisant suite au travail des métaux). 2 vol. ornés d'un grand nombre de planches.	7 —
DU MAÎTRE DE FORGES, ou l'art de travailler le fer, par M. Landrin. 2 vol. ornés de planches.	1 70
GALVANOPLASTIE, ou traité complet de cet art, contenant tous les procédés les plus récents, par MM. Smér, Jacobi, de Valincourt, etc., etc. 1 vol. orné de fig.	1 —
GANTS (fabricant de) dans ses rapports avec la mégisserie et la chamoisierrie, par Vallet d'Artois. 1 vol.	1 —
GARANTIE DES MATIÈRES D'OR et D'ARGENT, par M. Lachèse, 1 vol.	— 50
GARDES-CHAMPÊTRES, FORESTIERS et GARDES-PÊCHE, par M. Boyard, président à la cour royale d'Orléans. 1 vol.	— 75
GARDES-MALADES, et personnes qui veulent se soigner elles-mêmes, ou l'ami de la santé, par M. le docteur Morin. 1 vol.	— 75
GARDES NATIONAUX de FRANCE, contenant l'école du soldat et de peloton, les ordonnances, règlements, etc., etc., par M. R. L. 33e édit. 1 vol.	— 35
GÉOGRAPHIE DE LA FRANCE, divisée par bassins, par M. Lorioi. 1 vol.	— 75
GÉOGRAPHIE GÉNÉRALE, par M. Devilliers. 1 gros vol. de plus de 400 p, orné de 7 jolies cartes.	1 —
GÉOGRAPHIE PHYSIQUE, ou introduction à l'étude de la géologie, par M. Huot. 1 vol.	— 85
GÉOLOGIE, ou traité élémentaire de cette science, par M. Huot. 1 vol. orné de planches.	— 75
GÉOMÉTRIE, ou exposition élémentaire des principes de cette science, par M. Terquem. 1 gros vol.	1 —
GNOMONIQUE, ou l'art de tracer les cadrans, par M. Boute-reau. 1 vol. orné de figures.	— 85
DES GOURMANDS, ou l'art de faire les honneurs de sa table, par Cardelli. 1 vol.	— 85
GRAVEUR, ou traité complet de l'art de la gravure en tous genres, par MM. Ferrut et Malpeyre. 1 vol. orné de planches.	— 85
GRÈCE (histoire de la), depuis les premiers siècles jusqu'à l'établissement de la domination romaine, par M. Matter. 1 vol.	— 85
DE LA GYMNASTIQUE, par le colonel Amoros (Ouvrage con-joint par l'Institut, admis par l'Université, etc.). 1 vol. et atlas.	— 3

MANUEL HABITANTS DE LA CAMPAGNE et bonne fermière, contenant tous les moyens de faire valoir, de la manière la plus profitable, les terres, le bétail, les récoltes, etc., par madame Celnart. 1 vol.	75
— HERBORISTE, épicier-droguiste, grainier-pépiniériste et horticulteur , par MM. Tollard et Julia de Fontenelle. 2 gros vol.	2 —
— HISTOIRE NATURELLE, ou genre complet des animaux, des végétaux et des minéraux. 2 gros vol.	5 —
ATLAS pour la botanique, composé de 120 planches. Figures noires,	5 15
figures coloriées.	10 30
— pour les mollusques, représentant les mollusques nus et les coquilles. 51 planches. Figures noires,	2 —
figures coloriées	4 —
— pour les crustacés, 18 planches. Figures noires,	— 85
figures coloriées.	1 70
— pour les insectes, 110 planches. Figures noires,	4 85
figures coloriées.	9 70
— pour les mammifères, 80 planches. Figures noires,	3 45
figures coloriées.	6 90
— pour les minéraux, 40 planches. Figures noires,	1 70
figures coloriées.	3 40
— pour les oiseaux, 129 planches. Figures noires,	5 70
figures coloriées.	11 15
— pour les poissons, 155 planches. Figures noires,	6 85
figures coloriées.	13 70
— pour les reptiles, 54 planches. Figures noires,	2 55
figures coloriées.	5 15
— pour les zoophytes, représentant la plupart des vers et des animaux-plantes, 25 planches. Figures noires,	1 70
figures coloriées.	3 40

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Просвѣтѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро).

Новыя пьесы для фортепiano.

BENEDICT. Réverie. op. 39 (85 c.).

BERTINI. Trois solos: № 1. Allegro agitato. № 2. Allegretto grazioso. № 3. Rondo alla Polacca (chaque 85 c.).

- BERNARD.** Air russe favori: «He odna vo nozbi dorozhenitsa», varié (1 r.).
- BEYER.** Morceau de salon sur Adelaïde, de L. van Beethoven (1 r. 43 c.).
 — Heures de loisir. Collection de rondeaux sur des danses favorites. op. 92 liv. 1 à 6 (chaque 72 c.).
 — Album 1848. Six morceaux élégants. op. 96 (3 r.).
- BRUNNER.** Trois petits rondeaux. op. 107. № 1. Norma (72 c.). № 2. Zampa (72 c.). № 3. Torquato Tasso (72 c.).
- BURGMUELLER.** Fantaisie sur une cavatine de Rossini. op. 96. № 1. (1 r.). Valse sur des motifs favoris de Rossini. op. 96. № 2. (1 r.). Valse favorite du ballet Paquita (75 c.).
- CHOPIN.** Trois mazurkas. op. 63 (1 r. 15 c.). Trois valses. op. 64 (1 r. 72 c.). Valse favorite tirée de l'op. 64 (50 c.).
- CRAMER.** Le doux souvenir. Pensée (72 c.). Impromptu (72 c.).
- CZERNY.** Fleurs mélodiques. Douze pièces de différents caractères. op. 791 liv. 1. 2. (chaque 1 r. 29 c.).
- DREYSCHOCK.** Souvenir de Berlin. Bluettes. op. 41 (1 r. 29 c.). Zum Wintermärchen. Rapsodie. op. 40 (1 r. 15 c.). Morceau caractéristique. op. 45 (1 r. 15 c.). Rapsodie. op. 46 (1 r.). Andantino et allegro appassionato. op. 47 (1 r. 15 c.). Andantino con variazione. op. 51 (1 r.).
- DOEHLER.** La suppliante. Ballade. op. 65 (75 c.). Grande fantaisie brillante sur la Somnambula. op. 66 (3 r.).
 — La dansante. Grande valse brillante. op. 67 (85 c.).
- GOLDSCHMIDT.** Fantaisie sur l'opéra Don Pasquale (1 r. 43 c.).
- GORIA.** Fantaisie de concert sur Belisario. op. 27 (1 r. 43 c.). Fantaisie sur l'opéra: Ne touchez pas à la reine. op. 31 (1 r. 72 c.).
- HENSELT.** Grand concerto. op. 16 (3 r. 72 c.). 2e Impromptu. op. 17 (75 c.). Quatre romances sans paroles. op. 18 (1 r.). Romance de Thal transcrite (75 c.).
- HERZ.** Les célébrités du jour. Six grandes valses brillantes. op. 157 (1 r. 43 c.). Variations brillantes et grande fantaisie sur des airs nationaux américains. op. 158 (1 r. 72 c.).
- HUENTEN.** Rondeau sur l'opéra: le bouquet de l'infante. op. 152 (1 r.). Fantaisie sur l'opéra: la fille du régiment. op. 153 (1 r.). Rondino sur une Tyrolienne de Donizetti. op. 154 (1 r.). Fantaisie sur des thèmes de l'opéra: le maçon. op. 155 (1 r.). Rondeau sur Christophe Colomb de David. op. 156 (1 r.). Pensées italiennes. Deux fantaisies brillantes. op. 157. № 1. Thème de Donizetti. № 2. Thème de Bellini (chaque 1 r.).
- KULLAK.** Le carnaval de Venise, avec dix-huit métamorphoses d'Ernst et Paganini (1 r. 43 c.). Cavatine de l'opéra: la dame blanche

- troussée (1 r. 15 c.). Chant d'Ossian. Mowraa fantastique. op. 26 (1 r. 43 c.).
- LECARPENTIER.** Bagatelle sur l'opéra: Guillaume Tell (75 c.).
- LEWY.** Les bohémiens. Mélodies russes: « На зартъ ты ея не бумъ - и - Вотъ не укажъ маюдемъ мастръ », transcrits. op. 27 (1 r.).
- LINET.** Éloge sur des motifs du prince Louis de Prusse (1 r. 15 c.).
- MAYER.** 3e capriccio. op. 67 (85 c.). Valse brillante. op. 94 (1 r. 15 c.). Allegro di bravura. op. 102 (1 r. 72 c.).
- MEYER.** Air bohémien russe transcrit et varié (75 c.). Airs russes. Fantaisie. op. 43 (1 r. 15 c.).
- OSBORNE.** La pluie de perles. Grande valse. (85 c.).
- PRUDENT.** Fantaisie sur l'opéra: la Juive. op. 26 (2 r.). Etude de concert. op. 26 (1 r. 15 c.).
- ROSSELEN.** Ne touches pas à la reine.-Fantaisie. op. 97 (1 r. 43 c.). Fantaisie brillante sur Christophe Colomb de David. op. 99 (1 r. 72 c.). Fantaisie sur l'opéra: le bouquet de l'infant. op. 99 (1 r. 43 c.). Fantaisie brillante sur l'opéra: Guillaume Tell. op. 100 (2 r.).
- SCHAD.** Divertissement sur des motifs de l'opéra: Gemma di Vergy (85 c.).
- THALBERG.** Decameron. № 5. Fantaisie sur des mélodies de F. Schubert. op. 57 (1 r. 15 c.).
- VOSS.** Fantaisie sur des motifs de l'opéra: les Hagenmots (1 r.).
- WILLMERS.** Die Windsbeut. Fantasiestück. op. 52 (1 r. 72 c.). Un rêve d'amour. Nocturne. op. 65 (1 r. 15 c.).
- WOLFF.** Tarantelle. op. 146 (1 r. 29 c.).

Школы для разныхъ инструментовъ.

- ALMENRAEDER.** Die Kunst des Fagottblasens, oder vollständige theoretisch-praktische Fagottschule. Méthode complète de Basson (8 r.).
- BAILLOT.** L'art du violon. Nouvelle méthode. Die Kunst des Violinspiels. Neue Violinschule (13 r.).
- BAILLOT, LEVASSEUR, CATEL et BAUDIOT.** Méthode de violoncelle. Violoncelleschule, französisch und deutsch (4 r. 85 c.).
- BAUDIOT.** Méthode complète de violoncelle (françaisch und deutsch). En deux parties (12 r. 85 c.).
- BERIT.** Méthode complète de clarinette (10 r.).
- BLATT.** Die Kunst des Oboiettenblasens, oder vollständige theoretisch-praktische Clarinetschule. Méthode complète de clarinette (8 r. 58 c.).
- CAMPAGNOLI.** Nouvelle méthode de la mécanique progressive du jeu du violon, divisée en cinq parties et distribuée en 132 leçons pro-

- grosses pour deux violons et 118 études pour un violon seul.
Texte français et allemand (10 r. 29 c.).
- GARCASSI.** Méthode complète pour la guitare à six cordes. Vollständige Gitarrenschule (6 r. 85 c.).
- CADULLA.** Méthode pour la guitare. Vollständige Gitarrenschule. Neue Ausgabe von Bohrowicz (1 r. 72 c.).
- DOTZAUER.** Méthode pratique du violoncelle. Praktische Violoncelleschule. op. 155 en quatre parties (6 r. 85 c.).
- DUPORT.** Essai sur le doigté du violoncelle et sur la conduite de l'archet (français et allemand) (10 r. 58 c.).
- FUERSTENAU.** Flötenschule. op. 42 (5 r. 15 c.). Die Kunst des Flötenspiels in theoretisch-praktischer Beziehung dargestellt. op. 138 (13 72 c.).
- HUGO et WUNDERLICH.** Méthode de flûte. Flötenschule (4 r. 29 c.).
Школа для флейты. Переводъ съ французскаго (2 r.).
- KRAEMER.** Neueste theoretisch-praktische Czackenschule (1 r. 72 c.).
- LEE.** Méthode complète de violoncelle. Violoncelleschule (4 r.).
- NEUBIRCHNER.** Theoretisch-praktische Anleitung zum Fagottspiel, oder allgemeine Fagottschule (4 r. 29 c.).
- RODE, KREUTZER et BAILLOT.** Méthode de violon (3 r. 43 c.). Violinschule (3 r. 43 c.). Скрипичная школа (3 r.).
- SELLNER.** Theoretisch-praktische Oboeschule (19 r. 43 c.).
- СНУГА.** Теоретическая и практическая школа для семиструнной гитары (3 r.).
- SLAMA.** Contrabass-Schule in 30 leichtfasslichen und gründlichen Lektionen (2 r. 85 c.).
- SQUSSMANN.** Praktische Flötenschule in vier Abtheilungen. op. 54 (9 r. 15 c.).
- SPOHR.** Violinschule mit erläuternden Kupferplatten (17 r. 15 c.).

(Выписывающіе ноты на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромя того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этою пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы она ни были изданы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла четвертая тетрадь «Нувеллиста», которая содержитъ въ себѣ: Voss. Choeur de la Norma. Improvisation. —

Kalkbrenner. Etude de concert. — Schwethoff. Styrienne originale. — Ravin. Nocturne. — Litloff. Mazurka mélancolique. — Lumbye. Galop arabe. — Kasinsky. Polka-Mazurka. — Seyer. I Puritani. Bodeau. — Duvvernoy. Fantaisie sur un thème de Bellini. — Романусъ. Романсъ. — Венюлдъ. Romance. — МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ, № 4. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкой 11 руб. 50 коп. сереб.).

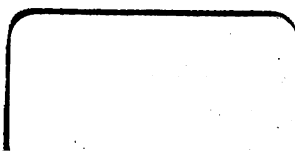
МОДЫ.

— Последніе дни Великаго Поста — мертвое время для моды. Неожиданное наступленіе весны на сѣверѣ въ началѣ марта составляетъ между тѣмъ въ большое затрудненіе особъ, тщательно слѣдующихъ за ихъ движеніемъ. Шляпки и плащи — главный вопросъ въ эту минуту, вопросъ не терпящій отлагательства; а парижскія модныя картинки всё-еще продолжаютъ давать большыя платья. Судьба шляпокъ еще не рѣшена. Немногія шляпки, изображенныя въ парижскихъ картинкахъ, находятся еще en régragation. Это еще — прѣкты шляпокъ. Онѣ сохраняютъ прошлогоднюю форму, почти безъ примѣтнаго измѣненія, и убраны лентами или цвѣтами, но болѣе всего перьями и длинными, откидными воллетками изъ гладкаго тюлю.

— О плащахъ и весеннихъ мантияхъ вѣтъ ни какихъ вѣстій.

— Платья, для гулянія, и для дому, съ высокимъ лифомъ, вѣютъ вообще круглыя шнпсы, рукава въ обтяжку и юбки гладкія, безъ всякихъ исторій и украшеній. Такія же юбки видны и въ вырѣзныхъ платьяхъ съ короткими рукавами и съ острыми шнпсомъ. Агранты и нашивки исчезаютъ. Простота этихъ рядовъ добродѣтельна до невѣроятности, и говорятъ, что даже перья скоро будутъ брошены.

JAN 24 1957

MANUEL HABITANTS DE LA CAMPAGNE et bonne fermière, contenant tous les moyens de faire valoir, de la manière la plus profitable, les terres, le bétail, les récoltes, etc., par madame Celnart. 1 vol.	— 75
HERBORISTE, épicier-droguiste, grainier-pépiniériste et horticulteur, par MM. Tollard et Julia de Fontenelle. 2 gros vol.	2 —
HISTOIRE NATURELLE, ou genre complet des animaux, des végétaux et des minéraux. 2 gros vol.	2 —
ATLAS pour la botanique, composé de 120 planches. Figures noires,	5 15
figures coloriées.	10 30
pour les mollusques, représentant les mollusques nus et les coquilles. 51 planches. Figures noires,	2 —
figures coloriées	4 —
pour les crustacés, 18 planches. Figures noires,	— 85
figures coloriées.	1 70
pour les insectes, 110 planches. Figures noires,	4 85
figures coloriées.	9 70
pour les mammifères, 80 planches. Figures noires,	3 45
figures coloriées.	6 90
pour les minéraux, 40 planches. Figures noires,	1 70
figures coloriées.	3 40
pour les oiseaux, 129 planches. Figures noires,	5 70
figures coloriées.	14 15
pour les poissons, 155 planches. Figures noires,	6 85
figures coloriées.	13 70
pour les reptiles, 54 planches. Figures noires,	2 55
figures coloriées.	5 15
pour les zoophytes, représentant la plupart des vers et des animaux-plantes, 25 planches. Figures noires,	1 70
figures coloriées.	3 40

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро).

Новыя пьесы для фортепiano.

BENEDICT. Réverie. op. 39 (85 c.).

BERTINI. Trois solos: № 1. Allegro agitato. № 2. Allegretto grazioso. № 3. Rondo alla Polacca (chaque 85 c.).

- BERNARD.** Air russe favori: «He oма во порт дороженька», varié (1 r.).
- BEYER.** Morceau de salon sur Adelaïde, de L. van Beethoven (1 r. 43 c.).
 — Heures de loisir. Collection de rondeaux sur des danses favorites.
 op. 92 liv. 1 à 6 (chaque 72 c.).
 — Album 1848. Six morceaux élégants. op. 96 (3 r.).
- BRUNNER.** Trois petits rondeaux. op. 107. № 1. Norma (72 c.). № 2.
 Zampa (72 c.). № 3. Torquato Tasso (72 c.).
- BURGMUELLER.** Fantaisie sur une cavatine de Rossini. op. 96. № 1.
 (1 r.). Valse sur des motifs favoris de Rossini. op. 96. № 2. (1
 r.). Valse favorite du ballet Paquita (75 c.).
- CHOPIN.** Trois mazurkas. op. 63 (1 r. 15 c.). Trois valses. op. 64 (1 r.
 72 c.). Valse favorite tirée de l'op. 64 (50 c.).
- CRAMER.** Le doux souvenir. Pensée (72 c.). Impromptu (72 c.).
- CZERNY.** Fleurs mélodiques. Douze pièces de différents caractères. op.
 791 liv. 1. 2. (chaque 1 r. 29 c.).
- DREYSCHOCK.** Souvenir de Berlin. Bluettes. op. 41 (1 r. 29 c.). † Zum
 Wintermärchen. Rapsodie. op. 40 (1 r. 15 c.). Morceau caracté-
 ristique. op. 45 (1 r. 15 c.). Rapsodie. op. 46 (1 r.). Andantino
 et allegro appassionato. op. 47 (1 r. 15 c.). Andantino con varia-
 zione. op. 51 (1 r.).
- DOEHLER.** La suppliante. Ballade. op. 65 (75 c.). Grande fantaisie bril-
 lante sur la Somnambula. op. 66 (3 r.).
 — La dansante. Grande valse brillante. op. 67 (85 c.).
- GOLDSCHMIDT.** Fantaisie sur l'opéra Don Pasquale (1 r. 43 c.).
- GORIA.** Fantaisie de concert sur Belisario. op. 27 (1 r. 43 c.). Fantaisie
 sur l'opéra: Ne touchez pas à la reine. op. 31 (1 r. 72 c.).
- HENSELT.** Grand concerto. op. 16 (3 r. 72 c.). 2e Impromptu. op. 17
 (75 c.). Quatre romances sans paroles. op. 18 (1 r.). Romance de
 Thal transcrite (75 c.).
- HERZ.** Les célébrités du jour. Six grandes valses brillantes. op. 157 (1
 r. 43 c.). Variations brillantes et grande fantaisie sur des airs na-
 tionaux américains. op. 158 (1 r. 72 c.).
- HUBENTEN.** Rondeau sur l'opéra: le bouquet de l'infante. op. 152 (1 r.).
 Fantaisie sur l'opéra: la fille du régiment. op. 153 (1 r.). Ronde-
 no sur une Tyrolienne de Donizetti. op. 154 (1 r.). Fantaisie sur des
 thèmes de l'opéra: le maçon. op. 155 (1 r.). Rondeau sur Chris-
 tophe Colomb de David. op. 156 (1 r.). Pensées italiennes. Deux
 fantaisies brillantes. op. 157. № 1. Thème de Donizetti. № 2.
 Thème de Bellini (chaque 1 r.).
- KULLAK.** Le carnaval de Venise, avec dix-huit métamorphoses d'Ernst
 et Paganini (1 r. 43 c.). Cavatine de l'opéra: la dame blanche

transcrit (1 r. 15 c.). Chant d'Ossian. Morceau fantastique. op. 26 (1 r. 43 c.).

LECARPENTIER. Bagatelle sur l'opéra: Guillaume Tell (75 c.).

LEWY. Les bohémiens. Mélodies russes: « Ha zapř tu cě ne bymъ nъ - Bora ne janzě masocema macra », transcrites. op. 27 (1 r.).

LINET. Éloge sur des motifs du prince Louis de Prusse (1 r. 15 c.).

MAYER. Je capriccio. op. 87 (85 c.). Valse brillante. op. 94 (1 r. 15 c.). Allegro di bravoura. op. 102 (1 r. 72 c.).

MEYER. Air bohémien russe transcrit et varié (75 c.). Airs russes. Fantaisie. op. 43 (1 r. 15 c.).

OSBORNE. La pluie de perles. Grande valse. (85 c.).

PRUDENT. Fantaisie sur l'opéra: la Juive. op. 26 (2 r.). Etude de concert. op. 26 (1 r. 15 c.).

ROSSELEN. Ne touches pas à la reine. Fantaisie. op. 97 (1 r. 43 c.).

Fantaisie brillante sur Christophe Colomb de David. op. 98 (1 r.

72 c.). Fantaisie sur l'opéra: le bouquet de l'infant. op. 99 (1 r.

43 c.). Fantaisie brillante sur l'opéra: Guillaume Tell. op. 100 (2 r.).

SCHAD. Divertissement sur des motifs de l'opéra: Gemma di Vergy (85 c.).

THALBERG. Decameron. M. 5. Fantaisie sur des mélodies de F. Schubert. op. 57 (1 r. 15 c.).

VOSS. Fantaisie sur des motifs de l'opéra: les Hagenbots (1 r.).

WILLMERS. Die Windsbeut. Fantasiestück. op. 52 (1 r. 72 c.). Un rêve d'amour. Nocturne. op. 55 (1 r. 15 c.).

WOLFF. Tarantelle. op. 148 (1 r. 29 c.).

Школы для разныхъ инструментовъ.

ALMENRAEDER. Die Kunst des Fagottblasens, oder vollständige theoretisch-praktische Fagottschule. Méthode complète de Basson (Fr.).

BAILLOT. L'art du violon. Nouvelle méthode. Die Kunst des Violinspiels. Neue Violinechule (13 r.).

BAILLOT, LEVASSEUR, CATEL et BAUDIOT. Méthode de violoncelle. Violoncelleschule, französisch und deutsch (4 r. 85 c.).

BAUDIOT. Méthode complète de violoncelle (françaisch und deutsch). En deux parties (12 r. 85 c.).

BERL. Méthode complète de clarinette (10 r.).

BLATT. Die Kunst des Clariettenblasens, oder vollständige theoretisch-praktische Clarinetschule. Méthode complète de clarinette (8 r. 58 c.).

CAMPAGNOLI. Nouvelle méthode de la mécanique progressive du jeu du violon, divisée en cinq parties et distribuée en 132 leçons pro-

- grosses pour deux violons et 118 études pour un violon seul. Texte français et allemand (10 r. 29 c.).
- CARCASSI.** Méthode complète pour la guitare à six cordes. Vollständige Gitarrenschule (6 r. 85 c.).
- CARDULL.** Méthode pour la guitare. Vollständige Gitarrenschule. Neue Ausgabe von Behrwinz (1 r. 72 c.).
- DOTZAUER.** Méthode pratique du violoncelle. Praktische Violoncellenschule. op. 155 en quatre parties (6 r. 85 c.).
- DUPORT.** Essai sur le doigté du violoncelle et sur la conduite de l'archet (français et allemand) (10 r. 58 c.).
- FUERSTENAU.** Flötenschule. op. 42 (5 r. 15 c.). Die Kunst des Flötenspiels in theoretisch-praktischer Beziehung dargestellt. op. 138 (13 72 c.).
- HUGO et WUNDERLICH.** Méthode de flûte. Flötenschule (4 r. 29 c.).
- Школа для флейты. Переводъ съ французскаго (2 r.).
- KRAEMER.** Neueste theoretisch-praktische Czakanschule (1 r. 72 c.).
- LEE.** Méthode complète de violoncelle. Violoncellenschule (4 r.).
- NEUBIRCHNER.** Theoretisch-praktische Anleitung zum Fagottspiel, oder allgemeine Fagottschule (4 r. 29 c.).
- RODE, KREUTZER et BAILLOT.** Méthode de violon (3 r. 43 c.). Violinschule (3 r. 43 c.). Скрипичная школа (3 r.).
- SELLNER.** Theoretisch-praktische Oboenschule (19 r. 43 c.).
- СНХГА.** Теоретическая и практическая школа для седмструнной гитары (3 r.).
- SLAMA.** Contrabass-Schule in 30 leichtfasslichen und gründlichen Lektionen (2 r. 85 c.).
- SQUSSMANN.** Praktische Flötenschule in vier Abtheilungen. op. 54 (9 r. 15 c.).
- SPOHR.** Violinschule mit erläuternden Kupfer tafeln (17 r. 15 c.).

(Выписывающіе нотъ на суммъ не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентомъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромя того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кимъ бы они ни были изданы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла четвертая тетрадь «Пувеллиста», которая содержитъ въ себѣ: Voss. Choeur de la Norma. Improvisation. —

Kalkbrenner. Etude de concert. — Schulhoff. Styrienne originale. — Ravina. Nocturne. — Litloff. Mazurka mélancolique. — Lumbye. Galop arabe. — Kazinsky. Polka-Mazurka. — Boyer. I Puritani. Rondeau. — Duvvernoy. Fantaisie sur un thème de Bellini. — Романусъ. Романс. — Donoldi. Romance. — МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПИИ-БАВЛЕНІЕ, № 4. (Головая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сереб.).

МОДЫ.

=

— Последніе дни Великаго Поста — мертвое время для моды. Неожиданное наступленіе весны на сѣверѣ въ началѣ марта поставилъ между тѣмъ въ большое затрудненіе особъ, тщательно слѣдующихъ за ихъ движеніемъ. Шляпки и плащи — главный вопросъ въ эту минуту, вопросъ не терпящій отлагательства; а парижскія модныя картинки всё-еще продолжаютъ давать балыныя платья. Судьба шляпокъ еще не рѣшена. Немногія шляпки, изображенныя въ парижскихъ картинкахъ, находятся еще en préparation. Это еще — проекты шляпокъ. Онѣ сохраняютъ прошлогоднюю форму, почти безъ примѣтнаго измѣненія, и убраны лентами или цвѣтами, но болѣе всего перьями и длинными, откидными воалетками изъ гладкаго тюлю.

— О плащахъ и весеннихъ мантияхъ вѣтъ не какихъ извѣстій.

— Платья, для гулянія, и для дому, съ высокимъ лефомъ, имѣютъ вообще круглыя шнппы, рукава въ обтяжку и юбки гладкія, безъ всякихъ исторій и украшеній. Такія же юбки видны и въ вырѣзныхъ платьяхъ съ короткими рукавами и съ острыми шнппомъ. Аграманты и нашивки исчезаютъ. Простота этихъ нарядовъ добродѣтельна до невѣроятности, и говорятъ, что даже перья скоро будутъ брошены.

=

JAN 24 1957

